СОЧИНЕНІЯ
К. Н. БАТЮШКОВА.

Ист. Отд. № 244.
Языкознание

СОЧИНЕНІЯ

К. Н. БАТЮШКОВА.

ИЗДАНЫ

П. Н. Батюшковымъ.

со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Сантовымъ.

ТОМЪ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) Котомина, у Обуховскаго моста, № 93.
1886.

СОЧИНЕНІЯ

К. Н. БАТЮШКОВА.

ИЗДАНЫ

П. Н. Батюшковымъ.

СО СТАТЬЕЮ О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ К. Н. БАТЮШКОВА, НАПИСАННОЮ Л. Н. МАЙКОВЫМЪ, И ПРИМѢЧАНІЯМИ, СОСТАВЛЕННЫМИ ИМЪ ЖЕ И В. И. САНТОВЫМЪ.

ТОМЪ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) Котомина, у Обуховскаго моста, № 93.
1886.

Wyższa Szkoła Pedagogiczna
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
Kielce

098270

Оглавленіе.

Письма [1]).

				Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
		1797.			
Іюля	6-го.	Сестрамъ.	Петербургъ . . .	1	597
		1800.			
Февраля	1-го.	Отцу.	Петербургъ . . .	„	„
Ноября	11-го.	„	„	2	598
		1807.			
Февраля	17-го.	Отцу.	Петербургъ . . .	4	„
Марта	2-го.	Н. И. Гнѣдичу.	Нарва	6	599
„	19 го.	„ „ „	Рига	7	„
Мая	11-го.	Н. А. Оленину.	Шавли	10	600
Іюня	—	Н. И. Гнѣдичу.	Рига	12	602
„	17-го.	Сестрамъ.	„	14	„
Іюля	12-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	15	603
		1808.			
Іюня	1-го.	Н. И. Гнѣдичу.	На походѣ въ Финляндію.	17	„
Августа	7 го.	„ „ „	„ „ „ „	18	„

[1]) Нѣкоторыя письма оказались датированными въ текстѣ невѣрно; невѣрности эти указаны въ примѣчаніяхъ и исправлены въ оглавленіи, которое такимъ образомъ составляетъ и полный хронологическій перечень писемъ.

				Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
1808.					
Сентября	—октября.	Н. И. Гнѣдичу.	На походѣ въ Финляндію.	19	603
Ноября	1-го.	А. Н. Батюшковой.	Иденсальми . . .	„	604
„	„	Н. И. Гнѣдичу.	„	21	„
Декабря	8-го.	Сестрамъ.	Гамлекарлеби . .	22	605
„	—	Н. И. Гнѣдичу.	„	24	„
„	25 го.	„ „ „	Ваза	„	„
1809.					
Марта	24-го.	А. Н. Оленину.	Надендаль . . .	25	606
„	28-го.	Сестрамъ.	„ . . .	27	607
Апрѣля	1-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„ . . .	29	„
„	12-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	30	„
Мая	3-го.	„ „ „	Або	32	608
„	„	Н. И. Гнѣдичу.	„	33	„
Іюля	1-го.	Сестрамъ.	Петербургъ . . .	36	610
Августа	4-го.	Н. И. Гнѣдичу.	Деревня	38	611
„	19-го.	„ „ „	„	39	612
Сентября	6-го.	„ „ „	„	41	613
„	19-го.	„ „ „	„	46	617
Сентября	—октября.	„ „ „	„	49	619
Ноября	1-го.	„ „ „	„	51	620
„	23-го.	А. Н. Оленину.	„	58	626
„	конецъ.	Н. И. Гнѣдичу.	„	60	627
Декабря	„	„ „ „	Вологда	69	634
1810.					
Января.		А. Н. Батюшковой.	Москва	71	634
„	16-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	72	635
„		А. Е. Измайлову.	„	74	636
Февраля	1-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	„	„
„	9-го.	„ „ „	„	75	„
„	середина.	„ „ „	„	77	639
„	19-го.	А. Н. Батюшковой.	„	79	640
Марта	17-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	81	„
„	23-го.	„ „ „	„	82	„
Апрѣля	1-го.	„ „ „	„	83	„

1810.

			Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
Апрѣля 18-го.	А. Н. Батюшковой.	Москва	578	640
Мая 3-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	88	642
„ 4-го.	А. Н. Батюшковой.	„	91	„
„ —	Н. И. Гнѣдичу.	„	92	643
„ 11-го.	А. Н. Батюшковой.	„	94	„
„ 13-го.	„ „ „	„	96	„
„ 23-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	97	644
Іюля 26-го.	В. А. Жуковскому.	Деревня	98	„
Сентября. —	Н. И. Гнѣдичу.	„	45	615
„ 30-го.	„ „ „	„	100	645
Октября—ноября.	„ „ „	„	62	629
Октября—декабря.	Н. И. Гнѣдичу.	„	104	645
Декабря. —	„ „ „	Вологда	107	„
„ конецъ.	„ „ „	Деревня	66	633

1811.

Января 26 го.	Н. И. Гнѣдичу.	Вологда	108	645
Февраля—марта.	„ „ „	Москва	110	646
Марта 13-го.	„ „ „	„	111	647
Апрѣля 1-я половина.	„ „ „	„	116	650
„ 24-го.	А. Н. Батюшковой.	„	118	651
„ конецъ.	Н. И. Гнѣдичу.	„	119	„
Мая 6-го.	„ „ „	„	122	657
„ 11-го.	„ „ „	„	124	659
„ 29-го.	„ „ „	Фили	126	664
Марта—мая.	Е. Г. Пушкиной.	Москва	129	665
„ „	„ „ „	„	„	„
Мая —	„ „ „	„	130	„
„ —	„ „ „	„	131	„
Іюля —	Н. И. Гнѣдичу.	Деревня	„	„
Августа —	„ „ „	„	134	667
„ 26-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„	137	668
Августа—сентября.	„ „ „ „	„	138	„
„ „	Н. И. Гнѣдичу.	„	140	669
Сентября 9-го—12-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„	143	„
Октября —	Н. И. Гнѣдичу	„	144	670

				Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
		1811.			
Октября	17-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	Деревня	146	671
Ноября	7 го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	148	672
„	27-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	151	„
„	исходъ.	Кн. П. А. Вяземскому.	„	152	673
Ноября 27 — декабря 5.		Н. И. Гнѣдичу.	„	155	677
Декабря	19-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„	165	678
„	29-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	169	681
		1812.			
Февраля	16-го.	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ . . .	172	681
„	27-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . .	216	702
Апрѣля	начало.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	174	682
„	12 го.	„ „ „	„ . . .	176	684
„	„	В. А. Жуковскому.	„ . . .	177	„
Мая	1 го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	179	„
„	5-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . .	182	„
„	10-го.	„ „ „ „	„ . . .	183	685
„	17 го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	186	694
Іюня	—	В. А. Жуковскому.	„ . . .	187	„
Іюня — іюля	—	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	191	„
Іюля	1-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . .	192	695
„ 1 я	половина.	„ „ „ „	„ . . .	194	„
„	21-го.	„ „ „ „	„ . . .	195	„
Августа	9-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	196	„
„	„	Д. В. Дашкову.	„ . . .	198	696
„	16 го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	201	698
„	2-я половина.	Кн. П. А. Вяземскому.	Москва	202	„
Сентября	7-го.	Н. И. Гнѣдичу.	Володиміръ . . .	203	„
Октября	3-го.	„ „ „	Н.-Новгородъ . .	204	699
„	„	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . .	205	„
„	—	Н. И. Гнѣдичу.	„ . .	208	700
„	27 го.	Отцу.	„ . .	213	701
Ноября	средина.	Е. Г. Пушкиной.	„ . . „		„
		1813.			
Января	—	Н. Ѳ. Грамматину.	Вологда	214	701
„	24-го.	Сестрамъ.	Н.-Новгородъ . .	215	702

				Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
1813.					
Марта	4-го.	Е. Г. Пушкиной.	Петербургъ . . .	219	703
„	21-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . .	221	„
Апрѣля	1-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	222	704
„	24-го.	„ „ „	„ . . .	223	„
Мая	3-го.	А. Н. Оленину.	„ . . .	224	„
Мая	17 го.	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ. . .	225	704
Іюня	10-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . .	226	„
„	30 го.	В. А. Жуковскому.	„ . .	229	705
„	„	Е. Г. Пушкиной.	„ . .	230	706
Іюля	14-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . .	232	„
Сентября	—октября.	Н. И. Гнѣдичу.	Теплицъ . . .	233	„
Октября	30-го.	„ „ „	Веймаръ . . .	235	707
Ноября	10-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	243	„
Декабря	31-го.	Н. И. Гнѣдичу.	Д. Фонтень. . .	246	708
1814.					
Марта	27-го.	Н. И. Гнѣдичу.	Juissi-sur-Seine .	249	708
Апрѣля	25-го.	Д. В. Дашкову.	Парижъ. . . .	257	„
Апрѣля	—мая.	Отцу.	„	264	710
Мая	3-го.	Е. Г. Пушкиной.	„	266	„
„	17-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	271	711
„	„	Кн. П. А. Вяземскому.	„	272	„
Іюня	19-го.	Д. П. Сѣверину.	Готенбургъ. . .	274	„
Іюля	17-го.	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ. . .	284	„
„	27-го.	„ „ „	„ . .	286	„
Августа	„	„ „ „	„ . .	288	712
Сентября	21-го.	„ „ „	„ . .	290	713
Октября	4-го.	„ „ „	„ . .	293	„
„	13-го.	„ „ „	„ . .	295	„
Октября	—ноября.	А. Н. Батюшковой.	„ . .	297	„
Октября	—ноября.	А. И. Тургеневу.	„ . .	299	„
Ноября	3-го.	В. А. Жуковскому.	„ . .	302	„
„	13-го.	Г жѣ Петиной.	„ . .	307	714
1815.					
Января	29-го.	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ. . .	309	714
Февраля	—	Е. О. Муравьевой.	Деревня. . . .	310	„

			Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
1815.				
Февраля—мая.	Кн. П. А. Вяземскому.	Деревня. . . .	311	715
Мая 3-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	314	„
„ 21-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	315	„
Іюня 6-го.	„ „ „	„	316	„
Іюня 1-я половина.	Н. И. Гнѣдичу.	„	318	716
„ —	М. Е. Лобанову.	„	320	„
Іюля 10-го.	Н. И. Гнѣдичу.	Каменецъ . . .	331	„
„ 13 го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	333	„
Іюля—августа.	А. Н. Батюшковой.	„	„	„
Августа 1-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	334	„
„ —	„ „ „	„	335	717
„ 11-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	338	„
„ „	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	340	„
„ —	В. А. Жуковскому.	„	344	718
Сентября 29 го.	А. Н. Батюшковой.	„	347	719
Октября 7-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	348	„
„ 12-го.	А. Н. Батюшковой.	„	349	„
Ноября 4-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	350	„
„ 19-го.	А. Н. Батюшковой.	„	351	„
Декабря 12-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	355	„
„ средина.	В. А. Жуковскому.	„	356	„
„ 17-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	361	721
„ 23-го.	А. Н. Батюшковой.	„	362	„
„ 26-го.	„ „ „	„	365	„
1816.				
Января 7-го.	А. Н. Батюшковой.	Москва	365	721
„ средина.	А. И. Тургеневу.	„	366	„
„ 20-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	368	722
„ 30-го.	„ „ „	„	369	723
Февраля —	Кн. П. А. Вяземскому.	„	370	„
„ —	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	373	724
„ 16-го.	А. Н. Батюшковой.	„	„	725
Марта начало.	„ „ „	„	375	„
Марта 3-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	Москва	376	725
„ —	„ „ „	„	„	„

1816.

			Стр текста	ницы примѣчаній.
Марта 14 го.	А. Н. Батюшковой.	Москва	377	725
„ 19-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	378	726
„ 20-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	„	„
„ 29-го.	А. Н. Батюшковой.	„	380	„
„ конецъ.	В. А. Жуковскому.	„	382	„
Апрѣля 3-го.	А. Н. Батюшковой.	„	384	727
„ „	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	385	„
„ 19-го.	А. Н. Батюшковой.	„	386	728
„ „	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	387	„
Іюля 10-го.	А. Н. Батюшковой.	„	388	„
Августа начало.	Н. И. Гнѣдичу.	„	389	„
„ 6-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	391	730
Сентября начало.	Н. И. Гнѣдичу.	„	393	731
„ 1-я половина.	А. Н. Батюшковой.	„	396	„
„ 17-го.	„ „ „	„	397	„
„ 25-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	399	„
„ —	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	402	„
„ 27-го.	В. А. Жуковскому.	„	403	732
Октября 14-го.	А. И. Тургеневу.	„	405	733
„ 28-го и 29-го.	Н. И. Гнѣдичу.	„	407	„
Ноября 14-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„	410	734
Декабря 4-го.	А. И. Тургеневу.	„	411	„

1817.

Января 14-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	Деревня . . .	413	734
Января—февраля.	„ „ „ „	„ . . .	414	735
Февраля 2-я половина.	Н. И. Гнѣдичу.	„ . . .	416	736
„ 21-го.	„ „ „	„ . . .	418	„
„ 27-го.	„ „ „	„ . . .	„	„
Февраля—марта.	„ „ „	„ . . .	420	„
Марта 4-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . .	426	738
„ 1-я половина.	В. Л. Пушкину.	„ . . .	432	740
„ начало.	А. Н. Батюшковой.	„ . . .	435	741
„ 9-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . .	„	„
Мая —	Н. И. Гнѣдичу.	„ . .	437	„
„ —	„ „ „	„ . . .	440	742

			Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
1817.				
Мая	6-го.	А. Н. Батюшковой.	Москва . . . 442	742
Іюня	4-го.	А. Н. Оленину.	„ . . . 444	„
„	7-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 445	743
„	—	В. А. Жуковскому.	Деревня . . . 446	„
„	23-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . . 450	„
Іюля	3-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	Москва . . . 454	745
„	начало.	Н. И. Гнѣдичу.	Деревня . . . 455	„
„	2-я половина.	„ „ „	„ . . . 459	746
„	23-го.	П. С. Кондыреву.	„ . . . 461	749
Августа	10-го.	И. И. Дмитріеву.	С. Даниловское . 462	750
„	17 го.	А. Н. Батюшковой.	Устюжна . . . 463	„
„	24-го.	„ „ „	Петербургъ. . . 464	„
„	28-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . . 465	„
Августа—сентября.		А. И. Тургеневу.	„ . . . 467	„
Сентября	13-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . . „	„
„	—	А. И. Тургеневу.	„ . . . 469	752
„	—	Е. А. Карамзиной.	„ . . . 470	„
„	29-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 471	„
Октября	начало.	А. И. Тургеневу.	„ . . . 472	„
„	—	И. И. Мартынову.	„ . . . 473	„
„	19-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 474	753
„	26-го.	И. И. Дмитріеву.	„ . . . 475	„
Ноября	начало.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 476	„
„	6 го.	„ „ „	„ . . . 478	„
„	1-я половина.	М. Н. Загоскину.	„ . . . 479	„
„	средина.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 480	„
Ноября	26-го.	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ. . . 481	753
„	27-го.	„ „ „	„ . . . 482	„
Декабря	начало.	„ „ „	Устюжна . . . 483	„
Мѣсяцъ не означенъ.		Неизвѣстному лицу.	— . . . 485	„
Декабря	6-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	Устюжна . . . 486	754
1818.				
Января	1-я половина.	В. А. Жуковскому.	Петербургъ. . . 487	754
„	„ „	„ „ „	„ . . . 488	„
„	24-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 489	„

1818.

			Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
Февраля	начало.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . . 490	755
„	22-го.	И. И. Дмитріеву.	„ . . . 491	„
Марта	—	А. Н. Оленину.	„ . . . 492	„
Мая	—	Н. И. Гнѣдичу.	„ . . . 493	„
„	9-го.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . . „	756
„	11-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 495	757
„	средина.	Е. Ѳ. Муравьевой.	Москва . . . 496	„
„	23-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 497	„
„	исходъ.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„ . . . 498	„
Іюня	начало.	А. И. Тургеневу.	„ . . . 500	„
„	13-го.	„ „ „	„ . . . 502	„
„	„	Е. Ѳ. Муравьевой.	„ . . . 504	758
„	„	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 506	„
„	исходъ.	А. И. Тургеневу.	Полтава. . . . 508	„
„	„	Е. Ѳ. Муравьевсй.	„ . . . 511	„
Іюля	12-го.	„ „ „	Одесса . . . 512	759
„	„	А. И. Тургеневу.	„ . . . 516	„
„	17-го.	А. Н. Оленину.	„ . . . 518	760
„	конецъ.	Н. И. Гнѣдичу.	„ . . . 521	„
„	30-го.	Е. Ѳ. Муравьевой.	„ . . . 522	761
„	„	А. И. Тургеневу.	„ . . . 523	„
Августа	3-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . 525	762
„	„	Н. М. и Е. Ѳ. Муравьевымъ.	„ . . . 527	„
„	„	А. И. Тургеневу.	„ . . . „	„
Августа	26-го.	А. И. Тургеневу.	Москва . . . 530	763
Сентября	10-го.	„ „ „	„ . . . 531	„
Октября—	ноября.	„ „ „	Петербургъ. . . 534	765
„	„	„ „ „	„ . . . „	„
„	„	„ „ „	„ . . . 535	„
Октября	31-го.	И. И. Дмитріеву.	„ . . . 536	„
Ноября	16-го.	А. Н. Батюшковой.	„ . . . „	766
„	2-я половина.	Кн. П. А. Вяземскому.	„ . . . 538	„

1819.

Февраля.		А. Н. Оленину.	Римъ . . . 539	766
Марта	20-го.	А. Н. Батюшковой.	Неаполь . . 545	767

			Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
		1819.		
Марта	24-го.	А. И. Тургеневу. Неаполь. . . .	548	768
Мая	—	С. С. Уварову. „	779	783
„	—	Н. И. Гнѣдичу. „	552	769
„	24-го.	Н. М. Карамзину. „	555	770
Августа	1-го.	В. А. Жуковскому. „	558	„
Сентября	22-го.	А. Н. Батюшковой. „	563	771
		1820.		
Декабря	2-го.	А. Я. Италинскому. Римъ	565	772
		1821.		
Іюля	21 го.	Н. И. Гнѣдичу. Теплицъ . . .	566	772
Августа	14-го.	„ „ „ „ . . .	569	773
Сентября	18-го.	А. Я. Италинскому. Дрезденъ . . .	572	„
Декабря	18-го.	Гр. К. В. Нессельроду. „ . . .	573	„
		1822.		
Февраля	—	Гр. К. В. Нессельроду. Дрезденъ . . .	575	773
Апрѣля	18 го.	„ „ „ „ Петербургъ. . .	576	„
		1823.		
Марта	—	Н. И. Перовскому. Симферополь . .	577	773

Письма, замѣтки и стихи, писанные во время душевной болѣзни.

		1823.		
Мая	17-го.	К. А. Леоненковой. Петербургъ. . .	583	774
Ноября	28-го.	Г. Потапову. „ . . .	„	„
Декабря	12-го.	Гр. К. В. Нессельроду. „ . .	584	„
		1826.		
Марта	11-го.	Е. Г. Пушкиной. Зонненштейнъ. .	585	774
„	28-го.	В. А. Жуковскому. Дрезденъ . .	586	„

				Страницы текста.	Страницы примѣчаній.
		1826.			
—	—	Лорду Байрону.	—	586	774
Май	—	В. В. Ханыкову.	Зонненштейнъ	587	„
Іюля	8-го	А. Г. Гревенсъ.	Вологда	587	775
—	—	Подражаніе Горацію.	„	588	„
—	—	А. Г. Гревенсъ.	„	589	„
Ноября	24-го	„ „ „	„	591	„
		1849.			
Августа	21-го	М. Г. Гревенсу.	Вологда	591	775
Ноября	—	Письмо къ П. И. N.	Вологда	592	„
		1852.			
		Замѣчаніе на басню Крылова: „Крестьяне и рѣка“		593	775
		1853.			
Мая	14-го.	Надпись къ портрету графа Буксгевдена Шведскаго и Финскаго. Она же къ образу графа Хвостова-Суворова		„	„
—	—	„Все Аристотель...“		594	776
Указатель личныхъ именъ					785

Къ этому тому приложены два портрета К. Н. Батюшкова, имъ самимъ набросанные въ письмахъ къ Н. И. Гнѣдичу.

ПИСЬМА.

ПИСЬМА.

I.

Сестрамъ.

6-го іюля 1797 года. (Петербургъ).

Любезные сестрицы! Вы неможете себѣ представить, сколь я сожалѣю, что такъ долгое время не имѣлъ удовольствія получать отъ васъ извѣстія съ новостями о вашемъ здоровьи. Вчерашный день препроводилъ я очень весело у сестрицъ моихъ, которыя въ присудствіи моемъ писали къ вамъ письма съ не весьма великимъ выговоромъ, которой подносятъ онѣ вамъ зато, что вы къ нимъ не пишите, можетъ быть, что сей выговоръ возымѣетъ свое дѣйствіе и произведетъ у васъ желаніе повеселить насъ вашимъ увѣдомленіемъ. Извѣщая васъ о семъ съ почтеніемъ остаюсь вашъ братъ Константинъ Б.

II.

Отцу.

1-го февраля 1800 года. (Петербургъ).

Любезной Папинька! Съ сей оказіей я не преминулъ вамъ сказать, что я, слава Богу, здоровъ. Я ежжу къ Г. Шлатеру по вашему позволенію. Лизавета Пет-

ровна васъ велела попросить ежели вы пришлите масло холстину и медъ то она себѣ хочетъ взять все сіе разпродать ибо ее многіе просили о оныхъ.—При семъ я вамъ посылаю рисунокъ моей работы да надѣюсь къ вашему пріѣзду другой большой кончить, кой я теперь началъ. — Покорно васъ благодарю за 5. кои вы мнѣ прислали. Извините что я такъ мало писалъ право мы теперь въ классахъ. — Завтре я вамъ болѣе напишу. Вашъ покорной сынъ К. Батюшковъ.

P. S. Когда вы пришлите сюда людей то сдѣлайте милость доставте мнѣ бѣлыхъ платковъ ибо у меня мало а всѣ уже стали стары.—Здѣсь нынѣ очень холодно, но такъ было тѣпло, что камни на улицахъ показывались. Способу нѣтъ ѣздить.

III.

Отцу.

11-го ноября (1801 г. Пстербургъ).

Любезной Папинька! Письмо ваше меня совсемъ успокоило, ибо глазная боль ваша, Слава Богу миновалась. Что остается мнѣ желать теперя? Вашъ скорой пріѣздъ. Вы не замедлите оной, и я совершенно буду щастливъ.

Въ свободное время переводилъ я рѣчь Платона, говоренную на случай коронаціи; а какъ она понравилась Платону Аполоновичу, то онъ и хочетъ ее отдать напечатать. Къ оной присоединилъ я посвѣтительное письмо Платону Аполоновичу, которое, такъ и рѣчь, были поправлены Иваномъ Антоновичемъ. Лишь только оная выдетъ изъ печати, то я пришлю вамъ ее и ори-

гиналъ. Я продолжаю французской и Итальянской языки, прохожу Италіянскую Грамматику и учу въ оной глаголы; уже я знаю наизусть довольно словъ. Въ Географіи Иванъ Антоновичъ, истолковавъ нужную матерію, велитъ оную самимъ безъ Его помощи описать; чрезъ то мы даже упражняемся въ штилѣ. Я продолжаю, Любезной Папинька, учиться нѣмецкому языку и перевожу съ Французкаго на оной. Прежній учитель, не имѣя времени ходить къ намъ, отказался; а его мѣсто заступилъ одинъ ученой пасторъ, которой нѣмецкой языкъ въ совершенствѣ знаетъ. Въ Математикѣ прохожу я вторую часть Арифметики, а на будущей недѣлѣ начну Геометрію. Первые правила Россійской Риторики уже прошелъ и теперь занимаюсь переводами. Рисую я большую картину карандашемъ Діану и Ендиміона, которую Анна Николаевна мнѣ прислала, но еще и половины не кончилъ, потому что сія работа ужасно медленна, начатую же картину безъ Васъ кончилъ, и пришлю съ Васильемъ. На гитарѣ играю сонаты.

Пожелавъ вамъ отъ всего моего сердца щастія и здравія, остаюсь навсегда Вашимъ послушнымъ и покорнымъ Константиномъ.

P. S. Я получилъ денги вами присланны и очень васъ благодарю. Никто не плотитъ мнѣ ни копейки и такъ вотъ еще во второй разъ буду Васъ безпокоить. Вы не поверите, что стоитъ прачка, почта, содержаніе Федора и себя, и множество малыхъ расходовъ. Сдѣлайте милость пришлите Геллерта, у меня и одной нѣмецкой книги нѣтъ, также Лексиконы, Сочиненія Ломоносова и Сумарокова, Кандида, Соч. Мерсье, Путешествіе въ Сирію, и попросите у Анны Николаевны какихъ нибудь французкихъ книгъ и оные всѣ съ Ши-

пиловымъ или съ Васильемъ пришлите. И еще 15 р. на другіе нужныя нужные книги.

Поцѣлуйте Сестрицу за меня и сдѣлайте милость скажите ей, что мнѣ нѣтъ времени, а то я бы ей не приминулъ писать. Дай Боже, чтобъ Лизаветѣ лучше было!

Вы, Любезной Папинька, обещали мнѣ подарить вашъ телескопъ; его можно продать и купить книги. Они по крайнѣй мѣрѣ безъ употребленія не останутся.

IV.

Отцу.

17-го февраля 1807 г. (Петербургъ).

Любезный папенька! Я получилъ послѣднее письмо ваше, которымъ вы увѣдомляете меня, что нездоровы. Ахъ, сколь сія вѣсть для меня ужасна, тѣмъ болѣе, что я долженъ буду теперь васъ еще огорчить! Падаю къ ногамъ твоимъ, дражайшій родитель, и прошу прощенія за то, что учинилъ дѣло честное безъ твоего позволенія и благословленія, которое теперь отъ меня требуетъ и Небо, и земля. Но что томить васъ! Лучше объявить все, и Всевышній длань свою простретъ на васъ.

Я долженъ оставить Петербургъ, не сказавшись вамъ, и отправиться со стрѣлками, чтобъ ихъ проводить до арміи. Надѣюсь, что ваше снисхожденіе столь велико, любовь ваша столь горяча, что не найдете вы ничего предосудительнаго въ семъ предпріятіи. Я самъ на сіе вызвался и надѣюсь, что государь вознаградитъ (если того сдѣлаюсь достоинъ) печаль и горесть вашу изліяніемъ къ вамъ щедротъ своихъ. Еще падаю къ ногамъ вашимъ, еще умоляю васъ не сокрушаться.

Боже, уже ли я могу заслужить гнѣвъ моего ангела-хранителя, ибо иначе васъ называть не умѣю!

Надѣюсь, что и безъ меня Михайло Никитичъ сдѣлаетъ все возможное, чтобъ возвратить вамъ спокойствіе и утѣшить послѣдніе дни жизни вашей. Онъ и самъ черезвычайно боленъ къ моему большому огорченію. Я могу сказать безъ лжи, что онъ меня любитъ какъ сына, и что я мало заслуживаю его милости. Теперь буду васъ покорнѣйше просить высылать деньги и письма ваши на имя Александры; она мнѣ будетъ ихъ чрезъ вѣрнѣйшій способъ доставлять, а теперь къ выѣзду моему мнѣ оныя чрезвычайно нужны.

Еще повергаю себя въ ваши объятія и прошу благословленія на дальній путь, который предпріемлю; оно мнѣ нужнѣе и денегъ, и воздуха даже, которымъ дышать буду. Я скоро возвращусь и надѣюсь, что, увидя васъ, изцѣлю всѣ раны моими слезами радости, всѣ раны, нанесенныя вамъ рукою жестокой судьбы. Ахъ, и въ сей часъ я плачу, родитель мой, и въ сей часъ даже образъ твой есть для меня залогомъ любви твоей и твоихъ милостей!

Симъ кончу я письмо мое; поѣздку мою кратковременную отмѣнить уже не можно: имя мое конфирмовано государемъ. Итакъ, прошу васъ именемъ сына вашего, утѣшьтесь и не огорчайтесь краткой поѣздкой въ Польшу.

Бога ради прошу васъ подать мнѣ теперь къ отъѣзду нѣкоторые способы. Пишите ко мнѣ, родитель мой, и дайте мнѣ свое благословленіе, безъ коего я жить не могу; я же съ своей стороны предъ Всевышнимъ пролію рѣки слезъ и испрошу вамъ здравія, спокойствія душевнаго и всѣхъ благъ земныхъ. Послушный сынъ вашъ Константинъ Батюшковъ.

V.

Н. И. Гнѣдичу.

2-го марта 1807 г. Нарва.

Портфель моя уѣхала, и я принужденъ писать на этой бумагѣ изъ Нарвы; усталъ какъ собака, но все пишу, сколько могу. Не забывай, братъ, меня; хоть строку напиши въ Ригу. Я здоровъ какъ корова. Я чай, твой Ахиллесъ пьяный столько вина и водки не пивалъ, какъ я походомъ. Пиши ко мнѣ хоть въ стихахъ; музы меня совсѣмъ оставили за Краснымъ Кабакомъ. Дай хоть въ Ригѣ услышать отголосокъ твоего пѣснопѣнія.

Ужели слышать все докучный барабанъ?
Пусть дружество еще, проникнувъ тихимъ гласомъ,
Хотя на часъ одинъ соединитъ съ Парнасомъ
Того, кто невзначай Ареевъ вздѣлъ кафтанъ
И съ клячей величавой
Пустился кое-какъ за славой.

Вотъ тебѣ impromptu. Лучше не умѣю и не хочу.

Пиши, мой другъ, ко мнѣ; я тебя право люблю душевно, да какъ и не любить того, съ кѣмъ могъ отводить душу съ душой. Хозяинъ мой—Нѣмецъ, не поколотить ли его? А какъ не дастъ кофею? Ну, Богъ съ нимъ! Пусть и собаки въ покоѣ будутъ.

Я тебѣ прилагаю записку къ сестрѣ, возьми у нея 25 р. и выкупи одни часы, а выкупивъ отдай ихъ ей, другіе же пересрочь. Кланяйся всѣмъ знакомымъ въ ноги. Я всѣхъ люблю. Ей Богу! Лаптевича попроси, чтобы приписнулъ. Какова его горячка? Походъ научитъ всему. Я какъ каторжный: люди спятъ, а я изъ

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 ОКТЯБРЯ 1885 Г.

АВТОЛИТОГРАФІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУД. БУМАГЪ.

одного мѣста въ другое. Покоя ни на часъ. Дай кофею напиться.

Что у васъ въ Питерѣ—на Парнассѣ и въ департаментѣ? Напиши мнѣ десть кругомъ. Пусть всѣ пишутъ, я читать стану. Чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше. Прощай.

Можешь письмо сіе показать сестрѣ Александрѣ. Сходи къ ней.

VI.

Н. И. Гнѣдичу.

19-го марта (1807 г.). Рига.

Я получилъ, любезный Николай, твое письмо и порадовался душевно о томъ, что ты меня не позабылъ и любишь, какъ прежде. Ты знаешь, что я чудакъ и не люблю въ глаза льстить, но теперь разлука даетъ мнѣ право сказать тебѣ, что одинъ у меня другъ, и истина сія запечатлѣна въ моемъ сердцѣ на вѣки. Доказательство тому, что я тебя люблю, какъ брата, есть то, что къ тебѣ пишу, одолѣвъ и самую лѣнь, и болѣзнь. Я въ Ригѣ остался за болѣзнію на нѣсколько дней, хотя уже полкъ и очень впереди. Но теперь легче, и поѣду завтра на курьерскихъ догонять дружину. Пиши ко мнѣ, а письма отсылай къ сестрѣ Александрѣ чрезъ купца Ивана Алексѣева. Одно утѣшеніе—говорить съ тобою, хотя на бумагѣ. Да пиши не на листѣ, а на трехъ, не въ одинъ присѣстъ, а во многіе. Всякое слово для меня дорого въ разлукѣ. Вы, петербургскіе баловни, и не чувствуете цѣны писемъ. Закоснѣли въ грязи. Я теперь въ Ригѣ, царствѣ табака и чудаковъ: Нѣмцевъ иначе называть и не можно. Если меня лю-

бишь, то выполни мою просьбу: принеси на жертву какую-нибудь трагедію Шиллера. Я Нѣмцевъ болѣе еще возненавидѣлъ: ни души, ни ума у этихъ тварей нѣтъ. Но Богъ съ ними! Поговоримъ лучше о другомъ. Мнѣ очень нравится военное ремесло. Что будетъ впередъ, Богъ вѣсть. Брани меня, а я штатскую службу ненавижу, чернила надоѣли; а стихи все люблю, хотя они меня не любятъ, и вопреки тебѣ буду у тебя просить стиховъ. Поклонись Меценату-Капнисту. Да скажи ему, что я не только Тасса съ собою не взялъ, но даже нѣтъ ни одного полустишія. А сраженіе опишу вѣрно мѣрою отца Тредіаковскаго и прямо буду безсмертенъ.

Вообрази себѣ меня ѣдущаго на рыжакѣ по чистымъ полямъ, и я счастливѣе всѣхъ королей, ибо дорогою читаю Тасса или что подобное. Случалось, что разкричишься и съ словомъ:

О доблесть дивная, о подвиги геройски!

прямо на бокъ и съ лошади долой. Но это не бѣда! Лучше упасть съ Буцефала, нежели падать, подобно Боброву, съ Пегаса.

Вотъ тебѣ стихи:

По чести мудрено въ саняхъ или верхомъ,
Когда кричатъ: «маршъ, маршъ, слушай» кругомъ,
Писать къ тебѣ, мой другъ, посланья...
Нѣтъ, музы, убоясь со мной свиданья,
Частенько въ Петербургъ иль Богъ знаетъ куда
Изволили сокрыться,
А мнѣ безъ нихъ бѣда!
Кто волкомъ выть привыкъ, тому не разучиться
По волчьи и ходить, и лаять завсегда.
Частенько, погрузясь въ священну думу,
Не слыша барабановъ шуму
И крику рѣзкаго осанистыхъ стрѣлковъ,
Я крылья придаю моей ужасной клячѣ
И—прямо на Парнассъ! Или иначе,

Не говоря красивыхъ словъ,
Очутится предъ мной печальная картина:
Гдѣ вѣтръ со всѣхъ сторонъ въ разбиты окны дуетъ,
И гдѣ любовницу нахмурясь котъ цѣлуетъ,
Тамъ Финна бѣднаго сума
Съ усталыхъ плечъ валится;
Несчастный къ уголку садится
И, слезы утеревъ раздраннымъ рукавомъ,
Догладываетъ хлѣбъ мякинной и голодной...
Несчастный сынъ страны холодной,
Онъ съ голодомъ, войной и Русскими знакомъ!

Вотъ тебѣ стихи!

Государь только откушалъ въ Ригѣ и поѣхалъ далѣе. Здѣшняя уморительная нѣмецкая гвардія встрѣчала его верхомъ. Я этого не видалъ, но видѣлъ сихъ героевъ. Они занимаютъ гаубтвахты по всему городу. Карикатуры, какихъ и Брейткопфъ самъ нарисовать не можетъ! Я, увидя ихъ, чуть не умеръ со смѣху. Одѣты очень богато и важничаютъ... Уроды!

Поклонись отъ меня Караулову и попроси, чтобъ писалъ. Лаптевичъ, если не умеръ отъ недуговъ, то вѣрно также что-нибудь намараетъ. Скажи этимъ с—амъ, что я ихъ люблю, хотя они ни м. ч. не стоятъ оба.

Что ты дѣлаешь на Исакіевской площади? Да миръ ниспустится на твою сѣнь! Да съ миромъ пребудутъ твои лары и пенаты, и всѣ домашніе боги, и вся утварь, отъ Гомера до у—ка! Да томная твоя Мальвина, подобно облаку утреннему, ежечасно кропитъ помостъ храма твоего чистѣйшею росою (т. е. .....тъ), и да ты самъ, бардъ именитый, піени чай спокойно съ твоей подругою и обо мнѣ, странникѣ, мыслію въ часы вечерней священной меланхоліи печально веселитеся и проч.!

Постарайся самъ увидѣть сестрицъ и попросить, чтобъ чаще ко мнѣ писали. Да и ты меня не забывай.

Что твой Гомеръ? Что Костровъ? Что греческій языкъ? Напиши мнѣ объ этомъ. Также играютъ ли Донскаго? Что противная партія? Что Озеровъ? Что Каннистъ? Это знать очень интересно.

Мы идемъ, какъ говорятъ, прямо лбомъ на Французовъ. Дай Богъ поскорѣе! Хоть походъ и веселъ, но тяжелъ, особливо въ моей должности. Какъ собака, на всѣ стороны рвусь.

Пожалуйста, не забывай меня и люби, какъ друга. Ни время, ни разстояніе, ни разлука не загладятъ въ душѣ моей чувства дружбы, которое буду къ тебѣ питать. Можетъ быть, нашелъ или найдешь людей, которые будутъ краснѣе говорить, но вѣрно не найдешь никого, кто бы такъ любилъ тебя, какъ я. Прощай.

Кланяйся своей подругѣ и всѣмъ знакомымъ. Теперь спать хочется. Ужиналъ мало: 10 яицъ, да курицу скушать изволилъ.

Константинъ Батюшковъ.

VII.

Н. А. Оленину.

11-го мая 1807 года. Шавли.

Вы вѣрно удивитесь, когда прочитаете вмѣсто Тельша Шавли; но человѣкъ предпринимаетъ, а Богъ располагаетъ. Пришедъ въ Митаву, мнѣ сказали, что теперь ужь войска не идутъ на Тельшъ, а на Шавли, потому что дорога прямая очень дурна, о чемъ я взялъ отъ губернатора бумагу для своего оправданія и пошелъ на Шавли; имѣвъ же повелѣніе отъ его сіятельства идтить на Тельшъ, пойду туда отсюда, хотя и

сдѣлаетъ это крюку около 70 верстъ. Но я боюсь остаться въ Шавли ожидать приказанія, какъ выходить за границу. Признаюсь вамъ, что я бы очень хотѣлъ остаться здѣсь, чтобъ имѣть другую дорогу съ Тверскимъ баталіономъ, который я вездѣ нагоняю, за что Елагинъ сердится. Благодаря Бога, больныхъ у меня противъ другихъ полковъ очень мало; боюсь теперь, чтобъ не случилось чего. Здѣсь частенько прячутъ въ землю и Жидовъ, и Поляковъ. Ну, ужь пришелъ въ землю: ни хлѣба, ни лошадей! Принуждены посылать по деревнямъ своихъ офицеровъ. Не знаю, какъ пойду дальше. По обѣимъ сторонамъ дороги мостовая изъ лошадей, и всему, какъ кажется, причина—худое росписаніе г. губернатора, ибо не даютъ съ другихъ уѣздовъ, а все съ одного. Вчера, читая газеты, увидѣлъ, что Димитрій уже въ продажѣ. Нельзя ли прикомандировать Донскаго на Вислу, чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменнымъ:

Языки, вѣдайте, великъ россійскій Богъ!

Вы не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я приказъ, отданный государемъ по прибытіи его къ арміи. Великъ россійскій Богъ! Здѣсь есть раненые наши Русскіе: никто не даетъ имъ никогда ничего; здѣсь есть три лакея Бернадота: они вездѣ приняты, и ихъ содержатъ, какъ офицеровъ. Прошу эту посылку рѣшить куда вся сумма! Часто вспоминаю я наши бесѣды, и какъ мы критиковали съ вами проклятый музскій народъ!—!!!!! Грусть меня давитъ: скорѣе бы къ арміи! Не забуду объ Хрущовѣ. Не могу понять, что отъ васъ нѣтъ писемъ ни въ Ригу, ни въ Митаву. Вы меня забыли. Не лѣнитесь, хоть строчку, такъ я и доволенъ. Поклонитесь барынѣ

и всему вашему семейству, Озерову, Капнисту, Крылову, Шаховскому. Напомните, что есть же одинъ поетъ,

котораго судьбы премѣны
Заставили забыть источникъ Ипокрены,
Не лиру въ руки брать, но саблю и ружье,
Не перушки чинить, но чистить лишь копье;
Заставили, принявъ солдатскій видъ суровой,
Идтить нахмурившись прескучною дорогой,
Дорогой, гдѣ языкъ похожъ на крикъ звѣрей,
Дорогой грязною, что къ горести моей
Не приведетъ меня во храмъ безсмертны славы,
А можетъ быть, въ корчму, стоящу близь воротъ.

Кончу письмо мое, сказавъ изъ Самозванца Димитрія:

Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ!
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда,
А я здѣсь царствую и мучуся всегда.

Что ваши эскадроны? Я говорю объ офицерахъ. Стрѣлки безподобные. Право, могу показать баталіонъ государю. Что ни скажи, все сдѣлаютъ съ точностію.

VIII

Н. И. Гнѣдичу.

(Іюнь 1807 г. Рига).

Любезный другъ! Я живъ. Какимъ образомъ—Богу извѣстно. Раненъ тяжело въ ногу на вылетъ пулею въ верхнюю часть ляшки и въ задъ. Рана глубиною въ 2 четверти, но не опасна, ибо кость, какъ говорятъ, не тронута, а какъ?—опять не знаю. Я въ Ригѣ. Что могъ вытерпѣть дорогою, лежа на телегѣ, того и по-

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 ОКТЯБРЯ 1885 Г.

АВТОЛИТОГРАФІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУД. БУМАГЪ.

нять не могу. Нашъ баталіонъ сильно потерпѣлъ. Всѣ офицеры ранены, одинъ убитъ. Стрѣлки были удивительно храбры, даже до остервенѣнія. Кто бы это могъ думать? Но Богъ съ ними и съ войной! Что ты ко мнѣ не пишешь? Забылъ, братъ, меня совсѣмъ, а я тебя всегда любилъ; ни время, ни труды, ни биваки тебя не изгладили изъ моей памяти. Пиши, Николай, только не огорчай меня дурными извѣстіями. У меня, какъ у модной дамы, нервы стали раздражительны. Крови какъ изъ быка вышло. Послѣ трудовъ, голоду, ужасной боли (и притомъ ни гроша денегъ) пріѣзжаю я въ Ригу, и что жь? Меня принимаютъ въ прекрасныхъ покояхъ, кормятъ, поятъ изъ прекрасныхъ рукъ: я на розахъ! Благодарность не велитъ писать. Довольно, я счастливъ и не желаю Питера. Говорятъ мои эскулапы, что цѣлый годъ буду хромать. Признаюсь, что на костыляхъ я крайне забавенъ. Хрущовъ поѣхалъ домой; онъ легко задѣтъ. Ахъ, Николай, война даетъ цѣну вещамъ! Сколько разъ, измоченный дождемъ, голодный, на сырой землѣ, я завидовалъ хорошей постели, а теперь— не сытому хвалить обѣдъ! Я пью изъ чаши радостей и наслаждаюсь. Пришли, братъ, своихъ стиховъ ради своей дружбы; надѣюсь, что не откажешь: я оживу. Да если можно какую-нибудь русскую новую книгу въ стихахъ, да Капниста. На колѣняхъ прошу тебя, ты бездѣлицу за это заплатишь.

Адресуй прямо въ Ригу. Пріѣзжай ко мнѣ, Николай, на три дня, и мы бы вмѣстѣ въ Питеръ, когда мое здоровье позволитъ. Я бы тебѣ могъ прислать и денегъ на дорогу. Городъ прекрасный. И мы бы съ тобою обнялись. А? Подумай, да сдѣлай! Усталъ марать. Прощай, ожидаю отвѣта на цѣлой дести.

Вмѣсто имени:

IX.

Сестрамъ.

17-го іюня 1807 г. (Рига).

Mes chères soeurs, grâces à Dieu je me porte assez bien, quoique blessé á la jambe avec une balle, qui m'a traversé les chairs sans entamer l'os. J'ai beaucoup souffert dans mon voyage par la Prusse, mais à présent, grâces au Tout-Puissant, qui a daigné me sauver ou garder la vie, je suis dans une maison la plus hospitalière qui puisse jamais exister. Je respire à la fin. Le médecin est excellent. On m'entoure de fleurs, on me berce comme un enfant. Ah, mes amies, ce que j'ai souffert dans une voie un peu précipitée de Heilsberg, où j'ai été blessé jusqu'à Riga, couché dans une misérable charrette. Mais tout a fini, et je loue l'Éternel de m'avoir conservé la vie pour vous, mes seules et douces amies. Depuis la lettre que Richter m'a remise je n'ai point eu de nouvelles de vous. Écrivez moi à Riga, je compte rester ici deux semaines, et puis venir chez vous, ayant déjà obtenu la permission d'aller à Pétersbourg. Отъ папеньки я не имѣлъ ни одного письма. Каковъ онъ? Здоровъ ли? Писать ли мнѣ къ нему объ ранѣ? Постарайтесь, мои други, послать мнѣ денегъ. Кромѣ тѣхъ, что Alexandrine мнѣ прислала, я отъ васъ не получалъ и нуждаюсь очень, особливо теперь. Любите меня. Поцѣлуйте Вареньку. Александра, не огорчайся, что я раненъ: легко я бы могъ быть и убитымъ; благодари и за то Бога. Ne m'écrivez rien de ce qui puisse me chagriner! Mes nerfs sont devenus faibles, je m'irrite à chaque instant. Ne vous alarmez pas sur ma position présente. Le maître de la maison m-r Müguel

est le plus riche négociant de Riga. Sa fille est charmante, la mère bonne comme un ange, tout cela m'entoure, l'on me fait de la musique. Абраму Ильичу мое почтеніе; поцѣлуй за меня его; я право усталъ писать, да и не велятъ, а мнѣ есть многое о чемъ его просить. Пишите въ Ригу. Прощайте. Не забудьте моей просьбы.

Константинъ.

Адресъ: Милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ ея высокоблагородію Батюшковой. На Васильевскомъ острову, въ 16-й линіи, въ домѣ статскаго совѣтника Гревенса, въ С. Петербургѣ. Подателю дано будетъ 25 копеекъ.

X.

Н. И. Гнѣдичу.

12-го іюля (1807 г. Рига).

Любезный другъ Николай Ивановичъ! Я удивляюсь, что отъ тебя не получилъ до сихъ поръ отвѣта на мое письмо. Ожидаю по крайней мѣрѣ столько длиннаго и широкаго отвѣта, каково добавленіе Энциклопедіи. Мнѣ гораздо легче, хотя одна рана и не закрыта: могу кой-какъ ходить. Но полно все объ себѣ. Поговоримъ и о тебѣ. Каково ты поживаешь, гдѣ и какъ? Что дѣлаешь? Что мечтаешь? Пиши ко мнѣ, мой другъ, болѣе какъ можно; меня все занимаетъ, а ты—болѣе, нежели что другое. Признаюсь, что ты меня мало любишь или лѣнивъ. Въ твоихъ письмахъ мало чистосердечія, да и такъ коротки! Пиши ко мнѣ поболѣе обо всемъ, о Капнистѣ, о Карауловѣ и пр. Что твой Омиръ? Неужели ты его бросилъ? Это стыдно. Пришли мнѣ хоть одну риѳму изъ твоего перевода. Утѣшь меня, пришли Капнистовы сочиненія или что-нибудь новое: меня, какъ ре-

бенка, утѣшишь. Я по возвращеніи моемъ стану тебѣ разсказывать мои похожденія, какъ Одиссей. Закуримъ трубки, да ну—лепетать тихонько у огня. Дѣла протекшихъ лѣтъ, воскресните въ моей памяти! И сладостныя рѣчи потекутъ изъ устъ моихъ... Не правда ли, послушай, мой другъ, мечтать всякому позволено? Поѣдемъ ко мнѣ въ деревню и заживемъ тамъ. Если Богъ исполнитъ живѣйшее желаніе моего сердца, то я съ тобою проведу нѣсколько мѣсяцевъ въ гостепріимной тѣни отеческаго крова. Если же и нѣтъ, то буди Его святая воля. Помнишь ли того, между прочимъ, гвардейскаго офицера, котораго мы видѣли въ ресторацiи, молодца? Онъ убитъ. Вотъ участь наша. Мы также потеряли въ нашемъ баталіонѣ двухъ самыхъ лучшихъ офицеровъ. Ничто такъ не заставляетъ размышлять, какъ частыя посѣщенія госпожи смерти. Ваши братья стихотворцы пусть вѣнчаютъ ее розами; право, она для тѣхъ, которые переживаютъ, не забавна. Напиши мнѣ кстати, говоря о смерти, что дѣлается на бульварахъ, въ саду и проч. Я получилъ отъ Катерины Ѳедоровны письмо. Дядюшка очень видно былъ боленъ, желаетъ меня видѣть. Дай Богъ, чтобъ былъ живъ. Рѣдкій человѣкъ! Ты не знаешь ему цѣны. Напиши мнѣ, каковъ онъ?

Что у васъ происходитъ въ департаментѣ, въ лицеяхъ, въ театрѣ? Я чай перемѣна! Что чинитъ Высокое? O grammaire, abîme immense, tu nous laisses sans clarté. Я въ отечествѣ курительнаго табаку, бутерброду, кислаго молока, газетъ, лакированныхъ ботфортъ и жеманныхъ Нѣмокъ живу весело и мирно; меня любятъ. Хозяйка хороша, а дочь ея прекрасна: плачутъ, что со мной должно разставаться.

Довольно къ тебѣ написалъ; боюсь тебя избаловать, Прощай. Цѣлую тебя заочно. Vivat! К. Батюшковъ.

XI.

Н. И. Гнѣдичу.

1-го іюня 1808 г. (На походѣ въ Финляндіи).

Прерву теперь молчанья узы
Для друга сердца моего.
Давно ты отъ лѣнивой музы
Давно не слышалъ ничего.
И можно ль пѣть моей цѣвницѣ
Въ пустынѣ дикой и пустой,
Куда никакъ нельзя царицѣ
Поэзіи придти младой!
И мнѣ ли пѣть подъ гнетомъ рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?...
Пусть хладныя сердца одни
Средь моря бѣдствій засыпаютъ
И взоръ спокойно обращаютъ
На гробы ближнихъ и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою зміей,
Чтобъ рану нанести жестоку
И непорочности самой.
Но мнѣ ль съ чувствительной душой
Быть въ мірѣ золъ спокойной жертвой
И клеветы, и разныхъ бѣдъ?...
Увы, я знаю, что сей свѣтъ
Могилой созданъ намъ отверстой,
Куда падетъ, сраженъ косой,
И царь съ вѣнчанною главой,
И пастырь, и монахъ, и воинъ!
Ужели я одинъ достоинъ
И вѣчно жить, и быть блаженъ?
Увы, здѣсь всякъ отягощенъ
Ярмомъ печалей и цѣпями,
Которыхъ намъ по смерть руками
Столь слабыми, нельзя сложить!
Но можно ль ихъ, мой другъ, влачить

Безъ слезъ, не сокрушась душевно?
Скорѣе моремъ льзя безбѣдно
На валкой ладіѣ проплыть,
Когда Борей разширитъ крилья,
Безъ вѣтрилъ, снастей и кормилъ
И къ небу взоръ не обратить.
Я плачу, другъ мой, здѣсь съ тобою,
А время молніей летитъ.
Ужь мѣсяцъ свѣтлый надо мною
Спокойно въ озеро глядитъ,
Все спитъ подъ кровомъ майской нощи,
Едва ли водопадъ шумитъ,
Безмолвенъ долъ, вздремали рощи,
Въ которыхъ лучъ луны скользитъ
Сквозь вѣтви, на землю склоненны,
И я, Морфеемъ удрученный,
Прерву цѣвницы скорбный гласъ,
И, можетъ, въ полуночной часъ
Тебя въ мечтѣ, мой другъ, познаю
И разъ еще облобызаю....

Вотъ тебѣ и стихи. Ожидаю хоть словца отъ твоей музы; стыдно бы ей было не отвѣчать, риѳмы намъ ничего не стоятъ. Прости, мой другъ, пиши мнѣ поболѣе. Поклонись Дмитревымъ; я къ нимъ писать буду, но теперь право не въ силахъ. Конст. Б.

XII.

Н. И. Гнѣдичу.

7-го августа (1808 г. На походѣ въ Финляндію).

Я къ тебѣ писать не буду. Ты самъ лѣнивъ. Напечатай эти стихи въ Драм. Вѣстникѣ, чтобы доказать, что я живъ и волею Божіею еще не помре съ печали. Я выбралъ нарочно трудныя мѣста для переводчика. Посланіе къ Тассу тебѣ понравится. Марай

дурное, воля твоя, но пожалѣй немного сіе новорожденное дѣтище. Прости до первой почты.

К. Б.

XIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Сентябрь-октябрь 1808 г. На походѣ въ Финляндію).

Я къ тебѣ не пишу, потому что ты не пишешь ко мнѣ. Отошли сіе письмо къ сестрицамъ. Если есть письма отъ нихъ, то—его высокородію Петру Егоровичу Свѣчину, на Мойкѣ, близь Краснаго моста, то-есть, въ вашей канцеляріи, отдать; онъ, Свѣчинъ, перешлетъ вѣрно ко мнѣ. Потрудись, другъ мой, самъ отдать ему въ руки. Пришли мнѣ табаку курительнаго, янтарный чубукъ и нѣсколько русскихъ стиховъ, да балладу Жуковскаго, чѣмъ меня много обяжешь. Я тебя болѣе люблю, нежели ты меня; еслибъ ты былъ въ походѣ, то я бы болѣе, нежели ты, для меня сдѣлалъ. Но Богъ съ тобой! Кому талантъ, кому два: людей и всегда въ несчастіи собственными боками узнаешь. Прощай и будь здоровъ. Батюшковъ.

XIV.

А. Н. Батюшковой.

1-го Ноября 1808. (Иденсальми).

Je me porte bien mes chers, mes bons amis. Quelle étrange destinée, mais c'est le bon Dieu le veut... Пріѣзжаю въ баталіонъ, лихорадка мучитъ 7 дней. Прикладываю

мушку къ затылку; кричатъ: «тревога!» Срываю, бѣгу въ дѣло—и подивитесь, друзья мои, теперь здоровъ. Мы въ Idensalmi (это кирка), идемъ впередъ. Молите Бога, Онъ милосердъ. Полковникъ любитъ меня болѣе всѣхъ, Александра его знаетъ: это Турчаниновъ, честный, добрый человѣкъ. Я оставался съ своей ротой въ резервѣ, но былъ близь непріятеля. Что Богъ впередъ дастъ, не знаю. Не вините меня. Я не виноватъ, что не съ вами, друзья мои. Полковникъ обѣщаетъ самъ просить о моей отставкѣ, и я надѣюсь къ новому году васъ обнять. Этимъ только и дышу. Здоровье мое такъ слабо, особливо грудь, что я испугался прежней болѣзни. Павла Алексѣевича, котораго дружбу никогда не забуду, прошу васъ не оставлять; онъ одинъ — и это говорю точно, по истинному убѣжденію—заслуживаетъ нашей довѣренности. А въ Петербургѣ... у меня голова пошла кругомъ. Не сердитесь, что я говорю о себѣ, а не о дѣлахъ своихъ. И сегодня ночью была въ лагерѣ тревога... Поклонитесь тетушкамъ, я ихъ все споминаю платками. Аркадію Аполлоновичу мое почитаніе; я со слезами помню еще его провожаніе изъ Менчакова. Бога ради любите меня. Вареньку поручаю Александрѣ, а Александру Всевышнему. Кромѣ Его, не кому; есть люди, которымъ и сего сдѣлать не можно. Катерина Ѳедоровна меня любитъ. Гдѣ вы, друзья мои? Что съ вами дѣлается? У меня сердце кровью обливается, какъ подумаю о вашей участи. Здѣсь пули, да и только, а у васъ хуже пуль. Если можно вамъ, то пришлите рублей триста. Впрочемъ, вамъ деньги нужнѣе моего. Не знаю, что съ закладомъ? Когда будетъ конецъ? Пишите ко мнѣ болѣе и пространнѣе, листахъ на трехъ. Я пишу мало и несвязно. Да и не мудрено. Не думайте, чтобъ я васъ пустой надеждою моего возврата ласкалъ; нѣтъ,

онъ вѣренъ, друзья мои. Жалѣю, что въ дѣлѣ не успѣлъ быть. Турчаниновъ не пустилъ съ другой ротой. У насъ 2 офицера ранены тяжело. Поручаю васъ Богу. Цѣлую васъ, Лизавету Николаевну и маленькаго Алешу; Алексѣю Никитичу мое почтеніе. Простите, пишите ко мнѣ и любите меня, какъ я васъ. Константинъ Батюшковъ.

Адресъ: Сестрицѣ Александрѣ Николаевнѣ, гдѣ находится.

XV.

Н. И. Гнѣдичу.

1-го ноября 1808 г. Idensalmi.

Я пріѣхалъ благополучно, но по пріѣздѣ сдѣлался боленъ и семь дней лежалъ въ лихорадкѣ; чудомъ вылѣченъ. Тревога, а у меня шпанская мушка на шеѣ; срываю и бѣгу. Мы имѣли двѣ большія сшибки, въ первой много потеряли, и князь Долгорукой, къ сожалѣнію солдатъ, убитъ; а вторая была ночью 30-го октября, то-есть, третьяго дня. Шведы въ прахъ разбиты; они забрались даже въ нашъ лагерь, но прогнаны съ великимъ урономъ. Я, къ несчастію, оставался въ резервѣ. Петинъ раненъ; сходи къ нему, когда услышишь о его пріѣздѣ въ Питеръ; также и Делагардъ раненъ; впрочемъ егери мало потеряли, а дрались хорошо; вотъ всѣ наши новости. Здѣсь все найти можно; пришли съ этимъ курьеромъ табаку турецкаго, чулокъ теплыхъ, перчатки теплыя и кеньги. Да еще закажи хорошему портному гусарскій жилетъ темно-зеленый, это меня ужасно обрадуетъ. Полковникъ меня безъ души любитъ, ходитъ за мной, какъ за сыномъ. Что дѣлаютъ мои сестрицы? Пиши, мой другъ, — онѣ меня безпокоятъ.

Получилъ ли Абрамъ Ильичь деньги? Кланяйся ему и поцѣлуй его дѣточекъ. Я не пишу, потому что разстроенъ послѣ сраженія. Надѣюсь совершенно на отставку. Полковникъ обѣщаетъ ее выхлопотать, но теперь могу (ли), не бывъ ни въ одномъ дѣлѣ, приступить къ сему? Мнѣ не нужно говорить тебѣ, другъ мой, что я тебя люблю. Дай Богъ, чтобъ ты не перемѣнился. Пиши ко мнѣ съ этимъ курьеромъ; исполни мои коммиссіи, особливо жилетъ, да и обувь нужна.

Здѣсь бездѣлица веселитъ, и цѣну узнаешь вещамъ, когда ихъ нѣтъ. Скажи Оленину, что я его люблю и почитаю. Такъ убитъ духомъ, что лучше кончить, пока перо само не выпало изъ рукъ.

Конст. Батюшковъ.

Напиши мнѣ, гдѣ находится Катерина Ѳедоровна. Если стихи мои напечатаны, то пришли. Ужели будешь коротко писать? Брось эту привычку, мой другъ. Пришли леденцу съ имбиремъ, побольше, грудь болитъ.

NB. Напиши кой-что изъ этого письма сестрамъ, Я не успѣлъ ихъ о всемъ увѣдомить.

XVI.

Сестрамъ.

8-го декабря 1808. Городъ Гамлекарлеби, на маршѣ къ Вазѣ.

Dans quelles inquietudes mortelles je suis, mes chères amies, point de nouvelles de vous, le tems s'écoule avec rapidité dans ce pays infernal. Et les chagrins viennent à tire-d'aile. Voyagez un peu sur la carte et vous verrez que votre pauvre frère a fait près de trois milles verstes. J'ai

été à Ouleaborg et de là nous allons à Vasa. Vous savez aussi bien que moi, que l'armistice dure. J'espère, mes amies, vous revoir dans deux mois, pour ne vous quitter plus. Поручаю Богу васъ, друзья мои, и надѣюсь, что Онъ не оставитъ васъ и бѣдную Вареньку. Нѣтъ дня, чтобъ я васъ не вспомнилъ. Объ одномъ прошу васъ, не думайте—вопреки усернымъ истолкователямъ - что не отъ меня зависитъ быть не съ вами. Деньги мнѣ не очень нужны, но если можете, то пришлите 400 р. къ Гнѣдичу, а онъ постарается мнѣ переслать чрезъ гофмаршала Ланского. Я ничего не знаю о дѣлахъ моихъ; сердце заливается кровью, когда объ нихъ думаю, и прошу Павла Алексѣевича увѣдомить меня обстоятельно; ему поручаю васъ, а на прочихъ право надѣяться нечего въ Петербургѣ. Я еще откушалъ отъ прежнихъ горестей и огорченія; не знаю, какъ достаетъ на все терпѣнія, а особливо на глупости другихъ. Цѣлую васъ всѣхъ сто разъ; писать болѣе не могу и нечего. Лизанькиныхъ дѣтей цѣлую обоихъ. Бога ради, Александра Николаевна, не оставь Филиппа. Посылаю вамъ пару шведскихъ перчатокъ, купленныхъ сто верстъ отъ Торнео, въ Улеаборгѣ.

Если вы забыли географію, то скажу вамъ, что здѣсь ртуть термометра замерзаетъ; я на силу дышу. Поручаю васъ Богу. Онъ—одна наша надежда.

Константинъ.

Адресъ: Любезнымъ моимъ сестрицамъ.

XVII.

Н. И. Гнѣдичу.

Декабря 1808 г. Городъ Гамлекарлеби. На маршѣ.

Я получилъ письмо твое. Курьеръ ѣдетъ сію минуту. Если есть у тебя письмо, то отдай ему. Когда сестры пришлютъ деньги или письмо, то отнеси ихъ въ домъ гофмаршала Ланского его сыну, камеръ-юнкеру, и адресуй на имя полковника Андрея Петровича Турчанинова. Пришли съ этимъ курьеромъ кнастеру. Прощай; перешли перчатки сестрамъ и письмо также. Можетъ, скоро увидимся, пиши пространнѣе. К. Б.

XVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

25-го декабря (1808 г.). Ваза.

Я къ тебѣ пишу три слова. Курьеръ ѣдетъ, а о его отправленіи сію минуту узналъ. Пиши ко мнѣ, мой другъ, о сестрицахъ; я ни одной строки не имѣю. Здоровы ли онѣ? Право, сердце кровью заливается отъ скуки. Мы живемъ въ 13-ти верстахъ отъ города Вазы, а Ваза есть городъ, вымазанный красной краской... и болѣе ничего. Пришли, мой другъ, табаку не замедля, поболѣе, и мой чубукъ янтарный, да другой купи хорошій. Пришли книгъ Бога ради, какихъ-нибудь русскихъ стиховъ. Купи еще мнѣ чаю фунта два и книгу: «Ossian tradotto dall'abate Cesaroti». Я объ ней ночь и

день думаю. Къ тебѣ съ симъ курьеромъ обстоятельнаго ничего писать не могу, ибо принужденъ писать на лоскуткѣ. Пиши подлиннѣе, подлиннѣе. Ѣздишь ли ты къ Оленину? Пару перчатокъ теплыхъ не забудь.

Прощай, мой другъ, свиданіе наше будетъ

За синимъ океаномъ
Вдали, въ мерцаніи багряномъ.

Конст. Бат.

Посылки отдай въ домѣ Ланского, гофъ-маршала, на имя Турчанинова, или лучше, въ домъ графини Строгановой. «Въ бригадѣ графа Строганова. Въ Вазу». Графиня съ удовольствіемъ беретъ на себя пересылать письма офицерамъ. Здорово ли у васъ? Какъ ты поживаешь?

(Адресъ: Е. В. Н. И. Гнѣдичу, возлѣ Московской съѣзжей, въ большомъ каменномъ домѣ, или отдать въ департаментъ графа Завадовскаго, у Краснаго моста).

XIX.

А. Н. Оленину.

24-го марта 1809. Зимнія квартиры. Наденталь.

Милостивый государь Алексѣй Николаевичъ! Notre cher et féal Батюшковъ на силу сыскалъ случай отвѣчать à son suzerain seigneur съ курьеромъ, который летитъ изъ крѣпкихъ снѣговъ Або въ тающіе снѣга Ингерманландіи,—ибо у насъ зима, а у васъ давно не ѣздятъ на саняхъ. Какъ бы то ни было, спѣшу сказать вашему превосходительству, что получилъ письмо ваше, которому, какъ ребенокъ, обрадовался. Оно пришло въ то время, когда намъ былъ сказанъ походъ на Аландскій архипелагъ. Я плакалъ съ радости, видя

изъ письма вашего, сколько вы мною интересоваться изволите. Теперь есть случай излить въ обильныхъ словахъ мою благодарность, но я объ этомъ ни слова. Довольно напомнить вашему превосходительству о томъ, что вы для меня собственно сдѣлали, а мнѣ помнить осталось, что вы просиживали у меня умирающаго цѣлые вечера, искали случая предупреждать мои желанія, когда оныя могли клониться къ моему благу, и въ то время, когда я былъ оставленъ всѣми, приняли me peregrino errante подъ свою защиту... и все изъ одной любви къ человѣчеству. Простите мнѣ сіе напоминовеніе: оно изъ сердца вырвалось.

Теперь скажу вамъ о себѣ, что я обитаю славный градъ Надендаль, принадлежавшій доселѣ трекоронному гербу скандинавскому. Иначе сказать, мы живемъ въ мѣстечкѣ, въ 13 верстахъ отъ Або. О Петербургѣ мы забыли и думать. Здѣсь такъ холодно, что у времени крылья примерзли. Ужасное единообразіе. Скука стелется по снѣгамъ, а безъ затѣй сказать, такъ грустно въ сей дикой, безплодной пустынѣ безъ книгъ, безъ общества и часто безъ вина, что мы середы съ воскресеньемъ различить не умѣемъ. И для того прошу васъ покорнѣйше приказать купить мнѣ Тасса (котораго я имѣлъ несчастіе потерять) и Петрарка, чѣмъ меня чувствительнѣйше одолжить изволите.

Я видѣлъ на островахъ И. А. Вельяминова, котораго болѣзнь очень перемѣнила. Онъ мнѣ обрадовался, какъ Египтянинъ Озириду. По словамъ его, квартировать будетъ въ маленькомъ городкѣ Кристинѣ, отъ Або въ 300 верстахъ.

Вы намъ пишете о m-lle George. Зачѣмъ прельщать и мучить насъ? Однако мы такъ привыкли къ здѣшнему краю, что я на Святой намѣренъ идти въ

Абовскій театръ. Вообразите себѣ сарай à jour, актеровъ таковыхъ точно, какъ Лесажъ описываетъ, обмакивающихъ по утрамъ на мѣсто завтрака крошки хлѣба въ колодецъ, и въ семъ-то палладіумѣ играли благородную драму... Довольно вамъ сказать, что героиня оной есть дѣвка на содержаніи. И теперь прошу васъ прельщать насъ Питеромъ!

Вручителю письма сего поручено привезти и отвѣтъ, если вы меня оныѣмъ удостоите. За симъ, поручая васъ великому «генію временъ», касаясь праху ногъ вашихъ, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Конст. Батюшковъ.

Цѣлую сто разъ ручки милостивой государыни Елисаветы Марковны и прошу ее не забывать Чухонца, который ее никогда почитать и любить не перестанетъ.

XX.

Сестрамъ.

(28-го марта 1809 г. Надендаль).
Ce mercredi de la semaine Sainte.

Mes bonnes, mes chères amies! J'ai reçu vos lettres toutes à la fois, avec l'argent que vous m'avez envoyé. C'était vraiment un jour de joie pour moi. Je suis plus tranquille que je ne le fus un mois avant. Il est vrai aussi, que depuis notre séparation je ne reçus aucune nouvelle de vous. Ah, mes chères amies, quand vous reverrai-je, le temps s'écoule comme un torrent, et nous n'avançons pas plus pour ça. J'espère cependant que le mois de mai nous réunirons tous sous notre toît hospitalier pour ne plus nous séparer. Comment se porte Lisabeth et Paul? Ecrivez

moi je vous prie en détail. Tout m'intéresse ici, et tout ce qui vient de vous, mes chères soeurs, m'intéresse doublement. Je n'ose parler de nos affaires, je n'en sais rien. Mon père m'a écrit plusieurs lettres. Il prie mon frère Paul de lui faire parvenir la mienne. Tâchez, mes amies, de vous tranquilliser sur mon sort. Je bois ici à longs traits l'ennui avec l'ésperance toujours douce et trompeuse d'un avenir plus agréable. Nous revenons d'une expédition assez périlleuse, c'est à dire des iles d'Aland. Réprésentez vous une armée de 20 mille hommes sur la glace et en bivouaque. Mais tout passe et les périls ne sont bons qu'à être aussi oubliés. Le printemps s'approche. Plantez vos choux, ma chère Alexandrine, mais n'allez pas labourer mon parti. J'embrasse cent fois notre chère Babette— je la recommande au Tout-Puissant, notre seul et unique Protecteur. Soyez unies, mes chères amies, aimons nous jusqu'au tombeau et que le voeu de la meilleure des mères soit accompli!

Je remercie, mes bonnes amies, pour l'argent que vous m'avez envoyé. Je vous prie de me faire venir pour le mois de mai 500 dont j'aurai bien besoin pour mon retour. La vie est bien dure et chère ici, le cheval m'a couté quelque fois 5 r. par jour. Jugez du reste.

Écrivez moi, je vous prie. Mes compliments à mes tantes et à Arcadi Apolonovitch. Si je retourne pour le mois de mai, il se pourrait que le projet de mon voyage se réalise. En attendant je voyage joliment, nous avons été à 60 verstes de Stokholm, sur le golfe Bothnique.

Je vous embrasse tendrement toutes, n'abandonnez pas Philippe. Const. Batuchkof.

Адресъ: A mes chères soeurs, à Vologda.

XXI.

Н. И. Гнѣдичу.

1-го апрѣля 1809 г. Надендаль.

Любезный другъ Николай Ивановичъ! Я писалъ къ тебѣ назадъ тому дня четыре и надѣюсь, что ты получилъ письмо мое. Въ какомъ ужасномъ положеніи пишу къ тебѣ письмо сіе! Скученъ, печаленъ, уединенъ. И кому повѣрю горести раздраннаго сердца? Тебѣ, мой другъ, ибо все, что меня окружаетъ, столь же холодно, какъ и самая финская зима, столь же глухо, какъ камни. Ты спросишь меня: откуда взялась желчь твоя? Право, не знаю; не знаю даже, зачѣмъ я пишу, но по сему можешь ты судить о безпорядкѣ мыслей моихъ. Но писать тебѣ есть нужда сердца, которому скучно быть одному, оно хочетъ излиться... Зачѣмъ нѣтъ тебя, другъ мой! Ахъ, если въ жизни я не жилъ бы другихъ минутъ какъ тѣ, въ которыя пишу къ тебѣ, то право, давно пересталъ бы существовать.

Пиши ко мнѣ чаще, прошу тебя. Почта, говорятъ, установлена, и мы можемъ теперь повѣрять другъ другу чувства сердецъ нашихъ. Пиши хоть о пустякахъ, и это меня разсѣетъ. Выполни по прежнему письму моему и пришли въ точности все, о чемъ тебя просилъ. Увѣдомь меня о сестрицахъ; давно уже отъ нихъ не имѣю извѣстій. Гдѣ онѣ и что дѣлаютъ? Мнѣ такъ грустно, такъ я собой недоволенъ и окружающими меня, что не знаю куда дѣваться. Повѣришь ли? Дни такъ единообразны, такъ длинны, что самая вѣчность едва ли скучнѣе. А вы, баловни, жалуетесь на свое состояніе!

Этимъ кончу письмо. Ты скажешь: стоило ли труда писать? Да, стоило, ибо мнѣ легче. Прощай, будь счастливѣе. Конст. Батюшковъ.

Перешли сіе письмо къ Павлу Алексѣевичу.

XXII.

А. Н. Батюшковой.

12-го апрѣля 1809 г. Мѣстечко Надендаль.

J'ai reçu votre lettre du 12 février, ma chère Alexandrine, et m'empresse de vous faire réponse. Je crois que cette épître ne vous trouvera plus à Vologda, vous devez être à la campagne. Profitez du beau tems, il n'y a que le printems qui donne la santé. J'ai été ravi d'apprendre que vous vous êtes amusée l'hiver passé et que Barbe a beaucoup dansé. Priez la, ma bonne amie, qu'elle s'occupe de choses sérieuses, qu'elle lise, écrive, etc. Je n'ai pas besoin de vous donner ce conseil, je sais que vous l'aimez comme vos yeux, mais vous serez toujours charmée de savoir mon avis, tant qu'il s'agit d'une sœur que le Ciel nous a confiée.

Je me remets à vous sur mes affaires. Vous savez bien qu'absent, je ne puis rien faire; écrivez moi en détail, je vous prie; vos lettres sont trop courtes. Je ne regrette pas André. Je saurai récompenser Basile, dites lui, qu'il vous serve bien, et il ne sera pas oublié de moi. J'ai un grand désagrément, ma chère amie. Mon Jacob est malade et sa maladie est chronique. Je suis mal servi, mes effets se perdent à chaque moment, mon linge est abîmé. Écrivez à Platon, qu'il habille le petit qui est chez

Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Kielcach BIBLIOTEKA GŁÓWNA

lui, je l'enverrai chercher d'ici, par des courriers qui vont à Pétersbourg, mais ne manquez pas de le prévenir le plutôt possible. Et payez lui le reste de ce que je lui dois. Ce petit me servira beaucoup mieux. Je ne veux pas de nos grands domestiques. Un soldat soigne mes chevaux. Et ce qui vaut mieux encore, priez Gneditch, qu'il garde chez lui ce garçon jusqu'à ce que je l'envoye chercher. Au nom de Dieu faites cela, je suis le martyr des gens qui m'environnent.

Nous avons souvent des bals à Abo. Mad-e Tcheglocof est ici, je vais la voir de tems en tems, elle est bien aimable. Mais je m'ennuye à la mort et sans le punch restaurant je serais fou il y a longtems. Мнѣ совѣстно у тебя просить денегъ, зная, что и ты нуждаешься. Ни мало не мотая, я всякій день проживаю около 10 р. Представь себѣ, дешево ли здѣсь жить. Я задолжалъ И. Турчанинову съ 400 р. Пришли мнѣ, если можешь, 700 р., чѣмъ меня очень обяжешь; съ 300, что я получилъ, это составитъ 1000. Адресуй это Гнѣдичу, а онъ имѣетъ случай переслать. Сдѣлай мнѣ тулупъ, хорошей матеріи, и вмѣстѣ съ 2 простынями и 2 наволочками перешли къ Гнѣдичу. Болѣе бѣлья не нужно. Пришли полштуки полотна.

Будучи за 2000 верстъ, я не могу давать совѣтовъ, но если бы вы построили домъ въ Хантоновѣ, это бы не помѣшало; стройте для себя, какой вы заблагоразсудите. Но деньги небольшія на это нужны. Лучше рано, нежели поздно, имѣть вѣрный пріютъ. Напиши мнѣ объ этомъ. Да не забудь присмотрѣть за садомъ и моими собаками. Съ какимъ удовольствіемъ я бы возвратился подъ тѣнь домашнихъ боговъ! Если бы ты знала, сестрица, какъ я тебя люблю, и если бы ты знала, какъ мнѣ все наскучило...

Поцѣлуй Лизавету и Павла Алексѣевича; я къ нему недавно писалъ.

Que fait ma tante à Moscou? Elle m'a écrit. Lui écrivez vous? Écrivez moi je vous prie, qui va vous voir, avec qui êtes vous liées, et comment se portent mes tantes. Priez que Lise ne vous abandonne pas, en été surtout, tant que vous serez seules. Je vous embrasse, mes bonnes amies, adieu. Que le bon Dieu vous garde sous sa divine main.

XXIII.

А. Н. Батюшковой.

3 Mai 1809. Abo.

Je viens de recevoir vos deux lettres à la fois et les 400 r. Vous vous portez bien, j'en suis charmé. J'ai donné une supplique, et je crois avoir mon congé; cela étant, nous nous reverrons bientôt. Vos lettres sont si courtes, que cela me donne du chagrin, je ne sais à quoi attribuer cela. Paul ne m'a pas répondu aux trois lettres que je lui ai écrites. Vous savez comme les bagatelles m'affligent, et cela n'en est pas une. Lise ne me donne point de ses nouvelles. Je viens d'apprendre par une lettre de mon beau frère, qu'il a reçu l'argent des campagnes; cela m'a fait du plaisir. M-r Olenin m'écrit souvent et plus souvent que vous, il m'aime beaucoup. Ne vous affligez pas, ma bonne amie, de nos affaires, le bon Dieu vous sauvera. Sa divine main est sur nous. Je vous écris peu, car je ne suis pas sûr du courrier. Barbe a tort de ne me point écrire. Je vous embrasse, faites des vœux pour mon congé, adieu. Constant. Batuchkof.

Je m'ennuie joliment, je suis triste et rêveur. Et com-

ment pourrais être autrement? Conservez votre santé, elle est précieuse. Celui qui nourrit les faibles oiseaux, laissera-t-il sans protection les enfans de notre sœur, l'exemple des vertus domestiques, exemple rare! Tâchons, mon amie, de leur faire tout ce qu'elle a fait pour nous. C'est dans ma maladie qu'elle a déployé son caractère. Je serais un ingrat si j'oubliais son amitié tendre et courageuse.

Присмотри за садомъ, приготовь для меня гостепріимный уголъ. Я не праздновалъ моихъ именинъ 21-го мая. Это число для меня несчастливо.

M-me Tcheglokof que je vois souvent a manqué de me tourner la tête, mais cela a passé et n'a rien de funeste.

Адресъ: Сестрицѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой.

XXIV.

Н. И. Гнѣдичу.

(Начато 3-го мая 1809 г. Або).

Qu'un ami véritable est une douce chose!

скажемъ съ Лафонтеномъ, да прибавимъ еще съ Дмитріевымъ:

Чувствительна душа и въ чужѣ веселится.

Я былъ внѣ себя отъ радости, какъ получилъ письмо твое, любезный Николай. Я зналъ, я предчувствовалъ, что Танкредъ будетъ хорошо принятъ, но меня еще болѣе радуетъ, отгадай что? Твоя радость. По крайней мѣрѣ ты нѣсколько минутъ былъ въ восхищеніи; я это вижу по твоему письму. Пиши мнѣ пространнѣе обо всемъ: какъ играли, что говорятъ сѣдые цензоры и весь ареопагъ, и вся сволочь, и шмели, и трутни, и змѣи,

и гарпіи, и все, что говоритъ и судитъ своимъ и чужимъ, умомъ и всѣ, какъ говоритъ Мольеръ,

Figures de savant sur les bancs du théâtre.

Смѣшные судьи! Скажи еще, не видалъ ли, не замѣтилъ ли тамъ въ тѣни, гдѣ нѣтъ ни луча солнечнаго, ни даже восковой плошки, несчастныхъ освистанныхъ авторовъ, которые съ скрежетомъ тебѣ прошептали: божественно! Не видалъ ли адскихъ богинь, которыя живутъ не въ водахъ Флегетона, но въ театральномъ коридорѣ, вопреки Вольтеру и его Генріадѣ:

Là git la sombre Envie à l'oeil timide et louche,
Versant sur des lauriers les poisons de sa bouche:
Le jour blesse ses yeux, dans l'ombre étincelans....
Auprès d'elle est l'Orgueil, qui se plaît et s'admire;
La Faiblesse au teint pâle, aux regards abattus....
La tendre Hypocrisie, aux yeux pleins de douceur,
(Le ciel est dans ses yeux, l'enfer est dans son coeur).

Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ! Я радъ, что хорошо сыграна, и думаю, что ты не даромъ потерялъ свое время. Увѣдомь меня, что ты за нее получишь. Я надѣюсь, что фортуна не отворотитъ отъ тебя своего лица, вылитаго изъ золота, и не покажетъ тебѣ своей чугунной задницы. Я желаю тебѣ все, что дружба пожелать можетъ.

Мундиры получилъ, а книгъ нѣтъ. Дѣло не о томъ. Я подалъ просьбу въ отставку (увѣдомь объ этомъ сестеръ, не замедля) за ранами чрезъ князя Багратіона и надѣюсь, что скоро выйдетъ рѣшеніе. Такъ нездоровъ, что къ службѣ вовсе не гожусь, хотя и желалъ бы продолжать. Отъ Абрама Ильича писемъ не имѣю; поговори ему, чтобъ онъ хоть строкой увѣдомилъ. Я къ нему раза три писалъ. Скажи А. Н. Оленину, что я просился въ отставку: это нужно. Я самъ его увѣдомлю, а о прочемъ и говорить нечего.

Et je serais fâché d'être sage à leurs yeux....

Видишь ли, какая память, и какъ я ее украшаю въ Финляндіи! Еслибъ ты зналъ, какъ грустно!... Дай всю силу этому слову, и вѣрно обо мнѣ пожалѣешь.

Пожми руку у Радищева; у него сердце на ладони; я и его не переставалъ любить. Люди мнѣ такъ надоѣли, и все такъ наскучило, а сердце такъ пусто, надежды такъ мало, что я желалъ бы уничтожиться, уменьшиться, сдѣлаться атомомъ; ты меня вѣрно понимаешь:

Кто сильно чувствуетъ, тотъ сильно выражаетъ....

Долго ли мнѣ ссылаться на другихъ? Мартыновъ написалъ бы здѣсь, въ скобкахъ, эстетическимъ перомъ своимъ: citer à propos et mal à propos. Выщипли перья у любви, которая состарѣлась, не вылетая изъ твоего сердца; ей крылья не нужны. Анна Ѳедоровна право хороша, и давай ей кадить! Этимъ ничего не возьмешь. Не летай вокругъ свѣчки — обожжешься. А впрочемъ, какъ хочешь, и это имѣетъ свою пріятность, не правда ли? Я такъ этакъ думаю на холостомъ ложѣ, перебирая старую быль въ головѣ своей: лучше какъ-нибудь вкушать блаженство, нежели никакъ, а здѣсь въ кого влюбишься? Развѣ въ Анну, Кайсу, Бриту, которыя бы годились въ прислужницы греческимъ паркамъ. Преузорочныя Чухонки!

А когда я любилъ, увѣнчанный лапдышами, въ розовой тюникѣ, съ посохомъ, перевязаннымъ зелеными лентами, цвѣтомъ надежды, съ невинностью въ сердцѣ, съ добродушіемъ въ пламенныхъ очахъ, припѣвая: «кто могъ любить такъ страстно», или: «я неволенъ, но доволенъ», или: «нигдѣ мѣста не найду», ты смѣялся, злодѣй! Теперь я запою: «я плакалъ, ты смѣялся» и проч.

Le sage est mênager du tems et des paroles!

А я съ тобою такъ разболтался. Пришли книгъ и Капписта по почтѣ, можешь и писать: она регулярно ходитъ. Прошу тебя увѣдомить обо всемъ сестеръ, не замедля.

Я не смѣю и говорить тебѣ, что люблю еще, какъ дуракъ, и кого? Ты самъ знаешь и знаешь также, о чемъ хочу просить. Женимся, мой другъ, и скажемъ вмѣстѣ: Святая невинность, чистая непорочность и тихое сердечное удовольствіе, живите вмѣстѣ въ бѣдномъ домѣ, гдѣ нѣтъ ни бронзы, ни драгоцѣнныхъ сосудовъ, гдѣ скатерть постлана гостепріимствомъ, гдѣ сердце на языкѣ, гдѣ фортуны не чествуютъ въ почетномъ углу, но гдѣ мирный пенатъ улыбается друзьямъ и супругамъ, мы васъ издали привѣтствуемъ! Не правда ли? А пока пойдемъ съ рублемъ къ Каменному мосту и потомъ направо.

Я вдругъ получилъ извѣстіе, что гр. Строгоновъ ѣдетъ, и спѣшу кончить письмо. Пришли книги.

Конст. Батюшк.

Освѣдомляйся у Спиридова, адъютанта Строгонова, какое теченіе приметъ моя просьба, и увѣдомляй меня немедленно. Это все можно чрезъ Полозова.

XXV.

Сестрамъ.

1-го іюля 1809 г. (Петербургъ).

Mes chères soeurs. Enfin je suis à vous. J'ai mon congé et je vole dans vos bras. N'allez pas à Ro-

stoff, attendez moi, nous irons ensemble. Я хочу выѣхать во вторникъ; теперь меня ничто не останавливаетъ: все получилъ, и абшидъ изъ военной коллегіи. Надѣюсь, что вы покойнѣе, нежели когда васъ оставилъ. Здѣсь и по дѣламъ нашимъ худаго или, лучше сказать, худшаго ничего не слышалъ. Итакъ, друзья мои, ожидайте меня у волнъ Шексны. Надѣюсь, что братъ Павелъ Алексѣевичъ встрѣтитъ. Если бы я его менѣе любилъ, то вѣрно бъ разсердился. Какъ ни строки во все время!

Абрамъ Ильичъ здоровъ и хочетъ писать со мной. Дѣти его стали прекрасны и очень выросли. Что сказать мнѣ о Питерѣ? Такъ скучно, что придется умереть, да и мудрено ли?

Tous ceux qui m'étaient chers ont passé le Cocyte.

Домъ Абрама Ильича осиротѣлъ; покойнаго Михаила Никитича и тѣни не осталось; Ниловыхъ, гдѣ время летѣло такъ быстро и весело, проданъ. Оленины на дачѣ; все перемѣнилось; одна Самарина осталась, какъ колонна между развалинами. Я у ней и у Оленина бываю каждый день. Благодарю тебя, сестрица, за деньги; онѣ мнѣ очень пригодились. Итакъ, ожидайте меня къ воскресенью. Цѣлую васъ, друзья мои, приготовьте комнату, а я накупилъ книгъ. Констант. Бат.

Приписка Н. И. Гнѣдича.

Милостивая государыня Александра Николаевна! Малороссія отъ меня далеко; вы ближе, но и тутъ пали камни, которыхъ ни перескочить, ни перелѣзть не въ силахъ. Остаюсь на цѣлое лѣто глотать пыль петербургскую. Но судьбы неисповѣдимы! Философія высокая, но ни мало не утѣшительная, а еще болѣе, когда и Константинъ скоро ѣдетъ, не смотря на то, что въ Петербургѣ нашемъ право для него весело: можно гулять и въ Лѣтнемъ саду! Желаю вамъ здоровья. Варвару Николаевну поздравляю съ одною моською и съ двумя птичками. Остаюсь съ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Гнѣдичъ.

XXVI.

Н. И. Гнѣдичу.

4-го августа 1809 г. (Деревня).

Я не писалъ къ тебѣ, другъ мой, и могъ ли писать? Сдѣлался такъ боленъ, что хоть брось. Здѣсь все благополучно. Гдѣ ты поживаешь, другъ мой? Радищевъ пишетъ, что на дачу переѣзжаешь. Пріѣзжай лучше сюда; рѣшись, и дѣло въ шляпѣ.

Тебя и нимфы ждутъ, объятья простирая,
И фавны дикіе, кроталами играя.
Придешь, и всѣ къ тебѣ на встрѣчу прибѣгутъ
Изъ древъ гамадріады,
Изъ рѣкъ обмытыя наяды,
И даже сельскій попъ, сатиръ и пьяный плутъ.

А если не будешь, то все перемѣнитъ видъ, все заплачетъ, зарыдаетъ:

Цвѣты завянутъ всѣ, завоютъ рощи дики,
Слезами потекутъ кристальны ручейки,
И, рѣзки испустивъ въ болотѣ ближнемъ крики,
Прочь крылья навострятъ носасты кулики,
Печальны чибисы, умильны перепелки.
Не станутъ пастухи играть въ свои свирѣлки,
Любовь и дружество, погибнетъ все съ тоски!

Вотъ тебѣ два мадригала, а пріѣдешь—и цѣлая поэма. Скажи Аннѣ Петровнѣ, что я ѣхалъ по слѣдамъ Бороздина. Его гдѣ принимали за шпіона, гдѣ за чудака (онъ часто ночью гулялъ), а гдѣ и за статскаго совѣтника. Попроси Алексѣя Николаевича, чтобъ онъ не сердился на меня за то, что я съ нимъ не простился. Вотъ пятьдесятъ рублей въ уплату крестовъ; я чаю, ты получилъ отъ фонъ-Менгдена или Протасьева деньги. Не-

решли и сіи письма къ Макарову черезъ Радищева. Если заплатилъ деньги за кресты, то оставь сіи деньги у себя кой для какихъ покупокъ, да пришли мнѣ съ первой почтой плетеный чубукъ для фарфоровой трубки, купи у Голландца, также вакштафу два фунта: у меня нѣтъ ни крохи. Пожалуйста увѣдомь поскорѣе, гдѣ ты и что намѣренъ дѣлать. Vale e me ama. Я къ Радищеву буду писать, если онъ здѣсь въ Питерѣ. Попроси Александра Петровича, чтобъ онъ увѣдомилъ меня строчкой и прислалъ бы книгу, что у него есть, о псовой охотѣ.

Конст. Бат.

Я безъ табаку пропалъ.

XXVII.

Н. И. Гнѣдичу.

19-го августа 1809 г. (Деревня).

Я къ тебѣ пишу мало, потому что боленъ и скученъ, но съ первой почтой буду писать пространнѣе. Увѣдомляй меня почаще; здѣсь въ пустынѣ и ковчегъ Ноевъ—новость, а у васъ тамъ ничему не удивляются. Изъ твоего письма вижу, что обитаешь на дачѣ, въ жилищѣ сиренъ. Мужайся, Улиссъ! Здѣсь же ни одной сирены, а спутниковъ итакскаго мужа, который десять лѣтъ плылъ изъ Малой Азіи на каменный и бѣдный островъ, очень много. Какъ минута можетъ перемѣнить предметы! Я отворилъ окно и вижу: нимфа Іо ходитъ, голубушка, и мычитъ Богъ вѣсть о чемъ; двѣ Леды кричатъ немилосердно. Да, посмотри.... тамъ въ тѣни — право стыдно!... бараны, можетъ быть, изъ стада царя Адмета....

Накинемъ занавѣсъ цѣломудрія на сіи сладостныя сцены, какъ говоритъ Николай Михайловичъ Карамзинъ въ Натальѣ. Пожалуйста пришли мнѣ стиховъ изъ Петербурга, а я тебѣ пришлю перчатокъ замшевыхъ хоть дюжину.

Ты, можетъ быть, забылъ, что мнѣ нужно разсѣяніе, и для того я все говорю о дѣлѣ (дамскій силлогизмъ). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ; напечатай въ Цвѣтникѣ, если онъ не завялъ совершенно. А онѣ недурны. На будущей почтѣ я пришлю тебѣ нѣсколько похвальныхъ словъ, а именно вотъ какихъ: поэтъ Сидоръ, что написалъ Потопъ, а рыбы на кустахъ, ну, ужь геній! А Кузьма, что сидитъ въ креслахъ на Васильевскомъ острову возлѣ биржи, мастеръ писать! Хоть съ виду и не хитеръ, а ума палата! Я увѣренъ, что эпиграммы по тебѣ, а особливо на женщинъ, Виргиліевъ переводъ и журналиста.

Гдѣ Радищевъ? Онъ вѣрно въ Москвѣ. Дай его адресъ. Капниста адресъ мнѣ нуженъ необходимо. Пришли мнѣ дамскій сувениръ на манеръ моей книжки, что купилъ я въ магазинѣ, въ 10 или 15 руб. Др. Вѣстникъ II-й части съ 144-го листа недостаетъ; пришли мнѣ его неотмѣнно, также Державина, если есть кредитъ; а я тебѣ деньги вышлю съ первой почтой. Надѣюсь, что кресты отправлены; а табаку ожидаю, какъ цвѣтокъ—росы, если можешь прислать турецкаго хорошаго, лучшаго, такого, что не стыдно курить въ Магометовомъ раю на лонѣ гурій, съ аравійскими ароматами, съ алоемъ, шафраномъ, съ анемонами, съ ананасовымъ сокомъ.... Ты понимаешь!

Ты получилъ пенсіонъ! Сердце у меня выскочить хотѣло отъ радости. Ты знаешь, что я въ половину чувствовать не умѣю. Письмо сіе было запечатано,

отослано, но опоздало на почту. Приносятъ письмо отъ Радищева, и я читаю, что ты получилъ пенсіонъ. Да здравствуетъ князь Гагаринъ! Я бы желалъ его знать покороче: онъ стоитъ того! Вытолкни его изъ круга нынѣшнихъ господчиковъ: онъ право феноменъ!... Ну, слава Богу, ты имѣешь кусокъ вѣрнаго хлѣба; великое дѣло! Жаль, что меня съ тобою нѣтъ: я бы по своему праздновалъ это м о е благополучіе. Я любилъ всегда Гомера, а теперь обожаю: онъ, кромѣ удовольствія неизъяснимаго, дѣлаетъ добро человѣчеству. Да тѣнь его потрясется на Олимпѣ отъ радости!

Играйте, о невскія музы,
Играйте во свирѣли, флейдузы!

скажу съ Тредіаковскимъ и обниму тебя отъ всего сердца, души и помышленія. Весь твой Конст. Батюшк.

XXVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Окончено 6-го сентября 1809 г. Деревня).

Я получилъ письмо твое отъ 23-го и радуюсь твоей радости, печалюсь твоей печали. Ты нажилъ завистниковъ? Но долженъ ли я повторить прежнія слова? К о р р а д о ихъ не родитъ, а переводы И л і а д ы и Т а н к р е д а имѣютъ сильныя требованія на зависть и злобу. А пенсіонъ? Брось печаль свою... Я желалъ бы, чтобъ мнѣ завидовали. Къ несчастію, есть люди, которые только жалѣютъ объ моихъ шалостяхъ, можетъ быть, изъ зависти. Я самъ умѣю плечами пожимать и болѣе кстати, нежели они. А языкъ мой, если начну разгла-

гольствовать въ жару страсти, вспомни, остеръ или нѣтъ? Но оставь гарпій... Пойдемъ къ граціямъ, къ Семеновой. Вотъ ей стихи. Если она скромна, какъ Кореджіева дѣва, то и тутъ не отказалась бы отъ этой похвалы. Все, что ты ни напишешь на этотъ случай, будетъ слишкомъ обыкновенно. Я взялъ перо съ удовольствіемъ и въ первый разъ, можетъ быть, съ пользой и кстати, то-есть, для дружества. Можешь это напечатать, но гдѣ? Беницкаго, котораго въ тайнѣ музы и три, четыре человѣка много жалѣть будутъ, я думаю, не стало. Безъ него и Цвѣтникъ такъ завялъ, какъ у меня въ саду послѣ осеннихъ дождей китайскій макъ. Надѣюсь, что Семенова поблагодаритъ хоть словомъ своей руки; я тѣмъ болѣе на это имѣю права, что съ ней незнакомъ. Ты теперь совершенно хочешь погрузиться въ Иліаду, какъ Ахиллесъ въ рѣку забвенія. И долженъ! Этого слова ни мой, ни твой желудокъ не варитъ. Однакожь, что тебя будетъ оживлять, окрылять поэтическій духъ, отгадай? Зависть, точно она! Лучшій способъ ей мстить—молчать и дѣлать.

Что творитъ Анна Петровна на дачѣ? Спроси ее, гдѣ Ниловы: я къ нимъ хочу писать посланіе. Гдѣ Капнистъ? Какъ къ нему писать? Про Хераскова трагедію ты говоришь, что академія ее вѣнчала. Она дѣлаетъ свое дѣло, то-есть,

Triste amante des morts, elle haït les vivans.

Какой ты чудакъ! Ни слова будто не могъ сказать Измайлову, либо самъ сходить къ Лесновскому за журналомъ? Не стыдно ли? Еслибъ зналъ, что здѣсь время за вещь, что крылья его — свинцовыя, что убить не чѣмъ? Ужь я принужденъ читать пряники Долгорукова, за неимѣніемъ лучшаго. Пришли Драматиче-

скій Вѣстникъ, но въ полнотѣ. Нѣтъ ли чего новаго? Я весь Италіянецъ, то-есть, перевожу Тасса въ прозу. Хочу учиться и дѣлаю исполинскіе успѣхи. Стихи свои переправилъ такъ, что самому любо. Право, лучшій судья, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ, самъ сочинитель, если онъ не зараженъ величайшимъ порокомъ и величайшею добродѣтелью — самолюбіемъ. Не издаетъ ли кто нынѣ журналовъ? Что новаго? Не похудѣлъ ли другъ Радищевъ? Каково Яковлевъ играетъ? Какова погода? Продаютъ ли вареную кислоту съ померанцовыми отрубями, осыпанную лавровымъ листомъ? Живъ ли твой апетитъ? Долго ли Мартыновъ исповѣдуетъ и что спрашиваетъ на духу? Какое обширное поле для эпиграммъ! Не худо бы тебѣ прислать мнѣ турецкаго табаку: порадуй же меня и душу мою! Маленькій Катенинъ что дѣлаетъ? Онъ съ большимъ дарованіемъ; гдѣ онъ? Франковы пилюли продаютъ въ аптекахъ, въ главныхъ, для тѣхъ, у кого есть языкъ. Пришли ихъ пожалуйста, да ваксы для сапогъ.

Я завожу переписку съ Чеглоковой: это преутѣшная и презабавная реляція подвиговъ...

Не влюбленъ ли ты? Когда такъ, то.... плюнь — и все тутъ. Что значитъ: ex fulgore? Больно жаль Беницкаго! Жильбертъ въ немъ воскресъ и умеръ. Большія дарованія, рѣдкій, свѣтлый умъ! Жаль, что залилось желчью; а его болѣзнь, я думаю, превратилась въ нервическую; я на себѣ испыталъ это ужасное положеніе: чувствовать все гораздо сильнѣе, но съ меньшими тѣлесными силами! По неволѣ призадумаешься и скажешь: что человѣкъ? За что одинъ страдаетъ, другой... Но всѣмъ участь одна, всѣ, какъ царь и рабъ, умираемъ и живемъ несчастливы. Но баста, слишкомъ умно заговорилъ не кстати! Пришли табаку турецкаго.

Помнишь ли, что Брутъ говорилъ въ сенатѣ, на улицѣ, дома, въ храмахъ, на площади, на с..нѣ? Онъ говорилъ: «Гибель Карѳагенѣ!» Я не Брутъ, такъ говорить стану: дай табаку! Я читалъ все это время Княжнина сочиненія. Сколько хорошаго, сколько ума и соли! И какое холодное, мерзлое дарованіе! У меня есть сосѣдъ, который пишетъ, читаетъ церковную подъ титлами и гражданскую печать,—не примутъ ли его въ академію? Знаешь ли, какіе этимъ членамъ надобны кресла? Ст.....ки. О варвары, о Крашенинниковы, о Тредіаковскіе! Эта академія не всегда была запакощена; въ ней были, сіяли люди истинно съ дарованіями.

Mais sans un Mécenas à quoi sert un Auguste?

Гдѣ Крыловъ? Что дѣлаетъ Шаховской и Жихаревъ? Полозовъ ко мнѣ не пишетъ. Сочини изъ этого письма экстрактъ, да пришли его мнѣ полюбоваться. Ни начала, ни конца! Жаль, не губи эпиграммъ моихъ въ Цвѣтникѣ: онѣ право не такъ дурны. Да пришли мнѣ Цвѣтникъ, ради Бога. Что значитъ: ex fulgore? Продолженіе впредь. Посмотрю, у меня каминъ погасъ, а на дворѣ стужа.

Италіянскій эпиграфъ очень приличенъ къ Семеновой; это одинъ изъ лучшихъ стиховъ Тассовыхъ (скажу мимоходомъ, что Іерусалимъ—сокровище: чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ болѣе новыхъ красотъ, которыя изчезаютъ во всѣхъ переводахъ); онъ значитъ: въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа. Этотъ стихъ взятъ изъ Энеиды, вотъ латинскій:

Gratior et pulchro veniens in corpore virtus.

Смиряйся предъ моею ученостью!

Право, мои стихи не дурны. Какъ понравятся, не знаю?

Растиньяковы кресты отправь съ Семеномъ. 50 р. съ тѣми, что я послалъ, и съ этими, у сего приложенными, составятъ 150. Кресты и письма отнеси Делагарду самъ; онъ очень любезный малый, другъ Растиньяковъ, живетъ въ капитулѣ Мальтійскомъ, на дворѣ, или отошли, но самому лучше. Купи на остальныя Державина сочиненія, Монтаня непремѣнно и табаку турецкаго. Какъ бы сладостно выкурилъ трубочку!

Если получишь отъ Протасьева, то купи что-нибудь, рублей въ 75, на шею для Вареньки, по крайней мѣрѣ приторгуй; не знаю, что носятъ. Мнѣ хочется помоднѣе.

Что значитъ: ex fulgore?

Бога ради, кресты отправь, извинись предъ Делагардомъ, что я тебѣ не сказалъ, по вѣтренности, адреса его.

XXIX.

Н. И. Гнѣдичу.

(Сентябрь 1809 г. Деревня).

Приложенное у сего письмо отошли или отдай при свиданіи Львову. Письма князя Вяземскаго никому не показывай. Кстати: Ты мнѣ совѣтуешь переводить Теокритову эклогу. Или не знаешь, что Кошанскій ее перевелъ съ оригинала, а не съ Дидотова бѣднаго перевода, и скоро печатаетъ. Охъ вы, мои тайные совѣтники! Повѣрь мнѣ, легче Неву поворотить въ Ладожское озеро, нежели дать одинъ полезный совѣтъ. Ты самъ это знаешь, голова, исполненная мудрости и поэзіи старца, рожденнаго на островѣ Хіѣ. Нѣтъ ли лучше у тебя перевода изъ Филоктета? Я бы сталъ его переводить отъ скуки, потому что онъ мнѣ очень

по сердцу, но переводить отрывками, а на все и цѣлой своей жизни не достанетъ. Пришли бумаги, или я буду писать на сахарной. Какова Чеглокова? (Это между нами). Она ко мнѣ пишетъ: вотъ что меня иногда развеселяетъ. Почемъ нынѣ аршинъ сукна? Да спроси у сапожника, много ли я ему долженъ.

XXX.

Н. И. Гнѣдичу.

19-го сентября 1809 г. (Деревня).

Я радуюсь, что письмо мое тебя утѣшило. Могло ли произвесть иное дѣйствіе на сердце, способное раздѣлять въ полнотѣ чувство дружества? Могъ ли бы я тебя любить, еслибъ душа твоя не отзывалась согласно на голосъ моей дружбы? Чѣмъ болѣе живу, тѣмъ болѣе люблю тебя; всѣ даже маловажныя происшествія связываютъ тѣснѣе союзъ дружества. Оно ростетъ съ годами, ибо мы гораздо болѣе привязаны другъ къ другу теперь, нежели назадъ тому годъ и болѣе. Любовь совсѣмъ не такъ: эта горячка любви, эти восторги, упоющіе душу, изчезаютъ. Гдѣ истинная любовь? Нѣтъ ея! Я вѣрю одной вздыхательной, петраркизму, то-есть, живущей въ душѣ поэтовъ, и болѣе никакой. Въ дружбѣ моей девизъ—истина и снисхожденіе. Истину должно говорить другу, но столь же осторожно, какъ и самолюбивой женщинѣ; снисходительному должно быть всегда. Ради сего послѣдняго пункта и въ силу этого условія, я могу болтать до устали,—не правда ли?

Я твоей загадки не понимаю, да и не силюсь по-

нять. Ты хочешь заняться Гомеромъ, и совѣтую. Разстанься, удались отъ писателей. Повѣрь мнѣ, это нужно. Я знаю этихъ людей: они вблизи гораздо болѣе завидуютъ. Хорошо съ ними водиться тому, кто ищетъ одной извѣстности, а не славы. Ты въ первой не имѣешь нужды, а послѣднюю ничѣмъ пріобрѣсть нельзя, какъ трудами. Позволишь ли дать совѣтъ? Перечитывая твой переводъ, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что излишній славянизмъ не нуженъ, а тебѣ будетъ и пагубенъ. Стихи твои, и это забывать тебѣ никогда не должно, будутъ читать женщины, а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ. Притомъ, кажется, что славянскіе слова и обороты вовсе не нужны въ иныхъ мѣстахъ: ты самъ это чувствовалъ. Но и здѣсь соблюсти середину—подвигъ во истину трудный! Кто хочетъ писать, чтобъ быть читаннымъ, тотъ пиши внятно, какъ Капнистъ, вѣрнѣйшій образецъ въ слогѣ, я не говорю—переводчику Иліады. Повѣрь мнѣ, что еслибъ Костровъ жилъ въ свѣтѣ, то не осмѣлился бы написать сицѣ для колесницы, а свѣтъ или еще значительнѣе слово—urbanité—не послѣдняя для тебя выгода; и я думаю, что вечеръ, проведенный у Самариной или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусствѣ писать, нежели чтеніе нашихъ варваровъ. Я слогъ ихъ сравниваю съ рѣкой, въ которую нельзя погрузиться, не омочивъ себя. Мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе чтеніе Библіи, нежели всѣхъ нашихъ академическихъ сочиненій, ибо въ первой есть поэзія, а Кондильякъ сказалъ: «On peut raisonner sans s'éclairer, mais on ne peut pas remuer mon âme d'une manière nouvelle ou agréable, qu'aussitôt je ne sente le beau». Вотъ преимущество стихотворнаго языка. Я не знаю, поймешь ли меня, но мнѣ кажется, что лучше прочесть страницу

стихотворной прозы изъ Марѳы Посадницы, нежели Шишкова холодныя творенія.

Подумай, можетъ быть, я сказалъ правду. Какъ мнѣ Беницкаго жаль! Я читалъ нынѣ Умнаго и дурака въ Таліи. Онъ какъ предвидѣлъ конецъ свой. Все, что ни написано, сильно, даже ужасно, слишкомъ сильно напитано желчью. Живъ ли то онъ?

Увѣдомь меня, какъ Семенова приняла рѣчь мою за Архія? Я теперь перевожу отъ скуки Тибулла въ стихи, Тасса въ прозу и перемарываю старые грѣхи. Много прибавилъ и, что важнѣе—все переписалъ. Я бы послалъ тебѣ что-нибудь, но берегу до случая, когда могу все отправить вмѣстѣ; хочу велѣть переписать копіи три. Если время будетъ, то пришлю и съ этимъ письмомъ. Въ Цвѣтникѣ и губить нечего. Отправь кресты, Бога ради, отправь... Я, можетъ быть, поѣду вскорѣ въ Москву. Хорошо бы и тебѣ туда заглянуть, а? Какая Аглая у Самариной? Не Шаликова ли журнала обчесавшаяся муза? Англичанка не сдѣлала ли развязку романа немного поспѣшно? Жаль, что я не успѣлъ для нея застрѣлиться холостымъ выстрѣломъ. Напрасно говоришь, что я пишу на какого-то издателя Лукницкаго. Я этихъословъ плетьми сѣчь не хочу. Пришли книги, объ которыхъ писалъ прежде, да пиши поболѣе объ дурачествахъ. Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ скучно! Я теперь-то чувствую, что дарованію нужно побужденіе и ободреніе; бѣда, если самолюбіе заснетъ, а у меня вздремало. Я становлюсь въ тягость себѣ и ни къ чему не способенъ. Не знаю, въ прокъ ли то раннія несчастія и опытность. Бѣда, когда разсудка не прибавятъ, а сердце высушатъ. Я пилъ горести, пью и буду пить. Сегодня читалъ я, что Богъ сотворилъ человѣка, и размыслилъ. (смотри Моисеевы книги въ началѣ). И впрямь, гдѣ сча-

стіе? Я его иногда нахожу въ краткихъ напряженіяхъ души и тѣла, ибо тѣло отъ души разлучать не должно, но тѣмъ болѣе отъ напряженія органы изнемогаютъ, и горесть тутъ какъ тутъ.

Книги, Бога ради, пришли: Цвѣтникъ, Державина и Драматическій Вѣстникъ.

XXXI.

Н. И. Гнѣдичу.

(Сентябрь—октябрь 1809 г. Деревня).

Послушай, мой другъ, что я хочу тебѣ сказать: не что иное, какъ предположеніе, но если ничего никогда не предположишь, то и не выполнишь. Притомъ же слова мои пусти на воду, если не годятся. Именно: ты знаешь, что мнѣ 22 отъ роду; кончить вѣкъ свой въ моемъ чинѣ стыдно и глупо; ты знаешь еще, что никогда я ни у кого ничего не просилъ, но тебѣ открыться можно. Еслибъ я чувствовалъ, что ни къ чему не способенъ, то вѣрно, ни слова не вымолвилъ. Ты скажешь: зачѣмъ я перемѣнилъ службу? Но нѣтъ, ты этого не скажешь: ты знаешь мои обстоятельства. Служить мнѣ надобно, но гдѣ и какъ? Вотъ въ чемъ дѣло. Не можешь ли мнѣ посовѣтовать и прочистить дорогу чрезъ кого-нибудь въ иностранную коллегію, по дипломатикѣ (какъ говоритъ Крыловъ); и я что-нибудь да стою, то-есть, могу быть полезнымъ, ибо знаю языки. Но это не хитрость. Гнить не могу и не хочу нигдѣ. А желаю, если возможно, быть посланъ въ миссію; поговори объ этомъ съ людьми умными: нѣтъ ли способа? Я знаю на опытѣ, что иногда слово кстати отъ неваж-

наго человѣка значительнѣе, нежели сильная протекція. Знаю, что если кто умѣетъ немного цѣнить дарованія, тотъ болѣе склонитъ слухъ къ просьбѣ твоей, нежели какого-нибудь генерала. Посовѣтуйся съ Анной Петровной. На этотъ случай женщины всегда лучше насъ, ибо видятъ то, что мы не видимъ, ибо если захотятъ что, то сдѣлаютъ. Но я желалъ бы нѣчто вѣрное, ясное, а не надежду, ибо ея гораздо болѣе въ моихъ піитическихъ мечтахъ, нежели въ словѣ завтра. Вотъ въ чемъ моя просьба состоитъ. Уважить или нѣтъ—отъ тебя зависитъ. Я бы согласился и безъ жалованья въ Италію, а это важное условіе. Не правда ли? Старайся, если можно. Оленина и просить не хочу, ибо я ему многимъ, очень многимъ одолженъ. Есть, правда, средство черезъ Баранова, и сильное, но ты знаешь, чего мнѣ стоитъ просить за себя!... Гдѣ Михайло Никитичъ!...

Кстати скажу тебѣ, что черезъ мѣсяцъ ѣду въ Москву. Катерина Ѳедоровна сильно приглашаетъ во всякомъ письмѣ, да и мнѣ ее увидѣть хочется.

Не можно ли поговорить съ Гагаринымъ объ этомъ дѣлѣ? Вся сила состоитъ въ томъ: frappez juste, mais frappez fort, то-есть... Да я слишкомъ заболтался! Итакъ, чтобъ ты не назвалъ мечтой мои желанія. Но если, мой другъ, ты войдешь въ мое состояніе, то вѣрно, вѣрно пожалѣешь. Съ моею дѣятельностью и лѣнью я буду совершенно несчастливъ въ деревнѣ и въ Москвѣ, и вездѣ. Служилъ всегда честно: это засвидѣтельствуетъ тебѣ совѣсть моя. Служилъ несчастливо: ты самъ знаешь; служилъ изъ креста и того не получилъ, и упустилъ все, даже время, невозвратное время! Теперь, съ совершенной пустотой душевной, съ пагубной для меня, я рѣшился: если не пойду служить по этой части, то поѣду путешествовать, хотя бы это стоило де-

сяти тысячъ, что меня разоритъ совершенно; но гнить въ ничтожествѣ не могу. И впрямь, когда мы посмотримъ на баловней фортуны... Правда, я имъ не завидую.

Риѳма на пря, моря есть: не укоря. Да риѳмы искать, не читавъ стиховъ, все то же, что лѣчить заочно больнаго. Не правда ли, что риѳмы—занятіе преполезное? Какъ ты думаешь? Но риѳмы, скажу безъ смѣху, чѣмъ новѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ разительнѣе, напримѣръ, у меня:

Се третій шествуетъ Алкастій гордъ и страшенъ,
Какъ древле Капаній у твердыхъ ѳивскихъ башенъ.

Этого письма, надѣюсь, не будешь читать Самариной.

XXXII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Кончено и послано 1-го ноября 1809 г. Деревня).

Г-жа Севинье, любезная, прекрасная Севинье говоритъ, что еслибъ она прожила только двѣсти лѣтъ, не болѣе, то сдѣлалась бы совершенною женщиною. Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума. Право, жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Время летитъ то скоро, то тихо; зла болѣе, нежели добра; глупости болѣе, нежели ума; да что и въ умѣ?... Въ домѣ у меня такъ тихо; собака дремлетъ у ногъ моихъ, глядя на огонь въ печкѣ; сестра въ другихъ комнатахъ перечитываетъ, я думаю, старыя письма.... Я сто разъ бралъ книгу, и книга падала изъ рукъ. Мнѣ не грустно, не скучно, а чувствую что-то необыкновенное, какую-

то душевную пустоту.... Что дѣлать? Развѣ поговорить съ тобою?

Я подумалъ о томъ, что писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, и невольно засмѣялся. Какъ иногда человѣкъ бываетъ глупъ!

1-е дурачество: я сравнялъ себя съ Дмитріевымъ, назначилъ себѣ мѣсто ступенью ниже его!... Бога ради, не напечатай этого! Да и не читай никому!... 2-е дурачество: говорилъ тебѣ о какой-то миссіи.... Не во снѣ ли я?... Надѣюсь, что ты это все прочитаешь хладнокровно, пожмешь плечами, положишь въ ящикъ, замкнешь, и дѣлу квитъ. Но кто, мой другъ, всегда бывалъ въ полномъ разумѣ! И что это разумъ? Что онъ такое? Не сынъ ли, не братъ ли, лучше сказать, тѣла нашего? Право, что плели метафизики— похоже на паутину, гдѣ мы, бѣдныя мухи, увязаемъ то ногой, то крыломъ, тогда какъ можемъ благополучно и мимо, то-есть, и не разсуждать объ этомъ. Послушай Власьевны въ Сбитеньщикѣ:

Ѳадей. Власьевна, отчего коли спишь, хотя глаза зажмурены, а видишь?
Власьевна. Это не видишь, а думаешь.
Ѳадей. А что такое думать?
Власьевна. Я и сама не знаю.

Я и самъ не знаю — безподобное слово! И впрямь, что мы знаемъ? Ничего. Вотъ какъ мысли мои улетаютъ одна отъ другой. Говорилъ объ одномъ, окончилъ другимъ. Не мудрено, мой другъ. Въ этой безмолвной тишинѣ голова не голова. Однакожь обстоятельства не позволяютъ выѣхать. Я бы могъ, правда, ѣхать, напримѣръ, въ Вологду, но что тамъ дѣлать? Здѣсь я по крайней мѣрѣ наединѣ съ сестрой Александрой (Варенька гоститъ у сестры), по крайней мѣрѣ съ книгами,

въ тихой пріятной горницѣ, и я иногда веселъ, веселъ, какъ царь. Недавно читалъ Державина: Описаніе Потемкинскаго праздника. Тишина, безмолвіе ночи, сильное устремленіе мыслей, пораженное воображеніе, все это произвело чудесное дѣйствіе. Я вдругъ увидѣлъ передъ собою людей, толпу людей, свѣчки, апельсины, бриліанты, царицу, Потемкина, рыбъ, и Богъ знаетъ чего не увидѣлъ: такъ былъ пораженъ мною прочитаннымъ. Внѣ себя побѣжалъ къ сестрѣ.... «Что съ тобой?»... Оно, они!... «Перекрестись, голубчикъ!»... Тутъ-то я на силу опомнился. Но это описаніе сильно врѣзалось въ мою память. Какіе стихи! Прочитай, прочитай, Бога ради, со вниманіемъ: ничѣмъ, никогда я такъ пораженъ не былъ!

Я надѣюсь, что ты уменъ и не прочиталъ моего послѣдняго письма Аннѣ Петровнѣ. Но если ты совершенно, по симпатіи со мной, потерялъ разсудокъ? Хорошо, что ей, а не другому, ибо

Molti consigli delle donne sono
Meglio improvviso che a pensarvi usciti;
Chè questo è speciale, e proprio dono
Fra tanti, e tanti lor dal ciel largiti.

Ariosto.

Если не поймешь, хотя не трудно понять твоей высокопарной латыни, то бѣды нѣтъ. Я писалъ къ Капнисту — нѣтъ отвѣта; писалъ къ Алексѣю Николаевичу—нѣтъ отвѣта; нынѣ писалъ къ Ниловымъ—сердце говоритъ будетъ отвѣтъ. Крыловъ родился чудакомъ. Но этотъ человѣкъ загадка, и великая!... Играть и не проигрываться, скупость умѣть соединить съ дарованіями и рѣдкими, ибо еслибъ онъ болѣе трудился, болѣе занимался.... Но я боюсь разсуждать, чтобъ опять не завраться. Гоняются ли за тобой утренніе шмели? Мнѣ пришла чудная мысль. Еслибъ, когда я у тебя

жилъ, по утру пришелъ юноша къ Милому Генію, и тебя бы не было на ту пору дома, то я такъ бы отбрилъ голубчика.... «Не вы ли тотъ великій духъ, который сочинилъ эпитафію на смерть статскаго совѣтника?» Я отвѣчаю: «Я».... «Позвольте мнѣ, пораженному явными чертами генія, простираться, если возможно, до вашей занимательности».... Я отвѣчаю все за тебя, какъ Скотининъ на перекличкѣ: «Я!» «Вотъ, милостивый государь, моя трагедія.... Кто болѣе вашего, кто справедливѣе васъ оцѣнитъ слабый, мерцающій лучъ неопытнаго генія?...» «Я!» Тутъ онъ мнѣ начинаетъ читать; читаетъ, а я зѣваю. Наконецъ, есть всему конецъ, и трагедіямъ также: ты входишь.... и я указываю на переводчика Гомера и Танкреда.

Вотъ канва, по которой вышить можно что хочешь. Я не знаю, какъ у тебя достаетъ терпѣнія слушать этотъ весь вздоръ? Но не слушать, наживешь враговъ такихъ, которые тебя свѣчой станутъ жечь.... Кстати спрошу тебя: что Шаховской написалъ хорошаго? Вотъ еще чудакъ не изъ послѣднихъ. Какъ онъ меня выхвалялъ въ глаза! Такъ что стыдно было за него. Какъ онъ меня, я чай, бранитъ за глаза! Такъ что стыдно за него. Честь Кодру-Жихареву! Не стыдно дѣлаться Панаромъ-водевильщикомъ? Въ его лѣта, дворянину, съ состояніемъ! Онъ точно съ дарованіями: это меня бѣситъ. Измайловъ плететъ, а не пишетъ. Безъ смака вовсе. Однакожь его проза вообще хороша и чиста. Что Беницкій? Продлите ему, боги, вѣку! Но онъ уже успѣлъ написать много хорошаго....

Пусть мигомъ догоритъ
Его блестящая лампада;
Въ послѣдній часъ его безсмертье озаритъ:
Безсмертье—пылкихъ душъ надежда и награда!

Я еще могу писать стихи, пишу кое-какъ. Но къ чести своей могу сказать, что пишу не иначе, какъ когда ядъ пса метроманіи подѣйствуетъ, а не во всякое время. Я боленъ этой болѣзнью, какъ Филоктетъ раною, то-есть, временемъ. Что у васъ новаго въ Питерѣ? Что дѣлаетъ Полозовъ? Онъ не пишетъ ни слова. Что Катенинъ нанизываетъ на конецъ строкъ? Я въ его лѣта низалъ не риѳмы, а что-то покрасивѣе, а нынѣ.... пятьдесятъ мнѣ било.... а нынѣ, а нынѣ....

А нынѣ мнѣ Эротъ сказалъ:
«Бѣдняга, много ты писалъ
«Безъ устали перомъ гусинымъ.
«Смотри, завяло какъ оно!
«Не долго притупить одно!
«Вотъ на, пиши теперь куринымъ».

Пишу, да не пишетъ, а все гнется.

Красавицъ я пѣвалъ довольно
И такъ, и сякъ, на всякій ладъ,
Да нынѣ что-то не въ попадъ.
Хочу запѣть — анъ, пѣть ужъ больно.
«Что ты голубчикъ такъ охрипъ?»
Къ гортани мой языкъ прилипъ.

Вотъ мой отвѣтъ. Можно ли такъ состарѣться въ 22 года! Непозволительно!

Какъ тебѣ понравилось Видѣніе? Можешь сжечь, если не годится. Этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ. Инымъ больно досталось. Бобровъ вѣрно тебя разсмѣшитъ. Онъ тутъ у мѣста. Славенофила вычеркни, да и все, какъ говорю, можешь предать огню и мечу.

Къ кому здѣсь прибѣгнуть музѣ? Я съ тѣхъ поръ, какъ съ тобою разстался, никому даже и полустишія, не только своего, но и чужаго не прочиталъ? Съ какими людьми живу?...

Deux nobles campagnards, grands lecteurs de romans,
Qui m'ont dit tout Cyrus dans leurs longs complimens....

Вотъ мои сосѣди! Прошу веселиться!

Нѣтъ, не возможно читать русской исторіи хладнокровно, то-есть, съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался: все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги Половцевъ, Татаръ, Литвы и проч., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ. Нѣтъ середины! Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу; мелкій, ибо занимаешься пустяками. Жанъ-Жакъ говоритъ:.... «Car ne vous laissez pas éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle ce son pays. Cela n'est pas vrai. Il y a des pays dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur». Какая истина! Да Писареву до этого дѣла нѣтъ. Онъ пишетъ себѣ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на скомонѣхъ, былъ лицомъ бѣлъ, сѣкъ рынду батогами и проч.! Есть ли тутъ малѣйшее дарованіе? Не трудъ ли это, достойный Тредіаковскаго.... и академіи наградою?.... Притомъ отъ одного слова русское, некстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ.... Скажу тебѣ еще, что я читалъ отъ великаго досуга и метафизику. Многое не понялъ, а что понялъ, тѣмъ недоволенъ. Напримѣръ, сочинитель Системы Природы похожъ на живописца, который всѣ краски смѣшалъ въ одно и послѣ, кажется, говоритъ:

«Отличи, коль можешь, бѣлое отъ чернаго, красное отъ синяго?» Наука тщетная и пустая! Это Дедаловъ лабиринтъ, въ которомъ быть надобно, но не иначе какъ съ нитью, то-есть, съ разсудкомъ. Жаль, что эта нить тонка и гнила. Сей же самый сочинитель въ концѣ книги, разрушивъ все, смѣшавъ все, призываетъ природу и дѣлаетъ ее всему началомъ. Итакъ, любезный другъ, не возможно никому отвергнуть и не познать какое-либо начало; назови его, какъ хочешь, все одно; но оно существуетъ, то-есть, существуетъ Богъ. А отъ сего все заключить можно. Я знаю твои мысли, ты знаешь мои, и потому мимоходомъ это тебѣ сказалъ.

Не знаю, читаешь ли ты Анахарсиса? Божественная книга. Не выпускай ее изъ рукъ, ибо она не только быть можетъ путеводителемъ къ храму древности или изящнаго, но исполнена здравой философіи.

У меня мало книгъ, потому-то я одну и ту же перечитываю много разъ, потому-то, какъ скупой или любовникъ, говорю объ нихъ съ удовольствіемъ, зная, что тебѣ этимъ наскучить не можно.

Писаревъ еще написалъ что-то, именно: Правила для актеровъ. Я изъ рецензіи вижу, что это вздоръ, даже въ эпиграфѣ ошибка противъ языка, непростительная члену академіи. Меня убиваетъ самолюбіе этихъ людей. Еслибъ они хотя языкомъ занимались, еслибъ хотя умѣли цѣнить дарованія чужія.... Но что я говорю? На это надобенъ умъ, а у нихъ этого-то и недостаетъ.

Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками и, что еще болѣе, цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные

маратели выхваляютъ все старое? Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что и ты умѣешь,—итакъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патріоты, жаркіе декламаторы, не любятъ или не умѣютъ любить Русской земли. Имѣю право сказать это, и всякій пусть скажетъ, кто добровольно хотѣлъ принести жизнь на жертву отечеству.... Да дѣло не о томъ: Глинка называетъ Вѣстникъ свой Русскимъ, какъ будто пишетъ въ Китаѣ для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжатъ, нашептываютъ: русское, русское, русское.... а я потерялъ вовсе терпѣніе!

Я посмѣялся твоему толкованію любви. Боюсь, чтобъ ты не учредилъ судъ любви, который существовалъ въ Провансѣ, въ концѣ одиннадцатаго столѣтія. Тамъ эти полезныя задачи разрѣшали всячески и все по латыни. Красавицы слушали съ удовольствіемъ ученыхъ трубадуровъ, которые такъ хитро умѣли угадывать тайные сгибы ихъ сердецъ. Но насъ никто слушать не будетъ: такъ останемся всякій въ своемъ расколѣ. Притомъ же всякій любитъ какъ умѣетъ, ибо страсть любви есть Протей. Она принимаетъ разные виды, соображаясь съ сердцемъ любовника. Любовь есть.... но

Je me sauve à la nage, et j'aborde où je puis.

Прощай, до свиданія. Конст. Бат.

XXXIII.

А. Н. Оленину.

23-го ноября 1809 г. (Деревня).

Милостивый государь Алексѣй Николаевичъ! Гнѣдичь увѣдомляетъ меня, что онъ прочиталъ вамъ мое

Видѣніе, что оно вамъ понравилось, что вы изволили съ него взять копію, но въ немъ столько описокъ, столько стиховъ не оконченныхъ, даже безъ риѳмъ, что я рѣшился, исправя все, послать новый списокъ вашему превосходительству, гдѣ вы изволите найти трехъ Сафъ и проч. Мнѣ передъ вами оправдываться не нужно; вы знаете совершенно, что позволено шутить не надъ честью, но надъ глупостью писателей: Горацій, Ювеналъ, Боало, Попе, Сумароковъ, всѣ и всѣ именовали Котеновъ своего вѣка. Умный человѣкъ осмѣянный прощаетъ, дуракъ сердится. Вольтеръ сказалъ въ извѣстномъ стихѣ!

Qui pardonne a raison et la colère a tort.

Но много ли умныхъ? Повѣрьте, ваше превосходительство, что всѣ разсердятся,

И я у всѣхъ сталъ виноватъ,

какъ говоритъ нашъ Пиндаръ Державинъ. Впрочемъ, Богъ съ ними!

Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs.

Желаю знать, что болѣе понравится вашему превосходительству. Глинка, напримѣръ, списанъ съ натуры. Паденіе въ рѣку сочинительницы Густава и г-жи Буниной, и еще какой-то Извѣковой меня самого до слезъ насмѣшили. Желалъ бы очень напечатать въ лицахъ это все маранье: для рисовщика каррикатуръ пространное поле.

Я давно не получалъ отъ васъ извѣстій, милостивый государь. Это меня безпокоило. Но и васъ пустыми письмами безпокоить не хотѣлъ, зная, сколько время вамъ драгоцѣнно. Прошу васъ по крайней мѣрѣ поцѣловать за меня ручку у милостивой государыни Елиса-

веты Марковны и шепнуть ей подъ часъ, что за здоровье ея молитъ Бога вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Конст. Батюшковъ.

Я скоро ѣду въ Москву. Катерина Ѳедоровна пишетъ, что я негодяй, что избалуюсь въ деревнѣ; но поѣду черезъ Вологду, гдѣ письмо вашего превосходительства, если удостоите отвѣта сновидца Іосифа, вѣрно застанетъ. Боюсь, чтобъ дамы на меня не прогнѣвались, и какъ написалъ Маринъ,—

Бранитъ меня и дочь, и мать полунагая

за потопленіе нѣвицы Густава. Будьте моимъ щитомъ, ваше превосходительство, противъ сѣверныхъ Фіадъ и Фреронова.

XXXIV.

Н. И. Гнѣдичу.

(Конецъ ноября 1809 г. Деревня).

Охъ ты, голова моя ипохондрихіухихическая, не писалъ бы ты лучше писемъ въ своихъ припадкахъ. Мнѣ и безъ нихъ тошно: пощади меня.

Голова ты, голова! Сказать Оленину, что я сочинилъ Видѣніе. Какія имѣлъ ты на это права? Ниже отцу родному не долженствовало объ этомъ говорить. Онъ же извинителенъ, ибо не зналъ и впрямь, хочу ли я быть извѣстенъ. Но ты, но ты? Стыдно, очень стыдно. По дѣломъ тебя совѣсть мучитъ. Я вѣтренъ, но этого никакъ бы не сказалъ никому. Но я тебѣ прощаю отъ души; прости и мнѣ нѣкія глупости—впередъ или назадъ.

Прилагаю у сего оконченное Видѣніе. Произведе-

ніе довольно оригинальное, ибо ни на что не похоже. Теперь, ибо имя мое извѣстно, хоть въ печать отдавай. Я прибавилъ: 1-е, изъ Москвы—шаликовщину, 2-е, русскихъ повивальныхъ Сафъ, которыя пути не знаютъ къ морю. Въ какомъ расположеніи духа ни будь, а ихъ паденіе тебя насмѣшитъ. Ода Лебренова хороша. Прочитай ее снова вопреки твоей головѣ, которая никуда не годится, ниже въ испаганскую башню, составленную изъ козьихъ головъ (смотри Всемірный путешественникъ). Карамзина топить не смѣю, ибо его почитаю. Впрочемъ, я бы могъ написать все гораздо злѣе, въ родѣ Шаховскаго. Но убоялся, ибо тогда не было бы смѣшно. Кажется, все исправилъ. Тройныя же риѳмы нужны. Французы пишутъ всѣ четырехстопные стихи такими риѳмами, rimes redoublées.

Я не хотѣлъ путешествовать въ мечтахъ, но хотѣлъ быть при миссіи на мѣстѣ. Хотѣлъ, лучше сказать, врать. Я знаю, что ты ничѣмъ этому пособить не можешь, да и очень трудно. Слѣдственно, про одни дрожди не говорятъ трожды.

Пришли тотчасъ Видѣніе, да за мои полныя письма пришли хотя одно нетощее въ Вологду: я туда ѣду. Не стыдно ли тебѣ не прислать Цвѣтника за труды мои, за стихи Семеновой? Пришли его... Каковъ Глинка? Каковъ Крыловъ? Это живые портреты, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется... Егоровъ ходитъ съ усами... Какъ вы, друзья, ...ствили Заиру?... Висковатаго за виски... Каковъ бы былъ Штаневичъ въ Видѣніи? Гадокъ, не правда ли? Захарова... да не обидь всѣхъ... Шаховскаго, голубчика, съ причетомъ, съ адъютантами, янычарами, съ сералью и съ евнухами... да боюсь его, правду тебѣ сказать... Скажи мнѣ, не читалъ ли Шишковъ, сидящій въ дѣдовскомъ

возкѣ? Что бранятъ меня? Кто и какъ, отпиши чистосердечно. Замѣть, кто всѣхъ глупѣе, тотъ болѣе и прогнѣвается. Къ Оленину я послалъ экземпляръ. Поцѣлуй ручку у Анны Петровны. Я ее люблю и почитаю, и еслибъ не лѣнь, давно бы прислалъ стихи мои. Какъ ея дѣла?

Перестанутъ ли школьники топить Гермогена? Перестанетъ ли Писаревъ играть на скомонѣхъ? Ты мнѣ твердишь о Тассѣ или Тазѣ, какъ будто я сотворенъ по образу и подобію Божьему затѣмъ, чтобъ переводить Тасса. Какая слава, какая польза отъ этого? Никакой. Только время потерянное, золотое время для сна и лѣни. Впрочемъ, первая пѣснь готова. Риѳмъ я не знаю на моря и скоро, подобно Боброву, стану писать бѣлыми стихами, умру и стихи со мной.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и нѣтъ его!

Вотъ моя эпитафія.

XXXV.

Н. И. Гнѣдичу.

(Декабрь 1809 г. Деревня).

Я вижу, любезный другъ, что съ тобою нужна логика и діалектика самая тонкая, и для того боюсь, чтобъ ты не прицѣпился снова къ моимъ словамъ. Ты мнѣ упрекаешь лѣностью! Ты, который лежишь отъ утра до ночи или дѣлаешь одно только, что тебѣ пріятно, ты, которому желудокъ дороже и самой славы, ты, который пишешь къ другу своему одни отвѣты лаконическіе на длинныя его письма, однимъ словомъ, ты,

Гнѣдичь,—между тѣмъ какъ я, несчастный (ни слова не хочу прибавить), между тѣмъ какъ я сижу одинъ въ четырехъ стѣнахъ, въ самомъ скучномъ уединеніи, въ такой тишинѣ, что каждое біеніе маятника карманныхъ часовъ повторяется ясно и звучно въ моемъ услышаніи, между тѣмъ какъ и надежды не имѣю отсюда выѣхать! Нѣтъ, лучше пожелай мнѣ той твердости духа, которой я часто не имѣю, будучи (вина боговъ!) чувствителенъ къ огорченіямъ, а радостей, клянусь тебѣ небомъ, давно не знаю. Вотъ мое положеніе. Я люблю тебя, а кого люблю, того не огорчаю дальнымъ и безплоднымъ разсказомъ, да и къ чему тебѣ плакать? У тебя и безъ того болятъ глаза, и на мои длинныя рѣсницы часто, очень часто навертываются слезы, которыя никто, кромѣ Бога, не видитъ.

Что мнѣ дѣлать? Что начать? Я хочу отписать снова къ Оленину; онъ мнѣ пусть откажетъ; его отказъ легче снести, нежели другаго, оттого что я его люблю, оттого что ему многимъ, очень многимъ одолженъ! И еще разъ, и въ послѣдній, буду проситься въ чужіе края. На это у меня сто причинъ. А у васъ въ Питерѣ служить не намѣренъ. И на это есть миліонъ причинъ сильныхъ, важныхъ.

Повѣришь ли? Я здѣсь живу 4 мѣсяца, и въ эти четыре мѣсяца почти никуда не выѣзжалъ. Отчего? Я вздумалъ, что мнѣ надобно писать въ прозѣ, если я хочу быть полезенъ по службѣ, и давай писать—и написалъ груды, и еще бы писалъ, несчастный! И я могъ думать, что у насъ дарованіе безъ интригъ, безъ ползанья, безъ какой-то разсчетливости можетъ быть полезно! И я могъ еще дѣлать на воздухѣ замки и ловить дымъ! Нынѣ, бросивъ все, я читаю Монтаня, который иныхъ учитъ жить, а другихъ ждать смерти. А

ты мнѣ совѣтуешь переводить Тасса—въ этомъ состояніи? Я не знаю, но и этотъ Тассъ меня огорчаетъ. Послушаемъ Лагарпа, въ похвальномъ его словѣ Колардо: «Son âme (l'âme de Colardeau) semblait se ranimer un moment pour la gloire et la reconnaissance, mais ce dernier rayon allait bientôt s'éteindre dans la tombe.... Il avait traduit quelques chants du Tasse. Y avait-il une fatalité attachée à ce nom?» Я знаю цѣну твоимъ похваламъ и знаю то, что дружба не можетъ тебя ослѣпить до того, чтобъ хвалить дурное. Но знаю и то, что мой Тазъ или Тассъ не такъ хорошъ, какъ думаешь. Но если онъ и хорошъ, то какая мнѣ отъ него польза? Лучше ли пойдутъ мои дѣла (о которыхъ мнѣ не только говорить, но и слышать гадко), болѣе или менѣе я буду счастливъ? Или мы живемъ въ вѣкѣ Людовика, въ которомъ для славы можно было претерпѣть несчастіе, можно было страдать и забывать свое страданіе?

Къ несчастію, я не вралъ и не геній и для того прошу тебя оставить моего Тасса въ покоѣ, котораго я вѣрно бы сжегъ, еслибъ зналъ, что у меня одного онъ находится. Впрочемъ, я радъ, что тебѣ понравились мои стихи въ Вѣстникѣ. Они давно были написаны: это очень видно.

Сказать ли тебѣ анекдотъ? Ник. Наз. Муравьевъ, человѣкъ очень честный, и про котораго я вѣрно не скажу ничего худаго, ибо онъ этого не стоитъ, наконецъ, Николай Назарьевичъ, негодуя на меня за то, что я не хотѣлъ ничего писать въ канцеляріи (мнѣ было 17 лѣтъ), сказалъ это покойному Михаилу Никитичу, а чтобъ подтвердить на дѣлѣ слова свои и доказать, что я лѣнивецъ, принесъ ему мое посланіе къ тебѣ, у котораго были въ заглавіи стихи изъ Парни всѣмъ извѣстные:

Le ciel, qui voulait mon bonheur,
Avait mis au fond de mon cœur
La paresse et l'insouciance—и проч.

Что сдѣлалъ Михаилъ Никитичъ? Засмѣялся и оставилъ стихи у себя. Quid rides? Fabula de te narratur! Вотъ и твоя исторія. И впрямь, что значитъ моя лѣнь? Лѣнь человѣка, который цѣлыя ночи просиживаетъ за книгами, пишетъ, читаетъ или разсуждаетъ! Нѣтъ, говорилъ Мирабо, а Мирабо зналъ, что говорилъ,—еслибъ я строилъ мельницы, пивоварни, продавалъ, обманывалъ и исповѣдывалъ, то вѣрно бъ прослылъ честнымъ и притомъ дѣятельнымъ человѣкомъ. Не думай, чтобъ я Мирабо слова взялъ за правило: я его читалъ назадъ тому два года и привожу изъ памяти. Впрочемъ, у меня покои довольно теплы, для общества есть три собаки, аппетитъ изрядный и на мѣсто термометра серебряный рубль, который остался отъ шведскаго похода: съ этимъ не умрешь съ голоду, а если сойдешь съ ума, то это бездѣлка! Ахъ, обстоятельства, обстоятельства, вы дѣлаете великихъ людей!

Но я не хочу походить на старую даму, а ты не докторъ, слѣдственно, и полно говорить о себѣ. Львова вышла замужъ за Львова. Я этого все не понимаю! Леонидъ ко мнѣ пишетъ очень забавно, а объ этомъ ни слова. Да помилуй, у Ѳедора Петровича 10 человѣкъ дѣтей! Чудеса! Мое письмо очень скучно, затѣмъ-то я прилагаю у сего письмо князя Вяземскаго, которое тебя вѣрно насмѣшитъ. Но пришли его обратно, ибо оно мнѣ нужно. О Жуковскомъ ничего не знаю. Я съ нимъ жилъ три недѣли у Карамзина и на другой или третій день уѣхалъ въ деревню. Онъ въ Бѣлевѣ, вѣрно боленъ или пишетъ. Пришли что-нибудь въ Вѣстникъ, а къ нему писать буду. Да еще тебѣ упрекъ. Миръ праху Беницкаго!

Былъ уменъ, да умеръ! А тебѣ не стыдно ли не написать ни строчки въ его похвалу, не стихами, а прозою? Зачѣмъ не извѣстить людей, что жилъ нѣкто Беницкій и написалъ На другой день? Зачѣмъ не помѣстить это біографическое извѣстіе не въ журналъ фабриканта Измайлова, а въ Вѣстникъ? Пробудись, Брутъ! Что такое намаралъ еще Шихматовъ? Я читалъ Каченовскаго рецензію въ журналѣ, а его поэмы не видалъ, да и видѣть не хочу. Попроси Измайлова, чтобъ онъ мнѣ прислалъ Цвѣтникъ: я его не получалъ съ апрѣля или мая, а онъ хорошъ для деревни. Пришли, сжалься, какихъ-нибудь книгъ и еще бумаги почтовой, рублей на пять: писать не на чемъ. Прощай.

Что я за писатель писемъ! И что писать къ Баранову, и какая тутъ политика? Охъ, вы люди! Или у меня ни ума, ни разсудка нѣтъ, а вы перемудрили, ученые! Чѣмъ ты занятъ? Переводишь ли Гомера? А я его нынѣ перечитываю и завидую тебѣ, завидую тому, что у тебя есть вѣчная пища! Бога ради пиши поболѣе объ Иванѣ Матвѣевичѣ, что онъ дѣлаетъ, и какъ? Я этого человѣка люблю, потому что онъ, кажется, меня любитъ. Вяземскаго письмо очень забавно. Не правда ли? Поклонись Полозову и скажи ему отъ меня: Богъ съ вами! Поклонись Самариной: я душой свѣтлѣю, когда ее вспоминаю. А Ниловы неблагодарные. Не видишь ли Петина? Вотъ добрый другъ!

XXXVI.

Н. И. Гнѣдичу.

Рождество. (Декабрь 1809 г. Деревня).

Я получилъ твою хартію, рѣчь, писанную стихусомъ на египетскомъ папирусѣ, получилъ, прочиталъ и..... и

сперва пожалъ плечами, а потомъ сказалъ: простительно ему обманываться, онъ меня любитъ и желаетъ добра!

Я былъ очень боленъ лихорадкою, самою злою, да и теперь весьма слабъ и пишу на силу. Что отвѣчать мнѣ на твои приглашенія? Ахъ, любезный другъ! Я писалъ къ Оленину: нѣтъ отвѣта. Зачѣмъ же я поѣду въ Петербургъ, и на кого могу надѣяться, и кого буду просить! Я? Просить! И какое мнѣ дадутъ мѣсто, для меня способное, послѣ того, которое я, баловень, занималъ у незабвеннаго для меня Михаила Никитича? Всѣ твои надежды меня радовали, знаешь ли почему? Потому что онѣ мнѣ доказывали твою дружбу, которая меня единственно утѣшаетъ. Дай руку, любезный другъ, дай руку, я ее прижму посильнѣе, и ты, можетъ быть, почувствуешь всю мою благодарность, и ты, можетъ быть, скажешь или сердце твое скажетъ: онъ стоитъ меня! Ты мнѣ пишешь о томъ, о другомъ и о третьемъ, но я въ этомъ случаѣ опытнѣе тебя; я знаю людей, знаю, что они не всегда готовы на услугу; этого мало: я не могу просить всякаго безъ разбора, первое—потому что не всѣхъ уважаю, а второе—потому что лѣнивъ духомъ.

Однимъ словомъ, я бросилъ намѣреніе ѣхать на службу, на долго ли, не знаю. Но теперь довольно покоенъ, ибо не желаю ничего съ большимъ аппетитомъ. Ѣду въ Вологду на недѣлю, стану принимать хину, и если вылѣчусь, то отправлюсь въ Москву, а по веснѣ на кавказскія воды, ибо путешествіе сдѣлалось потребностію души моей.

Ты мнѣ забавенъ съ твоими предразсудками. И напрасно сердишься на князя Вяземскаго, который меня истинно любитъ, а много ли такихъ людей? Кромѣ его ума (а онъ очень уменъ), онъ весьма добрый малый. Не знаю,

какъ узналъ, что я не ѣду, потому что ожидаю оброку съ деревень и что же? Предложилъ свой кошелекъ, но съ такимъ добродушіемъ, что письмо его меня тронуло. Деньги его мнѣ не надобны: я отказалъ ихъ, но я ему не менѣе за то обязанъ. Это не бездѣлка, такой поступокъ! Согласись самъ, ибо ты довольно знаешь свѣтъ и жителей земноводнаго шара!

Признаюсь, что я пожалъ плечами, прочитавъ твое приглашеніе и причины, на которыя ты опираешься: что въ Москвѣ я буду писать хуже. Я гривны не дамъ за то, чтобъ быть славнымъ писателемъ, ниже Расиномъ, а хочу быть счастливъ. Это желаніе внушила мнѣ природа въ пеленахъ. Притомъ же, мирты, тѣнь и льдины написаны мною на Петергофской дорогѣ, назадъ тому лѣтъ семь. Я знаю, что это дурно, это то, что Италіанцы называютъ freddura. Кстати, пришли мнѣ замѣчанія на Мечту, хоть на лоскуткѣ, иначе я на тебя буду сердитъ!

Я смѣялся увѣщаніямъ не читать Мирабо, д'Аламберта и Дидерота. Это и впрямь отъ Гнѣдича—забавно! Давно ли ты сталъ капуциномъ? Гомеръ, конечно, Гомеръ, но его читать нельзя безъ скуки во всю свою жизнь, ибо поэзія не есть ремесло. Притомъ же

Le véritable esprit sait se plier à tout,
On ne vit qu'à demi quand on n'a qu'un seul goût.

У тебя умъ великъ, а разсудокъ малъ. Мнѣ переводить Расина! Положимъ и такъ. Но переводить Эсѳирь дѣло вовсе невозможное, первое—потому что ее никогда не представляютъ; второе—потому что она на сценѣ должна быть холодна какъ ледъ, и есть дѣло совершенно безплодное; третіе—потому что, принявшись за нее, я буду долженъ цѣлый годъ заниматься однимъ

дѣломъ, ибо я съ малолѣтства воспитанъ въ страхѣ Расина. У меня есть славная эдиція Эсѳири съ замѣчаніями Boisgermain, но обстоятельствами, болѣзнію и наконецъ, всѣмъ и всѣми я такъ обезкураженъ, что за это дѣло никакъ не примусь.

Я надѣюсь, что ты сдѣлаешься членомъ лицея, это тебѣ очень не трудно, а потомство скажетъ: былъ нѣкій и были нѣкіи! О, это весьма утѣшно! Но такъ какъ ни одна дама не поѣдетъ слушать Захарова, Писарева, Шихматова и съ компаніей, то я совѣтую, затѣмъ чтобъ не уронить своей славы обществу, нѣкоторымъ членамъ переодѣваться въ женскія платья, напримѣръ, Крыловъ—въ видѣ Сафы, Карабановъ—подъ покрываломъ Коринны, Хвостовъ—въ видѣ Венеры Анадіомены или Филометы, весь нагой, на ученыхъ скамьяхъ могли бъ произвести большой эффектъ, и я скажу: вотъ Грецiя!

XXXVII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Конецъ декабря 1809 г. Вологда).

Я пишу тебѣ изъ Вологды, откуда, если судьбы непреклонныя, неумолимыя препятствовать будутъ, долго не выѣду. Если же—напротивъ, то адресуй письма свои въ Москву. Ты ѣдешь въ Москву, ибо ѣдешь въ Малороссію, но ты ѣдешь въ Малороссію такъ, какъ ѣдешь въ Москву, то-есть, никогда, да и что тамъ дѣлать тебѣ, нелюдимому? Меня же Катерина Ѳедоровна зоветъ къ себѣ столь убѣдительно.... Не знаю, мой другъ, любитъ ли кто меня, какъ она? Можетъ быть,

въ привязанности другихъ кроется интересъ, но въ ея дружествѣ—ничего, кромѣ той привязанности, каковую мы чувствуемъ къ человѣку, нами обязанному. Будь это сказано мимоходомъ. Итакъ, если въ теченіе двухъ недѣль не получишь писемъ отъ меня, то адресуй въ Москву на имя К. Ѳ. Муравьевой, Батюшкову, въ Арбатской части, на Никитинской улицѣ, въ приходѣ Георгія на Вспольѣ, № 237.

Спасибо за Видѣніе; я душевно радъ, что оно тебѣ понравилось. Пришли его назадъ, ибо по чести у меня начерно ниже строчки нѣтъ. Я сжегъ нарочно, чтобъ послѣ прочитать на свѣжій умъ и переправить. Пришли не замедля. Не стыдно ли, что Иліады экземпляръ не прислалъ мнѣ. Твое же посланіе недостойно тебя; посылаю его тебѣ съ замѣчаніями. Растянуто и дурно написано. Меньше славянизма и плавнѣе, ибо это сочиненіе, а не переводъ. Мысль же, что Екатерина смотритъ на внуку, безподобна и можетъ быть прекрасно выражена. Это ново и благородно. Ты хочешь, чтобъ я бранилъ Шаховскаго? Не много ли это? Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона или Палиссота? Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу на мѣстѣ.... Миръ праху твоему, Беницкій! Мы съ нимъ увидимся въ царствѣ неизвѣстности, гдѣ ни дурныхъ стихотворцевъ, ни дураковъ, ни злодѣевъ.... Ниловы! Они въ Питерѣ! А я писалъ къ нимъ въ Тамбовъ! Ниловы, Ниловы! Нилова, которая... которую... Ее опасно видѣть!

Не накидывай на себя дурь, мой другъ, не говори, что люди съ ума сошли. Ты не Жанъ-Жакъ, ты не потребуешь себѣ велегласно статуи, нѣтъ! Но анекдоты тобою описаны [такъ], что можно ихъ назвать образцомъ огорченнаго стиля. Я и сержусь, и смѣюсь; ты же....

Это письмо начато давно, всѣ дни проводилъ въ хлопотахъ.

XXXVIII.

А. Н. Батюшковой.

(Январь 1810 г. Москва).

Любезный другъ, поздравляю тебя съ новымъ годомъ, желаю счастія, здоровья и всѣхъ благъ, которыхъ мы уже давно не имѣемъ. Я пріѣхалъ сюда въ Рожество и живу у Катерины Ѳедоровны, которая не хочетъ, чтобъ я жилъ одинъ. Поэтому можешь разсудить, любезная сестрица, любитъ ли она меня; поэтому можешь разсудить, люблю ли я ее, я, который растворяю настежь обѣ двери сердца моего, когда дѣло идетъ до.... любви, напримѣръ. Здѣсь Анна Семеновна, пріѣхавшая изъ Малороссіи съ одной изъ своихъ дочерей, которая была здѣсь отчаянно больна. Ты спросишь меня: весело ли мнѣ? Нѣтъ, увѣряю тебя. Въ собраніи я былъ разъ, разъ у Ижорина, у Полторацкаго, да еще у какихъ-то Москвитянъ, которыхъ и имени едва упомнить могу. Слѣдственно, мнѣ въ Москвѣ не очень весело. Да и гдѣ весело быть можетъ?

Я познакомился здѣсь со всѣмъ Парнассомъ, кромѣ Карамзина, который боленъ отчаянно. Эдакихъ рожъ и не видывалъ. Кстати скажу тебѣ, что я очень обласканъ Ижоринымъ и сестрой его.

Отпиши мнѣ обо всемъ обстоятельнѣе, я не примину писать съ первою почтою къ тебѣ и къ Аркадію Аполлоновичу. Павла Алексѣевича, Вареньку и Лизавету поцѣлуй за меня. Константинъ Бат.

XXXIX.

Н. И. Гнѣдичу.

16-го января (1810 г. Москва).

Любезный Николай, я начиналъ сто разъ отвѣтъ на твои письма и ни слова написать не сумѣлъ. Что тому причина? Обстоятельства. Ты засмѣешься; но это правда....

Получишь длинное описаніе о Москвѣ, о ея жителяхъ-поэтахъ, о Парнассѣ и пр., но теперь выслушай.

Я тебѣ писалъ о иностранной коллегіи и теперь писать стану, съ тою только разницею, что 1) я обдумалъ мною написанное, 2) что на опытѣ узналъ, сколько мнѣ вредна недѣятельность духа, на которую здѣсь, въ Москвѣ, имѣю болѣе причинъ жаловаться, нежели и въ самой деревнѣ.

Приступимъ.

(Я предполагаю). Тверь отъ меня близко, то есть 150 верстъ. Еслибъ я съѣздилъ туда съ I-й пѣснею Тасса? Еслибъ великая княгиня приняла ее милостиво? Еслибъ она дала мнѣ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобъ меня помѣстили на первое открывшееся мѣсто въ иностранной коллегіи? Какъ думаешь?... Или хочешь, чтобъ я весь заржавѣлъ въ ничтожности, или — что еще хуже того — женился въ мои лѣта и изчезъ для міра, для людей за вафлями, за котлетами и сахарной водой, которую женатые пьютъ отъ икоты послѣ обѣда.

Если ты, если Семенова, тобою настроенная, отпишутъ князю Гагарину, если онъ это возьметъ на сердце, то я думаю, что тутъ ничего мудренаго нѣтъ,

тѣмъ болѣе, что онъ Радищеву предлагалъ въ Твери прекрасное мѣсто, отъ котораго нашъ пріятель имѣлъ глупость отказаться. Если такъ, то отписавъ вмѣстѣ съ Семеновой Гагарину, напиши мнѣ, и я самъ съѣзжу въ Тверь. Проси его; пусть она съ жаромъ растрогаетъ его самолюбіе, и ни слова о моемъ проектѣ, а скажи, что я хочу поднесть стихи и проч.

Я знаю, что,

Que la fortune vend ce qu'on croit qu'elle donne.

Но повѣрь мнѣ, что я весь не свой. Россія такъ надоѣла, домашнія обстоятельства столь докучны (не говорю о интересѣ, ибо теперь, слава Богу, эта статья исправилась), что я не могу остаться ни минуты спокойнымъ. Тебѣ быть одолженнымъ моимъ счастьемъ, тебѣ, Николаю, котораго я не знаю почему, какъ и когда люблю, какъ брата, тебѣ, мой другъ, мнѣ пріятно, весело и благородно. Но никому другому. Подумай объ этомъ.

Впрочемъ, я увѣренъ, что ты безразсуднымъ не сочтешь желанія ограниченнаго, нисколько не романическаго. Если когда не толкнуться у дверей фортуны, то.... ты самъ это испыталъ. Увѣдомь меня немедленно о томъ, что предпримешь по этому дѣлу. Скажу тебѣ, что я отдалъ Жуковскому твое посланіе ко мнѣ съ моимъ отвѣтомъ, кой-гдѣ оба поправивъ. Онъ тебя любитъ.... ибо онъ одинъ съ толкомъ. Весь твой Константинъ Б.

Ты увидишь у Оленина Н. М. Муравьева дочь. Какова?..а?..а?..а?

XL.

А. Е. Измайлову.

(начало 1810 г.).

На переводъ Генріады или превращеніе Вольтера.

«Что это!» говорилъ Плутонъ,
«Остановился Флегетонъ,
«Мегера, фуріи и Церберъ онѣмѣли,
«Внимая пѣнью твоему,
«Пѣвецъ безсмертной Габріели?
«Умолкни!... Но сему
«Безбожнику въ награду
«Поищемъ страшныхъ мукъ, ужасныхъ даже аду,
«Содѣлаемъ его,
«Гнуснѣе самого
«Сизифа злова!»
Сказалъ и превратилъ—о ужасъ!—въ Ослякова.

Т. Н. Р.

Сдѣлайте одолженіе, напечатайте въ одномъ изъ нумеровъ вашего журнала эту эпиграмму. Я желалъ бы служить вамъ чѣмъ-нибудь лучшимъ, да не имѣю; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Покорный слуга Константинъ Батюшковъ.

XLI.

Н. И. Гнѣдичу.

1-го февраля (1810 г. Москва).

Я писалъ къ тебѣ съ Анной Семеновной Муравьевой; если ты не получилъ этого письма, то пошли за нимъ немедленно къ Пушкиной, на Владимірскую улицу, ибо въ ономъ много вещей нужныхъ.

Теперь прибавлю слѣдующее: Если ты напишешь мнѣ, что можно привести въ дѣйство мой планъ, то я

немедленно поѣду въ Тверь и адресуюсь къ князю Гагарину. У меня еще будетъ письмо отъ одной особы, которую ея высочество отличаетъ истиннымъ уваженіемъ, прямо къ великой княгинѣ. Поелику требованіе мое вовсе не важно, не затѣйливо и просто, то я думаю, мой другъ, что будетъ и успѣхъ. Какъ бы то ни было, но я въ первый, да и въ послѣдній, толкнусь у дверей фортуны, ибо ты знаешь съ Лафонтеномъ,

Que la fortune vend ce qu'on croit qu'elle donne.

Здѣсь Львовъ, который тебя очень любитъ, а это и мнѣ мило. Петинъ читалъ твое письмо и помиралъ со смѣху. Жихаревъ (ибо это онъ тебѣ говорилъ) вретъ; Петинъ смѣялся не надъ стихами, а надъ предметомъ ихъ, который (между нами сказано будь) весь въ веснушкахъ.

Ни слова о Москвѣ; я тебѣ готовлю описаніе на дести. Карамзинъ обо мнѣ съ похвалой относится, какъ слышу отъ многихъ. Это даетъ поводъ на его знакомство: только что ему легче, и я у него.

Батисту пришлю.

Скажи Ниловымъ, что они не знаютъ въ свѣтѣ жить: я къ нимъ писалъ, а они ни слова. Я боленъ, простуженъ, съ головной болью: вотъ причина, по которой не пишу болѣе. Прощай.

XLII.

Н. И. Гнѣдичу.

9-го февраля 1810 г. Москва.

Я отъ тебя не получалъ давно писемъ, ни отъ тебя, ни отъ Полозова. Послѣдній даже не отвѣчалъ на нѣ-

сколько писаній; это ему стыдно. Я нетерпѣливо ожидаю отвѣта на послѣднія. Какъ думаешь? Неужели ты не склонишься на мои требованія? Неужели мы не сойдемся мнѣніями? Неужели ты не войдешь въ мое положеніе, которое, по чести, незабавно. Незабавно! Ахъ, еслибъ ты могъ прочитать въ моемъ сердцѣ! Такъ я и въ Москвѣ едва ли болѣе разсѣянъ, чѣмъ въ деревнѣ. Въ Москвѣ!.. Куда загляну? Въ большой свѣтъ, въ свѣтъ кинкетовъ? Онъ такъ холоденъ и ничтоженъ, такъ скученъ и глупъ, такъ для меня, словомъ, противенъ, что я рѣшился никуда ни на шагъ! И еслибъ не дружба истинно снисходительная Катерины Ѳедоровны, которой я день ото дня болѣе обязанъ всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ, то я давно бы уѣхалъ въ лѣса пошехонскіе опять жить съ волками и съ китайскими тѣнями воображенія довольно мрачнаго, съ китайскими тѣнями, которыя вѣрно забавнѣе и самыхъ лучшихъ московскихъ маскерадовъ.

Но что будетъ со мною впередъ, если твое снисходительное, чувствительное дружество не протянетъ мнѣ руки, чтобы вывести изъ этихъ потемокъ? Но вотъ еще опасность (ты вѣрно улыбнешься, и смѣйся, если хочешь): ну, если я влюблюсь отъ нечего дѣлать?... Отвѣчай скорѣе. Да какова парижская красавица? У меня такъ голова вертится.

Ба! Да, я видѣлъ Бороздина, былъ у него, отвелъ душу. Онъ такъ милъ, что ужасть. Львовъ тебя любитъ и хвалитъ, какъ солнце: это мнѣ мило. Въ Вѣстникѣ я напечаталъ твое и мое посланіе. Съ Жуковскимъ я на хорошей ногѣ, онъ меня любитъ и стоитъ того, чтобъ я его любилъ, а прочіе, а маленькая тѣнь? Нѣтъ, они меня хотятъ съѣсть. О головы! О ослы! О невѣжды! Кромѣ Каченовскаго, разумѣется, который

ихъ умомъ всѣхъ обобралъ, да и свой на время спряталъ въ карманъ. Дмитріевъ и Карамзинъ обо мнѣ хорошо отзываются. Послѣдній былъ боленъ: вотъ почему я у него не былъ. Впрочемъ скажу тебѣ, что Москва жалка: ни вкуса, ни ума, ниже совѣсти! Пишутъ, да печатаютъ.

Скажи Нилову, что онъ не знаетъ жить въ свѣтѣ, не отвѣчаетъ на письма, что я quos ego.... Но скажи ему это.

Какову мысль мнѣ подалъ Жуковскій! Именно—писать поэму: Распрю новаго языка съ старымъ, на образецъ Лютрена Буало, но четырехстопными стихами. Какъ думаешь? Въ силахъ ли я сладить съ такимъ богатымъ сюжетомъ? Напиши свое мнѣніе. Батиста не покупай, ибо вѣрно пришлю. А ты мнѣ пришли съ Ермолаевымъ пару сапогъ; закажи ихъ Нѣмцу, да пощеголеватѣе. Цѣлую тебя отъ всего сердца. Константинъ Батюшковъ.

Какъ находишь мою печать?

Жуковскій говорилъ объ твоемъ Леарѣ въ журналѣ.

Какова парижская красота?

XLIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Средина февраля 1810 г. Москва).

Я пишу тебѣ, любезный другъ, въ скучномъ расположеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Москвѣ, не былъ еще ни на одномъ балѣ. Сегодня ужасный маскерадъ у г. Грибоѣдова, вся Москва будетъ, а у меня билетъ покойно пролежитъ на столикѣ, ибо я не поѣду.

Ты на Муравьева вооружаешься. Загляни еще въ его оду и увидишь прекрасные стихи, напримѣръ: «Солонка дѣдовска одна». Впрочемъ, если уступаю оду, то не уступлю дочери. Она... повѣришь ли, голова у меня не на мѣстѣ. Я не влюбленъ, а еслибъ еще.... Ну, да полно! Знаешь ты, я изъ семьи Скотининыхъ: что въ голову залѣзетъ, такъ тутъ и сидитъ. Радищевъ пишетъ къ тебѣ. Онъ милъ, какъ ангелъ. Посылаю тебѣ, мой другъ, маленькую пьеску, которую взялъ у Парни, то-есть, завоевалъ. Идея оригинальная. Кажется, переводомъ не испортилъ, впрочемъ ты судья! Въ ней какое-то особливое нѣчто меланхолическое, что мнѣ нравится, что-то мистическое, а propositо. Я гулялъ по бульвару и вижу карету; въ каретѣ барыня и баринъ; на барынѣ салопъ, на баринѣ шуба, и на мѣсто галстуха желтая шаль. «Стой!» И карета «стой». Лѣзетъ изъ колымаги баринъ. Замѣть, я былъ съ маленькимъ Муравьевымъ. Кто же лѣзетъ? Карамзинъ! Тутъ я былъ ясно убѣжденъ, что онъ не пастушекъ, а взрослый малый, худой, блѣдный какъ тѣнь. Онъ меня очень зоветъ къ себѣ; я буду еще на этой недѣлѣ и опишу тебѣ все, что увижу и услышу.

Благодарю тебя за обѣщаніе писать къ Гагарину. Богъ поможетъ, а пока я горе мыкаю. Право, жаловаться боюсь, а умираю то отъ новыхъ ѣдкихъ огорченій, то отъ какого-то бездѣйствія душевнаго, отъ какой-то ни къ чему непривязанности. Я здѣсь очень уединенъ. Въ карты вовсе не играю. Вижу стѣны да людей. Москва есть море для меня; ни одного дома, кромѣ своего, ни одного угла, гдѣ бы я могъ отвести душу душой. Петинъ одинъ меня утѣшаетъ: истинно добрый малый. Я съ нимъ болтаю, сидя у камина, и время кое-какъ утекаетъ. Нѣтъ, я вовсе не для

свѣта сотворенъ премудрымъ Діемъ! Эти условія, проклятыя приличности, эта суетность, этотъ холодъ и къ дарованію, и къ уму, это уравненіе сына Фебова съ сыномъ откупщика или выб.....мъ счастія, это меня бѣситъ! Повѣришь ли? Я вовсе сталъ не тотъ, что былъ назадъ три года. «Не столько я благополученъ» и не столько злополученъ. Годы унесли счастіе, этотъ минутный восторгъ, эту мо́лнію; унесли, правда; но они же унесли безразсудіе, но они научили людямъ давать цѣну истинную. Поцѣлуй Семенову за меня, какъ Иксіонъ сквозь облако Юнону. И то хорошо! Лучше безплодной мечты. Пиши скорѣе. Я на первой недѣлѣ поста хочу ѣхать въ Тверь. Но сперва отпиши, какъ взяться за Гагарина, какъ и что дѣлать? К. Б.

Прочитай Парни Самариной. Это въ ея родѣ: любовь мистико-платоническая.

XLIV.

А. Н. Батюшковой.

19-го февраля (1810 г.). Москва.

По отправленіи письма моего, любезный другъ, я узналъ, что переводъ имѣнія изъ приказа въ опекунскій совѣтъ прямо истинно невозможенъ, ибо одно присутственное мѣсто съ другимъ никакихъ сношеній имѣть не можетъ. Поэтому-то и надобно заложить снова таковое же количество душъ здѣсь или въ Петербургѣ и внести сумму сію въ приказъ. Поговори съ братомъ Павломъ Алексѣевичемъ, посовѣтуйся съ нимъ и пришли мнѣ нужныя бумаги и свидѣтельство для заклада деревень суммою хоть на 10000 р. по

здѣшнимъ цѣнамъ, и я, если хочешь, заложу здѣсь. Отъ Абрама Ильича я никакихъ извѣстій не имѣю: онъ мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ разстался со мною, не пишетъ и не отвѣчаетъ на письма. Ты узнаешь, мой другъ, что дѣла у насъ запутаны, такъ что ничего самъ дѣлать не могу, а другимъ за меня дѣлать болѣе и не можно—первое, потому что мнѣ 23 года, а второе—потому что и наскучило. Посовѣтуйся, отпиши мнѣ, чѣмъ окончить долженъ это все, пока я собственныхъ мѣръ не принялъ.

Скажи Павлу Алексѣевичу, чтобъ онъ освѣдомился, подалъ ли Станиславскій прошеніе въ отставку, или нѣтъ. Если уже подалъ, то вотъ минута единственная, въ которую его мѣсто достать можно. Если Аркадій Аполлоновичъ не хочетъ онаго, то для брата Павла Алексѣевича не лишнее бы было. Ты сама, мой другъ, знаешь, что время ничѣмъ не возвратить. Если это мѣсто упустить, то гдѣ же возмешь другое. Я за полученіе онаго ручаюсь, если только не случится, чего Богъ упаси, пословицы: куда ни кинь, такъ клинъ. Цѣлую васъ всѣхъ, и тебя моя любезная Александрина, отъ всей души и сердца моего.

Я на первой недѣлѣ отправлюсь въ Тверь. Итакъ, спѣшите мнѣ дать отвѣтъ. Можетъ быть, если попутный вѣтеръ станетъ дуть, то я въ Петербургъ проѣду; какъ бы то ни было, но я рѣшился съ помощію Божіею перемѣнить вовсе родъ жизни и удалиться сколько могу отъ мѣстъ, гдѣ всякаго рода неудовольствія ходятъ за мной по пятамъ. Конст. Бат.

XLV.

Н. И. Гнѣдичу.

17-го (марта 1810 г. Москва).

Любезный мой Николай! Виноватъ передъ тобою не я, а болѣзнь моя, которая мѣшала мнѣ къ тебѣ писать, милый другъ мой. Я не шутя былъ очень боленъ нервическимъ припадкомъ въ головѣ. Странная болѣзнь! Лѣкаря называютъ ее: le tic douloureux или болѣзненное біеніе въ вискахъ, упаси Богъ отъ этакаго мученья, упаси Богъ! Вотъ почему я не былъ и въ Твери, даже и вовсе отдумалъ. Что-то все не клеится. Однако же благодарю истинно твоей дѣятельной дружбѣ или лучше—ни слова. Положи руку на сердце, вотъ лучшая награда, когда служишь другу.

Итакъ, я и въ Тверь не поѣхалъ! Что дѣлать! Знать таковы судьбы! Однако же Тасса моего хочу послать туда прямо къ Гагарину. Что будетъ, того не миновать. Знаю, что самому бы лучше, да нельзя. Впрочемъ, я такой вѣры, что счастіе въ пору и невзначай приходитъ, и что всѣ разсчеты бываютъ иногда ничтожны.

Спасибо за Иліаду. Я ее читалъ Жуковскому, который предпочитаетъ переводъ твой Кострову. И я самъ его же мнѣнія. Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя мною, сообщу на первой почтѣ.

Повѣрь мнѣ, мой другъ, что Жуковскій—истинно съ дарованіемъ, милъ и любезенъ, и добръ. У него сердце на ладони. Ты говоришь объ умѣ? И это есть, повѣрь мнѣ. Я съ нимъ вижусь часто и всегда съ новымъ удовольствіемъ.

Кстати, скажу тебѣ, что я бываю у Карамзина и принятъ у него, кажется, на хорошей ногѣ; всѣхъ замѣчаній, сдѣланныхъ мною, не сообщу, а скажу тебѣ, что я видѣлъ автора Марѳы упоеннаго, избалованнаго безпрестаннымъ куреніемъ, и болѣе ни слова.

Я кончу письмо, почта ѣдетъ. Прощай.

Чудно, что Ермолаева нѣтъ до сихъ поръ. К. Б.

XLVI.

Н. И. Гнѣдичу.

23-го марта 1810 г. Москва.

Любезный Николай! Я вчера видѣлъ Ермолаева, и съ нимъ письма ко мнѣ нѣтъ. Это меня безпокоитъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что у васъ на меня гроза. Этого мало: винитъ меня. Ты знаешь, хотѣлъ ли я разглашать шутку, написанную истинно для круга друзей. Впрочемъ, чѣмъ болѣе будутъ бранить, тѣмъ болѣе она ихъ будетъ колоть, и это вѣрный знакъ, вопреки судьямъ, что она даже хорошо написана. Для меня слабое утѣшеніе. Представь себѣ, мой другъ, что это даже останавливаетъ отчасти мою поѣздку въ Тверь, что это меня на долго, очень на долго сгонитъ съ Парнасса, гдѣ я вижу толькоословъ. Говорятъ, что пѣвецъ Фелицы и Василія Темнаго болѣе еще вооружится! Люди!.... Я, любезный Николай, рѣшился оставить все: дотяну вѣкъ въ безвѣстности и, убитый духомъ и обстоятельствами, со слезами на глазахъ, которыя никто, кромѣ тебя, чувствовать не можетъ,— скроюсь, если можно, на вѣки отъ этихъ всѣхъ вздоровъ. Заложу часть имѣнія и поѣду въ чужіе краи.

Не думай, чтобъ это были пустыя слова. Бога ради, напиши мнѣ все обстоятельно. Изъ рукъ дружбы и непріятныя извѣстія сносить легче. Прощай.

Я тебѣ пришлю всѣ мои сочиненія, которыя собралъ и переписалъ для напечатанія. Но теперь это, можетъ быть, и на вѣкъ оставлено.

Я знаю и твои горести или неудовольствія съ Яковлевымъ. Вотъ участь наша! И пусть еще говорятъ, что у насъ словесность въ цвѣтущемъ положеніи. Бомарше сказалъ: «Sans la liberté de blâmer il n'est point d'éloge». Слова, которыхъ истина разительна. Я часто себя поставляю на мѣстѣ людей, переплывшихъ черезъ Лету. Разсердился ли бы я? Нѣтъ, право, нѣтъ и нѣтъ!.. Меня вотъ что утѣшаетъ: буря утихнетъ, и тогда почувствуютъ истину моихъ словъ. Сонъ мой вѣрно всплыветъ, а имъ—

Le ridicule leur reste, et c'est ce qu'il me faut.

Жуковскій проситъ меня, чтобъ я тебѣ отписалъ, не хочешь ли ты напечатать въ Вѣстникѣ нѣсколько изъ Иліады 8-й пѣсни. Это онъ сочтетъ истиннымъ одолженіемъ. Какъ думаешь? Я тебѣ пришлю замѣчанія.

XLVII.

Н. И. Гнѣдичу.

1-го апрѣля (1810 г. Москва).

Любезный Николай! Я получилъ отъ тебя два письма почти вдругъ и посылку съ ними. Они застали меня въ ужасномъ положеніи. Я былъ свидѣтелемъ смерти Анны Семеновны, которая пріѣхала сюда въ середу

24-го, а умерла 29-го марта; сегодня, 1-го апрѣля, ее схоронили. Столь неожиданная кончина женщины, которой едва было сорокъ лѣтъ, матери, у которой семеро дѣтей, меня истинно поразила. Представь себѣ положеніе дочери, положеніе Катерины Ѳедоровны, которая, кромѣ горестей, ничего не знаетъ. Домъ ея есть вѣчная обитель плача, гостинница смерти... Нѣтъ, я не въ силахъ изобразить тебѣ минуту страха, надежды и отчаянія, минуту смерти Анны Семеновны! Но представь себѣ и лѣкарей, которые для мертвой прописываютъ лѣкарства (такъ смерть ея была неожиданна), и отчаяніе дочери, и безпокойство Катерины Ѳедоровны, и состояніе всего дома, который на всякую минуту ожидалъ Ивана Матвѣевича! Словомъ, я эти дни страдалъ какъ несчастный.... Что жизнь наша? Что наши планы? Что наши желанія и надежды? Суета, другъ мой! У насъ на дворѣ есть маленькій флигель, гдѣ Анна Семеновна располагалась прожить всю зиму съ семействомъ своимъ. Разъ пригласила меня туда. Она хотѣла осмотрѣть комнаты и въ одной изъ нихъ, наклонясь на столъ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа говорила: «Здѣсь-то я буду счастлива въ кругу своего семейства, когда устрою дѣла мои, когда отдохну отъ заботъ». И впрямь, я ее вчера видѣлъ въ этой комнатѣ, на этомъ самомъ столѣ.

Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ...
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ!

Въ церкви, гдѣ стоялъ гробъ, я прочиталъ слѣдующую надпись: «Пріидите ко мнѣ... и азъ упокою вы». И впрямь, это одно пристанище, гдѣ въ пору и не въ пору, рано и поздно, мы положимъ страннический посохъ свой и бросимъ якорь на вѣки!

De mortuis aut nihil, aut bene. Итакъ, замѣчанія твои, хотя довольно справедливыя, теперь и ненужны. Что же касается (до твоихъ страховъ, мой другъ, въ разсужденіи меня) до глазъ и сердца, то скажу тебѣ откровенно, что я далекъ отъ любви къ 15-ти-лѣтней дѣвушкѣ, которая меня не знаетъ, которую я не знаю, которой ни модное воспитаніе (хотя истинно скромное), ни характеръ, ни положеніе мнѣ не соотвѣтствуютъ. Притомъ, чтобъ я влюбился, надобны двѣ вещи—или очарованіе кокетки, или нѣчто божественное: понимай, если умѣешь. Впрочемъ, я себя считаю достойнымъ руки не только дѣвушки въ 16 лѣтъ, но даже наслѣдной принцессы всего Мароккскаго царства.

Я Нилову всегда почиталъ, какъ рѣдкую женщину: итакъ, твоя похвала меня не удивила. О куплетѣ подумаю; теперь не время до

J'aimai Thémire,
Comme on respire
Pour éxister.

Не время до любовной метафизики. Молви Нилову, что ему стыдно не отвѣчать на мои письма, да опиши мнѣ подробно гнѣвъ хилыхъ наѣзниковъ славенскаго Пегаса. Кстати скажу тебѣ, что Ермолаевъ пріѣхалъ сюда въ отчаяніи, въ гнѣвѣ, въ сожалѣніи, обуреваемый страстьми, какъ лицо Николевской трагедіи; пріѣхалъ и пророкъ мнѣ невзгоду вашего Пинда, Парнасса и Геликона; насказалъ три короба зла, и я, и я—ну вѣрить, ну огорчаться, и даже до того дошло, что нѣсколько ночей не спалъ, размышляя, что-де я надѣлалъ. Словомъ, ты меня знаешь: вообрази же мое положеніе! Теперь вижу, что поговорили, да и забыли, а отмстили тѣмъ, что напечатали у Шнора Петріаду, родную сестру Сладковскаго, лирическую поэму (!!!) въ

300 листовъ, лирическую поэму, о которой никто еще съ сотворенія міра понятія не имѣлъ, ниже Горацій, который былъ невѣжда, ниже Боало, который былъ пьяница, ниже самъ Гомеръ, который вралъ шестистопными стихами отъ искренняго сердца, какъ простякъ. Нѣтъ, эта лирика меня бѣситъ! И эти-то люди такъ чувствительны... Что же касается до твоего сужденія о Летѣ, о которой ты относился съ восхищеніемъ нѣсколько разъ, а теперь называешь только пріятнымъ вздоромъ, то я скажу тебѣ мое мнѣніе: она останется; переживетъ Петріаду Сладковскаго и лирики Шихматова, не такъ, какъ какая-нибудь вещь совершенная, но какъ твореніе оригинальное и забавное, какъ твореніе, въ которомъ человѣкъ, не смотря ни на какія личности, отдалъ справедливость таланту и вздору. Здѣсь оно изъ рукъ въ руки ходитъ, а все изъ Питера, ибо я никому не далъ. Мерзляковъ—и это тебя приведетъ въ удивленіе—обошелся какъ человѣкъ истинно съ дарованіемъ, который имѣетъ довольно благороднаго самонадѣянія, чтобъ забыть личность въ человѣкѣ. Я съ нимъ имѣю тѣсныя связи по разнымъ домамъ и по собранію любителей словесности, составленному изъ нѣсколькихъ человѣкъ, гдѣ мы время проводимъ весело, съ пользою и съ чашею въ рукахъ. Онъ меня видитъ—и ни слова, видитъ—и приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ. Тонъ его ни мало не перемѣнился (замѣть это). Я молчалъ, молчалъ и молчу до сихъ поръ, но если прійдетъ случай, самъ ему откроюсь въ моей винѣ. Повѣрь мнѣ, что ни одинъ Варяго-Россъ этого не сдѣлаетъ.

У васъ въ Питерѣ Каченовскій, бритва парнасская, родной братъ Фрерона, по нравственности прекрасной, человѣкъ истинно добрый; по крайней мѣрѣ

такъ говорятъ его пріятели. Познакомься съ нимъ. Жуковскаго я болѣе и болѣе любить начинаю.

Бороздина видѣлъ и вижу часто. Исторіи его не знаю; онъ читалъ что-то, но вскользь. Впрочемъ, твое письмо, къ нему писанное, доказываетъ, что ты его опытами не очень доволенъ. Правду тебѣ сказать, я за всѣ русскія древности не дамъ гроша. То ли дѣло Грецiя? То ли дѣло Италія?

Кстати: задержанъ будучи истинно обстоятельствами, истинно не позволяющими отлучиться отъ Москвы, я о Твери не забылъ. Переписываю Тасса и его пошлю къ Гагарину. Что будетъ, не минуетъ. А самъ не ѣду. Если счастье захочетъ, то и само придетъ, вопреки покойному Беницкому, котораго память мнѣ болѣе и болѣе дорога.

Ты увидишь въ Вѣстникѣ описаніе Финляндіи и элегію; желаю, чтобъ оныя тебѣ понравились. Замѣчанія тебѣ пришлю на Иліаду. Теперь, право, не время.

Ты ѣдешь въ Малороссію? Полно, правда ли? И зачѣмъ? Смотри, братъ, не раскайся. Повѣрь мнѣ и своимъ опытамъ, что въ Питерѣ есть люди, есть у нихъ сердце, есть умъ; а это не бездѣлица. Ты разорвешь или охладишь связи. Что выиграешь? Гдѣ найдешь людей, которые бы тобою интересовались, которые бы тебя любили, ласкали, давали тебѣ цѣну, какъ не тѣ, съ которыми ты живешь.

Для насъ все хорошо вдали,
Вблизи—все скучно и постыло!

Вотъ два стиха, которые я написалъ въ молодости, то-есть, въ 15 лѣтъ, и теперь на опытахъ вижу то, что̀ муза моя, еще дѣвственница, угадала. Эта поѣздка

тебя и въ финансахъ разстроитъ, а тебѣ, братъ, объ этомъ пора думать. Не все жить Лафонтеномъ. Ничто не убьетъ такъ скоро твоего таланта, какъ эта поѣздка. Съ кѣмъ ты въ Полтавѣ будешь говорить о пряжкахъ Патрокловой брони или о воловой кожѣ, въ которую одѣвался Аяксъ, стѣна Греціи? Съ кѣмъ отведешь душу?

Попроси Ниловыхъ, чтобы они хоть строчку написали, а я ее въ Лету. Каннисту до сихъ поръ я ни слова не отвѣчалъ и надѣюсь, что онъ меня ѣстъ зубами.

Посылаю тебѣ замѣчанія. Скажи, чѣмъ будешь доволенъ и чѣмъ нѣтъ. Пришли, пожалуйста, отрывокъ изъ Мильтона о слѣпотѣ, я его отдамъ напечатать Жуковскому: и его, и меня этимъ одолжишь. К. Б.

Батистъ пришлю скоро. Я вчера ужиналъ и провелъ наипріятный вечеръ у Карамзина. Жена его пригласила меня на мѣсяцъ къ себѣ на дачу, и я надѣюсь воспользоваться. Недавно у него хвалили твоего Танкреда, и тебя онъ хвалилъ, а я, сидя въ углу, съ досады плакалъ.

Не можешь ли ты прислать Танкреда Апраксину? Онъ очень объ этомъ просилъ. Его хотятъ играть на благородномъ театрѣ. Актеровъ лучше этихъ я отъ роду не видывалъ.

Вотъ письмо къ Измайлову, выставь имя и отдай ему.

XLVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

3-го мая (1810 г. Москва).

Я получилъ письмо твое три дни тому назадъ и ужаснулся, его читая. Ты дурачишься, принимая на

сердце людскія глупости. Стоитъ ли это? Спомни псаломъ: «Не надѣйтеся... на сыны человѣческія». Вѣришь ли, что я это предвидѣлъ? Утѣшься, мой другъ, ради Бога: все пройдетъ. Я болѣе твоего терпѣлъ удары. Они были язвительнѣе изъ рукъ на вѣки драгоцѣнныхъ, но время усыпило горести. Если цвѣты не родятся у ногъ моихъ, то нѣтъ и терній. Тебѣ ли, другъ мой, говорить, что жизнь скучаетъ. Будь свыше золотыхъ болвановъ и знай, что

La plainte est pour le fat, le bruit est pour le sot.
L'honnête homme trompé s'éloigne et ne dit mot.

Я знаю, что тебя ласкали, кадили, какъ Вольтеру у Фридриха, выжали сокъ и бросили корку; знаю, что во всѣхъ откровеніяхъ primo mihi болѣе, нежели дружба дѣйствовала, и всякій соблюдалъ личную пользу. Это участь дарованія. Трутни пожираютъ медъ у пчелъ, но пчелы не бросаютъ трудовъ своихъ; я видѣлъ въ свѣтѣ

Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes,

говоритъ Грессетъ, и эти протеже нужны для таковыхъ покровителей. Но тебѣ ли говорить противъ себя? Не жалуйся на фортуну. Неужели ты себя не довольно почитаешь, чтобъ со мной не раздѣлять посредственность, кусокъ хлѣба? Неужели думаешь, что я говорю тебѣ сіе въ поэтическомъ восторгѣ? Нѣтъ, любезный Николай, я тебя люблю и любить буду.

Я подалъ просьбу въ отставку: здоровье мое на ниткѣ. Надѣюсь, что ты, освѣдомившись объ ней у мицистра, отложишь путь въ Малороссію и повременишь до меня, если на просьбу послѣдуетъ рѣшеніе. Это и для тебя, и для меня нужно. Отъ сестрицъ писемъ не имѣю, а почему не знаю. Поклонись имъ отъ

меня и проси, чтобъ писали. Ихъ молчаніе сокрушаетъ меня совершенно. Отъ Ал. Н. Оленина получилъ письмо. Онъ, кажется, тебя любитъ. Придержись къ нему, мой другъ; не думай, чтобъ совѣтъ давалъ по предубѣжденію благодарности, отринувъ которую и въ глазахъ твоихъ я былъ бы извергъ; но онъ просвѣщеннѣе и лучше, и добрѣе всѣхъ князей. Впрочемъ, я тебя знаю: здравый разсудокъ и все тутъ, лучше совѣтовъ, которые или безплодны, или отъ самолюбія вырваться могутъ.

Еслибъ я говорилъ съ цеховымъ поэтомъ, то сказалъ бы въ утѣшеніе, что несчастіе и неудовольствіе есть плодъ дарованія и успѣховъ. Расинъ послѣ Британика былъ освистанъ, Вольтеръ — послѣ Альзиры.

Леаръ твой всѣмъ нравился, ибо посредственность не убиваетъ сердца зависти, но Танкредъ долженъ былъ быть для нея пятномъ. Зачѣмъ искать дальняго примѣра. Посмотри на Озерова. Ты скажешь, что это не утѣшно; но я тебѣ скажу, что такъ быть должно. Ищи утѣшенія въ себѣ, молись и надѣйся на Бога; я испыталъ, что онъ поднимаетъ слабаго.

Перешли и бумаги, и стихи мои къ сестрицамъ по почтѣ. Запечатай и проси, чтобъ до меня не трогали. Это—все мое богатство, съ которымъ бѣденъ, какъ Иръ. Я иногда такъ скучаю, что мѣста отъ грусти сыскать не могу; иногда отдаетъ, и время все лѣчитъ. Пиши ко мнѣ; письмо можешь отдать Радищеву, онъ перешлетъ. Прощай, дай Богъ тебя видѣть.

Конст. Бат.

Я получилъ письмо твое съ Фонъ-Визинымъ и деньги. Слѣдственно, къ нимъ пишу самъ. Постарайся черезъ Полозова, котораго дружба вѣрно не охлади-

лась, и отъ котораго услуга мнѣ втрое пріятнѣе, освѣдомиться о моей просьбѣ и черезъ почту увѣдомь. Поблагодари его за всѣ обо мнѣ старанія; пожми у него руку за меня. Если моя отставка выйдетъ, то подожди меня. Я здѣсь ни дня не останусь даромъ.

Напиши объ этомъ сестрицамъ. Это нужно. Vale! Не забудь сестрамъ отдать стихи и проч.

XLIX.

А. Н. Батюшковой.

4-го мая 1810 г. (Москва).

Благодарю тебя за твои письма, любезнѣйшій другъ. Они мнѣ всегда пріятны; они нужны для моего спокойствія. Пиши почаще и не сердись на мою неисправность. Часто я и самъ себѣ не могу отдать отчету въ моей лѣни, а теперь и хлопотъ много. Съ удовольствіемъ вижу, что ты рѣшилась строить домъ. Пора, давно пора. Что же касается до Захарова, то ему, кажется, не исправиться, и держать его въ домѣ не для чего. Итакъ, прошу дать ему паспортъ на оброкъ и не держать его ни дня въ Хантоновѣ... Наказаніями ничего съ закоренѣлыми плутами не сдѣлаешь, и ихъ опасно держать въ домѣ и безразсудно... Пришли деньги для уплаты процентовъ въ ломбардъ не замедля: срокъ почти пришелъ.

Напрасно ты себя огорчаешь мыслію, что я буду въ арміи. Повѣрь, на опытѣ знаю, что тамъ для меня по крайней мѣрѣ не хуже здѣшняго. Объ одномъ жалѣю: о васъ, мои друзья, но жалѣю болѣе о томъ, что не могъ быть до сихъ поръ полезенъ для доброй и милой Вареньки. Постарайся ее пристроить всѣми си-

лами. Не упускай случая Бога ради, если оный представится. Что разбирать чины и богатство? Былъ бы честный и не совсѣмъ убогій человѣкъ и ей нравился: вотъ главное. Вотъ моя молитва передъ Господомъ! Да будетъ на ней Его святое Провидѣніе и молитвы покойной незабвенной нашей матери. Тебя же, мой другъ, прошу поберечь ее для насъ и для себя для самой. Павлу Алексѣевичу писалъ о его дѣлѣ и о продажѣ пустоши; попроси его еще отъ себя; желательно мнѣ имѣть 1500 р., если нельзя болѣе; за то до генваря деньги не будутъ нужны, если чего особеннаго не случится. Никогда, мой другъ, болѣе не чувствовалъ нужды въ большомъ или по крайней мѣрѣ въ независимомъ состояніи. Я могъ бы быть счастливъ — такъ думаю по крайней мѣрѣ, — еслибъ имѣлъ оное, ибо время пришло мнѣ жениться: одиночество наскучило. Но что могу безъ состоянія? Нѣтъ! Повѣрь мнѣ—ты меня знаешь—не рѣшусь даже изъ эгоизма себя и жену сдѣлать несчастливыми. Я радъ буду уѣхать отсюда. У меня часто голова кружится отъ разныхъ мыслей... Поручимъ все Провидѣнію, которое—я замѣтилъ это на опытѣ—часто лучше насъ самихъ къ лучшему избираетъ дорогу.

Пиши почаще и люби твоего брата. К. Б.

Деньги твои получилъ, и бумагу вмѣстѣ съ шляпками пришли не замедля. Знаешь ли чудеса? Липсманъ женится.

L.

Н. И. Гнѣдичу.

Мая, а котораго не знаю (1810 г. Москва).

Я живу въ Москвѣ. Живу... нѣтъ, дышу... нѣтъ, веществую, то-есть, ни то, ни се. Умираю отъ скуки. За-

нимайся!.. Легко сказать!... Дѣло дѣлай!.. Да какое?.. И книга изъ рукъ выпадаетъ. Притомъ же боленъ, чуть дышу. Словомъ, если это состояніе продолжится, то я сойду съ ума.

Оленинъ пишетъ ко мнѣ и бранитъ меня, что я ничего не дѣлаю: онъ совершенно правъ. Однакожь— пусть судьба повелѣваетъ, — а я рѣшился и завтра отправлю къ Гагарину Тасса. Бога ради, любезный Николай, пиши къ нему еще разъ съ первой почтой. Я къ нему писалъ и довольно искренно просилъ, о чемъ тебѣ извѣстно, то-есть, о чужихъ краяхъ. Богъ поможетъ! Не правда ли? Попроси отъ меня Семенову: она, кажется, не откажется помочь своей лилейной рукой, у которой пальчики оттѣнены розами, черкнуть слова три. Жуковскій благодаритъ тебя за стихи. И впрямь, на смерть Даниловой прекрасны, они будутъ напечатаны въ 1-мъ №. Я кой-какія бездѣлки осмѣлился перемѣнить, но самыя бездѣлки. Прочиталъ ли ты мою элегію? Понравилась ли она тебѣ? Обращеніе къ пенатамъ кажется хорошо. Знай, однако же, что я три мѣсяца какъ ничего не пишу. Что же дѣлаю? Въ карты играешь? Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ, ихъ въ руки не бралъ! По баламъ разъѣзжаешь? Даже и въ собраніи не бываю! Влюбленъ, что ли? Дай Богъ быть влюбленымъ. Я не живу, а дышу, веществую: ужаснѣйшее положеніе для человѣка въ 23 года, у котораго есть разсудокъ и сердце!

Я разъ только былъ въ театрѣ и тутъ повстрѣчался съ Жихаревымъ, который насказалъ мнѣ тысячу комплиментовъ вслухъ, а я ему въ отвѣтъ Дмитріева стихомъ:

Вы сами риѳмы плесть умѣете прекрасно.

Здѣсь ничего новаго нѣтъ. Глинка со всѣми поссорился. Мерзляковъ читалъ 4-ю пѣснь Тасса, въ которой истинно есть прекрасные стихи. Жуковскій—сынъ лѣни, милый, любезный малый. Радищевъ стихи перекладываетъ въ прозу. Карамзина я люблю и бываю ежедневно; онъ очень уменъ. Письма твои меня утѣшаютъ; я чувствую, что тебя люблю и безъ твоего бы дружества пропалъ. К. Б.

Бороздинъ и Ермолаевъ... Послѣдній—скажи Алексѣю Николаевичу—на мѣсто узорокъ, что̀ на древнихъ кружкахъ, рисуетъ купидоновъ: добрый знакъ! Первый зачитался, запылился и показывалъ мнѣ книгу въ сажень, готовую принять описаніе ихъ путешествія, которое кончится—я предвижу это—тѣмъ, что и тотъ, и другой, а можетъ быть, и всѣ, влюбятся, женятся, выведутъ на свѣтъ дѣтокъ; дѣти ихъ выростутъ, женятся, выведутъ еще поколѣніе, и отъ поколѣнія до поколѣнія, идя отъ чистаго источника, произведется столь чудное дѣйствіе, что, созерцая въ дальновидности относительно праха Ивана Васильевича Полоцкаго и того самаго, который, какъ извѣстно тебѣ по гадательной исторіи.....

Продолженіе впредь.

LI.

А. Н. Батюшковой.

11-го мая (1810 г.) Москва.

Я пишу къ тебѣ мало, потому что мнѣ не время. Вчера я получилъ твое письмо, которое меня немного огорчило, потому что ты, любезный другъ, думаешь, что я остаюсь по доброй волѣ въ Москвѣ и убиваю

мое время. Но посуди сама: что мнѣ дѣлать? Я уже сказалъ однажды и не отступлю отъ своего слова, что не поѣду до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть до трехъ тысячъ въ карманѣ. Здѣсь мнѣ занять не возможно. Катерина Ѳедоровна и сама теперь нуждается въ деньгахъ. Я же имѣлъ глупость прожить много въ прошедшій мѣсяцъ (въ чемъ теперь и раскаяваюсь). Если ты мнѣ сберешь оброку на 1000, если найдешь продать какой-нибудь клочекъ земли,... то я поѣду навѣрное. А до тѣхъ поръ и думать не можно. Ты себѣ вообразить не можешь, сколько денегъ я здѣсь издерживаю—куда? Богъ знаетъ! А все безъ пользы, безъ удовольствія. Иванъ Семеновичъ приглашалъ меня на Кавказъ, но я не согласился ради того, что Петербургъ могу упустить.

Напрасно ты огорчаешься, любезный другъ, и думаешь, что грусть твоя справедлива. Я знаю на опытѣ, что наши обстоятельства не пріятны, но отъ насъ зависитъ сдѣлать ихъ лучшими, то-есть, быть равнодушнѣе къ нѣкоторымъ огорченіямъ, имѣющимъ одинъ и тотъ же источникъ. Я жалѣю о томъ, что ты одна въ деревнѣ. Съѣзди за сестрами въ Вологду; прошу тебя, не будь одна.

Постарайся, милый другъ, увѣдомить меня, ни мало не замедля, могу ли ѣхать прямо въ Петербургъ отсюда (мнѣ бы хотѣлось для нѣкоторой нужды заѣхать въ Тверь), или я долженъ за деньгами самъ пріѣхать въ деревню? Посовѣтуйся съ Павломъ Алексѣевичемъ и придумай-ко къ лучшему. Какъ бы то ни было, сдѣлай этому конецъ, затѣмъ что я здѣсь проживаю много денегъ, что у меня истинно лежитъ на совѣсти. Поручая тебя Провидѣнію и твоему собственному разсудку, остаюсь преданный твой Констант. Б.

Посылаю тебѣ вѣрющее письмо, которое отдай Павлу Алексѣевичу для принятія табаку; если есть съ нимъ письмо, то перешли мнѣ его немедленно.

LII.

А. Н. Батюшковой.

13-го мая 1810 г. (Москва).

Я удивляюсь, какимъ образомъ вы не получили моего письма, въ которомъ извѣщалъ я васъ и Павла Алексѣевича о томъ, что не могу прислать вѣрющаго письма—и теперь это повторяю,—потому что онъ не прислалъ мнѣ копіи, а здѣсь, за небытностію повѣреннаго Катерины Ѳедоровны, я ничего сдѣлать не могъ; притомъ же и онъ не можетъ написать его обстоятельно. Итакъ, любезный другъ, попроси еще разъ объ этомъ Павла Алексѣевича, попроси его, чтобъ онъ велѣлъ въ Вологдѣ написать форму, по которой я и пришлю вѣрющее письмо. Божусь тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ посланы деньги, я не имѣлъ отъ васъ ни строки; доказательство тому то, что Катерина Ѳедоровна получила письмо, я получилъ отъ Вареньки мѣшокъ, за который ее благодарю, а писемъ нѣтъ какъ нѣтъ. Да и мое видно потерялось, въ которомъ я писалъ къ тебѣ объ Оленинѣ, приглашающемъ меня въ службу.

Здѣсь я все боленъ и боленъ ужасной первической болѣзнію въ головѣ, точно такъ, какъ покойная сестрица: вообрази же себѣ мое положеніе!

Павлу Алексѣевичу скажи, что Станиславскому велѣно подать просьбу въ отставку, что Дружининъ очень старается, что я просилъ князя Вяземскаго написать къ

графу Разумовскому объ немъ письмо, словомъ, что я навѣрное полагаю, что мѣсто сіе будетъ его. Я бы уѣхалъ давно къ вамъ въ деревню, если бы это не останавливало, ибо у меня здѣсь ото всего голова идетъ кругомъ. Всѣ у насъ больны. Бѣдная Катерина Ѳедоровна! Никитинька очень нездоровъ. Констант.

Дай знать немедленно обо всемъ Павлу Алексѣевичу; приготовь мнѣ гдѣ жить уголокъ. Будь здорова, любезный другъ мой. Я забылъ, что сегодня суббота; итакъ, письмо посылаю въ Вологду.

LIII.

Н. И. Гнѣдичу.

23-го мая (1810 г.). Москва.

Жестокій другъ! Вотъ уже прошло шесть недѣль, какъ я отъ тебя не получаю ни одной строки. Чему приписшу я твое молчаніе? Болѣзни? Но не могъ ли бы ты заставить кого-нибудь увѣдомить меня о состояніи твоемъ? Бога ради отпиши, отдай мнѣ жизнь. Твое молчаніе виной тому, что я къ князю Гагарину не послалъ моего Тасса, хотя было и рѣшился это сдѣлать.

Я хочу просить тебя объ одномъ дѣлѣ, отъ исполненія котораго будетъ зависѣть счастіе сестры моей. Ты вѣрно согласишься выполнить мою просьбу. Павелъ Алексѣевичъ, зять мой, хочетъ взять мѣсто директора въ Вологодской гимназіи, которое скоро будетъ вакантно или уже и есть таково. Онъ подалъ прошеніе, которое поступитъ и къ министру. Я предварилъ письмомъ Мартынова. Теперь Кутузовъ— кураторъ. Какъ къ нему адресоваться? Попроси графа Хвостова,

чтобъ онъ попросилъ его за Павла Алексѣевича письмомъ, какъ за человѣка ему извѣстнаго и честнаго, и способнаго. Хвостовъ вѣрно не откажетъ тебѣ, а ты мнѣ сдѣлаешь болѣе, нежели услугу, ибо сотворишь благодѣяніе сестрѣ моей. Бога ради, только не упускай времени. К.

LIV.

В. А. Жуковскому.

26-го іюля 1810 г. (Деревня).

На силу, любезный другъ, собрался я съ силами, на силу могу писать къ тебѣ. Я и теперь такъ боленъ, такъ слабъ, что ни мыслить, ни писать не могу. Однакоже дай собраться съ силами!... Я васъ оставилъ en impromptu, уѣхалъ какъ Эней, какъ Тезей, какъ Улиссъ отъ.... (потому что присутствіе мое было необходимо здѣсь въ деревнѣ, потому что мнѣ стало грустно, очень грустно въ Москвѣ, потому что я боялся заслушаться васъ, чудаки мои). По прибытіи моемъ сюда, болѣзнь моя, tic douloureux, такъ усилилась, что я девятый день лежу въ постелѣ. Боль, кажется, уменьшилась, и я очень бы былъ неблагодаренъ тебѣ, любезный Василій Андреевичъ, еслибы не написалъ нѣсколько словъ: дружество твое мнѣ будетъ всегда драгоцѣнно, и я могу смѣло надѣяться, что ты, великій чудакъ, могъ замѣтить въ короткое время мою къ тебѣ привязанность. Дай руку, и болѣе ни слова!

Музы, музочки не отстаютъ и отъ больнаго. Посылаю тебѣ опытъ въ прозѣ, который, если хочешь, напечатай, но экземпляръ мой непремѣнно возврати

назадъ, ибо у меня все тутъ: и черное, и бѣлое. Поправь, что найдешь поправить. Посылаю Мечту для Собранія. Да еще voilà des petits vers, то-есть, подражаніе (Вяземскій улыбнется), подражаніе Парни Le torrent, которое, если тебѣ очень понравится, то возьми въ Собраніе, или сожги на огнѣ. Въ немъ надобно кой-что поправить. Исправь, любезный мой Аристархъ! А это выраженіе: «Я къ тебѣ прикасался» оставь. Оно взято изъ Тибулла и, кажется, удачно. О прозѣ не говори Качеповскому, что я—ея сочинитель, ибо я этого не хочу, ибо я маралъ это отъ чистой души, ибо я не желаю, чтобы знали посторонніе моихъ мыслей и ересей.

Я живу очень скучно, любезный товарищъ, и часто думаю о тебѣ. Болѣзнь меня убиваетъ, къ этому же имѣю горести; и то, и другое меня очень разстроиваетъ. Шолье могъ писать прекрасные стихи, воспѣвать Лизу и мечтать подъ каштановыми деревьями Фонтенейскаго сада: онъ жилъ въ счастливое время. Подагра у него была въ ногахъ, а не въ головѣ; а у меня въ головѣ сильный ревматизмъ, который набрасываетъ тѣнь на всѣ предметы. Пожалѣй обо мнѣ! И не знаю, когда будетъ конецъ моимъ мученьямъ! Теперь я въ тѣ короткія минуты, въ которыя госпожа болѣзнь уходитъ изъ мозгу, читаю Монтаня и услаждаюсь. Я что-нибудь изъ него тебѣ пришлю. О стихахъ и думать нельзя съ моей болѣзнью.

Тебѣ, здоровый счастливецъ, тебѣ можно переселяться въ страну поэзіи, которая создана счастливымъ началомъ для услажденія нашихъ горестей: ты здоровъ, какъ быкъ. Пиши своего Володиміра и пришли кое-что сюда. Я долго здѣсь пробуду: стряхни лѣнь для дружбы. Письма твои мнѣ будутъ утѣшеніемъ

въ этой безмолвной, дикой пустынѣ, въ жилищѣ волковъ и поповъ. Поручаю тебя Фебу.

Константинъ Батюшковъ.

Адресъ мой: въ Череповецъ, Новгородской губерніи.

Я къ Мечтѣ прибавилъ Горація; кажется, онъ у мѣста, et il fera bon contraste avec le scalde; я болѣе ее трогать не намѣренъ. Если что найдешь, поправь самъ. Прощай еще разъ. Если я буду здоровѣе, то напишу поумнѣе.

LV.

Н. И. Гнѣдичу.

30-го сентября 1810 г. Въ Череповецъ адресуй.

Chi va lontan da la sua patria, vede
Cose da quel che già credea lontane;
Chè narrandole poi, non se gli crede;
E stimato bugiardo ne rimane.

То-есть: ты лжешь, какъ Французъ, путешествующій по Россіи. Какъ? По тебѣ проѣхала коляска, и ты живъ (???), у тебя вырѣзали чемоданъ и оставили тебѣ половину (???), ты летѣлъ въ Днѣпръ вверхъ ногами и, вопреки силѣ тяготѣнія, не разломалъ себѣ черепа (который, замѣтить надобно, преисполненъ мозга) (???). Если это не чудеса, то я болѣе чудесъ не знаю. 1-му не вѣрю, 2-е несбыточно и вѣроятно только въ одномъ случаѣ *); 3-е выходитъ изъ порядка естественныхъ

*) То-есть, если воръ читалъ Дидеротово предисловіе къ драмамъ, въ которомъ сей великій мудрецъ говоритъ поминутно, обращаясь къ сочинителямъ: «De l'honnête, mon ami, de l'honnête!» По всѣмъ моимъ выкладкамъ и вычисленіямъ ты лжешь, или этотъ воръ долженъ быть не Шиллеровъ разбойникъ, а сочинитель коцебятины, то-есть, практическій драматургистъ. К. Б.

вещей, а я нынѣ читаю д'Аламберта, который говоритъ именно, что чудеса дѣлать трудно, безполезно и вредно.

Какъ бы то ни было, ты живъ и здоровъ: вотъ чего мнѣ было надобно, ибо въ теченіе твоего трехмѣсячнаго молчанія я сокрушался, не имѣя отъ тебя ни строчки, что̀ тебѣ, конечно, приноситъ великую честь, ибо забывать друга есть дарованіе въ тебѣ новое и полезное для общежитія, то-есть, urbanitas. Ты былъ у Капниста? Видѣлъ все его семейство и отъ него въ восхищеніи? Признаюсь, этакихъ чудаковъ мало, и твое описаніе меня очень веселило. Не видалъ ли ты у Капниста-стихотворца одну дѣвушку, по имени дѣвицу Бравко? Каковы у нея глаза? Не правда ли, что она похожа на нимфу, на младшую грацію. «Да ты почему это знаешь?» Я во снѣ ее видѣлъ, то-есть, и я чудеса умѣю дѣлать.

Твое сверхестественное свиданіе съ Бороздинымъ, конечно, было пріятно. Но что онъ тамъ дѣлаетъ? Чудесникъ, право чудесникъ, и чудесникъ безпримѣрный. Не влюбился ли онъ въ какую-нибудь новую Эгерію, Галатею или Миликтрису?

«Праздность и бездѣйствіе есть мать всего, и между тѣмъ и прочимъ болѣзней». Вотъ что ты мнѣ пишешь, трудолюбивая пчела! Но здѣсь тьма ошибокъ противъ грамматики. Надобно было сказать: праздность и бездѣйствіе суть и проч. Ошибка вторая: бездѣйствіе—рода средняго, а родъ средній, по правиламъ всѣхъ возможныхъ грамматикъ, ближе къ мужескому, нежели къ женскому, то и надобно было написать: бездѣйствіе есть отецъ, и проч., но какъ тутъ предыдущее слово праздность, второе бездѣйствіе, то я и не знаю, какимъ образомъ согласовать отца и мать вмѣстѣ (праздность—

мать, бездѣйствіе—отецъ): надобно всю фразу передѣлать. А поелику я докажу ниже, что и самый смыслъ грѣшитъ противъ истины, то и не нахожу за нужное приступить къ сей операціи. Смыслъ грѣшитъ противъ истины, первое—потому, что я пребываю не празденъ.

Въ суткахъ двадцать четыре часа.

Изъ оныхъ 10 или 12 пребываю въ постелѣ и занятъ сномъ и снами.

Ibid... 1 часъ курю табакъ.

1 — одѣваюсь.

3 часа упражняюсь въ искусствѣ убивать время, называемомъ il dolce far niente.

1 — обѣдаю.

1 — варитъ желудокъ.

1/4 часа смотрю на закатъ солнечный. Это время, скажешь ты, потерянное. Неправда! Озеровъ всегда провожалъ солнце за горизонтъ, а онъ лучше моего пишетъ стихи, а онъ дѣятельнѣе и меня, и тебя.

3/4 часа въ суткахъ должно вычесть на нѣкоторыя естественныя нужды, которыя г-жа природа, какъ будто въ наказаніе за излишнюю дѣятельность героямъ, врагамъ человѣчества, бездѣльникамъ, судьямъ и дурнымъ писателямъ, для блага человѣчества присудила провождать въ прогулкѣ взадъ и назадъ по лѣстницѣ, въ гардеробѣ и проч., и проч., и проч. О, humanité!

1 часъ употребляю на воспоминаніе друзей, изъ котораго 1/2 помышляю объ тебѣ.

1 часъ занимаюсь собаками, а онѣ суть живая практическая дружба, а ихъ у меня, по милости небесъ, три: двѣ бѣлыхъ, одна черная. P. S. У одной болятъ уши, и очень бѣдняжка трясетъ головой.

½ часа читаю Тасса.
½ — раскаяваюсь, что его переводилъ.
3 часа зѣваю въ ожиданіи ночи.

Замѣть, о мой другъ, что всѣ люди ожидаютъ ночи, какъ блага, всѣ вообще, а я—человѣкъ!

Итого 24 часа.

Изъ сего слѣдуетъ, что я не празденъ; что ты разсѣянность почитаешь дѣятельностію, ибо ты во градѣ святаго Петра не имѣешь времени помыслить о томъ, что ты ежедневно дѣлаешь; что для меня и для тебя, и для всѣхъ равно приходитъ и проходитъ время:

Eheu fugaces, Postume, Postume...

что болѣзни мои не отъ лѣни, нѣтъ, а лѣнь отъ болѣзней, ибо ревматизмъ лишаетъ силы не только размышлять, но даже и мыслить и проч.

Замѣчаніе. Ласъ Казасъ, другъ человѣчества, надѣлалъ много глупостей и зла, потому что онъ былъ слишкомъ дѣятеленъ. Смотри Робертсонову исторію.

Ergo: ты написалъ вздоръ!

Шутки въ сторону, ты правъ, любезный другъ: мнѣ надобно ѣхать въ Петербургъ, но обстоятельства вовсе препятствуютъ. Ты самъ знаешь, легко ли ѣхать съ малыми деньгами; что значитъ по нынѣшней дороговизнѣ и тысяча, и двѣ рублей, особливо мнѣ, намѣреваясь прожить долго? А если ѣхать такъ, для удовольствія, на короткое время, то не лучше ли въ Москву, гдѣ, благодаря Катеринѣ Ѳедоровнѣ, я имѣю все, даже экипажъ. Впрочемъ, скажу тебѣ откровенно, что мнѣ здѣсь очень скучно, что я желаю вступить въ службу, что мнѣ нужно перемѣнить образъ жизни, и что же? Я, подобно одному восточному мудрецу, ожидаю какой-то богини, отъ какой-то звѣзды, богини, летающей на

розовомъ листкѣ, то-есть, въ ожиданіи будущихъ благъ я вижу сны. Если я буду въ Питерѣ, то могу ли остановиться у тебя на долго, не причиня чрезъ то тебѣ разстройки? Отпиши мнѣ откровенно, потому что дружество не любитъ чиновъ, и лучше впередъ сказать, нежели впослѣдствіи имѣть неудовольствіе молчать. Ты меня спрашиваешь: что я дѣлаю, и между прочимъ, боишься, чтобы я не написалъ Гиневры. Ложный страхъ! Я почти ничего не пишу, а если и пишу, то бездѣлки, кромѣ Пѣсни Пѣсней, которую кончилъ и тебѣ предлагаю. Я радъ, что ты теперь на мѣстѣ, что я могу наконецъ съ тобой совѣтоваться, особливо въ тѣхъ піесахъ, которыя я почитаю поважнѣе. Я избралъ для Пѣсни Пѣсней драматическую форму; правъ или нѣтъ—не знаю, разсуди самъ. Однимъ словомъ, я сдѣлалъ эклогу, затѣмъ что могъ совладать съ этимъ слогомъ, затѣмъ что слогъ лирическій мнѣ неприличенъ, затѣмъ что я прочиталъ (вчера во снѣ) Пиѳагорову надпись на храмѣ: «Познай себя» и примѣнилъ ее къ способности писать стихи.

Вотъ вступленіе.

LVI.

Н. И. Гнѣдичу.

(Октябрь—декабрь 1810 г. Деревня).

Сегодня я хочу тебя удивить, а въ доказательство тому посылаю тебѣ Мечту, которую ты отдашь, если захочешь, Аннѣ Петровнѣ съ тѣмъ только, чтобъ она ее никому не показывала, ибо я не хочу прослыть метроманомъ. Храни меня Богъ отъ этого! Отдай и скажи

ей, что это стоило мнѣ великаго усилія, что еслибъ я ея не почиталъ отъ всего моего сердца, то никогда бы этого не сдѣлалъ; скажи наконецъ, что если стихи дурны, то это вина боговъ, которые мнѣ не дали большаго дарованія; что усердіе мое, пишучи или писавъ ихъ (какъ лучше?), достойно не только похвалъ, но и подражанія. Я въ награду за мое прилежаніе желаю одного только: первое—чтобъ она знала, что есть человѣкъ, который поставляетъ себѣ за счастіе удостоиться ея вниманія, а второе—фунтъ турецкаго табаку, ибо ты мнѣ нижѐ пишешь, нижѐ посылаешь табакъ.

Я писалъ къ Оленину, но что̀ писалъ, и самъ не понимаю. Я просилъ его сказать мнѣ, можно ли надѣяться быть помѣщену при миссіи. Безъ всякихъ дальнихъ предлоговъ, ты чувствуешь, мой другъ, что тутъ нѣтъ ни мало здраваго разсудка. Что будетъ онъ отвѣчать? Пріѣзжай въ Петербургъ! или: Ты бредишь! И то, и другое справедливо, но я ничего не сдѣлаю: въ Петербургъ на вѣтеръ или на обѣщанія не поѣду. Итакъ, опять останусь сиднемъ. На долго ли?

Я ни слова тебѣ о моихъ горестяхъ. Повѣрь мнѣ, у меня сердце не на мѣстѣ. Ахъ, жизнь, жизнь! Но я не стану тебя огорчать безъ пользы... Конечно, и я это знаю на опытѣ, что всѣ горести проходятъ, что время все лѣчитъ. Вѣрю, мой другъ, и пока все страдаю!

Рѣдко, очень рѣдко могу писать. Но вчерашній день я былъ довольно счастливъ: вчера я могъ, я имѣлъ духъ побесѣдовать съ музами, и повѣришь ли, я имѣлъ два, три часа счастливѣйшіе въ моей жизни. Я перевелъ изъ Парни одинъ большой отрывокъ: онъ тебѣ понравится; но сегодня я его не посылаю: не все вдругъ; притомъ же

mediocribus esse poetis
Non homines, non di, non concessere columnae,

сказалъ Горацій Флакковичъ, а я не хочу быть похожъ на его карикатуру. Кстати о стихахъ, а особливо о моихъ: пришли мнѣ Одиссею и Плутарха, если у тебя есть деньги, а если нѣтъ, то отпиши мнѣ, что они стоятъ. Мнѣ ихъ неотмѣнно прочитать нужно. Не забудь моей просьбы.

Ты такъ пишешь лаконически о петербургскихъ новостяхъ касательно литературы, которою, какъ тебѣ извѣстно, я имѣю честь заниматься съ довольнымъ успѣхомъ и пользою для потомства,—для потомства, которое, конечно, поставитъ мнѣ монументъ на ряду съ дѣятельными геніями, что... (какъ выпутаться изъ этого періода?), наконецъ... что я ничего не знаю. Отпиши попространнѣе обо всемъ, и что ты самъ дѣлаешь?

Я давно не имѣю писемъ изъ Москвы, а потому не знаю, гдѣ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ, и какъ идутъ его дѣла. Отпиши и объ этомъ.

Въ прошедшемъ письмѣ я навралъ много дичи Львову и теперь раскаяваюсь. Попроси его, чтобъ онъ не показывалъ и не сдѣлалъ того, что съ прежнимъ письмомъ: всему есть мѣра. Увѣдомь меня, понравится ли тебѣ Мечта. Она вовсе передѣлана; въ ней Горацій, кажется, не дуренъ. Да что я тебя спрашиваю? Ты мнѣ ни слова не сказалъ о Пѣсни Пѣсней. Злодѣй, съ кѣмъ мнѣ здѣсь совѣтоваться, или съ моимъ Фиделемъ, который сегодня меня съ ума свелъ, потому что бѣгаетъ безъ отдыха за сукою?

Я думаю, что буду опять въ Москвѣ, если это будетъ угодно Провидѣнію, и тамъ останусь на долго.

Сперва проживу деньги, а тамъ возьму на откупъ типографію.

Примѣчаешь ли, что я пишу сегодня безъ мыслей? Такъ вяло, такъ холодно... Перо падаетъ изъ рукъ, глаза смыкаются, я зѣваю отъ скуки и теперь же лягу въ постелю, до 12 часовъ утра пролежу, проваляюсь и тебѣ желаю того же. Прощай. К. Б.

Я сдержалъ слово и проснулся довольно поздно. Не лучше ли будетъ напечатать эту бездѣлку гдѣ-нибудь въ глухой типографіи, и напечатать не болѣе десяти экземпляровъ: одинъ — Аннѣ Петровнѣ, два—тебѣ, и семь остальные мнѣ. Это, кажется, прочнѣе, нежели рукопись, а стоить будетъ бездѣлку. Я думаю: не болѣе 25 р. Если такъ, то начни печатать, я вышлю тебѣ деньги; и экземпляръ Анны Петровны вели переплесть въ сафьянъ. Пожалуйста, сдѣлай это. Поди, приближься, еще поближе, ну, такъ! Хорошо! Теперь обними меня... и прощай!

LVII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Декабрь 1810 г. Вологда).

Я не удивляюсь И. М. Муравьеву: онъ совершенный Алкивіадъ и готовъ въ Аѳинахъ, въ Спартѣ и у Даковъ жить весело; но не могу надивиться другимъ!

Я на силу пишу тебѣ: лихорадка меня замучила. Кстати, я совѣтовался здѣсь съ искуснымъ лѣкаремъ, который недавно пріѣхалъ изъ Германіи, съ человѣкомъ весьма неглупымъ. Онъ пощупалъ пульсъ, распросилъ о болѣзни и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза: «Вы, конечно, огорчаетесь много; я вамъ совѣтую жить ве-

село: это лучшее лѣкарство». Я ему засмѣялся въ глаза. Это лѣкарство, конечно, не выписывается изъ аптеки, а если оное есть въ Петербургѣ, то пришли мнѣ его на рубль.

Не забудь адресовать въ Вологду и пиши, мой другъ. Твои письма цѣлебнѣе хины. Vale. Конст. Б.

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю тебѣ того, чего себѣ не желаю, то-есть, здраваго разсудка, которымъ я преисполненъ отъ ногъ до головы, и котораго у тебя нѣтъ ни крошки. Гельвецій сказалъ, что разумъ или, лучше сказать, умъ начинается тамъ, гдѣ кончится здравый разсудокъ; а у тебя промежутокъ: здраваго разсудка нѣтъ, на мѣсто его запустѣніе и позвизданіе. Жаль, очень жаль, а пособить не чѣмъ. Это болѣзнь неизлѣчимая, прилипчивая, de mauvaise nature, какъ говорятъ медики, однимъ словомъ—болѣзнь! Понимаешь?

Я писалъ тебѣ о Плутархѣ и Одиссеѣ, но впередъ писать не буду. Прощай!

LVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

26-го января 1811 г. (Вологда).

На силу воскресаю! Я былъ очень боленъ горячкою или лихорадкою, или Богъ знаетъ чѣмъ, да и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. На рукахъ у меня фонтанели, вещь самая мучительная: однимъ словомъ, я весь не свой. Молчаніе мое теперь не загадка! Недѣли три назадъ тому я писалъ къ тебѣ, но ты, конечно, не получилъ моего письма. Я ѣду въ Москву на сихъ

днях, а теперь въ Вологдѣ, въ совершенной скукѣ и бездѣйствіи, съ пустой головою и почти съ пустымъ карманомъ. Я писалъ къ Алексѣю Николаевичу объ иностранной коллегіи, но не получилъ отвѣта; само собой разумѣется, что просить съ этихъ поръ никого и ни о чемъ не буду. Твои восклицанія и вопросительные знаки вовсе не у мѣста. По крайней мѣрѣ въ Москвѣ я найду людей, меня любящихъ,—что найду въ Петербургѣ, кромѣ тебя? Повѣрь мнѣ, любезный Николай, что я знаю цѣну твоей дружбѣ, которая есть и будетъ единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни, исполненной горести. Я вовсе переродился, и ты на меня бы взглянулъ съ сожалѣніемъ: вотъ слѣдствіе чувствительности, которая, можетъ быть, обѣщаетъ мнѣ конецъ подобный Беницкому. Но на что огорчать тебя? Надежда меня не оставила: можетъ быть, я выздоровѣю, и все перемѣнится. Молчаніе Анны Петровны не столько обидно моему самолюбію, какъ собственному сердцу, ибо я ее истинно почитаю. Ты увидишь Филиппа въ Петербургѣ, не оставь его. Если не получишь отъ меня извѣстій въ теченіе трехъ недѣль, то пиши въ Москву. Пришли 9-ю пѣснь: я давно, очень давно не читалъ твоихъ стиховъ. Цѣлую тебя и прощай. К. Б.

Хочешь ли новостей? Межаковъ женится на племянницѣ Брянчанинова! Я видѣлъ твою Софью, толстую Софью!!! Или ты, или она зѣло перемѣнилась. Впрочемъ здѣсь нѣтъ людей, и я умираю отъ скуки и говорю тихонько самъ себѣ: не приведи Богъ честному человѣку жить въ провинціи; да еще говорю гораздо тише: не приведи Богъ честному человѣку воображать, что женщины—богини. Пиши почаще и поклонись Львову: онъ право добрый малый.

LIX.

Н. И. Гнѣдичу.

(Февраль—начало марта 1811 г. Москва).

Что взяли? Я пишу къ вамъ изъ Москвы!—??? <> — a + b — c = d + x = xxx.

Можешь удивляться, пожимать плечами, а я буду всегда тебя любить, потому что ты, каналья, для меня милѣе всей Москвы, и съ золотыми маковками, потому что ты никогда столь ясно и живо мнѣ своей дружбы не доказывалъ, потому что ты—Гнѣдичъ, а я—Константинъ. Понимай, мотай на усъ, Хохолъ! Я получилъ отъ Оленина письмо весьма дружественное, а отвѣчать на него буду черезъ два или три мѣсяца, затѣмъ чтобъ не уронить мнѣ своего достоинства, а его не избаловать. Кстати, скажи Самариной, что я никогда и никому, и ничего, и не для чего посвящать не буду. Чтобъ она утѣшилась: мое посвященіе было первое и послѣднее.

Поговоримъ о дѣлѣ. Я ѣду въ Петербургъ и къ праздникамъ у васъ навѣрное. Авось!.... Но если и въ этотъ пріѣздъ будетъ неудача, то клянусь Стиксомъ и чернилами, что тебя слушать не буду, да и ты, я думаю, перестанешь умничать.

Пришли 9-ю пѣснь; я ее прочитаю и сдѣлаю мои замѣчанія, если хочешь—съ Жуковскимъ, который тебя любитъ и почитаетъ, а между тѣмъ и бранитъ за то, что ты ему не высылаешь Перуанца съ поправками. Пришли этого дикаря.

Каченовскій нынѣ ударился въ славянщину: не лю-

битъ галломановъ и меня считаетъ за Галла (??!!!!!!!!!), меня!

Здѣсь Барановъ: я о тебѣ у него спрашивалъ. В. Л. Пушкинъ забавляетъ насъ еженедѣльно. Жуковскій написалъ балладу, въ которой стихи прекрасны, а сюжетъ взятъ на Спасскомъ мосту. Правда ли, что Гагаринъ женится на Муравьевой??? К. Х. (я не могу назвать ее безъ содраганія) вышла замужъ!!! Ты молчалъ!!! Дай тебя за это поцѣловать. Шишковъ написалъ говоромъ разговоръ. Петинъ очень боленъ. Если это правда, то не будучи съ нимъ знакомъ, Бога ради съѣзди къ нему, посмотри на него и скажи: каковъ онъ? Это я назову истиннымъ одолженіемъ. Поклонись Львову, котораго я люблю. Прощай. Константинъ Батюшковъ на Никитской.

Числа не знаю.

Я работаю сердцемъ, то-есть, стараюсь влюбляться. Въ кого? Еще и самъ не знаю. А твоя Софья... ж...! Прощай.

LX.

Н. И. Гнѣдичу.

13-го марта (1811 г.). Москва.

Вчера получилъ я медленное письмо твое. Ниловы были здѣсь и, какъ пріятные призраки, изчезли. Самарину я провожалъ до заставы: она вчера ночью уѣхала въ Орелъ. Конечно, любезные люди, особливо Самарина,—она же тебя любитъ и почитаетъ; впрочемъ и она со мной согласна въ томъ, что ты слишкомъ ославянился; если мнѣ нуженъ Петербургъ, то тебѣ, другъ мой, нужна Москва.

Голицына я не видалъ, можетъ быть, и не увижу. Судить о тебѣ заочно не смѣю, но по видимому, кажется, что ты виноватъ. Чѣмъ?—Тѣмъ, что выписался. Тебѣ сдѣлали честь.—Какъ честь?—А вотъ какъ: въ ликеѣ есть Штаневичъ, но есть и Шишковъ, есть Шихматовъ, но есть и Державинъ, есть Хвостовъ, но и Дмитріевъ тамъ же! Чего же болѣе?—Нѣтъ! Я не хочу быть на одной доскѣ съ такимъ-то вралемъ! Тѣмъ болѣе, что я буду трудиться по предписанію устава!... Прекрасный отвѣтъ! Но развѣ нельзя ничего не дѣлать и быть членомъ всѣхъ академій? Что же касается до поступка нашего лирика, то я это считаю за пиѳійское изступленіе; ему все простительно, затѣмъ что онъ написалъ Прода и Фелицу (двѣ піесы, которыя даютъ право дурачиться), затѣмъ что ему 60 лѣтъ, затѣмъ что онъ истинный геній и... не смѣю сказать—враль!

Ты меня спрашиваешь: что тебѣ дѣлать? Право, не знаю и боюсь совѣтовать, затѣмъ чтобъ не дать дурнаго. Лучше молчать! Тебя назвали гордецомъ, но не бездѣльникомъ. Кажется, обида не великая! И вся эта обида падаетъ не на тебя, ниже на хозяина, а на самого творца. Оставь эти глупости, мой другъ, истинное слѣдствіе обхожденія съ людьми, которое и таланту, и собственно себѣ бываетъ пагубно. Я тебѣ говорю отъ сердца: чувствую самъ, что частые выѣзды и разсѣяніе было и есть ножъ для поэта. Отпиши мнѣ, чѣмъ это кончится. Я объ тебѣ не жалѣю: у тебя есть Гомеръ, но меня кто утѣшитъ? Я отдалъ Перувіанца Жуковскому, который тебя истинно любитъ. Добрый, любезный и притомъ рѣдкаго ума человѣкъ! Онъ хотѣлъ тебѣ прислать поправки. Мнѣ же начало показалось растянуто, нечисто и сухо, но послѣдніе 30 сти-

ховъ докажутъ всякому, что ты могъ бы написать трагедію. Вотъ мое сужденіе.

Я вчера обѣдалъ у Нелединскаго (истинный Анакреонъ, самый острый и умный человѣкъ, добродушный въ разговорахъ и любезный въ своемъ быту—вопреки и звѣздѣ, и сенаторскому званію, которое онъ заставляетъ забывать) и тамъ слышалъ, что у васъ въ Питерѣ написана новая сатира, весьма колкая, на Карамзина, Пушкина и твоего друга, то-есть, меня. Пушкинъ горитъ отъ нетерпѣнія ее слушать и насъ вчера очень, очень смѣшилъ своимъ добродушіемъ. Пришли мнѣ ее непремѣнно: я хочу надъ собой сдѣлать моральный опытъ, то-есть, увѣриться, могу ли я быть хладнокровенъ къ насмѣшкѣ. Называютъ двухъ авторовъ: Горчакова и Шаховскаго. Ожидаю ее нетерпѣливо.

Теперь приступаю къ твоей критикѣ. На моей сторонѣ Самарина. Защищайся!

Парни признанъ лучшимъ писателемъ въ родѣ легкомъ (этотъ родъ сочиненій весьма труденъ). Его поэма Les Scandinaves прекрасна; стихи, мною переведенные, были внесены профессоромъ Ноэлемъ, членомъ Парижскаго института, въ примѣры прекраснаго и живописной поэзіи. Теперь: Мой переводъ дуренъ? Подлинникъ хорошъ? Такъ ли?

Посмотримъ, чѣмъ онъ дуренъ.

Les feux mourans décroissent et pâlissent
Et de la nuit les voiles s'epaississent...
Viens, doux sommeil, descends sur les heros.
Des songes vains agitent leur repos.

Но вскорѣ пламень потухаетъ,
И гаснетъ пепелъ черныхъ пней,
И томный сонъ отягощаетъ
Лежащихъ воевъ средь полей.

Кажется, переводъ мой не хуже подлинника. «Гаснетъ пепелъ черныхъ пней»—взято съ натуры, живописно и очень нравится Жуковскому и всѣмъ, у кого есть вкусъ.

L'autre des mers affronte le courant
Et son esquif est brisé par l'orage.

Иной на лодкѣ утлой рѣетъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ.

Переводъ близкій, выраженіе рѣетъ у мѣста, и я не виноватъ, что г. Бобровъ употреблялъ его. Но меня сравнивать съ Бобровымъ, et d'un ton de persiflage! Гнѣдичъ, Гнѣдичъ! О Coridon, Coridon, ты съ ума сошелъ!

Иный мѣста узрѣлъ знакомы,
Мѣста отчизны, милый край,
Ужь слышитъ псовъ домашнихъ лай,
Ужь зритъ отцовъ поля и домы...

Этого нѣтъ въ оригиналѣ, но напоминаетъ о Виргиліевомъ dulcis patria. Далѣе: выраженія

Махнулъ мечемъ—его рука,
Подъята вверхъ, окостенѣла,
Бѣжать хотѣлъ—его нога
Дрожитъ, недвижима, замлѣла

истинно выражаютъ мысль стихотворца.

Но вѣтръ шумитъ и въ рощѣ свищетъ,
И волны мутнаго ручья
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Клубятся, пѣнятся и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и холмовъ...

Это все въ тонѣ сѣверной поэзіи, которую, конечно, отличать должно отъ греческой; это все у мѣста, и кажется, нѣтъ ничего надутаго, ложнаго; притомъ же и языкъ чистъ и благороденъ.

Le sombre Eric murmure avec dépit
Ce chant sinistre, et l'écho le prolonge:
Je suis assis sur le bord du torrent.
Au tour de moi tout dort, et seul je veille;
Je veille, en proie au soupçon dévorant;
Les vents du nord sifflent à mon oreille,
Et mon épée effleure le torrent...

Мой мечъ скользитъ по влагѣ водъ!

Вотъ мое оправданіе. Что же касается до твоихъ насмѣшекъ, то они забавны: этакъ можно и Перуанца выворотить на изнанку. Измождая, тигры, варвары, пей кровь, грызи зубами и прочее, конечно, очень смѣшно. Признайся (я въ этомъ увѣренъ), что ты былъ увлеченъ сужденіемъ какого-нибудь пристрастнаго человѣка или невѣжды—и Богъ съ тобой! Я бранилъ Перуанца и теперь каюсь.

Я въ Петербургъ, конечно, буду. Если ты видишь Алексѣя Николаевича, то скажи ему, что я его боюсь безпокоить моими письмами, что Барановъ сказывалъ мнѣ, сколько онъ меня любитъ, и что пока у меня будетъ память и сердце, то я его буду почитать, любить и даже бояться, потому что я горжусь его ко мнѣ благорасположеніемъ и боюсь сдѣлаться недостойнымъ онаго. Скажи ему—только кстати,—что буду его просить о мѣстѣ, и отпиши мнѣ, думаетъ ли что-нибудь для меня сдѣлать. Я бы попросился въ библіотеку, но боюсь вотъ чего: тамъ должно работать, а я... Sainte paresse, ne m'abandonnez pas!

Жуковскаго изданіе продается, я думаю, въ Петербургѣ и стоитъ 15 рублей. Муравьева сочиненія доказываютъ, что онъ былъ великаго ума, рѣдкихъ познаній и самой лучшей души человѣкъ. Ихъ нельзя читать безъ удовольствія. Они заставляютъ размышлять. Я ихъ тебѣ достану, у меня теперь только

одинъ экземпляръ и тотъ подаренъ Катериной Ѳедоровной.

Хочешь ли новостей? Карамзинъ опять въ Твери, говорятъ, по приказанію государя. Я недавно слышалъ чтеніе его исторіи и увѣряю тебя, что такой чистой, плавной, сильной прозы никогда и нигдѣ не слыхалъ. Онъ не годится въ ликей!

LXI.

Н. И. Гнѣдичу.

(Первая половина апрѣля 1811 г. Москва).

Боже мой, что за письмо! Ни конца, ни начала, а о серединѣ не скажу ни слова! Что дѣлать! Пожмемъ плечами и станемъ отвѣчать... Самарина уѣхала и, говорятъ, не на радости будетъ домой: у ней скончалась мать. Это и меня за нее огорчаетъ. Признаюсь тебѣ, любезный другъ, люблю ее всей душой. Нилова въ половину не столь любезна; она, кажется мнѣ, немного не въ своей тарелкѣ. Анна Петровна вездѣ и всегда спокойна и одинакова. Но онѣ уѣхали! Жаль, очень жаль! Слухъ о смерти матери Анны Петровны оказался неосновательнъ.

Какъ отвѣчать тебѣ на твою диссертацію? Молчаніемъ? Ахъ, нѣтъ! Учеными фразами? И того не надо. Ситаціями изъ древнихъ и новѣйшихъ? Храни насъ Богъ! Чѣмъ же, злодѣй? А вотъ чѣмъ: пожать у тебя руку, ибо я вижу, что дружба заставляетъ тебя бредить. Одиножды положивъ на судѣ, что я родился для отличныхъ дѣлъ, для стихотвореній эпическихъ, важныхъ, для исправленія государственныхъ должно-

стей, для безсмертія, наконецъ, ты, любезный другъ, рѣшилъ и подписалъ, что я враль, ибо перевожу Парни.

Конечно, влага водъ—глупость; но поэтому ты заключаешь, что и вся піеса—вранье. Этотъ судъ тебѣ дѣлаетъ великую честь! Теперь замѣть другое, третье, четвертое, наконецъ, десятое фальшивое, темное, глупое, надутое выраженіе и будешь правъ; но нѣтъ! Ты будешь виноватъ, потому что ихъ не найдешь, потому что эти стихи написаны очень хорошо, сильно, наконецъ, потому что они меня достойны.

Пора кончить, любезный Николай, этотъ словесный споръ, который ни тебя, ни меня не убѣдилъ. Поговоримъ лучше о пѣвцѣ Фелицы: ты съ нимъ поступилъ весьма благоразумно. Я, будучи на твоемъ мѣстѣ, сдѣлалъ конечно бы то же.

Прости мнѣ, если я тебя судилъ сначала слишкомъ строго. Но и теперь я думаю, что ты напрасно выписался, а не ускользнулъ. Послѣднее было бы еще лучше и перваго. Но это дѣло меня безпокоило. Слава Богу, что ты его кончилъ. Сегодня вбѣгаетъ ко мнѣ Ивановъ, котораго ты, конечно, помнишь, вбѣгаетъ и кричитъ: «Виватъ Гнѣдичъ!» Я удивился, спрашиваю его о причинѣ восклицанія, и онъ мнѣ разсказываетъ твою исторію съ Державинымъ. Онъ въ восхищеніи отъ твоего поступка, говоритъ, что ты достоинъ алтарей и проч.; но я не Ивановъ и думаю иначе, ибо я люблю болѣе твой собственный интересъ, нежели ты самъ—въ иныхъ случаяхъ, разумѣется. Я читалъ объявленіе о Бесѣдѣ въ газетахъ, читалъ ея регламентъ и теперь еще боленъ отъ этого чтенія. Боже, что за люди! Какое время! О Велхи! О Варяги-Славяне! О скоты! Ни писать, ни мыслить не умѣютъ! А ты еще хвалишься петербургскимъ рвеніемъ къ словес-

ности! Мода, любезный другъ, минутный вкусъ! И тѣмъ хуже, что принимаются такъ горячо. Тѣмъ скорѣе изчезнетъ жаръ, повѣрь мнѣ: мы еще всѣ такіе невѣжды, такіе варвары! Я вотъ чего страшусь: женщины, у которыхъ вкусъ нѣжнѣе и вѣрнѣе, соскучатся прежде, а послѣ нихъ тотчасъ и мужчины. Тогда это ремесло будетъ смѣшно, предосудительно.

В. Л. Пушкинъ сочинилъ сатиру, сюжетъ весьма благороденъ: б.....; но стихи истинно прекрасны, много силы, живости, выраженія. Впрочемъ, и у насъ добра мало. Все тотъ же вкусъ, та же привязанность къ Галламъ, та же самая охота къ увеселеніямъ публичнымъ и вездѣ та же скука.

Пушкинъ въ своей сатирѣ удивительно смѣшно отдѣлалъ Шихматова, Шаховскаго и Шишкова. Ты удивишься, мой другъ, какимъ образомъ эти цѣломудренные герои нашли мѣсто въ подобномъ домѣ. Но вотъ какимъ образомъ: Пушкинъ, описывая лихихъ коней, вопрошаетъ или взываетъ къ Шихматову и проситъ позволенія назвать пару двоицею, а пѣвецъ Петріады отвѣчаетъ:

Но къ чорту умъ и вкусъ! Пишите въ добрый часъ!

LXII.

А. Н. Батюшковой.

24-го апрѣля (1811 г.). Москва.

На прошедшей почтѣ я послалъ тебѣ сѣмена, но за доброту ихъ не могу ручаться. Отъ тебя нѣтъ извѣстій, любезный другъ, и это меня безпокоитъ. За

неимѣніемъ новостей о себѣ, скажу тебѣ добрую вѣсть о Гнѣдичѣ: его пожаловали въ ассессоры за стихи. Этого мало: Оленинъ его опредѣлилъ въ библіотеку и далъ 1000 р. жалованья, съ квартирой и проч., что ему съ прежнимъ жалованьемъ и съ пенсіономъ составитъ около четырехъ тысячъ. Напиши къ нему и поздравь съ царскою милостію. Я же здѣсь ожидаю денегъ, чтобъ ѣхать или въ деревню къ вамъ, или къ Самариной, которая меня очень упрашиваетъ. Пришли, если можно, поскорѣе, ибо я очень нуждаюсь и недавно опять былъ боленъ. О Петербургѣ и думать не можно. Прощай, поцѣлуй Вареньку и не забудь о флигелѣ, о моемъ маленькомъ убѣжищѣ. Будьте здоровы, друзья мои, и любите меня столько, сколько васъ любитъ Константинъ.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новгородской губерніи.

LXIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Конецъ апрѣля 1811 г. Москва).

Виноватъ передъ тобой, милый мой Николай, что замедлилъ отвѣтомъ, но этому была законная причина. Мнѣ хотѣлось послать тебѣ сочиненія Михаила Никитича, и этого не могу до сихъ поръ сдѣлать, потому что университетъ, спѣша потихоньку, задерживаетъ экземпляры. Ты можешь быть увѣренъ, что я тотчасъ по полученіи книгъ оныя тебѣ вышлю. Но Собраніе стихотвореній Жуковскаго ты можешь купить въ Питерѣ: у меня теперь нѣтъ лишнихъ денегъ, вотъ почему тебѣ и не посылаю; въ слѣдующихъ то-

махъ, которыхъ уже я видѣлъ корректуру, помѣщенъ Перуанецъ, твое посланіе ко мнѣ и переводъ изъ Потеряннаго рая точно въ такомъ видѣ, какъ были напечатаны и прежде.

Ты удивляешься, что Жуковскій, будучи со мной знакомъ, ничего моего не помѣстилъ. Я его люблю, какъ и прежде, потому что онъ имѣетъ большія дарованія, умъ и самую добрую, благородную душу. Въ первомъ томѣ помѣщена одна пѣсня къ Мальвинѣ, нѣкогда напечатанная въ Лицеѣ у Мартынова, и которую я вовсе забылъ. Во второмъ и третьемъ нѣтъ ничего, да и быть не можетъ, потому что я ни басенъ, ни сказокъ, ни одъ никогда не писывалъ. Въ четвертомъ будетъ моя элегія изъ Тибулла, а въ пятомъ Мечта, (которую я снова всю передѣлалъ и мирты послалъ къ чорту), Воспоминанія, Счастливецъ и другія бездѣлки.

Но что могу сказать тебѣ о моемъ пріѣздѣ въ Питеръ? Когда увижусь съ тобой? Когда возобновлю прежніе споры? Когда, сидя за трубкою у чайнаго столика, станемъ мы питать воображеніе мечтами, а краснооkую твою Мальвину—крошками сухарей? Когда пожму твою руку и скажу: другъ мой, десять лѣтъ какъ тебя знаю, въ эти десять лѣтъ много воды уплыло, многое перемѣнилось, мы не столь счастливы, какъ были, ибо потеряли и свѣжесть чувствъ, и сердца наши, способныя къ любви, ретивыя сердца наши до дыръ истаскали; но въ эти десять лѣтъ мы узнали на опытѣ, что дружба можетъ существовать въ этомъ земноводномъ, подлунномъ мірѣ, въ которомъ много зла и мало добра; мы узнали, что счастіе неразлучно съ благороднымъ сердцемъ, съ доброю совѣстью, съ просвѣщеннымъ умомъ, узнали, и... и... и... слава Богу!

Державинъ написалъ письмо къ Тургеневу, въ которомъ онъ разбранилъ Жуковскаго и осрамилъ себя. Онъ сердится за то, что его сочиненія перепечатываютъ, и между прочимъ говоритъ, что Жуковскій его ограбилъ, ибо его книги не расходятся, а Жуковскій на счетъ денегъ такая же живая прорѣха, какъ ты и какъ я. Вотъ люди! Поди, узнай ихъ! А какъ станутъ говорить о благородствѣ, о чувствахъ, о любви къ ближнему, такъ хоть бы кому!

Кстати объ изданіи Жуковскаго. Скажу тебѣ, что его здѣсь бранятъ безъ милосердія. Но согласись со мною: если выбирать истинно хорошее, то нельзя собрать и одного тома. Если хотѣть дать понятіе о состояніи нашей словесности, то какъ дѣлать иначе? Печатать и Шаликова, и Долгорукова, и другихъ. Впрочемъ, эти книги суть истинный подарокъ любителямъ свѣтскимъ и намъ—писателямъ, какъ для справокъ, такъ и для чтенія. Лучшая сатира на Шишкова, какую кто-либо могъ сдѣлать, находится въ этомъ собраніи, то-есть, его стихи, его собственные стихи, которые ниже всего посредственнаго.

Посылаю тебѣ стихи князя Вяземскаго на Шаликова, который хотѣлъ ѣхать въ Парижъ. Они очень остры и забавны. Въ этомъ родѣ у насъ ничего нѣтъ смѣшнѣе [1]).

Пиши ко мнѣ почаще и не забывай, что я тебя люблю и въ прозѣ, и въ стихахъ. Бат.

Опиши мнѣ засѣданіе лицея. Говорятъ, у васъ чудеса за чудесами. Голицынъ написалъ книгу о русской словесности и разбранилъ Карамзина и Шишкова. Вотъ истинный бѣсъ и никого видно не боится.

[1]) Приписка князя П. А. Вяземскаго: «Кромѣ однакожь Леты вашей, милостивый государь Константинъ Николаевичъ!»

Другой Голицынъ сочинилъ русскую книгу для постниковъ.

P. S. Не удивляйся тому, что на той страницѣ комплиментъ мнѣ написанъ не моей рукой. Это писалъ князь Вяземскій, который пришелъ, выхватилъ у меня письмо и намаралъ то, что видишь.

Михаила Никитича сочиненія я тебѣ посылаю: они готовы, и съ портретомъ.

LXIV.

Н. И. Гнѣдичу.

6-го мая (1811 г.) Москва.

Давно уже отъ тебя нѣтъ извѣстій! Здоровъ ли ты? Я пишу сегодня нарочно съ отъѣзжающимъ отсюда Володиміромъ Сергѣевичемъ Филимоновымъ, котораго прошу полюбить, какъ добраго моего пріятеля. У него мало знакомыхъ въ Петербургѣ; если можешь быть въ чемъ-нибудь ему полезнымъ, то будь! Однимъ словомъ, оправдай высокое и доброе мнѣніе, которое объ тебѣ имѣютъ люди званія нашего.

Я на тебя начинаю сердиться. Ты заставилъ писать ко мнѣ Полозова, а самъ ни строчки о своей радости. На что это похоже? Я же былъ внѣ себя, узнавъ, что ты получилъ еще мѣсто: это лучше ассессорства, ты знаешь самъ почему. Получилъ ли мои книги?

У васъ еще было засѣданіе въ Бесѣдѣ? Бога ради отпиши мнѣ объ этомъ. Правда ли, что Хвостовъ написалъ и проговорилъ: «Съ богами говорить не должно безтолково». А съ людьми какъ? Муравьевъ-Апостолъ

читалъ Жизнь Горація? Я бьюсь объ закладъ, что это было хорошо. Державинъ... но объ этомъ ни слова! Браво, Шихматовъ, молодецъ! Я читалъ въ Цвѣтникѣ рецензію (которая истинно смѣшна, особливо конецъ, гдѣ выписанъ планъ, ходъ и слогъ поэмы Петра въ нѣсколькихъ строкахъ) и съ вожделѣніемъ прочиталъ игривые стихи его сіятельства къ своему братцу, стихи, которые, конечно, затмятъ славу безбожника Вольтера въ этомъ родѣ, стихи, въ которыхъ

....роскошество, чудовище престранно,
На яствахъ возлежа, питается пространно.

Безподобно! Роскошь, лежащая на пастетахъ, котлетахъ и подовыхъ пирогахъ: мысль жирная, оригинальная и—такъ сказать—немного смѣлая! Кто писалъ рецензію на Шишкова? А она истинно хороша! Признайся, любезный Николай, вздохнувъ отъ глубины сердца твоего, что Шишковъ ни по французски, ни (увы!) по русски не знаетъ. Виватъ, умныя головы!

У насъ каруселъ, и всякій день кому носъ на сторону, кому зубъ вонъ!

Самарина ко мнѣ писала. И я увѣдомилъ ее о твоемъ ассессорствѣ.

Я скоро ѣду... куда?—и самъ не знаю. Но ты, мой другъ, по обычаю древнихъ, поклонись усердно своему пенату, вылей передъ нимъ капли три помоевъ чайныхъ, либо кофейныхъ, увѣнчай его, за недостаткомъ дубовыхъ листьевъ, листами Анастасевичева журнала—и можетъ быть, я явлюсь къ тебѣ, неожиданный гость:

Tunc veniam subito, ne quisquam nuntiet ante,
Sed videar coelo missus adesse tibi...

какъ я пріѣхалъ нѣкогда изъ Финляндіи. И ты мнѣ обрадуешься, и ты прослезишься, и я тебя обойму такъ

крѣпко, такъ крѣпко къ сердцу, что сія минута будетъ блаженнѣйшая къ моей жизни. А пока я очень скученъ, другъ мой! Ахъ, еслибъ ты могъ читать въ моемъ сердцѣ! Но лучше читай Шихматова посланіе къ братцу!

Дай себя поцѣловать и прости.

Приписка В. А. Жуковскаго.

Жуковскій сердечно обнимаетъ любезнаго Николая Ивановича и желаетъ ему здоровья, удовольствій и болѣе досуга, чтобы почаще быть наединѣ съ Гомеровымъ геніемъ.

LXV.

Н. И. Гнѣдичу.

Мая 11-го. Вознесенье. (1811 г.). Москва.

Я получилъ письмо твое вчера и сегодня на него отвѣчаю. Гимнъ Орфеиновъ читалъ: это для меня не новость, и у насъ эдакихъ штукъ много. Между прочимъ—но это еще тайна—въ университетѣ заводится родъ лицея: увидимъ, что-то будетъ; конечно, не лучше вашего! Я писалъ къ тебѣ съ Филимоновымъ: получилъ ли ты мое письмо? Что сказать тебѣ о переводчикѣ Расина (который, конечно, Лобановъ)? Есть прекрасные стихи, но не все. По крайней мѣрѣ не все совершенно то, что ты мнѣ выписалъ. Напримѣръ: Пергамъ зрѣлъ зарево — не гладко. Зрѣлъ—короткой спондей; это замѣчаніе ничтожное, согласенъ, но не менѣе того—истина.

Мнѣ ль безполезною земли бывъ тяготой...

Согласись, что бывъ дѣлаетъ оборотъ не поэтическимъ, вольнымъ, и это большая ошибка (въ Расинѣ!!!), что бывъ противно слуху. Теперь два раза зри:

....Пріама зри у ногъ,
Тобой спасенныя Елены зри восторгъ,

а потомъ: Узри свои суда. Это ошибка, ибо измѣненіе времени не у мѣста. Вотъ что я замѣтилъ. Будемъ же справедливы:

Но все въ глубокомъ снѣ и вѣтръ, и стонъ, и волны.
...и весла безполезны
Напрасно пѣнили недвижны моря бездны...
И трупы вѣтрами несомы средь валовъ...
Представь весь Геллеспонтъ, подъ веслами кипящій, и проч.

прекрасно, и дѣлаетъ большую честь переводчику. Теперь я бы ему шепнулъ на ухо: не вѣрьте похваламъ или не довѣряйте; завистниковъ забудьте, пишите съ Богомъ! Но съ Расиномъ шутить нельзя. Вотъ главныя условія переводчика Расина: ясность, плавность, точность, поэзія и... и... и... какъ можно менѣе словенскихъ словъ. Для перваго начала это, конечно, хорошо, но ради Бога, не захвалите до смерти!

Благодарю тебя за рецензію Хвостова. Вотъ молодецъ! Единственный въ своемъ родѣ! Неподражаемый, не соблазняющійся, выспренній, единоцентренный, парящій, звѣздящій, назидающій, упоевающій, дмящійся, рѣющій, гербующій, истый сочинитель, генералиссимусъ парнасскій, вепрь геликонскій, кринъ Піерридъ, благовонная чаша, исполненная сословъ и риѳмъ, фіалъ, точащій согласіе, и наконецъ, фіалка скромная, таящаяся во злакѣ, но не менѣе того благоухающая, назидающая, плѣняющая, весьма усыпляющая и отрѣвающая истинный разсудокъ въ пользу читателей!

Читалъ ли ты въ Вѣстникѣ рецензію Жуковскаго подъ именемъ Воейкова на Грузинцова? Она тебѣ вѣрно понравится.

У насъ теперь мало новостей. Радищевъ изчезаетъ.

Бороздинъ тебѣ кланяется; онъ у меня частенько бываетъ. Сестра къ тебѣ писала объ одномъ бѣдномъ семействѣ; постарайся, мой другъ, помочь; сдѣлай что можешь, что будешь въ силахъ сдѣлать: это люди бѣдные и въ самомъ жалкомъ положеніи. Напиши сестрѣ, что мнѣ надобно отправиться въ Петербургъ для моей пользы. Я истинно все сбираюсь и не могу собраться. Москва, разсѣянность, здѣшній родъ жизни, эти праздные люди вовсе меня испортили. Я потерялъ послѣднее дарованіе, становлюсь глупъ, и вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ не только писать, но даже и читать не могу. Однимъ словомъ, я сталъ лѣнивъ, не такъ какъ Шоліо лѣнился нѣкогда въ счастливомъ Фонтене, но такъ какъ кучеръ Сенька лѣнится на сѣнѣ, заголя вверхъ рубашку. Я сдѣлался великимъ скотомъ, любезный мой другъ, но что бъ то ни было, даже и въ образѣ осла, даже и въ образѣ Хвостова буду тебя любить до тѣхъ поръ, пока языкъ не прильпнетъ къ гортани. Addio, ben mio! Константъ. Бат.

Я къ Самариной недавно писалъ, но не получилъ еще отвѣта. Увѣдомь меня объ Оленинѣ, не сердится ли онъ на меня? Да пиши, братецъ, почаще и пришли мнѣ Иліаду. Право не лишнее, если я ее прочитаю.

LXVI.

Н. И. Гнѣдичу.

29-го мая (1811 г.). Фили, на Москвѣ-рѣкѣ, отъ городу въ 4-хъ верстахъ. Дача у Катерины Ѳедоровны.

Я пишу тебѣ изъ подмосковной, куда переѣхали наши, и гдѣ я останусь, конечно, не долго. Въ Петербургъ буду и нѣтъ. Буду, если получу деньги, въ про-

тивномъ случаѣ— къ себѣ въ деревню. Крайне жалѣю, любезный Николай, что Полозовъ набредилъ, а я поступилъ истинно осторожно, не писавъ объ этомъ ни слова къ Алексѣю Николаевичу. Но растолкуй мнѣ: отчего это не случилось? Что помѣшало, и потеряна ли вовсе надежда? Я на тебя сердитъ: пишешь о томъ, о семъ, а о себѣ ни слова, а ты не знаешь, что.... что.... я тебя люблю. Не согласенъ въ разсужденіи Шишкова. Ты говоришь, что онъ уменъ. Богъ съ нимъ! Иные смѣялись, читая его слово, говоренное въ Бесѣдѣ, а я плакалъ. Вотъ образецъ нашего жалкаго просвѣщенія! Ни мыслей, ни ума, ни соли, ни языка, ни гармоніи въ періодахъ: une stérile abondance de mots, и все тутъ, а о ходѣ и планѣ не скажу ни слова. Это академическая рѣчь? Гдѣ мы?... Далѣе: человѣку, желающему преподавать съ ученою важностію законы вкуса, этому человѣку переводить съ италіянскаго Крѣпость, сочиненіе какого-нибудь макаронщика, сочиненіе, достойное Острова Любви, и наконецъ, подписать свое имя!... Нѣтъ, это ни мало не смѣшно, а жалко. Послѣ этого твой умница напечаталъ съ великими похвалами Станевича казанью, въ которой нѣтъ ни смысла, ниже языка.... И этотъ человѣкъ, и эти людіе бранятъ Карамзина за мелкія ошибки и строки, написанныя въ его молодости, но въ которыхъ дышетъ дарованіе! И эти люди хотятъ сдѣлать революцію въ словесности не образцовыми произведеніями, нѣтъ, а системою новою, глупою! И я чтобъ ихъ хвалилъ!... Но подожди; и у насъ будетъ бесѣда: Кутузовъ, Мерзляковъ, Каченовскій, Антонскій со всѣмъ причетомъ московскихъ профессоровъ, которые, какъ извѣстно, по скромности

(Il est facile, il est beau pourtant
D'être modeste lorsque l'on est grand)

скрываютъ имена свои отъ прозорливой публики, ничего не пишутъ и писать не въ состояніи, но все бранятъ и, не имѣя понятія о исторіи Карамзина, бранятъ ее безъ пощады. Ложные пророки! Всѣ эти господа составятъ общество à l'instar петербурскаго. Планъ ужь готовъ. Ты говоришь, что въ Москвѣ нѣтъ людей! А Карамзинъ, а Нелединскій?... У послѣдняго я недавно обѣдалъ и просидѣлъ до 9 часовъ вечера. Онъ читалъ свои стихи—время летѣло! Счастливый Шоліо и Анакреонъ нашего времени, Нелединскій лѣнивъ не потому, что лѣнь стихотворна, а потому, что лѣность—его душа. Нѣга древнихъ, эта милая небрежность, дышетъ [1]) въ его стихахъ. Онъ много перевелъ изъ Пирона, но какъ перевелъ! Превзошелъ его! Что нужды до рода, я удивляюсь дарованію.

Теперь посылаю тебѣ Пушкина сатиру, которую прочитай Алексѣю Николаевичу. Объ этомъ меня просилъ Пушкинъ. Стихи прекрасны. Вообще ходъ піесы и характеры выдержаны отъ начала до конца.

«Панкратьевна, садись! Цѣлуй меня, Варюшка!
«Дай пуншу! Пей, дьячекъ!»... И началась пирушка!

Вотъ стихи! Какая быстрота! Какое движеніе! И это написала вялая муза Василія Львовича! Здѣсь остряки говорятъ, что онъ исполненъ своего предмета, il est plein de son sujet, то-есть..... Какъ бы то ни было, въ этой сатирѣ много поэзіи. Хочешь ли того, что Мармонтель называетъ въ своей поэтикѣ délicatesse?

Свѣтъ въ черепкѣ погасъ, и близокъ былъ сундукъ....

Это прелестно; но это все не понравится гг. бесѣдчикамъ, которые говорятъ:

Но къ чорту умъ и вкусъ! Пишите въ добрый часъ!

[1]) Галлицизмъ, не показывай Шишкову!

Прощай, мой другъ! На долго ли—не знаю. Прощай! Я тебя люблю. Еще разъ прощай! Конст. Б.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ проситъ у меня стиховъ для прочтенія въ Бесѣдѣ. Напиши мнѣ на отрѣзъ, посылать или нѣтъ. А?

LXVII.

Е. Г. Пушкиной.

(Мартъ—май 1811 г. Москва).

Благодарю и кашель, и насморкъ, и лихорадку, которые доставили мнѣ вашу записку, исполненную филантропіи. Въ другой разъ я притворюсь умирающимъ, чтобъ болѣе возбудить въ душѣ вашей жалость. На первый разъ довольно: я ночь спалъ какъ мертвый, а вчера былъ въ лихорадкѣ, которую перервалъ чаемъ и ромомъ. Завтра я буду совсѣмъ здоровъ и буду имѣть счастіе васъ видѣть и сказать вамъ, что я проклиналъ лихорадку, которая меня лишила концерта. Всѣ отъ него безъ ума. Я буду здоровъ изъ любопытства.

Сію минуту кончу Itinéraire и буду просить васъ 3-й томъ.

LXVIII.

Е. Г. Пушкиной.

(Мартъ—май 1811 г. Москва).

Я въ отчаяніи, что не могу васъ видѣть и вручить вамъ Шатобріана лично, а причиною тому горячки, которыя, какъ говорятъ, поселились въ вашемъ домѣ. Я

не боюсь вовсе горячки, и вы, конечно, этому легко повѣрите, но боюсь испугать Муравьевыхъ, особливо Катерину Ѳедоровну, которая очень мнительна за своихъ дѣтей. Вы не повѣрите, какъ это меня сердитъ, но свидѣтель тому Богъ! Вотъ записка Василья Львовича, которую онъ меня просилъ вамъ доставить, боясь заразиться вами; ему — слава небесамъ! — легче, а доказательство тому стихи, которые онъ не устаетъ писать и читать.

Скажите двумъ или тремъ болтуньямъ, что у васъ люди выздоровѣли, и мы къ вамъ пріѣдемъ, по крайней мѣрѣ я: по чести, умираю отъ скуки. Пришлите еще томъ этого сумасшедшаго Шатобріана; я его очень люблю, а особливо по ночамъ, тогда, когда можно дать волю воображенію.... Но я не дамъ воли воображенію и кончу мое маранье, пожелавъ вамъ отъ всей души счастія. Батюшк.

Адресъ: Ея превосходительству милостивой государынѣ Еленѣ Григорьевнѣ Пушкиной.

LXIX.

Е. Г. Пушкиной.

(Май 1811 г. Москва).

Il serait dangereux pour le petit chien de le séparer de sa chère mère et le plus tard sera le mieux pour lui, car il est très jeune. Vous l'aurez le jour de votre départ. Croyant que vous le refuserez, je l'avais déjà proposé à deux ou trois personnes, et je suis charmé de lui faire faux bond. J'ai passé une bien triste soirée au bruit des vers de votre cher cousin; j'espère que celle d'aujourd'hui sera plus gaie. Je vous verrai au concert. N'est ce pas, madame?

LXX.

Е. Г. Пушкиной.

(Май 1811 г. Москва).

Et vous avez pu croire que j'emporterai vos livres! Les voilà, madame, et l'Arioste avec. M-r de Mouravief a gardé le premier volume. Mille et mille remerciemens pour Corinne et pour le joli cadeau que j'aimerais d'avantage s'il ne venait pas tout droit de la boutique. Je pars ce soir, mais si j'ai un moment de temps cette après-dinée, j'en profiterai pour venir vous présenter mes hommages.

LXXI.

Н. И. Гнѣдичу.

(Получено въ Петербургѣ 20-го іюля 1811 г. Череповецъ).

Любезный Николай, я пишу къ тебѣ изъ моей деревни, куда пріѣхалъ третьяго дни. На долго ли — не знаю. Но теперь рѣшительно сказать могу, что отсюда я болѣе не поѣду въ Москву, которая мнѣ очень наскучила. Въ послѣднее время я пустился въ большой свѣтъ: видѣлъ все, что есть лучшаго, избраннаго, блестящаго; видѣлъ и ничего не увидѣлъ, ибо вертѣлся отъ утра до ночи, искалъ чего-то и ничего не находилъ. Любезный другъ, не суди меня слишкомъ строго: не всякій воленъ дѣлать то, что хочетъ. Я бы давно былъ въ Питерѣ, еслибъ на то была возможность; теперь же, учредивъ нѣкоторыя дѣла, непремѣнно вырвусь изъ объятій скучной лѣни и праздности, душев-

ной и тѣлесной, и явлюсь къ тебѣ когда-нибудь въ видѣ стариннаго твоего друга, прижму тебя такъ сильно, что ты меня узнаешь по этому порыву. Однимъ словомъ, я рѣшился ѣхать въ Питеръ на службу царскую. Теперь вопросъ: буду ли счастливъ, получу ли мѣсто, кто мнѣ будетъ покровительствовать? Признаюсь тебѣ, я желалъ бы имѣть мѣсто при библіотекѣ, но не имѣю никакого права на оное. Я пріѣду, мой любезный Николай, пріѣду, и дай Богъ, чтобъ ты не раскаялся о томъ, что меня вызвалъ изъ Москвы. Ты говоришь, что люди, всѣ безъ исключенія, не могутъ назваться ниже добрыми, ниже умными. О, я это давно знаю на опытѣ! Но что изъ этого слѣдуетъ? Что люди на насъ похожи: итакъ, Богъ съ ними! Но люди—люди! И я на вѣку моемъ былъ обманутъ, но и пользовался благотвореніемъ однихъ, дружбою, однимъ словомъ—всѣми чувствами сердечной привязанности, которыя заставляютъ дорожить жизнію.

Ты правъ: сатира Пушкина есть произведеніе изящное, оригинальное, а онъ самъ еще оригинальнѣе своей сатиры. Вяземскій, общій нашъ пріятель, говоритъ про него, что онъ такъ глупъ, что собственныхъ своихъ стиховъ не понимаетъ. Онъ глупъ и остеръ, золъ и добродушенъ, веселъ и тяжелъ, однимъ словомъ—Пушкинъ есть живая антитеза. Скажи мнѣ, какъ примутъ его стихи ликеане? Что мнѣ сказать о московскомъ пантеонѣ? У насъ съ тобою одна участь, мой милый другъ: меня предлагали въ члены, и нѣкіи мужи отказали. Признаюсь тебѣ, я желалъ бы быть членомъ какого-нибудь общества, затѣмъ что это пробудило бы мою лѣность, ужасную лѣность, которою я и самъ наначинаю гнушаться. Но ни московскіе, ни питерскіе собратія не могутъ имѣть сильнаго вліянія на мой духъ:

и тѣ, и другіе вялы, и тѣ, и другіе слѣпотствуютъ во мглѣ.

Я радъ тому, что ты бываешь у Строганова. Впрочемъ, cela ne mène à rien такого человѣка, каковъ ты и я. Les gens riches sont des gueux à qui l'on fait l'aumône—не тѣмъ, такъ другимъ образомъ, не деньгами, такъ умомъ, любезностью, веселостію; наконецъ, они скупы на все. Филимоновъ — точно добрый малый. Что онъ зажился въ столицѣ? У него жена милая женщина и ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Пушкинъ ѣдетъ въ Петербургъ; возобнови съ нимъ знакомство: онъ тебя любитъ. Я постараюсь быть и самъ въ скоромъ времени. Я тебѣ ничего не писалъ о гимнѣ Венерѣ. Твои стихи мнѣ понравились, они имѣютъ сладость, которая прилична Венерѣ Филометѣ; но мѣра мнѣ не нравится: это перебитый шестистопный стихъ. Гекзаметръ, какимъ писалъ Мерзляковъ, Тредіаковскій въ Тилемахидѣ, имѣетъ болѣе сладости и правильности. Зефиры тиховѣйны—прекрасно.

Что ты дѣлаешь съ своимъ Гомеромъ? Пришли мнѣ что-нибудь. Я здѣсь на досугѣ и радъ буду читать и перечитывать. Я ничего не дамъ въ лицей. Богъ съ нимъ! Кажется мнѣ, я сдѣлаю осторожно, ибо меня у васъ въ Питерѣ не любятъ. Въ Москвѣ былъ Маринъ, стихотворецъ-офицеръ, который читалъ намъ: 1-е) сатиру, 2-е) сатиру, 3-е) Меропу, 4-е) посланія. Я съ нимъ ужиналъ часто у Вяземскаго. Онъ не пьетъ шампанскаго, а пишетъ стихи. Радищевъ все толстѣетъ. Карусель былъ очень богатъ и довольно неинтересенъ.

Еще разъ: пришли мнѣ своего Гомера, а я привезу его съ собою. Съ будущей почтой напишу тебѣ письмо подлиннѣе и пришлю мою элегію изъ Тибулла. Ты мнѣ скажешь свое мнѣніе. Что дѣлаетъ Филиппъ? Я ему

пришлю непремѣнно что-нибудь—скажи ему, а теперь истинно ему помочь не въ состояніи. Напрасно онъ меня не послушалъ и не пріѣхалъ въ Москву. Прощай, любезный другъ, пришли мнѣ какихъ-нибудь книгъ или новостей. Пришли вторую часть Бесѣды, чѣмъ меня много одолжишь. Vale et potemus! К. Б.

LXXII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Августъ 1811 г. Череповецъ).

Болѣе двухъ мѣсяцевъ, любезный другъ, какъ не получаю отъ тебя ни строки. Что значитъ твое молчаніе? Ты боленъ? Но Полозовъ не дремлетъ: онъ иногда за тебя пишетъ. Что съ тобою сдѣлалось? Я бы долженъ начать съ упрековъ, но ихъ въ сторону. Конечно, забыть друга своего въ деревнѣ, не писать къ нему ни строчки, тогда какъ онъ всего болѣе имѣетъ нужду въ письмахъ—что я говорю?—въ одной строчкѣ отъ своего Гомера, есть дѣло безсовѣстное. Но еще разъ, Богъ съ тобою!

Я теперь сижу одинъ въ моемъ домикѣ, скученъ и грустенъ, и буду сидѣть до осени, можетъ быть, до зимы, то-есть, пока не соберу тысячи четыре денегъ, pour faire tête à la fortune, и тогда полечу къ тебѣ на крыльяхъ надежды, которыя теперь немного полиняли.

Что ни говори, любезный другъ, а я имѣю маленькую философію, маленькую опытность, маленькій умъ, маленькое сердчишко и весьма маленькій кошелекъ. Я покоряюсь обстоятельствамъ, плыву противъ воды, но до сихъ поръ, съ помощію моего добраго генія, ни

весла, ни руля не покинулъ. Я часто унываю духомъ, но не совсѣмъ, а это оправдываетъ мое маленькое.... mon infiniment petit (вспомни Декарта), которое стоитъ уваженія честныхъ людей. Я заврался, но ты меня понимаешь, что тебѣ дѣлаетъ большую честь. Я заврался, но знаешь ли отчего? Оттого, что пустился въ философію. Это со мной обыкновенно бываетъ по осени.

Я читаю теперь Сенъ-Ламберта и бываю доволенъ, какъ ребенокъ. Сенъ-Ламбертъ—добрый человѣкъ, съ нимъ весело бесѣдовать, по крайней мѣрѣ лучше, нежели съ Шатобріаномъ, который—признаюсь тебѣ—прошлаго года зачернилъ мнѣ воображеніе духами, Мильтоновыми бѣсами, адомъ и Богъ вѣсть чѣмъ. Онъ къ моей лихорадкѣ прибавилъ своей ипохондріи и, можетъ быть, испортилъ и голову, и слогъ мой: я уже готовъ былъ писать поэму въ прозѣ, трагедію въ прозѣ, мадригалы въ прозѣ, эпиграммы въ прозѣ, въ прозѣ поэтической. Не читай Шатобріана!

Но что дѣлаютъ ваши Славяне? Бываешь ли ты во пиру во Бесѣдѣ? Нынѣ осень на дворѣ, и пчелы сбираются въ улей, и въ вашемъ ульѣ дымъ коромысломъ. Одинъ читаетъ; другой говоритъ: изрядно; третій хвастаетъ; четвертый хвалитъ себя и Шишкова, ибо Шишковъ воплотился. Что дѣлаетъ Орфей Орфеичъ? Что дѣлаетъ Шаховской? Что дѣлаютъ всѣ, и въ этомъ числѣ Бунина, съ которой я помирился? Она написала О с ч а с т і и. Предметъ обильный и важный, слишкомъ важный для дамы. Въ ея поэмѣ нѣтъ философіи (а предметъ философическій), нѣтъ связи въ планѣ, много чего нѣтъ, но за то есть прекрасные стихи. Прочитай конецъ третьей пѣсни, описаніе сельскаго жителя. Это все прелестно. Стихи текутъ сами собою, картина въ цѣломъ выдержана, и краски живы и нѣжны.

Позвольте мнѣ, милостивая государыня, имѣть счастье поцѣловать вашу ручку! Клянусь Фебомъ и Шишковымъ, что вы имѣете дарованіе!

Я ничего не пишу, все бросилъ. Стихи къ чорту! Это не бѣда; но вотъ что бѣда, мой другъ: вмѣстѣ съ способностью писать я потерялъ способность наслаждаться, становлюсь скученъ и лѣнивъ, даже немного мизантропъ. Часто, сложа руки, гляжу передъ собою и не вижу ничего, а смотрю, а на что смотрю? На муху, которая летаетъ туда и сюда. Я—мечтатель? О, совсѣмъ нѣтъ! Я скучаю и, подобно тебѣ, часто, очень часто говорю: люди всѣ большіе скоты, и азъ есмь человѣкъ.... окончи самъ фразу. Гдѣ счастье? Гдѣ наслажденіе? Гдѣ покой? Гдѣ чистое сердечное сладострастіе, въ которомъ сердце мое любило погружаться? Все, все улетѣло, изчезло вмѣстѣ съ пѣснями Шоліо, съ сладостными мечтаніями Тибулла и милаго Грессета, съ воздушными гуріями Анакреона. Все изчезло! И вотъ передо мной лежитъ на столѣ третій томъ Esprit de l'histoire, par Ferrand, который доказываетъ, что люди рѣжутъ другъ друга за тѣмъ, чтобъ основывать государства, а государства сами собою разрушаются отъ времени, и люди опять должны себя рѣзать и будутъ рѣзать, и изъ народнаго правленія всегда родится монархическое, и монархій нѣтъ вѣчныхъ, и республики несчастнѣе монархій, и вездѣ зло, а наука политики есть наука утѣшительная, поучительная, назидательная, и исторіи должно учиться и размышлять.... и еще Богъ знаетъ что такое! Я закрываю книгу. Пусть читаютъ сіи кровавые экстракты тѣ, у которыхъ нѣтъ ни сердца, ни души.

Теперь берусь за Локка. Онъ говоритъ мнѣ: для счастія своего ищи, ищи истины. Но гдѣ она? Былъ

ли онъ самъ меня счастливѣе? Гоббесъ боялся чертей, а самъ писалъ противъ безтѣлесныхъ тварей. Такъ, мой Николай, науки не могутъ питать сердца. Онѣ развлекаютъ его на время, какъ игрушки голодныхъ дѣтей, а сердце все проситъ любви: она—его пища, его блаженство; и мое блаженство—ты знаешь это—улетѣло на крыльяхъ мечты. Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю: нѣтъ!

Вотъ длинная казанья. Но о чемъ говорить? Здѣсь новостей нѣтъ и не бывало. Новости у васъ; итакъ, пришли мнѣ ихъ поболѣе, но самыхъ пріятныхъ, самыхъ веселыхъ: иначе я тебѣ разшевелю всю мою ипохондрію. Прочитай мое письмо за чаемъ, прочитай наединѣ, вздохни, улыбнись и скажи: я люблю его по прежнему. Прости, мой любезный Николай, пиши почаще и пришли мнѣ что-нибудь почитать. Нѣтъ ли Крылова? Я и бездѣлкѣ буду радъ, а за Крылова скажу спасибо. Константинъ Батюшковъ. Въ Череповецъ.

LXXIII.

Князю П. А. Вяземскому.

26-го августа 1811 г. (Деревня).

Ваше сіятельство милостивый государь князь Петръ Андреевичъ! Я имѣлъ счастье получить письмо ваше, которое весьма обрадовало мое безконечное малое. Вы, милостивый государь, мудрецъ въ семнадцать лѣтъ, открыли много истинъ для блага человѣчества, имѣли духъ пройти чрезъ все поприще познаній человѣческихъ и сдѣлали по части философіи несравненно болѣе завое-

ваній, нежели Александръ, родившійся въ Пеллѣ; этого мало: вы украсили чело ваше миртами божественныхъ музъ и грацій, а Вѣстникъ Европы эпиграммами; вы имѣете много вкуса, сѣрую четверню и собраніе новѣйшихъ водевилей. Вы, князь, отрасль тѣхъ сладостныхъ князей, которые дали свое имя Вязьмѣ, славному городу, и пряникамъ, которые его сіятельство князь И. М. Долгорукій воспѣлъ вмѣстѣ съ Глафирою и съ прочими гостями его сердца, вы, князь, стихотворецъ, титулярный совѣтникъ, матеріалистъ, другъ великихъ людей, врагъ предразсудковъ, однимъ словомъ — нашъ Панаръ, Гамильтонъ, Пиронъ и все, что вамъ угодно, изволили ошибиться на счетъ моей души, называя ее шаликовскою. Войдите въ себя, ваше сіятельство! Спросите себя хладнокровно, можетъ ли такой-то имѣть душу редактора Аглаи, творца Свободныхъ чувствованій, въ которыхъ ничего свободнаго, ниже вольнаго не бывало, и потомъ сдѣлайте ваше заключеніе; я увѣренъ, оно будетъ въ мою пользу, и я скажу, вздохнувъ: и великія души ошибаются!

Честь имѣю быть съ чувствомъ глубочайшаго почитанія къ дарованіямъ, особливо же къ душѣ вашей, которая велика, пространна, гибка, тверда, упруга и имѣетъ всѣ качества того, что васъ дѣлаетъ княземъ, а не княгинею. Преданный вамъ Константинъ Батюшковъ.

LXXIV.

Князю П. А. Вяземскому.

(Августъ—сентябрь 1811 г. Деревня).

Ты бранишь Библію, Morton и зачѣмъ? Неужели ты меня хочешь привести въ свою вѣру: я не Жуков-

скій и не люблю спорить, а ты похожъ на этихъ шалуновъ, которые

A faux titre insolens et sans fruit hazardeux
Pissent au bénestier, afin qu'on parle d'eux.

(Regnier).

Что же касается до каррикатуры, то она безподобна. У меня до тебя есть просьба, именно: мнѣ нужна необходимо книга, достань ее и пришли мнѣ; она хоть и ничего не значитъ какъ поэма, но значитъ много какъ компиляція; а я нынѣ хочу писать что-нибудь о Скандинавахъ и безъ нея какъ безъ рукъ. Имя ея: Les Scandinaves, par Montbron или Monbron, и даже продается у Gautier; я ее тамъ видѣлъ. Бога ради пришли поскорѣе, а еще скорѣе пиши, или я съ ума сойду отъ скуки, а Батюшковъ безъ ума будетъ дуракъ, хуже дурака, потому что у него нѣтъ ни гроша денегъ.

Mais bagatelle que tout celà!
Vive l'amour et le bon vin!
Voila mon refrain!

Adieu, je vous aime, comme mes yeux. Батюшковъ.

Ты забавенъ. Какъ мнѣ писать къ тебѣ письма? Я буду писать: въ жительствѣ (впередъ буду писать: въ виталищѣ), пока ты мнѣ не пришлешь своего адреса. Или тебя всѣ почталіоны знаютъ?

Еще просьба, и важнѣе: спроси у своего книгопродавца русскаго, нѣтъ ли чего-нибудь о Молдавіи, хоть стараго, гдѣ бъ описаны были нравы. Бога ради пришли мнѣ: я за то тебѣ напишу оду.

LXXV.

Н. И. Гнѣдичу.

(Августъ—сентябрь 1811 г. Деревня).

Я получилъ твою хартію лѣта 1811 г. отъ Р. Х. въ мѣсяцѣ аугустѣ, въ началѣ жатвы, то-есть, въ концѣ лѣта, исправно въ моей кельѣ, гдѣ молюсь о братіѣ, утопающей въ мірской суетѣ, и о тебѣ, сыне Адамле. Получилъ — и засмѣялся. Куда дѣвалось твое хладнокровіе, твоя разсудительность, доблесть ума и сердца? Куда сокрылась твоя философія, опытная и отвлеченная, твоя наука наслаждаться, быть счастливымъ, покойнымъ, довольнымъ, посреди разврата, недостатка, пресыщенія, посреди треволненія страстей человѣческихъ? Все сіе изчезло, яко дымъ отъ лица земли, и ты, мой философъ, сдѣлался вялѣе женщины, угрюмѣе Женевца Руссо и безразсуднѣе и той, и другаго. Ты сердишься на людей? Они тебя обманули? Чудакъ! Ты въ нихъ обманулся! Чего ожидалъ отъ нихъ? Услугъ, дружбы, благоволенія за то, что пишешь хорошіе стихи? Ошибся — и послѣ того вздумалъ поносить человѣчество! Дарованіе есть упрекъ, укоризна; оно—врагъ тончайшей изъ страстей, самолюбію. Люди его ласкаютъ сначала (ибо оно имъ доставляетъ минутное удовольствіе), но вскорѣ опомнятся и рано или поздно отмстятъ. Вотъ твоя участь! Но изъ этого я не заключаю, чтобъ всѣ были подлецы или дураки, и смѣло исключаю тѣхъ, которые намъ желали когда-нибудь добра. Прибавь къ тому, что поэзія, сіе вдохновеніе, сіе нѣчто изнимающее душу изъ ея обыкновеннаго состоянія, дѣлаетъ любимцевъ своихъ несчастными счастливцами. И ты часто наслаждаешься,

потому что ты пишешь, и ты смотришь на міръ съ отвращеніемъ, потому что ты пишешь.

Я получилъ твою 9-юпѣснь. Мое сужденіе пришлю. Теперь скажу тебѣ, что я нашелъ въ ней много ошибокъ противъ языка, противъ ударенія словъ: ошибки важныя, которыя ты долженъ исправить. Я нашелъ еще много словенскихъ словъ, которыя вовсе не у мѣста. Они хороши въ описательной поэзіи, когда говоритъ поэтъ, но въ устахъ героевъ никуда не годятся: они охлаждаютъ разсказъ и дѣлаютъ дикимъ то, что должно быть ясно. Я нашелъ много излишней простоты; стихи твои слишкомъ мало украшены, слишкомъ похожи на переводъ, на прозу: это ошибка важная. Въ стихахъ твоихъ много мягкости, гармоніи, но иные грубы, и есть стеченіе словъ и звуковъ вовсе непріятныхъ. Исправь это или, лучше сказать, дай времени исправить ошибки сіи, которыя принадлежатъ къ слогу, безъ котораго нѣтъ прочной славы. Я жалѣю, что не могу съ тобою поговорить обо всемъ этомъ лично: я, можетъ быть, принесъ бы тебѣ пользу. Но Кострова не страшись. Я его не читалъ въ Вѣстникѣ, да и читать не хочу послѣ твоего перевода. Онъ писалъ, покойникъ, хорошо, но онъ, вопреки своей славѣ, состарѣлся. Богъ знаетъ, что тому виною! Не словенскій ли языкъ и его сицѣ и сѣли въ колесницѣ? Онъ имѣлъ дарованіе, но я увѣренъ, что ты гораздо болѣе вникнулъ въ духъ Гомера, однимъ словомъ, что у тебя болѣе сего чувства изящнаго, которое должно имѣть, переводя божественнаго слѣпца. Берегись одного: словенскаго языка.

Качановскій меня не удивляетъ. Мерзляковъ любитъ хвалить себя, себя и еще себя. Эти люди Карамзина не ставятъ ни въ грошъ. Для нихъ ничто цѣны не имѣетъ и имѣть не можетъ. И что значитъ ихъ по-

хвала? Я знаю, что тебя цѣнить умѣютъ люди съ сердцемъ и съ истиннымъ дарованіемъ: я это слышалъ, и съ меня довольно. Я радъ, что ты перемѣнилъ свое мнѣніе о славенофилѣ. Что онъ написалъ хорошаго? Хотя бъ одну страницу! Кого онъ хвалилъ? Кѣмъ восхищается? Мертвыми, потому что они умерли, да живыми-мертвыми! Нѣтъ, мой другъ, тотъ, кто восхищается Шихматовымъ, Суворовымъ-профессоромъ, Захаровымъ и прочими, не имѣетъ, да имѣть не можетъ дарованія.

Что съ тобою сдѣлалъ Катенинъ? Это меня безпокоитъ. Я отъ него ожидалъ ума.

Я непремѣнно напишу мои замѣчанія и привезу ихъ съ собою. Здѣсь впечатлѣнія будутъ совершенно чисты: я буду говорить то, что я чувствую, и сужденіе другихъ никакого вліянія на мое сужденіе имѣть не будетъ. Послѣ я бы желалъ считаться съ тобою. Я увѣренъ, что нѣкоторыя замѣчанія будутъ справедливы. Зима насъ соединитъ. Могу ли пристать у тебя недѣли на три, на мѣсяцъ, пока моя судьба рѣшится? Дай мнѣ знать, и еще разъ, увѣдомь меня, что̀ буду я принужденъ дѣлать для полученія мѣста, какъ и къ кому адресоваться, однимъ словомъ— что̀ ты придумаешь лучшаго. Ты видишь тамъ вблизи и людей, и вещи, и совѣтъ твой мнѣ будетъ полезенъ.

Посылаю тебѣ десять рублей въ этомъ письмѣ на всякій страхъ. Купи табаку турецкаго лучшаго и пришли по первой почтѣ. Живи, будь уменъ и люби меня, какъ друга, какъ человѣка, который имѣетъ душу для того, чтобъ любить тебя. Конст. Б.

Пришли какихъ-нибудь книгъ, поклонись Измайлову и попроси его переслать мнѣ Цвѣтникъ—остальные нумера. Они очень интересны. Если онъ еще из-

даетъ журналъ, то я ему кое-что пришлю. Выпроси его Сказки: мнѣ охота здѣсь ихъ прочитать наединѣ.

LXXVI.

Князю П. А. Вяземскому.

9-го—12-го сентября 1811 г. (Деревня).

Ты женишься? Я этому вѣрю и крѣпко не вѣрю. Но такъ какъ въ нашемъ мірѣ ничего чудеснаго нѣтъ и не бывало, и то, что намъ кажется страннымъ, даже необыкновеннымъ, черезъ годъ—что я говорю?—черезъ мѣсяцъ покажется простымъ, даже необходимымъ, то я и заключаю, что ты, мой чудакъ, можешь жениться, народить дѣтей и съ ними въ хорошую погоду прогуливаться по булевару.... Впрочемъ, еслибъ ты женился, даже вздумалъ сдѣлаться монахомъ или издателемъ Русскаго Вѣстника, и тогда бъ я не пересталъ тебя любить, ибо мнѣ любить тебя столько жь легко, сколько тебѣ удивлять родъ человѣческій, живущій въ бѣлокаменной Москвѣ, въ которой я постараюсь быть, если позволятъ обстоятельства, за тѣмъ единственно, чтобъ тебя обнять женатаго или неженатаго. Дай мнѣ отвѣтъ, я его ожидаю. Прощай и будь счастливъ. Константинъ Батюшковъ.

Я перечиталъ твое письмо и теперь болѣе вѣрю слогу, нежели словамъ. Ты женишься! Дай себя обнять, любезный другъ, и пожелать тебѣ отъ чистаго сердца счастія и вѣчнаго счастія, которое у тебя въ рукахъ и даже, можетъ быть, въ головѣ. Не знаю, увижусь ли съ тобой нынѣшнимъ годомъ; кажется мнѣ, что нѣтъ, но я бы охотно отдалъ госпожѣ судьбѣ половину моихъ

надеждъ, половину сна и всѣ мои риѳмы — вотъ все, что имѣю наличнаго,—чтобъ тебя, мой другъ, обнять, тебя, супруга и отца семейства!

LXXVII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Октябрь 1811 г. Деревня).

Ты все выжидаешь времени ко мнѣ писать, и это время приходитъ и уходитъ, и ты ко мнѣ не пишешь, или пишешь, но рѣдко, очень рѣдко, любезный мой лѣнтяй! Строгановъ умеръ! Міръ праху его! Былъ добрый человѣкъ, былъ русскій герцогъ Рокелоръ, острякъ, чудакъ, но это все приправлено было рѣдкой вещію—добрымъ сердцемъ; и я объ немъ жалѣю, и жалѣю о тебѣ, ибо ты въ немъ много потерялъ. Что дѣлать? Утѣшиться какъ можно, жить и валять пень черезъ колоду!

Когда же парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ,—

тогда всему конецъ. А пока у меня хлопотъ выше воротъ. Какихъ? Ни слова! Ибо тебя не хочу съ ума сводить глупостями, а такъ какъ пріятно съ другомъ раздѣлить и горесть, то скажу тебѣ, что мнѣ никогда такъ скучно не бывало. Я все еще въ деревнѣ и не навѣрное буду въ Питерѣ: все зависитъ отъ судьбы, съ которой я борюсь, какъ атлетъ, храбро, пока станетъ силъ. Бѣда со всѣхъ сторонъ, а отрады ни отъ кого. Хотя бы въ Бесѣдѣ писали поумнѣе, хотя бы

для моего спокойствія Каченовскій вралъ менѣе, Хвостовъ забавнѣе, и Шишковъ болѣе стихами на образецъ Крѣпости или того примѣра, который цитируетъ Державинъ: «Купаться, купаться теперь намъ пора». Вотъ чего я требую отъ судьбы: кажется, немного!

Моли Бога, чтобъ я пріѣхалъ въ Питеръ. Вѣдь я тебя давно не видалъ! Что съ тобою дѣлается? Какъ ты ведешь себя? Чѣмъ промышляешь? Любишь ли меня? Здорова ли Мальвина? Не знаю, какъ я тебѣ, а мнѣ ты очень нуженъ, ибо я начинаю сходить съ ума отъ скуки и отъ бѣдности въ живыхъ ощущеніяхъ. Съ кѣмъ здѣсь говорить, кто пойметъ меня? Однимъ словомъ, меня и люди, и обстоятельства застудили. Я становлюсь твердъ, яко Крѣпость Шишкова, отца Шишкова (я ему прилагаю слово отецъ, точно такъ, какъ Виргилій Энею: pater Aeneas); я становлюсь глупъ и тупъ, яко Шихматовъ; я становлюсь дерзокъ, яко Каченовскій, остеръ и легокъ, какъ Карабановъ, миловиденъ, яко мученикъ Штаневичъ, распятый Каченовскимъ. Я становлюсь не тѣмъ, что былъ, но гораздо хуже, вялѣе, рухлѣе, нежели Саула пѣснопѣніе.

Кстати объ Саулѣ, читалъ ли ты сію кантату? Какъ Саулъ засыпаетъ! О, это безподобно! Вотъ каррикатура! Да и какъ не заснуть отъ этой мѣры:

Колебавъ, приподнявъ....
Вотъ хаосъ!... Бездна.... Глубоко!
Высоко!... Лира!

Пришли мнѣ табаку, или я на тебя очень разсержусь и выпишу тебя изъ списка честныхъ коммиссіонеровъ, хорошихъ стихотворцевъ и услужливыхъ друзей! Дуракъ! Можно ли мнѣ жить безъ табаку въ этомъ безмолвномъ уединеніи?

Я радъ, что мои замѣчанія понравились. Буду еще присылать и замѣчу гораздо исправнѣе, нежели наши астрономы комету. Хороши ученые Цыфиркины! Они скоро и солнца на небѣ не примѣтятъ! Чѣмъ эти люди напиваются? Ромъ и вино такъ дороги! Пиши ко мнѣ чаще. Не видалъ ли ты Пушкина? К. Бат.

LXXVIII.

Князю П. А. Вяземскому.

17-го октября 1811 г. (Деревня).

Вѣрю, мой милый другъ, вѣрю, что ты вступаешь въ храмъ Гименея; вѣрю твоему счастію и проклинаю судьбу, которая меня лишаетъ удовольствія пропѣть эпиталаму, обнять тебя и выпить за здравіе кубокъ фалернскаго, въ который я готовъ погрузить всѣ мои печали и горести, протекшія и будущія, всѣ заботы, всѣ дурные стихи, однимъ словомъ — все, кромѣ чувствъ дружества, ибо все суета суетъ, мой милый другъ.... Но, увы! Я по неволѣ долженъ читать моего Горація и питаться надеждою, ибо настоящее и скучно, и глупо. Я живу въ лѣсахъ, засыпанъ снѣгомъ, окруженъ попами и раскольниками, заваленъ дѣлами и, вздыхая отъ глубины сердца, говорю, какъ Лафонтенова перепелка:

S'il dependait de moi, je passerais ma vie
En plus honnête compagnie.

Потомъ я долженъ ѣхать въ Питеръ: долженъ, ибо клянусь тебѣ моимъ здравымъ разсудкомъ, что я бы предпочелъ всему Москву, въ которой живетъ Вяземскій, котораго я люблю, и который, можетъ быть, меня

посылаетъ къ чорту. Сколько которыхъ! Извини! Я разучился писать.

Ты былъ боленъ! Конечно, отъ желудка? Береги себя и кушай меньше: умереть отъ обжорства— смерть, конечно, и славная, и завидная, но не въ твои лѣта, притомъ же и не теперь, когда могутъ плакать прелестные глаза объ тебѣ, мой баловень! Болѣзнь твоя прошла: ты женатъ. Я часто мысленно переношусь въ Москву, ищу тебя глазами, нахожу и въ радости взываю: Се ты, се ты, супругъ, семьянинъ, въ шлафрокѣ и въ колпакѣ, по утру за чайнымъ столикомъ, въ вечеру за бостономъ! Quantum mutatus ad illo! Я начинаю вѣрить вліянію кометы, и ты тому причиною. Все къ лучшему, дай руку! Будь счастливъ и прости! К. Б.

Если ты женатъ, мой любезный другъ, то повергни къ ногамъ княгини мое поздравленіе и цѣлый коробъ желаній о счастіи, желаній самыхъ усерднѣйшихъ, за которыя ты можешь ручаться головою; скажи ей — и ты не солжешь,—что этотъ чудакъ ни къ чему не годенъ, но онъ болѣе смѣшенъ, нежели глупъ, болѣе добръ, нежели глупъ; что этотъ чудакъ тебя любитъ, какъ брата; что ты его любишь, какъ самъ себя: vous pourrez en rabattre quelque chose, и потому-то онъ можетъ вопреки своимъ странностямъ казаться вамъ весьма любезнымъ. Вотъ что ты скажешь княгинѣ, но гораздо краснорѣчивѣе, острѣе, однимъ словомъ— такъ, какъ говоритъ Василій Львовичъ, когда не зайкается и не плюетъ.

LXXIX.

Н. И. Гнѣдичу.

7-го ноября (1811 г. Деревня).

Я получилъ, любезный Николай, твое меланхолическое письмо, твои меланхолическіе стихи и твой турецкій табакъ и всѣмъ тремя весьма доволенъ. Такъ, любезный мой другъ, я живу въ деревнѣ, и въ какой деревнѣ! Гдѣ ни души христіанской нѣтъ.—Но зачѣмъ живешь ты въ деревнѣ? Ты влюбленъ? Въ кого, смѣю васъ спросить? Въ скуку? Долженъ ли я клясться и Стиксомъ, и всѣми божествами, что я здѣсь живу по неволѣ. Да, по неволѣ! Я имѣю обязанности, имѣю сестеръ; къ тому же столько хлопотъ домашнихъ, столько неудовольствій, что вопреки здравому разсудку, вопреки себѣ и людямъ долженъ особиться, какъ говоритъ сіятельный морякъ и піита Шихматовъ. Если же позволятъ обстоятельства, то буду въ Питеръ, буду съ тобою и буду счастливъ, хотя и не надолго. Вся моя надежда на Оленина; я знаю его на опытѣ, знаю, что онъ готовъ служить всякому, а меня онъ, кажется, и любитъ; но что онъ для меня въ силахъ сдѣлать? Дать мнѣ мѣсто. Какое? Нѣтъ, я не такъ дешево продамъ свободу, милую свободу, которая составляетъ все мое богатство. Тысяча рублей жалованья для меня не важны: я и безъ хлопотъ могу достать болѣе, трудясь около крестьянъ или около книжныхъ лавокъ. Называй меня чѣмъ хочешь, мечтателемъ, сумасшедшимъ и хуще еще, а я все буду напѣвать свое: дипломатика! Я готовъ ѣхать въ Америку, въ Стокгольмъ, въ Испанію, куда хочешь, только туда, гдѣ могу быть поле-

зенъ, а служить у министровъ или въ канцеляріяхъ, между челяди, ханжей и подъячихъ, не буду; нѣтъ, твой другъ не сотворенъ

Разставщикомъ кавыкъ и строчныхъ препинаній.

Онъ былъ нѣкогда солдатомъ, хотя и весьма миролюбивымъ; онъ нюхалъ порохъ, хотя и не геройскимъ носомъ; но какъ бы то ни было, онъ вездѣ и всегда помнилъ своего Горація и независимость предпочтетъ всему, кромѣ благодарности, кромѣ ея святыхъ обязанностей, ибо онъ не можетъ откупиться отъ нея краснорѣчіемъ, какъ этотъ чудакъ, который родился въ Женевѣ и умеръ въ Эрменонвилѣ, какъ Жанъ-Жакъ! Что же касается до любви, то она улетѣла, измѣнница, и никогда не заглянетъ къ человѣку, который началъ разсуждать и мыслить, который разочарованъ и людьми, и несчастіями, который на женщинъ смотритъ, какъ на куколъ, одаренныхъ языкомъ и еще язычкомъ, и болѣе ничѣмъ. Я ихъ узналъ, мой другъ: у нихъ въ сердцѣ ледъ, а въ головахъ дымъ. Мало, хотя и есть такія, мало путныхъ.

Я тибуллю, это правда, но такъ, по воспоминаніямъ, не иначе. Вотъ и вся моя исповѣдь. Я не влюбленъ.

Я клялся болѣ не любить
И клятвы вѣрно не нарушу:
Велишь мнѣ правду говорить?
И я уже не много трушу.

Я влюбленъ самъ въ себя. Я сдѣлался или хочу сдѣлаться совершеннымъ яньскою, то-есть, эгоистомъ. Пожелай мнѣ счастливаго успѣха. Спасибо за описаніе моихъ успѣховъ. Къ нимъ нельзя быть нечувствительнымъ; они суть мечта, но всегда пріятная для сердца.

Называй славу, какъ хочешь, а слава есть волшебница весьма волшебная.

Мечта понравилась, но конечно, не всѣмъ. Этотъ родъ стиховъ не можно назвать общимъ. Притомъ же въ ней много ошибокъ, а плану вовсе нѣтъ. Жуковскій ее называетъ арлекиномъ, весьма милымъ: я съ нимъ согласенъ. Она напечатана съ поправками, но я ее и еще разъ переправилъ. Увидишь самъ каково.

Посылаю и тебѣ твои стихи. Я замѣтилъ кое-что и намекнулъ поправки. Есть прекрасныя мѣста. Конецъ очень хорошъ, и вся піеса хороша, только должно почистить.

Это почистить напоминаетъ мнѣ анекдотъ, который я слышалъ отъ Карамзина. Покойникъ Херасковъ, сей водяной Гомеръ, любилъ давать совѣты молодымъ стихотворцамъ и, прощаясь съ ними, всегда говорилъ, приподнявъ колпакъ: «Чистите, ради Бога, чистите, чистите! Въ этомъ вся и сила. Чистите! О, чистите, какъ можно болѣе чистите, сударь! Чистите, чистите, чистите!» Начало поправь:

Ты будешь чело мое мрачить бременя.

Бременя—мнѣ не нравится; и этотъ стихъ холоденъ, ибо дѣло не о челѣ, а о сердцѣ, о душѣ, о сердечныхъ чувствахъ. Есть ошибки противъ мѣры, отъ того что ты короткія слова ставишь вмѣстѣ съ долгими: отъ этого родится негладкость. Исправь и это. И ради Бога пришли мнѣ эту піесу. Она мнѣ по сердцу и очень хорошо написана. Прибавь еще la mélancolie de Laharpe, вотъ она и будетъ кстати въ описаніи сладостной мечты. Подражай смѣло. Здѣсь она personnifiée. Всѣ стихи прекрасны и достойны перевода. Боже мой, чѣмъ Капнистъ занимается? Добро бы свое выдумывалъ! А то

старыя бредни выпускаетъ на свѣтъ, бредни дураковъ Шведовъ, упсальскихъ профессоровъ, бредни Бальи астронома, бредни этимологистовъ, которымъ насмѣялся Вольтеръ до сыта, бредни людей сумасшедшихъ, бредни безполезныя, которыя не питаютъ ни ума, ни сердца, бредни головы ажь гуде! Не лучше ли было заниматься критикой русской исторіи или словесности, изобличеніемъ Шишкова, начертаніемъ жизни Ломоносова, жизни, которую можно написать столь хорошо перу краснорѣчивому? О, жалкій умъ человѣческій! Прости!

Вылѣчи обструкціи водой и моціономъ.

LXXX.

Е. Ѳ. Муравьевой.

27-го ноября 1811 г. (Деревня).

Милостивая государыня тетушка Катерина Ѳедоровна! Имѣю честь поздравить васъ съ протекшимъ днемъ вашего ангела, которому я молился отъ всей души, чтобъ онъ васъ наградилъ здравіемъ, спокойствіемъ и, если возможно, благополучіемъ, котораго вы, любезная тетушка, столько достойны. Я отъ васъ ни строки не имѣю; писалъ съ сестрицой, но и она, и вы меня позабыли: отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ! О господинѣ Петрѣ я и говорить не хочу, но не боленъ ли онъ? А братецъ Никита? Знайте же, любезная тетушка, что я на всѣхъ начинаю посерживаться, выключая васъ, и то потому только, что этого мнѣ не возможно. Меня задерживали хлопоты и дѣла въ деревнѣ; по окончаніи ихъ я отправляюсь въ Питеръ; но гдѣ бъ ни на-

ходился, вездѣ буду васъ любить и почитать, какъ моего ангела хранителя, которому себя поручаетъ Константинъ Батюшковъ.

LXXXI.

Князю П. А. Вяземскому.

Числа не знаю. (Исходъ ноября 1811 г. Деревня).

Я имѣлъ нужду въ твоемъ письмѣ, любезный мой другъ! Будучи боленъ и въ совершенномъ одиночествѣ, я наслаждаюсь одними воспоминаніями, а твое письмо привело мнѣ на память и тебя, и Жуковскаго, и наши вечера, и наши споры, и наши ужины, и все, что насъ веселило, занимало, смѣшило, начиная отъ Шишкова до слуги Пушкина, того Пушкина, который теперь, съ кудрявой головой, въ англинскомъ фрачкѣ, съ парой мадригаловъ въ штанахъ и съ большимъ экспромптомъ, заготовленнымъ на канунѣ за завтракомъ, экспромптомъ, выписаннымъ изъ какого-нибудь Almanach des Muses, является въ обществѣ часу около девятаго, пьетъ чай, картавитъ по французски, бранитъ славенофиловъ, хвалитъ Лагарповъ псалтырь и свою блѣдную красавицу и, наконецъ, когда ночь спустится на петропольскія башни и ударитъ полночь, нашъ Пушкинъ—который никогда не ужинаетъ—pian pianino возвращается домой въ объятія своей Пенелопы-Малиновки и... и.....съ помощію музъ и Феба онъ дѣлаетъ то, что дѣлалъ девять мѣсяцевъ предъ тѣмъ днемъ или ночью, въ который онъ назвалъ себя въ первый разъ отцомъ своего изчадія и, подобно Гектору, прижалъ къ груди своей новаго Астіанакса. Вотъ тебѣ гадатель-

ная исторія о Пушкинѣ, а моя еще глупѣе. Такъ, любезный мой шалунъ, не увижу тебя въ халатѣ, нѣтъ, судьбы иначе гласятъ: будь боленъ, сиди сиднемъ, а что еще хуже, поѣзжай въ Питеръ, гляди на Славянъ и Варяговъ, на Бесѣду, на Академію и чортъ знаетъ на что! Повѣрь мнѣ, что еслибъ можно было, то я бы летѣлъ въ Москву, летѣлъ бы въ Суратъ, чтобы съ тобой увидѣться и насладиться твоимъ лицезрѣніемъ и пожать твою руку и сказать тебѣ.... все, что придетъ на сердце. Но ты самъ сказалъ весьма благоразумно: «Перстъ судьбы куралеситъ».... а человѣкъ молчитъ. Dixi.

А прибавлю слѣдующее: Вяземскій за неимѣніемъ времени разсуждать сдѣлался энтузіастомъ, хвалитъ и восхищается и, будучи на розахъ (благодаря Бога), все находитъ прелестнымъ, безподобнымъ или меня морочитъ. Милоновъ у него сдѣлался Державинымъ за то, что перевелъ Гораціеву оду! Шутки въ сторону: переводъ хорошъ, но есть и слабости. Милоновъ съ большимъ дарованіемъ, но никогда того не напишетъ, что написалъ нашъ Орфеичъ, сей божественный стихотворецъ и чудесный враль. Милонова переводъ у меня передъ глазами, но мнѣ надобно быть поснисходительнѣе, потому что—позвольте высморкаться и прокашляться! —я и самъ написалъ кое-что, что прошу прочитать и сказать ваше сужденіе безъ всякаго пристрастія. Это конецъ посланія къ Пенатамъ. Поэтъ, то-есть, я адресуется къ Вяземскому и Жуковскому; но этого не показывай никому, потому что еще не переправлено; переписать все лѣнь и лѣнь необоримая. Конецъ живѣе начала. А?

Впрочемъ, любезный другъ, я начинаю сердиться на стихи, особливо на тѣхъ людей, которые жизнь свою

проводятъ надъ какими-то игрушками, и все это для потомства! Самый В. Пушкинъ, Пушкинъ, который усовершенствовалъ себя подъ шестьдесятъ лѣтъ, этотъ Пушкинъ удивительно смѣшенъ, и я готовъ сказать ему, слушая его посланіе: Что это доказываетъ? Конечно, стихи—дѣло прелестное, но они похожи на вино, и отъ нихъ можно опьянѣть. Трудно найти середину: отъ Нелединскаго до Хвостова одинъ шагъ. Я читалъ Иванова стихи и въ нихъ много хорошаго.

Амуръ тайкомъ шаги твои считаетъ

очень счастливо. Но этотъ стихъ совершенно купеческій:

Ты безъ бѣлилъ бѣла, ты безъ румянъ румяна.

Вотъ два стиха, которые вовсе другъ на друга не похожи.

Что съ Жуковскимъ сдѣлалось? Онъ вовсе перерождается. Теперь надобно ему подраться съ кѣмъ-нибудь на пистолетахъ, увезти чью-нибудь жену, перевести Пиронову оду къ Пріапу, заболѣть пріапизмомъ и наконецъ застрѣлиться; послѣднее онъ можетъ отсрочить до тѣхъ поръ, пока я и ты не отправимся за Стиксъ, ибо что намъ дѣлать безъ него, а онъ, злодѣй, и безъ насъ живетъ припѣваючи.

Такъ какъ безъ нѣкоего усилія и ума я не могу ясно вообразить себѣ, что ты женатъ и живешь въ приходѣ Іоанна Милостиваго подъ одной кровлею, рука въ руку, съ прелестнѣйшей изъ женщинъ, счастливѣйшимъ мужемъ, пламеннымъ любовникомъ, домовитымъ хозяиномъ и степеннымъ гражданиномъ Москвы, то я, любезный мой другъ, по старому буду тебя просить писать ко мнѣ почаще, точно такъ, какъ будто у тебя

по старому много праздnаго времени, много шалостей въ головѣ и въ сердцѣ, мѣсто для дружества, не занятое чѣмъ-нибудь и лучшимъ, и прелестнѣйшимъ—любовью. Пиши ко мнѣ. За дѣлами и за лихорадкой я еще останусь недѣли три здѣсь, и письмо твое застанетъ твоего Батюшкова.

Въ какомъ состоянiи Москва? Что дѣлается у васъ? Курится ли ѳиміамъ на алтарѣ добродѣтели (Островъ Борнгольмъ)? Что дѣлаютъ Пушкины, Давыдовъ и все, что я знаю? Нѣтъ ли анекдотовъ для назиданiя ума и сердца? Какъ ты проводишь время свое? Гдѣ Батонди? Куда дѣвался Велеурскiй? Скоро ли будетъ къ вамъ Жуковскiй? Вотъ вопросы: дай хоть одинъ отвѣтъ.

Сдѣлай одолженіе, любезный князь, пришли мнѣ музыку на мой романсъ; ты меня очень одолжишь: я ее велю съиграть моему музыканту на фаготѣ. Если Велеурскiй уѣхалъ, то попроси его, чтобы онъ тебѣ прислалъ эту штуку.

LXXXII.

Н. И. Гнѣдичу.

27-го ноября—5-го декабря 1811 г. (Деревня).

Сію минуту получилъ я твое письмо и сію минуту отвѣчаю, пока сердце мое не заснуло, пока я могу еще на тебя сердиться. Выслушай и отвѣчай!

Если я говорилъ, что независимость, свобода и все, что тебѣ угодно, подобное свободѣ и независимости, суть блага, суть добро, то изъ этого не слѣдуетъ выводить, что Батюшковъ сходитъ съ ума и читаетъ своего Горацiя, Балдуса, Скриверiуса и Матаназiя съ

Метафрастикомъ, печатнаго и рукописаннаго въ Lipsia или въ Лейденѣ, или гдѣ тебѣ угодно. А изъ этого слѣдуетъ именно то, что Батюшковъ, живучи одинъ въ скучной деревнѣ, гдѣ, благодаря судьбѣ, онъ, кромѣ своего Якова да пары кобелей, никого не видитъ, не слышитъ и не увидитъ, и не услышитъ; Батюшковъ не хочетъ и не долженъ, зная себя столько, сколько человѣкъ себя можетъ знать, не долженъ, говорю я, промѣнять своего мѣста на мѣсто канцлера, архіерея или камергера; ибо теперь Батюшковъ, такъ какъ ты его видишь, скучаетъ и имѣетъ право скучать, ибо въ 25 лѣтъ погребать себя никому непріятно. Но тогда, перемѣня свое мѣсто на другое, несвойственное, неприличное, господинъ Батюшковъ былъ бы вдвое несчастнѣе и, что всего хуже, вдвое глупѣе, несноснѣе для себя, для другихъ и для самого Гнѣдича. Еще разъ, и да будетъ это въ послѣдній, разувѣрь себя на мой счетъ и не дѣлай заключеній, вредныхъ дружбѣ, оскорбительныхъ моему сердцу, ибо я всегда думалъ и думаю, что мечтатели, если и могутъ имѣть пламенную голову, сильное воображеніе, умъ, все, что тебѣ угодно, за то не имѣютъ души, и въ сердцѣ ихъ холодно, какъ теперь на дворѣ; а я чувствую, мой другъ, что у меня есть сердце всякій разъ, когда помышляю о тебѣ и о людяхъ, мнѣ любезныхъ. Еще разъ повтори себѣ, что Батюшковъ пріѣхалъ бы въ Петербургъ, еслибъ его дѣла не задерживали въ деревнѣ, еслибъ имѣлъ въ карманѣ болѣе денегъ, нежели имѣетъ, еслибъ зналъ, что получитъ мѣсто и выгодное, и спокойное—да, спокойное, гдѣ бы онъ могъ ничего не дѣлать и не кланяться подъячимъ, людямъ ничтожнымъ,—онъ бы пріѣхалъ; а если не ѣдетъ, то это значитъ то, что судьба не позволяетъ.... и проч. Но нѣтъ, ты свое бредишь

и всегда, что хуже всего, не своей головой, ибо у тебя умъ великъ или малъ, но благодаря Бога, здоровъ, а бываетъ боленъ тогда только, когда страсть или другіе умы, умищи и умишки сведутъ съ истиннаго пути. Ихъ сужденіемъ я не дорожу, ихъ совѣтовъ не хочу, ихъ сожалѣнія не требую, ибо они для меня.... только что забавны; но тебѣ, мой другъ, тебѣ стыдно меня обижать заключеніями странными и оскорбительными. Если я тебѣ не открывалъ моихъ чудесныхъ обстоятельствъ, то это истинно потому, что ты мнѣ пособить не можешь: въ слезахъ твоихъ я нужды не имѣю, но въ утѣшеніи имѣю нужду. Мы други, и я смѣю тебя назвать такъ, мы други не съ тѣмъ, чтобъ плакать вмѣстѣ, когда одинъ за тысячу миріаметровъ отъ другаго, не съ тѣмъ, чтобъ писать обоюдно плачевныя элегіи или обыкновенщину, но съ тѣмъ—и это ты на опытѣ доказываешь, когда не заразишься постороннимъ чадомъ,—съ тѣмъ, говорю я, чтобъ мѣняться чувствами, умами, душами, чтобъ проходить вмѣстѣ чрезъ бездны жизни, ведомые славою и опираясь на якорь надежды. При имени славы ты вѣрно не засмѣешься; а если засмѣешься, то загляни въ свое собственное сердце. Я писалъ о независимости въ стихахъ, о свободѣ въ стихахъ; на судьбу мою никому, кромѣ тебя, не жаловался, и то въ прозѣ; а служить изъ тысячи рублей жалованья титулярнымъ совѣтникомъ, служить и готовиться къ экзамену, подобно Митрофану, твердя «Азъ же есмь червь, а не человѣкъ.... поношеніе человѣковъ», повторять зады и набивать себѣ голову римскимъ кодексомъ, поэтическими подробностями изъ Зябловскаго, аксіомами изъ Эвклида, служить писцомъ, скрибомъ въ столицѣ, гдѣ можно пить, гдѣ я пилъ изъ чаши наслажденій и горестей радость и печаль, но

всегда оставался на моемъ мѣстѣ, — нѣтъ, нѣтъ, это все свыше меня и свыше тебя!

Что ты дѣлалъ въ жизни своей? Кому ты продалъ свою свободу? Никому. И я это докажу тебѣ въ двухъ словахъ. Въ департаментѣ ты могъ получить болѣе, нежели получаешь нынѣ. Служа въ пыли и прахѣ, переписывая, выписывая, исписывая кругомъ цѣлыя дести, кланяясь на лѣво, а потомъ на право, ходя ужомъ и жабой, ты былъ бы теперь человѣкъ, но ты не хотѣлъ потерять свободы и предпочелъ деньгамъ нищету и Гомера. Въ департаментѣ ты бы могъ быть коллежскимъ совѣтникомъ, получить крестъ, пенсіонъ, все, что угодно, потому что у тебя есть умъ и способности, но ты не хотѣлъ потерять независимости и остался бы титулярнымъ совѣтникомъ до скончанія вѣка, еслибъ не рука благодѣтельнаго генія, не рука великой княгини дала тебѣ чинъ и пенсіонъ, званіе честнаго человѣка и кусокъ насущнаго хлѣба. Чѣмъ же ты хвастаешь передо мною? Какой-то опытностію! Гнѣдичь. Гнѣдичь! Эту опытность — къ несчастію моему — и я пріобрѣлъ, эту опытность, и скучную, и едва ли не пустую. Я привыкъ смотрѣть на людей и на вещи съ надлежащей точки: меня тому научили и годы, и люди, и несчастія. Les malheurs m'ont mis au rang des sages, говоритъ мудрецъ. Я не философъ, но по крайней мѣрѣ имѣю драхму разсудка, а я враль въ твоихъ глазахъ, потому что мелю вздоръ на риѳмахъ, враль, потому что говорю то, что мыслю, враль, потому что тебя въ томъ увѣрили умные люди, которые мастера давать совѣты, когда ихъ не просятъ, мастера сожалѣть и злословить. Пріятель нашъ Беницкій, который имѣлъ умъ и сердце, сказалъ:

Вездѣ встрѣчаются быки
И—поученья.

Ты помнишь эту басню? И онъ сказалъ правду! Но дѣло не о томъ: мнѣ обидно, любезный другъ, не столько душѣ моей, ибо она всегда согласна съ твоею, сколько моему самолюбію, — обидно то, что ты разговариваешь со мною точно такъ, какъ съ ребенкомъ или постникомъ, который отъ изможденія плоти видитъ духовъ, des anges violets, слышитъ, подобно Пиѳагору, пѣніе и гармоническіе гласы планетъ небесныхъ, а не видитъ, не слышитъ того, что его окружаетъ. Брось, кинь навсегда эту привычку! Другъ твой не сумасшедшій, не мечтатель, но чудакъ (la faute en est aux dieux qui m'ont fait si drôle), но чудакъ съ разсудкомъ. Я говорю о путешествіи: ты пожимаешь плечами. Но я тебя въ свою очередь спрошу: Батюшковъ былъ въ Пруссіи, потомъ въ Швеціи; онъ былъ тамъ самъ, по своей охотѣ, тогда, когда все ему препятствовало; почему жь Батюшкову не быть въ Италіи? «Это смѣшно», говорилъ мнѣ Барановъ въ бытность мою въ Москвѣ. Смѣшно? А я докажу, что нѣтъ! Если Фортуну можно умилостивить, если въ сильномъ желаніи тлѣется искра исполненія, если я буду здоровъ и живъ, то я могу быть при миссіи, гдѣ могу быть полезенъ. И еще скажу тебѣ, что когда бы обстоятельства позволяли, и курсъ денежный унизился, то Батюшковъ былъ бы на свои деньги въ чужихъ краяхъ, куда онъ хочетъ ѣхать за тѣмъ, чтобъ наслаждаться жизнію, учиться, зѣвать; но это все одни е с л и, и то правда, но е с л и сбыточныя. А если небо упадетъ, говоритъ пословица, то перепелокъ передавитъ, если.... если....

Но ты сбираешься въ Москву? Зачѣмъ? Подумай хорошенько! А для меня не оставайся въ Питерѣ,

хоть твой отъѣздъ и будетъ мнѣ непріятенъ и весьма непріятенъ. Сію минуту принесли мнѣ денегъ. Если еще столько, да еще столько, то я поѣду въ Питеръ; прибавь къ тому еще одно е с л и.... Что же до Москвы касается, то я ее люблю, какъ душу; но тамъ — вотъ тебѣ и мой совѣтъ—онъ похожъ на совѣтъ того Гасконца, который говорилъ архитекторамъ парижскимъ: «Cadedis, messieurs, если вы будете строить мостъ (le Pont-Neuf) вдоль рѣки, то никогда не успѣете, а я вамъ совѣтую строить поперекъ»,—мой совѣтъ: имѣть больше денегъ; въ Москвѣ все дорого; нужна, необходима карета четверней и проч., тогда будешь человѣкъ! А безъ того не ѣзди, мой другъ; дождись меня, дождись моихъ замѣчаній на Гомера и на твою бѣдную голову; дождись моихъ мараній и Аріоста, который теперь почиваетъ весьма спокойно. Но нѣтъ, поѣзжай въ Москву, если требуетъ долгъ и твоя польза, но ради Бога не связывайся съ вралями: они мнѣ надоѣли пуще всего.

Еще одно замѣчаніе на твое письмо: «Я имѣю неотъемлемую свободу судить, что̀ мнѣ прилично и не прилично, и дѣйствовать такимъ образомъ». Эту фразу подари Каченовскому: онъ тебя поблагодаритъ. Онъ, имѣя не-отъ-ем-ле-му-ю свободу судить, изволитъ забавляться на счетъ Мольера, Вольтера и всѣхъ умныхъ Французовъ весьма забавнымъ и глупымъ образомъ. Тамъ, гдѣ онъ не умничаетъ, онъ сносенъ; тамъ, гдѣ онъ начнетъ умничать, онъ дѣлается педантомъ, совершенною ѳитою. Но дѣло не о томъ: по силѣ неотъемлемой свободы мыслить и замѣчать, и дѣйствовать, пиши ко мнѣ почаще, не отговариваясь ни лѣнью, ни дѣлами, ни болѣзнію. Твоихъ писемъ я дожидаюсь съ нетерпѣніемъ: это единственное средство

съ тобою говорить, и было бы слишкомъ безчеловѣчно лишать меня твоей бесѣды за лѣнью, за дѣлами и за болѣзнію.

Не видалъ ли ты Пушкина? Онъ написалъ послаиіе къ Дашкову, Измайловъ — басни, сказки, видѣнія и проч., а ты мнѣ этого не присылаешь. Еще повторю тебѣ: пиши поболѣе, пиши о себѣ, о другихъ; но мнѣ не надобно такихъ истинъ, какова эта: «Я живу въ Петербургѣ, ты живешь въ деревнѣ по свободнымъ обязанностямъ». Что я живу въ деревнѣ, это я знаю; что ты въ Петербургѣ, и это чувствую; но что значатъ свободныя обязанности? «О логика, нѣсть безъ тебя спасенія!» говоритъ Синекдохосъ. Замѣть, что ты это сказалъ весьма серьезно.

Открылась ли Бесѣда? Что дѣлаютъ ваши пѣтухи? Зачѣмъ хочешь печатать въ Бесѣдѣ? По крайней мѣрѣ я не совѣтую: надобно имѣть характеръ и золота въ навозъ не бросать, истинно въ навозъ, ибо, кромѣ Горація Муравьева и Крылова басенъ, тамъ ничего путнаго я не видѣлъ. Львова стихи похожи на Шаликова и напоминаютъ мнѣ Le ruisseau amant de la prairie, сонетъ Фонтенелевъ, надъ которымъ со смѣху надсѣдался Вольтеръ. Ни слогу, ни мыслей, ни стиховъ! Все площадное, вялое! У Шишкова мысли жидкія, а слогъ черствый. А Штаневичъ? Бездна премудрости! Совершенный Шатобріанъ, но безъ ума, безъ воображенія! Нѣтъ, я имъ слуга покорный! Вѣстникъ Европы худъ или хорошъ, а все лучше ихъ мараній. Не печатай въ Бесѣдѣ, не стыди себя! Бога ради поправь стихи въ Унынiи по моимъ замѣчаніямъ, и все будетъ прелестно.

Ни утро веселостью (ни день красотами
Не радуютъ чувство его): онъ умеръ душой и проч.

Прекрасно! Замѣть, что послѣ цезуры въ этомъ размѣрѣ стиховъ надобно, чтобъ ударенія были весьма вѣрны: безъ того все будетъ дурно.

Но очи отверзтые зрятъ одръ токмо хладный....
Какъ съ блѣдныхъ ланитъ его слезъ токи струясь...
Равно удаляющась [1]) въ тѣнь дебрей безмолвныхъ....

Здѣсь ударенія глухи, и потому стихи неплавны, скачутъ, непріятны. Послѣ цезуры должно ставить длинныя слова, и стихи будутъ плавнѣе, напримѣръ:

При дѣвахъ ласкающихъ, въ бесѣдѣ съ друзьями,

или по крайней мѣрѣ, чтобъ слоги были плавны и одинъ другаго не съѣдали, и потому стихъ вышеписанный:

Какъ съ блѣдныхъ ланитъ его слезъ токи струясь

не такъ худъ, хотя слова и короткія послѣ цезуры, а все лучше поставить одно длинное.

Впрочемъ, все хорошо. И стихи изъ Лагарпа прекрасны. Еще разъ переправь, не полѣнись, а мои замѣчанія справедливы.

Пришли мнѣ замѣчанія на Мечту: я ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ, ибо имѣю въ нихъ нужду.

Ноября 27-го дня 1811 г.

Всѣ писатели, начиная отъ Аристотеля до Каченовскаго, безпрестанно твердили: Наблюдайте точность въ словахъ, точность, точность, точность! Не пишите на мѣсто домъ—громъ, на мѣсто печь—мечь и такъ далѣе. А ты, любезный Николай, пишешь не краснѣя, что мнѣ скоро тридцать лѣтъ. Ошибся, ошибся, ошибся

[1]) Я не люблю этихъ глухихъ усѣкновеній. Еслибъ удаляясь, то было бы лучше.... Вотъ бездѣлки, но важныя для уха.

шестью годами, ибо 24 ни на какомъ языкѣ не составляютъ 30. Гдѣ же точность? Я съ моей стороны не упущу изъ рукъ эти шесть лѣтъ и, подобно Александру Македонскому, надѣлаю много чудесъ въ обширномъ полѣ.... нашей словесности. Я въ теченіе этихъ шести лѣтъ прочитаю всего Аріоста, переведу изъ него нѣсколько страницъ и, въ заключеніе, ровно въ тридцать лѣтъ, скажу вмѣстѣ съ моимъ поэтомъ:

Se a perder s'a la libertà, non stimo
Il piu ricco capel, ch'in Roma sia,

ибо и въ тридцать лѣтъ я буду тотъ же, что теперь, то-есть, лѣнтяй, шалунъ, чудакъ, безпечный баловень, маратель стиховъ, но не читатель ихъ; буду тотъ же Батюшковъ, который любитъ друзей своихъ, влюбляется отъ скуки, играетъ въ карты отъ нечего дѣлать, дурачится какъ повѣса, задумывается какъ датскій щенокъ, споритъ со всякимъ, но ни съ кѣмъ не дерется, ненавидитъ Славянъ и мученика Жоффруа, тибуллитъ на досугѣ и учится древней географіи, затѣмъ чтобъ не позабыть, что Римъ на Теверѣ, который течетъ отъ сѣвера къ югу; и въ тридцать лѣтъ онъ будетъ все тотъ же, съ тою только разницею, что онъ называетъ тебя другомъ десять лѣтъ, а тогда къ этимъ десяти прибавитъ еще пять, но больше любить тебя, больше чувствовать къ тебѣ и дружества, и привязанности, кажется, дѣло несбыточное. Прощай!

(5-го декабря 1811 г.).

Вотъ длинное письмо, скажешь ты! Не удивляйся! Завтра ты именинникъ, и надобно тебя поздравить: вотъ зачѣмъ я еще долженъ прибавить цѣлый листъ. Итакъ, поздравляю тебя, мой милый другъ, будь

счастливъ, веселъ, уменъ, люби меня, стихи и вино, вино—отраду нашу, по словамъ твоего предшественника Кострова. Но что ты всегда будешь любить стихи, вино и меня, твоего друга....

Сей старецъ, что всегда летаетъ,
Всегда приходитъ, отъѣзжаетъ,
Вездѣ живетъ—и здѣсь, и тамъ,
Съ собою водитъ дни и вѣки,
Съѣдаетъ горы, сушитъ рѣки
И нову жизнь даетъ мірамъ,
Сей старецъ, смертныхъ злое бремя,
Желанный всѣми, страшный всѣмъ,
Крылатый, легкій, словомъ—время,
Да будетъ въ дружествѣ твоемъ
Всегда порукой неизмѣнной
И, пробѣгая глупый свѣтъ,
На дружбы жертвенникъ священный
Любовь и счастье занесетъ!

Вотъ мое желаніе: оно одинаково и въ прозѣ, и въ стихахъ. Я тебѣ позволяю въ мои именины написать ко мнѣ столько же стиховъ и выпить за мое здоровье бутылку.... воды, такъ какъ я это торжественно сдѣлаю завтра при двухъ благородныхъ свидѣтеляхъ, при двухъ друзьяхъ моихъ, при двухъ.... курчавыхъ собакахъ.

Я вчера получилъ собраніе стиховъ Жуковскаго. Какъ мои стихи—Воспоминаніе исковеркано! Иные стихи пропущены, и риѳмы торчатъ однѣ! Впрочемъ, я этимъ изданіемъ доволенъ, доволенъ твоимъ Перувіанцомъ, доволенъ Воейковымъ—Посланіемъ о благородствѣ, доволенъ Пушкинымъ, доволенъ Кантемиромъ и Петровымъ, а дряни все-таки цѣлое море! Отгадайте, на что я начинаю сердится? На что? На русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то по себѣ плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной. Что за

ы? Что за щ? Что за ш, шій, щій, при, тры? О варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго что̀ слово, то блаженство. Прощай!

Альцеста и Поликсена Мерзлякова прекрасны. Это ему дѣлаетъ честь. Есть мѣста прелестныя и невольно исторгаютъ слезы.

На канунѣ твоихъ именинъ.

LXXXIII.

Князю П. А. Вяземскому.

19-го декабря (1811 г. Деревня).

Маленькій Овидій, живущій въ маленькихъ Томахъ, имѣлъ счастіе получить твою большую хартію. Чудеса, любезный другъ, чудеса! Я со смѣху помиралъ, читая описаніе стычки журналистовъ. И Шаликовъ, который, оправляя розу, говоритъ: «Вы злой!» И Каченовскій, который, оправляя зонтикъ, отвѣчаетъ: «Вы дуракъ!» Все это забавно, прекрасно! Что же касается до меня, любезный Москвичь, то я съ моей стороны принимаю спасительныя мѣры и, боясь пораженія нечаяннаго, хочу нарядиться въ женское платье или сшить себѣ броню, изваять шлемъ, щитъ и прочее изъ Шаликова Аглаи или по крайней мѣрѣ подбить мой старый мундиръ лоскутками этой ветошницы, затѣмъ что, мой милый другъ, этотъ Грузинецъ опасенъ—cet autre Alexandre,

cet autre Achille! Онъ чего добраго.... но шутки въ сторону: онъ—страшный скотина, и прошу тебя именемъ дружбы не писать на него эпиграммъ. Еслибъ онъ былъ человѣкъ, а не Шаликовъ, то стоилъ бы того, чтобъ ему я или ты, или кто случится, прокололъ ему желудокъ, обрубилъ его уши и съѣлъ живаго зубами.... но онъ Шаликовъ! Ради Бога не отвѣчай ему! Пусть Каченовскій съ нимъ воюетъ явно на Парнассѣ и подъ рукой въ полиціи, mais nous autres

N'allons pas imiter les pédants de Molière!

Но каковъ же этотъ Шаликовъ? Что это значитъ? Родяся мопсомъ, захотѣлъ въ Мидасы, и Мидасъ прогремѣлъ кошелькомъ и гдѣ же—на рынкѣ! Ah, toujours de l'esprit, toujours de l'esprit, monsieur Trissotin, monsieur de Trissotin! Но этотъ Триссотинъ—человѣкъ преопасный: я это зналъ давно. Онъ готовъ на тебя жаловаться митрополиту, готовъ прокричать уши всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, что его преслѣдуютъ, что его бранятъ, а потому бранятъ и Бога, что онъ стихотворецъ, князь и чурлы-мурлы, то-есть, Грузинецъ: ergo, всѣхъ надобно жечь и рѣзать, кто осмѣлится бранить, поносить, безчестить его стихотворное сіятельство. Однимъ словомъ, мой милый другъ, наше дѣло сдѣлано: nous avons les rieurs pour nous; пусть его лягается, какъ сивый оселъ: мы будемъ молчать. Я замѣтилъ, что истинное дарованіе всегда терпѣливѣе, ибо имѣетъ въ себѣ истинную надѣянность: Мерзляковъ меня любить не можетъ, но я его всегда назову честнымъ человѣкомъ; онъ былъ обиженъ мною и молчалъ. А эти шальные Шаликовы хуже шмелей! И посмотри, чѣмъ разродится его Аглая. Громъ и молнію броситъ онъ на насъ, громъ и молнію! Теперь ему

помогаетъ мыслить и Бланкъ неистощимый, и остроумный Макаровъ, и всѣ за Прѣснею живущіе поэты, кромѣ Воейкова, разумѣется. Теперь онъ чинитъ свои перья и понюхиваетъ табакъ. Теперь онъ ставитъ себѣ промывательныя въ з....цу, чтобы par ricochet очистить свой засореный мозгъ. Теперь онъ не пьетъ, не ѣстъ, бѣдняжка, и подобно пиѳіи, которая предъ прорицаніемъ жевала лавровые листья, онъ жуетъ Фрероновъ журналъ и по каплѣ пьетъ чернила, разведенныя слезами Авроры. Вотъ что онъ дѣлаетъ, и пусть дѣлаетъ, что ему угодно. А все-таки въ Москву не буду и поручаю тебѣ велѣть выколотить пыльную спину нашего врага... розами! Не буду, мой милый другъ, и быть не могу. Клянусь тебѣ всѣмъ, чѣмъ тебѣ угодно, что этого мнѣ сдѣлать не возможно: обстоятельства меня совершенно связываютъ. У меня хлопотъ выше воротъ! Не мудрено, что я пишу глупые стихи: право, голова кружится. Даю себѣ слово не писать ничего до тѣхъ поръ, пока и люди, и фортуна будутъ ко мнѣ благосклоннѣе. Впрочемъ, ты напрасно на меня нападаешь за басни: Сиротка, Филомела (изъ Лафонтена); и я нисколько не мѣтилъ на себя: я еще не Шаликовъ. Эти обѣ басни написаны хорошо; я ихъ перечиталъ и не вижу ничего смѣшнаго.

Одна
Со сна
Въ полглаза взглянетъ,
Зѣвнетъ, еще зѣвнетъ,
Потянется и встанетъ.

Это изрядно, мой Аристархъ, и я сошлюсь въ томъ на Жуковскаго. Впрочемъ, если хочешь, я никогда писать басенъ не стану, чтобъ не быть твоею баснею. Посланіе переписать лѣнь. Твои замѣчанія справедли-

вы. Но почему не назвать тебя внукомъ Аристиппа, внукомъ Анакреона или чорта если хочешь? Это, то-есть, не значитъ, что ты внукъ, то-есть, въ заправду, и что твой батюшка назывался Аристиппычемъ или Анакреонычемъ, но это значитъ то, что ты, то-есть, имѣешь качества, какъ будто нѣчто свойственное, то-есть, любезность, охоту напиться не во время и пр., пр., пр. Ну, понялъ ли, понялъ ли, Анакреоновичъ?

Когда будетъ въ вашей сторонѣ Жуковскій добрый мой, то скажи ему, что я его люблю, какъ душу. Поклонись Давыдову и скажи ему отъ меня, что я всякій день глупѣю; это его утѣшитъ, потому что онъ разъ изъ зависти говорилъ мнѣ: «Батюшковъ, ты еще не совсѣмъ глупъ!»

По утру въ 11 часовъ.

Я просыпаюсь сію минуту, перечитываю твое письмо, твои пачканые стихи, писанные in naturalibus, и узнаю тебя, мерзавца, въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ. Когда возьмешся ты за умъ? Когда будешь скроменъ... какъ я, напримѣръ, когда? Никогда, никогда! И это меня приводитъ въ отчаянье. Пиши ко мнѣ почаще. Если мнѣ будетъ можно, то я отправлюсь въ Питеръ, гдѣ увижу Бесѣду, Пушкина, Давыдова-Анакреона и нѣсколько людей, которыхъ я люблю, старыхъ пріятелей, всегда мнѣ милыхъ, но къ несчастію, ни одного Вяземскаго, ни одного шалуна, подобнаго тебѣ и въ шалостяхъ, и въ душенкѣ, и въ умишкѣ. Я буду о тебѣ сожалѣть и въ деревнѣ, и въ столицѣ,

Je vous regretterais à la table des dieux!

Прости и помни, что Батюшковъ тебя любитъ! Прости и будь счастливъ, здоровъ, веселъ... какъ

В. Пушкинъ, когда онъ напишетъ хорошій стихъ, а это съ нимъ случается почти завсегда. Еще желаю,

Чтобы любовь и Гименей
Вамъ дали цѣлый рой дѣтей
Прелестныхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
Во всемъ на мать свою похожихъ
И на отца—чуть-чуть умомъ,
А съ рожи—Богъ избавь!... Ты самъ согласенъ въ томъ!

LXXXIV.

Н. И. Гнѣдичу.

29-го (декабря 1811 г. Деревня).

Eheu, fugaces время, мой милый Николай, а твой Овидій все еще въ своихъ Томахъ, заваленъ книгами и снѣгомъ! Когда же онъ будетъ въ Питеръ, и того не знаетъ, а знаетъ то, что ты его забылъ, и не пишешь къ нему ни строки, лѣнишься, бездѣйствуешь! (Браво, брависсимо, Батюшковъ! И ты выдумалъ слово: бездѣйствуешь! Без—дѣй—ству—ешь... каково? То-есть, дѣйствуешь безъ, то-есть, какъ будто не дѣйствуешь. Понимаете ли? Лишенъ дѣйствія, ослабленъ, изнеможенъ, олѣнивенъ, чуждъ заботъ, находится въ инерціи, недвижимъ ниже головою, ниже перстами и потому бездѣйственъ, не пишетъ къ своему другу и спитъ). Теперь вы понимаете, что не писать ко мнѣ, или писать рѣдко, есть то же.... что̀ бездѣйствовать. Я, напротивъ того, перевелъ вчерась листа три изъ Аріоста, посягнулъ на него въ первый разъ въ моей жизни и—признаюсь тебѣ—съ вожделѣннѣйшими чувствами . . . . . его музу (какова Акадія???). Шутки въ сторону: я те-

перь въ лунѣ съ моимъ поэтомъ, въ лунѣ и пишу прекрасные стихи. Прочитай 34-ю пѣснь Орланда и меня тамъ увидишь. Если лѣнь и бездѣйствіе (здѣсь они олицетворены) не вырвутъ пера изъ рукъ моихъ, если я буду въ бодромъ и веселомъ духѣ, если.... то ты увидишь цѣлую пѣснь изъ Аріоста, котораго еще никто не переводилъ стихами, который умѣетъ соединять эпическій тонъ съ шутливымъ, забавное съ важнымъ, легкое съ глубокомысленнымъ, тѣни съ свѣтомъ, который умѣетъ васъ растрогать даже до слезъ, самъ съ вами плачетъ и сѣтуетъ и въ одну минуту и надъ вами, и надъ собою смѣется. Возьмите душу Виргилія, воображеніе Тасса, умъ Гомера, остроуміе Вольтера, добродушіе Лафонтена, гибкость Овидія: вотъ Аріостъ! И Батюшковъ, сидя въ своемъ углу, съ головной болью, съ красными отъ чтенія глазами, съ длинной трубкой, Батюшковъ, окруженный скучными предметами, не имѣющій ничего въ свѣтѣ, кромѣ твоей дружбы, Батюшковъ вздумалъ переводить Аріоста!

Увы, мы носимъ всѣ дурачества оковы,
И всѣ терять готовы
Разсудокъ, бренный даръ Небеснаго Отца!
Тотъ губитъ умъ въ любви, средь пѣги и забавы,
Тотъ рыская въ поляхъ за дымомъ ратной славы,
Тотъ ползая въ пыли предъ сильнымъ богачомъ,
Тотъ по морю летя за тирскимъ багряцомъ,
Тотъ золота искавъ въ алхиміи чудесной,
Тотъ плавая умомъ во области небесной,
Тотъ съ кистію въ рукахъ, тотъ съ млатомъ иль съ рѣзцомъ.
Астрономы въ звѣздахъ, софисты за словами,
А жалкіе пѣвцы за жалкими стихами:
Дурачься смертныхъ родъ, въ лунѣ разсудокъ твой!
(Аріостъ, пѣснь XXXIV).

Вотъ тебѣ обращикъ и моего дурачества: стихи изъ Аріоста. Впрочемъ, засмѣйся въ глаза тому, кто ска-

жетъ тебѣ, что въ моемъ переводѣ далеко отступлено отъ подлинника. Аріоста одинъ только Шишковъ въ состояніи переводить слово въ слово, строка въ строку, око за око, зубъ за зубъ, какъ говоритъ Евангеліе. Я пропускалъ индѣ цѣлыми октавами и мои резоны шепну тебѣ на ухо, когда увижусь съ тобою. А теперь скажу мимоходомъ, что у нашего Аріоста св. Іоаннъ приводитъ Астольфа къ патріархамъ, которые обѣдаютъ съ нимъ райскими плодами, кормятъ лошадь рыцаря овсомъ! Астольфъ съ апостоломъ садится въ колесницу, въ ту самую, которая была послана за пророкомъ Ильей. Св. Іоаннъ апостолъ говоритъ Астольфу, что онъ любитъ писателей, потому что и самъ былъ того же ремесла. Это все мило и весьма забавно у стихотворца, потому что онъ объ этомъ говоритъ не тѣмъ тономъ, какимъ говаривалъ Вольтеръ въ своей Дѣвкѣ, но съ удивительнымъ, однимъ словомъ—съ Лафонтеновымъ добродушіемъ, весьма серьезно, иногда съ жаромъ, иногда улыбаясь однимъ глазомъ; но у насъ это вовсе не годится, а если мнѣ не вѣришь, то загляни въ цензурный комитетъ. Переводить ли?

Я читалъ много прекраснаго въ Вѣстникѣ. Милонова стихи изъ Томсона и переводъ Горація Beatus ille дѣлаютъ ему много чести. Въ немъ будетъ путь: онъ рачитъ о слогѣ, выбираетъ слова, не гоняется за славенизмами и, какъ видно, боится читателя. Добрый знакъ! Разсужденіе Каченовскаго о проповѣдникахъ написано холодно, но рачительно, слогомъ чистымъ, съ критическимъ умомъ, и есть одна изъ его саро d'opera. Разсматриваніе Шлецера и Глинки, въ которомъ сей послѣдній выведенъ на чистую воду, можно прочитать съ удовольствіемъ.

Знай, лѣнивецъ, что еслибъ я не имѣлъ нужды съ

тобой поговорить объ Аріостѣ, то ты не получилъ бы отъ меня ниже полсловечка. Прости! К. Б.

Достань себѣ Аріоста и прочитай Астольфово путешествіе въ луну, и скажи мнѣ свои мысли.

Вяземскій зоветъ меня въ Москву вотъ какимъ образомъ:

Шихматовъ пишетъ непонятно
И рыломъ возмутилъ Неву,
Хвостовъ—писака неопрятной...
Все такъ, а пріѣзжай въ Москву!
Шишковъ въ разсудокъ, въ музъ бодаетъ
И, въ королевича Вову
Влюбясь, Вольтера проклинаетъ...
Все такъ, а пріѣзжай въ Москву!
Барашекъ по полю разсѣя,
Ѣстъ съ ними Шаликовъ траву;
Невзоровъ толстъ, въ навозѣ прѣя...
Все такъ, а пріѣзжай въ Москву!

Это забавно!
Прислать ли еще замѣчаній на Гомера?

LXXXV.

А. Н. Батюшковой.

16-го февраля 1812 г. (С.-Петербургъ).

Я получилъ отъ тебя два письма вдругъ, на которыя спѣшу отвѣчать. Болѣзнь твоя, любезный другъ, меня очень безпокоитъ. Слава Богу, что ты въ Вологдѣ, гдѣ есть и помощь, и лѣкарь. Утѣшать тебя я право не въ силахъ, но и самымъ огорченіямъ должна быть мѣра; здѣсь же видна непреложная воля Создателя: смерть не есть несчастіе, мой милый другъ;

участь дѣтей сестры Анны Николаевны едва ли не завиднѣе нашей; и такъ, еще разъ прошу тебя, не огорчайся столько и подумай объ себѣ.

Я не получилъ денегъ отъ Абрама Ильича за Платона: это я предвидѣлъ. Признаюсь тебѣ, что его странная привычка удерживать деньги и меня выводитъ изъ терпѣнія. Напиши мнѣ письмо о твоихъ пяти тысячахъ такое, чтобъ я ему могъ показать и упираться на оное; въ противномъ случаѣ онъ мнѣ можетъ сказать: не твое дѣло! Признаюсь тебѣ, что я отъ всей души желалъ бы видѣть это смѣшное и досадное дѣло приведеннымъ къ концу, если есть на то возможность. Онъ меня просилъ отписать къ тебѣ, не нужны ли вамъ его мебели краснаго дерева, о которыхъ и реестръ къ тебѣ прислать хотѣлъ. Возьми ихъ, любезный другъ, первое—потому что онѣ годятся для дому, а второе—потому что онѣ нѣкогда принадлежали сестрѣ и намъ ее напоминать будутъ. Горестное и пріятное воспоминаніе! Что вы дѣлаете въ Вологдѣ и не отправитесь ли въ Москву? Я писать буду къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ и о твоей болѣзни увѣдомлю. Теперь поговорю и о себѣ. Я часто выѣзжаю, пока здоровъ, а больной сижу дома. Что же касается до мѣста, то и до сихъ поръ ничего не знаю. Въ Библіотекѣ всѣ заняты (помнишь ли деревенскія басни и мои слова?), а надежда вся на Алексѣя Николаевича, который ко мнѣ весьма ласковъ. Я и съ Дмитріемъ Осиповичемъ довольно хорошо лажу. У Ивана Ивановича Дмитріева бываю часто: онъ весьма привѣтливъ и учтивъ; кромѣ того, ѣзжу къ Павлу Львовичу, къ Лунинымъ, ко Львову, да и все тутъ. Если я получу мѣсто, то проживу здѣсь до лѣта; и безъ мѣста то же сдѣлаю. Деньги у меня какъ вода льются: болѣзнь стоила мнѣ дорого. Что дѣлать! Отъ

батюшки получаю все одинаковыя письма: онъ сердится на меня, что я не отвѣчаю, но что и отвѣчать!

Еще разъ, побереги себя, любезный другъ! Къ чему наша чувствительность, жалкая, пагубная, къ чему она служитъ! Обстоятельства наши не столь дурны; мы еще не стары, слѣдственно, надежды и терять не должны. Станемъ надѣяться на Бога, которому все возможно. Я получилъ отъ старосты 150 р.

Пиши ко мнѣ почаще, а теперь не замедли увѣдомить о своемъ здоровьи; если же, чего Богъ избавь, сама не въ силахъ, то поручи это Варенькѣ. Бога ради пишите почаще! Лизавету цѣлую отъ всего сердца. Прошу Павла Алексѣевича не забывать своего брата. Констант. Бат.

Если что-нибудь тебѣ надобно, отпиши, я пришлю тебѣ.

LXXXVI.

А. Н. Батюшковой.

(Начало апрѣля 1812 г. С.-Петербургъ).

Любезный другъ Александра Николаевна, давно уже я не имѣю отъ васъ писемъ. Здоровы ли, мои милые? Павелъ Алексѣевичъ позабылъ вовсе обо мнѣ. Я просилъ его объ объявленіи моихъ доходовъ по суду такъ, какъ это нынѣ положено, и не получилъ отъ него отвѣта. Теперь прошу тебя, любезный другъ, переслать сію записку въ Глуповское къ старостѣ, чтобъ онъ напомнилъ о предъявленіи брату Павлу Алексѣевичу или самъ предъявилъ; терять времени не должно: у насъ май на дворѣ. Потому и прошу тебя, мой другъ, отписать рѣшительно о деньгахъ къ Абраму Ильичу. За-

плотитъ ли онъ проценты, или нѣтъ? Это должно знать положительно тебѣ. Я право съ нимъ по этимъ дѣламъ и входить не хочу: онъ начинаетъ на меня негодовать. И тебѣ бы я, мой другъ, не напомнилъ, еслибъ май не былъ на дворѣ. Ты знаешь, что опоздать взносомъ процентовъ весьма непріятно. Какъ бы то ни было, пришли въ маѣ мѣсяцѣ тысячу рублей; мнѣ деньги будутъ очень нужны: я опредѣляюсь теперь къ мѣсту, переѣхалъ на квартиру и долженъ всѣмъ заводиться снова. Скажу тебѣ мимоходомъ, что я хочу возобновить знакомство съ Рихтерами, которые меня велѣли пригласить къ себѣ. Они, кажется, добрые и любезные люди. Еще новость: Остолоповъ здѣсь; онъ, можетъ быть (если вѣрить его собственнымъ словамъ), оставитъ мѣсто прокурора; хорошо бъ было постараться для Павла Алексѣевича; я готовъ попросить самъ Ивана Ивановича Дмитріева, если только правда, что Остолоповъ покидаетъ мѣсто. Какъ бы то ни было, я увѣдомлю васъ объ этомъ, и что должно дѣлать въ такомъ случаѣ. Письмо это адресую въ Вологду въ полной надеждѣ, что ты, мой милый другъ, разговляться будешь съ сестрами, которыхъ я цѣлую отъ всей души; надѣюсь, что онѣ меня не забыли и по старому любятъ. Конст.

Я тебѣ пришлю дрожки по лѣту. Онѣ куплены и теперь совершенно исправлены. Стоятъ у Павла Львовича въ конюшнѣ. Сестрамъ посылаю по поясу модному. Дѣтей всѣхъ цѣлую. Гриша имъ кланяется.

LXXXVII.

А. Н. Батюшковой.

12-го апрѣля (1812 г. С.-Петербургъ).

Поздравляю тебя съ праздникомъ! Милый другъ, я получилъ сегодня твое письмо и сію же минуту спѣшу отвѣчать на оное коротко, затѣмъ что почта отходитъ. Я жалѣю крайне о томъ, что ты осталась въ деревнѣ: тебѣ очень будетъ скучно. По крайней мѣрѣ на время съѣзди въ Вологду. Письма твоего я еще не отдавалъ Абраму Ильичу, затѣмъ что не имѣлъ времени сегодня къ нему съѣздить самъ. За этимъ, не дожидаясь отвѣта, отпиши еще разъ, mais d'une manière ferme et décidée, que vous avez besoin de votre argent. Здѣсь краснорѣчіе не у мѣста. Теперь я поговорю о дѣлѣ интересномъ. Узнавъ на вѣрное, что Остолоповъ отрѣшенъ отъ мѣста, я, не говоря ни слова, поѣхалъ къ Дм. Ос. Баранову и просилъ его о семъ мѣстѣ для Павла Алексѣевича. Онъ обѣщалъ поговорить съ министромъ, и я ожидаю отвѣта. Если отвѣтъ будетъ благосклоненъ, то я и самъ поѣду къ Ивану Ивановичу и буду ему напоминать; онъ ко мнѣ очень хорошо расположенъ. Если же это не удастся, то что за бѣда! Мы привыкли къ неудовольствіямъ. По крайней мѣрѣ я съ своей стороны сдѣлалъ, что̀ долгъ велѣлъ. Напиши къ Павлу Алексѣевичу объ этомъ; онъ вѣрно за это на меня не разсердится, хотя я и не спросясь за него просилъ. Это мѣсто ему прилично. Да скажи ему, чтобъ онъ ничего теперь къ Дмитрію Осиповичу не писалъ, пока я его не увѣдомлю. Прости, будь здорова и молись Богу, который насъ никогда не покидаетъ, пока

мы будемъ любить другъ друга, какъ я васъ, мои милые, люблю или любить желаю. К. Бат.

Я живу въ Конюшенной улицѣ, въ домѣ Шведской церкви.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ.

LXXXVIII.

В. А. Жуковскому.

12-го апрѣля 1812 г. (С.-Петербургъ)

Любезный и милый другъ Василій Андреевичъ! Тому уже болѣе года, какъ я разстался съ тобою, а отъ тебя ни строчки не имѣю и, вѣрно, не могъ бы знать, живъ ли ты или умеръ, еслибъ Тургеневъ и Вяземскій меня не увѣрили, что ты и живъ, и здоровъ, и потихонечку поживаешь въ своемъ Бѣлевѣ, какъ мышь, удалившаяся отъ свѣта. Но гдѣ бы ты ни былъ, любезный другъ, Батюшковъ тебя вездѣ найдетъ, ибо онъ тебя любитъ и почитаетъ. Сколько произшествій со времени твоего печальнаго отъѣзда изъ Москвы! Вяземскій женился, какъ путный человѣкъ, но я не былъ свидѣтелемъ его чудесной женитьбы: я уже былъ въ деревнѣ и долго не могъ повѣрить сему послѣднему диву. Проживъ въ совершенномъ уединеніи шесть мѣсяцовъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ, Богъ знаетъ за чѣмъ, и вотъ теперь здѣсь по маленьку поживаю, въ пріятной надеждѣ съ тобой увидѣться на берегахъ Невы, которые—признаться тебѣ—во сто разъ скучнѣе нашихъ московскихъ. И я умеръ бы отъ скуки, еслибъ не нашелъ здѣсь Блудова, Тургенева и Дашкова. Съ

первымъ я познакомился очень коротко, и не мудрено: онъ тебя любитъ, какъ брата, какъ любовницу, а ты, мой любезный чудакъ, наговорилъ много добраго обо мнѣ, и Дмитрій Николаевичъ ужь готовъ былъ меня полюбить. Съ нимъ очень весело. Онъ уменъ, какъ ты, но не столько милъ, признаться тебѣ: милѣе тебя нѣтъ ни одного смертнаго. Тургеневъ тебя ожидаетъ нетерпѣливо и въ ожиданіи твоего пріѣзда завтракаетъ преисправно. Этого человѣка я давно знаю и люблю, ибо онъ очень любезенъ и уменъ, и веселъ, но все-таки не Жуковскій. Дашковъ имѣетъ большія свѣдѣнія и притомъ лѣнивъ, какъ и нашъ братъ, за что ему спасибо, но и онъ все-таки не Жуковскій. Тебя мнѣ надобно! Пріѣзжай сюда, мой милый другъ! Мы тебя угостимъ и бифстексомъ, и Бесѣдой, которая ни въ чемъ не уступитъ московской богадѣльнѣ стихотворцевъ, учрежденной во славу бога Морфея и богини Галиматьи, которымъ наши любезные товарищи приносятъ богатыя и обильныя жертвы. Я радуюсь ихъ успѣхамъ безъ всякой зависти, въ полной надеждѣ, что они вылѣчатъ мою безсонницу, которой я подверженъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать стихи безъ твоего присмотра. Вотъ тебѣ образчикъ: посланіе къ Пенатамъ, которое подвергаю твоей строгой критикѣ. Прочти его и поправь то, что замѣтишь; если и вся піеса не годится, скажи: я ее сожгу безъ всякаго замедленія; а если понравится, похвали: я имѣю нужду въ твоей похвалѣ, ибо ее цѣнить умѣю. Не полѣнись, мой милый другъ, пересмотрѣть и переправить ошибки и свои замѣчанія пришли поскорѣе: я хочу ее печатать. Прости, будь здоровъ, счастливъ и счастливѣе прошлогодняго. Не забывай меня, не забывай Батюшкова, который умѣетъ дорожить твоей дружбой.

P. S. И. И. Дмитріевъ часто о тебѣ вспоминаетъ. Кстати: что ты дѣлаешь съ сочиненіями Михаила Никитича? Не стыдно ли такъ долго держать и ничего не сдѣлать?!!!

Адресуй письмо къ Блудову, если мнѣ отвѣчать будешь, въ чемъ я не сомнѣваюсь.

LXXXIX.

А. Н. Батюшковой.

1-го мая 1812 г. (Петербургъ).

Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ прошедшими твоими именинами. Ты ихъ, конечно, провела невесело. Я получилъ послѣднее письмо твое и удивляюсь, мой другъ, что ты мнѣ попрекаешь въ молчаніи. Я къ тебѣ пишу довольно часто, и видно, нѣкоторыя изъ моихъ писемъ потерялись. Напримѣръ, я писалъ тебѣ назадъ тому мѣсяцъ, чтобъ ты собрала 1000 оброку въ счетъ 2000 р., которые я получаю въ сентябрѣ, и ты мнѣ на это ничего не отвѣчала. Сіи деньги необходимо нужны для внесенія въ ломбардъ, гдѣ никакой отсрочки не терпятъ. А на Абрама Ильича я и не надѣюсь, да и впередъ ни за какую переписку не берусь. На силу, и то не сполна, онъ заплатилъ Платону. Я ему говорилъ о твоихъ деньгахъ болѣе одного разу и ничего удовлетворительнаго не получилъ. А видя тебя и Вареньку безъ дому, безъ денегъ и съ долгами, видя васъ одинокихъ безъ защиты и въ совершенномъ отдаленіи, именно потому, что Абрамъ Ильичъ не хочетъ заплатить денегъ, я теряю вовсе къ нему и къ себѣ самому уваженіе. Предвидя заранѣе всѣ сіи неудачи, я и

писалъ тебѣ о сборѣ денегъ съ мужиковъ за сентябрьскую половину. Пришли ихъ не замедля. Крайне сожалѣю, что мужиковъ долженъ я тревожить въ такое трудное время: весной и въ рекрутство! Напиши имъ приказъ поласковѣе. А деньги адресуй мнѣ въ Конюшенную улицу, въ домѣ Шведской церкви, К. Н. Б. Вотъ и весь мой адресъ.

Теперь скажу о себѣ, что я не очень веселъ, мой милый и любезный другъ! На судьбу не имѣю большихъ причинъ жаловаться. Я опредѣленъ въ Библіотеку по милости Алексѣя Николаевича, который ко мнѣ расположенъ, какъ истинно добрый человѣкъ. Дай Богъ ему счастія! Мнѣ еще предлагали къ этому другое мѣсто у князя Гагарина, мѣсто очень выгодное, но я отказался и очень умно сдѣлалъ по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ я нахожу за излишнее тебѣ упоминать. Теперь я буду здѣсь поживать по маленьку въ ожиданіи лучшаго. Должность моя очень незатруднительна. Ты, можетъ быть, опечалишься, прочитавъ наши новыя новости. Я недавно похоронилъ Полозова: онъ умеръ скоропостижно на рукахъ бѣдной и неутѣшной матери. На той же недѣлѣ получилъ извѣстіе истинно для меня ужасное: Петра, этотъ добрый и честный человѣкъ, заболѣлъ нервической горячкой и въ девятый день умеръ. Какой ударъ для Катерины Ѳедоровны и для Никиты! Они будутъ неутѣшны. И впрямь, кто замѣнитъ Петра? Эта новость меня поразила. Къ этому же и другія огорченія, во сто разъ маловажнѣе первыхъ, сдѣлали меня мрачнымъ и задумчивымъ; я эти дни какъ не свой. Часто думаю о тебѣ, мой милый другъ, и заливаюсь слезами. Побереги себя для меня, для сестеръ. Перенеси свои огорченія, забудь о свѣтѣ, который не стоитъ того, чтобъ о немъ думали, и

вѣрь, что всякое состояніе имѣетъ свои огорченія, свои невыгоды. По крайней мѣрѣ, будь спокойна на мой счетъ. Можетъ быть, со временемъ я буду счастливѣе, нежели теперь, и могу быть вамъ полезенъ. Я бы все на свѣтѣ отдалъ, чтобъ устроить Вареньку и облегчить судьбу Лизаветы: ея положеніе истинно достойно сожалѣнія. Я все сдѣлалъ, что отъ меня зависѣло, для доставленія прокурорскаго мѣста брату Павлу Алексѣевичу, и вѣрно бъ успѣлъ въ моемъ намѣреніи, еслибъ Богу угодно было; но крайней мѣрѣ это хорошій урокъ: никогда и ни о чемъ не просить Дмитрія Осиповича. Если онъ и возьмется за что, такъ не успѣетъ, со всей его доброй волей.

Я на сихъ дняхъ сдѣлалъ глупую издержку: ты никогда не угадаешь, на что я бросилъ сто рублей: на мой портретъ, нарисованный карандашемъ однимъ изъ лучшихъ здѣшнихъ художниковъ. Я тебѣ оный пришлю съ первой удобной оказіей. Онъ очень похожъ и очень хорошо нарисованъ. Это первая глупая издержка съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, и совѣсть мнѣ ее прощаетъ, затѣмъ что она для тебя сдѣлана.

Какъ бы то ни было, мой милый другъ, весною легче жить въ деревнѣ. Пригласи сестеръ. Что онѣ дѣлаютъ въ болотѣ? Занимайся садомъ и своими курицами. Я право иногда вамъ завидую и желаю быть хоть на день въ деревнѣ... правда, на день, не болѣе. Бога ради, не отвлекайте меня изъ Петербурга: это можетъ быть вредно моимъ предпріятіямъ касательно службы и кармана. Дайте мнѣ хоть годъ пожить на одномъ мѣстѣ. Прощай, мой милый другъ и сестра! Будь здорова, люби меня и не забывай Конст. Б.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новогородской губерніи.

XC.

Князю П. А. Вяземскому.

(5-го мая 1812 г. Петербургъ).

Прости мнѣ, мой милый другъ, лѣнь и придурь. Я хотѣлъ писать къ тебѣ съ Филимоновымъ и съ Н. Тургеневымъ и не съ однимъ не успѣлъ.

Хворъ всѐ, на силу дышу,
Изнурѐнъ и блѣдѐнъ,
Виршѐй уже не пишу:
Мыслями я бѣдѐнъ.
На силу написалъ четыре стишка
Противъ удареній своего языка.

Точно я былъ боленъ—лихорадкой, разумѣется. Да и можно ли быть здоровымъ? Вчера читалъ московскую Бесѣду и вчера былъ въ питерской. Мы выслушали сгоряча: первое—разсужденіе о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ Шишкова, который нашего проповѣдника превозносилъ выше Цицерона: Croyez cela et buvez de l'eau. Потомъ онъ же читалъ выписку изъ поэмы Шихматова Пѣсни на гробахъ. Ты себѣ представить не можешь, что за стихи! Все наборъ риѳмъ и словъ. Чорствое подражаніе Юнгу, которому бы по совѣсти и подражать не должно. Засѣданіе кончилось комплиментомъ князю Шихматову, и всѣ зѣло восхищались. И у васъ не лучше! Что пишутъ ваши Москвичи? Есть ли у нихъ здравый разсудокъ? Какъ? Ни одной путной піесы въ цѣлой книжищѣ! Есть надежда, мой другъ, что мы перещеголяемъ и древнихъ, и новѣйшихъ, есть надежда! Упрямство и невѣжество нашихъ писателей, лѣность и невѣжество нашей публики подаютъ надежду, которая намъ, конечно, не измѣнитъ.

Поклонись отъ меня Пушкину; я ему буду отвѣчать на той почтѣ и писать къ тебѣ гораздо болѣе. Будь здоровъ, мой милый и добрый князь! Сѣверинъ тебя цѣлуетъ. Будь здоровъ, и Богъ съ тобой! Батюшковъ.

XCI.

Князю П. А. Вяземскому.

10-го мая (1812 г. С.-Петербургъ).

Я получилъ твое письмо, мой милый князь, и прочиталъ его Блудову, который на ту пору случился у меня. Блудовъ женился, и Ржевскій, твой московскій знакомецъ, успѣлъ уже написать и напечатать стихи, которые я у сего прилагаю съ комментаріемъ Блудова, который весьма недоволенъ своимъ Катулломъ. Между тѣмъ скажу тебѣ, что твои замѣчанія на Пенатовъ не совсѣмъ справедливы. Мнемозина была матерью музъ, но и музы назывались Мнемозинами, чего, можетъ быть, Макаровъ не знаетъ, потому что онъ вовсе незнакомъ съ Мнемозинами или Мнемозинидами, а живучи на содержаніи грузинской весталки Аглаи, знакомъ только съ глупостью, весьма знатною госпожею, и съ невѣжествомъ, роднымъ братцемъ Аглаи.... Но дѣло не о томъ! Я назвалъ посланіе свое посланіемъ къ Пенатамъ, потому что ихъ призываю въ началѣ, подъ ихъ покровительствомъ зову къ себѣ въ гости и друзей, и дѣвокъ, и нищихъ и, наконецъ, умирая, желаю, чтобъ они лежали и на моей гробницѣ. Я назвалъ сіе посланіе къ Пенатамъ такъ точно, какъ Грессетъ свое назвалъ Chartreuse. Вотъ одно сходство, которое я могу имѣть съ Грессетомъ, и къ несчастію одно! Впрочемъ,

замѣчанія твои справедливы, и за нихъ спасибо! Радуюсь отъ всей души о томъ, что тебѣ понравилось мое маранье. Нелединскому экземпляръ доставлю. Такой же я послалъ къ Жуковскому и съ нетерпѣніемъ, смѣшаннымъ съ страхомъ, ожидаю его отвѣта. Придумай еще самъ кое-что поправить, если только это стоитъ того. Я къ тебѣ доставлю экземпляръ моихъ стиховъ, которые велѣлъ переписать всѣ цѣликомъ; они, можетъ быть, никогда напечатаны не будутъ, но этотъ списокъ будетъ тебѣ напоминать человѣка, который тебя любилъ, и котораго ты, конечно, любишь. Обстоятельства не позволяютъ мнѣ ѣхать въ Москву. Скажи Самариной, если съ ней увидишься, чтобъ она меня не приглашала къ себѣ, что я вовсе перемѣнился, поглупѣлъ и такъ поглупѣлъ, что не сберусь съ умомъ отвѣчать на ея письмо. Велеурскій тебѣ кланяется; я ему завидую: онъ скоро будетъ въ Москвѣ. Здѣсь ничего новаго нѣтъ, кромѣ В е с н ы графа Хвостова, весны, достойной нашего неба. Подъ именемъ Крылова вышли стихи къ Шишкову; Крыловъ отъ нихъ отрекается. Шаховской написалъ водевиль, Шихматовъ — поэму о гробахъ, и знатоки до сихъ поръ не знаютъ гдѣ смѣяться и гдѣ плакать: на гробахъ или за водевилемъ. Попроси Пушкина, чтобъ онъ рѣшилъ эту задачу. Что сдѣлалось съ другимъ Пушкинымъ? Откуда въ немъ родились христіанскія мысли и стихи? Не молитвами ли Елены Григорьевны, которая скоро будетъ дѣлать чудеса? Поклонись ей отъ меня. Съѣзди къ молодому Муравьеву и поцѣлуй его за меня. Онъ, говорятъ, нездоровъ. Не откажись сдѣлать это для меня. Когда увидишь Сѣверина, то поблагодари его за приглашеніе и со всею возможною осторожностію, внушенною дружествомъ, скажи ему — полно, говорить ли? — скажи ему, что онъ.... выключенъ изъ нашего обще-

ства; прибавь въ утѣшеніе, что Блудовъ и азъ грѣшный подали просьбы въ отставку. Общество едва ли не разрушится. Такъ все преходитъ, все изчезаетъ! На развалинахъ словесности останется одинъ столпъ—Хвостовъ, а Измайловъ изъ утробы своей родитъ новыхъ словесниковъ, которые снова будутъ писать и печатать. Это мнѣ напоминаетъ о системѣ разрушенія и возобновленія природы. Мысли печальныя и утѣшительныя! Теперь я буду просить Сѣверина и Вяземскаго, чтобъ они увѣдомили милаго Василья Львовича о новой сатирѣ Милонова, сатирѣ ѣдкой и, къ несчастію, весьма остроумной и по содержанію, и по стихамъ. Предметъ оной—Пушкинъ одинъ, а эпиграфъ:

Soyez plutôt maçon, si c'est votre métier.

Во всѣхъ случаяхъ масонъ, какъ масонъ, и масонъ, какъ каменьщикъ,—очень зло и ѣдко! Что дѣлать съ молодежью, съ этими пылкими, необразованными умами? Отвѣчать—худо, а молчать—право еще хуже! Кстати о сатирахъ и глупости: скажи мнѣ пожалуй, на кого мѣтилъ Шаликовъ въ своемъ новомъ посланіи? Иные говорятъ, что на меня и на тебя. Правда ли это—про меня, что я лишенъ чувствительности, что въ моихъ сатирахъ не видно доброй души, а про тебя — что твои нравомъ весьма не чисты, и наконецъ, что мы другъ на друга похожи. Но Пушкинъ выхваленъ до небесъ. Дай намъ ключъ отъ этихъ загадокъ. Галифе кланяется милому и любезному Сѣверину, которому пора бы воротиться и въ Питеръ, гдѣ у него есть друзья, которые въ сложности могутъ замѣнить Вяземскаго. Здѣсь его ждутъ печальныя красавицы, о которыхъ мнѣ часто говоритъ Трубецкой. Трубецкой (замѣчаніе для Сѣверина) влюбленъ, какъ кошка, и началъ лгать, какъ календарь, какъ Жихаревъ, однимъ словомъ—

Amour, amour, quand tu nous tiens...

Этимъ заключу мое посланіе. Приближьтесь, друзья мои, дайте мнѣ васъ обнять, и простите!

XCII.

А. Н. Батюшковой.

17-го мая 1812 г. (С.-Петербургъ).

Я получилъ твое письмо, мой милый другъ. Теперь пишу мало: нѣтъ времени. Дрожки пришлю, онѣ стоятъ у Павла Львовича, но я ихъ пришлю, если самъ не буду имѣть нужды купить лошадь, которая мнѣ почти необходима, если я возьму и другое мѣсто у князя Гагарина. Благодарю тебя за поздравленіе. Я начинаю вступать въ должность. Слухъ носится, что Катерина Ѳедоровна будетъ сюда. Я получилъ отъ Никитиньки вчера письмо. Какъ онъ плачетъ о бѣдномъ Петрѣ! Это письмо дѣластъ честь его доброй, ангельской душѣ, совершенно похожей на отцовскую. Не забудь выслать деньги, хотя къ половинѣ или концу іюня. Абрама Ильича я давно не видалъ, онъ у меня не былъ. Будь здорова. Прости.

И я совѣтую домъ сломать, а еще выстроить маленькій флигель для людей, въ которомъ пока можно будетъ жить. Не покидай цвѣтовъ; я радъ, что ты ходишь много, но не слишкомъ ходи: это вредно. Живи какъ можно регулярнѣе — вотъ лучшій способъ быть бодрымъ, а намъ въ нашихъ горестяхъ необходимо.

Бѣдный Полозовъ, нашъ пріятель, умеръ.

Я пошлю это письмо къ брату Павлу Алексѣевичу.

XCIII.

В. А. Жуковскому.

(Іюнь 1812 г. Петербургъ).

Благодарю тебя, мой милый и любезный другъ, за твое письмо, въ которомъ я имѣлъ истинную нужду, первое — потому что я тебя люблю, а второе — потому что я имѣю нужду въ твоей похвалѣ или брани. Твои отеческія наставленія—какъ писать стихи, я принимаю съ истинною благодарностью; признаюсь однакоже, что ими воспользоваться не могу. Я пишу мало и пишу довольно медленно; но останавливаться на всякомъ словѣ, на всякомъ стихѣ, переписывать, марать и скоблить... нѣтъ, мой милый другъ, это не стоитъ того: стихи не стоятъ того времени, которое погубишь за ними, а я знаю, какъ его употреблять съ пользою: у меня есть, благодаря Бога, вино, друзья, табакъ.... Я весь переродился: боленъ, скученъ и такъ хилъ, такъ хилъ, что не переживу и моихъ стиховъ. Тогда поминай, какъ звали! Шутки въ сторону: я самъ на себя не похожъ, и между тѣмъ какъ ты съ друзьями, или музой, или съ нимфою, или съ чертями, которыхъ я люблю какъ душу съ тѣхъ поръ, какъ ты имъ посвятилъ свою лиру, между тѣмъ какъ ты наслаждаешься свободою, сельскимъ воздухомъ,

Tu jouis du printemps, du soleil, d'un beau jour,—

я сижу одинъ съ распухшею щекою, съ больнымъ желудкомъ и гнѣваюсь на погоду и на стихи, только не на свои, разумѣется (ей Богу, ихъ никогда не читаю), а на чужіе, мой другъ, на стихи нашихъ Москвичей, которые часъ отъ часу болѣе и болѣе

пресмыкаются, на стихи нашихъ невскихъ гусей, которые что̀ день, то ода, что̀ недѣля, то трагедія, что̀ мѣсяцъ, то поэма, и все такъ глупо и плоско.... Я забылъ, что лѣкарь мнѣ не велѣлъ сердиться! Утѣшь насъ, мой милый другъ, пришли намъ своего Драйдена, который, конечно, доставитъ намъ нѣсколько пріятныхъ дней. Пришли намъ свое посланіе къ Плещееву, которое, говорятъ, прелестно. Пришли намъ свою балладу, которой мы станемъ восхищаться какъ Спящими Дѣвами, какъ Людмилой; пришли намъ Бога ради все, что имѣешь новаго, если не на похвалу, такъ на съѣденіе, и будь увѣренъ, что никто, кромѣ насъ, безъ твоего разрѣшенія, ни строки не увидитъ. Пришли мнѣ твое посланіе, которое я ожидаю съ нетерпѣніемъ, какъ свидѣтельство въ храмъ славы и безсмертія, и—что всего лестнѣе для моего сердца — какъ свидѣтельство твоей дружбы къ бѣдному, хилому Батюшкову, который тебя любить умѣетъ. Я бы тебѣ поговорилъ поболѣе о Дм. Ник. Блудовѣ, еслибъ онъ этого письма не прочиталъ. Дашковъ тебѣ приписываетъ. О Тургеневѣ скажу тебѣ, что онъ очень разсѣянъ, занятъ дѣлами и—подивись этому!—какою-то Лаурою: онъ влюбленъ не на шутку. Поблагодари его за меня, любезный Жуковскій. Тургеневъ мнѣ оказалъ много услугъ, и я очень, очень худо отвѣчаю на доброе мнѣніе, которое онъ обо мнѣ имѣетъ. Твоей дружбѣ я обязанъ его ко мнѣ добрымъ расположеніемъ. Еще разъ: если будешь писать къ нему, поблагодари его за меня и докажи ему собственнымъ примѣромъ, что поэтъ, чудакъ и лѣнтяй—одно и то же, чтобъ онъ не удивлялся моему поведенію и характеру, которые совершенно сообразны съ лѣнью и безпечностію, и докажи ему, что безъ лѣни я писалъ бы еще хуже или не писалъ бы

ничего. Буди съ тобою сила Аполлонова и благословеніе дѣвъ парнасскихъ!

P. S. Напиши самъ письмо къ Ивану Матвѣевичу о твоемъ дѣлѣ. Я берусь за исполненіе твоей просьбы, но надобно, чтобъ ты самъ его попросилъ. Успокой меня, Катерину Ѳедоровну и свою совѣсть.

Прости, отшельникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Твой богъ и покровитель!
Будь счастливъ, нашъ Орфей,
Харитъ любимецъ скромной!
Какъ юный соловей
Въ глуши дубравы темной
Съ подругой дни ведетъ,
Съ подругой засыпаетъ—
Невидимый поэтъ,
Невидимо плѣняетъ
Пастушекъ, пастуховъ
И жителей пустынныхъ,—
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой
Подъ сѣнію свободы,
Достойные природы
И юныя весны!
Тебѣ—одна лишь радость,
Мнѣ—горести даны!
Какъ сонъ, проходитъ младость
И счастье прежнихъ дней!
Все сердцу измѣнило:
Здоровье легкокрыло
И другъ души моей.
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
И ноги ходуномъ;
Глаза потухли, впали,

Спина дугой къ землѣ,
И скорби начертали
Морщины на челѣ.
Вся, вся изчезла сила
И доблесть юныхъ лѣтъ.
Увы, мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ!
Кивая головою,
Мнѣ молвила она,
Какъ древле Громобою
Учтивый сатана:
«Усопшій, миръ съ тобою!
«Усопшій, миръ съ тобою!»
Ахъ, это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За стары прегрѣшенья?...
Нѣтъ, новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Хвостовъ,
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѳмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ:
Поютъ и напѣваютъ
Съ ночи до бѣла дня,
Читаютъ мнѣ, читаютъ,
И до смерти меня
Убійцы зачитаютъ!

Прости, будь счастливъ и здоровъ; приготовь мнѣ эпитафію и не забудь въ ней сказать, что я любилъ тебя, какъ друга. Твой Батюшковъ.

Приписки А. И. Тургенева и Д. В. Дашкова.

Здравствуй, милый Жуковскій! Не сердись на меня за молчаніе и докажи это, написавъ ко мнѣ хоть нѣсколько строкъ. Не забудь пріѣхать обѣдать къ намъ въ Петербургъ на 1812 году: бифштексъ, англійская горчица будутъ готовы! Присылай свои новыя сочиненія и люби твоего Тургенева. Я буду много писать къ тебѣ: теперь душа не на мѣстѣ. Любовь унесла надежду, надежду,

мой сладкій удѣлъ. Я долженъ былъ отправить это письмо къ Дашкову и къ Блудову для приписанія, но боюсь, чтобъ онъ не задержалъ его. Братъ тебѣ кланяется. Онъ готовится въ министры финансовъ. Право, дѣльный малой. Будетъ прокъ!

И я любезному Василью Андреевичу свидѣтельствую мое искреннее почтеніе.

Дашковъ.

XCIV.

А. Н. Батюшковой.

(Іюнь—іюль 1812 г. Петербургъ).

Я давно къ тебѣ не писалъ, мой милый и любезный другъ, и отъ тебя уже съ мѣсяцъ какъ ни одной строки не имѣю. Я не писалъ къ тебѣ, потому что переѣзжалъ на новую квартиру, и живу теперь въ домѣ Балабина, возлѣ Императорской Библіотеки, напротивъ Гостинаго двора, куда прошу тебя впередъ адресовать письма. Квартира моя очень хороша; я купилъ мебелей и цвѣтовъ и теперь живу бариномъ. Нанялъ погодно за 400 съ конюшней: это весьма недорого. На дняхъ отправилъ къ тебѣ портретъ, дрожки и посылку отъ Абрама Ильича съ мужиками Николая Ивановича Брянчанинова, которыхъ зовутъ Васильемъ Осиповымъ и Макаромъ Никифоровымъ, деревни Карцова; я надѣюсь, что они посылки доставятъ исправно. Дрожки всѣ цѣлы, съ оглоблями, пристяжкой и проч.; возьми ихъ на память обо мнѣ. Мой портретъ также тебѣ понравится: онъ довольно похожъ. Но я, мой милый другъ, сокрушаюсь, что отъ тебя писемъ не имѣю. Здорова ли милая сестра Лизавета Николаевна? Бога ради, напиши мнѣ объ этомъ и поскорѣе: неизвѣстность всего мучительнѣе. Я надѣюсь, что вы всѣ въ Хантоновѣ и въ скукѣ про-

водите скучное лѣто, которое здѣсь совершенно на осень похоже. Прости, мой милый другъ и сестра. Будь здорова и не забывай твоего Конст. Б.

Купи мнѣ лошадь каретную одну, рублей въ 200 или 300. Мнѣ для зимы необходимо нужно. Зимою по снѣгу нѣтъ силъ ходить съ моимъ здоровьемъ. Ты ее пришлешь не ранѣе перваго пути, вмѣстѣ съ кучеромъ. Еще тебя прошу, мой другъ, сдѣлать дома дюжину чулокъ для сапогъ и дюжину платковъ носовыхъ потонѣ; пришли полотна полкуска середней руки.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новогородской Губерніи.

Приписка Н. И. Гнѣдича.

Я столькими отзывами долженъ вамъ, милостивая государыня Александра Николаевна, что еслибъ въ одинъ разъ рѣшился заплатить за нихъ и при лучшемъ здоровьи, нежели каково теперь у меня, то думаю, бумагѣ было бъ тяжело, а вамъ скучно. Теперь скажу вамъ только ближайшее къ сердцу: мы съ Константиномъ живемъ ближайше, нежели вы себѣ вообразить можете; онъ былъ бы здоровъ, еслибъ немного не мучилъ его стихотворецъ Ржевскій, и всегда почти, подобнѣ глистѣ, на тощакъ. Будьте здоровы и веселы и вѣрьте всегдашнему моему къ вамъ почтенію, искренней любви и преданности. Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Гнѣдичь.

Здравствуйте, Варвара Николаевна! Позвольте мнѣ поцѣловать вашу маленькую ручку.

XCV.

Князю П. А. Вяземскому.

1-го іюля 1812 г. (Петербургъ).

Давно, очень давно я не получалъ отъ тебя писемъ, мой милый другъ. Что съ тобою сдѣлалось? Здоровъ ли ты? Или такъ занятъ политическими обстоятель-

ствами, Нѣманомъ, Двиной, позиціей направо, позиціей налѣво, передовымъ войскомъ, задними магазинами, голодомъ, моромъ и всѣмъ снарядомъ смерти, что забылъ маленькаго Батюшкова, который пишетъ къ тебѣ съ Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ. Я завидую ему: онъ тебя увидитъ; онъ разскажетъ тебѣ всѣ здѣшнія новости, за которыя, по совѣсти, гроша давать не надобно: все одно и то же. Я еще разъ завидую московскимъ жителямъ, которые столь покойны въ наше печальное время, и я думаю, какъ басенная мышь, говорятъ, поджавши лапки:

Чѣмъ грѣшная могу помочь!

У насъ все не то! Кто глаза не спускаетъ съ карты, кто кропаетъ оду на будущія побѣды. Кто въ лѣсъ, кто по дрова! Но Богъ съ ними! Присылай сюда поскорѣе любезнаго Сѣверина, безъ котораго намъ сгрустилось: пора ему въ Питеръ. Что дѣлаетъ балладникъ? Говорятъ, что онъ написалъ стиховъ тысячи полторы, и одинъ другаго лучше! Вотъ кстати, говоря о нашемъ пѣвцѣ, Асмодѣю сказать можно: чѣмъ чортъ не шутитъ! Пришли мнѣ Жуковскаго стиховъ малую толику, да пиши почаще, мой милый и любезный князь. А впрочемъ, Богъ съ тобой! Кстати, поздравляю тебя съ прошедшими именинами, которыя ты провелъ въ своемъ загородномъ дворцѣ, конечно, весело. Еще разъ, прости и не забывай твоего Батюшкова.

XCVI.

Князю П. А. Вяземскому.

Іюль (первая половина) 1812 г. (Петербургъ).

Я отъ тебя давно не имѣю писемъ, мой милый другъ, и начинаю думать, что ты меня забылъ. Вотъ болѣе недѣли, какъ я боленъ и не выхожу изъ комнаты. На досугѣ что дѣлать? Писать къ тебѣ. Сѣверинъ у меня бываетъ очень часто; я люблю его отъ всей души; съ нимъ-то мы говоримъ о тебѣ, и если онъ прерветъ матерію или начнетъ мнѣ разсказывать о Москвѣ, о Пушкинѣ, то я, подобно Анжеликѣ, съ глубокимъ вздохомъ, съ глазами, отуманенными тоскою, повторяю ему: «Parle moi de Médor, ou laisse moi rêver!» Такимъ-то образомъ проводимъ мы время, имѣя мало надеждъ, но много сладостныхъ воспоминаній. Въ числѣ надеждъ Сѣверина—военная служба; къ несчастію—не моя. Если бы не проклятая лихорадка, то я бы полетѣлъ въ армію. Теперь стыдно сидѣть сиднемъ надъ книгою; мнѣ же не пріучаться къ войнѣ. Да кажется, и долгъ велитъ защищать отечество и государя намъ, молодымъ людямъ. Подожди! Можетъ быть, и я, и Сѣверинъ препояшемся мечами, если мнѣ позволитъ здоровье, а Сѣверину обстоятельства. Проворному не долго снаряжаться. Что затѣваетъ Пушкинъ? Онъ ни къ кому не пишетъ, всѣхъ позабылъ. Богъ съ нимъ! Я читалъ балладу Жуковскаго: она очень мнѣ понравилась и во сто разъ лучше его Дѣвъ, хотя въ Дѣвахъ болѣе поэзіи, но въ этой болѣе grâce, и ходъ гораздо лучше. Жаль впрочемъ, что онъ занимается такими бездѣлками: съ его воображеніемъ, съ

его дарованіемъ и болѣе всего съ его искусствомъ можно взяться за предметъ важный, достойный его. Пришли мнѣ его посланіе ко мнѣ, сдѣлай одолженіе—пришли. Будь здоровъ, будь веселъ и пиши поприлежнѣе. Vale et me ama! Батюшковъ.

Сію минуту Милоновъ сказалъ мнѣ, что Грамматинъ ѣдетъ въ Москву. Я посылаю это письмо черезъ него.

XCVII.

Князю П. А. Вяземскому.

(21-го іюля 1812 г. Петербургъ).

Твое письмо отъ 30-го прошедшаго мѣсяца я получилъ сегодня, то-есть, 21-го іюля, потому что я живу не въ католической церкви, а въ домѣ Балабина, что̀ напротивъ Гостинаго двора, куда адресуй ко мнѣ письма. Вчера Сѣверинъ показывалъ мнѣ твое письмо. Ты поручикъ! Чѣмъ чортъ не шутитъ! А я тебѣ завидую, мой другъ, и издали желаю лавровъ. Мнѣ больно оставаться теперь въ бездѣйствіи, но видно такъ угодно судьбѣ. Одна изъ главныхъ причинъ моего ш а л и к о в с т в а, какъ ты пишешь,—недостатокъ въ военныхъ запасахъ, то-есть, въ деньгахъ, которыхъ здѣсь вдругъ не найдешь, а мнѣ надобно было тысячи три или болѣе. Иначе я бы не задумался. Сѣверинъ остается при коллегіи. Что-то будетъ дѣлать Жуковскій? А мы здѣсь, мой другъ, умираемъ со скуки. Цвѣтъ молодежи въ арміи, женщины по дачамъ, здѣсь одни дрожжи. Не пріѣдешь ли ты мимоѣздомъ въ Питеръ? Ты, новый воинъ, пріѣзжай: мы тебя вооружимъ рыцаремъ, и ты, новый рыцарь, посмѣешься надъ тво-

имъ другомъ, который и печаленъ, и боленъ отъ скуки, который прежде времени состарился, и про котораго ты скажешь, глубоко, глубоко вздохнувъ:

Ses pas sont lents, et l'altière jeunesse
Par un sourire insulte à sa faiblesse!

Прости, будь здоровъ, о паче всякихъ мѣръ великодушный воинъ (Иліада Кострова), и не забывай твоего Батюшкова.

XCVIII.

А. Н. Батюшковой.

9-го августа (1812 г. Петербургъ).

И я къ тебѣ не писалъ, мой милый другъ и сестра, потому что не зналъ, рѣшиться ли на приглашеніе Катерины Ѳедоровны мнѣ пріѣхать къ ней, для того чтобъ отвезти ее въ Петербургъ. Теперь рѣшился, ибо она объ этомъ еще разъ написала Лизаветѣ Марковнѣ. Я долженъ буду ѣхать въ Москву, но тамъ долѣе мѣсяца не останусь. Прежде моего отъѣзда, который назначаю черезъ три дни, я еще разъ буду писать къ тебѣ. Одно меня истинно огорчаетъ: Павелъ Алексѣевичъ писалъ ко мнѣ, что пришлетъ мнѣ вѣрющее письмо на имѣніе, и до сихъ поръ его не имѣю. Я ожидалъ сего письма болѣе двухъ мѣсяцевъ: тогда (а я объ томъ и писалъ ему нѣсколько разъ), тогда можно было имѣть деньги, и я уже взялъ нѣкоторыя мѣры; теперь, Богъ знаетъ, успѣю ли что-нибудь сдѣлать, а все отъ замедленія! Это меня истинно огорчаетъ. Я отъѣздъ мой въ Москву старался оттянуть какъ мож-

но болѣе, чтобъ выгадать время для хожденія по закладной, ожидалъ нѣсколько почтъ и ничего не получилъ. Хорошо, если письмо брата застанетъ меня здѣсь; тогда до отъѣзда я могу подать просьбу, а дѣло пойдетъ и безъ меня. Здѣсь остаться мнѣ не возможно. Катерина Ѳедоровна ожидаетъ меня въ Москвѣ больная, безъ защиты, безъ друзей: какъ ее оставить? Вотъ единственный случай ей быть полезнымъ! Описаніе твоихъ безпокойствъ и путешествій меня истинно огорчаетъ. Я теперь въ правѣ дать тебѣ совѣтъ и желаю, чтобъ ты его послушалась, а именно: не разставайся съ сестрами; ради Бога будьте вмѣстѣ; вотъ единственный способъ быть покойнѣе, и лучше вмѣстѣ жить въ Вологдѣ, нежели теперь одной въ Хантоновѣ. Не презирай моего совѣта. Что же касается до поѣздки къ батюшкѣ, то, мой милый другъ, я тебѣ ничего сказать не могу рѣшительнаго; кажется, лучше не ѣздить. Пиши къ нему чаще; утѣшай его, какъ можешь. Я истинно огорчаюсь, сравнивая твое положеніе съ моимъ. Я здѣсь спокоенъ, ни въ чемъ нужды не имѣю, а ты, мой другъ, и нуждаешься, и хлопочешь, и за насъ всѣхъ въ огорченіи. Богъ тебя за это наградитъ, мой милый и единственный другъ! Бога ради, живите дружнѣе между собою! Такое ли время теперь, чтобъ хотя одну розную мысль имѣть? У тебя съ деревни назначено много рекрутъ, это меня огорчаетъ, и съ Вологды опять назначены. Пусть старосты управляются, какъ хотятъ, и братъ ихъ вѣрно не оставитъ своимъ покровительствомъ, хотя и ему въ нынѣшнее время большаго досугу нѣтъ. Здѣсь, мой другъ, ничего новаго не имѣется. Кстати: Вѣра Осиповна выходитъ замужъ за Бутримова: молодой человѣкъ, очень не дуренъ собой, и триста душъ. Я былъ на сговорѣ, который похожъ

былъ на сюрпризъ. Всѣ Барановы въ большой радости. На сговорѣ былъ Павелъ Львовичъ съ женой, Ростъ съ женой, Абрамъ Ильичъ, я да мамзель Дешамъ. Поцѣлуй за меня милыхъ сестеръ Лизавету и Вареньку, поцѣлуй и дѣточекъ: и Алешу, и Сашу, и Парашу; дай Богъ вамъ здоровья, буду писать болѣе и подробнѣе. К. Бат.

По сему приложенному письму прошу тебя, мой другъ, исполнить, если есть на то возможность. Пишетъ братъ Якова, которымъ до сихъ поръ я доволенъ.

Скажи Лизаветѣ, что я видѣлъ недавно славную сочинительницу Коринны и Дельфины, мадамъ Сталь, съ которой провелъ цѣлый вечеръ у графини Строгоновой; она ѣдетъ въ Америку. У ней дочь красавица, а она одѣвается на манеръ Линеманши. Дурна какъ чортъ и умна какъ ангелъ. Прости!

XCIX.

Д. В. Дашкову.

9-го августа (1812 г. Петербургъ).

Я долго ожидалъ писемъ отъ васъ, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, и наконецъ получилъ одно, которое меня совершенно успокоило. Вы жалуетесь на безпокойное путешествіе, на телеги и кибитки, которыя намъ, конечно, достались отъ Татаръ, а не хотите пожалѣть обо мнѣ. Я и самъ на дняхъ отправлюсь въ Москву и буду mutar ogn'ora di vettura, то-есть, поѣду на перекладныхъ по почтѣ. Тамъ-то вы найдете вашего покорнаго слугу въ домѣ К. Ѳ. Муравьевой. Еще разъ пожалѣйте обо мнѣ; я увижу и Каченовска-

го, и Мерзлякова, и весь Парнассъ, весь сумасшедшій домъ, кромѣ нашего милаго, добраго и любезнаго Василья Львовича, который пишетъ мнѣ, что какой-то Веневъ, городъ вовсе неизвѣстный на лицѣ земномъ, будетъ обладать его особою. Теперь поговорить ли о петербургскихъ знакомыхъ, напримѣръ, о Батыѣ, о Тамерланѣ, о Чингисханѣ-поэтѣ, который уничтожилъ Расина, Буало, Лафонтена и проч? Сказать ли вамъ, что онъ написалъ оду на миръ съ Турками; ода, истинно ода, такого дня и года! Поговорить ли съ вами о нашемъ обществѣ, котораго члены всѣ подобны Гораціеву мудрецу или праведнику, всѣ спокойны и пишутъ при разрушеніи міровъ.

Гремитъ повсюду страшный громъ,
Горами къ небу вздуто море,
Стихіи яростныя въ спорѣ,
И тухнетъ дальній солнцевъ домъ.
И звѣзды падаютъ рядами.
Они покойны за столами,
Они покойны. Есть перо,
Бумага есть и—все добро!
Не видятъ и не слышутъ
И все перомъ гусинымъ пишутъ!

Пишутъ, и написали, и напечатали два нумера съ вашего отъѣзда, и бѣдному доброму или бодрому Лапушнику досталось по ушамъ. Вотъ и всѣ наши новости. Все идетъ по старому. Мы часто бываемъ, мы, то-есть, Сѣверинъ, Трубецкой и Батюшковъ, мы бываемъ у Д. Н. Блудова, который даетъ намъ ужины, гулянья на шлюпкѣ, верхомъ и пр., и мы ужинаемъ и катаемся, louant Dieu de toute chose, какъ мудрецъ Гаро въ Лафонтеновой баснѣ; не достаетъ васъ, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, и мы это чувствуемъ ежедневно; не достаетъ, по крайней мѣрѣ у меня, спо-

койствія душевнаго, и вотъ почему наши удовольствія не совершенно чисты. Но гдѣ они чисты? Развѣ въ домѣ сумасшедшихъ, или

За синимъ океаномъ
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,

или Богъ знаетъ гдѣ! Я очень скучаю и надѣюсь только на войну: она разсѣетъ мою скуку, ибо шпага побѣдитъ тогу, и я надѣну мундиръ, и я поскачу маршировать, если... если будетъ это возможно. Но мы увидимся сперва въ Москвѣ, гдѣ я надѣюсь быть въ скоромъ времени; тамъ-то я готовъ возобновить съ докторомъ Каченовскимъ вашъ ученый споръ, если не испугаюсь его желѣзнаго самолюбія и коварно-презрительной улыбки переводчика Иліады, Одиссеи, Энеиды и г-жи Дезульеръ, если не испугаюсь словообилію Иванова и калмыцкихъ глазъ Воейкова, и Жанъ-Жако-Мерсьеровскихъ порывовъ Глинки, который недавно получилъ Владимірскій крестъ, съ чѣмъ его отъ всей души поздравляю. Простите, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, любите меня столько, сколько я васъ люблю и уважаю, и вы меня очень любить будете; пишите чаще и адресуйте письма къ Сѣверину, который перешлетъ въ Москву, если оно меня здѣсь не застанетъ. Батюшковъ.

Кланяется вамъ М. А. Салтыковъ и его жена.

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю моему Д. В. Дашкову. Въ городѣ Спасскѣ, Рязанской губерніи.

С.

А. Н. Батюшковой.

16-го августа (1812 г. Петербургъ).

Любезный другъ Александра Николаевна, вчера я получилъ твое письмо и сегодня спѣшу отвѣтомъ. Я очень чувствую, сколь непріятно твое положеніе, и тѣмъ болѣе прошу тебя не отлучаться отъ сестеръ. Всякое горе вмѣстѣ терпѣть должно. Мы же, къ несчастію, живемъ въ такія времена, каковымъ и примѣру не сыщешь. Повѣрь мнѣ, есть и насъ несчастнѣе! Это не утѣшительно для добраго сердца. Что же дѣлать? Терпѣть и надѣяться! Я не совѣтую ѣхать въ Даниловское; ты будешь спокойнѣе въ Вологдѣ. Оставь, Бога ради оставь вовсе деревню. Если Захаровъ никуда не годенъ, то вели его отдать въ рекруты, а если и туда не годится, то дай ему свободу. Я на этого человѣка спокойно глядѣть не могу послѣ добра, которое для него дѣлали, и за какія услуги? Старостъ обоихъ поблагодари отъ меня за ихъ исправность по рекрутству: ими братъ Павелъ Алексѣевичъ весьма доволенъ; скажи имъ, что я имъ буду за это и самъ благодаренъ, особливо Ивану. Теперь, мой другъ, скажу тебѣ, что я отправляюсь въ Москву вмѣстѣ съ Иваномъ Матвѣевичемъ, который имѣетъ нужду ѣхать туда, и письма не замедля адресуй ко мнѣ въ Москву на имя Петра Алексѣевича Ижорина, возлѣ Донскаго монастыря, ибо Катерина Ѳедоровна свой домъ продала и живетъ теперь на дачѣ. Прилагаю у сего ея письмо. Ты видишь, что я долженъ былъ ѣхать. Что же касается до страха твоего, чтобъ я не вошелъ въ военную службу, то онъ

не справедливъ: я не войду въ оную, а если и войду снова, то что̀ ты чрезъ то, мой милый другъ, потеряешь? Я за тысячу верстъ отъ тебя, а тогда буду за двѣ: вотъ и все тутъ. Но теперь еще дѣло не о томъ. Поцѣлуй за меня Лизавету и скажи ей, что я ее люблю, какъ душу, что Вѣра Осиповна невѣста, и у ней женихъ чернобровый и черноглазый, что и свадьба будетъ въ непродолжительномъ времени; а брату Павлу Алексѣевичу— что я не могъ дождаться его вѣрющаго письма на мое имя, и что теперь (потому что опоздалъ) врядъ можно ли имѣть деньги, но что если это все перемѣнится, я возьмусь за хожденіе съ радостію. Вотъ единственный способъ ему показать услугу за его услуги и за его дружбу ко мнѣ. Прости, мой другъ, будь здорова и пиши въ Москву. К. Б.

CI.

Князю П. А. Вяземскому.

(Вторая половина августа 1812 г. Москва).

Я пріѣхалъ нѣсколько часовъ послѣ твоего отъѣзда въ армію. Представь себѣ мое огорченіе: и ты, мой другъ, мнѣ не оставилъ ниже записки! Сію минуту я поскакалъ бы въ армію и умеръ съ тобою подъ знаменами отечества, еслибъ Муравьева не имѣла во мнѣ нужды. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ я ее оставить не могу: повѣрь, мнѣ легче спать на бивакахъ, нежели тащиться во Владиміръ на протяжныхъ. Изъ Володиміра я прилечу въ армію, если будетъ возможность. Дай Богъ, чтобъ ты былъ живъ, мой милый другъ! Дай Богъ, чтобъ мы еще увидѣлись! Теперь, когда ты

подъ пулями, я чувствую вполнѣ, сколько тебя люблю. Не забывай меня. Гдѣ Жуковскій? Батюшковъ.

CII.

Н. И. Гнѣдичу.

7-го сентября 1812 г. Володиміръ.

Я писалъ къ тебѣ изъ Москвы о несчастіи двухъ Олениныхъ: о смерти бѣднаго Николая и о жестокой болѣзни Петра. Теперь пишу тебѣ изъ Володиміра, что Петру, слава Богу, полегче. Онъ здѣсь подъ присмотромъ Архаровыхъ, которые его съ своимъ домашнимъ лѣкаремъ проводятъ до Нижняго. Мы и сами отправляемся туда же. Кромѣ того, за Петрушей присматриваетъ весьма прилежно его мальчикъ, перемѣняетъ бѣлье исправно и лѣкарство не устаетъ давать. Кажется, что Петръ будетъ здоровъ совершенно. Я описываю тебѣ сіи подробности затѣмъ, чтобъ ты, мой милый другъ, пересказалъ ихъ бѣднымъ родителямъ, потерявшимъ сына, утѣшеніе жизни. Успокой ихъ хоть немного на счетъ другаго. Не пріѣдетъ ли кто-нибудь изъ нихъ въ Нижній? У меня голова идетъ кругомъ отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ! Прощай, пиши въ Нижній на мое имя. Знакомымъ поклонись. Батюшковъ.

P. S. Сегодня мы ѣдемъ въ Нижній-Новгородъ, и Олениинъ сегодня ѣдетъ туда же. Я его увижу на дорогѣ и въ первомъ городѣ увѣдомлю тебя о его здоровьѣ. Бога ради увѣдомь меня, получилъ ли ты письмо изъ Москвы.

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ императорской библіотекѣ. Въ С.-Петербургѣ. (Письмо получено въ Петербургѣ 3-го октября).

CII.

Н. И. Гнѣдичу.

3-го октября (1812 г.). Нижній-Новгородъ.

Любезный другъ, я въ Нижнемъ; слава Богу, здоровъ тѣломъ, а о душѣ ни слова. Писалъ къ тебѣ изъ Москвы, изъ Володиміра, изъ Нижняго, но ни строки въ отвѣтъ не имѣю. Скажи Алексѣю Николаевичу, что Петру легче; я его вижу каждый день и каждый день радуюсь успѣхамъ лѣкаря или натуры. Онъ внѣ опасности, а въ Москвѣ, хотя я и писалъ противное, на волосъ былъ отъ смерти. Архаровы его не покидаютъ. Сегодня онъ катался въ нашей каретѣ; еще очень слабъ и отъ слабости распухъ, но это пройдетъ, конечно. Всякій разъ, когда у него бываю, онъ мнѣ радъ какъ родному; я его утѣшаю скорымъ свиданіемъ съ родными, но о братѣ онъ очень безпокоится. Дай Богъ, чтобъ Лизавета Марковна или самъ Алексѣй Николаевичъ сюда пріѣхали; если же имъ нельзя, то я могу его проводить до Петербурга черезъ мѣсяцъ: ранѣе не возможно ему ѣхать. Но рѣшительнаго о себѣ ничего не скажу. Я хочу отправиться въ армію или возвратиться въ Петербургъ и ожидаю денегъ изъ деревни. Попроси Алексѣя Николаевича, чтобъ онъ на меня не гнѣвался за просрочку отпуска. Я не могъ ѣхать въ Петербургъ: и теперь почтовыхъ нигдѣ нѣтъ. Я къ нему писалъ; Архаровы не имѣютъ отвѣта на письма, и мы всѣ объ Алексѣѣ Николаевичѣ и о Лизаветѣ Марковнѣ безпокоимся. Увѣрь ихъ въ моей преданности и поклонись милому и почтенному Ивану Андреевичу. Будь здоровъ и надѣйся на Бога. Цѣлую тебя. К. Б.

CIV.

Князю П. А. Вяземскому.

3-го октября (1812 г. Нижній-Новгородъ).

Я обрадовался твоему письму, какъ самому тебѣ. Отъ Карамзиныхъ узналъ, что ты поѣхалъ въ Вологду, и не могъ тому надивиться. Зачѣмъ не въ Нижній? Впрочемъ, все равно! Нѣтъ ни одного города, ни одного угла, гдѣ бы можно было найти спокойствіе. Такъ, мой милый, любезный другъ, я жалѣю о тебѣ отъ всей души; жалѣю о княгинѣ, принужденной тащиться изъ Москвы до Ярославля, до Вологды, чтобы родить въ какой-нибудь лачугѣ; радуюсь тому, что добрый геній тебя возвратилъ ей, конечно, на радость. При всякомъ несчастіи, съ тобой случившемся, я тебя болѣе и болѣе любилъ: Сѣверинъ тому свидѣтель. Но дѣло не о томъ. Ты меня зовешь въ Вологду, и я, конечно, пріѣхалъ бы, не замедля минутой, еслибъ была возможность, хотя Вологда и ссылка для меня одно и то же. Я въ этомъ городѣ бывалъ на короткое время и всегда съ новыми огорченіями возвращался. Но теперь увидѣться съ тобою и съ родными для меня будетъ пріятно, если судьбы на это согласятся; въ противномъ случаѣ я рѣшился, и твердо рѣшился, отправиться въ армію, куда и долгъ призываетъ, и разсудокъ, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными произшествіями нашего времени. Военная жизнь и биваки меня вылѣчатъ отъ грусти. Москвы нѣтъ! Потери невозвратныя! Гибель друзей, святыня, мирное убѣжище наукъ, все осквернено шайкою варваровъ! Вотъ плоды просвѣщенія или, лучше сказать, разврата остроумнѣйшаго народа, который гордился

именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основать надежды? Чѣмъ наслаждаться? А жизнь безъ надежды, безъ наслажденій — не жизнь, а мученіе. Вотъ что меня влечетъ въ армію, гдѣ я буду жить физически и забуду на время собственныя горести и горести моихъ друзей.

Здѣсь я нашелъ всю Москву. Карамзина, которая тебя любитъ и любитъ и уважаетъ княгиню, жалѣетъ, что ты не здѣсь. Мужъ ея поѣхалъ на время въ Арзамасъ. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ плачетъ неутѣшно: онъ все потерялъ, кромѣ жены и дѣтей. Василій Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына: книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и на силу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ сбирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы—и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ Французовъ по французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: point de paix! Истинно много, слишкомъ много зла подъ луною; я въ этомъ всегда былъ увѣренъ, а нынѣ сдѣлалъ новое замѣчаніе. Человѣкъ такъ сотворенъ, что ничего вполнѣ чувствовать не въ силахъ, даже самаго зла: потерю Москвы немногіе постигаютъ. Она, какъ солнце, ослѣпляетъ. Мы всѣ въ чаду. Какъ бы то ни было, мой милый, любезный другъ, такъ было угодно Провидѣнію!

Тебѣ же, какъ супругу и отцу семейства, потребна рѣшительность и великодушіе. Ты не все потерялъ, а научился многому. Одиссея твоя почти кончилась. Умъ былъ, а разсудокъ пришелъ. Не унывай и наслаждайся

пока дружбою людей добрыхъ, въ числѣ которыхъ и я: ибо любить умѣю моихъ друзей, и въ горѣ они мнѣ дороже. Кстати о друзьяхъ: Жуковскій, иные говорятъ—въ арміи, другіе—въ Тулѣ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ въ Тулѣ и поберегъ себя для счастливѣйшихъ временъ. Я еще надѣюсь читать его стихи; надѣюсь, что не все потеряно въ нашемъ отечествѣ, и дай Богъ умереть съ этой надеждою. Если же ты меня переживешь, то возьми у Блудова мои сочиненія, дѣлай съ ними что хочешь; вотъ все, что могу оставить тебѣ. Можетъ быть, мы никогда не увидимся! Можетъ быть, штыкъ или пуля лишитъ тебя товарища веселыхъ дней юности... Но я пишу письмо, а не элегію; надѣюсь на Бога и вручаю себя Провидѣнію. Не забывай меня и люби, какъ прежде. Княгинѣ усердно кланяюсь и желаю ей счастливо родить сына, а не дочь. Константинъ Батюшковъ.

Познакомься съ моимъ зятемъ и полюби его: онъ добрый человѣкъ и меня любитъ, какъ брата. Засвидѣтельствуй мое почитаніе Юрію Александровичу; мы думали здѣсь, что онъ поѣхалъ въ Казань. Пиши въ Нижній-Новгородъ и не пропусти почты: иначе письмо твое меня не застанетъ. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ къ должности, или въ армію, тотчасъ по полученіи денегъ. Я не пишу о подробностяхъ взятія Москвы варварами: слухи не всѣ вѣрны, да и къ чему растравлять ужасныя раны?

CV.

Н. И. Гнѣдичу.

Въ день отъѣзда Олешина (октябрь 1812 г. Нижній-Новгородъ).

Я получилъ твое письмо вчера и, въ ожиданіи почты, напишу тебѣ нѣсколько строкъ. Письмо твое меня опечалило и успокоило вмѣстѣ. Слава Богу, ты живъ и здоровъ, а для нынѣшняго времени и за это надобно благодарить небо. Мы живемъ теперь въ трехъ комнатахъ, мы—то-есть, Катерина Ѳедоровна съ тремя дѣтьми, Иванъ Матвѣевичъ, П. М. Дружининъ, Англичанинъ Евенсъ, котораго мы спасли отъ Французовъ, двѣ иностранки, я грѣшный, да шесть собакъ. Нѣтъ угла, гдѣ бы можно было поворотиться, а ты знаешь, мой другъ, какъ я люблю быть одинъ самъ съ собою. Нѣтъ, я никогда такъ грустенъ и скученъ не бывалъ! Чего мнѣ недостаетъ? Не знаю. Меня любятъ не только люди, съ которыми живу, но даже и Москвичи. Здѣсь Карамзины, Пушкины, здѣсь Архаровы, Апраксины, однимъ словомъ—вся Москва; но здѣсь для меня душевнаго спокойствія нѣтъ и, конечно, не будетъ. Ужасныя произшествія нашего времени, произшествія, случившіяся какъ нарочно передъ моими глазами, зло, разлившееся по лицу земли во всѣхъ видахъ, на всѣхъ людей, такъ меня поразило, что я на силу могу собраться съ мыслями и часто спрашиваю себя: гдѣ я? что я? Не думай, любезный другъ, чтобы я по старому предался моему воображенію, нѣтъ, я вижу, разсуждаю и страдаю.

Отъ Твери до Москвы и отъ Москвы до Нижняго, я видѣлъ, видѣлъ цѣлыя семейства всѣхъ состояній,

всѣхъ возрастовъ въ самомъ жалкомъ положеніи; я видѣлъ то, чего ни въ Пруссіи, ни въ Швеціи видѣть не могъ: переселеніе цѣлыхъ губерній! Видѣлъ нищету, отчаяніе, пожары, голодъ, всѣ ужасы войны и съ трепетомъ взиралъ на землю, на небо и на себя. Нѣтъ, я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя любезному нашему отечеству, чтобъ минуту быть покойнымъ. Ужасные поступки Вандаловъ или Французовъ въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ. Ахъ, мой милый, любезный другъ, зачѣмъ мы не живемъ въ счастливѣйшія времена! Зачѣмъ мы не отжили прежде общей погибели! Но оставимъ эту неистощимую матерію и поговоримъ о дѣлѣ.

Если Блудовъ еще не уѣхалъ, то съѣзди къ нему отъ меня и, пожелавъ ему всякаго счастія отъ моего имени,—ибо я его люблю и уважаю какъ человѣка добраго, честнаго и умнаго, три рѣдкія качества въ наше время, — попроси его, чтобъ онъ тебѣ вручилъ книгу съ моими стихами или копію съ нихъ, которую ты оставишь у себя до счастливѣйшихъ временъ. Если небесами суждено тебѣ пережить меня, то ты будешь имѣть право на мое маранье: оно по крайней мѣрѣ будетъ драгоцѣнно для тебя, ибо напомнитъ тебѣ о человѣкѣ, который любилъ тебя десять лѣтъ, какъ друга, какъ брата. Намъ не худо дѣлать завѣщанія, особенно мнѣ. Попроси Блудова, чтобы онъ меня не забывалъ въ каменномъ Стокгольмѣ; скажи ему, что добрые люди

Caelum, non animum mutant, qui trans mare currunt,

что гдѣ бы онъ ни былъ, нигдѣ, ни въ какой землѣ, не найдетъ столько добрыхъ людей, сколько въ нашемъ

отечествѣ. Сѣверину пожелай отъ меня счастливаго пути и скажи ему, что я ему завидую отъ всей души. Узнай и увѣдомь меня, куда поѣхалъ добрый мой знакомецъ Салтыковъ, котораго ты у меня видалъ? Поклонись Тургеневу: я его люблю какъ душу, и Жихарева обними. Какъ я жалѣю о тебѣ, любезный другъ! Зная твою душу и сердце, наклонное къ задумчивости, зная по опыту, что одному трудно переносить горе и бѣдствія, всякій разъ съ новымъ и съ живымъ соболѣзнованіемъ помышляю о тебѣ, о твоемъ одиночествѣ. Когда мы увидимся? И что за свиданіе! Вездѣ плачъ и слезы! Объ Олениныхъ я и думать не могу безъ содраганія. Ихъ потеря невозвратима, но Петръ будетъ живъ и, кажется мнѣ, совершенно здоровъ. Дай Богъ! По крайней мѣрѣ и это утѣшеніе. Я люблю и почитаю Оленина болѣе, нежели когда-нибудь. Напомни обо мнѣ Крылову и Ермолаеву. Что сдѣлалось съ Библіотекою? Ходишь ли ты въ нее по прежнему?

Еслибъ было время и охота, я описалъ бы тебѣ нашъ городъ, чудный и прелестный по своему положенію, чудный по вмѣщенію Москвы. Здѣсь все необыкновенно. Это обломокъ огромный столицы. При имени Москвы, при одномъ названіи нашей доброй, гостепріимной, бѣлокаменной Москвы, сердце мое трепещетъ, и тысяча воспоминаній, одно другаго горестнѣе, волнуются въ моей головѣ. Мщенія, мщенія! Варвары, Вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны! Хорошо и они намъ заплатили! Можно умереть съ досады при одномъ разсказѣ о ихъ неистовыхъ поступкахъ. Но я еще не хочу умирать, итакъ, ни слова. Но скажу тебѣ мимоходомъ, что Алексѣй Николаевичъ

совершенно правъ; онъ говорилъ назадъ тому три года, что нѣтъ народа, нѣтъ людей, подобныхъ этимъ урода̀мъ, что всѣ ихъ книги достойны костра, а я прибавлю: ихъ головы—гильотины.

Я началъ это письмо назадъ тому шесть дней и не могъ кончить. Пріѣхалъ Вильямсъ съ твоимъ письмомъ, на которое я и духу отвѣчать не имѣю, кромѣ восклицанія: О, слава Богу, что ты здоровъ! Оленинъ тебя обрадуетъ: ему гораздо лучше, память его слаба, но отъ слабости тѣлесной, то-есть, всего тѣла, а не отъ мозгу, хотя ударъ и былъ въ голову. Но и это со временемъ пройдетъ, безъ всякаго сомнѣнія. Приласкай его и за меня. Онъ весьма добрый малый и можетъ быть утѣшеніемъ своихъ родителей. Теперь, какъ опасность миновалась, можно сказать, что Петръ пріѣхалъ издалече, то-есть, изъ царства мертвыхъ.

Я получилъ деньги изъ деревни, но писемъ не имѣю: вотъ почему еще не могу рѣшиться ни на что. Завтра ожидаю писемъ и отправлюсь или въ Петербургъ, или въ армію, да въ армію, гдѣ проведу всю зиму. Судьбѣ—располагать мною, тебѣ—меня любить во всѣхъ состояніяхъ и, если можно, извинять передъ здравымъ разсудкомъ, но не передъ дружествомъ. Извинять меня передъ Алексѣемъ Николаевичемъ не должно: онъ знаетъ лучше другаго цѣнить людей, которые изъ доброй воли подвергаютъ себя пулямъ, и конечно, на меня не разсердится, что я оставлю Библіотеку; а если и выйду въ отставку по окончаніи кампаніи (что̀ я сдѣлаю непремѣнно), то не лишитъ меня и тогда своего покровительства. Бога ради, увѣдомь меня, получилъ ли онъ мои письма; у доброй и почтенной Лизаветы Марковны поцѣлуй ручку. Но я еще не совсѣмъ рѣшился ѣхать въ армію: ожидаю писемъ. Муравьевъ

тебя велѣлъ обнять. Тебѣ кланяется Филимоновъ: онъ правитель канцеляріи у графа Толстаго. Ермолаеву и Крылову поклонись пониже. Пошли къ моему дядѣ Батюшкову спросить о его здоровьѣ и сказать ему отъ меня поклонъ, и что я здоровъ, живу въ Нижнемъ. Пошли къ князю Трубецкому, что̀ служитъ у Дмитріева, и попроси его отдать тебѣ 40 рублей, которые онъ мнѣ долженъ; прибавь еще своихъ 60 и отдай сто за квартиру, гдѣ я жилъ, а мебели возьми къ себѣ или отдай ихъ Жихареву, если у тебя мѣста нѣтъ. Бога ради, сдѣлай это не замедля. На кушанье мальчику я тебѣ пришлю по первой почтѣ. Бога ради, спроси у Блудова мою тетрадь и мои книги, а если онъ въ Швеціи, то напиши къ нему и туда черезъ Жихарева, который, будучи знакомъ съ иностранной коллегіей, перешлетъ твое письмо. Поклонись отъ меня Абраму Ильичу и узнай, здоровъ ли Гриша? Съѣзди его посмотрѣть и самъ. Жихарева поцѣлуй въ лобъ и въ правое плечо, да посовѣтуй умереть отъ объѣденія: смерть во истину славная въ то время, какъ всѣ умираютъ съ голоду! Улиссъ многотерпящій кланяется Мальвинѣ: онъ нашелъ здѣсь Калипсу и превратился въ свинью, иначе—онъ очень поглупѣлъ.

Не забудь моей просьбы о квартирѣ и о Блудовѣ и пиши, ни мало не замедля, въ Нижній: твое письмо меня застанетъ, но адресуй его на имя Катерины Ѳедоровны на всякій случай.

Когда Сѣверинъ отправится въ Лузитанію?

CVI.

Отцу.

27-го октября 1812 г. Нижній-Новгородъ.

Любезный батюшка! Вы, конечно, изволите безпокоиться обо мнѣ во время моего путешествія въ Москву, изъ которой я благополучно пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидаю писемъ вашихъ. Отсюда я отправляюсь или въ деревню, или въ Петербургъ, не медля по полученіи денегъ, ибо здѣсь дѣлать нечего. Городъ малъ и весь наводненъ Москвою. Печальныя времена! Но мы, любезный батюшка, какъ граждане и какъ люди, вѣрующіе въ Бога, надежды не должны терять. Зла много, потеря частныхъ людей несчетна, цѣлыя семейства разорены, но все еще не потеряно: у насъ есть милліоны людей и желѣзо. Никто не желаетъ мира. Всѣ желаютъ войны, истребленія враговъ. Я совершенно спокоенъ на счетъ васъ, любезный батюшка: вашъ край въ безопасности. Итакъ, поручая себя въ милости ваши, цѣлую руки ваши и, прося родительскаго благословенія, остаюсь по смерть преданный вамъ сынъ Конст. Батюшк.

CVII.

Е. Г. Пушкиной.

(Средина ноября 1812 г. Нижній-Новгородъ).

Честь имѣю донести, что по рапортамъ печатнымъ, отъ 8-го числа изъ Краснаго и подъ Добрымъ — раз-

билъ Кутузовъ всю главную армію подъ командою Бонапарта и Даву, и Нея; взялъ въ плѣнъ въ главномъ дѣлѣ 9.170, офицеровъ 58, двухъ генераловъ и дубину маршала Даву. Это дѣло было 5-го ноября, и великій Наполеонъ ускакалъ со свитою къ лядамъ, оставя Даву на съѣденіе. Кутузовъ или князь Смоленскій тогда скушалъ Нея, окружилъ его и принудилъ его корпусъ положить ружье, а корпусъ былъ числомъ 12.000; нашли на дорогѣ 112 орудій, а ихъ взято болѣе. Рука дрожитъ отъ радости, и особливо Иванъ Матвѣевичъ съ этимъ васъ поздравляетъ. Всю водку выпью за здоровье Нея и Бонапарта.

CVIII.

Н. Ѳ. Грамматину.

(Январь 1813 г. Вологда. Получено Грамматинымъ 30-го января).

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь Николай Ѳедоровичъ, за пріятное письмо ваше, на которое я не отвѣчалъ до сихъ поръ за недосугомъ. Я дотащился сюда здоровъ и цѣлъ вопреки холоду, который и до сихъ поръ продолжается. Я думаю, что такой зимы и въ Лапландіи не бывало; а вы хотите, любезный другъ, чтобъ я воспѣвалъ розы, благоуханныя рощи, нѣгу и любовь, тогда какъ все стынетъ и дрожитъ отъ стужи! Повѣрьте, что съ пріѣзду сегодня въ первый разъ взялся за перо. Вы мою музу называете безсмертною; за это вамъ очень благодаренъ; я всѣ похвалы отъ друзей моихъ и отъ людей, которыхъ уважаю, принималъ за чистую монету, но здѣсь вижу насмѣшку, или шутку, или ошибку, или что вамъ угодно. У насъ

безсмертныхъ на Парнассѣ только два человѣка: Державинъ и графъ Хвостовъ. И тотъ, и другой—чудесные люди: первый—потому, что не зная грамоты, пишетъ какъ Горацій, а другой—потому, что пишетъ сорокъ лѣтъ и не знаетъ грамоты, пишетъ безпрестанно и своимъ безславіемъ славенъ будетъ въ позднѣйшемъ потомствѣ. Между сихъ великихъ мужей всѣ стоящіе смертны, а я—все самолюбіе въ сторону—хуже того и хуже другаго. Но дѣло не въ томъ. Вы желаете моихъ стиховъ, которые я, конечно, не замедля къ вамъ бы доставилъ, еслибъ были со мною. Всѣ остались въ Петербургѣ и, можетъ быть, потеряны. Мы ихъ найдемъ тамъ, гдѣ Астольфъ нашелъ все утраченное судьбою здѣсь на землѣ. Князь Вяземскій прислалъ мнѣ стихи Жуковскаго: два посланія къ его знакомкѣ г-жѣ А. и посланіе ко мнѣ, отвѣтъ Пенатамъ: дивная поэзія, въ которой множество прелестныхъ стиховъ, и въ которой прекрасная душа — душа поэта дышетъ, видна какъ въ зеркалѣ! Я доставилъ бы оную вамъ, если бы кто-нибудь согласился здѣсь переписать, а самъ я слишкомъ лѣнивъ. За симъ поблагодарю васъ за гостепріимство и дружбу вашу, которую я истинно цѣнить умѣю, остаюсь навсегда вашимъ преданнымъ и покорнѣйшимъ. Константинъ Батюшковъ.

CIX.

Сестрамъ.

24-го генваря 1813 г. Нижній-Новгородъ.

Простите мнѣ, любезные друзья, мое молчаніе, которое происходило отъ того, что я ничего рѣшительнаго о судьбѣ моей сказать не могъ, и теперь еще не знаю;

до сихъ поръ все одна нога здѣсь, а другая Богу извѣстно куда. На прошеніе мое еще нѣтъ отвѣта; это меня крайне огорчаетъ; но что дѣлать! Я пріѣхалъ сюда благополучно въ самые трескучіе морозы; стужа до сихъ поръ продолжается; она останавливаетъ отъѣздъ Катерины Ѳедоровны въ Москву, а оттуда въ Петербургъ. Если тетушка уѣдетъ, то я не буду знать что дѣлать: ѣхать ли мнѣ съ нею, или здѣсь остаться. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ (по причинамъ, о которыхъ мнѣ говорить не должно и не нужно) убытокъ карману. Я кончу мое письмо, пожелавъ вамъ, мои любезные и добрые друзья, всякихъ благъ. Не забывайте преданнаго вамъ брата и пишите почаще; я ни одного письма отъ васъ еще не получилъ. К. Батюшк.

Если деньги не высланы, то остановите ихъ у себя. Я не знаю, куда ихъ адресовать, хотя въ нихъ и очень нуждаюсь.

CX.

Князю П. А. Вяземскому.

27-го февраля 1813 г. (Петербургъ).

Виноватъ, мой милый князь, передъ тобою! Пропустилъ удобный случай писать съ Пушкинымъ, который отправился отсюда въ роковой день, на канунѣ чтенія Шаховскаго Расхищенныхъ Шубъ; я не могъ даже и видѣться съ добрымъ нашимъ Пушкинымъ, не могъ съ нимъ проститься, плакать съ нимъ (а онъ, говорятъ, заливался слезами, прощаясь съ Сѣверинымъ, Дашковымъ и Блудовымъ), не могъ, потому что болѣзнь меня замучила. И теперь пишу тебѣ на силу. Пушкинъ у васъ! Прими его на руки; онъ здѣсь замученъ подагрой и

Славенами; утѣшь его: скажи ему, что Шаховской читалъ самъ свои Шубы (а онъ читаетъ какъ дьячекъ), что его Шубы очень холодны; что въ его Шубахъ не одному Пушкину досталось, но всѣмъ честнымъ людямъ: Карамзину, Блудову. Признаюсь тебѣ, любезный другъ, что наши питерскіе чудаки едва ли не смѣшнѣе московскихъ. Ты себѣ вообразить не можешь того, что дѣлается въ Бесѣдѣ! Какое невѣжество, какое безстыдство! Всякое лицепріятіе въ сторону! Какъ? Коверкать, пародировать стихи Карамзина, единственнаго писателя, которымъ можетъ похвалиться и гордиться наше отечество, читать эти глупыя насмѣшки въ полномъ собраніи людей почтенныхъ, архіереевъ, дамъ и нагло читать самому!.. О, это верхъ безстыдства! Я не думаю, чтобъ кто-нибудь захотѣлъ это извинять. Я же съ моей стороны не прощу и при первомъ удобномъ случаѣ выведу на живую воду Славянъ, которые бредятъ, Славянъ, которые изъ зависти къ дарованію позволяютъ себѣ все, Славянъ, которые, оградясь щитомъ любви къ отечеству (за которое я на дѣлѣ всегда былъ готовъ пролить кровь свою, а они чернила), оградясь невѣжествомъ, безстыдствомъ, упрямствомъ, гонятъ Озерова, Карамзина, гонятъ здравый смыслъ и — что всего непростительнѣе — заставляютъ насъ зѣвать въ своей Бесѣдѣ отъ 8 до 11 часовъ вечера.

Признаюсь тебѣ, мой любезный князь Петръ, что я здѣсь провожу время довольно скучно и всякій день вспоминаю о Москвѣ; зачѣмъ я здѣсь—и самъ не знаю. Ищу друга по сердцу и не нахожу: тотъ занятъ должностью, тотъ разсѣянъ, тотъ холоденъ, и все не то, что мнѣ надобно. По счастію я живу у Гнѣдича. По счастію Блудовъ меня полюбилъ и просиживаетъ у

меня цѣлые дни; безъ того я пропалъ бы отъ скуки: выѣзжать не могу, лихорадка мучитъ... и Пушкина уже нѣтъ!

Я повстрѣчался здѣсь у Ивана Ивановича Дмитріева съ Сѣверинымъ и съ Дашковымъ; послѣдній уменъ и имѣетъ большія свѣдѣнія; онъ молодъ и много обѣщаетъ. Сѣверинъ очень разсѣянъ. Кстати, Галифъ Галифовичъ тебѣ кланяется. Онъ тебя очень любитъ, и я о тебѣ съ нимъ цѣлые часы говорю безъ умолку. Этотъ чудакъ мнѣ по рукѣ. Я его съ перваго разу полюбилъ и намѣренъ воспользоваться его.... охотою прогуливаться по булевару. Что дѣлаетъ у васъ Тургеневъ? Поклонись Алексѣю Михайловичу Пушкину и его супругѣ. Правда ли, что Давыдовъ женится? Не посовѣтовавшись со мною? Это непростительно.

Милоновъ у меня былъ сію минуту и написалъ къ тебѣ посланіе. Я ему прочиталъ твое письмо: это ему вскружило голову.

Пиши ко мнѣ почаще и не забудь сказать Жуковскому, что его Батюшковъ очень любитъ. Онъ, я думаю, въ Москвѣ.

Вотъ сію минуту пріѣхалъ ко мнѣ Блудовъ, про котораго Шаховской написалъ въ своихъ Шубахъ, что онъ ничего, кромѣ Mercure de France, не читаетъ. Дмитрій Николаевичъ такъ ему отвѣчалъ:

Парнасскій Славянинъ, отцовскій цензоръ строгой,
Напрасно твой Гашпаръ за лѣность мнѣ пѣнялъ!
Я, правда, мало сочинялъ,
Но ахъ, къ несчастію, читалъ я слишкомъ много:
Я... и твои стихи читалъ!

Вотъ тебѣ наши новости. Пиши ко мнѣ почаще, мой милый и добрый другъ, и будь счастливъ со всѣми тебѣ любезными людьми. Константинъ Батюшковъ.

Я чуть не забылъ Милоновыхъ стиховъ.
Адресуй письмо: въ домѣ Ѳедорова, въ Садовой улицѣ, въ жительствѣ его высокоблагородія Н. И. Гнѣдича. Я на время у него остановился.

CXI.

Е. Г. Пушкиной.

4-го марта 1813 г. Петербургъ.

Я виноватъ передъ вами и спѣшу загладить мою вину длиннымъ посланіемъ. Сперва начну *сначала*, такъ какъ водилось въ старину. Оставя Нижній съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ слезами на глазахъ, я пріѣхалъ въ Москву не ранѣе какъ двѣ недѣли спустя: на почтѣ лошадей не было. Въ Москвѣ я пробылъ три дня, не болѣе, и раза три покушался къ вамъ писать, но не могъ собраться съ духомъ. У меня передъ глазами были развалины, а въ сердцѣ новое, неизъяснимое чувство. Я благословилъ минуту моего выѣзда изъ Москвы, которая во всю дорогу бродила въ моей головѣ. Наконецъ, я отдохнулъ въ Петербургѣ и пишу къ вамъ съ холодной головою. Часто собираю всю мою память и повторяю чудесныя приключенія нашего времени и все, что я видѣлъ, и все, что слышалъ и чувствовалъ въ теченіе нашего изгнанія. Между развалинъ, ужасовъ, нищеты, страха и всѣхъ золъ ловлю нѣсколько пріятныхъ воспоминаній и смѣло говорю самъ себѣ, что я ими вамъ обязанъ. Вы улыбаетесь? Напрасно! Я хотѣлъ еще поговорить объ васъ, но разсудокъ остановилъ руку, разсудокъ, который меня не покидалъ и въ Нижнемъ.

Теперь еще два слова о себѣ. Здѣсь я нашелъ все

старое, кромѣ скуки, съ которой я давно знакомъ. Всякую минуту ожидаю рѣшенія на мою просьбу, и все напрасно. Всякій день сожалѣю о Нижнемъ, а болѣе всего о Москвѣ, о прелестной Москвѣ: да прилипнетъ языкъ мой къ гортани моей, и да отсохнетъ дѣсная моя если я тебя, о Іерусалиме, забуду! Но въ Москвѣ ничего не осталось, кромѣ развалинъ, и я боюсь для васъ и для вашего семейства. Бога ради, оставьте этотъ городъ и пріѣзжайте сюда; мы выпишемъ Василья Львовича и будемъ жить, какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, на берегахъ Оки и Волги.

Я виноватъ передъ вами: былъ у вашего сына въ корпусѣ и тамъ получилъ въ отвѣтъ, что онъ перешелъ въ корпусъ дворянъ, но еще въ этомъ не успѣлъ побывать: меня засталъ кашель, который продержалъ дома. Чулки посылаю, они стоятъ 90 р. Скажите Алексѣю Михайловичу мой усерднѣйшій поклонъ и зовите его сюда. Мы читали его Страшный Судъ: онъ напечатанъ; поздравьте его съ хорошими стихами и съ прекраснымъ предметомъ! Не довольно ли на сей разъ? Обѣщалъ вамъ длинное посланіе.... Но пусть лучше желаютъ моихъ писемъ такъ, какъ я желаю вашихъ. Желаю вамъ и счастія, и всѣхъ земныхъ радостей, и спокойствія, котораго никто не имѣетъ, и денегъ горы, и успѣха во всемъ, даже.... Ed a vostra signoria illustrissima bacio cordialmente le mani. К. Батюшк.

Не забудьте вашего обѣщанія! Вотъ мой адресъ: на Владимірской, въ домѣ Баташова, напротивъ Винной Биржи.

CXII.

Князю П. А. Вяземскому.

21-го марта 1813 г. (Петербургъ).

Мое письмо будетъ коротко, любезный другъ, но я имѣю нужду къ тебѣ писать. Ты жалуешься на скуку: легко повѣрю: мнѣ и здѣсь не весело, каково же тебѣ въ болотѣ? Желаю отъ всей души, чтобъ ты поскорѣе поѣхалъ въ деревню и прожилъ тамъ наединѣ, если это возможно, хотя годъ, хотя полгода. Я вовсе не знаю, что со мной будетъ; ожидаю Бахметева, у него буду проситься въ армію, а пока ѣзжу по обѣдамъ и вечера провожу съ трубкой и съ книгами, а болѣе всего съ воспоминаніями, ибо я весь въ прошедшемъ. Я долго, долго жилъ! Тургеневъ хорошо сдѣлалъ, что помогъ Жуковскому, а Жуковскій еще лучше сдѣлалъ, что уѣхалъ въ Бѣлевъ. Здѣсь Алексѣй Пушкинъ; я его не могъ еще видѣть; былъ у него, онъ у меня, и все не впопадъ. Онъ занятъ фабриками и, я думаю, желаетъ себѣ мѣста. Часто просиживаю вечера съ Дашковымъ, котораго начинаю любить отъ всей души за добрыя его качества; этотъ человѣкъ выигрываетъ въ короткомъ знакомствѣ. Если будешь въ Петербургѣ, то повѣрь мои слова. Впрочемъ, здѣсь людей мало. Маринъ умеръ, и я о немъ жалѣю. Дай себя обнять, любезный другъ, будь счастливъ, будь веселѣе и выше круга людей, въ которомъ ты осужденъ жить мимоходомъ. Сегодня, завтра обстоятельства могутъ перемѣниться, а мы остаемся все тѣ же, если имѣемъ умъ и характеръ. Я желаю ихъ имѣть, чтобы быть полезнымъ для людей близкихъ моему сердцу. Вотъ тебѣ моя рука. Прости! К. Б.

Какъ я глупъ! Я все думалъ, что ты въ Вологдѣ, и теперь только прочиталъ: «Ярославль. 12-го марта». Это меня порадовало. Ты здѣсь найдешь и Кокошкина, и Нелединскаго, и Самарину. Напомни обо мнѣ послѣдней. Я все сбираюсь къ ней писать.

CXIII.

А. Н. Батюшковой.

1-го апрѣля 1813 г. (Петербургъ).

Печальное извѣстіе твое, любезнѣйшій другъ, тронуло меня до глубины сердца. Какихъ стараній, какихъ слезъ стоила бѣдной матери болѣзнь милой малютки, и все напрасно! Надобно покориться волѣ Всевышняго. Признаюсь, что Лизавета могла бы обойтиться и безъ новаго несчастія, имѣя столько неудовольствій со всѣхъ сторонъ; за то она счастливѣйшая изъ женъ, ибо Павелъ Алексѣевичъ ее любитъ и обожаетъ. Я радъ, что они будутъ въ Хантоновѣ, и болѣе еще радъ для дѣтей: они отдохнутъ на чистомъ воздухѣ. Побереги и ты себя, любезный другъ, и для сестеръ, и для меня. Я еще ничего рѣшительнаго о моей части не знаю. Здѣсь ожидаю моего генерала. Писать буду болѣе на будущей почтѣ, теперь прости. Обними сестеръ и брата Павла. Еще разъ прости. Сегодня писать болѣе не въ силахъ.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ.

CXIV.

А. Н. Батюшковой.

24-го (апрѣля 1813 г. Петербургъ).

Любезный другъ, я получилъ твое послѣднее письмо и спѣшу на него отвѣчать. Вчера получилъ и 300 денегъ весьма некстати, ибо въ нихъ болѣе нужды теперь не имѣю, получа отъ Катерины Ѳедоровны долгъ, который однакоже я почти весь истратилъ на покупку офицерскихъ вещей. Все несказанно дорого. Одну простую подкладку изъ краснаго стамета для сюртука я заплатилъ 50 рублей. Едва ли вѣроятно! Сожалѣю отъ всей души о бѣдной Лизаветѣ и о горѣ, которое она терпитъ отъ больныхъ: дай Богъ только ей и дѣтямъ здоровья. О князѣ Вяземскомъ весьма сожалѣю. И здѣсь дошли слухи, что онъ играетъ, и проигралъ тысячъ 50 или болѣе. Къ чему это? Но видно, въ книгѣ судебъ было написано, чтобъ Вяземскій со всѣмъ его умомъ дѣлалъ глупости невѣроятныя. Радуюсь, милый другъ, что ты теперь въ деревнѣ и на волѣ, и въ покоѣ. Еще до тебя просьба и совѣтъ: начни строить потихоньку флигель, отъ саду на лѣво, на горѣ. Право тебѣ жить негдѣ. Домъ и ветхъ, и дуренъ, и опасенъ. Начни только строить и повѣрь, что въ одно лѣто все кончится. Я тебѣ пришлю мои мебели и, что всего для меня важнѣе, книги, ибо я боюсь, чтобъ онѣ здѣсь не растерялись; мои собери опять и всѣ до послѣдней возьми у Павла Алексѣевича. Я ихъ люблю, какъ душу. Здѣсь все по старому, кромѣ болѣзни Павла Львовича, который было занемогъ весьма опасно; теперь онъ поправляется. Барановыхъ видѣлъ вчера; у Луниныхъ бываю, но рѣдко. Катерина Ѳедо-

ровна въ большихъ хлопотахъ о Никитѣ: надобно его отдать въ службу.

Я ожидаю генерала Бахметева и тотчасъ по его пріѣздѣ буду проситься въ армію. Будь здорова, любезный другъ и сестра! Если не полѣнюсь, то съ будущей почтой напишу тебѣ длинное письмо. Кстати, радуюсь, что Аркадій Аполлоновичь вздумалъ идти въ службу, но зачѣмъ въ коммиссаріатъ? Если онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, то прямо ко мнѣ: иначе онъ меня обидитъ. Для перваго случая лучше у меня, нежели въ трактирѣ. Прощай, цѣлую тебя. К. Б.

Этотъ приказъ отошли въ Глуповское.

CXV.

А. Н. Оленину.

3-го мая 1813 г. (Петербургъ).

Ваше превосходительство! Дежурный генералъ при военномъ министрѣ требуетъ отъ меня свидѣтельства, что я дѣйствительно служилъ подъ начальствомъ вашимъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ помощникомъ хранителя манускриптовъ, а нынѣ, высочайшимъ приказомъ отъ 29-го минувшаго марта, принятъ въ военную службу штабсъ-капитаномъ и назначенъ въ адъютанты къ генералъ-лейтенанту Бахметеву, которымъ свидѣтельствомъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство меня снабдить. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почитаніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ.

CXVI.

А. Н. Батюшковой.

(Начала недостаетъ).

17-го мая (1813 г. Петербургъ).

....Между тѣмъ прибавлю еще, что хотя я и принятъ въ службу, но все не знаю, когда отправлюсь въ армію. Конечно, не такъ-то скоро, противъ моего желанія. Я все ожидаю сюда Бахметева. Попроси Павла Алексѣевича, чтобъ онъ исполнилъ мою просьбу о пустошѣ: таковая мѣра необходимо нужна. Онъ меня симъ одолжитъ. Я получилъ черезъ Гнѣдича повѣстку на деньги отъ старосты; на будущей почтѣ писать буду.

Увѣдомь меня, получила ли сестра посылки, а братъ—деньги. Скажу тебѣ мимоходомъ, что я переѣхалъ въ домъ Сиверса, въ Почтамтскую, возлѣ дома Павла Львовича, который ко мнѣ очень ласковъ, за что я ему отъ всей души благодаренъ. Жена его—рѣдкая женщина. Павелъ Львовичъ у меня былъ сію минуту. Будь здорова. Поцѣлуй за меня сестеръ и дѣтей. Прости, до будущей почты. Поздравляю васъ съ именинами вашими. Хотите ли мнѣ сдѣлать весьма пріятный подарокъ? Закажите мнѣ кольцо изъ вашихъ волосъ, всѣхъ трехъ, съ волосами покойной сестры: вы этимъ меня очень одолжите. Но если можно, поскорѣе.

CXVII.

Князю П. А. Вяземскому.

10-го іюня 1813 г. (Петербургъ).

Я съ ума еще не сошелъ, милый другъ, но безпорядокъ моей головы примѣтенъ не одному тебѣ, и ты съ одной стороны правъ, очень правъ! Я поглупѣлъ и очень поглупѣлъ. Отъ чего? Богъ знаетъ. Не могу себѣ отдать отчету ни въ одной мысли, живу безпутно, убиваю время и для будущаго ни одной сладостной надежды не имѣю. Отъ чего это? Богъ знаетъ. Въ карты я не играю. Въ большомъ свѣтѣ бываю по крайней необходимости и въ ожиданіи моего генерала зѣваю, сплю, читаю Исторію Семилѣтней войны, прекрасный переводъ Гомера на италіянскомъ языкѣ, еще лучшій переводъ Лукреція славнымъ Маркетти, Маттисоновы стихи и Виландова Оберона; денегъ имѣю на мѣсяцъ и болѣе, имѣю двухъ-трехъ пріятелей, съ которыми часто говорю о тебѣ, хожу по вечерамъ къ одной любезной женщинѣ, которая меня прозвала сумасшедшимъ, чудакомъ, и зѣваю; сидя возлѣ нея, зѣваю, такъ, мой другъ, зѣваю въ ожиданіи моего генерала, который, надѣюсь, пошлетъ меня зѣвать на биваки, если война еще продолжится, и глупѣю, какъ старая меделянская собака глупѣетъ на привязи. Вотъ мое состояніе нравственное и физическое: оно, право, не завидно! Но ты не правъ съ другой стороны: я писалъ къ тебѣ въ Ярославль и послалъ даже замѣчанія на твое посланіе; получилъ ли ты мое письмо—не знаю. Между тѣмъ радуюсь сердечно, что ты оставилъ берега Волги и переселился на старое пепелище, по истинѣ пепели-

ще! На берегахъ Москвы-рѣки нельзя быть совершенно счастливымъ, но можно найти болѣе пищи и для ума, и для сердца, особливо въ обществѣ почтеннаго семейства Карамзиныхъ, которыхъ судьба привела снова въ Москву, и послѣ какихъ потерь! Дай Богъ для славы нашего отечества, чтобъ Карамзинъ перенесъ съ твердостію, свойственной великой душѣ, его важную утрату—потерю единственнаго сына, прекраснаго малютки. Что же касается до нашего чудака, то я давно съ тобой на его счетъ согласенъ. На что умъ безъ добраго сердца, или лучше сказать, что за умъ безъ сердца? Прекрасный садъ, исполненный цвѣтовъ, но не согрѣтый, не освѣщенный лучами животворнаго солнца. Таковому уму, благодаря Бога, я никогда не завидовалъ, а я, какъ ребенокъ, завидую всему, чего не имѣю. Общество можно сравнить съ большимъ городомъ, людей—съ домами. Надобно жить въ своемъ домѣ, посѣщать нѣкоторые, заглядывать въ другіе, а мимо иныхъ домовъ проходить равнодушно. Не смѣйся моему сравненію. Оно имѣетъ свою цѣну, но я дурно изъяснился, можетъ быть. Мы будемъ любоваться прекрасной архитектурой нѣкоторыхъ зданій, но сохрани насъ Богъ отъ того, чтобы перенести туда домашнихъ своихъ пенатовъ. Ты качаешь головою... Нѣтъ пути въ немъ, онъ право поглупѣлъ! Быть такъ! Я замолчу.

Жуковскаго Пѣвца государыня приказала напечатать на свой счетъ. Готовятъ виньеты. Дашкову поручилъ Дмитріевъ сдѣлать замѣчанія. Я радъ сердечно успѣхамъ нашего балладника: это его оживитъ. Но жалѣю, что онъ много печатаетъ въ Вѣстникѣ. Переводомъ Драйдена я не очень доволенъ; Пѣвецъ, романсъ—лучше всего. Пора ему взяться за что-нибудь поважнѣе и не тратить ума своего на бездѣлки;

онѣ съ нѣкотораго времени для меня потеряли цѣну, можетъ быть—отъ того, что я сталъ менѣе чувствителенъ къ прелести поэзіи и болѣе лѣнивъ духомъ. Притомъ же нашъ пріятель имѣетъ имя въ словесности: онъ заслужилъ уваженіе просвѣщенныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ, но славу надобно поддерживать трудами. Жаль, что онъ ничего путнаго не напишетъ прозою. Это его дѣло. Подстрекай его самолюбіе какъ можно болѣе, не давай ему заснуть въ Бѣлевѣ на балладахъ: вотъ подвигъ, достойный дружбы, достойный тебя! Я это говорю весьма серьезно. Пришли мнѣ свою балладу на зубокъ. Благодарю за басню: она очень хороша, кромѣ послѣднихъ двухъ стиховъ. Пришли все, что напишешь; я съ нетерпѣніемъ буду ожидать посланія къ княгинѣ, которой прошу сказать мое душевное почитаніе. Напомни обо мнѣ Катеринѣ Андреевнѣ и Карамзину, и всѣмъ знакомымъ. Видишь ли ты Пушкину? Что она дѣлаетъ на развалинахъ Москвы? Поклонись ей отъ меня. Къ моему генералу я писалъ недавно; получилъ ли онъ мое письмо—не знаю. Посылаю тебѣ, изъ благодарности за поправки, двѣ басни Крылова, которыя, можетъ быть, тебѣ еще неизвѣстны. Жуковскій не все счастливо поправилъ; иное испортилъ, а иное лучше сдѣлалъ и подалъ мнѣ новыя мысли. Прости, будь здоровъ и не забывай твоего Батюшкова.

CXVIII.

В. А. Жуковскому.

30-го іюня 1813 г. (Петербургъ).

Тургеневъ провелъ сегодня вечеръ у графа Строганова вмѣстѣ со мною и такъ занемогъ, что писать къ тебѣ, мой добрый Василій Андреевичъ, не въ силахъ, а писать есть о чемъ: слухъ носится, что тебѣ назначена Анна 2-го класса, и Тургеневъ тебя велѣлъ съ ней поздравить; онъ слышалъ отъ служащихъ при военномъ министрѣ о сей государевой милости. Дай обнять тебя, старый мой другъ! Дай раздѣлить съ тобою твою радость, радость, ибо пріятно получить то, что заслужилъ; а ты, нашъ балладникъ, чудесъ надѣлалъ, если не шпагою, то лирой. Ты на полѣ Бородинскомъ pro patria подставилъ одну изъ лучшихъ головъ на сѣверѣ и доброе, прекрасное сердце. Слава Богу! Пули мимо пролетѣли: самъ Фебъ тебя спасъ. Будь же благодаренъ: пиши, и пиши болѣе, но что-нибудь поважнѣе, и менѣе печатай въ Вѣстникѣ: онъ не стоитъ твоихъ стиховъ, и тебѣ пора заняться предметомъ, достойнымъ твоего таланта. Вотъ совѣтъ человѣка, который и тебя, и дружбу твою уважаетъ, и тобой, какъ Русскій и какъ пріятель, гордится.

Еще два слова: сегодня Оленинъ, которому И. И. Дмитріевъ поручалъ нарисовать для Пѣвца виньеты, показывалъ мнѣ сдѣланные имъ рисунки. Они прекрасны, и ты ими будешь доволенъ. Жаль, что изданіе не прежде мѣсяца готово будетъ. На одномъ изъ виньетовъ изображенъ вдали станъ при лунномъ сіяніи и въ облакахъ тѣни Петра, Суворова и Святослава, геніевъ Россіи.

Твои куплеты подали идею сего рисунка. Прости, еще разъ прости и не забывай твоего Батюшкова.

CXIX.

Е. Г. Пушкиной.

30-го іюня 1813 г. (Петербургъ).

Какъ вы несправедливы! Вы написали ко мнѣ одно лишнее письмо и тотчасъ заключили, что я васъ забылъ. Я виноватъ съ одной стороны, съ другой правъ. Вотъ мое оправданіе: вы всегда спокойны, для васъ нѣтъ сердечныхъ бурь; день придетъ тихо и тихо изчезнетъ посреди людей любезныхъ душѣ вашей. Со мною иначе: я часто кружусь въ вихрѣ—не день, но цѣлый мѣсяцъ, настежь отворяю двери всѣмъ страстямъ, всѣмъ желаніямъ; ищу радостей, бѣгу самого себя и страдаю, страдаю, какъ лишенный ума. Въ такія минуты могу ли писать къ вамъ? Скажите? Могу ли отдать вамъ отчетъ въ одной мысли, въ одномъ благородномъ чувствованіи? Нѣтъ, конечно, нѣтъ! И вотъ зачѣмъ не пишу къ вамъ. Но вы, вы должны писать: иначе вы будете несправедливы и прибавите невольно еще одно огорченіе или печальное воспоминаніе. Вы говорите о дружбѣ, какъ ангелъ. Знаете ли, что я дурной человѣкъ? Мое перо на привязи; я боюсь говорить откровенно, когда дѣло идетъ обо мнѣ, и я таковъ со всѣми; а вы безпрестанно требуете откровенности. Какъ? Вы хотите, чтобъ я разсказалъ вамъ подробно все, что я дѣлаю, что думаю, и то, чего не дѣлаю и чего не думаю? Это дѣло невозможное. Но какъ отъ чистаго сердца сожалѣю, что васъ нѣтъ въ Петербургѣ! Я сильно чувствую утрату Москвы

и Нижняго. Въ вашемъ прелестномъ для меня обществѣ я находилъ сладостныя, неизъяснимыя минуты и горжусь мыслію, что женщина какъ вы, съ добрымъ сердцемъ, съ просвѣщеннымъ умомъ и, можетъ быть, съ твердымъ, постояннымъ характеромъ, любила угадывать всѣ движенія моего сердца и часто была мною довольна. Здѣсь, напротивъ того, нѣтъ ни одного человѣка, который бы хотѣлъ заняться мною. (Вы слишкомъ меня и себя уважаете, чтобъ отнести это прямо на счетъ моего самолюбія). Точно нѣтъ никого, кто бъ могъ меня разумѣть. Къ этому прибавьте еще другія неудовольствія, и главное, вѣчную борьбу съ судьбою; она меня никогда не баловала, а я, я—большой баловень. Я самъ люблю себя ласкать: иначе бы мое самолюбіе заснуло, и тогда прощай все прекрасное, все великое, все достойное человѣка! По чести, я не очень счастливъ. Все въ жизни мнѣ удавалось, какъ въ военной службѣ. Что я здѣсь дѣлаю? Зачѣмъ я потерялъ столько времени? Потерялъ цѣлую кампанію въ бездѣйствіи, въ безпрестанномъ ожиданіи! Но должно повиноваться року и подъ часъ кричать съ Панглоссомъ: все къ лучшему!

Скажите мнѣ, гдѣ вы намѣрены провести лѣто и какъ? Вяземскій васъ видитъ часто. Я ему завидую въ этомъ. Онъ счастливъ, говорите вы, и послѣ себѣ не довѣряете. Я, напротивъ того, вѣрю его благополучію и желаю, чтобъ оно продлилось долѣе. Неудовольствія, которыя онъ навлекъ солью самъ, дали ему маленькую опытность, а безъ ней, какъ ночью безъ свѣчи, нельзя читать въ книгѣ жизни. Есть, правда, головы, для которыхъ опытность не существуетъ; изъ числа таковыхъ и моя, которую повергаю къ ногамъ вашимъ. Напомните обо мнѣ Алексѣю Михайловичу. Простите! Сохраните меня въ памяти вашей навсегда, если это возможно. Конечно,

возможно! C'est dans le coeur des femmes qu'habitent les longs souvenirs, сказала m-me Stael. Дай Богъ, чтобъ она сказала правду, хотя одинъ разъ въ жизни.

Я цѣлый день бродилъ по дачамъ съ Тургеневымъ и такъ усталъ, что на силу кончилъ письмо. Меня ожидаетъ постеля и сонъ; пожелайте, чтобъ онъ былъ пріятенъ: и сны имѣютъ свою цѣну и прелесть. Простите! Засыпаю и еще думаю о васъ; это письмо я запечатаю завтра и все буду думать о васъ. Зачѣмъ же ваши упреки? Они несправедливы, признайтесь!

CXX.

А. Н. Батюшковой.

14-го іюля 1813 г. (С.-Петербургъ).

Послѣднее письмо твое, писанное тобою на канунѣ отъѣзда въ Вологду, я получилъ, любезный другъ, и благодарю тебя за дружбу и любовь. Теперь скажу тебѣ, что мой генералъ пріѣхалъ, и я у него бываю ежедневно, а что касается до отправленія моего въ армію, то я ничего не знаю, ибо это отъ него зависитъ совершенно, а мое дѣло повиноваться и ѣхать, чего я съ нетерпѣніемъ ожидаю. Здѣшняя жизнь мнѣ наскучила; проживаю деньги безъ удовольствія и безъ пользы, и надежды для будущаго нѣтъ. Но буди воля Господа! Какъ Ему угодно; Онъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Сегодня я ѣду съ Павломъ Львовичемъ въ Царское Село, гдѣ живетъ Катерина Ѳедоровна: я еще у нея ни разу не былъ тамъ. Поцѣлуй за меня Вареньку отъ всего сердца; благодарю ее за приписаніе. Пиши ко мнѣ чаще и болѣе; да скажи хоть слово о домѣ, начали ли

его строить или нѣтъ? Пора бы начать. Павелъ Алексѣевичъ долженъ весьма ускорить присылкою вѣрющаго письма на имѣніе: оно можетъ меня здѣсь не застать, если еще замедлитъ. Бога ради постарайся о пустошѣ, еще разъ прошу тебя; мнѣ деньги весьма нужны въ арміи. Занять негдѣ и нельзя. Не могу повѣрить, чтобъ нельзя было продать лоскута земли. Засимъ цѣлую тебя и остаюсь твой Конст. Б.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ.

CXXI.

Н. И. Гнѣдичу.

(Сентябрь—октябрь 1813 г. Теплицъ).

Надобно имѣть желѣзную голову и всевозможную добрую волю, чтобъ писать теперь въ моемъ положеніи къ тебѣ, милый другъ. Послѣ путешествія самаго безпокойнаго и скучнаго на Вильну, Варшаву, потомъ Силезію, Бригъ и Глацъ, прибылъ я въ прекрасный городъ Прагу, гдѣ нашелъ князя Гагарина весьма кстати, ибо дорогой проѣхавъ всѣ деньги,—а мнѣ прогоновъ дано было только до Рейхенбаха,—находился я въ горестномъ положеніи. Князь Гагаринъ помогъ мнѣ самымъ великодушнымъ образомъ, за что я ему буду вѣчно благодаренъ. Онъ предложилъ мнѣ до 100 червонныхъ, я взялъ 30 и кое-какъ доплылъ до главной квартиры подъ Дрезденъ, гдѣ сдалъ мои депеши исправно. Наконецъ явился я къ главнокомандующему и былъ отъ него отправленъ къ генералу Раевскому. Онъ меня принялъ ласково и велѣлъ остаться при себѣ; я нахожусь те-

перь при его особѣ и въ сраженіяхъ отправляю должность адъютанта. Успѣлъ быть въ двухъ дѣлахъ: въ авангардномъ сраженіи подъ Доной, въ виду Дрездена, гдѣ чуть не попалъ въ плѣнъ, наскакавъ нечаянно на французскую кавалерію, но Богъ помиловалъ; потомъ близь Теплица въ сильной перепалкѣ. Говорятъ, что я представленъ къ Владиміру, но объ этомъ еще ни слова не говори, пока не получу. Не знаю, заслужилъ ли я этотъ крестъ, но знаю то, что заслужить награжденіе при храбромъ Раевскомъ лестно и пріятно. Отгадай, кого я здѣсь нашелъ? Старыхъ пріятелей: Бориса Княжнина, Писарева и добраго, честнаго и храбраго Дамаса. Они всѣ въ 3-мъ гренадерскомъ корпусѣ, которымъ командуетъ генералъ Раевскій, и я ихъ всякій день вижу. Писаревъ не перемѣнился. Все веселъ по старому и храбръ по старому. Генералъ меня посылалъ къ нему съ приказаніемъ во время сраженія, и я любовался, глядя на него. Скажу тебѣ въ добавокъ, что мы въ безпрестанномъ движеніи, но теперь остановились лагеремъ въ виду Теплица, на полѣ славы и побѣды, усѣянномъ трупами жалкихъ Французовъ, жалкихъ потому, что на нихъ только кожа да кости. Какая разница нашъ лагерь! Нельзя равнодушно смотрѣть на три сильные народа, которые соединились въ первый разъ для славнаго дѣла, въ виду своихъ государей, и какихъ государей! Нашъ императоръ и король Прусскій нерѣдко бываютъ подъ пулями и ядрами. Я самъ имѣлъ счастіе видѣть великаго князя подъ ружейными выстрѣлами. Таковые примѣры могутъ одушевить мертвое войско, а наша армія дышетъ славою. Пруссаки чудеса дѣлаютъ. Однимъ словомъ, ни труды, ни грязь, ни дороговизна, ни малое здоровье не заставляютъ меня жалѣть о Петербургѣ, и я вѣчно буду благодаренъ Бах-

метеву за то, что онъ мнѣ доставилъ случай быть здѣсь. Обними за меня Дашкова и попроси его меня не забывать. Поклонись бѣсу Жихареву, Никольскому и всѣмъ добрымъ друзьямъ и пріятелямъ. Тургеневу напомни обо мнѣ: онъ часто забываетъ. Николаю и Сергѣю поклонъ.

CXXII.

Н. И. Гнѣдичу.

30-го октября 1813 г. Веймаръ.

Отъ тебя, отъ родныхъ, отъ друзей ни строки не получилъ я со дня моего отъѣзда изъ Россіи. Нѣтъ, а не могу и думать, что вы меня забыли. Письма пропадаютъ или еще не дошли, что всего вѣроятнѣе, по слѣдующимъ причинамъ: съ самаго Теплица мы въ сраженіи, а теперь главная квартира отъ насъ миль за 20. Я начну мой разсказъ по порядку, какъ слѣдуетъ. Слушай и заглядывай на карту.

Оставя Богемію, мы вошли въ Саксонію черезъ Маріенбергъ, Тшопау, Хемницъ, прекрасный городъ, гдѣ прохлаждались нѣсколько часовъ, какъ Аннибалъ въ Капуѣ; потомъ остановились въ Борнѣ. Непріятель шелъ прямой дорогой къ Лейпцику, и мы туда подвинулись. Кавалерія дралась до насъ за день. Наконецъ 4-го числа въ 9 часовъ утра началось жаркое дѣло. Съ самаго утра я былъ на конѣ. Генералъ осматривалъ посты и выстрѣлы фланкеровъ изъ любопытства, разъѣзжалъ нѣсколько часовъ сряду подъ ядрами, подъ пулями въ прусской цѣпи, и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ ужаснѣйшаго сраженія. Въ полдень одна гренадерская дивизія послана на лѣвый флангъ. Раевскій принялъ

команду. Огонь ужасный! Ядра и гранаты сыпались, какъ градъ. Иныя минуты напоминали Бородино. Часу въ 3-мъ начали свистать пули. Мы находились противъ густой цѣпи непріятеля, и я снова имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ храбрости нашихъ гренадеровъ. Самъ Раевскій въ восхищеніи отъ Писарева, и я признаюсь тебѣ, что хладнокровнѣе и веселѣе его никого въ дѣлѣ не видалъ. Хвала его товарищамъ Дамасу и Левину, и другимъ! У Писарева прострѣлена шляпа и двѣ сильныя контузіи въ ногу; не смотря на это, онъ остался въ дѣлѣ до конца. Признаюсь тебѣ, что для меня были ужасныя минуты, особливо тѣ, когда генералъ посылалъ меня съ приказаніями то въ ту, то въ другую сторону, то къ Пруссакамъ, то къ Австрійцамъ, и я разъѣзжалъ одинъ по грудамъ тѣлъ убитыхъ и умирающихъ. Не подумай, чтобъ это была риторическая фигура. Ужаснѣе сего поля сраженія я въ жизни моей не видалъ и долго не увижу. При концѣ дня генералъ сказалъ мнѣ: «Я раненъ, я раненъ!» и съ этимъ словомъ наклонился на лошадь. Я осмотрѣлъ грудь и ужаснулся, увидя кровь. Я почитаю, я люблю Раевскаго. Лишиться его—это ужасно! И въ какую минуту! Я поскакалъ за лѣкаремъ. Въ ближней деревнѣ его перевязали и нашли—чудное дѣло!—что пуля, ударомъ пробивъ шинель на клеенкѣ и мундиръ, не могла пронзить фуфайки на ваткѣ. Не менѣе того рана глубока, и кровь безпрестанно струилась. Мы возвратились на квартиру и отдохнули. 5-го числа, вопреки совѣтовъ доктора, генералъ сѣлъ на коня и поѣхалъ по батареи. Этотъ день въ лагерѣ было спокойно. Все поле сраженія удержано нами и усѣяно мертвыми тѣлами. Ужасный и незабвенный для меня день! Первый гвардейскій егерь сказалъ мнѣ, что Петинъ убитъ. Петинъ, добрый, милый товарищъ трехъ похо-

довъ, истинный другъ, прекрасный молодой человѣкъ, скажу болѣе: рѣдкій юноша. Эта вѣсть меня разстроила совершенно и на долго. На лѣвой рукѣ отъ батарей, вдали была кирка. Тамъ погребенъ Петинъ, тамъ поклонился я свѣжей могилѣ и просилъ со слезами пастора, чтобъ онъ поберегъ прахъ моего товарища. Мать его умретъ съ тоски. 6-го числа Французы отступили къ Лейпцику. Генералъ съ утра былъ на конѣ, но на сей разъ онъ былъ счастливѣе. Ядра свистали надъ головой, и все мимо. Дѣло часъ отъ часу становилось жарчѣе. Колонны наши подвигались торжественно къ городу. По всему можно было угадать разстройство и нерѣшимость Наполеоновыхъ войскъ. Какая ужасная и великолѣпная картина! Вдали Лейпцикъ съ высокими башнями, кругомъ его гремятъ три сильныя арміи: Шварценберга, гдѣ находились и мы, Бенигсена—на право, а за Лейпцикомъ—наслѣднаго принца. И всѣ три арміи, какъ одушевленныя предчувствіемъ побѣды, въ чудесномъ устройствѣ, тѣснили непріятеля къ Лейпцику. Онъ былъ окруженъ, разбитъ, бѣжалъ. Ты знаешь послѣдствія сихъ сраженій. Мы побѣдили совершенно.

И Русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога!

7-го числа поутру рано генералъ послалъ меня въ Бернадотову армію навѣдаться о сынѣ. Я объѣхалъ весь Лейпцикъ кругомъ и видѣлъ всѣ военные ужасы. Еще свѣжее поле сраженія, и какое поле! Слишкомъ на пятнадцать верстъ кругомъ, на каждомъ шагу грудами лежали трупы человѣковъ, убитыя лошади, разбитые ящики и лафеты. Кучи ядеръ и гренадъ и вопль умирающихъ.

Ce sont là jeux de prince.

Въ эту поѣздку со мной былъ странный случай. Я

ѣхалъ съ казакомъ, какъ обыкновенно. Миновавъ нашу армію и примкнувъ къ Бениксоновой, я пустился далѣе — къ принцу. Вотъ подъѣзжаю къ деревнѣ (Бениксонова армія уже кончилась); проѣзжаю деревню, лѣсъ и вижу нѣсколько батальоновъ пѣхоты; ружья сомкнуты въ козлы, кругомъ огни. Мнѣ показалось, что это Пруссаки; я—къ нимъ. «Гдѣ проѣхать въ шведскую армію?» «Не знаю», отвѣчалъ мнѣ офицеръ во французскомъ мундирѣ, — «здѣсь вы не проѣдете». «Но какое это войско?» спросилъ я, показавъ на окружающихъ меня солдатъ, которые вокругъ меня толпились и пожирали глазами незнакомца. «Мы—Саксонцы». «Саксонцы!» Боже мой! Саксонцы, подумалъ я, блѣдняя, какъ нѣкто надъ святцами, такъ я заѣхалъ самъ въ плѣнъ! И, не говоря ни слова, поворотилъ коня назадъ, размышляя: если поскачу, то они дадутъ по мнѣ залпъ, и тогда прощай, Гнѣдичъ!

И птички для меня въ послѣднее пропѣли.

Нѣтъ, лучше шагомъ, — авось они меня примутъ за Баварца, за Италіянца, хуже—за Француза, если хотятъ, только не за Русскаго. Сказано—сдѣлано. «Что съ вашимъ благородіемъ сдѣлалось, какъ платъ поблѣднѣли», сказалъ мнѣ мой казакъ,—«ужли это непріятель?» «Молчи, уродъ!» отвѣчалъ я ему на ухо. Отъѣхалъ нѣсколько шаговъ и встрѣтилъ австрійскаго офицера. «Ради всѣхъ моравскихъ, семигорскихъ, богемскихъ, венгерскихъ и кроатскихъ чудотворцевъ, скажите мнѣ, что это за войско, какіе Саксонцы, гдѣ я, и куда вы ѣдете?»... «Бассамтарата тарара!» вскричалъ мой Венгръ. «Это Саксы, что вчера передались съ пушками и съ конями». Я отдохнулъ. Какъ гора съ плечъ! Воротился назадъ, пожелалъ новымъ товарищамъ доброе

утро и хохоталъ съ ними во все горло, разсказывая мою ошибку и запивая ихъ водкою мой страхъ и отчаяніе. Въ этотъ день, объѣхавъ кругомъ со всѣхъ сторонъ многоученый и многострадальный Лейпцикъ, я не успѣлъ въ немъ побывать ни на минуту, не успѣлъ взглянуть на жилище Тургеневыхъ и, погоняя лошадь то шпорой, то хлыстомъ, дотащился до генерала, который все слѣдовалъ за войскомъ, не желая никакъ разстаться съ своими гренадерами, которые его обожаютъ. Подъѣзжая къ Наумбургу, ему сдѣлалось хуже, на другой день еще хуже: къ ранѣ присоединилась горячка. Боль усилилась, и онъ остановился въ деревнѣ, неподалеко маленькаго городка Камбурга, гдѣ лежалъ семь дней. Я былъ въ отчаяніи и умиралъ со скуки въ скучной деревнѣ. Наконецъ, мы перенесли генерала въ Веймаръ, и ему стало легче, хотя рана и не думаетъ заживать. Кости безпрестанно отдѣляются, но лѣкарь говоритъ, что онъ будетъ здоровъ. Дай Богъ! Этотъ человѣкъ нуженъ для отечества. Слушай далѣе!

Мы теперь въ Веймарѣ дней съ десять; живемъ покойно, но скучно. Общества нѣтъ. Нѣмцы любятъ Русскихъ, только не мой хозяинъ, который меня отравляетъ ежедневно дурнымъ супомъ и вареными яблоками. Этому помочь не возможно; ни у меня, ни у товарищей нѣтъ ни копѣйки денегъ, въ ожиданіи жалованья. Въ отчизнѣ Гёте, Виланда и другихъ ученыхъ я скитаюсь, какъ Скиѳъ. Бываю въ театрѣ изрѣдка. Зала недурна, но бѣдно освѣщена. Въ ней играютъ комедіи, драмы, оперы и трагедіи, послѣднія—очень недурно, къ моему удивленію. Донъ-Карлосъ мнѣ очень понравился, и я примирился съ Шиллеромъ. Характеръ Донъ-Карлоса и королевы прекрасны. О комедіи и оперѣ ни слова. Драмы играются рѣдко, по причинѣ дороговиз-

ны кофея и съѣстныхъ припасовъ; ибо ты помнишь, что всякая драма начинается завтракомъ въ первомъ дѣйствіи и кончится ужиномъ. Здѣсь лучше всего мнѣ нравится дворецъ герцога и англійскій садъ, въ которомъ я часто гуляю, не смотря на дурную погоду. Здѣсь Гёте мечталъ о Вертерѣ, о нѣжной Шарлоттѣ; здѣсь Виландъ обдумывалъ планъ Оберона и леталъ мыслію въ области воображенія; подъ сими вязами и кипарисами великіе творцы Германіи любили отдыхать отъ трудовъ своихъ; подъ сими вязами наши офицеры бѣгаютъ теперь за дѣвками. Всему есть время. Гёте я видѣлъ мелькомъ въ театрѣ. Ты знаешь мою новую страсть къ нѣмецкой литературѣ. Я схожу съ ума на Фоссовой Луизѣ; надобно читать ее въ оригиналѣ и здѣсь, въ Германіи. Книги вообще дороги, особливо для насъ, бѣдняковъ, хотя здѣсь фабрика книгъ. Третьяго дня пріѣхала въ Веймаръ великая княгиня Марья Павловна. Я былъ ей представленъ съ малымъ числомъ русскихъ офицеровъ, здѣсь находящихся. Она со всѣми говорила и очаровала насъ своею привѣтливостію, и къ общему удивленію — на русскомъ языкѣ, на которомъ она изъясняется лучше, нежели наши великолѣпныя петербургскія дамы.

Вчера прибыла сюда великая княгиня Екатерина Павловна, и мы были ей представлены. Мое имя, не знаю почему, извѣстно ея высочеству, и я имѣлъ счастіе говорить съ нею о егерскомъ полку, въ которомъ она всѣхъ офицеровъ помнитъ. Князь Гагаринъ насъ представлялъ. Я ему обрадовался какъ знакомому и провелъ съ нимъ утро у Раевскаго. Въ свободное ему время постараюсь съ нимъ увидѣться и поговорить о тебѣ и о петербургскихъ знакомыхъ.

Вотъ, мой другъ, нѣсколько строкъ изъ моей Одис-

сеи, которая скучна и непріятна въ иное время, въ другое—довольно забавна. Когда придетъ желанный миръ, и мы снова засядемъ съ тобою у камина, раскуримъ наши трубки, пальемъ по чашкѣ чаю (а онъ теперь намъ въ диковину) и станемъ разсказывать о томъ, о семъ и не безъ шума? Тогда-то буду я подобенъ Улиссу, видѣвшему страны отдаленныя и народы чуждые, но я буду еще плодовитѣе царя Итакскаго и не пропущу ни одного приключенія, ни одного обѣда, ни одного дурнаго ночлега: я все перескажу! Въ ожиданіи сего счастливаго времени, для отдыха, ѣздимъ мы въ Эрфуртъ любоваться бомбардированіемъ города Пруссаками, храбрыми Пруссаками, пьемъ жидкій кофе съ жидкимъ молокомъ, обѣдаемъ въ трактирѣ по праздникамъ, перевязываемъ генерала ежедневно, ходимъ зѣвать одинъ къ другому, бранимся и споримъ о фуражѣ, зѣваемъ, глядя на проходящихъ мимо солдатъ и плѣнныхъ Французовъ и щупаемъ кухарокъ отъ скуки. День тащится за днемъ, время проходитъ, и часъ свиданія рано ли, поздно ли настанетъ.

Я представленъ къ Аннѣ за послѣднія дѣла и къ Владиміру—за первыя. Получу ли ихъ—Богъ знаетъ, а если получу, то буду награжденъ съ избыткомъ. Вотъ все, что имѣю сказать о себѣ интереснаго. Напомни обо мнѣ Лизаветѣ Марковнѣ и Алексѣю Николаевичу и всѣмъ его дѣтямъ, и домашнимъ. Не забудь поклониться Тургеневымъ, Дашкову, Крылову, Жихареву, Ермолаеву и всѣмъ, кто обо мнѣ еще помнитъ. Еще нѣсколько словъ: Муромцовъ далъ мнѣ письма для пересылки ихъ въ Петербургъ: одно изъ нихъ—шлемоносному Жихареву. Они оба состарѣлись у меня въ записной книжкѣ. Отправь это письмо къ сестрѣ и адресуй мнѣ отвѣтъ прямо на имя его высокопревосходи-

тельства Николая Николаевича Раевскаго, для вручения Батюшкову, ибо я надѣюсь, что ты мнѣ будешь писать обо всемъ обстоятельно; я требую этого отъ твоей дружбы. Дай себя еще разъ обнять и пожелать тебѣ мира душевнаго, счастливыхъ гекзаметровъ и счастливаго успѣха въ любви къ прелестнѣйшей изъ женщинъ, которой ты, конечно, достоинъ.

P. S. Я надѣюсь, что ты не напечатаешь моего письма въ Вѣстникѣ или въ Сынѣ Отечества, по примѣру друзей, которые въ перепискѣ съ военными; а эти военные на досугѣ выхваляютъ своихъ генераловъ, ихъ великіе подвиги и пр. и пр. и пр., или, по примѣру Писарева, который извѣщаетъ публику о своихъ дѣлахъ сухимъ слогомъ. Но я все ему прощаю за его примѣрную неустрашимость. А не могу простить нашимъ журналистамъ ихъ вранья, отъ котораго я боленъ сдѣлался здѣсь въ Веймарѣ. Гагаринъ мнѣ подарилъ нѣсколько нумеровъ Сына Отечества и Вѣстника Европы. Одинъ другаго лучше!

Замѣть, что мое письмо было написано назадъ тому съ недѣлю, но я не имѣлъ времени его кончить.

Пришли мнѣ нѣсколько страницъ изъ Гомера, если ты перевелъ что-нибудь новое, но только гекзаметрами. Нѣмцы меня къ нимъ совершенно пріучили. Скажи Крылову, что ему стыдно лѣниться: и въ арміи его басни всѣ читаютъ наизусть. Я часто ихъ слышалъ на бивакахъ съ новымъ удовольствіемъ. Вамъ надобно пріучать насъ къ языку русскому, вамъ должно прославлять наши подвиги, и между тѣмъ какъ наши воины срываютъ пальмы побѣды, вамъ надобно приготовлять имъ чистѣйшее удовольствіе ума и сердца. Конечно, и у насъ есть отличныя дарованія: великій Хвостовъ, маленькій и большой Львовы, Гераковъ, Ша-

ликовъ, Грузинцовъ, Висковатовъ и пр., но я ими все что-то не очень доволенъ. Впрочемъ, на всѣ вкусы не угодишь: одному—одно, другому—другое.

Дай Поллуксу коней, дай Кастору бойцовъ!

Между тѣмъ прости, до свиданія, дай себя обнять. Еще разъ поклонись Дашкову.

Отправь письмо къ батюшкѣ съ письмомъ къ сестрѣ; она его перешлетъ.

CXXIII.

А. Н. Батюшковой.

10-го ноября 1813 г. Веймаръ.

Нѣсколько разъ принимался я писать къ тебѣ, любезный другъ и сестра, но все напрасно, потому что мы были въ безпрестанномъ движеніи отъ Теплица къ Лейпцику, гдѣ было жестокое сраженіе, и потомъ отъ Лейпцика къ Веймару. Генералъ Раевскій былъ раненъ очень тяжело подъ Лейпцикомъ, но теперь, слава Богу, ему получше, и я надѣюсь, что въ скоромъ времени онъ будетъ совершенно здоровъ. Меня Богъ помиловалъ: ни я, ни лошадь моя не были ни разу задѣты среди самаго сильнаго огня, въ которомъ когда-либо въ жизни моей я находился. Но во время Лейпцикскаго сраженія я потерялъ добраго пріятеля Петина. Онъ убитъ пулею на повалъ, и сія потеря меня до сихъ поръ разстроиваетъ. Мы теперь въ Веймарѣ, болѣе трехъ недѣль живемъ праздно, между тѣмъ какъ генералъ лѣчится. Здѣсь были обѣ великія княгини—Марія Павловна и Екатерина Павловна, и мы

обѣимъ имѣли счастіе представляться. Главная квартира въ Франкфуртѣ на Майнѣ, куда и мы скоро поѣдемъ. Конечно, любезный другъ, ты не будешь требовать отъ меня описанія всего похода, который я тебѣ разскажу у камина, когда возвращусь благополучно къ вамъ, любезные друзья, что не такъ-то скоро будетъ! Французы разбиты, но миръ еще не близокъ, а до тѣхъ поръ я не могу оставить службы. Что касается до меня лично, любезный другъ, то я ежедневно благодарю Провидѣніе: первое—за то, что оно меня сохраняетъ для тебя, второе—за то, что я служу при генералѣ, который дѣлаетъ честь русскому войску, котораго уважаетъ государь и всѣ подчиненные любятъ. Онъ ко мнѣ всегда равно благосклоненъ и представилъ меня за первыя два дѣла къ Владиміру съ бантомъ, за Лейпцикъ къ Аннѣ на шею. Если получу сіи знаки отличія, то буду съ избыткомъ награжденъ; если и не получу ихъ, то мнѣ будетъ утѣшно вспоминать, что я находился при храбромъ Раевскомъ и заслужилъ его вниманіе. Онъ недавно произведенъ въ генералъ-аншефы. Будь же спокойна на мой счетъ, милый другъ, Провидѣніе—нашъ покровитель. Оно спасало насъ отъ бѣдъ и злополучій, оно насъ научило терпѣнію, оно и теперь насъ не покинетъ: ни тебя, ни милую Вареньку, которой отъ всей души желаю добраго мужа. Не упускай случая сдѣлать ея счастіе и обрадуй меня при возвращеніи въ отчизну. Обними милую Лизавету Николаевну и малютокъ ея. Поблагодари брата за его дружбу и скажи ему, что среди шуму военнаго, среди безпокойной жизни, всегда и вездѣ я благодарилъ Бога за то, что бѣдная Лиза имѣетъ въ немъ защитника, и вы также, милые друзья мои. Что скажу о дѣлахъ домашнихъ? Ни слова. Оброкъ, если

будетъ, поберегите для моего возврата: тогда я буду имѣть въ немъ большую нужду, а теперь пробиваюсь кое-какъ жалованьемъ. Деньги пересылать въ армію весьма затруднительно. Я весь обносился бѣльемъ. Приготовь мнѣ дюжину рубашекъ домашняго тонкаго полотна съ батистомъ, 12 паръ платковъ, поболѣе простынь, чулокъ и проч., и если можно, щегольской халатъ на ватѣ, въ которомъ я буду отдыхать отъ трудовъ военныхъ. Но это все для возвращенія. Что дѣлаетъ домъ нашъ? Если новаго не начали строить, то построй для меня флигель, но опрятный, а работниковъ возьми въ деревняхъ моихъ. Обей бумажками и убери по возможности. Это все для тебя пригодится. Теперь надобно вамъ сдѣлать строгій выговоръ. Со дня моего отъѣзда ни одного письма отъ васъ не имѣю и даже не смѣю думать о вашемъ молчаніи. Конечно, письма потерялись или не дошли. Знаешь ли мою новую страсть? Нѣмецкій языкъ. Я нынѣ, живучи въ Германіи, выучился говорить по нѣмецки и читаю все нѣмецкія книги; не удивляйся тому. Веймаръ есть отчизна Гете, сочинителя Вертера, славнаго Шиллера и Виланда; здѣсь прекрасная библіотека, театръ и англійскій садъ, въ которомъ часто гуляю, ибо снѣгу здѣсь почти нѣтъ во всю зиму, а на Рейнѣ еще менѣе. Жаль, что у меня мало денегъ; здѣсь всѣ товары, какъ-то: ситцы, сукно и проч., дешевы, но купить не на что и нельзя везти. Говорятъ, что Никита здѣсь въ арміи. Дай Богъ, чтобъ онъ былъ живъ и здоровъ и утѣшалъ мать свою и сдѣлался достойнымъ сыномъ достойнѣйшаго изъ людей. Еще разъ обнимаю тебя и сестеръ, и брата и прошу любить и помнить вашего друга. Константинъ.

Кончилъ 15-го ноября.

CXXIV.

Н. И. Гнѣдичу.

16-го—28-го генваря 1814 г. Département du Haut-Rhin или Старая Альзасъ, у крѣпости Бефора, деревня Fontaine, на канунѣ новаго года, то-есть, 31-го декабря стараго стиля.

Итакъ, мой милый другъ, мы перешли за Рейнъ, мы во Франціи. Вотъ какъ это случилось: въ виду Базеля и горъ, его окружающихъ, въ виду крѣпости Гюнинга мы построили мостъ, отслужили молебенъ со всѣмъ корпусомъ гренадеръ, закричали у р а! и перешли за Рейнъ. Я нѣсколько разъ оборачивался назадъ и дружественно прощался съ Германіей, которую мы оставляли, можетъ быть, и на долго, съ жадностію смотрѣлъ на предметы, меня окружающіе, и нѣсколько разъ повторялъ съ товарищами: наконецъ, мы во Франціи! Эти слова: мы во Франціи—возбуждаютъ въ моей головѣ тысячу мыслей, которыхъ результатъ есть тотъ, что я горжусь моей родиной въ землѣ ея безразсудныхъ враговъ. Въ этой сторонѣ Альзаса жители говорятъ по французски. Вообрази себѣ ихъ удивленіе. Они думали, по невѣжеству—разумѣется, что Русскіе ихъ будутъ жечь, грабить, рѣзать, а Русскіе, напротивъ того, соблюдаютъ строгій порядокъ и обращаются съ ними ласково и дружелюбно. За то и они угощаютъ насъ, какъ можно лучше. Мой хозяинъ, жена его, дѣти подчиваютъ виномъ, салатомъ, яблоками и часто говорятъ, трепля по плечу: «Vous êtes de braves gens messieurs!» Хозяйка, старуха лѣтъ шестидесяти, спрашивала меня въ день моего прибытія: «Mais les Russes, monsieur, sont-ils chrétiens comme nous autres?» Этотъ

вопросъ можно сдѣлать имъ, но я промолчалъ. Впрочемъ, я не могу надивиться ихъ живости, скорымъ и умнымъ отвѣтамъ, скажу болѣе—ихъ учтивости и добродушію. Надобно видѣть, съ какимъ любопытствомъ они смотрятъ на нашихъ гренадеръ, а особливо на казаковъ, какъ замѣчаютъ ихъ малѣйшія движенія, ихъ разговоры. Все такъ, любезный другъ, но сердце не лежитъ у меня къ этой сторонѣ: революція, всемірная война, пожаръ Москвы и опустошенія Россіи меня навсегда поссорили съ отчизной Генриха IV, великаго Расина и Монтаня.

Въ послѣдній разъ я писалъ къ тебѣ изъ Веймара, гдѣ лѣчился мой генералъ. Изъ Веймара мы поѣхали на Франкфуртъ, Мангеймъ, Карлсругэ, Фрейбургъ и Базель. Я видѣлъ Швабію, садъ Германіи, къ несчастію—зимой; видѣлъ въ Гейдельбергѣ славныя развалины имперскаго замка, въ Швецингенѣ—очаровательный садъ; видѣлъ вездѣ промышленность, землю изобильную, красивую, часто находилъ добрыхъ людей, но не могъ наслаждаться моимъ путешествіемъ, ибо мы ѣхали по почтѣ и весьма скоро. Однимъ словомъ, большую часть Германіи я видѣлъ во снѣ. Но не во снѣ, а на яву нашелъ въ Фрейбургѣ, гдѣ была главная квартира императоровъ, Николая Тургенева, съ которымъ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней.

Теперь мы стоимъ въ окрестностяхъ Бельфора или Бефора, значительной крѣпости, которую содержимъ въ блокадѣ, ожидая повелѣнія идти впередъ.

Я получилъ твои письма, на которыя отвѣчать тебѣ обстоятельно не могу; только скажу тебѣ, что я на тебя прогнѣвался за то, что меня называешь баловнемъ. Я—баловень? Но чей? Конечно, не фортуны, которая меня ничѣмъ не утѣшала, кромѣ дружбы, и за то ей

благодаренъ. Многое оставляю на сердцѣ, которое и тебѣ, мой любезный Николай, не совсѣмъ извѣстно; скажу тебѣ только, что я всегда былъ игрою быстроногой фортуны или, лучше сказать, моей пустой головы, въ которой могутъ помѣститься всевозможныя человѣческія дурачества, начиная отъ риѳмъ и кончая самолюбіемъ.

До сихъ поръ я доволенъ моимъ состояніемъ и не промѣняю его на другое. Мой генералъ меня любитъ, я его уважаю, какъ героя и какъ добрѣйшаго изъ людей. Если буду живъ и буду служить, то буду награжденъ, конечно, но я не почестей, не крестовъ желаю:

Покою, мой Каппистъ, покою,

котораго не нашелъ Горацій въ прохладномъ Тибурѣ, и ты на кожаномъ диванѣ съ своей Мальвиной. Чего тебѣ недостаетъ?

Если я успѣю написать къ сестрамъ, то не пропущу случая. Пришли мнѣ Анненскій крестъ, хорошей работы и хорошаго золота, съ лентою, небольшой величины; если не найдешь красиваго, то закажи, не пожалѣй денегъ. Ты ихъ получишь отъ сестры, которую увѣдомь. Если мнѣ денегъ не посылали, то и не надобно. До сихъ поръ я жилъ однимъ жалованьемъ и не очень нуждался; лошади есть и хорошія, слѣдственно, и надобностей большихъ нѣтъ. Еще купи Владимірскій крестъ: я къ нему представленъ за Теплицъ и, можетъ быть, получу. Здѣсь этого не сыщешь, а при генералѣ неловко не носить крестовъ. Не забудь и георгіевскихъ лентъ для медали. Болѣе просить не о чемъ.

Поблагодари Алексѣя Николаевича за пересылку писемъ. Поцѣлуй ручку у Лизаветы Марковны. Напиши мнѣ хоть два слова о Петрѣ, и что у нихъ дѣлается въ домѣ. Что дѣлаетъ Катерина Ѳедоровна? Съ сама-

го отъѣзда отъ нея не имѣю извѣстія. Обними за меня Дашкова и Жихарева: шлемъ на главѣ его и вѣтеръ въ головѣ. Что дѣлаетъ Иванъ Матвѣевичъ и Иванъ Андреевичъ? Еще разъ поздравляю тебя съ наступленіемъ новаго года, при концѣ котораго желаю сидѣть съ тобою у камина, въ виду Гомера, твоего пената, и болтать безпечно о прошедшемъ. Надѣюсь, что ты сохранишь меня въ своей памяти и въ сердцѣ. Кромѣ тебя, любезный другъ, и сестры Александры Николаевны, я много людей имѣю близкихъ къ моему сердцу, но вы оба еще ближе.

Кончая мое маранье, я сижу въ теплой избѣ и курю табакъ. На дворѣ мятель и снѣгу по колѣно: это напоминаетъ Россію и нѣсколько пріятныхъ минутъ въ моей жизни. Передо мною русскій чай, который наливаетъ Яковъ.

Замѣчаніе: Яковъ еще сталъ глупѣе и безтолковѣе отъ рейнвейна и киршвассера, которыми опивается. О, матушка Россія! Когда увидимъ тебя?

Rendez moi nos frimas!

Мы еще сдѣлали нѣсколько переходовъ и стоимъ около Лангръ.

Адресъ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

CXXV.

Н. И. Гнѣдичу.

27-го марта 1814 г., Juissi-sur-Seine, въ окрестностяхъ Парижа.

Я получилъ твое длинное посланіе, мой добрый и любезный Николай, на походѣ отъ Арсиса къ Meaux. И письму, и Оленину очень обрадовался. Олениnъ, слава Богу, здоровъ, а ты меня, мой милый товарищъ, не за-

бываешь! Теперь выслушай мои похожденія, по порядку. О военныхъ и политическихъ чудесахъ я буду говорить мимоходомъ: на то есть газеты; я буду говорить съ тобой о себѣ, пока не устанетъ рука моя.

Я былъ въ Сире, въ замкѣ славной маркизы дю-Шатле, въ гостяхъ у Дамаса и Писарева. Писаревъ жилъ въ той самой комнатѣ, гдѣ проказникъ фернейскій писалъ Альзиру и пр. Вообрази себѣ его восхищеніе! Но и въ Сире революція изгладила всѣ слѣды пребыванія маркизы и Вольтера, кромѣ нѣкоторыхъ надписей на дверяхъ большой галлереи; напримѣръ: Asile des beaux-arts и пр. существуютъ до сихъ поръ; амура изъ анѳологіи нѣтъ давно. Въ залѣ, гдѣ мы обѣдали, висѣли знамена нашихъ гренадеръ, и мы по русски привѣтствовали тѣни сирейской нимфы и ея любовника, то-есть, большимъ стаканомъ вина.

Въ корпусную квартиру я возвратился поздно; тамъ узналъ я новое назначеніе Раевскаго. Онъ долженъ былъ немедленно ѣхать въ Pont-sur-Seine и принять команду у Витгенштейна. Мы проѣхали черезъ Шомонъ на Троа. По дорогѣ скучной и разоренной на каждомъ шагѣ встрѣчали развалины и мертвыя тѣла. Замѣть, что отъ Нанжиса къ Троа и далѣе я проѣзжалъ четыре раза, если не болѣе. Наконецъ, въ Pont-sur-Seine, гдѣ замокъ премудрой Летиціи, матери всадника Робеспіера, генералъ принялъ начальство надъ арміей Витгенштейна. Прощай вовсе, покой! На другой день мы дрались между Нанжисомъ и Провинсъ. На третій, слѣдуя общему движенію, отступили и опять по дорогѣ къ Троа. Оттуда пошли на Арсисъ, гдѣ было сраженіе жестокое, но непродолжительное, послѣ котораго Наполеонъ пропалъ со всей арміей. Онъ пошелъ отрѣзывать намъ дорогу отъ Швейцаріи, а мы, поже-

лавъ ему добраго пути, двинулись на Парижъ всѣми силами отъ города Витри. На пути мы встрѣтили нѣсколько корпусовъ, прикрывавшихъ столицу, и подъ Fer-Champenoise ихъ проглотили. Зрѣлище чудесное! Вообрази себѣ тучу кавалеріи, которая съ обѣихъ сторонъ на чистомъ полѣ врѣзывается въ пѣхоту, а пѣхота густой колонной, скорыми шагами, отступаетъ безъ выстрѣловъ, пуская изрѣдка батальный огонь. Подъ вечеръ сдѣлалась травля Французовъ. Пушки, знамена, генералы, все досталось побѣдителю. Но и здѣсь Французы дрались, какъ львы. Въ Трипоръ мы переправились черезъ Марну, прошли черезъ Meaux, большой городъ, и очутились въ окрестностяхъ Парижа, передъ лѣсомъ Bondy, гдѣ встрѣтили непріятеля. Лѣсъ былъ очищенъ артиллеріей и стрѣлками въ нѣсколько часовъ, и мы ночевали въ Noisy передъ столицей. Съ утромъ началось дѣло. Наша армія заняла Romainville, о которомъ, кажется, упоминаетъ Делиль, и Montreuil, прекрасную деревню, въ виду самой столицы. Съ высоты Монтреля я увидѣлъ Парижъ, покрытый густымъ туманомъ, безконечный рядъ зданій, надъ которыми господствуетъ Notre-Dame съ высокими башнями. Признаюсь, сердце затрепетало отъ радости! Сколько воспоминаній! Здѣсь ворота Трона, влѣво Венсенъ, тамъ высоты Монмартра, куда устремлено движеніе нашихъ войскъ. Но ружейная пальба часъ отъ часу становилась сильнѣе и сильнѣе. Мы подвигались впередъ съ большимъ уроном черезъ Баньолетъ къ Бельвилю, предмѣстію Парижа. Всѣ высоты заняты артиллеріею; еще минута, и Парижъ засыпанъ ядрами! Желать ли сего? Французы выслали офицера съ переговорами, и пушки замолчали. Раненые русскіе офицеры проходили мимо насъ и поздравляли съ побѣдою. «Слава Богу! Мы увидѣли Парижъ съ шпа-

гою въ рукахъ! Мы отмстили за Москву!» повторяли солдаты, перевязывая раны свои.

Мы оставили высоту L'Epine; солнце было на закатѣ, по той сторонѣ Парижа; кругомъ раздавалось ура побѣдителей и на правой сторонѣ нѣсколько пушечныхъ ударовъ, которые черезъ нѣсколько минутъ замолчали. Мы еще разъ взглянули на столицу Франціи, проѣзжая чрезъ Монтрель, и возвратились въ Noisy отдыхать, только не на розахъ: деревня была разорена.

На другой день поутру генералъ поѣхалъ къ государю въ Bondy. Тамъ мы нашли посольство de la bonne ville de Paris; вслѣдъ за нимъ великолѣпный герцогъ Виченцкій. Переговоры кончились, и государь, король Прусскій, Шварценбергъ, Барклай, съ многочисленною свитою, поскакали въ Парижъ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла гвардія. Ура гремѣло со всѣхъ сторонъ. Чувство, съ которымъ побѣдители въѣзжали въ Парижъ, неизъяснимо.

Наконецъ, мы въ Парижѣ. Теперь вообрази себѣ море народа на улицахъ. Окна, заборы, кровли, деревья бульвара, все, все покрыто людьми обоихъ половъ. Все машетъ руками, киваетъ головой, все въ конвульзіи, все кричитъ: «Vive Alexandre, vivent les Russes! Vive Guillaume, vive l'empereur d'Autriche! Vive Louis, vive le roi, vive la paix!» Кричитъ, нѣтъ, воетъ, ревetъ. «Montrez nous le beau, le magnanime Alexandre!» «Messieurs le voilà en habit vert, avec le roi de Prusse». «Vous êtes bien obligeant, mon officier», и держа меня за стремя, кричитъ: «Vive Alexandre, à bas le tyran!» «Ah qu'ils sont beaux, ces Russes! Mais, monsieur, on vous prendrait pour un Français». «Много чести, милостивый государь, я право этого не стою!» «Mais c'est que

vous n'avez pas d'accent», и послѣ того: «Vive Alexandre vivent les Russes, les héros du Nord!»

Государь, среди волнъ народа, остановился у полей Елисейскихъ. Мимо его прошли войска въ совершенномъ устройствѣ. Народъ былъ въ восхищеніи, а мой казакъ, кивая головою, говорилъ мнѣ: «Ваше благородіе, они съ ума сошли». «Давно!» отвѣчалъ я, помирая со смѣху.

Но у меня голова закружилась отъ шуму. Я сошелъ съ лошади, и народъ обступилъ и меня, и лошадь, началъ разсматривать и меня, и лошадь. Въ числѣ народа были и порядочные люди, и прекрасныя женщины, которые въ запуски дѣлали мнѣ странные вопросы: отчего у меня бѣлокурые волосы, отчего они длинны? «Въ Парижѣ ихъ носятъ короче. Артистъ Dulong васъ обстрижетъ по модѣ». «И такъ хорошо», говорили женщины. «Посмотри, у него кольцо на рукѣ. Видно и въ Россіи носятъ кольца. Мундиръ очень простъ! C'est le bon genre! Какая длинная лошадь! Степная, вѣрно степная, cheval du désert! Посторонитесь, господа, артилерія! Какія длинныя пушки, длиннѣе нашихъ. Ah, bon Dieu, quel Calmok!» И послѣ того: «Vive le roi, la paix! Mais avouez, mon officier, que Paris est bien beau?» «Какіе у него бѣлые волосы!» «Отъ снѣгу», сказалъ старикъ, пожимая плечами. Не знаю, отъ тепла или отъ снѣгу, подумалъ я; но вы, друзья мои, давно разсорились съ здравымъ разсудкомъ.

Замѣть, что въ толпѣ были лица ужасныя, физіономіи страшныя, которыя живо напоминаютъ Маратовъ и Дантоновъ, въ лохмотьяхъ, въ большихъ колпакахъ и шляпахъ, и возлѣ нихъ прекрасныя дѣти, прелестнѣйшія женщины.

Мы поворотили влѣво къ place Vandôme, гдѣ толпа

часъ отъ часу становилась сильнѣе. На этой площади поставленъ монументъ большой арміи. Славная Троянова колонна! Я ее увидѣлъ въ первый разъ, и въ какую минуту! Народъ, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, кричалъ безпрестанно: «A bas le tyran!» Одинъ смѣльчакъ взлѣзъ наверхъ и надѣлъ веревку на ноги Наполеона, котораго бронзовая статуя вѣнчаетъ столбъ. «Надѣнь на шею тирану», кричалъ народъ. «Зачѣмъ вы это дѣлаете?» «Высоко залѣзъ!» отвѣчали мнѣ. «Хорошо, прекрасно! Теперь тяните внизъ: мы его въ дребезги разобьемъ, а барельефы останутся. Мы кровью ихъ купили, кровью гренадеръ нашихъ. Пусть ими любуются потомки наши!». Но въ первый день не могли сломать мѣднаго Наполеона: мы поставили часоваго у колонны. На доскѣ внизу я прочиталъ: Napolio, Imp. Aug. monumentum и проч. Суета суетъ! Суета, мой другъ! Изъ рукъ его выпали и мечъ, и побѣда! И та самая чернь, которая привѣтствовала побѣдителя на сей площади, та же самая чернь и вѣтреная, и неблагодарная, часто неблагодарная, накинула веревку на голову Napolio Imp. Aug., и тотъ самый неистовый, который кричалъ нѣсколько лѣтъ назадъ тому: «Задавите короля кишками поповъ», тотъ самый неистовый кричитъ теперь: «Русскіе, спасители наши, дайте намъ Бурбоновъ! Низложите тирана! Что намъ въ побѣдахъ? Торговлю, торговлю!»

О чудесный народъ парижскій, народъ, достойный сожалѣнія и смѣха! Отъ шума у меня голова кружилась безпрестанно; что же будетъ въ Пале-рояль, гдѣ ожидаетъ меня обѣдъ и товарищи? Мимо Французскаго театра пробрался я къ Пале-рояль, въ средоточіе шума, бѣганія, дѣвокъ, новостей, роскоши, нищеты, разврата. Кто не видѣлъ Пале-рояль, тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія. Въ лучшемъ кофейномъ домѣ или, вѣр-

нѣе, рестораціи, у славнаго Very, мы ѣли устрицы и запивали ихъ шампанскимъ за здравіе нашего государя, добраго царя нашего. Отдохнувъ немного, мы обошли лавки и кофейные дома, подземелья, шинки, жаровни каштановъ и проч. Ночь меня застала посреди Пале-рояля. Теперь новыя явленія: нимфы радости, которыхъ безстыдство превышаетъ все. Не офицеры за ними бѣгали, а онѣ за офицерами. Это продолжалось до полуночи, при шумѣ народной толпы, при звукѣ рюмокъ въ ближнихъ кофейныхъ домахъ и при звукѣ арфъ и скрыпокъ.... Все кружилось, пока

Свѣтъ въ черепкѣ погасъ, и близокъ сталъ сундукъ.

О, Пушкинъ, Пушкинъ!

Въ день пріѣзда моего я ночевалъ въ Hôtel de Suède и заснулъ мертвымъ сномъ, какимъ спятъ послѣ безпрестанныхъ маршей и сраженій. На другой день по утру увидѣлъ снова Парижъ или ряды улицъ, покрытыхъ безчисленнымъ народомъ, но отчета себѣ ни въ чемъ отдать не могу. Необыкновенная усталость послѣ трудовъ военныхъ, о которыхъ вы, сидни, и понятія не имѣете, тому причиною. Скажу тебѣ, что я видѣлъ Сену съ ея широкими и, по большей части, безобразными мостами; видѣлъ Тюльери, Тріумфальныя врата, Лувръ, Notre-Dame и множество улицъ, и только, ибо всего на всего я пробылъ въ Парижѣ только 20 часовъ, изъ которыхъ надобно вычесть ночь. Я видѣлъ Парижъ сквозь сонъ или во снѣ. Ибо не сонъ ли мы видѣли по совѣсти? Не во снѣ ли и теперь слышимъ, что Наполеонъ отказался отъ короны, что онъ бѣжитъ и пр. и пр. и пр.? Мудрено, мудрено жить на свѣтѣ, милый другъ! Но въ заключеніе скажу тебѣ, что мы прошли съ корпусомъ черезъ Аустерлицкій мостъ, мимо

Jardin des plantes, въ заставу des Deux Moulins по дорогѣ Bois de Boulogne, гдѣ стоитъ лагеремъ полинявшій императоръ съ остатками неустрашимыхъ, и остановились въ замкѣ Jouissy, принадлежащемъ почетному парижскому жителю. Этотъ замокъ на берегу Сены, окруженъ садами и принадлежалъ нѣкогда любовницѣ Людовика XIV. Еще до сихъ поръ видны остатки и слѣды древняго великолѣпія. Съ террасы, примыкающей къ дому, видна Сена. Пріятные луга и рощи, и загородные дворцы маршаловъ Наполеона, которые мало по малу, одинъ за другимъ, возвращаются въ Парижъ, кто инкогнито, а кто и съ цѣлымъ корпусомъ Новости, произшествія важнѣйшія тѣснятся одно за другимъ. Я часто, какъ Ѳома невѣрный, щупаю голову и спрашиваю: Боже мой, я ли это? Удивляюсь часто бездѣлкѣ и вскорѣ не удивлюсь важнѣйшему произшествію. Еще вчера мы встрѣтили и проводили въ Парижъ корпусъ Мармона и съ артиллеріей, и съ кавалеріей, и съ орлами! Всѣ ожидаютъ мира. Дай Богъ! Мы всѣ желаемъ того. Выстрѣлы надоѣли, а болѣе всего плачъ и жалобы несчастныхъ жителей, которые вовсе разорены по большимъ дорогамъ.

Остался пепелъ одинъ въ наслѣдство сиротѣ.

Завтра я отправляюсь въ Парижъ, если получу деньги, и прибавлю нѣсколько строкъ къ письму. Всего болѣе желаю увидѣть театръ и славнаго Тальма, который, какъ говоритъ Шатобріанъ, училъ Наполеона, какъ сидѣть на тронѣ съ приличною важностію императору великаго народа. La grande nation! Le grand homme! Le grand siècle! Все пустыя слова, мой другъ, которыми пугали насъ наши гувернеры.

CXXVI.

Д. В. Дашкову.

25-го апрѣля 1814 г. Парижъ.

Письмо ваше отъ 25-го января я получилъ на маршѣ изъ Витри-ле-Франсѐ къ Феръ-Шампенуазу и не могу вамъ описать удовольствія, съ какимъ я прочиталъ его, любезный другъ Дмитрій Васильевичъ! Сто разъ благодарю васъ за пріятное ваше посланіе къ полуварвару Батюшкову, покрытому военнымъ прахомъ, забывшему и музу, и ея служителей, но не забывшему друзей, въ числѣ которыхъ вы всегда жили въ моемъ сердцѣ. Столько и столько пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами на берегахъ невской наяды и въ шумѣ городскомъ, и въ уединенныхъ бесѣдахъ, гдѣ мы дѣлали другъ другу откровенія не о любимцахъ счастья, нѣтъ, а о дружбѣ нашей, о пламенной любви къ словесности, къ поэзіи и ко всему прекрасному и величественному, даютъ мнѣ право на ваше воспоминаніе. Въ жизни моей я былъ обманутъ во многомъ, кромѣ дружбы. Ею могу еще гордиться; она примиряетъ меня съ жизнію, часто печальною, и съ міромъ, который покрытъ развалинами, гробами и страшными воспоминаніями.

Теперь нѣсколько словъ о себѣ. Вы не будете требовать отъ меня цѣлой Одиссеи, то-есть, описанія моихъ походовъ и странствій: для этого недостанетъ у меня бумаги, а у васъ терпѣнія. Скажу вамъ просто: я въ Парижѣ! La messagère indifférente, молва извѣстила васъ давно о нашихъ побѣдахъ, чудесныхъ по истинѣ: это все давнымъ давно извѣстно и распложено въ ан-

глійскомъ клубѣ и въ газетахъ, и въ Сынѣ Отечества, и у Глинки, и въ оффиціальныхъ одахъ постояннаго Хлыстова; однимъ словомъ, это—старина для васъ, жителей мирнаго Питера. Но повѣрите ли? Мы, которые участвовали во всѣхъ важныхъ произшествіяхъ, мы едва ли до сихъ поръ вѣримъ, что Наполеонъ изчезъ, что Парижъ нашъ, что Людовикъ на тронѣ, и что сумасшедшіе соотечественники Монтескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Кутона, Дантона и Наполеона поютъ по улицамъ: «Vive Henri quatre, vive ce roi vaillant!» Такія чудеса превосходятъ всякое понятіе. И въ какое короткое время, и съ какими странными подробностями, съ какимъ кровопролитіемъ, съ какою легкостію и легкомысліемъ! Чудны дѣла Твоя, Господи!

Нѣтъ, любезный другъ, надо имѣть весьма здоровую голову, чтобъ понять всѣ дѣла сіи и чтобы слѣдовать за всѣми обстоятельствами.... Я отъ этой работы отказываюсь, я, который часто не понималъ стиховъ Шихматова.

Скажу просто: я въ Парижѣ. Первые дни нашего здѣсь пребыванія были дни энтузіазма. Теперь мы покойнѣе. Бродить по бульвару, обѣдать у Beauvilliers, посѣщать театръ, удивляться искусству, необыкновенному искусству Тальмы, смѣяться во все горло проказамъ Брюнета, стоять въ изумленіи передъ Аполлономъ Бельведерскимъ, передъ картинами Рафаеля, въ великолѣпной галлереѣ музеума, зѣвать на площади Людовика XV или на Новомъ мосту, на поприщѣ народныхъ дурачествъ, гулять въ великолѣпномъ Тюльери, въ Ботаническомъ саду или въ окрестностяхъ Парижа, среди необозримой толпы парижскихъ гражданъ, жрицъ Венериныхъ, старыхъ роялистовъ, республиканцевъ, бонапартистовъ и проч. и пр. и пр., теперь мы все это дѣ-

лаемъ и дѣлать можемъ, ибо мы отдохнули и тѣломъ, и душою. Замѣтьте, что мы имѣемъ важное преимущество надъ прежними путешественниками: мы—путешественники вооруженные. Я часто съ удовольствіемъ смотрю, какъ наши казаки безпечно проѣзжаютъ черезъ Аустерлицкій мостъ, любуясь его удивительнымъ построеніемъ; съ удовольствіемъ неизъяснимымъ вижу русскихъ гренадеръ передъ Трояновой колоной или у рѣшетки Тюльери, передъ Arc de triomphe, гдѣ изображены и Ульмъ, и Аустерлицъ, и Фридландъ, и Іена. Еще съ бо̀льшимъ удовольствіемъ смотрю на нашихъ воиновъ, гуляющихъ съ инвалидами на широкой площади, принадлежащей ихъ дому.

Французы дорого заплатили за свою славу, любезный другъ! Они должны быть благодарны нашему царю за спасеніе не только Парижа, но цѣлой Франціи,—и благодарны: это меня примиряетъ нѣсколько съ ними. Впрочемъ, этотъ народъ не заслуживаетъ уваженія, особливо народъ парижскій.

Я вижу отсюда, что Дмитрій Васильевичъ, читая мое письмо, киваетъ головою. «Богъ съ ними, что мнѣ до народа французскаго! Зачѣмъ Батюшковъ не говоритъ мнѣ о литературѣ, о лицеѣ, о славныхъ ученыхъ мужахъ, объ остроумныхъ головахъ, о поэтахъ, однимъ словомъ—о людяхъ, которымъ я, живучи на берегахъ Ладожскаго озера и Невы, обязанъ сладостными минутами, которыхъ имя одно пробуждаетъ въ головѣ тысячу воспоминаній пріятныхъ, тысячу понятій....» Извольте! Я скажу вамъ, вопервыхъ, что въ шумѣ военномъ я забылъ, что существовала академія изъ сорока членовъ, точно такъ какъ забылъ, что есть Бесѣда, академія русская и Палицынъ, гроза чтецовъ. Но разъ, перейдя за Королевскій мостъ, забрелъ я случайно къ

Дидоту, любовался у него изданіемъ Лафонтена и Расина и, разговаривая съ его повѣреннымъ, узналъ ненарокомъ, что завтра, въ 3 часа по полудни, второй классъ института будетъ имѣть торжественное засѣданіе.

Вооружась билетомъ для прохода чрезъ врата учености въ сіе важное святилище музъ, я, вашъ маленькій Тибуллъ или, проще, капитанъ русской императорской службы, что въ нынѣшнее время важнѣе, нежели бывшій кавалеръ или всадникъ римскій (ибо, по словамъ Соломона, «живой воробей лучше мертваго льва»), я, вашъ пріятель, наступилъ на горло какому-то члену общества и вошелъ въ залу, пробираясь сквозь толпу любопытныхъ. «Вотъ, садитесь здѣсь, или станьте за моимъ табуретомъ»,сказала мнѣ прекрасная женщина,— «здѣсь вы все увидите, все услышите». Я сталъ за табуретомъ и съ удовольствіемъ взглянулъ на залу и на блестящее собраніе отборной публики.... парижской! Зала прекрасная: она построена крестообразно. Въ четырехъ нишахъ, составляющихъ углы ротонды, поставлены четыре статуи—произведеніе искусства французскихъ художниковъ, статуи великихъ людей: Сюлли, Монтескье, Боссюета и Фенелона. Отъ ротонды возвышается амфитеатръ, посвященный для зрителей, ротонда для членовъ и важныхъ посѣтителей. Члены сбирались мало по малу, и Французъ, мой сосѣдъ, называлъ ихъ: «Вотъ Сюаръ, вотъ Буфлеръ, вотъ Сикаръ, а это, съ красной лентой, старикъ Сегюръ! Вотъ Этьенъ, сочинитель хорошей комедіи, возлѣ него Пикаръ, любимый авторъ парижскій!» Съ ними были и другіе члены прочихъ классовъ института, которые имѣютъ право засѣдать въ торжественныхъ собраніяхъ. Ни Парни, ни Фонтаня я не видѣлъ. Шатобріана, кажется, не было.

Наполеонъ не согласенъ былъ на принятіе его въ члены —за нѣсколько строкъ въ рѣчи автора Аталы противъ правленія или противъ его особы. За то и Шатобріанъ не пощадилъ его въ послѣднемъ сочиненіи,которое вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно. Наконецъ, при плескѣ публики, при безпрестанныхъ восклицаніяхъ: «Vive Alexandre, le magnanime Alexandre! Vive le roi de Prusse! Vive le général Sacken!» вошли наши герои.

Лакретель, секретарь академіи, читалъ имъ привѣтствіе. Я съ удовольствіемъ слушалъ его. Лакретель, какъ писатель, имѣетъ достоинства: вы, кажется, любите его Исторію революціи и Исторію послѣдняго вѣка. За симъ —снова рукоплесканія, снова восклицанія: «Да здравствуетъ императоръ!» и пр.

Они замолкли, и г. Вильмень, молодой человѣкъ 22-хъ лѣтъ, началъ читать снова привѣтствіе государю и просилъ публику выслушать разсужденіе О пользѣ и невыгодахъ критики, увѣнчанное институтомъ. Молчаніе глубокое. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ длинную рѣчь молодаго профессора, весьма хорошо написанную, какъ мнѣ показалось; часто аплодировали блестящимъ фразамъ и болѣе всего тому, что̀ имѣло какое-нибудь отношеніе къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. «Браво, г. Вильмень! Продолжайте!» говорили женщины. «Онъ мыслитъ, il pense», говорили мужчины, поправляя галстухъ съ обыкновенною важностію... и всѣ были довольны. «Какъ онъ молодъ!» шептали женщины.—«Какъ онъ молодъ! И два раза увѣнчанъ академіей! Въ первый разъ за похвальное слово Монтаню».... «Въ которомъ много глубокихъ мыслей», прибавилъ мужчина, мой сосѣдъ. «Не мудрено», продолжалъ другой,—«онъ говорилъ о Монтанѣ!»

По окончаніи рѣчи, президентъ обнялъ два раза мо-

лодаго профессора и провозгласилъ его побѣдителемъ при шумныхъ рукоплесканіяхъ публики. Государь и король Прусскій сказали ему нѣсколько учтивыхъ словъ: молодой авторъ былъ на розахъ.

Нынѣшній годъ была предложена къ увѣнчанію Смерть Баярда, но по слабости поэзіи не получила обыкновенной награды. Теперь отгадайте, какой предметъ назначенъ для будущаго года? Польза прививанія коровьей оспы! Это хоть бы нашей академіи выдумать! По этому, любезный другъ, можете судить о состояніи французской словесности. Ее не любилъ Наполеонъ. Математикъ во всякомъ случаѣ бралъ преимущество надъ членомъ втораго класса института, что̀ не мало послужило къ упадку академіи Французской. Правленіе должно лелѣять и баловать музъ: иначе онѣ будутъ безплодны. Слѣдуя обыкновенному теченію вещей, я думаю, что вѣкъ славы для Французской словесности прошелъ и врядъ ли можетъ когда-нибудь воротиться. Впрочемъ, мирное отеческое правленіе будетъ во сто разъ благосклоннѣе для музъ судорожнаго тиранскаго правленія Корсиканца, который въ великолѣпныхъ памятникахъ парижскихъ доказалъ, что онъ не имѣетъ вкуса, и что

...музы отъ него чело свое сокрыли.

Теперь вы спросите у меня, что̀ мнѣ болѣе всего понравилось въ Парижѣ? Трудно рѣшить. Начну съ Аполлона Бельведерскаго. Онъ выше описанія Винкельманова: это не мраморъ, богъ! Всѣ копіи этой безцѣнной статуи слабы, и кто не видалъ сего чуда искусства, тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія. Чтобъ восхищаться имъ, не надо имѣть глубокихъ свѣдѣній въ искусствахъ: надобно чувствовать. Странное дѣло!

Я видѣлъ простыхъ солдатъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на Аполлона. Такова сила генія! Я часто захожу въ музеумъ единственно за тѣмъ, чтобы взглянуть на Аполлона, и какъ отъ бесѣды мудраго мужа и милой, умной женщины, по словамъ нашего поэта, л у ч ш и м ъ в о з в р а щ а ю с ь. Ни слова о другихъ рѣдкостяхъ, ни слова о великолѣпной картинной галлереѣ, единственной въ своемъ родѣ, ни слова о рѣдкостяхъ парижскихъ, о театрахъ, о Дюшенуа, о Тальмѣ и проч. и пр. Я боюсь вамъ наскучить моими замѣчаніями. Но позвольте, мимоходомъ разумѣется, похвалить женщинъ. Нѣтъ, онѣ выше похвалъ, даже самыя прелестницы.

Предъ ними истощаетъ
Любовь златой колчанъ.
Все въ нихъ обворожаетъ:
Походка, легкій станъ,
Полунагія руки
И полный нѣги взоръ,
И устъ волшебны звуки,
И страстный разговоръ,—
Все въ нихъ очарованье!
А ножка... милый другъ,
Она—Харитъ созданье,
Кипридиныхъ подругъ.
Для ножки сей, о вѣчны боги,
Усѣйте розами дороги
Иль пухомъ лебедей!
Самъ Фидій передъ ней
Въ восторгѣ утопаетъ,
Поэтъ—на небесахъ,
И труженикъ, въ слезахъ,
Молитву забываетъ!

Итакъ, мнѣ болѣе всего понравились ноги, прелестныя ноги прелестныхъ женщинъ въ мірѣ. De gustibus non disputandum. У англійскаго генерала недавно спрашивали французскіе маршалы, что̀ ему болѣе всего по-

нравилось въ Парижѣ? «Русскіе гренадеры», отвѣчалъ онъ. Пусть Сѣверинъ скажетъ вамъ теперь, что̀ ему понравилось въ столицѣ міра. Сѣверинъ здѣсь; мы съ нимъ видимся каждый день, бродимъ по улицамъ и часто, очень часто вспоминаемъ о Дашковѣ. Я ему уступаю перо до перваго случая.

Теперь простите. Если Иванъ Ивановичъ въ Петербургѣ, то покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать ему мое почтеніе. Поклонитесь знакомымъ; обнимите Блудова и скажите ему, что Батюшковъ любитъ его и уважаетъ по старому. Тургеневу ни слова обо мнѣ:

Ему ли помнить насъ
На шумной сценѣ свѣта?
Онъ помнитъ лишь обѣда часъ
И часъ великій комитета!

Батюшковъ.

CXXVII.

О т ц у.

(Апрѣль—май 1814 г. Парижъ).

Любезный батюшка! Благодаря Всевышнему, мы кончили войну побѣдами въ Парижѣ, откуда я пишу къ вамъ. Я не стану разсказывать вамъ, любезный батюшка, всѣхъ походовъ и сраженій нашихъ, предоставя сіе первому свиданію, которое, надѣюсь, будетъ въ скоромъ времени, ибо я уже получилъ отправленіе въ Петербургъ. Если обстоятельства позволятъ, то я поѣду моремъ черезъ Англію, но къ концу іюля надѣюсь рѣшительно быть въ Петербургѣ.

Теперь, желая обрадовать родительское сердце ваше, скажу вамъ, что я, слава Богу, здоровъ и молитвами

вашими изъ всѣхъ опасностей вышелъ невредимъ. Получилъ Анну, два раза представленъ къ Владиміру и къ переводу въ гвардію, что̀ будетъ мнѣ весьма выгодно и для штатской службы, если я принужденъ буду оставить военную.

Вотъ, любезный батюшка, что могу сказать теперь о себѣ. Газеты увѣдомили васъ о подвигахъ нашихъ: они неимовѣрны. Мы вступили въ Парижъ, какъ избавители, какъ герои. Я имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ въѣзда государева и не могу описать вамъ этой величественной и трогательной картины. Такимъ образомъ русскіе воины награждены за всѣ труды, и сія награда лестнѣе всѣхъ.

Я теперь покойно живу въ Парижѣ и разсматриваю все, что онъ имѣетъ рѣдкаго, удивительнаго. Наполеонъ оставилъ вездѣ слѣды свои. Здѣсь на всякомъ шагу мы видимъ памятники, воздвигнутые ему въ честь, и смѣясь вспоминаемъ, что герой теперь заключенъ на маленькій островъ. На дняхъ, я имѣлъ счастіе видѣть королевскую фамилію, которая заставитъ себя любить. Мѣсто тирана заступили добрые и честные люди. Вы читали нѣсколько описаній Парижа, вы знаете, что Парижъ есть удивительный городъ; но я смѣло увѣряю васъ, что Петербургъ гораздо красивѣе Парижа, что здѣсь хотя климатъ и теплѣе, но не лучше кіевскаго, однимъ словомъ—что я не желалъ бы провести мой вѣкъ въ столицѣ французской, а во Франціи еще и менѣе того.

Теперь, любезный батюшка, вы не будете требовать отъ меня подробнаго разсказа всѣмъ походамъ и трудамъ, перенесеннымъ нами во Франціи. Сія война можетъ только сравниться съ русскою. Но мы теперь покойны, и всѣ трудности, и все горе забыто на вѣки.

Я ожидаю нетерпѣливо счастливаго времени, когда увижу и обниму васъ. Мысленно обнимаю милаго братца и сестрицу и цѣлую родительскія руки ваши, прошу вашего благословенія и молитвъ вашихъ; онѣ меня поддерживали въ опасностяхъ; онѣ меня не оставятъ и на возвратномъ пути моемъ въ отечество. Вашъ преданный сынъ Константинъ Батюшковъ.

CXXVIII.

Е. Г. Пушкиной.

3-го мая 1814 г. Парижъ.

Какъ вамъ угодно, но вы не должны удивляться этому письму. Десять мѣсяцевъ я къ вамъ не писалъ и десять мѣсяцевъ не имѣю отъ васъ никакого извѣстія: это не р е з о н ъ, чтобъ не писать болѣе. Вы согласны на это? Сто разъ прошу у васъ прощенія, совершеннаго прощенія за мое молчаніе, если оно могло хотя не много оскорбить ваше самолюбіе; я готовъ броситься въ воду, если мое молчаніе нанесло хотя малѣйшій вредъ вашей ко мнѣ дружбѣ, и вы, конечно, въ этомъ увѣрены. Но представьте себѣ Батюшкова, который оставляетъ Петербургъ вдругъ, скачетъ двѣ тысячи верстъ, сломя голову, какъ говорятъ у насъ въ Россіи, пріѣзжаетъ въ главную квартиру подъ Дрезденъ, разъѣзжаетъ въ ней десять дней взадъ и впередъ подъ пушечными выстрѣлами, единственно за тѣмъ, чтобъ сдать какія-то депеши; наконецъ, сдаетъ ихъ, остается у Раевскаго, дѣлаетъ съ нимъ всю кампанію—и какую кампанію!—умираетъ со скуки на бивакахъ, умираетъ со скуки на квартирахъ, вступаетъ съ арміей

въ Парижъ и въ Парижѣ, проведя два мѣсяца въ шумѣ и въ круженіи головы, дѣлясь между ресторатеровъ, спектаклей, парадовъ, встрѣчъ новыхъ королей и проч., беретъ перо, чтобъ напомнить вамъ, что онъ еще живъ, здоровъ и, не будучи вовсе избалованъ счастіемъ, долгомъ поставляетъ напомнить о себѣ друзьямъ своимъ. Вотъ часть моей Одиссеи. Остатокъ наполнитъ ваше богатое воображеніе, если захочетъ заняться мною. Теперь спрашиваю васъ, спрашиваю Алексѣя Михайловича, который вопреки нѣкоторымъ *излучинамъ*—пусть онъ помираетъ со смѣху—вопреки нѣкоторымъ излучинамъ, въ которыя вдается его умъ, имѣетъ много здраваго разсудка, спрашиваю у васъ обоихъ: не стою ли я совершеннаго извиненія? Итакъ, вы меня прощаете, и я снова имѣю право на дружество ваше, которое, конечно, во зло употреблять не буду. Впрочемъ, не спрашивайте, не требуйте у меня отчета въ моей жизни. Разсказы хороши только въ стихахъ, въ плачевныхъ трагедіяхъ или у камина. Еще болѣе: я вамъ ни слова не скажу о Парижѣ. Василій Львовичъ вамъ это все разсказалъ и лучше, и пространнѣе моего во время нашей эмиграціи или бѣгства. Газеты провозгласили вамъ наши побѣды, чудесныя по истинѣ, которымъ, разумѣется, супругъ вашъ на досугѣ далъ настоящій вѣсъ и цѣну. Я съ удовольствіемъ представляю себѣ счастливую минуту, когда мы будемъ смѣяться надъ прошедшими бѣдами. Сколько произшествій! Сколько чудесъ—начиная съ круглыхъ пироговъ у Анны Львовны до самаго вступленія нашего въ Парижъ! Къ чему и зачѣмъ всѣ людскіе расчеты? Признаюсь вамъ, у меня голова кружится, когда я начинаю расчитывать всю превратность этого года, который, конечно, возвратилъ на путь истинный многихъ и многихъ людей, а

Василья Львовича утвердилъ паче мѣры въ премудрыхъ его правилахъ. Что онъ дѣлаетъ? Гдѣ и какъ проводитъ время? Онъ вовсе забылъ насъ, бѣдныхъ странниковъ, или съ завистью считаетъ наши шаги у Бовилье, въ лицеѣ, въ Пале-рояль—прелестныя мѣста, которыя мы отдали бы всѣ за старый Кремль въ придачу со всею нашею славою, которая намъ становится немного въ тягость. Что дѣлаютъ его сестрицы? Признаюсь вамъ, часто, очень часто, возвратясь въ мою комнату, я забываю и шумъ Парижа, и Дюшенуа, и проказы Брюнета, и красавицъ Тиволи, все забываю и мысленно переношусь въ Нижній, то на площадь, гдѣ между телегъ и колязокъ толпились московскіе франты и красавицы, со слезами вспоминая о бульварѣ, то на патріотическій обѣдъ Архаровыхъ, гдѣ отъ псовой травли до подвиговъ Кутузова все дышало любовью къ отечеству, то на ужины Крюкова, гдѣ Василій Львовичъ, забывъ утрату книгъ, стиховъ и бѣлья, забывъ о Наполеонѣ, гордящемся на стѣнахъ древняго Кремля, отпускалъ каламбуры, достойные лучшихъ временъ Французской монархіи, и спорилъ до слезъ съ Муравьевымъ о преимуществѣ французской словесности, то на балы и маскерады, гдѣ наши красавицы, осыпавъ себя бриліантами и жемчугами, прыгали до перваго обморока въ кадриляхъ французскихъ, во французскихъ платьяхъ, болтая по французски Богъ знаетъ какъ, и проклинали враговъ нашихъ. Вотъ времена, признаюсь вамъ, о которыхъ я вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ. Прибавьте къ этому Алексѣя Михайловича, который съ утра самаго искалъ когонибудь, чтобъ поспорить, и доказывалъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, что бѣлое—черное, черное—бѣлое, который вздохнуть не давалъ Василью Львовичу и тѣс-

нилъ его неотразимой логикой,—и вы будете имѣть понятіе объ удовольствіи, которое я нахожу, переносясь мысленно въ стѣны Нижняго. Такихъ чудесныхъ обстоятельствъ два раза въ жизни не бываетъ. Довольно и одного, чтобъ на вѣки остаться въ памяти. «Боже мой, я помню это все! Скажите мнѣ что-нибудь о Парижѣ!» Еще разъ, и въ послѣдній: я не скажу ни слова. И съ чего начну мой разсказъ? Здѣсь что̀ день, то произшествія, что̀ день, то новыя проказы. Ни бумаги, ни терпѣнія у васъ и у меня на все сіе не достанетъ, но достанетъ, конечно, на то, чтобъ перечитать Монитеръ, Gazette de France, въ которыхъ, въ одномъ отношеніи, всѣ новости парижскія.

Мое письмо могло быть еще длиннѣе, но я далъ слово Сѣверину, котораго сію минуту ожидаю къ себѣ. Мы сговорились—прошу покорнѣйше прочитать это любителю Парижа Василью Львовичу—мы сговорились идти по бульвару до Сены, осмотрѣть всѣхъ фигляровъ и пр., не пропустить ни одной площадной панорамы, заходить во всѣ лубочные театры, начиная съ кабинета блохъ, такъ-называемаго les puces travailleuses, и кончая кабинетомъ des illusions parfaites, и все за нѣсколько копѣекъ! Потомъ, переправясь черезъ Аустерлицкій мостъ, мы обойдемъ Ботаническій садъ, бросимъ взглядъ на львовъ, тигровъ и пр., отдохнемъ подъ тѣми самыми липами, на той самой скамьѣ, гдѣ Бюффонъ нѣкогда любилъ покоиться. Простившись съ тѣнью великаго и вооружась изобильнымъ завтракомъ въ ближней рестораціи, мы сядемъ въ кабріолетъ, который, какъ говорятъ здѣсь, жжетъ мостовую, и полетимъ въ музеумъ мимо великолѣпной набережной, мимо новой статуи Генриха IV, мимо Palais des arts. Мы пробѣжимъ музеумъ, мы не станемъ терять времени

въ разсматриваніи картинъ и статуй: мы знаемъ, что передъ Аполлономъ, Венерою и Лаокономъ надобно сказать: ахъ! повторить это восклицаніе передъ картинами Рафаеля, съ описаніемъ ихъ въ рукахъ, разумѣется, и оставя чудеса искусствъ, явимся въ 3-мъ часу на террасѣ Тюльерійскаго сада, гдѣ остроумнѣйшій народъ въ мірѣ стоитъ нѣсколько битыхъ часовъ передъ окнами замка, стоитъ разиня ротъ и изрѣдка, безъ всякаго энтузіазма, а такъ, отъ скуки кричитъ: «Vive le roi!» Въ 4 часа Бовилье или артистъ Вери ожидаютъ насъ съ лакомымъ обѣдомъ. Часъ позже всѣ мѣста заняты. При шумѣ разговорномъ мы проглотимъ нѣсколько дюжинъ устрицъ, осушимъ бутылку шампанскаго и пойдемъ пить кофе въ кофейный домъ, котораго всѣ углы знакомы нашему любителю Парижа; изъ café de Foy мы забѣжимъ во Французскій театръ, гдѣ Тальма, Дюшенуа, Жоржъ и пр. удивляютъ искусствомъ неподражаемымъ; не дослушая трагедіи, мы явимся у Брюнета въ Variétés, будемъ хохотать во все горло надъ остроумными его каламбурами, которые всякаго русскаго охотника могутъ привести въ отчаяніе, зайдемъ — это одинъ шагъ оттуда—къ Тортони, гдѣ всѣ красавицы парижскія кушаютъ мороженое и пуншъ, и.... Но я не хочу огорчать Пушкина: такого рода воспоминанія раздираютъ его сердце. Притомъ же я знаю: ses yeux sont ingrats et jaloux. Простите! Будьте счастливы и не забывайте Батюшкова, который если не потонетъ на возвратномъ пути своемъ черезъ Лондонъ, то пріѣдетъ вамъ разсказывать о чудесахъ парижскихъ, а болѣе всего о преданности своей къ особѣ вашей.

Адресъ: Ея превосходительству милостивой государынѣ Еленѣ Григорьевнѣ Пушкиной. Въ Москвѣ.

CXXIX.

Н. И. Гнѣдичу.

17-го мая 1814 г. Парижъ.

Посмотри мнѣ въ глаза, любезный другъ... Ты сердишься? Я виноватъ; виноватъ, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на твое длинное посланіе, какъ только нѣсколькими строками; виноватъ, что не писалъ къ тебѣ ни разу изъ Парижу! Виноватъ, сто разъ виноватъ! Но если бы ты зналъ, еслибъ былъ на моемъ мѣстѣ!... Еслибъ вошелъ сюда послѣ трехдневной битвы, покрытый пылью и кровью, какъ говорятъ твоя братья поэты, вошелъ при шумѣ восклицаній народныхъ, куда?—въ этотъ хаосъ, и зачѣмъ?—затѣмъ, чтобъ пообѣдать въ Пале-рояль и стремглавъ полетѣть на дорогу Фонтенебло снова драться съ великимъ Наполеономъ, десять дней быть въ авангардѣ, пока Наполеонъ сложитъ короны свои, возвратиться въ Парижъ, скакать за дѣломъ изъ конца въ конецъ, отъ Іенскаго моста къ Аустерлицкому, отъ Монмартра къ воротамъ Ада, потомъ бѣгать по театрамъ и пр., въ музеумѣ восхищаться Аполлономъ и пр., жить съ добрѣйшимъ изъ людей, съ Дамасомъ, и наслаждаться его обществомъ, хотѣть безпрестанно уѣхать и не имѣть на то возможности, наконецъ, простудиться и пролежать въ постелѣ семь дней: вотъ моя исторія. Вѣрь ей или не вѣрь—отъ тебя зависитъ. Но ты видишь, милый другъ, что я не такъ-то виноватъ передъ тобою. И могу ли быть по душѣ виноватъ передъ милымъ, добрымъ Гнѣдичемъ, которому многимъ обязанъ въ жизни?

Вотъ письмо къ Дашкову: оно длиннѣе твоего. Я

писалъ къ нему въ веселомъ духѣ. Къ тебѣ пишу между хлопотъ отъѣзда. Куда? Въ Лондонъ, если ничто тому не помѣшаетъ.

Отправь письмо къ Бахметеву и къ сестрамъ. Вотъ еще къ Вяземскому.

Обнимаю тебя сто разъ. Дамасъ тебѣ кланяется. Онъ остается здѣсь, maréchal de camp при принцѣ д'Ангулемскомъ; я его дружбой обязанъ и вѣчно благодаренъ буду. Обнимаю тебя. Прости! Батюшковъ.

Кромѣ 66 червонцевъ, я денегъ не получалъ отъ тебя.

CXXX.

Князю П. А. Вяземскому.

17-го мая 1814 г. Парижъ.

Милый, добрый, любезный другъ, ты имѣешь право сердиться на меня за мое молчаніе; я имѣю маленькое право, но простимъ великодушно другъ другу лѣнь и беззаботливость нашу. Дай себя обнять, и все забыто. По крайней мѣрѣ я съ моей стороны съ удовольствіемъ живѣйшимъ беру перо, чтобъ напомнить о себѣ. И виноватъ ли я въ самомъ дѣлѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Петербургъ, и еще болѣе, съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за Рейнъ, ни одного дня истинно покойнаго не имѣлъ. Безпрестанные марши, биваки, сраженія, ретирады, усталость душевная и тѣлесная, однимъ словомъ—вѣчное безпокойство: вотъ моя исторія. Замѣть однакоже, что при всякомъ отдыхѣ, я думалъ о тебѣ и о Россіи. Нѣтъ, милый мой Вяземскій, тѣсно связана жизнь наша, слишкомъ тѣсно, чтобъ когда-либо мы могли забыть другъ друга. Вотъ мое

извиненіе: твое я выслушаю въ Москвѣ или на берегахъ Невы, гдѣ Богу угодно будетъ назначить намъ свиданіе, столь желанное мною! Ни слова теперь не скажу о Парижѣ. Два мѣсяца я живу здѣсь въ безпрерывномъ шумѣ и движеніи. На силу и теперь отдохнулъ во время моей болѣзни, которая меня передъ отъѣздомъ недѣлю продержала въ постели. Сѣверинъ меня часто посѣщалъ. Онъ сегодня отправился въ Лондонъ, куда и я намѣренъ ѣхать, если что важное не воспрепятствуетъ. Сѣверинъ—добрый, любезный молодой человѣкъ, я его еще болѣе здѣсь полюбилъ. Съ нимъ-то мы часто бесѣдовали о тебѣ и часто вспоминали старину, Москву, Жуковскаго и все, что было и любитъ сердце.

Теперь, разбирая бумаги, я нахожу записки мои; когда-нибудь мы ихъ переберемъ вмѣстѣ: онѣ тебѣ приписаны. Вотъ доказательство, что я тебя помнилъ и посреди шуму военнаго. Сожалѣю отъ всей души, что ничего не успѣлъ написать о Парижѣ. Здѣсь что день, то эпоха. Но возможно ли было сообразить политическія происшествія, которыя тѣснились одно за другимъ? Можно ли было замѣчать мимоходомъ то, что принадлежитъ исторіи, переходить отъ Брюне къ Наполеону, ибо и тотъ, и другой меня интересовали одинаково, къ стыду моему? Прибавь къ этому безпокойнѣйшую жизнь офицера въ хаосѣ парижскомъ, и ты, конечно, извинишь мою лѣность. Но еще разъ, и въ послѣдній, я съ удовольствіемъ воображаю себѣ минуту нашего соединенія: мы выпишемъ Жуковскаго, Сѣверина, возобновимъ старинный кругъ знакомыхъ и на пеплѣ Москвы, въ объятіяхъ дружбы, найдемъ еще сладостную минуту, будемъ разсказывать наши подвиги, наши горести и, притаясь гдѣ-нибудь въ углу,

мы будемъ чашу ликовую передавать изъ рукъ въ руки... Вотъ мои желанія, мои надежды! Я забылъ, что океанъ раздѣляетъ насъ, и что, можетъ быть, не ранѣе августа я могу возвратиться въ Петербургъ. Эта мысль меня печалитъ: отдыхъ мнѣ нуженъ, а болѣе всего твое утѣшительное дружество.

Прости мнѣ, милый другъ, что я не буду говорить съ тобой ни о Пантеонѣ, ни о музеѣ: ты знаешь всѣ рѣдкости Парижа на перечетъ; ты знаешь подвиги наши по газетамъ и по одамъ графа Хлыстова. Съ тебя этого довольно. Я въ Парижъ въѣхалъ съ восхищеніемъ и оставляю его съ радостію. Еще разъ обнимаю тебя отъ всей души. Напомни обо мнѣ княгинѣ; напомни обо мнѣ почтенному семейству Карамзиныхъ; поздравь Николая Михайловича съ нашими побѣдами и съ новыми матеріалами для исторіи. Я желаю, чтобъ Богъ продлилъ ему жизни для описанія нынѣшнихъ происшествій; двойная выгода: у насъ будетъ прекрасная полная исторія, и Николай Михайловичь будетъ жить болѣе вѣка. Сколько матеріаловъ!...

Прости, будь счастливъ и помни Батюшкова.

Это письмо отдай Пушкиной; обними за меня Василія Львовича, скажи мой душевный поклонъ его сестрицѣ и Солнцеву и скажи Алексѣю Михайловичу, что онъ—худой пророкъ; онъ это теперь и самъ чувствуетъ. Nul n'est prophète dans son pays.

CXXX.

Д. П. Сѣверину.

19-го іюня 1814 г. Готенбургъ.

Исполняю мое обѣщаніе, любезный другъ, и пишу къ тебѣ изъ Готенбурга. Послѣ благополучнаго пла-

ванія прибылъ я вчерашній день на пакетботѣ Альбіонѣ здоровъ и веселъ, но въ большой усталости отъ морскаго утомительнаго переѣзда. Усталость не помѣшаетъ разсказывать мои похожденія. Садись и слушай!

Оставя тебя посреди вихря лондонскаго, я сѣлъ съ великимъ Рафаэлемъ въ фіакръ и въ безпокойствѣ доѣхалъ до почтоваго двора, боясь, чтобы карета подъ надписью «въ Гаричь» не ускакала безъ меня въ урочное время. Къ счастію, она была еще на дворѣ, и около нея рой почтовыхъ служителей, ожидающихъ почтенныхъ путешественниковъ. Дверцы отворены: я пожалъ руку у твоего Италіянца, громкаго именемъ, но смиреннаго званіемъ, и со всей возможной важностію занялъ первое мѣсто, ибо я первый вошелъ въ карету. Другіе спутники мои, заплатившіе за проѣздъ дешевле, усѣлись на крышкѣ, на козлахъ, распустили огромные зонтики и начали, по обыкновенію всѣхъ земель, бранить кучера, который медлилъ ударить бичемъ и спокойно допивалъ кружку пива, разговаривая со служанкою трактира. Между тѣмъ какъ съ кровли каретной сыпались годдемы на кучера, дверцы отворились: двое мужчинъ сѣли возлѣ меня, и колымага тронулась. Къ счастію, то были Нѣмцы изъ Гамбурга, люди привѣтливые и добрые. Мы не успѣли выѣхать изъ предмѣстій Лондона, карета остановилась, и въ нее вошелъ новый спутникъ. Впослѣдствіи я узналъ, что товарищъ нашъ былъ родомъ Шведъ, а промысломъ—глупецъ, но оригиналъ удивительный, о которомъ я, въ качествѣ историка, буду говорить въ надлежащее время. Теперь я на большой дорогѣ, прощаюсь съ Лондономъ, котораго, можетъ быть, не увижу въ другой разъ. Карета летитъ по гладкой дорогѣ, между великолѣпныхъ липъ и дубовъ; Лондонъ изчезаетъ въ туманахъ.

Въ Колчестръ, знаменитый устрицами, прибыли мы въ глухую полночь, а въ Гаричь—на разсвѣтѣ. Въ гостинницѣ толстаго Буля ожидалъ насъ завтракъ. Товарищи мои—Шведъ, два Гамбургца, нѣсколько Англичанъ и Шотландцевъ, всѣ въ глубокомъ молчаніи и съ важностію чудесною пили чай и поглядывали на море, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Таможенные приставы ожидали насъ. Окончa всѣ дѣла съ ними, честная компанія возвратилась къ Булю. Въ большой залѣ ожидали насъ новые товарищи, которые, узнавъ что я—Русскій, дружелюбно жали мою руку и предложили пить за здравіе императора. Портвейнъ и хересъ переходили изъ рукъ въ руки, и подъ вечеръ я былъ красенъ, какъ майскій день, но все въ глубокомъ молчаніи. Товарищи мои пили съ такою важностію, о которой мы, жители матерой земли, не имѣемъ понятія. Насъ было болѣе двѣнадцати, со всѣхъ четырехъ концевъ свѣта, и всѣ, казалось мнѣ, люди хорошо воспитанные, всѣ, кромѣ Шведа. Онъ часъ отъ часу болѣе отличался, желая играть роль жентельмана и коверкая англійскій языкъ немилосердымъ образомъ. Англичане улыбались, пожимали плечами и пили за его здоровье. Вѣтеръ былъ противный, и мы остались ночевать въ Гаричѣ. На другой день по утру, Шотландецъ, товарищъ мой изъ Лондона, высокій и статный молодой человѣкъ, вошелъ въ мою спальню и ласковымъ образомъ на какомъ-то языкѣ (который Англичане называютъ французскимъ) предложилъ мнѣ идти въ церковь. День былъ воскресный, и народъ толпился на паперти. Двери храма отворились: мы вошли съ толпою.

Простота служенія, умиленіе, съ которымъ всѣ молились въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ или про-

тяжнымъ пѣніемъ, или важными звуками органа, сдѣлали въ душѣ моей впечатлѣніе глубокое и сладостное. Спокойныя ангельскія лица женщинъ, бѣлыя одежды ихъ, локоны, распущенные въ милой небрежности, рой прелестныхъ дѣтей, соединяющихъ юные гласа свои съ дрожащимъ голосомъ старцевъ, древнихъ мореходцевъ, посѣдѣвшихъ на бурной стихіи, окружающей Гаричь,—все вмѣстѣ образовало картину великолѣпную, и никогда религія и священные обряды ея не казались мнѣ столь плѣнительными! Самая церковь на берегу моря, въ пристани, откуда столько путешественниковъ пускаются въ края отдаленные міра и имѣютъ нужду въ Промыслѣ Небесномъ, сей храмъ съ готическою кровлею, съ гербами, съ простою каѳедрою, на которой почтенный старецъ изъясняетъ простыми словами глубокій смыслъ Евангелія, сей самый храмъ имѣетъ нѣчто особенное, нѣчто плѣнительное. Около двухъ часовъ я просидѣлъ съ моимъ Шотландцемъ; онъ молился съ большимъ усердіемъ, скажу болѣе—съ набожностію. Примѣру его слѣдовали всѣ молодые люди и граждане мирные, и воины. Такъ, милый другъ, земля, въ которой все процвѣтаетъ, земля, такъ-сказать, заваленная богатствами всего міра, иначе не можетъ поддержать себя, какъ совершеннымъ почитаніемъ нравовъ, законовъ гражданскихъ и божественныхъ. На нихъ-то основана свобода и благоденствіе новаго Карѳагена, сего чудеснаго острова, гдѣ роскошь и простота, власть короля и гражданина въ вѣчной борьбѣ и потому въ совершенномъ равновѣсіи. Это смѣшеніе простоты и роскоши меня поразило всего болѣе въ отечествѣ Елисаветы и Адиссона. Въ сей день, незабвенный для моего сердца, одинъ изъ путешественниковъ, узнавъ что я—Русскій, пригласилъ меня прогуливаться. Мы бродили по берегу морскому по-

среди благовонныхъ пажитей и лѣсовъ, осѣняющихъ окрестности Гарича. Толпы счастливыхъ поселянъ въ праздничныхъ платьяхъ прогуливались вдоль по дорогѣ или отдыхали на травѣ. Сквозь густую зелень орѣшника и древнихъ вязовъ выглядывали миловидныя хижины приморскихъ жителей, и солнце вечернее освѣщало картину великолѣпную. Меня все занимало, все плѣняло. Я пожиралъ глазами Англію и желалъ запечатлѣть въ памяти всѣ предметы, меня окружающіе. Сидя на камнѣ съ добрымъ Англичаниномъ—такія открытыя и добрыя физіономіи рѣдко встрѣчаются,—сидя съ нимъ въ дружественной бесѣдѣ, мы забыли, что время летѣло, и солнце садилось. Онъ прощался на долго съ милымъ отечествомъ и говорилъ о немъ съ восхищеніемъ, съ радостными слезами. «Какъ не любить такую землю», повторялъ онъ, указывая на плѣнительныя окрестности;—«здѣсь я покидаю жену, дѣтей, родственниковъ, друзей и свободу». Британецъ пожалъ крѣпко мою руку, и мы возвратились въ гостинницу.

Слуга извѣщаетъ насъ, что попутный вѣтеръ позволяетъ судамъ выходить изъ гавани. Я затрепеталъ отъ радости. Прощаюсь съ товарищами, расплачиваюсь съ услужливымъ хозяиномъ, сажусь въ лодку и съ нея на желанный пакетботъ Альбіонъ, къ капитану Маію. Со мною два пассажира: проказникъ Шведъ и какой-то богатый Еврей изъ Лондона, великій щеголь и краснобай. Море заструилось; выходимъ изъ порта. Но вѣтеръ долго принуждаетъ насъ плавать около береговъ графства Суффолкъ, котораго маяковъ мы не теряемъ изъ виду во всю ночь. Признаюсь тебѣ, положеніе мое было не завидно: жить нѣсколько дней съ незнакомыми лицами, имѣть въ виду морскую болѣзнь... Что дѣлать! Надобно покориться судьбѣ. Я сѣлъ на палубу и

любовался среброчешуйчатымъ моремъ, которое едва колебалось и отражало то маяки, то лучи мѣсяца, восходящаго изъ-за береговъ Британіи. Между тѣмъ Еврей разсказывалъ повѣсти, Шведъ болталъ о ковенгардскихъ прелестницахъ, о портныхъ, о лошадяхъ и о Норвегіи, которую парламентъ отдаетъ принцу. Поздно возвратился я въ каюту и спалъ мертвымъ сномъ, поруча себя Нептуну, наядамъ, Борею и Зефиру, Кастору и Поллуксу, покровителямъ странниковъ, и Венерѣ, которая родилась изъ пѣны морской, какъ извѣстно всякому. По утру я проснулся съ головною болью; къ вечеру стало хуже: я страдалъ. Вѣтеръ былъ противный, и ночь ужасная. Паруса хлопали, снасти трещали, волны плескали на палубу, и заботливый капитанъ безпрестанно повторялъ любимую поговорку: «Бѣдный Іорикъ, бѣдный Іорикъ!» На четвертый день свѣжій попутный вѣтеръ надувалъ паруса, и моя болѣзнь миновалась. Все ожило. Матросы пѣли, капитанъ шутилъ съ Евреемъ, но Шведъ часъ отъ часу становился несноснѣе и скучнѣе. Гдѣ укрыться отъ него? Я узналъ впослѣдствіи, что онъ сынъ богатаго купца, родомъ изъ Стокгольма, былъ посланъ въ Лондонъ учиться коммерціи, надѣлалъ тамъ долговъ и возвращается pianpianino въ свое отечество. Его дурной нѣмецкій и французскій выговоръ приводили меня въ отчаяніе. При каждомъ движеніи судна онъ блѣднѣлъ. То ему казалось, что капитанъ выпилъ лишнюю рюмку, то компасъ не вѣренъ, то паруса не на мѣстѣ, и то не такъ, и это худо. Потомъ разсказы о Гайдъ-паркѣ, о биржѣ, о Платовѣ, о Веллингтонѣ; тамъ описаніе сокровищъ отца его, и все, и все, чего мнѣ слушать не хотѣлось! То онъ давалъ совѣты капитану, который отвѣчалъ ему годдемомъ, то онъ удилъ рыбу, которая не шла на уду,

то онъ видѣлъ кита въ морѣ, мышь на палубѣ или синичку на воздухѣ. Онъ всѣмъ наскучилъ, и человѣколюбивый Еврей предложилъ намъ бросить его въ море, какъ Философа Діагора, на съѣденіе морскимъ чудовищамъ.

Свободные часы я проводилъ на палубѣ въ сладостномъ очарованіи, читая Гомера и Тасса, вѣрныхъ спутниковъ воина. Часто, покидая книгу, я любовался открытымъ моремъ. Какъ прелестны сіи необозримыя, безконечныя волны! Какое неизъяснимое чувство родилось въ глубинѣ души моей! Какъ я дышалъ свободно! Какъ взоры и воображеніе мое летали съ одного конца горизонта на другой! На землѣ повсюду преграды: здѣсь ничто не останавливаетъ мечтателя, и всѣ тайныя надежды души разширяются посреди безбрежной влаги.

Fuggite son le terre e i lidi tutti;
De l'onda il ciel, del ciel l'onda è confine!

Въ седьмой день благополучнаго плаванія восходящее солнце застало меня у мачты. Восточный вѣтеръ освѣжалъ лице мое и развѣвалъ волосы. Никогда море не являлось мнѣ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ. Болѣе тридцати судовъ колебались на лазоревой влагѣ: иные шли въ Ростокъ, другіе въ Англію; иные, подобно пирамидамъ, казались неподвижными, другіе, распустя паруса, какъ лебеди тянулись длинною стаею и изчезали въ отдаленіи. Наконецъ, мы замѣтили въ морѣ одну неподвижную точку — высоты Мастранда, и я привѣтствовалъ родину Густава и Карла. Волны становились часъ отъ часу все тише и тише, изгладились, и я увидѣлъ новую торжественную картину: совершенное спокойствіе, глубокій сонъ бурной стихіи. Солнце,

находясь въ зенитѣ своемъ, осыпало сіяніемъ гладкую синеву. Къ несчастію, долго ничѣмъ наслаждаться не можно. Тишина въ морѣ утомительнѣе бури для мореплавателя. Я пожелалъ вѣтра и сказалъ капитану:

. . . Tu, che condutti
N'hai... in questo mar che non ha fine,
Dì, s'altri mai qui giunse; e se più avante
Nel mondo ove corriamo have abitante.

Онъ отвѣчалъ мнѣ на грубомъ англійскомъ языкѣ, который въ устахъ мореходцевъ еще грубѣе становится, и божественные стихи любовника Элеоноры безъ отвѣта изчезли въ воздухѣ:

Быть можетъ, ихъ Θетида
Услышала на днѣ,
И, лотосомъ вѣнчанны,
Станицы нереидъ
Въ серебреныхъ пещерахъ
Склонили жадный слухъ
И сладостно вздохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою;
Ихъ перси взволновались
Подъ тонкой пеленой...
И море заструилось,
И волны поднялись!

Свѣжій вѣтръ началъ надувать паруса. Мы приближались къ утесамъ готическимъ. Ты помнишь гавань Готенбургскую и, можетъ быть, подобно мнѣ, съ нетерпѣніемъ проходилъ мимо архипелага, скалъ и утесовъ, живописныхъ издали, но утомительныхъ для мореплавателя. Наконецъ, мы въ Готенбургѣ, въ новой Англіи, по словамъ Арндта! Съ разсвѣтомъ являются къ намъ таможенные приставы, которые позволяютъ намъ вступить на берегъ шведскій. Капитанъ Маій со

мною прощается и желаетъ счастливаго пути въ Россію. Шведъ спѣшитъ въ городъ и забываетъ второпяхъ свои чемоданы. Честный Еврей подаетъ мнѣ руку, и мы шествуемъ съ нашими пожитками въ гостинницу Зегерлинга, откуда я пишу къ тебѣ сіи строки дрожащею рукою. Письменный столикъ шатается, полъ подо мною колеблется: столь сильно впечатлѣніе морской качки, что и здѣсь, на сухомъ пути, оно не изчезаетъ.

Отдохнувъ немного, иду справляться, нѣтъ ли корабля въ Петербургъ; въ противномъ случаѣ принужденъ буду ѣхать въ Стокгольмъ. Къ несчастію, вчера былъ день воскресный, и всѣ банкиры и маклеры за городомъ, въ увеселительныхъ домахъ своихъ. Что дѣлать? Бродить по городу, который показался мнѣ и малъ, и бѣденъ, вопреки Арндту. Не мудрено: я—изъ Англіи! За воротами готенбургскими есть липовая аллея: единственное гулянье. Я прошелъ по ней нѣсколько разъ съ печальнымъ чувствомъ: липы шведскія такъ тощи и худы въ сравненіи съ липами Британіи! Холодными глазами смотрѣлъ я на окрестности Готенбурга, довольно живописныя, на купцовъ и конторщиковъ, которые, со всею возможною важностію прогуливаютъ себя, свои англійскіе фраки, женъ, дочерей и скуку. Женщины не блистаютъ красотою, и странный нарядъ ихъ не привлекателенъ.

На городовой площади собираются офицеры къ параду. Народъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на разводъ солдатъ въ круглыхъ шляпахъ и въ лохмотьяхъ, которыя сдѣлали бы честь австрійской арміи. Въ вечеру парадъ церковный, обрядъ искони установленный. Войско становится въ строй и поетъ псалмы и священные гимны, офицеры читаютъ молитвы. Такъ

ведется въ шведской арміи со временъ Густава-Адольфа, набожнаго рыцаря и короля властолюбиваго.

Итакъ, мой милый другъ, я снова на берегахъ Швеціи,

Въ землѣ тумановъ и дождей,
Гдѣ древле Скандинавы
Любили честь, простые нравы,
Вино, войну и звукъ мечей.
Отъ сихъ пещеръ и скалъ высокихъ,
Смѣясь волнамъ морей глубокихъ,
Они на бренныхъ челнокахъ
Несли врагамъ и казнь, и страхъ.
Здѣсь жертвы страшныя свершалися Одену,
Здѣсь кровью плѣнниковъ багрились алтари...
Но въ нравахъ я нашелъ большую перемѣну:
Теперь полночные цари
Курятъ табакъ и гложутъ сухари,
Газету Готскую читаютъ
И, сидя подъ окномъ съ супругами, зѣваютъ.

Эта земля не плѣнительна. Сладости Капуи или Парижа здѣсь неизвѣстны. Въ ней ничего нѣтъ пріятнаго, кромѣ живописныхъ горъ и воспоминаній.

Прости, милый товарищъ! Тебѣ не должно роптать на судьбу: ты въ землѣ красоты, здраваго смысла и свободы, ты счастливъ. Но я не завидую тебѣ, возвращаясь на дикій сѣверъ: я увижу родину и нѣсколько друзей, о коихъ я могу сказать съ Вольтеромъ:

Je les regretterais à la table des dieux.

CXXXI

А. Н. Батюшковой.

17-го іюля (1814 г.). С.-Петербургъ.

Я въ большомъ безпокойствѣ, милый другъ Александра Николаевна. По пріѣздѣ моемъ на другой же день писалъ къ батюшкѣ и къ тебѣ, но отвѣта до сихъ поръ не имѣю, и чему приписать это, не знаю. Дошло ли письмо мое, отдано ли человѣкомъ на почту? Бога ради выведи меня изъ страха. Боюсь, если Анна Львовна пріѣхала прежде писемъ моихъ и къ тебѣ, и къ батюшкѣ, чтобъ вы не приписали моей лѣни то, что могло произойти отъ случая. Я никогда не лгалъ тебѣ: будь увѣрена, что писалъ, что письмо отдано Гнѣдичемъ его человѣку, который при мнѣ понесъ на почту. Увѣдомь меня, милый другъ, здорова ли ты, здоровъ ли батюшка? Разсѣй мои сомнѣнія и пожалѣй обо мнѣ. Я писалъ къ тебѣ съ пріѣзда, что я сдѣлался нездоровъ сыпью, которую благопристойность не позволяетъ назвать чесоткою; прибавь къ ней чирьи или нарывы, рвоту и безпрестанную тошноту, и ты будешь имѣть понятіе о моемъ положеніи. Вотъ седьмой день, какъ сижу дома, и къ счастію, я живу у тетушки, которая не оставляетъ меня въ болѣзни; въ противномъ случаѣ я не знаю, что могло бы со мною быть. Эту болѣзнь лѣкаря полагаютъ слѣдствіемъ путешествія: быть можетъ; они утверждаютъ, что она весьма полезна и проч., но это меня не облегчаетъ. Ванны и сѣрные порошки приносятъ мнѣ пользу, но слабую. Вотъ мое положеніе: оно очень непріятно. Въ прошедшемъ письмѣ я объяснилъ причины моего здѣсь пребыванія, причины важ-

ныя, кромѣ болѣзни. Здѣсь повторю ихъ. Отлучиться изъ Петербурга я не могу, не имѣя на то позволенія отъ генерала Бахметева, а его здѣсь нѣтъ. Итакъ, надобно было писать и дожидаться отвѣта; притомъ же, и кромѣ сего обстоятельства, я долженъ дождаться здѣсь генерала Раевскаго, который представилъ меня въ гвардію, что мнѣ даетъ два чина вдругъ, и къ Владимірскому кресту, котораго мнѣ потерять не хочется, ибо я заслужилъ его по неоднократнымъ представленіямъ за всю французскую кампанію и за два дѣла подъ Теплицомъ, за которыя еще не былъ награжденъ, и это припиши моей неблагопріятной звѣздѣ. Неблагопріятной! Но я долженъ быть благодаренъ Провидѣнію, которое спасало меня въ теченіе сего года столько и столько разъ, которое, наконецъ, возвратило меня къ друзьямъ моимъ и къ вамъ, милыя сестрицы. Бога ради, милый другъ, утѣшь батюшку; скажи ему, что я не переставалъ его любить, и что его привязанность ко мнѣ дороже мнѣ всего на свѣтѣ. Прибавь, что если я не лечу къ нему, то единственно потому, что для сего нѣтъ возможности, и что я воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ. Что же касается до моей судьбы, то она до сихъ поръ не рѣшена, и до сентября не могу сказать: выйду ли въ отставку, или здѣсь останусь служить. Какъ бы то ни было, служить въ гвардіи не буду. Ни здоровье, ни состояніе мое того не позволяютъ. Обнимаю тебя и сестрицъ, и брата Павла Алексѣевича, который вовсе забылъ меня. На всегда буду твоимъ братомъ и другомъ Конст. Б.

Митьку на третій день пріѣзда я отдалъ въ рабочій домъ за пьянство. Яковъ до сихъ поръ не бывалъ, но возвратится съ гвардіей. Не медля выбери мнѣ мальчика 15 или 17 лѣтъ, не старѣе, въ кучера и возьми во дворъ,

пока я не велю прислать его. Исполни мою усердную просьбу. Это необходимо.

CXXXII.

А. Н. Батюшковой.

27-го іюля 1814 г. (Петербургъ).

Письмо твое, милый другъ Александра Николаевна, меня обрадовало и разсѣяло безпокойство на счетъ твой. Изъ него ясно увидѣлъ я, что ты меня любишь по старому; благодарю тебя, любезный другъ, за твою любовь ко мнѣ; повѣрь, что она для меня драгоцѣнна. Также въ письмѣ твоемъ я съ горестію читалъ, что ни одно обстоятельство не перемѣнилось въ нашу пользу; напротивъ того, и ты мнѣ совѣтуешь переносить все хладнокровно, будучи сама жертвою семейственныхъ неустройствъ. Когда этому будетъ конецъ, великій Боже! Впрочемъ, любезный другъ, изъ перваго письма, полученнаго мною отъ батюшки, я увидѣлъ все, и болѣе нежели надобно. Въ Даниловское, вопреки Аннѣ Львовнѣ, я спѣшить не буду, если будетъ на то возможность. Къ несчастію, это единственный способъ быть у васъ и отдохнуть при тебѣ, милый другъ, отъ сердечной и тѣлесной усталости. Я имѣю нужду въ отдохновеніи... Богъ тому свидѣтель, что я не хочу наслѣдовать послѣ батюшки вовсе не изъ великодушія, но потому, что у него есть дѣти. Я желаю отъ всего сердца, чтобъ они имѣли кусокъ хлѣба и для собственнаго моего спокойствія. Съ тѣмъ, что мы имѣемъ, благодаря Бога не умремъ съ голоду, а лишнее желаніе богатствъ отложимъ въ сторону. Одна мысль меня безпокоитъ и

огорчала даже на походахъ: участь Вареньки. Я назову тотъ день счастливымъ, когда она выйдетъ замужъ, и заклинаю васъ всѣхъ именемъ Неба не пропустить случая.

Не спрашивай меня подробностей о Петербургѣ. Я живу у Катерины Ѳедоровны, которая въ болѣзни моей ходитъ за мною, какъ за сыномъ. Столько привязанности пріобрѣтается годами! Впрочемъ, у насъ люди все тѣ же. О моей судьбѣ, останусь ли я въ службѣ, выйду ли въ отставку, ничего не знаю и не могу знать. Я рѣдко выѣзжаю по причинѣ моей болѣзни и все рѣже вижу Барановыхъ, которые, какъ мнѣ кажется, до меня не большіе охотники. Ты знаешь скорую женитьбу Дмитрія Осиповича на богатой невѣстѣ.

Вчера возвратился мой Яковъ моремъ: извѣсти его родственниковъ о счастливомъ прибытіи. Мнѣ бѣлья пришли: простыни 3 или 4, наволочекъ 6, полотенцевъ потолще 6, чулокъ короткихъ 6; для Якова поболѣе рубашекъ и чулокъ, вотъ и все. У меня есть рубашки, шитыя въ Лондонѣ; по нимъ я желаю, чтобъ ты мнѣ сшила дюжину тонкаго полотна; со временемъ доставлю тебѣ на образецъ. Я просилъ тебя о халатѣ, еще повторю мою просьбу. Что же касается до оброку, то не присылай его, а приготовь. Я долженъ до 3 тысячъ въ чужіе краи; если Катерина Ѳедоровна мнѣ не поможетъ, то я буду принужденъ изъ оброку заплатить или здѣсь постараюсь занять. Пиши ко мнѣ, мой ангелъ, чаще какъ можно. Обними брата Павла и сестеръ. Будь здорова, покойна и счастлива. Да кстати: какимъ образомъ Аркадій Аполлоновичъ въ деревнѣ? Развѣ онъ оставилъ службу и зачѣмъ? Увѣдомь меня объ этомъ. Весь твой Константинъ.

Нельзя ли на осень убрать баню для меня и обить

ее обоями? Если Богъ меня принесетъ къ вамъ, то я не захочу безпокоить тебя, а въ банѣ, кажется, и мнѣ хорошо будетъ.

CXXXIII.

А. Н. Батюшковой.

(Августъ 1814 г. С.-Петербургъ).

Послѣднее письмо твое я получилъ, любезный другъ; до сихъ поръ еще не знаю, чѣмъ рѣшится моя судьба; то-есть, меня еще не перевели въ гвардію, отъ чего зависитъ моя отставка. Я не стану тебя мучить жалобами на малое мое счастіе и въ военной службѣ. Вѣришь ли ты, что я въ арміи могу служить примѣромъ? Оставимъ это и, если можно, исправимъ. Мнѣ обѣщаютъ мѣсто въ штатской службѣ: старое мѣсто въ библіотекѣ, которое я возьму съ радостію, и другое, гдѣ случится. Есть и другіе виды: вотъ что касательно службы! А женитьбы? Ты меня невольно заставляешь усмѣхнуться. Будь увѣрена, что до тѣхъ поръ, пока я буду мыслить, какъ мыслю теперь, объ этомъ и думать не должно. Жениться съ нашими обстоятельствами! По разсчету? Но я тебя спрашиваю, что принесу въ приданое моей женѣ? Процессы, вражду родственниковъ, долги и вѣчныя ссоры. Еслибъ еще могла извинить или замѣнить это взаимная страсть?—И что касается до сего, то я еще предпочту женитьбу безъ состоянія той, которая основана на разсчетахъ. Безъ состоянія?.... Но оставимъ это. Лучше, еслибъ ты или Варенька вышла замужъ. Желаю сего отъ всей души, и всегда—вѣришь ли?—въ самыхъ походахъ и трудностяхъ военныхъ это было моей любимой надеждою. Кстати о ней: посылаю Варенькѣ

бриліантовый перстень, у сего приложенный. Онъ годится ей въ приданое. Передѣлывать его можетъ, какъ хочетъ, а у меня на это теперь денегъ не достало. Дай со временемъ коммиссію Барановымъ: у нихъ вѣрно есть знакомые мастера. Но откуда этотъ перстень? Подарокъ государыни Маріи Ѳедоровны. За что? Выслушай. Но не воображай себѣ, какъ деревенщины воображаютъ, чтобъ это была какая-нибудь отличная милость. По пріѣздѣ моемъ сюда меня больнаго навѣстилъ Ю. А. Нелединскій и уговорилъ меня написать по данной имъ программѣ маленькую драму для праздника въ Павловскомъ. Трудно было отговориться: старикъ такъ былъ ласковъ и убѣдителенъ. Я намаралъ, какъ умѣлъ; піесу играли; описаніе оной найдешь ты въ Сѣверной Почтѣ и въ Инвалидѣ, которыхъ издатели выхвалили меня до небесъ, полагая, что піесу сочинилъ по крайней мѣрѣ какой-нибудь сенаторъ. Къ несчастію, я спѣшилъ: то убавлялъ, то прибавлялъ по словамъ капельмейстера и, вопреки моему усердію, кажется, написалъ не очень удачно, но актеры ее удачно играли, и государыня прислала мнѣ этотъ перстень черезъ Юрія Александровича. Вотъ исторія перстня, который я отдалъ Варенькѣ, съ тѣмъ чтобъ она носила на память отъ брата. Купить я такого подарка не въ состояніи, но продать и выручить за него 700 или 800 рублей—не стоитъ труда и будетъ безъ пользы. Деньги пройдутъ, какъ дымъ. Пусть лучше это повеселитъ сестру.

Постарайся къ сентябрю собрать мнѣ 2000 оброку. Частью суммы я заплачу долгъ, остальнымъ буду жить. Ты себѣ вообразить не можешь моихъ надобностей. Повѣришь ли? На силу могъ рѣшиться купить себѣ крестъ: до сихъ поръ не имѣлъ. Возьми кучера: онъ

будетъ надобенъ. Нельзя ли купить мнѣ пару хорошихъ лошадей, въ 500 рублей или въ 600, въ Вологдѣ? Деньги возьми изъ оброку у старосты, но послѣ сентября. Лошадей береги у себя. Бога ради займись этимъ, и не на шутку. Мѣста, которыя я буду занимать, требуютъ ѣзды; безъ лошадей разореніе: здѣсь за четверню платятъ отъ 500 до 700 въ мѣсяцъ. Еще разъ обнимаю тебя, милый другъ, и остаюсь на всегда твой Констант.

Послѣднее письмо твое я получилъ, мой милый другъ; рубашку пришлю. Между тѣмъ я отправилъ Митьку въ деревню. Заставь его быть при себѣ безотлучно; а если хотя разъ напьется, то не говоря ни слова, пошли за ушицкимъ старостой и вели отвезти въ Вологду въ рекруты за ушицкую вотчину. Вотъ лучшій способъ избавиться отъ пьяницъ. Гдѣ Павелъ Алексѣевичъ?

Вчерашній день Лунина вышла замужъ за полковника Уварова. Невѣста была въ бриліантахъ отъ ногъ до головы. Вотъ самая свѣжая новость. Тетка Уварова, Ярославова, часто говоритъ со мною о тебѣ. Барановъ на дняхъ женится.

Не забудь лошадей; если не пару, то одну купи, рублей въ 400 или отъ 300 до 400; кучера приготовь. Не худо, еслибъ въ октябрѣ у тебя была лошадь, такъ чтобъ по первому пути ее можно было прислать, но не большаго роста и не чалая, и не бѣлая.

CXXXIV.

А. Н. Батюшковой.

21-го сентября 1814 г. (Петербургъ).

Я пишу къ тебѣ довольно часто и удивляюсь, что вы не получаете моихъ писемъ. Послѣднее письмо, въ

которомъ ты увѣдомляешь о болѣзни Вареньки, меня огорчило. Что за болѣзнь ея? И долго ли ей бѣдненькой страдать? Къ огорченіямъ нашимъ еще и дурное здоровье! Ни совѣта, ни утѣшенія не могу дать тебѣ, милый другъ! Надобно вооружиться терпѣніемъ и терпѣніемъ. Увѣдомляй меня теперь почаще о ея здоровьѣ и успокой меня. Право, нужно спокойствіе душевное. Я получилъ еще письмо отъ батюшки, и послѣднее всѣхъ ужаснѣе: требуетъ, чтобы я, оставя все, полетѣлъ къ нему. Могу ли это сдѣлать? Первое, на то надобно позволеніе моего генерала, который живетъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, второе, надобны и деньги. Ужь я ни слова не скажу о томъ, что я потеряю два чина, потеряю мѣсто, и пр. и пр. Я только знаю по опыту, что сіи летучія поѣздки безъ плана, безъ цѣли стоятъ мнѣ много и денегъ, и здоровья. Еслибъ еще была польза!.. Но онъ пишетъ, что здоровье его часъ отъ часу хуже и хуже. Будучи ближе меня къ нему, увѣдомь, милый другъ, нуженъ ли мой пріѣздъ, и вѣрь, что, не глядя на грязь сентябрьскую, я поскачу на край свѣта, если могу быть полезенъ батюшкѣ.

Я думалъ, что ты купишь мнѣ лошадей въ Вологдѣ—вятскихъ, если возможно; а что можетъ мнѣ прислать староста? Крестьянскихъ не ѣзженыхъ клячей! Не худо, еслибъ ты попросила Ивана Семеновича. Постарайся это сладить и доставь мнѣ пару лошадей по первому пути. Я надѣюсь, что вы взяли въ кучеры мальчика; я давно объ этомъ писалъ... Читая твое письмо, я увидѣлъ съ горестью, что печали, тобой претерпѣнныя, лишили тебя дѣятельности, безъ которой жизнь въ тягость, и которую безпрестанно питать должно, ибо твой долгъ тебѣ оную предписываетъ. На твоихъ рукахъ цѣлый домъ и сестра. Я говорю объ томъ, что

ты пишешь. Какъ? Потому что усадьба ваша будетъ со временемъ (и когда это?) раздѣлена, то нельзя имѣть и дому? И что за дѣлежъ въ головѣ твоей? Когда еще выдетъ Варенька за мужъ? И съ тобой ли ей считаться, ей?... Она тебѣ всѣмъ обязана! Нѣтъ, горе тебѣ, если ты такъ будешь въ жизни разсчитывать! Пусть ты была обманута въ жизни людьми недостойными, но разсчитай и утѣшенія, которыя ты имѣла отъ дружбы! Такъ, милый другъ, брось такіе разсчеты! Строй, ради Бога, строй себѣ домъ. Если за домъ просятъ 2700 на десяти саженяхъ, то на семи сдѣлаютъ и за 2000. А двѣ тысячи для тебя не столь важная сумма; ее надобно будетъ отдавать не вдругъ. Какъ можно жить безъ дому? И сколько я каюсь, что не построилъ! Признайся лучше, что недѣятельность твоя тому виною, что у тебя нѣтъ дома до сихъ поръ. Постарайся поправить это и вѣрь мнѣ болѣе, нежели кому-нибудь. Начни, послѣ самой слюбится.

Бога ради, утѣшь меня Варенькой: скажи, что ей легче. Я очень о ней безпокоюсь. Пришли мнѣ 2000. Мнѣ столько платить надобно, столько я имѣю долговъ, что и говорить страшно. Не худо, еслибъ ты написала отъ себя батюшкѣ, что я все потеряю и по службѣ, и по здоровью, и для своихъ, и для его выгодъ, если, сломя голову, поѣду въ деревню—зачѣмъ? Богъ знаетъ!—что надобно помнить и то, что я человѣкъ; что, объѣхавъ цѣлый свѣтъ и возвратясь на горести въ отчизну мою, имѣю нужду въ покоѣ, что, однимъ словомъ... но и я странный человѣкъ! О чемъ хлопочу! Обнимаю тебя, мой милый другъ, сто разъ; будь веселѣе, будь покойнѣе: все къ лучшему! Кстати: я назначенъ въ Измайловскій полкъ. Государь конфирмовалъ представленіе; теперь что-то будетъ въ приказѣ. Это даетъ мнѣ

два чина. Слѣдственно, я могу выйти въ отставку къ штатскимъ дѣламъ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Теперь ожидаю приказа и въ отставку! Лѣкари дали мнѣ свидѣтельство, нельзя и не дать! Я истинно хвораю. Мѣсто въ штатской службѣ мнѣ обѣщаютъ, и я намѣренъ основаться вовсе въ Петербургѣ, въ ожиданіи лучшаго. Прости. К. Б.

Тетушка подарила мнѣ часы въ 700 р.—не могъ отговориться отъ ея подарка—на радости, что ея сынъ возвратился. И я ему радъ душевно: прекрасный, рѣдкій молодой человѣкъ, достойный незабвеннаго отца своего и матери.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ.

CXXXV.

А. Н. Батюшковой.

4-го октября (1814 г. Петербургъ).

Я получилъ твои послѣднія письма и деньги отъ старосты. Изъ твоего счета я ничего понять не могъ. Пришли мнѣ другой; пропиши то, что взято за сей годъ, и сколько мнѣ получить слѣдуетъ. Я считалъ на 4000, но видно крайне ошибся. Кромѣ этой, сколько во всемъ неудачъ! Что дѣлать! Къ батюшкѣ я не поѣду. Какіе совѣты—будь чистосердечна—могу я подать? И еще разъ—да будетъ это въ послѣдній — я писалъ, что мое присутствіе здѣсь необходимо, что я боленъ. Неужели я стану лгать? Не смотря на это, прошу и заклинаю тебя, отпиши ко мнѣ: если могу истинно быть полезенъ, тогда я оставлю все и прилечу. Въ послѣд-

немъ письмѣ онъ пишетъ, чтобъ я оставался въ Петербургѣ. Еслибъ вы знали, какіе дни я провожу и здѣсь. На дняхъ скончалась графиня Ожаровская, старшая дочь Ивана Матвѣевича; я былъ на погребеніи и простудился. Вотъ шестой день боленъ, и боленъ жестоко.

Я пишу, и ты мнѣ не отвѣчаешь на нужныя дѣла. Взяли ли вы кучера изъ деревни? Отпиши къ И. С. Батюшкову объ лошадяхъ; попроси его купить и деньги доставь къ нему, что онъ назначитъ. Къ генварю мнѣ лошади необходимо нужны. Катерина Ѳедоровна покупаетъ домъ, слѣдственно, поставить будетъ гдѣ. Посылаю рубашку на фасонъ. Сдѣлай мнѣ полдюжины, но потонѣе. Благодарю за платки. Сушковъ у меня не былъ, а прислалъ ихъ черезъ Тургенева, что не весьма учтиво. О моей судьбѣ я еще ничего не знаю. Болѣе всего мнѣ потребно время и терпѣніе. Съ рубашкой посылаю кусокъ англійской матеріи, подъ названіемъ тре-козанъ, который отдай отъ меня сестрѣ Лизаветѣ Николаевнѣ; вотъ истинно англійскій гостинецъ, и самый модный; желаю, чтобъ ей понравился, и она сшила себѣ изъ него платье—щеголять зимой на балахъ. Поклонись брату и сестрѣ. Будь здорова, будь веселѣе и люби меня по старому.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ. Съ посылкою подъ л. Л. В., цѣною въ пятьдесятъ рублей.

CXXXVI.

А. Н. Батюшковой.

13-го октября 1814 г. (Петербургъ).

Послѣднее письмо твое меня очень огорчило. Ты жалуешься, мой другъ, на свои обстоятельства и, кажется мнѣ, противъ обыкновенія своего теряешь терпѣніе. Милый другъ, еслибъ другой, а не братъ твой, который знаетъ твои явныя и тайныя горести, еслибъ другой давалъ тебѣ слѣдующій совѣтъ, то ты могла бы его отвергнуть. Не принимай на сердце огорченія, часто минутныя! Боюсь тебѣ заочно давать совѣтовъ на счетъ другихъ обстоятельствъ, но желалъ бы тебя видѣть великодушнѣе и тверже, хотя это и трудно, очень трудно. Я самъ лишенъ вовсе покою. Тысячу вещей меня мучатъ. Молодость моя прошла, а съ ней и вѣтренность отчасти. Осталась одна способность страдать, но къ счастію, я здѣсь имѣю разсѣяніе и Катерину Ѳедоровну, которую Михайло Никитичъ забылъ здѣсь какъ нарочно затѣмъ, чтобъ утѣшать его родственника. Сколько я ей обязанъ! И какъ мало плачу за столько добра! И чѣмъ могу заплатить ей? Ищу чувствъ и движеній въ сердцѣ моемъ и нахожу ихъ, какъ человѣкъ ограбленный ищетъ въ кошелькѣ денегъ. Но какъ бы ни было, мое состояніе лучше вашего. Здѣсь я имѣю друзей, истинно добрыхъ людей, и между ими, конечно, первое мѣсто занимаетъ Лизавета Марковна; ей, конечно, ей я многимъ обязанъ: она меня любитъ и утѣшаетъ, какъ сына. Вотъ по крайней мѣрѣ что-нибудь утѣшительнаго! У васъ и того нѣтъ. Знаю, что моя участь лежитъ у тебя на сердцѣ:

я хочу тебя успокоить по крайней мѣрѣ на мой счетъ и для того прошу тебя—не желай, мой другъ, чтобъ я ѣхалъ къ вамъ. Еслибъ я могъ быть тебѣ или Варенькѣ полезенъ!... О, тогда иное дѣло! Я полетѣлъ бы на край свѣта. Но ѣхать затѣмъ, чтобъ страдать? . Это ужасно, безчеловѣчно!... Письма батюшкины не тебя одну, и меня сбиваютъ. Одно такъ, другое иначе. Не знаю, что отвѣчать? Вѣришь ли, отвѣтъ мнѣ стоитъ многаго! Входить въ его дѣла я не могу, ибо онъ ихъ любитъ самъ дѣлать и никому не поручитъ вполнѣ. У насъ есть опытность на этотъ счетъ. Моимъ имѣніемъ я жертвовать не могу, ибо это безполезно и для меня, и для него, скажу болѣе—для его дѣтей, которымъ я, конечно, буду покровитель и сдѣлаю все, что мнѣ предпишетъ строгій долгъ. Ты знаешь мое сердце и въ этомъ сомнѣваться не можешь. А чудеса не въ нашей власти. Напрасно онъ огорчается и тѣмъ, что я по службѣ несчастливъ. Я счастливъ, слишкомъ счастливъ! Но горести и обстоятельства лишаютъ меня дѣятельности. Еще разъ—да будетъ въ послѣдній!—отпиши ему, а если его увидишь, то скажи ему, чтобъ онъ пощадилъ меня письмами.

Бога ради, строй домъ! Что нужды, что у тебя будетъ долгъ? Ты можешь заложить имѣніе, вмѣстѣ съ Варенькой, для уплаты. Какъ жить безъ дому, какъ не имѣть пристанища, какъ не стараться удвоить доходовъ посредствомъ экономіи, покупкою скота и проч.! У тебя это было бы занятіемъ. Жить день за день, безъ пользы осудительно. Стоитъ только рѣшиться. Ты же имѣешь довольно характера. Но къ несчастію, vous vous abandonnez à votre mauvais sort, какъ бѣдный кормчій въ бурю. Не теряй надежды на Бога; какъ знать? Можетъ еще все перемѣнится: и то утѣшно, что не для себя,

а для другихъ работалъ. Я удивляюсь, что никто за Вареньку не сватается. Нѣтъ ли въ томъ и вашей вины? Надобно ласкать людей, надобно со всѣми жить въ мирѣ. Il faut faire des avances. Такъ свѣтъ созданъ; мое замѣчаніе основано на опытности. Надобно внушить и сестрѣ, что ей надобно стараться нравиться. Il faut avoir des formes agréables, стараться угождать въ обществѣ каждому: гордость и хладнокровіе ни къ чему не ведутъ. Надобно болѣе: казаться веселою, снисходительною. Конечно, и у васъ есть женихи, есть хорошіе люди, ибо я не могу вѣрить, чтобъ ихъ не было и въ губернскомъ городѣ. Но мы ихъ или не знаемъ, или чуждаемся. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но съ добрымъ намѣреніемъ: это мнѣ простительно. Я васъ люблю, милые, добрые мои, единственные друзья!

CXXXVII.

А. Н. Батюшковой.

(Конецъ октября,—начало ноября 1884 г. Петербургъ).

Благодарю тебя за твое послѣднее письмо отъ 13-го октября. Ты пишешь, мой другъ, что не теряешь надежды увидѣть меня въ деревнѣ; не желай этого, если меня любишь, по многимъ причинамъ. Я разсмѣялся, читая замѣчаніе твое о моемъ счастіи. Гдѣ же оно? Всѣ мои товарищи—генералы, менѣе счастливые—полковники. Теперь, если у меня еще осталась тѣнь честолюбія, то, прослужа три войны, спрашиваю у моего разсудка: что остается мнѣ? Счастливъ я еще, что моего самолюбія не перенесъ въ военную службу! Напротивъ того, я могу служить примѣромъ неудачи во всемъ...

Но оставимъ жалобы: онѣ всегда смѣшны, когда дѣло идетъ не до душевныхъ горестей, которыхъ у насъ столько. Вѣрь мнѣ, что я не покойнѣе вашего въ деревнѣ, и что мое здоровье часъ отъ часу болѣе и болѣе страдаетъ. Славу Богу, еще не совсѣмъ потерялъ надежду!

Крестьянинъ привезъ мнѣ конфеты: благодарю за нихъ душевно. Передъ Павломъ Алексѣевичемъ я не столько виноватъ: я писалъ къ нему изъ арміи и изъ Петербурга и ни строки никогда не получалъ въ отвѣтъ. Я знаю, что ему на меня не за что сердиться, то и приписываю его молчаніе лѣни, которою мы можемъ другъ друга упрекать безъ зазрѣнія совѣсти. Попроси его о лошадяхъ; онъ меня очень одолжитъ покупкою пары, рублей въ 400 и болѣе. А о кучерѣ опять ни слова!... Скажи старостѣ, чтобъ онъ высылалъ впередъ деньги сполна, ибо мнѣ по клочкамъ изъ нихъ и дѣлать нечего. Ты себѣ вообразить не можешь, какъ здѣсь все дорого; къ счастію, у меня все готовое. Но одно платье и лошади разоряютъ. Я никуда не ѣзжу: сижу дома и грущу, да объ васъ думаю. Бога ради, утѣшьте меня хоть чѣмъ-нибудь!

Захаровъ вздумалъ ко мнѣ писать; посылаю тебѣ его весьма неблагопристойное письмо. Поручи прочитать его Павлу Алексѣевичу и сдѣлай слѣдующее, если онъ не уймется: первое, не давай знать ни подъ какимъ видомъ, что ты знаешь, что онъ писалъ ко мнѣ, а просто объяви моимъ именемъ старостѣ, чтобъ онъ взялъ его въ деревню, или отпусти его на оброкъ въ Вологду, затѣмъ что опасно и безразсудно тебѣ держать въ домѣ людей безпокойныхъ и развратныхъ, или дѣлай съ нимъ, какъ тебѣ угодно. Будучи въ отдаленіи, я не могу судить о его преступленіи. Но Бога ради, не давай имъ

воли и безъ сердцовъ наказывай: право можно и безъ него обойтиться. Прости, мой милый и добрый другъ, будь счастлива и утѣшай своей любовью твоего преданнаго брата Константъ.

Чѣмъ и когда я могу заплатить Катеринѣ Ѳедоровнѣ за ея любовь? Она спасаетъ меня отъ всѣхъ несчастій. Что бъ я былъ безъ нея? Ужь не говорю, что не имѣлъ бы пристанища; этого мало, не имѣлъ бы ни утѣшенія, ни надежды. Я всегда себя упрекаю, что ея не люблю довольно, не довольно уважаю. И какъ, и гдѣ, и чѣмъ могу быть равенъ съ ней хотя чувствомъ благодарности? Молись за нее, мой другъ, молись за ея дѣтей. Вотъ сокровища, которыя намъ оставилъ Богъ и Михайло Никитичъ, покидая насъ на вѣкъ.

CXXXVIII.

А. И. Тургеневу.

(Октябрь—ноябрь 1814 г. Петербургъ).

Вотъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, мои замѣчанія на стихи Жуковскаго. Не мое дѣло критиковать планъ, да и какая въ томъ польза? Онъ не изъ тѣхъ людей, которые переправляютъ. Ему и стихъ поправить трудно. Я могъ ошибаться, но если онъ со мной въ иныхъ случаяхъ будетъ согласенъ, то заклинаю его и музами, и здравымъ разсудкомъ не лѣниться исправлять: единственный способъ приблизиться къ совершенству.

Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ...

Ужасный стихъ! (Замѣчаніе: я стану только выписывать дурные стихи; моя критика не нужна, онъ самъ почувствуетъ ошибки: у него чутье поэтическое). Послѣ прекраснаго, исполненнаго жизни стиха:

И, радости полна, сама играетъ лира

слѣдуетъ:

Кто славы твоея опишетъ красоту?

Стихъ холодный, прозаическій. Пусть поэтъ описываетъ славу государя, увлеченный своимъ энтузіазмомъ, но никакъ не упоминаетъ о словѣ описывать. Пусть его переходы будутъ живы и пр. Жуковскій мастеръ этого дѣла. Пусть онъ начнетъ прямо съ слѣдующаго стиха:

Съ благовѣніемъ, и проч.
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Дробила надъ главой земныхъ народовъ брань.

Брань, которая дробитъ державы надъ главой земныхъ народовъ! Я этого не понимаю и прошу истолковать.

Нѣтъ, выше бурь вѣнца ты ею возносился.

Не лучше ли: бурь земныхъ? Такъ я думаю; впрочемъ, могу ошибаться.

Цари, невнимательны и пр.
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать сбиралися толпами...

Эти стихи такъ спутаны, что въ нихъ и смыслъ теряется; притомъ замѣтьте: тѣнь наклонившихся престоловъ царскихъ, въ которую, какъ въ неприступную сѣнь, отъ бѣдствій и бурь стекаются народы. Что это значитъ? Поправляй, поправляй, лѣнивецъ!

И первый лилій тронъ у Галловъ надъ главами
Разгрянулся въ куски и вспыхнулъ, какъ волканъ.

Тронъ разгрянулся надъ главой Галловъ, и какъ? въ куски. И что же? Вспыхнулъ, какъ волканъ! Не хорошо! Потомъ: великанъ, который

Взорами на міръ ужасно засверкалъ,—

каррикатура и ничего не значитъ. Бонапарте надобно лучше и сильнѣе характеризовать.

Я не замѣчу:

На народы двинулъ рабства плѣнъ.

Если это выраженіе не вѣрно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ силу и живость

Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, кричало: брань!
Тамъ все изъ-подъ бича къ стопамъ тирана дань
На пользу буйственнымъ мечтамъ принесть спѣшило.

Мы закричимъ: Жуковскій, поправь и эти три стиха! Первый дуренъ, а другіе не хороши.

И мздой свою постель страданье выкупало

надобно поправить.

И юность ихъ (дѣтей) какъ на могилѣ цвѣтъ....

На могилѣ—ничего не значитъ. Не лучше ли:

И юность ихъ была минутный жизни цвѣтъ.

И хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за тропомъ падалъ тронъ,
И скоро, сдавленный губителя стопою,
Угасшій пепелъ ихъ покрылся мертвой мглою.

Я не стану дѣлать замѣчаній, онъ самъ догадается: мое дѣло обратить вниманіе на слабыя мѣста.

Рати, спѣшащія раздробить еще пріютъ свободы. Пріютъ свободы раздробить! Какія ошибки! Но какъ легко ихъ поправить этому варвару Жуковскому! Впрочемъ, не худо бы сжать и все описаніе бѣдствій до стиха:

За сей могилою и пр.

Чѣмъ короче, тѣмъ сильнѣе.

Какъ ни слова не сказать о философахъ, которые приготовили зло! За то, сколько прекрасныхъ, божественныхъ стиховъ! Но я не стану хвалить. Критика нужнѣе.

Въ толпѣ прекрасныхъ стиховъ я долженъ замѣтить сей темный:

Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья.

Вторая половина вся прелестна, и рука не подымется дѣлать замѣчанія. Здѣсь Жуковскій превзошелъ себя: его стихи—вѣрьте мнѣ!—безсмертные.

Cet oracle est plus sûr.

Если вы хотите сдѣлать великолѣпное изданіе, то вотъ мой совѣтъ: просите Алексѣя Николаевича нарисовать какую-нибудь мысль, а въ концѣ всего приличнѣе—его медаль на клятву всѣхъ состояній. Батюшковъ.

CXXXIX.

В. А. Жуковскому.

3-го ноября (1814 г. Петербургъ).

Я часто сбирался писать къ тебѣ, мой милый другъ, и до сихъ поръ не знаю, что̀ могло помѣшать. Къ несчастію моему, я уже давно въ Петербургѣ. Къ несчастію!... Развѣ ты не знаешь, что мнѣ не посидится на мѣстѣ, что я сдѣлался совершеннымъ Калмыкомъ съ нѣкотораго времени, и что пріятелю твоему нуженъ о с ѣ д л о к ъ, какъ говоритъ Шишковъ, пристанище, гдѣ

онъ могъ бы собраться съ духомъ и силами душевными и тѣлесными, могъ бы дышать свободнѣе въ кругу такихъ людей, какъ ты, напримѣръ? И много ли мнѣ надобно? Цвѣты и убѣжище, какъ говоритъ терзатель Делиля, нашъ злой и добрый духъ, который прогуливается на землѣ въ видѣ Воейкова. Къ несчастію, ни цвѣтовъ, ни убѣжища! Однѣ заботы житейскія и горести душевныя, которыя лишаютъ меня всѣхъ силъ душевныхъ и способовъ быть полезнымъ себѣ и другимъ. Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда у Дѣвичьяго монастыря ты жилъ съ музами въ сладкой бесѣдѣ! Не знаю, былъ ли тогда счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени. Я самъ крутился въ вихрѣ военномъ и, какъ слабое насѣкомое, какъ бабочка, утратилъ мои крылья. До Парижа я шелъ съ арміей, въ Лейпцигѣ потерялъ добраго Петина. Ты будешь всегда помнить этого молодаго человѣка: рѣдкая душа—и такъ рано погибнуть! Въ Парижъ я вошелъ съ мечемъ въ рукѣ. Славная минута! Она стоитъ цѣлой жизни. Два мѣсяца я кружился въ вихрѣ парижскомъ; но повѣришь ли? Посреди чудеснаго города, среди разсѣянія я былъ такъ грустенъ иногда, такъ недоволенъ собою—отъ усталости, конечно. Изъ Парижа въ Лондонъ, изъ Лондона въ Готенбургъ, въ Стокгольмъ. Тамъ нашелъ Блудова; съ нимъ въ Або и въ Петербургъ. Вотъ моя Одиссея, по истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель-богъ: кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого

Венера, кого Фуріи, а меня—Скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно — въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что въ немъ, мой милый другъ, и чѣмъ замѣню утраченное время? Дай мнѣ совѣтъ, научи меня, наставь меня: у тебя доброе сердце, умъ просвѣщенный; будь же моимъ вожатымъ! Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ! Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ; я не Плутархъ, къ несчастію, и не имѣю довольно философіи, чтобы заняться бездѣлками. Что же дѣлать? Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысячу надеждъ, тысячу очарованій и въ себѣ, и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное.

Если захочешь, можешь отвѣчать на мой бредъ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ священномъ для тебя и для меня по многимъ причинамъ: списка сочиненій Муравьева я не получалъ, и съ кѣмъ ты послалъ—не знаю. Милый другъ, тебѣ дано порученіе по твоему произволу, и ты до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ! Карамзинъ, занятый постоянно важнѣйшимъ дѣломъ, какое когда-либо занимало гражданина, нашелъ свободное время для исправленія рукописей Муравьева. Я не стану тебѣ дѣлать упрековъ, но долгомъ поставляю отъ лица общества, просить тебя снова начать прерванный трудъ. Доставь мнѣ списокъ исправленный стиховъ по крайней мѣрѣ и съ вѣрной оказіей. Я беру на себя трудъ издателя. Доставь его въ скоромъ времени. Здѣсь я перебираю

прозу. Вотъ мое единственное и сладостное занятіе для сердца и ума. Сколько воспоминаній! Перечитывая эти безцѣнныя рукописи, я дышу новымъ воздухомъ, бесѣдую съ новымъ человѣкомъ, и съ какимъ?. Нѣтъ, никогда не повѣрю, чтобъ ты лѣнь предпочелъ удовольствію заниматься и трудиться надъ остатками столь рѣдкаго дарованія, надъ прекраснымъ наслѣдствомъ нашимъ! Сдѣлай маленькое предисловіе, то, что сдѣлалъ Николай Михайловичъ въ своемъ изданіи. «Жизнь» будетъ не нужна. Нѣсколько строкъ твоей прозы и твое имя — вотъ о чемъ прошу тебя, жестокій! Бога ради, пришли скорѣе все; иначе я и Блудовъ, мы утратимъ половину нашего уваженія къ тебѣ: любить тебя менѣе будемъ, если это возможно. Ты не похожъ на нашего пріятеля ***, который, на мѣсто замѣчаній на мое письмо о Муравьевѣ, прислалъ мнѣ кучу площадныхъ шутокъ, достойныхъ Пушкина. Я долгомъ, и священнымъ долгомъ поставлю себѣ возвратить обществу сочиненія покойнаго Муравьева. Между бумагами я нашелъ Письма Емиліевы, составленныя изъ отрывковъ; ихъ-то я хочу напечатать. Я увѣренъ, что они будутъ полезны для молодости и пріятное чтеніе для ума просвѣщеннаго, для добраго сердца. Воейковъ, изъ пріязни ко мнѣ (я и не смѣю думать, чтобъ моя проза имѣла какое-нибудь достоинство), Воейковъ назначилъ нѣсколько моихъ піесъ и между ими письмо о Муравьевѣ. Ты имѣешь его. Замѣть то, что тебѣ не понравится: ошибки противъ слога. Прибавь, если хочешь. Это письмо будетъ имѣть интересъ: я говорилъ о нашемъ Фенелонѣ съ чувствомъ; я зналъ его, сколько можно знать человѣка въ мои лѣта. Я обязанъ ему всѣмъ и тѣмъ, можетъ-быть, что я умѣю любить Жуковскаго. Еще разъ повторяю: изъ двухъ книгъ Муравь-

ева, Карамзинымъ изданныхъ, изъ стиховъ и прозы, которыхъ ты наберешь, изъ Писемъ Емилія, которыя я намѣренъ напечатать, мы составимъ нѣчто цѣлое. Катерина Ѳедоровна не пожалѣетъ денегъ на изданіе: она любитъ и гордится славою своего незабвеннаго друга. Вотъ будетъ книга рѣдкая у насъ въ Россіи! Это изданіе меня занимаетъ. Ты не разсѣешь, конечно, моей надежды. Лѣность твоя не можетъ быть извиненіемъ, когда дѣло идетъ о пользѣ общественной и о выгодахъ мертваго.

Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму? Зачѣмъ не переводишь ты Попа и посланіе къ Абеляру? Чудакъ! Ты имѣешь все, чтобъ сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ. У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь баллады! Оставь бездѣлки намъ. Займись чѣмъ-нибудь достойнымъ твоего дарованія. Вотъ мое мнѣніе: оно чистосердечно. Пускай другіе кадятъ тебѣ; я лучше умѣю: я чувствую, наслаждаюсь, восхищаюсь твоимъ геніемъ и признаюсь, сожалѣю о томъ, что ты не избралъ медленнаго, но постояннаго и вѣрнаго пути къ славѣ. Къ славѣ! Она не пустое слово; она вѣрнѣе многихъ благъ бреннаго человѣчества. Когда-нибудь поговорю о моихъ мараньяхъ. Говорить о Муравьевѣ и потомъ о Жуковскомъ, и заключить собою— это противно вкусу и разсудку. Теперь прости, милый другъ! Помни меня, люби меня и пожалѣй о добромъ Батюшковѣ, который все утратилъ въ жизни, кромѣ способности любить друзей своихъ. Онъ никогда не забудетъ тебя; онъ гордится тобою. К. Б.

Не у тебя ли Муравьева Письма къ молодому человѣку объ исторіи?

CLX.

Г-жѣ Петиной.

13-го ноября 1814 г. (Петербургъ).

Милостивая государыня! Простите мнѣ великодушно, если моимъ письмомъ я растравлю глубокую и неизцѣлимую рану вашего сердца; но я знаю, что слезы матери, горестныя и вѣчныя, имѣютъ нѣкоторую сладость для сердца, исполненнаго вѣры и надежды на Бога, единственнаго утѣшителя въ печаляхъ.

Я имѣлъ счастіе быть извѣстенъ вамъ при жизни незабвеннаго вашего сына, съ которымъ я провелъ, въ бытность вашу въ Москвѣ, нѣсколько мѣсяцевъ, счастливѣйшихъ въ моей жизни. Незабвенный вашъ Иванъ Александровичъ былъ мой товарищъ на войнѣ и другъ мой. Время не изгладитъ его изъ моей памяти. Всѣ товарищи, всѣ офицеры, всѣ тѣ, которые знали его, жалѣютъ о преждевременной его кончинѣ. Мы уважали въ немъ рѣдкія его качества: неустрашимость въ опасности, постоянную кротость, любовь къ товарищамъ, снисхожденіе къ подчиненнымъ, добродушіе и откровенность въ обществѣ, свѣтлый умъ и прекрасную душу. Какъ ни горестна потеря такого друга для меня, она ничто въ сравненіи съ вашей. Одинъ Всевышній можетъ измѣрить ее въ сердцѣ матери; одинъ Всевышній въ силахъ подать вамъ твердость и упокоеніе.

Я былъ въ Лейпцигской битвѣ и на могилѣ Ивана Александровича, къ которой привелъ меня его камердинеръ. Отдавъ послѣдній долгъ моему другу и храброму полковнику, я потребовалъ пастора и просилъ его убѣдительно сохранить священные остатки русскаго

воина. «Здѣсь», сказалъ я,—«будетъ воздвигнутъ памятникъ его родственниками и неутѣшною матерью». Онъ далъ мнѣ слово сохранить въ цѣлости драгоцѣнную могилу.

Теперь, милостивая государыня, возвращаясь въ мое отечество, я поставилъ себѣ священнымъ долгомъ сдѣлать вамъ слѣдующее предложеніе: воздвигнуть памятникъ надъ прахомъ вашего сына. И вотъ на сіе способъ: вы можете прислать приличную сумму, до тысячи рублей, если вамъ угодно, на имя Александра Ивановича Тургенева, директора департамента духовнаго, который, бывъ воспитанъ въ университетѣ съ сыномъ вашимъ и любя его какъ брата, беретъ на себя препроводить деньги въ Лейпцигъ къ своему знакомому, чтобъ заказать тамъ приличный монументъ. Вы можете быть увѣрены въ томъ, что порученіе ваше будетъ исполнено со всею возможною точностію и стараніемъ, и г. Тургеневъ отдастъ вамъ отчетъ по совершеніи онаго. Я беру на себя сдѣлать приличную надпись и заказать рисунокъ. Конечно, ни одинъ художникъ не откажется отъ столь прекраснаго занятія.

Сладостно и пріятно помыслить, что на полѣ славы и чести, на томъ полѣ, гдѣ Русскіе искупили цѣлый міръ отъ рабства и оковъ, на полѣ, запечатлѣнномъ нашею кровью, русскій путешественникъ найдетъ прекрасный памятникъ, который возвратитъ ему имя храбраго воина, его соотечественника, и почтитъ его память, драгоцѣнную для потомства! Я исполню то, что обѣщался на могилѣ храбраго Петина, и счастливымъ назову себя, если вы не отринете мое предложеніе, усердіемъ и дружбою внушенное. Удостойте меня отвѣтомъ, милостивая государыня, и вѣрьте, что я пребуду навсегда съ чувствомъ глубочайшаго почитанія

къ матери моего друга и товарища вашъ покорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ.

Имя пастора той деревни, гдѣ погребено тѣло Ивана Александровича, у меня записано, но имя села потеряно. Камердинеръ его знаетъ, конечно. Впрочемъ, и по одному имени пастора можно будетъ отыскать могилу, тѣмъ болѣе, что тотъ, кому будетъ сдѣлано порученіе, ничего не упуститъ для исполненія его со всею возможною точностію. Мой адресъ: Конст. Никол. Батюшкову, въ жительствѣ Александра Ивановича Тургенева, въ департаментѣ его сіятельства князя А. Н. Голицына.

CXLI.

А. Н. Батюшковой.

29-го января 1815 г. (Петербургъ).

Я жестоко былъ боленъ, милый другъ, простудился и простуда бросилась на нервы. Нѣтъ, ты одна знаешь сіе мученіе! Болѣло горло, я чувствовалъ безпрестанное удушье, тоску и наконецъ лихорадку, отъ которой избавился хиною. Тетушка ходила за мною, какъ за сыномъ: никогда и ничѣмъ я не въ состояніи заплатить ея попеченія. Меня утѣшали, какъ ребенка. Теперь сижу на хинѣ. Мнѣ стало полегче, и нервы мои успокоились, къ счастью. Я чуть было не былъ таковъ, какъ въ мою жестокую болѣзнь. Прости, что о дѣлахъ я тебѣ не пишу. Да и о чемъ писать? Повторяю то же и то же: что подалъ просьбу въ отпускъ, а когда получу его, Богъ знаетъ. Въ отставку я никогда не просился и впередъ прошу ни въ чемъ не вѣрить письмамъ Прево, который самъ не знаетъ, что бол-

таетъ и что на меня выдумывалъ. Напиши мнѣ что-нибудь пріятное, мой другъ: это лучше хины для меня, которой меня душатъ отъ утра до ночи. Обнимаю тебя отъ всей души. Какова теперь Варенька? Конст. Бат.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Устюжнѣ Желѣзопольской.

CXLII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

(Февраль 1185 г. Деревня).

Я пишу къ вамъ, милая тетушка, изъ деревни сестры моей, которая меня утѣшаетъ своею дружбою, послѣ всѣхъ заботъ и огорченій. Я былъ у батюшки и нашелъ его въ горестномъ положеніи: дѣла его разстроены, но поправить можно ему самому. Шесть дней, которые провелъ у него, измучили меня. Но я здоровъ и уѣду въ Каменецъ, если получу отвѣтъ на мое письмо отъ Бахметева. Довольно обо мнѣ. Какъ ваше здоровье? Право, не знаю съ чего начать, говоря съ вами Пишетъ ли милый братъ? Какъ вы съ нимъ разстались? Милая, добрая тетушка, вы, которыя замѣнили мнѣ и мать, и все, что я имѣю драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ, поберегите себя для дѣтей вашихъ. Ихъ сохранитъ святое Провидѣніе. Вы и отецъ ихъ столько добра сдѣлали, столько вамъ приверженныхъ и благодарныхъ сердецъ, которыя умолятъ святое Провидѣніе! Соберите силы ваши. Милый, добрый братъ мой—рѣдкій и примѣрный молодой человѣкъ. Онъ возвратится. Поберегите себя для радостнаго свиданія. Я кончу мое письмо: почта отходитъ. Я очень грустенъ. Нѣтъ ни

одной веселой, утѣшительной мысли. Къ печали печаль, и объ васъ спокойно думать не могу, и вы меня сокрушаете. Сашу и дѣтей обнимаю, домашнимъ и всѣмъ знакомымъ мой поклонъ и почтеніе. Сто разъ мысленно цѣлую ручки ваши. Олениным̀ъ, дядюшкѣ и тетушкѣ мое почтеніе. Поручите Николаю Ивановичу писать ко мнѣ. Еще разъ простите, будьте великодушны и укрѣпитесь душевно и, помышляя объ отсутствующемъ Никитѣ, вспомните, что я желаю приблизиться къ нему моею къ вамъ приверженностію. Константинъ.

CXLIII.

Князю П. А. Вяземскому.

(Первая половина 1815 г. Деревня).

Я нахожу, что начало твоего посланія растянуто. Это можно легко поправить: надобно болѣе сжать до стиха:

О, милая подруга,

и не растягивать мыслей въ длинныхъ поэтическихъ періодахъ, которые охлаждаютъ читателя и утомляютъ любопытство. Сдѣлай начало короче, короче какъ можно.

Вѣчныхъ болтуновъ,
Съ вѣстями неразлучныхъ...

Не лучше ли:

Съ злословьемъ неразлучныхъ,

ибо болтунъ невольно дѣлается злословенъ, а вѣсти не всегда подъ рукой.

Безграмотныхъ писцовъ,
Числящихся въ поэтахъ,

Числящихся—очень не хорошо, холодно, и удареніе не на мѣстѣ; это надобно необходимо поправить. И далѣе, вступленіе à la Gresset растянуто; впрочемъ, стихи хороши, но они длинны и задерживаютъ начало, то-есть:

О, милая подруга, и пр.
Приди подъ кровъ родной,
Подъ кровъ уединенный,
Счастливый и простой,
Гдѣ счастье неизмѣнно.

Еслибъ ты меня звалъ подъ свой кровъ и нанизалъ въ разговорѣ столько эпитетовъ, то я вѣрно бы не пошелъ. Бога ради, это поправь! Вообрази себѣ, что кровъ родной—этого довольно, а еще уединенный и простой; счастливый—этого мало, но еще гдѣ счастье неизмѣнно! Замѣни это живописными стихами.

Хотя мы жили мало, и пр.

до стиха:

Гдѣ мы найти ласкались
И счастье, и покой.

прекрасно, истинно прекрасно! И далѣе все мило!

Съ небесъ необходимъ

можно замѣнить, но это—бездѣлка. Далѣе, удвоенныя риѳмы очень счастливы и придаютъ стихамъ какую-то прелесть и новость. Въ нихъ виденъ abandon, сердечное изліяніе, чего до сихъ поръ въ твоихъ стихахъ я не замѣчалъ.

Твой утренній нарядъ, и пр.

прекрасно.

А тамъ тропу отъ спальной
Къ бесѣдкѣ надъ купальной
Прокладываешь ты.

Прелестно! Жаль, что риѳмы невѣрны.

И розу мнѣ приносишь—
Подобіе себя—

мадригалъ, но очень кстати. Далѣе все дышетъ чувствительностью. Я говорю, что ты здѣсь въ первый разъ поэтъ и не гоняешься за умомъ. Вотъ стихи! Противоположность счастія домашняго съ шумомъ и суетой свѣта очень удачна, и всѣ стихи прелестны, и это доказываетъ, что начало надобно перемѣнить или сжать болѣе, какъ я говорилъ: иначе здѣсь будетъ повтореніе.

То, что ты говоришь о Жуковскомъ, не очень счастливо, то-есть, первые четыре стиха.

И страшный ужъ порой

не хорошо; объ немъ можно лучше говорить; и что значитъ

Наперсникъ вѣдьмъ и грацій?

Вѣдьмъ! Не лучше ли фей? Перемѣни это. Конецъ весь прекрасенъ:

О, дружба, жизни радость!
О, дружба, весь я твой!

Прекрасно, и очень кстати! Вообще я доволенъ твоимъ посланіемъ и увѣрительно могу сказать, что оно лучше всѣхъ твоихъ стиховъ. Въ немъ есть истинныя красоты. Постарайся исправить то, что я замѣтилъ; дай болѣе жизни началу, выбрось повторенія. Тогда критика, любовь и дружба тебя назовутъ своимъ поэтомъ.

CXLIV.

Н. И. Гнѣдичу.

3-го мая 1815 г. (Череповецъ).

Съ чего начну мое письмо, любезный другъ? Хотѣлъ много написать и ничего не напишу. На что разсказывать старое, то-есть, ничего пріятнаго. Поговоримъ лучше о моемъ дѣлѣ. Ты, конечно, получилъ свидѣтельство на мое имя черезъ почту; по вѣрющему письму, которое я тебѣ оставилъ, ты можешь приступить къ требованію денегъ въ ломбардѣ. Милый другъ, не откажись отъ этихъ хлопотъ, скучныхъ и заботливыхъ, но они-то мнѣ докажутъ твою дружбу; притомъ, кромѣ тебя, я никого не имѣю, кому бы могъ повѣрить значительную сумму. Принявъ оную, заплати что слѣдуетъ въ ломбардъ, то-есть, 2780, а если что останется, то оставь у себя, а я тебѣ немедленно отпишу, куда дѣвать остальныя деньги. Успокой меня на этотъ счетъ. 10-го мая будетъ срокъ, хлопочи скорѣе. Если нужно, попроси Нелединскаго или Катерину Ѳедоровну: она знакома съ Тутолминымъ и, конечно, отъ сего не откажется. Однимъ словомъ, дай мнѣ вздохнуть. И здѣсь у меня хлопотъ множество и множество огорченій. Одна дружба сестры—мое утѣшеніе. Еще просьба: я писалъ къ Дашкову, просилъ его, чтобъ онъ узналъ у Сукина, получитъ-ли Бахметевъ отпускъ въ Баденъ рѣшительно; если нѣтъ, то я поѣду къ нему, не замедля ни однимъ днемъ. Проси его, чтобъ онъ мнѣ отвѣчалъ. Мой отъѣздъ зависитъ отъ сего. Къ Бахметеву я писалъ, но по разстоянію врядъ ли получу скорый отвѣтъ. Къ Гагарину пришлю остальной долгъ, дай

только справиться съ хлопотами. Обнимаю тебя, моего милаго друга. Пожелай мнѣ терпѣнія и здоровья, а тебѣ, конечно, добра желаю, ибо твое постоянное дружество—мое утѣшеніе. Пріѣхалъ ли къ вамъ многообѣщанный Жуковскій? Обними его за меня. Напомни обо мнѣ Олениным̀ъ и Катеринѣ Ѳедоровнѣ; что она дѣлаетъ? Ходи къ ней почаще и узнавай о Никитѣ. Пиши ко мнѣ, Бога ради, пиши, не пропустя первой почты, ибо я буду ожидать нетерпѣливо отвѣта. Адресуй въ Череповецъ.

CXLV.

Е. Ѳ. Муравьевой.

21-го мая 1815 г. (Деревня).

Съ часу на часъ ожидаю писемъ отъ Бахметева. Участь моя отъ него зависитъ, а отставка—отъ военныхъ обстоятельствъ. Отправляюсь немедленно въ Каменецъ по первому письму генерала и оттуда буду писать къ вамъ и къ брату обо всѣхъ обстоятельствахъ. Но если вы меня удостоите отвѣтомъ, то пишите сюда. Сестра перешлетъ письмо, если меня здѣсь не застанетъ. Я готовъ къ отъѣзду, куда велитъ судьба, хоть въ армію, но желалъ бы устроить сперва мои дѣла. Что сдѣлалъ Гнѣдичъ по моему письму? Хоть бы строчку написалъ! Скажите ему, что эта лѣность... или лучше, ничего не говорите! Я имѣю полное право на его снисходительность; его молчаніе меня оскорбляетъ: это похоже на холодность... Здѣсь, конча мои дѣлишки, я буду совершенно покоенъ до новаго года. Если Бахметевъ позволитъ, то прилечу въ Петербургъ; но край-

ней мѣрѣ эта мысль меня болѣе веселитъ, нежели пребываніе и безплодная жизнь въ Каменцѣ. Впрочемъ, я ничего не желаю и буду исполнять мой долгъ en véritable chevalier: служить не тужить, по пословицѣ.

Бога ради, пошлите за Жуковскимъ и допросите его, что сдѣлалъ онъ съ бумагами. Если по первому зову не явится (онъ на это мастеръ, я знаю), въ такомъ случаѣ пошлите ему это письмо для улики. Оно, какъ фурія, пробудитъ спящую въ немъ совѣсть и лишитъ его сна и аппетита. Шутки въ сторону, я его извинять болѣе не могу за лѣность и безпечность на счетъ изданія. Какъ литераторъ, онъ виноватъ; какъ человѣкъ, которому вы довѣряли по одному уваженію къ его дарованіямъ и рѣдкой его душѣ, онъ виноватъ еще болѣе. Что сдѣлали вы сами съ книгами? Говорили ли съ Костогоровымъ по его счету, а я вамъ буду долженъ около ста рублей; такъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ. Спросите его подробный счетъ. Не упускайте Мартынова: не для денегъ, для пользы наукъ желательно, чтобы сочиненія Михаила Никитича находились въ рукахъ юношества. Еслибы г. Костогоровъ мнѣ написалъ, что онъ сдѣлалъ и какъ! Но боюсь употреблять во зло его снисхожденіе.

CXLVI.

Е. Ѳ. Муравьевой.

6-го іюня 1815 г. (Деревня).

Радуюсь сердечно, почтенная и милая тетушка, что вы получили письма отъ Никиты; я къ нему пишу въ смыслѣ вашего письма, но совершенно противъ моей

совѣсти, ибо издали судить о вещахъ не возможно съ нѣкоторою справедливостію. Онъ къ вамъ не пишетъ, что хочетъ оставить князя, слѣдовательно, и не оставляетъ его. Что же касается до опасности военной, то она повсюду почти одинакова, и лучшая защита—Провидѣніе: а вамъ вѣра въ него необходимо нужна. Вы испытали это не одинъ разъ въ жизни, но имѣете утѣшеніе—сына, который своимъ поведеніемъ и успѣхами усладитъ ваши горести. На него считать можно. Теперь обратите вниманіе ваше на другаго. Время безцѣнное проходитъ, любезная тетушка! Дай Богъ, чтобы Сашенька походилъ на своего брата и сердцемъ, и умомъ! Я надѣюсь, что это сбудется. Изъ числа истинно прекрасныхъ дѣлъ воспитаніе дѣтей вашихъ должно болѣе всего плѣнять добрыя сердца. Они васъ уважать будутъ. Они въ дѣтяхъ вашихъ благословятъ васъ.

Я ѣду въ Каменецъ послѣ завтра, если что не воспрепятствуетъ. Оставаться здѣсь болѣе не возможно. Будущей моей судьбы не знаю; знаю только, что мое здоровье совершенно разстроено. Надежда васъ увидѣть меня поддерживаетъ. Мы живемъ не въ такія времена, чтобы думать о счастіи и спокойствіи. Одно утѣшеніе остается—исполнять долгъ свой. Спросите Алексѣя Николаевича, не получалъ ли онъ отвѣта отъ князя Волконскаго, рѣшительнаго отвѣта? Если переводъ въ гвардію не удастся, Богъ съ нимъ. Я перенесу это огорченіе безъ дальнихъ усилій. Но признаюсь вамъ, что мнѣ пріятнѣе бы было получить два чина при отставкѣ, однимъ словомъ—то, что я заслужилъ. Неудачи по службѣ меня отвратили отъ нея совершенно. Простите, любите меня: ваше дружество мнѣ нужнѣе всего на свѣтѣ. Вы не знаете сами всего добра, которое мнѣ дѣлаете, милая тетушка. Сто разъ цѣлую ваши ручки. Изъ Москвы писать буду. Вамъ преданный Константинъ.

CXLVII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Первая половина іюня 1815 г. Деревня).

Письмо твое отъ 20-го мая получилъ; ты мнѣ дѣлаешь упреки. Я въ правѣ тебѣ ихъ дѣлать за твое молчаніе. Я писалъ къ Дашкову о дѣлѣ въ хлопотахъ домашнихъ. Вотъ почему не писалъ къ тебѣ первому. Ты можешь со мною лѣниться, какъ тебѣ угодно, махіавельствовать и проч. Я люблю тебя по старому, какъ добраго друга, котораго на другихъ не въ силахъ промѣнять. Вотъ мое признаніе, если ты его хотѣлъ. Благодарю за исправность твою по ломбарду. Душевно желаю, чтобъ это безъ хлопотъ кончилось. Сдѣлай, какъ я писалъ. Заплати деньги по займу въ ломбардъ за старое имѣніе, сколько причтется. Если что-нибудь останется, то удержи у себя; я отпишу тебѣ, что съ этимъ дѣлать. О Гагаринѣ остальномъ долгѣ я не безпокоюсь; черезъ нѣкоторое время сестра тебѣ вышлетъ эту сумму; теперь я не могу отдѣлить изъ моихъ денегъ: самому надобно на дорогу.

На дняхъ непремѣнно отправляюсь въ Каменецъ. Ничего тебѣ утѣшительнаго о себѣ сказать не могу. Кругомъ меня печальныя лица. У меня для будущаго ни одной розовой мысли. Самое пребываніе въ Каменцѣ не очень лестно. На счастіе я права не имѣю, конечно, но горестно истратить прелестные дни жизни на большой дорогѣ, безъ пользы для себя и для другихъ; по моему, уже лучше воевать. Всего же горестнѣе (и не думай, чтобы это была пустая фраза) быть оторваннымъ отъ словесности, отъ занятій ума, отъ милыхъ привы-

чекъ жизни и отъ друзей своихъ. Такая жизнь—бремя. Есть лѣкарство скукѣ: пушечные выстрѣлы. Не къ нимъ ли опять ведетъ упрямая судьба?

Радуюсь, что Жуковскій у васъ и надолго. Его дарованія и его характеръ—не ходячая монета въ обществѣ. Онъ скоро наскучитъ, а я ему еще скорѣе, и пыльные булевары, и ваши словесники, и ладонъ хвалебный. Познакомься съ нимъ потѣснѣе: вѣрь, что его умъ и душа—сокровище въ нашемъ вѣкѣ. Я повторяю не то, что слышалъ, а то, что испыталъ. Проси его, чтобы онъ ко мнѣ написалъ нѣсколько строкъ на досугѣ. Я имѣю нужду въ твоей дружбѣ, въ его дружбѣ. Вотъ мои единственныя сокровища, одно, что мнѣ оставила фортуна!

Огорченія Катерины Ѳедоровны весьма естественны. Разлука съ сыномъ для матери есть несчастіе, и для какой матери, и съ какимъ сыномъ! Молодой Муравьевъ будетъ украшеніемъ Россіи, если пойдетъ по стопамъ своего отца. Умъ дѣльный, большія способности и сердце своего родителя съ пламенною душею матери: рѣдкое сочетаніе! Дай Богъ ему здоровья и успѣха!

Радуюсь успѣху Лобанова и не удивляюсь ему. трагедія его стоила того. Переводъ очень хорошъ, но для успѣха въ словесности я желалъ бы, чтобъ онъ занялся чѣмъ-нибудь полезнѣе. Расина переводить не возможно.

Кончу мое посланіе. До Каменца писать не буду, но если случится затрудненіе по ломбарду, то посовѣтуйся съ Катериною Ѳедоровною и отпиши прямо къ сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ: она предприметъ другія мѣры для вноски суммы за сей годъ. Не теряй времени. Будь счастливъ и вѣрь дружбѣ твоего Константина.

Сдѣлай одолженіе, пошли на почту справиться, присланъ ли на мое имя чай; по вѣрющему моему письму ты имѣешь право его получить; пришли мнѣ его, онъ нуженъ моему больному желудку. Я нарочно выписалъ его изъ Москвы. Подари изъ моихъ денегъ пять рублей сторожу, который ходитъ на почту: я при отъѣздѣ забылъ ему дать и за прежнія путешествія.

Пришли чаю!

Адресъ: Н. И. Гнѣдичу. Въ Императорскомъ книгохранилищѣ.

CXLVIII.

М. Е. Лобанову.

(Іюнь 1815 г. Деревня).

Покорнѣйше прошу васъ, любезный товарищъ и собратъ на Геликонѣ, спуститься съ высотъ парнасскихъ въ лавку Абдалы-Кучу-Саиръ-Ибрагима и взять у него для бѣднаго поэта два фунта табаку; да пророкъ воздастъ тебѣ за эту услугу, да родятся розы и ясмины подъ стопама твоима, и риѳмы да текутъ изъ пера твоего, какъ розовое масло течетъ для праведниковъ изъ сосудовъ яхонтовыхъ въ долинѣ успокоенія, и да Яковлевъ трезвъ и бодръ будетъ играть твоего Агамемнона!.. Это чудо всѣхъ несбыточнѣе. К. Батюшковъ.

Прилагаю 10 рублей. А табаку самаго лучшаго!

Адресъ: Милостивому государю Михаилу Астафьевичу Лобанову.

CXLIX.

Н. И. Гнѣдичу.

10-го іюля (1815 г.). Каменецъ-Подольскій.

Языкъ до Кіева доведетъ, а изъ Кіева не такъ далеко до Волыни, а съ Волыни на Подоль и наконецъ въ Каменецъ, откуда я пишу къ тебѣ, мой милый другъ,

Съ усталой отъ заботъ и праздности душою,

которую ни труды, ни перемѣна мѣста, ни перемѣна заботъ не могутъ вылѣчить отъ скуки, весьма извинительной, ибо я проѣхалъ черезъ Москву около трехъ тысячъ верстъ, если не болѣе, зачѣмъ? Чтобъ отдалиться отъ друзей. Наконецъ я здѣсь, къ удивленію моего генерала, который принялъ меня весьма ласково, меня и другаго адъютанта, Давыдова, котораго полиція московская выгнала изъ Москвы, какъ меня—петербургская. Но Каменецъ и безъ насъ существовалъ. Я это предвидѣлъ, предчувствовалъ. Теперь я не имѣю скорой или близкой надежды увидѣться съ тобою и выцарапать тебѣ послѣдній твой глазъ, который дальновиднѣе моихъ обоихъ, за то, что ты меня вовсе забылъ: ни слова не писалъ въ деревню, гдѣ я находился между страха и надежды, но въ совершенной неизвѣстности, куда ѣхать, зачѣмъ и какъ, гдѣ былъ очень боленъ, откуда я поѣхалъ съ лихорадкою, которая меня и здѣсь не покидаетъ, и здѣсь, въ отчизнѣ зефировъ и цвѣтовъ, Жидовъ и старыхъ польскихъ усовъ. Итакъ, до случая удаляю надежду, до времени покоряюсь святому Провидѣнію, которое бросаетъ меня изъ края въ край, меня, маленькаго Улисса или Телемака, который умоляетъ тебя, божественнаго Демодока, писать

къ нему почаще, ибо, право, жизнь не жизнь безъ друзей. Ужь я ни слова не говорю о томъ, что ты ко мнѣ не писалъ о моихъ дѣлахъ. Право, не хорошо меня мучить, меня, измученнаго. И что у тебя за лѣность? Пишешь къ каждому пономарю въ Малороссіи, а не пишешь къ другу, который тебя любитъ, конечно, болѣе, нежели кто-нибудь на свѣтѣ: и ты это знаешь. Пиши ко мнѣ хотя для того, что я въ отчизнѣ голушекъ, варениковъ, воловъ, мазанокъ, усовъ и чуповъ. Вотъ мое право, если другія всѣ утрачены для твоего сердца, которое, отъ постоянно спокойной жизни и отъ разсчетовъ твоего ума, превратится въ камень, чего не дай Богъ и для меня, и для словесности, которая на тебя считаетъ, ибо тогда музы отвратятъ лицо свое отъ твоего лица, и ты будешь засѣдать въ Бесѣдѣ и скука съ тобою одесную, а Славяне—ошую. Но этого не будетъ. Пиши, люби меня и люби посильнѣе; право, я нужду имѣю въ твоей дружбѣ; или друзья намъ только милы бываютъ вблизи и въ счастіи? Прости!

Если вы меня всѣ забыли, то-есть, Гнѣдичъ и Николай Ивановичъ, то я умру новымъ родомъ смерти: тридцать верстъ отъ насъ карантинъ; выпрошу позволеніе отправиться туда, зачумѣю, и поминай какъ звали! Но я думаю, что обыкновенная чума не дѣйствуетъ на тѣхъ, къ которымъ привита чума стихотворная. Вотъ новая бѣда!

Сдѣлай одолженіе, милый другъ, пиши ко мнѣ, проси Катерину Ѳедоровну, чтобы и она писала. Почта отходитъ точно: мнѣ болѣе писать не можно.

CL.

Е. Ѳ. Муравьевой.

13-го іюля 1815 г. Каменецъ-Подольскій.

Я пишу къ вамъ изъ Каменца, милая и почтенная тетушка. Я прибылъ сюда благополучно, былъ принятъ генераломъ ласково, и вотъ все, что могу сказать о себѣ. Отъ васъ я давно не имѣю извѣстія, даже въ деревнѣ не имѣлъ. Петръ Михайловичъ, котораго я видѣлъ проѣздомъ въ Москвѣ, меня не успокоилъ. Не имѣете ли письма отъ братца, и что пишетъ онъ къ вамъ? Надѣюсь, что эта война не будетъ продолжительна, и вы въ скоромъ времени увидите ваше сокровище. Конечно, путешествіе не будетъ ему вредно. О себѣ я ничего сказать не могу, кромѣ того, что я тяну день за день. По утру бываю у генерала, обѣдаю у него или съ нимъ у Поляковъ; а въ вечеру читаю книгу, читаю глазами, потому что ничего нейдетъ въ голову, кромѣ путешествій въ Одессу и въ Херсонъ. Отгадайте зачѣмъ? Чтобъ купаться въ Черномъ морѣ. Не знаю, сбудется ли мое желаніе, и другое—путешествіе къ Невѣ, гдѣ желалъ бы васъ найти въ полномъ здравіи и спокойствіи, съ Никитою, котораго я люблю отъ всей души.

CLI.

А. Н. Батюшковой.

(Іюль-августъ 1815 г.). Каменецъ-Подольскій.

Нашимъ письмамъ одна участь: твои ко мнѣ, а мои къ тебѣ не доходятъ, милый другъ. Я писалъ къ тебѣ

нѣсколько разъ, къ тебѣ и къ батюшкѣ, но почему ты не получаешь писемъ—не понимаю. Я, слава Богу, здоровъ, сколько могу быть здоровъ, спокоенъ и ожидаю осени, потомъ зимы, а тамъ весны. День за день проходитъ. Но я часто о тебѣ думаю, милый и любезный другъ; въ этомъ будь увѣрена. Твое письмо—короткое: не говоритъ мнѣ, что ты дѣлаешь, строишь ли домъ. Пиши обо всемъ: все это меня занимаетъ. Проекты Даниловскаго и здѣсь меня огорчаютъ. Молю Бога, чтобы Онъ не отнялъ руки своей, часто молю со слезами. Намъ остается молчать и терпѣть. Но что дѣлаютъ сестры? Здоровы ли онѣ? Какъ вы поживаете? Я вамъ дѣлаю вопросы, на которые я самъ себѣ отвѣчать не могу. Что я дѣлаю, напримѣръ? Читаю, хожу, сплю, обѣдаю, и все тутъ. Но здѣсь убиваю послѣднія искры моего честолюбія мірскаго. Генералъ меня любитъ: онъ—честнѣйшій человѣкъ. Общества здѣсь никакого, кромѣ офицеровъ, незнакомыхъ лицъ. Прости, обнимаю тебя отъ всей души. Пиши почаще и прости мнѣ, милый другъ, что я пишу слишкомъ коротко. Въ двухъ словахъ я тебѣ скажу много: что я люблю тебя, какъ душу. Сто разъ цѣлую руку твою. Прости, до первой почты. Конст.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ, Новгородской губерніи.

CLII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

1-е августа 1815 г. (Каменецъ-Подольскій).

Вотъ три недѣли какъ я въ Каменцѣ и ни одной строчки отъ васъ не получилъ, ни отъ васъ, ни отъ

сестры. А вы—все, что есть драгоцѣннаго у меня въ мірѣ. Къ симъ тремъ недѣлямъ прибавьте еще мѣсяцъ, что я въ дорогѣ провелъ, и посудите сами о моемъ безпокойствѣ, почтенная тетушка. Вѣрите ли, какъ мнѣ грустно, особливо здѣсь, на краю свѣта и съ людьми незнакомыми, съ которыми ни о себѣ, ни о васъ говорить не могу. Бога ради, напишите ко мнѣ хоть одно слово, здоровы ли вы, здоровъ ли братецъ, и гдѣ онъ. Я полагаю въ Парижѣ, и вотъ къ нему письмо: я далъ слово писать къ нему изъ Каменца и хочу сдержать его. Долго ли я здѣсь останусь, и зачѣмъ я здѣсь—не знаю. Генералъ мнѣ самъ предлагалъ ѣхать, куда хочу, и дастъ мнѣ бумагу для прожитья въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Ни на что не рѣшусь, и право не знаю, на что рѣшиться, тѣмъ болѣе, что я отвѣта еще не имѣю отъ Алексѣя Николаевича. Онъ вѣрно забылъ меня наравнѣ съ прочими. Напомните ему, милая тетушка. О Гнѣдичѣ ни слова: я полагалъ, что если не сердце, то по крайней мѣрѣ разсудокъ можетъ шепнуть ему на ухо: не оскорблять друзей своимъ молчаніемъ. Но Богъ съ ними со всѣми! Останетесь вы, моя добрая, почтенная изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Любите меня и не забывайте. Право, я достоинъ вашей снисходительной дружбы; я ее умѣю цѣнить и, что еще лучше, чувствовать вполнѣ.

CLIII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

Августъ 1815 г. Каменецъ.

Безпокойствіе ваше о Никитѣ совершенно несправедливо, любезная тетушка (я отвѣчаю вамъ на письмо

ваше отъ 14-го іюля); нельзя изчислить всѣхъ случаевъ, которые могли помѣшать ему писать или тѣмъ, которымъ поручено письмо, отослать его. Смѣю надѣяться, что грусть ваша разсѣялась, что вы уже получили письма отъ брата. Но онъ самъ груститъ! Я такъ этому радуюсь. Онъ слишкомъ благородно чувствуетъ, чтобы не скучать въ бездѣйствіи: это—первое, а второе—шумъ военный часто оставляетъ пустоту въ сердцѣ и въ головѣ; дурное общество, для котораго онъ не созданъ: это—не его стихія; тысячи, мелкихъ неудовольствій и, что всего хуже, праздность совершенная послѣ величайшихъ трудовъ, вотъ что причиняетъ его скуку. Всякій немного образованный человѣкъ испыталъ ее въ арміи. Заниматься ему науками не возможно: для этого нуженъ покой и тишина. Что же дѣлать? Грустить о своей маменькѣ. Это очень натурально. А вы за то, милая тетушка, ведите себя благоразумно и сохраните для радостнаго свиданія съ добрымъ моимъ братомъ хоть искру здоровья, сего здоровья, которое и для него столько драгоцѣнно. Вотъ все, что я могу сказать въ утѣшеніе. Надѣюсь, что первый курьеръ будетъ краснорѣчивѣе моего и утѣшитъ васъ совершенно. Теперь бури военныя миновались. Ѳемистоклъ-Наполеонъ превратился въ Филоктета-Наполеона и окончитъ дни свои далеко отъ нашихъ европейскихъ столицъ. Пора желать мира и спокойствія, и возвращенія милаго брата. Былъ ли онъ въ Парижѣ? Ничего не пишетъ, и я ему этого не прощу.

Теперь и у меня до васъ просьба, любезная тетушка. Я писалъ къ Оленину, писалъ къ вамъ о переводѣ въ гвардію: ни слова на это. Дѣло въ томъ теперь, что я не буду ожидать сей великой милости и оставлю службу, которая, какъ мнѣ кажется,

безъ меня обойдется. Цѣлый годъ я потерялъ въ ожиданіи, и болѣе года. Это ожиданіе стоило мнѣ тысячъ пять денегъ, лихорадки и тысячи четыре верстъ, которыя я проскакалъ по пустому. Не утѣшусь никогда и впередъ не стану слушать совѣтовъ: сердце предчувствовало, что я дѣлаю глупость. Теперь послѣдній исполняю долгъ и пишу къ Раевскому. Кажется, письмо довольно учтиво и довольно сильно. Прочитавъ его и запечатавъ и не говоря ни слова никому, прикажите его отослать къ женѣ его, если она въ Петербургѣ, и отдать отъ моего имени; если ея тамъ нѣтъ, то черезъ князя Лобанова послать туда, гдѣ Раевскій находится. Желательно, чтобы это письмо было отдано ему вѣрною рукою. Вотъ въ чемъ моя просьба, любезная тетушка. Не понимаю, почему Алексѣй Николаевичъ мнѣ ни слова не отвѣчаетъ. Если самому нѣтъ времени, то онъ могъ бы васъ попросить. Къ несчастію, я узнаю по опыту, что у людей память въ ушахъ: надобно кричать о себѣ безпрестанно, тогда только вспомнятъ. Этотъ годъ меня многому научилъ и много открылъ. Горестная опытность и сладкая въ одно и то же время! Я испыталъ, что вы меня любите, любезная, почтенная тетушка, и это одно награждаетъ меня за столько и столько непріятностей.

Я все еще не имѣю отъ васъ ни строки прямо изъ Петербурга, а вотъ два мѣсяца, что я здѣсь. Всѣ письма ваши пересланы сестрою. Къ ней пишу каждую почту, и каждую почту она жалуется, что нѣтъ писемъ; слѣдственно, они не доходятъ. Теперь не спрашивайте, что я здѣсь дѣлаю. Право, трудно и отвѣчать. По утру занимаюсь бумагами, а въ вечеру просиживаю у Сенъ-При, кроткаго и любезнаго человѣка. Говоримъ о словесности, о томъ, о семъ. Вотъ и все тутъ. И ему, кажется,

не очень весело. Въ Каменцѣ, можетъ быть, я еще проживу мѣсяца три или четыре. Если говорить по совѣсти, то я никуда не желаю. Не всѣ ли мѣста равны? И огорченія, которыя я имѣлъ снова въ деревнѣ, заставляютъ меня любить Каменецъ, въ которомъ я трачу мою жизнь, молодость и убиваю послѣднюю искру честолюбія. Пусть это все остается между нами; передъ вами я ничего впередъ скрывать не буду. Я желалъ бы сдѣлаться достойнымъ вашего снисхожденія и дружества, которыя я чувствую всѣмъ сердцемъ, всею душою. Сашеньку обнимаю сто разъ. Николаю Ивановичу мое усерднѣйшее почтеніе, я къ нему буду писать немедленно. Благодарю за письмо Жуковскаго: и къ нему писать буду. Вамъ преданный Константинъ Батюшковъ.

CLIV.

Н. И. Гнѣдичу.

11-го августа 1815 г. Каменецъ.

Наконецъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ молчанія, отъ тебя письмо! Странный человѣкъ! Если бы я тебя не столько любилъ, то могло ли бы твое злое молчаніе меня тронуть? Я не знаю ни прозаической, ни поэтической дружбы; я знаю просто любить, вотъ все, что я знаю. Напрасны твои загадки и извиненія. Собственное твое сердце, если ты его не вовсе истаскалъ на обѣдахъ у оберъ-секретарей и у откупщиковъ, твое сердце тебя должно мучить. Пусть оно говоритъ. Я ни слова. Я слишкомъ сердитъ на тебя; любить тебя перестать не въ силахъ.

Благодарю за исполненіе порученія по ломбарду.

Откуда были препятствія самому простѣйшему дѣлу? Благодарю Греча. Пусть онъ печатаетъ мою сказку, но внизу поставитъ NN. Перечитай ее сперва съ Жуковскимъ, и поправьте, Бога ради, что хотите. У меня иное въ головѣ—путешествіе въ Крымъ, если будетъ возможность, силы и деньги. Кстати о деньгахъ. Я оставилъ ихъ въ деревнѣ, откуда вышлютъ къ тебѣ. Отдай Гагарину. И нынѣ еще пишу объ этомъ. Богъ знаетъ, виноватъ ли я въ этомъ замедленіи. Изъ 463 отдай 200 моему портному, или 250, въ зачетъ долгу—Бога ради, отдай: не хочу, чтобъ этотъ Нѣмецъ на меня гнѣвался,—и 63 сапожнику; останется 40 долгу, пусть онъ ждетъ. Онъ большой мерзавецъ, между нами будь сказано. Останется у тебя 100. Возьми у Блудова списокъ моихъ стиховъ (мой затерянъ); вели его списать и заплати 25 копіисту. Этотъ списокъ оставь у себя на память. 75 р. остальные отнеси отъ меня Роспини. Я ему что-то долженъ за книги, которыя у меня пропали. Вотъ и все тутъ. Исполни это, милый другъ, а когда мой гнѣвъ изчезнетъ, то я буду писать болѣе. Не могу притворяться, я все на тебя сердитъ. Глинкѣ—мой усердный поклонъ. Я его Письма прочиталъ съ несказаннымъ удовольствіемъ. Много ума, много воображенія, слогъ живой, оригинальный. Пожелаемъ ему болѣе вкуса и менѣе охоты декламировать противъ богатства и Французовъ: фамильный грѣхъ! Не замедли прислать мнѣ и его Путешествіе; оно стоитъ бездѣлку. Прости, весь твой Константинъ Б.

Дашкова я просилъ прислать Библію италіянскую. Онъ забылъ или не получилъ моего письма. Я по горло въ италіянскомъ языкѣ.

Счетъ 463.

Портному—250.

Роспини—75.

За переписку моихъ безсмертныхъ стиховъ—25.

Сапожнику, который обувалъ безсмертнаго стихотворца—63.

Еще 50 рублей отдай сапожнику съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ сшилъ и прислалъ въ Каменецъ большіе форменные сапоги, самые модные. У него мѣрка.

Итого 463.

Пришли мнѣ Глинкино Путешествіе и еще что есть у васъ новаго. Бога ради, пришли; я за то далъ коммиссію купить полпуда турецкаго табаку и доставлю съ первой оказіей, если мой гнѣвъ пройдетъ.

CLV.

Е. Ѳ. Муравьевой.

11-го августа 1815 г. Каменецъ.

Вчерашняя почта была счастлива для меня. Я получилъ ваши письма отъ 6-го и 15-го іюня, письмо отъ сестрицы и наконецъ отъ Гнѣдича. Всѣ, слава Богу, здоровы, и мое безпокойство изчезло. Но никогда въ жизни моей я столько не страшился и не мучился въ безвѣстности. Слишкомъ два мѣсяца прошли, что ни отъ васъ, почтенная и милая тетушка, ни отъ сестрицъ не было писемъ. Два мѣсяца—два вѣка. Я хотѣлъ даже послать нарочнаго въ деревню. Генералъ предложилъ мнѣ на то унтеръ-офицера. Къ счастію, эта почта привезла мнѣ пріятнѣйшія извѣстія и избавила меня отъ убытка. Теперь я спокоенъ. Веселъ ли? Это не ваше дѣло, мое. Сто разъ цѣлую ручки ваши, милая тетушка, за извѣстіе о Никитѣ. Онъ, конечно, въ Парижѣ и наслаждается

плодами искусствъ. Вы сами желали, чтобы онъ увидѣлъ этотъ городъ; вотъ случай прекрасный увидѣть его во время пребыванія государя и быть при немъ. Такія мысли могутъ отчасти облегчить ваше безпокойство, а надежда на Промыселъ, который видимымъ образомъ покровительствуетъ слабымъ и невиннымъ отъ мала до велика, лучшею опорою вашею. Не мало я безпокоился и за Никиту. Вы себѣ представить не можете, какъ я его люблю и уважаю. Конечно, сбудутся мои надежды: изъ него будетъ человѣкъ, достойный своихъ родителей. Въ такихъ людяхъ имѣетъ нужду общество. Съ радостію я воображаю минуту вашего свиданія и желалъ бы ускорить ее цѣною моей жизни, которая только вами и дышетъ. Новые совѣты ваши и заботы о печальномъ странствователѣ меня тронули до слезъ. Я не достоинъ ихъ, и еще бы болѣе былъ не достоинъ, еслибъ убѣдился вашею снисходительною логикою. Вы меня критикуете жестоко и вездѣ видите противурѣчія. Виноватъ ли я, если мой разсудокъ воюетъ съ моимъ сердцемъ? Но дѣло о разсудкѣ: я правъ совершенно. Ни отсутствіе, ни время меня не измѣнили. Если Всевышній не отниметъ отъ меня руки Своей, то я все буду мыслить по старому, не пожертвую никѣмъ для собственныхъ выгодъ и остаюсь при старомъ моемъ письмѣ. Если Михайло Никитичъ любилъ меня, какъ ребенка, если онъ поручалъ меня вамъ, то онъ же не требуетъ ли отъ меня еще строже пожертвованій? Нѣтъ, не пожертвованій, но исполненія моего долга, по всей силѣ! Шестью тысячами жить не возможно въ столицѣ. Если бы и возможно было, то я не могу и долженъ огорчить батюшку и навлечь на себя его гнѣвъ. Я знаю, что онъ будетъ противиться моему намѣренію. Но и это въ сторону: важнѣйшее препятствіе въ томъ, что я не долженъ

жертвовать тѣмъ, что мнѣ всего дороже. Я не стою ея, не могу сдѣлать ее счастливою съ моимъ характеромъ и съ маленькимъ состояніемъ. Это—такая истина, которую ни вы, ни что на свѣтѣ не побѣдитъ, конечно. Всѣ обстоятельства противъ меня. Я долженъ покориться безъ ропотанія волѣ святой Бога, которая меня испытуетъ. Не любить я не въ силахъ. И послѣднія строки ваши меня огорчили. Это путешествіе мнѣ не нравится, милая тетушка. Я желалъ бы видѣть или знать, что она въ Петербургѣ, съ добрыми людьми и близко васъ. Простите мнѣ мою суетную горесть. Съ вами, единственная женщина на свѣтѣ, съ вами только я чистосердеченъ, но и вамъ я боюсь открыть мое сердце. Право, очень грустно! Жить безъ надежды еще можно, но видѣть кругомъ себя однѣ слезы, видѣть, что все милое и драгоцѣнное сердцу страдаетъ, это—жестокое мученіе, которое и вы испытывали: вы любили! Я долженъ бы отвѣчать съ нѣкоторымъ порядкомъ на ваше письмо, но лучшій отвѣтъ—мое первое, которое я писалъ изъ деревни. Теперь скажу только то, что́ вы сами знаете, что не имѣть отвращенія и любить—большая разница. Кто любитъ, тотъ гордъ. Что касается до службы, до выгодъ ея, то Богъ съ ними, съ ней! Для чего я буду теперь искать чиновъ, которыхъ я не уважаю, и денегъ, которыя меня не сдѣлаютъ счастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить подъ одною кровлею въ нищетѣ, безъ надежды?.. Нѣтъ, не соглашусь на это, и согласился бы, еслибъ я только на себѣ основалъ мои наслажденія! Жертвовать собою позволено, жертвовать другими могутъ одни злыя сердца. Оставимъ это на произволъ судьбы. Жизнь не вѣчность, къ счастію нашему: и терпѣнію есть конецъ. Не знаю, будетъ ли конецъ моей разлукѣ съ вами. Я

чувствую нужду быть при васъ и иногда отдалъ бы все, что имѣю, за нѣсколько минутъ, за нѣсколько словъ вашихъ. Вовсе не знаю, что со мною будетъ. Ни одного плана въ головѣ; живу день за день и говорю себѣ: я дѣлаю, что должно. Если это не утѣшаетъ, то поддерживаетъ по крайней мѣрѣ. Меня здѣсь ничто не удерживаетъ: могу ѣхать, куда хочу, и остаться на мѣстѣ. Такъ цѣлые дни проходятъ, безъ книгъ, безъ общества. У васъ иначе: теперь Сашенька занимаетъ васъ и мысль о Никитѣ. Радуюсь, что вы на дачѣ, что Жуковскій возмется кончить начатое дѣло, и благодарю васъ за Эмиліевы письма. Мнѣ больше не надобно экземпляровъ: и тѣ книги, которыя съ собою имѣю, мнѣ въ тягость; занимаютъ много мѣста, и читаю рѣдко; все перечиталъ, что было со мною, а здѣсь ничего нельзя сыскать, кромѣ календаря. Я познакомился съ губернаторомъ, графомъ Сенъ-Пріестомъ: онъ человѣкъ честный и добрый, какъ мнѣ кажется. У него есть и книги: постараюсь воспользоваться. Разсѣянія никакого! Мы живемъ въ крѣпости, окружены горами и Жидами. Вотъ шесть недѣль, что я здѣсь, а ни одного слова ни съ одной женщиной не говорилъ. Вы можете судить, какое общество въ Каменцѣ. Кромѣ совѣтниковъ съ женами и съ дѣтьми, кромѣ должностныхъ людей и стряпчихъ, двухъ или трехъ гарнизонныхъ полковниковъ, безмолвныхъ офицеровъ и цѣлой толпы Жидовъ,—ни души. Есть театръ; посудите, каковъ онъ долженъ быть: когда идетъ дождь, то зрители вынимаютъ зонтики; вѣтеръ свищетъ во всѣхъ углахъ и съ прекрасными пьяными актерами и скрипкою оркестра производитъ гармонію особеннаго рода. Все играютъ трагедіи dans le grand style, рѣдко оперы. Вотъ вамъ Каменецъ, въ которомъ я сижу и думаю о васъ, милая и любезная тетушка. Всѣ мои ра-

дости и удовольствія въ воспоминаніи. Настоящее скучно, будущее Богу извѣстно, а протекшее—наше. Простите, любите меня хотя не много. Сашеньку обнимаю отъ всей души. Къ Николаю Ивановичу писать буду. Бога ради напомните Алексѣю Николаевичу обо мнѣ. Я желалъ бы рѣшиться на что-нибудь и рѣшусь, конечно, въ сентябрѣ, не дождавшись перевода въ гвардію, которое награжденіе я оставлю для полученія моимъ внукамъ, если буду имѣть. Я исполнилъ мой долгъ во всей силѣ слова, теперь имѣю право выбирать, что хочу: итакъ—отставку. Простите еще разъ, цѣлую ручки ваши. Константинъ.

CLVI.

В. А. Жуковскому.

Августа, числа не знаю (1815 г.). Каменецъ.

Благодарю тебя, милый другъ, за нѣсколько строкъ твоихъ изъ Петербурга и за твои совѣты изъ Москвы и Петербурга. Дружба твоя—для меня сокровище, особливо съ нѣкоторыхъ поръ. Я не сливаю поэта съ другомъ. Ты будешь совершенный поэтъ, если твои дарованія возвысятся до степени души твоей, доброй и прекрасной, и которая блистаетъ въ твоихъ стихахъ: вотъ почему я ихъ перечитываю всегда съ новымъ и живымъ удовольствіемъ, даже и теперь, когда поэзія утратила для меня всю прелесть. Радуюсь душевно, что вздумалъ издавать свои сочиненія: ты обогатишь Парнассъ и друзей. Ты много испыталъ, какъ я слышу и вижу изъ твоихъ писемъ, но все еще любишь славу, и люби ее! И мнѣ совѣтуешь броситься въ море поэзіи!... Я увѣренъ, что ты говоришь отъ сердца, и вотъ по-

чему я скажу тебѣ, милый другъ, что обстоятельства и нѣсколько лѣтъ огорченій потушили во мнѣ страсть и жажду стиховъ. Можетъ быть, придутъ счастливѣйшія времена; тогда я буду писать, а въ ожиданіи ихъ читать твои прелестные стихи, читать и перечитывать, и твердить ихъ наизусть. Теперь я по горло въ прозѣ. Воображеніе поблѣднѣло, но не сердце, къ счастію, и я этому радуюсь. Оно еще способнѣе, нежели прежде, любить друзей и чувствовать все великое, изящное. Страданія его не убьютъ, милый другъ, а надежда быть тебя достойнымъ дастъ ему силу. Вотъ все, что я скажу о себѣ. Когда-нибудь, въ сладостныхъ повѣреніяхъ дружбы, въ тихомъ углу твоемъ (въ Москвѣ или Петербургѣ, гдѣ случится), ты узнаешь болѣе. Но когда же будетъ это свиданіе дружбы? Тусклая надежда! Кстати о прозѣ напечатанной: Костогоровъ показывалъ мнѣ программу изданія прозы Воейкова. Профессоръ дерптскій, за неимѣніемъ лучшаго, вписалъ мои бездѣлки, бездѣлки по совѣсти, и которыя не стоятъ быть помѣщены въ изданіи его, подъ громкимъ титуломъ Образцовыхъ Сочиненій!!! Я ихъ перечиталъ и въ этомъ увѣрился. Но если онъ заупрямится ихъ оставить, то напиши ко мнѣ, что ты хочешь напечатать въ прозѣ: я пришлю исправленные списки, и особенно Финляндію. Все сдѣлаю, что могу, въ угоду великолѣпному дерптскому профессору, который ни въ какомъ мѣстѣ не забываетъ своихъ друзей. Поблагодари его за пріятное воспоминаніе о Батюшковѣ и спроси, какъ я хохоталъ въ Москвѣ, читая:

Сердце наше—кладязь мрачный,

и наконецъ:

Крокодилъ на днѣ лежитъ.

Скажи ему, что я... на Парнассѣ съ нимъ разсчитаюсь, но люблю его по прежнему, и не за что сердиться! Есть за что сердиться на Дашкова, который не довольно уважалъ меня и потому не показалъ мнѣ эту шутку. Теперь о дѣлѣ. Кончи Муравьева изданіе и покажи мнѣ часть стиховъ. Я желалъ бы, чтобы напечатали только достойное Михаила Никитича и издателя. И есть что! Но это золото не для нашей публики: она еще слишкомъ молода и не можетъ чувствовать всю прелесть краснорѣчія и прекрасной души. Упрямое молчаніе объ этихъ книгахъ нашихъ журналистовъ не дѣлаетъ чести ни вкусу ихъ, ни уму; я прибавлю: ниже сердцу, ибо всѣ были обязаны менѣе или болѣе покойному Муравьеву, который не имѣетъ нужды въ ихъ похвалѣ. Послѣ Муравьева говорить о себѣ позволено съ другомъ. Я желалъ бы, чтобъ Жуковскій заглянулъ въ списокъ моихъ стиховъ у Блудова и съ нимъ замѣтилъ то, что стоитъ печатанія, и то, что предать огню-истребителю. У меня Брутово сердце для стихотворныхъ дѣтей моихъ: или слава, или смерть! Ты смѣешься, милый другъ! Но прости этому припадку честолюбія и согласись замѣтить кое-что, и притомъ скажи мнѣ, какъ думаешь о моей повѣсти: Странствователь и Домосѣдъ, которую у меня Мерзляковъ подцѣпилъ въ Москвѣ, напечаталъ, не дождавшись моихъ поправокъ, и предалъ забвенію съ риѳмами Анакреона-Олина и Пиндара-Шатрова? Скажи хоть словечко: писать ли мнѣ сказки, или не писать? Теперь я ничего не пишу, но впередъ? Ожидая твоего разрѣшенія, обнимаю тебя и Тургенева, и Блудова, которые меня забыли. Я ихъ не забуду, вопреки имъ, особливо послѣдняго. Весь твой окаменѣлый житель Каменца.

Приписка г-на Гёрке. Si vous vous ressouvenez d'une de vos anciennes connaissances Goerké, il saisit ce moment pour se rappeler à votre souvenir. Vous voyez, que pour faire parvenir son hommage à un éléve d'Apollon, il a assez de modestie, pour se mettre sous les auspices d'un de ses dignes confrères. Adieu!

Видишь ли, какъ пишутъ у насъ въ Каменцѣ? Право, хоть куда!

Le seigneur de Батюшковъ a un accès de misanthropie: чтобъ всѣмъ было извѣстно. Если увидите Александра Ивановича Тургенева, то прошу засвидѣтельствовать ему мое почтеніе и сказать ему, что какъ я вмѣстѣ живу съ Константиномъ Николаевичемъ, то нельзя, чтобъ я не сдѣлался піитомъ и ораторомъ.

NB. Ораторъ—отъ слова орать, кричать (смотри 367 стр. Словаря Росс. Академіи).

CLVII.

А. Н. Батюшковой.

29-го сентября 1815 г. (Каменецъ-Подольскій).

Послѣднее письмо твое, мой милый и любезный другъ, меня обрадовало и опечалило. Болѣзнь Варечки прошла, но изъ письма я вижу, что она очень страдала. Благодаренъ отъ всего сердца Глазову, что онъ ей помогъ. Не смѣю давать совѣтовъ, чтобы она себя берегла и ты также, мой милый другъ и сестра. Береги свое здоровье или остатки его, Бога ради, береги! О себѣ ничего сказать ни хорошаго, ни худаго не могу. Съ пріѣзду—вотъ три мѣсяца, что я здѣсь—я не имѣю писемъ изъ Петербурга и не могу себѣ растолковать молчанія Гнѣдича и особенно тетушки. Что дѣлать? Батюшкины письма все одинаковы. Нигдѣ нѣтъ луча

утѣшенія, кромѣ Бога и твоей дружбы, дружбы неизмѣнной, испытанной. Именемъ ея прошу тебя писать ко мнѣ каждую почту: это мое одно утѣшеніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Обнимаю тебя и бѣдную Варечку; надѣюсь, что она совсѣмъ здорова и утѣшитъ меня хотя строчкою своего письма. Прости и люби твоего Конст.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ, Новогородской губерніи.

CLVIII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

7-го октября 1815 г. (Каменецъ-Подольскій).

....О себѣ скажу вамъ, что я слава Богу все таковъ же, какимъ вы меня знали въ Петербургѣ: ни умнѣе, ни глупѣе. Вотъ вамъ и отвѣтъ на послѣднее письмо ваше. Это для васъ не загадка. Но сколько я благодаренъ вамъ за любовь вашу, почтенная тетушка! Она меня примиряетъ съ жизнью лучше, нежели безразсудный мой разсудокъ. Теперь скажу вамъ только, что я не знаю, скоро ли увижусь съ вами: моя судьба не во власти моей. Не знаю, на что рѣшиться, и остаюсь въ службѣ вовсе для меня невыгодной, далеко отъ васъ. Зачѣмъ? Такъ Богу угодно! Вотъ все, что я могу себѣ сказать утѣшительнаго. Если останусь въ службѣ, то ни за что не пріѣду въ Петербургъ, а проведу зиму въ Москвѣ и въ деревнѣ, а лѣтомъ отправлюсь къ водамъ съ генераломъ Но я каждый разъ поморщусь, когда воображу себѣ эту перспективу. Скажите Гнѣдичу, что отъ него ни строчки не имѣлъ вотъ уже четыре мѣсяца и его болѣе безпокоить

не буду; но такъ какъ я писалъ къ нему о дѣлѣ, отъ котораго зависитъ моя участь, отставка или продолженіе службы, то изъ учтивости отвѣчать надобно.

CLIX.

А. Н. Батюшковой.

12-го октября 1815 г. (Каменецъ-Подольскій).

Письмо твое, милый другъ, обрадовало меня потому только, что милой Варечкѣ легче. Слава Богу, что это миновалось! Какое наказаніе въ нашихъ огорченіяхъ страдать тѣлесно. Да буди воля Божія во всемъ! Проси милую сестру, чтобы она берегла себя, а я желалъ бы ей послать нѣсколько красныхъ дней, какіе у насъ теперь, и здоровья. Вотъ лучшій для нея гостинецъ. Благодарю тебя за письма, но я ихъ не всѣ получаю. Теперь прошу немедленно велѣть собрать оброкъ и переслать ко мнѣ сюда: у меня ни гроша нѣтъ. О себѣ ничего утѣшительнаго сказать не могу. Другая просьба: проси и умоляй, чтобы продали Захарова. Скажи Павлу Алексѣевичу, что его система осторожности мнѣ обидна вовсе, что если я о чемъ-нибудь прошу, то отъ слова не откажусь; а я просилъ, чтобы продали съ землею. Еще повторяю: мнѣ этотъ негодяй—тягость совершенная, и долги требуютъ безпрестанно. Закладывать имѣнія до весны я не буду: надобно платить въ ломбардъ, а чѣмъ? Теперь на Гнѣдича я не надѣюсь. Посуди сама: я съ отъѣзду писалъ къ нему болѣе десяти разъ о дѣлѣ; онъ отвѣчалъ на это однимъ письмомъ въ двухъ словахъ; я его очень понимаю: ему тягость—малѣйшее исполненіе, гдѣ нѣтъ выгоды. Богъ съ нимъ! Я ему ни слова отвѣчать не

стану, а тебѣ говорю это потому единственно, чтобы не надѣялась и ты на него въ закладѣ имѣнія или по другому какому-нибудь дѣлу. Не измѣни мнѣ, милый другъ, люби меня: вотъ мое желаніе и мое единственное добро, котораго я достоинъ истинно, ибо дружбу твою чувствую въ сердцѣ. Отъ тетушки получилъ недавно письмо; она меня любитъ, и это меня утѣшаетъ. Правду сказать, безъ тебя и тетушки, я не знаю, что со мною бы сдѣлалось, милый другъ. Поручаю тебя Всевышнему! Прости, весь твой Конст.

Прикажи старостѣ немедленно выслать деньги 1000 р. съ Глуповскаго, 625 съ Мѣшкова и 150 со старосты М. за дѣвицъ, итого 1775. Мнѣ крайняя нужда: ни гроша нѣтъ.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ, Новогородской губерніи.

CLX.

Е. Ѳ. Муравьевой.

4-го ноября 1815 г. Каменецъ.

Теперь я рѣшился: говорилъ съ генераломъ и подалъ просьбу въ отставку, которую отправлю послѣ завтра. Надобно быть моимъ совершеннымъ недоброжелателемъ, чтобы обвинить мой поступокъ. Въ ожиданіи перевода въ гвардію я потерялъ два года въ бездѣйствіи, въ болѣзни и получилъ убытокъ. Теперь—выйдетъ или не выйдетъ это представленіе, Богъ съ нимъ! Я исполнилъ долгъ мой, писалъ ко всѣмъ, кому могъ. Отъ Алексѣя Николаевича не имѣлъ ни строки съ самаго Петербурга. Я, кажется, не заслужилъ его молчанія. Вы

знаете, какъ я ему преданъ и какъ его уважаю, знаете, сколько ему обязанъ. Тѣмъ болѣе имѣю право въ душѣ оскорбляться его хладнокровіемъ.

Писалъ къ вамъ съ двумя курьерами, просилъ прислать мнѣ деньги: если получили отъ Трубецкаго, то вышлите ихъ. Мой отъѣздъ отъ этого отчасти задержанъ. Но пришлите ихъ съ почтою, а не отдавайте курьерамъ въ руки, ибо они—люди не надежные. Ни подъ какимъ видомъ не отдавайте имъ.

Вотъ все, что я успѣлъ написать вамъ, почтенная и добрая тетушка, ангелъ мой хранитель.

CLXI.

А. Н. Батюшковой.

19-го ноября (1815 г. Каменецъ-Подольскій).

Письмо твое отъ 16-го сентября я получилъ сегодня, слѣдственно, оно было въ дорогѣ болѣе мѣсяца. Посуди по этому, въ какомъ мы разстояніи находимся. Благодарю тебя за все, что пишешь ко мнѣ; я буду стараться сдѣлаться достойнымъ твоего дружества, которое, конечно, одно вѣрное: данное Богомъ и рожденіемъ. Я испыталъ суетность прочаго. Писалъ къ тебѣ недавно, милый другъ, чтобы ты прислала мнѣ оброкъ; получа его, отправлюсь въ Москву въ генварѣ, ибо здѣсь первый путь становится поздно. Между тѣмъ (но это еще пусть останется между нами) я намѣренъ выйдти въ отставку. Сама посуди, что мнѣ за выгода, служа въ моемъ чинѣ, убивать и время, и здоровье понапрасну. Долгъ я мой исполнилъ. Вотъ и конецъ года, самаго труднѣйшаго въ жизни моей, и ты знаешь, милый другъ, по какой при-

чинѣ. Хочется отдохнуть немного въ Москвѣ и на весну, если Богъ дастъ, пріѣхать къ тебѣ съ свѣжею головою. Я могъ бы остаться въ службѣ и пользоваться отпускомъ, но на это, можетъ быть, не рѣшусь, тѣмъ болѣе, и тебѣ это извѣстно, что могутъ опять случиться непредвидимыя поѣздки. Но если и выйду въ отставку, то не осуждай меня: вѣрь мнѣ, что я во всю бытность въ службѣ исполнилъ мой долгъ, а служилъ примѣрно несчастливо. Хочется хоть годъ пожить на свободѣ и поустроить мои дѣла. Но что я говорю? Они право заколдованы, и ты сама знаешь какъ. Но какъ бы то ни было, надобно подумать о долгѣ въ ломбардъ. Напомни Павлу Алексѣевичу о Васильѣ: я съ моей стороны пишу объ этомъ въ послѣдній разъ: мнѣ наскучило и другимъ скучать. Но поговоримъ еще о моихъ намѣреніяхъ. Если позволятъ обстоятельства (не смѣю считать на судьбу), то я поселюсь въ Москвѣ или по крайней мѣрѣ буду стараться имѣть тамъ прибѣжище. Въ Петербургъ меня ничто не манитъ, кромѣ тетушки. Отъ службы право готовъ отказаться и ото всѣхъ видовъ честолюбія—не изъ глупой философіи, но потому, что не вижу въ ней счастія, ни утѣшенія для будущаго времени. Здѣсь, и вѣрь моему слову, дѣлать нечего, à moins d'être obligé de servir, тѣмъ болѣе нечего, что генералъ мой и самъ по веснѣ ѣдетъ въ отпускъ къ водамъ за границу, куда мнѣ право ѣхать не весьма хочется.

Вяземскій пишетъ ко мнѣ; онъ приготовилъ мнѣ комнаты; я воспользуюсь его приглашеніемъ и гостепріимствомъ мѣсяца на три, то-есть, до весны; онъ одинъ изъ добрыхъ пріятелей, которые еще имѣютъ память; право на другихъ я считать не долженъ и съ горестію въ этомъ тебѣ признаюсь. Очень долженъ я

подумать о дѣлахъ моихъ. Тетушку обременить не смѣю. Чѣмъ ей я не обязанъ? Всѣмъ на свѣтѣ! Но къ кому же прибѣгнуть въ закладѣ? Гнѣдичъ рѣшительно отказался; чувствую, что обременить кого-нибудь другого будетъ или неучтиво, или неосторожно; родственниковъ для помощи въ подобномъ случаѣ нѣтъ, и Богъ съ ними! Вотъ мое положеніе, и если я не пріѣду, и что-нибудь случится, то и не дай Богъ! Впрочемъ, на сердцѣ у меня и положеніе горестное и почти неизлѣчимое, въ которомъ находится батюшка. Вижу однѣ тучи огорченій для будущаго и ни съ которой стороны утѣшенія. Нѣтъ, милый другъ, не мученіе моего сердца, отъ котораго, благодаря Бога, еще никто не терпѣлъ, а наше горестное положеніе—причина моей печали, и которая имѣетъ сильное вліяніе и на здоровье. Со всѣхъ сторонъ огорченія, а болѣе всѣхъ забота о судьбѣ Варечки. Боже мой, если бы я могъ быть ей полезенъ хоть чѣмъ-нибудь, еслибы Господь услышалъ мою молитву о перемѣнѣ ея участи, но къ лучшему, разумѣется! Но время еще не ушло. Впрочемъ, то, что у васъ судьбою называется, весьма неразсудительно. Вѣтеръ не заноситъ жениховъ; это извѣстно съ давняго времени: надобно самимъ сдѣлать половину дороги. Какъ бы то ни было, перемѣнятся когда-нибудь дѣла Лизаветы Николаевны, которая, кажется мнѣ, довольно натерпѣлась со всѣхъ сторонъ, и тогда можетъ Варечка ожидать лучшей участи: я съ моей стороны ни въ какомъ случаѣ не могу быть полезенъ, и ты знаешь это, милый другъ. Напрасно было бы считать на меня. Вотъ что я повторяю батюшкѣ, и что ты ему говорить должна: онъ думаетъ, что все отъ меня зависитъ, но онъ, конечно, забываетъ, что я почти ничего не имѣю излишняго, и если онымъ малымъ пожертвую, то при

болѣзняхъ и слабомъ моемъ здоровьѣ могу умереть съ голоду. Всего меня болѣе сокрушаетъ мое здоровье, которое жестокимъ образомъ разстроилось, особливо въ началѣ этого года. Лихорадка прошла, но за то меня ослабила видимымъ образомъ и оставила слѣды печальные. Чувствую, что безъ путешествія на воды не обойдуся, но это также почти невозможность съ моими обстоятельствами. Это ненавистное слово желалъ бы вычеркнуть изъ нашего семейства! Если бы я только думалъ о минутномъ моемъ благѣ, то могъ бы, хотя и скучновато, но довольно спокойно, провести зиму здѣсь, а весною отправиться съ генераломъ, но право, эта жизнь мнѣ такъ надоѣла, что и не думай, чтобы это была выдумка или пустое слово: готовъ умереть съ тоски здѣсь, въ сторонѣ далекой, безъ друга и надежды.

Вотъ и все, что имѣю сказать о себѣ, милый другъ, на этотъ разъ. Я, какъ совершенный эгоистъ, говорю только о себѣ, но тебя не забылъ и радуюсь душевно, что ты здорова. Не вѣрю, чтобы мои совѣты тебѣ были къ чему-нибудь пригодны, зная твой характеръ; но вижу изъ письма твоего, что ты немного покойнѣе духомъ, и этому радъ сердечно. Дай Богъ, чтобы ты окончила домъ. Если будутъ лишнія деньги, то пришлю тебѣ диванъ. Но когда будемъ жить вмѣстѣ въ этомъ домѣ? Грустно и помыслить, что всѣ наши надежды въ этомъ мірѣ разрушаются; видно, есть лучше этого жилище. Что до меня касается, милый другъ, то я ничего хорошаго, ни слишкомъ худаго для себя не предвижу: все тотъ же, что былъ, и ничто ни во мнѣ, ни кругомъ меня не перемѣнилось. Время все уноситъ—я это знаю,—но не унесетъ моей къ тебѣ сердечной привязанности и любви, которой я желалъ бы сдѣлаться

достойнымъ. Вижу и чувствую, что ты меня во сто разъ лучше и добрѣе и потому-то болѣе способна любить. Я ни къ чему не гожусь, но таковъ, какъ есть, поручаю себя въ твою дружбу. К.

Посылаю тебѣ волоса. Я самъ заказалъ бы кольцо, но теперь бѣденъ, какъ нищій. Волосы мнѣ ничего не стоятъ. Это замѣчаніе достойное вашего вѣчнаго старика.

Пришли деньги. Я полагаю, что онѣ уже собраны, и считаю каждый день. Поцѣлуй за меня сестрицъ.

CLXII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

12-го декабря (1815 г. Каменецъ-Подольскій).

Здѣсь былъ проѣздомъ флигель-адъютантъ Киселевъ, который видѣлъ Никиту въ Берлинѣ и сказывалъ мнѣ, что онъ здоровъ и сбирается въ Петербургъ. Это меня успокоило и обрадовало на его счетъ и за васъ. Можетъ быть, его пріѣздъ помѣшалъ вамъ писать; желаю отъ всего сердца и даже смѣю надѣяться. О себѣ вамъ скажу въ короткихъ словахъ, что я подалъ просьбу въ отставку и писалъ еще разъ къ Алексѣю Николаевичу, который меня вовсе забылъ. Ожидаю на дняхъ денегъ изъ деревни и поѣду въ Москву, гдѣ я пробуду мѣсяца полтора, а оттуда въ деревню на весну. Служить я вовсе не въ состояніи: мое здоровье такъ разстроилось, что я съ трудомъ его поправлю, а въ службѣ никогда. Бахметевъ писалъ о моей отставкѣ къ министру; справьтесь, милая тетушка, что сдѣлали съ моей бумагой: князь Лобановъ, конечно, васъ увѣдомитъ. Я дождусь денегъ изъ деревни; но дождусь ли я когда-нибудь письма отъ васъ и буду ли

покоенъ на вашъ 'счетъ? Кончу мое письмо поздравленіемъ съ вашими именинами, которыя я провелъ довольно грустно, безпрестанно думая о васъ. Здѣсь были балы и танцы въ этотъ день, и я такъ простудился, что шесть дней просидѣлъ дома безъ книгъ и безъ общества; вы можете посудить, каково мнѣ было.

Кстати, изъ газетъ вижу, что Раевскій въ Петербургѣ. Узнайте, Бога ради, получилъ ли онъ мое письмо, и если Сережа въ Петербургѣ. то попросите его, чтобъ онъ напомнилъ обо мнѣ Раевскому. Я знаю Сережу: онъ это вѣрно сдѣлаетъ съ удовольствіемъ. Я теперь не прошу о переводѣ въ гвардію, а желаю только, чтобъ при отставкѣ этого не позабыли. Впрочемъ, какъ Богу угодно. Это за тѣмъ, чтобы себя оправдать передъ вами.

CLXIII.

В. А. Жуковскому:

(Средина декабря 1815 г.). Каменецъ.

Благодарю тебя, милый другъ, за письмо твое, унизанное столь мелкими буквами, что я съ трудомъ его перечитываю. Вѣрь мнѣ, что по чувствамъ ты мнѣ родной, если не по таланту, что я достоинъ сего сердечнаго изліянія, сей откровенности, которая дышетъ въ твоемъ письмѣ. Во всемъ согласенъ съ тобою на счетъ поэзіи. Мы смотримъ на нее съ надлежащей точки, о которой толпа и понятія не имѣетъ. Большая часть людей принимаютъ за поэзію риѳмы, а не чувство, слова, а не образы. Богъ съ нею! Но, милый другъ, если ты имѣешь дарованіе небесное, то дорого заплатишь за него, и дороже еще, если не сдѣлаешь того,

что Карамзинъ; онъ избралъ себѣ одно занятіе, одно поприще, куда уходитъ отъ страстей и огорченій: тайная земля для профановъ, истинное убѣжище для души чувствительной. Послѣдуй его примѣру. Ты имѣешь талантъ рѣдкій; избери же землю, достойную его, и приготовь для будущаго новую пищу сердцу и уму, новую славу и новое сладострастіе любимцамъ прекраснаго. Что до меня касается, милый другъ, то я готовъ бы отказаться вовсе отъ музъ, если бы въ нихъ не находилъ еще нѣкотораго утѣшенія отъ душевной тоски. Четыре года шатаюсь по свѣту, живу одинъ съ собою, ибо съ кѣмъ мнѣ мѣняться чувствами? Ничего не желаю, кромѣ довольствія и спокойствія, но послѣдняго не найду, конечно. Испыталъ множество огорченій и износилъ душу до времени. Что же тутъ остается для поэзіи, милый другъ? Весьма мало! Слабый лучъ того огня, который ты называешь въ письмѣ своемъ огнемъ весталокъ: но мы его не потушимъ! Я подалъ просьбу въ отставку: ѣду въ Москву и пробуду тамъ—долго ль, коротко ль, не знаю. Желаю съ тобой увидѣться на старыхъ пепелищахъ, которыя я люблю, какъ святыню. Кончи свои дѣла и пріѣзжай туда. Гранитные берега Невы не должны удерживать тебя. Что же касается до твоихъ плановъ въ Тавриду черезъ Кіевъ, если это не мечтаніе, а твердое намѣреніе, то я желаю тебѣ успѣха, но тебѣ сопутствовать не могу. Судьба велитъ иначе. «Какъ можно лгать?» ты пишешь. Вѣрю тебѣ и радуюсь, что Муравьева сочиненія не затеряны. Нахожу твое намѣреніе прекраснымъ и порядокъ матерій; не полѣнись, милый другъ, сдѣлай маленькое предисловіе, а мое письмо, если находишь его достойнымъ, въ конецъ книги. Совѣтовалъ бы тебѣ посвятить все изданіе государю или испросить позволеніе его напечатать; но

это сдѣлай отъ своего имени, переговоря съ Катериной Ѳедоровной. Для стиховъ я могъ бы быть полезенъ: я поправляю или, лучше сказать, угадываю мысли Михаила Никитича довольно удачно. А въ рукописи надобно многое перемѣнить и лучше печатать одно хорошее, достойное его и тебя, нежели все безъ разбору. Нѣсколько писемъ, неподражаемыхъ памятниковъ лучшаго сердца и прекраснѣйшей души, которая когда-либо посѣщала эту грязь, которую мы называемъ землею, нѣсколько писемъ не будутъ лишними. Все это для людей истинно образованныхъ, не для черни читателей. Сочиненія, Муравьева, конечно, бы могли сіять и во французской словесности: мы слишкомъ молоды для такого рода чтенія. Но со временемъ будетъ иначе. Пересмотри и мое маранье въ жертву дружеству. Оно у Блудова переписано. Пересмотри съ нимъ наединѣ и замѣть, что надобно выбросить. Когда-нибудь (въ лучшіе дни) я это напечатаю. Переправлять не буду, кромѣ глупостей, если найдутся. Я слишкомъ много переправляю. Это мой порокъ или добродѣтель? Говорятъ, что дарованіе изобрѣтаетъ, умъ поправляетъ: если это правда, то у меня болѣе ума, нежели дарованія, слѣдственно, и писать не надобно. Кстати объ умѣ. Что у васъ за шумъ? До твоего письма я ничего не зналъ обстоятельно. Пушкинъ и Асмодей писали ко мнѣ, что Аристофанъ написалъ Липецкія воды и тебя преобразилъ въ Фіялкина. Пушкинъ говоритъ мнѣ, что онъ вооружается эпиграммами. Прежде сего читалъ въ Сынѣ Отечества Письмо къ Аристофану и тотчасъ по слогу отгадалъ сочинителя. Вотъ все, что я зналъ. Теперь узнаю, что Аристофанъ вывелъ на сцену тебя и друзей, что у васъ есть общество, и я пожалованъ въ Ахиллесы. Горжусь названіемъ, но Ахиллъ пре-

будетъ бездѣйственъ на чермныхъ и черныхъ кораблѣхъ:

Въ печали бо погибъ и духъ его, и крѣпость.

Нѣтъ! Ахиллъ пришлетъ вамъ свои маранья въ прозѣ, для изданія, изъ Москвы. Вотъ имъ реестръ: 1) Нѣчто о морали и религіи. 2) Италіянскіе стихотворцы: Аріостъ, Тассъ и Петрарка. 3) Путешествіе въ Сире. 4) Воспоминанія словесности и отрывокъ о Ломоносовѣ 5) Двѣ аллегоріи. 6) Искательный—характеръ. 7) О лучшихъ качествахъ сердца. Это все было намарано мною здѣсь отъ скуки, безъ книгъ и пособій; но можетъ быть, отъ того и мысли покажутся вамъ свѣжѣе. Пришлю все съ удовольствіемъ, но только марайте что не понравится. Костогоровъ показывалъ мнѣ реестръ книгамъ образцовымъ; въ нихъ помѣстилъ ты, опустошитель, мою Финляндію и Похвальное слово сну: не печатай ихъ, покуда я не вышлю исправленныя: у меня есть списокъ, но я хочу перечитать это въ Москвѣ. Имени подъ прозою не подписывай: довольно съ меня грѣховъ стихословныхъ.

Графъ Сенъ-При, здѣшній губернаторъ, просилъ меня сдѣлать надпись къ портрету его брата, убитаго во Франціи. Вотъ она. Напечатай ее въ стихахъ, если понравится. Этотъ герой достоинъ лучшей эпитафіи. Истинный герой, христіанинъ, котораго я зналъ и любилъ издавна!

Надпись къ портрету графа Сенъ-Пріеста.

(Русскій генералъ-лейтенантъ).

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но лиліямъ царей онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и славу (доблесть) Дюгесклина.

Или:

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но древнимъ лиліямъ онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда подвиги и доблесть Дюгесклина.

Какъ лучше? Спроси у Кассандры и у другихъ имрековъ. Поклонъ Арзамасцамъ отъ стараго гуся. Союзникъ намъ—время: оно сгложетъ Аристофана съ его драматургіей. Не видалъ его Водъ, не знаю его Абуфара; но если они похожи на нѣкоторыя другія штучки родителя, то не о чемъ много хлопотать. До сихъ поръ, кромѣ водевиля Казака, я ничего хорошаго не знаю, а написано много. Ожидаю еще поэму Гаральдъ Храбрый и новаго облегченія комедіями, операми, оперетами, драмами, водевилями; все вмѣстѣ прочитаю однимъ духомъ. Что дѣлаетъ Бесѣда? Я люблю ее какъ душу, аки бы самъ себя. Прости, милый другъ, обнимаю тебя отъ всей души, отъ всего сердца и до свиданья въ Москвѣ. К. Б.

Вяземскій-Асмодей увѣрилъ меня, что сказка моя никуда не годится. Кто правъ, кто виноватъ? Хочу написать другую и пришлю вамъ, если обстоятельства будутъ повеселѣе. Я здѣсь чуть не умеръ съ тоски и отъ лихорадки весьма продолжительной; хочу отправиться на Липецкія воды за безсмертіемъ. Не думайте, чтобъ это была шутка. Мой характеръ очень перемѣнился: я сдѣлался задумчивъ, безмолвенъ, тихъ до глупости и даже безпеченъ, чего со мною никогда не бывало: надобно лѣчиться.

Познакомься покороче съ Муравьевымъ, съ рѣдкимъ человѣкомъ: онъ живой портретъ отца своего во многихъ отношеніяхъ, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть къ наукѣ погаснетъ въ службѣ: мы еще потеряемъ человѣка! Но это между нами.

CLXIV.

Е. Ѳ. Муравьевой.

17-го декабря 1815 г. (Каменецъ-Подольскій).

Три мѣсяца я не имѣю извѣстія отъ васъ, милая тетушка, но послѣднее письмо ваше меня утѣшило. Братъ уже дома, и такъ нечаянно! Это лучшее, что вы мнѣ могли сказать. Я зналъ отъ Киселева, что онъ отправляется курьеромъ изъ Берлина, но боялся къ вамъ писать объ этомъ, полагая, что братъ еще не пріѣхалъ или могъ какъ-нибудь задержанъ быть дорогою. Благодарю васъ за обѣщаніе прислать деньги; я получилъ оброкъ изъ деревни и пока не прожилъ его здѣсь по пустому. Спѣшу въ Москву, гдѣ проживу нѣсколько недѣль, и оттуда въ деревню. Въ Петербургъ я не поѣду по многимъ причинамъ; главная вамъ извѣстна, но вѣрьте, что не ѣду для себя, а не для другихъ. Я даже поводу не подалъ негодовать на меня: это вы знаете совершенно, и совѣсть моя спокойна. Скажу болѣе, милая тетушка: вы меня любите и отъ того ошибаетесь на счетъ многаго, особливо послѣдняго параграфа письма вашего. Я и прежнему не вѣрилъ. Vous voulez que tout le monde aye pour Rodrigue les yeux de Chimène, то-есть, ваши глаза. Желалъ бы вѣрить, но не могу. Что же касается до маленькихъ неудовольствій нѣкоторыхъ людей, то я приписываю его чему-нибудь другому и могу сказать: безъ вины виноватъ! Горестно я провелъ этотъ годъ, но вынесъ бремя и скуки, и болѣзни, и всего, что вамъ извѣстно. Богъ даетъ и нетерпѣливому терпѣніе: вотъ вся моя надежда! Писалъ къ дядюшкѣ и благодарилъ его за посѣщеніе Раевскаго. Теперь все

поздно. Я подалъ прошеніе въ отставку и если служить не буду, то чинъ для меня то же, что для васъ большой праздникъ. Не могу даже пріучиться желать чиновъ; это пусть останется между нами. Я честолюбивъ и суетенъ, но не понимаю.... къ несчастію моему или къ счастію. Вы за то меня и любите, милая моя тетушка, mon unique Chimène!

Отъ Олениныхъ я не получилъ отвѣту на нѣсколько писемъ и писать къ нимъ болѣе не буду. Je ne suis pas un garçon à me le faire dire deux fois. Впрочемъ, я люблю ихъ не для протекціи, и это молчаніе болѣе оскорбительно моему сердцу, нежели выгодамъ. Служилъ и буду служить, какъ умѣю; выслуживаться не стану по примѣру прочихъ, но отъ службы меня вовсе отучили. Не спрашивайте меня, что̀ буду дѣлать въ Москвѣ или деревнѣ. Самъ не знаю что̀, но знаю, что дѣлаю мой долгъ, и это меня немного утѣшаетъ. Впрочемъ, поручаю себя Богу и вамъ. Цѣлую ручки ваши и кончу мое маранье, ибо вамъ теперь время дорого: лучше раздѣлить его съ милымъ братомъ, нежели читать то, что вы знаете.

CLXV.

А. Н. Батюшковой.

23-го декабря 1815 г. (Каменецъ-Подольскій).

Отъ 13-го и 22-го ноября два письма получилъ вдругъ, милый другъ, и спѣшу отвѣчать, потому что почта отходитъ. Начнемъ сперва о дѣлѣ. Ты заботишься о закладѣ, и какъ не заботиться! Я писалъ объ этомъ тому два мѣсяца и слова не получилъ въ от-

вѣтъ отъ Павла Алексѣевича. Слѣдственно, я не виноватъ, и если что̀ случится, на душѣ не будетъ. Но теперь надобно еще подумать помочь. Поѣзжай въ Вологду для сего, Бога ради, и переговори съ Третьяковымъ, который, къ несчастію, довольно безтолковъ. Спроси его: нельзя ли заложить имѣніе въ приказъ вологодскій на годъ, въ сумму 3000, для уплаты въ ломбардъ, или не лучше ли прислать мнѣ свидѣтельство для заклада въ Москву, гдѣ я находиться буду? Всего лучше это кончить въ Вологдѣ. Попроси губернатора, а я пришлю изъ Москвы къ Третьякову вѣрющее письмо, и онъ возьметъ свидѣтельство и заложитъ имѣніе на 2600 или 3000 въ приказѣ вологодскій, а ты деньги пошли просто къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ для уплаты въ ломбардъ. Но если вы будете дѣлать переписки, совѣты и тому подобное, то я ничего не успѣю. Время летитъ, и я борюсь съ безпрестанными затрудненіями. Въ такой отдаленности что̀ могу я дѣлать! Что̀ могу, когда отвѣта на письмо ни отъ кого, кромѣ тебя, добиться не могу!

Еще разъ, милый другъ, прошу тебя немедленно справиться въ Вологдѣ, что̀ намъ дѣлать надлежитъ и къ чему прибѣгнуть. Я слышу, что у васъ губернаторъ хорошій человѣкъ, то-есть, добрый и честный: переговори съ нимъ и посовѣтуйся. Что до меня касается, милый другъ, то я ѣду въ Москву и останусь тамъ мѣсяца два, ибо генералъ далъ мнѣ бумагу для порученій его въ Москвѣ оставаться, и я объ этомъ пишу къ батюшкѣ. Ранѣе весны я не могу быть у васъ. Подалъ просьбу въ отставку, но она не ранѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выйдетъ. Вотъ все, что я скажу о себѣ. Впрочемъ, все по старому, все не очень пріятно; но Богъ поддерживаетъ и твои молитвы, милый другъ.

Обними за меня сестеръ покрѣпче и прости. Изъ Москвы я писать буду, но до письма моего пиши ко мнѣ. Вотъ адресъ: въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ домѣ Наумова, у князя Вяземскаго, Кон. Ник. Бат. Я остановлюсь у него или близъ него, какъ случится.

Староста Мѣшковскій не отдалъ мнѣ денегъ .... Спроси его, хочетъ ли онъ отдать ихъ или нѣтъ. Это отъ его зависитъ, но въ другой разъ я ему не повѣрю. Прилагаю у сего письма двухъ старостъ. За небытностію Павла Алексѣевича, Бога ради рѣши сама, какъ хочешь, ихъ требованія и запросы. Деньги за первую половину 1816 года по нынѣшнему я полагаю собрать 2.500 со всѣхъ вотчинъ, чтобы всѣ въ годъ давали пять тысячъ; то по сему сдѣлано ли братомъ распоряженіе? Что Захаровъ? Нельзя ли продать пустошь для заплаты долга?

Вотъ вопросы, на которые отвѣчай мнѣ обстоятельно, милый мой и добрый ангелъ, а главное дѣло—помысли о закладѣ и уплатѣ въ ломбардъ долга. Изъ оброку я не могу отдѣлить ни копѣйки. Въ Москвѣ надобны будутъ деньги; я, кромѣ ломбарду, долженъ много. Если бы не вышелъ въ отставку, то могъ бы совершенно разориться, но есть надежда теперь на Бога и на умѣренность.

Отъ тетушки получилъ письмо; къ радости ея Никита возвратился. Каменецъ я оставлю съ большимъ удовольствіемъ; что я говорилъ, то и случилось: здѣсь нечего было дѣлать вовсе, и для службы никакихъ видовъ. Обнимаю тебя и прошу любить твоего К.

Сестрицъ еще разъ обнимаю и тебя тоже, желаю счастливаго года. Если что не помѣшаетъ, то я завтра ѣду въ Москву. Хлопотъ много. Если староста заплатитъ деньги и случатся другія, то пришли ихъ въ Москву. Мнѣ очень нужны деньги.

CLXVI.

А. Н. Батюшковой.

26-го декабря 1815 г. Каменецъ.

На прошедшей почтѣ я писалъ къ тебѣ, что я ѣду въ Москву: сегодня я отправляюсь. Въ прошедшемъ письмѣ я писалъ о дѣлахъ: не замедли меня объ нихъ увѣдомить, милый другъ; а теперь я писать не буду болѣе, ибо спѣшу. Вотъ письмо къ батюшкѣ: отправь его, если сама не поѣдешь. Оно не запечатано; запечатай его. Я надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ надеждою скорого свиданія со мною и тому, что я рѣшился покинуть военную службу, мнѣ столь не благопріятную. Желалъ бы, милый другъ, летѣть прямо къ вамъ; но обстоятельства не позволяютъ, и я радъ и тому, что генералъ далъ мнѣ порученія въ Москву, гдѣ я, если и не весело, то по крайней мѣрѣ пріятнѣе проведу время, нежели здѣсь. Прости, изъ Москвы писать буду немедленно. Обнимаю тебя и поздравляю съ новымъ годомъ. Сегодня въ вечеру ѣду.....

CLXVII.

А. Н. Батюшковой.

7-го января 1816 г. Москва.

Я пишу къ тебѣ, милый другъ, изъ Москвы, куда я пріѣхалъ благополучно и остановился у Ивана Матвѣевича, который со мной весьма ласково и дружелюбно обошелся. Здѣсь я дождусь моей отставки и, получа

ее, немедленно пріѣду къ тебѣ въ концѣ марта или февраля. Ранѣе не могу, ибо на то не имѣю позволенія отъ генерала. Здѣсь хочется отдохнуть немного и повеселиться, а главное—подумать о дѣлахъ, которыя меня иногда съ ума сводятъ.

Исключены ли изъ ломбарда заложенныя Гнѣдичемъ души, и очищены ли старыя? Нельзя ли тебѣ прислать мнѣ свидѣтельство душъ на пятьдесятъ немедленно сюда, такъ чтобъ къ исходу генваря или въ началѣ февраля я его имѣлъ здѣсь? Въ ломбардѣ московскомъ есть деньги, и немедленно взявъ ихъ, я могу отправить въ Петербургъ? Бога ради, сдѣлай это или переговори съ самимъ губернаторомъ. Я полагаю, что ты теперь въ Вологдѣ. Но рѣшительно отвѣчайте: да или нѣтъ.

Обнимаю тебя и сестрицъ отъ всего сердца и поздравляю съ новымъ годомъ. Прости, что пишу мало и коротко: усталъ съ дороги, и голова отъ дѣлъ, усталости, хлопотъ и разсѣянія кружится. Конт. Третьяковъ можетъ выхлопотать свидѣтельство на имѣніе.

Адресъ: въ домѣ Муравьева, противъ Куракина, на Басманной. Въ Москвѣ.

CLXVIII.

А. И. Тургеневу.

(Средина января 1816 г. Москва).

Знаете ли, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что нѣсколько строчекъ въ письмѣ Жуковскаго меня до смерти перепугали. Я переведенъ въ гвардію: знаю. Но кто сказалъ вамъ, что я хочу продолжать военную службу? Конечно, не вы сами изобрѣли это въ преудрости вашей? Нѣтъ! По всѣмъ моимъ разсче-

тамъ я долженъ оставить службу, если захочу сохранить кусокъ насущнаго хлѣба и искру здоровья. Итакъ, прошу васъ и заклинаю не уничтожать моей просьбы, а стараться объ ней. Попросите генерала Сипягина или Данилевскаго. Оба меня знаютъ не съ худой стороны, особливо первый. Вотъ и письмо къ нему. Вручите его лично, запечатавъ, и скажите, что онъ рѣшитъ. Желаю быть надворнымъ совѣтникомъ и по болѣзни служить музамъ и друзьямъ, отслужа царю на полѣ брани. Если Алексѣй Николаевичъ помнитъ еще меня (въ чемъ сомнѣваюсь: три раза писалъ къ нему, и ниже лаконическаго отвѣта!), то скажите ему о моемъ твердомъ намѣреніи выйдти въ отставку.

Еще разъ прошу удостоить меня отвѣтомъ, какъ можно скорѣе; и если у васъ руки полѣнятся, то заставьте писать Жуковскаго. Для дружбы—все, что въ мірѣ есть, даже отвѣтъ на письмо! Скажите ему, чтобъ онъ не унижался до эпиграммъ и забылъ забвенныхъ вкусомъ, не его враговъ, а враговъ смысла, вкуса и всего прекраснаго.

Кстати о вкусѣ и прекрасномъ. Карамзинъ скоро будетъ у васъ. Онъ здѣсь ходитъ

Entre l'Olympe et les abîmes,
Entre la satire et l'encens.

Что же будетъ у васъ! Исторія его дѣлаетъ честь Россіи. Такъ я думаю въ моемъ невѣжествѣ. Ваши знатоки думаютъ иначе. Богъ съ ними! Я васъ обнимаю отъ всего сердца и прошу помнить Батюшкова.

CLXIX.

Е. Ѳ. Муравьевой.

20-го января (1816 г. Москва).

Письмо ваше, милая тетушка, начинается упреками за непостоянство и вѣтренность; но если бы вы за противное меня пожурили съ пользою, то это было бы правосуднѣе. Благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для меня: это капля въ морѣ малѣйшая, но я этого достоинъ по сердцу. Теперь долгомъ поставляю сказать вамъ, что я рѣшился на отставку и прошу, и заклинаю васъ стараться о ней, а не объ уничтоженіи моего прошенія. Благодарю Петра Ивановича за его дружество: мнѣ пріятно бы было оправдать его доброе мнѣніе; что же касается до лестной перспективы, которую вы мнѣ показываете, то я скажу вамъ откровенно, avec la liberté d'un soldat qui aime la verité, что я почелъ бы себя счастливымъ быть полезнымъ человѣкомъ при братѣ нашего царя, но не имѣя протекціи, состоянія и дерзости, не осмѣлюсь приносить одно усердіе и объявлять мои требованія; одинъ отказъ и промахъ сдѣлали бы меня несчастнымъ на долго. Спросите Петра Ивановича: желаетъ ли великій князь меня имѣть при себѣ. Въ такомъ случаѣ, не смотря на слабость моего здоровья, я останусь въ службѣ. Въ противномъ случаѣ— ни за что, ибо во фрунтѣ я служить не могу (на силу ходить могу), а въ Каменцѣ при Бахметевѣ не останусь ни изъ чего, тѣмъ болѣе, что онъ самъ просился въ отпускъ и передъ отъѣздомъ объявилъ мнѣ, что я у него никогда ничего не выслужу. Адъютантомъ я соглашусь быть въ военное время у храбраго генерала;

въ мирное лучше заниматься своимъ дѣломъ, нежели безпрестанными бездѣлицами. Въ Никитиномъ письмѣ, которое прошу прочитать, я себя оправдывалъ, сколько умѣлъ. Еще разъ прошу отставки, одной отставки. Къ Алексѣю Николаевичу писать болѣе не буду: я ни одной строчки не получалъ въ отвѣтъ и полагаю, что я ему наскучилъ. Вамъ, милая, добрая тетушка, не наскучу ничѣмъ и никогда, ниже моею вѣтренностію, а цѣлую ручки ваши сто разъ и обнимаю Сашу. Кончу письмо. Надобно одѣваться и къ старой Пушкиной отправляться обѣдать, гдѣ найду экс-министра и экс-поэта Дмитріева, который, не потерявъ важности, умѣетъ быть любезенъ. Меня очень ласкаютъ хозяева, и я имъ благодаренъ душевно.

CLXX.

Е. Ѳ. Муравьевой.

30-го января (1816 г. Москва).

Я нишу къ вамъ, почтенная тетушка, черезъ князя Вяземскаго, котораго вы знали въ Москвѣ, и который желаетъ имѣть счастіе вручить лично мое письмо и возобновить лестное для него знакомство. Вы увидите Николая Михайловича, съ которымъ я говорилъ о многихъ дѣлахъ и просилъ его настоять объ отставкѣ моей. Письмо ваше, въ которомъ вы страшитесь отъѣзда Петра Михайловича, я получилъ. Петръ Михайловичъ очень нездоровъ: лежитъ въ постелѣ. Лѣкаря называютъ его болѣзнь сіятикою, летучею подагрою и Богъ знаетъ какъ: она продержитъ его долго въ Москвѣ. Любезнаго Никиту обнимаю отъ всего сердца.

Я хотѣлъ прислать къ нему его переводъ, но не успѣлъ еще перечитать. Все равно, пришлю его съ почтою. О себѣ ничего сказать рѣшительнаго и хорошаго не могу. Ничего ни желаю и ни на что не надѣюсь. Желаю одной отставки и свободы заниматься книгами и мараніемъ бумаги. Блестящіе проекты ваши, почтенная тетушка, касательно моего честолюбія суть новое доказательство вашего ко мнѣ дружества, но я на нихъ считать не могу, а на дружество и любовь вашу ко мнѣ считать буду, пока буду дышать. Вамъ преданный и покорный Константинъ Батюшковъ.

Милаго и добраго Сашеньку цѣлую.

Адресъ: Ея превосходительству милостивой государынѣ Катеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой. У Аничкина моста, на Фонтанкѣ, въ собственномъ ея домѣ.

CLXXI.

Князю П. А. Вяземскому.

(Февраль 1816 г. Москва).

Ты уѣхалъ, милый другъ, и я остался одинъ совершенно въ этой обширной Москвѣ, гдѣ, кромѣ знакомыхъ, не имѣю ни друга, ни родственника. А ты пенялъ мнѣ, что скучаю! Въ одной рукѣ держу Монтаня, въ другой Сенеку, укрѣпляюсь духомъ, и все напрасно! Не вижу конца и начинаю проклинать гадательное искусство Гиппократа моего, который, со всею доброю волею ничего изъ меня сдѣлать не можетъ, то-есть, ни совершенно больнаго, ни здороваго. Нарывъ все въ томъ же видѣ, и я сожалѣю, что не уговорилъ Скюдери припустить пьявицы. Теперь это средство поздно. Нога болитъ иногда по старому. Кашель проходитъ.

Я пью и ѣмъ, и сплю, а впрочемъ ... очень нездоровъ. Здѣсь все по старому. Пушкины у меня бываютъ ежедневно, Толстой, Меншиковъ и Окуневъ. Соковнинъ дня три пропадалъ; вчера пріѣхалъ ко мнѣ пьяный, занялъ у меня сто рублей и отправился на болото, а потомъ на имянины къ Апраксину, который ему будетъ очень радъ. А я радъ, что онъ будетъ далѣе отъ насъ и ближе къ Алексѣю Михайловичу, который также у Апраксина. Вотъ все, что я знаю въ моей кельѣ про здѣшній свѣтъ. О книжномъ свѣтѣ знаю также мало. Вчера по утру, читая La Gaule Poétique, я вздумалъ идти въ аттаку на Гаральда Смѣлаго, то-есть, перевелъ стиховъ съ двадцать, но такъ разгорячился, что нога заболѣла. Паръ поэтическій изчезъ, и я въ моемъ героѣ нашелъ маленькую перемѣну. Когда читалъ подвиги Скандинава,

То думалъ видѣть въ немъ героя
Въ великолѣпномъ шишакѣ,
Съ булатной саблею въ рукѣ
И въ латахъ древняго покроя.
Я думалъ: въ пламенныхъ очахъ
Сіять должно души спокойство,
Въ высокой поступи—геройство
И убѣжденье на устахъ.

Но, закрывъ книгу, я увидѣлъ совершенно противное. Прекрасный идеалъ изчезъ,

и предо мной
Явился вдругъ.... Чухна простой:
До плечъ висящій волосъ
И грубый голосъ,
И весь герой—Чухна Чухной.

Этого мало преображенія. Герой началъ дѣйствовать: ходить и ѣсть, и пить. Кушалъ необыкновенно поэтическимъ образомъ:

Онъ началъ драть ногтями
Кусокъ баранины сырой.
Глоталъ ее, какъ звѣрь лѣсной,
И утирался волосами.

Я не говорилъ ни слова. У всякаго свой обычай. Гомеровы герои и наши Калмыки тоже дѣлали на бивакахъ. Но вотъ что меня вывело изъ терпѣнія: передъ Чухонцемъ стоялъ черепъ убитаго врага, окованный серебромъ, и бадья съ виномъ. Представь себѣ, что онъ сдѣлалъ!

Онъ черепъ ухватилъ кровавыми перстами,
Налилъ въ него вина
И все хлестнулъ до дна....
Не шевельнувъ устами.

Я проснулся и далъ себѣ честное слово никогда не воспѣвать такихъ уродовъ и тебѣ не совѣтую.

Но что ты дѣлаешь, милый другъ? Занимаешься счетами и дѣлами? Желаю тебѣ успѣха. Пріѣзжай скорѣе ко мнѣ, пока я живъ и не умеръ съ тоски. Будь здоровъ, ѣшь стерляди доморощенныя и не забывай твоего друга, который тебя любитъ и жизнь любитъ для тебя единственно.

Среда.

Я пишу мало. Рука устала. Надобно еще писать и между прочимъ къ княгинѣ, которой угодно было вспомнить о больномъ на Басманной. Снѣшу отвѣчать на ея плоды риторическими цвѣтами, которые во сто разъ покажутся ей блѣднѣе моего лица.

CLXXII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

(Февраль 1816 г. Москва).

Благодарю васъ, любезная тетушка, за письмо ваше отъ 18-го января и за приглашеніе въ Петербургъ. Вы знаете, что мнѣ нельзя покинуть Москвы безъ позволенія моего генерала или до полученія отставки, которую я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Въ Петербургѣ у меня друзей, кромѣ васъ, нѣтъ, то-есть, такихъ, для которыхъ бы ѣздить по тысячи верстъ; о службѣ еще не думаю, да и не думаю, чтобы когда вздумалъ. Вотъ все, что могу сказать о себѣ. Къ брату писалъ нѣсколько разъ и послалъ ему бумаги. Получилъ ли ихъ? Вчера, по старой памяти, я обѣдалъ у Мудрова en famille, и мы долго, долго говорили о васъ съ его женой и Чеботаревой. Это семейство напомнило мнѣ всю старину.

CLXXIII.

А. Н. Батюшковой.

На масляницѣ въ четвергъ (16-го февраля 1816 г. Москва).

Благодарю тебя, милый другъ, за послѣднее письмо твое. Я не такъ виновенъ передъ тобою. Полагая, что ты еще въ Хантоновѣ, адресовалъ письмо мое въ Череповецъ; и впередъ прошу не безпокоиться, если почту пропущу. Часто случается, что послать не кого, и почта отъ меня далеко, или опоздаю. Въ большомъ городѣ и въ чужомъ домѣ время не намъ принадлежитъ совер-

шенно. Радуюсь душевно, что ты, милый другъ, теперь у батюшки, и жалѣю душевно, что не могу быть съ тобою; надѣюсь, что получу позволеніе отъ генерала или отставку; послѣдняго желаю отъ всей души по многимъ причинамъ, а главное—потому, что мое здоровье совершенно разстроено, и если ты его полагаешь, какъ мнѣ писала, въ старомъ положеніи, то ни мало не ошибаешься: и теперь масляницу сижу дома. Спокойствіе, и особенно спокойствіе душевное, вотъ лѣкарство для меня необходимое, а я его не имѣю и вовсе потеряю, если не подумаю объ устроеніи дѣлъ моихъ и долговъ. Ты знаешь, милый другъ, что я на себя довольно скупъ и копѣйки даромъ не издерживаю; прихотей не имѣю вовсе и нынѣ пріучилъ себя мало по малу во всемъ отказывать, но поѣздки по службѣ, мундиры и тому подобное меня разорятъ. Вотъ все, что имѣю сказать о себѣ. Впрочемъ, еще ничего рѣшительнаго не знаю, долго ли здѣсь пробуду и скоро ли получу отставку, ибо судьба не у меня въ рукахъ. Желалъ бы поскорѣе: сердце мое имѣетъ нужду отдохнуть при тебѣ и увидѣть батюшку. Напоминай ему обо мнѣ, милый другъ, и проси его родительскаго благословенія. Поцѣлуй за меня милыхъ братца и сестрицу. Бога ради пиши ко мнѣ почаще. На первой недѣлѣ я сбираюсь говѣть, если позволитъ здоровье; стану молиться усердно за тебя, моего друга. Прости, будь здорова и помни твоего друга, преданнаго тебѣ по самый гробъ. Конст.

Я писалъ о рекрутствѣ Павлу Алексѣевичу. Напиши ему отъ меня также, что не могу согласиться на предложеніе крестьянъ, а желаю, чтобы по старому наблюдали очередь. Отъ него не имѣю писемъ. Извини меня передъ батюшкою, что не пишу теперь: на про-

шедшей почтѣ писалъ. Твой Якубовскій ко мнѣ не являлся, а квартиры его я не знаю.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Устюжнѣ Желѣзопольской.

CLXXIV.

А. Н. Батюшковой.

(Начало марта 1816 г. Москва).

Каждую почту я пишу къ тебѣ, милый другъ, но рѣдко получаю отвѣтъ. Что я говорю? Съ пріѣзда моего сюда не имѣлъ еще отвѣта на мое письмо изъ Орла, а изъ Каменца и подавно! Теряются ли на почтѣ, или медленно идутъ—не знаю. Изъ Петербурга, кромѣ того, что ты мнѣ переслала, ни строчки не имѣю. И въ такомъ положеніи прожилъ два мѣсяца: день за день, и время летитъ. Не хочу тебя огорчать, а право грустно, очень грустно. И батюшка также не пишетъ. Отъ чего—не понимаю. Попроси его, чтобы онъ не забывалъ меня: право, я этого стою и твоей дружбы, конечно, милый другъ. Повторяю еще: пиши каждую почту и помни твоего брата и друга. Константинъ.

Что дѣлаютъ сестры?

Если будутъ у тебя лишніе 100 или 200 р., пришли ихъ не замедля. Здѣсь диванная матерія по 5 р. аршинъ, прочная и красивая, а впрочемъ все дорого. Скажи объ этомъ и сестрамъ, и Аркадію Аполлоновичу: онъ, кажется, просилъ объ этомъ на 200 р. Можно купить диванъ съ подушками аршинъ въ 20 и слишкомъ, слѣдственно, на двѣ комнаты.

Поздравляю тебя отъ всей души со днемъ твоего рожденія, которое мысленно буду праздновать.

CLXXV.

Е. Ѳ. Муравьевой.

3-го марта (1816 г.) Москва.

Вчера я получилъ письмо отъ Сипягина. Полагаю, что Тургеневъ вамъ сказывалъ о немъ. Оно успокоило меня не совершенно, ибо и еще не кончено мое дѣло объ отставкѣ. Напомните Тургеневу.

Я спросилъ бы у васъ еще о чемъ-нибудь: если меня поняли, то вѣрно напишете словечко. Сто разъ цѣлую ручки ваши и остаюсь вашимъ на всегда. Константинъ.

Скажите Тургеневу, что я очень благодаренъ ему за его дружбу ко мнѣ. Г. Уткина билеты розданы, и всѣ до послѣдняго съ рукъ сбуду. Я ручаюсь за это. Скажите Николаю Ивановичу, что я ему усердно кланяюсь.

CLXXVI.

Е. Ѳ. Муравьевой.

(Мартъ 1816 г. Москва).

Вы упрекаете мнѣ мое нетерпѣніе, а забыли, что терпѣніе испытано двумя годами ожиданія, что я съ Парижа (1814) хочу оставить службу, рѣшительно хочу, ибо здоровье мое совершенно разстроено. Притомъ же служба такъ несчастлива: вы согласитесь со мною, что я въ правѣ сказать это, и я въ правѣ думать, что не могу быть полезенъ, ни къ чему не гожусь и, какъ о н ы й добродѣтельный Спартанецъ, могу только

воскликнуть: «Есть триста человѣкъ достойнѣе меня!» Итакъ, ускореніемъ дѣла объ отставкѣ вы мнѣ истинно поможете. И дѣла мои домашнія требуютъ моего присутствія, и сестра, которая только мною дышетъ, а ѣхать отсюда не могу, не получа отставки.

CLXXVII.

А. Н. Батюшковой.

(14-го марта 1816 г. Москва).

Благодарю тебя, милый другъ, за письмо твое отъ 26-го февраля. Оно меня не много утѣшило. Благодаря Бога, ты здорова и скоро возвратишься изъ Даниловскаго въ Хантоново, гдѣ отдохнешь и тѣломъ, и душою. Я ожидаю здѣсь отставки, и если получу бумаги, то перезаложу имѣніе. Ссылаюсь на мое письмо. Изъ него не видно, чтобы Гнѣдичь не заложилъ имѣнія въ 1815 году. Напротивъ того. Но я не имѣлъ квитанціи изъ ломбарда: вотъ о чемъ просилъ написать къ нему и еще прошу. Бога ради, доставьте мнѣ свидѣтельство. На прошедшей почтѣ послалъ батюшкѣ чаю въ гостинецъ: получилъ ли онъ? Теперь посылаю Юленькѣ коленкору на два платья и ситцу на платье. Сшей ихъ сама и пошли ей въ подарокъ. Эту бездѣлку посылаю отъ души. Право денегъ мало, и самъ перебиваюсь кое-какъ. Тебѣ гостинца нѣтъ; когда буду богатѣе, пришлю или самъ пріѣду по веснѣ: это лучшій гостинецъ. Будь здорова. Сбери мои книги и приготовь мнѣ уголокъ. Прости, до первой почты.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Съ посылкою: 6 аршинъ ситцу и 5 коленкору цѣною въ пятьдесятъ рублей. Въ Череповецъ.

CLXXVIII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

19-го марта 1816 г. (Москва).

Бога ради, милая тетушка, выведите меня изъ хлопотъ. Прилагаю при семъ письмо брата моего Павла Алексѣевича Шипилова. Изъ него вы увидите, что Гнѣдичь заложилъ мое имѣніе 1815 году, внесъ сумму, но до сихъ поръ не очищено въ ломбардѣ, и мнѣ не выдаютъ разрѣшенія. Я писалъ нѣсколько разъ изъ Каменца, разъ десять по крайней мѣрѣ. Ни слова въ отвѣтъ! Прикажите кому-нибудь вытребовать разрѣшеніе немедленно и доставить мнѣ его или прямо на имя Павла Алексѣевича Шипилова въ Вологду; или, если есть возможность перезаложить въ петербургскій ломбардъ тѣ же выкупленныя Николаемъ Ивановичемъ души 1815 года, то къ сему приступить. Боюсь просрочить: уже лѣто близко. Простите, что безпокою васъ. Но кого просить, скажите сами? Отвѣчайте, или, если вамъ некогда, прикажите кому-нибудь отвѣчать: не буду покоенъ, пока это не кончится. Если возможно перезаложить въ петербургскомъ ломбардѣ, то я доставлю немедленно вѣрющее письмо, на чье имя приказать изволите.

CLXXIX.

Н. И. Гнѣдичу.

20-го марта 1816 г. Москва.

Благодарю тебя, любезный другъ, за письмо, съ Дашковымъ посланное, и другое съ книгою Жуковскаго:

и то, и другое меня обрадовали. Не смѣю благодарить за похвалы бездѣлкѣ, напечатанной въ Музеумѣ (и перепечатанной безъ моего спроса въ Сынѣ). Конечно, старое дружество ко мнѣ ты перенесъ къ моимъ сочиненіямъ: авторъ черезъ это выигрываетъ, пріятель теряетъ. О себѣ ничего не могу сказать рѣшительнаго и удовлетворить твоему любопытству. Ты знаешь, что я ожидаю отставки, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю. Здоровье мое изчезаетъ примѣтно и, къ сокрушенію моему, не позволитъ служить. Въ Каменцѣ, въ деревнѣ, до Каменца я былъ жестоко боленъ лихорадкою и даже страшился чахотки. Начинаю мало по малу оживать, но не писать: для поэзіи нужно счастіе, для философіи—здоровье и покой: благи, о которыхъ я только по наслышкѣ знаю. Впрочемъ, здѣсь живу не скучно, по крайней мѣрѣ противъ Каменца, который для меня былъ то же, что Смирна для Хемницера. Хозяинъ мой ласковъ, веселъ, объ умѣ его ни слова: ты самъ знаешь, какъ онъ любезенъ.

Прошлаго года ты заложилъ мои деревни и внесъ деньги въ ломбардъ въ уплату. Бога ради, пришли немедленно освобожденіе изъ залогу выкупленныхъ душъ. Объ этомъ просила и сестра моя или хотѣла просить. Нельзя ли заложить выкупленныя 1815 г. души снова и зачесть за сумму, которую мнѣ нынѣ внести надлежитъ? Скорѣе увѣдомь, не полѣнись: если нельзя, то освобожденіе въ документѣ доставь прямо въ вологодскую палату или на имя Шишилова; тамъ получу новое свидѣтельство. Какія издержки будутъ по ломбарду (полагаю—бездѣлка), я немедленно тебѣ доставлю.

Кончу. Боюсь наскучить тебѣ длиннымъ письмомъ и оторвать отъ полезнѣйшихъ занятій, ибо полагаю, что ты очень занятъ словесностью или службою. Я

слышу, что Петръ Оленинъ боленъ. Увѣдомь и о немъ, если писать будешь. Весь твой К. Б.

Гдѣ князь Гагаринъ? Получилъ ли онъ мое письмо лѣтомъ? Сколько я ему долженъ, съ процентами, ибо полагаю, что и онъ платилъ ихъ за меня; узнай, отпиши мнѣ. Постараюсь внести ему деньги. По видимости я виноватъ передъ нимъ: не смѣю даже извинять себя. Но мнѣ горестно будетъ, если онъ потерялъ ко мнѣ довѣренность и уваженіе. Пусть бранитъ, если угодно, а я ему буду вѣчно благодаренъ и буду вѣчно любить его благородное и великодушное сердце. Скажи ему, если увидишь: ты скажешь истину.

CLXXX.

А. Н. Батюшковой.

29-го марта (1816 г. Москва).

Радуюсь душевно, милый другъ, что ты возвратилась въ Хантоново и отдыхаешь по трудному и скучному путешествію. Сколько разъ я думалъ о тебѣ, милая сестра, и ты себѣ представить не можешь, съ какимъ сокрушеніемъ. На тебя возложили трудное и непріятное дѣло, на которое ты рѣшилась геройски. Будетъ ли прокъ въ этомъ—не знаю: мнѣ такъ все не нравится. Къ чему спѣшить? Но оставимъ это, оставимъ и станемъ говорить о себѣ. Здорова ли ты и что дѣлаешь дома? Отпиши мнѣ подробно. Здоровы ли сестрицы? Прилагаю при семъ письмо и къ нимъ. Бога ради, постарайся кончить домъ свой: это необходимо для васъ всѣхъ; гдѣ жить зимою и по осени? Притомъ же это тебя займетъ и развлечетъ, безъ сомнѣнія.

О себѣ, милый другъ, ничего не скажу ни хорошаго, ни худаго. Между тѣмъ какъ ты разъѣжала и дѣлала добро, я жилъ покойно здѣсь и часто упрекалъ себѣ мое бездѣйствіе и то, что не могъ съ тобою раздѣлить хлопотъ и трудовъ; но оставить Москвы до отставки не въ моей волѣ: это истинно такъ. Да притомъ думаю, что, кромѣ тебя единственно, нужно ли кому мое присутствіе? Конечно, нѣтъ! Здѣсь я часто грущу. Будущее меня пугаетъ; настоящимъ доволенъ, ибо меня здѣсь ласкаютъ:—кто отъ души, а кто изъ учтивости. Но это все ни къ чему не ведетъ, и безъ службы я не обойдусь, если не теперь, то черезъ годъ. Устроить мои дѣла не умѣю и не могу. Твои совѣты на счетъ извѣстнаго дѣла напрасны, милый другъ: невозможное не возможно. Я зналъ это давно, и все предвидѣлъ. Спокойно перенесемъ бремя жизни, не мучась и не страдая: вотъ все, что можемъ, а остальное забудемъ. Если получу отставку и могу пріѣхать къ тебѣ, то убери для меня баню, вели ее протопить заранѣе. Книги приведи въ порядокъ и сбери Бога ради: онѣ нынѣ рѣдки и дороги. Пришли мнѣ съ первою почтою мой фракъ, сѣрые панталоны, два жилета и три англійскія рубашки. Очень это все нужно. Сукно еще дорого, и все дорого по старому. Отъ тетушки получаю часто извѣстія и люблю ее, какъ ангела утѣшителя: она одна не измѣняется къ намъ и точно поставлена здѣсь на землѣ, чтобы примирять насъ съ гнѣвнымъ Провидѣніемъ. Прости, обнимаю тебя и прошу быть повеселѣе и утѣшить твоего брата, твоего друга, твоего Констант.

О ломбардѣ все ничего нѣтъ. Я писалъ самъ къ Гнѣдичу.

Вели покормить и поберечь верховую лошадь.

CLXXXI.

В. А. Жуковскому.

(Конецъ марта 1816 г. Москва).

Благодарю тебя, милый другъ, за твою книгу, которую я получилъ черезъ Гнѣдича. Съ жадностью ожидаю второй части и балладъ, на которыя всѣ вооружаются во имя Расина, вкуса и отечества. Въ нашей Суздали всѣ хотятъ писать посуздальски: на яичкѣ, какъ въ старину писали. Старость тебя бранитъ, молодость силится тебѣ подражать: добрый знакъ! Пиши, иди впередъ! Тецы убо, солнце наше, и натецы на поэму: вотъ мое сердечное желаніе. Не знаю, что у васъ дѣлается, въ вашей Суздали, а въ нашей не лучше. У подошвы Парнасса грязь и навозъ, то-есть, личность, корысть, упрямство и варварство. Я забылъ прибавить: и зависть. Но ты это лучше вѣдаешь. Часъ отъ часу я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Арзамасцы лучше Суздальцевъ, и безъ нихъ нѣсть спасенія. Возьмите въ Арзамасъ добраго Лихачева, котораго посланіе къ тебѣ прилагаю при семъ: оно тебѣ понравится. Стихи пріятны и написаны отъ сердца. Отвѣчай ему прозою, если хочешь, отвѣчай только. Адресъ: въ Каширу, Тверской губерніи. Онъ теперь тамъ. Здѣсь двадцать рублей за твою книгу. Онъ желалъ имѣть билетъ, и я рѣшился адресовать прямо къ тебѣ. Пошли ее къ нему, милый другъ.

Ты меня забылъ. Что дѣлаетъ Рафаэль-Карамзинъ въ Суздали? Какъ приняли его картину абдерито-суздальскіе маляры? Ни слова не пишешь. Даже не отвѣчалъ на мое письмо изъ Каменца. Все тебѣ прощу, если

напишешь поэму или что-нибудь достойное твоего таланта, и если будешь любить меня, какъ я тебя люблю. Будь здоровъ, веселъ и счастливъ, если можно и помни своего собрата по Аполлону. Б.

Тургенева благодарю за письмо. Напомни еще разъ объ желанной отставкѣ. Мы ожидаемъ сюда Вяземскаго. Катерина Андреевна сокрушилась о мужѣ. Я часто ее вижу и всегда съ новымъ удовольствіемъ: умная, добрая, рѣдкая женщина. Она тебя очень любитъ и уважаетъ. Замѣть, это не послѣднее достоинство въ моихъ глазахъ. О новостяхъ не пишу. Мерзляковъ читаетъ, и право хорошо. Я слушалъ его съ большимъ удовольствіемъ. Пушкинъ перевелъ Игрока: много счастливыхъ стиховъ. Прочіе всѣ пишутъ и похвалы себѣ не слышутъ. Я знаю, что ты не будешь спать отъ радости: ты членъ здѣшняго общества. Есть надежда, милый другъ, что мы попадемъ въ академію. Если у Уварова есть экземпляръ лишній Элевзинскихъ таинствъ, то доставь мнѣ его. У меня давно кое-что бродитъ въ головѣ: сбираю матеріалы. Здоровье мое часъ отъ часу ниже, ниже, и я къ смерти ближе, ближе, а писать охота смертная! А еще болѣе хочется прижать тебя къ сердцу и сказать тебѣ, милый другъ, какъ ты мнѣ дорогъ.

Здѣсь 25 рублей: 20 за Лихачева, а на пять купи мнѣ Гетевы стихи, если можно въ одной книжкѣ. Если что дороже заплатишь, я тебѣ доставлю. Письмо это вручитъ тебѣ Петръ Ивановичъ Полетика. Поклонись Сѣверину, котораго покойный Батонди столь счастливо благословилъ на дипломатію.

CLXXXII.

А. Н. Батюшковой.

Въ понедѣльникъ на Страстной (3-го апрѣля 1816 г. Москва).

Поздравляю тебя, милый другъ Александра Николаевна, съ наступающими праздниками, которые желаю тебѣ провести спокойно и весело послѣ хлопотъ твоихъ и огорченій. Положеніе твое меня огорчило бы еще болѣе, если бы я не зналъ и не увѣренъ былъ, что ты находишь въ совѣсти твоей лучшую и сладчайшую награду за добрыя дѣла, которымъ свидѣтель одинъ Богъ въ небеси и судья безпристрастный. Теперь ты спокойнѣе, по крайней мѣрѣ такъ надѣюсь я, и конечно, думаешь обо мнѣ, твоемъ вѣрномъ другѣ, а другъ твой ничего о себѣ сказать не можетъ. Въ ожиданіи отставки я все живу постарому: день хвораю, другой выѣзжаю. Не скажу, чтобы очень скучно было; а иногда по неволѣ призадумываюсь. О ломбардѣ все ничего не знаю, и это начинаетъ меня безпокоить; правда, до іюня еще два мѣсяца, а просрочить можно и до 20-го августа, но этого пропустить не надобно. Ожидаю отвѣта отъ Гнѣдича, отъ тебя и Павла Алексѣевича.

Я просилъ о книгахъ. Собери ихъ, милый другъ, и въ порядкѣ. Да закажи еще новый шкапъ, хоть изъ простаго дерева; закажи въ Вологдѣ волтеровскія кресла; я заплачу деньги за нихъ, или возьми у старосты. Достань на весну розъ, если можно, и проси Ивана садовника моимъ именемъ, чтобы онъ постарался за цвѣтами; не прислать ли тебѣ сѣмянъ цвѣточныхъ? Здѣсь тотчасъ достать можно. Пиши ко мнѣ, милый другъ, и Христосъ съ тобою. Конст. Бат.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новгородской губерніи.

CLXXXIII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

На Страстной въ понедѣльникъ (8-го апрѣля 1816 г. Москва).

Поздравляю васъ, любезная тетушка, съ наступающими праздниками. Можете посудить сами, желаю ли я провести ихъ весело вамъ и съ братцами. Сожалѣю крайне, что нѣсколько лѣтъ сряду судьба лишаетъ меня удовольствія быть съ вами въ сіи торжественные дни. Прошлаго года я жестоко былъ оторванъ отъ васъ около сего времени.

Видѣлъ вчера Карамзиныхъ у Дмитріева. Радуюсь душевно успѣхамъ Карамзина: онъ стоитъ того во всѣхъ отношеніяхъ; какъ вамъ благодаренъ и какъ относится о васъ—и сказать не могу; скажу только, что это пріятно было моему сердцу. Крайне сожалѣю, что съ весною покинутъ они Москву. Я лишусь пріятнаго дому во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь у меня много знакомыхъ, но людей по сердцу мало.

Прошу покорно поздравить братцевъ съ наступающими праздниками. Никитѣ прошу сказать, что я не могу создать формуляра, что онъ оставался въ Библіотекѣ или онъ отправленъ куда—не знаю. Отыскать его, прибавить походы 1813 и 1814, дать подписать его Храповицкому—вотъ что сдѣлать, если можно, необходимо нужно. Храповицкій, я думаю, не откажется. А если посылать къ Бахметеву, то это продлится до осени, по крайней мѣрѣ. Я теряю терпѣніе. Всѣхъ отставляютъ, кромѣ меня; болѣе полугода подалъ просьбу.

CLXXXIV.

А. Н. Батюшковой.

19-го апрѣля 1816 г. (Москва).

Три недѣли прошли, а я отъ тебя ни строчки не имѣю, милый другъ, и не знаю, чему приписать это молчаніе. Конечно, ты здорова; батюшка по крайней мѣрѣ пишетъ, что отъ тебя имѣетъ извѣстія; конечно, ты писала, но письма затерялись. Это и со мною часто случается: пишу, пишу, а толку нѣтъ. Наконецъ я отставленъ коллежскимъ ассессоромъ. Конечно, не выгодно, но я къ этому привыкъ. Неудачи по службѣ—это мое. Слава Богу, что отставленъ. Здоровье мое очень плохо, и не знаю, какъ бы я перенесъ еще путешествіе въ Каменецъ, въ Каменецъ, который я безъ отвращенія вспомнить не могу. Получила ли ты платья Юленьки? Посылаю и тебѣ тафты самой модной, полосатой; жаль, что не успѣлъ къ праздникамъ; но для тебя все равно: ты и въ будни щеголять любишь. По лѣту ожидай меня, не прежде іюня. Обнимаю тебя отъ всей души и прошу любить твоего брата и вѣрнаго друга. Константинъ Батюшковъ.

Я писалъ въ Каменецъ, чтобы прислали мнѣ матеріи на софы и стулья турецкой; если пришлютъ, то на весь домъ достанетъ. Но когда кончится этотъ домъ? Когда заживемъ вмѣстѣ? Нельзя ли къ зимѣ совершенно достроить и зиму провести въ Хантоновѣ во спасеніи души, тѣла и кармана.

Книги, Бога ради, книги мои всѣ собери изъ Вологды, до послѣдней книженки.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новогородской губерніи. Съ посылкою тафты цѣною въ пятьдесятъ рублей.

CLXXXV.

Е. Ѳ. Муравьевой.

(Апрѣль 1816 г. Москва).

Благодарю за извѣстіе объ отставкѣ. Ко мнѣ то же писалъ Сипягинъ и Тургеневъ, но я до тѣхъ поръ покоенъ не буду, пока не увижу въ приказѣ. Вы спрашиваете меня: что я намѣренъ съ собою дѣлать? Право, не знаю и это говорю по совѣсти. Если что не воспрепятствуетъ, намѣренъ провести лѣто въ деревнѣ, а зиму въ Москвѣ. И здѣсь есть добрые и ласковые люди, а если поживу подолѣе, то постараюсь и болѣе полюбиться. Походами и разъѣздами я совершенно разстроилъ карманъ мой: вотъ что единственно меня затрудняетъ. Горестно мнѣ подумать также, что долго не увижусь съ вами, милая и добрая тетушка, ибо я въ Петербургъ не поѣду ни за что, развѣ по необходимой надобности, и молю Богу, чтобы ея не было. Въ службу не хочу входить, да и гдѣ безъ покровительства найду мѣсто?

Катерина Андреевна Карамзина, у которой я провелъ вечеръ, просила меня засвидѣтельствовать вамъ ея душевное почитаніе. Достойная женщина: она чувствуетъ совершенно цѣну вашего дружества. Вѣрьте мнѣ, что мало у насъ на Руси семействъ столь достойныхъ уваженія, какъ семейство Карамзина, и для меня, здѣсь въ Москвѣ, домъ ихъ—большая отрада.

CLXXXVI.

А. Н. Батюшковой.

10-го іюля 1816 г. (Москва).

Я хотѣлъ отправляться къ тебѣ. Все было готово, бричка куплена, и я торжествовалъ отъ радости увидѣть тебя и сестеръ, милый другъ. Но судьба расположила иначе: я простудился; въ лѣвой ногѣ, въ раненой, сдѣлались судороги и ревматизмъ, стрѣльба въ раны, чего никогда не бывало, и вотъ я седьмой день сижу дома или лучше сказать лежу въ постелѣ, а по утрамъ хожу въ ванну. Впрочемъ, голова и желудокъ здоровы совершенно. Страшусь, чтобы раны не открылись. Въ такомъ случаѣ долженъ буду прожить здѣсь долѣе, а это противно и карману моему, и сердцу. Воротились ли сестры? Посылаю Лизаветѣ Николаевнѣ 16 аршинъ бѣлаго коленкору: ей и Сашенькѣ на платьеце; Варечкѣ—фланель. Я хотѣлъ ихъ везти съ собою, но можетъ быть, недѣли двѣ здѣсь пробуду. Батюшка на меня гнѣвается, что пишу рѣдко. Причина тому, что былъ за городомъ; другая—что письма пропадаютъ. У меня одинъ мальчикъ: вотъ вся моя услуга. Яковъ пьетъ у другаго господина, и нога его у меня не будетъ. Павлу Алексѣевичу писать ли? Онъ не въ Вологдѣ. Обнимаю тебя очень, очень крѣпко. Сшей мнѣ дюжину рубашекъ потонѣе, да чулокъ коротенькихъ. Вотъ моя просьба усердная. А еще другая: будь здорова и весела. Я сталъ веселѣе, разсудительнѣе, и боль изъ головы перешла въ ногу. Прощай. Конст. Бат.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. При семъ посылка на 75 р. подъ литерою В. Въ Череповецъ, Новогородской губерніи.

CLXXXVII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Начало августа 1816 г. Москва).

Письмо твое получилъ и благодарю за предложеніе твое печатать на свой счетъ и, кромѣ того, дать еще автору 1500. Ты разоришься, и я никакъ не могу на это согласиться. Лету ни за милліонъ не напечатаю; въ этомъ стою неколебимо, пока у меня будетъ совѣсть, разсудокъ и сердце. Глинка умираетъ съ голоду; Мерзляковъ мнѣ пріятель или то, что мы зовемъ пріятелемъ; Шаликовъ въ нуждѣ; Языковъ питается пылью, а ты хочешь, чтобы я ихъ дурачилъ передъ свѣтомъ. Нѣтъ, лучше умереть! Лишняя тысяча меня не обогатитъ. Если бы я согласился на нѣкоторыя предложенія, то могъ бы имѣть тысячь пятнадцать доходу. Но я ни зачѣмъ не гоняюсь и если бы расквитался съ долгами, надѣланными въ службѣ, и не имѣлъ бы домашнихъ огорченій, то былъ бы счастливъ и веселъ. Я все боленъ: другой мѣсяцъ въ постелѣ. Рѣдко проѣзжаюсь. Скучаю? Конечно; но здѣсь много добрыхъ и ласковыхъ людей: они меня не забываютъ, и первый изъ нихъ В. Пушкинъ: каждый день сидитъ у меня. Недавно меня навѣстили Нилова и Самарина: я очень удивился и обрадовался имъ несказанно. Къ несчастію, не выѣзжаю теперь и не могу ихъ видѣть.

Я угадалъ птицу по полету. Свидѣтели тебѣ Вяземскій и Пушкинъ. При нихъ, прочитавъ критику на Ольгу, сказалъ: это Гнѣдичъ, либо Никольскій, но скорѣе первый. И Вяземскій, и Пушкинъ благодарятъ неизвѣстнаго отъ всей души. Жаль только, что ты напалъ на родъ балладъ. Тебѣ, литератору, это непростительно. Всѣ роды хороши. Грибоѣдову не отвѣчай ни слова; и Катенинъ по таланту не стоилъ твоей прекрасной критики, которую самъ Дмитріевъ хвалилъ очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковскій поэтъ; надобно, говорю, предъ лицомъ свѣта: тогда всѣ Грибоѣдовы изчезнутъ. Ходи, какъ Кромвель, въ кирасѣ подъ платьемъ, не то умереть тебѣ подъ ножемъ писателей. Муравьевъ пишетъ ко мнѣ каждую недѣлю и нынѣ спрашиваетъ: кто авторъ критики на Ольгу. Онъ полагаетъ, что это я, но я отрекусь, разумѣется. Пришли отрывокъ изъ Иліады къ Кокошкину: онъ его провозгласитъ. Выпроси у Крылова басню. Вамъ стыдно не помогать здѣшнему обществу: васъ любятъ и уважаютъ. Крылова хартію вручу Каченовскому. Сегодня пошлю за нимъ.

Клянусь совѣстію, что болѣзнь меня разорила. Что мѣсяцъ, то шестьсотъ и семьсотъ рублей. Вотъ почему не выслалъ къ князю, но изъ деревни пришлю. Я столько ему обязанъ и такъ сильно чувствую его великодушіе! Скажи ему и примири съ нимъ. Будь здоровъ и помни больнаго.

Какъ Олинъ воетъ надъ мнимымъ мертвецомъ! А Державинъ еще упрашивалъ, чтобы не выли: это безсовѣстно!

Когда будетъ легче, то займусь перепискою моихъ бездѣлокъ. Съ горестью вижу, что это бездѣлки, но печатать надо. Ихъ изуродовали въ журналахъ и вездѣ

мое имя выставили. Даже Каченовскій дѣлаетъ это противъ воли моей!

Какъ ты думаешь? Собирать ли прозу? Какъ литература, она, кажется, довольно интересна и дастъ деньгу. Впрочемъ, я ея не уважаю.

Приписка В. Л. Пушкина. Благодарю сердечно любезнаго Николая Ивановича за прекраснѣйшую критику. Батюшковъ истинно отгадалъ въ одну минуту, что вы авторъ столь справедливыхъ и остроумныхъ замѣчаній. Онъ боленъ, но душою здоровъ, и пишетъ стихи безподобные. Что до меня касается, я вовсе ничего не дѣлаю,

Молчу и слушаю другихъ.

Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздоилъ сего кандидата Бесѣды пресловутой? Ради Бога, освободите насъ отъ нелѣпостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте! Должно вранью сдѣлать конецъ! Крылову отъ меня усердный поклонъ. Тургенева мы ждемъ нетерпѣливо, и ждемъ много новаго и пріятнаго. Кажется мнѣ, что я съ музами и Петербургомъ простился навсегда или по крайней мѣрѣ на долго. Нѣтъ ни воображенія, ни денегъ.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel.

Цѣлую Омира или Омера и поручаю себя въ его дружбу. Василій Пушкинъ.

Не страшись: мы никому не скажемъ нашихъ догадокъ о сочинителѣ критики и не навостримъ кинжаловъ. Вчера у меня сидѣлъ Каченовскій и бесѣдовалъ до полуночи. Деньги Ивана Андреевича и забавное письмо его я вручилъ. Поклонись отъ меня безсмертному Крылову, безсмертному—конечно, такъ! Его басни переживутъ вѣка. Я ими теперь восхищаюсь.

CLXXXVIII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

6-го августа (1816 г. Москва).

Благодарю васъ за отдачу денегъ. Но не забудьте: кромѣ того, есть другой долгъ, и надобно внести про-

центы; сколько, по совѣсти не знаю. Боюсь просрочить. Прикажите справиться, Бога ради, и успокойте меня. Я все еще въ Москвѣ, цѣлый мѣсяцъ пролежалъ въ постелѣ. Теперь лучше, но все слабъ; хожу на силу и кашляю, и нога болитъ. Нилова и Самарина у меня были и очень меня обрадовали. Вяземскій уѣхалъ. Но здѣсь у меня много такъ называемыхъ пріятелей, которые не забываютъ больнаго. Вы видите, что я не совершенно жалокъ, а что голова моя здорова, то скажу рѣшительно. И вотъ доказательство: все, что вы знаете, что сами открыли, что я вамъ писалъ, и что вы писали про нѣкоторую особу, прошу васъ забыть, какъ сонъ. Я три года мучился, долгъ исполнилъ и теперь хочу быть совершенно свободенъ. Письма мои сожгите, чтобы и слѣдовъ не осталось: прошу васъ объ этомъ. Съ вашими то же сдѣлаю, тамъ, гдѣ говорите о ней. Теперь дѣло кончено. Я даю вамъ честное слово, что я велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ честный человѣкъ, и совѣсть мнѣ ни въ чемъ не упрекаетъ. Разсудокъ упрекаетъ въ страсти и въ потерянномъ времени. Не себѣ, а Богу обязанъ, что онъ спасъ меня изъ пропасти. Когда-нибудь поговоримъ объ этомъ; зимою, можетъ быть. Приготовьте мнѣ комнату на зиму. Если Москва не привлечетъ меня, то я буду у васъ. Теперь, кромѣ васъ, ничего въ Петербургѣ не имѣю. Если Оленины за что-нибудь въ претензіи на меня, то они не правы. Не думаю, чтобы та особа меня любила; а если что-нибудь и было похожее, то я, конечно, забытъ скоро: прошло два года. Вотъ все, что могу сказать о себѣ. Еще разъ, желаю съ вами увидѣться: при васъ только отдыхаю сердцемъ. Вы знаете, какъ мнѣ Петербургъ противенъ. Но для будущаго я плановъ не имѣю. Еслибъ была возможность имѣть мѣсто при миссіи въ Италіи,

то я могъ бы на это пуститься; впрочемъ, воля Божія! Въ Петербургѣ жить не хочу и не буду.

Къ брату писать буду на будущей почтѣ. Я такъ еще слабъ, что малѣйшее усиліе мнѣ вредно, а Скюдери запрещаетъ. Николаю Ивановичу мой душевный поклонъ. Я виноватъ передъ нимъ: роздалъ его билеты и не могу собрать денегъ: все въ разныхъ рукахъ, и всѣ разъѣхались по дачамъ. Но я ручаюсь за эти деньги. Только что будетъ легче, соберу ихъ.

Пишите сюда; я еще недѣли три просижу дома. Теперь мнѣ сноснѣе, сижу за книгами, весь въ книгахъ. Простите, цѣлую ручку вашу.

Если можно достать англійской фланели, то пришлите мнѣ: нужный сдѣлаете подарокъ, аршинъ 6.

CLXXXIX.

Н. И. Гнѣдичу.

Четвергъ (начало сентября 1816 г. Москва).

Письмо твое, первое съ разсѣяннымъ превосходительствомъ, второе съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, я получилъ, милый другъ. Кокошкинъ вручилъ мнѣ отрывокъ изъ Иліады, которымъ займусь немедленно. Я прочиталъ его: кажется, поправлять нечего, развѣ бездѣлки. Когда будетъ чтеніе у насъ—не знаю; я боленъ и лежу въ постелѣ. Черезъ силу ѣзжу по солнцу верхомъ и конца не вижу моему невольному пребыванію въ Москвѣ. Напрасно ты думаешь, что я отказываюсь отъ твоего предложенія, имѣя въ виду болѣе. Конечно, въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ могу сбыть все изданіе и выручить капиталъ на капиталъ,

но имѣть хлопоты, безпрестанно торговаться съ книгопродавцами, жить для корректуры въ столицѣ мнѣ не возможно. Итакъ, на твое предложеніе отвѣчаю со всѣмъ чистосердечіемъ, что оно мнѣ пріятно по многимъ причинамъ, и если ты на мои кондиціи согласишься, то и дѣло по рукамъ. Вотъ онѣ: За двѣ книги, толщиною или числомъ страницъ съ сочиненія М. Н. Муравьева, я прошу двѣ тысячи рублей. Тысячу рублей прислать мнѣ немедленно. У меня томъ прозы готовъ, переписанъ и переплетенъ. Приступить къ печати, не ожидая стиховъ. Томъ стиховъ непосредственно за симъ печатать. Если ты согласишься на мое условіе, то я все велю переписывать и доставлю въ началѣ октября. Имъ займусь сильно и многое исправлю. Лету не печатать; за то будутъ новыя піесы, какъ то: Ромео и Юлія, и другія бездѣлки. Другую тысячу заплатить мнѣ шесть мѣсяцевъ по напечатаніи втораго тома. Это тебя не разстроитъ и мнѣ будетъ выгодно. Я берусь доставить заглавный виньетъ для обоихъ томовъ. Печатать отнюдь не по подпискѣ: я на это никакъ не соглашусь. Могу поручиться, что здѣсь въ Москвѣ въ первый годъ книгопродавцы возмутъ 300 или 400 экземпляровъ. По крайней мѣрѣ увѣряетъ Каченовскій. Въ Петербургѣ столько же выйдетъ въ два года. Я могъ бы печатать здѣсь. Мнѣ даютъ деньги на бумагу, но не хочется одолжаться и жить въ Москвѣ. Дѣла требуютъ моего присутствія въ деревнѣ, одна болѣзнь удерживаетъ. Дмитріевъ уговаривалъ продать здѣшнимъ книгопродавцамъ, но я боюсь ихъ, какъ огня. Они изуродуютъ изданіе и на мѣсто завода, напечатаютъ два, какъ обыкновенно.

Томъ прозы будетъ интересенъ. Первая піеса: рѣчь, говоренная мною въ московскомъ собраніи о словесно-

сти. Вторая: Вечеръ у Антіоха Кантемира, то-есть, разговоръ его съ Монтескье, гдѣ я послѣдняго немного поцарапалъ. О Данте, Петраркѣ, Тассѣ, Аріостѣ. Финляндія. Похвала сну. О морали. О сочиненіяхъ Муравьева. Письмо объ академіи, переправленное (надобно спросить у Оленина, можно ли его печатать? Канва его, а шелки мои). Замокъ Сирей. О госпожѣ дю-Шатле О поэтѣ. О Ломоносовѣ характерѣ личномъ, и проч., и проч.

Стихи раздѣляю на книги: 1-я—элегіи, 2-я—смѣсь, романсы, посланія, эпиграммы и проч. Я подписываю имя, слѣдственно, постараюсь сдѣлать лучше, все, что могу! Титулъ: Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Б. Если издатель захочетъ сдѣлать предисловіе или замѣчанія, то можетъ, подписавъ имя свое. Однимъ словомъ, надѣюсь, что моя книга будетъ книга, если не прекрасная, то не совершенно бездѣльная. Дай мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Пришли всю тысячу. Мнѣ деньги очень нужны. Я боленъ и проживаюсь на лѣкарствѣ. Если ты понесешь убытокъ, то я отвѣчаю. Но этого предполагать не можно. На печать полагаю двѣ тысячи: этого достаточно; мнѣ двѣ тысячи, итого четыре. Двѣ части продавать по десяти рублей, итого за тысячу экземпляровъ десять тысячъ р. На коммиссію положимъ двѣ тысячи; слѣдственно, четыре очистятся. Вотъ что мнѣ говорилъ Каченовскій, печататель чужихъ сочиненій. Онъ мнѣ и самъ предлагалъ свои услуги, но я отказался, и главное—потому, что ты по дружбѣ это лучше сдѣлаешь, и потому, что въ Москвѣ уродуютъ книги. Мнѣ ты учинишь одолженіе. Безъ тебя не рѣшусь печатать. Ты знаешь мою лѣнь и нерѣшимость. Но прошу только печатать безъ шуму и грому. Обѣ

книги вдругъ выпустить. Жуковскому хвалители повредили. Гречь объявитъ въ Сынѣ Отечества, Каченовскій—здѣсь. Я ручаюсь за него: вымолвитъ доброе словечко. Богъ поможетъ: и я авторъ! Книги раскупятъ, а тамъ—пусть критикуютъ.

Дай же рѣшительный отвѣтъ, то-есть, скажи: мнѣ не надобно, или скажи: пришли томъ прозы, а я вышлю деньги къ концу сентября. Вотъ на что прошу отвѣчать немедленно. Посовѣтуйся съ знающими людьми. Мнѣ сдѣлаешь истинное одолженіе, истинное, говорю: избавишь отъ хлопотъ и подаришь мнѣ двѣ тысячи. Ожидаю: да или нѣтъ. Но ни слова въ моемъ условіи не перемѣню: я обдумалъ все на досугѣ. Согласенъ ли? Прости, будь здоровъ, пиши экзаметры и не вѣрь никому. Тебя сбиваютъ съ пути. Переведи нѣсколько отрывковъ изъ Одиссеи. Тамъ можешь блеснуть экзаметромъ. Удивляюсь, что ты за нее не возьмешься давно. Что нужды, что не сряду. Пиши и люби меня.

Ивановъ умеръ. Онъ настрадался. Жаль его больно!

Еще прошу: никому не провозглашай, что я намѣренъ печатать, и начавъ печатать, молчи, пока все не выдетъ. Уткинъ вѣрно не откажется отъ виньетовъ. Я ихъ тебѣ представлю, когда все будетъ готово. Берусь за это самъ, на свой счетъ и отчетъ.

CXC.

А. Н. Батюшковой.

(Первая половина сентября 1816 г.). Москва.

Ты удивляешься, что я рѣдко пишу, а я пишу во сто разъ исправнѣе васъ всѣхъ. У меня одинъ маль-

чикъ, и часто не кого послать на почту. Я все боленъ, и мнѣ, клянусь честью, ѣхать нельзя. Живу не весело и проживаюсь. Пришлите Бога ради деньги тысячу рублей къ 10-му октября или ранѣе. Прикажи это старостѣ исправить. Если платить не будетъ исправно, то я продамъ деревню и это говорю не въ шутку.

Если будетъ легче, то въ концѣ октября буду къ вамъ: это мое желаніе. Но признаюсь, больному (а я очень боленъ) на убой ѣхать не хочется. Въ Даниловскомъ домъ холоденъ: ты знаешь, каково жить, а особенно мнѣ, съ ревматизмомъ во всемъ тѣлѣ. Я спокоенъ, веселъ, но у меня ни гроша нѣтъ, а занимать не охота. Пришли деньги, пиши чаще и люби меня, какъ я тебя люблю. Что вашъ домъ?

Четвергъ.

Сокрушили Даниловское проекты, а кончилось, что я правъ. Теперь мнѣ смѣшно, чѣмъ я огорчался: что не могъ ѣхать заключить контрактъ о работникахъ на заводъ. А батюшка самъ теперь пишетъ, что заводъ идетъ худо.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ, Новогородской губерніи.

CXCI.

А. Н. Батюшковой.

17-го сентября 1816 г. (Москва).

Я спѣшу написать тебѣ нѣсколько строкъ, милый другъ и сестра Александра Николаевна, и извѣстить тебя, что мое здоровье все въ одномъ положеніи, то-есть,

болитъ нога по старому и не позволяетъ мнѣ ходить и выѣзжать. Малѣйшая перемѣна въ воздухѣ мнѣ вредна. Ѣхать въ такомъ положеніи въ деревню было бы безразсудно. Здѣсь я живу покойно, въ теплыхъ комнатахъ, при надзорѣ лѣкаря и напротивъ аптеки. Въ деревнѣ моя болѣзнь можетъ усилиться и кончить жизнь. Вотъ почему я живу въ Москвѣ. Мнѣ не нужно себя оправдывать: ссылаюсь на всѣхъ знакомыхъ, что говорю истину. Но я здѣсь проживаюсь: каждый мѣсяцъ стоитъ 500 р. и болѣе. Я писалъ къ тебѣ и просилъ выслать деньги къ 10-му октября. Теперь прошу выслать къ 30-му октября или въ началѣ ноября, но не тысячу, а двѣ, или по крайней мѣрѣ 1500. Устройся съ старостою и попроси его моимъ именемъ. Пиши ко мнѣ пространнѣе. Что вы дѣлаете? Здоровы ли сестры? Гдѣ онѣ? Гдѣ Павелъ Алексѣевичъ? Я не писалъ къ нему, полагая, что его нѣтъ въ Вологдѣ.

Приготовь мнѣ бѣлья: рубашекъ, платковъ, простынь, полотенецъ. У меня все пропадаетъ отъ ветхости и небреженія. Будь здорова, весела и пиши почаще. Никогда письма ваши не были такъ коротки и рѣдки, какъ нынѣ. Весь твой Конст. Б.

Собери книги мои.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ, Новогородской губерніи.

CXCII.

Н. И. Гнѣдичу.

25-го сентября 1816 г. (Москва).

Amen. Согласенъ на все, прочитавъ твое письмо, съ тѣмъ только, что ни во что мнѣ вступаться и ни за что отвѣчать.

Высылаю томъ прозы. Все обѣщанное мною исполнено, кромѣ статьи о Дантѣ. Право некогда, боленъ, и у меня нѣтъ воспомогательныхъ книгъ. О маркизѣ дю-Шатле не будетъ, да и что въ ней? Про одни дрожди не говорятъ трожди. А французскія дрожди намъ давно наскучили. Мнѣ же не хочется имѣть переводовъ; замѣть: это не малое достоинство. Статью о лучшихъ свойствахъ сердца, статью не блестящую, но которая мнѣ болѣе всего нравится, ибо она лучше всего написана, возьми въ Сынѣ Отечества. У меня его нѣтъ, и промыслить этого нумера не могъ. Кантемировъ пиръ пришли съ первою почтою. На силу отыскалъ переводъ Гуаско, съ которымъ надобно было справиться. Кантемиръ будетъ интересенъ. Если цензура что-нибудь вычеркнетъ въ немъ или въ другихъ піесахъ (кромѣ Кантемира, не знаю къ чему привязаться), то замѣни ближайшимъ смысломъ. Такимъ образомъ, взявъ все вмѣстѣ, будетъ слишкомъ 300 страницъ печатныхъ, полагая страницу въ величину Вѣстника, можетъ быть, и гораздо болѣе. Если какую статью захочешь выкинуть, выкидывай. Но для разнообразія пріятно бы сохранить даже и Финляндію, которая надута, но горяча. Марай, поправляй, дѣлай, что хочешь, но Бога ради, ситаціи вѣрнѣе напечатай. Надѣюсь,

что книга моя, имѣя такого издателя, каковъ переводчикъ Гомера, понравится aux esprits bien faits, а по разнообразію статей—и массѣ читателей. Скажи нѣсколько строкъ въ предисловіи отъ издателя. Не говори о трактирѣ. Мы не Глинки, и не хвали меня, особливо если подпишешь имя. Всѣ знаютъ нашу связь, и эта похвала покажется сомнительною. Надобно сказать въ предисловіи, что писано въ разныя времена, что у насъ мало книгъ, прямо къ словесности относящихся, мало прозы, и потомъ на колѣняхъ просить читателя раскупить изданіе, въ ожиданіи втораго. Пришли мнѣ условіе, какое хочешь: я его подпишу. Могу умереть, и ты останешься въ дуракахъ. Согласенъ пять лѣтъ не издавать снова. Экземпляровъ печатай 1500 или двѣ, не болѣе. Но книгопродавцамъ о такомъ великомъ числѣ не объявляй: это можетъ повредить. Печатай безъ подписки.

Томъ стиховъ отдѣлаю и стану переписывать. Ихъ менѣе прозы. Отдѣленіе элегій будетъ лучшее. Пришлю весь коробъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, или когда потребуешь, но назначь мнѣ срокъ. Другую тысячу, за стихи, какъ сказано,—по напечатаніи ихъ. Высылай прозаическую тысячу. Я ее несу въ аптеку и къ доктору.

Виньетокъ не надобно. Богъ съ ними! Нужна кашка. Посылаю тебѣ на образецъ. Если апробуешь, то отдай сдѣлать ее и заглавныя литеры надписей къ листамъ Ухтомскому. Онъ мнѣ пріятель и за бездѣлку сваляетъ. Выгравировать это экскизомъ, а не тщательно. Я отвѣчаю за однѣ доски, полагая, что онѣ не болѣе ста рублей будутъ стоить. Онѣ бы и не нужны были для книги, но тебѣ съ досками легче повѣрить экземпляры, и нѣтъ ли лишнихъ въ типографіи? Второе изданіе, если Богъ велитъ, сдѣлаю

красивѣе, а первое должно быть просто. За труды мои слишкомъ буду награжденъ. Увѣренъ, что оно будетъ не варварское, достойное пожирателя Гомеровыхъ коментаторовъ и любителя Ельзевировъ и Бодони! Ожидаю отвѣта и всей краснорѣчивой тысячи. Скажу тебѣ, что Кокошкинъ скоро будетъ воспѣвать твои гекзаметры и басни сосѣда твоего. Прозы твоей читать не будемъ (я настоялъ по нѣкоторымъ мѣстнымъ причинамъ), а напечатаемъ въ собраніи Трудовъ, если хочешь. Скажи мнѣ твою волю.

Все хорошо, кромѣ моего здоровья. Меня отправляютъ на воды. Лѣкаря морщатся и прибѣгаютъ къ натурѣ или природѣ, а природа къ натурѣ. Понимаешь? Скоро очищу мѣсто для новаго стихотворца и отправлюсь писать элегіи въ царствѣ Плутона. Прости, будь здоровъ и дай отвѣтъ скорѣй. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ.

25-го сентября.

Здѣсь мелькнулъ Иванъ Матвѣевичъ Апостолъ, урожденный Муравьевъ. Ты слышалъ о дѣлѣ его. Кажется, онъ правъ. Что у васъ говорятъ законники? Желаю душевно ему успѣху. Онъ тебѣ усердно велѣлъ кланяться и поскакалъ въ деревню. Поклонись его дѣтямъ и попеняй, что меня забыли. Они право неблагодарны къ пріязни. Вручи Никитѣ одинъ экземпляръ моей рѣчи. Но чтобы онъ не показывалъ никому до напечатанія. Эта рѣчь нашумѣла здѣсь. Ты не удивишься, прочитавъ ее.

Я истину осламъ съ улыбкой говорилъ.

Печатать ли Прогулку въ академіи? А жаль ее выключить. Расположеніе матерій сдѣлай самъ, какъ заблагоразсудишь. Кантемира завернуть въ серединку.

CXCIII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

(Сентябрь 1816 г. Москва).

Крайне сожалѣю, любезная тетушка, о томъ, что вы были нездоровы, и надѣюсь на Божью милость, что болѣзнь ваша пройдетъ. Теперь время осеннее, и надобно беречь себя. Вы писать изволите, что мнѣ московскій воздухъ вреденъ, что въ деревню ѣхать не зачѣмъ и не должно, чтобы я не ѣздилъ также и въ Петербургъ съ больной головою. Бога ради, разрѣшите мое сомнѣніе: гдѣ же мнѣ жить прикажете? Я не могу подняться на облака, какъ въ Аристофановой комедіи дѣйствующія лица. Не ожидалъ отъ васъ, милая и любезная тетушка, столь строгаго приговора человѣку, который нѣсколько лѣтъ скитается изъ края въ край. Что касается до Тургенева обѣщаній, то это одни замки на пескѣ: я давно до нихъ не охотникъ. Просить и кланяться въ Петербургѣ не буду, пока будетъ у меня кусокъ хлѣба. Кланяться, чтобы отказали! Въ Италію желаю не для честолюбія, а для здоровья только: вы представить себѣ не можете, какъ оно у меня разстроилось. Но мѣста въ Италіи нѣтъ: я здѣсь узналъ это чрезъ Сѣверина. Тургеневъ по этой части ничего сдѣлать не въ силахъ; ѣхать мнѣ для пустяковъ не хочется; итакъ, отложимъ все и, если можно, устроимъ путешествіе на Кавказъ, куда меня лѣкаря посылаютъ. Оно тѣмъ кстати, что вы мнѣ запретили въѣздъ въ Петербургъ, въ Москву и въ деревню. Я писалъ къ вамъ обстоятельно. У меня имѣнія, кромѣ Ярославской и Вологодской губерній, нѣтъ: вы это знаете. Вотъ ка-

ково себѣ сдѣлать репутацію безтолковаго человѣка! Мало цѣлой жизни на то, чтобы исправить ее. Но я лучше умру съ ней и съ дружбою вашею, которая для меня всего драгоцѣннѣе.

CXCIV.

В. А. Жуковскому.

27-го сентября (1816 г. Москва).

Письмо твое, милый другъ, Батюшковъ прочиталъ съ радостію неизъяснимою, съ восхищеніемъ. Ты любишь меня: это—главное, лучшее. Читая неумѣренныя похвалы себѣ, я положилъ съ Вяземскимъ, что ты спился съ кругу долой и писалъ письмо съ похмѣлья. Исторія Мещевскаго вывела насъ изъ заблужденія. Ты писалъ трезвый, нѣтъ сомнѣнія, но и друзья твои трезвы. Они положили, приговорили, что ты ошибся и, конечно, безъ намѣренія обратилъ похвалы, тебѣ и Вяземскому принадлежащія, на бѣднаго Батюшкова, который шестой мѣсяцъ чуть на ногахъ держится. Все это прекрасно. Въ часы самолюбія повѣришь, въ часы уныніе ободришься. Но зачѣмъ критика неправосудная? Когда я писалъ: безъ дружбы и любви, то божусь тебѣ, не обманывалъ ни тебя, ни себя, къ несчастію! Это вырвалось изъ сердца. Съ горестью признаюсь тебѣ, милый другъ, что за минутами веселья у меня бывали минуты отчаянія. Съ рожденія я имѣлъ на душѣ черное пятно, которое росло, росло съ лѣтами и чуть было не зачернило всю душу. Богъ и разсудокъ спасли. На долго ли—не знаю! Я разгулялся и въ доказательство печатаю томъ прозы, низкой прозы;

потомъ—стихи. Все это бремя хочется сбыть съ рукъ и подвигаться впередъ, если здоровье и силы позволятъ. Потащусь за тобой и Вяземскимъ, который истинно мужаетъ, но всего, что можетъ сдѣлать, не сдѣластъ. Жизнь его проза. Онъ весь разсѣяніе. Такой родъ жизни погубилъ у насъ Нелединскаго. Часто удивляюсь силѣ его головы, которая на канунѣ бала или на другой день находитъ ему счастливыя риѳмы и счастливѣйшіе стихи. Пробуди его честолюбіе. Доброе дѣло сдѣлаешь, и оно предлежитъ тебѣ: онъ тебя любитъ и боится. Я увѣренъ, что ты для него совѣсть во всей силѣ слова, совѣсть для стиховъ, совѣсть для жизни, ангелъ-хранитель. А ты спрашиваешь: за что тебя любятъ? И кто же? Друзья твои, которые тебя знаютъ наизусть. Не имѣю права назвать себя другомъ твоимъ азъ многогрѣшный, но пріятелемъ назову смѣло, и пріятелемъ изъ первыхъ.

Вяземскій послалъ тебѣ мои элегіи. Бога ради, не читай ихъ никому и списковъ не давай, особливо Тургеневу. Есть на то важныя причины, и ты, конечно, уважишь просьбу друга. Я ихъ не напечатаю.

Когда увидимся? Гдѣ и какъ, не знаю. Мое здоровье вянетъ примѣтнымъ образомъ, изчезаю. Послѣдніе годы меня сразили. Ты здоровъ, милый другъ: работай для славы, для дружбы. Пиши стихи; подари насъ поэмою. Вѣрь, что тебѣ знаютъ цѣну въ Россіи. Будь выше судьбы своей и не забывай высокаго назначенія своего, не забывай и выгодъ жизни. Тургеневъ можетъ быть тебѣ полезенъ. Я предлагалъ ему уговаривать тебя издавать журналъ въ Петербургѣ. Если мое желаніе сбудется, то возьми меня въ сотрудники; все сдѣлаю, что могу, что буду въ силахъ сдѣлать. Кончу мое письмецо. Обнимаю тебя очень, очень крѣпко. Константинъ.

CXCV.

А. И. Тургеневу.

14-го октября 1816 г. Москва.

Ей, ей impromptu!

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы кроткій нравъ,
Для дѣлъ—характеръ честный дѣдовъ!
О ты, который при дворѣ.
Въ чаду успѣховъ или счастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье!
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но, бѣднаго услыша стонъ,
Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Поэта смирнаго моленье,
Доставь крупицу отъ щедротъ
Сиротамъ двумъ на прокормленье!
Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами.
Лишь «дайте имъ!» промолви—въ мигъ
Онѣ очутятся съ рублями.
Но кто онѣ? Скажу точь въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою.
Онѣ—вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою.
Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ Поповъ
Царя усердный воинъ.
Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ.
Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ грудным ребенкомъ и одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣдство.
Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!
Имъ добры люди помогли,

Согрѣли, накормили
И, словомъ, какъ могли,
Сиротокъ пріютили
Прекрасно, славно, спору нѣтъ!
Но.... здѣшній свѣтъ
Не рай—мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.
Враги нахлынули рѣкою,
Съ землей сравнялася Москва....
И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою.
А между тѣмъ все дочь растетъ,
И нужды съ нею подрастаютъ.
День за днемъ все идетъ, идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ;
Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы разцвѣтаетъ
И стала грація точь въ точь!
Прелестный взоръ, глаза большіе,
Румянецъ Флоры на щекахъ
И кудри льняно-золотыя
На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвитъ, то пріятство,
Что ни надѣнетъ, все къ лицу!
Краса—увы!—ея богатство
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи нѣтъ насущна хлѣба!
Тургеневъ, другъ нашъ, ради неба,
Прійди на помощь красотѣ,
Несчастію и нищетѣ!
Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу,
За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

Вдова Попова, урожденная Молчанова, подала прошеніе въ сословіе призрѣнія разоренныхъ непріятелемъ чрезъ князя С. М. Голицына 27-го апрѣля 1816. Сдѣлайте что-нибудь для нее вы, который.... Да не забудьте моего Медема и, если можно, попросите Трощинскаго. Не могу больше писать прозою. Одышка беретъ. К. Батюшковъ.

При семъ прилагаю о Поповой записку ко мнѣ Анны Львовны Пушкиной, чтобы болѣе васъ растрогать. Василій Львовичъ живъ. Враги его распустили было слухъ о преждевременной его кончинѣ, и музы готовились оплакать своего старосту. Но онъ явился подобно солнцу, разсѣвающему черныя тучи, поѣхалъ обѣдать въ клубъ на дрожкахъ. Всѣ ахнули. Мнимый мертвецъ кушалъ по старому и заплатилъ за обѣдъ 3—70 коп. съ обыкновенною щедростію.

CXCVI.

Н. И. Гнѣдичу.

28-го и 29-го октября (1816 г. Москва).

Столько и столько надобно писать къ тебѣ, милый другъ, что я право не знаю, съ чего начать. С. П. Муравьевъ былъ здѣсь. Онъ скажетъ тебѣ, что Ипполитъ оставался у меня на рукахъ, сдѣлался боленъ, выздоровѣлъ. Я ходилъ за нимъ въ болѣзни, время пролетало, я ничего не дѣлалъ. Виноватъ ли я? Конечно, нѣтъ. Поспѣшу вознаградить утраченное время. Начинаю отвѣчать на письмо твое:

О другъ мой, сколь важна услуга мнѣ твоя,
Лишь чувствовать могу, сказать не въ силахъ я!

Получилъ деньги. Грекъ мнѣ вручилъ. Кириелейсонъ! При семъ провождаю условіе. Копія мнѣ не нужна. Кантемира пришлю черезъ недѣлю. Эта статья довольно длинна. Для Путешествія въ Сирей не будетъ нужна статья о Шатле. Право довольно. Если могу сладить съ Данте, и если нужно будетъ, вышлю.

Книга будетъ толста, если не напечатаешь большой форматъ, отъ чего Боже избави! Надобно дамскую книжку: поменѣе и потолще. Начни, Бога ради, печатать прозою. Дай мнѣ время справиться со стихами. Ихъ будетъ менѣе, чѣмъ прозы, но за то ихъ и печатать рѣже. Вѣрь мнѣ, что я теперь не на розахъ. Бьюсь, какъ рыба объ ледъ, съ чужими хлопотами и свои забываю. Стихамъ не могу сказать: Vade sed incultus. Надобно кое-что поправить. Кстати о поправкахъ. Въ прозѣ исправь эпитетъ: славный Мерзляковъ; напиши знаменитый, если хочешь, или добрый. Статью Ломоносова характеръ печатай по Вѣстнику, кромѣ мѣста о Шуваловѣ, которое печатай по рукописи. Все исправляй, какъ хочешь, не переписываясь со мною. Это слишкомъ затруднительно и безполезно.

Сегодня получилъ Танкреда. Благодарю отъ всей души! Примусь за него и когда-нибудь возвращу тебѣ съ замѣчаніями. Переводъ въ иныхъ мѣстахъ превосходенъ. Я это и прежде тебѣ говорилъ. Портретъ прелестенъ. Кокошкину вручилъ экземпляръ. Съ нимъ условлюсь и отпишу тебѣ о продажѣ. Каченовскій благодаритъ и провозгласитъ. Я нарочно, въ дождь и грязь, ѣздилъ въ его келью парнасскую. Общество приняло экземпляръ съ достодолжною признательностью и возвѣстило ее въ полномъ собраніи сего дня (28-го октября) чрезъ уста Антонскаго, отца и покровителя. Гекзаметры читалъ Яковлевъ, и прекрасно! Они понравились взрослымъ людямъ; впрочемъ, у насъ дѣти-малютки! Басни Крылова разсмѣшили. Все прекрасно! Ты себѣ вообразить не можешь, что у насъ за собраніе, составленное изъ прозы, стишковъ дѣтскихъ, чаю, оржаду, дѣтей и дядекъ! Бѣдная словесность, бѣдный университетъ! Я повторяю сказанное: въ Бесѣдѣ пи-

терской—варварство, у насъ—ребячество. Не сказывай этого никому.

Еще разъ повторяю: прозу не печатай вмѣстѣ съ стихами, а сперва. Можно выпустить вмѣстѣ. Займусь перепискою стиховъ. Вышлю тебѣ сперва книгу элегій, потомъ смѣсь, посланія и проч., а тамъ сказку съ поправками, если успѣю. Не могу изъяснить тебѣ моей признательности. Конечно, изданіе будетъ исправно въ рукахъ твоихъ. Мнѣ не тягостно быть тебѣ благодарнымъ, а пріятно. Сожалѣю только, что болѣзнь, хлопоты и время не позволили сдѣлать лучше, исправнѣе, интереснѣе моей книги. Каченовскій говорилъ мнѣ, что изданіе сойдетъ; онъ предлагалъ даже подобныя деньги, но я все страшусь за тебя и повторяю: не пеняй! Я буду въ отчаяніи, если не удастся.

Каченовскій читалъ разсужденіе о славянскихъ діалектахъ. Я не критикъ, я невѣжда, но кажется, онъ рѣжетъ истину. Онъ утверждаетъ, что Библія писана на сербскомъ діалектѣ; то же, думаю, говоритъ и Карамзинъ. А славенскій языкъ вовсе изчезъ; онъ чистый и не существовалъ, можетъ быть, ибо подъ именемъ Славенъ мы разумѣли всѣ поколѣнія славенскія, говорившія разными нарѣчіями, весьма отличными одно отъ другаго. Онъ разбудитъ славенофиловъ. Если правду говоритъ Каченовскій, то каковъ Шишковъ съ партіей! Они влюблены были въ Дульцинею, которая никогда не существовала. Варвары, они изказили языкъ нашъ славенщизною! Нѣтъ, никогда я не имѣлъ такой ненависти къ этому мандаринному, рабскому, татарскославенскому языку, какъ теперь! Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ, чѣмъ болѣе пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что языкъ нашъ не терпитъ славенизмовъ, что верхъ искусства—похищать древнія слова

и давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ, котораго грамматика, синтаксисъ, однимъ словомъ, все—противно сербскому нарѣчію. Когда переведутъ Священное Писаніе на языкъ человѣческій? Дай Боже! Желаю этого!

Вотъ другая новость: Петровъ, сынъ Петрова, искажителя Энеиды, но великаго лирика, Петровъ-сынъ перевелъ Иліаду эксаметрами всю и отправился съ нею въ Питеръ. Мало по малу разбери ее. Твои враги обрадуются случаю, но Фебъ тебя пріосѣнитъ, тебя, любителя Гомера. Съ нѣкоторыхъ поръ на Парнассѣ все кабала и кабалы.

Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes!

Ты мнѣ ничего не говоришь о виньетѣ.

Кантемира вышлю съ первою почтою; если прозы недостанетъ, то у меня есть статья: Характеръ искательный, но сатирическая, а я съ нѣкотораго времени отвращеніе имѣю отъ сатиры, и переписывать ее охоты нѣтъ. Прилагаю при семъ условіе. Мнѣ не надобно копіи.

CXCVII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

14-го ноября (1816 г. Москва).

Сожалѣю, что не могу быть при васъ; не знаю даже, могу ли имѣть надежду на близкое свиданіе съ вами. Снѣгъ падаетъ, путь устанавливается, и я готовлюсь къ отъѣзду въ деревню, не смотря на боль ноги моей. Въ снѣгахъ, но съ родными, которые всегда любезны сердцу моему, проживу скучную зиму, и если доходы мои дозволятъ, то пріѣду по веснѣ къ вамъ,

либо отправлюсь на Кавказъ: тамошнія воды, говорятъ, полезны, а забота о здоровьѣ моемъ должна быть главнѣйшею моею заботою. Радуюсь душевно, что братецъ Никита пробиваетъ себѣ дорогу истиннымъ достоинствомъ личнымъ и трудами. Съ удовольствіемъ услышалъ, что онъ при Жомини и для него работаетъ; но желаю и прошу его не все жить умомъ въ лагерѣ, танцовать болѣе, выѣзжать, веселиться и писать по-русски. Русскій языкъ—его орудіе; твердите ему потихоньку, милая тетушка; орудіе къ славѣ—языкъ, а не сухая ученость, часто безплодная! Не сказывайте, что это мой совѣтъ. Высылайте его какъ можно чаще и въ вихорь свѣтскій.

Qui n'a pas l'êsprit de son âge,
De son âge a tout le malheur.

Я говорю нарочно о братцѣ, въ полномъ увѣреніи, что не могу лучшаго подарка вамъ принести на именины, какъ говорить о добромъ, миломъ и умномъ Никитѣ съ вами, милая и любезная тетушка. О себѣ ничего не пишу ни хорошаго, ни худаго. Я довольно веселъ, выѣзжаю часто и ищу разсѣянія во всѣхъ родахъ, какъ рыба ищетъ воды. Занятія мои прерваны совершенно, но за то голова здорова. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ видѣлъ васъ въ полномъ здравіи, еслибъ жилъ съ вами, но судьба мнѣ поперечитъ.

CXCVIII.

А. И. Тургеневу.

4-го декабря 1816 г. (Москва).

Для бѣдной Поповой вы до сихъ поръ ничего не сдѣлали, любезный Александръ Ивановичъ, и всѣ мои

риѳмы были напрасны. Такимъ образомъ вы отучите писать въ стихахъ и называть васъ защитникомъ красоты и бѣдности. Хочу попробовать на прозахъ говорить съ вами. Пришлите ей маленькое вспомоществованіе на имя В. Л. Пушкина. Если бы тысячу! Какъ бы я васъ благодарилъ!

Я пишу къ вамъ съ отъѣзжающимъ Иваномъ Матвѣевичемъ, который отправляется по извѣстному вамъ дѣлу. Онъ надѣется, что Александръ Ивановичъ приметъ живое участіе въ его судьбѣ и не откажется дать ему при случаѣ полезный совѣтъ. Какъ отецъ семейства, какъ человѣкъ, Иванъ Матвѣевичъ имѣетъ право на участіе сердецъ благородныхъ, на участіе людей, подобныхъ вамъ, любезный Александръ Ивановичъ. Дѣло его правое. Если есть правосудіе, то оно должно быть на сторонѣ его. Ничего не скажу болѣе: вамъ пріятнѣе будетъ разговаривать съ любезнымъ и почтеннымъ вручителемъ сего письма, нежели читать мою плоскую прозу.

Кстати о прозѣ, и плоской. Скоро выдутъ въ свѣтъ мои сочиненія. Вамъ обрекъ я экземпляръ. Въ лѣсахъ я буду писать: авось, напишу что-нибудь путное и достойное людей, которые меня любятъ, достойное васъ и Жуковскаго!

Мой усердный поклонъ ему, Д. Н. Блудову и М. А. Салтыкову, о которомъ я часто имѣлъ удовольствіе говорить здѣсь въ Москвѣ.

Не забывайте меня, сельскаго жителя, который васъ любитъ и уважаетъ.

CXCIX.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го января 1817 г. (Деревня).

Я пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ, милый другъ. Недавно пріѣхалъ въ мою деревню и не успѣлъ еще оглядѣться. Все разъѣзжалъ сѣмо и овамо. Теперь начинаю отдыхать, раскладываю мои книги и готовлю продолжительное разсѣяніе отъ скуки, то-есть, какое-нибудь занятіе. Если здоровье позволитъ, то примусь за стихи. Переправляя старые, я почти всѣми недоволенъ. Гезіодъ конченъ довольно счастливо; если время будетъ, то перепишу и доставлю тебѣ для замѣчаній. Кстати о замѣчаніяхъ: увѣдомь, меня гдѣ Жуковскій; мнѣ къ нему крайняя нужда писать о дѣлѣ для него интереснomъ. Если бы онъ былъ въ Петербургѣ! Какъ бы это кстати было для моего изданія: онъ, конечно, не отказался бы взглянуть на печатные листы и рукопись. Я теперь живу съ нимъ и съ тобою. Разбираю старыя письма его и твои и еще нѣкоторыхъ людей, любезныхъ моему сердцу. Вѣришь ли, что это занятіе есть лучшій мой отдыхъ, и легко повѣришь: я одинъ одинехонекъ. Ожидаю сестры и проживу съ нею всю весну безвыѣздно. Если бы здоровье! Но терпѣнье замѣнитъ его. Ногѣ моей хуже и хуже; впрочемъ, я бодръ, даже ѣзжу верхомъ, пью, ѣмъ и почиваю лучше Василья Львовича, которому отъ меня усердный поклонъ: я къ нему писать буду. Скажи мое душевное почитаніе княгинѣ. Напомни всѣмъ знакомымъ, кто вспомнить захочетъ, а особенно Ивану Ивановичу, котораго благосклонность и ласки нигдѣ ни въ какое

время не забуду: и здѣсь онѣ доставляютъ мнѣ сладкія воспоминанія. Если есть у тебя свободное время, въ чемъ сомнѣваюсь, то удѣляй мнѣ хотя одну минуту въ недѣлю. Напиши, что ты здоровъ: съ меня и этого будетъ довольно. Ты не знаешь, какъ я тебя люблю, и за что? Увѣдомь меня, что ты дѣлаешь. Не заставь меня краснѣться, дѣлая вопросы твоей авторской совѣсти. Прости моей дружбѣ и искренности маленькіе упреки; это все лучше, нежели лесть, которой около тебя много, и въ которой ты, конечно, нужды не имѣешь. Надобно, чтобъ я тебя очень любилъ. Ты—первый человѣкъ, съ которымъ я былъ чистосердеченъ. Но болѣе всего будь счастливъ, здоровъ и веселъ: это—главное; потомъ люби меня, хотя въ десятую долю, и вѣрь искренней привязанности твоего К. Батюшкова.

CC.

Князю П. А. Вяземскому.

(Вторая половина января—февраль 1817 г. Деревня).

Можетъ поэзія, дружество и все прекрасное воскликнуть тріумфъ! Давно я такъ не радовался. Наконецъ, Жуковскій имѣетъ независимость и все, что мы столь горячо желали, сбылось. Хвала царю, народу и времени, въ которое Карамзинъ и Жуковскій такъ награждены! Не говори этого въ англійскомъ клубѣ: тебя не поймутъ или выставятъ на черную доску. Итакъ, видишь ты, что посреди снѣговъ и варварства тлѣютъ прекрасныя искры небеснаго огня, и что мы, служители музъ, здѣсь не чужды. Желаю счастія нашему Жуковскому, желаю, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ высокое мнѣніе

мое о его высокомъ талантѣ, желаю, чтобы онъ не ограничилъ себя балладами, а написалъ что-нибудь достойное себя, царя и народа. Ты опять пожмешь плечами, но я не перемѣню моего мнѣнія. Поэму, поэму! Какую? Она давно въ головѣ его, а нѣкоторые разсѣяные члены ея въ балладахъ. Пришли мнѣ Пѣвца на Красномъ крыльцѣ, пришли новостей литературныхъ: ты забылъ, что я больной, въ снѣгахъ среди медвѣдей, но духомъ посреди избранныхъ. Теперь поговоримъ о собственномъ дѣлѣ. Метеллій отставленъ, пишутъ изъ Москвы къ Шипилову. На мѣсто его князь Оболенскій, твой родственникъ, человѣкъ честный и уважаемый всѣми. Радуюсь для музъ и для себя. Нельзя ли на мѣсто директора вологодской гимназіи помѣстить родственника моего, П. А. Шипилова? Говорятъ, что вологодскій нынѣшній директоръ не останется. Если это мѣсто праздно, то проси за Шипилова. Ты знаешь его. Ни слова не скажу въ его пользу. Онъ нынѣ свободенъ, сдалъ дѣла по предводительству. Общество было имъ довольно. Если князь Оболенскій будетъ согласенъ, то Бога ради, напиши къ Тургеневу немедленно, чтобы тамъ не помѣстили кого-нибудь изъ петербургскихъ господъ желающихъ. Я не могу изъяснить тебѣ, какъ ты обяжешь меня, сестру и брата. За что ты на меня изволишь гнѣваться, спрашиваю тебя? Если бы ты могъ читать въ моемъ сердцѣ? Оно все тебѣ предано и тѣмъ виновато, можетъ быть, что тебя слишкомъ любитъ. Въ иномъ мірѣ и любовь—вина: такъ онъ хорошъ, этотъ міръ! Прости, будь счастливъ и пиши ко мнѣ чаще, прошу тебя, моя милая рожица! Я такъ веселъ сегодня, что радъ обнять тебя, какъ будто мнѣ пятнадцать лѣтъ, и будто дружество, любовь и поэзія не химеры. Гдѣ Жуковскій? Поздравь его за меня. Что

дѣлаетъ В. Л. Пушкинъ? Какъ бы я его теперь прижалъ къ моему сердцу! Онъ вѣрно потѣетъ отъ удовольствія. Наша взяла! Скажи ему:

....Tröstlich
Ist es für uns, den Mann gerühmt zu wissen,
Der als ein grosses Muster vor uns steht.

Я только что прочиталъ это, когда получилъ твое письмо. Напомни обо мнѣ ея сіятельству. Кланяюсь ей въ землю. Увѣдомь меня, здоровъ ли Карамзинъ, и скоро ли выйдетъ его Исторія. Это мнѣ знать необходимо нужно для моихъ занятій. Что дѣлаетъ Соковнинъ? Здоровъ ли онъ? Чѣмъ промышляетъ, веселъ ли, и проч.?

CCI.

Н. И. Гнѣдичу.

(Вторая половина февраля 1817 г. Деревня).

Не могу тебѣ изъяснить радости моей: Жуковскаго счастіе, какъ мое собственное! Я его люблю и уважаю. Онъ у насъ великанъ посреди пигмеевъ, прекрасная колонна среди развалинъ. Но твое замѣчаніе справедливо: баллады его прелестны, но балладами не долженъ себя ограничивать талантъ рѣдкій въ Европѣ. Хвалы и друзья неумѣренные заводятъ въ лѣсъ, во тьму. Каждаго Арзамасца порознь люблю, но всѣ они вкупѣ, какъ и всѣ общества, бредятъ, карячатся и вредятъ. За твою критику надобно благодарить, а не гнѣваться. Увѣренъ, что въ душѣ самъ Жуковскій тебѣ благодаренъ. Что до меня касается, милый другъ, то я не люблю преклонять головы моей подъ ярмо общественныхъ мнѣній. Все прекрасное мое — мое собственное. Я могу ошибаться, ошибаюсь, но не лгу ни себѣ, ни людямъ.

Ни за кѣмъ не брожу: иду своимъ путемъ. Знаю, что это меня не далеко поведетъ, но какъ перемѣнить внутренняго человѣка? Иванъ Матвѣевичъ часто заблуждался отъ пресыщенія умственнаго. Потемкинъ ѣлъ рѣпу: вотъ что дѣлаетъ Иванъ Матвѣевичъ. Какъ бы то ни было, онъ у насъ человѣкъ необыкновенный, и тебѣ завидую: ты съ нимъ проводишь золотые часы. Пожалѣй обо мнѣ. Я въ снѣгахъ; около меня снѣгъ и ледъ. Здоровье плохо, очень плохо, но я тружусь и исполню обѣщаніе, пришлю стихи. Портрета никакъ! На мѣсто его виньетку; на мѣсто его Умирающаго Тасса, если кончить успѣю (сюжетъ прекрасный!), Омира и Гезіода, котораго кончилъ, и сказку Бальядеру, которая въ головѣ моей. Начни съ прозы. Стихи послѣ печатай; выпусти все вдругъ, безъ шуму, безъ похвалъ, безъ артиллеріи, Бога ради! Если будешь въ накладѣ, то я выручу. На портретъ ни за что не соглашусь. Это будетъ безразсудно. За что меня огорчать и дурачить. Но другіе.... Пусть другіе дѣлаютъ что угодно: они мнѣ не образецъ. Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій заслужили славу: на ихъ изображеніе пріятно взглянуть. Что въ моей рожѣ? Ничего авторскаго, кромѣ носа крючкомъ и блѣдности мертвеца: укатали бурку крутыя горки! На первыхъ недѣляхъ поста вышлю стихи. Они готовы, только свисни. Теперь я по дѣламъ домашнимъ въ скучныхъ разъѣздахъ, все безъ пристанища. Высылаю деньги Гагарину. Исполни мои коммиссіи о книгахъ. Крайняя нужда въ журналахъ. Будь чистосердеченъ, скажи мнѣ: за что Оленины на меня въ гнѣвѣ. Ниже мыслію не заслужилъ этого. Право, это больно моему сердцу. Я имъ много обязанъ, а быть неблагодарнымъ гнусно и на меня не похоже. За что же я забытъ Алексѣемъ Николаевичемъ? Бога ради, скажи чистосердечно, что я сдѣлалъ, и какъ могу загладить вину мою, но какую?..

Обнимаю тебя. Попеняй Катеринѣ Ѳедоровнѣ и Никитѣ: они не помнятъ, что я дышу еще. Будь здоровъ, веселъ и не хворай ногою, какъ азъ калѣка. Высылай Рожденіе Омера. Я буду принимать его отъ купѣли.

Прости. Vale и пришли мнѣ канастеру два фунта на мой счетъ, не то я напишу на тебя сатиру и покажу ее Омиру и всему міру.

Обними сосѣда. Но какъ обнять? Онъ, я думаю, толще всѣхъ поэтовъ вкупѣ и разсудкомъ, и тушею, то-есть, Крылову мой поклонъ.

CCII.

Н. И. Гнѣдичу.

21-го февраля 1817 г. (Деревня).

Прошу тебя, милый другъ Николай Ивановичъ, приложенное письмо къ Дамасу и 1720 руб. отправь въ Парижъ черезъ банкира или черезъ посредство А. Н. Оленина. Конечно, есть курьеры вѣрные. Не замедли, Бога ради. Теперь писать некогда, а съ почтою напишу болѣе. Константинъ Батюшковъ.

CCIII.

Н. И. Гнѣдичу.

27-го февраля 1817 г. (Деревня).

Посылаю тебѣ сочиненія Батюшкова, къ которому ты вовсе не пишешь и очень дурно дѣлаешь. Онъ боленъ и пишетъ черезъ силу свои сочиненія. Я послалъ князю Гагарину 800. Получилъ ли ты? Еще отправилъ 1720 на твое имя. Прошу переслать ихъ

Дамасу черезъ Алексѣя Николаевича или черезъ Катерину Ѳедоровну, которая, можетъ быть, возьметъ на себя попросить Раля. Всего бы лучше съ курьеромъ. Надобно отдать Дамасу бумажками. Тамъ размѣняетъ онъ, ибо теперь въ Парижѣ есть русскіе мѣнялы. Это ему выгоднѣе и мнѣ лучше. Напиши къ нему самъ словечка два. Но Бога ради, отправь эти деньги. Онѣ у меня на душѣ были. Ни росписки, ни записки у Дамаса нѣтъ, а я, безсмертный стихотворецъ, могъ умереть въ это время, и тогда онъ наплясался бы съ долгомъ, а я съ совѣстію на томъ свѣтѣ.

Если ты мнѣ писать не будешь въ отвѣтъ на мои письма, то я право прогнѣваюсь. Это меня несказанно разстроиваетъ. Здорова ли тетушка? Хоть бы ты увѣдомилъ.

Что скажу о себѣ? Боленъ. Въ деревнѣ скучно, грустно и глупо. Не пріѣхать ли къ вамъ? Какъ думаешь?

Дай отвѣтъ на мою просьбу о переводахъ италіянскихъ. Или ты думаешь, очень весело переводить длинные періоды Боккачіо даромъ? Славы отъ этой прозы не будетъ. А отъ стиховъ? Правду сказать, трепеталъ, зашивая ихъ. Ну, если не понравятся? Оживи меня.

Я началъ Смерть Тасса—элегія. Стиховъ до 150 написано. Постараюсь кончить до своей смерти. И сюжетъ, и все—мое. Собственная простота. Когда начнешь печатать, я и это могу выслать. По шутки въ сторону, я скоро впаду въ чахотку. Грудь у меня изчезаетъ; нога болитъ. Умираю... умеръ!

Что Иванъ Матвѣевичъ? Скоро ли ѣдетъ домой и съ чѣмъ?

Нельзя ли меня причислить куда-нибудь безъ жалованья по службѣ? Подумай объ этомъ и отпиши ко мнѣ, милый другъ. Мое положеніе безъ службы право не забавно.

У Греча есть типографія. Не купитъ ли онъ переводы?

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ Императорской Библіотекѣ въ Петербургѣ. Съ посылкой книги цѣной въ пятьдесятъ рублей. Череповецъ, 28-го февраля. (Въ Петербургѣ получено 6-го марта).

CCIV.

Н. И. Гнѣдичу.

(Конецъ февраля—начало марта 1817 г. Деревня).

Я не безъ резону полагаю, что томъ прозы будетъ жидокъ. Онъ долженъ быть увѣсистъ, тѣмъ болѣе, что томъ стиховъ по милости Феба худощавъ. Ergo, посылаю тебѣ милую Гризельду и милую Моровую Заразу изъ Боккачіо. И то, и другое можешь помѣстить между прозою или въ концѣ, если печатаніе кончилось. Что нужды? Сказка интересна: она и отрывокъ о заразѣ—саро d'opera италіянской литературы. Перечитай ихъ съ кѣмъ-нибудь знающимъ языкъ италіянскій и что хочешь поправь. Но я, вопреки Олину, переводилъ не очень рабски и не очень вольно. Мнѣ хотѣлось угадать манеру Боккачіо. Тебѣ судить, а не мнѣ! Если же напечатать не согласишься, то пришли назадъ, не держа ни минуты: я выдралъ изъ книги. Но лучше напечатай мою Гризельдушку и Заразу, если выдержитъ ученый критическій карантинъ. Гризельда придастъ интересу: будетъ что-нибудь и для дамъ. Это не шутка! Все одна словесность инымъ суха покажется.

Будешь ли доволенъ стихами? Размѣщай ихъ, какъ хочешь, но печатай безъ толкованій и замѣчаній, Бога ради, и безъ похвалъ! Не уморите меня. Эпиграмму:

Какъ страненъ здѣсь судебъ уставъ

и проч. выбрось. Другую оставь на Шихматова, но назови ее: Совѣтъ эпическому стихотворцу. Басню Сонъ Могольца, Книги и журналистъ и еще кое-что выкинь. На мѣсто этого я пришлю черезъ недѣли три Умирающаго Тасса, элегія, стиховъ въ 200; ее помѣстить можно будетъ въ концѣ: итакъ, она печатаніе не задержитъ. Если Гезіодъ тебѣ полюбился, то поставь въ заглавіи: «Посвящено А. Н. О., любителю древности», но имени ни его, ни чьихъ нигдѣ не выставляй. Я не охотникъ до этого. Вотъ почему я и спрашивалъ у тебя, сердится ли Оленинъ на меня, или нѣтъ? Я хотѣлъ сдѣлать это приписаніе, посылая книгу, но полагая, что онъ на меня дуется, остановился. Я къ нему писалъ: онъ ни слова не отвѣчалъ, а я писалъ не белиберду, а о моей отставкѣ; могъ ли я полагать, что онъ или забылъ меня, или гнѣвается? Но тебѣ спрашивать у него было неприлично. Я самъ знаю, что ему не за что на меня гнѣваться: я не подалъ поводу, но люди умные нерѣдко дурачатся, аки азъ грѣшный. Итакъ, если это не будетъ ему противно, надпиши: малый знакъ моей признательности, но все что-нибудь! На тебя полагаюсь въ этомъ: какъ заблагоразсудишь. Итакъ, ты видишь, что я остороженъ, милъ и уменъ, какъ ангелъ.

Спасибо за форматъ. Прекрасно, что и говорить! Domine, non sum dignus! Пришли виньетки: это меня утѣшитъ. Но Гречъ... люблю его, а скажу: палачъ! Онъ такъ терзаетъ нашу прозу и стихи, что любо и дорого. Нѣтъ № Сына безъ ошибокъ, и какихъ ошибокъ! Если онъ начнетъ меня такъ уродовать, я ему.... Но укротимъ волны и вихри моего гнѣва и станемъ говорить о дѣлѣ.

Получилъ ли Уткинъ 200? Ты ни слова! Получилъ

ли ты 1720 Дамасу? Ты ни слова! Теперь я тебя за горло. Милый другъ, отдай ради Неба 1000 въ ломбардъ къ 10-му мая, въ счетъ моего долга (2500), чѣмъ меня истинно обяжешь. У меня ни гроша. Заплатилъ кучу долговъ, а самъ остался при Боккачіо и при шпанской мушкѣ, которая у меня закрываетъ весь затылокъ и мѣшаетъ не только трудиться, но даже писать къ тебѣ это письмо. Осталось только попѣвать:

Nel cuor più non mi sento ...

Итакъ, успокой меня на счетъ ломбарда, не заставь проплясятъ казачка. Я и то разбитъ на всѣ четыре ноги, какъ лошадь, которую я продалъ въ Парижѣ.

Замѣчаніе. Исправь самъ и проси Греча исправлять ошибки противъ смысла и языка. Иногда перестановка одного слова, какъ говоритъ безсмертный Олинъ Квинтильяновичъ, весьма значительна. И у кого нѣтъ этихъ ошибокъ? Даже у самого Олина пробиваются кой-гдѣ (Пироги горячи, оладьи, горохъ съ масломъ!). Умора, право умора, вашъ Олинъ! Хочетъ мыслить, силится, силится—запоръ, нейдетъ! Читатель, суди самъ! (Зри Сынъ Отечества).

Я далъ слово Сергѣю Глинкѣ прислать ему Переходъ черезъ Рейнъ. Перепиши и пошли ему отъ моего имени. Бога ради, сдѣлай это. Онъ будетъ въ правѣ гнѣваться, а ты читалъ Горація и знаешь, каковъ гнѣвъ стихотворца. Притомъ Глинку надобно поддерживать. Если есть глупые стихи, выпиши ихъ: я постараюсь поправить.... Но лучше бы такъ. Проза надоѣла, а стихи ей-ей огадили. Кончу Тасса, уморю его и писать ничего не стану, кромѣ писемъ къ друзьямъ: это мой настоящій родъ. На силу догадался. Перемѣни

въ статьѣ Ломоносовъ повѣренія дружества. Это очень плохо! Вообще не худо иногда справляться съ Вѣстникомъ, а всего чаще съ разсудкомъ. Избавьте меня, о Гречъ, о Гнѣдичъ, отъ глупостей! Право, и безъ моихъ у насъ много на Парнассѣ! Не давно прочиталъ Монтаня у Японцевъ, то-есть, Головнина записки. Вотъ человѣкъ, вотъ проза! А мое, вижу самъ, пустоцвѣтъ! Все завянетъ и скоро полиняетъ. Что дѣлать! Если бы война не убила моего здоровья, то чувствую, что написалъ бы что-нибудь получше. Но какъ писать? Здѣсь мушка на затылкѣ, передо мной хина, впереди ломбардъ, сзади три войны съ биваками! Какое время! Бѣдные таланты! Выростешь умомъ, такъ воображеніе завянетъ. Счастливы тѣ, которые познали причину вещей и могутъ воскликнуть отъ глубины сердца: Пироги горячи, оладьи, горохъ съ масломъ!

Ивану Матвѣевичу не пишу. Онъ, полагаю, все въ Питерѣ, и ему, конечно, не до насъ, забытыхъ рокомъ. Но какъ я радъ, не могу тебѣ изъяснить. Эта вѣсть меня оживила. Я почувствовалъ, какъ люблю его въ полной мѣрѣ, и радовался этому чувству.

Вотъ проспектусъ переводовъ:

I-й ТОМЪ.

Похвала Италіи, изъ m-me de Stael.
О жизни Данте и его поэмѣ.
Олиндъ и Софронія.
Гризельда.
Бѣшенство Орланда. } Это составитъ
Путешествіе въ луну. } нѣчто цѣлое.
Альчина.
Зараза.
Письмо Бернарда Тасса о воспитаніи дѣтей.
Примѣръ дружества. Изъ Боккачіо, сказка.
Что-нибудь изъ Петрарки.

II-й ТОМЪ.

Сокращенныя выписки изъ критиковъ, щенныя вне, Sismondi, Ѣ — Жен и проч. Bouterwec

Объ италіянскомъ языкѣ вообще.
Взглядъ на словесность италіянскую.
Данте.
Петрарка.
Боккачіо.
Аріостъ.
Тассъ.
Другіе стихотворцы перваго періода.
Заключеніе.

Если бы Гречъ согласился дать двѣ тысячи за это? У него типографія: вотъ почему я съ этимъ предложеніемъ выступаю.

Въ концѣ года могу представить оба тома. Но безъ денегъ, для одного удовольствія, переводить время, бумагу и здоровье—слуга покорный! Дай рѣшительный отвѣтъ. Не то Жуковскому отдамъ все. Онъ у меня проситъ. Взгляни на этотъ реестръ и увидишь, легко ли переводить это. Кажется, было бы интересно и публикѣ нашей. Но еще разъ, безъ денегъ не примусь за работу. Дайте тысячу впередъ за первый томъ, а другую подожду до января будущаго 1818 года. Скажите: да или нѣтъ. Если да, то выпишу какого-нибудь переписчика и заплачу ему рублей триста. Самому не можно: стара стала и глупа стала. Въ противномъ случаѣ, могу провести время, какъ благородный человѣкъ, напримѣръ, могу ничего не дѣлать, какъ маркизъ Г. Приходитъ весна: болѣзни и цвѣты. Мнѣ не скучно будетъ. Два дни пролежу въ постели, а день стану поливать левкои и садить капусту, а вы останетесь безъ италіянскихъ переводовъ, вы, сводники парнасскіе, вы, великій Гречъ и великій Гнѣдичъ!

Кстати объ Италіи. Скажите мнѣ: Шаховской principe и principe Koslovsky не сойдутся ли на развалинахъ Рима? Вотъ двѣ классическія каррикатуры въ землѣ классической. Я радъ, что Шаховской будетъ писать въ карантинѣ. Не могу вспомнить о немъ безъ смѣха, а право, люблю его, какъ душу! Но не мнѣ бы смѣяться! Я самъ подставилъ спину! Чувствую, вижу, но не смѣю сказать, какъ страшно печатать! Это или воскреситъ меня, или убьетъ вовсе мою охоту писать. Я не боюсь критики, но боюсь несправедливости, признаюсь тебѣ, даже боюсь холоднаго презрѣнія. Ты

знаешь меня, бѣгалъ ли я за похвалами? Но знаешь меня: люблю славу. И теперь, полуразрушенный, далъ бы всю жизнь мою съ тѣмъ, чтобы написать что-нибудь путное! Впрочемъ, неужели мнѣ суждено быть неудачливымъ во всемъ?

Гдѣ Жуковскій? Если онъ у васъ, то попроси его взглянуть на стихи и что можно поправить. Правь самъ и всѣмъ давай исправлять. Всѣмъ? Не много ли это? Охъ, страшно! Меня печатаютъ! Вѣрь мнѣ, что еслибъ еще къ этому я увидѣлъ въ заглавіи свой портретъ, то умеръ бы съ досады! Вотъ до чего додурачился! Нѣтъ! И Хвостовъ не начиналъ такимъ образомъ, ниже Ржевскій!

Я, какъ блудный сынъ, просился опять въ Библіотеку. Если это нельзя, то проси Тургенева приписать меня куда-нибудь. Боюсь, чтобы меня не выбрали въ смотрители магазиновъ соляныхъ. Не забудь, что это соль не аттическая.

Еще повторяю: выкинь эпиграмму и всѣ басни. Что въ нихъ? Высылай своего Омира. Я пришлю замѣчанія, но впередъ дѣлаю одно: твоя піеса похожа на древнюю камею. Ея не продашь на толкучемъ рынкѣ, а знатоки знаютъ цѣну. Вѣрь мнѣ, она прелестна, но все-таки стою на томъ, что сказалъ: начало длинновато и не связано съ концомъ. Самый метръ портитъ единство. Я правъ, по совѣсти правъ! Здѣсь сужу по чувствамъ, безъ предубѣжденій. Но піеса прекрасна. Это лучшее наше произведеніе въ новомъ родѣ. Вѣрь мнѣ и не вѣрь несправедливымъ сужденіямъ.

Коль слушать всѣ...

Ты знаешь басню?...

Успокой мою душу. Получилъ ли стихи, деньги, и

теперь Гризельду, а? Что вы глухи? Не откликаетесь!

Благодари Греча за Обозрѣніе словесности. Право, прекрасно. У насъ такъ не писали до него: свободно, благородно и много истины. Жаль только, что онъ на Каченовскаго нападаетъ въ журналѣ своемъ. Впрочемъ, бранитесь, друзья мои, мы будемъ слушать.

Скажи мнѣ: сколько экземпляровъ мнѣ уступить можешь? Я намѣренъ около шести раздать въ Петербургѣ и назначу кому впередъ.

Ты печаталъ Омеръ въ прозѣ; пусть такъ, но въ стихахъ оставь Омиръ: не то будетъ пестрота, а риѳма требуетъ иръ, или если хочешь, поставь: или, чтобы меня въ журналахъ не бранили!

Здорова ли Катерина Ѳедоровна? Увѣдомь, Бога ради!

Жаль, что мѣста нѣтъ, а я ужь дописался до обморока. Прости. Охъ!

CCV.

Князю П. А. Вяземскому.

4-го марта (1817 г. Деревня).

И я, и братъ мой, и всѣ мои благодаримъ за стараніе твое, хотя безплодное. Я съ моей стороны исполнилъ долгъ мой; я не желалъ упустить случая быть полезнымъ хорошему родственнику, не желалъ упустить случая тебѣ дать поводъ къ доброму дѣлу, зная, что это для тебя праздникъ. Итакъ, смиряясь передъ судьбою, къ намъ всѣмъ довольно строгою, продолжаю отвѣчать на письма твои.

Благодарю Жуковскаго за предложеніе трудиться съ нимъ: это и лестно, и пріятно. Но скажи ему, что я печатаю самъ и стихи, и прозу въ Петербургѣ и потому теперь ничего не могу удѣлить отъ моего сокровища, а что впередъ будетъ—все его, въ стихахъ, разумѣется. По пріѣздѣ въ деревню я заплатилъ шесть тысячъ. Чахотка въ карманѣ. Въ виду—ни гроша почти на весь годъ, если не удадутся мнѣ нѣкоторые обороты. А жить надобно, какъ говоритъ Шатобріанъ. (Ей, ей, онъ это написалъ! Какова ситація?) Вотъ почему я долженъ взяться за работу, скучную, но полезную. Собираю италіянскіе переводы въ прозѣ, отборныя мѣста, и хочу выдать двѣ книжки. Можетъ быть, продамъ ихъ за двѣ тысячи. Итакъ, ты ясно и самъ видишь, могу ли разсѣять мою работу въ періодическомъ изданіи? У меня книга готова. Взялъ контрибуцію съ Данте, съ Аріоста, съ Тасса, съ Макіавеля и бѣднаго Боккачіо прижалъ къ стѣнѣ. Всѣмъ досталось! Доберусь и до новѣйшихъ. Чѣмъ болѣе вникаю въ италіянскую словесность, тѣмъ болѣе открываю сокровищъ истинно классическихъ, испытанныхъ вѣками. Не знаю только, хорошо ли это будетъ въ русской прозѣ: вотъ отъ чего не рѣдко у меня руки опускаются. Пишу около пятнадцати лѣтъ для русской публики (c'est tout dire), а отъ совѣсти отучиться не могу! Но я согласенъ съ тобою на счетъ Жуковскаго. Къ чему переводы нѣмецкіе? Добро — философовъ. Но ихъ-то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то я начинаю презирать ее. (Не сказывай этого!). У нихъ все карячень и судороги. Право, хорошаго немного. Не давно я бросилъ съ досады Іоганна Миллера. Говоря о вѣкѣ Екатерины, онъ говоритъ только о Минихѣ, потому

что онъ былъ Нѣмецъ; глубокомыслія пучина, а гдѣ разсудокъ? Слогъ Жуковскаго украситъ и галиматью, но польза какая, то-есть, истинная польза? Удивляюсь ему. Не лучше ли посвятить лучшіе годы жизни чему-нибудь полезному, то-есть, таланту, чудесному таланту или, какъ ты говоришь, писать журналъ полезный, пріятный, философскій. Правда, для этого надобно ему переродиться. У него голова вовсе не дѣятельная. Онъ все въ воображеніи. А для журнала такого, какъ ты предполагаешь, нуженъ спокойный духъ Адиссона, его взоръ, его опытность, и скажу болѣе, нужна вся Англія, то-есть, земля философіи практической, а въ нашей благословенной Россіи можно только упиваться виномъ и воображеніемъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ такъ. Но полно мнѣ умничать. Поговоримъ о старостѣ, отъ котораго я получилъ письмецо въ маленькой прозѣ и въ маленькихъ стихахъ. Онъ все тотъ же! А мы старѣемся. Это меня бѣситъ. Я очень смѣялся Шаликову и Ильину. Съ какою коварною радостію воображалъ тебя за однимъ столомъ съ ними— за грѣхи, конечно. Жихареву мой поклонъ. Что дѣлаетъ онъ у васъ? Его бы въ члены: онъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Поговоримъ о стихахъ. Сожалѣю крайне, что не могъ прислать Переходъ черезъ Рейнъ и Омира съ Гезіодомъ: переписывать не могу. Боль въ груди отрываетъ меня отъ письменнаго стола, и это пишу стоя. Какъ и стоя писать?... Нога болитъ. Лежа не могу, а писать хочется. Изобрѣтите новый способъ вы, люди умные! Недавно началъ элегію Умирающій Тассъ. Кажется мнѣ, лучшее мое произведеніе. Стиховъ полтораста готово. Теперь перо выпало изъ рукъ, и я ни съ мѣста. Эти переводы меня утомляютъ: прибавь къ этому кой-какое горе, отъ котораго нигдѣ не

уйдешь. Все вредитъ стихамъ и груди моей. Богъ съ нею, только бы хорошо писалось! Но Тассъ.... а вотъ что Тассъ: Онъ умираетъ въ Римѣ. Кругомъ его друзья и монахи. Изъ окна видѣнъ весь Римъ и Тибръ, и Капитолій, куда папа и кардиналы несутъ вѣнецъ стихотворцу. Но онъ умираетъ и въ послѣдній желаетъ еще взглянуть на Римъ,

...на древнее Квиритовъ пепелище.

Солнце въ сіяніи потухаетъ за Римомъ и жизнь поэта.... Вотъ сюжетъ. Пожелай, чтобы хорошо кончилъ. Перечиталъ все, что писано о несчастномъ Тассѣ, напитался Іерусалимомъ. Что будетъ—не знаю и когда кончу. Болѣзнь мучитъ иногда, а безпрестанное уединеніе и дурная погода, и усильные труды и послѣднее здоровье уносятъ. Я часто сержусь, какъ Шаховской на развалинахъ Рима. Римъ и Шаховской! Онъ въ Капитоліи, онъ въ Колизеѣ, онъ у Везувія, онъ въ Баіи, онъ, онъ, онъ, вездѣ онъ! Я далъ бы сію минуту пять рублей за то, чтобы взглянуть на Шаховскаго въ то время, когда онъ проѣзжалъ воротами счастія. Зачѣмъ не повстрѣчался онъ съ Козловскимъ? Этого не доставало! Двѣ классическія каррикатуры въ классической землѣ. Посмотримъ, какова будетъ комедія его, писанная въ Римѣ. Но мнѣ, признаюсь тебѣ, понравилось его желаніе славы. Въ этихъ строкахъ видѣнъ поэтъ, что не говори! И у него что-то въ животѣ шевелится.

Но скажи мнѣ, милый другъ, что дѣлаетъ твоя княгиня и скоро ли разрѣшится? Желаю душевно, чтобы ты и дѣти твои были здоровы. Поцѣлуй твою Машу и скажи ей, что дуракъ велѣлъ поцѣловать. Увѣдомь меня о Карамзиныхъ. Изъ Петербурга очень давно

писемъ не имѣю и не знаю, здоровы ли они. Не знаю, почему все утро думалъ о Карамзинѣ. Желалъ бы прочитать его Исторію здѣсь въ тишинѣ: впечатлѣніе ея было бы живѣе на мой бѣдный умишко. Кстати о книгахъ. Пришли мнѣ Сисмонди. Я обратно перешлю. Онъ мнѣ очень нуженъ. Ты со мною поступаешь по варварски. Какъ не прислать Пѣвца Жуковскаго? И его бы возвратилъ немедленно. Мнѣ пишутъ, что Левушка покинулъ Бахметева, или онъ его. Нѣтъ ли Левушки въ Москвѣ, и когда этого Левушку произведутъ въ Львы Васильевичи? Скажи, что дѣлается на Парнассѣ, то-есть, въ лужѣ? Это, конечно, тебя мало занимаетъ. У васъ и безъ того много новостей, но признаюсь тебѣ, до нихъ небольшой охотникъ. Настоящее право не весело. Живи въ книгахъ, пока можно! Но здѣсь, просидѣвъ около трехъ мѣсяцевъ, начинаю грустить. Дорого бы далъ за одинъ часокъ, съ тобой проведенный. Я живу въ такомъ уединеніи, о какомъ ты понятія не имѣешь. У меня есть птичка, три горшка цвѣтовъ какихъ-то и горшокъ подъ постелью. Вотъ все мое добро. И право можно жить, если бы здоровье не измѣняло. У меня книгъ много, задалъ себѣ работу, и весна съ цвѣтами на дворѣ. И умирая, буду твердить: moriatur anima mea mortem philosophicorum, а ты посмѣиваешься надо мной!

Я очень боленъ,
Но собой доволенъ;
Я неволенъ,
Но мнѣ, музы,
Ваши узы
Такъ легки,
Какъ сіи стишки.

По нимъ ты можешь судить, какіе быстрые успѣхи дѣлаю въ поэзіи. Обнимаю тебя отъ всего сердца, тебя,

мою любовницу. Спрашиваю себя: за что тебя любить? Прости. Будь веселъ и люби, и не забывай твоего пустынника, который морщится, говоря тебѣ прости: ибо съ тобою веселѣе калякать, нежели переводить длинные періоды Боккачіо и мрачный Адъ. Нарочно оставлю страницу; прибавлю еще что-нибудь. Почта уходитъ завтра.

Представь себѣ: Женгене умеръ, пишутъ въ газетахъ. Вѣришь ли? Это меня очень опечалило. Я ему много обязанъ и на томъ свѣтѣ, конечно, благодарить буду.

Еще прибавляю:

Запросъ Арзамасу.

Три Пушкина въ Москвѣ, и всѣ они—поэты.
Я полагаю, всѣ одни имѣютъ лѣты.
Талантомъ, можетъ быть, они и не равны;
Одинъ другаго больше пишетъ,
Одинъ живетъ съ женой, другой и безъ жены,
А третій объ женѣ и вѣсточки не слышитъ:
(Послѣдній—промежь насъ я молвлю—страшный плутъ,
И прямо въ адъ ему дорога!)
Но дѣло не о томъ: скажите, ради Бога,
Котораго изъ нихъ Бобрищевымъ зовутъ?

Успокой мою душу. Я въ страшномъ недоумѣніи. Задай это Арзамасу на разрѣшеніе. Прочитай это Сонцеву и болѣ никому. Въ худой часъ Василій Львовичъ разсердится: у него бываютъ такія минуты, какъ и у меня грѣшнаго.

CCVI.

В. Л. Пушкину.

(Первая половина марта 1817 г. Деревня).

Не виноватъ, не виноватъ нисколько передъ милымъ и почтеннымъ старостою, хотя и кажусь нѣсколько виновнымъ! Странствовалъ, пріѣхалъ домой и опять немедленно пустился странствовать; вотъ почему и не писалъ къ тебѣ, милый староста:

...кибитка—не Парнассъ!

Она тебѣ скажетъ, если спросишь ее: могъ ли я писать, окостенѣлый отъ холода. Теперь дома и пишу. Письмо начинается благодарностію за дружество твое; оно у меня все въ сердцѣ.

И какъ, скажите, не любить
Того, кто насъ любить умѣетъ,
Для дружества лишь хочетъ жить
И языкомъ боговъ до старости владѣетъ!

До старости? Не сердись: это для стиха вставка! Мнѣ музы и опытность шепчутъ на ухо:

Тотъ вѣчно молодъ, кто поетъ
Любовь, вино, Эрота,
И розы сладострастья жнетъ
Въ веселыхъ цвѣтникахъ Буфлера и Марота.
Пускай грозитъ ему подагра, кашель злой
И свора злыхъ заимодавцевъ:
Онъ все трудится день деньской
Для области книгопродавцевъ.
«Умретъ, забытъ!» Повѣрьте, нѣтъ!
Потомство все узнаетъ:
Чѣмъ жилъ и какъ, и гдѣ поэтъ,
Какъ умеръ, прахъ его гдѣ мирно истлѣваетъ.
И слава, вѣрьте мнѣ, спасетъ

Изъ алчныхъ челюстей забвенья
И въ храмъ безсмертія внесетъ
Его и жизнь, и сочиненья.

Ваши сочиненія принадлежатъ славѣ: въ этомъ никто не сомнѣвается.

Ты злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ
И пѣлъ на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный.

Но жизнь? Повѣрьте, и жизнь ваша, милый Василій Львовичъ, жизнь, проведенная въ стихахъ и въ праздности, въ путешествіяхъ и въ домосидѣніи, въ мирѣ душевномъ и въ войнѣ съ славянофилами, не уйдетъ отъ потомства, и если у насъ будутъ лексиконы великихъ людей, стихотворцевъ и прозаистовъ, то я завѣщаю внукамъ искать ее подъ литерою П:

Пушкинъ В. Л., коллежскій ассессоръ, родился, и проч.

Чутьемъ поэзію любя,
Стихами лепеталъ ты, знаю, въ колыбели;
Ты былъ младенцемъ, и тебя
Лелѣялъ весь Парнассъ, и музы гимны пѣли,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
«Расти, сокровище безцѣнно!
«Ты нашъ, въ тебѣ запечатлѣнно
«Таланта вѣчное клеймо!
«Ничтожныхъ должностей свинцовое ярмо
«Твоей не тронетъ шеи:
«Эротовъ розы и лилеи,
«Счастливы Пафоса затѣи,
«Гулянья, завтраки и праздность безъ трудовъ,
«Жизнь безъ раскаянья, безъ мудрости плодовъ,
«Твои да будутъ вѣчно!
«Расти, расти, сердечной!
«Не будешь въ золотѣ ходить,
«Но будешь безъ труда на риѳмахъ говорить,
«Друзей любить
«И кофе жирный пить!»

Чего лучше? Предвѣщаніе музъ сбылось, какъ видите. Со мною будетъ иначе: ваши внуки не отыщутъ моего имени въ лексиконѣ славы. Много писалъ, и теперь, разсматривая старыя бумаги, вижу, что написалъ мало путнаго. Что въ риѳмахъ, если въ нихъ мало счастливыхъ, и что въ счастливыхъ стихахъ безъ счастія! Посудите сами! Живу одинъ въ снѣгахъ, и долго ль проживу—не знаю.

Меня преслѣдуетъ судьба,
Какъ будто я талантъ имѣю!
Она, извѣстно вамъ, слѣпа;
Но я въ глаза ей молвить смѣю:
«Оставь меня, я не поэтъ,
«Я не ученый, не профессоръ;
«Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
«Я. . . отставной ассессоръ!»

Но бросимъ въ сторону эту проклятую поэзію для насъ, самозванцевъ, и поговоримъ о дѣлѣ.

Душевно радуюсь счастію Жуковскаго; онъ стоитъ его. Фортуна упала не на пень и кочку, какъ говорилъ Державинъ. Что дѣлаетъ ***? Знаю вашъ отвѣтъ:

На свѣтъ и на стихи
Онъ злобой адской дышетъ;
Но въ свѣтѣ копитъ онъ грѣхи
И вѣчно риѳмы пишетъ...

Простите—иногда счастливыя!

Числа по совѣсти не знаю,
Здѣсь время сковано стоитъ,
И скука только говоритъ:
«Пора напиться чаю,
«Пора вамъ кушать, спать пора,
«Пора въ саняхъ кататься...»
«Пора вамъ съ риѳмами разстаться!»
Разсудокъ мнѣ твердитъ сегодня и вчера.

Это всего умнѣе. Итакъ, прощайте!

CCVII.

А. Н. Батюшковой.

Вторникъ. (Начало марта 1817 г. Село Хантоново).

Я пишу къ тебѣ, милая Александра Николаевна, самъ будучи не очень здоровъ. У меня такъ голова разболѣлась, что я приставилъ къ затылку мушку: къ счастію, ее нашли въ твоемъ комодѣ. Не худо поспѣшить тебѣ домой, если батюшка не задержитъ тебя. Я самъ, будучи нездоровъ, не могу смотрѣть за работою, а домъ безъ тебя не строится; притомъ и дорога часъ отъ часу хуже становится. Сестры зовутъ въ Вологду. Если боль позволитъ, то я поѣду, ибо мнѣ надобно посовѣтоваться съ Глазовымъ; въ противномъ случаѣ, останусь здѣсь. Надѣюсь, что батюшка, слава Богу, здоровъ. Поцѣлуй за меня его ручку. Если сама не поѣдешь, то пиши ко мнѣ, чѣмъ меня очень обяжешь, весь твой Конст.

Адресъ: Любезной сестрицѣ Александрѣ Николаевнѣ.

CCVIII.

Князю П. А. Вяземскому.

9-го марта (1817 г. Деревня).

Поздравляю тебя, милый другъ съ прибылью, съ новорожденной. Поздравь отъ меня княгиню. Желаю ей здоровья и надѣюсь, что новорожденная не будетъ походить на отца красотою, но будетъ какъ душа

хороша, какъ богиня, какъ сама княгиня. Мнѣ совѣстно это писать стихами: я пишу въ строку, какъ прозу. Надѣюсь, что новорожденная будетъ умнѣе Маши и не станетъ меня величать дуракомъ. Спасибо за стихи. Никакъ не сладишь съ ней: да выкинь оба стиха! А басня ей-ей замысловата и хорошо завострена. Совѣтую, милый другъ, приняться наконецъ и за другое изданіе, то-есть, за стихи. Ты спишь, другъ, или хочешь убить меня вдругъ. О, мы знаемъ, что ты страшный и плодовитый писатель: еще до сихъ поръ нѣкоторыя тетрадки (тетрадищи) у меня въ глазахъ мерещатся. Но рѣшись, печатай! Пусть наши книжки (мои печатаютъ, увы)! будутъ близнецами, если не по таланту, то по времени, по крайней мѣрѣ по времени, ваше сіятельство! Браво! Я сегодня улыбнулся! Это право чудесно! Всѣ дни у меня была мушка гишпанская на затылкѣ, и теперь только стало легче головѣ. Кстати о головѣ: пришли мнѣ пластырь—на ногу, emplâtre de M. Bouchot. C'est mon beaume de Fièrabras, Бога ради, пришли! Ахъ, нога, нога, нога, нашутила ты, нога! Говорятъ, что я непостояненъ.... Не правда... Господа, посмотрите на ногу и замолчите! Вотъ около года! Ты спрашиваешь меня: скоро ли рѣшусь и куда? Самъ не знаю. Хотѣлось бы въ Петербургъ. Разсудокъ говоритъ: на Кавказъ, а сердце: сиди дома. Теперь на нѣсколько дней хочу проѣхаться, пока снѣгъ на дорогѣ. Благодарю за Попову. Славу Богу! Въ первый разъ риѳмы у меня послужили на доброе дѣло: это лучшее поощреніе писать, и буду писать. Обнимаю тебя очень крѣпко. Поздравь Василія Львовича (очень серьезно) съ возвращеніемъ весны.

Милый мой пузырь, пришли мнѣ Жуковскаго портретъ. Что стоитъ тебѣ велѣть срисовать его какому-

нибудь маляру! Не я прошу его, твой портретъ кличетъ на стѣнѣ. Вотъ ему надпись:

Кто это такъ, насупя брови,
Сидитъ растрепанный и мрачный, какъ Федулъ?
О чудо! Это онъ!.. Но кто же? Нашъ Катуллъ,
Нашъ Вяземскій, пѣвецъ веселья и любови!

Ей-ей изрядно для стихотворца хромаго и съ мушкой на затылкѣ.

CCIX.

Н. И. Гнѣдичу.

(Май 1817 г. Деревня).

Я послалъ тебѣ Умирающаго Тасса, а сестрица послала тебѣ чулки; не знаю, что болѣе тебѣ понравится и что прочнѣе, а до потомства ни стихи, ни чулки не дойдутъ: я въ этомъ увѣренъ. Благодарю за пріятный часокъ, который провелъ, читая и перечитывая твое Письмо о статуѣ Кановы. Оно такъ живо представило мнѣ статую, что я былъ въ восхищеніи очень сладостномъ, словно, какъ будто она была передо мною. Завидую тебѣ: ты видишь, наслаждаешься и отдаешь себѣ отчетъ въ наслажденіяхъ своихъ. Итакъ, наслаждайся и пиши! Не теряй времени! А я, по словамъ Горація, облекаюсь въ мою добродѣтель, сижу, свищу и грущу. Батюшкины дѣла (будь сказано между нами) такъ плохи, такъ безобразны, что я и сестра, мой вѣрный товарищъ въ горести, съ ума сходимъ. И есть отъ чего. А ты требуешь стиховъ. Выть въ стихахъ не умѣю, а другіе писаться не будутъ. Вотъ мѣсяцъ, что я и прозы не пишу, а сижу, поджавъ руки, и смотрю на сумрачное небо. Благодари Уварова за

предложеніе. Умѣю чувствовать снисхожденіе и попечительность его о талантахъ въ землѣ клюквы и брусники. Но я не могу рѣшиться взять мѣсто, и что мнѣ въ двухъ тысячахъ? Корпѣть надъ экстрактами! Потерять послѣднія искры таланта и время, и малое здоровье! Человѣку, который три войны подставлялъ лобъ подъ пули, сидѣть надъ нумерами изъ-за двухъ тысячъ и пить по каплѣ всѣ непріятности канцелярской службы?... Изъ-за двухъ тысячъ!!! Но скажу рѣшительно: если обстоятельства занесутъ меня въ Петербургъ, то мѣсто, если можетъ быть такое, не много свойственное, приличное моимъ занятіямъ и охотѣ къ словесности, было бы пріятно. Но это все буки. А я просилъ записать меня куда-нибудь, чтобы я могъ избѣжать дворянскихъ выборовъ и хлопотъ, сопряженныхъ съ ними: вотъ о чемъ я просилъ, и ты меня не понялъ или не хотѣлъ понять. Впрочемъ—воля Божія!—ничего не хочу, и мнѣ все надоѣло. Жить дома и садить капусту я умѣю, но у меня нѣтъ ни дома, ни капусты: я живу у сестеръ въ гостяхъ, и домашнія дѣла меня замучили, не только меня и ихъ. Вотъ каково, братъ, давать совѣты за тысячу верстъ! Бога ради, не серди меня совѣтами и не будь похожъ на vulgari amici, которые, какъ у Крылова, говорятъ:

Возьми, чѣмъ ихъ топить....

Но поговоримъ лучше о книгѣ. Печатай ее, какъ угодно, но стиховъ по рукамъ не давай до напечатанія: боюсь, чтобы не вышелъ пустоцвѣтъ. Еще прошу, и очень серьезно, переводовъ и дряни не печатай: не срами пріятеля. Если что-нибудь вырву изъ головы или, лучше сказать, изъ рукъ упрямицы-фортуны, то доставлю въ смѣсь. Гдѣ мои замки на воздухѣ? Я хотѣлъ было при-

няться за поэму. Она давно въ головѣ. Я, какъ курица, ищу мѣста снести яйцо, и найду ли, полно? Видно умереть мнѣ беременнымъ Рурикомъ моимъ. Для него надобно здоровье, надобны книги, надобны карты географическія, надобны свѣдѣнія, надобно, надобно, надобно, надобно.... и болѣе твоего таланта, скажешь ты. Все такъ, но онъ сидитъ у меня въ головѣ и въ сердцѣ, а не лѣзетъ: это мученіе! Бездѣлки мнѣ самому надоѣли, а малое здоровье заставляетъ писать бездѣлки. Кстати о нихъ. Что скажешь о Тассѣ? Утѣшь меня: похвали его и, если хочешь, прочитай Уварову, ему одному. Желалъ бы знать его впечатлѣніе на умъ столь образованный. А мнѣ эта бездѣлка разстроила было нервы: такъ ее писалъ усердно. Благодарю Дмитрія Ивановича за его трудъ. Онъ мнѣ отомщаетъ за шутку самымъ благороднымъ образомъ, но за то я люблю и уважаю его. Прости. Пожелай мнѣ здоровья и терпѣнія, двухъ близнецовъ неразлучныхъ, которые на меня прогнѣвались съ давняго времени, а я желаю тебѣ счастія и новыхъ наслажденій моральныхъ и физическихъ. Б.

Мая—какого мая! У насъ снѣгъ на дворѣ.

Если Гречъ не уѣхалъ къ Нѣмцамъ, то попроси его превезти мнѣ оттуда Виландовъ комментарій на Горація, Катулла и Проперція, хорошій переводъ нѣмецкій, и переводъ элегій Овидія. Не можешь ли прямо выписать черезъ книгопродавцевъ? У меня деньги готовы, а ты дай что-нибудь въ задатокъ. Да еще у русскихъ нельзя ли достать Славянскія сказки Новикова, Древнія русскія стихотворенія, изданія Ключарева, если не ошибаюсь. Къ этому пришли Бову Королевича, Петръ золотые ключи, Ивашку бѣлую рубашку и всю эту дрянь. Авось когда-нибудь и за это возьмусь. Не шутя, пришли это, только все вдругъ.

CCX.

Н. И. Гнѣдичу.

(Май 1817 г. Деревня).

Помилуй, что за идея дѣлать подписку! Бога ради, останови, если началъ, Бога ради! Ты помнишь первое условіе. Я именно требовалъ, чтобы подписки не было. Ты меня этимъ огорчишь. Если денегъ нѣтъ, то я проживу здѣсь осень и нужное тебѣ доставлю, сколько угодно будетъ, но еще разъ прошу, не надо подписки, тѣмъ болѣе, что я самъ сбираюсь въ Петербургъ за дѣлами, и это меня какъ ножемъ срѣжетъ. Надѣюсь, что ты уничтожишь даже публикацію, если она объявлена. Надѣюсь, мало того—прошу, заклинаю тебя.

Предисловіе кажется хорошо. Но не слишкомъ ли ты пользуешься правомъ издателя, чтобъ хвалить своего автора? Довольно бы въ похвалу и послѣднихъ строкъ. Я ничего не могу поправить въ стихахъ, и резонъ прекрасный: у меня все сожжено, и ни строки нѣтъ! Поправь недокупны какъ хочешь, но поправь; напиши новые стихи, если поправить нельзя. Посылаю еще бездѣлку. Andante! Помѣсти въ элегіяхъ, да выкинь что-нибудь для нея. Дряни, ой, какъ много! Вяземскій у васъ теперь. Онъ обѣщалъ взглянуть на изданіе. Посовѣтуйся съ нимъ. Я знаю его: онъ безъ предразсудковъ, и рука у него не дрогнетъ выбросить дрянь. Я уже просилъ его объ этомъ.

Проѣздомъ черезъ владѣнія И. С. Батюшкова, я написалъ вѣрющее письмо о жалованьи, такъ какъ ты желалъ. Очень меня обяжешь, доставивъ мнѣ это: хотя нѣсколько сотенъ. Зачѣмъ пропадать имъ, самъ посуди?

Теперь о важнѣйшемъ. Ты получишь на дняхъ 2,650 р. моихъ денегъ. Прошу внести въ ломбардъ—за май 10, 1811 года. Слѣдуетъ нынѣ уплатной суммы 2,446, останется 203. За просрочку полагаю изъ сихъ двухъ сотъ трехъ рублей. Теперь остальные внеси за закладъ 1815, іюня, тобою сдѣланный. Это все исправишь въ одинъ часъ, а я—ты знаешь—готовъ бы пожертвовать годомъ жизни для такого милаго человѣка, каковъ Николай Ивановичъ: знай, мотай на усъ, но Бога ради, сдѣлай это: не то имѣніе опишутъ. Это право не забавно будетъ. Мнѣ ужь и такъ не до стиховъ со всѣхъ сторонъ. Надобно моему легкомыслію только забавляться риѳмами въ суетахъ безпрестанныхъ. Я точно сдѣлался Мариміана страдалица, за всѣхъ печалится.

Ты дурно дѣлаешь, что не высылаешь мнѣ сказокъ, ни Овидія Tristes. Вяземскій прислалъ, но не то, а я еще могъ бы въ тихіе часы что-нибудь сдѣлать. Я убралъ въ саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это меня такъ веселитъ, что я не отхожу отъ письменнаго столика, и вѣришь ли? цѣлые часы, цѣлые сутки просиживаю, руки сложа накрестъ. Самъ Крыловъ позавидовалъ бы моему положенію, особливо, когда я считаю мухъ, которыя садятся ко мнѣ на письменный столъ. Вѣришь ли, что очень трудно отличить одну отъ другой. Такимъ образомъ созерцаніе природы доставляетъ истинныя, прочныя и паче всего полезныя удовольствія и вящее вождѣленіе (зри труды Озерецковскаго, ч. 3).

Но въ сторону созерцанія, а сдѣлай дружбу, вели которому-нибудь изъ сторожей пріискать мнѣ квартиру около вашихъ мѣстъ: три или четыре комнаты, сухія и на полдень; за полгода съ охотою бы далъ 400 и 500.

Съ будущею почтою, если рѣшусь выѣхать, или лучше сказать, если дѣла позволятъ, то пришлю тебѣ денегъ заплатить впередъ. Кстати о деньгахъ: я разоряюсь, такъ и летятъ изъ кармана тысячи. Черезъ тебя прошло около шести, а въ карманѣ за то стихи, и какіе еще: удивительные! Дай кончить! Что Бова и сказки, и Овидій? Не совѣстно ли?

Но ты меня убьешь подпискою. Молю и заклинаю не убивать. Ну скажи, Бога ради, какъ заводить подписку на любовные стишки? Это глупость, не во гнѣвъ твоей милости, глупость, достойная русской словесности. Остановись, другъ! Прошу тебя именемъ дружбы. Если надобны деньги тебѣ, то я промышлю или, лучше, проживу лишній мѣсяцъ здѣсь.

Твоего Рожденія Омира съ замѣчаніями, давно сдѣланными, не посылаю: лучше когда-нибудь вмѣстѣ пересмотримъ.

CCXI.

А. Н. Батюшковой.

6-го мая (1817 г. Москва).

Болѣе мѣсяца, милый другъ, какъ я ожидаю отвѣта отъ брата Павла Алексѣевича, и не получаю. Признаюсь тебѣ, это все меня начинаетъ безпокоить. Годъ, цѣлый годъ, я провелъ въ письмахъ! Моя переписка съ Гнѣдичемъ теперь кончилась повтореніемъ, что онъ хлопотать о ломбардѣ не будетъ (какъ будто ломбардъ—важныя хлопоты!), и что всего хуже: въ ломбардѣ, по словамъ его, перезаложить имѣнія не возможно. Вотъ отвѣтъ, который я ожидалъ цѣлый годъ! Ты знаешь

сама, что изъ Хантонова, изъ Каменца, изъ Москвы я писалъ, писалъ, писалъ и на силу этого добился. Если бы Гнѣдичь хотѣлъ похлопотать или отвѣчалъ мнѣ назадъ тому шесть мѣсяцевъ, то я нашелъ бы другія мѣры или просилъ прямо императрицу. Теперь что начать—не знаю. Если къ августу не внесу 2500, то имѣніе опишутъ; дайте мнѣ рѣшительный, Бога ради, рѣшительный отвѣтъ! Если есть еще души не въ закладѣ, то пришлите свидѣтельство, заплатите за него что вамъ угодно, но пришлите только немедленно. Отъ сего числа я пробуду еще здѣсь мѣсяцъ; если въ теченіе сего времени дѣло не покончится, то я отправляюсь прямо въ деревню, ибо здѣсь проживаю и деньги, и время. Съ свидѣтельствомъ я могу получить здѣсь деньги прямо и отправить ихъ въ санктпетербургскій ломбардъ. Скажите, Бога ради, то, либо другое. Эта безвѣстность всего мучительнѣе, а нерѣшительность безплоднѣе.

Кромѣ сихъ огорченій, я имѣлъ и другія. Яковъ сошелъ съ ума отъ пьянства, и я принужденъ былъ посадить его въ рабочій домъ. Съ мальчикомъ однимъ не справлю. И онъ поведенія не отличнаго. Приготовьте мнѣ другаго мальчика для меня, но хорошаго поведенія и не глупаго.

Собери, милый другъ, мои книги. Получила ли посылку мою Юленькѣ, посылку къ тебѣ. Сестрамъ я купилъ прелестнаго коленкору, но самъ его привезу. Брату Павлу Алексѣевичу куплю часы, если деньги не проѣмъ, какъ водится обыкновенно у насъ, печальныхъ жителей столицы. Кланяюсь имъ всѣмъ и Аркадію Аполлоновичу, если онъ у васъ въ болотахъ. А тебя очень, очень обнимаю, а я еще болѣе обниму искренно, если дашь мнѣ обстоятельный, положитель-

ный и рѣшительный отвѣтъ, безъ чего и спокоенъ не могу быть.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Вологдѣ

CCXII.

А. Н. Оленину.

4-го іюня (1817 г. Москва).

Очень благодаритъ васъ Батюшковъ за пріятное письмо ваше и приглашеніе въ столицу. Я и самъ было сбирался, но дѣла и хлопоты совершенно антипоэтическія меня остановили. Не нахожу словъ благодарить васъ за вниманіе, которое изволите обращать на мое крошечное здоровьице. Для поправленія его намѣревался было съѣздить на Кавказъ или въ Тавриду; все было готово: коляска, чемоданъ и Путешествіе сладкаго Шаликова въ карманѣ, но опять хлопоты меня за полу; я остался, а время улетѣло. Это все и здороваго можетъ взбѣсить; посудите же, каково больному? Но недовольно ли говорить о болѣзняхъ здоровымъ людямъ? Порадуемся лучше съ ними, и вмѣстѣ со всѣми умными, просвѣщенными и здоровыми разсудкомъ людьми: наконецъ, у насъ президентъ въ академіи художествъ, президентъ,

Который безъ педантства,
Безъ пузы барской и безъ чванства,
Заботъ неся житейскихъ грузъ
И должностей разнообразныхъ бремя,
Еще находитъ время
Въ снѣгахъ отечества лелѣять знобкихъ музъ.
Лишь для добра живетъ и дышетъ,

И къ симъ прибавьте чудеса:
Какъ Менгсъ—рисуетъ самъ,
Какъ Винкельманъ краснорѣчивый—пишетъ.

Прошу не принимать это за poison qu'on prépare à la cour d'Etrurie, то-есть, за лесть. Я такъ загрубѣлъ на берегахъ Шексны и желѣзной Уломы, гдѣ нѣкогда володѣлъ варваръ Синеусъ, что не въ состояніи ничего сказать лестнаго, не въ силахъ ничего написать, кромѣ простой, самой голой истины. Покорнѣйше прошу напомнить обо мнѣ и засвидѣтельствовать душевное почитаніе Лизаветѣ Марковнѣ и семейству вашему. Надѣюсь—если опять не обманусь въ надеждѣ моей—въ скоромъ времени лично повторить предъ вами, что, tenendo al fin'il mio usato costume, я васъ люблю, почитаю и до послѣдняго дыханія, которое очень коротко становится въ груди моей, буду вамъ преданъ. Кон. Б.

CCXIII.

А. Н. Батюшковой.

7-го іюня (1817 г. Москва).

Я получилъ письмо твое, милый другъ, и письмо отъ брата Павла Алексѣевича; при немъ было свидѣтельство на закладъ имѣнія, но другая бумага изъ присутственнаго мѣста въ ломбардъ московскій еще не отправлена, и это замедляетъ теченіе дѣла. Попроси брата, чтобъ онъ похлопоталъ и о ней. А я писать къ нему буду, рѣшась на что-нибудь. Ожидаю только бумаги въ ломбардъ. Отъ батюшки писемъ не имѣю, и

это меня крайне безпокоитъ. Я писалъ къ нему неоднократно. Увѣдомь меня, Бога ради, здоровъ ли онъ и получилъ ли мои письма. По окончаніи дѣлъ, немедленно буду къ вамъ, мои друзья. Я все не здоровъ, но духомъ спокоенъ, и ты найдешь, конечно, большую во мнѣ перемѣну. Пиши немедленно и люби твоего друга и брата Константина.

Здѣсь въ Москвѣ все пусто. Проживаю и проѣдаю много денегъ. Но что дѣлать: не конча дѣлъ, не могу уѣхать. Притомъ же и лѣкарь не выпускаетъ, а дѣла и болѣе того.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповецъ, Новгородской губерніи.

CCXIV.

В. А. Жуковскому.

Іюнь 1817 г. (Деревня).

Я не писалъ къ тебѣ давно, милый и любезный другъ, и даже не отвѣчалъ тебѣ на послѣднее письмо твое. Теперь нужда заставляетъ писать. Гнѣдичъ издаетъ мои проказы. Если есть у тебя лишнее время, взгляни на стихи и поправь, и выкинь (это главное) все лишнее, на что̀, конечно, издатель мой согласится. Ты не повѣришь, какъ эта затѣя меня мучитъ: издаю заочно, а самъ въ хлопотахъ. До стиховъ ли? Будь же снисходителенъ, милый другъ, исполни мою просьбу. Если есть у тебя свободный часочекъ, то скажи мнѣ, что̀ понравилось тебѣ и что̀ не понравилось. Здѣсь въ лѣсу не у кого спрашивать; я начинаю страшиться за талантъ мой, не сбился ли онъ съ добраго пути? Понравился

ли мой Тассъ? Я желалъ бы этого. Я писалъ его сгоряча, исполненный всѣмъ, что прочиталъ объ этомъ великомъ человѣкѣ. А Рейнъ? А другія бездѣлки? Воскреси или убей меня. Неизвѣстность—хуже всего. Скажи мнѣ, чистосердечно скажи, доволенъ ли ты мною.

Теперь, сказавши что̀ было на умѣ, скажу что̀ на сердцѣ. Поздравляю тебя, мой милый балладникъ! Душевно радуюсь твоему счастію (я говорю: счастію, за неимѣніемъ другаго слова) и поздравляю вмѣстѣ и царя—онъ сдѣлалъ истинно прекрасное дѣло, и поздравляю себя и всѣхъ добрыхъ людей, ибо мы, конечно, будемъ имѣть отъ тебя что-нибудь новое, славное, достойное тебя. Я не писалъ къ тебѣ во время онаго: не зналъ—гдѣ ты. Теперь изъ письма Гнѣдича вижу, что ты въ Питерѣ. Вяземскій у васъ, и тебѣ, конечно, съ нимъ весело, а у меня слюнки текутъ. Ты мнѣ не сказалъ спасибо за надпись къ ясному лицу твоему, а я писалъ ее съ такимъ удовольствіемъ по заказу ѳитолюбца, нашего Каченовскаго. Право, ты въ долгу передо мною: не прислалъ мнѣ своего Пѣвца на Кремлѣ, и я его до сихъ поръ и въ глаза не знаю, отъ Вяземскаго не могъ добиться. Теперь вы, конечно, въ вихрѣ. Когда Богъ приведетъ обнять Блудова? Скажи ему, и скажешь истину, что я его люблю, какъ душу. Гдѣ Дашковъ? Что дѣлаетъ ораторъ слабыхъ женъ и черножелтый Жихаревъ? Благодари Тургенева за Попову: онъ сдѣлалъ доброе дѣло за вяленькіе стихи.

Что скажешь о моей прозѣ? Съ ужасомъ дѣлаю этотъ вопросъ. Зачѣмъ я вздумалъ это печатать. Чувствую, знаю, что много дряни; самые стихи, которые мнѣ стоили столько, меня мучатъ. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я велъ для стиховъ! Три войны, все на конѣ и въ мирѣ на большой дорогѣ. Спрашиваю

себя: въ такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное? Совѣсть отвѣчаетъ: нѣтъ. Такъ зачѣмъ же печатать? Бѣда, конечно, не велика: побранятъ и забудутъ. Но эта мысль для меня убійственна, убійственна, ибо я люблю славу и желалъ бы заслужить ее, вырвать изъ рукъ Фортуны, не великую славу, нѣтъ, а ту маленькую, которую доставляютъ намъ и бездѣлки, когда онѣ совершенны. Если Богъ позволитъ предпринять другое изданіе, то я все переправлю; можетъ быть, напишу что-нубудь новое. Мнѣ хотѣлось бы дать новое направленіе моей крохотной музѣ и область элегіи разширить. Къ несчастію моему, тутъ-то я и встрѣчусь съ тобой. Павловское и Греево кладбище!.. Они глаза колятъ!

Долго ли ты проживешь въ Питерѣ? Я сбирался въ Тавриду, на Кавказъ, и ни съ мѣста! Можетъ быть, буду въ Петербургѣ и желалъ бы знать, застану ли тебя? Мы съ тобой такъ давно не видались. Съ тѣхъ поръ мы такъ состарѣлись, что наше свиданіе—въ сторону радость!—право, интересно. И на автора Жуковскаго хотѣлось бы взглянуть, и на этого добраго пріятеля, которому я обязанъ лучшими вечерами въ жизни моей! Автора я тотчасъ въ сторону, а выложи мнѣ Василья, котораго я всегда любилъ. Я все тотъ же: меня ничто не баловало. Посмотрю на тебя! Во всѣхъ отношеніяхъ свиданіе съ тобою для меня урокъ и радость. Но когда?.... Что Вяземскій у васъ затѣваетъ? Я желалъ бы его видѣть въ службѣ или за дѣломъ, менѣе съ нами праздными (пусть и потеряю черезъ то!), а болѣе въ прихожей у честолюбія. Точно ли ѣдетъ онъ въ чужіе краи? Зачѣмъ, куда? Съ княгиней онъ или одинъ въ Петербургѣ? Пишетъ ко мнѣ пьяный: на силу письмо разберешь. Поцѣлуй его прямо въ лобъ. Я

писалъ къ нему когда-то, что теперь согласенъ на предложеніе твое работать съ тобою. Все, что есть у меня (много переводовъ въ прозѣ съ италіянскаго), все твое. Но увѣдомь меня, не полѣнись, что̀ ты затѣваешь, какого рода книгу, и какъ, и гдѣ. Я хотѣлъ было самъ издать, но болѣзнь не позволяетъ. Я все хвораю: то грудь, то нога. Это меня бѣситъ: ничего не могу сдѣлать совершеннаго; не въ силахъ кончить продолжительнаго дѣла. И для стиховъ надобно здоровье. Бывало, ночи на пролетъ просиживалъ, а нынѣ и часъ тягостенъ. Вотъ зачѣмъ я сбирался на воды и въ полуденную Россію. Зима убиваетъ меня. Будучи совершенно здоровъ, я мерзъ, какъ кочерыжка, во Франціи (Раевскій былъ тому свидѣтель); посуди самъ, каково здѣсь, въ Россіи, въ трескучіе морозы! Поѣдемъ въ Тавриду, туда, wo die Citronen blühn. Здѣсь, право, холодно во всѣхъ отношеніяхъ. Проведемъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ, на берегахъ Чернаго моря. Ты думаешь, я началъ бредить? Итакъ, замолчу. Кстати о холодѣ и снѣгѣ: скажи Вяземскому, что я началъ Первый снѣгъ, но онъ, конечно, растаетъ передъ его снѣгомъ. Онъ пойметъ эту глупость. Напомни обо мнѣ Карамзинымъ. Скоро ли его Исторія? Если бы теперь попалась въ деревнѣ, какъ бы я прочиталъ ее! Въ городѣ впечатлѣніе будетъ слабѣе. Но за то въ городѣ ты видишь самого историка. Счастливые горожане! Вы не знаете цѣны своему счастію. Вы не чувствуете, какъ пріятно проводить ненастный вечеръ съ людьми, которые васъ понимаютъ, и которыхъ общество, право, милѣе цвѣтовъ и деревенскаго воздуха, особливо въ нѣкоторыя лѣта. Утѣшаю себя мыслію, что я живалъ и хуже. Благодаря Провидѣнію, у меня бесѣдка въ саду, четыре опрятныя, веселыя комнаты и твой портретъ

и Вяземскаго; съ балкона видъ прелестный: рѣка, лѣсъ. однимъ словомъ: прелесть..... для проходящихъ. А у васъ и пыль, и слякоть, и стукъ каретъ, и визгъ собакъ, и стихи Хвостова, и докучливые люди, и непріятныя вѣсти, и званые обѣды, и фамильные концерты, и зависть, и каламбуры, и нѣтъ даже Василья Львовича.

Прости, мой милый шутъ и другъ. Обнимаю тебя очень, очень крѣпко. Сегодня тебя болѣе всѣхъ люблю; завтра на кого-нибудь другаго обрушу мою любовь и дружбу, и стихи.

CCXV.

Князю П. А. Вяземскому.

23-го іюня (1817 г. Деревня).

Спѣшу отвѣчать на письмо твое, которое меня истинно опечалило, милый другъ. Но радуюсь, что ты въ Москвѣ, и слѣдственно, княгиня спокойна,—ибо чего ей бояться, когда ты съ ней? И досадно, и скучно слушать все одну же исторію и по горло купаться въ глупости. Но мой совѣтъ—усмирить гнѣвъ твой и руководствоваться осторожностію и въ самой досадѣ и негодованіи сохранить благопристойность. Изъ твоего письма вижу твое нетерпѣніе. Это не похоже на умъ. милый другъ. Съ кѣмъ не бываетъ горя! Ни честь твоя, ни имя не могутъ оградить отъ безумца. Непріятность большая, согласенъ; но за то и тебѣ Провидѣніе дало разсудокъ; а ты, исполнивъ долгъ свой, продолжаешь горячиться и смотришь въ увеличительное стекло—на безумца. Терпѣніе! Это все пройдетъ мимо, а ты все

останешься князь Вяземскій, владѣлецъ Астафьева и честный человѣкъ. Сожалѣю крайне, что я не съ тобою и не могу раздѣлить твоего безпокойства. Иногда одно слово, сказанное въ пору, полезно. Можетъ быть, я ошибаюсь, подавая тебѣ совѣты, и ты въ самомъ дѣлѣ осторожнѣе и спокойнѣе, нежели на письмѣ, но и ты ошибешься, если подумаешь, что я не трепещу за тебя. Дорого бы далъ за твое спокойствіе и еще разъ повторяю: благоразуміе все исправляетъ. Я болѣе сожалѣю о княгинѣ, нежели о тебѣ, ибо увѣренъ, что въ отсутствіи твоемъ ей было невесело имѣть въ виду нечаянное свиданіе съ растрепаннымъ пугалищемъ. Но и она, когда все пройдетъ—а что не проходитъ?—конечно, первая будетъ смѣяться надъ этимъ бѣшенымъ и надъ своими страхами. Напомни ей лучше обо мнѣ; скажи ей мое усердное почтеніе; о любви моей ни слова. Ее, конечно, тошнитъ отъ одного слова люблю, съ тѣхъ поръ какъ оно прошло черезъ уста блѣднаго и унылаго, безмолвнаго человѣка. Благодарю за извѣстія твои о Петербургѣ и радуюсь, что ты укралъ у Фортуны нѣсколько пріятныхъ минутъ и отдохнулъ съ людьми, ибо это, право, люди: Блудовъ, столь острый и образованный; Тургеневъ, у котораго доброты достанетъ на двухъ и какого-то аттицизма, весьма пріятнаго и оригинальнаго, человѣкъ на десять; Сѣверинъ, дѣятельный и дѣльный въ такія нѣжныя лѣта; Орловъ, у котораго—рѣдкій случай!—умъ забрался въ тѣло достойное Фидіаса, и Жуковскій, исполненный счастливѣйшихъ качествъ ума и сердца, ходячій талантъ! Это люди! И Карамзинъ, право, человѣкъ необыкновенный, и какихъ не встрѣчаемъ въ обоихъ клубахъ Москвы и Петербурга, и который явился къ намъ изъ лучшаго вѣка, изъ лучшей земли: откуда—не знаю.

Плана не получалъ. Трудиться буду, если могу быть полезенъ и время, и здоровье, и обстоятельства позволятъ. Но... но... но... Ты видѣлъ первую часть моихъ Опытовъ. Жаль, что много ошибокъ: чего добраго припишутъ ихъ мнѣ! Но ихъ оговоримъ въ послѣдней части. Скажи мнѣ, каковъ Тассъ мой? Онъ у меня на сердцѣ. Я имъ доволенъ; доволенъ ли ты? Мнѣ нравится планъ и ходъ болѣе, нежели стихи; ты увидишь, что я говорю правду, когда прочитаешь его въ печати. C'est une pièce à effet. Прочитай ее Тончи, сдѣлай одолженіе. Если онъ похвалитъ, онъ, знатокъ италіянской литературы, то я буду внѣ себя отъ радости: онъ и Дмитріевъ. А уранги могутъ говорить, что̀ угодно. Скажи по совѣсти, какова моя проза: можно ли читать ее? Если просвѣщенные люди скажутъ: это пріятная книга, и слогъ красивъ, то я запрыгаю отъ радости. Самъ знаю, что есть ошибки противъ языка, слабости, повторенія и что-то ученическое и дѣтское: знаю и увѣренъ въ этомъ, но знаю и то, что если меня немного окуражитъ одобреніе знатоковъ, то я со временемъ сдѣлаю лучше. Пускай говорятъ, что̀ хотятъ, строгіе судьи и кумы славенофиловы! Не для нихъ пишу, и они не для меня; но не понравиться тебѣ и еще тремъ или четыремъ человѣкамъ въ Россіи больно, и лучше бросить перо въ огонь. Скоро я отправляюсь въ Петербургъ противъ желанія моего: приходитъ осень, я боленъ, лѣкарей здѣсь нѣтъ. Притомъ же и хлопоты меня выживаютъ. Что пишешь ты? Не пора ли и тебя въ клѣтку? Право, пора! Василій Львовичъ пусть одинъ порхаетъ по волѣ: отъ Аглаи въ Вѣстникъ и изъ Вѣстника въ Труды любителей. Я посылаю къ Каченовскому кучу переводовъ. Увидишь ихъ въ Вѣстникѣ. C'est le chant du cygne. Хочу, если моя книга будетъ имѣть какой-

нибудь успѣхъ, приняться за поэму Русалку и за словесность русскую. Хочется написать въ письмахъ маленькій курсъ для людей свѣтскихъ и познакомить ихъ съ собственнымъ богатствомъ. Въ деревнѣ не могу приняться за этотъ трудъ, требующій книгъ, совѣтовъ и здоровья, и одобрительной улыбки дружества. Спасибо! Ты правду говоришь, что меня надобно немного полелѣять. Я, какъ птица, въ сѣтяхъ у хлопотъ и боюсь оставить въ нихъ мои перья и талантъ мой. Провидѣніе, будь ко мнѣ помилостивѣе! Друзья, не переставайте любить меня! Прости, будь мудръ, аки мравій, аки змѣя и добръ, аки песъ!

Русалка.

Пѣснь 1 я.

Добрыня и сынъ его, юный Озаръ, обреченный дочери Оскольдовой, сопутники Оскольда, спѣшатъ настигнуть воинство его, идущее по Днѣпру въ окрестностяхъ Кіева, воевать Царьградъ. Радость молодаго Озара, въ первый разъ препоясаннаго мечемъ. Задумчивость Добрыни. Они сбиваются съ пути. Буря. Находятъ пристанище у старца, древняго волхва. Онъ предсказываетъ Добрынѣ славное потомство, если спасетъ сына своего отъ очарованій Лады, днѣпровской русалки. Нетерпѣніе Озара. Они настигаютъ воинство, расположенное на берегахъ Днѣпра, при шумныхъ порогахъ. Пиршество воинское. Пѣсни. Озаръ, утомленный трудами, засыпаетъ: ему является во снѣ Лада во всей красотѣ; встревоженный, просыпается, призываетъ на помощь имя невѣсты своей, но образъ Лады глубоко запечатлѣвается въ его сердцѣ.

Пѣснь 2-я.

Задумчивый Озаръ послѣдуетъ войску. Добрыня разстается съ сыномъ и идетъ по повелѣнію Оскольда отражать племена Булгаровъ. Совѣты его сыну. Юноша клянется повиноваться ему. Между тѣмъ Лада, непріятельница волхва, желаетъ зама-

нить въ свои сѣти его правнука. Является въ видѣ лани передъ войскомъ юноши; товарищи Оскольда покидаютъ ладьи, садятся на коней и скачутъ за ланью. Ихъ опережаетъ Озаръ. Онъ забываетъ совѣтъ волхва не переступать за цвѣточныя цѣпи въ лѣсу. Скачетъ за ланью. Преслѣдуетъ ее напрасно до самыхъ береговъ Днѣпра. Усталый, засыпаетъ. Русалки опутываютъ его цѣпями.

Пѣснь 3-я.

Онъ просыпается въ царствѣ Лады. Кристальные чертоги ея. Описаніе жизни русалокъ. Веселость. Ихъ ночныя празднества и жертвы Лады. Любовь Лады. Озаръ счастливъ.

Пѣснь 4-я.

Но войско возвращается съ побѣды. Озаръ слышитъ голоса товарищей, видитъ ихъ сквозь тонкую влагу. Его отчаяніе. Между тѣмъ Добрыня прибѣгаетъ къ волхву. Его чародѣйства. Они шествуютъ по Днѣпру ночью. Лунное сіяніе. Озаръ скрывается изъ рукъ Лады. Ея отчаяніе.

CCXVI.

Е. Ѳ. Муравьевой.

3-го іюля 1817 г. (Москва).

Я къ вамъ прибѣгаю, любезная тетушка. У васъ есть вѣрно коммиссіонеръ: поручите ему сіи 2600 для внесенія въ ломбардъ по приложенной при семъ запискѣ. Скоро выйдутъ сроки, и я боюсь, чтобы имѣніе не описали, чего Боже сохрани! Гнѣдичу и безъ того я надавалъ столько скучныхъ коммиссій, что боюсь обременить его и этою. Простите мнѣ великодушно, любезная тетушка, безпокойство, которое вамъ навлекаю, но право, не къ кому прибѣгнуть. Чувствую и знаю, что вамъ не до моихъ хлопотъ. Я

привезъ бы и самъ эти деньги въ Петербургъ, ибо въ скоромъ времени сбираюсь; но первое—не люблю путешествовать съ деньгами; второе—не знаю дня моего выѣзда, а сроки по ломбарду приближаются. Если вамъ на это время не кого послать, то попросите брата Никиту; онъ вѣрно по дружбѣ не откажется, и все можно кончить въ четверть часа. Надѣюсь въ скоромъ времени обнять его и милаго Сашу и поцѣловать ручку вашу, любезная тетушка. Простите, что мало пишу, за то наговорю вамъ съ три короба: я не даромъ молчалъ семь мѣсяцевъ въ деревнѣ. Константинъ.

CCXVII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Начало іюля 1817 г. Деревня).

У меня и было: полуразрушенный онъ, а не ужъ; я описался. Подъ небомъ Италіи моей, именно моей. У Монти, у Петрарка я это живьемъ взялъ, quel benedetto моей! Вообще Италіянцы, говоря объ Италіи, прибавляютъ моя. Они любятъ ее, какъ любовницу. Если это ошибка противъ языка, то беру на совѣсть. Выкинь Эрату, если хочешь. Но скажи Вяземскому, что Фортуна не есть счастіе, а существо, располагающее зломъ и добромъ, нѣчто похожее на судьбу. Ссылаюсь на прекрасную аллегорію Данте въ Чистилищѣ его, на оду Горація, на статью Сенеки къ Луцинію и, если онъ хочетъ—на Ноэлевъ лексиконъ de la Fable, который вѣрно у него передъ глазами, ибо онъ ничего, кромѣ лексиконовъ, не читаетъ, даже и стиховъ своихъ не перечитываетъ. Изрытыя пучины и громъ не

умолкалъ—оставь. Это слова самого Тасса въ одной его канцонѣ; онъ зналъ, что говорилъ о себѣ. Челюсти временъ—дурно. Нельзя ли: изъ кладезей временъ? Можно предположить времена различныя, то-есть, различныя эпохи, слѣдственно, и кладези, и времена во множественномъ. Впрочемъ, воля ваша. Мнѣ это все наскучило. Возитесь, какъ хотите. Да у меня и списка нѣтъ: черное тотчасъ изодралъ въ клочки, а память мою знаешь.

Когда выйдутъ книги, удѣли изъ моихъ три экземпляра: 1) въ Москву, въ университетское общество губителей словесности, 2) въ Казанское общество рубителей словесности, котораго я имѣю честь быть членомъ, и одинъ экземпляръ Дмитріеву. Надпиши ему: отъ автора издатель. Не худо бы тебѣ и самому приписать словечко, отправляя книгу. Я ему обязанъ: въ бытность въ Москвѣ онъ навѣщалъ меня больнаго очень часто и подарилъ мнѣ свою книгу. Другимъ пріятелямъ не могу подносить по пирогу: не въ моей печи ихъ пекутъ. Они и сами добудутъ. Да если хочешь, Жуковскому экземпляръ, изъ моихъ. Онъ мнѣ прислалъ свою книгу. Вяземскій купитъ. А впрочемъ и самъ прошу никому не давать. А мнѣ пришли нѣсколько штукъ покраснѣе переплетенныхъ, ну, хоть одну, да сестрамъ по одной. Не бось! Я не падокъ на свое. Деньги, когда получишь по довѣренности, пришли ко мнѣ: я, ахти, какъ нуждаюсь! Недавно 2650 отослалъ въ ломбардъ и теперь сижу на пуляхъ. Спасибо за сказки. Но 30 рублей—право дорого! Овидій всего нужнѣе. Овидій въ Скиѳіи: вотъ предметъ для элегіи, счастливѣе самого Тасса. Но кстати о Тассѣ. Шепнулъ бы ты Оленину, чтобы онъ задалъ этотъ сюжетъ для академіи. Умирающій Тассъ—истинно богатый предметъ

для живописи. Не говори только, что это моя мысль: припишутъ моему самолюбію. Нѣтъ, это совсѣмъ иное! Я желалъ бы соорудить памятникъ моему полуденному человѣку, моему Тассу. Боюсь только одного: если Егоровъ станетъ писать, то еще до смертныхъ судорогъ и конвульсій вывихнетъ ему либо руку, либо ногу; такое изъ него сдѣлаетъ рафаэлеско, какъ изъ истязанія своего, что, помнишь, висѣло въ академіи (къ стыду ея!), а Шебуевъ намажетъ ему кирпичемъ лобъ. Другіе, полагаю, не лучше отваляютъ. И я смѣшенъ, по совѣсти. Не похожъ ли я на слѣпаго нищаго который, услышавъ прекраснаго виртуозу на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори! Я радъ, что онъ попался въ руки Олину: онъ ему задастъ ломку. Какъ онъ Оссіана переводитъ! И такъ, и сякъ ломаетъ, только дребезги летятъ. Кто такой Панаевъ? Совершенно пастушеское имя и очень напоминаетъ мнѣ медъ, патоку, молоко, творогъ, Шаликова и тминъ, спрыснутый водой Но не мнѣ бы гулять на счетъ другихъ. Вотъ и мои стишки. Такъ, это сущая бездѣлка! Посланье къ Никитѣ Муравьеву, которое, если стоитъ того, помѣсти въ книгѣ, въ приличномъ оному мѣстѣ, а за то выкинь мою басню, либо какую-нибудь другую глупость; это по крайней мѣрѣ посвѣжѣе. Я это маралъ истинно для того, чтобы не отстать отъ механизма стиховъ, что для нашего брата-кропателя не шутка. Но если вздумаешь, напечатай, а Муравьеву не показывай, доколѣ не выйдетъ книга: мнѣ хочется ему сдѣлать маленькій сюрпризъ. Вотъ какими мелочами я занимаюсь, я, тридцати-лѣтній ребенокъ; но что дѣлать? Мѣшаютъ приняться за что-

нибудь поважнѣе. Кто писалъ статьи изъ Череповца на Воейкова? Вѣрно, Иванъ Матвѣевичъ? Ему теперь сполагоря шутить и на меня грѣхи свои сваливать. Пришли мнѣ немедленно отпечатанные листки стиховъ. Поправляй, марай и дѣлай, что хочешь. Просилъ тебя, просилъ Жуковскаго, писалъ къ нему нарочно; прошу всѣхъ добрыхъ людей, но еще прошу тебя: не затѣвай подписки. Лучше вдругъ явиться на бѣлый свѣтъ изъ-подъ твоего крылышка. Ахъ, страшно! Лучше бы на батарею полѣзъ, выслушалъ бы всего Расина Хвостова и всего новорожденнаго Оссіана, нежели вдругъ, при всемъ Израелѣ, растянуться въ лавкахъ Глазунова, Матушкина, Бабушкина, Душина, Свѣшникова, и потомъ—бухъ!.... въ знакомые подвалы,

Гдѣ игры первыхъ лѣтъ, невинны мадригалы и пр.

А вотъ моя участь!

Cet oracle est plus sûr que celui de Calchas!

Всего мнѣ будетъ грустнѣе лежать возлѣ Писемъ къ графинѣ, возлѣ Шаликова Путешествія въ полуденную Россію и тому подобныхъ сладостныхъ пряностей. Пусть я захраплю лучше на басняхъ Хвостова, и въ изголовьяхъ у меня будутъ его посланія, жесткія, аки камни. Прости.

. Не плачу я, а сердцу очень больно

(стихъ Катенина). Еще разъ прошу писать и отвѣчать. Я разорился на письма. Когда кончимъ это печатаніе! Послѣдняя статья, и аминь. Сегодня не успѣю кончить посланія.

Какъ понравились тебѣ поправки Домосѣда? Что сказалъ Крыловъ? Ничего! Слѣдственно, онъ меня ни любитъ, ни уважаетъ Если критикуетъ, то любитъ по крайней мѣрѣ.

CCXVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Вторая половина іюля 1817 г. Деревня).

Досталъ и читалъ я объявленіе въ Инвалидѣ и ужаснулся. Козловъ или смѣется, или дурачитъ меня; а если это спроста, то я полагаю, что онъ пьетъ запоемъ мертвую чашу и съ похмѣлья пишетъ рецензіи. Я ему могу то же сказать, что Виргилій Стасу въ Чистилищѣ Дантовомъ: Стасъ, увидя Виргилія, брякнулся ему въ ноги, а стыдливый Виргилій, въ отвѣтъ на такое привѣтствіе: «Ахъ, братецъ, не дѣлай этого, ты тѣнь и тѣнь передъ собою видишь!»

Измайлова я не получаю: эта половина года кончилась, а другой не беру. Впрочемъ, необычайныя похвалы мнѣ повредятъ только, дадутъ враговъ, а къ достоинству книги ничего не прибавятъ. Теперь, перечитытая книгу, вижу всѣ ея недостатки. Если какой-нибудь просвѣщенный человѣкъ скажетъ, прочитавъ ее: «вотъ пріятная книжка, слогъ довольно красивъ, и въ писателѣ будетъ путь», то я останусь довольнымъ. Помнишь ли, что старикъ кричалъ Мольеру: «Courage, Molière!» Вотъ похвала! А у насъ мало такихъ стариковъ: Сдѣлаютъ идоломъ, а завтра же въ грязь затопчутъ. Помню участь Боброва, Шихматова, Шаликова; и ихъ хвалили! А теперь? Къ чему это? скажешь ты. Себя отъ чаду спасаю и хочу предвидѣть огорченія, неразлучныя съ ремесломъ. Огорченія... у меня ихъ и безъ книги довольно!

Замѣчаній не получилъ еще; когда получу—кончу, но впередъ пророчу: всего поправить не могу, а вос-

пользуюсь замѣчаніями Крылова (которому очень обязанъ) для другаго изданія. Теперь время ли? Если бы ты могъ погодить! А если не можешь? Притомъ у меня, право, растерянъ умъ: столько хлопотъ, и предосадныхъ! Отошли Моровую язву прямо къ Каченовскому, поправя ее, если хочешь. Не замедли. Онъ пишетъ ко мнѣ и проситъ чего-нибудь, а у меня ничего нѣтъ, кромѣ переводовъ пустыхъ, которые я ему послалъ.

Вотъ мое рѣшеніе на жалованье: мнѣ пишутъ изъ Бессарабіи, что Бахметевъ будетъ въ Петербургѣ въ іюлѣ или въ августѣ. Узнай, правда ли это, и если онъ у васъ, то отдай эту записку его адъютанту Рогачеву. Онъ выпроситъ свидѣтельство, и оное прошу отправить въ коммиссію. Если же Бахметева нѣтъ, и онъ скоро не будетъ, то я лучше потеряю надбавку. Посылай тогда прямо. Вотъ и все! А если писать къ Бахметеву въ Каменецъ или Кишеневъ, то еще пройдетъ полгода. Полгода въ жизни! Шутка ли это? Лучше потерять серебро. Это будетъ не первый убытокъ 1817 года. Если Рогачева нѣтъ въ Петербургѣ съ Бахметевымъ, то отдать это письмо другому адъютанту, какой будетъ, все равно.

Бога ради исправь опечатки въ томѣ прозы.

Куда мнѣ дѣвать экземпляры? И этихъ довольно; а приготовь одинъ, получше переплетенный, на память мнѣ (обѣ части вмѣстѣ), и еще одинъ отправь, при случаѣ, къ Дамасу въ Парижъ. Попроси объ этомъ Оленина.

CCXIX.

П. С. Кондыреву.

23-го іюля 1817 г. (Деревня).

Милостивый государь Петръ Сергѣевичъ! Я имѣлъ счастіе получить въ надлежащее время письмо, которымъ вы изволите извѣщать, что я выбранъ въ члены Казанскаго Общества любителей словесности. Болѣзнь, безпрестанныя поѣздки и другія обстоятельства мѣшали мнѣ прислать вамъ должную благодарность за пріятное извѣщеніе ваше и просить васъ, милостивый государь, засвидѣтельствовать мою живѣйшую признательность предъ лицемъ почтеннаго Общества. Увѣрьте оное, что я чувствую вполнѣ слабость моего таланта и снисходительность любителей словесности, которые, конечно, замѣтили меня въ толпѣ писателей по усердію моему, по искренней, нелицемѣрной любви къ поэзіи. Десять лѣтъ я провелъ подъ знаменами, въ бурной воинской дѣятельности, и всѣ краткіе отдыхи посвящалъ музамъ: недостатокъ таланта замѣнялъ рвеніемъ. Сіе рвеніе есть и будетъ единственное и лучшее мое право на снисходительность людей просвѣщенныхъ.

Я поручилъ издателю моему въ Петербургѣ отправить къ вамъ двѣ части Опытовъ моихъ въ стихахъ и прозѣ для врученія ихъ Обществу; покорнѣйше прошу принять ихъ въ знакъ моей благодарности и уваженія! Не будучи въ состояніи раздѣлять съ Обществомъ славу его, желаю раздѣлить труды и по мѣрѣ силъ моихъ принесть пользу языку нашему. Имѣю честь и пр.

CCXX.

И. И. Дмитріеву.

10-го августа 1817 г. (Село Даниловское).

Ваше превосходительство! Я имѣлъ счастіе получить письмо ваше. Не нахожу словъ для изъясненія вамъ, милостивый государь, душевной признательности за ободреніе маленькой музы моей. Здѣсь, въ тишинѣ сельской, разсудокъ мой за-одно съ истиною дѣлаетъ строгое вычитаніе изъ всего лестнаго, что изволите говорить на счетъ ея, но сердце упрямится и ничего уступить не хочетъ. Оно сохранитъ въ памяти письмо ваше наравнѣ съ краткими, но сладостными минутами, которыми я наслаждался въ домѣ вашемъ, въ обители музъ. Страшусь быть суетнымъ и знаю твердо, что вы, милостивый государь, ободряете меня не за то, что сдѣлалъ, но за то, что впередъ могу сдѣлать. Буду стараться оправдать вниманіе ваше, и если по прошествіи нѣкотораго времени удастся мнѣ написать что-нибудь путное, прочное, достойное васъ, то съ слезами радости воскликну: Дмитріевъ ободрялъ нѣкогда мою музу, онъ далъ ей крылья, онъ указалъ мнѣ прямой путь къ изящному!

Не могу вамъ изъяснить, какое добро сдѣлали мнѣ ваши волшебныя строки. Онѣ меня воскресили. Я зналъ слабость моей прозы. Почти все было писано наскоро, на дорогѣ, безъ книгъ, безъ руководства и почти въ безпрестанныхъ болѣзняхъ. Большая часть моей книги писана про себя. Я хотѣлъ учиться писать и въ прозѣ заготовлялъ воспоминанія или матеріалы для поэзіи. Самъ не знаю, какъ рѣшился напе-

чатать это. Теперь же, на досугѣ, перечитывая все снова, съ горестью увидѣлъ всѣ недостатки: повторенія, небрежности и даже какое-то ребячество въ нѣкоторыхъ піесахъ. Посудите сами, какъ сердце мое уныло! Въ добавокъ къ несчастію, множество ошибокъ и грѣховъ типографскихъ поразили мои отеческіе взоры. И чужіе, и мои собственные грѣхи, полагалъ я, вооружатъ на меня нашу неблагосклонную публику и всѣхъ разставщиковъ кавыкъ и строчныхъ препинаній, которые, не имѣвъ великихъ талантовъ, не могутъ имѣть и вашей снисходительности. Теперь я нѣсколько спокойнѣе и по крайней мѣрѣ себя не презираю. Надѣюсь, что вторая часть будетъ исправнѣе и разнообразнѣе первой. Я молю судьбу мою, почти неумолимую, чтобы она позволила мнѣ лично вручить ее вамъ, милостивый государь, какъ новый знакъ моей признательности и усердія. Меня никто до сихъ поръ не ободрялъ, кромѣ васъ, но за то нѣсколько словъ вашихъ —не смѣю и думать, чтобы они были не искренни,—нѣсколько словъ вашихъ съ избыткомъ замѣняютъ похвалу нашей публики и скажу болѣе—всѣ дары Фортуны, къ поэтамъ рѣдко благосклонной. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ.

CCXXI.

А. Н. Батюшковой.

17-го августа (1817 г. Устюжна).

Я ѣду въ Петербургъ и пишу къ вамъ сіи строки отъ Якова Яковлевича. Пишу, пока закладываютъ ло-

шадей. Бога ради пиши, милый другъ, обо всемъ подробнѣе въ Петербургъ, и не худо бы тебѣ написать и къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ. Батюшка, благодаря Бога, здоровъ и, кажется, спокойнѣе. Я здѣсь прожилъ три недѣли: проѣздъ великаго князя, который взялъ лошадей, задержалъ меня. Къ Павлу Алексѣевичу писалъ; проси его, чтобы онъ не забылъ меня и отвѣчалъ и чтобы выслалъ ломбардное свидѣтельство и свое, лучше оба вмѣстѣ, чтобы не было двойныхъ издержекъ. Лизавету Николаевну обнимаю душевно, Вареньку также; усердный поклонъ мой Аркадію Аполлоновичу; пишите, Бога ради, и любите меня. Желаю вамъ всѣмъ счастія и тебя прошу особенно меня не забывать, а когда пишешь, то почище, чтобы я могъ читать письма. Весь вашъ К.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ.

CCXXII.

А. Н. Батюшковой.

24-го августа (1817 г. Петербургъ).

Я только что пріѣхалъ и остановился въ трактирѣ. Переѣзжаю къ тетушкѣ, которая, благодаря Бога, здорова. Поручаю Гнѣдичу продажу моего имѣнія. Прошу тебя, милый другъ, попроси Павла Алексѣевича, чтобы онъ послалъ Шитаго или кого заблагоразсудитъ сдѣлать опись генеральную всему имѣнію моему: сколько душъ, какія деревни, сколько десятинъ, сколько лѣсу, при какихъ рѣкахъ и пр. Есть покупщики, но требуютъ сего описанія. Это все не должно помѣшать

продажѣ Мѣниковъ Павломъ Алексѣевичемъ. Но мнѣ, для моего спокойствія, надобно устроить себя. Я на это рѣшился. Здѣсь все благополучно. Будь здорова и не безпокойся, особенно обо мнѣ: Провидѣніе меня не оставитъ. Гнѣдичь кланяется тебѣ и тетушка, а я кланяюсь всѣмъ очень усердно. Павла Львовича и Абрама Ильича еще не успѣлъ видѣть. Пиши ко мнѣ подробнѣе обо всемъ: мнѣ право вздохнуть нѣтъ времени. Голова идетъ кругомъ отъ шума съ непривычки.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ.

CCXXIII.

Князю П. А. Вяземскому.

28-го августа (1817 г. Петербургъ).

Пишу изъ Петербурга. Я здѣсь уже четвертый день, конечно—къ твоему удивленію, милый другъ, и къ моему собственному, ибо не гадалъ и не думалъ такъ скоро отправиться. Осенняя погода выжила меня изъ деревни: надобно было отправляться или въ Петербургъ, или въ Москву; далъ преимущество Петербургу, который, между нами будь сказано, мнѣ не льнетъ къ сердцу, хотя въ немъ всѣ и Жучокъ нашъ. Вчера я былъ у Карамзина съ нимъ и съ Тургеневымъ. Тургеневъ объявилъ мнѣ твое путешествіе въ Варшаву. Я ахнулъ и потомъ былъ готовъ прибить его. Но вчера примирился съ этой мыслію и полагаю, что твое вступленіе въ службу имѣетъ видъ хорошаго начала. Я видѣлъ у Карамзина Новосильцева, который, какъ видно, желаетъ тебя имѣть при себѣ. Если служить, если.... то лучше нельзя начать. Если это все пріятно

тебѣ, то и мнѣ пріятно. Служба—доброе дѣло для человѣка, который можетъ быть полезенъ. Дай Богъ, чтобы добрая воля въ тебѣ не замирала. Жуковскій вступаетъ въ новую придворную должность. Радуюсь истинно, что ему удалось это. Онъ очень милъ; сегодня пудритъ свою голову à blanc, надѣваетъ шпагу и пр. et tout le costume d'outchitel, а вчера мы съ нимъ цѣлый день смѣялись до надсаду. Онъ пишетъ и, кажется, писать будетъ: я его электризую какъ можно болѣе и разъярю на поэму. Онъ мнѣ читалъ много новаго—для меня, по крайней мѣрѣ. Я наслаждаюсь имъ. Крайне сожалѣю, что тебя нѣтъ съ нами. Пиши ко мнѣ. Будь увѣренъ въ моей дружбѣ и не забывай меня въ Варшавѣ. Пиши, Бога ради! Цѣлую ручку княгини. Увѣдомь меня, какъ будешь ты располагать своей судьбой? Поѣдешь ли subito или останешься еще въ Москвѣ? Здоровы ли твои малютки? Веселъ ли ты и любишь ли меня, мой пузырь?

Приписка А. И. Тургенева. Августа 28-го. Вчера былъ у меня многолюдный Арзамасъ, въ коемъ присутствовали два новые превосходительства: Ахиллъ и Плещеевъ, котораго имя въ арзамасскомъ крещеніи забылъ. Вмѣсто рѣчи читалъ указъ о тебѣ и выпилъ за твое здоровье. Громобой изъ самаго Арзамаса пустился въ путь на Кіевъ. Я отправилъ письмо къ тебѣ третьяго дня, прося Каверина доставить тебѣ, если возможно, прежде почты. Получилъ ли его?

Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ—министръ юстиціи. Князь Горчаковъ отставленъ, и дано ему 10 т. р. въ годъ на содержаніе. Предсѣдатель уголовной палаты Полянскій—сенаторомъ. Жуковскій въ воскресенье представлялся ученицѣ своей и обѣдалъ съ ней въ Павловскѣ.

Платье твое—три штуки—съ реестромъ препроводилъ я на имя Константина Булгакова въ Москву для доставленія тебѣ съ маклеромъ Кольчугинымъ. Нагибинъ говоритъ, что ты ничего къ нему не пишешь о 100 р., и для того онъ не получилъ еще ихъ. Увѣдомь, отдавать ли ихъ ему: въ твоемъ письмѣ это не ясно. Сюда привезено тѣло графа Толстаго, и въ субботу похороны и вмѣстѣ открытіе Кавелинскаго пансіона. Я читалъ письмо твое къ Нагибину и отдалъ ему 100 р.

CCXXIV.

А. И. Тургеневу.

(Августъ-сентябрь 1817 г. Петербургъ.)

Катерина Ѳедоровна посылала женщину къ Бутурлину, но эта дѣва ему не понравилась, ибо она не говоритъ порусски, а Бутурлинъ не знаетъ понѣмецки. Но вы можете адресоваться къ окулисту Андерсу, если необходимо нужна женщина: у него есть годовая. Катерина Ѳедоровна ѣдетъ въ Пріютино и не имѣетъ времени сама послать къ Андерсу. Я боленъ и сижу дома. Вашего превосходительства покорнѣйшій Ахиллъ многострадальный.

CCXXV.

Князю П. А. Вяземскому.

13-го сентября (1817 г. Петербургъ).

Благодарю тебя за письмо твое ко мнѣ, милый другъ, благодарю тебя милый Асмодей за Озерова и за удовольствіе, которое доставилъ намъ своею книгою. Слогъ быстрый, сильный, простой; простой—это всего милѣе! Я почти всѣмъ доволенъ. Съ нѣкоторыми сужденіями не согласенъ, но у всякаго свой вкусъ. Какъ бы то ни было, Вяземскій, который началъ мадригалами, вздумалъ—сдѣлалъ, то-есть, подарилъ насъ книгою, книгою, которая дѣлаетъ честь его уму и сердцу. Я съ моей стороны цѣлую его прямо въ лобъ и говорю ему: не останавливайся, впередъ, маршъ маршъ къ славѣ стезею труда и мыслей! Выбирай се-

бѣ путь новый, достойный твоей музы, живой и остроумной дѣвчонки. У тебя не достаетъ только навыка для прозы. Иногда себя повторяешь; иногда періоды не довольно обработаны, и слова путаются. Итакъ, пиши только: все пріобрѣтешь, чего недостаетъ у тебя. Пиши! Я предрекаю Россіи писателя въ прозѣ. Пиши, учись, читай и люби свою славу, а не успѣхи. И для тебя авторство—стихія, разсѣянность и презрѣніе къ забавамъ ума и труда—смерть, смерть моральная! Не утрать въ свѣтѣ воображенія и сердца; безъ нихъ что въ умѣ? А они-то всего скорѣе линяютъ... Но я забылъ, что говорю съ тобою, и что ты бранишь меня за умничанье. Какая мнѣ нужда? Я все-таки свое повторять буду: трудись, гдѣ бы ты ни былъ, въ Варшавѣ или въ Москвѣ, жертвуй граціямъ, жертвуй важнымъ музамъ, которыя тебѣ столь благосклонны. Ты спрашиваешь: что я для себя стряпаю? Ничего. Спроси у Сѣверина: онъ лучше моего знаетъ. Надѣюсь на его дружбу. Если то, чего онъ желаетъ, не удастся, то полечу въ Тавриду лѣчить грудь мою и разсѣять тоску и болѣзнь на берегахъ Салгира, на высотахъ Чатырдага и на благовонныхъ долинахъ поморія. Въ ожиданіи сего пью лѣкарство и вижусь съ Жуковскимъ. На него весело глядѣть моему сердцу и грустно, когда подумаю о разлукѣ. Онъ на дняхъ ѣдетъ къ вамъ. Сѣверинъ мелькнулъ и изчезъ. Остается здѣсь Арфа. Душу ея можно сравнить съ Аретузою, которая, протекая посреди горькой стихіи, не утратила своей ясности и сладости природной: посреди шума и суеты всяческой Тургеневъ день ото дня милѣе становится. Блудовъ—ослѣпительный фейерверкъ ума. Въ Арзамасѣ весело. Говорятъ: станемъ трудиться, и никто ничего не дѣластъ. Плещеевъ смѣшитъ до надсаду. Карамзи-

ны здоровы. Поклонись гусю Вотъ я васъ, а еще лучше сдѣлаешь, если напомнишь обо мнѣ княгинѣ, которой я усердно и низко кланяюсь. Дай Богъ, чтобы всѣ твои и ты самъ были здоровы. Очень крѣпко обнимаю тебя, мой милый и добрый Вяземскій. Прости, пиши, пиши прозу и письма ко мнѣ. Стихи мои вышли. Читай ихъ и не брани меня; а лучше всего, люби меня, какъ я люблю тебя, то-есть, очень, очень. Скажи Сѣверину, что его принцесса здорова и, кажется, измѣнила ему для меня. Блудовъ называетъ ее очень забавно псомъ Рѣзваго Кота.

CCXXVI.

А. И. Тургеневу.

(Сентябрь 1817 г. Петербургъ).

Къ творцу Исторіи Государства Россійскаго.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ,—
Народъ, любитель шумной славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ, и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждою внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,

Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай, талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

Хорошо ли? Скажите! Чувствомъ удивленія лѣчу мою желчь. Не давайте ни кому этой бездѣлки; если понравится, то можно напечатать въ Сынѣ Гречевомъ. Въ три часа буду дома. Заѣзжайте за мною къ Плещею.

Никто не заикнется, что читалъ Исторію! Я читалъ ее и говорю, хотя въ дурныхъ стихахъ. Это право изъ души вылилось. Но если худо—въ огонь!

CCXXVII.

Е. А. Карамзиной.

(Отъ имени неизвѣстнаго).

(Сентябрь 1817 года. Петербургъ).

Милостивая государыня Катерина Андреевна!

Не имѣя счастія быть извѣстнымъ ни вамъ, ни почтенному супругу вашему, но зная изъ опыта, что снисходительность есть свойство прекрасныхъ и великихъ душъ, смѣло прибѣгаю къ вамъ съ усерднѣйшею просьбою. Тронутый глубоко, восхищенный чтеніемъ Исторіи Государства Россійскаго, я написалъ нѣсколько стиховъ къ безсмертному оной творцу. Полагая, что самые посредственные стихи, прочитанные вами, покажутся ему прелестными, покорнѣйше прошу немедленно прочитать ихъ. Вмѣсто предисловія можете сказать:

La main ne peut atteindre au noble front des dieux
Et depose à leurs pieds ses dons réligieux:
Tel son du luth n'atteint point le faite de ta gloire,
Mais brule un grain d'encens aux pieds de la victoire.

Не подпишу своего имени, обреченнаго забвенію, но покорнѣйше прошу вѣрить чувствамъ глубокаго почитанія и совершенной преданности, съ которыми пребуду вамъ навсегда неизвѣстный.

Когда на играхъ Олимпійскихъ и пр.

CCXXVIII.

А. Н. Батюшковой.

29-го сентября 1817 г. С.-Петербургъ.

Глазовъ вручилъ мнѣ письмо твое, очень короткое; на другой или на третій день я получилъ отъ тебя два письма, милый другъ. Благодарю тебя за нихъ. Надѣюсь на Провидѣніе и на твою дружбу; надѣюсь, что все къ лучшему. О себѣ скажу только, что я все хвораю, но иногда выдаются хорошіе дни. Я тебѣ писалъ уже, что стараюсь получить мѣсто, но гдѣ и какъ—не знаю. Если удастся нѣкоторый планъ, то я отправлюсь въ полуденные края; но объ этомъ еще не говори, прошу тебя, не говори ни слова. Бога ради, пришли мнѣ описаніе деревень. Поручи кому-нибудь другому, если Шитый боленъ. Отъ Павла Алексѣевича ни бумагъ, ни писемъ до сихъ поръ не имѣю. Время летитъ, а у насъ дѣла не подвигаются. О Варенькѣ ничего сказать не умѣю. Надѣюсь, что вы кончите все къ лучшему; надѣюсь на Бога. Съ Глазовымъ пошлю тебѣ сѣмянъ цвѣточныхъ: ихъ доставилъ мнѣ Аѳанасій тебѣ въ

гостинецъ. Лучше всего, милый другъ, садить капусту и цвѣты въ своемъ огородѣ, пока можно. Право свѣтъ не столь красенъ, какъ издали кажется: много въ немъ заботъ и много пустаго. Желаю душевно, чтобы ты, милый другъ, провела спокойно осень. Выѣзжай почаще. Карауловы хотѣли быть къ тебѣ. Замани ихъ: они тебя развеселятъ. Не будь одна вѣчно и, больная, береги себя. Вотъ мои совѣты. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Сестрамъ поклонись и пиши ко мнѣ пространнѣе. Да отвѣчай регулярно и выполни мои порученія. Если я не устрою ломбарднаго дѣла, то чѣмъ жить? Четыреста рублей въ годъ не забавны. Здѣсь такъ все дорого, и деньги столь маловажны, что ужасаюсь, смотря на мой бумажникъ. Притомъ же мнѣ ни одна изъ моихъ спекуляцій не удалась, даже бричка не продается. Но Богъ меня не оставитъ. Ему ввѣряю тебя, любезный другъ, и прошу Его небесной милости. Прости, будь здорова: это главное. При здоровьѣ у тебя будетъ и разсудокъ, и сердце меня любить, а въ моей дружбѣ можешь быть увѣрена. Весь твой.

Адресуй въ домъ К. Ѳ. Муравьевой, у Аничкина моста.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новогородской губерніи.

CCXXIX.

А. И. Тургеневу.

(Начало октября 1817 г. Петербургъ).

Сію минуту получаю два экземпляра моихъ безсмертныхъ стиховъ. Одинъ отдаю Сѣверину, другой

посылаю вамъ, еще сырой. Вы не можете сказать: стихи его сухи. И не скажете, ибо любите меня, Александръ Ивановичъ, если не за стихи мои, то за то, по крайней мѣрѣ, что я васъ люблю и преданъ вамъ всею душею. Усердно кланяюсь Николаю Ивановичу и прошу его не очень строго критиковать преданнаго вамъ и ему Риѳмоплеткина.

CCXXX.

И. И. Мартынову.

Суббота. (Октябрь 1817 г. Петербургъ).

Вчерашній день Н. И. Гнѣдичъ сказалъ мнѣ, что ваше превосходительство изъявили желаніе взглянуть на мои Опыты, вслѣдствіе чего онъ препроводилъ вамъ оные. Простите мнѣ, милостивый государь, что я замедлилъ вручить вамъ лично мои бездѣлки. Хлопоты и потомъ болѣзнь помѣшали мнѣ исполнить долгъ, пріятный моему сердцу. Осмѣливаюсь препроводить къ вамъ экземпляръ, который покорнѣйше прошу сохранить въ знакъ моей признательности и искренняго почитанія. Переводчикъ Лонгина, сего строгаго и прозорливаго судіи, проститъ ли мнѣ лепетаніе моей маленькой музы? Можетъ быть (смѣю надѣяться), ибо онъ знаетъ, что авторъ сихъ Опытовъ требуетъ не похвалы и одобренія, ибо онъ знаетъ, что Батюшковъ усердно преданъ вашему превосходительству и не переставалъ васъ любить и уважать, какъ человѣка и писателя.

Освободясь отъ болѣзни моей, на дняхъ лично засвидѣтельствую вамъ мое почитаніе, если позволите.

CCXXXI.

А. Н. Батюшковой.

19-го октября (1817 г. Петербургъ).

Я получилъ три письма отъ тебя, милый другъ, и принужденъ отвѣчать на нихъ коротко, ибо право теперь времени мало: много разъѣзжаю и возобновляю знакомства, большею частію безполезныя. Благодарю тебя за дружбу твою. Не переставай писать ко мнѣ чаще и пространнѣе обо всемъ. Проказами не очень огорчайся; имъ не будетъ конца, ибо люди не перемѣняются: такихъ чудесъ еще не видано. А они всѣ люди добрые и проказятъ потому, что нечего дѣлать. Береги свое здоровье и занимайся хозяйствомъ. Вѣрь мнѣ: Хантонова они не продадутъ и ни на что и никогда не рѣшатся. Но между тѣмъ мои дѣла не лѣзутъ. Отъ батюшки письмо за письмомъ; изъ Вологды ни строки съ пріѣзду. Попеняй имъ, прошу тебя. И умоляю выслать опись имѣнію: здѣсь есть у меня покупщики. Помоги мнѣ, милый другъ! Я рѣшился продать все и быть свободнымъ; а ты знаешь, что когда я рѣшусь на что-нибудь, то трудно меня назадъ возвратить. Можетъ быть, но это пусть между нами, я женюсь, только не на той особѣ, которую ты знаешь. Это одно предположеніе. Вѣрнѣе, кажется, путешествіе. Если не дадутъ способовъ ѣхать въ Италію, то я отправлюсь въ февралѣ въ Тавриду. Итакъ, ты видишь, что въ томъ или въ другомъ случаѣ, необходимо устроить мнѣ свои дѣла, тѣмъ болѣе, что и батюшка, считая на мое недвижимое имѣніе, не то дѣластъ, что бы надобно было. Впрочемъ, вѣрю Промыслу и ввѣряю ему себя и тебя.

Меня здѣсь ласкаютъ добрые люди: я на розахъ какъ авторъ, и на иглахъ какъ человѣкъ. Успѣхи въ словесности ни къ чему не ведутъ, и ими восхищаться не должно: тѣ, которые хвалятъ, завтра же бранить станутъ. Я видѣлъ тому примѣры. Мое положеніе печально. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ четырехсотъ рублей доходу. Поговори объ этомъ Павлу Алексѣевичу; авось онъ послушается, если не голосу сердца, то по крайней мѣрѣ голосу разсудка, и кончитъ мои огорченія, кончитъ продажу: хотя по 350 р. душу, но кончитъ. Прости, милый другъ. Обнимаю тебя очень усердно.

Вчера видѣлъ Вѣру Осиповну у Павла Львовича. Она тебѣ кланяется; недавно сюда пріѣхала. Естюшка боленъ былъ горячкою: теперь легче. Когда же ломбардныя бумаги? Не забудь рубашки и платки носовые, милый другъ. Все доставь вмѣстѣ, когда успѣешь.

Сію минуту получилъ письмо отъ Ивана Семеновича. Вотъ оно. Покажи его въ Вологдѣ брату.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новогородской губерніи.

CCXXXII.

И. И. Дмитріеву.

26-го октября 1817 г. С.-Петербургъ.

Ваше превосходительство, въ волненіи пріятнѣйшихъ чувствъ я читалъ письмо, которымъ вы изволили меня удостоить. Благосклонное вниманіе ваше къ моимъ Опытамъ оживляетъ меня, какъ волшебный прутикъ: оно меня не избалуетъ, ибо я принимаю его какъ ободреніе и чистосердечное желаніе мнѣ успѣха, а не награду за бездѣлки мои.

Я вручилъ Дмитрію Петровичу Сѣверину при отъѣздѣ его въ Москву второй томъ Опытовъ, только что вышедшій изъ типографіи, гдѣ его немилосердно изуродовали, къ смиренію моей авторской гордости. Къ моимъ беотизмамъ наборщики столько собственныхъ своихъ беотизмовъ прибавили, что мои родительскія руки отъ ужаса опустились! Отправляя его къ вамъ, я умолялъ Сѣверина быть моимъ ходатаемъ за младшаго моего сына. Съ первой оказіей осмѣлюсь препроводить къ вамъ лучшій и исправнѣйшій экземпляръ, который, по крайней мѣрѣ по переплету, заслужитъ мѣстечко въ библіотекѣ вашей, то-есть, въ храмѣ вкуса. Ласкаю себя надеждою, что вы, милостивый государь, примете его съ благосклонною улыбкою, какъ слабый, но искренній знакъ моей преданности: она не истощима, ибо безпрестанно питается чувствами глубочайшаго почитанія и благодарности. Имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою. Константинъ Батюшковъ.

CCXXXIII.

А. Н. Батюшковой.

(Начало ноября 1817 г. Петербургъ.)

Письмо твое отъ 28-го октября и 1460 отъ старосты я получилъ. Пришли мнѣ другой счетъ, мой милый другъ. Назначь просто съ 1813 по 1815, что̀ я получилъ и что̀ еще могу имѣть до новаго года. Нельзя ли выпустить дѣвокъ на волю безъ разстройки имѣнія? Что же касается до прибавки оброку, то посовѣтуйся серьезно съ Павломъ Алексѣевичемъ. Не худо бы было

еще набавить 1000, хотя на два года. Но я боюсь отяготить мужиковъ; не думай, чтобъ это было une manière de parler, нѣтъ! Судьба подчиненныхъ мнѣ людей у меня на сердцѣ. Выгода минутная! Притомъ же, какъ мнѣ ни нужны деньги для уплаты долгу и затѣмъ, чтобъ жить здѣсь по ужасной дороговизнѣ, но я все боюсь отяготить крестьянъ. Дай Богъ, чтобъ они поправились! Еслибъ въ моей то было волѣ, я не пощадилъ бы издержекъ, чтобъ устроить ихъ лучше. Бога ради, посовѣтуйся съ братомъ: онъ лучше моего знаетъ мою вотчину и, конечно, безъ лицепріятія и для меня, и для крестьянъ. Это дѣло не шуточное! Попроси его о лошадяхъ. Хорошую пару вятскихъ или добрыхъ коней, но только небольшихъ—рубашки темной, какая случится, но не чалыхъ, не сѣрыхъ, не бѣлыхъ. Кучера пришли съ ними по первому пути. Не худо, еслибъ вы прислали мальчика въ повара. Тетушка по благосклонности къ намъ беретъ его въ свою кухню. Книги оставь у себя до перваго моего требованія.

Рыбу пришли и стерлядей, лучшихъ самыхъ; возьми 50 рублей на покупку пары для Лизаветы Марковны. Но надобно прислать по первому морозу или съ лошадьми, если хочешь.

На сей разъ я пишу мало. Обнимаю тебя душевно и поручаю въ милость Божію. Кстати: Дмитрій Осиповичъ женился,—вотъ что я услышалъ вчера. Но я не былъ приглашенъ на свадьбу. Такая досада, всю ночь не могъ заснуть! Впрочемъ, увѣряю тебя, что я не подалъ ни малѣйшаго повода къ холодности, съ которою вся фамилія со мною поступаетъ. У одного испанскаго нищаго спрашивалъ путешественникъ: «Ну, чѣмъ тебѣ гордиться?» «Заплатами моего плаща», отвѣчалъ онъ. Вотъ и мой отвѣтъ тѣмъ людямъ, которые гнѣваются на другихъ за

то, что они не четверней разъѣзжаютъ по городу. Къ несчастію, я хожу пѣшкомъ.... но и пѣшему Богъ даровалъ друзей, которые меня любятъ. Ты, мой другъ, изъ числа ихъ, и самый близкій моему сердцу. Прости.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ.

CCXXXIV.

А. Н. Батюшковой.

6-го ноября (1817 г. Петербургъ).

Благодарю тебя за письма твои. Если удастся мнѣ продать деревни мои, то исполню по твоему желанію все, что касается до дворовыхъ людей. Къ Павлу Алексѣевичу писалъ на дняхъ и послалъ письмо Н. Н. Муравьева, который пишетъ ко мнѣ, что имѣніе батюшки будетъ продаваться 10-го февраля будущаго года: еще есть время помочь, но дремать нѣтъ времени. Надѣюсь на Провидѣніе. Этимъ не надобно огорчаться: я предвидѣлъ это. Письмо губернатора очень учтиво и ласково. Надѣюсь, что онъ по старому знакомству поможетъ мнѣ. Теперь все дѣло въ продажѣ. Дай Богъ, чтобы нашелся покупщикъ и далъ хотя по триста рублей за душу, и надѣюсь, что найдется. Я съ моей стороны ищу здѣсь, но къ несчастію, получилъ опись деревни поздно. Въ Вологдѣ вѣрно будутъ охотники. Проси брата, чтобы онъ устроилъ продажу. Два мѣсяца пролетятъ быстро. Къ батюшкѣ пиши и тверди, что я все сдѣлаю, что̀ могу и что̀ Провидѣнію угодно. Успокой его, милый другъ: онъ теперь, конечно, не на розахъ. Съѣзди и къ нему (если это нужно) и утѣшь его въ горести и совѣтомъ, и дѣломъ

Кромѣ тебя, у него нѣтъ никого на свѣтѣ: ты сама это знаешь. Теперь-то его утѣшать и должно. У меня очень много хлопотъ; прости, что пишу мало. Выѣзжаю по гостямъ и хлопочу въ ломбардѣ, въ гражданской палатѣ, гдѣ отпускаю на волю Александру и Домну, и хлопочу о продажѣ. Гнѣдичъ въ этомъ мнѣ помогаетъ усердно; впрочемъ, я веселъ и покоенъ. Скажи старостѣ, чтобы миромъ помогли погорѣлымъ въ Соболевѣ, а потомъ я что-нибудь имъ дамъ: это мой долгъ. Перепиши мои книги почище, сдѣлай имъ реестръ и пришли ко мнѣ поскорѣе: очень меня одолжишь. Будь здорова, мой ангелъ, и весела. Не забывай твоего К.

Пришли мнѣ, милый другъ, чулокъ бумажныхъ, рубашекъ и платковъ 6 тонкихъ носовыхъ.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новогородской губерніи.

CCXXXV.

М. Н. Загоскину.

(Первая половина ноября 1817 г. Петербургъ).

Крайне сожалѣю, почтеннѣйшій Михайло Николаевичъ, что не имѣлъ удовольствія вручить вамъ лично Сумарокова (котораго возвращаю вамъ съ благодарностію), и пожелать вамъ добраго здравія. Надѣюсь увидѣться съ вами черезъ шесть мѣсяцевъ и, что всего для меня лестнѣе, надѣюсь на продолженіе дружества вашего. Покорнѣйше прошу не забывать преданнѣйшаго вамъ изъ людей. К. Батюшковъ.

Середа.

CCXXXVI.

А. Н. Батюшковой.

Вторникъ. (Средина ноября 1817 г. Петербургъ).

Я получилъ сію минуту письмо твое, милый другъ, о болѣзни батюшки, которое меня очень огорчило. Молю Господа Бога, чтобы ему было легче. Онъ на рукахъ твоихъ и сестры, слѣдственно, можетъ быть покоенъ. Ты ничего не упустишь, ангелъ мой, чтобы облегчить его страданія. Радуюсь, что Варенька съ тобою, и обнимаю ее искренне. Между тѣмъ скажу тебѣ, что, благодаря Павлу Алексѣевичу, наконецъ дѣла пошли. Мартьяновъ покупаетъ мое имѣніе, и кажется, съ нимъ совладаю. Есть и другіе покупщики въ виду. Короче, увѣрь батюшку, что имѣнія его не продадутъ съ торгу. Я выкуплю и даю въ томъ мое честное слово. Провидѣніе мнѣ поможетъ совершить это и наградитъ успѣхомъ годовыя хлопоты. Скажи батюшкѣ и проси, чтобъ онъ не безпокоился; это безпокойство можетъ повредить ему, тогда какъ я все дѣло съ успѣхомъ кончу, если надежда не обманетъ. Мнѣ отсюда никакъ отлучиться нельзя. Началъ дѣла важныя, ибо дѣло идетъ о моемъ всемъ имуществѣ и о части батюшкина. Я совѣтуюсь съ хорошими людьми и ничего своевольно не сдѣлаю. До сихъ поръ есть надежда и себя успокоить, по крайности сохранить что-нибудь: кусокъ хлѣба. Еще разъ прошу: успокой батюшку и проси его любить меня и болѣе печись о здравіи своемъ, нежели о дѣлахъ новогородскихъ. Тебя обнимаю и сестру, и маленькаго брата. Будьте здоровы, и дай мнѣ, Бога ради, хорошую вѣсть.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Устюжнѣ Желѣзопольской.

CCXXXVII.

А. Н. Батюшковой.

Понедѣльникъ (26-го ноября 1817 г. Петербургъ).

Я получилъ печальное извѣстіе о кончинѣ нашего родителя, любезный другъ и сестра Александра Николаевна. Сегодня Павелъ Львовичъ возвѣстилъ мнѣ оную, а тетушка вручила мнѣ письмо твое. Можешь представить себѣ, съ какими чувствами я прочиталъ оное. Да буди воля Господа! Но сердце мое страдаетъ: ты знаешь его, любезный другъ. О себѣ скажу, что дня за четыре до твоего извѣстія я уже былъ боленъ. Теперь, слава Богу, полегче. Но мнѣ Петербурга до окончанія дѣлъ оставить не можно, и самое здоровье не позволитъ, хотя и желалъ бы летѣть въ твои объятія и отдать послѣдній долгъ батюшкѣ. Я самъ былъ боленъ и только вчера всталъ съ постели. Надѣюсь послѣ 30-го сего мѣсяца выѣхать и для того прошу тебя подождать меня, прошу Вареньку и брата Павла Алексѣевича, полагая, что онъ у васъ. Отдай послѣдній долгъ, не ожидая моего прибытія. Чувствую вполнѣ твою горесть, но прошу тебя и заклинаю именемъ дружбы и самого батюшки беречь свое здоровье, столь драгоцѣнное мнѣ и Юленькѣ. Дѣтей мы не оставимъ, не правда ли? Поможетъ самъ Богъ, и что-нибудь для нихъ сдѣлаемъ. Я возьму маленькаго, а ты—сестрицу. Объ имѣніи еще ничего сказать не могу. Отъ продажи спасу, а тамъ оглядимся.

Теперь прошу тебя, милый другъ, содержать домъ въ устройствѣ и просить людей для памяти батюшки вести себя порядочно. Иванъ Семеновичъ вручитъ тебѣ 1000 р. Издержи ихъ, какъ разсудишь, съ совѣтомъ Павла Алексѣевича, который, конечно, не оставитъ тебя въ столь плачевный часъ. Прошу его ничего не жалѣть, но какъ можно менѣе церемоній. Если что останется отъ издержекъ, все нищимъ и попамъ, и въ церковь.

У меня голова кружится,—каково же вамъ? Чтобы Варенька не простудилась, Бога ради! Цѣлый день у меня былъ Павелъ Львовичъ, и все толкуемъ, что дѣлать. Тетушка вчера очень занемогла; сегодня, благодаря Бога, легче. Она тебя и Варечку очень крѣпко обнимаетъ. Маленькаго берегите. Прошу объ этомъ Вареньку очень усердно. Пусть съ нею спитъ въ одной комнатѣ. Людей всѣхъ награжу своихъ: скажи имъ. Еще разъ обнимаю тебя. Завтра буду писать съ почтою. Я выѣду въ субботу, то-есть, послѣ 30-го, если что не задержитъ, что́ легко статься можетъ: главное—моя хворость. Помолись за меня, милый другъ, надъ гробомъ родителя. Прости. Очень усталъ.

Адресъ: Сестрицѣ Александрѣ Николаевнѣ.

CCXXXVIII.

А. Н. Батюшковой.

(27-го ноября 1817 г. Петербургъ).

Вчера писалъ къ тебѣ съ посланнымъ твоимъ, что я не могу ѣхать и отдать послѣдній долгъ нашему родителю. Укрѣпись, прошу тебя, милый другъ, и береги Вареньку и маленькаго сироту. Исполнимъ все, что

можемъ. Не въ слезахъ и рыданіяхъ доказательство пріязни къ родителю: на дѣлахъ и въ чувствахъ. Полагаю, что Павелъ Алексѣевичъ съ вами, и прошу его не оставить васъ. Къ дядюшкѣ писать буду, но скажи ему, сколько я ему обязанъ! Тетушка Катерина Ѳедоровна больна. Я нездоровъ и хлопочу по имѣнію. На дняхъ, если здоровье позволитъ, буду къ вамъ. Бога ради, дождись меня. Обѣщай Савелью свободу, если будетъ себя вести хорошо и домъ въ порядкѣ. Всѣхъ людей, которые служили батюшкѣ, не забуду: это долгъ мой. Прости, милый другъ, поплачь, но будь благоразумна! У насъ теперь много заботъ. Успокоимъ тѣнь родителей добрымъ поведеніемъ и любовью другъ къ другу: они требуютъ сего отъ насъ. Обнимаю тебя. Я сегодня совершенно спокоенъ и займусь дѣлами. Пишу въ Новгородъ съ совѣту Павла Львовича, который меня одушевляетъ истинно родственною пріязнью. Софья Астафьевна вамъ кланяется, Катерина Ѳедоровна также.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ.

CCXXXIX.

А. Н. Батюшковой.

(Начало декабря 1817 г. Устюжна).

Я пріѣхалъ сію минуту въ Устюжну. Усталъ очень. Къ несчастію, не засталъ Ивана Николаевича: онъ уѣхалъ часъ передо мной въ Тихвинъ на подряды, а въ немъ-то я имѣлъ крайнюю нужду. Ѣду сію минуту въ Кесму. Оттуда къ вамъ. Къ 16-му числу сего мѣсяца буду здѣсь, то-есть, въ Даниловскомъ. Приготовь мнѣ

комнату одному и ванну: имѣю нужду въ покоѣ. Сожалѣю, что васъ здѣсь нѣтъ. Хорошо сдѣлали, что маленькаго взяли къ себѣ. Въ Даниловскомъ все благополучно. Даю приказанія Савелью. Пошли приказъ къ старостамъ, чтобы собирали деньги къ новому году: мнѣ нужда. Если тебѣ не нужна тысяча, что̀ я велѣлъ дать Ивану Семеновичу, то возврати ее ему. Я самъ занялъ въ Петербургѣ, и теперь платить надобно. Призови къ себѣ старосту угольскаго немедленно и посовѣтуйся съ нимъ, не могутъ ли они всѣ, съ Мѣниками (теперь я остановилъ продажу), дать мнѣ тысячи три (безъ недоимокъ) въ сіи полгода текущіе: я былъ бы очень доволенъ. Къ новому году я буду въ Петербургѣ или въ Москвѣ: того требуютъ мои собственныя дѣла, которыя для меня не менѣе другихъ важны, ибо обо мнѣ, кромѣ меня самого, никто не заботится. Не надобно забывать притомъ 10-го февраля: продажа имѣнія. Но Богъ дастъ, все устроимъ. Посылаю къ тебѣ нарочнаго. Самъ ѣду къ Ивану Семеновичу. Къ понедѣльнику буду у васъ, если что не помѣшаетъ. Будьте здоровы. Обнимаю васъ. Варенькѣ везу подарокъ. Бога ради, не спѣшите и не дѣлайте ничего наскоро и не подумавъ. Немедленно пошли за старостой, и чтобы онъ далъ знать и въ Мѣники тотчасъ о сборѣ оброка.

Четвергъ.

Дайте знать Павлу Алексѣевичу, что я пробуду только до 16-го или 15-го въ Хантоновѣ. Не пріѣдетъ ли онъ ко мнѣ? Нужда съ нимъ переговорить о дѣлахъ его и моихъ собственныхъ. Если ты не издержала денегъ, тысячи, то оставь ихъ у себя. Я отдамъ Ивану Семеновичу свои (нарочно занялъ), а тѣ возьму у тебя, чтобы нарочно взадъ и впередъ не посылать. Полагаю,

что это письмо застанетъ васъ въ Хантоновѣ, ибо зачѣмъ тебѣ быть въ Вологдѣ? Теперь важнѣйшія обстоятельства требуютъ намъ быть вмѣстѣ и здѣсь. Дѣло идетъ о спасеніи всего. Если въ Вологдѣ ты, то немедленно выѣзжай. Не забывай, что къ 16-му сего мѣсяца я долженъ быть въ Устюжнѣ для спасенія имѣнія. Зачѣмъ вы поспѣшили разъѣхаться? Это меня огорчило.

Адресъ: Сестрицѣ Александрѣ Николаевнѣ, въ Хантоновѣ. Если ее тамъ нѣтъ, то сіе письмо отправить на перемѣнныхъ черезъ Углу и Мѣники въ Вологду, безъ замедленія, съ вѣрнымъ человѣкомъ, чтобы въ воскресенье по утру оно было доставлено въ Вологдѣ Александрѣ Николаевнѣ. Доставить письмо непремѣнно въ субботу въ вечеру или въ воскресенье по утру въ Вологду: Купить въ Вологдѣ на мои деньги портвейну ведро и уложить въ войлоко исправно, чтобы не замерзло.

CCXL.

Неизвѣстному лицу.

(1817 г.).

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичь! Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе жить съ вами, то-есть, съ 1805 года, протекло уже тринадцать лѣтъ; съ тѣхъ поръ я неоднократно имѣлъ удовольствіе васъ видѣть въ Петербургѣ; съ тѣхъ поръ неоднократно я былъ въ деревнѣ, то-есть, въ сосѣдствѣ вашемъ, и вы никогда не упоминали мнѣ ни о какомъ долгѣ; теперь спрашиваю васъ: какое право имѣете нарушать мой покой? Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я жилъ съ вами, но и тогда уже имѣлъ довольно разсудку, чтобы не быть вамъ, милостивый государь, ничѣмъ обязаннымъ. Теперь мнѣ тридцать: слѣдственно, я имѣю

болѣе опытности, и потому письмо ваше принимаю за шутку, если вамъ не угодно, чтобъ я принялъ его за оскорбленіе. Я служилъ три войны государю съ честію, имѣю имя, котораго не помрачилъ ни однимъ поступкомъ, имѣю нѣкоторое уваженіе въ обществѣ, которое заслужилъ трудами, а не рѣдкими талантами, какъ вы изволите упоминать въ письмѣ вашемъ; опираясь на все сіе, прошу васъ, милостивый государь, не выдавать меня за человѣка, который не хочетъ платить долговъ своихъ, ибо повторяю вамъ еще въ заключеніе, что я вамъ ничего не долженъ, кромѣ почтенія, о которомъ обыкновенно упоминаютъ при концѣ письма. Съ онымъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга Конст. Бат.

CCXLI.

Е. Ѳ. Муравьевой.

6-го декабря 1817 г. (Устюжна).

Пьяный отъ холоду, заботъ и усталости, я прибылъ сюда благополучно, любезная тетушка, и спѣшу начертать вамъ нѣсколько строкъ несвязныхъ. Здѣсь не засталъ Теглева, который уѣхалъ въ Тихвинъ для какихъ-то подрядовъ. Сестры въ деревнѣ съ маленькимъ братомъ, въ своей деревнѣ ярославской. Иванъ Семеновичъ не здѣсь, а дома, и я рѣшился ѣхать прямо къ нему, не заѣзжая въ деревню батюшки, ибо въ ней домъ и все запечатано. Мѣра весьма благоразумная! Тамъ Павелъ Алексѣевичъ и Теглевъ съ сестрой учредили наскоро возможный порядокъ. Увѣдомьте объ этомъ Павла Львовича, къ которому не имѣю времени писать особенно, и скажите ему и тетушкѣ мой душев-

ный поклонъ. Скажите дядюшкѣ, что я до сихъ поръ еще не успѣлъ ничего сдѣлать, ибо никого не засталъ на мѣстѣ, что̀ меня очень безпокоитъ. Скакать по стужѣ снова не очень забавно. Если будете писать ко мнѣ, о чемъ прошу и надѣюсь, то адресуйте письмо въ Устюжну; къ 14-му числу буду здѣсь обратно, или ихъ мнѣ перешлютъ. Денегъ еще не могу возвратить вамъ, ибо ни съ кѣмъ еще не видался. Сашу очень крѣпко обнимаю и цѣлую. Никитѣ мой душевный поклонъ, Надеждѣ Евграфовнѣ также; прошу не забывать всѣхъ домашнихъ и знакомыхъ, а ваши ручки очень нѣжно цѣлую, любезная тетушка. Пожелайте мнѣ здоровья и счастія; бодрости довольно. Простите.

CCXLII.

В. А. Жуковскому.

(Первая половина) января 1818 г. Петербургъ.

Ты забылъ меня въ моихъ огорченіяхъ, Жуковскій! Это стыдно, и что̀ всего стыднѣе, забылъ о моемъ дѣлѣ, которое около пяти мѣсяцевъ стоитъ на одномъ мѣстѣ. Вступись за меня, милый другъ, и рѣши мою судьбу. Выпроси мнѣ у Сѣверина отказъ: все лучше, нежели нерѣшимость, лучше, ибо дѣла мои требуютъ рѣшительныхъ мѣръ. Если откажутъ мнѣ, то я продамъ имѣніе и на три года поѣду путешествовать. Есть и покупщики; теперь дѣло за моимъ словомъ, а что могу сказать? Какъ ждать шесть мѣсяцевъ такой бездѣлицы или отказа! Это со мною только случиться можетъ. Пусть откажутъ, но только скорѣе. Сѣверину вѣчно буду благодаренъ и за отказъ: онъ единствен-

ный человѣкъ въ нашей пространной имперіи, который желалъ мнѣ сдѣлать добро, и нѣтъ человѣка, который бы ему за одно желаніе столько былъ признателенъ, какъ я.

Кончилъ о себѣ, теперь о тебѣ. Радуюсь душевно, что ты получилъ еще четыре тысячи. Теперь имѣешь независимость, лучшее изъ благъ, если только можно имѣть ее въ твоей должности. Мы ожидаемъ отъ тебя поэмы. Если прождемъ три, четыре года, то она будетъ прекрасна и достойна твоей славы, то-есть, будетъ написана не наскоро.

Прости, милый, безцѣнный другъ, будь здоровъ и откликнись. Кассандру ждемъ: затѣмъ-то не пишу къ ней. Асмодею поклонъ и всему Арзамасу. Новый президентъ ожидаетъ меня къ обѣду: время одѣваться. Прости. Поклонъ Пушкину-старостѣ. Племяннику его легче.

CCXLIII.

В. А. Жуковскому.

(Первая половина января 1818 г. Петербургъ).

Благодарю тебя за два твои воззванія: они меня оживили надеждою. Головы не могъ обрить, ибо долженъ выѣзжать ежедневно и хлопотать. Можешь посудить, весело ли провожу время. Заботъ множество: все время похищено. Ничего не дѣлаю и глуплю посреди разсѣянія. Когда кончится это, не знаю. Желаю, чтобъ судьба моя рѣшена была: или остаться, или ѣхать. Здоровье измѣнило, съ нимъ—музы и счастіе; но дружба твоя не измѣнитъ моему сердцу, милый Жуковскій: она стоитъ чего-нибудь. Обними Сѣверина и пожелай ему

счастія. Обними Вяземскаго. Къ первому не пишу: ему теперь не до меня. Къ Асмодею писать буду, а прошу сегодня сказать ему, что я не берусь издавать стиховъ его: я здѣсь не останусь. Лучше поручить это Блудову: Онъ вѣрно согласится, ибо любитъ Асмодея и лучше моего смастеритъ. Но вырви у него рѣшительное слово: печатать! Давно пора! Напечатать книгу есть условіе съ публикой дорожить авторскою славою, а Вяземскій въ состояніи сдержать таковой договоръ.

Жихареву пьяному поклонъ—и пожелай жажды: тебѣ желаю жажды стиховъ, которую ты не утолишь въ Гребневскомъ ключѣ, а въ собственной душѣ, изъ которой извлекаешь прекрасное. Извлеки изъ нея Русалку или что-нибудь подобное. Василья Львовича обними и—прости. Б.

CCXLIV.

А. Н. Батюшковой.

24-го января (1818 г. Петербургъ).

Крайне сожалѣю, любезный другъ, о болѣзни твоей, и что ты такъ печально начинаешь новый годъ. Но радуюсь, что дѣло Вареньки будетъ имѣть какой-нибудь конецъ: ихъ дѣло быть счастливыми, наше—не допускать дурачиться и вредить себѣ. Если будутъ счастливы, то я первый порадуюсь отъ души: можетъ быть, и будутъ. Катерина Ѳедоровна желаетъ, чтобы ты къ ней пріѣхала, и я тебѣ совѣтую такъ устроить дѣла свои, чтобы лѣтомъ ты могла предпринять путешествіе сюда съ Юленькой, если опека дастъ на ея воспитаніе, и съ Помпеемъ, для котораго я сыщу пансіонъ рублей въ тысячу. Желаю, чтобы ты провела здѣсь годъ или

мѣсяцевъ шесть по крайней мѣрѣ и разсѣяла свои мысли: отдохнула, однимъ словомъ. Пишу къ Павлу Алексѣевичу. Деньги за него внесъ въ ломбардъ и получилъ свои. Мои дѣла, съ помощію Бога, устроятся. Иванъ Семеновичь пишетъ, что вексель отысканъ Теглевымъ. Теперь бѣда не велика, ибо до векселя я еще отказался. Жалѣю, что и Варенькѣ ничего не достанется. Но у насъ есть насущный хлѣбъ: это главное, и скажу болѣе, добрые люди насъ уважаютъ. Письмо Ивана Семеновича и Теглева къ тебѣ посылаю, а ты покажи его Павлу Алексѣевичу. Не забудь книгамъ роспись и повѣрить счеты: объ этомъ прошу и Павла Алексѣевича. Прости на сей разъ, будь здорова и обними брата. Желалъ бы получать отъ тебя письма веселѣе и обстоятельнѣе.

CCXLV.

Князю П. А. Вяземскому.

(Начало февраля 1818 г. Петербургъ).

Не смѣю, не умѣю и не долженъ, хотя бы я желалъ отъ всего сердца написать тебѣ нѣсколько строкъ въ утѣшеніе, милый мой и безцѣнный другъ. Чувствую твою потерю и былъ опечаленъ ею. Карамзины сообщили мнѣ сію новость горестную. Но у тебя еще есть дѣти, слѣдственно, и утѣшеніе. Надобно благодарить Провидѣніе за все, за все. Напомни обо мнѣ княгинѣ и повтори ей о чувствахъ моей искренней и живой приверженности. Завидую Жуковскому, что онъ можетъ сѣтовать съ вами. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время: твое письмо меня утѣшитъ и успокоитъ. Сѣверину и Жуковскому усердно бью челомъ. Женился ли первый?

А второй что дѣлаетъ? Жихарева благодарю за воспоминаніе. Я уже писалъ къ Жуковскому, что не могу взять на себя изданіе твоихъ стиховъ, ибо не знаю, гдѣ и какъ буду жить; до сихъ поръ судьба моя печальна и для меня тарабарская грамота. Но совѣтую поручить все Кавелину: онъ возьмется съ охотою. Деньги за изданіе можешь отдать ему послѣ. Жуковскій все сладитъ: поручи ему, но поручи! Время летитъ; тебя печалитъ и коверкаетъ. Хорошее пропадаетъ, иное старится въ портфелѣ. Занятіе и трудъ есть лучшее лѣкарство въ горести. Вотъ почему я осмѣлился тебѣ напомнить объ изданіи твоихъ стиховъ въ горести твоей. Обнимаю тебя отъ всей души и прошу не забывать меня, то-есть, любить меня, хотя за то, что я люблю тебя и уважаю.

CCXLVI.

И. И. Дмитріеву.

22-го февраля 1818 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Примите, ваше высокопревосходительство, мое искреннее, душевное поздравленіе съ полученіемъ новой монаршей милости. Всѣ добрые и, слѣдственно, приверженные къ вамъ люди порадовались отъ всего сердца сему извѣстію. По крайней мѣрѣ я беру на мою долю все, что бы ни случилось вамъ пріятнаго въ жизни. Сегодня проведу вечеръ у Николая Михайловича, съ которымъ спѣшу раздѣлить удовольствіе. Семейство его и онъ, благодаря Бога, здоровы, и онъ, безъ сомнѣнія, писать къ вамъ будетъ.

Дорожа вашимъ временемъ, не смѣю (хотя бы и хотѣлось) продолжить моего письма, но осмѣлюсь повторить вамъ, милостивый государь, что никогда не изгладятся изъ души моей чувства глубокаго почитанія преданности и признательности, съ которыми имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Константинъ Батюшковъ.

CCXLVII.

А. Н. Оленину.

Марта 1818 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Алексѣй Николаевичъ! Вашему превосходительству извѣстно, что я утратилъ мое здоровье на службѣ: три войны и тяжелая рана разстроили его совершенно. Медики совѣтуютъ мнѣ лѣчиться купаньемъ въ морской водѣ и воздухомъ Тавриды. Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вамъ, милостивый государь, съ моею усерднѣйшею просьбою объ увольненіи меня изъ Императорской Библіотеки въ отпускъ на пять мѣсяцевъ. Но, желая употребить въ пользу оной и самое путешествіе, покорнѣйше прошу васъ дать мнѣ какое-нибудь порученіе для отысканія древностей или рукописей на берегахъ Чернаго моря, въ мѣстахъ, исполненныхъ воспоминаній историческихъ. Порученія вашего превосходительства выполню съ ревностію и точностію, сколько позволитъ мое здоровье и обстоятельства. Надѣюсь, что вы, милостивый государь, не отринете усерднѣйшей просьбы человѣка, который пламенно желаетъ быть полезнымъ по мѣрѣ силъ своихъ и способностей. Съ глубочайшимъ почитаніемъ и проч. Константинъ Батюшковъ.

CCXLVIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Май 1818 г. Петербургъ).

Посылаю тебѣ билеты концерта для бѣдныхъ, который будетъ концертъ богатый; сдѣлай дружбу, отдай ихъ Пономаревымъ: можетъ быть, они возьмутъ. И вотъ еще третій: не возьметъ ли кто-нибудь, Семенова, напримѣръ? Очень одолжишь Катеринѣ Ѳедоровнѣ. Ей дали рублей на семьсотъ раздавать, что право не забавно; цѣна билету 10 рублей.

Возьми у Глазунова Таблицеву Таврииду; вели ему отыскать Нарушевича, гдѣ хочетъ. Пришли мнѣ Путешестіе Шаликова, но съ тѣмъ, что я могу возвратить его Глазунову, если оно мнѣ не понравится.

О, какая гармонія
Въ рѣдкій сей ансамбль влита;
И овалъ лица прекрасный
Видѣть мнѣ дала!
Здравствуй, мой пѣтъ!
Предъ собою видишь точно
Музу съ граціей порочной.

Бога ради, пришли мнѣ греческую трагедію Ифигенію въ Тавридѣ: у тебя есть французскій переводъ.

Адресъ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

CCXLIX.

Князю П. А. Вяземскому.

9-го мая (1818 г. Петербургъ).

Давно не писалъ къ тебѣ, милый другъ, и очень давно не имѣю отъ тебя писемъ, но знаю, что ты

здоровъ, черезъ Карамзиныхъ. Я оставляю Петербургъ: ѣду въ Крымъ купаться въ Черномъ морѣ, въ виду храма Ифигеніи. Море лѣчитъ всѣ болѣзни, говоритъ Эврипидъ; вылѣчитъ ли меня—сомнѣваюсь. Какъ бы то ни было, намѣренъ провести шесть мѣсяцевъ въ Тавридѣ. Живи счастливо въ Польшѣ, гдѣ, конечно, найдешь, людей достойныхъ и общество веселое, и занятія, достойныя твоего таланта. Ты славно заплатишь долгъ отечеству и имени своему. Буду радоваться всему хорошему, что тебѣ не приключится. Напомни обо мнѣ княгинѣ, у которой цѣлую руку; желаю ей всего, что тебѣ желаю. Не забывай пріятеля своего. Онъ отдыхаетъ мыслями при тебѣ и благодаритъ судьбу за твое дружество. На дняхъ увижу Жуковскаго, котораго, побранивъ за Немногихъ, буду хвалить за стихи на рожденіе великаго князя. Они, говорятъ, прекрасны и достойны его генія. Блудовъ уѣхалъ; Сѣверинъ здѣсь: Полетика отправился въ Америку; Тургеневъ пляшетъ до упаду или, лучше сказать, отдыхаетъ въ Москвѣ; братъ его весь въ дѣлахъ; Уваровъ говорилъ рѣчь, которую хвалятъ и бранятъ; въ ней много блистательнаго; Вигель потанцился съ Блудовымъ. Вотъ исторія Арзамаса. Забылъ о Пушкинѣ молодомъ: онъ пишетъ прелестную поэму и зрѣетъ. Что ты пишешь? Что бы ни писалъ, мы все прочитаемъ съ радостію: ты наша надежда. Не покидай музу. Что безъ нея въ жизни? Пожалѣй обо мнѣ: я ничего не пишу и долго писать не буду, до временъ счастливѣйшихъ! Обнимаю усердно тебя, милый и безцѣнный другъ. Если вздумаешь писать, то адресуй письмо къ Карамзину: онъ будетъ знать о мѣстѣ моего пребыванія; ѣду къ нему, вручу ему это письмо и прощусь послѣ обѣда. Какъ ни скученъ Петербургъ, но тамъ, гдѣ живутъ Карамзины,

Салтыковъ, Уваровъ, Тургеневъ, Сѣверинъ, можно найти веселыя минуты и отдохнуть умомъ и сердцемъ. Прости въ послѣдній разъ до Тавриды. Обними дѣтей, которыя меня знаютъ подъ именемъ дурака.

CCL.

А. Н. Батюшковой.

11-го мая 1818 г. С.-Петербургъ.

Ѣду сію минуту въ Москву, оттуда въ Одессу; черезъ Москву ѣду нарочно съ тѣмъ, чтобы отдать брата въ пансіонъ. Если тебѣ нельзя, то пришли его въ коляскѣ на своихъ, съ людьми надежными; вели имъ остановиться на хорошемъ постояломъ дворѣ и отыскать меня въ домѣ Московской гимназіи у директора оной Петра Михайловича Дружинина. Мнѣ будетъ пріятно увидѣться съ тобою; но скажу чистосердечно, въ Москвѣ по пріѣздѣ государевомъ будетъ такъ шумно, и столько хлопотъ будетъ у меня, что лучше поберечь себя и тебѣ тѣ деньги, которыя издержишь въ Москвѣ, употребить на брата. Вотъ мой совѣтъ чистосердечный. А тебѣ совѣтую проводить Помпея до Ярославля и тамъ пожить съ сестрою или взять ее въ деревню до тѣхъ поръ, пока не устроятся ихъ дѣла. Необходимо ей узнать васъ и привыкнуть къ вамъ. Брату изготовь бѣлье нужное, и поболѣе. Человѣкъ ему, полагаю, не будетъ нуженъ, но еслибы нянька его согласилась годъ пробыть въ Москвѣ, то было бы это не худо. Впрочемъ, не могу ничего сказать рѣшительнаго, не видавшись съ содержателемъ пансіона. О деньгахъ за пансіонъ не безпокойся: я заплачу за полгода; но изъ

тѣхъ, кои даны тебѣ Иваномъ Семеновичемъ, пришли мнѣ на издержки, платья и проч., дай серебряную ложку (это водится) и все, что придумаешь. Людямъ, ѣдущимъ съ братомъ, именемъ моимъ закажи пить и скажи, чтобы вели себя исправно. Прости, болѣе писать не въ силахъ. Все укладываютъ, лошади готовы, и я уже заранѣе усталъ: такъ захлопотался. Сестрамъ усердно кланяюсь.

CCLI.

Е. Ѳ. Муравьевой.

(Средина мая 1818 г. Москва).

Пишу къ вамъ, сидя за столомъ Никиты, который поѣхалъ обѣдать къ Гуркѣ. Брата засталъ я въ вожделѣнномъ здравіи, и можете посудить сами, любезная и почтенная тетушка, сколько ему обрадовался. Съ нимъ провожу все свободное время; но остановился не у него, боясь его стѣснить, а у Д. М. Полторацкаго, у коего цѣлый домъ. Дружинина не засталъ здѣсь: онъ въ Калугѣ, но скоро возвратится. Я дождусь его и отправлюсь далѣе. Никита, съ своей стороны, желаетъ нетерпѣливо воротиться въ Петербургъ и тоскуетъ объ васъ. День ото дня мое уваженіе къ нему возрастаетъ: дружба моя и привязанность давно одинаковы. Вы можете быть счастливы такимъ сыномъ. Однѣ молитвы: будьте здоровы, берегите себя для дѣтей вашихъ! Впрочемъ, не узнаю Москвы: дворъ оживилъ удивительнымъ образомъ. Простите, что сокращу письмо мое: безпрестанно ѣзжу и переѣзжаю, и хлопочу о пансіонѣ для брата.

CCLII.

А. Н. Батюшковой.

23-го мая 1818 г. (Москва).

Къ досадѣ моей Петръ Михайловичъ Дружининъ еще не воротился, и я ничего не успѣлъ сдѣлать для брата, то-есть, не успѣлъ осмотрѣть пансіона. Но дождусь его и къ тебѣ писать буду, когда и какъ приличнѣе привезти сюда брата. Хорошо, что не совѣтовалъ тебѣ ѣхать прямо сюда. Ранѣе іюля мѣсяца и не совѣтую. Между тѣмъ ты будешь имѣть время все приготовить. Желаю, чтобы сестру ты взяла на мѣсто братца къ себѣ. Теперь, когда братнина судьба почти устроилась, судьба сестры меня тяготить начинаетъ. Бога ради, осмотри ее и скажи чистосердечно, какъ найдешь. Есть ли у нея хорошія наклонности и прилежаніе, и способности? Можно ли ее безъ страха поручить тетушкѣ? Буду въ Петербургѣ и все для нея сдѣлаю, что могу, и увѣренъ, что Богъ поможетъ; но желательно, чтобы до того она образовалась твоими совѣтами при тебѣ и узнала родственниковъ своихъ: это вашъ долгъ. Увѣренъ, что сестры ее обласкаютъ подобно тебѣ, и просить ихъ объ этомъ нечего. Поклонись имъ усердно и скажи, что писать буду. Также отпишу и къ старостѣ о дѣлахъ моихъ и объ оброкѣ, который мнѣ скоро будетъ очень нуженъ. Скажи ему, чтобы сполна выслали, безъ недоимковъ. Пиши ко мнѣ, милый другъ, будь здорова и будь увѣрена, что люблю васъ, пока дышу.

CCLIII.

Е. Ѳ. Муравьевой.

Четвергъ. (Исходъ мая 1818 г. Москва).

Покорнѣйше благодарю васъ, любезная и почтенная тетушка, за то, что вспомнили о моихъ именинахъ, которыя я въ жизни моей ни разу не праздновалъ. Этотъ день я провелъ у Д. М. Полторацкаго, гдѣ былъ большой и длинный обѣдъ, и гдѣ Никита присутствовалъ. Онъ бодръ и веселъ: о чемъ ему скучать и сокрушаться? У него нѣтъ никакихъ несчастій, и имѣя такую мать, какъ вы, и столько даровъ Провидѣнія, можно ли роптать на Него и называть себя несчастливымъ? У него же разсудокъ слишкомъ здравъ: вы это лучше моего знаете. Цѣлые дни мы проводимъ вмѣстѣ или у него, или у Полторацкихъ, или на улицѣ. Сегодня я обѣдаю у Никиты и вмѣстѣ поѣдемъ въ садъ дворцовый, если дождь уймется. О себѣ сказать ничего не могу: къ досадѣ моей Петръ Михайловичъ еще не воротился изъ Калуги, и я не могу выѣхать изъ Москвы, не кончивъ съ нимъ переговоровъ о маленькомъ братѣ, что меня разстроиваетъ. Здѣсь деньги и время (двѣ вещи, которыми я научился дорожить) между пальцевъ проходятъ. Разстоянія ужасныя, и каждое свиданіе похищаетъ цѣлые часы. Спѣшу оставить Москву и прямо въ Одессу пробраться. Скюдери, съ которымъ я вчера видѣлся, и другіе, бывшіе въ Крыму, увѣряютъ, что воды и грязи истинно цѣлебны. Какъ бы то ни было, самое путешествіе приноситъ пользу, и мы съ Никитой часто говоримъ: еслибъ маменька вздумала съѣздить въ Кіевъ и въ Полтаву! Какую бы

пользу принесли вамъ дорога и перемѣна мѣста! Но это все пустые разговоры: по крайней мѣрѣ, они докажутъ вамъ, что мы говоримъ болѣе о васъ, нежели о другихъ предметахъ. Цѣлую ручку вашу, любезная тетушка, и прошу любить меня, хотя въ половину моего. Сашу, милаго брата, обнимаю усердно и крѣпко. Прошу писать ко мнѣ. Всѣмъ домашнимъ усердно кланяюсь. Скажите Н. М. Карамзину и Катеринѣ Андреевнѣ, что письма ихъ вручены исправно; прошу имъ усердно, очень усердно поклониться. Тургеневу поклонъ, и прошу напомнить всѣмъ знакомымъ, особенно Корсакову, съ которымъ знакомство столь пріятно, и разлука столь тягостна. Если у васъ есть свободное время, то сдѣлайте милость, увѣдомляйте меня о вашемъ безцѣнномъ для насъ здравіи, et donnez moi je vous prie de temps en temps des nouvelles de Petersbourg, afin que je puisse m'en aller en Crimée. Parlez un peu à Tourguenef qui a plus de solidité dans l'esprit qu'on ne pense, si le plan qu'on me propose vaut la peine de s'en occuper. C'est une grande question pour moi! S'il la juge convenable sous plusieurs rapports, engagez le, ma chère tante, à s'interesser à moi. Je sais qu'il me veut du bien. Il m'a parlé dans le temps d'une commission pour les pays étrangers, d'une charge qu'on pouvait créer pour moi, et qu'un autre avait sollicitée. Ne pourrait-on pas y revenir? En tous cas, je me fie à lui. Прощайте, до будущей почты, и любите меня, милая тетушка; я же никого не люблю, кромѣ васъ, или лучше сказать, ничего не люблю такъ, какъ васъ. Константинъ.

CCLIV.

А. И. Тургеневу.

(Начало іюня 1818 г. Москва).

Вчера, сидя у Никиты за письменнымъ столикомъ и готовясь къ отъѣзду въ Крымъ, получилъ письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ. Я изумился, прочитавъ его. У меня, у Никиты руки опустились. Но я въ мигъ рѣшился, ибо пишете вы, вы того желаете. Между тѣмъ входитъ Жуковскій, только что пріѣхавшій изъ Бѣлева. Онъ напираетъ съ доводами, съ доказательствами, и мы рѣшились. Жуковскій пишетъ письмо къ государю. Вотъ онъ сидитъ тамъ за столикомъ, полуодѣтый, а я за другимъ, въ ожиданіи письма. Оно готово. Если что за нужное найдете поправить, воля ваша! И имя мое припишите сами. Если успѣю, то перепишу; можетъ быть, рѣшитесь отдать безъ поправокъ.

О себѣ скажу вамъ, что я дѣлами былъ задержанъ въ Москвѣ. Время мнѣ дорого: только въ іюлѣ можно купаться въ морѣ, слѣдственно, я долженъ спѣшить въ Крымъ. Но Жуковскій уговариваетъ дождаться отвѣту. Какъ бы то ни было, отвѣтъ пришлите на имя Петра Михайловича Дружинина, который мнѣ вручитъ здѣсь или отправитъ въ Одессу, по моему адресу. Не стану говорить вамъ о моей душевной признательности: ѣду благодарить вашу матушку за такого сына, а Никиту обниму за Катерину Ѳедоровну. Простите! Душевно кланяюсь Николаю Ивановичу.

Еще есть время приписать: Жуковскій не кончилъ. Перечитавъ письмо ваше о лестныхъ обѣщаніяхъ графа,

разсуждаю, что теперь все зависѣть будетъ отъ одного государя, который для меня становится на сей разъ Провидѣніемъ. Вы устроите все къ лучшему: теперь и сердце почти обѣщаетъ успѣхъ. Какъ хотите, опредѣляйте. Чинъ мнѣ по совѣсти слѣдуетъ. Еслибъ я просился въ отставку, то отставили бы капитаномъ, ибо я прослужилъ цѣлую кампанію и еще года два въ одномъ чинѣ. Мнѣ доставалось въ полковники. Но Богъ съ нимъ, съ чиномъ! C'est le cadet de mes soucis. Лучше для чужихъ краевъ званіе камеръ-юнкера, если можно, и если это ничего не стоитъ,—тѣмъ болѣе говорю: лучше, что я въ маленькомъ чинишкѣ. Жалованье всего нужнѣе, и чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше. Досугъ, свобода: вотъ еще важное дѣло! Впрочемъ, если графъ найдетъ, что я со временемъ буду ему пригоденъ, пусть употребитъ: я умѣю писать по русски, разумѣю нѣсколько языковъ и въ лагерѣ пріобрѣлъ нѣкоторую опытность. Впрочемъ, вы мнѣ лучшій судья: вы лучше знаете, на что гожусь и на что не гожусь.

Замѣчаніе. Безъ Сѣверина мы не обойдемся. Поговорите съ нимъ чистосердечно. Я знаю его дружбу ко мнѣ: онъ и теперь столь усердно поможетъ, какъ и прежде. Онъ все заготовилъ, признайтесь сами. Вы счастливѣе другихъ, не потому ли, можетъ быть, что трудно кому-нибудь превзойти васъ въ добротѣ, точно такъ какъ княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну,—въ красотѣ и пріятности? Вы оба никогда не состарѣетесь: вы—душою, она—лицомъ. Это не я говорю: Жуковскій, который все утро съ книгопродавцемъ Поповымъ просидѣлъ въ Сандуновской банѣ и уговаривалъ его не продавать дурныхъ книгъ. Ей, ей, они тамъ встрѣтились!

Не пишу къ графу, ибо вы не хотѣли сего. И на

что ему мои пустыя фразы? Если онъ желаетъ мнѣ добра и сдѣлаетъ мнѣ добро, то собственное сердце его скажетъ ему спасибо краснорѣчивѣе, нежели я сказать могу. Но если прикажете, писать буду. Вручаю это помело Жуковскому.

Приписка В. А. Жуковскаго. Вотъ что мы положили: Батюшковъ остается въ Москвѣ до перваго отъ тебя отвѣта, слѣдственно, tout au plus на двѣ недѣли. Твой отвѣтъ долженъ рѣшить, куда ему ѣхать: въ Петербургъ или въ Одессу. Съ его письмомъ ты являешься къ Капо д'Истріи, сказываешь ему, что Батюшковъ, ѣхавшій для поправленія здоровья въ южную Россію, для морскихъ бань, которыми можно пользоваться только въ іюлѣ мѣсяцѣ, рѣшился однако, въ надеждѣ на его (К. д'И.) явное желаніе дѣйствовать для пользы его (Бат.), пожертвовать двумя недѣлями драгоцѣннаго времени, и что, слѣдовательно, скорый и рѣшительный отвѣтъ необходимъ. Каподистрія не замедлитъ, а ты тотчасъ эстафету къ Батюшкову въ Москву. Моя мысль: отдать экземпляръ Батюшкова сочиненій Капо д'Истріи: они будутъ документомъ и его способностей въ мирномъ родѣ, не въ одномъ военномъ. Моя исповѣдь: Тургеневъ—лучшій изъ людей! Письмо его къ Батюшкову тронуло и обрадовало Жуковскаго, который обнимаетъ его съ новой благодарностію.

Впрочемъ, если письмо многорѣчиво, а не краснорѣчиво (что и намъ кажется), то поправьте, перемѣните. Но оно дѣльно, это главное, и изъ него можно составить записку. Не знаю, останусь ли здѣсь до 25-го, Жуковскій рѣшитъ.

Приписка Жуковскаго. Останется. Жуковскій.

На всякій случай отвѣтъ адресуйте къ Дружинину.

CCLV.

А. И. Тургеневу.

13-го іюня (1818 г. Москва).

Я вручилъ Жихареву письмо къ вамъ и письмо на имя государя, которое вы, почтеннѣйшій Александръ

Ивановичъ, переправьте, какъ угодно. Самъ же я рѣшился немедленно отправиться въ Одессу вопреки Жуковскому, который совѣтовалъ остаться въ Москвѣ и ожидать отвѣту вашего. Ванны морскія мнѣ необходимы, и время дорого. Только въ іюлѣ можно купаться: потому-то я поспѣшилъ. Но отсутствіе мое изъ Москвы не помѣха. Въ Одессѣ я буду черезъ семь дней и тамъ дождусь вашего письма. Если почтете за нужное быть мнѣ въ Петербургѣ, то Бога ради, увѣдомьте меня. Одно ваше слово пріѣзжай заставитъ меня летѣть къ вамъ: съ удовольствіемъ покину Одессу, море и Крымъ. Въ Одессѣ дождусь вашего письма. Пишите прямо туда на мое имя, въ канцелярію графа Ланжерона; пишите и рѣшите мою судьбу; она въ добрыхъ рукахъ, она въ рукахъ заботливой дружбы и зоркой опытности. Опытности вашей повѣряю себя совершенно, предстатель мой! Боюсь одного только, боюсь, чтобъ вы меня не слишкомъ хвалили графу и не дали ему обо мнѣ высокаго понятія, которое при первомъ свиданіи можетъ изчезнуть. Не потеряйте и вы ко мнѣ уваженія за то, что я желалъ быть названъ камеръ-юнкеромъ: не суетность это, а разсчетъ, можетъ быть, и вздорный. Это званіе при миссіи дастъ мнѣ нѣкоторое уваженіе, на которое въ маломъ чинѣ я не имѣю права. Въ Италіи это не будетъ для меня смѣшно: здѣсь смѣшно и глупо, ибо я не суетенъ, не знатенъ и не богатъ. На чинъ всегда имѣю право, ибо прослужилъ кампанію; но я чины не уважаю для себя; я вовсе безъ честолюбія и твердо увѣренъ, что чинъ не украситъ ни прозы моей, ни стиховъ. Еще разъ повторю: я всѣмъ буду доволенъ: имѣю въ виду одно—Италію. Въ этомъ словѣ заключается для меня многое: независимость, здоровье, стихи и проза. Шесть тысячъ или около того жалованья и

шесть тысячъ своего дохода дадутъ мнѣ способъ поддержать себя довольно пристойно. Просите графа рѣшить мою судьбу: отказъ рѣшительный легче проволочки. Въ Одессѣ у меня передъ глазами Таврида и полезное для ума и здоровья путешествіе, для котораго я уже многимъ пожертвовалъ. Къ 20-му іюня я буду въ Одессѣ. Желаю найти тамъ письмо ваше, въ которомъ вы напишите: «поѣзжай въ Крымъ, Богъ съ тобой», или: «пріѣзжай немедленно въ Петербургъ, дѣло въ шляпѣ!» Простите, любезнѣйшій, почтеннѣйшій изъ людей. К. Б. Жуковскій ѣдетъ завтра.

CCLVI.

Е. Ѳ. Муравьевой.

13-го іюня (1818 г. Москва).

Признаюсь въ моей слабости: письмо ваше и Александра Ивановича меня обрадовало. Онъ пишетъ такъ сладко, что я склонился всѣмъ сердцемъ, написалъ письмо къ государю и отправилъ: онъ, конечно, читалъ вамъ его. Не нахожу словъ благодарить его. Чѣмъ заслужилъ я стараніе друзей моихъ—не знаю. Но знаю, что я люблю ихъ: они меня примирили съ жизнію. Жуковскій совѣтовалъ остаться и ожидать здѣсь отвѣта, на что я не согласился, ибо здоровье мое есть главное мое попеченіе. Еслибы это дѣло не удалось, и я пропустилъ лѣтніе дни, единственное время для купанья въ морѣ! Но если вы напишите: пріѣзжай, то я все брошу и прилечу изъ Одессы въ шесть дней. Иванъ Матвѣевичъ уже тамъ и ожидаетъ меня. Пиши-

те ко мнѣ, Бога ради, и адресуйте прямо въ канцелярію его сіятельства графа Ланжерона. Черезъ двѣ или три недѣли желаю получить рѣшеніе судьбы моей, ибо если ничего не успѣемъ, то я совершу мое путешествіе по Крыму и стану отыскивать древности. Мое намѣреніе непоколебимо. Одна Италія можетъ оторвать меня отъ Тавриды, ибо она согласнѣе съ моими выгодами во всѣхъ отношеніяхъ: и для карману, и для здоровья, и для честолюбія. Прочитайте то, что я писалъ къ Тургеневу, и если найдете что пустое, то уничтожьте. Тургеневъ лучше моего знаетъ что̀ мнѣ выгодно и нужно. Съ Жуковскимъ я говорилъ о себѣ: онъ вамъ перескажетъ мои слова. Впрочемъ, поручаю себя вамъ во всемъ. Кредитивъ адресуйте въ Одессу золотомъ, то-есть, червонцами, чѣмъ меня очень обяжете. Можетъ быть, не воспользуюсь онымъ, если будутъ деньги. Судьбу маленькаго брата рѣшилъ: Петръ Михайловичъ нашелъ пансіонъ, по видимому, изрядный. Къ осени его привезутъ. Попросите отъ себя, любезная тетушка, Дружинина, чтобъ онъ не оставилъ брата: ваши слова дѣйствительнѣе моихъ. Онъ привыкъ уважать васъ. Милаго Сашу цѣлую. Если Гейденъ у васъ и возьмется за его воспитаніе, то можно васъ поздравить. Съ Эвенсомъ не могли сладить. Онъ нерѣшителенъ, но я все-таки сожалѣть не перестаю. Эвенсъ—рѣдкій человѣкъ, и Ипполитъ—прекрасный молодой человѣкъ; его сообщество могло бы быть полезно брату по многимъ отношеніямъ, въ чемъ Никита согласенъ со мною. Не успѣете ли со временемъ перетянуть его къ себѣ? Иванъ Матвѣевичъ долженъ вамъ уступить его совершенно.

Оленинымъ мой душевнымъ поклонъ. Карамзинымъ скажите, что я искалъ ихъ слѣдовъ въ Москвѣ, и каждый шагъ здѣсь напоминаетъ мнѣ о нихъ. Гнѣдичь

возвратится въ Петербургъ. Онъ веселъ и какъ ни въ чемъ не бывалъ; радуюсь этому душевно: въ 35 лѣтъ о пустякахъ стыдно сокрушаться. Простите, любезная тетушка. Поручаю вамъ благодарить Тургенева: вы краснорѣчивѣе меня. Скажите ему все, что чувствуетъ мое сердце, исполненное къ нему чистѣйшей благодарности. Если увидитесь съ Уваровымъ, то напомните обо мнѣ и скажите, что изъ Одессы буду писать.

CCLVII.

А. Н. Батюшковой

13-го іюня (1818 г.). Москва.

Петръ Михайловичь Дружининъ пріѣхалъ. Я видѣлся съ нимъ и видѣлъ пансіонъ: похвалить его не могу, ибо знаю несовершенство такихъ заведеній, но подъ руководствомъ директора, надѣюсь, что будутъ имѣть присмотръ за братомъ. Цѣна 800 р. въ годъ, на издержки и платье положить 300, итого—тысячу сто. Это не очень дорого. Когда рѣшиться—отъ тебя зависитъ. Если Иванъ Семеновичъ не дастъ денегъ изъ опеки, то можно употребить на то мои за первые полгода 550, о чемъ я пишу приказъ къ старостѣ. Съ сими деньгами отправь брата прямо съ письмомъ къ Петру Михайловичу Дружинину, въ гимназію Московскую. Онъ директоръ: его всѣ знаютъ. Лучше было бы, еслибы ты сама совершила сіе путешествіе, пріятное въ лѣтнее время, и взяла съ собою Юлію проводить брата. Здѣсь тебѣ заживаться нечего. Я такъ устроилъ, что прямо безъ хлопотъ можно отдать брата. Женщины или слуги не берутъ въ пансіонъ, и не нужно.

Пансіонъ въ томъ домѣ, гдѣ живетъ Дружининъ, и подъ его глазами: это большая выгода. На всякій случай, если рѣшитесь везти брата, можешь написать впередъ къ Дружинину ласковое и простое письмо, особливо если сама не повезешь его. Приложенный при семъ приказъ старостѣ отдай немедленно.

Согласенъ отдать Павлу Алексѣевичу столяра за тысячу рублей. Пусть онъ возьметъ на себя вексель, и дѣло съ концемъ. Тысячу рублей—цѣна настоящая. А когда векселю моему срокъ, теперь не помню. Сестрѣ и брату уступить человѣка не преступленіе. Инвалидовъ всѣхъ перевести на Углу, къ родственникамъ ихъ, и вотчинѣ кормить по смерть, а я за нихъ ежегодно платить стану, о чемъ посовѣтуюсь со старостою.

Зачѣмъ ты не хочешь сама отвезти брата? Удивляюсь твоей нерѣшимости, милый другъ. Ваши дѣла никогда не кончатся, а дѣла семейственныя всего важнѣе. Чтобы повидаться съ Дружининымъ, я нарочно пріѣхалъ въ Москву, и это мнѣ стоило денегъ и хлопотъ. Ужели все напрасно? Брата отдать необходимо. Отвези его сама, утѣшь меня. 550 рублей, за полгода, возьми у старосты, а я получу ихъ съ Ивана Семеновича послѣ сентября. Сестру возьми изъ Ярославля; что она тамъ дѣлаетъ? Что же касается до твоихъ собственныхъ дѣлъ, то никакого совѣту заочно подать не могу. Продажа есть лучшее для тебя и для сестры. Впрочемъ, воля ваша: не забывай себя и памятуй о благоденствіи всего семейства. Сестрамъ Лизаветѣ Николаевнѣ и Варварѣ Николаевнѣ скажи мой усердный поклонъ, Аркадію Аполлоновичу также. Не пишу, потому что некогда, а писать буду изъ Одессы. Особенно извини меня предъ сестрой Лизаветой Николаевной: буду отвѣчать на ея письмо непремѣнно. Павлу Алексѣевичу скажи то же и дѣтей ихъ поцѣлуй.

Пансіоннаго содержателя зовутъ Visard. Онъ учитель Московской гимназіи, живетъ въ домѣ гимназіи съ Дружининымъ. Но прежде всего совѣтую списаться съ Дружининымъ. Обними за меня Помпея, и Юленькѣ также поклонъ скажи. Возьми у старосты 100 и купи ей на всѣ деньги платье и шляпку соломенную, модную. Прошу тебя исполнить это поскорѣе. 300 рублей отправь къ Дружинину немедленно для ломбарда: срокъ очень скоро. Будь здорова, прости, мой другъ сердечный, и помни твоего Констант.

Пиши въ Одессу: въ канцелярію его сіятельства графа Ланжерона, Конст. Н. Батюшкову. Пиши чаще и пространнѣе. Мои письма будутъ рѣдки и коротки, но ты на мѣстѣ, и у васъ во времени нѣтъ недостатка.

CCLVIII.

А. И. Тургеневу.

(Исходъ іюня 1818 г. Полтава).

Пишу къ вамъ на походѣ, на лету, изъ Полтавы, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ. Спѣшу сказать, что я сдѣлалъ большую глупость (если это глупость только): въ письмѣ моемъ забылъ сказать, что опредѣленъ или причисленъ къ Императорской Библіотекѣ въ началѣ текущаго года, въ званіи почетнаго библіотекаря. Если нужно, то прибавьте и это. Впрочемъ, это одно пустое званіе и можетъ быть не пустымъ, въ случаѣ желанія быть полезнымъ Библіотекѣ, которое я имѣю, доколѣ не перемѣню Россіи на Италію.

Немедленно отправлюсь въ Одессу, гдѣ буду ожидать нетерпѣливо вашихъ совѣтовъ, которые на сей разъ

назову приказаніями. Напишите: «пріѣзжай», и я, покинувъ все, черезъ семь дней по полученіи письма вашего явлюсь въ Петербургъ. Въ ожиданіи онаго стану купаться въ морѣ, которое, по словамъ Эврипида, лѣчитъ всѣ болѣзни. Рѣшите мою судьбу, напишите: «ожидай отвѣта моего въ Одессѣ» или: «пріѣзжай въ Петербургъ». Въ Тавриду не поѣду, доколѣ не прояснится судьба моя: туда надобно ѣхать съ покойнымъ духомъ, безъ суетныхъ надеждъ и желаній; въ противномъ случаѣ только тѣломъ буду на берегахъ Салгира, а сердцемъ—во Флоренціи или въ Римѣ, или въ Неаполѣ. Таврида есть mon pisaller. Но если бы Италія не удалась, то Крымъ въ ненастное время осени будетъ моимъ убѣжищемъ, и бѣдныя развалины обоихъ Херсонисовъ замѣнятъ мнѣ развалины великолѣпнаго Рима, какъ Яковлевъ замѣнялъ вамъ Тальму. По крайней мѣрѣ воздухъ Байдары замѣнитъ мнѣ воздухъ Нисы и Флоренціи, а воздухъ—для меня главное дѣло. Путешествіе идетъ мнѣ въ прокъ: я здоровъ и твердо увѣренъ, что купанье въ морѣ меня вылѣчитъ отъ ревматизмовъ.

Еще нѣсколько словъ о моемъ дѣлѣ. Оставляю все на волю вашу: ищите для меня лучшаго, приличнѣйшаго мнѣ и вѣрьте, что все приму съ благодарностію, даже мѣсто пономаря при неаполитанской миссіи, если оно достанется мнѣ изъ рукъ вашихъ и по желанію вашему. Вамъ весело дѣлать добро; мнѣ весело быть вамъ благодарнымъ: я это сказалъ какъ-то лучше вашей почтенной матушкѣ. Такія истины, сказанныя въ глаза, все-таки походятъ на лесть. Какъ бы то ни было, я любилъ васъ, и это вы знали прежде, нежели желали мнѣ дѣлать добро: вы любовь умѣли превратить въ благодарность.

Жуковскому мой поклонъ. Утѣшьте злодѣя: скажи-

те ему, что баллада изъ Шиллера прелестна, лучшій изъ его переводовъ, по моему мнѣнію; что переводъ изъ Іоганны мнѣ нравится, какъ переводъ мастерской, живо напоминающій подлинникъ; но размѣръ стиховъ странный, дикій, вялый: ссылаюсь на маленькаго Пушкина, которому Аполлонъ далъ чуткое ухо. Но Горная пѣсня и весь IV-й нумеръ мнѣ не нравится. Онъ напалъ на дурное, жеманное и скучное. Вотъ моя исповѣдь. Но обнимите его за меня очень крѣпко: это ему пріятнѣе моей критики и, можетъ быть, умнѣе.

Поклонитесь Уварову. Если дѣло пойдетъ на ладъ, то онъ, конечно, первый будетъ радъ моему путешествію и замолвитъ слово. Не могу утаить передъ вами, сколько я ему благодаренъ, сколько я ему обязанъ за его вниманіе и снисхожденіе. Онъ ободрялъ меня, какъ поэта и человѣка, хвалилъ меня прежде, чѣмъ узналъ, и узнавъ, конечно, полюбилъ. Ему обязанъ я лучшими минутами въ вашемъ Питерѣ, и воспоминаніе объ нихъ сохраню долго въ умѣ и сердцѣ. Салтыкову напомните обо мнѣ; Бога ради не забудьте: я его люблю и уважаю. Карамзинымъ скажите, что я живъ, то-есть, преданъ имъ всей душою. Николаю Ивановичу скажите то же, и если можно, тѣми же словами. Всему Арзамасу поклонъ. Простите до Одессы. Конст. Бат.

Здѣсь нашелъ я дождь и грязь, и скуку. Князь Репнинъ разъѣзжаетъ по губерніи. Ожидаютъ его сегодня и княгиню Софью Волконскую изъ Москвы: вотъ здѣшнія новости. Дождь и грязь мѣшаютъ мнѣ осмотрѣть могилы, гдѣ 27-го сего мѣсяца совершатъ панихиду. Мѣста истинно важныя для исторіи! Въ глазахъ моихъ тощій памятникъ, столбъ изобрѣтенія Томонова, и красивая площадь. Жаль, что памятникъ не на самомъ полѣ сраженія. Впрочемъ, такое урочище имѣетъ ли нужду въ памят-

никѣ? И вы имѣете ли нужду въ моихъ критическихъ замѣчаніяхъ?

Согласны ли вы были переговорить съ Сѣверинымъ? Хотите ли, чтобъ я написалъ къ нему? Скажите чистосердечно? Признаюсь вамъ, мнѣ хотѣлось бы писать къ нему.

Ожидаю на все вашего отвѣта въ Одессѣ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ, какъ ожидаютъ доброй вѣсти. Впрочемъ, что бы ни было, ввѣряю себя дружбѣ и святому Провидѣнію. Мнѣ можно позавидовать со стороны, ибо это сказалъ отъ искренняго сердца. Много ли людей на свѣтѣ вѣрятъ дружбѣ и Провидѣнію?

Кончу мое несвязное маранье, пожелавъ вамъ счастія и здоровья. Вручите это письмо Катеринѣ Ѳедоровнѣ и поцѣлуйте у нея за меня ручку. Если она на дачѣ, то перешлите къ ней поскорѣе.

CCLIX.

Е. Ѳ. Муравьевой.

(Исходъ іюня 1818 г. Полтава).

Я выѣхалъ изъ Москвы съ Сережею. Здѣсь нѣтъ Матвѣя: онъ съ княземъ Репнинымъ въ губерніи; ожидаютъ его сегодня. Иванъ Матвѣевичъ, вѣроятно, уже поѣхалъ въ Одессу, и я его тамъ увижу. Бричка моя сломалась: вотъ что задержитъ меня здѣсь лишніе часы. Никиту оставилъ я въ добромъ здоровьѣ. Онъ желаетъ нетерпѣливо быть у васъ, и пора! Съ нимъ провелъ я послѣдніе дни неразлучно, и въ первые видѣлся безпрестанно—и для васъ, и для себя, любезнѣйшая тетушка: для себя, ибо люблю его, какъ душу.

Онъ выростетъ Михаиломъ Никитичемъ, нашъ милый братъ Никита. Съ этой стороны вы осчастливлены. Будьте здоровы, Бога ради, и утѣшьте здоровьемъ вашимъ брата, а меня письмомъ. Ожидаю вашихъ приказаній въ Одессѣ. Если почтете нужнымъ, то бросивъ все, полечу въ Петербургъ, къ вамъ на дачу. Пріятно мнѣ будетъ провести послѣдніе дни въ Россіи съ вами. Простите, что пишу мало, несвязно. Мы тащились по такой грязи и дождю, о какихъ я и понятія не имѣлъ. Ѣхали день и ночь, устали несказанно; двѣнадцать часовъ спали здѣсь мертвымъ сномъ и еще не отдохнули! Пишите въ Одессу и рѣшите: ѣхать ли въ Крымъ. Оставляю вамъ рѣшить это. Изъ Крыма труднѣе выѣхать, чѣмъ изъ Одессы: въ Одессѣ я буду на одномъ мѣстѣ, а въ Крыму стану путешествовать. Но если въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль судьба моя рѣшится, то не лучше ли ожидать рѣшенія въ Одессѣ до половины іюля, къ 10-му или ранѣе?

CCLX.

Е. Ѳ. Муравьевой.

12-го іюля (1818 г.). Одесса.

Отвѣчаю на письмо ваше, любезная и почтенная тетушка, изъ Одессы, гдѣ я очутился послѣ утомительной дороги: дожди ее совершенно разорили отъ Москвы до самаго Кременчука. Здѣсь встрѣтили насъ жары и прелестная погода. Я началъ купаться; будетъ ли польза—не знаю. Отъ дороги я усталъ и все еще слабъ. Здѣсь нашелъ я графа Сенъ-При и живу въ гостепріимномъ его домѣ. Онъ ко мнѣ ласковъ по старому

и все дѣлаетъ, чтобы развеселить меня: возитъ по городу, въ италіянскій театръ, который мнѣ очень нравится, къ иностранцамъ, за городъ на дачи. Одесса—чудесный городъ, составленный изъ всѣхъ націй въ мірѣ, и наводненъ Италіянцами. Италіянцы пилятъ камни и мостятъ улицы: такъ ихъ много! Коммерція его создала и питаетъ. Не нахожу словъ изъяснить вамъ мою душевную признательность за письмо ваше и ваши обо мнѣ попеченія. Желаю успѣха вамъ и петербургскимъ друзьямъ. Вы угадали, что не изъ Москвы, а отъ васъ поѣду въ Италію: могу ли уѣхать, не простясь съ вами и съ Никитой? Итакъ, если меня опредѣлятъ къ миссіи, то отпишите ко мнѣ, и я немедленно отправлюсь. Адресуйте письмо на мое имя въ канцелярію графа Ланжерона, въ Одессу: отсюда перешлютъ его въ Крымъ, если я туда поѣду, что легко можетъ случиться, ибо здѣшнія ванны для меня недостаточны, и безъ козловскихъ грязей едва ли могу обойтиться. Если опредѣлятъ меня къ миссіи, то пришлите мнѣ денегъ изъ моихъ, тысячу рублей и болѣе, адресуя въ Одессу такъ, какъ и письма, на мое имя; отсюда Сенъ-При перешлетъ ко мнѣ, гдѣ буду находиться я. Гдѣ бы ни былъ, немедленно отправлюсь въ Петербургъ, можетъ быть, прямо, не черезъ Москву, смотря по обстоятельствамъ и по удобности дороги. Я васъ увѣдомлялъ, что брату нашелъ пансіонъ въ Москвѣ, и его отдадутъ въ сентябрѣ. О сестрѣ маленькой ничего рѣшительнаго сказать не могу. Она въ Ярославлѣ, въ пансіонѣ, и я просилъ Александру Николаевну взять ее на нѣсколько мѣсяцевъ къ себѣ, а потомъ совѣтоваться съ вами, почтенная тетушка. Ее отдать надобно въ монастырь или въ институтъ въ Петербургъ, на нашъ счетъ. Опека можетъ удѣлить 2500 на воспи-

таніе, чего будетъ достаточно на первый случай. Вотъ все, что я могу донести вамъ заочно, и болѣе самъ ничего не знаю. Надѣюсь на святое Провидѣніе, которое сиротъ никогда не покидаетъ. Мое дѣло—дѣлать возможное, мой долгъ—это, а впрочемъ воля Божія.

Пишу ко всѣмъ, если успѣю, сегодня, ибо завтра идетъ почта очень рано. Я еще новъ въ городѣ и не знаю, какъ управиться съ купаньемъ, съ жарами и съ визитами: одно мѣшаетъ другому. Къ досадѣ моей разстроилъ желудокъ, и докторъ запрещаетъ купаться. Вы скоро увидите брата: обоймите его за меня и скажите ему, что я его люблю и уважаю. Горе ему, если онъ не знаетъ, сколько я его люблю и желаю, и надѣюсь быть любимымъ. Напрасно упрекаетъ меня въ эгоизмѣ: я такъ думаю, что эгоисты бываютъ здоровѣе моего; впрочемъ, боюсь себя хвалить передъ вами. Прошу васъ беречь себя—это главное,—беречь себя для дѣтей и для меня, если я хотя немного того стою въ глазахъ вашихъ. Здѣсь я нашелъ Корсакова; онъ у меня былъ сію минуту. Я радъ былъ говорить съ нимъ о Луниныхъ, которымъ онъ былъ преданъ. Здѣсь Новосильцовъ, знакомецъ Карамзиныхъ, которымъ прошу обо мнѣ напомнить. Благодарите за меня Тургенева; я пишу къ нему сегодня. Но зачѣмъ таятъ они отъ Уварова? Къ чему эти осторожности? Уваровъ не будетъ просить за меня князя, зная, что это не въ пору. Лучше бы объявить ему, и онъ бы присоединилъ свой голосъ. Впрочемъ, я заочно не могу давать совѣтовъ и все оставляю вамъ и Тургеневу, который дѣятеленъ для добра и друзей. Жуковскій теперь у васъ: поклонъ ему душевный. Вы не пишите ко мнѣ о Гейденѣ, у васъ ли онъ, и что дѣлаетъ братъ? Иванъ Матвѣевичъ, кажется, расположенъ перевесть Ипполита въ лицей одес-

скій къ abbé Nicole. Здѣшній лицей хвалятъ. Эвенсомъ Иванъ Матвѣевичъ не очень доволенъ. Но по совѣсти, Эвенсъ дѣлалъ все, что могъ. Къ несчастію, характеръ его не отвѣчаетъ его душѣ, уму и просвѣщенію. Онъ часто бываетъ боленъ, и это вредитъ ему. Но главное дѣло, и это засвидѣтельствуетъ вамъ братецъ, Ипполитъ у Эвенса не избалованъ и изъ рукъ его выйдетъ чистъ и непороченъ: а это главное дѣло! Гдѣ живете вы, тетушка? На дачѣ ли? Оставьте для меня комнату, если мнѣ воротиться надобно. Отъ васъ поѣду въ дальнѣйшій путь. Брату скажите, что къ нему писать буду. Жаль, что его нѣтъ здѣсь, на землѣ классической, гдѣ бились Святославъ, Суворовъ, и гдѣ созидались храмы Ахиллу, его герою. Я недавно былъ на могилѣ Ольвіи: нашелъ множество медалей, вазъ, обломковъ и дышалъ тѣмъ воздухомъ, которымъ дышали Мелезійцы, Аѳинцы Азіи. Геродотъ не выходитъ изъ рукъ моихъ. Это все для Никиты пишу: пусть у него слюнки текутъ, какъ говоритъ пословица; пусть онъ мнѣ позавидуетъ. Одинъ видъ Чернаго моря, прекраснѣйшаго изъ морей, по словамъ Геродота, приводитъ въ восхищеніе меня, невѣжду; что было бы съ нимъ? Ему-то надобно ѣхать въ Грецію. Онъ ученъ по ихнему. Сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сенъ-При: она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поетъ прелестно и очень любезна. Здѣсь ожидаютъ княгиню Софью Григорьевну Волконскую. Польскихъ барынь множество. Простите, цѣлую ручку вашу.

Напомните обо мнѣ Карамзинымъ, Оленинымъ, Уварову и Павлу Львовичу, и Софьѣ Евстафьевнѣ мое душевное почтеніе и сердечный поклонъ прошу сказать.

CCLXI.

А. И. Тургеневу.

12-го іюля (1818 г.). Одесса.

Письмо ваше я получилъ въ Одессѣ или въ русской Италіи, почтеннѣйшій изъ людей и изъ человѣковъ. Все, что вы дѣлаете, прекрасно, и молю Провидѣніе, да увѣнчаетъ успѣхомъ благія начинанія. Напишите, свисните въ пору, и я очучусь у васъ, отъ береговъ Чернаго моря на берегахъ Невы, ибо во всякомъ случаѣ долженъ буду возвратиться къ вамъ: одной благодарности сердечной для того достаточно. Кромѣ отправленія (въ случаѣ удачи), мнѣ нужны будутъ наставленія и совѣты Сѣверина. Не шутка—надолго отправиться изъ родины! Надобно мнѣ и свои дѣла устроить, да и съ Жуковскимъ поспорить кой о чемъ. Отсюда я отправлюсь въ Крымъ на сихъ дняхъ, если купанье въ морѣ недостаточнымъ окажется. Но вы смѣло адресуйте письма ваши на мое имя въ Одессу, въ канцелярію графа Ланжерона. Правитель оной—мнѣ знакомый человѣкъ и отправитъ немедленно, а если надпишете на пакетѣ: нужное, то и еще скорѣе отправитъ. Въ Крыму все любопытно. Здѣсь недавно я бродилъ по развалинамъ Ольвіи: сколько воспоминаній! Если успѣю, то отпишу сіи священные остатки, сію могилу города, и покажу вамъ въ Петербургѣ. Je ne vous ferai pas grâce d'une ligne. Я срисовалъ все, что могъ и успѣлъ. Жалѣю, что нашъ Карамзинъ не былъ въ этомъ краю. Какая для него пища! Можно гулять съ мѣста на мѣсто съ однимъ Геродотомъ въ рукахъ. Я невѣжда, и мнѣ весело. Что же должны чувствовать люди ученые на землѣ классической! Угадываю ихъ наслажденія.

Одесса—пріятный городъ. Море здѣсь какъ море и немного пріятнѣе ледянаго залива Финскаго. Здѣсь найдете всѣ націи и всего болѣе соотечественниковъ Тасса и Серра-Капріола. Азіятцевъ множество. Театръ лучше московскаго и едва ли не лучше петербургскаго. Здѣсь княгиня Зинаида, у которой я просидѣлъ утро. Здѣсь Гуржеевъ; его еще не видѣлъ, но увижу: послушать его въ Одессѣ любопытно. Жаль, что нѣтъ здѣсь Николая Ивановича pour le mettre en train. Но жара здѣсь, говорятъ, несносная отъ полудня до самаго вечера. Я не могу пожаловаться и часто, какъ Горацій, гуляю по солнцу; особенно люблю sulla placida marina la fresc'aura respirar, и Сенъ-При, у котораго живу, не можетъ надивиться способности моей гулять во всякое время—и утромъ, и въ зной, и ночью. Впрочемъ, нынѣшній годъ хуже прошлаго, и торговля скиѳскою пшеницею идетъ плохо. Въ Италіи урожай, и всѣ здѣсь плачутъ: вотъ какъ трудно Провидѣнію угодить на всѣхъ! А мы, поэты, хотимъ всѣмъ и каждому понравиться, мы всѣ, начиная отъ Хвостова до Жуковскаго, котораго обнимаю отъ всего сердца. Онъ давнымъ давно у васъ и съ вами: завидую ему и вамъ. Иду утѣшиться въ Cantatrice Villane, которыхъ музыка прелестна. Завтра примусь за чтеніе и купанье.

Простите, будьте здоровы, веселы и счастливы. Братцу вашему мое усерднѣйшее почтеніе. Благодарю его за извѣщеніе, очень благодарю! Весь вашъ и навсегда. К. Б.

CCLXII.

А. Н. Оленину.

17-го іюля 1818 г. Одесса.

Я пишу къ вашему превосходительству изъ Одессы, куда я прибылъ около 10-го іюля. Отъ Москвы до Кременчука дорога была ужасная: грязь по ступицу, совершенно малороссійская. Отдохнувъ въ Николаевѣ, я отправился въ Ильинское, помѣстье Кушелева-Безбородки, то-есть, въ древнюю Ольвію, и осмотрѣлъ любопытные остатки или могилу сего города. У меня было письмо къ экономy помѣстья отъ графа Александра Григорьевича Безбородки и отца его графа Григорія Кушелева. Если встрѣтитесь съ ними, милостивый государь Алексѣй Николаевичъ, то поблагодарите за меня. Письма ихъ доставили мнѣ способъ осмотрѣть Ольвію и окрестности. Я снялъ планъ съ развалинъ или, лучше сказать, съ урочища, и видъ съ Буга. Рисовать я не мастеръ, но сіи виды для меня будутъ полезны: они пояснятъ мое описаніе, если когда-нибудь вздумается мнѣ привесть въ порядокъ мои записки, которымъ желаю успѣха, то-есть, вашего одобренія, столь лестнаго моему сердцу и самолюбію. Для васъ сохранилъ урну, найденную въ развалинахъ рыбакомъ. Вотъ ея исторія: Одинъ изъ рыбаковъ селенія рылъ яму и заступомъ ударилъ по черепицѣ; продолжалъ рыть и вынулъ изъ земли большой сосудъ, покрытый. Полагая, что въ немъ монеты, разбилъ его. Въ первомъ сосудѣ былъ прахъ на днѣ и другой сосудъ, во второмъ третій. Всѣ три грубой работы и глины. Сей послѣдній доставлю вамъ на память обо мнѣ. Въ немъ управитель Ильин-

скаго подносилъ вино рабочимъ людямъ; лучше же ему быть въ кабинетѣ вашемъ. Но такіе сосуды здѣсь не рѣдкость: ихъ находятъ повсюду, даже въ поляхъ, гдѣ, конечно, Римляне стояли лагеремъ. Притомъ сохраню для васъ двѣ медали: одну изъ нихъ подарилъ мнѣ г. Бларамберг, у котораго прекрасное, единственное въ своемъ родѣ собраніе медалей, обломковъ и статуй. Вы его знаете: онъ—шуринъ г. Розенкампфа. Здѣсь въ Одессѣ я пользуюсь его благосклонностію и кабинетомъ. Жаль, что онъ не публикуетъ его. Въ Ольвіи отрыли трубу, которая болѣе двухъ тысячъ лѣтъ лежала въ землѣ. Она служила водопроводомъ, и странное дѣло: изъ нея еще струится вода въ Бугъ. Адмиралъ Грейгъ присылалъ изъ Николаева чиновника осмотрѣть ея форму, мѣру и положеніе. Одно колѣно сей трубы я взялъ съ собою и постараюсь привезть; не угодно ли вамъ будетъ поставить ее въ Библіотеку или въ вашъ кабинетъ? Медалей я не покупалъ по двумъ причинамъ: первое—потому, что не смѣлъ покупать и оскорбить чрезъ то хозяевъ помѣстья, которые, можетъ быть, дорожатъ ими; второе—потому, что боялся ошибиться и заплатить дороже по невѣдѣнію цѣнъ и самаго достоинства медалей. Разрѣшите мнѣ, покупать ли для Библіотеки вещи, и какую сумму можете употребить на покупку оныхъ? Переписка въ такомъ случаѣ, безъ уполномочія, затруднитъ меня: вамъ извѣстно, что слѣпой случай доставляетъ дешевыя и драгоцѣнныя вещи: его-то упускать и не должно. Впрочемъ, не думайте, чтобы потребны были великія суммы. У антикваріевъ покупать не должно, но у жителей. Бога ради, разрѣшите мнѣ сей вопросъ, ибо я намѣренъ ѣхать въ Крымъ, гдѣ жатва обильная. Здѣшнее купанье мнѣ недостаточно. Лѣкаря посылаютъ въ Евпаторію; сен-

тябрь желаю употребить на развалины и, если угодно будетъ судьбѣ, весь октябрь. Я невѣжда, но усерденъ; если усердіе можетъ отчасти замѣнить науку, то я привезу вамъ что-нибудь изъ Крыму. Будучи въ Ольвіи, я сожалѣлъ, что вы, милостивый государь, не посѣтили сего края: берега Чернаго моря—берега, исполненные воспоминаній, и каждый шагъ важенъ для любителя исторіи и отечества. Здѣсь жили Греки, здѣсь бились Суворовъ и Святославъ. Жалѣю, что А. И. Ермолаевъ не доѣхалъ до сихъ мѣстъ: вотъ поприще, достойное его обширныхъ и точныхъ свѣдѣній! Онъ бы здѣсь расхаживалъ, какъ дома. Одна Ольвія достойна бы была его вниманія. Поляки ее безпрестанно посѣщаютъ и обираютъ. Лучшее все вывезено, но мѣсто, священное мѣсто любопытно. Греки умѣли выбирать мѣста для колоній своихъ, и роскошные соотечественники Аспазіи могли не жалѣть здѣсь о берегахъ своего Милета. Изъ мертвой Ольвіи я пріѣхалъ въ лучшій изъ городовъ нашихъ, въ Одессу, гдѣ нашелъ графа Сенъ-При, который недавно послалъ вамъ любопытныя рукописи для Библіотеки. Онъ меня давно знаетъ и любитъ; но если вы поблагодарите его за меня, за его ко мнѣ ласки и гостепріимство, то чувствительно обяжете. Графу Ланжерону вручилъ письмо князя Голицына, и я надѣюсь имѣть фирманы въ Крымъ. Здѣсь И. М. Муравьевъ и княгиня Зинаида Волконская: пріѣхали для моря. Простите, кончу мое маранье, ибо знаю, что время дороже вамъ древностей и моего болтанья. Цѣлую ручку у милостивой государыни Лизаветы Марковны; всѣмъ домашнимъ мое почитаніе и поклонъ. Алексѣю Алексѣевичу совѣтую учиться по гречески и ѣхать въ Крымъ. Ивану Андреевичу прошу обо мнѣ напомнить, а лѣнивому Гнѣдичу сказать, что я къ нему писать

буду. Здоровъ ли Сергѣй Семеновичъ? На будущей почтѣ я писать и къ нему собираюсь; прошу покорнѣйше сказать ему, что я сохранилъ въ памяти его благосклонное дружество, и увѣрить его въ моей вѣчной признательности. Гдѣ находится графъ Румянцевъ, и какъ писать къ нему? Если удостоите меня отвѣтомъ, то покорнѣйше прошу адресовать на мое имя, въ канцелярію графа Ланжерона; отсюда перешлютъ исправно письмо ваше, которому я обрадуюсь болѣе, нежели медалямъ Пантикапеи и такъ-называемой могилѣ Митридатовой. Преданный вашъ слуга Константинъ Батюшковъ.

С. Н. Муравьевъ выѣхалъ вчера въ Петербургъ. Я не успѣлъ писать съ нимъ и пишу съ почтою; ему прошу поклониться и сказать: «Papa, tacі!» при первомъ свиданіи. Это шуточка изъ италіянской оперы, которая здѣсь процвѣтаетъ вмѣстѣ съ пшеницею, Ришельевскимъ лицеемъ и торговлею. Племянникъ вашъ здоровъ; я вчера видѣлъ почтеннаго Николя, который имъ очень доволенъ. Лицей въ цвѣтущемъ состояніи, и дѣти здѣсь счастливы: они въ хорошихъ рукахъ. Дай Богъ здоровья аббату, который изготовитъ полезныхъ людей для государства: онъ неусыпенъ, и метода его прекрасная.

CCLXIII.

Н. И. Гнѣдичу.

(Конецъ іюля 1818 г. Одесса).

Благодарю за извѣстіе! Скоро буду у васъ и обниму тебя. Въ ожиданіи сего сдѣлай дружбу, переведи мнѣ

въ прозѣ, близко, но красиво, хоръ изъ Эврипидовой Ифигеніи, который начинается: «Tendre Halcyon» и проч. Мнѣ онъ очень нуженъ. Греческій оригиналъ вѣрно есть въ Библіотекѣ. Я кое-что написалъ объ Ольвіи. Въ Петербургѣ на досугѣ переправлю и сообщу твоему просвѣщенію. Странно подумать, что для Петербурга я долженъ проѣхать слишкомъ четыре тысячи верстъ лишнихъ. Смотрю на большую карту Европы и качаю головой. Графъ Сенъ-При, у котораго живу въ Одессѣ, тебѣ усердно кланяется; онъ тебя очень помнитъ и уважаетъ. Поклонись всѣмъ знакомымъ. Къ Оленину я писалъ, еще не знавъ моей участи. Жалѣю, что не могъ ничего сдѣлать для Библіотеки; принялся усердно и доволенъ собою: не ожидалъ въ себѣ такой рыси; всѣмъ надоѣлъ здѣсь медалями и вопросами объ Ольвіи. Прости, до свиданія! Будь здоровъ! Гуржееву отдалъ письмо, и онъ уже отвѣчалъ. Поклонъ мой Дмитрію Прокофьевичу, Ивану Андреевичу; послѣднему скажи, что басни его здѣсь въ великомъ употребленіи. Vale.

CCLXIV.

Е. Ѳ. Муравьевой.

30-го іюля (1818 г. Одесса).

Сюда наѣхало множество Поляковъ, и я, право противъ воли моей, познакомился со всѣмъ почти городомъ, такъ что и купаться некогда: только по ночамъ и успѣваю кое-что прочитать. У графа Сенъ-При есть книги и все, что нужно для меня. Вы себѣ представить не можете, какъ онъ ласковъ и добръ: все дѣлаетъ, чтобы удержать меня здѣсь, даже лошадей верховыхъ

оставилъ для меня. Александръ Ивановичъ сообщилъ мнѣ записку графа Капо д'Истріи. Итакъ, дѣло мое рѣшено, любезная тетушка. Я отправляюсь въ Петербургъ и буду у васъ къ 10-му сентября. Ѣду чрезъ Москву, чтобы увидѣться еще съ Дружининымъ.

CCLXV.

А. И. Тургеневу.

30-го іюля 1818 г. Одесса.

Вчера получилъ я ваше письмо, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, письмо печальное и пріятное. На канунѣ услышалъ я о потерѣ нашего Сѣверина и, признаюсь вамъ, содрогнулся. Потомъ не хотѣлъ вѣрить: письмо ваше подтвердило печальное извѣстіе. Сѣверинъ очень несчастливъ. Жалѣю о почтенномъ Стурдзѣ, и особливо о матери! Все это семейство ходитъ по тернамъ, и я не могу безъ горестнаго чувства вспомнить о Сѣверинѣ и объ его худомъ здоровьѣ. Желаю ему твердости душевной. О себѣ скажу вамъ, что я уже занесъ было одну ногу въ Крымъ, послѣ завтра хотѣлъ отправиться въ Козловъ: письмо ваше остановило меня. Итакъ, судьба моя рѣшена, благодаря вамъ! Я увѣренъ, что вы счастливѣе меня, сдѣлавъ доброе дѣло. Для васъ это праздникъ, подарокъ Провидѣнія. Я благодарю его не за Италію, но за дружбу вашу: быть вамъ обязаннымъ пріятно и сладостно. И это подарокъ Провидѣнія, которое начинаетъ быть ко мнѣ благосклоннѣе. На счетъ вашъ и больше, и лучше говорилъ я сію минуту съ человѣкомъ, который понималъ меня,

графомъ Сенъ-При. На бумагѣ всего не напишешь, а если напишешь все, то будетъ дурно. Но при первомъ свиданіи обниму васъ крѣпко на крѣпко. Оно будетъ скоро: сердце влечетъ меня въ Петербургъ. Долженъ увидѣть васъ, виновника моего путешествія, увидѣть Катерину Ѳедоровну, которую почитаю моимъ Провидѣніемъ на землѣ. Напрасно усомнилась она въ моемъ пріѣздѣ. Какъ могу рѣшиться на дальній путь и долгую разлуку съ отечествомъ!.... Странно сказать, а до сихъ поръ не чувствую большаго облегченія отъ купанья. Кстати о купаньѣ. Между тѣмъ какъ дружество пеклось о судьбѣ моей, я чуть не избавилъ его отъ хлопотъ: купавшись, чуть не потонулъ въ морѣ: такъ зашелъ далеко и неосторожно во время сильной бури! Великое количество соленой воды, которую проглотилъ при потопленіи моемъ, разстроило мою грудь. Три дня страдалъ. Теперь легче: голосъ дружбы вылѣчилъ меня совершенно. Поклонъ Жуковскому! Знаетъ ли онъ стихи Мейстера: оду его на побѣду Россіи? Послѣднія строки прелестны, и благодарность къ Россіи въ устахъ иностранца—дѣло, конечно, необыкновенное, тѣмъ болѣе, что стихи хороши. Вотъ они, если не знаете; вотъ они, если и знаете ихъ: хорошее можно всегда повторять.

Et toi, puissant pays, terre heureuse et chérie,
Asyle favorable et nouvelle patrie
Que m'accordent les dieux!

Profite des bienfaits que leur main te dispose,
Et jouis du bonheur sous la douce influence
D'un règne glorieux!

J'aime tes habitans, tes fleurs et tes rivages,
Et l'air que j'y réspire, et de tes bois sauvages
L'immense profondeur.

Je vais, je vais rentrer dans ces retraites sombres
Et, plein d'un doux transport, méditer sous leurs ombres
Ta gloire et mon bonheur!

И я утѣшаюсь мыслію, что изъ сихъ голыхъ степей, опаленныхъ солнцемъ, увижу сосны Петербурга, прелестную Неву и васъ съ Жуковскимъ; съ послѣднимъ бесѣдую, то-есть, перечитываю. Карамзина не выпускалъ изъ рукъ. Здѣсь было очень жарко, и италіянская опера прекрасная, слѣдственно, мнѣ было не худо.

CCLXVI.

А. Н. Батюшковой.

3-го августа (1818 г.). Одесса

Здѣсь въ Одессѣ получилъ извѣстіе, что я уже опредѣленъ въ иностранную коллегію. При опредѣленіи получилъ чинъ надворнаго совѣтника и тысячу рублей жалованья съ курсомъ, что составляетъ около 5 тысячъ рублей, а иногда болѣе, да годовое жалованье на проѣздъ въ Неаполь. Тургеневъ и Сѣверинъ говорили обо мнѣ графу Капо д'Истріа; дѣло продолжалось, какъ извѣстно тебѣ, около году и наконецъ сдѣлалось пріятнымъ образомъ. Я долженъ отправиться отсюда въ Петербургъ. Можетъ быть, поѣду въ Москву. Августъ весь прошу тебя, любезный другъ, просиди дома. Если я не могу къ вамъ заѣхать проститься, то по крайней мѣрѣ можешь ты побывать въ Москву. Въ Петербургъ не зову, ибо буду самъ въ хлопотахъ по службѣ, и вы мнѣ отчасти помѣшаете дѣло дѣлать. Останься въ Хантоновѣ и жди моего письма. Увѣдомлю тебя что

дѣлать обо всемъ обстоятельно. Теперь прошу радоваться и быть спокойной на мой счетъ. Отслужи молебенъ и за меня. Сестрамъ сообщи эту вѣсть, Аркадію Аполлоновичу и Павлу Алексѣевичу. Послѣдняго прошу отписать ко мнѣ о дѣлахъ моихъ. Имѣнія теперь не продамъ; надѣюсь, что крестьяне исправно будутъ платить оброкъ—шесть тысячъ въ годъ. Нынѣшній оброкъ (онъ мнѣ очень нуженъ) прикажи держать въ сборѣ и по первому приказанію моему отправить. Прости, милый другъ, будь здорова и спокойна; я—вѣрь мнѣ—за тебя и за сестеръ обрадовался и чину, и мѣсту, ибо знаю, что это вамъ пріятно. Купила ли Юленькѣ платья? О Помпеѣ думаю безпрестанно. Ожидаю извѣстія отъ тебя, что ты съ нимъ намѣрена сдѣлать? Не пишите болѣе ко мнѣ. Сиди въ Хантоновѣ, не разъѣзжай и жди вѣсти. Приготовь подробный реестръ книгамъ моимъ: мой остался въ Петербургѣ. Чулокъ нитяныхъ, короткихъ, платковъ носовыхъ, салфеточной матеріи тонкой на нѣкоторое мужское платье, пудермантель, полотенецъ, но всего не много, а хорошей доброты. Съ собою взять многаго не могу. Скажи старостѣ, чтобы въ вотчинѣ все было исправно.

Объяви это немедленно Павлу Алексѣевичу и проси его вникнуть въ мои дѣла. Я ѣду года на четыре по крайней мѣрѣ и прошу его не оставить крестьянъ. Къ нему писать буду, но въ ожиданіи пусть онъ приготовитъ мнѣ записку, что̀ дѣлать мнѣ, и рѣшитъ.

Адресъ: Ея высокоблагородію милостивой государынѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Батюшковой. Въ Череповцѣ, Новогородской губерніи.

CCLXVII.

Н. М. и Е. Ѳ. Муравьевымъ.

3-го августа (1818 г. Одесса).

Прошу тебя, милый Никитинька, поговори съ Роспини, выпиши у него всѣ книги объ Италіи и вручи мнѣ реестръ. Также карты новыя и древнія и все, что зоркія твои и опытныя очи сыщутъ любопытнаго о землѣ Сципіоновой и Аріостовой. Reichard у меня есть, Женгене и Сисмонди есть. Нѣтъ ли исторіи Неаполя краткой, но вѣрной? Нѣтъ ли новѣйшихъ записокъ о правленіи, торговлѣ, войнахъ и пр.? Снаряди меня умомъ, милый братъ. Въ Петербургѣ время будетъ дорого. Ѣду къ вамъ для васъ, car tout chemin mène à Rome.

183 червонца получилъ, любезная тетушка, черезъ консула англійскаго Эмса. Благодарю васъ и сто разъ цѣлую ручку. Въ Крымъ не поѣду: 600 верстъ лишнихъ для грязей! Надѣюсь, что Неаполь меня вылѣчитъ безъ нихъ. Желалъ бы имѣть крылья, чтобъ быть у васъ. Будьте здоровы и любите меня. Мое желаніе и слава—быть любимымъ вами и Никитою.

CCLXVIII.

А. И. Тургеневу.

3-го августа (1818 г.). Одесса.

Въ письмѣ вашемъ требуете вы, чтобы я сказалъ мое мнѣніе о лицеѣ. Скажу вамъ по совѣсти: лицей есть

лучшее украшеніе Одессы, точно такъ какъ Одесса—лучшій городъ послѣ столицъ. Я видѣлъ дѣтей въ классахъ, за столомъ, видѣлъ ихъ спальни и не могъ налюбоваться порядкомъ, чистотою. Въ первый разъ видѣлъ я дѣтей, учащихся по новой методѣ, подъ руководствомъ молодаго человѣка, недавно пріѣхавшаго изъ Парижа. Николь увѣряетъ, что метода сія полезна. Но его собственная метода преподаванія латинскаго языка удивительна. Въ шесть мѣсяцевъ дѣти сдѣлали успѣхи невѣроятные, дѣти, до сего едва умѣвшія читать по русски! Вообще метода преподаванія языковъ, основанная на сорокалѣтней опытности, должна быть совершенна. Въ вышнихъ классахъ есть воспитанники отличные; но сіи, по большой части, уже были приготовлены домашнимъ воспитаніемъ. Не стану хвалить Николя: вы его знаете; я видѣлъ его мало, но смотрѣлъ на него съ тѣмъ почтеніемъ, которое невольно вселяетъ человѣкъ, посѣдѣвшій въ добрѣ и трудахъ. Онъ безпрестанно на стражѣ: живетъ съ дѣтьми, обѣдаетъ съ ними; больница ихъ возлѣ его спальни. Я говорилъ съ родственниками дѣтей: всѣ просвѣщенные и добрые люди относятся о немъ съ благодарностію. Спросите у княгини С. Г. Волконской: ея дѣти тамъ, а голосъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ, и справедливъ, прибавляю. Я видѣлъ нѣкоторыхъ родственниковъ въ Москвѣ и привезъ ихъ письма къ дѣтямъ. Всѣ хвалили лицей и благодарили за него правительство и Провидѣніе; и для нихъ, по перепискѣ дѣтей, успѣхи ихъ были очевидны. Но аббатъ, слышу стороною и судя по письму вашему, имѣетъ недоброжелателей. Не удивляюсь ни мало: добро даромъ не дѣлается. Лицей имѣетъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Но

за то, въ защиту—общественное мнѣніе или по крайней мѣрѣ доброе мнѣніе людей просвѣщенныхъ. Все, что узнаю касательно лицея, сообщу вамъ изустно при первомъ свиданіи; теперь не могу удержаться и не сказать вамъ, что первое впечатлѣніе было мнѣ пріятно. Вы сами съ удовольствіемъ увидѣли бы дѣтей степныхъ, говорящихъ по латынѣ, готовящихъ себя въ пользу государства, здѣсь, въ землѣ новой и едва вышедшей изъ пеленъ. Самое имя Ришелье, благодѣтеля сего края, пріятно слуху истиннаго патріота и должно быть счастливымъ знаменованіемъ для сего училища. Дай Богъ, чтобы министерство просвѣщенія поддержало лучшее свое произведеніе и дало бы ему способы усовершенствоваться. Но произведеніе сіе дышетъ аббатомъ. Надобно быть здѣсь, чтобы удостовѣриться въ истинѣ моихъ словъ. Безъ страсти и безъ предразсудка объявилъ вамъ мое мнѣніе, основанное на внутреннемъ убѣжденіи, что лицею надобно пожелать здравія и долгоденствія для пользы и славы Россіи, для пользы и славы вашего министерства. Исполнилъ долгъ мой: сказалъ, что зналъ и какъ умѣлъ.

Не спрашиваю у васъ извѣстій о Сѣверинѣ, ибо не дождусь отвѣта. Страшусь за него: онъ—съ твердою душою, но здоровьемъ не герой, а надобно и здоровье, чтобъ перенесть несчастіе. Я знаю это по опыту. Къ графу Капо д'Истріи писать буду изъ Петербурга; сообщу вамъ письмо мое. Поклонитесь усердно всѣмъ нашимъ и не забывайте Батюшкова. Не забудете: ибо человѣкъ всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ о тѣхъ, которымъ былъ полезенъ. Обнимаю васъ и Жуковскаго, отъ всего сердца обнимаю. Простите!

Ожидаю сегодняшней почты, которая, можетъ быть,

принесетъ мнѣ указъ объ опредѣленіи и письмо ваше, почтенный и любезный Александръ Ивановичъ. Получа ихъ, отправлюсь немедленно въ Петербургъ, черезъ Москву. Надѣюсь быть у васъ къ 1-му сентября, а если запоздаю, то по крайней мѣрѣ къ 10-му. Мнѣ совѣтуютъ отправиться отсюда: выиграю чрезъ то около 300 червонцевъ, увижу Грецію и прямо могу очутиться въ Неаполѣ. Но за то не увижу васъ и не прощусь съ Катериною Ѳедоровною! Итакъ, ожидаю вашего рѣшительнаго письма, чтобъ идти за подорожною. Между тѣмъ купаюсь въ морѣ, читаю повѣсти Геродота о Черномъ морѣ и смотрю италіянскую оперу.

CCLXIX.

А. И. Тургеневу.

26-го августа 1818 г. (Москва).

Вчера пріѣхалъ въ Москву, чуть живъ отъ усталости. Сегодня видѣлъ Николая Ивановича, который мнѣ вручилъ старое письмо ваше и указъ. Ожидаю его появленія въ газетахъ, а васъ прошу, васъ, почтеннѣйшій зиждитель моего путешествія къ полямъ Сатурновымъ, увѣдомьте меня, хотя строкою, съ первою почтою. Письмо ваше еще застанетъ меня здѣсь: не прежде 9-го сентября намѣренъ выѣхать или къ себѣ въ деревню, или прямо въ Петербургъ. Если ѣхать въ Италію, то пора: осень на дворѣ и слякоть, и грязь, и ревматизмы. Я буду писать изъ Петербурга подъ руководствомъ вашимъ къ графу Капо д'Истріи. Ив. Ив. Дмитріевъ сказывалъ мнѣ вчера, что и Сѣве-

ринъ отправился съ нимъ, о чемъ крайне сожалѣю. Завтра мы проводимъ вечеръ у Дмитріева съ Николаемъ Ивановичемъ, который вамъ за меня благодаренъ. Будьте здоровы и помните вашего Батюшкова, уставшаго отъ дороги и не читавшаго еще Каченовскаго. Адресуйте на имя Дружинина.

CCLXX.

А. И. Тургеневу.

(10-го сентября 1818 г. Москва).

Письмо ваше отъ 3-го сентября получилъ сегодня, то-есть, 10-го. Благодарю васъ за увѣдомленіе, очень благодарю. Когда появится въ газетахъ? Приготовлю все. Я къ вамъ явлюсь къ концу сего мѣсяца, неся въ маленькомъ сердцѣ моемъ много признательности къ вамъ, доброму человѣку. Не въ Неаполѣ жить, а вамъ быть признательнымъ: вотъ мое сладострастіе. Скажите Вяземскому и еще другое сладострастіе: сдѣлаться достойнымъ дружбы достойныхъ людей.

Я знаю Италію, не побывавъ въ ней. Тамъ не найду счастія: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ. Ни зрѣлища чудесной природы, ни чудеса искусства, ни величественныя воспоминанія не замѣнятъ для меня васъ и тѣхъ, кого привыкъ любить. Привыкъ! Разумѣете меня? Но первое условіе—жить, а здѣсь холодно, и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италіи и желаю. Умереть на батареѣ—прекрасно; но въ тридцать лѣтъ умеретъ въ постели—

ужасно, и право мнѣ что-то не хочется. И потому-то спѣшу къ вамъ, чтобъ отъ васъ въ октябрѣ отправиться въ Вѣну. Надѣюсь, что мнѣ позволятъ ѣхать pian-piano.

Въ ожиданіи лучшаго, слушать буду сегодня переводъ Мерзлякова, у котораго много пламенныхъ стиховъ и другаго прочаго. Ни слова не скажу о переводѣ, напечатанномъ въ Сынѣ Отечества. Я согласенъ съ мнѣніемъ Греча, изложеннымъ въ точкахъ. Поздравляю академію: преузорочно! «Часть открытыхъ пухлыхъ грудей!... Но хотя взору преграждаетъ путь, однако не можетъ остановить страстной мысли».... Страстная мысль—хорошо, но далѣе: «Мысль дерзаетъ сквозь чистоту одежды прокладываться въ укутанныя части».... Харчевенный слогъ! Лапотникъ! И какое мѣсто въ Тассѣ чудесное! Здѣсь-то Тассъ именно великъ слогомъ, ибо Армида его не достойна эпопеи: кокетка, развратная прелестница, но слогъ, ее укутавшій, даетъ ей прелесть неизъяснимую. Что же она въ русскомъ переводѣ? Молчу, молчу, но право, иногда своимъ голосомъ скажешься. Воейковъ пишетъ гекзаметры безъ мѣры, Жуковскій (!?!?!?!)—пятистопные стихи безъ риѳмъ, онъ, который очаровалъ нашъ слухъ и душу, и сердце.... Послѣ того мудрено ли, что въ академіи такъ переводятъ?

Читалъ и вылазку или набѣгъ Каченовскаго, набѣгъ на вкусъ, на умъ, на славу. Не гнѣвайтесь: Каченовскій дѣлаетъ свой долгъ, Карамзинъ—свой. Онъ пишетъ 9-ю часть Исторіи. Вотъ лучшій, краснорѣчивѣйшій отвѣтъ! Но Каченовскому я отпѣлъ что думалъ: Того ли мы ожидали отъ васъ? Критики, благоразумной критики, не пищи для Англійскаго клуба

и московскихъ кружковъ. Укажите на ошибки Карамзина, уличите его, укажите на мѣста сомнительныя, взвѣсьте все сочиненіе на вѣсахъ разсудка. Хвалите отъ души все прекрасное, все величественное, безъ восклицаній, но какъ человѣкъ глубоко тронутый. А вы что дѣлаете? Нѣтъ, вы не любите ни его славы, ни своей собственной, ни славы отечества... И мало писателей любятъ ее! Мы всѣ любимъ себя, свои стихи и прозу; за то и насъ не любятъ. Но я люблю васъ, любя свои стихи: вотъ мое достоинство. Обнимаю васъ, вашего почтеннаго братца, за которымъ гнался по Москвѣ въ день его выѣзда и не успѣлъ обнять. Обнимаю, обнимаю Жуковскаго, котораго браню и люблю, люблю и браню. Мерзлякову сегодня покажу письмо ваше. Бога ради, отвѣчайте мнѣ немедленно: «пріѣзжай». Адресъ мой: въ Череповцѣ, Новгородской губерніи. Намѣренъ послѣ завтра туда отправиться, и если получу письмо ваше, то немедленно пущусь въ Петербургъ. Будьте здоровы и счастливы и не читайте худой прозы и худыхъ стиховъ, кромѣ моихъ, разумѣется.

Бога ради отыщите мнѣ Келера. Николай Ивановичъ не могъ найти его безъ васъ, какъ ни старался. Келеръ мнѣ нуженъ. Я съ ума схожу на Ольвіи. Сверчокъ что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ; потомство не отличитъ его отъ двухъ однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство: Князь А. Н. Голицынъ московскій промоталъ двадцать тысячъ душъ въ шесть мѣсяцевъ.

Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если.... Но да спасутъ его музы и молитвы наши! Напомните обо мнѣ Карамзинымъ и усердно особенно поклонитесь Катеринѣ Андреевнѣ. Везу ей гостинецъ: пусть угадаетъ какой! Что дѣлаетъ Вяземскій? Вы о немъ ни слова не промолвили. Два письма вручите Гнѣдичу и Катеринѣ Ѳедоровнѣ.

CCLXXI.

А. И. Тургеневу.

(Октябрь-ноябрь 1818 г. Петербургъ).

Келеръ написалъ любопытную книгу о Тавридѣ. Вчера Гейденъ сказывалъ мнѣ, что она у васъ находится. Уступите мнѣ ее, Бога ради! Если нѣтъ, то промыслите у кого-нибудь изъ ученой братіи нѣмецкой. Вамъ всякій служить готовъ, а мнѣ она необходимо нужна. Собираю всѣ матеріалы и собираюсь.

Пришлите книженокъ французскихъ новостей, на четверть часика. Я очень болепъ и сижу на мѣстѣ неподвижнѣе Россійской Академіи.

CCLXXII.

А. И. Тургеневу.

(Октябрь-ноябрь 1818 г. Петербургъ).

Очень, очень благодарю васъ за участіе, которое вы принимаете въ судьбѣ моей. Сижу больной, въ

колпакѣ и въ шлафоркѣ, и часто думаю о васъ, часто грущу какъ звѣрокъ Лафонтена, cet animal est triste et le chagrin le ronge. Но чаще смѣюсь отъ добраго сердца. Вы столько разъ были мнѣ полезны и дѣломъ и совѣтомъ, что я имѣю право на ваше дружество. Этотъ силлогизмъ не такъ дуренъ, какъ вамъ съ перваго взгляду покажется. Обнимаю васъ отъ всей души и прошу любить вашего Ахилла, который ворчитъ про себя: ахъ, хилъ! и впрямъ, боленъ простудой, насморкомъ, головою, а не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину,—не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому.

CCLXXIII.

А. И. Тургеневу.

(Октябрь-ноябрь 1818 г. Петербургъ).

Благодарю за VI нумеръ Для немногихъ, который прочиталъ съ удовольствіемъ, и за Сегюра. Возвращая его, скажу мимоходомъ: какъ мой умъ (по словамъ А. И. Тургенева) ни мелокъ и ни поверхностенъ, а все-таки недоволенъ мелкими стихами нашего Жуковскаго и мелкою философіею Сегюра. Но разсказъ въ Сегюрѣ и описанія въ Жуковскомъ прелестны: вотъ сходство между ними. Поищемъ разницы. Сегюръ выписался, Жуковскій никогда не выпишется, если мы не задушимъ его похвалами. Азъ худый и сердитый.

CCLXXIV.

И. И. Дмитріеву.

31-го октября 1818 г. Петербургъ.

Ваше высокопревосходительство! На сихъ дняхъ отправляюсь въ Неаполь. Покидая отечество, можетъ быть, и на долго, чувствую живо все, что покидаю. Не смѣю говорить вамъ о моей признательности и чувствахъ глубокаго почитанія; но сердце мое исполнено ими, и воспоминаніе о вашей ко мнѣ благосклонности останется навсегда прелестнѣйшимъ для меня воспоминаніемъ. Смѣю надѣяться, что вы, милостивый государь, не забудете человѣка, вамъ столь искренно преданнаго. Изъ Неаполя буду напоминать о себѣ, буду писать къ вамъ и изъ отчизны Горація и Цицерона. Эта мысль меня утѣшаетъ при отъѣздѣ изъ Россіи болѣе, нежели надежда увидѣть Италію. Съ глубокимъ почитаніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ.

P. S. Возвращаю сказки французскія съ благодарностію. Портретъ Суворова, на который изволили подписаться, при семъ прилагаю. Если увидите Василья Львовича, прошу покорнѣйше сказать ему, что люблю его душевно и дружбы его нигдѣ не забуду.

CCLXXV.

А. Н. Батюшковой.

16-го ноября (1818 г. Петербургъ).

Вчерашній день писалъ я къ тебѣ, милый другъ, въ послѣдній разъ, но сегодня, если могу успѣть,

пошлю и это письмецо весьма нужное, въ добавокъ тому, что писано мною. Бога ради не показывай Лизаветѣ Николаевнѣ письма ея, на коемъ я сдѣлалъ мои замѣчанія. Она можетъ протолковать ихъ въ дурную сторону; но дѣло состоитъ въ томъ, что я отъѣзжая былъ ими упрошенъ отдать имъ брата: я согласился. Нѣсколько разъ писали они мнѣ сюда о томъ же, а теперь пишутъ, что не могутъ взять его. Я же съ моей стороны въ теченіе сего времени писалъ къ Ивану Семеновичу: итакъ, себя выставилъ не за разсудительнаго человѣка. Что теперь дѣлать? Я отъѣзжаю; послалъ уже за подорожною: перемѣнять мнѣ всего не возможно въ столь короткое время. Вотъ на что рѣшаюсь: приложенное у сего письмо вручи Павлу Алексѣевичу или перешли къ нему немедленно, но такъ, чтобы оно сестрѣ Лизаветѣ Николаевнѣ въ руки не попалось. Въ немъ ничего нѣтъ непріятнаго, ты сама видишь,—но все-таки сестру огорчить можетъ, чего не хочу дѣлать, отъѣзжая на долго, можетъ быть, очень на долго. Изъ письма сего увидишь, какое распоряженіе дѣлаю деньгамъ; оно сходно съ тѣмъ, что я писалъ къ тебѣ вчера.

Естифея оставляю здѣсь. Онъ просится въ сапожники: можешь отдать его, или кому-нибудь въ услуженіе, а мѣсто сыщетъ чрезъ г. Поздняка Николай Ивановичь Гнѣдичь. Сдѣлай, какъ самъ Естифей пожелаетъ—идти ли въ услуженіе, или въ мастерство. Не забывай, что онъ мнѣ служилъ, какъ умѣлъ, и послѣднее время я былъ имъ доволенъ. Изъ записки моей къ старостѣ видишь, что о братѣ можешь быть покойна: 1200 ежегодно получать съ моихъ деревень, пока опека будетъ въ силахъ уплачивать сама. Со-

вѣтую тебѣ пріѣзжать въ февралѣ въ Петербургъ, предувѣдомя недѣли за двѣ Катерину Ѳедоровну. О сестрѣ Юліи не безпокоюсь: Катерина Ѳедоровна все сдѣлаетъ. На руки отдай ей. Дай Богъ, чтобы она пробыла лѣтъ шесть въ монастырѣ и вела себя къ утѣшенію нашему; у нея вовсе не будетъ пристанища: пансіоны и даже наши дома дѣло не вѣрное.

Прости, милый другъ, будь здорова и осторожна, и хладнокровна. Богъ тебя не оставитъ: Онъ любитъ добрыхъ людей. К. Б.

CCLXXVI.

Князю П. А. Вяземскому.

(Вторая половина ноября 1818 г. Петербургъ).

Ѣду въ Неаполь. Тургеневъ упекъ меня. Заѣду къ тебѣ освидѣтельствовать твою музу. Стихи къ Петрограду прекрасны, сильны, достойны тебя. Но цѣлое?... Поговоримъ объ этомъ въ другой разъ. Приготовь мнѣ конурку для проѣзда; напомни княгинѣ. Желаю тебѣ здравія. Самъ боленъ, но доволенъ. Паспортъ въ рукѣ, Италія передо мною. Авось выздоровѣю! А если умру тамъ, то не забудь, милый другъ, написать элегію на мою смерть. Если увидишь Сѣверина, то обними его за меня съ тѣмъ же чувствомъ пріязни, съ какимъ я обнялъ бы его. Тебѣ это легко. Еще разъ прости. Шаликовъ приписалъ тебѣ книгу: поздравляю. Пишу обухомъ; извини.

CCLXXVII.

А. Н. Оленину.

Февраль 1819 г. Римъ.

Не требуйте отъ меня описанія моего путешествія, еще менѣе описанія Рима. Около двухъ недѣль, какъ я здѣсь, почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ, но на силу могу собраться написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Сперва бродилъ, какъ угорѣлый: спѣшилъ все увидѣть, все проглотить, ибо полагалъ, что пробуду немного дней. Но лихорадкѣ угодно было остановить меня, и я остался еще на недѣлю. Въ три недѣли что можно здѣсь осмотрѣть? Назначаю мѣста для будущаго пріѣзда. Сочиняю планъ на мѣстѣ и, когда будетъ угодно судьбѣ привести меня сюда въ другой или третій разъ, что-нибудь напишу, не говорю—достойное Рима или васъ, но несовершенно меня недостойное. Хвалить древность, восхищаться св. Петромъ, ругать и злословить Италіянцевъ такъ легко, что даже и совѣстно. Скажу только, что одна прогулка въ Римѣ, одинъ взглядъ на Форумъ, въ который я по уши влюбился, заплатятъ съ избыткомъ за всѣ безпокойства долгаго пути. Я всегда чувствовалъ мое невѣжество, всегда имѣлъ внутреннее сознаніе моихъ малыхъ способностей, дурнаго воспитанія, слабыхъ познаній, но здѣсь ужаснулся. Одинъ Римъ можетъ вылѣчить на вѣки отъ суетности самолюбія. Римъ—книга: кто прочитаетъ ее? Римъ похожъ на сіи гіероглифы, которыми исписаны его обелиски: можно угадать нѣчто, всего не прочитаешь. Простите мнѣ это маленькое предисловіе: безъ него нельзя было отвѣчать на задачи ваши.

Видѣлся съ художниками. Доложите графу Николаю Петровичу, что вручилъ его письмо Кановѣ и поклонился статуѣ Мира въ его мастерской. Она—ея лучшее украшеніе. Долго я говорилъ съ Кановою о графѣ Румянцовѣ, и мы оба отъ чистаго сердца пожелали ему долгоденствія и благоденствія. Воспитанникъ его подастъ хорошую надежду; онъ, по словамъ Кипренскаго, очень трудится, рисуетъ безпрестанно и желаетъ заплатить успѣхами дань должной признательности почтенному покровителю. Другіе воспитанники Академіи ведутъ себя отлично хорошо и меня, кажется, полюбили. Я ласкаю ихъ, первое—потому, что они соотечественники, а второе—потому, что люблю художества и васъ. Щедрину заказываю картину: видъ съ паперти Жана Латранскаго. Если ему удастся что-нибудь сдѣлать хорошее, то это дастъ ему нѣкоторую извѣстность въ Римѣ, особенно между Русскими, а меня нѣсколько червонцевъ не разорятъ. Съ княземъ Гагаринымъ я говорилъ о нихъ: разсуждалъ и т а к ъ, и э т а к ъ. Скажу вамъ рѣшительно, что плата, имъ положенная, такъ мала, такъ ничтожна, что едва они могутъ содержать себя на приличной ногѣ. Здѣсь лакей, камердинеръ получаетъ болѣе. Художникъ не долженъ быть въ изобиліи, но и нищета ему опасна. Имъ не на что купить гипсу и не чѣмъ платить за натуру и модели. Дороговизна ужасная! Англичане наводнили Тоскану, Римъ и Неаполь; въ послѣднемъ еще дороже. Но и здѣсь втрое дороже нашего, если живешь въ трактирѣ, а домомъ едва ли не въ полтора или два раза. Кипренскій вамъ это засвидѣтельствуетъ. Число четырехъ пенсіонеръ столь мало, что нельзя и ожидать Академіи великихъ успѣховъ отъ четырехъ молодыхъ людей. Болѣзни, обстоятельства, тысяча причинъ могутъ со-

вратить ихъ съ пути или похитить отъ художествъ. Что̀ я говорю, есть сущая правда. Желательно имѣть болѣе десяти въ Римѣ. Изъ десяти два, три могутъ удасться. Россія имѣетъ нужду въ хорошихъ артистахъ, нужду необходимую, особенно въ архитекторахъ, и я отъ чистаго сердца желаю, чтобы казна не пожалѣла денегъ. За ними нуженъ присмотръ; имъ нуженъ наставникъ, путеводитель. Если бы вы отрядили профессора, человѣка опытнаго, строгихъ нравовъ, хотя и не весьма искуснаго въ художествѣ, что нужды? Министерство ими занимается въ важныхъ случаяхъ; оно имъ покровительствуетъ, но присмотра не имѣетъ, ибо это не дѣло онаго. При наставникѣ поведеніе будетъ правильнѣе. Отъ бо̀льшаго сотоварищества родится соревнованіе, лучшая пружина трудолюбія и успѣховъ. Вамъ доставятъ уставъ французской академіи. У ней не домъ, а дворецъ. Желательно, чтобы наши имѣли только домъ, кельи для ночлегу и хорошія мастерскія, присмотръ, пищу и эту беззаботливость, первое условіе артиста съ музою или музы съ артистомъ. Впрочемъ, я говорю то, что чувствую, что видѣлъ на мѣстѣ: издали все кажется иначе. Исполнилъ мой долгъ, увѣдомилъ васъ о томъ, что здѣсь каждому извѣстно. Вы лучше знаете, что возможно и чего нельзя сдѣлать. Моего письма никому не сообщайте, ибо я пишу только для васъ, съ обыкновеннымъ чистосердечіемъ и такъ, какъ мысли приходятъ въ голову. Италинскому вручилъ вашу книгу и письмо. Онъ самъ отвѣчать будетъ. Старецъ почтенный и добрый, уваженный всѣми. Онъ знаетъ Италію, какъ «Отче нашъ», но можно ли его обременить новымъ учрежденіемъ—не знаю. Если бы вздумалось что-нибудь основать въ Римѣ, то лучшее средство отправить чиновника изъ Петербурга съ хоро-

шею инструкціею, сообразной съ французскою; отмѣны можно сдѣлать на мѣстѣ. Учредя домъ и все нужное для принятія десяти (или болѣе) пенсіонеровъ, чиновникъ сей могъ бы ихъ ожидать въ Римѣ. Еще повторю: нуженъ добрый, заслуженный профессоръ, который бы умѣлъ постигнуть вполнѣ свою обязанность и наставленія ваши. Во Флоренціи есть слѣпки со всего музея, и мнѣ обѣщали доставить реестръ цѣнамъ и статуямъ, который сообщу вамъ. Англійскій дворъ и французскій, съ позволенія герцога Тосканскаго, взяли сіи слѣпки въ недавнемъ времени. Здѣсь я видѣлъ собраніе египетскихъ статуй для двора баварскаго: по совѣсти, онѣ жалки, и учиться надъ ними нечего. Могутъ быть интересны для антикварій или для исторіи искусства, но для художника—ни мало. Формы варварскія! При избыткѣ другихъ статуй можно пожелать имѣть и сіи. Впрочемъ, не много пользы. Объ Аристидовой статуѣ дамъ отвѣтъ изъ Неаполя, также о древнемъ оружіи, въ Помпеѣ и Геркуланумѣ найденномъ, то-есть, объ рисункахъ оружія. Всѣ другія порученія касательно художествъ исполню со временемъ. Важнѣйшее кончилъ.

Забылъ сказать нѣсколько словъ о Кипренскомъ и Матвѣевѣ. Первый еще не писалъ Аполлона и едва ли писать его станетъ, развѣ изъ упрямства. Но онъ дѣлаетъ честь Россіи поведеніемъ и кистію: въ немъ-то надежда наша! Матвѣевъ заслуживаетъ наше уваженіе. Онъ человѣкъ старый и хворый, но въ картинахъ его есть живость и огонь древняго Адама. Сорокъ лѣтъ прожилъ онъ въ Римѣ и никакого понятія о Россіи не имѣетъ: часто говоритъ о ней, какъ о Китаѣ, но за то набилъ руку и пишетъ водопады тивольскіе часто мастерски. На все есть время: его слава здѣсь полиняла. Я безъ предразсудковъ и любуюсь его картинами: въ нихъ

много хорошаго. Слава Богу, что Русскій человѣкъ такъ пишетъ! Слава Богу, что онъ заслужилъ вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ путешественниковъ и не умеръ съ голоду въ негостепріимной Италіи. Ему, говорятъ, назначенъ пенсіонъ государемъ. Душевно этому радуюсь, ибо Матвѣевъ скоро будетъ не въ состояніи снискивать пропитаніе трудами. Торвальдсенъ гремитъ въ Римѣ. Его Меркурій прелестенъ. Каммучини пишетъ прекрасные портреты (не всегда) и всегда сѣрыя картины, но за то рисуетъ, какъ Егоровъ (и получше его), иногда сочиняетъ умно и съ живостію, достойной Римлянина. Basta! Ни слова больше объ искусствахъ! Не мнѣ судить о нихъ; умничать—не мое уже дѣло. Скажу вамъ только, что здѣсь полкъ Рафаэловъ. Всѣ Нѣмцы одѣлись Рафаэлами: отпустили себѣ волосы и надѣли черныя бархатныя шапки, черное полукафтанье и сандаліе. На Рафаэла не похожи, а съ головы на маймистовъ, что всего хуже; рисовать не умѣютъ, ибо въ Германіи рисовать порядочно не учатъ. Подражаютъ здѣсь Гольбейну и Перужини, а въ скульптурѣ и архитектурѣ—среднимъ вѣкамъ. Зачѣмъ же было ѣхать въ Римъ? Чтобы ходить по Корсо въ Рафаэловомъ платьѣ, съ свиткомъ пергамена въ рукахъ. Иные изъ нихъ имѣютъ истинный талантъ и очень трудолюбивы; сіи послѣдніе ходятъ просто, какъ мы грѣшные. Но я сію минуту видѣлъ картины двухъ нѣмецкихъ художниковъ: повѣсть Іосифа, и примирился съ ними. Прекрасно! Кончу мое мараніе. Вы видите, что я, не глядя на развлеченіе и болѣзнь, отпѣлъ вамъ все, что было на сердцѣ. Богъ вѣсть, за что я прослылъ у васъ человѣкомъ неисправнымъ. Въ отечествѣ никто пророкомъ не бывалъ. Къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ писалъ, еще буду писать по пріѣздѣ въ

Неаполь. Всѣмъ знакомымъ усердно кланяюсь и цѣлую ручки у Лизаветы Марковны. Всему дому и Алексѣю Алексѣевичу бью челомъ. Гг. Крылову, Ермолаеву и Гнѣдичу усердное почтеніе. Послѣдній, надѣюсь, писать будетъ. Пришлите мнѣ русскихъ книгъ и новостей, г. президентъ Библіотеки, и скажите Сергѣю Семеновичу и Тургеневу, что я ихъ задушу письмами изъ отечества Тассова. Простите!

Здѣсь великій князь, ласковый къ Русскимъ, и котораго мы любимъ болѣе здѣшняго солнца. Спѣшу поздравить его и министра съ карнаваломъ, который начался дождемъ и кончится дракою и шумомъ. Мы здѣсь ходимъ посреди развалинъ и на развалинахъ. Самый карнавалъ есть развалина сатурналій. Но эти праздники такъ мнѣ надоѣли отъ самой Венеціи, что я желалъ бы видѣть будни e l'alma tranquillita. Она у васъ вполнѣ въ Петербургѣ; пользуйтесь ею и не завидуйте нашему климату и чудесамъ искусства. Здѣсь зло ходитъ объ руку съ добромъ. Здѣсь все состарилось: и умъ, и сердце и душа человѣческая. Но я не устану здѣсь васъ любить и почитать. Слышу выстрѣлы во всѣхъ улицахъ, залпъ за залпомъ. Шумъ ужасный! Не пугайтесь: карнавалъ. У насъ теперь на Руси катаются смирно съ горъ, играютъ въ бостонъ и танцуютъ. Здѣсь болѣе шуму, но не болѣе веселья для иностранцевъ. Но здѣсь Колисей, который мнѣ и во снѣ снится. Это лучшій комментарій на римскую исторію. Конст. Батюшковъ.

Великій князь заказываетъ картины Щедрину и работу Крылову и Гальбергу: это имъ по сердцу. Кипренскій подноситъ ему голову ангела, прелестную по истинѣ, лучшее его произведеніе!

CCLXXVIII.

А. Н. Батюшковой.

1-го апрѣля новаго стиля (20-го марта 1819 г.). Неаполь.

Полагаю, любезный другъ, что ты узнала чрезъ Катерину Ѳедоровну, что я прибылъ благополучно въ Неаполь, гдѣ надѣялся получить отъ тебя извѣстіе, но къ досадѣ моей ошибся. Сдѣлай дружбу, увѣдомляй меня постоянно, разъ въ два мѣсяца: это не затруднительно для тебя, а мнѣ будетъ очень пріятно, особливо если будешь писать съ нѣкоторымъ порядкомъ. Можешь адресовать письма къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ или просить Гнѣдича, который вручитъ ихъ г. Фусадье, служащему въ иностранной коллегіи, и который по дружбѣ своей не откажетъ переслать ихъ въ Неаполь. Пиши на тонкой бумагѣ, безъ конверта. Пиши обо всемъ обстоятельно: первое—что дѣлаешь сама, гдѣ ты и что намѣрена дѣлать; второе—гдѣ Лизавета Николаевна, Павелъ Алексѣевичъ, что они дѣлаютъ, здоровы ли, здорова ли Варенька и Аркадій Аполлоновичъ; родила ли сестра и гдѣ живутъ теперь; увѣдомь объ Алешѣ, какъ ведетъ себя, потомъ о Юленькѣ и Помпеѣ. Если онъ еще въ пансіонѣ московскомъ, то проси моимъ именемъ Петра Ивановича не забыть его. Платятъ ли за него регулярно, и имѣетъ ли все нужное? Бога ради, пекись объ этомъ; все, что для него сдѣлаешь, приму на свой счетъ, какъ благодѣяніе мнѣ, а не ему. Кажется, по моему распоряженію за него платятъ денегъ достаточно. Я здѣсь не умру съ голоду, лишь бы ему было хорошо, слѣдственно, въ семъ случаѣ моихъ доходовъ не жалѣй. Но впрочемъ

старайся, милый другъ, чтобы исправно деньги отсылаемы были къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, которая мнѣ доставлять ихъ будетъ, какъ заблагоразсудитъ. Нуждаться здѣсь отъ неисправности людей моихъ досадно. Здѣсь я ни кредиту, ни знакомства не имѣю. Увѣдомь меня, гдѣ теперь находишься и долго ли пробудешь у тетушки. Старайся сестру отдать въ монастырь или пансіонъ, единственное средство доставить ей воспитаніе и даже убѣжище въ случаѣ недостатка, ибо на имѣніе не должно надѣяться: я знаю это на опытѣ. Внуши ей добрые нравы и прилежаніе, ибо она безъ желанія отличиться ни себѣ, ни намъ не можетъ быть пріятна. Надѣюсь, что она заслужитъ любовь и благоволѣніе тетушки. Научи ее вести себя осторожно и благородно. Отпиши мнѣ обо всемъ чистосердечно и подробно, прошу тебя, милый другъ.

О себѣ ничего сказать не могу. Жилъ въ шуму по пріѣздѣ великаго князя, ѣздилъ безпрестанно за городъ. Теперь начинаю помышлять о моихъ финансахъ. Дорогой издержалъ много денегъ, ибо три коляски перемѣнилъ. Здѣсь не знаю, что проживать буду, но менѣе десяти тысячъ на наши деньги не возможно. Жизнь дешева, нельзя жаловаться. Прекрасный обѣдъ въ трактирѣ, лучшемъ, мы платимъ отъ двухъ до трехъ рублей, но издержки непредвидимыя и экипажъ очень дорого обходятся. Здѣсь иностранцевъ каждый долгомъ поставляетъ обсчитать, особенно на большой дорогѣ. Какъ бы то ни было, надѣюсь съ помощію Божіей прожить безъ долговъ и не нуждаясь; желаю только маленькіе доходы мои получать во время. Здоровье мое изрядно. Зимою страдалъ отъ холоду и усталости. Теперь погода прелестная, такая, какъ у насъ въ іюлѣ до жаровъ. Изъ моихъ оконъ видъ истинно чудесный:

море, усѣянное островами. Онъ разсѣваетъ мою грусть, ибо мнѣ съ пріѣзду очень грустно. Говорятъ, что всѣ иностранцы первые дни здѣсь грустятъ и скучаютъ. Часто думаю о тебѣ, милый другъ, и желаю тебѣ благополучія отъ искренней души. Надѣюсь обнять тебя въ счастливѣйшія для насъ времена и надѣюсь, что ты сохранишь меня въ памяти своего сердца. Мы много съ тобою перенесли горя, и это самое должно насъ тѣснѣе связывать. Всякая дружба измѣняется, кромѣ дружбы родства. Если я хоть немного дорогъ тебѣ, то имѣю право просить тебя не оставить крошку Помпея, не оставить, значитъ—имѣть попеченіе о его воспитаніи: чтобы его учили, кормили и одѣвали. Особенно двѣ послѣднія статьи! Будь здорова и не забывай меня. Увѣдомь сестеръ, что я здоровъ, и поклонись имъ, равно Павлу Алексѣевичу и Аркадію Аполлоновичу. Какъ идутъ дѣла наши по Даниловскому? Напомни обо мнѣ Ивану Семеновичу, отъ котораго не имѣю отвѣта на мои письма. Еще разъ, прошу тебя, пиши подробно все, что нужно мнѣ знать, и обстоятельно, и четко, ибо ты пишешь, какъ курица. Устроили ли дворовыхъ людей? Если Естюшка ведетъ себя хорошо, то не оставь его. Вели ему учиться грамотѣ и увѣрь, что его возьму къ себѣ и когда-нибудь въ чужіе краи, если онъ будетъ вести себя, какъ надлежитъ. Прости, кончу и поручаю тебя святому Провидѣнію, тебя и сестеръ, и друзей.

CCLXXIX.

А. И. Тургеневу.

24-го марта 1819 г. Неаполь.

Точно такъ, какъ Тиверій, котораго островъ предъ моимъ окномъ, не зналъ съ чего начать посланіе свое къ сенату,—такъ я, въ волненіи различныхъ чувствъ, посреди заботъ и разсѣянія, посреди визитовъ и счетовъ, при безпрерывномъ крикѣ народа, покрывающаго набережную, при звукѣ цѣпей преступниковъ, при пѣніи полишинелей, лазароновъ и прачекъ, не знаю, не умѣю, съ чего начать вамъ мое письмо. Примѣръ Тиверія соблазнителенъ! Начну строгимъ выговоромъ. Какъ можно забывать насъ, бѣдныхъ странниковъ? Обѣщали писать и вы, и всѣ друзья, и никто не сдержалъ даннаго слова. Долженъ полагать, что вы меня забыли. За то и вы не въ правѣ требовать отъ меня длиннаго посланія: некогда. Завтра ѣду въ Террачину, а сегодня надобно объѣхать весь городъ, который длиненъ и неопрятенъ.

Каждый день народъ волнами притекаетъ въ обширный театръ восхищаться музыкой Россини и усладительнымъ пѣніемъ своихъ сиренъ, между тѣмъ какъ Везувій, нашъ сосѣдъ, готовится къ изверженію; говорятъ, въ Портичи и въ окрестныхъ мѣстахъ колодцы начинаютъ высыхать: знакъ, по словамъ наблюдателей, что вулканъ станетъ работать. Прелестная земля! Здѣсь бываютъ землетрясенія, наводненія, изверженіе Везувія, съ горящей лавой и съ пепломъ; здѣсь бываютъ, при томъ, пожары, повальныя болѣзни, горячка. Цѣлыя горы скрываются и горы выходятъ изъ моря: другія

вдругъ превращаются въ огнедышащія. Здѣсь отъ болотъ или испареній земли волканической воздухъ заражается и рождаетъ заразу: люди умираютъ, какъ мухи. Но за то здѣсь солнце вѣчное, пламенное, луна тихая и кроткая, и самый воздухъ, въ которомъ таится смерть, благовоненъ и сладокъ! Все имѣетъ свою выгодную сторону; Плиній погибаетъ подъ пепломъ, племянникъ описываетъ смерть дядюшки. На пеплѣ выростаетъ славный виноградъ и сочные овощи...

Не дали мнѣ кончить начатаго письма. Сію минуту воротился изъ Гаэты, гдѣ разстался съ великимъ княземъ: съ нимъ было разставаться грустно, какъ съ Россіею. Мы его здѣсь видѣли ежедневно, окруженнаго своими; мы къ нему привыкли и сохранимъ навсегда въ памяти нашей его ласки и доброжелательство, мы, то-есть, двое или трое Русскихъ во всемъ Неаполѣ! Мои товарищи знаютъ весь городъ. Я никого не знаю и брожу по улицамъ, какъ въ лѣсу. Къ досадѣ моей, всѣ покидаютъ теперь Неаполь и спѣшатъ въ Римъ: графъ де-Бре, Серра-Капріола и всѣ Англичане, мои знакомые. Въ бытность великаго князя познакомился съ Лагарпомъ, который бодръ тѣломъ и духомъ. Онъ всходилъ на Везувій безъ помощи проводника и, къ стыду нашему, опередилъ молодежь. Обращеніе его столько же просто, сколько умъ тонокъ; онъ много знаетъ, ибо все помнитъ. Здѣсь я познакомился съ Капече-Латро, архіепископомъ Тарентскимъ, ученымъ мужемъ и почтеннымъ, который нѣкогда игралъ важную роль въ королевствѣ, который и безъ чиновъ, и безъ мѣста внушаетъ уваженіе и любовь: у него собраніе книгъ, медалей и картинъ. Скажите Уварову, чтобы онъ мнѣ доставилъ экземпляръ своихъ опытовъ о таинствахъ элевзинскихъ для сего почтеннаго старца: они будутъ въ хорошихъ рукахъ.

А мнѣ, милостивый государь, пришлите чего-нибудь русскаго: новостей книжныхъ, стиховъ и прозы. Стыдно Жуковскому, если онъ меня забудетъ. Здѣсь я часто говорилъ о немъ съ графомъ де-Бре, который Неаполь покидаетъ со слезами на глазахъ: такія прелести имѣетъ сей городъ! О Неаполѣ говоритъ Тассъ въ письмѣ къ какому-то кардиналу, что Неаполь ничего, кромѣ любезнаго и веселаго, не производитъ. Не всегда весело! Не могу привыкнуть къ шуму на улицѣ, къ уединенію въ комнатѣ. Днемъ весело бродить по набережной, осѣненной померанцами въ цвѣту, но въ вечеру не худо посидѣть съ друзьями у добраго огня и говорить все, что на сердцѣ. Въ нѣкоторыя лѣта это можетъ быть нуждою для образованнаго, мыслящаго существа. Какъ бы то ни было, надобно ко всему привыкать. Напомните обо мнѣ Карамзинымъ. Скажите имъ, что въ Баіи мы вспоминали ихъ съ графомъ де-Бре посреди розъ и развалинъ. На прелестнѣйшемъ берегу, окруженный тысячами воспоминаній, я буду писать къ нимъ при первомъ удобномъ случаѣ. Просите Пушкина, именемъ Аріоста, выслать мнѣ свою поэму, исполненную красотъ и надежды, если онъ возлюбитъ славу паче разсѣянія. Карамзинъ говорилъ рѣчь въ Академіи; не пропляшетъ ли чего-нибудь и Свѣтлана? Что она поетъ теперь и на какой ладъ? Я получилъ отъ Дашкова письмо, въ которомъ онъ вздыхаетъ объ отечествѣ. Будьте же счастливы тамъ, друзья мои, и вѣрьте, что васъ люблю, люблю и буду любить. Для свадьбы принцессы и для пріѣзда императора готовятся здѣсь балы, праздники, гулянья. Здѣсь весна въ полномъ цвѣтѣ: миндальное дерево покрыто цвѣтами, розы отцвѣтаютъ, и апельсины зрѣлые падаютъ съ вѣтвей на землю, усѣянную цвѣтами; но я принимаю слабое уча-

стіе въ пирахъ людей и природы: живу съ книгами и думаю о васъ.

CCLXXX.

С. С. Уварову.

Май 1819 г. Неаполь.

Спѣшу загладить мою вину, если можно молчаніе назвать виною. Часто принимался я за перо, и самъ не знаю почему, отлагалъ. Но вчерашній день пробудилъ во мнѣ голосъ совѣсти и обезоружилъ лѣнь мою, которая готова была защищаться передъ вами ложью и дурными силлогизмами.

Когда лучше и подробнѣе узнаю Неаполь, тогда увѣдомлю васъ, какъ идетъ здѣсь университетъ, нѣкогда знаменитый, и ученіе вообще. Но могу смѣло сказать, что искусства пошли назадъ, и даже самая музыка. Огромный, величественный Санъ-Карло, говорятъ знатоки,—гробъ хорошей музыки. Здѣсь и дурную, и хорошую начинаютъ слушать съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ.

Какая земля! Вѣрьте, она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ исторію, природу и поэзію; для того даже, кто жаденъ къ грубымъ, чувственнымъ наслажденіямъ, земля сія—рай земной. Но умъ, требующій пищи въ настоящемъ, умъ дѣятельный, здѣсь скоро завянетъ и погибнетъ; сердце, живущее дружбой, замретъ. Общество безплодно, пусто. Найдете домы такіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ; но живости, любезности французской не требуйте. Едва, едва найдешь человѣка, съ которымъ обмѣняешься мыслями. Отъ Европы мы отдѣлены морями и стѣною китай-

скою. M-me Stael сказала справедливо, что въ Террачинѣ кончится Европа. Въ среднемъ классѣ есть много умныхъ людей, особенно между адвокатами, ученыхъ, но они безъ каѳедры нѣмы, иностранцевъ не любятъ и, можетъ быть, справедливо. Въ общества я заглядываю, какъ въ маскарадъ; живу дома, съ книгами, посѣщаю Помпею и берега залива, наставительные, какъ книги; страшусь только забыть русскую грамоту. Поздравляю любителей поэзіи, слѣдственно, и васъ, съ прекрасными стихами Жуковскаго на смерть королевы. Они сильны, исполнены чувствительности, однимъ словомъ—достойны сей славной женщины, столь рано у насъ похищенной, достойны Жуковскаго и могутъ стать на ряду съ его лучшими произведеніями. Желаю вамъ счастія и семейству вашему; да музы спасутъ васъ и его отъ бѣдъ и горестей житейскихъ: музы—однѣ богини, которыя пережили весь Олимпъ, и которыя никогда не состарѣются, пока живъ умъ человѣческій. Онѣ присутствуютъ въ домѣ вашемъ, съ вами, въ васъ. Ихъ молю, да сохранятъ васъ для друзей, для Россіи!

CCLXXXI.

Н. И. Гнѣдичу.

Май 1819 г. Неаполь.

Благодарю тебя за нѣсколько строкъ, коими ты наградилъ меня въ письмѣ Никиты. Не благодарю за упреки. По сю пору не писалъ къ тебѣ, но виноватъ ли я? Ты живешь на мѣстѣ, пишешь, когда вздумаешь, и отдаешь письмо въ вѣрныя руки, а я долженъ искать оказіи. Въ Неаполѣ еще сручнѣе, а дорогою? Когда

писать? Кому вручить письмо? Вотъ тебѣ предисловіе. Далѣе: не спрашивай у меня описанія Италіи. Это библіотека, музей древностей, земля, исполненная протекшаго, земля удивительная, загадка непонятная. Никакой писатель, ниже Шаховской, не объяснитъ впечатлѣній Рима. Чудесный, единственный городъ въ мірѣ, онъ есть кладбище вселенной. И вся Италія, мой другъ, столько же похожа на Европу, какъ Россія на Японію. Неаполь—истинно очаровательный по мѣстоположенію своему и совершенно отличный отъ городовъ верхней Италіи. Весь городъ на улицѣ, шумъ ужасный, волны народа. Не буду описывать тебѣ, гдѣ я былъ, но готовъ сказать, гдѣ не былъ. Не видалъ гробницы Виргиліевой: не достоинъ! Былъ разъ въ Студіо: я не Дюпати и не Винкельманъ. Не видалъ Собачьей пещеры. И чѣмъ любоваться тутъ, скажите, добрые люди? Много и не видалъ, но за то два раза лазилъ на Везувій и всѣ камни знаю наизусть въ Помпеи. Чудесное, неизъяснимое зрѣлище, краснорѣчивый прахъ! Вотъ все, что могу сказать тебѣ на сей разъ. Новостей не спрашивай; у насъ все по старому: и солнце, и люди. Но ваши новости для меня драгоцѣнны. Увѣдомь меня хоть разъ, что ты подѣлываешь, что пишешь и какъ устроилъ себя? Оставила ли тебѣ пенсію великая княгиня? Какая внезапная потеря и для тебя, и для всѣхъ умныхъ и добрыхъ людей!

Поговоримъ теперь о дѣлахъ нашихъ. Продаются ли книги, и совѣтуешь ли приготовить новое изданіе, исправленное? Не примусь за него прежде совершеннаго истребленія перваго. Прибавлю, исправлю. Только не ожидай, чтобы я написалъ что-нибудь объ Италіи. Безъ меня много писано. Пришли мнѣ книги Броневскаго и Свиньина. Любопытно прочитать ихъ на полѣ

сраженія; но полно, здѣсь ли они писали? Часто путешественники пишутъ воротясь, дома. Одинъ Глинка писывалъ на походѣ: обними его за меня очень крѣпко и скажи, что его люблю и вѣчно помнить буду. Здѣсь съ Кушелевымъ, который жилъ о стѣну со мною, мы часто говорили о нашемъ миломъ русскомъ офицерѣ. Греко-россійскому Крылову бью челомъ и прошу его ѳитолюбивую милость прислать мнѣ новое изданіе басенъ. Скажи Поздняку, что я воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы переслать ему виды Неаполя. Пришлю ихъ съ музыкою для княгини Гагариной въ Москву, которой ты доставишь черезъ Жилбуаза. Увидишь Шиллинга, скажи ему, что онъ забылъ меня, что ему должно быть немного совѣстно. Оленинымъ кланяйся. Петръ здѣсь. Видимся часто. Онъ ѣдетъ въ Марсель, кажется здоровъ и бодръ. Русскихъ туча. Пріѣздъ императора былъ поводомъ къ баламъ, концертамъ и гуляньямъ. Мы часто въ мундиры облекаемся. Я радъ глядѣть на людей; дома, особливо одному, по вечерамъ грустно и скучно. Одно удовольствіе—прогулка и этотъ Везувій, который весь въ огнѣ по ночамъ. Прости, милый другъ! Увѣдомь меня, какъ ведетъ себя Алеша, и заставь его написать ко мнѣ длинное и чистосердечное письмо. Будь здоровъ и счастливъ, мнѣ пожелай здоровья, особенно груди моей, которую съѣдаетъ воздухъ неаполитанскій; но пусть съѣдаетъ лучше онъ и африканскій вѣтеръ, нежели ваши морозы и сырая погода петербургская. Кончу мое маранье, до перваго удобнаго случая. Будь счастливъ. Salve. Попроси сестру, чтобы не оставила Естифея, который мнѣ служилъ изрядно. Пришли мнѣ новостей, Бога ради: стиховъ, икры и прозы, и кусочекъ Сына Отечества. Я голоденъ и жажденъ.

Жаль мнѣ бѣднаго Пушкина! Не бывать ему хорошимъ офицеромъ, а однимъ хорошимъ поэтомъ менѣе. Потеря ужасная для поэзіи! Perche? Скажи, Бога ради.

CCLXXXII.

Н. М. Карамзину.

24-го мая 1819 г. Неаполь.

Не знаю самъ, что могло быть причиною моего молчанія, почтеннѣйшій Николай Михайловичъ. Вѣрьте, что въ каждомъ городѣ Италіи я сбирался писать къ вамъ, но, полный мыслей и чувствъ, не могъ написать ни одной строки. То, не имѣвъ случая отправить письма моего, я боялся, чтобы оно не состарѣлось въ моемъ письменномъ столикѣ, то, имѣвъ вѣрный случай, не имѣлъ времени. Короче, не писалъ къ вамъ, будучи исполненъ вами, ибо не думайте, Бога ради, чтобы видѣнное мною могло хотя немного изгладить изъ памяти моей друзей, оставленныхъ въ отечествѣ, и васъ, Катерину Андреевну, которую я столь же люблю, сколько уважаю. Ваши ласки и дружество глубоко запечатлѣны въ моемъ сердцѣ, которое здѣсь на чужой сторонѣ отдыхаетъ, помышляя о васъ. Здѣсь я, кажется, живѣе чувствую цѣну вашу и тѣхъ сладкихъ минутъ, которыя провелъ у васъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Вы сами знаете опытомъ, что не въ чужихъ краяхъ дѣлаются связи, украшающія жизнь; можетъ быть, знаете и то, что не въ Италіи живутъ сердцемъ. Я угадывалъ это, покидая Россію и все, что имѣю драгоцѣннаго, и потому-то мнѣ было такъ грустно съ вами разставаться. Никогда не забуду, съ какимъ

искреннимъ, горячимъ чувствомъ вы пожелали мнѣ счастливаго пути и благословили на добро и благополучіе. Ваше желаніе сбылось: благополучно я пріѣхалъ сюда, не ограбленный и довольно бодрый, послѣ утомительнаго путешествія въ зимнее время, самое непріятное въ Италіи, гдѣ нѣтъ ни убѣжищъ, ни каминовъ. Первые дни въ Неаполѣ я провелъ со своими и очутился одинокимъ только по отъѣздѣ великаго князя. Четыре недѣли сряду посвятилъ на обозрѣніе окрестностей Неаполя, любопытныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, единственныхъ, несравненныхъ. Четыре раза былъ въ Помпеѣ и два раза на Везувіѣ: два мѣста, которыя заслуживаютъ вниманія самаго нелюбопытнаго человѣка. Судьба, конечно, не безъ причины таила около двухъ тысячъ лѣтъ подъ золой Везувія Помпею и вдругъ открыла ее: это живой комментарій на исторію и на поэтовъ римскихъ. Каждый шагъ открываетъ вамъ что-нибудь новое или повѣряетъ старое: я, какъ невѣжда, но полный чувствъ, наслаждаюсь зрѣлищемъ сего кладбища цѣлаго города. Помпеи не можно назвать развалинами, какъ обыкновенно называютъ остатки древности: здѣсь не видите слѣдовъ времени или разрушенія; основанія домовъ совершенно цѣлы, не достаетъ кровель. Вы ходите по улицамъ изъ одной въ другую, мимо рядовъ колоннъ, красивыхъ гробницъ и стѣнъ, на коихъ живопись не утратила ни красоты, ни свѣжести. Форумъ, гдѣ множество храмовъ, два театра, огромный циркъ, уцѣлѣли почти совершенно. Везувій еще дымится надъ городомъ и, кажется, грозитъ новою золою. Кругомъ виды живописные, море и повсюду воспоминанія; здѣсь можно читать Плинія, Тацита и Виргилія и ощупью повѣрять музу исторіи и поэзіи. Но съ Везувія виды еще великолѣпнѣе. Мы

наслаждались ими недавно большимъ обществомъ Русскихъ; съ нами были Щербатовы, которые поручили вамъ усердно кланяться. Везувій нашъ безпрестанно измѣняется, какъ море или какъ міръ политическій. Онъ ужасенъ и плѣнителенъ. Съ графомъ де-Бре мы были въ Баіи; графиня скажетъ вамъ, безъ сомнѣнія, что мы говорили о васъ на мысѣ Мизенскомъ и пили какое-то вино за ваше здоровье на томъ мѣстѣ, гдѣ Римляне роскошничали, гдѣ Сенека писалъ, гдѣ жилъ Плиній, и Цицеронъ философствовалъ: гдѣ лучше было вспомнить васъ, нашего историка? Но прошу васъ сказать графу и графинѣ де-Бре, что я всегда съ новымъ удовольствіемъ брожу по тѣмъ тропинкамъ, по коимъ ходилъ съ ними въ первый разъ въ жизни. Я имъ обязанъ лучшими моими знакомствами въ Неаполѣ, гдѣ хорошее, пріятное общество столь же рѣдко, какъ худая погода и пасмурные дни. Всѣ жалуются на общество, но всѣ съ радостью посѣщаютъ нашъ городъ. Англичанъ здѣсь тучи: я живу окруженъ ими и лазаронами. Нынѣ, по пріѣздѣ императора Австрійскаго, было очень шумно и, говорятъ, весело. Здѣсь, говорятъ, климатъ лѣчитъ закоренѣлыя болѣзни: я до сихъ поръ не испыталъ этого на себѣ и хвораю часто. Предвижу, что съ насмѣшкою прочитаете мою вѣчную жалобу на здоровье. Я по крайней мѣрѣ вамъ, Катеринѣ Андреевнѣ, которой сто разъ цѣлую ручку, и всему семейству вашему отъ искренняго сердца желаю здравія, благоденствія и долгоденствія. Усердно кланяюсь любезнымъ дѣтямъ вашимъ и еще разъ прошу не забывать преданнѣйшаго вамъ изъ людей Константина Батюшкова.

CCLXXXIII.

В. А. Жуковскому.

1-го августа 1819 г. Искія.

Начну письмо мое, по обыкновенію, упреками за то, что ты меня забылъ совершенно, милый другъ. Я пишу безпрестанно къ Тургеневу, пишу ко всѣмъ, иногда получаю (очень рѣдко) отвѣты, но къ досадѣ моей, отъ тебя не имѣю ни строки. Думаешь ли, милый другъ, легко быть забытымъ тобою? Самъ Тургеневъ пишетъ такъ мало и несвязно, что изъ іероглифовъ его я вижу одно желаніе сказать: я живъ, то-есть, будь здоровъ, какъ я, и потомъ Богъ съ тобою! Иногда онъ забываетъ примолвить что-нибудь-о тебѣ, а пишетъ ко мнѣ въ Неаполь о дѣлахъ, для меня совершенно нелюбопытныхъ. Но сердце мое невольно радуется, когда имѣю отъ него извѣстіе, и день, въ который получу письмо изъ Россіи, есть лучшій изъ моихъ дней. Суди послѣ этого, хорошо ли тебѣ забывать меня? Увѣдомь меня о твоихъ занятіяхъ: что началъ новаго, что кончилъ? И отсюда я слѣдую за тобою, желая счастливаго пути твоему таланту; иди! Одна мольба: не упреди! Но ты иногда шагаешь исполиномъ и всѣхъ опереждаешь, между тѣмъ какъ я здѣсь, милый другъ, въ страхѣ забыть языкъ отечественный, совершенно безъ книгъ русскихъ, и по нынѣшнему образу занятій моихъ не часто заглядываю въ двѣ или три книги русскія, которыя ненарокомъ взялъ съ собою. Вижу по всему, что могу умереть скорѣе членомъ англійскаго клуба, нежели русской Академіи, и что не заслужу мѣста въ статьѣ біографіи Вѣстника Европы

или Русскаго Вѣстника, ибо ничего не написалъ похвальнаго и достодолжнаго, и преподобнаго.

Надобно тебѣ сказать нѣсколько словъ о себѣ. Я не въ Неаполѣ, а на островѣ Искіи, въ виду Неаполя; купаюсь въ минеральныхъ водахъ, которыя сильнѣе Липецкихъ; пью минеральныя воды, дышу волканическимъ воздухомъ, питаюсь смоквами, пекусь на солнцѣ, прогуливаюсь подъ виноградными аллеями (или омеками) при вѣяніи африканскаго вѣтра, и что всего лучше, наслаждаюсь великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ въ мірѣ: предо мною въ отдаленіи Сорренто—колыбель того человѣка, которому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни; потомъ Везувій, который ночью извергаетъ тихое пламя, подобное факелу; высоты Неаполя, увѣнчанныя замками; потомъ Кумы, гдѣ странствовалъ Эней, или Виргилій; Баія, теперь печальная, нѣкогда роскошная; Мизена, Пуццоли и въ концѣ горизонта—гряды горъ, отдѣляющихъ Кампанію отъ Абруцо и Апуліи. Этимъ не ограниченъ видъ съ моей террасы: если обращу взоры къ сторонѣ сѣверной, то увижу Гаэту, вершины Террачины и весь берегъ, протягивающійся къ Риму и изчезающій въ синевѣ Тирренскаго моря. Съ горъ сего острова предо мною, какъ на ладони, островъ Прочида; къ югу—Капрея, гдѣ жилъ злой Тиверій (злой Тиверій: эпитетъ Шаликова); острова Вентонскіе къ сѣверу и островъ Понца, гдѣ, по словамъ антикваріевъ (не сказывай этого Капнисту), обитала Цирцея. Ночью небо покрывается удивительнымъ сіяніемъ; Млечный Путь здѣсь въ иномъ видѣ, несравненно яснѣе. Въ сторонѣ Рима изъ моря выходитъ страшная комета, о которой мы мало заботимся. Такія картины пристыдили бы твое воображеніе. Природа — великій поэтъ, и я радуюсь, что нахожу въ сердцѣ моемъ чув-

ство для сихъ великихъ зрѣлищъ; къ несчастію, никогда не найду силъ выразить то, что чувствую: для этого нуженъ вашъ талантъ. Но воспоминанія всякихъ родовъ даютъ несказанную прелесть сему краю и приносятъ даже болѣе удовольствія сердцу, нежели красоты видовъ.

Посреди сихъ чудесъ, удивись перемѣнѣ, которая во мнѣ сдѣлалась: я вовсе не могу писать стиховъ. Графъ Хвостовъ сказывалъ мнѣ однажды, что три года былъ въ такомъ положеніи; но за то могу сказать съ покойнымъ княземъ Борисомъ, что пишу на прозахъ довольно часто. Я никогда не былъ такъ прилеженъ. Къ несчастію, и я не могу говорить объ этомъ безъ внутренняго негодованія, здоровье мое ветшаетъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діэта, ничто его не можетъ исправить: оно, кажется, для меня погибло невозвратно. И грудь моя, которая меня до сихъ поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказывается. Италія мнѣ не помогаетъ: здѣсь умираю отъ холоду, что же со мною будетъ на сѣверѣ? Не смѣю и думать о возвращеніи. По пріѣздѣ моемъ жарко принялся за языкъ италіянскій, на которомъ очень трудно говорить съ нѣкоторою пріятностію и правильностію намъ, иностранцамъ. Но это для меня было бы не безполезно, почти необходимо во всѣхъ отношеніяхъ; я хочу короче познакомиться съ этою землею, которая для меня во всѣхъ отношеніяхъ становится часъ отъ часу любопытнѣе. Для самой пользы службы надобно узнать языкъ земли, въ которой живешь. Вотъ почему все вниманіе устремилъ на языкъ италіянскій и вѣрно добьюсь если не говорить, то по крайней мѣрѣ писать на немъ. Между тѣмъ, чтобы не вовсе забыть своего (ибо по русски возможно сочинять

исправно, какъ говоритъ Хвостовъ), я пишу мои записки о древностяхъ окрестностей Неаполя, которыя прочитаемъ когда-нибудь вмѣстѣ. Я ограничилъ себя, сколько могъ, одними древностями и первыми впечатлѣніями предметовъ; все, что критика, изысканіе, оставляю, но не безъ чтенія. Иногда для одной строки надобно пробѣжать книгу, часто скучную и пустую. Впрочемъ, это все маранье; когда-нибудь послужитъ этотъ трудъ, ибо трудъ, я увѣренъ въ этомъ, никогда не потерянъ.

Итакъ, всѣ дни мои заняты совершенно. Въ обществѣ живу мало, даже мало въ него заглядываю, кромѣ того, которое обязанъ видѣть. Театръ для меня не существуетъ, и я въ Неаполѣ не сдѣлался Неаполитанцемъ. Вотъ моя исторія, милый другъ. Если прибавить, что я совершенно доволенъ моею участью—безъ роскоши, но выше нужды, ничего не желаю въ мірѣ, имѣю или питаю, по крайней мѣрѣ, надежду возвратиться въ отечество, обнять васъ и быть еще полезнымъ гражданиномъ: это меня поддерживаетъ въ часы унынія. Здѣсь, на чужбинѣ, надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобы не унывать въ совершенномъ одиночествѣ. Друзей даетъ случай, ихъ даетъ время. Такихъ, какіе у меня на сѣверѣ, не найду, не наживу здѣсь. Впрочемъ, это и лучше. Какое удовольствіе, вставая по утру, сказать въ сердцѣ своемъ: я здѣсь всѣхъ люблю равно, то-есть, ни къ кому не привязанъ и ни за кого не страдаю. Я за то ближе къ моимъ книгамъ, которыхъ число увеличиваю часто по неволѣ. Прости, милый другъ, сіи подробности, которыя я стараюсь извинить передъ собою чувствомъ моей къ тебѣ дружбы и разлукою. Скажи Карамзинымъ (и себѣ), что я часто объ нихъ думаю и отдалъ бы все прекрасное за одинъ вечеръ, проведенный съ ними. Это письмо я поручаю М. Е. Хра-

повицкому, почтенному и доброму человѣку, нѣкогда моему начальнику, котораго супруга беретъ на себя трудъ доставить изъ Флоренціи шляпу Катеринѣ Андреевнѣ. Она можетъ мнѣ заплатить за нее, если угодно, чаемъ и Сыномъ Отечества, или русскими книгами, изъ числа коихъ не исключаю Трудовъ Русской Академіи. Ты вѣрно пишешь къ Дмитріеву; напомни ему обо мнѣ. Это дѣло еще поручаю твоей дружбѣ вмѣстѣ съ другими, а именно—увѣдомить меня о Сѣверинѣ, который не отвѣчалъ на мои многія письма. Я по совѣсти о немъ безпокоюсь: или онъ забылъ меня, разлюбилъ, или нездоровъ. Надѣюсь, что время если не вылѣчило (ибо время не лѣкарь великихъ несчастій), то по крайней мѣрѣ облегчило его грусть, и онъ вспомнилъ, что есть въ мірѣ сердца ему преданныя. Скажи Н. И. Тургеневу, что я его душевно уважаю, и чтобъ онъ не думалъ, что я варваръ; скажи ему, что я купался въ Тибрѣ и ходилъ по форуму Рима, ни мало не краснѣя, что здѣсь я читаю Тацита и Жіакони. Александра Ивановича обнимаю отъ всей моей великой души: я знаю, что онъ любитъ во мнѣ все, даже и мое варварство, ибо онъ угадываетъ, что я не варваръ. Вяземскому скажи, что я не забуду его, какъ счастье моей жизни: онъ будетъ вѣчно въ моемъ сердцѣ, вмѣстѣ съ тобою, мой жукъ. Прошу тебя писать ко мнѣ: чего тебѣ стоитъ, когда ты имѣешь время писать ко всѣмъ фрейлинамъ, и еще время переводить какого-то базельскаго Пиндара на какіе-то пятистопные стихи, и со всѣмъ этимъ—писать еще, какъ Жуковскій! Будь здоровъ, мое сокровище! Не забывай меня въ землѣ льдовъ и снѣговъ, и добрыхъ людей; я помню тебя въ землѣ землетрясеній и въ свидѣтельство беру М. Е. Храповицкаго, которому завидую: онъ увидитъ отечество и тебя. Прости.

CCLXXXIV.

А. Н. Батюшковой.

(22-го сентября) / 4-го октября 1819 г. Неаполь.

Съ искреннимъ удовольствіемъ я читалъ письмо твое, милый другъ и сестра. Надѣюсь, что путешествіе съ тетушкою и разсѣяніе было для тебя полезно. Желаю, чтобы ты долѣе прожила въ Петербургѣ и не возвращалась безъ важной побудительной причины въ лѣса твои. Главное желаніе мое—чтобы ты была полезна тетушкѣ и пріятна своимъ присутствіемъ, о чемъ, зная тебя и ее, почти не сомнѣваюсь. Благодарю за попеченіе твое о Юліи; благодарить не могу тетушку: право, не достаетъ выраженій; это ея главнѣйшее намъ благодѣяніе. Я теперь спокоенъ на счетъ сестры: она въ убѣжищѣ. О братѣ писалъ къ Дружинину и Пушкинымъ. Объ немъ не перестаю думать. Со временемъ переведу къ Кавелину, если тамъ лучше московскаго. Поздравь отъ меня сестру Варвару Николаевну съ благополучными родинами. Желаю ей и Аркадію Аполлоновичу счастія отъ всего сердца и самъ писать буду при первомъ удобномъ случаѣ. Лизавету Николаевну увѣрь, что я ни мало не огорчаюсь тѣмъ, что они не взяли брата, ибо я знаю, что у нихъ была на то добрая воля: они сами мнѣ это предлагали. Алешу поцѣлуй и совѣтуй ему вести себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ и важностію, которая есть признакъ благородной души. Надѣюсь, что онъ учится прилежно. Съѣзди отъ моего имени прямо къ Д. А. Кавелину и попроси его, показавъ это письмо, чтобы онъ его не баловалъ и любилъ по старому. Я надѣюсь на его дружбу и снисхожденіе.

Къ Павлу Львовичу я писалъ и благодарилъ за тебя. Оброкъ вручи Катеринѣ Ѳедоровнѣ; желаю, чтобы заплатили его исправно. Къ ей же прошу Ивана Семеновича переслать 550 р. за Помпея, внесенные мною въ пансіонъ. Сдѣлай дружбу, проси Павла Алексѣевича присмотрѣть за дворовыми людьми и устроить ихъ, какъ можно лучше. Желаю, чтобы имъ ни въ чемъ не было недостатку, и чтобы они не примѣтили, что я въ чужихъ краяхъ. Все, что Павелъ Алексѣевичъ прибавитъ отъ себя противъ моего предписанія для нихъ въ пользу, будетъ мнѣ совершенно пріятно. Желаю, чтобы Естифей велъ себя хорошо: я его возьму къ себѣ со временемъ, особенно, если онъ выучится читать и писать. Увѣдомь меня обстоятельно о вашемъ путешествіи, и весело ли вамъ было въ Одессѣ. Каково теперь здоровье твое и тетушки? Полагаю, что ей не могло быть скучно путешествовать въ обществѣ ея дѣтей и друзей въ столь хорошее время года. О себѣ скажу только, что я начинаю быть доволенъ моимъ здоровьемъ, хотя климатъ Неаполя не очень благосклоненъ тѣмъ, которые страдаютъ нервами. Впрочемъ, надѣюсь, что здоровье мое укрѣпится. Я веду родъ жизни самый умѣренный, не принимаю никакого лѣкарства и хожу пѣшкомъ очень много. Прости, милый другъ, будь здорова и помни меня. К. Б.

P. S. Я не долженъ бы говорить о дѣлахъ опеки. Писалъ неоднократно къ Ивану Семеновичу, но никогда не получалъ отвѣта о томъ, что у меня лежитъ на сердцѣ. Отказываясь отъ имѣнія, главная цѣль моя была—удовлетвореніе должниковъ: это тебѣ извѣстно. Что сдѣлала опека въ семъ отношеніи? Ничего. Кредиторы могутъ роптать на меня, ибо не знаютъ чистоты моего намѣренія. Увѣрь Ивана Семеновича, что

я никогда не буду доволенъ, доколѣ не удовлетворитъ онъ должниковъ батюшки: брату и сестрѣ доброе имя нужнѣе имѣнія и чести владѣть деревнями. Продажею сохранили бы все: и доброе имя, и часть хорошую для дѣтей; продажею удовлетворили бы должниковъ и успокоили себя. Вотъ мое мнѣніе. При случаѣ покажи это письмо Ивану Семеновичу, изъявя мою искреннюю благодарность за все, что онъ сдѣлалъ; но она была бы совершеннѣе, если бы я узналъ, что всѣ долги заплачены, и братъ и сестра получили то, что имъ слѣдуетъ законно, безъ вреда тѣмъ, которые ссужали деньгами ихъ родителей.

CCLXXXV.

А. Я. Италинскому.

$\frac{(2\text{-го}}{(14\text{-го}}$ декабря 1820 г. Римъ).

Monsieur l'envoyé! Son excellence m-r le comte de Stakelberg auprès duquel j'ai eu l'honneur de servir, étant lui-même sur le point de quitter Naples, m'a donné l'ordre de me rendre à Rome. L'air volcanique de Naples ne me convenant pas, j'avais depuis bien longtems désiré un congé illimité, ou d'être attaché à une autre mission, et en ai fait la demande à mon chef.

Aujourd'hui que je me trouve à Rome, je serais au comble de mes vœux, si votre excellence daignez agréer ma très humble et très respéctueuse prière, celle, monsieur l'envoyé, de m'accorder la faveur de continuer le service impérial sous vos auspices et de vouloir bien demander pour moi au ministère la grâce d'être attaché à la mission de votre excellence.

Je suis avec réspect, monsieur l'envoyé, de votre excellence le très humble et très obeissant serviteur. Batuschkoff.

Rome.
Ce $^{2}/_{14}$ decembre 1820.

CCLXXXVI.

Н. И. Гнѣдичу.

21-го іюля / 3-го августа 1821 г. (Теплицъ).

Если бы меня закидали эпиграммами при появленіи моей книги, если бы явно напали на нее, даже на меня лично, то я, какъ авторъ, какъ гражданинъ, не столько бы былъ въ правѣ негодовать. Негодую, ибо вижу систему зла и способъ вредить вѣрный, ибо онъ подъ личиною.

Теперь приступлю къ моей просьбѣ. При семъ найдешь объявленіе, которое немедленно прошу напечатать во всѣхъ журналахъ. Но я нахожусь въ службѣ и не могу, и не долженъ ничего дѣлать, даже какъ авторъ, безъ согласія начальства. Прошу тебя, любезный и почтенный другъ, узнать сперва черезъ людей вѣрныхъ, найдутъ ли приличными всѣ выраженія моего объявленія. Даю тебѣ право вычеркнуть, уничтожить лишнее, но прибавлять ничего не долженъ.

Мое свиданіе съ Блудовымъ было коротко. Храни Богъ тебя и думать, чтобы онъ водилъ моимъ перомъ! Мною руководствовать трудно. До него было написано объявленіе. Я его не благодарилъ даже за копье, каторое онъ переломилъ въ честь моихъ бѣдныхъ шести

стишковъ. Признателенъ къ тѣмъ, кои заступаются за честь мою, къ тому, кто

Sait de l'homme d'honneur distinguer le poête.

Но что могу заключить о бѣдномъ Гречѣ, о добромъ Гречѣ? Какъ ему не совѣстно? Воейковъ знаетъ одну чернильницу, но музы отвратили отъ него лицо. Въ злѣ нѣтъ остроумія. Наносить вредъ и писать пріятно—дѣло невозможное. Я уважалъ его талантъ, но....

Скажи имъ, что мой прадѣдъ былъ не Анакреонъ, а бригадиръ при Петрѣ Первомъ, человѣкъ нрава крутаго и твердый духомъ. Я родился не на берегахъ Двины, и Плетаевъ, мой Плутархъ, кажется, самъ не изъ Аѳинъ. Плетаевы у насъ сдѣлаютъ Абдеру. Скажи, Бога ради, зачѣмъ не пишетъ онъ біографіи Державина? Онъ перевелъ Анакреона, слѣдственно, онъ—прелюбодѣй; онъ славилъ вино, слѣдственно—пьяница; онъ хвалилъ борцовъ и кулачные бои, ergo — буянъ; онъ написалъ оду Богъ, ergo—безбожникъ. Такой способъ очень легокъ. Фундаментъ прочный, и всякое дѣло мастера боится. А у насъ ли не мастера на Парнассѣ!

Доколѣ во мнѣ есть искра жизни, не буду безмолвнымъ Пасквиномъ или Марфоріемъ. Вступаюсь за честь мою и тебѣ даю всѣ способы оправдать меня предъ публикой. Богъ съ нимъ, съ Плетаевымъ! Не желаю ему, ниже сынамъ отечества, никакого зла. Дай Богъ, чтобы журналъ ихъ процвѣталъ и карманъ тучнѣлъ. Живу далеко отъ сплетенъ, служу царю, а не парнасскимъ страстямъ.

Изъ письма моего прочитай что заблагоразсудишь людямъ разноперымъ. Каждому свое. Поручаю его Василію Дмитріевичу Олсуфьеву, который тебѣ отдастъ его въ руки или доставитъ черезъ вѣрнаго человѣка.

Онъ человѣкъ умный, разсудительный и добрый; знакомство съ нимъ будетъ тебѣ пріятно. Прости, любезный! Не отвѣчай на это письмо, но сдѣлай по немъ, въ его смыслѣ, и какъ можно выгоднѣе для меня во всѣхъ отношеніяхъ. Когда увидимся—Богъ знаетъ; но Онъ же знаетъ, сколько я тебя люблю и достоинъ твоей дружбы. Константинъ Батюшковъ.

Извини мое маранье: пишу ночью и усталъ до смерти.

Гг. издателямъ Сына Отечества и другихъ русскихъ журналовъ.

Іюля 21-го ст. стиля.
Августа 3-го н. ст. 1821 г. Чужіе краи.

Прошу васъ покорнѣйше извѣстить вашихъ читателей, что я не принималъ, не принимаю и не буду принимать ни малѣйшаго участія въ изданіи журнала Сынъ Отечества. Равномѣрно прошу объявить, что стихи, подъ названіемъ: Къ друзьямъ изъ Рима, и другіе, могущіе быть или писанные, или печатные подъ моимъ именемъ, не мои, кромѣ эпитафіи, безъ моего позволенія помѣщенной въ Сынѣ Отечества. Дабы впредь избѣжать и тѣни подозрѣнія, объявляю, что я, въ бытность мою въ чужихъ краяхъ, ничего не писалъ и ничего не буду печатать съ моимъ именемъ. Оставляю поле словесности не безъ признательности къ тѣмъ соотечественникамъ, кои, единственно въ надеждѣ лучшаго, удостоили ободрить мои слабыя начинанія. Обѣщаю даже не читать критики на мою книгу: она мнѣ безполезна, ибо я совершенно и, вѣроятно, навсегда покинулъ перо автора. Константинъ Батюшковъ.

CCLXXXVII.

Н. И. Гнѣдичу.

$\frac{26\text{-го}}{14\text{-го}}$ августа 1821 г. Теплица.

Около двухъ лѣтъ я не писалъ къ тебѣ и почти не писалъ къ роднымъ по многимъ причинамъ, изъ коихъ отдаленіе было главною. И отъ тебя писемъ вовсе не имѣлъ. Но это обоюдное молчаніе, безъ сомнѣнія, не измѣнило ни тебя, ни меня, и ты не осудишь меня за то, что прерываю его просьбою. Объяснюсь ниже. Сперва долженъ тебѣ сказать, что было къ ней поводомъ.

Книга моя, которой ты былъ издателемъ въ 1816 году, есть почти твое дитя. Со времени ея появленія въ свѣтъ, я въ бытность мою въ Россіи ничего не писалъ. Отправляясь въ Неаполь, я далъ себѣ слово оставить литературу, по крайней мѣрѣ въ отношеніи публики, и сдержалъ его. Знаю мой талантъ, знаю мои силы и никогда, благодаря Бога, не ослѣпленъ былъ ни самонадѣяніемъ, ни самолюбіемъ, ниже успѣхами. Знаю нашу словесность и всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ и масокъ. На счетъ первыхъ не имѣлъ ни пристрастій личныхъ, ниже предразсудковъ. Повторяю: успѣхъ мой былъ въ 1816 году. Тогда всѣ журналисты, не исключая ни одного, осыпали меня похвалами—не заслуженными, безъ сомнѣнія, но они хвалили. Прошло шесть лѣтъ. Не было примѣра ни въ какой словесности, чтобы по истеченіи шести лѣтъ снова начали хвалить живаго автора, который въ стихахъ, можетъ быть, имѣетъ одно достоинство—въ выраженіи, въ прозѣ—одно приличіе слога и ясность: заслуга, въ другихъ земляхъ мало-

важная и у насъ самихъ не достойная похвалъ энтузіастическихъ. Полагаясь на шестилѣтнее молчаніе, полагалъ, что моя книга, распроданная, заглохла, забыта. Случилось иначе.

Гг. издатели Сына Отечества (какое названіе для журнала!) объявили, что я буду украшать ихъ изданіе моими стихами. Напечатали, безъ моего вѣдома, эпитафію, написанную мною по просьбѣ матери. Назову лицо: по просьбѣ покойной г-жи Малышевой, женщины, которую я любилъ и уважалъ, и которая, можетъ быть, не захотѣла бы видѣть въ печати, въ журналѣ, стихи, напоминающіе ей о потери дочери. Я, по крайней мѣрѣ, не осмѣлился бы напечатать этой бездѣлки безъ ея позволенія. Наконецъ, какой-то Плетаевъ написалъ подъ моимъ именемъ посланіе изъ Рима къ моимъ друзьямъ (къ какимъ спрашиваю, знаетъ ли онъ ихъ?), и издатели Сына Отечества помѣстили его въ своемъ журналѣ (см. Сынъ Отечества, 1821 г., часть 68, стр. 35).

Эту замысловатость я узналъ въ Теплицѣ шесть мѣсяцевъ спустя отъ трехъ Русскихъ, узналъ съ истиннымъ, глубокимъ негодованіемъ. Можно обмануть публику, но меня—трудно: честолюбіе зорко.

Дѣлаю два предположенія: 1-е совершенно въ пользу Плетаева. Онъ написалъ сіи стихи — скажутъ мнѣ тѣ, кои захотятъ надо мною издѣваться,—изъ усердія къ вамъ, и въ доказательство покажутъ мнѣ еще надпись къ моему портрету, имъ недавно сплетенную. Онъ писалъ ее какъ будто отъ лица Віона, Мимнерма, Моска, Тибулла... Но сіи господа умерли назадъ тому около двухъ тысячъ лѣтъ, иные—болѣе! А писать отъ лица живаго, писать къ друзьямъ (если есть друзья), къ людямъ живымъ... Напрасно привожу на память

всѣ случаи иностранныхъ литературъ: подобнаго не знаю. Нѣтъ ничего глупѣе и злѣе. Вижу ясно злость, недоброжелательство, одно лукавое недоброжелательство! Вотъ мое 2-е предположеніе, и отъ него не отступаюсь. Какое недоброжелательство отъ человѣка, вамъ лично незнакомаго? Не знаю; но оно явно и гласно. Чѣмъ могъ заслужить его?... Если г. Плетаевъ накропалъ стихи подъ моимъ именемъ, то зачѣмъ было издателямъ Сына Отечества печатать ихъ? Нѣтъ, не нахожу выраженій для моего негодованія: оно умретъ въ моемъ сердцѣ, когда я умру. Но ударъ нанесенъ. Вотъ слѣдствіе: я отнынѣ писать ничего не буду — сдержу слово. Можетъ быть, во мнѣ была искра таланта; можетъ быть, я могъ бы со временемъ написать что-нибудь достойное публики, скажу съ позволительною гордостію, достойное и меня, ибо мнѣ 33 года, и шесть лѣтъ молчанія меня сдѣлали не безсмысленнѣе но зрѣлѣе. Сдѣлалось иначе. Буду безчестнымъ человѣкомъ, если когда что-нибудь напечатаю съ моимъ именемъ. Этого мало: обруганный хвалами, рѣшился не возвращаться въ Россію, ибо страшусь людей, которые, не взирая на то, что я проливалъ мою кровь на полѣ чести, что и теперь служу мною обожаемому монарху, вредятъ мнѣ заочно, столь недостойнымъ и низкимъ средствомъ.

Внизу письма: Н. И. Гнѣдичу, въ Петербургѣ.

CCLXXXVIII.

А. Я. Италинскому.

$\frac{18\text{-го}}{30\text{-го}}$ сентября 1821 г. Дрезденъ.

Ваше превосходительство милостивый государь! Я имѣлъ честь писать въ послѣдній разъ къ вашему превосходительству изъ Теплицы, гдѣ пользовался ваннами въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Теперь нахожусь въ Дрезденѣ, чтобы пережить дождливую погоду и потомъ уже отправиться во Францію. Если ваше превосходительство удостоите меня сообщеніемъ какихъ-либо приказаній, то покорнѣйше прошу адресовать ихъ въ Дрезденъ на имя банкира Bossenge et comp., который доставитъ мнѣ оныя на моемъ пути во Францію.

До сихъ поръ не видя улучшенія моего здоровья и не имѣя въ виду вѣрной надежды возстановить его, долгомъ поставляю возобновить предъ вами, милостивый государь, мою единственную, постоянную просьбу объ исходатайствованіи мнѣ совершеннаго увольненія отъ службы. Считаться въ оной, не будучи полезнымъ и не имѣя въ виду никакой цѣли для будущаго, мнѣ было всегда мучительно, а теперь – болѣе, нежели прежде. Я вручилъ мою судьбу вашему превосходительству съ полною, неограниченною надеждою на ваше правосудіе. Осмѣливаюсь надѣяться, что вы, милостивый государь, примете милостиво и великодушно возобновленіе моей всепокорнѣйшей просьбы.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почитаніемъ вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ.

P. S. Я вручаю сіе письмо г. Нарышкину, сопутствующему г. Демидова, прося доставить оное вашему превосходительству лично или чрезъ посредство графа Воронцова во Флоренціи. К. Б.

CCLXXXIX.

Графу К. В. Нессельроду.

($\frac{18\text{-го}}{24\text{-го}}$ декабря 1821 г. Дрезденъ).

Monsieur le comte! Avant que de soumettre à la justice de votre excellence ma très humble prière, je prendrai la liberté d'appeller votre attention sur les raisons qui me l'ont dictée, ainsi que sur ma conduite précédente.

Une série d'indispositions bien graves pendant un séjour prolongé à Naples m'ont forcé à solliciter plusieurs fois auprès de mon chef monsieur le comte de Stackelberg la permission de me rendre aux eaux en Allemagne. Mais monsieur le comte de Stackelberg ne voulut jamais me l'accorder avant que d'avoir obtenu, me disait-il, un employé pour me remplacer dans mes fonctions de copiste. Cependant, le mauvais état de ma santé empirant de jour en jour, je fus obligé d'insinuer itérativement à mon chef, que ma position seule vis-à-vis de lui, dans l'état de souffrance où j'étais, me forçait à désirer ma démission du service. Le comte de Stackelberg me fit sentir alors qu'une demande pareille, vu les circonstances, serait considérée comme intempestive par le ministère impérial, et je fus obligé de me résigner à mon sort. A l'arrivée du baron de Hahn à Naples et d'un autre employé pour me

remplacer, mon chef me fit la proposition d'accompagner le baron de Hahn dans son vogage à Rome, comme devant précéder toute la légation. Il me conseilla en même temps de m'ouvrir à monsieur d'Italinsky sur ce que je désirais devenir dans le cas que le départ de la mission fut encore retardée par des circonstances imprévues. Le jour même de mon arrivée à Rome monsieur d'Italinsky me proposa de rester auprès de lui, en m'observant, conformément à ce qui me fut objecté par le comte de Stackelberg, qu'une demande de démission pour un employé quelconque aux légations d'Italie ne pouvait être soufferte pendant la présente conjoncture, mais qu' il ne manquerait pas d'y avoir égard à la première occasion favorable.

Agrégé à la mission de Rome, je ne cessai pas de renouveller mon instante prière auprès de mon nouveau chef, jusqu'à ce qu'il eut enfin la bonté de solliciter pour moi un congé et la permission de me rendre aux eaux; en me faisant part de l'adhésion du ministère, monsieur d'Italinsky m'assura positivement que j'aurai dans peu ma démission; cependant, plusieurs lettres que j'ai eu l'honneur de lui adresser à l'effet de lui rappeller sa promesse sont restées sans réponse.

Me trouvant par conséquent dans une position précaire, et ne pouvant ni continuer mes vogages, ni rentrer en Russie, avant que d'avoir eu quelques données sur mon sort, je me fais un dévoir de recourir à la justice de votre excellence. Veuillez bien, monsieur le comte, prendre en considération ma patience à toute épreuve, et j'ose le dire même, le zèle avec lequel j'ai servi sous les ordres de mon très respectable chef, monsieur le comte de Stackelberg. Je ne désire que ma démission. C'est l'unique grâce que je vous prie, monsieur le comte, de vouloir bien solliciter en ma faveur des bontés inépuisables

de Sa Majesté l'Empereur, et c'est à cet effet que j'ai l'honneur de placer sous vos auspices ma très humble requête ci-annexée.

Veuillez bien croire, monsieur le comte, qui je saurai conserver dans ma retraite, avec le souvenir de mes devoirs passés, celui d'une profonde reconnaissance pour l'intérêt que vous avez eu la bonté de me marquer à plusieurs reprises, ainsi que pour tout ce que, dans l'occasion présente, vous daignerez faire en ma faveur.

Je suis avec respect, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur Batuchkof.

Dresde, le $^{12}/_{24}$ décembre 1821.

CCXC.

Графу К. В. Нессельроду.

(Февраль 1822 г. Дрезденъ).

Monsieur le comte! C'est avec le sentiment de la plus vive et la plus profonde reconnaissance que j'ai appris l'intérêt que Sa Majesté a daigné me marquer, ainsi que sa volonté suprême à mon égard. Je me sens bien malheureux de ne pouvoir être utile au service de notre Auguste Maître, au point qu' il m'est permis de le désirer, mais j' y apporterai comme par le passé un dévouement sans bornes et un honneur sans reproche.

La justice que votre excellence se plait à me rendre, en ne doutant seulement pas de mes sentiments, m'est flatteuse au delà de toute expression. Je la prie d'agréer ici un nouvel hommage de ma reconnaissance et du profond respect, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, monsieur

le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur Batuchkof.

Dresde, le $^{1}/_{13}$ fevrier 1822.

CCXCI.

Графу К. В. Нессельроду.

(18-го апрѣля 1822 г. Петербургъ.)

Monsieur le comte! Ayant profité de l'autorisation éventuelle que votre excellence a bien voulu m'annoncer par sa lettre du 14 janvier, j'ai cherché à mettre quelque ordre à mes affaires, et je comptai retirer plus d'un avantage de mon arrivée, en poursuivant la carrière de mon service sous les auspices du ministère. Mais l'état de ma santé réclamant de nouveau l'usage des eaux thérmales et celui des bains de mer, je prends la liberté de solliciter des bontés de votre excellence la permission de me rendre au Caucase et en Tauride. J'ose espérer, monsieur le comte, que vous daignerez m'obtenir pour cela l'agrément de Sa Majesté l'Empereur, la conservation temporaire des bienfaits que je dois à son inépuisable munificence, et des lettres de recommandation pour les autorités préposées aux pays que je vais visiter, heureux si la belle saison et des climats salubres me donnent enfin les forces nécessaires pour reprendre une activité que j'ai chérie, et pour justifier les bontés dont vous daignez me combler.

Je suis avec respect, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur C. Batuchkof.

S.-Pétersbourg, le 18 avril 1822.

CCXCII.

Н. И. Перовскому.

Мартъ 1823 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ! Прилагаю при семъ письмо къ моему родному брату, которое прошу покорнѣйше доставить ему чрезъ посредство А. Н. Оленина или Н. Муравьева. Умирая, не дерзаю просить Государя Императора дать ему воспитаніе до зрѣлаго его возраста внѣ Россіи, преимущественно въ Англіи. Но это мое послѣднее желаніе.

Уношу съ собою признательность къ вашему превосходительству и къ попеченіямъ г. Мильгаузена. Будьте счастливы оба съ тѣми людьми, которые мнѣ желали добра. Желаніе безполезное, ибо я давно и неминуемо обреченъ моему року. Прикажите похоронить мое тѣло не подъ горою, но на горѣ. Заклинаю воиновъ, всѣхъ христіанъ и добрыхъ людей не оскорблять моей могилы.

Желаю, чтобы родственники мои заплатили служанкѣ, ходившей за мною во время болѣзни, три тысячи рублей; коляску продать въ пользу бѣдныхъ колонистовъ, если есть такіе; заплатить за меня по счетамъ хозяину около трехъ тысячь рублей; вещи, послѣ меня оставшіяся, отдать родственникамъ, бѣлье и платье сжечь или нищимъ; человѣка Павла, принадлежавшаго К. Ѳ. Муравьевой, отправить къ ней; бывшему моему крѣпостному человѣку Якову дать въ награжденіе три тысячи рублей.

При семъ прилагаю письмо къ брату моему Н. Муравьеву, записку къ гг. Андерсонъ и Моберлей, вышесказанное мое письмо къ родному брату моему, и болѣе ничего руки моей не оставляю. Константинъ Батюшковъ.

P. S. Имѣю получить съ деревень моихъ около шести тысячь рублей и жалованья около пяти. Будетъ достаточно на издержки по сему письму.

(ДОПОЛНЕНІЕ).

CCXCIII.

А. Н. Батюшковой.

18-го апрѣля, 1810 г. Москва.

Любезный другъ мой Александра Николаевна! Поздравляю тебя съ наступившимъ праздникомъ, желаю отъ всей души моей, чтобы ты была спокойнѣе, здоровѣе, веселѣе, а поэтому и счастливѣе прежняго. Сегодня воскресенье, первый день праздника: я такъ усталъ, мой другъ, что на силу пишу, усталъ отъ того, что принужденъ былъ не оставлять ни на минуту тетушку, которая говѣла. Какъ ты поживаешь въ деревнѣ, вѣрно — пополамъ съ горемъ? Но слава Богу, теперь весна на дворѣ, и вамъ вѣрно будетъ повеселѣе. Мнѣ бы стыдно было передъ вами жаловаться на свою участь: вы во сто разъ меня несчастливѣе, но и я—повѣрь мнѣ, любезная сестрица,—иногда, а почти и всегда такъ, безъ пути скучаю... Причина тому ясная: я живу довольно безпокойно, въ домѣ у насъ горе за горемъ: я чай, ты знаешь уже о смерти Анны Семеновны. Представь себѣ мое положеніе посреди этой суматохи!.. И бѣдная Катерина Ѳедоровна! Не знаю отъ чего, но мое положеніе становится несноснымъ. Мой характеръ, составленный, такъ-сказать, изъ лѣни и дѣятельности, ни той, ни другой удовлетворять не можетъ. Дѣлать

ничего не могу: пустота въ головѣ, въ сердцѣ, въ добавокъ и въ карманѣ. Повѣришь ли, мой другъ,—ты уже смѣешься, я вижу это — повѣришь ли, что я въ Хантоновѣ одинъ съ тобою былъ гораздо счастливѣе, особливо когда не имѣлъ неудовольствій. Итакъ, я рѣшился возвратиться къ древнимъ пенатамъ, гдѣ и останусь до октября. Что дѣлать: живи, какъ Богъ велитъ! Я получилъ отъ Оленина письмо, которое у сего прилагаю. Его упреки, вызовъ.... Я могу на нихъ надѣяться вѣрнѣе, нежели на князя Гагарина, хотя мѣсто и не такъ будетъ блистательно. Но, любезный другъ, долженъ ли я рѣшиться ѣхать въ Питеръ съ 500 р., которые ты мнѣ пришлешь? Что я сдѣлаю по этой дороговизнѣ? Дорога будетъ стоить половину этихъ денегъ. А Петербургъ—это бездна, которая поглощаетъ все... Притомъ же, если меня не помѣстятъ скоро, если мѣсто будетъ не выгодно?... Если помѣстятъ, но не въ Петербургѣ, и я буду принужденъ ѣхать тотчасъ, напримѣръ, въ чужіе краи?... Гдѣ тогда возьму потребныя деньги? Признаюсь, мой другъ, что до сихъ поръ (а мнѣ уже 23 года) жить безъ цѣли, нуждаться во всемъ, имѣя, благодаря матушкѣ, кусокъ хлѣба и независимое состояніе, такъ скучно и прискорбно! Вотъ что меня останавливаетъ. Впрочемъ, обѣщанія и упреки Алексѣя Николаевича чистосердечны и надежны: я у него ни объ чемъ не просилъ. Еще скажу тебѣ, что на вещи не должно смотрѣть глазами привычки, то-есть, воображать себѣ, что всѣ обстоятельства тѣ же. Нѣтъ, нынѣ все перемѣнилось, начиная съ дороговизны, и ты, мой другъ, боюсь, чтобъ не забыла и то, что я теперь мѣста искать не долженъ, какъ мальчикъ семнадцати лѣтъ. Отпиши мнѣ скорѣе и обстоятельнѣе, что дѣлать. Я на этихъ недѣляхъ хочу ѣхать къ Карамзину на дачу или въ

деревню на мѣсяцъ или недѣли на три, если что-нибудь предпринимать намѣрюсь; а если не такъ, то въ началѣ мая—къ вамъ въ Хантоново, а мнѣ здѣсь скучно, такъ скучно, какъ и не бывало. Дружининъ увѣряетъ, что въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ будущаго братъ Павелъ Алексѣевичъ получитъ мѣсто, и кажется, это вѣрно. Дай Боже! Я съ моей стороны не упущу попросить кого надлежитъ.

Я знаю совершенно обстоятельства ваши: они непріятны, что жь дѣлать! Богъ, можетъ быть, поможетъ. Я говорилъ Павлу Алексѣевичу, что если бы невѣста (а въ Москвѣ ихъ тма) съ тремя тысячами душъ, прекрасная собой, умная, добрая, словомъ—ангелъ, согласилась за меня выйдти замужъ, то я вѣрно бы не упустилъ, да гдѣ ее возьмешь? Тогда бы и ваше состояніе поправилось. А пока, мой другъ, не упуская времени, строй флигель (ибо о домѣ и думать нельзя), хоть комнатъ въ шесть или въ четыре. Старый домъ можно починить и жить въ немъ по лѣтамъ, а на осень мы станемъ праздновать во флигелѣ. Начни это дѣлать. Ты сама знаешь, что и мнѣ мѣста нѣтъ. Я за всю издержку возьмусь. Онъ вчернѣ не болѣе 200 р. стоить будетъ. Исполни, мой другъ, мою просьбу.

Бога ради деньги вышли не замедля; я боюсь и повторять тебѣ, боюсь и за тебя, и за себя. О закладываніи имѣнія увѣдомь меня поскорѣе. Поцѣлуй Вареньку, и Богъ съ вами! Бурку продай. Если будутъ деньги, то я куплю бричку. Береги книги, я еще съ собой привезу. Бога ради береги ихъ! Да и собакъ не забудь. Николаю Ивановичу отпишу объ твоемъ дѣлѣ. Конст. Бат.

Семена пришлю. А письмо Оленина мнѣ возврати съ первой почтой.

ПИСЬМА, ЗАМѢТКИ И СТИХИ,

ПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ДУШЕВНОЙ БОЛѢЗНИ.

I.

К. А. Леоненковой.

17-го мая 1823 г. Петербургъ.

Я былъ не всегда слѣпъ и не всегда глухъ. По крайней мѣрѣ позволено мнѣ угадывать то, что вы для меня дѣлали. Примите за то мою признательность. Съ того дня, когда я полмертвый пришелъ проститься съ вами на Кавказѣ, я остался вамъ вѣренъ, вѣренъ посреди страданій. Меня уже нѣтъ на свѣтѣ. Желаю, чтобы память моя была вамъ не равнодушною. Я васъ любилъ. Будьте счастливы, но не забывайте никогда Константина Батюшкова.

II.

Г. Потапову.

28-го ноября (1823 г.?).

Милостивый государь! Вашимъ именемъ я былъ оскорбленъ въ бытность мою въ Симферополѣ; вы лично меня оскорбили въ бытность мою на Аптекарскомъ острову; именемъ Антона Потапова я былъ оскорбленъ во время моего жительства въ Спасскомъ переулкѣ, гдѣ я былъ подъ присмотромъ, оскорбленъ за женщину, которую мы знаемъ, каждый со своей стороны. Мое здо-

ровье изчезаетъ. Я вамъ предлагаю поединокъ. Еслибы она мнѣ досталась, то вы не оставили бы меня въ покоѣ обладать ею, ни я васъ—клянуся Богомъ—никогда не оставлю. Еще силы у меня есть, но можетъ быть, буду слабѣе отъ страданій физическихъ. Прошу васъ именемъ чести, вашей собственной славы не отказаться отъ поединка. Я могу быть несчастливъ, но есть друзья, которые поручиться готовы, что вы будете имѣть дѣло съ честнымъ человѣкомъ. Константинъ Батюшковъ.

III.

Графу К. В. Нессельроду.

13-го декабря (1823 г.?).

Ваше сіятельство, милостивый государь графъ! Г. докторъ Киліанъ вашимъ именемъ предпринялъ мое лѣченіе, и я долгомъ поставилъ повиноваться его совѣтамъ, доколѣ они были сообразны съ разсудкомъ. Видя, что я упорствую принять лѣкарство изъ его рукъ, онъ началъ употреблять силу: велѣлъ кликнуть людей и хотѣлъ меня заставить проглотить лѣкарство, которое я не долженъ былъ принять въ ту минуту, измученный уже лихорадкою, приключившеюся мнѣ отъ ванны. Грубое, скажу болѣе, неистовое поведеніе г. Киліана принуждаетъ меня просить васъ, милостивый государь графъ, избавить меня отъ его посѣщеній. Опытъ научилъ меня ввѣрять святому Провидѣнію попеченіе о моемъ здравіи тѣлесномъ и Господу Богу врачеваніе моей души.

Никогда не осмѣлился бы я обременить васъ моею просьбою, еслибы г. Киліанъ, при всякой грубости, имъ

мнѣ наносимой, не ссылался прямо на имя вашего сіятельства. Тѣмъ это было мнѣ прискорбнѣе, что вамъ, милостивый государь графъ, извѣстны чувства глубокаго почитанія и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга К. Батюшковъ.

IV.

Е. Г. Пушкиной.

Sonnestein, le 11 mars (1826?).

Votre lettre a été dictée par mes bourreaux et par des charlatans: je n'y attache nul intérêt. J'attends ici la réponse de Sa Majesté l'Empereur, qui sera digne de lui. Tant pis pour tous, tant pis pour monsieur de Canicof, si je ne sortais d'ici qu'avec une santé ruinée. Un seul mot de monsieur de Canicof, et c'est toujours à lui que je me fais un devoir de recourir, peut prévenir bien des maux ou bien m'égarer. Ici les bains sont des tortures, la médecine du poison, les médécins des scélérats. C'est ce que je vous ai dit plusieurs fois, madame. Toutefois, ce n'est plus à vous à me donner des conseils. Je ne relève que de l'Empereur, m'étant adressé à lui, que de monsieur Canicoff, qui est notre ministre à Dresde: tout ce conventicule infâme n'est d'aucune autorité pour moi. Votre fille sera ma femme, et je serai toujours votre ami fidèle, votre parent et votre serviteur très dévoué Batuchkof.

V.

В. А. Жуковскому.

28-го марта (1826 г.). Среда. Дрезденъ.

Я рѣшился отвѣчать тебѣ на твои два письма, полученныя мною послѣ твоего посѣщенія: одно отъ 20-го марта, другое отъ 27-го, сими строками.

Выбитый по щекамъ, замученный и проклятый вмѣстѣ съ Мартыномъ Лютеромъ на машинѣ Зонненстейна безумнымъ Нессельродомъ, имѣю одно утѣшеніе въ Богѣ и дружбѣ такихъ людей, какъ ты, Жуковскій. Надѣюсь, что Нессельродъ будетъ наказанъ, какъ убійца. Я ему никогда не прощу, ни я, ни Богъ правосудный, ни люди добрые и честные. Утѣшь своимъ посѣщеніемъ: ожидаю тебя съ нетерпѣніемъ на сей каторгѣ, гдѣ погибаетъ ежедневно Батюшковъ.

VI.

Лорду Байрону.

Прошу васъ, милордъ, прислать мнѣ учителя англійскаго языка, когда я буду обитать снова въ Москвѣ, въ семъ домѣ. Желаю читать ваши сочиненія въ подлинникѣ. Молитесь невѣстѣ моей. Константинъ Батюшковъ.

Адресъ: Лорду Байрону, въ Англію.

VII.

В. В. Ханыкову.

(Май 1826. Зонненштейнъ).

Monsieur l'envoyé, trois ans passés, je me suis adressé à votre excellence pour obtenir par votre entremise ma démission du service. Je m'adresse à vous, monsieur l'envoyé, avec la même prière. Afin de lever tout obstacle prémédité, je réclame ma démission du service impérial, y ayant droit à titre de noblesse. Fatigué de la persécution de S. M. l'Empereur Alexandre, je souscris, je m'y engage par serment, que je ne me ferai jamais moine, que je renonce au mariage avec une sujette de Sa Majésté, et que je ne rentrerai jamais en Russie. Pourquoi me faites vous retenir à Sonnestein? Laissez moi au moins la triste prérogative des proscrits, celle d'être errant en Europe. Je suis avec respect de votre excellence le très humble, très devoué serviteur Batuchkoff.

Sonnestein le 18 mai.

Адресъ: A son excellence monsieur de Canicoff, envoyé extraordinaire et ministre plenipotentiaire de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, prés S. M. le roi de Saxe à Dresde.

VIII.

А. Г. Гревенсъ.

8-го іюля. Городъ Тула.

Любезный мой другъ Анна Григоріевна! Радуюсь сердечно, что получилъ отъ васъ хотя одно письмо изъ Петербурга. По желанію вашему скажу, что время безъ

васъ провожу въ великой скукѣ, страдаю безпрестанно отъ насморка. Здѣсь дожди безпрестанные. Однако, не взирая на сію атмосферу, требуйте отъ Модеста, чтобъ онъ любилъ свою родину Тулу, яко истый Грекъ, и вспоминалъ съ благодарностью вѣчную трапезу подъ тѣнію домовыхъ смоковницъ и оливъ. Просите вашу маменьку прислать мнѣ духовъ, и деньги на покупку можетъ занять на мое имя у Ивана Андреича Крылова. Онъ знаетъ, какъ я честно плачу то, что беру въ займы. Прошу Елисавету Петровну не показывать моихъ новыхъ стиховъ Подражаніе Горацію Александру Петровичу Брянчанинову, ибо онъ презираетъ мой бѣдный талантъ, обитая, яко Аполлонъ, посреди столь великихъ стихотворцевъ, въ градѣ св. Петра. Обнимите за меня любезныхъ сестрицъ Юлію Николаевну и Елисавету Григоріевну. Въ деревнѣ я буду вспоминать васъ и ожидать васъ повсюду. Вѣрный вашъ другъ Константинъ Батюшковъ.

Адресъ: Милостивой государынѣ моей Аннѣ Григорьевнѣ Гревенсъ. Въ С.-Петербургѣ.

IX.

Подражаніе Горацію.

Я памятникъ воздвигъ огромный и чудесный,
Прославя васъ въ стихахъ: не знаетъ смерти онъ!
Какъ образъ милый вашъ и добрый, и прелестный
(И въ томъ порукою нашъ другъ Наполеонъ).
Не знаю смерти я. И всѣ мои творенья,
Отъ тлѣна убѣжавъ, въ печати будутъ жить.
Не Аполлонъ, но я кую сей цѣпи звенья,
Въ которыя могу вселенну заключить.
Такъ первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтели Елизы говорить,

Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ громами возгласить.
Царицы, царствуйте, и ты, императрица!
Не царствуйте, цари: я самъ на Пиндѣ царь!
Венера мнѣ сестра, и ты моя сестрица.
А Кесарь мой—святой косарь.

Константинъ Батюшковъ.

J'ai construit un monument immense et merveilleux en vous célébrant en vers. Ce monument ne connaîtra pas la destruction, ainsi que votre image charmante, bonne et enchanteresse. Notre ami Napoleon est le garant de cette vérité. Je ne connais pas la mort. Mes poèsies échapperont au ravage des siècles, et je reviverai imprimé avec nouvelle gloire. Apollon est nul. Moi-même je forge les anneaux de cette chaine poètique, dans laquelle je puis emprisonner le monde. Oui, moi le premier j'ai eu la hardiesse de parler des vertus d'Elise. Dans la simplicité de mon coeur j'ai parlé de Dieu et j'ai annoncé la verité aux souverains par la voix du tonnerre. Regnez, belles souveraines, et vous, grande impératrice! Moi je suis souverain du Parnasse, Venus est ma soeur, vous êtes ma soeur, et vous, César, vous êtes mon très saint coutelas.

X.

А. Г. Гревенсъ.

Любезный другъ мой Анна Григоріевна! Извините меня, что я не отвѣчалъ вамъ на три письма ваши съ великаго поста. Благодарю васъ сердечно за поздравленіе ваше съ днемъ воскресенія Іисуса Христа и съ днемъ моихъ именинъ.

Мы обрѣтаемся въ деревнѣ подъ безпрестаннымъ дождемъ. Мало имѣли веселыхъ дней. Желаю вамъ лучшей погоды подъ петербургскимъ небосклономъ. Въ моихъ прогулкахъ по рощамъ, вамъ знакомымъ, я нахожу древесную кору съ прелестными изображеніями великой мастерицы природы и съ нея снимаю слабые сколки для моего утѣшенія. Молвлю вамъ съ удовольствіемъ, что братецъ вашъ Леонидъ здравствуетъ и васъ помнитъ и называетъ. Прошу васъ поклониться сестрѣ вашей Елизаветѣ Григоріевнѣ отъ меня и Леонида.

Будьте увѣрены въ моей къ вамъ постоянной дружбѣ и молитесь Провидѣнію усердно. Вѣрный вашъ доброжелатель К. Б.

XI.

А. Г. Гревенсъ.

24-го ноября.

Любезный мой другъ Анна Григорьевна! Я пишу къ вамъ изъ моего угла въ день именинъ великой императрицы Катерины Второй, по истинѣ разумной и хитрой монархини, желая вамъ провесть оный день въ удовольствіи, но паче въ совершенномъ здравіи. Лѣто, по обыкновенію моему, я провелъ въ саду городовомъ; рисовалъ въ бесѣдкѣ птичекъ, сообразно съ книжкой нѣмецкой, рисовальной, вашего братца Модеста. Сіи рисунки вручу вашей матушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ съ усердной просьбою доставить вамъ и любезной сестрицѣ вашей Елисаветѣ Григорьевнѣ; желаю получить въ награду ваши рисуночки: они должны быть драгоцѣнны. Если возвратитесь сюда поздно, то

вѣрно меня здѣсь не застанете. Поздравляю васъ съ новой зимою и бѣлымъ снѣгомъ; кстати, прошу васъ доставить мнѣ новое изданіе Шубъ князя А. А. Шаховскаго, спасителя отъ зимней скуки, утѣшителя отъ мразовъ, вьюги и сиповатаго Борея. Сами совершите— прошу васъ—рисунки къ сей безсмертной поэмѣ, достойные вашего дарованія и стиховъ великаго стихотворца Шубъ. Поэма Шубы расхищенны есть одна поэма, которую я позволяю себѣ читать во всѣ времена года. Братецъ вашъ Леонидъ здравствуетъ. Прощайте, будьте увѣрены въ моей къ вамъ вѣчной дружбѣ. Константинъ Батюшковъ.

Адресъ: Милостивой государынѣ Аннѣ Григорьевнѣ Гревенсъ, въ С.-Петербургѣ.

XII.

М. Гр. Гревенсу.

(1849. Вологда). Августа 21-го. Градъ Тула.

Любезный другъ мой Модестъ Григорьевичъ! Мы радуемся, что ты получилъ изцѣленіе отъ болѣзни, любезный другъ, и желаемъ тебѣ искренно совершеннаго здравія и бодрости. Прошу поклониться отъ меня любезной твоей маменькѣ Елизаветѣ Петровнѣ и Елизаветѣ Григорьевнѣ. Няня Марья Ивановна тебѣ кланяется усердно и желаетъ здравія, а я желаю, чтобы ты писалъ въ Петербургѣ прозу и стихи, которые могутъ понравиться Александру Петровичу Брянчанинову, яко самому Аполлону. Прощай, любезный другъ, будь здоровъ и помни Конст. Батюшкова.

XIII.

Письмо къ П. И. N.

Льстивое письмо ваше я получилъ, любезный Петръ Ивановичъ, при безпрестанномъ чтеніи моемъ на память у окна вологодской конторы народной басни Крылова Лисица и Ворона. За письмо ваше я благодаренъ, равномѣрно за подарочекъ портретомъ Наполеона: ему молюсь ежедневно; pago debiti mici. Да царствуетъ онъ снова во Франціи, Испаніи и Португаліи, нераздѣлимой и вѣчной имперіи Французской, его обожающей и его почтенное семейство! Да будетъ онъ побѣдитель неромъ, яко братія его, великіе цари Бурбоны! Да будетъ мечъ его побѣдитель надъ варварствомъ, ограда христіанскихъ народовъ, утѣшеніе человѣчества! Читая мои прогулки въ академіи художествъ, я желаю съ вами увидѣть тамъ портретъ благодѣтеля вселенной Наполеона, живописи нашихъ русскихъ мастеровъ, достойный ихъ пресловутой кисти, которая да не боится брюзги старожиловъ! Великіе океаны, покорные Франціи, и земли ея съ гражданами счастливыми благословятъ сей образъ великаго императора Наполеона. Въ ожиданіи сей новой моей прогулки въ академію художествъ, которую приглашаю васъ самихъ описать, и пожелавъ вамъ возможныхъ благъ, пребуду вѣрный вамъ доброжелатель Константинъ Батюшковъ.

Помѣта: Получено 3-го ноября 1853 г.

XIV.

Замѣчаніе на басню Крылова: Крестьяне и рѣка.

Половину добра несетъ вода по рѣкѣ въ водополь. Какъ спасти е г о, или е е, то-есть, мѣстоименіе употребить правильно женское или мужское, — относится къ половинѣ, или прямо къ добру? Какъ по русски?

La moitié du bien des cultivateurs est entrainée par la rivière debordée. Comment la sauver ou le sauver, faut-il dire l a ou l e?

(24-го апрѣля 1852 года).

XV.

Надпись къ портрету графа Буксгевдена Шведскаго и Финскаго. Та же надпись къ образу графа Хвостова-Суворова.

Премудро созданъ я, могу на свѣтъ сослаться:
Могу чихнуть, могу зѣвнуть;
Я просыпаюсь, чтобъ заснуть.
И сплю, чтобъ вѣчно просыпаться.

Константинъ Батюшковъ.

14-го мая 1853 года.
Вологда, вологодская удѣльная контора,
квартира г. Гревенса.

XVI.

Все Аристотель вретъ! Табакъ есть божество:
Ему готовится повсюду торжество.

* * *

Malgré l'Aristote et sa sainte cabale,
Le tabac est divin, il n'est rien qui l'égale!

ПРИМѢЧАНІЯ.

Большая часть писемъ К. Н. Батюшкова въ настоящемъ собраніи печаталась съ подлинниковъ, которые были сообщены лицами, ими владѣющими; меньшая часть, за неимѣніемъ подлинниковъ, перепечатана изъ тѣхъ изданій, въ коихъ письма появились первоначально. Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ, при письмахъ, извѣстныхъ намъ въ подлинникѣ, означено и нынѣшнее мѣсто ихъ храненія; при письмахъ, перепечатанныхъ изъ другихъ изданій, это не могло быть сдѣлано.

Письма расположены въ хронологическомъ порядкѣ на основаніи датъ, выставленныхъ самимъ Батюшковымъ, или опредѣленныхъ нами по содержанію писемъ. Эти послѣднія опредѣленія, какъ не принадлежащія самому писавшему, поставлены при письмахъ въ скобкахъ. Всѣ опредѣленія времени и мѣста написанія писемъ вынесены на верхъ для удобства и ясности, хотя въ нѣкоторыхъ подлинникахъ они выставлены внизу. Въ тѣхъ же видахъ раскрыты встрѣчавшіяся въ письмахъ сокращенія словъ, и особенно собственныхъ именъ.

Въ первыхъ трехъ письмахъ сохранена орѳографія малолѣтняго Батюшкова, съ ея ошибками.

I. **СЕСТРАМЪ**. 6-го іюля 1779 г. Петербургъ. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 1**). Двѣ старшія сестры Константина Николаевича, Анна и Александра, находились въ 1797 г. въ Петербургѣ, а двѣ другія, Елизавета и Варвара, въ деревнѣ, куда и адресовано письмо.

II. **ОТЦУ**. 1-го февраля 1800 г. Петербургъ. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 1**). Г. Шлатеръ—вѣроятно, сынъ извѣстнаго ученаго прошлаго вѣка по горной части, Ивана Андреевича Шлаттера (род. въ 1734 г., ум. въ 1780). Въ Адресъ-Календарѣ на 1796 г. Иванъ Ивановичъ Шлаттеръ показанъ коллежскимъ ассессоромъ, въ С.-Петербургѣ, у смотрѣнія за пробирною палаткой.

— (**Стр. 2**). Лизавета Петровна—лицо намъ неизвѣстное.

III. **ОТЦУ**. 11-го ноября 1801 г. Петербургъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова. Отрывки изъ этого письма въ статьѣ Н. Ѳ. Бунакова: „К. Н. Батюшковъ“ (Москвитянинъ 1855 г., № 23 и 24, стр. 91).

— (**Стр. 2**). Платонъ Аполлоновичъ—Соколовъ; Иванъ Антоновичъ—Триполи; свѣдѣнія о нихъ см. въ вводной статьѣ, предпосланной настоящему изданію, гл. II-я. Сдѣланный Батюшковымъ переводъ слова митрополита Платона былъ изданъ въ 1801 г., съ посвященіемъ Пл. Ал. Соколову; какъ переводъ, такъ и посвятительное письмо, см. въ т. II, стр. 369—374.

— (**Стр. 3**). Анна Николаевна была уже въ 1801 году въ замужествѣ за статскимъ совѣтникомъ Абрамомъ Ильичемъ Гревенсомъ.

— (**Стр. 3**). О Мерсье см. т. II, стр. 454—455.

— (**Стр. 3**). „Путешествіе въ Сирію“ — безъ сомнѣнія, К. Ф. Вольнея (род. въ 1757 г., ум. въ 1820), вышедшее въ свѣтъ въ 1787 г. (Voyage en Egypte et en Syrie). Это ученое сочиненіе имѣло большой успѣхъ, и императрица Екатерина прислала автору золотую медаль, но въ 1792 г. Вольней, въ качествѣ республиканца, недовольный антиреволюціонною политикой Екатерины, счелъ приличнымъ возвратить эту медаль барону Гримму, чрезъ котораго она была ему доставлена (Сборн. Имп. Р. Истор. Общества, т. XXIII, стр. 568); поступокъ Вольнея подалъ поводъ къ сочиненію двухъ памфлетовъ противъ него, изъ которыхъ одинъ, очень ѣдкій, былъ написанъ Гриммомъ (Supplément à la Correspondance littéraire de M. M. Grimm et Diderot, publ. par A. A. Barbier. P. 1823). Путешествіе Вольнея было переведено и на русскій языкъ Н. Марковымъ (М. 1791—1793), но не съ подлинника, а съ нѣмецкаго перевода.

— (**Стр. 4**). Шишковъ—безъ сомнѣнія, Павелъ Алексѣевичъ, женившійся около того времени на Елизаветѣ Николаевнѣ Батюшковой. П. А. Шишковъ былъ вологодскій дворянинъ и служилъ по учебной части: съ 1824 по 1829 г. онъ былъ директоромъ училищъ Вологодской губерніи (Памятн. книжк. Вол. губ. на 1860 г., стр. 81), съ 1826 по 1836—директоромъ 2-й С.-Петербургской гимназіи (Историч. записка 75-лѣтія С.-Пб. 2-й гимн., ч. I, стр. 125), а съ 1840 по 1847—директоромъ Гатчинскаго института (Гурьевъ, Очеркъ исторіи Гатчинск. института, стр. 149).

IV. **ОТЦУ**. 17-го февраля 1807 г. С.-Петербургъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова. Отрывокъ изъ этого письма въ статьѣ Н. Ѳ. Бунакова: „К. Н. Батюшковъ“ (Москвит. 1855 г., № 23 и 24, стр. 97). Письмо писано предъ выступленіемъ Батюшкова въ походъ, въ качествѣ сотеннаго начальника С.-Петербургскаго милиціоннаго баталіона; въ эту должность Батюшковъ былъ назначенъ 22-го февраля 1807 г. (форм. списокъ).

— (**Стр. 5**). Михаилъ Никитичъ—Муравьевъ. См. о немъ въ т. II, стр. 417—423 и въ гл. II-й вводной статьи.

V. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 2-го марта 1807 г. Нарва. Подлинникъ у М. И. Семевскаго. Напечатано въ Р. Старинѣ 1870 г., т. I, стр. 66. При письмѣ находится набросокъ перомъ, изображающій Батюшкова верхомъ на лошади.

— (**Стр. 6**). Лаптевичъ—лицо намъ неизвѣстное. Въ Р. Старинѣ въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремова, онъ названъ сослуживцемъ Батюшкова по департаменту народнаго просвѣщенія, но въ адресъ-календаряхъ того времени онъ не показанъ въ числѣ служащихъ въ этомъ вѣдомствѣ.

VI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 19-го марта 1807 г. Рига. Подлинникъ у барона Н. К. Богушевскаго. Напечатано въ Р. Старинѣ 1870 г., т. I, стр. 67—69.

— (**Стр. 8**). Въ кружкѣ Оленина произведенія Шиллера не пользовались сочувствіемъ; отраженіе такихъ мнѣній видно въ Драматическомъ Вѣстникѣ 1808 г., ч. 2, № 36, стр. 76. Гнѣдичъ въ ранней молодости былъ его поклонникомъ (см. предисловіе къ „Донъ-Коррадо де-Геррера“), но потомъ измѣнилъ свое мнѣніе; нерасположеніе къ Шиллеру и вообще къ нѣмецкой литературѣ онъ сохранялъ и въ 1814 году, когда напечаталъ свое „Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“ (ср. т. II, стр. 424 — 426); напротивъ того, Батюшковъ въ то время уже восхищался нѣмецкимъ поэтомъ (ср. т. II, стр. 405, т. III, стр. 239, 240, 245).

— (**Стр. 8**). О В. В. Капнистѣ см. т. II, стр. 492—503.

— Изображая себя ѣдущимъ на рыжакѣ по чистымъ полямъ, Батюшковъ, быть можетъ, вспоминалъ стихъ И. И. Дмитріева изъ піесы: „Каррикатура“, гдѣ описанъ отставной вахмистръ, возвращающійся на родину послѣ долгой военной службы

На старомъ рыжакѣ.

Стихотвореніе это, пользовавшееся въ свое время извѣстностью, было напечатано первоначально въ Моск. Журналѣ 1792 г., ч. V, стр. 295, подъ заглавіемъ „Отставной вахмистръ“, и послѣ перепечатывалось въ собраніяхъ стихотвореній Дмитріева 1803, 1810, 1814 и 1818 гг., но въ изданіе 1823 г. не вошло. См. о немъ Письма Карамзина и Дмитріева, стр. 020, и Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева, стр. 59, 124, 125.

— (**Стр. 8**). О С. С. Бобровѣ см. т. II, стр. 536—538.

— (**Стр. 9**). Брейткопфъ, Адольфъ Ѳедоровичъ, сослуживецъ Батюшкова и Гнѣдича по департаменту народнаго просвѣщенія, гдѣ въ 1805 г. былъ помощникомъ столоначальника, а въ 1808 г. — столоначальникомъ (см. Адресъ-Календари этихъ годовъ).

— (**Стр. 9**). Карауловъ—лицо намъ неизвѣстное. Не есть ли это Василій Карауловъ, авторъ стихотворенія „Надпись Г. Лосенку“, помѣщеннаго въ Музѣ

(1793 г., ч. III, стр. 240), журналѣ И. И. Мартынова, который былъ начальникомъ Батюшкова по департаменту?

— (Стр. 9). Мальвина—собака Гнѣдича. С. П. Жихаревъ, въ своемъ „Дневникѣ чиновника“ (Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 191), забавно разсказываетъ, что когда Гнѣдичъ пускался въ декламацію со странными тѣлодвиженіями и дикимъ напряженіемъ голоса, его любимая собака принималась жалобно выть.

— (Стр. 10). Какъ извѣстно, Гнѣдичъ, принимаясь за переводъ Иліады, имѣлъ сперва намѣреніе продолжать переводъ Кострова, успѣвшаго напечатать при жизни только шесть пѣсенъ. Подобно Кострову, Гнѣдичъ началъ свой переводъ александрійскими стихами; начало его труда относится къ 1805 г. (см. письмо Гнѣдича къ Капнисту отъ 25-го августа 1811 г. въ Соч. Державина, 1-е акад. изданіе, т. VI, стр. 376). Но, судя по сопоставленію вопросовъ Батюшкова о Гомерѣ и о Костровѣ, Гнѣдичъ опасался тогда, какъ бы не отыскалось еще не изданное продолженіе перевода Кострова. Новому переводчику не удалось однако выяснить себѣ этотъ вопросъ, и въ 1809 г. онъ даже издалъ отдѣльною брошюрой переводъ VII-й пѣсни; поэтому, какъ и видно изъ упомянутаго письма къ Капнисту, Гнѣдичъ очень былъ раздосадованъ, когда, въ 1811 г., въ Вѣстникѣ Европы (ч. LVIII, №№ 14 и 15) появилось продолженіе перевода Кострова (пѣсни VII, VIII и часть IX-й).

— (Стр. 10) Объ Озеровѣ и постановкѣ „Димитрія Донскаго“ см. томъ II, стр. 468—472, и главу IV-ю статьи, предпосланной настоящему изданію.

VII. **Н. А. ОЛЕНИНУ**. 11-го мая 1807 г. Павли. Подлинникъ у Н. И. Стояновскаго. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1353—1355, со списка, полученнаго П. И. Бартеневымъ отъ Н. А. Рамазанова.

— (Стр. 10). Николай Алексѣевичъ Олениннъ, старшій сынъ А. Н. Оленина, служилъ въ Семеновскомъ полку и былъ убитъ подъ Бородинымъ 26-го августа 1812 г. (о смерти его см. въ запискахъ Н. Н. Муравьева — Р. Архивъ 1885 г., т. III, стр. 261).

— (Стр. 11). О поступленіи въ продажу „Димитрія Донскаго“ Озерова было объявлено въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ 26-го апрѣля 1807 г., № 34. Изъ этой трагедіи и приведенъ извѣстный заключительный стихъ.

— (Стр. 11). Объ обращеніи Русскихъ съ плѣнными Французами въ 1807 г. см. т. II, стр. 477—478.

— (Стр. 12). Одинъ изъ плодовитѣйшихъ русскихъ драматурговъ, князь Александръ Александровичъ Шаховской (род. въ 1777 г., ум. въ 1846 г.), служилъ въ 1807 г. при театрѣ членомъ репертуарной части и принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ посѣтителей дома Олениныхъ, гдѣ, вѣроятно, и познакомился съ нимъ Батюшковъ. Въ то время Шаховской заявлялъ себя сторонникомъ строгаго классицизма въ драматическомъ искусствѣ и, главное, про-

тивникомъ модной въ то время „коцебятины“. Въ 1808 г. онъ предпринялъ изданіе Драматическаго Вѣстника, съ цѣлью „изыскивать въ древнихъ сочиненіяхъ все, касающееся художествъ, и тѣмъ содѣйствовать отвращенію дурнаго вкуса, который, господствуя въ новыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, развращающихъ и умъ, и сердце, угрожаетъ заразить и нашу словесность“. Журналъ издавался еженедѣльно подъ редакціей Д. И. Языкова. Кромѣ самого Шаховскаго, подписывавшаго свои статьи буквою А, здѣсь печатали свои произведенія К. Н. Батюшковъ, А. П. Беницкій, А. П. Бунина, Н. И. Гнѣдичъ, Г. Р. Державинъ, С. П. Жихаревъ, П. Н. Кобяковъ, И. А. Крыловъ, А. В. Лукницкій, С. Н. Маринъ, А. Н. Оленинъ, Н. Ѳ. Остолоповъ, А. А. Писаревъ, гр. Д. И. Хвостовъ, кн. С. А. Ширинскій-Шихматовъ и др. Въ Драматическомъ Вѣстникѣ, кромѣ чисто литературныхъ произведеній, помѣщались историческія и теоретическія статьи о театрѣ, главнымъ образомъ переводы изъ Вольтера, и часто встрѣчались нападки на нѣмецкую драму, преимущественно на піесы Коцебу. Замѣтимъ, что враги слезной комедіи были большею частію и литературными врагами Карамзина; нерасположеніе къ нему Шаховскаго началось давно—съ тѣхъ поръ какъ Карамзинъ отклонилъ помѣщеніе въ своемъ журналѣ какихъ-то стиховъ князя (Библіогр. Записки 1859 г., ст. 308—309; это должно относиться ко времени изданія Вѣстника Европы, къ 1802—1803 гг., такъ какъ во время изданія Московскаго Журнала Шаховскому было всего 15 лѣтъ, и первая его піеса, комедія „Женская шутка“, появилась только въ 1795 г.). Какъ извѣстно, въ 1805 г. Шаховской осмѣялъ карамзинскій сентиментализмъ на сценѣ въ „Новомъ Стернѣ“. Объ отношеніяхъ Шаховскаго къ сторонникамъ карамзинскаго направленія см. въ т. II, стр. 402 и 517 — 518. Сперва близкій съ Озеровымъ, Шаховской потомъ, послѣ его успѣховъ, сталъ вредить ему (см. т. II, стр. 470 — 472) и, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, разошелся и съ кружкомъ Оленина. Изъ раннихъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу видно, что сперва нашъ поэтъ относился къ Шаховскому довольно дружелюбно, но въ письмахъ конца 1809 года уже замѣчается явное охлажденіе и даже непріязнь къ нему. Очевидно, Батюшкову стало тогда уже извѣстно, что Шаховской, разойдясь съ Олениным, примкнулъ къ партіи Шишкова. Изъ письма Батюшкова къ Гнѣдичу отъ конца декабря 1809 г., можно заключать, что и послѣдній, бывшій не въ ладахъ съ Шаховскимъ и смотрѣвшій на него нѣсколько свысока, также возстановлялъ нашего поэта противъ Шаховскаго. Появленіе „Расхищенныхъ Шубъ“ (1811 г.) и въ особенности „Липецкихъ водъ“ (1815 г.) окончательно вооружило Батюшкова противъ Шаховскаго. О литературной дѣятельности князя нашъ поэтъ судилъ очень строго: изъ письма его къ Жуковскому отъ декабря 1815 г. (т. III, стр. 360) видно, что изъ всѣхъ многочисленныхъ произведеній Шаховскаго онъ признавалъ достоинство только за водевилемъ „Казакъ-стихотворецъ“. Піеса эта была представлена въ первый разъ 15-го мая 1812 года на собственной половинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны и послѣ того долго не сходила со сцены; успѣху ея много способствовала музыка Кавоса, аранжированная изъ русскихъ и малороссійскихъ пѣсенъ (Арановъ, Лѣтопись р. театра, стр. 215 — 216; Вигель Воспоминанія, ч. IV, стр. 161).

Не касаясь здѣсь всей обширной литературной дѣятельности кн. Шаховскаго (имъ написано до ста разныхъ піесъ), характеръ которой измѣнялся постепенно, съ измѣненіемъ литературныхъ направленій, замѣтимъ только, что, кромѣ драматическихъ піесъ и нѣсколькихъ повѣстей, Шаховской писалъ и по исторіи русскаго театра. Таковы его статьи: 1) Лѣтопись русскаго театра (Репертуаръ русскаго театра на 1840 г., т. I и II), 2) Обзоръ русской драматической словесности (Репертуаръ и Пантеонъ на 1842 г., кн. 1, 2 и 3); 3) Театральныя воспоминанія (ibid., кн. 5). Существуютъ также его воспоминанія о событіяхъ 1812 года (Военный Сборникъ 1864 г., кн. 5), относящіяся къ тому времени, когда Шаховской вступилъ въ тверское ополченіе и командовалъ 5-мъ казачьимъ полкомъ. Нѣсколько замѣтокъ о томъ же времени находится и въ книжкѣ его: Москва и Парижъ въ 1814 году (М. 1830). Въ концѣ 1816 года Шаховской путешествовалъ по Италіи. Письма его изъ Флоренціи, Рима и Неаполя къ Н. М. Синягину напечатаны въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. XXXIV, № 46; 1817 г., ч. XXXV, № 6; ч. XXXVI, № 7, и заключаютъ въ себѣ описаніе различныхъ художественныхъ памятниковъ Италіи. Кромѣ того, изъ переписки кн. Шаховскаго напечатаны: 1) письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, 1823 г. (Р. Арх. 1864 г., стр. 996); 2) письмо къ М. П. Загоскину, 1825 г. (Рауть, кн. III, стр. 304); 3) два письма къ С. Т. Аксакову, 1830 г. (Р. Арх. 1873 г., № 4); 4) письмо къ Павлѣ Михайловнѣ Бакуниной (Чтенія въ Общ. исторіи и древн. росс. 1865 г., кн II) которой Шаховской завѣщалъ всѣ свои рукописи и права издательскія. (**В. С.**)

— (**Стр. 12**). Три стиха изъ „Димитрія Самозванца“ Сумарокова взяты изъ монолога Димитрія въ 7-мъ явленіи II-го дѣйствія.

VIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Іюнь 1807 г. Рига. Подлинникъ у М. И. Семевскаго. Напечатано въ Р. Старинѣ 1870 г., т. I, стр. 69—70. Въ концѣ письма „вмѣсто имени“ Батюшковъ карандашемъ нарисовалъ себя на костыляхъ, съ подвернутою лѣвою ногой.

— (**Стр. 13**). Изъ письма IX-го видно, что въ Ригѣ Батюшковъ былъ помѣщенъ въ домѣ тамошняго купца Мюгеля. Говоря о вниманіи, которое ему тамъ оказывали, Батюшковъ примѣняетъ къ себѣ слова Карамзина, который, разсказывая объ успѣхѣ „Душеньки“, выражается о Богдановичѣ такъ: „Онъ былъ на розахъ, какъ говорятъ Французы“.

— (**Стр. 13**). Прося въ этомъ письмѣ и ниже (стр. 15) о присылкѣ произведеній Капниста, Батюшковъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду Лирическія сочиненія Василія Капниста. С.-Пб. 1806.

IX. **СЕСТРАМЪ.** 17-го іюня 1807 г. Рига. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 14**). Варенька—младшая сестра Константина Николаевича, Варвара Николаевна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Аркадія Аполлоновича Соколова.

X. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 12-го іюля 1807 г. Рига. Подлинникъ у М. И. Семевскаго. Напечатано въ Р. Старинѣ 1870 г., т. I, стр. 70—71.

— (**Стр. 15.**) Знаменитая „Энциклопедія“ Даламбера и Дидро была издана сперва съ 1751 года по 1772 въ 28 томахъ, а затѣмъ въ 1776—1777 гг. къ ней было издано добавленіе въ 5 томахъ и общее оглавленіе въ 2 томахъ.

— (**Стр. 16**). Катерина Ѳедоровна — Муравьева, супруга Михаила Никитича, рожденная Колокольцова; она родилась въ 1771 г., а умерла 21-го апрѣля 1848 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ. Свѣдѣнія объ этой замѣчательной женщинѣ см. въ вводной статьѣ къ настоящему изданію; некрологъ ея—въ Москвитянинѣ 1848 г., ч. III, № 5.

— (**Стр. 16**). „Что чинитъ Высокое“ и пр. Намекъ на И. И. Мартынова, директора департамента, гдѣ началъ службу Батюшковъ, и переводчика сочиненія Лонгина „О высокомъ“ (ср. т. II, стр. 546—547). Въ примѣненіи къ нему Батюшковъ пародируетъ стихи Вольтера изъ его „Précis de l'Ecclésiaste“:

O nature, abîme immense!
Tu nous laisses sans clarté.

XI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 1-го іюня 1808 г. На походѣ въ Финляндію. Подлинникъ у П. Н. Тиханова.

— (**Стр. 18**). Въ числѣ сослуживцевъ Батюшкова и Гнѣдича по департаменту народнаго просвѣщенія находился Василій Васильевичъ Дмитріевъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и въ 1809 году издавалъ журналъ Орсады, составленный исключительно изъ его собственныхъ сочиненій и переводовъ; впрочемъ журнала этого вышла только одна часть. Есть также стихи В. В. Дмитріева въ Новостяхъ р. литературы 1803 г., ч. V.

XII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 7-го августа 1808 г. На походѣ въ Финляндію. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 215. При этомъ письмѣ Батюшковъ послалъ Гнѣдичу отрывокъ изъ I-й пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“ и посланіе „Къ Тассу“, которые дѣйствительно и появились въ Драмат. Вѣстникѣ 1808 года.

XIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Сентябрь—октябрь 1808 г. На походѣ въ Финляндію. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 209.

— (**Стр. 19**). Письма къ Батюшкову могли быть пересылаемы чрезъ П. Е. Свѣчина потому, что одинъ изъ племянниковъ послѣдняго, Алексѣй Алексап-

дровичъ Свѣчинъ, былъ сослуживцемъ Константина Николаевича, поручикомъ въ егерскомъ полку.

— (Стр. 19). Баллада Жуковскаго, о присылкѣ которой просилъ Батюшковъ, есть первое изъ стихотвореній его въ этомъ родѣ, „Людмила", появившееся въ Вѣстникѣ Европы 1808 г., ч. XXXIX, № 9; очевидно, Батюшковъ не успѣлъ познакомиться съ этимъ произведеніемъ до отъѣзда своего въ Финляндію.

XIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 1-го ноября 1808 г. Иденсальми Подлинникъ у П. И. Батюшкова.

— (Стр. 20). Турчаниновъ — Андрей Петровичъ, полковникъ, командиръ того баталіона егерскаго полка, въ которомъ состоялъ тогда Батюшковъ.

— (Стр. 20). Аркадій Аполлоновичъ—Соколовъ, впослѣдствіи мужъ В. И. Батюшковой, младшій братъ Пл. Ал. Соколова (см. выше, стр. 598); подобно П. А. Шишилову, онъ былъ изъ вологодскихъ дворянъ и также служилъ нѣкоторое время по учебной части въ Вологодской губерніи (Пам. кн. Вол. губ. на 1860 г., стр. 81). Вмѣсто „Менчакова" названіе села должно читать „Межакова".

— (Стр. 21). Алеша—племянникъ К. Н. Батюшкова, сынъ П. А. и Ел. И. Шишиловыхъ; Алексѣй Никитичъ—Шишиловъ, отецъ Павла Алексѣевича.

XV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 1-го ноября 1808 г. Idensalmi. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 208—209.

— (Стр. 21). Въ письмѣ этомъ, какъ и въ предшествующемъ, описываются два дѣла Русскихъ со Шведами подъ Иденсальми: первое, неудачное, 15-го октября, когда былъ убитъ командиръ русскаго отряда, генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій (род. въ 1780 г.), и второе, вполнѣ успѣшное, 30-го октября, когда отличился и былъ раненъ пріятель Батюшкова, И. А. Петинъ. Объ этихъ событіяхъ см. гл. VII-ю вводной статьи, а о Петинѣ, сверхъ того, т. II, стр. 190—202 и стр. 476—477.

— (Стр. 21) Делагардъ—сослуживецъ Батюшкова, штабсъ-капитанъ егерскаго полка. Графъ Августъ Осиповичъ де-Лагардъ (comte Auguste-Marie-Balthasar-Charles Pelletier de Lagarde) родился около 1780 г., а умеръ въ 1834. Родители его въ 1792 г. эмигрировали въ Россію, и здѣсь онъ кончилъ свое образованіе, началъ службу и игралъ видную роль въ высшемъ обществѣ (Воспоминанія Вигеля, ч. II, стр. 31 и ч. III, стр. 9). Въ 1814 г., съ возстановленіемъ Бурбоновъ, онъ возвратился во Францію, служилъ по дипломатической части и былъ возведенъ въ званіе пера. Ему принадлежитъ нѣсколько

сочиненій, между прочимъ: Voyage de Moscou à Vienne par Kiow, Odessa, Constantinople, Bucharest et Hermanstadt. P. 1824. Не знаемъ, тотъ ли это графъ де-Лагардъ, который появлялся въ Москвѣ около 1810 г. подъ именемъ chevalier de Messance, и знакомство съ которымъ было предметомъ доносовъ на Карамзина (см. Сочиненія кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 242—243, и Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 137—138).

XVI. **СЕСТРАМЪ.** 8-го декабря 1808 г. Городъ Гамлекарлеби, на маршѣ къ Вазѣ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 23**). Гофмаршалъ Ланской—Степанъ Сергѣевичъ, ум. въ 1844 г. Вѣроятно, родственники его Алексѣй и Михаилъ Павловичи Ланскіе, были сослуживцами Батюшкова по егерскому полку.

XVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Декабря 1808 г. Городъ Гамлекарлеби, на маршѣ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 210.

— (**Стр. 24**). Камеръ-юнкеръ Ланской—Сергѣй Степановичъ, впослѣдствіи графъ, род. въ 1787 г., ум. въ 1862.

XVIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 25-го декабря 1808 г. Ваза. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 210.

— (**Стр. 24**). Мельхіоръ Чезаротти, род. въ 1730 г., ум. въ 1808, извѣстный италіянскій писатель второй половины XVIII в.; произведенія его относятся къ области изящной словесности, филологіи и исторіи; въ свое время особенно уважались его переводы Гомера, Демосѳена, Ювенала, нѣкоторыхъ трагедій Вольтера и Осciана. У Сисмонди (De la littérature du midi de l'Europe, t. III, chap. XXII) находимъ слѣдующее сужденіе о Чезаротти: Le premier parmi les poètes modernes, soit quant à l'époque ou il s'est rendu célèbre, soit quant à l'éclat de son talent, est Melchior Cesarotti, que l'Italie a perdu, il y a peu d'années, dans un âge avancé. L'un des hommes les plus instruits de sa patrie, profondément versé dans la littérature grecque et latine; il a traduit Homère en critique non moins qu'en poète: cependant les admirateurs de l'antiquité ne lui pardonneront pas d'avoir altéré le père de la poésie, pour le rendre plus conforme au goût de notre siècle, d'avoir osé reformer Homère d'après une manière de voir et de sentir qui passera peut-être, tandis que depuis plusieurs milliers d'années ce modèle du beau ne passe point. C'est le monument des siècles qu'il demandent au traducteur ou au poète, non l'Iliade nouvelle de Pope, ou celle de Cesarotti. Le dernier peut-être a merité plus de gloire par sa traduction d'Ossian; il s'est pénétré de l'esprit du poète calédonien. il lui a conservé toute sa grandeur gigantesque et nuageuse; avec une oreille très-harmonieuse, il a toujours choisi le mètre le plus propre à exprimer

l'ivresse lyrique du chantre de Morven. Ses odes, plus variées par l'enchaînement des vers que celles d'aucun poète italien, semblent plutôt une inspiration immédiate qu'une traduction. Il y a du génie dans la forme qu'il leur a donnée, autant que de la vérité et de la précision, dans la fidélité avec laquelle il a rendu l'original, et puisque personne sur le continent ne peut lire les chants du fils de Fingal dans leur langue primitive, je conseillerai toujours la traduction de Cesarotti de préférence à la prose da Macpherson, puisque le premier nous a rendu le charme et l'harmonie des vers, sans lesquels toute poésie parait monotone et affectée. Cesarotti a écrit beaucoup et de traductions, et d'ouvrages originaux; l'édition qui en parait aujourd'hui passe déjà trente volumes. L'abondance et la prolixité sont les défauts des Italiens modernes; et ces volumineux écrits font perdre le courage de les bien connaître et de choisir". Сужденіе это не могло быть извѣстно Батюшкову въ 1808 г., такъ какъ самое сочиненіе Сисмонди появилось позже; но когда нашъ поэтъ прочелъ это послѣднее, онъ отмѣтилъ въ немъ, между прочимъ, и отзывъ о Чезаротти (ср. т. II, стр. 303). Во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что съ Оссіаномъ Батюшковъ ознакомился именно въ этомъ италіянскомъ переводѣ.

— (**Стр. 25**). Два стиха взяты изъ посланія Карамзина къ Дмитрієву.

— (**Стр. 25**). Графъ Строгановъ, участвовавшій въ Шведской кампаніи 1808—1809 гг., — Павелъ Александровичъ. Въ то время онъ числился въ Измайловскомъ полку генералъ-маіоромъ. См. отзывъ о немъ Батюшкова въ т. II, стр. 295; ср. тамъ же стр. 531. Графъ П. А. Строгановъ былъ женатъ на княжнѣ Софіи Владиміровнѣ Голицыной (род. въ 1774 г., ум. въ 1845 г.).

XIX. **А. Н. ОЛЕНИНУ**. 24-го марта 1809 г. Зимнія квартиры. Надеждаль. Подлинникъ у П. И. Стояновскаго. „Зимнія квартиры" приписано рукой А. Н. Оленина. Напечатано въ Р. Архивѣ 1876 г., ст. 1443—1445.

— (**Стр. 26**). Иванъ Александровичъ Вельяминовъ (род. въ 1771 г., ум. въ 1837), служилъ въ Семеновскомъ полку и въ кампанію 1806—1807 гг. участвовалъ въ тѣхъ самыхъ сраженіяхъ, гдѣ былъ и Батюшковъ, то-есть, подъ Гутштадтомъ, на Пассаргѣ и подъ Гейльсбергомъ, а также подъ Фридландомъ. Въ Шведскую кампанію 1808—1809 годовъ онъ былъ шефомъ Кексгольмскаго мушкетерскаго полка и участвовалъ въ зимнемъ походѣ на Аландскіе острова; затѣмъ онъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812—1814 гг. Вельяминовъ былъ любитель литературы; имъ изданы слѣдующіе переводы съ французскаго: 1) Философическія начала о первой причинѣ и дѣйствіи оной. Соч. Бонне та. С.-Пб. 1805; 2) Отелло или Венеціанскій Мавръ. Трагедія Дюсиса. С.-Пб. 1808 (представлена въ 1806 г., при чемъ Яковлевъ былъ превосходенъ въ главной роли: Арапова, Лѣтопись р. театра, стр. 175); 3) Исторія Людовика XVI. 2 части. С.-Пб. 1811. О Вельяминовѣ см. Императоръ Александръ и его сподвижники, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, т. II, № 50. (**В. С.**).

— (**Стр. 26**). О представленіяхъ г-жи Жоржъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ 1808 по 1812 г. см. т. II, стр. 392—393 и 560—561. Первое представленіе ея въ Петербургѣ состоялось 15-го іюля 1808 г. (Арапова. Лѣтопись р. театра, стр. 186).

— (**Стр. 27**). Актеры Абовскаго театра напомнили Батюшкову V-ю главу II-й книги Лесажева „Жильблаза", гдѣ описывается встрѣча героя и его спутника съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, обмакивавшимъ корки хлѣба въ колодезь и оказавшимся странствующимъ актеромъ.

— (**Стр. 27**). Упоминая о „геніѣ временъ", Батюшковъ дѣлаетъ каламбуръ на счетъ журнала, который подъ такимъ заглавіемъ издавался въ Петербургѣ съ іюня 1807 г. по сентябрь 1809. Издателями его были Ѳ. А. Шредеръ, И. И. Делакроа и Н. И. Гречъ.

— (**Стр. 27**). Елизавета Марковна—супруга А. Н. Оленина, рожденная Полторацкая (род. въ 1768 г., ум. въ 1838). О ней неоднократно говорится въ вводной статьѣ къ настоящему изданію, въ особенности въ гл. IV-й.

XX. **СЕСТРАМЪ**. 28-го марта 1809 г. Наденталь. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова. Отрывокъ изъ этого письма въ статьѣ Н. Ѳ. Бунакова: „К. Н. Батюшковъ" (Москвит. 1855 г., № 23 и 24, стр. 101).

XXI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 1-го апрѣля 1809 г. Наденталь. Напечатано въ Р. Старинѣ, 1871 г., т. III, стр. 211.

— (**Стр. 29**). Не видавъ этого письма въ подлинникѣ, не можемъ утверждать, чтобы при его первомъ изданіи были вѣрно прочитаны въ немъ слѣдующія слова: „если въ жизни я не жилъ бы другихъ минутъ". Кажется, вѣрнѣе вмѣсто жилъ читать: зналъ.

XXII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ**. 12-го апрѣля 1809 г. Наденталь. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова. Отрывокъ изъ этого письма въ статьѣ Н. Ѳ. Бунакова: „К. Н. Батюшковъ" (Москвит. 1855 г., № 23 и 24, стр. 101).

— (**Стр. 31**). Г-жа Чеглокова—вѣроятно, жена одного изъ товарищей Батюшкова по Шведской кампаніи, прапорщика Митавскаго драгунскаго полка Павла Николаевича Чеглокова, состоявшаго ординарцемъ при кн. М. П. Долгорукомъ (И. П. Липранди. Замѣчанія на Воспоминанія Вигеля, стр. 7), рожденная Лачинова, Марія Андреевна (кн. Долгоруковъ. Росс. родосл. книга, ч. IV, стр. 214).

XXIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ** 3-го мая 1809 г. Або. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр 31**). Вмѣсто „И. Турчанинову“ слѣдовало напечатать: „П. Турчанинову“, то-есть, полковнику.

— (**Стр. 32**). Подъ „ma tante“ Батюшковъ разумѣетъ Е. Ѳ. Муравьеву, переселившуюся на жительство въ Москву по смерти мужа.

XXIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Начато 3-го мая 1809 г. Або. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 211—213.

— (**Стр. 32**) Письмо начинается стихомъ изъ басни Лафонтена: „Les deux amis“ (livre VIII, fable XI). Стихъ Дмитріева взятъ изъ басни: „Старикъ и трое молодыхъ“, переведенной имъ изъ того же Лафонтена.

— (**Стр. 33**). Трагедія Вольтера „Танкредъ“, въ переводѣ Гнѣдича, была представлена въ первый разъ 8-го апрѣля 1809 г. (Арапов, Лѣтопись р. театра, стр. 192). Гнѣдичъ перевелъ ее „ради прекрасныхъ глазъ Семеновой“ (Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 116) и для того, чтобы русская актриса могла состязаться въ ней съ г-жею Жоржъ, которая также выходила въ Петербургѣ въ роли Аменаиды. Семенова въ этой роли впервые употребила, по совѣту Гнѣдича, ту нѣвучую декламацію, о которой столько говорили и писали въ свое время (Сем. хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова, т. II, стр. 240—241; С. П. Жихаревъ. Воспоминанія стараго театрала, Отеч. Зап. 1854 г., т. XCVII, стр. 35—38). Трагедія, и особенно Семенова и Яковлевъ въ главныхъ роляхъ ея, имѣли большой успѣхъ. Въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. II, стр. 139—147, помѣщенъ похвальный отзывъ, какъ о переводѣ, такъ и объ исполненіи трагедіи на сценѣ, при чемъ замѣчено, что Семенова своею игрой превзошла г-жу Жоржъ.

— (**Стр. 34**). „Figures de savant“ и пр. — стихъ изъ Мольерова „Мизантропа“, д. II, явл. 1.

— (**Стр. 34**). Изображеніе зависти взято изъ „Генріады“ Вольтера, пѣснь VII.

— (**Стр. 34**). Извѣстный князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ (род. въ 1765 г., ум. въ 1812) былъ въ 1808—1809 гг. шефомъ егерскаго полка въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

— (**Стр 35**). Николай Александровичъ Радищевъ былъ второй сынъ извѣстнаго своею несчастною судьбою писателя Ал. Н. Радищева, отъ перваго брака его съ Анною Васильевною Рубановскою, и родился въ 1777 году. По смерти Анны Васильевны въ 1783 г. воспитаніемъ дѣтей занялись ея сестры, главнымъ образомъ старшая изъ нихъ, Елизавета Васильевна. Послѣ ссылки отца въ 1779 г.

Николай Радищевъ, съ своимъ старшимъ братомъ, былъ отправленъ къ родному дядѣ, Моисею Николаевичу Радищеву, служившему въ Архангельскѣ директоромъ таможни (Р. Вѣстн. 1858 г., т. 18, статья объ А. Н Радищевѣ изъ воспоминаній Павла Алекс. Радищева). Службу свою Николай Александровичъ началъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку; въ 1783 году произведенъ сержантомъ и выпущенъ въ армію подпоручикомъ въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, а въ 1797 году уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1801 году онъ былъ опредѣленъ въ коммиссію о коронаціи, а въ 1802 — въ коммиссію о составленіи законовъ; въ 1803 году перешелъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ занималъ должность архиваріуса. Въ исходѣ 1806 г. онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ службы, съ тѣмъ чтобы поступить въ милицію, желая „раздѣлять предлежащіе труды и жертвы, которые понесетъ дворянство Калужской губерніи при образованіи милиціи и служеніи въ оной“ (М. И. Сухомлиновъ, А. Н. Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву, стр. 136). Въ концѣ декабря 1806 года Н. Радищевъ уже находился въ Москвѣ и сопровождалъ въ Петербургъ С. Н. Глинку, который отправлялся туда хлопотать о поступленіи также въ милицію. Глинка характеризуетъ его въ своихъ запискахъ такимъ образомъ: „Прекрасный онъ былъ человѣкъ. Онъ любилъ жить въ деревнѣ, гдѣ для облегченія своихъ поселянъ трудился вмѣстѣ съ ними, и оттуда препровождалъ прозу и стихи для книгопродавца Ширяева. Онъ умеръ въ полнотѣ жизни, и съ нимъ сошли въ могилу и мимолетные чернильные труды его, а ихъ было много“ (Р. Вѣстн. 1865 г., № 7, стр. 221). Другой современникъ, князь П. А. Вяземскій, говоритъ о Н. Радищевѣ: „Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ. Въ этомъ кружкѣ познакомился и я съ нимъ въ 1810 году, а послѣ нашелъ его въ Саратовской губерніи, за короткое время до смерти его (скоропостижной). Онъ тогда занимался переводомъ сельско-хозяйственныхъ сочиненій. Былъ очень любимъ и уважаемъ въ губерніи, служилъ предводителемъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ“ (Р. Стар. 1872 г., т. VI, стр. 573). Николай Александровичъ умеръ въ 1829 году (Р. Вѣстн. 1858 г., т. 18, стр. 432).

Батюшковъ познакомился съ Н. А. Радищевымъ въ то время когда оба они служили въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Дружескія отношенія ихъ не прекращались и впослѣдствіи; есть даже указанія, что они вели между собою переписку (т. III, стр. 41, 90).

Н. А. Радищевъ, подобно своему отцу, занимался литературой. Въ 1801 г. имъ изданы въ Москвѣ: Богатырскія повѣсти въ стихахъ (ч. I: Альоша Поповичъ; ч. II: Чурила Пленковичъ). Въ томъ же году, тоже въ Москвѣ, появился переводъ „Аталы“ Шатобріана (Сопиковъ, № 2081); онъ подписанъ буквами Н. Р. и, вѣроятно, принадлежитъ Н. Радищеву. Навѣрное, принадлежитъ ему книга: Друзья, драм. повѣсть въ стихахъ. Нѣмцово, 1801. Сочиненіе Н.... Р....ва. М. 1802 (сельцо Нѣмцово, въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца, на большой калужской дорогѣ, было имѣнье Радищевыхъ). Будучи однимъ изъ раннихъ членовъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Н. Радищевъ напечаталъ въ Періодическомъ Изданіи его, 1804 г., переводъ въ стихахъ оды Томаса: „Время“

(стр. 10—17); затѣмъ, стихотворенія его появлялись въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1805 г., ч. VII, и въ Русскомъ Вѣстникѣ 1809 г., ч. 8, № 10. Въ 1810 году, въ Москвѣ, издана была М. Матушкинымъ „Жизнь князя Я. П. Шаховскаго“, „сочиненная изъ его записокъ Николаемъ Радищевымъ“, какъ прибавляетъ Сопиковъ (№ 4052). Въ „Росписи“ Смирдина Н. Радищеву приписаны еще слѣдующіе переводы произведеній Августа Лафонтена: 1) Собраніе новѣйшихъ небольшихъ романовъ и повѣстей. 4 части. М. 1815 — 1816; 2) Бланка и Минна, или мѣщанскіе нравы. 6 частей. М. 1817; 3) Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе. 8 частей. М. 1817—1818; 4) Вальтеръ, дитя ратнаго поля, или и вторая любовь надежна. 6 частей. М. 1819. По свидѣтельству П. А. Радищева, Николай Александровичъ издалъ еще переводъ Байронова „Гяура“ (Р. Вѣстн. 1858 г., т. 18, стр. 432). Дѣйствительно, въ 1822 году, въ Москвѣ, вышла книга: Джяуръ, отрывки турецкой повѣсти. Изъ сочиненій лорда Байрона, въ стихахъ. Перевелъ Н. Р. Въ Р. Старинѣ 1872 г., т. VI, № 11, стр. 573—581, напечатана составленная Н. Радищевымъ записка о жизни и сочиненіяхъ его отца; она извлечена П. И. Барсуковымъ изъ бумагъ князя П. А. Вяземскаго. Въ Р. Архивѣ 1880 г., кн. III, стр. 398—399, издано письмо Н. Радищева къ П. И. Бекетову изъ Малоярославца, отъ 17-го іюля 1810 г., изъ котораго видно, что Николай Александровичъ перевелъ сочиненіе Лаверна: Histoire du feld-maréchal Souvorof, liée à celle de son temps. Paris. 1809; но книга Лаверна была запрещена въ Россіи, и переводъ Радищева остался не изданнымъ. (**В. С.**).

— (**Стр. 35**). Анна Ѳедоровна—Фурманъ, молодая дѣвица, жившая у Олениныхъ, въ которую былъ влюбленъ Батюшковъ.

— (**Стр. 35**). Изображая свою идиллическую любовь, Батюшковъ припоминаетъ сентиментальныя пѣсни Карамзина, а далѣе (стр. 36) пародируетъ сентиментальную фразеологію его прозы.

— (**Стр. 36**). „Le sage“ и пр.—стихъ изъ Лафонтеновой басни „Démocrite et les Abdéritains“ (l. VIII, f. XXVI).

XXV. **СЕСТРАМЪ.** 1-го іюля 1809. г. С.-Петербургъ. Подлинникъ у П. И. Батюшкова.

— (**Стр. 36**). Въ 1809 г. въ Измайловскомъ полку, гдѣ числился гр. П. А. Строгановъ, было двое Спиридовыхъ, Иванъ и Александръ Матвѣевичи, оба прапорщики.

— (**Стр. 36**). Алексѣй Полозовъ былъ пріятель Батюшкова и Гнѣдича, вращался въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ и самъ немного занимался литературой. С. П. Жихаревъ (Воспоминанія ст. театрала, От. Зап. 1854 г., т. XCVI, стр. 131) приписываетъ ему участіе въ переводѣ Вольтеровой „Заиры“, сдѣланномъ въ 1809 г. нѣсколькими литераторами. Въ 1808 и 1809 гг.

Полозовъ служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, а позже, если не ошибаемся, при театрѣ. Батюшковъ находился съ нимъ въ перепискѣ, очень любилъ его и горячо оплакивалъ его смерть въ 1812 г. (см. т. III, стр. 180 и 186; сравн. П. Тихановъ. Ник. Ив. Гнѣдичъ, стр. 39—41).

— (**Стр. 37**). Французскій стихъ приводится Батюшковымъ изъ піесы Шолье: „Sur la mort du marquis de la Fare", но съ измѣненіемъ; у Шолье онъ читается такъ:

Tout ce qui me fut cher a passé le Cocyte.

— (**Стр. 37**). О Ниловыхъ и А. П. Квашниной-Самариной см. въ вводной статьѣ къ настоящему изданію, гл. III-я.

XXVI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 4-го августа 1809 г. Деревня. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 214.

— (**Стр .38**). Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ (род. въ 1781 г., ум. въ 1848 г.) былъ свойственникъ Г. Р. Державина по второй его женѣ, близкій человѣкъ въ домѣ А. Н. Оленина и вообще вращался въ томъ же кругѣ, что и Батюшковъ. Онъ занимался русскою исторіей, и въ особенности — археологіей и генеалогіей, и въ 1805 г. издалъ въ Петербургѣ, но безъ подписи своего имени, первый свой трудъ: „Начертаніе жизни кн. Я. Ѳ. Долгорукова" Съ 1809 г. по 1811, благодаря содѣйствію Оленина, Бороздинъ совершилъ, по Высочайшему повелѣнію, ученое путешествіе по Россіи для открытія и описанія замѣчательныхъ зданій и древнихъ вещей, подъ главнымъ начальствомъ П. С. Валуева и въ сопровожденіи археолога А. И. Ермолаева, архитектора Максютина и рисовальщика Иванова. Путешествіе это, начатое въ іюнѣ 1809 г. и раздѣленное на двѣ поѣздки, окончилось 27-го января 1811 г., въ Москвѣ. При этомъ Бороздинъ посѣтилъ Старую Ладогу, Тихвинъ, Устюжну, Череповецъ, Бѣлозерскъ, Вологду, Кіевъ, Любечъ, Остеръ, Бѣловѣжскій городокъ, Нѣжинъ, Черниговъ, Елецъ, Ахтырку, Курскъ, Боровскъ и Тулу. Описаніе этого путешествія, состоящее изъ четырехъ большихъ альбомовъ и снабженное великолѣпными рисунками, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Впослѣдствіи Бороздинъ былъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и сенаторомъ и продолжалъ ученыя изысканія. Въ 1823 г. онъ напечаталъ въ Сѣв. Архивѣ, ч. VI, № 12, изслѣдованіе о духовной грамотѣ в. кн. Дмитрія Ивановича; позже былъ сотрудникомъ „Энциклопедическаго лексикона" Плюшара, гдѣ ему принадлежатъ статьи, подписанныя буквами А. В. Въ 1841 году онъ издалъ девять книжекъ „Опытовъ историческихъ родословій" (Апраксиныхъ, Арсеньевыхъ, Бенкендорфовъ, Дивовыхъ, Ефимовскихъ, Измайловыхъ, Матюшкиныхъ, Нащокиныхъ, Скавронскихъ). Брошюры эти, вышедшія безъ имени составителя, печатались только въ 40 экземплярахъ и въ продажу не поступали. Кромѣ того, многіе ученые труды Бороздина остались въ рукописяхъ, между прочимъ географія Россіи по печатной лѣтописи съ Воскресенскаго списка. Бороздинъ велъ ученую переписку съ митро-

политомъ Евгеніемъ, академикомъ А. Х. Лербергомъ, А. Н. Олениным, Д. И. Языковымъ, А. И. Ермолаевымъ, В. В. Капнистомъ, кн. М. А. Оболенскимъ, Д. П. Голохвастовымъ, А. Д. Чертковымъ, П. Ѳ. Карабановымъ и многими другими. (**В. С.**).

— (**Стр. 38—39**). Михаилъ Александровичъ фонъ-Менгденъ и Петръ Степановичъ Макаровъ были сослуживцами Батюшкова по егерскому полку, гдѣ первый состоялъ штабсъ-капитаномъ, а второй полковникомъ. Василій Ѳедоровичъ Протасьевъ—поручикъ Измайловскаго полка, одинъ баталіонъ котораго также участвовалъ въ Шведской кампаніи 1809 г. (Богдановичъ. Исторія имп. Александра, т. II, прилож., стр. 55).

— (**Стр. 39**). Александръ Петровичъ—Бениґсенъ.

XXVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 19-го августа 1809 г. Деревня. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 215—216.

— (**Стр. 40**). Намекъ на Карамзина относится къ той сценѣ изъ „Натальи боярской дочери“, гдѣ героиня повѣсти, только что повѣнчанная тайно съ своимъ возлюбленнымъ, остается съ нимъ одна въ избушкѣ на ночь: „Священный занавѣсъ опускается, священный и не проницаемый для глазъ любопытныхъ“.

— Эпиграммы, о которыхъ говоритъ Батюшковъ, см. въ т. I подъ №№ XXVIII—XXXII; большая часть ихъ дѣйствительно была напечатана въ Цвѣтникѣ 1809 — 1810 гг., хотя въ дальнѣйшихъ письмахъ (см. стр. 44 и 48) Батюшковъ уже просилъ Гнѣдича не отдавать ихъ въ этотъ журналъ.

— (**Стр. 40**). Поэтъ Сидоръ и предсѣдатель Кузьма—не вымышленныя лица. Подъ Кузьмою, конечно, должно разумѣть Андрея Андреевича Нартова (род. въ 1737 г., ум. въ 1813), бывшаго съ 1801 г. по свою смерть президентомъ Россійской Академіи. Онъ смолоду писалъ стихи, а впослѣдствіи много занимался переводами и между прочимъ участвовалъ въ переводѣ „Путешествія молодаго Анахарсиса“, Бартелеми, предпринятомъ Россійскою Академіей (Нартову принадлежитъ переводъ I-й части, вышедшей въ 1804 г.), но не считался и въ свое время хорошимъ писателемъ. Онъ былъ пріятель съ Шишковымъ и, подобно ему, враждебенъ литературнымъ нововведеніямъ. Поэтъ Сидоръ есть несомнѣнно С. С. Бобровъ, который написалъ, между прочимъ, стихотвореніе „Судьба древняго міра или всемірный потопъ“, гдѣ попадаются слѣдующіе нелѣпые стихи:

Тогда тьмы рыбъ въ древахъ висѣли,
Гдѣ черный вранъ кричалъ въ гнѣздѣ.

Стихотвореніе это помѣщено въ собраніи сочиненій Боброва, изданномъ подъ заглавіемъ „Разцвѣтъ полночи“, ч. III. (С.-Пб. 1804), стр. 20—24, съ слѣдующимъ наивнымъ примѣчаніемъ: „Сія (ода?) напечатана въ 786 году; теперь поправ-

лена". Стихотвореніе Боброва было предметомъ насмѣшекъ и въ тогдашней печати: о немъ упоминаетъ между прочимъ С. Н. Маринъ въ своей сатирѣ, напечатанной въ Драматич. Вѣстникѣ 1808 г., № 23, стр. 190.

— (**Стр. 40**). Изданіе сочиненій Державина, которое Батюшковъ просилъ прислать ему, есть, безъ сомнѣнія, изданіе 1808 г., въ четырехъ частяхъ, къ которымъ только въ 1816 г. была присоединена V-я.

— (**Стр. 40**). Батюшковъ не приводитъ подлинныхъ стиховъ Тредіаковскаго, а пародируетъ слѣдующія строки изъ его піесы „Стихи похвальные Парижу", помѣщенной въ приложеніи къ „Ѣздѣ на островъ любви":

Любо играетъ и Аполлонъ съ музы
Въ луры и въ гусли такъ же и въ флеидузы.

— (**Стр. 40**). Гнѣдичъ получилъ пенсіонъ, въ виду своихъ занятій переводомъ Иліады, отъ великой княгини Екатерины Павловны (Сынъ Отечества 1811 г., № 11, статья М. Е. Лобанова, стр. 4 — 5), по ходатайству камергера князя Ивана Алексѣевича Гагарина (род. въ 1771 г., ум. въ 1832), который управлялъ дворомъ великой княгини. Князь Иванъ Алексѣевичъ во второмъ бракѣ былъ женатъ на актрисѣ Е. С. Семеновой (кн. Долгоруковъ, Росс. род. книга, т. I, стр.—246).

XXVIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. Окончено 6-го сентября 1809 г. Деревня. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 217—220.

— (**Стр. 42**). О Е. С. Семеновой см. т. II, стр. 436—437. Стихи къ ней Батюшкова см. въ т. I, стр. 69—70.

— (**Стр. 42**). Трагедія Хераскова, за которую Россійская академія присудила ему награду, есть „Раздѣленная Россія или Зареида и Ростиславъ"; Херасковъ прислалъ ее на судъ академіи, не объявивъ имени ея автора, и очень интересовался академическимъ приговоромъ, но окончательное одобреніе трагедіи академіей уже не застало его въ живыхъ: онъ умеръ 27-го сентября 1807 г., а трагедія была издана академіей уже въ 1809 г., и только тогда были оглашены и фамилія автора, и академическій приговоръ (М. И. Сухомлиновъ. Исторія Росс. Академіи, ч. VII, стр. 33—38).

— (**Стр. 42**). Стихъ приведенъ изъ „Генріады" Вольтера, пѣснь VII.

— (**Стр. 42**). Александръ Ефимовичъ Измайловъ (род. въ 1779 г., ум. въ 1831 г.) принадлежалъ къ числу раннихъ литературныхъ знакомыхъ Батюшкова; оба они вращались въ Петербургѣ въ томъ кругу молодыхъ писателей, изъ которыхъ составилось Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, и произведенія которыхъ наполняли, съ конца прошлаго вѣка, журналы,

издававшіеся въ Петербургѣ И. П. Пнинымъ, И. И. Мартыновымъ, Н. П. Брусиловымъ, Н. Ѳ. Остолоповымъ и пр. Измайловъ и началъ свою литературную дѣятельность въ 1798 году стихотвореніемъ „Смерть“, переведеннымъ изъ Малерба и напечатаннымъ въ первой части С.-Петербургскаго Журнала, издателемъ котораго былъ Пнинъ. Въ 1809—1810 гг. Измайловъ редактировалъ Цвѣтникъ сперва съ А. П. Беницкимъ, а по смерти послѣдняго—съ П. А. Никольскимъ. Къ этимъ журнальнымъ связямъ и относится письмо Батюшкова къ Измайлову, напечатанное въ этомъ томѣ, стр. 74. Какъ извѣстно, талантъ Измайлова былъ исключительно сатирическій, съ значительнымъ оттѣнкомъ грубости и даже цинизма; поэтому онъ и былъ прозванъ русскимъ Теньеромъ. Это направленіе таланта Измайлова было совсѣмъ не во вкусѣ Батюшкова, и онъ не высоко цѣнилъ его, какъ то видно изъ писемъ его къ Гнѣдичу, отъ 1-го ноября и отъ декабря 1809 года, но тѣмъ не менѣе интересовался до нѣкоторой степени литературною дѣятельностію Измайлова и даже находилъ, что проза его „хороша и чиста“. (**В. С.**).

— (**Стр. 42**). Лесновскій или Лешновскій—книгопродавецъ въ Петербургѣ, лавка котораго находилась у Синяго моста.

— (**Стр. 42**). О князѣ Ив. М. Долгорукомъ см. т. II, стр. 509—512.

— (**Стр. 43**). Нельзя не обратить вниманія на рѣзкій галлицизмъ, который дозволилъ себѣ Батюшковъ въ частномъ письмѣ и котораго онъ, вѣроятно, не употребилъ бы въ печати: „Я весь Италіянецъ, то-есть, перевожу Тасса въ прозу“. Точно также и Карамзинъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Дмитріеву (стр. 82), въ 1797 г., говоритъ: „Скажи Александру Алексѣевичу, что я нынѣ весь въ италіянскомъ языкѣ: сплю и вижу Метастазія“. Любопытный примѣръ того, какъ два писателя, много заботившіеся объ отдѣлкѣ своего слога, поддавались вліянію столь хорошо знакомой имъ французской рѣчи.

— (**Стр. 43**). Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1817), знаменитый трагическій актеръ, котораго современники любили сравнивать съ Тальмой. Вопросъ Батюшкова, вѣроятно, имѣетъ отношеніе къ тому, что Яковлевъ, при всемъ своемъ талантѣ, игралъ неровно (С. Т. Аксаковъ, Сем. хроника и воспоминанія, т. II, стр. 241 и слѣд.; С. Н. Жихаревъ. Воспоминанія стараго театрала—О т. Зап. 1854 г., т. XCVII, стр. 23 и слѣд.).

— (**Стр. 43**). Павелъ Александровичъ Катенинъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1853), подобно Батюшкову, началъ службу въ департаментѣ народнаго просвѣщенія въ 1807 г., и уже послѣ 1809 г. перешелъ въ Преображенскій полкъ; на литературное поприще онъ выступилъ стихотвореніями, помѣщенными въ Цвѣтникѣ 1809 г., и подавалъ большія надежды, какъ писатель, что̀ видно и изъ словъ Батюшкова, и изъ позднѣйшихъ похвалъ А. С. Пушкина; и впослѣдствіи у него были горячіе поклонники, какъ, напримѣръ, Н. И. Бахтинъ, издавшій въ 1832 г. его „Сочиненія и переводы въ стихахъ“ съ хвалебнымъ предисловіемъ. Высоко цѣнилъ дарованіе Катенина и Гнѣдичъ. Но Батюшковъ разоча-

ровался впослѣдствіи въ его талантѣ (ср. т. III, стр. 390). У Вигеля (Воспоминанія, ч. III, стр. 147) находимъ злую по обыкновенію, но на этотъ разъ довольно справедливую характеристику молодаго Катенина, какъ литератора „Круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ, какъ кофейникъ на конфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ; ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады, ни русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и Виргилій всегда бывалъ первою его жертвой... Можетъ быть, ему не хотѣлось быть на ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостью сужденій стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ?... Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ. Не изъ угожденія Шишкову, ибо онъ никому не хотѣлъ нравиться, а всѣхъ поражать, а такъ изъ оригинальности, въ надеждѣ служить примѣромъ, Катенинъ свои трагедіи, стихотворенія безъ мѣры и безъ искусства начинялъ славянизмами. И что это было? Верхъ безвкусія и безсмыслія. Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ". Ср. еще о Катенинѣ Соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 148, и Исторію Росс. академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VII, стр. 89—91.

— (**Стр. 44**). О взглядѣ Батюшкова на талантъ Я. Б. Княжнина см. т. II, стр. 204.

— (**Стр. 44**). „Mais sans un Mécenas"... и пр.—стихъ 86-й изъ I-й сатиры Буало.

— (**Стр. 44**). О С. П. Жихаревѣ см. въ примѣчаніяхъ къ письму XXXII-му.

— (**Стр. 44**). Сужденія Батюшкова о Тассѣ см. въ статьѣ о немъ въ т. II и ср. тамъ же примѣчанія къ этой статьѣ.

— (**Стр. 44**). Стихъ изъ „Энеиды" взятъ изъ пѣсни V-й, ст. 344.

— (**Стр. 45**) Графъ Карлъ Гавриловичъ Шанъ де-Растиньякъ былъ сослуживцемъ Батюшкова, штабсъ-капитаномъ егерскаго полка, и участвовалъ въ Шведской кампаніи. Горячій роялистъ, онъ, по словамъ Вигеля, „былъ вѣтренъ, болтливъ и заносчивъ" (Воспоминанія, ч. II, стр. 31; ср. ч. III, стр. 9).

XXIX. **Н. И. Гнѣдичу.** Сентябрь. 1810 г. [1]). Деревня. Подлинникъ у П. Я. Дашкова.

[1]) Письмо это невѣрно датировано въ текстѣ 1809-мъ годомъ; оно относится къ 1810 г., въ началѣ котораго только познакомился Батюшковъ съ княземъ Вяземскимъ.

— (**Стр. 45**). Леонидъ Николаевичъ Львовъ (род. въ 1784 г.), старшій сынъ Н. А. Львова. Дружба послѣдняго съ М. Н. Муравьевымъ сблизила и Батюшкова съ его сыномъ. Л. Н. Львовъ воспитывался на попеченіи Державина и служилъ при посольствѣ въ Мадритѣ, когда, въ 1802 — 1804 гг., тамъ былъ русскимъ посланникомъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ; впослѣдствіи Л. Н. Львовъ продолжалъ службу по министерству иностранныхъ дѣлъ (Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VI, стр. 139 и 239).

— (**Стр. 45**). Какую именно изъ эклогъ Ѳеокрита Гнѣдичъ совѣтовалъ переводить Батюшкову,—не извѣстно, такъ какъ Кошанскій не напечаталъ своихъ переводовъ изъ Ѳеокрита. Но слова Батюшкова любопытны тѣмъ, что указываютъ на личное знакомство его съ Кошанскимъ.

Николай Ѳедоровичъ Кошанскій (род. въ 1781 г., ум. въ 1831). Онъ былъ питомцемъ Московскаго университета, гдѣ и кончилъ курсъ по философскому факультету въ 1802 г., со степенью кандидата. Еще будучи студентомъ, онъ сталъ преподавать риторику въ университетскомъ пансіонѣ; по окончаніи же курса былъ назначенъ, сверхъ того, учителемъ древнихъ языковъ въ академическую гимназію (при томъ же университетѣ); въ 1805 году онъ пріобрѣлъ степень магистра философіи и словесныхъ наукъ, и въ августѣ этого года былъ вызванъ М. Н. Муравьевымъ въ Петербургъ, чтобы затѣмъ ѣхать въ чужіе края, по преимуществу въ Италію, для изученія археологіи и изящныхъ искусствъ. Но вслѣдствіе начавшейся тогда войны съ Франціей поѣздка эта не состоялась, и Кошанскій былъ оставленъ на годъ въ Петербургѣ для изученія древностей въ музеѣ Эрмитажа и искусствъ въ Академіи Художествъ. Руководимый совѣтами Муравьева, Кошанскій занялся диссертаціей на степень доктора. Темою для диссертаціи онъ избралъ миѳъ о Пандорѣ, и въ началѣ 1807 г. возвратился въ Москву для защиты диссертаціи, которая была напечатана на латинскомъ языкѣ. По полученіи степени доктора Кошанскій ожидалъ отъ Муравьева окончательнаго устроенія своей участи, но смерть Михаила Никитича разрушила его надежды. Кошанскій остался въ Москвѣ, и такъ какъ въ университетѣ не было вакантныхъ каѳедръ, ему пришлось ограничиться преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только въ 1811 г. ему удалось занять каѳедру русской и латинской словесности во вновь образованномъ тогда Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ онъ и преподавалъ до 1828 года. Кромѣ того, онъ былъ преподавателемъ въ лицейскомъ благородномъ пансіонѣ и съ 1824 г. директоромъ института слѣпыхъ. Смерть его послѣдовала отъ холеры. См. біографію Кошанскаго, съ перечнемъ его трудовъ, въ Памятной книжкѣ Имп. Алекс. Лицея на 1856—1857 г., стр. 142—160; написанный имъ некрологъ М. Н. Муравьева напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., ч. XXX, № 19.

Въ памяти позднѣйшихъ поколѣній Кошанскій остался, главнымъ образомъ, какъ составитель учебниковъ по латинскому языку и теоріи словесности; учебники эти очень уважались въ свое время и имѣли много изданій, пока не были замѣнены новыми, и не отвергнуто было самое преподаваніе риторики. Въ 1845 г. Бѣлинскій (Соч., т. X) напечаталъ разборъ риторики Кошанскаго, окончательно уронившій ея авторитетъ. Но изъ этого еще не слѣ-

дуетъ, что самъ сочинитель этой забытой нынѣ книги былъ только сухой педантъ. Кошанскій хорошо—по старинному—зналъ греческую и римскую словесность и умѣлъ понимать красоту классической поэзіи. Онъ искренно и сознательно желалъ развитія у насъ классицизма, видя въ немъ высшую школу для образованія мысли и вкуса. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ изданная имъ книга „Цвѣты греческой поэзіи“ (М. 1811, въ 4-ку). Здѣсь онъ напечаталъ произведенія Біона и Мосха, въ подлинникѣ и переводѣ, и 6-ю пѣсню „Одиссеи“ (эпизодъ о Навсикаѣ), только въ переводѣ; къ изданію приложенъ подробный и обстоятельный комментарій. Книга эта предназначена не столько для спеціалистовъ, сколько для большинства образованныхъ читателей, и въ этомъ-то намѣреніи издателя и выразилось его убѣжденіе въ необходимости распространенія у насъ классическаго образованія. Преподаваніе Кошанскаго отличалось живостью и занимательностью, не смотря на его наклонность къ высокопарности (В. П. Гаевскій. Пушкинъ въ Лицеѣ.—Современникъ 1863 г., т. XCVII, стр. 133—134). Безъ сомнѣнія, оно прошло небезслѣдно для его геніальнаго ученика Пушкина; но ранѣе того Кошанскій оказалъ, какъ мы думаемъ, нѣкоторое вліяніе и на другаго высоко даровитаго поэта, Батюшкова. Кошанскій провелъ годъ въ Петербургѣ, вблизи М. Н. Муравьева, въ то самое время, когда Батюшковъ жилъ при дядѣ и дополнялъ свое пансіонское образованіе изученіемъ латинскаго языка и литературы; весьма вѣроятно, что онъ пользовался совѣтами Кошанскаго и зналъ о ходѣ его собственныхъ занятій, между прочимъ о переводѣ Ѳеокритовой эклоги.—Подъ названіемъ „Дидотова бѣднаго перевода“ Батюшковъ разумѣетъ французскій переводъ Ѳеокрита въ стихахъ, сдѣланный Фирменомъ Дидо (род. въ 1764 г., ум. въ 1836); переводъ этотъ изданъ вполнѣ только въ 1833 г., но отрывки изъ него печатались гораздо раньше.

— (**Стр. 45**). „Филоктетъ“—трагедія Софокла. Филоктетъ недостойнымъ образомъ покинутъ своими товарищами на дикомъ островѣ, въ жестокой болѣзни. Ему представляется неожиданная помощь, онъ можетъ быть извлеченъ изъ своего невольнаго одиночества, но лишь подъ условіемъ, чтобъ онъ сталъ союзникомъ тѣхъ самыхъ людей, которые столь жестоко оскорбили его: при такихъ обстоятельствахъ, онъ безъ колебанія отвергаетъ помощь и предпочитаетъ остаться вдали отъ людей, чтобы не доставить торжества своимъ врагамъ и не уронить свою честь. Такова завязка трагедіи. Батюшковъ могъ находить нѣчто общее между ею и обстоятельствами своей жизни во второй половинѣ 1810 г., когда увидѣлъ себя обойденнымъ наградой послѣ участія въ двухъ тяжелыхъ кампаніяхъ (ср. т. III, стр. 50, 69). Поэтому онъ и могъ сказать, что трагедія Софокла «очень по сердцу» ему. Въ хорахъ „Филоктета“ особенно ярко изображается горькая жизнь героя въ невольномъ одиночествѣ, вдали отъ общенія съ людьми. Такъ и Батюшковъ жаловался на унылое уединеніе своего пребыванія въ деревнѣ (т. III, стр. 52—53).

XXX. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 19-го сентября 1809 г. Деревня. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 220—222.

— (Стр 47). Разсужденіе о значеніи „иґѣапіѣ“ для писателя ср. съ тѣмъ, что говоритъ Батюшковъ въ „Рѣчи о легкой поэзіи“ (т. II, стр. 243 и прим. тамъ же, стр. 525).—Въ фразѣ: „Еслибъ Костровъ жилъ въ свѣтѣ, то не осмѣлился бы написать с и ц ѣ для к о л е с н и ц ы“ послѣднее слово должно было напечатать: к о л е с н и ц ѣ, такъ какъ Батюшковъ разумѣетъ здѣсь слѣдующіе стихи Кострова изъ его перевода „Иліады“ (пѣснь V):

Эней въ отвѣтъ: „Престань и не глаголи сице“:
„Спѣши, спѣши возсѣсть со мной на колесницѣ“.

Тѣ же странныя риѳмы Батюшковъ вспоминаетъ и въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ августа-сентября 1811 г. (т. III, стр. 141).

— (Стр. 48).О „Таліи“, альманахѣ А. П. Беницкаго, и помѣщенной тамъ зло остроумной статьѣ его „Умный и дуракъ“ см. т II, стр. 427—428.

— (Стр. 48). Самый ранній изъ извѣстныхъ переводовъ Батюшкова, есть переводъ 3-й элегіи изъ Тибулла III-й книги (т. I, стр. 74—75).

— (Стр. 48) О князѣ П. И. Шаликовѣ см. въ томѣ I примѣчаніе къ посланію Батюшкова къ нему. Съ 1808 г. по 1812 Шаликовъ издавалъ журналъ подъ заглавіемъ А г л а я.

— (Стр. 48). Въ числѣ посланныхъ Батюшковымъ Гнѣдичу эпиграммъ (см. выше стр. 612) была одна, направленная на Глупницкато, и Гнѣдичъ отнесъ ее къ одному изъ мелкихъ тогдашнихъ литераторовъ Аристарху Владиміровичу Лукницкому, который въ 1809—1811 гг. издавалъ журналъ С ѣ в е р н ы й М е р к у р і й. Лукницкій былъ главнымъ образомъ переводчикъ разныхъ французскихъ оперъ, драмъ и комедій, появлявшихся на сценѣ съ 1806 по 1816 г. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, „Два слѣпца толедскіе“ и „Три брата горбуна“, имѣли успѣхъ (А р а п о в ъ, Лѣт. р. театра, стр. 183—184). Въ началѣ своей литературно-театральной дѣятельности Лукницкій имѣлъ столкновеніе съ кн. Шаховскимъ по поводу своей піесы „Деньщикъ-виртуозъ“, заимствованной изъ комедіи Реньяра „La Serénade“. Въ августѣ 1805 г. Лукницкій представилъ эту піесу на разсмотрѣніе Шаховскаго, но послѣдній задержалъ ее, а самъ между тѣмъ, въ началѣ 1806 года, поставилъ на сцену свою комедію „Любовная почта“, представляющую большое сходство съ „Деньщикомъ-виртуозомъ“. Вѣроятно, оба писателя пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, но литературные враги Шаховскаго стали укорять его, что онъ взялъ сюжетъ „Любовной почты“ изъ задержанной піесы Лукницкаго. Въ виду этихъ нареканій Шаховской вскорѣ послѣ перваго представленія своей піесы допустилъ на сцену и „Деньщика-виртуоза“. Лукницкій, сознавая свою зависимость отъ сильнаго въ театральномъ мірѣ Шаховскаго въ первое время не только не изъявлялъ неудовольствія, но старался даже угождать ему. Такъ, въ 1807 году, по словамъ Жихарева (Дневникъ чиновника—О т е ч. З а п. 1855 г., т. CII, стр. 363—365), онъ переложилъ въ стихи извѣстный анекдотъ о Нѣмцѣ-портномъ, позабывшемъ въ те-

атрѣ сына, и преподнесъ его Шаховскому, въ то время собиравшему уже матеріалы для задуманнаго имъ Драматическаго Вѣстника. Стихотвореніе Лукницкаго, какъ насмѣшка надъ нѣмецкою драматургіей, понравилось Шаховскому, и онъ дѣйствительно напечаталъ его въ I-й части Драматическаго Вѣстника. По прекращеніи этого журнала, Лукницкій уже самъ предпринялъ изданіе Сѣвернаго Меркурія и наполнялъ его произведеніями писателей, даже и въ то время мало извѣстныхъ. Въ предисловіи къ своему журналу онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Все то, что можетъ служить къ удовольствію и увеселенію, посвящаю я прекрасному полу; все то что морально и серьезно, и гдѣ есть нѣкоторая соль, то отдаю я на судъ справедливыхъ читателей и увѣренъ, что они, увидѣвъ намѣреніе мое въ разсужденіи нѣкоторыхъ сравненій, касающихся до новыхъ произведеній литературы, согласятся, что изданіе мое не отъ критики происходитъ, но единственное безпристрастіе въ сужденіи оныхъ есть моею цѣлію“. Сдѣлавшись журналистомъ, Лукницкій пересталъ заискивать у Шаховскаго и открыто заявилъ себя противникомъ его. Въ Сѣверномъ Меркуріѣ появился рядъ статей, посвященныхъ русскому театру, въ которыхъ высказывалось явное сочувствіе нѣмецкой драмѣ вообще, и особенно піесамъ Коцебу. Кромѣ того, Лукницкій на страницахъ своего журнала не замедлилъ предать гласности исторію съ „Деньщикомъ-виртуозомъ“ (ч. II, 1809 г., стр. 74—82) и въ концѣ концовъ напечаталъ слѣдующее сатирическое объявленіе, очевидно относящееся къ кн. Шаховскому: „Извѣстный сочинитель Картавинъ, выбравъ уже изъ всѣхъ французскихъ и русскихъ театральныхъ сочиненій всѣ лучшія мѣста, проситъ покорно знающихъ прочіе, какъ-то: англинскій, нѣмецкій, италіянскій, греческій и другіе языки, перевести ему достойныя вниманія ихъ чужестранныя піесы, потому что онъ сочиняетъ новую комическую комедію и, трафя главное карикатурное лицо на счетъ дражайшаго своего родителя, ищетъ пособія и въ сей натуральной сценѣ въ чужомъ разумѣ. Имѣющіе таковые переводы могутъ адресоваться въ Продажной улицѣ, въ каменномъ угольномъ домѣ, къ камердинеру его Макару“ (ч. IX, 1811 г., стр. 23—24). (**В. С.**)

XXXI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. Сентябрь-октябрь 1809 г. Деревня. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 222—224.

— (**Стр. 50**). Дмитрій Осиповичъ Барановъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1834), родственникъ Батюшкова. Онъ воспитывался въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ (Н. В. Сушковъ, Моск. унив. благор. пансіонъ, стр. 33), а впослѣдствіи былъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ, управляющимъ дѣлами комитета министровъ и сенаторомъ. Въ молодости онъ занимался литературой и печаталъ стихотворенія въ разныхъ петербургскихъ и московскихъ періодическихъ изданіяхъ конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго столѣтія, между прочимъ въ Аонидахъ и Вѣстникѣ Европы. Онъ былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова и съ 1833 г. Россійской академіи. Какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, Батюшковъ не питалъ къ нему расположенія, да и Барановъ платилъ ему тѣмъ же. Въ письмахъ

Карамзина къ Дмитріеву (стр. 344) есть краткій отзывъ о Барановѣ, не совсѣмъ въ его пользу.

— (Стр. 50). „Frappez juste“... слова Вольтера Лагарпу. Тѣ же слова, но въ слѣдующей формѣ: „Frappez fort plutôt que juste“, приводитъ Жуковскій въ разборѣ игры г-жи Жоржъ въ „Семирамидѣ“ (Вѣстникъ Европы 1809 г., ч. XLVIII, № 23, стр. 260).

— (Стр. 51). „И вправдь, когда посмотримъ на баловней фортуны“... Изъ письма подъ № XXXII (стр. 52) можно заключить, что тутъ находится намекъ на И. И. Дмитріева: въ 1806 г. онъ, послѣ шестилѣтней отставки, былъ назначенъ сенаторомъ и затѣмъ получилъ порученіе наблюдать за дѣятельностью губернаторовъ по сбору милиціи въ Костромской, Вологодской, Нижегородской, Казанской и Вятской губерніяхъ; кромѣ того, онъ производилъ въ 1808 г. ревизію въ Рязанской и Костромской губерніяхъ, и въ мартѣ 1809 г. ему было объявлено Высочайшее благоволеніе за эти труды (И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, стр. 151—176).

— (Стр. 51). Странныя риѳмы: пря—моря встрѣчаются въ слѣдующихъ стихахъ В. Г. Анастасевича, въ его переведенной съ французскаго ораторіи „Саулъ“, стр. 5:

Колѣна всюду расточенны!
Прейдите горы и моря,—
Вамъ всѣ пути днесь углажденны:
На ихъ брегахъ изчезла пря!

Ораторія эта, въ трехъ дѣйствіяхъ, безъ сомнѣнія, составляетъ переводъ слѣдующаго французскаго подлинника: Saül, opéra biblique en 3 actes, paroles de Desprès, Deschamps et Morel, musique arrangée par C. Kalkbrenner et Lachnith d'après Haydn, Mozart, Cimarosa et Paisiello, représentée à l'Opéra le 7 avril 1803. Ораторія Анастасевича была напечатана только въ 1811 г., въ Петербургѣ, но вѣроятно, еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была исполняема и потому извѣстна Батюшкову.—Приводимые имъ далѣе два стиха несомнѣнно принадлежатъ его переводу I-й пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“; переводъ этотъ былъ оконченъ нашимъ поэтомъ во второй половинѣ 1809 г. (см. т. III, стр. 62), но изъ него сохранился только одинъ отрывокъ, напечатанный въ т. I, стр. 55—58. Въ италіянскомъ подлинникѣ, въ строфѣ LXIII-й, соотвѣтствующіе стихи читаются такъ:

Alcasto il terzo vien, qual presso a Tebe
Già Capanèo, con minaccioso volto.

XXXII. Н. И. ГНѢДИЧУ. 1-го ноября 1809 г. кончено и послано. Деревня. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 224—229.

— (Стр. 52). Выписка изъ оперы Я. Б. Княжнина „Сбитенщикъ“ взята изъ 11-го явленія II-го дѣйствія.

— (**Стр. 53**). „Описаніе торжества въ домѣ князя Потемкина по случаю взятія Измаила“, составленное Державинымъ въ 1791 г., см. въ т. I его Сочиненій, 1-е акад. изд., стр. 375—419.

— (**Стр. 53**). Четыре стиха изъ Аріостова „Orlando furioso“ взяты изъ пѣсни XXVII-й, строфа 1-я.

— (**Стр. 54**). Степанъ Петровичъ Жихаревъ, по происхожденію изъ тамбовскихъ дворянъ, родился въ 1787 году, воспитывался въ Москвѣ сперва въ частномъ пансіонѣ Ронка, а потомъ, въ 1805—1806 гг., въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, при чемъ слушалъ лекціи въ университетѣ. Службу онъ началъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, потомъ перешелъ въ министерство юстиціи (когда министромъ былъ Дмитріевъ), былъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ и наконецъ сенаторомъ; кромѣ того, въ послѣдніе годы жизни онъ былъ предсѣдателемъ литературно-театральнаго комитета при дирекціи театровъ; умеръ 31-го августа 1860 года.

Воспитанникъ А. А. Прокоповича-Антонскаго и ученикъ Мерзлякова, Жихаревъ еще на студенческой скамьѣ сталъ заниматься литературой, чему способствовало и хорошее знакомство его съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ; кромѣ того, онъ съ ранней молодости былъ страстнымъ театраломъ и остался имъ на всю жизнь. Онъ писалъ стихи и драматическія произведенія. Стихотворенія его встрѣчаются въ Драм. Вѣстникѣ 1808 г., въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова 1812 г. (кн. VI) и въ Сынѣ Отечества 1816 г. (ч. 31); одно изъ нихъ попало даже во 2-е изданіе „Собранія образцовыхъ сочиненій“ (ч. V). Первымъ его драматическимъ опытомъ былъ переводъ оперы „Любовныя шутки“ (1804 г.); затѣмъ онъ принялся за сочиненіе трагедіи „Артабанъ“, и хотя его учитель Мерзляковъ называлъ ее барабаномъ, авторъ явился съ нею въ 1806 г. въ Петербургъ и желалъ зарекомендовать себя ею въ кругу здѣшнихъ писателей; „Артабанъ“, читанный имъ Державину, Дмитревскому, кн. Шаховскому и другимъ, никому не понравился, и вскорѣ авторъ самъ замѣтилъ, что его трагедія есть „смѣсь чуши съ галиматьею, помноженныя на ахинею“; тѣмъ не менѣе Жихаревъ проложилъ себѣ дорогу въ литературные и театральные кружки, сталъ своимъ человѣкомъ въ домахъ Державина и Шишкова, сошелся съ Шаховскимъ, Гнѣдичемъ, актеромъ Яковлевымъ и др. Въ Петербургѣ, какъ прежде въ Москвѣ, онъ много занимался театромъ и самъ работалъ для сцены: въ 1809 г. онъ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Гнѣдичемъ, Лобановымъ и Полозовымъ, участвовалъ въ переводѣ „Заиры“, а въ концѣ 1811 г. поставилъ на сцену переводы трагедіи Кребильона „Атрей“ и комедіи „Чортъ розоваго цвѣта“ (Арановъ. Лѣтопись р. театра, стр. 213). Ни одна изъ піесъ его напечатана не была. При устройствѣ Бесѣды любителей русскаго слова Жихаревъ былъ принятъ въ нее сотрудникомъ, а впослѣдствіи сталъ членомъ Арзамаса, въ кружкѣ котораго находилось нѣсколько товарищей его по Московскому благородному пансіону; арзамасское прозвище его былъ Громобой. Другой арзамасецъ, Ф. Ф. Вигель, оставилъ намъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (ч. IV, стр. 169—170), слѣдующій любопытный, не смотря на нѣкоторыя фактическія неточности, очеркъ лич-

ности Жихарева: „Изъ деревни привезёнъ былъ онъ въ Московскій университетскій пансіонъ и оттуда воротился опять въ провинцію, гдѣ и оставался лѣтъ до восемнадцати. Онъ принялъ всѣ ея навыки; съ большимъ умомъ, съ большими способностями, въ кругу образованныхъ людей, онъ никогда не могъ отстать отъ нихъ. Наружность имѣлъ онъ азіатскую: оливковый цвѣтъ лица, черные какъ смоль, кудрявые волосы, черные блистающіе глаза, но которые никогда не загорались ни гнѣвомъ, ни любовію и выражали одно флегматическое спокойствіе. Онъ казался мраченъ, угрюмъ, а не знаю, бывалъ ли онъ когда сердитъ или чрезвычайно веселъ. Образъ жизни тогдашнихъ петербургскихъ гражданскихъ дѣльцовъ имѣлъ великое сходство съ тѣмъ, который вели дворяне внутри Россіи. Тѣхъ и другихъ могъ совершенно развеселить одинъ только шумный пиръ, жирный обѣдъ и безпрестанно опоражниваемыя бутылки. Покинутую родину въ Петербургѣ обрѣлъ нашъ Жихаревъ у откупщиковъ, у оберъ-секретарей. Потомъ свелъ онъ дружбу съ Шаховскимъ и русскими актерами, что̀ и вовлекло его въ литературу и даже въ Бесѣду, куда былъ принятъ онъ сотрудникомъ. Онъ прилялся за трудъ, перевелъ трагедію „Атрей“, комедію „Розовый чортъ“, написалъ какую-то поэму „Барды“: все это ниже посредственности. Безвкусіе было главнымъ недостаткомъ его въ словесности, въ обществѣ, въ домашней жизни. У него былъ живъ еще отецъ, человѣкъ достаточный, но обремененный долгами; онъ поступалъ съ нимъ, какъ почти всѣ тогдашніе отцы, которые къ дѣтямъ не слишкомъ были чивы и требовали, можетъ быть—весьма справедливо, чтобы сынки сами умѣли наживать копѣйку. А Жихаревъ любилъ погулять, поѣсть, попить и самъ поподчивать: это заставило его войти въ долги и прибѣгать къ разнымъ изворотамъ (expédiens, какъ называютъ ихъ Французы). Дурныя привычки, по нуждѣ въ молодости принятыя, къ сожалѣнію иногда отзываются и въ старости. Богъ вѣсть какъ прилелся онъ къ моимъ знакомымъ, вѣроятно—черезъ Дашкова, съ которымъ учился; только въ 1814 году нашелъ я его уже водвореннымъ между ними. Я не встрѣчалъ человѣка, болѣе готоваго на послуги, на одолженія: это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сблизили его со мною и съ другими“.

Жихаревъ былъ плохимъ стихотворцемъ и драматургомъ; но онъ оставилъ русской литературѣ драгоцѣнный вкладъ въ видѣ дневника, который велъ въ теченіе 45 лѣтъ. Къ сожалѣнію, изъ него издана только часть, а именно: 1) Записки современника съ 1805 по 1819 годъ. Часть I. Дневникъ студента. (С.-Пб. 1859), который обнимаетъ пребываніе автора въ Москвѣ и частью въ Липецкѣ со 2-го января 1805 г. по 22-е іюля 1806 г.; 2) продолженіе этихъ записокъ, печатавшееся въ Отечественныхъ Запискахъ 1855 года (семь статей), подъ заглавіемъ „Дневникъ чиновника“, и описывающее жизнь автора въ Петербургѣ съ 25-го августа 1806 г. по 31-е мая 1807 года; 3) извлеченіе, подъ названіемъ „Воспоминанія стараго театрала“, напечатанное въ Отеч. Запискахъ 1854 г., т. XCVI, и содержащее въ себѣ разсказы о разныхъ театральныхъ и литературныхъ дѣлахъ, преимущественно петербургскихъ, за время съ 1807 г. по 1816. Гдѣ находится остальная часть дневника—не извѣстно, и это крайне прискорбно, потому что дневникъ Жихарева представляетъ собою любопытнѣйшую картину нравовъ и лѣтопись литератур-

ныхъ и театральныхъ происшествій за нѣсколько лѣтъ изъ начала нынѣшняго столѣтія. Обширное знакомство и общительность автора, прекрасная память и наблюдательность доставляли ему возможность акуратно вносить въ свои записки множество такихъ подробностей, которыя иначе совершенно ускользнули бы отъ насъ и были бы утрачены для исторіи нашего общества и литературы. Близость записи къ изображаемымъ происшествіямъ ручается за достовѣрность даже мелкихъ сообщеній автора, а непосредственность его разсказа, сохранившаяся, не смотря даже на то, что дневникъ былъ, по видимому, нѣсколько обдѣланъ Жихаревымъ для печати, совершенно переноситъ читателя въ описываемое время и даетъ ему возможность наблюдать самого автора, какъ одного изъ представителей той среды, въ которой онъ жилъ. Въ дневникахъ же и воспоминаніяхъ своихъ Жихаревъ сообщаетъ свѣдѣнія о литературной дѣятельности, какъ своей собственной, такъ и своихъ современниковъ, и даже приводитъ цѣликомъ или въ отрывкахъ нѣкоторые образцы рукописной литературы начала нынѣшняго столѣтія. Весьма удачная оцѣнка „Дневника студента“ сдѣлана была М. Н. Лонгиновымъ въ Русск. Вѣстникѣ 1859 г., № 21. Въ концѣ своей жизни Жихаревъ, довольный успѣхомъ печатавшихся тогда записокъ своихъ, вздумалъ тряхнуть стариной и написалъ интермедію „Предпослѣдняя репетиція трагедіи Димитрій Донской“, но піеса эта, поставленная въ 1856 г., имѣла также мало успѣха, какъ и прежніе опыты автора (Арапов. Лѣтопись р. театра, стр. 179).

Батюшковъ познакомился съ Жихаревымъ въ исходѣ 1807 г. или въ началѣ слѣдующаго [1]). Въ то время Жихаревъ былъ особенно близокъ съ Шаховскимъ, даже жилъ съ нимъ на одной квартирѣ; поэтому Батюшковъ и говоритъ о нихъ обоихъ вмѣстѣ въ своихъ письмахъ къ Гнѣдичу (ср. т. III, стр. 44). Но какой именно случай подалъ нашему поэту поводъ сравнить Жихарева съ Панаромъ-водевильщикомъ—мы не знаемъ въ точности. Французскій писатель Ш. Панаръ (род. въ 1694 г., ум. въ 1765), прозванный le Lafontaine du vaudeville, извѣстенъ какъ сочинитель пѣсенъ и комическихъ оперъ. Какъ сказано выше, и Жихаревъ занимался если не сочиненіемъ, то переводомъ оперъ; еще въ 1806 г. онъ помогалъ въ такихъ работахъ своему пріятелю П. И. Кобякову, который былъ тогда поставщикомъ переводовъ для петербургской сцены (Отеч. Зап. 1855 г., т. XCIX, стр. 414). По всей вѣроятности, Батюшковъ не считалъ такое занятіе совмѣстимымъ съ серьезною литературною дѣятельностью. Какъ бы то ни было, говоря: „Честь Кодру-Жи-

[1]) Батюшковъ въ перепискѣ съ Гнѣдичемъ впервые упоминаетъ о Жихаревѣ въ сентябрѣ 1809 г.; но передъ тѣмъ онъ не жилъ въ Петербургѣ съ конца мая 1808 г., за исключеніемъ нѣсколькихъ дней въ іюнѣ 1809, проведенныхъ здѣсь по возвращеніи изъ Финляндіи и до отъѣзда въ Москву; Жихаревъ же, въ своемъ „Дневникѣ чиновника“, подъ 21-мъ мая 1807 г. (От. Зап. 1855 г., т. CII, стр. 376), упоминаетъ о Батюшковѣ, какъ о человѣкѣ, незнакомомъ ему лично и притомъ отсутствующемъ; слѣдовательно, первая встрѣча его съ Константиномъ Николаевичемъ должна была произойдти въ періодъ между возвращеніемъ послѣдняго въ Петербургъ осенью 1807 г. и отъѣздомъ его въ Финляндію въ маѣ 1808 года.

реву", Батюшковъ дѣлаетъ намекъ на слѣдующіе стихи Дмитріева изъ его „Посланія Попа къ доктору Арбутноту":

Неустрашимый Кодръ! Гдѣ есть тебѣ примѣры?
Весь свѣтъ противъ тебя: и ложи, и партеры!
Со всѣхъ сторонъ бранятъ, зѣваютъ и свистятъ,
И шляны на тебя, и яблоки летятъ:
Ни съ мѣста! Ты сидишь! Честь Кодру-исполину!...

Изъ послѣдующихъ писемъ Батюшкова видно, что онъ сохранялъ до самой болѣзни своей пріятельскія отношенія къ Жихареву. Изъ рукописи „Атрея", находящейся въ Московскомъ публичномъ музеѣ, обнаруживается, что въ 1811 г. Константинъ Николаевичъ просматривалъ эту трагедію Жихарева и дѣлалъ въ ней поправки (см. Отчетъ Моск. публ. и Румянц. музеевъ за 1879—1882 гг., стр. 82).

— (**Стр. 55**). „Видѣніе на берегахъ Леты" см. въ т. I, стр. 76—86. Подъ именемъ Славенофила выведенъ въ этомъ стихотвореніи А. С. Шишковъ.

— (**Стр. 56**). Два французскіе стиха приведены изъ III-й сатиры Буало.

— (**Стр. 56**). Къ изложенію отрицательнаго взгляда на древнюю русскую исторію подало Батюшкову поводъ то, что онъ читалъ въ деревнѣ сочиненіе А. А. Писарева: Предметы для художниковъ, избранные изъ Россійской Исторіи, Славянскаго Баснословія и изъ всѣхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Во Градѣ св. Петра. 1807 года. Двѣ части. О самомъ А. А. Писаревѣ уже говорено въ т. II, стр. 404—405; а чтобы дать понятіе о содержаніи выше упомянутаго сочиненія его, которое было издано по Высочайшему повелѣнію, посвящено воспитанникамъ Академіи художествъ и дѣйствительно осталось не безъ вліянія на русскую живопись и скульптуру первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія автора, въ которыхъ онъ объясняетъ задачу своего труда: „Сіе сочиненіе раздѣляется на двѣ части. Первая часть содержитъ въ себѣ: Картины, избранныя изъ русской исторіи, которыя раздѣлены на четыре періода. Первый періодъ—отъ начала извѣстныхъ временъ по исторіи до княженія великаго князя Изяслава, то-есть, по 1055 годъ; второй періодъ—отъ княженія великаго князя Изяслава до царствованія Іоанна IV, прозваннаго Грознымъ, то-есть, отъ 1055 по 1534 годъ; третій періодъ—отъ царствованія Іоанна IV до Петра Великаго, то-есть, отъ 1534 по 1682 годъ; четвертый періодъ—отъ Петра Великаго до великой Екатерины II, то-есть, отъ 1682 по 1762 годъ. Вторая часть содержитъ въ себѣ Картины, избранныя изъ всѣхъ русскихъ сочиненій, касательно русскихъ предметовъ. Они раздѣлены на четыре отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ представляютъ картины изъ лучшихъ русскихъ театральныхъ сочиненій; во второмъ представляютъ картины

изъ русскихъ эпическихъ и прочихъ поэмъ; въ третьемъ собраны картины изъ прозаическихъ русскихъ сочиненій; въ четвертомъ представляютъ Славянское Баснословіе и нѣкоторые значительные древніе обычаи, обряды, одѣяніе со многими нужными для художниковъ объясненіями. Къ симъ двумъ частямъ присоединены критическія примѣчанія для художниковъ на тѣ русскія сочиненія, которыя были писаны о подобныхъ же предметахъ, здѣсь мною предложенныхъ; также разсматриваются художественныя произведенія, относящіяся только къ симъ же предметамъ... Сіе сочиненіе представилъ я въ такомъ видѣ, что оно можетъ иногда послужить учебною книгою для художниковъ по части русской исторіи и русской словесности". Сочиненіе Писарева, при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ автора и патріотическихъ его чувствахъ, обнаруживаетъ, что его познанія въ русской исторіи были скудны, и потому предлагаемый имъ выборъ русскихъ историческихъ сюжетовъ и не богатъ, и большею частью ложенъ въ своемъ основаніи; героическіе сюжеты авторъ воображалъ себѣ не иначе, какъ въ торжественномъ псевдоклассическомъ обликѣ; понятіе простоты и наивности было ему совершенно чуждо, но за то въ его совѣтахъ замѣчается желаніе подкрашивать дѣйствительность; по части бытовой обстановки и характеристики русскаго народнаго типа Писаревъ могъ дать лишь очень немногія указанія. Замѣтимъ притомъ, что самая мысль выбрать изъ русской исторіи предметы для художественныхъ произведеній не принадлежитъ Писареву: раньше его она была уже высказана Карамзинымъ въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы 1802 г., № 24, и вызвавшей въ свою очередь критическія замѣчанія А. И. Тургенева, помѣщенныя въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1804 года, № 6. Писаревъ не замедлилъ вступить въ полемику съ обоими своими предшественниками (Предметы для художиковъ, ч. II, стр. 256—268). При такой внутренней несостоятельности сочиненія Писарева понятно, что для Батюшкова чтеніе его не представило ничего поучительнаго и подало поводъ только къ насмѣшкамъ съ его стороны. Слова его: «онъ (Писаревъ) пишетъ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на скамонѣхъ, былъ бѣлъ лицомъ», объясняется тѣмъ, что Писаревъ, въ I-й части своего сочиненія (стр. 87—93), сообщаетъ по Татищеву описаніе древне-русскихъ князей, а во II-й (стр. 210)—что князь Юрій Владиміровичъ любилъ играть на скомонѣхъ. Нужно имѣть въ виду еще и то, что Батюшковъ вообще причислялъ Писарева къ Шишковской партіи, что̀ впрочемъ и справедливо: еще въ 1806 г. онъ посѣщалъ тѣ устроенные старыми литераторами вечера, изъ которыхъ образовалась впослѣдствіи Бесѣда любителей русскаго слова (Жихаревъ, Дневн. чиновника—Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 125), а 13-го марта 1809 г. былъ избранъ въ члены Россійской академіи по предложенію Державина и во вниманіе изданныхъ имъ. „Предметовъ для художниковъ" (Сухомлиновъ, Исторія Росс. академіи, вып. VII, стр. 60—66).

Нѣсколькими строками ниже (стр. 57) Батюшковъ возвращается еще разъ къ Писареву и упоминаетъ о другомъ его сочиненіи: Общія правила театра, выбранныя изъ полнаго собранія сочиненій Г. Вольтера и расположенныя по порядку Драматическихъ правилъ. С.-Пб. 1809 г. Во время написанія письма Батюшковъ зналъ эту книгу только по рецензіи на нее (не вполнѣ благопріятной), помѣщенной въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. II, кн. 6, стр. 363—371. Эпи-

графъ къ „Правиламъ“, въ которомъ Батюшковъ нашелъ грамматическую ошибку, таковъ: „Всѣ искусства имѣютъ свой предѣлъ, за который перейти не можно. Каждый человѣкъ заключенъ въ границахъ своего дарованія; всѣ стремятся къ совершенству, но, не имѣя способность, тщетою силятся онаго достигнуть“ „(Вольтеръ)“.

— (**Стр. 56—57**). „Система природы“—извѣстное сочиненіе барона Гольбаха (род. въ 1723 г., ум. въ 1789), представляющее собою изложеніе крайняго матеріалистическаго ученія и появившееся въ свѣтъ въ 1770 г. Обзоръ содержанія „Systeme de la Nature“ и ея исторіи см. у Геттнера, въ Исторіи всеобщей литературы XVIII вѣка, т. II, кн. 2, отд. 2, гл. 4.

— (**Стр. 57**). О Бартелеми, авторѣ „Путешествія Анахарсиса“, см. т. II, стр. 456.

— (**Стр. 58**). То же замѣчаніе о заглавіи журнала Глинки находимъ и въ примѣчаніяхъ нашего поэта къ „Видѣнію на берегахъ Леты“ (т. I, стр. 81).

— (**Стр. 58**). Французскій стихъ приведенъ изъ Буало, Discours au roi (посвященіе къ собранію его сочиненій).

XXXIII. **А. Н. ОЛЕНИНУ**. 23-го ноября 1809 г. (Деревня). Подлинникъ у Н. И. Стояновскаго. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., стр. 1447—1449.

— (**Стр. 59**). Говоря, что „позволено шутить не надъ честью, а надъ глупостью писателей“, Батюшковъ повторяетъ мысль Буало въ тѣхъ самыхъ стихахъ, которые поставлены въ эпиграфъ „Видѣнію на берегахъ Леты“ и взяты изъ IX-й сатиры французскаго поэта.

— (**Стр. 59**). „И я у всѣхъ сталъ виноватъ“—стихъ Державина изъ оды „На счастіе“, строфа 17-я.

— (**Стр. 59**). „Les sots....“—стихъ изъ комедіи Грессе „Le Méchant“, дѣйствіе II, явл. 1.

— (**Стр. 59**). Сочинительница „Густава“—Елизавета Ивановна Титова; драма ея „Густавъ Ваза или торжествующая невинность“ была представлена въ первый разъ въ Петербургѣ 27-го іюня 1809 г. (Арановъ, Лѣтопись р. театра, стр. 193), а напечатана въ 1810 г.

Анна Петровна Бунина (род. въ 1774 г., ум. въ 1829 г.) пользовалась въ свое время довольно большою извѣстностью, какъ писательница; Державинъ и Шишковъ въ особенности высоко цѣнили ея талантъ, почему она и была избрана, въ числѣ немногихъ лицъ женскаго пола, членомъ Бесѣды любителей

русскаго слова. Сочиненія ея изчислены въ Словарѣ Геннади; свѣдѣнія о ней см. тамъ же.

Марья Евграфовна Извѣкова, въ замужествѣ Бедряга (род. въ 1794 г., ум. въ 1830), сочинительница нѣсколькихъ романовъ и стихотвореній. Произведенія ея изчислены въ Словарѣ Геннади. По свидѣтельству С. П. Жихарева (Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 76), еще въ 1805 г. на нее была написана слѣдующая эпиграмма:

Извѣковой романъ съ Извѣковой и сходенъ:
Онъ также, какъ она, дороденъ
И также ни къ чему не годенъ.

— (**Стр. 60**). „Бранитъ меня...“ и т. д.—стихъ С. Н. Марина изъ его сатиры, помѣщенной, за подписью Н., въ Драматическомъ Вѣстникѣ 1808 г., № 8, стр. 72. Здѣсь стихъ читается въ такомъ видѣ:

Ругаетъ дочь меня и мать полунагая.

О С. Н. Маринѣ см. въ примѣчаніяхъ къ письму LXXI-му.

— (**Стр. 60**). Фіадами или правильнѣе, ѳіадами, назывались служительницы Вакха или Діониса, ежегодно совершавшія свои оргіи на Парнассѣ.

XXXIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Конецъ ноября 1809 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 229—230.

— (**Стр. 61**). Говоря объ „одѣ Лебреновой“, Батюшковъ разумѣетъ, вѣроятно, одно изъ первыхъ произведеній Пьера Лебрена (род. въ 1785 г., ум. въ 1872 г.), оду „A la Grande Armée“ (1805 г.), или написанную нѣсколько позже оду „Au Vaisseau d'Angleterre“; обѣ эти піесы положили начало литературной извѣстности П. Лебрена (G. Merlet. Tableau de la littérature française. 1800—1815, t. I, стр. 449).—Ссылка на „Всемірный Путешественникъ“ относится къ „Всемірному Путешествователю“, аббата Де-ла-Порта, переведенному Я. И. Булгаковымъ. 27 частей. С.-Пб. 1778—1794, гдѣ, въ т. II, есть описаніе путешествія въ Персію, и тамъ, въ письмѣ XXII-мъ, разсказывается слѣдующее: „Наирѣдчайшая въ Испаганѣ вещь есть Роговая башня, такъ названная по той причинѣ, что въ составленіи ея не употреблено ни дерева, ни кирпича, ни камня, и что построена она изъ костей и череповъ козъ и другихъ дикихъ животныхъ“.

— (**Стр. 61**). Алексѣй Егоровичъ Ёгоровъ—извѣстный живописецъ; см. о немъ въ т. II, стр. 443 и 563.

— (**Стр. 61**). Упоминаніе о „Заирѣ“ относится къ переводу ея, сдѣланному пятью сотрудниками (см. выше стр. 621); въ этомъ видѣ „Заира“ была

представлена 18-го октября 1809 г., въ бенефисъ К. С. Семеновой, а за недѣлю передъ тѣмъ была издана трагедія Степана Ивановича Висковатова (род. въ 1786 г., ум. въ 1831 г.) „Ксенія и Темиръ", которая вся состояла изъ заимствованій изъ той же „Заиры". На эти заимствованія, притомъ не оговоренныя авторомъ, было указано въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. IV, стр. 121—143. Главную женскую роль въ трагедіи Висковатова играла не Семенова, а А. М. Каратыгина. Послѣ перваго представленія „Заиры", въ Цвѣтникѣ (ч. IV, стр. 237—255) появились довольно жесткія замѣчанія объ ея исполненіи на сценѣ, о неудачномъ костюмѣ Семеновой и о Яковлевѣ, который не зналъ своей роли. Самый переводъ „Заиры" въ этой статьѣ вообще похваленъ, но притомъ замѣчено: „Говорятъ, что трагедію переводило нѣсколько молодыхъ людей: примѣтно, что переводчикъ пятаго дѣйствія всѣхъ изъ нихъ моложе". На самомъ дѣлѣ это былъ кн. Шаховской, то-есть, старшій и наиболѣе опытный изъ сотрудниковъ (Жихаревъ. Воспоминанія ст. театрала—Отеч. Зап. 1854 г., т. XCVI, стр. 131).

— (**Стр. 61**). Штаневичъ—Евстафій Ивановичъ Станевичъ; о немъ и объ Иванѣ Семеновичѣ Захаровѣ см. въ т. I, въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію „Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славянороссовъ".

XXXV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (октябрь—ноябрь 1810 г. Деревня)[1]. Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 230—233.

— (**Стр. 64**). Ж.-Ф. Лагарпъ (род. въ 1739 г., ум. въ 1803) былъ избранъ членомъ Французской академіи на мѣсто Колардо (род. въ 1732 г., ум. въ 1776 г.), который самъ не задолго до смерти былъ избранъ въ нее и умеръ на канунѣ того дня, когда былъ назначенъ его торжественный пріемъ. Въ похвальномъ словѣ ему Лагарпъ сближаетъ это обстоятельство со смертью Тасса на канунѣ торжественнаго вѣнчанія послѣдняго въ Капитоліѣ. Любопытно, что еще въ 1810 г. вниманіе Батюшкова останавливалось на томъ трагическомъ событіи, которое, пять лѣтъ спустя, онъ положилъ въ основу своего „Умирающаго Тасса".

— (**Стр. 64**). Въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. напечатано было много стихотвореній Батюшкова, и потому, за неимѣніемъ ближайшихъ указаній, нельзя опредѣлить, которое изъ нихъ понравилось Гнѣдичу.

— (**Стр. 64**). Николай Назарьевичъ Муравьевъ, дальній родственникъ М. Н. Муравьева и отецъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, личность очень своеобразная, о которой однако у насъ очень мало писано; поэтому не лишнимъ будетъ сообщить здѣсь о немъ нѣсколько свѣдѣній.

[1]) Въ текстѣ это письмо ошибочно отнесено къ 1809 г.; нижеслѣдующія примѣчанія объяснятъ, почему его слѣдуетъ относить къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1810 года.

Николай Назарьевичъ родился 14-го октября 1775 г. въ окрестностяхъ Новгорода, въ усадьбѣ своего отца, с. Малыхъ Теребоняхъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома подъ руководствомъ приходскаго попомаря, а въ 1785 году поступилъ въ горный корпусъ, гдѣ и пробылъ до 1790 г. Произведенный въ офицеры, Муравьевъ по желанію отца отправился въ исходѣ 1790 г. на службу въ Нерчинскій горный баталліонъ, а въ концѣ 1791 г. былъ командированъ оттуда въ Петербургъ, для доставленія выплавленнаго на заводахъ серебра, и уже не возвращался болѣе въ Нерчинскъ. Въ 1792 году онъ перешелъ во флотъ, въ которомъ и прослужилъ десять лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ провелъ семь лѣтъ въ Англіи, служилъ на англійскомъ военномъ кораблѣ и потомъ командовалъ русскимъ линейнымъ кораблемъ. Достигши до чина капитана 1-го ранга, Николай Назарьевичъ въ 1803 году перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія и занялъ должность старшаго письмоводителя при М. Н. Муравьевѣ, какъ попечителѣ Московскаго университета, а по смерти его вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ новгородскомъ имѣньѣ. Въ то время Новгородскимъ губернаторомъ былъ П. И. Сумароковъ, находившійся въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ гр. Аракчеевымъ. Муравьевъ по ходатайству Сумарокова былъ назначенъ въ 1813 году вице-губернаторомъ въ Новгородъ; здѣсь онъ успѣлъ сблизиться съ Аракчеевымъ и началъ интриговать противъ Сумарокова. Дѣло кончилось тѣмъ, что послѣдній былъ смѣщенъ, а Муравьевъ въ 1815 году занялъ мѣсто его (Воспоминанія Н. И. Шенига въ Р. Архивѣ 1880 г., кн. III, стр. 308). Вотъ въ какихъ словахъ изображаетъ Николая Назарьевича и его первую жену Екатерину Николаевну, урожденную Мордвинову, Е. Ѳ. Брадке, посѣщавшій ихъ домъ въ 1818 году: „Этотъ человѣкъ, старый морякъ, показался мнѣ въ то время весьма пріятнымъ; онъ много читалъ и, по видимому, владѣлъ большимъ запасомъ здраваго разсудка: но дальнѣйшая судьба его тому противорѣчитъ, такъ какъ честолюбіе, чванство и чувственность довели его до безразсудныхъ поступковъ, казавшихся непонятными для тѣхъ, кто знавалъ его прежде. Г-жа Муравьева была достойная женщина, весьма образованная, съ направленіемъ религіознымъ; она рано скончалась [1]), и весьма вѣроятно, что она своимъ вліяніемъ спасала мужа отъ многихъ ошибокъ“ (Р. Арх. 1875 г., кн. I, стр. 35). Въ 1819 г. Муравьевъ оставилъ губернаторство въ Новгородѣ, а впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ, сенаторомъ и управлялъ собственною Его Величества канцеляріей. Въ январѣ 1832 г. онъ оставилъ службу и поселился въ своемъ селѣ Покровскомъ на лѣвомъ берегу Невы, по Шлиссельбургской дорогѣ; здѣсь онъ дѣятельно занимался сельскимъ хозяйствомъ и, кромѣ того, устроилъ въ своемъ имѣньѣ сахарный заводъ, изобрѣтя особый способъ вываривать и рафинировать сахаръ. Умеръ онъ 4-го января 1845 года.

Н. Н. Муравьевъ довольно много занимался литературой. Въ 1805 году онъ помѣстилъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ нѣсколько небольшихъ оригинальныхъ и переводныхъ статей, затѣмъ напечаталъ нѣсколько сочиненій разнообразнаго содержанія отдѣльными книжками, а съ 1828 г. началъ

[1]) 24-го апрѣля 1819 г. Похоронена въ Александроневскомъ монастырѣ.

издавать въ Петербургѣ собраніе своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія“. Сборникъ этотъ состоитъ изъ 14 частей (послѣдняя выпущена уже по смерти автора, въ 1851 году, но отпечатана много ранѣе того) и посвященъ второй женѣ Николая Назарьевича, Елизаветѣ Антоновнѣ, урожденной Моллеръ, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ 1823 году (сборникъ: Въ память гр. М. М. Сперанскаго. С.-Пб. 1872, стр. 608). Собраніе сочиненій Н. Н. Муравьева отличается большимъ разнообразіемъ содержанія; оно заключаетъ въ себѣ статьи по философіи, исторіи, археологіи, правовѣдѣнію, политической экономіи, промышленности, торговлѣ, естествознанію, астрономіи, физикѣ, живописи (о Брюловѣ и Теребеневѣ); въ литературномъ отдѣлѣ сборника главное мѣсто занимаетъ повѣсть „Всеволодъ и Велеслава“, которую самъ авторъ признавалъ написанною „легко и замысловато“ и считалъ родоначальницею русскаго романа на ряду съ „Марѳой Посадницей“ Карамзина. Въ сочиненіяхъ Муравьева разсѣяно много автобіографическихъ данныхъ, которыми мы и воспользовались въ настоящемъ очеркѣ. Кромѣ того, въ „предувѣдомленіи“ къ X-й части сборника Муравьевъ сдѣлалъ обзоръ своихъ литературныхъ трудовъ и далъ характеристику своей особы, свидѣтельствующую о томъ высокомъ мнѣніи, какое онъ имѣлъ о себѣ. Вотъ его слова: „Я съ дѣтства своего любилъ истинное образованіе человѣка. Въ юности моей средства моего собственнаго образованія были чрезвычайно умѣренны. Но съ 17-ти лѣтъ я получилъ страсть все знать, всему учиться. И съ того времени, во всю мою жизнь дня не проходило, чтобъ я не учился или въ книгѣ, или въ природѣ. Послѣднее было чаще всего. Къ стихотворенію и баснословію я не имѣлъ никогда склонности: вѣдомо, и способности къ нимъ не имѣлъ. Но всегда занимало меня что-нибудь точное и существенно полезное человѣку и его обществу. Отсюда, въ 1806 году, я издалъ переводъ свой опыта г. Гюма о населенности древнихъ народовъ, съ нѣкоторыми моими примѣчаніями. Отсюда, въ 1807 году, я издалъ письма Всеволода и Велеславы, желая познакомить читателей: 1) съ нѣкоторыми новыми истинами; 2) съ простымъ и легкимъ писаніемъ писемъ, чего примѣровъ у насъ тогда о ч е н ь мало было, и 3) со смѣлостью не пѣть, но разсуждать. Въ сихъ письмахъ нѣтъ ни единой строки безъ намѣренія нравоученія, хотя они наполнены выраженій самой живой и пламенной любви. И это сдѣлано и отъ собственныхъ моихъ чувствъ, и отъ умысла, чтобъ всѣми средствами завлечь прочесть и нечаянно почерпнуть изъ нихъ то, для чего они мною были писаны. Я не имѣлъ способности и не любилъ вымышлять небылицы, а потому просто придержался уже вымышленнаго романа „Новой Элоизы“. Но всѣ происшествія между Всеволода и Велеславы, всѣ предметы ихъ писемъ не имѣютъ ни малѣйшаго подражанія г. Руссо. Они всѣ русскіе, м о и с о б с т в е н н ы е совершенно. Изслѣдованія мои о новгородскихъ древностяхъ напечатаны въ 1826 и 1828 годахъ, отъ того же источника. Мнѣ любо было воспользоваться первою возможностію найдти путемъ разума и смысла, и я гордился, что шелъ путемъ Россіянина, не обыкновеннымъ, никому не п о д р а ж а я. Гдѣ счастливѣе Россіи! Кто лучше Русскаго! Боже всесильный, прими мою теплую слезы благодаренія, что судилъ Ты мнѣ быть Русскимъ! Отъ того же источника и съ тѣмъ же намѣреніемъ, и съ тѣмъ же

чувствомъ всѣ мои „Забавы отдохновенія“. Я предпринялъ ихъ печатью издавать въ началѣ 1828 года, когда увѣрился въ свободѣ моего чувства и моего смысла отъ гнета. Въ нихъ нѣтъ напряженія труда. Намѣреніе краснословить имъ не принадлежитъ. Въ нихъ просто Русскій и въ благословенной Россіи постигаетъ его окружающіе предметы и о нихъ говоритъ откровенно, искренно, нерѣдко (нѣтъ, чаще всего) можетъ быть, то, чего нигдѣ индѣ и никѣмъ другимъ не постигнуто и не говорено. Въ нихъ нѣтъ ни единой строки, ни единаго слова напрасныхъ и козненныхъ. Въ нихъ смыслъ и намѣреніе вездѣ чисты, просты для малѣйшаго в н и м а н і я. Но предметы, можетъ быть, столь еще новы, сухи, что потому и не всегда пріятны или сладки для вкуса у к о р е н и в ш а г о с я“.

Признавая за собою важныя заслуги, оказанныя русскому просвѣщенію во „всѣхъ вѣтвяхъ человѣческихъ знаній“ (Нѣк. изъ забавъ, ч. XIII, стр. 221), Муравьевъ вообще мало цѣнилъ труды другихъ соотечественниковъ, кромѣ Ломоносова, котораго называлъ „солнцемъ нашего просвѣщенія и русскаго смысла“ (ibid., стр. 219). Говоря о судьбахъ русской исторической науки, Муравьевъ вскользь упоминаетъ о Щербатовѣ, Татищевѣ (ibid., стр. 220) и останавливается на Карамзинѣ, которому изрекаетъ слѣдующій суровый приговоръ: „Г. Карамзинъ нашъ, наглядѣвшись иноземщины, надивившись чужестранному, не одаренный о с о б е н н ы м ъ геніемъ ума, но обладавшій геніемъ пѣсни, краснословія, пустился по слѣдамъ славы Гюма и особенно Гиббона, уже состарѣвшагося.... Г. Карамзинъ передъ моими глазами, такъ сказать, сдѣлалъ начало своей „Исторіи“, которую онъ обѣщалъ, и которую отъ него ожидали потому, что русскій слогъ его писаній находили пріятнымъ, намѣренія его—любезными, добрыми. Онъ изъ журналиста, переводчика, легкаго стихотворца сталъ вдругъ историкомъ, для котораго у него не доставало н а д л е ж а щ е й м ѣ ры: и просвѣщенія, и хладнокровія, и вникательности, и знаній, и государственности, и любви различать истину отъ небылицы, и безпристрастія, и мѣткаго сужденія, и твердости, и возвышенія правды. Судя по содержанію его введенія къ его „Исторіи“, должно полагать, что онъ, приступая писать ее, за это и не брался: было бы только красно и пріятно“ (Нѣкот. изъ заб., ч. X. стр. 66). Подобные же отзывы о Карамзинѣ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Муравьева (ч. X, стр. 212—214; 227—228; ч. XI, стр. 115—116; ч. XII, стр. 137). Для самого Муравьева идеаломъ историка былъ старинный французскій писатель Франсуа Мезере (род. 1610 г. ум. 1683), въ которомъ онъ находилъ „замашку смысла русскаго“; изъ соотечественниковъ же онъ особенно цѣнилъ Полеваго и Каченовскаго, котораго называлъ „истиннымъ историкомъ, не рѣчью, но дѣломъ цѣли своей ищущаго“ (Соч., ч. X, стр. 225; ч. XIV, стр. 507). Хотя Муравьевъ относился къ поэзіи съ пренебреженіемъ, называя стихи „даромъ праздности“ (ч. XI, стр. 84), но подъ старость самъ увлекся стихотворствомъ. Въ XIV-й части собранія его сочиненій находится не мало уродливыхъ стихотвореній, напоминающихъ вирши Тредіаковскаго. Таково между прочимъ „Мое изображенье“ (стр. 1238—1239), которымъ самолюбивый авторъ, подобно Горацію, хотѣлъ обезсмертить себя. Оно начинается слѣдующими строками:

Меня уже стоитъ изображенье,
Прочнѣй, чѣмъ прочнѣйше изваянье,
Въ моихъ, всѣхъ сторонъ писаньяхъ,
Въ ученіяхъ моихъ и предреканьяхъ!

Замѣчательно, что сочиненія Н. Н. Муравьева, въ противоположность мнѣнію о нихъ самого автора, мало привлекали къ себѣ вниманіе современной имъ критики: только мнѣнія его о новгородскихъ древностяхъ были обсуждаемы изслѣдователями исторіи Новгорода; изъ другихъ сочиненій повѣсть „Всеволодъ и Велеслава“, изданная первоначально въ 1807 г., была разобрана въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828 г., ч. XI, по случаю перепечатки ея въ I-й книгѣ „Нѣкоторыхъ изъ забавъ моего отдохновенія“, а въ Отеч. Запискахъ 1841 г., т. VIII, появился разборъ части этого сборника. (**В. С.**).

— (**Стр. 65**). Стихи Парни взяты изъ 5-го письма его къ своему брату (Pondichéry, septembre 1785). Письма эти встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Парни, напримѣръ, въ парижскомъ изданіи 1808 г., въ 16-ю д. л.

— (**Стр. 95**). „Quid rides?...“ взято изъ I-й сатиры Горація, кн. I:

....Quid rides? Mutato nomine de te
Fabula narratur.

— (**Стр. 65**). Ѳедоръ Петровичъ Львовъ (род. въ 1766 г., ум. въ 1836), отецъ извѣстнаго композитора Алексѣя Ѳедоровича Львова, приходился двоюроднымъ братомъ Н. А. Львову. Первой супругой Ѳедора Петровича была Надежда Ильинична Березина (род. въ 1776 г., ум. 26-го марта 1810 г.), по смерти которой онъ и женился на Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой (род. въ 1788 г., ум. въ 1864), дочери Николая Александровича и племянницѣ Г. Р. Державина. Съ молодыхъ лѣтъ вращаясь въ кругу Львова, Державина, Капниста, Хемницера, Ѳ. П. Львовъ самъ пристрастился къ литературѣ и сталъ писать стихи. Произведенія его пользовались нѣкоторою извѣстностію между современниками (Жихаревъ. Дневникъ чиновника—Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 135); даже Карамзинъ находилъ, что Львовъ „имѣетъ истинныя дарованія“ (Письма къ И. И. Дмитріеву, стр. 29) и печаталъ стихи его въ Московскомъ журналѣ 1791—1792 гг. (Стансы, Къ рѣкѣ Талажнѣ, Къ нѣпочкѣ, Къ лирѣ). Кромѣ Московскаго журнала, произведенія Ѳ. П. Львова печатались въ Ипокренѣ (1799 г.), Новостяхъ (1799 г.), Новостяхъ русской литературы (1802 г.), Другѣ юношества (1810 г.), Славянинѣ (1827 г.), Памятникѣ отечественныхъ музъ на 1827 годъ, а также въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Въ этомъ послѣднемъ изданіи встрѣчаются и прозаическія статьи Львова, между прочимъ въ кн. X-й помѣщено „Письмо русскаго уроженца къ сыну его, ноября 1-го дня 1812 г.“, въ которомъ авторъ горячо высказывается противъ тогдашней галломаніи. Впослѣдствіи Батюшковъ по-

смѣивался надъ прозаическимъ сочиненіемъ Львова „Письма къ графинѣ“ (т. III, стр. 458). Собраніе сочиненій Львова вышло въ 1831 году, подъ заглавіемъ „Часы свободы въ молодости“. Первая часть заключаетъ въ себѣ стихотворенія, а вторая—письма въ прозѣ и стихахъ. Въ 1834 году онъ издалъ „Объясненія на сочиненія Державина“, диктованныя самимъ поэтомъ Е. Н. Львовой, когда она была еще дѣвицей. Онъ составилъ также краткую біографію Н. А. Львова, которая была напечатана въ Сынѣ Отечества 1822 г., т. 77 и потомъ въ Москвитянинѣ 1855 г., № 6. Ѳ. П. Львовъ занимался литературой до конца жизни; такъ, еще въ 1834 г., въ Московскомъ Телеграфѣ (ч. 52, № 2), онъ выступалъ въ полемику противъ слога барона Брамбеуса. **(В. С.)**.

— **(Стр. 65)**. Вслѣдствіе приглашенія Карамзиныхъ (т. III, стр. 88), Батюшковъ провелъ у нихъ, то-есть, въ с. Остафьевѣ, имѣньѣ князя П. А. Вяземскаго, средину лѣта 1810 г.

— **(Стр. 66)**. Некрологъ А. П. Беницкаго, который умеръ въ 1809 г., помѣщенъ въ Цвѣтникѣ того же года, ч. IV, но написанъ не Гнѣдичемъ, а А. Е. Измайловымъ. Повѣсть Беницкаго „На другой день“ въ томъ же журналѣ за 1809 г., ч. I.

— **(Стр. 66)**. Князь С. А. Шихматовъ (см. о немъ въ т. I, въ примѣчаніяхъ къ „Пѣвцу въ бесѣдѣ Славянороссовъ“) напечаталъ въ 1810 г. стихотвореніе: „Возвращеніе въ отечество любезнаго моего брата“, которое было очень неблагосклонно разобрано въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. LIII, № 19, рецензентомъ, подписавшимся буквою Т.

XXXVI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. Рождество (конецъ декабря 1809 г. Деревня) [1]). Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 233—235.

— **(Стр. 67)**. ...„Ибо путешествіе сдѣлалось потребностью моей души“. Тутъ Батюшковъ примѣняетъ къ себѣ извѣстныя выраженія Карамзина (въ статьѣ „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“), подавшія поводъ къ критикѣ Шишкова въ его „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ“ (см. Филолог. разысканія Я. К. Грота, изд. 3-е, т. I, стр. 94).

— **(Стр. 68)**. Вмѣсто „мирты, тѣнь“ слѣдовало напечатать: мирты тѣнь это относится къ стихотворенію Батюшкова: „Мечта“ (т. I, стр. 1—4).

— **(Стр. 68)**. „Давно ли ты сталъ капуциномъ?“ Слово капуцинъ, въ смыслѣ хапжи, Батюшковъ беретъ у Вольтера. Тому же Вольтеру (épître á

[1]) Въ текстѣ это письмо невѣрно отнесено къ 1809 г.; упоминаніе въ немъ о сношеніяхъ Батюшкова съ Вяземскимъ доказываетъ, что его слѣдуетъ относить не ранѣе, какъ къ 1810 г.

m. le comte de Maurepas) принадлежатъ два приводимые имъ французскіе стиха.

— (**Стр. 69**). Сочиненія Расина, съ примѣчаніями Luneau de Boisgermain, были изданы дважды—въ 1767 г., съ гравюрами Гравело, и въ 1796 г. Примѣчанія въ этихъ изданіяхъ, довольно слабыя, принадлежатъ собственно двумъ авторамъ: Luneau de Boisgermain (1732—1804 гг.) и Blin de Saintmore (1733—1807 гг.).

— (**Стр. 69**). Подъ ликеемъ должно разумѣть Бесѣду любителей русскаго слова, объ основаніи которой стали хлопотать въ исходѣ 1810 г. Шишковъ, Державинъ и другіе старые литераторы (см. письмо Гнѣдича къ Капнисту отъ 2-го января 1811 г., Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VIII, стр. 905).

XXXVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. (Концъ декабря 1809 г. Вологда). Напечатано въ Р. Старинѣ 1871 г., т. III, стр. 235—286.

— (**Стр. 70**). Батюшковъ упрекаетъ Гнѣдича за неприсылку ему IX-й пѣсни „Иліады", переводъ которой былъ имъ напечатанъ въ видѣ отдѣльной брошюры въ 1809 году. Посланіе Гнѣдича, о которымъ говорится затѣмъ въ письмѣ, и которое, по видимому, было обращено къ в. княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, если не ошибаемся, не было напечатано, но въ другомъ позднѣйшемъ (1816 г.) посланіи Гнѣдича къ тому же лицу есть нѣсколько стиховъ, въ которыхъ поэтъ сближаетъ великую княгиню съ ея славною бабкой.

— (**Стр. 70**). О Палиссотѣ и его „Дунціадѣ" см. т. II, стр. 562.

XXXVIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ**. (Январь 1810 г. Москва.) Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 71**). Анна Семеновна — Муравьева-Апостолъ, первая жена И. М. Муравьева-Апостола, рожденная Черноевичъ; родилась около 1770 г., умерла внезапно 28-го марта 1810 г., въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, въ Москвѣ, въ бытность тамъ Константина Николаевича (т. III, стр. 83—84, 578—579). Ей принадлежитъ слѣдующій литературный трудъ: Примѣръ матерямъ, или приключенія маркизы де-Безиръ. Переведено съ французскаго языка Анною Муравьевой. 1791 (С.-Пб.).—Старшая дочь Анны Семеновны, Елизавета Ивановна (род. въ 1794 г., ум. въ 1814.), была впослѣдствіи за мужемъ за графомъ Фр. П. Ожаровскимъ. Въ дальнѣйшихъ письмахъ (стр. 77, 78, 84, 85, 111, 294) Батюшковъ еще упоминаетъ о ней и однажды называетъ ее „парижская красота", такъ какъ она получила образованіе въ Парижѣ.

— (**Стр. 71**). Петръ Алексѣевичъ Ижоринъ—родственникъ Батюшкова и М. Н. Муравьева; дѣдъ нашего поэта, Левъ Андреевичъ Батюшковъ, былъ

женатъ на Аннѣ Петровнѣ Ижориной, а ея родная сестра была замужемъ за Никитой Артамоновичемъ Муравьевымъ, отцомъ Михаила Никитича (кн. Долгоруковъ, Росс. род. книга, ч. IV, стр. 268; Р. Архивъ 1867 г., ст., 1346). Въ первые годы нынѣшняго вѣка Вигель зналъ П. А. Ижорина въ Москвѣ, какъ одного изъ „архивныхъ юношей“, жеманнымъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, а впослѣдствіи личностью весьма доброю и почтенною (Воспоминанія, ч. I, стр. 176).

— (Стр 71). Дмитрій Марковичъ Полторацкій (род. въ 1761 г., ум. въ 1818)—старшій братъ Ел. М. Олениной и отецъ недавно умершаго библіофила, Сергѣя Дмитріевича. Д. М. Полторацкій принадлежалъ къ высшему кругу московскаго общества (Жихаревъ. Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 88, 90, 91) и пользовался извѣстностью, какъ коннозаводчикъ и сельскій хозяинъ; въ своемъ калужскомъ имѣньѣ Авчуринѣ онъ ввелъ англійскіе улучшенные способы удобренія земли и употребленіе англійскихъ земледѣльческихъ орудій; его пристрастіе къ плугу вызвало полемику со стороны гр. Ѳ. В. Ростопчина, который, въ особой брошюрѣ, изданной въ 1806 г., выступилъ защитникомъ сохи; вслѣдъ затѣмъ въ этой полемикѣ приняли участіе и другія лица, и вопросъ былъ поставленъ на національную точку зрѣнія: спорили о томъ, слѣдуетъ ли въ русскомъ земледѣліи употреблять орудія иностраннаго изобрѣтенія (Н. С. Тихонравовъ. Графъ Ѳ. В. Растопчинъ и литература въ 1812 году—Отеч. Зап. 1854 г., т. XCV, стр. 24—30). Въ 1808 г. даже въ Драмат. Вѣстникѣ (ч. V, стр. 29—32) была напечатана, за подписью О, статья „О новоизобрѣтенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ“, авторъ которой сообщаетъ, что онъ „пустился на опыты съ тѣмъ, чтобъ переладить англійскій плугъ на подобіе русской сохи“, и изобрѣлъ русскій одноконный плугъ. Статья эта несомнѣнно принадлежитъ Ал. Н. Оленину, а этимъ обстоятельствомъ объясняется и то, что даже Крыловъ коснулся вопроса о плугѣ и и сохѣ въ своей „Модной лавкѣ“ (1807 г.) и въ баснѣ „Огородникъ и Философъ“ (1811 г.).

— (Стр. 71). Карамзинъ захворалъ въ концѣ 1809 г., послѣ того какъ почти на его глазахъ скончалась княгиня Е. А. Щербатова, сестра князя П. А. Вяземскаго. „Сей внезапный ударъ“, писалъ Карамзинъ брату 15-го февраля 1810 г.,—„поколебалъ мои нервы. Я занемогъ почти въ ту самую минуту, какъ сестра наша испустила духъ; слегъ въ постелю горячкою же и въ осьмой день казался умирающимъ. Богъ сжалился надъ моею бѣдною женою, которая 10 дней не ѣла и не спала; я ожилъ и теперь оправляюсь; силы мои возвращаются, и я съ новымъ удовольствіемъ смотрю на свѣтъ, съ которымъ братъ вашъ едва было на вѣки не простился“ (Атеней 1858 г., ч. III, стр. 476).

XXXIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 16-го января (1810 г., Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 383—384. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 72). Нѣсколько позже, въ 1811 или 1812 году, Батюшковъ отчасти привелъ въ исполненіе свое намѣреніе описать Москву въ оставшейся не конченною статьѣ „Прогулка по Москвѣ“ (т. II, стр. 19—34).

— (Стр. 72). Въ Твери жила великая княгиня Екатерина Павловна съ своимъ супругомъ герцогомъ Георгіемъ Ольденбургскимъ.

— (Стр. 73). Французскій стихъ взятъ изъ повѣсти Лафонтена „Philémon et Baucis“:

Il lit au front de ceux qu'un vain luxe environne
Que la fortune vend ce qu 'on croit qu'elle donne.

Ту же мысль приводитъ, какъ изреченіе греческаго поэта (Эпихарма), любимецъ нашего поэта, Монтань: „Les dieux nous vendent touts les biens qu'ils nous donnent“ (Essais, l. II, стр. 20).

— (Стр. 73). Посланіе Гнѣдича къ Батюшкову и отвѣтъ послѣдняго появились въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 3.

XL. **А. Е. ИЗМАЙЛОВУ**. (Начало 1810 г.). Подлинникъ у П. Я. Дашкова.

— (Стр. 74). Препровожденная въ письмѣ эпиграмма появилась въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. I, № 2 (февраль), почему и письмо пріурочено нами къ началу 1810 г. Весьма возможно, что эпиграмма направлена на переводъ Вольтеровой „Генріады“ въ стихахъ, изданный Ив. Сиряковымъ (С.-Пб. 1803).

XLI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 1-го февраля (1810 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 385. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 74). Пушкина—Елена Григорьевна, жена Алексѣя Мих. Пушкина. См. о ней въ вводной статьѣ къ настоящему изданію.

— (Стр. 75). Львовъ—Леонидъ Николаевичъ (см. выше, стр. 616).

XLII. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 9-го февраля 1810 г. Москва. Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 385—387. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 76). ...„Я давно бы уѣхалъ въ лѣса пошехонскіе опять жить съ волками и съ китайскими тѣнями воображенія“ и т. д. Батюшковъ такъ проникнутъ литературными воспоминаніями даже въ своей перепискѣ, что и

въ этихъ словахъ можно видѣть какъ бы отзвукъ слѣдующихъ стиховъ Карамзина (Посланіе къ А. А. Плещееву):

Что жь дѣлать намъ? Уже ль сокрыться
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
Въ какой-нибудь безвѣстный кровъ
И съ міромъ на всегда проститься...

и Дмитріева (сказка „Причудница“):

Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

— (**Стр. 76**). „Маленькая тѣнь“—такъ названъ въ „Видѣніи на берегахъ Леты“ (т. II, стр. 79) А. Ѳ. Мерзляковъ. Объ отношеніяхъ къ нему Батюшкова см. т. II, стр. 506—507.

— (**Стр. 77**). Батюшковъ зналъ археолога-художника Александра Ивановича Ермолаева по дому Оленина, въ Москвѣ же надѣялся встрѣтиться съ нимъ потому, что именно въ 1809 и 1810 гг. Ермолаевъ совершалъ, вмѣстѣ съ К. М. Бороздинымъ, археологическое путешествіе по Россіи, о чемъ упомянуто выше (стр. 611).

Ермолаевъ (род. въ 1780 г., ум. въ 1828) былъ уроженецъ Астрахани и воспитывался сперва въ домѣ сенатора Матвѣя Корниліевича Бороздина, вмѣстѣ съ сыномъ его Константиномъ, а затѣмъ былъ опредѣленъ въ Академію художествъ, гдѣ и кончилъ образованіе по архитектурному классу въ 1800 г. Уже въ это время онъ сталъ извѣстенъ Оленину, который опредѣлилъ его сперва въ канцелярію сената, а затѣмъ въ 1801 г. перевелъ въ канцелярію государственнаго совѣта, гдѣ Ермолаевъ и прослужилъ до своей смерти. Сверхъ того, съ 1808 г. онъ состоялъ помощникомъ хранителя рукописей въ Императорской Библіотекѣ, а съ 1816 г., по смерти П. П. Дубровскаго, хранителемъ ихъ. Наконецъ, съ 1817 г. онъ занималъ еще третью должность—сперва управляющаго письмоводствомъ, а потомъ конференцъ-секретаря въ Академіи художествъ (Сѣв. Пчела 1828 г. № 88; Сборн. II-го отд. Акад. Н., т. V, вып. 2, стр. 403—404). Еще въ бытность свою воспитанникомъ Академіи, Ермолаевъ подружился со своимъ товарищемъ по ученію А. Х. Востоковымъ и до конца жизни сохранилъ съ нимъ пріятельскія отношенія. Рано пробудился въ Ермолаевѣ интересъ къ отечественной археологіи. Въ 1802 году ему пришлось сопровождать Оленина въ поѣздкѣ по Россіи, и уже изъ этого путешествія онъ писалъ Востокову письма, свидѣтельствующія о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое производили на него памятники старины. Такъ, напримѣръ, о Новгородѣ, гдѣ онъ пробылъ всего нѣсколько часовъ, онъ говорилъ слѣдующее: „Въѣхавъ въ городъ, я почувствовалъ что-то такое, чего тебѣ описать не умѣю. Исторія Новгорода представилась моему воображенію; я думалъ видѣть на яву то, что знаю по описанію; при видѣ каждой старинной церкви, приводилъ я

себѣ на память какое-нибудь дѣяніе изъ отечественной исторіи. Воображеніе мое созидало огромныя палаты на всякомъ мѣстѣ, которое представлялось глазамъ моимъ. Гдѣ теперь хоромы посадника Добрыни? думалъ я самъ въ себѣ, и сердце мое сжималось; какая-то тоска овладѣвала онымъ. Наконецъ, представилась мнѣ старинная стѣна крѣпости (по старинному — дѣтинца или тверди). Какой прекрасный видъ! Стѣна уже получила цвѣтъ подобный ржавчинѣ, который гораздо темнѣе наверху, нежели внизу, и весьма походитъ на архитектурное пестрѣніе. Зубцы по большей части обвалились, а на ихъ мѣстѣ растетъ трава и небольшіе березовые кустики... Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны внутри крѣпости есть башня, которая, по увѣренію нѣкоторыхъ людей, составляла часть княжескихъ теремовъ. Не знаю, правда ли это, однакоже, когда мнѣ о томъ сказали, то старинная башня сдѣлалась для меня еще интереснѣе. Здѣсь, можетъ быть, писана „Русская Правда“. Все это, конечно, только мечтанія молодаго человѣка, но въ нихъ нельзя не видѣть гораздо больше живой мысли и плодотворной любознательности относительно темныхъ вопросовъ русской древности, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ разглагольствованіяхъ, которымъ такъ охотно предавались другіе тогдашніе почитатели старины, въ родѣ, напримѣръ, А. А. Писарева. Поэтому-то Ермолаевъ скоро перешелъ отъ мечтаній къ дѣлу, обратился къ настоящимъ научнымъ изысканіямъ и сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ А. Н. Оленина и К. М. Бороздина по этой части. Рядъ работъ Ермолаева съ Олениномъ начинается знаменитымъ, изданнымъ въ 1806 г., изслѣдованіемъ о Тмутороканскомъ камнѣ—трудомъ, которымъ положено начало русской палеографіи. Затѣмъ Ермолаевъ изготовлялъ для Оленина разные археологическіе рисунки и помогалъ ему своими палеографическими свѣдѣніями. Памятникомъ трудовъ его съ Бороздинымъ остается хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ четырехтомный атласъ ихъ совмѣстнаго археологическаго путешествія по Россіи въ 1809—1810 гг. Уцѣлѣвшее изъ этой поѣздки письмо Ермолаева къ преосв. Евгенію показываетъ, какъ созрѣлъ молодой любитель археологіи со времени своего путешествія съ Олениномъ; въ письмѣ къ Евгенію уже нѣтъ прежнихъ мечтаній: ихъ замѣнили точныя указанія и справки о памятникахъ древности, дотолѣ вовсе не привлекавшихъ къ себѣ вниманія ученыхъ. Кромѣ Оленина и Бороздина, Ермолаевъ неоднократно служилъ своими богатыми свѣдѣніями преосв. Евгенію и Карамзину, и оба они высоко цѣнили его точныя и обстоятельныя указанія; Карамзинъ называетъ его „знатокомъ нашей древности“ (Ист. гос. Росс., т. I, прим. 323); Евгеній находилъ, что „сего знатока у нашей словесности, можетъ быть, навсегда отняли его должности“ (Сборн. II-го отд. Ак. Н., т. V, вып. 2, стр. 23). Востоковъ, съ своей стороны, полагалъ, что Ермолаевъ „всѣхъ способнѣе былъ бы издать палеографію русскую“ (тамъ же, стр. 22). Дѣйствительно, исполненіе многосложныхъ служебныхъ обязанностей воспрепятствовало Ермолаеву закончить какой-нибудь самостоятельный ученый трудъ, и памятникомъ его познаній остаются въ печати лишь свидѣтельства современныхъ ему ученыхъ, кое-какія замѣчанія его, разсѣянныя въ ихъ трудахъ, и нѣсколько писемъ его къ Евгенію и Востокову (первыя изданы А. Ѳ. Бычковымъ, а вторыя—И. И. Срезневскимъ въ Сборн. II-го отд. Ак. Н., т. V).

Вигель, познакомившійся съ Ермолаевымъ у Оленина, называетъ его (Воспоминанія, ч. III, стр. 153) „скромнымъ, молчаливымъ и ученымъ человѣкомъ... изъ числа тѣхъ людей, кои, оторвавшись отъ житейскаго, всѣмъ духомъ своимъ погружаются въ любимую науку“. Но какъ мы уже видѣли по письмамъ Ермолаева, наука не сдѣлала его сухимъ, одностороннимъ спеціалистомъ. То же подтверждаютъ и нѣкоторыя упоминанія о немъ нашего поэта (стр. 85, 94). Батюшковъ, въ тогдашнюю пору своихъ антинаціональныхъ увлеченій, не умѣлъ понять значенія работъ Ермолаева по русской археологіи, и потому, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гнѣдичу, выражалъ удовольствіе, что онъ „вмѣсто узорокъ, что̀ на древнихъ кружкахъ, рисуетъ купидоновъ“; но это только доказываетъ, что Ермолаевъ, какъ истинно просвѣщенный человѣкъ, способенъ былъ не только интересоваться русскими древностями, но и сочувствовать классическому искусству.

— (**Стр. 77**). О печати Батюшкова П. А. Ефремовъ, въ примѣчаніи къ этому письму, сообщаетъ слѣдующее: „На этомъ письмѣ печати не сохранилось, но на конвертахъ другихъ писемъ этого же времени встрѣчаются двѣ разныя печати: 1-я—съ изображеніемъ Амура, цѣлующаго Психею, и 2-я—съ надписью: Ευτηχια μου“ (Р. Старина 1874 г., т. X, стр. 387).

— (**Стр. 77**). О „Леарѣ“ Гнѣдича есть замѣтка, за подписью М., въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 3, стр. 229—231; статья написана по поводу представленія „Леара“ въ Москвѣ, и притомъ обѣщано возвратиться еще разъ къ этой трагедіи. Вторично о „Леарѣ“ говорится въ Вѣстникѣ Европы 1811 г., ч. LX, № 22, стр. 148—151.

XLIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Средина февраля 1810 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 387—388. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 77**). Г. Грибоѣдовъ—Алексѣй Ѳедоровичъ, дядя автора „Горя отъ ума“ и братъ его матери (по рожденію также Грибоѣдовой). А. Ѳ. Грибоѣдовъ былъ богатый московскій баринъ и принадлежалъ тамъ къ высшему классу общества, хотя и не былъ чиновенъ: онъ умеръ надворнымъ совѣтникомъ въ 1830 г. (М. И. Семевскій. Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ—Москвит. 1856 г., т. III). Вотъ нѣсколько словъ изъ характеристики его, оставленной племянникомъ: „Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ предѣлахъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его правоученій: „Я, братъ!“ Говорятъ, что съ него списанъ Фамусовъ (А. Н. Веселовскій. Очеркъ первонач. исторіи Горя отъ ума—Р. Арх. 1874 г., ч. I, стр. 1527—1529).

— (**Стр. 78**). Муравьевъ—Иванъ Матвѣевичъ. „Солонка дѣдовска одна“—стихъ изъ его перевода одной изъ одъ Горація, напечатаннаго въ Вѣстни-

кѣ Европы 1809 г., ч. XLVII, № 20 (ср. въ настоящемъ изданіи т. II, стр. 413).

— (**Стр. 78**). „Маленькая пьеска“ изъ Парни—„Привидѣніе“ (т. II, стр. 98—100).

— (**Стр. 78**). „Маленькій Муравьевъ“—сынъ Михаила Никитича, Никита Михаиловичъ; въ то время ему было 14 лѣтъ.

XLIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 19-е февраля (1810 г.) Москва. Подлинникъ у П. И. Батюшкова.

— (**Стр. 80**). Кириллъ Сергѣевичъ Станиславскій былъ директоромъ училищъ Вологодской губерніи съ 1800 г. по 3-е декабря 1810 г., а впослѣдствіи вице-губернаторомъ въ одной изъ внутреннихъ губерній (Пам. книжка Волог. губ. на 1860 г., стр. 69, 80—81). Имъ издана: Повѣсть о пустынникѣ. Переводъ съ франц. языка С.-Пб. 1780.

XLV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (17-го марта 1810 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., X, стр. 388—389. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 80**). Вѣроятно, Гнѣдичъ сообщилъ Батюшкову свой первоначальный переводъ Иліады александрійскими стихами; изъ письма № XLVI видно, что дѣло идетъ именно о переводѣ VIII-й пѣсни, тѣмъ болѣе, что VII-я была напечатана еще въ 1809 г.

XLVI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 23-го марта 1810 г. Москва. Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 389—390. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 81**). Стихъ взятъ изъ Грессе „Le méchant“, д. II, явл. 2-е, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ; въ подлинникѣ онъ читается такъ:

Un ridicule reste, et c'est ce qu'il leur faut.

XLVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 1-го апрѣля (1810 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 390—394. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 84**). Три стиха изъ извѣстной оды Державина „На смерть князя Мещерскаго“, строфа 6-я.

— (**Стр. 85**). Николай Петровичъ Николевъ (род. въ 1758 г., ум. 1815 г.), плодовитый стихотворецъ своего времени, нынѣ совершенно забытый (см. о немъ Библіографическія Записки М. Н. Лонгинова въ Современникѣ 1856 г., т. LVIII, и разсказы С. Т. Аксакова въ Разныхъ Сочиненіяхъ. М. 1858, стр. 11—24). Николевъ былъ очень самолюбивъ и, не смотря на свою бездарность, до самой смерти своей находилъ себѣ между современниками горячихъ почитателей, не всегда впрочемъ искреннихъ въ тѣхъ похвалахъ, которыя они расточали ему. Карамзинъ едва ли не первый сказалъ о немъ въ печати нѣсколько жесткихъ словъ (Московскій Журналъ 1791, ч. IV, стр. 240 и слѣд.), да и вообще былъ невысокаго мнѣнія о его произведеніяхъ и вкусѣ (Письма къ Дмитріеву, стр. 19, 20, 37, 106). Когда, въ 1810 г., возобновили на московскомъ театрѣ трагедію Николева „Сорена и Замиръ“ (извѣстную тѣмъ, что послѣ перваго ея представленія въ 1785 г. она была запрещена московскимъ главнокомандующимъ гр. Я. А. Брюсомъ и затѣмъ снова разрѣшена уже самою императрицей), въ Вѣстникѣ Европы, ч. XLIX, №. 3, стр. 231—234, появился строгій разборъ этой піесы, за подписью М.

— (**Стр. 85—86**). Подъ „Петріадой“ Батюшковъ разумѣетъ поэму: Петръ Великій. Лирическое пѣснопѣніе, въ 8-ми пѣсняхъ. Сочиненіе кн. С. Шихматова. С.-Пб. Въ типографіи Шнора. 1810. О Сладковскомъ и другихъ тогдашнихъ поэмахъ въ честь Петра Великаго см. т. II, стр. 203 и 479.

— (**Стр. 87**). Въ Вѣстн. Евр. 1810 г., ч. L, № 8) былъ напечатанъ впервые „Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи“ (т. II, стр. 1—10), подъ заглавіемъ: „Картина Финляндіи“. Въ томъ же нумерѣ журнала появилась и „Тибуллова элегія X-я изъ I-й книги“ (т. I, стр. 101—104).

— (**Стр. 87**). Два стиха Батюшкова приведены изъ какого-то ранняго его стихотворенія, которое не сохранилось.

— (**Стр. 88.**). „Съ кѣмъ же въ Полтавѣ будешь говорить о пряжкахъ Патрокловой брони“ и пр.—намекъ на покровителя Гнѣдича, А. Н. Оленина, который любилъ бесѣдовать съ нимъ объ археологическихъ данныхъ, содержащихся въ „Иліадѣ“. Начиная съ 1811 г. по 1829 Олениномъ написано 36 писемъ къ Гнѣдичу и С. С. Уварову, посвященныхъ изслѣдованію значенія разныхъ техническихъ выраженій, встрѣчающихся въ „Иліадѣ“; письма эти напечатаны только въ 1877 г. въ т. I. „Археологическихъ трудовъ“ А. Н. Оленина, изданныхъ Императ. Русскимъ Археологическимъ Обществомъ. Но еще въ 1808 г., въ Драматическомъ Вѣстникѣ, ч. V, стр. 63—67, Олениnъ помѣстилъ небольшой, однородный съ этими письмами по содержанію этюдъ „О части доспѣха древнихъ Грекомъ и Римлянъ, называемой кнемида“; позже, въ 1815 г., тотъ же предметъ былъ болѣе подробно разсмотрѣнъ имъ въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ писемъ.

— (**Стр. 88**). Піеса Гнѣдича „Мильтонъ, сѣтующій на слѣпоту свою. Отрывокъ изъ III-й книги „Потеряннаго Рая“ отнесена въ изданіи его стихотворе-

ній 1832 г. къ 1805 году. Жуковскій помѣстилъ ее въ „Собраніи р. стихотвореній“, ч. V.

— (**Стр. 88**). Степанъ Степановичъ Апраксинъ (род. въ 1756 г., ум. въ 1827), генералъ отъ кавалеріи, былъ долгое время московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; большой хлѣбосолъ и гостепріимный хозяинъ, онъ часто устраивалъ у себя любительскіе спектакли, на которыхъ въ особенности отличались А. М. Пушкинъ и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. По свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго, „домъ Апраксина былъ предназначенъ быть храмомъ искусства. Много лѣтъ играли на его театрѣ императорскіе актеры и опера италіянская, выписанная и учрежденная при содѣйствіи Апраксина“. Интересныя свѣдѣнія о немъ см. въ Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 470—474.

XLVIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 3-го мая (1810 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 394—395. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр 89**). „Не надѣйтеся...“—изъ псалма 145-го стихъ 3-й.

— (**Стр. 89**) „La plainte“ и пр.—два стиха изъ комедіи Лану (Lanoue): „La coquette corrigée“, д. I, явл. 3-е, но приведены Батюшковымъ съ измѣненіемъ; въ подлинникѣ они читаются такъ:

Le bruit est pour le fat, la plainte est pour le sot,
L'honnête homme trompé s'éloigne et ne dit mot.

Нѣсколькими строками далѣе Батюшковъ приводитъ стихъ Грессе изъ „Le méchant“, д. II, явл. 3-е.

— (**Стр. 90**). Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ, родной племянникъ извѣстнаго писателя, родился въ 1787 г. и воспитывался въ Петербургскомъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, а потомъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ; служилъ въ военной службѣ, въ которой достигъ чина генералъ-маіора; участвовалъ въ заговорѣ 14-го декабря и былъ сосланъ въ Сибирь; возвращенъ оттуда въ февралѣ 1853 г. и до кончины, послѣдовавшей въ 1854 г., жилъ въ своемъ подмосковномъ имѣньѣ Марѳинѣ, Бронницкаго уѣзда (Богдановичъ, Ист. имп. Алекс., т. VI, прил., стр. 63; Р. Старина 1874 г., т. X, стр. 395). Существуютъ его записки, изданныя въ Лейпцигѣ въ 1861 г., и сокращенно въ Русской Старинѣ 1884 г., т. XLII; въ томъ же изданіи (т. XXXI) помѣщенъ еще одинъ разсказъ М. А. фонъ-Визина: „Одно изъ воспоминаній молодости“. Оставшіяся въ рукописи сочиненія его перечислены въ книгѣ: Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Н. Пыпина. С.-Пб. 1885, стр. 493.

XLIX. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 4-го мая 1810 г. (Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 92**). Вмѣсто Линсманъ слѣдовало напечатать Линеманъ (ср. ниже, стр. 198).

L. Н. И. ГНѢДИЧУ. Мая, а котораго—не знаю (1810 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 395—397. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 93**). Стихи Гнѣдича на смерть танцовщицы Даниловой были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы, ч. LI, № 10, стр. 126—127. Ранѣе того, тамъ же, въ ч. L, № 7, появились и стихи Батюшкова на ту же тему (см. т. I, стр. 109, а о самой Даниловой примѣчаніе къ этому стихотворенію).

— (**Стр. 93**). Элегія Батюшкова—та же, о которой упомянуто выше (стр. 618).

— (**Стр. 93**). Стихъ, сказанный Батюшковымъ Жихареву, взятъ изъ переведенной Дмитріевымъ изъ „Les femmes savantes“ Мольера сцены „Триссотинъ и Вадіусъ“.

LI. А. Н. БАТЮШКОВОЙ. 11-го мая (1810 г.). Москва. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 95**). Иванъ Семеновичъ—Батюшковъ, двоюродный дядя Константина Николаевича, помѣщикъ села Кесьмы, Весьегонскаго уѣзда Тверской губерніи.

LII. А. Н. БАТЮШКОВОЙ. 13-го мая 1810 г. (Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 96**). Петръ Михайловичъ Дружининъ принадлежалъ къ числу московскихъ педагоговъ, пользовавшихся покровительствомъ М. Н. Муравьева и потому былъ извѣстенъ К. Н. Батюшкову и его роднымъ. Дружининъ (род. въ 1764 г., ум. въ 1827) происходилъ изъ духовнаго званія; образованіе получилъ сперва въ Рязанской духовной семинаріи, а потомъ въ Петербургской учительской. Въ 1786 году онъ поступилъ учителемъ въ Московское главное народное училище; въ 1802 году по выбору Муравьева назначенъ директоромъ училищъ Московской губерніи, а въ 1804 году—адъюнктомъ Московскаго университета по натуральной исторіи. По порученію гр. Разумовскаго, Дружининъ съ профессоромъ Фишеромъ фонъ-Вальдгеймомъ объѣхалъ Московскую губернію для естественно-историческихъ изслѣдованій (Вѣстникъ Европы 1811 г., ч. LX, стр. 147). Двадцатипятилѣтняя педагогическая дѣятельность Дружинина ознаменовалась учрежденіемъ многихъ приходскихъ и уѣздныхъ училищъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, открытіемъ губернской гимназіи, которой онъ и былъ директоромъ, и Ларинскаго училища. Въ 1806–1807 гг. Дружининъ издавалъ, подъ покровительствомъ Муравьева, Періодическое изданіе о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, реме-

слахъ и художествахъ, а въ 1812 году—Московскія Вѣдомости (Моск. Вѣстн. 1827 г., ч. VI, стр. 488—492, статья М. П. Погодина; Исторія Московскаго университета, С. П. Шевырева, стр. 332, 338, 340, 353, 380, 388).

— (**Стр. 97**). Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, (род. въ 1748 г., ум. въ 1822 г.)—министръ народнаго просвѣщенія съ 1810 по 1816 г.

LIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 23-го мая (1810 г.). Москва. Напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 397. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 97**). Иванъ Ивановичъ Мартыновъ—директоръ департамента народнаго просвѣщенія съ 1803 г. по 1817.

— Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ (род. въ 1767 году, ум. въ 1829 г.) былъ попечителемъ Московскаго университета дважды: съ 1798 по 1803 г., и вторично съ 1810 по 1817 г. Весьма любопытныя свѣдѣнія о немъ собраны П. А. Поповымъ въ Исторіи Имп. Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, ч. I, гл. II.

LIV. **В. А. ЖУКОВСКОМУ**. 26-го іюля 1810 г. (Деревня). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 343 - 345, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи“.

— (**Стр. 99**). „Мечта“, стихотвореніе Батюшкова, была напечатана въ изданномъ Жуковскимъ „Собраніи русскихъ стихотвореній“, ч. V, въ третьей редакціи, весьма отличной отъ двухъ прежнихъ; на эти измѣненія и прибавки Батюшковъ указываетъ въ концѣ письма. Тамъ же появилось и другое стихотвореніе его „Источникъ“ (т. II, стр. 115—116). Подъ прозой Батюшковъ разумѣетъ небольшую статейку „Мысли“ (т. II, стр. 35 36), появившуюся въ Вѣстникѣ Европы, ч. LII, № 13.

— (**Стр. 99**). О Шолье ср. слова Батюшкова въ т. II, стр. 123, и въ т. III, стр. 126; см. также т. II, стр. 448—449.

— (**Стр. 99**). „Владиміръ“— поэма, которую задумывалъ Жуковскій, но не написалъ. Въ статьѣ своей о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева, при первомъ изданіи ея въ Сынѣ Отечества 1814 г., Батюшковъ печатно выразилъ желаніе, чтобы Жуковскій кончилъ эту поэму (см. т. II, стр. 410); то же желаніе было выражено и С. С. Уваровымъ въ письмѣ къ Капнисту, напечатанномъ въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей р. слова, кн. 17, стр. 64. Въ рукописяхъ Жуковскаго, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, есть подробный планъ „Владиміра“.

LV. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 30-го сентября 1810 г. Череповецъ. Начало письма напечатано въ Р. Старинѣ 1874 г., т. X, стр. 397—398, а продолженіе—въ томъ же изданіи 1883 г., т. XXXVII, стр. 653—655; конецъ письма утраченъ. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 100**). Четыре стиха, стоящіе въ началѣ этого письма, взяты изъ Аріостова „Orlando furioso“, пѣснь VII, строфа 1-я.

— (**Стр. 103**). Извѣстный стихъ Горація изъ 14-й оды II-й книги.

— (**Стр. 103**). О Ласъ-Казасѣ см. т. II, стр. 457—458.

— (**Стр. 104**). Написанное Батюшковымъ подраженіе „Пѣснѣ пѣсней“ не сохранилось. Нельзя не вспомнить здѣсь, что у Вольтера есть „Précis du cantique des cantiques“ и у Мильвуа—элегія „La Sulamite“, также заимствованная изъ „Пѣсни пѣсней“.

LVI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. (Октябрь—декабрь 1810 г. Деревня) Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXVII, стр. 655—657. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 105**). Большой отрывокъ, переведенный Батюшковымъ изъ Парни, есть „Сонъ воиновъ“, изъ поэмы „Asnel et Isléga, poème en quatre chants, imité du scandinave“. Не посланный при этомъ письмѣ, отрывокъ этотъ очевидно отправленъ былъ къ Гнѣдичу при одномъ изъ слѣдующихъ и вызвалъ съ его стороны замѣчанія, на которыя Батюшковъ отвѣчалъ въ письмѣ подъ № LX.

— (**Стр. 106**). Цитата приведена изъ Гораціевой „De arte poëtica“, стихи 372 и 373.

LVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. (Декабрь 1810 г. Вологда). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883, т. XXVII, стр. 657—658. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

LVIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 26-го января 1811 г. (Вологда). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVII, стр. 658—659. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 109**). Павелъ Александровичъ Межаковъ (род. въ 1788 году, ум. послѣ 1840) былъ вологодскій помѣщикъ изъ старинной дворянской фамиліи; онъ получилъ образованіе сперва дома, а потомъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и въ 1802 г. поступилъ на службу въ иностранную

коллегію; въ это время онъ и былъ знакомъ по вологодскимъ связямъ съ Батюшковымъ и, вѣроятно, съ М. Н. Муравьевымъ, а черезъ нихъ съ Гнѣдичемъ и Каннистомъ; въ 1805 г. онъ состоялъ при нашей миссіи въ Неаполѣ, въ 1807 г. находился въ ополченіи, затѣмъ опять служилъ въ иностранной коллегіи, а въ 1809 г. вышелъ въ отставку. Впослѣдствіи однако онъ снова поступилъ на службу по коммиссаріату и пробылъ въ ней съ 1817 г. по 1826. Женатъ онъ былъ на Ольгѣ Ивановнѣ Брянчаниновой (род. въ 1794 году, ум. въ Петербургѣ въ 1833 г.), племянницѣ также вологодскаго помѣщика, родственника и пріятеля М. Н. Муравьева, Аѳанасія Матвѣевича Брянчанинова (о немъ см. Р. Архивъ 1867 г., ст. 1653 — 1654) Послѣ отставки Межаковъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи на берегахъ Сухоны и только по временамъ посѣщалъ Петербургъ (Р. Арх. 1871 г., № 7 и 8, стр. 968—969; свѣдѣнія о службѣ П. А. Межакова сообщены намъ П. Н. Петровымъ изъ документовъ департамента герольдіи)). Межаковъ занимался литературой; стихотворенія его встрѣчаются въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, а затѣмъ въ Благонамѣренномъ 1820 г., въ Славянинѣ 1827 г. и въ Памятникѣ отечественныхъ музъ на 1827 и 1828 гг. Первое собраніе его стихотвореній издано, безъ имени автора, въ Петербургѣ въ 1817 году, подъ заглавіемъ „Уединенный пѣвецъ“; второе, исправленное и значительно дополненное, появилось въ 1828 году, подъ заглавіемъ „Стихотворенія Павла Межакова“. Оно заключаетъ въ себѣ, кромѣ оригинальныхъ піесъ, переводы изъ Горація, Проперція, Тибулла, Оссіана, Делиля, Шиллера и Ламартина. Не смотря на то, что Межаковъ печаталъ свои стихи въ Чтеніяхъ Бесѣды, онъ вовсе не принадлежалъ къ числу ея сторонниковъ; любимыми писателями его были: Крыловъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, Д. В. Давыдовъ, И. И. Козловъ и въ особенности А. С. Пушкинъ и Батюшковъ, который, по словамъ Межакова,

Пламень нѣги сладострастной,
Какъ волшебникъ, въ душу льетъ
И умы къ себѣ влечетъ.

— (**Стр. 109**). „Толстая Софья“—Софія Александровна К., дама, въ которую былъ влюбленъ Гнѣдичъ въ ранней молодости. С. П. Жихаревъ въ своемъ „Дневникѣ чиновника“ (Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 192—193) приводитъ разговоръ свой съ Гнѣдичемъ объ этой особѣ, „вышедшей за пожилаго своего мужа 14 лѣтъ отъ роду, любезной, веселой кокеткѣ, подчасъ танцующей мазурку съ молодыми офицерами, а иногда презадумчиво читающей какую-нибудь серьезную книгу“. „Я не могу“, говорилъ Гнѣдичъ,—„забыть о Софьѣ Александровнѣ, съ которою знакомъ былъ около четырехъ лѣтъ, и время, проведенное въ ея обществѣ, почитаю счастливѣйшимъ въ моей жизни“.

LIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Февраль — начало марта 1811 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVII, стр. 659—660. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 110). Говоря о своей дружбѣ къ Гнѣдичу, Батюшковъ пародируетъ слова, сказанныя Монтанемъ о своей дружбѣ къ Лабоэси (Essais, livre I, chap. XXVII). Подлинныя слова Монтаня приведены Батюшковымъ въ одномъ изъ примѣчаній къ „Письму о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева“ (т. II, стр. 79).

— (Стр 110). „Пришли 9-ю пѣснь“ — перевода „Иліады“.—Стихотвореніе Гнѣдича „Перуанецъ къ Испанцу“, написанное въ 1805 г., напечатано было первоначально въ Цвѣтникѣ 1809 г., ч. IV, № 11; въ 1811 г. оно появилось, въ исправленномъ видѣ, въ „Собраніи р. стихотвореній“, изд. Жуковскимъ, ч. IV

— (Стр. 111). О В. Л. Пушкинѣ см. т. II, стр. 511—525.

— (Стр. 111). Баллада Жуковскаго, о которой упоминаетъ Батюшковъ, есть первая часть „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“ (то-есть, „Громобой“), появившаяся въ Вѣстникѣ Европы 1811 г., ч. LV, № 4. Какъ извѣстно, сюжетъ ея заимствованъ изъ романа Шписа; называя сюжетъ баллады взятымъ „на Спасскомъ мосту“, Батюшковъ даетъ понять, что онъ сказочный: у Спасскихъ воротъ Московскаго Кремля и на Спасскомъ мосту еще съ XVII в. велась торговля лубочными картинками и сказками печатными и рукописными.

— (Стр. 111). Какъ уже упомянуто выше (стр. 634), Е. И. Муравьева-Апостолъ вышла за мужъ не за кн. Гагарина, а за гр. Ожаровскаго.

— (Стр. 111). К. Х. — лицо намъ неизвѣстное. Не княжна ли Прасковья Александровна Хилкова, сестра секретаря императрицы Маріи Ѳедоровны, князя Дмитрія Александровича, вышедшая за мужъ за графа Ивана Александровича Гендрикова? „Прекрасной“ графинѣ Гендриковой и В. И. Ушаковой Жуковскій въ 1823 г. написалъ посланіе (Соч. Жук изд. 7-е., т. II, стр. 397).

— (Стр. 111). Шишковъ написалъ не разговоръ, а Разговоры о словесности. С.-Пб. 1811. Говоромъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова желали замѣнить иностранное проза.

— (Стр. 111). Объ Ив. Ал. Петинѣ см. т. II, стр. 190—192, 476—477.

LX. Н. И. ГНѢДИЧУ. 13-го марта (1811 г.). Москва. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 660—664. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 112). О кн. Б. В. Голицынѣ см. примѣчанія къ письму LXIII-му. Далѣе рѣчь идетъ о столкновеніи Гнѣдича съ Державинымъ по поводу того, что при устройствѣ Бесѣды любителей русскаго слова старый поэтъ предла-

галъ переводчику „Иліады“ вступить въ устраиваемое общество не членомъ, а сотрудникомъ. Объясненія между двумя писателями производились сперва письменно, но потомъ Державинъ встрѣтился съ Гнѣдичемъ у вышеупомянутаго кн. Голицына и поговорилъ съ нимъ очень крупно Подробности этой ссоры описаны Я. К. Гротомъ въ біографіи Державина (Соч., 1-е акад. изд., т. VIII, стр. 908—909).

— (Стр. 113). О Юріѣ Александровичѣ Нелединскомъ-Мелецкомъ см. т. II, стр. 503—506.

— (Стр: 113). Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ родился въ 1758 году, получилъ домашнее образованіе, въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ военную службу, и между прочимъ въ концѣ 1770-хъ годовъ служилъ въ корпусѣ войскъ на Кубани, гдѣ и успѣлъ обратить на себя вниманіе Суворова. Затѣмъ, въ 1780 году Горчаковъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, но потомъ вновь поступилъ на службу и участвовалъ въ штурмѣ Измаила (1790 г.), при чемъ получилъ тяжелую рану. Въ царствованіе императора Александра онъ занималъ должности таврическаго губернскаго прокурора и правителя дѣлъ въ молдавской арміи при князѣ М. Л. Кутузовѣ, съ которымъ и возвратился въ Петербургъ въ 1812 году. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ костромскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1816 году вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 29-го ноября 1824 года (Сѣверная Пчела 1825 г., № 12; кн. Долгоруковъ. Росс. родосл. книга, ч. I, стр. 63).

Первыми печатными произведеніями Горчакова были слѣдующія комическія оперы, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ арабскихъ и русскихъ сказокъ: 1) Калифъ на часъ. М. 1786, и въ Росс. Театрѣ, ч. XXVI; 2) Счастливая тоня. М. 1786; 3) Баба-яга. Калуга. 1788. Піесы эти, какъ видно изъ „Драматическаго словаря“, имѣли въ свое время успѣхъ, въ особенности „Счастливая тоня“, про которую сказано слѣдующее: „Публикою принята съ отмѣнною благосклонностію. Едва ли изъ русскихъ оперъ подобно была похваляема другая“. Кромѣ того, въ 1796 г., въ Москвѣ, Горчаковъ напечаталъ оригинальную повѣсть „Пламиръ и Раида“. посвятивъ ее другу своему Н. П. Николеву. Но главнымъ образомъ литературная извѣстность Горчакова основывается на сатирахъ, большая часть которыхъ осталась впрочемъ не напечатанною, потому что онѣ заключали въ себѣ слишкомъ рѣзкія нападки на современное общество и на отдѣльныя личности. Вообще, Горчаковъ имѣлъ репутацію человѣка съ независимымъ образомъ мыслей и даже волтеріанца (Жихаревъ. Записки современника I. Дневникъ студента. стр. 70; Селивановскій—въ Библіогр. Зап. 1858 г., стр. 518—519). Обличительное направленіе сатиръ Горчакова очень цѣнилось въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго; его называли русскимъ Ювеналомъ (Жихаревъ. Дневникъ чиновника—От. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 128); даже въ 1816 г. Воейковъ, въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“, отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: „Князь Д. П. Горчаковъ, дѣйствительный поэтъ; экзекуторъ при наказаніи сатирическимъ бичемъ разврата, ябеды и грабительства; имѣетъ въ петличкѣ лавровый листъ съ надписью: за сатиры“ (Р. Арх. 1866 г. ст. 761). С. Т. Акса-

ковъ тоже говоритъ о Горчаковѣ съ большимъ уваженіемъ (Разныя Сочиненія. М. 1858, стр. 11—12). Кромѣ сатиръ, имѣли успѣхъ между современниками и пѣсни Горчакова, о которыхъ упоминаетъ Державинъ въ своемъ „Разсужденіи о лирической поэзіи“. Когда литературное направленіе Карамзина стало пріобрѣтать себѣ послѣдователей въ молодомъ поколѣніи, Горчаковъ отнесся къ нему враждебно. Еще въ 1793 г. онъ хвалилъ журналъ Клушина, гдѣ часто печатались нападки на Карамзина (Письма Кар. къ Дмитріеву, стр. 37). Въ первые годы нынѣшняго столѣтія, когда враждебное отношеніе къ Карамзину сосредоточилось главнымъ образомъ въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ, Горчаковъ примкнулъ къ этой партіи: въ 1807 году онъ былъ избранъ въ члены Россійской академіи, а въ 1811—въ члены Бесѣды любителей русскаго слова по 1-му разряду, гдѣ предсѣдательствовалъ А. С. Шишковъ, пріятель Горчакова. Въ своихъ сатирахъ и эпиграммахъ [1]) онъ осмѣивалъ слогъ и сентиментализмъ Карамзина и его послѣдователей, вооружался на размноженіе періодическихъ изданій, при чемъ однажды остроумно замѣтилъ, что въ Россіи

Журналовъ тысячи, а книги—ни одной,

и нападалъ на мѣщанскія драмы, въ особенности на піесы Коцебу:

Одинъ лишь „Сынъ любви“ здѣсь трогаетъ сердца!
„Гусситы“, „Попугай“ предпочтены „Соренѣ“,
И коцебятина одна теперь на сценѣ.

Не лишено интереса и слѣдующее мнѣніе кн. Горчакова о нѣмецкой и англійской драматургіи, высказанное имъ въ посланіи къ кн. С. Н. Долгорукову: „Англичане, а болѣе Нѣмцы, обыкновенно смѣшатъ въ комедіяхъ глупостями выведенныхъ на сцену пошлыхъ дураковъ или сумасшедшихъ. Изобрѣтеніе сего способа, избавляющаго автора отъ трудной обязанности быть умнымъ, должно заслуживать отъ многихъ нынѣшнихъ писателей общую благодарность“. Произведенія князя Горчакова печатались въ С.-Петербургскомъ Меркуріѣ 1793 г., ч. III, въ Аонидахъ 1796 г., кн. I, въ Другѣ Просвѣщенія 1804–1806 гг., въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, кн. I, VII и XI, и въ Памятникѣ отечественныхъ музъ на 1827 и 1828 гг. Кромѣ того, его сатирическое „Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукову“ напечатано въ Исторической христоматіи А. Д. Галахова, а въ Русскомъ Архивѣ 1871 г., № 7 и 8, помѣщено стихотвореніе „Русскій у подошвы Чатырдага“, написанное передъ 1812 годомъ и заключающее въ себѣ слѣдующія строки, обращенныя, безъ сомнѣнія, къ императору Александру:

Вотще всей силою ко благу воспаритъ
Монархъ, хоть съ ангельской душой на свѣтъ рожденный;

[1]) Одна изъ нихъ напечатана М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1857 г., № 5, стр. 68.

Успѣхами труды не будутъ награжденны,
Достойныхъ коль себѣ сотрудниковъ не зритъ.
Безплодно проведетъ онъ дни свои въ заботѣ,
Чтобы къ величеству страну свою возвесть!
Что можетъ славнаго ваятель произвесть,
Имѣющій рѣзцы, негодные къ работѣ?

М. Н. Лонгиновъ говоритъ, что изъ стихотвореній Горчакова, неудобныхъ для печати, особенно былъ извѣстенъ одинъ его „Noël" („Святки"), гдѣ выведенъ Д. И. фонъ-Визинъ (Р. Старина 1871 г., т. IV, стр. 681; ср. Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземскаго, т. V, стр. 167); А. Д. Галаховъ (Исторія русск. словесн., т. II, стр. 214) называетъ эту сатиру Горчакова однимъ изъ лучшихъ его произведеній. (**В. С.**).

— (**Стр. 113—115**). Батюшковъ сравниваетъ съ подлинникомъ свой упомянутый выше (стр. 645) переводъ изъ Парни, при чемъ поэму послѣдняго называетъ невѣрно.

— (**Стр. 115**). „Жуковскаго изданіе"—Собраніе русскихъ стихотвореній см. о немъ въ т. II, стр. 539—541).—Нѣкоторыя сочиненія М. Н. Муравьева были изданы подъ наблюденіемъ Карамзина въ 1810 г. (объ этомъ изданіи см. т. II, стр. 421—422).

— (**Стр. 116**). Вторичная поѣздка Карамзина къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, въ Тверь, относится къ марту 1811 г.; въ эту поѣздку онъ былъ представленъ императору Александру (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 139—142).

LXI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Первая половина апрѣля 1811 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 107—109. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

(**Стр. 117**). „Влага водъ"—неудачное выраженіе, употребленное въ „Снѣ воиновъ" (см. стр. 115).—Затѣмъ Батюшковъ возвращается къ тому столкновенію Гнѣдича съ Державинымъ по поводу учрежденія Бесѣды любителей русскаго слова, о которомъ уже говорилъ въ письмѣ LX-мъ.

— (**Стр. 117**). О О. Ѳ. Иванові см. примѣчаніе къ письму CLXXIX-му

— (**Стр. 117**). Извѣстіе объ открытіи Бесѣды появилось въ Сѣверной Почтѣ 1811 г., № 19.

— (**Стр. 117**). Подъ Варягами-Славянами, Батюшковъ разумѣетъ литераторовъ Шишковской партіи и вообще всякихъ почитателей старины, и къ нимъ же пріурочиваетъ названіе Вельховъ (Welches), которое въ томъ же смыслѣ употребляетъ Вольтеръ, напримѣръ, въ посланіи къ маркизу де-Вильетъ:

Que Paris est changé! Les Welches n'y sont plus;
Je n'entends plus siffler ces ténébreux reptiles,
Les Tartufes affreux, les insolents Zoïles.

— (Стр. 118). Сатира В. Л. Пушкина—„Опасный сосѣдъ“ (см. о немъ т. II, стр. 515—517). Изъ этого стихотворенія и взятъ приводимый ниже стихъ.

LXII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 24-го апрѣля (1811 г.) Москва. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

LXIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Конецъ апрѣля 1811 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 109—111. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 120). Стихотвореніе Батюшкова „Къ Мальвинѣ“ (т. I, стр. 34—35) было помѣщено не въ I-мъ, а во II-мъ томѣ „Собранія“ Жуковскаго; первоначально же оно появилось не въ Лицеѣ, а въ Сѣверномъ Вѣстникѣ. Прочія упоминаемыя Батюшковымъ піесы см. въ т. I, стр. 1—4, 87—90, 122—124. Переписку Державина съ Ал. Ив. Тургеневымъ по поводу „Собранія“ см. въ Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VI, стр. 208—214, 849—850. Въ „Собраніи“ Жуковскаго помѣщены были слѣдующія стихотворенія Шишкова: въ ч. II—„Умирающее дитя“, „Фіялка и терновникъ“, „Сладость благотворительности“ и „Похвала зимѣ“, въ ч. V.—„Надпись къ монументу Суворова“.

— (Стр. 121). Стихи кн. Вяземскаго на кн. Шаликова, безъ сомнѣнія—тѣ, начало которыхъ сообщено М. А. Дмитріевымъ въ его „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“, изд. 2-е, стр. 94—95, и которые напечатаны въ Соч. кн. Вяз. т. III, стр. 275—279, при чемъ невѣрно отнесены къ 1822 г. Въ т. II настоящаго изданія, стр. 394, ошибочно сказано, что они вовсе не вошли въ изданіе Сочиненій кн. Вяземскаго.

— (Стр. 121). Подъ „засѣданіемъ“ лицея слѣдуетъ разумѣть открытіе Бесѣды любителей русскаго слова. Первое ея засѣданіе состоялось 14-го марта 1811 г.; оно описано Я. К. Гротомъ въ Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. VIII, стр. 906—907; извѣстіе о немъ въ Сѣв. Почтѣ 1811 г., № 24.

— (Стр. 121). Князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ (род. въ 1769 г., ум. въ январѣ 1813)—личность очень замѣчательная. Старшій сынъ княгини Натальи Петровны Голицыной (la princesse moustache), извѣстной въ свое время по уму, по значенію при дворѣ Екатерины и Маріи Ѳеодоровны и, наконецъ, по умѣнью устраивать свои дѣла, онъ былъ очень уменъ и получилъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, кн. Дмитріемъ (впослѣдствіи извѣстнымъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ), прекрасное по своему времени образованіе: сперва онъ

учился дома, а затѣмъ въ 1781 г. былъ отправленъ, подъ надзоромъ Француза Оливье, въ Страсбургъ, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ слушалъ курсъ въ университетѣ [1]); послѣ того онъ, съ матерью и братомъ, путешествовалъ по Швейцаріи, Германіи и Англіи и, наконецъ, прожилъ нѣкоторое время въ Парижѣ, при чемъ Голицыны представлялись ко французскому двору, а въ домѣ ихъ „собиралось все, что считалось тогда знаменитымъ по роду, богатству, уму и славѣ“ (Михайловскій-Данилевскій. Императоръ Александръ и его сподвижники, т. III, № 2; Серчевскій. Записки о родѣ кн. Голицыныхъ, стр. 108—109). По возвращеніи въ Россію въ 1790 г., началась дѣйствительная служба кн. Бориса: еще пяти лѣтъ записанный въ гвардію, онъ на 22-мъ году былъ уже капитаномъ-поручикомъ и участвовалъ въ Польской компаніи 1794 г., а въ 1796 г. получилъ чинъ полковника и занялъ должность гофмаршала при вновь образованномъ дворѣ в. князя Константина Павловича (Архивъ кн. Воронцова, ч. VIII, стр. 131). Въ эту пору „очаровательный“, по выраженію гр. Ѳ. В. Растопчина, князь Борисъ былъ первымъ львомъ и законодателемъ модъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ (тамъ же, стр. 85; ср. Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 416) и, какъ отличный танцоръ, получилъ прозваніе: Boris-Vestris (Девятнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 34). Въ короткое царствованіе Павла кн. Борисъ достигъ чина генералъ-лейтенанта, но въ 1800 г. былъ отставленъ отъ службы (Серчевскій, стр. 107; Молва 1857 г., стр. 276). По воцареніи Александра кн. Борисъ снова вступилъ въ военную службу, затѣмъ покинулъ ее въ 1806 г., но въ 1812 г. опять надѣлъ военный мундиръ, участвовалъ со славой въ Отечественной войнѣ и умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Бородинымъ (Серчевскій, стр. 107; кн. Н. Н. Голицынъ, Матеріалы для полной росписи кн. Голицыныхъ. Кіевъ. 1880, стр. 37, 148—149; Д. Д. Благово. Разсказы бабушки, стр. 112, 237).

Князь Борисъ воспитался главнымъ образомъ на французской литературѣ. родной языкъ онъ зналъ хуже французскаго, на которомъ даже писалъ стихи (Шишковъ. Записки. Берлинъ. 1870, т. I, стр. 115; Р. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 488; Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 489—490); вѣроятно, пребываніе въ Страсбургѣ познакомило его отчасти и съ нѣмецкою литературой: онъ восхищался „Мессіадой“ Клопштока и „Вертеромъ“, знакомъ былъ и съ тѣмъ литературно-общественнымъ движеніемъ въ Германіи, которому усвоено названіе Sturm- und Drangperiode; это видно изъ статьи его о весьма малопзвѣстномъ нѣмецкомъ писателѣ Гаспарѣ Рпзбекѣ (1750—1786), котораго князь Борисъ,

[1]) Свѣдѣнія о заграничномъ ученіи князей Бориса и Димитрія Голицыныхъ сообщены въ біографіи послѣдняго, въ сборникѣ „Имп. Александръ и его сподвижники“, т. III; но тамъ сказано, что братья обучались въ Страсбургской военной академіи; между тѣмъ такого учрежденія вовсе не существовало тогда въ Страсбургѣ; за то тамъ находился извѣстный протестантскій университетъ, въ которомъ обучалось, во второй половинѣ XVIII вѣка, не мало и русскихъ юношей; сюда же посылаемы были, для слушанія нѣкоторыхъ курсовъ, и питомцы Парижской военной школы (см. E. Seigneurlet. L'Alsace française. Strasbourg pendant la Révolution. P. 1881, гл. VII). Вѣроятно, въ подобномъ положеніи находились и готовившіеся къ военной службѣ Голицыны.

вѣроятно, зналъ лично; упоминаемая статья кн. Голицына напечатана въ Mercure de France 1788 г., іюля 12-го (какъ эта статья, такъ и другія сочиненія кн. Борисa, изданныя во Франціи, указаны кн. Н. Н. Голицынымъ въ упомянутыхъ выше „Матеріалахъ“). Вообще, въ теченіе своей молодости, кн. Б. Вл. Голицынъ представляется типомъ той русской молодежи, образованной на иностранный ладъ, которая чуждалась всякаго умственнаго движенія въ родной странѣ. Но когда, въ особенности послѣ Тильзитскаго мира, въ нашемъ обществѣ и особенно въ литературѣ послѣдовалъ взрывъ противъ „галломаніи“, Голицынъ съ увлеченіемъ примкнулъ къ этому движенію. Любопытный разсказъ о такомъ его обращеніи находимъ въ „Запискахъ о 1812 годѣ“ С. Н. Глинки (стр. 321—323): „Кн. Б. В. Голицынъ готовился къ 1812 году на поприщѣ новаго преобразованія своего. Уклонясь на время отъ службы, съ жаромъ юноши посвятилъ себя новому ученію. Поэтъ сказалъ: „Учиться никогда не поздно“. И съ какимъ восторгомъ Борисъ Владиміровичъ приступилъ къ переученію самого себя! Приглася однажды въ гости А. Ѳ. Мерзлякова, К. Ѳ. Калайдовича и меня, бывшаго издателя Р. Вѣстника, князь сказалъ: „Я хочу учиться въ Россіи по русски и быть Русскимъ. Много читалъ я по французски и, къ стыду моему, мало занимался русскимъ. Катонъ Старшій принялся за греческую азбуку; нѣкоторые осуждали его за то, но не я. Приступая къ русскому ученію, скажу по русски: вѣкъ живи, вѣкъ учись“. Былъ вечеръ, былъ ужинъ; князь убѣдилъ профессора Мерзлякова преподавать ему русскую словесность, а студента Калайдовича—русскую исторію, а меня просилъ какъ можно болѣе помѣщать въ Русскомъ Вѣстникѣ статей о древней и новой Россіи. Вскорѣ послѣ этого появилась въ изданіи моемъ статья о памятникахъ въ Россіи. Прихожу въ одно утро къ поэту нашему И. И. Дмитріеву и слышу отъ него, что кн. Б. Вл. въ восхищеніи отъ моей статьи. „Но“ примолвилъ Иванъ Ивановичъ,—„я сказалъ, что тутъ много давно извѣстнаго“. „Но не для меня“, отвѣчалъ князь. Кромѣ ученія русской словесности и исторіи отечественной, русскій ученикъ завелъ у себя русскіе вечера. Съѣзжались; читали все русское. На эрмитажныхъ вечерахъ Екатерины Второй за впускъ французскаго слова въ рѣчь русскую отчитывались нѣсколькими страницами пресловутой „Телемахиды“. Этой кары не было на нашихъ вечерахъ, но Б. Вл. настоятельно просилъ, чтобы останавливали его, когда къ русскому примѣшаетъ французское“. Обстоятельства, о которыхъ говоритъ Глинка, относятся приблизительно къ 1808—1809 гг.; въ пятой части Русскаго Вѣстника, въ 1809 году, была напечатана упоминаемая Глинкой статья „Историческіе памятники въ Россіи“. О томъ, чтобы Калайдовичъ преподавалъ Голицыну русскую исторію, мы не нашли свѣдѣній въ біографіи перваго; но что касается Мерзлякова, то онъ дѣйствительно открылъ въ домѣ князя, на Старой Басманной, публичный курсъ словесности; бесѣды эти происходили въ теченіе великаго поста 1812 г., по два раза въ недѣлю, въ присутствіи самой избранной публики, при чемъ прочитана была вся теорія изящныхъ наукъ (Словарь профессоровъ Московск. университета, т. II, стр. 61—62). Вѣстникъ Европы, въ своихъ „Московскихъ запискахъ“, тогда же отдавалъ отчетъ о содержаніи этихъ чтеній. Ранѣе того, въ 1810 г., кн. Борисъ Владиміровичъ подалъ Шишкову мысль обратить тѣ литературные вечера, которые происхо-

дили въ его домѣ и въ домахъ его пріятелей, въ общественныя собранія, и изъ этого предложенія возникла столь извѣстная Бесѣда любителей русскаго слова (Записки Шишкова, ч. I, стр. 115). Очевидно, Голицынъ питалъ убѣжденіе, что поощреніе меценатовъ должно содѣйствовать успѣхамъ русской словесности.

Войдя такимъ образомъ въ интересы чуждой ему дотолѣ русской литературы, кн. Б. В. Голицынъ рѣшился высказать нѣкоторыя свои мысли по этому предмету. Случай къ тому подало слѣдующее: Еще въ началѣ 1807 г. Дмитріемъ Ивановичемъ Пименовымъ былъ сдѣланъ новый переводъ „Мыслей“ (Maximes) Ла-Рошфуко (Жихаревъ. Днев. чиновн. въ Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 133). Пименовъ этотъ былъ питомецъ князя Бориса (Соч. кн. Вяз., т. IX, стр. 10); по поводу его труда Голицынъ и написалъ „Réflexions sur les traducteurs russes et particulièrement sur ceux des Maximes de La Rochefoucauld“. Сокращенный переводъ этой статьи князя былъ приложенъ къ переводу Пименова, изданному въ 1809 г. въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „Нравственныя правила герцога де-ла Рошефуко“, а затѣмъ, въ 1811 г., та же статья появилась въ Петербургѣ, въ видѣ отдѣльной брошюры, въ подлинникѣ и безъ сокращеній [1]). Это и есть та „книга Голицына о русской литературѣ“, о которой упоминаетъ Батюшковъ. Князя Бориса уже давно занимала мысль о важности переводныхъ трудовъ; онъ говорилъ объ этомъ еще въ своей статьѣ о Визбекѣ. Въ „Réflexions“ онъ касается этого вопроса довольно подробно. Тутъ онъ разъясняетъ, что хорошіе переводы классическихъ произведеній иностранныхъ литературъ—дѣло нелегкое и требующее особеннаго таланта; въ литературахъ зрѣлыхъ подобные труды ихъ исполнители пользуются большимъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе справедливымъ, что хорошій переводчикъ не упускаетъ случая снабдить сдѣланное имъ переложеніе своими толкованіями и цѣнными разъясненіями о томъ, какихъ правилъ онъ держался въ своемъ трудѣ. Не таковы, по мнѣнію князя, переводчики русскіе: они строго ограничиваются ролью передатчиковъ чужихъ мыслей; о своихъ собственныхъ мнѣніяхъ (если у нихъ есть таковыя) они не проронятъ ни слова, равно какъ вообще объ авторѣ подлинника. Если подлинникъ оказался для нихъ не ясенъ въ какомъ-либо мѣстѣ, они просто обходятъ трудность безъ оговорки. Все это потому, что въ своемъ занятіи они видятъ только развлеченіе и работаютъ наскоро. Кромѣ того, Голицынъ осуждаетъ русскій обычай переводить классическихъ авторовъ, древнихъ и новыхъ, не съ подлинника, а съ переводовъ; въ примѣръ указаны переводы Гомера—съ англійскаго, Тасса, Фильдинга, драмъ Шиллера—съ французскаго, Адама Смита—съ нѣмецкаго, и въ шутку прибавлено, что вскорѣ мы дождемся, какъ „кн. Ш. или кто другой изъ любимыхъ авторовъ переведетъ на новую русскую „рѣчь“ сочиненія Ломоносова и Сумарокова съ варварскаго французскаго переложенія Попандопуло. Подобный трудъ“, продолжаетъ кн. Голицынъ,—„становится тѣмъ болѣе необходимымъ, что подлинныя сочиненія названныхъ авторовъ признаются нынѣ написанными на старомъ русскомъ языкѣ, и что языкъ русскій значительно усовершенствовался съ тѣхъ поръ. Это послѣднее легко

[1]) Книга Пименова намъ не извѣстна, но что помѣщенный въ ней переводъ статьи Голицына сдѣланъ съ сокращеніями, объ этомъ сказано въ предисловіи къ отдѣльному изданію „Réflexions“.

доказать тою прекрасною и обильною коллекціей сочиненій, которыя появляются у насъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ подъ названіемъ чувствительныхъ путешествій, и слогъ которыхъ ни мало не похожъ на ломоносовскій. Только наша литература представляетъ примѣры подобныхъ странностей. У насъ нѣтъ здравой критики, а снисходительность литературныхъ сужденій такова, что все признается годнымъ... Ничто не считается ни дурнымъ, ни очень хорошимъ; всѣ готовы извинять другъ друга, потому что вообще приходится многое прощать другъ другу. При такомъ порядкѣ вещей посредственность процвѣтаетъ, и самые таланты, вездѣ не на столько многочисленные, чтобъ остановить теченіе, утѣшаются, выпуская въ свѣтъ, при такой снисходительности, произведенья, которыя, подверглись бы нѣкоторой опасности при болѣе строгихъ требованіяхъ". Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе первой части разсужденія Голицына; во второй онъ обращается къ разбору труда Пименова сравнительно съ двумя прежними переводами Ла-Рошфуко и, отдавая предпочтеніе послѣднему переводчику передъ его предшественниками, указываетъ и на недостатки новаго перевода.

Изъ этого обзора книжки Голицына, заинтересовавшей Батюшкова, видно, что она коснулась лишь немногихъ обстоятельствъ тогдашняго состоянія нашей литературы. Батюшковъ, еще не читавъ книги, полагалъ, что Голицынъ „разбранилъ въ ней и Шишкова, и Карамзина". На дѣлѣ этого нѣтъ, и только мимоходомъ брошенные авторомъ намеки на сентиментализмъ и „новый слогъ" могутъ быть отнесены къ Карамзину и, главнымъ образомъ, къ его подражателямъ. Съ другой стороны, нѣтъ у Голицына брани и на Шишкова; въ этомъ смыслѣ можно понять развѣ только осужденіе старыхъ дурныхъ переводовъ, чему Голицынъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. Вообще можно сказать, что Голицынъ, стоя не слишкомъ близко къ тогдашнему литературному движенію, избѣгъ крайностей, и потому его сужденія оказались довольно подходящими къ истинному положенію дѣла.

— (Стр. 122). „Другой Голицынъ", сочинившій „русскую книгу для постниковъ", есть князь Алексѣй Петровичъ, довольно плодовитый авторъ конца XVIII в. и начала XIX. Его не должно смѣшивать съ современнымъ и современнымъ ему Голицынымъ, княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ. По изслѣдованіямъ кн. Н. П. Голицына (Матеріалы для полной росписи кн. Голицыныхъ, стр. 146—147), князю Алексѣю Петровичу принадлежатъ литературные труды, поименованные въ „Росписи" Смирдина, подъ слѣдующими №№: 1406, 2984, 2985, 3591, 3754, 3771, 3773, 7442, 8477, 8898 и 8918, и сверхъ того: Новый историческій словарь. Ч. I. М. 1796. Упоминаемая Батюшковымъ книга слѣдующая: „Собраніе отрывковъ, взятыхъ изъ нравственныхъ и политическихъ писателей". Перевелъ съ французскаго Г... М. 1811. Сюда входятъ статьи, выбранныя изъ сочиненій Сабатье-де-Кастра, г-жи Жанлисъ, аббата Мори и нѣкоторыхъ другихъ французскихъ писателей, враждебно относившихся къ свободомыслію XVIII в. Нашъ переводчикъ, раздѣлявшій ихъ образъ мыслей, въ предисловіи къ своему труду возстаетъ противъ свободы мысли и книгопечатанія и приводитъ въ примѣръ Францію, испытавшую всѣ ужасы революціи вслѣдствіе злоупотребленія этою свободой. Находя необходимымъ об-

уздать „вольности книгопечатанія“ и въ Россіи, князь А. И. Голицынъ говоритъ: „Въ Россіи должно смотрѣть болѣе за трудами переводчиковъ, нежели авторовъ: сіи удерживаются страхомъ, дабы не отвѣчать или даже не быть наказану за вредныя сочиненія. Переводчикъ же не можетъ имѣть сего страха, переводя съ иностранныхъ языковъ книги, которыя у насъ въ такомъ употребленіи и публично продаются“. Признавая, что „съ нѣкотораго времени въ Россіи существуетъ какое-то всеобщее броженіе въ умахъ, которое во всѣхъ классахъ ежедневно умножаетъ вкусъ къ чтенію“, кн. Голицынъ возстаетъ противъ высказанной Карамзинымъ (въ статьѣ „О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи“—В. Евр. 1802 г., ч. III, № 9) мысли, что чтеніе даже самыхъ посредственныхъ романовъ способствуетъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Голицынъ находитъ подобный взглядъ порочнымъ и опаснымъ, ибо романы вообще, и „мечтательныя сочиненія“ Вольтера, Дидро и г-жи Сталь въ особенности, „развращаютъ сердце и научаютъ нѣкоторый классъ людей тому, что знать для ихъ счастія чрезвычайно вредно... Возможность читать за самую умѣренную цѣну въ кабинетахъ чтенія дурные романы, которыми сидѣльцы и всякаго званія люди пользуются, отвращаетъ ихъ отъ занятій своею должностію и научаетъ обо всемъ ложно судить и умствовать. Въ Россіи есть такой классъ людей, для которыхъ сіи самыя книги еще вреднѣе, напримѣръ, для торгующихъ господскихъ крестьянъ, которые ни крестьяне, ни купцы... Я, бывши въ Костромской губерніи, видѣлъ у одного изъ такихъ крестьянъ два тома Вольтеровыхъ сочиненій, конечно, совсѣмъ не нужныхъ быть переведенными, о которыхъ сей человѣкъ такія дѣлалъ разсужденія, что нельзя было не поразиться его беззаконіемъ. Сіи самые крестьяне большую часть года ѣздятъ за своими дѣлами по всѣмъ ярмаркамъ и по всѣмъ большимъ россійскимъ городамъ, рѣдко живутъ дома и часто, возвращаясь назадъ, вмѣсто денегъ привозятъ развратные нравы“. Разсужденія свои на эту тему Голицынъ оканчиваетъ такъ: „Всѣ чувствительныя путешествія, писанныя противъ опыта и разсудка, никогда не могли меня увѣрить, чтобъ быть невиннымъ и имѣть всѣ добродѣтели, такъ надобно жить въ деревнѣ“. По мнѣнію кн. Голицына, вліяніе французскихъ философовъ XVIII столѣтія отразилось самымъ гибельнымъ образомъ и на Пруссіи и вообще на всей сѣверной Германіи, гдѣ „скромныя добродѣтели замѣнились ужаснымъ развратомъ, который сильнѣе, нежели во Франціи, и по національному характеру тѣмъ болѣе не искоренимъ“. Главнымъ виновникомъ этого зла Голицынъ считаетъ Фридриха Великаго, „утвердившаго свою славу на вольнодумствѣ и старавшагося снискать одобреніе и хвалу философовъ, самопроизвольно раздававшихъ грамоты на безсмертіе“. Королю Прусскому онъ противополагаетъ Екатерину II, „которая переписывалась съ тѣми же философами, забавлялась сею перепискою и ихъ совѣтами, но не одобряла ихъ богохуленія, не позволяла вольности книгопечатанія и сама своими поступками подавала примѣръ добродѣтелей, составлявшихъ счастіе народовъ“. Говоря о состояніи народной нравственности въ Россіи, Голицынъ находитъ, что „всеобщій духъ еще хорошъ“, но совѣтуетъ „смотрѣть за жителями обѣихъ столицъ, гдѣ вредное вліяніе другихъ земель можетъ уже быть чувствительно“. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ слѣдующіе факты: „Мы видимъ, что большое число дворянъ хвастается своимъ беззаконіемъ, явно пренебре-

гаетъ давно уже принятые обычаи, ставитъ себѣ въ честь, напримѣръ, казаться безъ маски въ публичномъ маскарадѣ во вторникъ на первой недѣлѣ Великаго поста, въ день, посвященный нашею религіею посту и молитвѣ. Удивительно ли, что народъ, подражая тѣмъ, которые должны давать примѣръ, въ тотъ же самый день наполняетъ всѣ иностранные трактиры въ окрестностяхъ Петербурга, разсуждая, какой долгъ религіи можно исполнить съ большею или меньшею точностію?.. Нельзя не поразиться такою перемѣною, происшедшею въ обычаяхъ и образѣ жизни мѣщанъ обѣихъ столицъ, а особливо въ Петербургѣ. Большое число Русскихъ, съ нѣкотораго времени путешествующихъ съ господами, привозятъ изъ чужихъ краевъ идеи и мнѣнія, которыя немало способствуютъ сей перемѣнѣ. Во многихъ переднихъ знатныхъ господъ, по милости дурныхъ романовъ, всякій день переводимыхъ, слуги знаютъ, что философъ и славный человѣкъ воровалъ и былъ лакеемъ. Сколько людей сего званія, по примѣру своихъ господъ, пренебрегаютъ уже ходить въ церковь, нѣсколько лѣтъ сряду не говѣютъ и свободны отъ всякаго обузданія: дожидаются только случая подражать всему, что они видѣли или слышали въ чужихъ краяхъ". (**В. С.**).

LXIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 6-го мая (1811 г.) Москва. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 111—112. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 122**). Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ (род. въ 1787 г., ум. въ 1858) былъ довольно извѣстный литераторъ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка. Онъ происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи, учился въ Московскомъ университетѣ и службу началъ по министерству иностранныхъ дѣлъ; въ 1812 г. состоялъ за адъютанта при начальникѣ 3-го округа ополченія графѣ П. А. Толстомъ, управлялъ его канцеляріей до 1815 г. и въ это время сопровождалъ Толстаго въ Германію. Впослѣдствіи Филимоновъ былъ вице-губернаторомъ въ Новгородѣ и губернаторомъ въ Архангельскѣ; послѣдніе годы жизни провелъ въ отставкѣ (Всемірная Иллюстрація 1858 г., № 32; Библіогр. Записки 1859 г., № 20, статья Г. Н. Геннади; Современникъ 1858 г., № 9: Замѣтки новаго поэта).

Первые литературные опыты Филимонова относятся къ 1804 г. и появились въ Новостяхъ русской литературы; послѣднія его произведенія напечатаны въ 1857 и 1858 гг. Перечень отдѣльно изданныхъ его сочиненій находится въ упомянутой выше статьѣ Геннади. Многія стихотворенія его, а частью и прозаическія статьи, встрѣчаются въ Другѣ Просвѣщенія, Вѣстникѣ Европы, Патріотѣ, Трудахъ Общества любителей р. словесности, Амфіонѣ, Росс. Музеумѣ, Благонамѣренномъ, Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія, Московскомъ Вѣстникѣ, Р. Инвалидѣ, Литер. Прибавленіяхъ къ Инвалиду, Сынѣ Отечества, Отеч. Запискахъ, Р. Вѣстникѣ, Журналѣ военно-учебныхъ заведеній, Петерб. Полиц. Вѣдомостяхъ, Шехеразадѣ, Иллюстраціи. Кромѣ то-

го, онъ печаталъ стихи въ альманахахъ: Полярной Звѣздѣ, Литер. Музеумѣ, Русской Антологіи, Невскомъ Альманахѣ, Утренней Зарѣ, Сборникѣ, изданномъ Воейковымъ, Одесскомъ Альманахѣ, Невскомъ Альбомѣ и Метеорѣ. Филимоновъ считалъ Жуковскаго первымъ поощрителемъ своего таланта (см. сборникъ: Проза и стихи В. Филимонова. Двѣ части. С.-Пб. 1822, ч. II, стр. 125); но романтизмъ, по видимому, никогда не увлекалъ его; напротивъ того, и въ молодости, и въ позднѣйшіе годы жизни онъ много занимался переводами изъ Горація и вообще старался проводить въ своихъ стихахъ идеи гораціанскаго эпикуреизма: такимъ эпикурейцемъ зналъ его К. А. Полевой въ началѣ 20-хъ годовъ (Записки о жизни Н. А. Полеваго, ч. I. С.-Пб. 1860, стр. 76, 79), и такимъ же является онъ въ своей шутливой поэмѣ „Дурацкій колпакъ", подавшей А. С. Пушкину поводъ къ извѣстному посланію и заслужившей похвалы Вяземскаго, не смотря на то, что вообще князь Петръ Андреевичъ былъ не высокаго мнѣнія о талантѣ Филимонова (Р. Архивъ 1866 г., ст. 1716; 1879 г., кн. I, стр. 486). Хорошо образованный и любезный человѣкъ, Филимоновъ, въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ, много вращался въ литературныхъ кружкахъ (Соч. кн. Вяз., т. IX, стр. 103; Р. Старина 1870 г., ч. II, стр. 293; Р. Архивъ 1873 г., кн. I, стр. 942), но отсталъ отъ нихъ на старости; появившійся въ 1841 г. романъ его „Неостижимая" былъ встрѣченъ неблагопріятною критикой не только Бѣлинскаго (Соч., т. V, стр. 369—376), но и Плетнева (Сочиненія и переписка, т. II, стр. 329). По сообщенію Геннади, Филимоновъ началъ писать свою автобіографію и довелъ ее до 1812 г.; она осталась не напечатанною, и гдѣ находится ея рукопись—не извѣстно. Въ Памятникахъ новой русской исторіи, т. II, С.-Пб. 1873, помѣщена записка Филимонова объ арестованіи Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 г.

Батюшковъ познакомился съ Филимоновымъ, вѣроятно, чрезъ П. А. Ижорина (см. выше стр. 71, 634 и 635), съ которымъ авторъ „Дурацкаго колпака" былъ пріятель (Проза и стихи В. Филимонова, ч. II, стр. 81).

— (**Стр. 122**). Второе засѣданіе Бесѣды любителей русскаго слова происходило 22-го апрѣля 1811 г., и въ немъ между прочимъ читаны были стихотворное „Письмо о пользѣ критики", гр. Хвостова и статья И. М. Муравьева-Апостола о жизни Горація и о I-й его сатирѣ (Сѣв. Почта 1811 г., № 34); оба эти произведенія напечатаны въ II-мъ Чтеніи въ Бесѣдѣ. Въ посланіи Хвостова дѣйствительно встрѣчается стихъ, приводимый Батюшковымъ.

— (**Стр. 123**). Въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. IV, стр. 468—476, помѣщена, за подписью А. А., очень ѣдкая рецензія на стихотвореніе кн. С. Шихматова: Посланіе къ любезному моему брату князю Михаилу Александровичу. 1810 годъ, мѣсяцъ Сериень. С.-Пб. Въ морской типографіи, и тутъ приведены нелѣпые стихи изъ этого посланія и примѣры странныхъ словъ и выраженій изъ поэмы того же автора „Петръ Великій". Въ той же части Цвѣтника, стр. 256—303 и 404—467, помѣщена, за подписью —въ, рецензія Д. В. Дашкова на „Переводъ двухъ статей Лагарпа, съ примѣчаніями переводчика" А. С. Шишкова; переводъ этотъ былъ напечатанъ во 2-й части Записокъ Адмирал-

тейскаго Департамента, 1808 г. Содержаніе превосходной статьи Дашкова изложено А. Д. Галаховымъ въ Исторіи р. словесности. Изд. 2-е, т. II, стр. 75—78.

— (Стр. 123). О московскомъ каруселѣ 1811 г. см. т. II, стр. 29 и 391—392.

— (Стр. 123). „Подъ Анастасевичевымъ журналомъ“ Батюшковъ разумѣетъ Улей, выходившій ежемѣсячно въ теченіе 1811—1812 гг. и заключавшій въ себѣ пять отдѣловъ: словесность, біо- и библіографическія замѣчанія, исторію, народное образованіе и смѣсь. Журналъ этотъ наполнялся большею частію переводами съ польскаго, принадлежавшими самому Вас. Гр. Анастасевичу (род. въ 1775 г., ум. въ 1845). Что касается оригинальныхъ произведеній, то авторами ихъ, кромѣ самого издателя, были: гр. Д. И. Хвостовъ, Е. И. Станевичъ, А. А. Палицынъ и другія уже совершенно неизвѣстныя лица. Единственный отдѣлъ, заслуживающій нѣкотораго вниманія,—біо-библіографическій, въ которомъ, на ряду со свѣдѣніями о польскихъ писателяхъ, встрѣчаются статьи Анастасевича, посвященныя и русскимъ авторамъ: Ив. Ѳ. Богдановичу, А. Д. Кантемиру, Я. Б. Княжнину, И. С. Рижскому, А. П. Сумарокову, гр. Д. И. Хвостову, М. М. Хераскову и Гр. Ив. Шиповскому. Кромѣ того, здѣсь помѣщено нѣсколько статей, относящихся къ библіографіи вообще, также написанныхъ, безъ сомнѣнія, самимъ издателемъ. Журналъ Анастасевича вообще не пользовался успѣхомъ между современниками. Наиболѣе рѣзкій отзывъ о немъ принадлежитъ Вигелю (Воспоминанія, ч. III, стр. 154): „Улей—журналъ непозволительно безобразный и глупый, какъ по содержанію своему, такъ и по наружной формѣ: оберткой служила ему темно-сѣрая бумага съ волосьми, а издателемъ—Анастасевичъ, подъ руководствомъ графа Хвостова“. (В. С).

— (Стр. 123). Два латинскіе стиха приведены изъ Тибулловой 3-й элегіи I-й книги.

LXV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Мая 11-го. Вознесенье. (1811 г.) Москва. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 112—114. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 124). „Гимнъ Орфеновъ“ есть стихотвореніе Державина: Срѣтеніе Орфеемъ солнца. Гимнъ и дифирамбъ въ греческомъ вкусѣ, препровождаемые лирою. Музыка г. Бортнянскаго. С.-Пб. 1811. Этотъ гимнъ былъ исполненъ во второмъ засѣданіи Бесѣды „съ арфою, для показанія, какимъ образомъ въ древности музыка соединена была съ поэзіею“ (Сѣв. Почта 1811 г. № 34). Стихотвореніе это напечатано въ 1-мъ акад. изданіи Соч. Держ., т. III, стр. 81—83.

(Стр. 124). Подъ „родомъ лицея“, который, по словамъ Батюшкова, заводится при Московскомъ университетѣ, должно разумѣть Общество любителей россійской словесности, образовавшееся изъ 21 члена подъ предсѣдатель-

ствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. Уставъ этого Общества былъ высочайше одобренъ 1-го іюня 1811 г. Свѣдѣнія объ этомъ Обществѣ см. въ статьѣ М. Н. Лонгинова—въ Р. Вѣстникѣ 1858 г., т. XV.

— (**Стр. 124—125**). Переводчикъ Расина, о которомъ упоминаетъ Батюшковъ, есть дѣйствительно Лобановъ. Это былъ одинъ изъ раннихъ знакомыхъ нашего поэта, какъ другъ Гнѣдича и частый посѣтитель дома Олениныхъ. На сколько извѣстно, Батюшковъ никогда не былъ съ нимъ особенно близокъ и не видѣлъ въ немъ особенно выдающихся дарованій; но какъ постоянный членъ того петербургскаго кружка, гдѣ вращался Батюшковъ во время своихъ посѣщеній сѣверной столицы, Лобановъ заслуживаетъ нашего вниманія.

Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ (род. въ 1787 г., ум. въ 1846) воспитывался въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ, а затѣмъ слушалъ лекціи въ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи ученія онъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ русской словесности у Строгановыхъ. Въ 1810 г. онъ поступилъ на службу по духовному вѣдомству, а съ 1818 г. по самую смерть продолжалъ ее по министерству народнаго просвѣщенія, при чемъ съ 1813 г. по 1841 служилъ при Императорской Публичной Библіотекѣ.

Съ раннихъ лѣтъ Лобановъ пользовался покровительствомъ А. Н. Оленина, въ домѣ котораго, по его словамъ, были читаны и оцѣнены и первые его литературные опыты. Едва ли не самымъ раннимъ изъ нихъ должно считать переводъ 3-го дѣйствія Вольтеровой „Заиры“ (см. выше стр. 621). Затѣмъ онъ занялся переводомъ Расиновой „Ифигеніи въ Авлидѣ“. Переводъ этотъ изданъ вполнѣ только въ 1815 г., но отрывки изъ него появились въ печати еще въ 1813 г. (Чтенія въ Бесѣдѣ, кн. XIII), а изъ письма Батюшкова видно, что трудъ этотъ былъ начатъ и еще ранѣе. Первое представленіе „Ифигеніи“, съ участіемъ Семеновой въ роли Клитемнестры, состоялось 6-го мая 1815 г. и, по словамъ П. Н. Арапова (Лѣтопись р. театра, стр. 237), имѣло успѣхъ. Вигель, присутствовавшій на этомъ спектаклѣ, также говоритъ объ успѣхѣ піесы и объ овиціяхъ, оказанныхъ переводчику, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: „Ничтожество и самолюбіе было написано на лицѣ этого бездарнаго человѣка; переводъ его былъ не совсѣмъ дуренъ, но Хвостовъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы его лучше, то-есть, смѣшнѣе“ (Воспоминанія, ч. IV, стр. 163). Что касается Батюшкова, то онъ, судя по позднѣйшему его письму къ Гнѣдичу (стр. 319), находилъ въ переводѣ Лобанова большія достоинства, однако оговаривался, что вообще „Расина переводить не возможно“. Вскорѣ послѣ перваго представленія „Ифигеніи“ Гнѣдичъ, принимавшій живое участіе въ постановкѣ ея, напечаталъ „Письмо о переводѣ и представленіи трагедіи“ Ифигеніи въ Авлидѣ“ (С.-Пб. 1815). Письмо это адресовано въ Москву, къ другу автора NN, которому еще лѣтъ за пять передъ тѣмъ Гнѣдичъ сообщилъ образцы Лобановскаго перевода. Принимая во вниманіе это обстоятельство и сопоставляя взглядъ Батюшкова на переводъ Расина вообще, и въ частности на трудъ Лобанова, со взглядомъ NN, выраженнымъ отъ его лица Гнѣдичемъ, можно предполагать, что Батюшковъ и есть тотъ NN, которому Гнѣдичъ адресуетъ свое „Письмо“. Статья Гнѣдича содержитъ въ себѣ большія похвалы Лобанову. За „Ифигеніей“ послѣдовалъ переводъ „Федры“ Расина, напечатанный въ 1823 году.

Первое представленіе этой піесы состоялось 9-го ноября того же года, и благодаря Семеновой и Каратыгину, имѣло большой успѣхъ (Араповъ. Лѣтопись р. театра, стр. 345—346). По этому случаю въ Сынѣ Отечества 1823 г. (ч. 89) появилась хвалебная статья О. М. Сомова, гдѣ переводчикъ „Федры“ былъ названъ побѣдителемъ непобѣдимаго. Но не таково было мнѣніе объ этомъ переводѣ А. С. Пушкина. „Кстати о гадости“, писалъ онъ своему брату,—„читалъ я „Ѳедору“ Лобанова, хотѣлъ писать на нее критику не ради Лобанова, а ради маркиза Расина,—перо вываливалось изъ рукъ. И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ“ (Соч., изд. 8-е, т. VII, стр. 96). Въ 1835 году Лобановъ напечаталъ свою оригинальную трагедію „Борисъ Годуновъ“, по видимому, не безъ желанія состязаться съ безсмертнымъ произведеніемъ Пушкина. Но „Годуновъ“ Лобанова вызвалъ только жестокое осужденіе со стороны молодаго тогда Бѣлинскаго: „Грустно читать подобныя произведенія, тѣмъ болѣе грустно, когда они, не смотря на свою юродивость, бываютъ плодомъ жалкаго заблужденія, а не шарлатанства, не меркантильности“ (Соч., т. I, стр. 390). „Борисъ Годуновъ“ Лобанова былъ едва ли не послѣднею русскою трагедіей въ псевдоклассическомъ вкусѣ. Въ половинѣ 1830-хъ годовъ авторъ ея оказался уже совершенно отставшимъ отъ общаго литературнаго движенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ особенности статья его: „Мнѣніе о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественой“, читанная въ Россійской академіи 18-го января 1836 г. и напечатанная въ III-й части Трудовъ ея (1840 г.) „Мнѣніе“ Лобанова написано, очевидно, подъ впечатлѣніемъ статьи Бѣлинскаго и содержитъ въ себѣ нападки на „современныя ученія объ изящномъ“, подъ вліяніемъ которыхъ „новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность, и словесность“. Рѣчь свою Лобановъ заключаетъ слѣдующими словами: „По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностью, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное? Ктожь долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академія, для сего самаго учрежденная“. Извѣстно, что „Мнѣніе“ Лобанова подало поводъ къ жесткому отвѣту со стороны Пушкина (Современникъ 1836 г. кн. III). Кромѣ названныхъ произведеній и нѣсколькихъ стихотвореній, частью изданныхъ отдѣльно, частью разсѣянныхъ по журналамъ, Лобановъ оставилъ еще два труда, болѣе достойные вниманія, чѣмъ все прочее, что имъ было написано: это біографіи его друзей—Гнѣдича и Крылова; онѣ были напечатаны въ Сынѣ Отечества: первая—въ 1842 г., № 11, а вторая—въ 1847 г., № 1. Послѣ Лобанова осталась довольно большая литературная переписка и перешедшія къ нему бумаги Гнѣдича. Бумаги эти находятся теперь частію въ Императорской Публичной Библіотекѣ, частію въ частныхъ рукахъ. На основаніи этого литературнаго наслѣдства составлены: статья А. О. Круглаго: М. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину (Истор. Вѣстникъ 1880 г., т. II) и брошюра П. Н. Тиханова: Николай Ивановичъ

Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи. С.-Пб. 1884. Изъ этого же источника происходятъ, между прочимъ, письма Батюшкова къ Гнѣдичу, появившіяся въ Русской Старинѣ и перепечатанныя въ настоящемъ изданіи, а равно нѣсколько раннихъ стихотвореній Батюшкова, появляющихся въ настоящемъ изданіи впервые. (**В. С.**).

— (**Стр. 125**). Подъ „рецензіей Хвостова“ Батюшковъ, вѣроятно, разумѣетъ отзывъ о какомъ-нибудь произведеніи гр. Хвостова, сдѣланный Гнѣдичемъ въ письмѣ къ своему пріятелю; по крайней мѣрѣ въ петербургской журналистикѣ за первые мѣсяцы въ 1811 г. мы не нашли никакого разбора сочиненій Хвостова.

— (**Стр. 125**). Упоминаемая Батюшковымъ „рецензія Жуковскаго подъ именемъ Воейкова“ относится къ трагедіи А. Н. Грузинцова „Электра и Орестъ“, представленной въ первый разъ на петербургской сценѣ 10-го ноября 1809 г., а въ слѣдующемъ году напечатанной, съ посвященіемъ А. Л. Нарышкину, въ которомъ авторъ счелъ приличнымъ сказать между прочимъ слѣдующее:

Нарышкинъ, я тобой въ путь славы поощренъ!
Электру призрѣлъ ты, и я ужь награжденъ.
Подъ сѣнію твоей къ ней злоба не коснется,
Иль именемъ твоимъ позорно отженется.

Неизвѣстный издатель этой піесы въ послѣсловіи своемъ выражаетъ надежду, что она „принята будетъ столь же благосклонно любителями россійскаго слова, сколь одобряема была зрителями“, и затѣмъ прибавляетъ: „Смѣло могу сказать, что изданіемъ трагедіи сей я приношу пользу россійской словесности... ибо сія есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся въ россійскомъ театрѣ... Изъ числа сочинителей, подражавшихъ Софоклу, Александръ Николаевичъ Грузинцовъ, неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовалъ красоты греческаго стихотворца, и твореніе его весьма подходитъ къ трагедіи Софокловой; въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать россійскую „Электру“ превосходною“. Отказываясь, за недостаткомъ времени, отъ подробнаго разсмотрѣнія „неисчетныхъ красотъ“ трагедіи, издатель обращается къ исполнителямъ піесы и каждаго поочередно восхваляетъ, но главнымъ образомъ Вальберхову, которая, какъ извѣстно, находилась подъ покровительствомъ кн. Шаховскаго. Еще прежде того самъ авторъ „Электры“, въ своемъ „Письмѣ къ издателю Цвѣтника“ (1809 г., ч IV) и въ другой своей замѣткѣ по тому же поводу въ Сѣверномъ Меркуріи 1810 г., № 13, всѣми силами старался доказать, что Вальберхова въ главной роли его трагедіи показала „блистательное искусство и подходила близко къ совершенству“. Однако тогдашняя критика не раздѣляла мнѣній издателя и автора, какъ относительно литературныхъ достоинствъ піесы, такъ и относительно игры артистовъ вообще и Вальберховой въ частности. Доказательствомъ тому служатъ двѣ рецензіи, изъ которыхъ одна, за подписью NN, напечатана въ Цвѣтникѣ 1810 г., ч. III, а другая, принадлежащая Жуковскому,—въ Вѣстникѣ

Европы 1811 г., № 7. Оба критика пришли къ тому заключенію, что образцомъ для автора служилъ не Софоклъ, а Вольтеръ, которому онъ рабски подражалъ и котораго портилъ, когда желалъ блеснуть оригинальностью. Въ 9-мъ нумерѣ Вѣстника Европы за 1811 г. появилось „Возраженіе на критику трагедіи Электра и Орестъ“, за подписью М. С., принадлежащее, вѣроятно, издателю трагедіи Грузинцова. Возраженіе это служитъ отвѣтомъ на рецензію Жуковскаго, котораго авторъ старается обличить въ незнаніи драматическаго искусства и классической литературы и говоритъ, что онъ „забылъ силу трагедіи, которая имѣетъ своею цѣлью трогать сердце зрителей, извлекать слезы и производить въ нихъ ужасъ“. „Электра“, по мнѣнію М. С.,—„при всѣхъ ея недостаткахъ, исполнила все то, что отъ трагедіи требуетъ Аристотель и зрители... Критика г. Ж. займетъ читателя одну минуту, и послѣ онъ ее забудетъ, а „Электра“ г. Грузинцова всякій разъ будетъ извлекать слезы зрителей“. Въ заключеніе защитникъ Грузинцова называетъ Жуковскаго мелочнымъ писателемъ, съ завистью относящимся къ „успѣхамъ хорошаго творенія“. Вслѣдъ за возраженіемъ М. С. въ Вѣстникѣ Европы помѣщенъ остроумный и колкій отвѣтъ ему, за подписью А. Ѳ. Воейкова, но, судя по словамъ Батюшкова, принадлежащій самому Жуковскому.

Авторъ трагедіи, подавшей поводъ къ этой полемикѣ, Александръ Николаевичъ Грузинцовъ, дѣйствительно былъ грузинскаго происхожденія, сынъ помѣщика Саратовской губерніи, и родился въ 1779 г. (сообщено П. И. Петровымъ изъ дѣлъ департамента герольдіи). А. Н. Грузинцовъ въ очень ранней молодости почувствовалъ склонность къ литературнымъ занятіямъ. Въ посвященіи своему отцу, предпосланномъ трагедіи „Покоренная Казань или милосердіе царя Іоанна Васильевича IV“ (С.-Пб. 1810. Издалъ М. С....въ), Грузинцовъ говоритъ: „Вы были первый, который замѣтили во мнѣ съ четырнадцатилѣтняго моего возраста страсть къ стихотворству, читали съ удовольствіемъ Ломоносова, Сумарокова и воспламеняли меня ихъ геніемъ. Вы возбудили во мнѣ желаніе къ древнимъ языкамъ, и вамъ, за все то, чему я научился, обязанъ отчетомъ и живѣйшею признательностью“. Изъ того же посвященія видно, что Грузинцовъ пользовался покровительствомъ М. М. Хераскова. Въ первые годы XIX в. Грузинцовъ проживалъ въ Москвѣ и находился на службѣ въ коммиссаріатскомъ депо (Соч. и перев., издав. Росс. Акад., ч. VI, стр. 15). Первые литературные опыты его появились въ Новостяхъ русской литературы, именно статьи: 1) Экзаменъ „Хорева“ (ч. IV, 1802 г.); 2) Разсужденіе о драматическихъ твореніяхъ (тамъ же); 3) Экзаменъ „Лизы или торжество благодарности“ (ч. VI, 1803 г.). Въ своихъ статьяхъ Грузинцовъ является почитателемъ Хераскова и противникомъ Сумарокова. Въ 1804 году Грузинцовъ присылалъ изъ Москвы въ Россійскую академію двѣ трагедіи въ стихахъ: „Нума Помпилій“ и „Демофонтъ“, которыя однако не были приняты на разсмотрѣніе, такъ какъ сочинитель открылъ свое имя (Соч. и перев., издав. Росс. Акад., ч. VI, стр. 91). Въ Вѣстникѣ Европы 1805 г. встрѣчаются его мелкія стихотворенія. Кромѣ названныхъ произведеній, Грузинцову принадлежатъ еще слѣдующія трагедіи: 1) „Эдипъ царь“, представленная въ первый разъ на Петербургскомъ театрѣ 4-го октября 1811 г. и напечатанная тогда же и въ 1812 году, съ по-

священіемъ кн. А. А. Шаховскому, который оказывалъ автору „дружеское расположеніе“; 2) „Ираклиды или спасенныя Аѳины“ (подражаніе Еврипиду), представленная 4-го февраля 1814 г. и въ слѣдующемъ году напечатанная, съ посвященіемъ гр. Н. П. Румянцову. Въ 1812 году появилась знаменитая „Петріада“, роскошно изданная, съ предисловіемъ издателя и предувѣдомленіемъ автора, который на этотъ разъ отличается нѣкоторою скромностію. „Любовь къ отечеству“, говоритъ онъ,—„благоговѣніе къ дѣламъ Петровымъ побудили меня къ сочиненію „Петріады“. Сей шестилѣтній трудъ мой, по многимъ его несовершенствамъ, не смѣлъ бы я издать въ свѣтъ, еслибы не былъ убѣжденъ моими пріятелями и любителями нашей словесности, а наипаче его превосходительствомъ г. генераломъ-лейтенантомъ Павломъ Петровичемъ Вырубовымъ, который, по дружескому ко мнѣ расположенію и по особенному уваженію дѣлъ Петровыхъ, не только желалъ, чтобъ поэма сія была напечатана, но способствовалъ тому всѣми силами и сдѣлалъ мнѣ честь, принявъ на себя трудъ быть издателемъ оной“. Матеріалы для своей поэмы Грузинцовъ, по собственнымъ его словамъ, черпалъ „изъ отечественныхъ преданій Ѳеофана Прокоповича, изъ записокъ Шафирова, Меншикова и изъ отрывковъ Ломоносова“. Изъ иностранцевъ онъ пользовался Норбергомъ, Пуффендорфомъ и Штелинымъ По словамъ А. Е. Измайлова, авторъ за свою поэму получилъ отъ императора Александра въ награду 2000 р. и брилліантовый перстень (Библіогр. Зап. 1859 г., стр. 419). Второе изданіе „Петріады“, уже „перетворенной“, вышло въ 1817 году, съ посвященіемъ гр. Н. П. Румянцову. „Возрожденный какъ Фениксъ“ щедростію императора, Грузинцовъ, написалъ новую патріотическую поэму „Спасенная и побѣдоносная Россія въ девятомъ надесять вѣкѣ“; она была напечатана въ 1813 году, съ посвященіемъ Александру I, въ которомъ авторъ уже прямо называетъ себя пѣвцомъ Петра. Будучи высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ, Грузинцовъ относился съ презрѣніемъ къ „несмысленной критикѣ злонамѣренныхъ зоиловъ“ и разчитывалъ только на судъ „безпристрастнаго потомства“, при чемъ однажды сравнилъ себя съ Тассомъ и Расиномъ, которыхъ „Освобожденный Іерусалимъ“ и „Аѳалія“ „долгое время почитались у Французовъ дурнымъ твореніемъ“ (см. посвященіе къ трагедіи „Покоренная Казань“). Потомство совершенно позабыло самолюбиваго автора; что касается современниковъ, то объ ихъ отношеніяхъ къ литературнымъ заслугамъ Грузинцова можно судить, какъ по вышеупомянутымъ рецензіямъ на „Электру“, такъ и по эпиграммѣ Батюшкова (т. I, стр. 110) и по слѣдующему отзыву Воейкова въ его „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ (Р. Арх. 1866, стр. 763): „А. Н. Грузинцовъ. 12-го класса. За малолѣтствомъ отпущенъ въ домъ родителей доучиться читать и писать“. (**В. С.**).

LXVI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 29-го мая (1811 г.). Фили, на Москвѣ рѣкѣ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 114—116. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 127**). Слово Шишкова, о которомъ упоминаетъ Батюшковъ, есть его „Рѣчь при открытіи Бесѣды“; оно напечатано въ I-мъ Чтеніи и содер-

житъ въ себѣ разсужденія о пользѣ занятій языкомъ и словесностью. Въ томъ же Чтеніи помѣщено и стихотвореніе Шишкова „Сонъ. Осада крѣпости (подражаніе италіянскому)“, которое Батюшковъ сравниваетъ съ „Ѣздой на островъ любви“ Тредіаковскаго.

— (Стр. 128). Въ числѣ стиховъ, которые Нелединскій читалъ Батюшкову, были, очевидно, и такіе, которые Вигель (Воспоминанія, ч. V, стр. 43) называетъ „непотребными“.

— (Стр. 128). Сатира В. Л. Пушкина—„Опасный сосѣдъ“; изъ нея Батюшковъ приводитъ далѣе нѣсколько стиховъ.

— (Стр. 129). Не смотря на просьбу И. М. Муравьева-Апостола, Батюшковъ никогда не давалъ своихъ стиховъ для чтенія въ Бесѣдѣ.

LXVII. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** (Мартъ—май 1811 г. Москва). Подлинникъ у В. К. Вульферта.

— (Стр. 129). „Itinéraire“—извѣстное путешествіе въ Святую Землю Шатобріана, появившееся въ 1811 году.

LXVIII. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** (Мартъ—май 1811 г. Москва). Подлинникъ у В. К. Вульферта.

LXIX. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** (Май 1811 г. Москва). Подлинникъ у В. К. Вульферта.

LXX. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** (Май 1811 г. Москва). Подлинникъ у В. К. Вульферта.

— (Стр. 131). M-r de Mouravief—Ив. М. Муравьевъ-Апостолъ.—„Corinne ou l'Italie“, романъ г-жи Сталь, появившійся въ 1807 году.

LXXI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Получено въ Петербургѣ 20-го іюля 1811 г. Череповецъ). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 116—118. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 132). „Московскій Пантеонъ“—вновь основанное Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ.

— (**Стр. 133**). Строгановъ—графъ Александръ Сергѣевичъ. См. о немъ въ т. II, стр. 441—443.

— (**Стр. 133**). „Гимнъ Венерѣ“ Гнѣдича напечатанъ впервые въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г., ч. I, стр. 181—182, но вѣроятно, ранѣе того былъ сообщенъ авторомъ Батюшкову въ рукописи.

— (**Стр. 133**). Сергѣй Никифоровичъ Маринъ (род. въ 1775 г., ум. въ 1813) служилъ въ Преображенскомъ полку одновременно съ кн. А. А. Шаховскимъ и П. А. Катенинымъ; впослѣдствіи, уже въ чинѣ полковника, состоялъ флигель-адъютантомъ императора Александра. По отзывамъ современниковъ, Маринъ отличался большимъ остроуміемъ, былъ свѣтскій шутникъ, веселый товарищъ и посредственный стихотворецъ. Хотя Маринъ и не принадлежалъ къ числу записныхъ литераторовъ, однако еще въ послѣдніе годы прошлаго вѣка пріобрѣлъ извѣстность своими шуточными стихотвореніями и сатирами, въ которыхъ, по словамъ Вигеля, „крѣпко доставалось и словесникамъ, и свѣтскимъ людямъ“ (Воспоминанія, ч. III, стр. 146). Въ печати имя Марина впервые появилось въ Драматическомъ Вѣстникѣ 1808 г., гдѣ (№№ 21 и 23) помѣщены между прочимъ двѣ сатиры его, представляющія подражанія Буало и написанныя въ формѣ посланій къ В. В. Капнисту и И. И. Дмитріеву. С. П. Жихаревъ, слышавшій первое изъ этихъ стихотвореній на литературномъ вечерѣ у И. С. Захарова 30-го марта 1807 г., далъ въ своемъ „Дневникѣ чиновника“ такой отзывъ о Маринѣ и его сатирѣ: „Это посланіе—нѣчто въ родѣ сатиры, но сатиры тяжелой, въ которой не найдешь ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и натянутаго умничанья. Талантъ Марина, столько замѣчательный въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, какъ-то: эпиграммахъ, надписяхъ, нѣкоторыхъ пародіяхъ и небольшихъ шуточныхъ посланіяхъ, исполненныхъ веселости и колкихъ насмѣшекъ, совершенно подавляется предметами болѣе возвышенными, и тамъ, гдѣ Маринъ хочетъ быть моралистомъ, онъ становится скучнымъ и даже пошлымъ“ (Отеч. Зап. 1855 г., т. XCIX, стр. 402). Сдѣлавшись членомъ Бесѣды любителей русскаго слова, Маринъ печаталъ въ Чтеніяхъ ея свои произведенія; здѣсь (кн. III) между прочимъ помѣщено и его „Посланіе къ М... М...“, въ которомъ находимъ слѣдующую выходку на счетъ Карамзина:

Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь
И, вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добренькихъ Славянъ, и милую Россію.

Сентиментальное направленіе послѣдователей Карамзина осмѣяно Марпинымъ и въ вышеуказанномъ посланіи къ И. И. Дмитріеву. Нѣсколько стихотвореній Марина въ патріотическо-воинственномъ духѣ напечатано въ „Краткомъ очеркѣ исторіи л. г. Финляндскаго полка“ (С.-Пб. 1846), составленномъ братомъ сатирика А. Н. Марпинымъ, а въ V-й книжкѣ Лѣтописей р. литературы, изд. Н. С. Тихонравова, находится его „Посланіе къ другу“. Изъ шуточ-

ныхъ стихотвореній Марина, впослѣдствіи напечатанныхъ, извѣстны слѣдующія: 1) Возвращеніе кн. А. А. Шаховскаго изъ Франціи въ 1802 году—пародія на описаніе морскаго поѣзда Венеры изъ „Душеньки“ Богдановича (Современникъ 1856 г., № 11, въ Библіогр. Запискахъ М. Н. Лонгинова); 2) На рожденіе Геракова—пародія извѣстной оды Державина „На рожденіе порфиророднаго отрока“ (Лѣтописи р. литературы, кн. V); 3) Отрывокъ изъ пародіи на оду Ломоносова „Подражаніе Іову“ (Русск. Старина 1882 г., т. XXXVI, № 12; 4) Военное объясненіе (ibid.). Кромѣ того, Жихаревъ упоминаетъ еще о посланіяхъ Марина къ уличному стихотворцу Патрикѣичу и къ камердинеру кн. А. А. Шаховскаго Макару (Отеч. Зап. 1854 г., т. XCVII, стр. 41, и 1855 г., т. CII, стр. 128). Въ „Записной книжкѣ“ кн. Вяземскаго находится слѣдующее воспоминаніе о Маринѣ, относящееся, вѣроятно, къ тому же времени, что и письмо Батюшкова: „Маринъ не отличался стихотворческимъ дарованіемъ; оно не выходило изъ предѣловъ гвардейскаго и свѣтскаго объема... Замѣчательно и странно, что при такой наклонности къ легкимъ стихамъ онъ принадлежалъ не къ новой школѣ, а къ староязыческой школѣ Шишкова. Онъ былъ большой поклонникъ Хераскова и зналъ наизусть цѣлыя страницы „Россіады“. Французскій языкъ былъ ему мало знакомъ, если и не вовсе, что впрочемъ не помѣшало ему перевести трагедію Вольтера „Мерону“. Перевелъ онъ ее довольно плохо съ подстрочнаго русскаго перевода довольно плохою прозою“ (Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 115). „Меропа“ въ переводѣ Марина пользовалась на сценѣ большимъ успѣхомъ. Первое представленіе ея состоялось 30-го октября 1811 г., а 1-го ноября она была играна у императрицы Елизаветы Алексѣевны (Араповъ. Лѣтопись р. театра, стр. 212). Отрывокъ изъ нея напечатанъ въ Русской Талiи 1826 г. Маринъ же, вмѣстѣ съ И. А. Озеровымъ, братомъ трагика, перевелъ первый актъ трагедіи Лонжпьера „Медея“ (Сочиненія П. А. Катенина, ч. II, стр. 189). Но большая часть стихотвореній Марина осталась не изданною; рукописное собраніе ихъ было у М. Н. Лонгинова. (**В. С.**).

— (**Стр. 133**). Упоминаемая Батюшковымъ элегія изъ Тибулла есть второй переводъ нашего поэта изъ римскаго лирика—X-я элегія I-й книги (см. т. I, стр. 100—104).

LXXII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Августъ 1811 г.). Череповецъ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 118—120. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 135**). О Сенъ-Ламберѣ см. т. II, стр. 332, 533 и 534. Намекъ на Шатобріана относится, вѣроятно, къ его поэмѣ въ прозѣ „Les Martyrs“, которая появилась въ 1809 г. Ср. замѣчанія объ изображеніи ада въ этой поэмѣ въ Chateaubriand et son groupe, par C. A. Sainte-Beuve, т. II, лекція 18-я.

— (**Стр. 135**). „Орфей Орфенчъ“—разумѣется, Державинъ, „сей божественный стихотворецъ и чудесный враль“, по другому выраженію Батюшкова (т. III, стр. 153).

— (**Стр. 135**). Поэма А. П. Буниной—О счастіи. Дидактическое стихотвореніе. С.-Пб. 1810 (въ 4 пѣсняхъ и съ посвященіемъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ).

— (**Стр. 136**). Графъ Антоній Ферранъ (род. въ 1758 г., ум. въ 1825), французскій государственный дѣятель и авторъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій, изъ которыхъ L'Esprit de l'histoire ou Lettres politiques et morales d'un père à son fils, sur la manière d'étudier l'histoire, et particulièrement l'histoire de France (P. 1802. 4 vol.) имѣло въ свое время значительный успѣхъ. Сочиненіе это написано подъ впечатлѣніемъ революціоннаго террора; авторъ настаиваетъ на гибельныхъ послѣдствіяхъ развитія народной свободы и, для оправданія своей мысли, не пренебрегаетъ самыми явными натяжками.

LXXIII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ**. 26-го августа 1811 г. (Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 138**). Эпиграммы кн. П. А. Вяземскаго стали появляться въ печати, именно въ Вѣстникѣ Европы, съ 1808 г. Онѣ перепечатаны въ П. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. III.

— (**Стр. 138**). О кн. И. М. Долгорукомъ см. т. III, стр. 509—512.

— (**Стр. 138**). Антоній Гампльтонъ (род. въ 1646 г., ум. въ 1720), Шотландецъ по происхожденію, но писатель французскій; онъ сочинилъ нѣсколько сказокъ и другихъ произведеній „въ легкомъ родѣ“, которыя высоко цѣнились въ прошломъ вѣкѣ. Алексѣй Пиронъ (род. въ 1689 г., ум. въ 1773)—извѣстный авторъ многихъ драматическихъ піесъ и лирическихъ стихотвореній. О Панарѣ см. выше, стр. 623. Примѣненіе именъ Панара, Гамильтона и Пирона къ кн. Вяземскому характеризуетъ взглядъ Батюшкова на талантъ своего пріятеля. Позже, въ печати (т. II, стр. 220), Батюшковъ называлъ его „нашимъ Катулломъ“.

— (**Стр. 138**). Редакторъ журнала Аглая и авторъ „Свободныхъ чувствованій“—кн. П. И. Шаликовъ.

LXXIV. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ**. (Августъ-сентябрь 1811 г. Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 138**). Въ первой строкѣ этого письма, послѣ слова „Morton“, пропущена запятая. Но мы не знаемъ, почему Батюшковъ примѣняетъ это имя къ кн. Вяземскому.

— (**Стр. 139**). Матюренъ Ренье (Regnier)—французскій писатель конца XVI и начала XVII вѣка; стихи взяты изъ II-й его сатиры.

— (**Стр. 139**). О поэмѣ Монтброна см. т. II, стр. 530. Къ сказанному тамъ должно прибавить, что эта поэма вовсе не переведена со свево-готскаго языка, какъ заявлено въ ея заглавіи, а есть собственное сочиненіе Монтброна, написанное подъ впечатлѣніемъ знакомства съ „Эддой". Къ поэмѣ своей Монтбронъ приложилъ довольно большія и любопытныя примѣчанія.

LXXV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Августъ-сентябрь 1811 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 120—122. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 141**). 9-я пѣснь—„Иліады" въ переводѣ Гнѣдича. Выше, на стр. 600, было уже сказано о появленіи продолженія перевода „Иліады" Кострова въ Вѣстникѣ Европы 1811 г., и на стр. 618—о рѣчахъ спицѣ—колесницѣ. Вѣроятно, напечатаніе этого перевода послѣ того, какъ стало извѣстнымъ, что Гнѣдичъ рѣшился продолжать трудъ Кострова, и заставило Батюшкова сказать далѣе: „Каченовскій меня не удивляетъ" и т. д.

— (**Стр. 142**). Славенофилъ—А. С. Шишковъ.

— (**Стр. 142**). Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ (род. въ 1750 г., ум. въ 1815) былъ сперва преподавателемъ математики въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ профессоромъ Московскаго университета; съ 11-го ноября 1783 г. онъ состоялъ членомъ Россійской академіи. Свѣдѣнія о немъ и литературныхъ трудахъ см. въ „Исторіи Росс. академіи" М. И. Сухомлинова, вып. V. Въ числѣ его произведеній есть нѣсколько торжественныхъ рѣчей, написанныхъ очень витіеватымъ слогомъ. Суворовъ пользовался особымъ покровительствомъ попечителя Московскаго университета П. И. Голенищева-Кутузова, который говорилъ о немъ: „Онъ—человѣкъ рѣдкій, и у насъ въ университетѣ ни изъ русскихъ, ни изъ иностранныхъ ему равнаго нѣтъ, какъ по учености, такъ и по моральному характеру" (А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 290).

— (**Стр. 143**). Басни и сказки Измайлова въ первый разъ изданы были отдѣльною книгой только въ 1814 г.; до тѣхъ поръ нѣкоторыя изъ нихъ печатались въ журналахъ, особенно въ Цвѣтникѣ; слѣдовательно, Батюшковъ могъ просить о присылкѣ ему сказокъ Измайлова только въ рукописи.

LXXVI. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 9-го—13-го сентября 1811 г. (Деревня). Подлинникъ у кн. П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 143**). Бракъ князя П. А. Вяземскаго съ княжною Вѣрою Ѳедоровною Гагариной состоялся во второй половинѣ 1811 года (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 154—156).

— (**Стр. 143**). Издатель Русскаго Вѣстника—С. Н. Глинка.

LXXVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Октябрь 1811 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 333—334. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 144**). О графѣ А. С. Строгановѣ см. т. II, стр. 441—443. Герцогъ Гастонъ Рокелоръ, съ которымъ Батюшковъ сравниваетъ Строганова, былъ однимъ изъ видныхъ лицъ при дворѣ Людовика XIV и славился своимъ остроуміемъ; поэтому на его счетъ отнесено множество забавныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ составились цѣлыя книжки.

— (**Стр. 144**). Батюшковъ приводитъ четыре стиха изъ своей собственной піесы „Мои пенаты“, которая въ то время еще не была напечатана и едва ли была извѣстна Гнѣдичу въ цѣломъ видѣ.

— (**Стр. 145**). Державинъ, въ своемъ „Разсужденіи о лирической поэзіи“, напечатанномъ первоначально въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ, кн. 2-я, 6-я и 14-я, приводитъ, въ числѣ примѣровъ забавнаго вдохновенія, слѣдующіе стихи Шишкова:

Купаться, купаться
Теперь череда!

— (**Стр. 145**). „Мученикъ Штаневичъ, распятый Каченовскимъ“,—Е. И. Станевичъ. Въ 1805 г. онъ издалъ въ Петербургѣ собраніе своихъ сочиненій, и въ № 1 Вѣстника Европы Каченовскій помѣстилъ очень жесткій разборъ ихъ, гдѣ между прочимъ было сказано: „Авторъ хорошей книги, прочитавъ безпристрастную критику, исправляетъ неважныя погрѣшности и тѣмъ возвышаетъ достоинство сочиненія. Но когда двѣсти страницъ наполнены утомляющими повтореніями, общими мыслями, написанными растянутымъ слогомъ, явными противорѣчіями, холодными разсужденіями, ничего не доказывающими доводами и разительными неприличностями, въ такомъ случаѣ полезнѣе объявить автору всю правду и отвратить его, если можно, отъ неблагодарныхъ музъ, нежели указывать на ошибки грамматическія. Въ комъ страсть къ писанію стиховъ сдѣлается неизлѣчимою, отъ того, по свидѣтельству Горація, умные люди бѣгаютъ, какъ отъ зараженнаго“. Въ заключеніе рецензентъ приводитъ, какъ образцы бездарности Станевича, два его стихотворенія и говоритъ: „Можно ли любителю изящной словесности прочесть это съ равнодушіемъ, безъ негодованія?“ Только черезъ два года Станевичъ собрался отвѣчать на эту критику и издалъ особою брошюрой „Способъ разсматривать книги и судить о нихъ“. Но и этотъ отвѣтъ былъ осмѣянъ въ Вѣстникѣ Европы 1808 г., ч. XLI, № 18, въ статьѣ Воейкова: „Мнѣніе безпристрастнаго о способѣ разсматривать книги“. Полемика эта дала поводъ Державину написать двѣ плохія эпиграммы на критиковъ Станевича (Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. III, стр. 434—435).

— (**Стр. 145**). „Саула пѣснопѣніе“ есть ораторія или ода Державина „Цѣленіе Саула“, написанная въ 1809 г., а напечатанная во 2-мъ Чтеніи въ

Бесѣдѣ, № 2. Тутъ есть сцена, гдѣ Саулъ засыпаетъ подъ пѣніе хора. По поводу этого стихотворенія Я. К. Гротъ замѣчаетъ, что въ немъ „стихи въ разныхъ мѣстахъ состоятъ изъ 7-ми стопъ; иногда же нарушается и правильность размѣра“ (Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. III, стр. 14). Это нарушеніе размѣра, да отчасти и темный смыслъ стиховъ, и пародированы Батюшковымъ.

— (**Стр. 146**). „Замѣчу гораздо исправнѣе, нежели наши астрономы комету“, и пр. Слова эти объясняются слѣдующими строками въ „Московскихъ Запискахъ“ Вѣстника Европы 1811 г. (ч. LIX, № 18): „Отъ благосклонныхъ читателей Вѣстника получены запросы о видимой нынѣ близь созвѣздія Большой Медвѣдицы кометѣ: „Почему въ продолженіе четырехъ лѣтъ приближается къ намъ уже другая комета, и опять съ той же стороны неба, между тѣмъ какъ до сихъ поръ не слыхано было о столь частыхъ появленіяхъ сего небеснаго тѣла? Какихъ перемѣнъ въ атмосферѣ должно ожидать отъ прохожденія кометы? Долго ли она будетъ видима? Откуда приходятъ кометы и куда дѣваются? Не откроютъ ли намъ чего господа астрономы?“ Точно это ихъ дѣло, а не наше!“ продолжаетъ авторъ „Замѣтокъ“.—„Впрочемъ извѣстно, какъ неохотно сіи небесные граждане отвѣчаютъ на безконечные вопросы нашего любопытства: „Мы и безъ того въ безпрестанныхъ хлопотахъ“, говорятъ они съ сердцемъ,—„съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены телескопы! Чего мы не сдѣлали! Древніе знали не болѣе пяти планетъ и одного спутника, котораго развѣ только слѣпой бы не замѣтилъ; а мы съ помощью стеколъ сперва нашли четыре спутника у Юпитера, кольцо и пять спутниковъ у Сатурна, потомъ еще нашли пять планетъ и восемь спутниковъ. Развѣ мало, что мы измѣрили пути 105 кометъ ближайшихъ и дальнихъ? А вы хотите еще знать, не отъ появленія ли кометы у одного въ саду изломаны бурею деревья, у другаго пало десять штукъ рогатой скотины, а послѣ, можетъ быть, захотите еще попытаться, нельзя ли какъ-нибудь отводить кометы подалѣе отъ солнечной нашей системы. Господа, надобно быть умѣреннѣе! „И приходится молчать передъ этими спесивыми верхоглядами“. Въ этой остроумной замѣткѣ Каченовскаго, вѣроятно, заключается намекъ на московскаго профессора Мих. Ив. Панкевича, который только съ марта 1811 г. замѣнилъ умершаго Гольдбаха на каѳедрѣ астрономіи (Шевыревъ. Исторія Моск. университета, стр. 405). Какъ бы въ дополненіе къ вышеупомянутой замѣткѣ и въ отвѣтъ на сообщенные въ ней запросы читателей, Вѣстникъ Европы, въ ч. LX, № 21 (ноябрь 1811 г.), помѣстилъ еще статейку о кометахъ, въ которой кратко, на основаніи данныхъ науки, разъясняется это явленіе.

LXXVIII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 17-го октября 1811 г. (Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 146**). „S'il dependait de moi“... и т. д.—стихи изъ басни Лафонтена: „La perdrix et les cocs“ (livre X, fable VIII).

— (**Стр. 146**). „Quantum mutatus ab illo!“—конецъ ст. 274-го изъ II-й пѣсни „Энеиды“.

LXXIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 7-го ноября (1811 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883, т. XXXVIII, стр. 335—337. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 149**). „Разставщикомъ кавыкъ" и пр.—передѣлка стиха Дмитріева изъ „Посланія Попа къ Арбутноту"; у Дмитріева соотвѣтствующій стихъ относится къ мелочнымъ критикамъ и читается такъ:

Уставщики кавыкъ, всѣхъ строчныхъ препинаній.

— (**Стр. 150**). Стихи Гнѣдича, которые возвращалъ ему Батюшковъ съ своими поправками,—элегія „Задумчивость" (или „Уныніе"), написанная Гнѣдичемъ еще въ 1809 г. Далѣе въ этомъ же письмѣ, Батюшковъ совѣтуетъ Гнѣдичу взять въ свою элегію нѣсколько чертъ изъ стихотворенія Ла-Гарпа „La Melancolie", которое пользовалось большою извѣстностью въ то время и между прочимъ было перепечатано въ примѣчаніяхъ къ поэмѣ Делиля „L'imagination" (1806 г.), при разсужденіи о меланхоліи въ поэзіи. Какъ видно изъ письма LXXXII-го, Гнѣдичъ исполнилъ совѣтъ Батюшкова, который въ сейчасъ указанномъ письмѣ послалъ ему еще нѣсколько замѣчаній на то же стихотвореніе.

— (**Стр. 150**). Анекдотъ о Херасковѣ, сообщаемый Батюшковымъ, записанъ также и кн. Вяземскимъ (Соч., т. IX, стр. 32).

— (**Стр. 150—151**). Занятія Каннпста, вызвавшія негодованіе Батюшкова,—безъ сомнѣнія, его изслѣдованія о Гипербореянахъ (см. о нихъ т. II, стр. 501). Изслѣдованія эти появились въ печати только въ 1814 г., но вѣроятно, Батюшковъ зналъ о нихъ раньше изъ сообщеній Гнѣдича. Любопытно, что Батюшковъ сравниваетъ мнимоученыя фантазіи Каннпста съ „бреднями упсальскихъ профессоровъ"; объ этихъ бредняхъ онъ могъ знать изъ книги проф. Буле „Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte" (M. 1810), о которой онъ упоминаетъ въ своей „Записной книжкѣ" (см. т. II, стр. 288, и ср. стр. 530); у Буле объ этихъ „бредняхъ" говорится въ главѣ V, гдѣ идетъ рѣчь о рунахъ. Другой ученый фантазеръ, упомянутый Батюшковымъ, есть астрономъ Сильвенъ Бальи (род. въ 1736 г., казненъ въ 1793), первый парижскій мэръ и президентъ народнаго собранія во время революціи; онъ написалъ между прочимъ обширную исторію астрономіи (1775—1787) и въ первомъ томѣ ея высказалъ мысль, что наука зародилась первоначально у какого-то невѣдомаго народа, обитавшаго нѣкогда во внутренней Азіи; мысль эта вызвала возраженія со стороны Вольтера, и полемика съ нимъ подала Бальи поводъ написать особое письмо о началѣ наукъ и о происхожденіи народовъ Азіи (1777 г.) и разсужденіе о Платоновой Атлантидѣ (1779 г.). Главныя черты этой полемики изложены Лагарпомъ, въ дополнительныхъ статьяхъ къ его „Курсу словесности", и позже Сентъ-Бевомъ въ статьѣ о Бальи, въ X-мъ томѣ „Causeries de lundi".

LXXX. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 27-го ноября 1811 г. (Деревня). Подлинникъ у А. Ѳ. Бычкова.

— (**Стр. 151**). Петрà — воспитатель Никиты Мих. Муравьева. Ср. о немъ еще въ этомъ томѣ стр. 180 и 186 и въ т. II, стр. 487.

LXXXI. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** (Исходъ ноября 1811 г. Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 152**). О наружности В. Л. Пушкина см. т. II, стр. 513 и 522. О заимствованныхъ экспромптахъ его говоритъ не одинъ Батюшковъ; Дмитріевъ, также любившій потѣшаться надъ Пушкинымъ, писалъ однажды А. И. Тургеневу: „Василій Львовичъ... забавлялъ общество фарсами, провербами, шарадами, разумѣется, чужими“ (Р. Арх. 1867 г., ст. 1103).

— (**Стр. 152**). „Лагарповъ псалтырь“ есть извѣстный „Lycée ou Cours de littérature“, начавшій выходить съ 1805 г. В. Л. Пушкинъ, въ посланіи къ Жуковскому слѣдующимъ образомъ сравниваетъ курсъ Лагарпа съ разсужденіемъ Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ:

Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ, а пагуба одна.

— (**Стр. 153**). „Летѣлъ бы въ Суратъ“...—еще одно литературное воспоминаніе нашего поэта: въ баснѣ Дмитріева (заимствованной изъ Лафонтена) „Искатели фортуны“ одинъ изъ этихъ искателей говоритъ такъ:

Въ Суратъ, въ Суратъ лечу! Я слышалъ въ сказкахъ, тамъ
Фортунѣ съ давнихъ поръ курится ѳиміамъ!

— (**Стр. 153**). Стихотвореніе Милонова, вызвавшее со стороны кн. Вяземскаго такія горячія похвалы, что Батюшковъ нашелъ нужнымъ возражать противъ нихъ, есть „Похвала сельской жизни“, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы, 1811 г., ч. LIX, № 19, стр. 180—182. Это переводъ или, скорѣе, подраженіе знаменитой одѣ Горація: „Beatus ille“ (Ер. II). О томъ же стихотвореніи Милонова Батюшковъ говоритъ и далѣе въ письмѣ къ Гнѣдичу подъ № LXXXIV-мъ. Въ Сочиненіяхъ кн. Вяземскаго (т. III, стр. 19) находимъ, подъ 1811 г., посланіе его къ Милонову, написанное „по прочтеніи перевода его изъ Горація“, а въ своей „Записной книжкѣ“ Вяземскій (Соч., т. VIII, стр. 347) приводитъ то же посланіе съ нѣкоторыми варіантами, указывающими на тогдашнихъ литераторовъ старой школы (ср. еще варіанты въ примѣчаніяхъ къ т. III Соч. кн. Вяз.). Въ той же „Записной книжкѣ“ находится и нѣсколько свѣдѣній о личности Милонова, дополняющихъ другія о немъ извѣстія (Благонамѣренный 1821 г., ч. XV, стр. 325—331; Н. В. Сушковъ. Моск. универс. благородн. пансіонъ, стр. 79; Библіогр. Записки 1859 г., № 10; Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. II, стр. 297); Р. Архивъ 1864 г., ст. 1114—1122, и 1871 г., ст. 967—969). Вообще Михаилъ Васильевичъ Милоновъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1821) съ самаго начала своей литературной дѣятельности считался подающимъ большія надежды. Питомецъ сперва Москов-

скаго благороднаго пансіона, а потомъ Московскаго университета, онъ началъ печатать свои произведенія, въ стихахъ и прозѣ, еще будучи студентомъ—въ Утренней Зарѣ 1807 г. Впослѣдствіи, переселившись въ Петербургъ, онъ сблизился съ А. П. Бенитцкимъ, П. А. Никольскимъ и А. Е. Измайловымъ, сдѣлался членомъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и печаталъ свои стихотворенія преимущественно въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ участвовали представители этого кружка, то-есть, въ Цвѣтникѣ, въ С.-Петерб. Вѣстникѣ и въ Благонамѣренномъ; кромѣ того, произведенія его встрѣчаются въ Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества и въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ (кн. VI). Кромѣ вышеупомянутаго посланія Вяземскаго и цѣлаго ряда статей о Милоновѣ въ декабрской книжкѣ Благонамѣреннаго 1821 г., хвалебные отзывы о немъ находимъ у Воейкова (Р. Архивъ 1866 г., стр. 765), у Плетнева (Сочиненія, т. I, стр. 12—23) и у Вигеля (Воспоминанія, ч. III, стр. 149). Даже въ позднѣйшіе годы своей жизни кн. Вяземскій находилъ, что „стихотворецъ былъ онъ замѣчательный, особенно въ сатирическомъ родѣ. Фактура стиха его была всегда правильна и художественна, языкъ всегда изящный. По кажется“—прибавляетъ Вяземскій—„въ Милоновѣ было мало поэтическаго увлеченія, мало de diable au corps, какъ говорилъ Вольтеръ, недоставало и творчества“ (Соч., т. VIII, стр. 345). Тотъ же смыслъ имѣетъ и сужденіе о Милоновѣ М. А. Дмитріева, который также оставилъ нѣсколько замѣтокъ о немъ въ своихъ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“, стр. 209—211.

Батюшковъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ его (стр. 196 и 218), лично зналъ Милонова.

— (**Стр. 153**). Стихотвореніе „Мои пенаты“ см. въ т. I, стр. 131—141.

— (**Стр. 154**). Посланіе В. Л. Пушкина, о которомъ упоминаетъ Батюшковъ, было обращено „Къ Д. В. Дашкову“ и вошло въ составъ брошюры, изданной Пушкинымъ въ 1811 году подъ заглавіемъ „Два посланія“.

— (**Стр. 154**). Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ивановъ принадлежалъ къ числу московскихъ литераторовъ, съ кругомъ которыхъ Батюшковъ познакомился въ первый же свой пріѣздъ въ Москву въ 1810 г. (см. т. III, стр. 71 и 117). Ивановъ (род. въ 1777 г., ум. 31-го января 1816 г.) воспитывался нѣкоторое время въ Московской академической гимназіи (при университетѣ), но уже въ 1790 г. поступилъ въ морскую службу, въ которой и пробылъ до 1797 г., послѣ чего перешелъ въ гражданскую и поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ. Здѣсь онъ сошелся съ А. Ѳ. Мерзляковымъ и вмѣстѣ съ нимъ принималъ участіе въ дружескомъ ученомъ обществѣ, состоявшемъ изъ питомцевъ университета и университетскаго пансіона. Члены этого кружка печатали свои произведенія преимущественно въ Инокренѣ, гдѣ съ 1800 г. мы находимъ и стихотворенія Иванова. Впослѣдствіи у самого Ѳедора Ѳедоровича устраивались литературные вечера, на которыхъ бывали Мерзляковъ, Воейковъ, кн. Вяземскій, В. Л. и А. М. Пушкины и др. Вѣроятно, объ этихъ собраніяхъ, которыя посѣщалъ и Батюшковъ, упоминаетъ онъ въ письмѣ къ Гнѣдичу

отъ 1-го апрѣля 1810 г. (т. III, стр. 86; ср. также Н. В. Сушковъ. Моск. унив. благор. пансіонъ, стр. 94—95; М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 161). Ивановъ былъ остроумный и веселый собесѣдникъ (С. Т. Аксаковъ. Разн. сочиненія, стр. 28), большой театралъ и хорошій актеръ; онъ нерѣдко игрывалъ на частномъ театрѣ С. С. Апраксина (Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 472). И въ литературѣ Ивановъ былъ извѣстенъ преимущественно какъ сочинитель и переводчикъ театральныхъ піесъ; изъ нихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовалась въ Москвѣ драма „Семейство Старичковыхъ“, выдержавшая три изданія (1808, 1816, 1824 гг.) и комедія „Не все то золото, что блеститъ“; въ Петербургѣ драма Иванова появилась на сценѣ только въ 1817 году (Араповъ. Лѣтопись р. театра, 252). Онъ же перевелъ „Разбойниковъ“ Шиллера съ французской передѣлки и написалъ трагедію „Марѳа Посадница“, очевидно, внушенную повѣстью Карамзина. Кромѣ того, онъ писалъ нѣсколько стихотвореній и прозаическихъ статей, которыя печатались въ Московскомъ Курьерѣ, Русскомъ Вѣстникѣ, Цвѣтникѣ, С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, Вѣстникѣ Европы, Трудахъ Моск. Общества любителей словесности, котораго Ивановъ былъ членомъ, и въ Амфіонѣ, который онъ издавалъ вмѣстѣ съ Мерзляковымъ и С. В. Смирновымъ. Собраніе сочиненій его издано въ 1824 г., въ 4 частяхъ. Въ литературѣ Ивановъ занималъ среднее положеніе: не былъ враждебенъ Карамзину, но и не увлекался сентиментализмомъ, подобно его подражателямъ; въ піесахъ Иванова есть даже насмѣшки надъ чувствительнымъ направленіемъ. Свѣдѣнія о жизни Иванова см. въ воспоминаніяхъ о немъ—Мерзлякова при собраніи сочиненій, и М. Н. Макарова въ Репертуарѣ и Пантеонѣ 1845 г., кн. VIII, стр. 481—491.

Стихи Иванова, приводимые Батюшковымъ, взяты изъ его „Посланія къ Лидѣ въ день рожденія“, которое было впервые напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1811 г. Съ отзывомъ Батюшкова о стихѣ „Ты безъ бѣлилъ бѣла“ и пр. любопытно сопоставить разсказъ С. Т. Аксакова (Сем. хроника и воспоминанія, ч. II, стр. 348—349) о томъ, какъ Шишковъ, увидя въ альбомѣ одной свѣтской барышни французскіе стихи и русскія фамиліи, подписанныя по французски, зачеркнулъ первые, замѣнилъ вторыя русскими подписями и приписалъ слѣдующіе стихи:

Ты безъ бѣлилъ, дѣвка, бѣла,
Безъ румянъ ты, дѣвка, ала,
Ты честь—хвала отцу, матери,
Сухота сердцу молодецкому.

Въ 1812 г., во время нашествія Французовъ, Ивановъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ находился тогда и Батюшковъ. Вѣроятно, въ 1813 г., во время непродолжительнаго пребыванія нашего поэта въ Москвѣ предъ его вторичнымъ поступленіемъ въ военную службу (см. въ этомъ томѣ стр. 219), Ивановъ, уже возвратившійся въ столицу, написалъ стихотвореніе „На отъѣздъ К. Н. Батюшкова въ армію“ (Соч. Иванова, ч. I, стр. 60—61).

— (Стр. 154). „Курится ли ѳиміамъ на алтарѣ добродѣтели?“ Это—фраза взятая, съ легкимъ измѣненіемъ, изъ повѣсти Карамзина: „Островъ Борн-

гольмъ“ и примѣненная Батюшковымъ къ самому Карамзину и его семейству.

— (**Стр. 155**). Подъ Пушкиными разумѣются, какъ Василій Львовичъ, такъ и его четвероюродный братъ Алексѣй Михайловичъ, и жена послѣдняго Елена Григорьевна. Объ А. М. Пушкинѣ см. примѣчанія къ письму XCI-му.

— (**Стр. 155**). Трудно навѣрное сказать, какого Давыдова слѣдуетъ разумѣть, какъ здѣсь, такъ и въ письмѣ LXXXIII-мъ, гдѣ Батюшковъ называетъ его Анакреономъ,—извѣстнаго ли партизана Дениса Васильевича, или его брата Льва Васильевича, о которомъ см. въ т. II, стр. 533. По свидѣтельству кн. Вяземскаго (Соч., т. VII, стр. 379), Денисъ Васильевичъ въ кружкѣ своихъ московскихъ друзей дѣйствительно носилъ прозваніе „Анакреона подъ доломаномъ“, но въ 1810 или 1811 г. онъ едва ли былъ въ Москвѣ; онъ находился тогда сперва за Дунаемъ, а потомъ во 2-й западной арміи при кн. Багратіонѣ и въ Москву могъ заглянуть развѣ въ одну изъ своихъ курьерскихъ поѣздокъ (Соч. Давыдова. М. 1860, ч. III, стр. 95 и 126). Поэтому вѣроятнѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Львѣ Васильевичѣ, на котораго, какъ на стараго пріятеля Батюшкова и кн. Вяземскаго, прямо указываетъ одно изъ позднѣйшихъ писемъ нашего поэта (т. III, 430).

— (**Стр. 155**). Ротондъ Батонди—старый Италіянецъ, жившій въ домѣ князя Вяземскаго и умершій въ 1812 г. Батонди, говоритъ кн. Вяземскій,—былъ „чудакъ и существо не разгаданное. Онъ еще отцомъ моимъ былъ принятъ въ домъ нашъ и перешелъ къ намъ по наслѣдству. Никто изъ насъ не могъ провѣдать о происхожденіи и прежней жизни его. Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ онъ жилъ у меня въ селѣ Остафьевѣ и, вѣроятно, содѣйствовалъ сохраненію дома и почти всего, что въ немъ было“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 236; ср. Соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 107—170; Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 294 и 0136). 12-го декабря 1812 года Карамзинъ писалъ Вяземскому: „Вѣсти Остафьевскія насъ крайне огорчили. Любезный Батонди скончался, какъ всегда желалъ, ударомъ. Бѣдный! Онъ не имѣлъ утѣшенія разсказать намъ о своихъ приключеніяхъ. Я плакалъ о немъ искренно. Миръ праху его! Надѣюсь побывать у него въ гостяхъ на могилѣ“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 234).

— (**Стр. 155**). Велеурскій — графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій (род. въ 1788 г., ум. въ 1856 г.), извѣстный музыкантъ-любитель, съ которымъ Батюшковъ познакомился еще въ Ригѣ, въ 1807 г., и къ которому написалъ посланіе (Соч., т. I, стр. 65—66). Велеурскій—коренное польское произношеніе фамиліи графа Михаила Юрьевича. Въ извѣстномъ поминаньи, сочиненномъ А. С. Пушкинымъ и кн. П. А. Вяземскимъ (Р. Арх. 1884 г., кн. II, стр. 424), именно читается:

Ужь какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего пріятеля Велегорскаго

(Что не любитъ вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго.

Далѣе, въ этомъ же письмѣ, упоминается романсъ, сочиненный гр. Вьельгорскимъ на слова Батюшкова; но что это за романсъ—намъ не извѣстно.

LXXXII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 27-го ноября—5-го декабря 1811 г. (Деревня). Подлинникъ у М. И. Семевскаго. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 339—346.

— (**Стр. 155**). Подъ Балдусомъ, Скриверіусомъ, Матаназіемъ и Метафрастикомъ Батюшковъ разумѣетъ вообще ученыхъ комментаторовъ древнихъ авторовъ; имена эти частію дѣйствительно принадлежали такимъ ученымъ, частію суть выдуманныя прозвища, подъ которыми выводились педанты въ старинной сатирической литературѣ. Такъ въ XVI в. былъ Италіянецъ Берн. Бальди, комментировавшій Витрувія, а въ XVII—Н. Бальди, комментаторъ Гиппократа; имя Балдуса въ означенномъ выше нарицательномъ смыслѣ примѣнено къ Шишкову въ посланіи В. Л. Пушкина къ Жуковскому, напечатанномъ въ Цвѣтникѣ 1810 г. (см. о немъ т. II, стр. 514—515); въ такомъ же смыслѣ то же имя употреблено и самимъ Батюшковымъ въ посланіи къ А. И. Тургеневу, 1817—1818 гг. (т. I, стр. 282); въ одной эпиграммѣ И. И. Дмитріева встрѣчается сходное имя — Бардусъ, въ примѣненіи къ А. И. Клушину (Р. Арх. 1883 г., изд. 2-е, ст. 905); Скриверіусъ или Скриверъ (Schryver) — голландскій ученый писатель XVI в.; Матаназій — вымышленное имя, подъ которымъ французскій писатель первой половины XVIII в. Сенъ-Яссентъ (Saint-Hyacinthe) издалъ остроумную пародію на педантическіе комментаріи, подъ заглавіемъ: Chef d'oeuvre d'un inconnu, poéme heureusement découvert et mis au jour par le docteur Chrysostome Mathanasius. La Haye. 1714 (см. объ этомъ сочиненіи въ Histoire de la querelle des anciens et des modernes, par H. Rigault, стр. 422—427); наконецъ, подъ именемъ Метафрастика или, точнѣе, Метафраста выведенъ смѣшной педантъ въ комедіи Мольера „Le dépit amoureux".

— (**Стр. 157**). „Служить... титулярнымъ совѣтникомъ, служить и готовиться къ экзамену". Въ этихъ словахъ подразумѣвается изданный въ 1809 г., по мысли Сперанскаго, указъ, по которому чинъ коллежскаго ассессора могъ быть полученъ только по выдержаніи извѣстнаго экзамена. По этому случаю Батюшковъ вспоминаетъ слова Митрофанушки изъ 7-го явленія 3-го дѣйствія „Недоросля" и учебникъ статистики Россіи, составленный Евд. Филип. Зябловскимъ (1763—1846 гг.), профессоромъ сперва С.-Петербургскаго педагогическаго института, а потомъ университета.

— (**Стр. 159**). Приводимые Батюшковымъ стихи Беницкаго взяты изъ басни „Быкъ и овцы", которая была напечатана въ альманахѣ Талія, 1807 г.; въ подлинникѣ они читаются такъ:

Вездѣ несчастному встрѣчаются быки
И—поученья.

— (**Стр. 159**). „La faute“... и пр.—передѣлка слѣдующаго стиха изъ комедіи Грессе „Le Méchant“ (дѣйствіе II, явл. 7):

La faute en est aux dieux qui la firent si bête.

У Грессе, въ свою очередь, этотъ стихъ также заимствованный (E. Fournier L'Esprit des autres, изд. 7-е, стр. 124, 382).

— (**Стр. 161**). Объ этомъ „Посланіи къ Д. В. Дашкову“ В. Л. Пушкина, см. выше, стр. 674, а о сказкахъ А. Е. Измайлова стр. 669.

— (**Стр. 161**). Синекдохосъ—педантъ, дѣйствующее лицо въ комедіи Княжнина „Неудачный примиритель“. Въ подлинникѣ слова его читаются такъ: „Безъ логики нѣсть спасенія ни душѣ, ни тѣлу!“

— (**Стр. 161**). Уговаривая Гнѣдича не печатать въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ, Батюшковъ упоминаетъ нѣсколько піесъ, помѣщенныхъ въ первыхъ книжкахъ этого изданія; нѣкоторыя изъ этихъ произведеній уже названы выше (стр. 658); стихотвореніе Ѳ. П. Львова „Ручей“ было помѣщено во 2-мъ Чтеніи, кн. 2-я (1811 г.). Указанная Батюшковымъ піеса Фонтенеля не сонетъ, а довольно большое и очень плохое стихотвореніе.

— (**Стр. 161—162**). О стихотвореніи Гнѣдича „Унынie“ или „Задумчивость“ см. выше, стр. 672.

— (**Стр. 163**). Два италіянскіе стиха приведены изъ III-й сатиры Аріоста.

— (**Стр. 163**). О Жоффруа см. т. II, стр. 406.

— (**Стр. 164—165**). Стихотвореніе Батюшкова „Воспоминанія 1807 года“ (т. I, стр. 87—90) появилось въ V-й ч. „Собранія р. стихотвореній“, Жуковскаго; тамъ же были напечатаны: „Перуанецъ“ Гнѣдича и „Посланіе о благородствѣ“ Воейкова — въ ч. IV-й, стихотворенія В. Пушкина — въ ч. II-й, III-й, IV-й и V-й; В. П. Петрова — въ ч. I-й, II-й и IV-й; кн. Кантемира — въ ч. IV-й; отрывки изъ „Альцесты“ и „Поликсены“, въ переводѣ Мерзлякова, — въ ч. V-й. Отзывъ Батюшкова о русскомъ языкѣ ср. съ тѣмъ, что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ своей „Рѣчи о легкой поэзіи“ (т. II, стр. 240).

LXXXIII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ**. 19-го декабря (1811 г. Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 165—167**). Князь П. И. Шаликовъ былъ извѣстенъ не только слащавою приторностью въ своемъ обращеніи и литературныхъ произведеніяхъ, но и большимъ задоромъ въ полемикѣ и личныхъ отношеніяхъ, за что не разъ былъ даже вызываемъ на поединки (Соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 172; М. А.

Дмитріевъ. Мелочи, стр. 94, 99). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шаликовъ не пренебрегалъ и другимъ оружіемъ: тѣснимый своими литературными противниками, онъ обращался съ жалобами на нихъ къ значительнымъ лицамъ и всячески чернилъ ихъ (Е. Я. Колбасинъ. Пѣвецъ Кубры—въ журналѣ Время 1861 г., т. XI, стр. 166, 169). Этимъ объясняются совѣты Батюшкова Вяземскому не затрогивать Шаликова въ своихъ эпиграммахъ. Отношенія Шаликова къ Каченовскому первоначально были самыя дружескія (Воспоминанія И. М. Снигирева въ Р. Архивѣ 1865 г., ст. 751); но впослѣдствіи они разсорились. О столкновеніи ихъ, упоминаемомъ Батюшковымъ, попечитель Московскаго университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, покровитель Каченовскаго и врагъ Карамзина, который былъ расположенъ къ Шаликову, писалъ министру народнаго просвѣщенія, гр. Ал. К. Разумовскому, отъ 4-го декабря 1811 г., слѣдующее: „Не безполезнымъ почитаю донести в. с., до чего дошла злоба и неистовство модныхъ слезливыхъ писателей, русскихъ якобинцевъ. Нѣкто князь Шаликовъ, злясь на нашего Каченовскаго за критики на слезливцевъ письменно угрожастъ Каченовскаго прибить до полусмерти. Почему бѣдный Каченовскій принужденъ былъ просить защиты у полиціи, и я долженъ былъ вчера имѣть сношеніе съ оберъ-полиціймейстеромъ по сему дѣлу, о коемъ я предварителько доношу в. с. для того, что оно, сдѣлавшись здѣсь громко, конечно, дойдетъ и до Петербурга. Каченовскій совершенно правъ; онъ вамъ извѣстенъ, то ничего о немъ и не скажу, какъ то, что поведеніе его самое почтенное и пристойное, а князь Шаликовъ, какъ всей публикѣ здѣсь извѣстно, есть человѣкъ буйный, не обузданный, безъ правилъ и безъ нравственности“ (А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 369).

Въ Москвѣ кн. Шаликовъ жилъ въ своемъ домѣ на Преснѣ (М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 95); поэтому Батюшковъ и называетъ его и главныхъ сотрудниковъ его Аглаи „живущими за Преснею поэтами“. Сотрудники эти были Борисъ Карловичъ Бланкъ и Михаилъ Николаевичъ Макаровъ. Оба они упомянуты въ сатирической пѣснѣ Вяземскаго на Шаликова: „Выходъ Вздыхалова“ (см. о ней выше, стр. 651):

Прости, Макаровъ, другъ любимый,
И ты, о Бланкъ неистощимый,
Единственный читатель мой!

Б. К. Бланкъ былъ сынъ извѣстнаго московскаго архитектора, помѣщикъ Тамбовской губерніи, гдѣ впослѣдствіи служилъ по выборамъ (Р. Арх. 1863 г., ст. 878). Онъ началъ литературную дѣятельность еще въ концѣ XVIII в., а въ нынѣшнемъ столѣтіи усердно наполнялъ своими плохими произведеніями періодическія изданія своихъ друзей Шаликова и М. Макарова: Журналъ Драматическій, Аглаю и Дамскій Журналъ. Кромѣ того, его стихи печатались въ Трудахъ Моск. общества любителей словесности. Отдѣльно изданные труды его указаны въ Словарѣ Г. Н. Геннади.

Болѣе извѣстенъ М. Н. Макаровъ (род. около 1789 г., ум. 1847 г.). Воспитанникъ Московскаго благороднаго пансіона (Сушковъ. Моск. универс. благородный пансіонъ, стр. 80), а впослѣдствіи кандидатъ Московскаго универ-

ситета (Шевыревъ. Исторія Моск. универс., стр. 461), онъ выступилъ на литературное поприще въ началѣ XIX в. Еще въ 1804 году онъ издавалъ Журналъ для милыхъ, наполнявшійся ничтожными стихотвореніями и повѣстями въ сентиментально-эротическомъ вкусѣ; пятнадцатилѣтній издатель не замедлилъ поднести свой журналъ Карамзину, который поблагодарилъ его и сказалъ: „Въ первый разъ еще вижу дѣтей журналистами“ (М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 79). Въ 1805 и 1806 гг. Макаровъ сотрудничалъ въ Московскомъ Курьерѣ, журналѣ С. М. Львова, а въ, 1811 году сталъ издавать Журналъ Драматическій, въ которомъ помѣщались оригинальныя и переводныя драматическія произведенія, статьи о театрѣ вообще, разборы новыхъ піесъ и различныя стихотворенія. Здѣсь между прочимъ Макаровъ, какъ ревностный сторонникъ Карамзина, заявилъ свое сочувствіе къ нему помѣщеніемъ оригинальной комедіи „Обращенный Славянофилъ“, соч. Р-а-т-а, въ которой осмѣяны приверженцы Шишкова. Позднѣйшая литературная дѣятельность Макарова была обращена преимущественно на изученіе русскаго народнаго быта, русскую исторію, археологію, исторію литературы и библіографію. Всѣ отдѣльно изданные труды Макарова, появлявшіеся иногда подъ псевдонимомъ Макарія Быстрорѣцкаго, исчислены въ Справочномъ словарѣ Геннади, журнальныя же статьи печатались въ Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества, Дамскомъ Журналѣ, Московскомъ Наблюдателѣ, Московскомъ Телеграфѣ, Отечеств. Запискахъ, Москвитянинѣ, Репертуарѣ и Пантеонѣ, Моск. Вѣдомостяхъ и въ періодическихъ изданіяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей. Нѣкоторые труды Макарова остались въ рукописяхъ; Макаровъ много писалъ о русской старинѣ, но къ сожалѣнію, большая часть его сообщеній не отличается точностью. Вигель, бывшій товарищемъ Макарова по Московскому архиву иностранныхъ дѣлъ, упоминаетъ о немъ, какъ о трудолюбивомъ, плодовитомъ, но бездарномъ писателѣ (Воспоминанія, ч. I, стр. 187—188; ч. III, стр. 137). Таковымъ же выставленъ онъ въ сатирѣ А. А. Писарева: „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнасса“ (Библіогр. Записки 1859 г., стр. 617) и въ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ Воейкова (Р. Арх. 1866 г., стр. 765).

— (**Стр. 167**). А. Ѳ. Воейковъ жилъ въ Москвѣ на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ у него часто собирались пріятели-литераторы (Р. Арх. 1866 г., стр. 647, 652; С. П. Жихаревъ. Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 323).

— (**Стр. 167—168**). Басня Батюшкова „Сиротка“ осталась не напечатанною; изъ нея извѣстны лишь нѣсколько стиховъ, приведенныхъ въ этомъ письмѣ. Другую, тутъ же упоминаемую басню „Филомела и Прогна“ см. въ т. I, стр. 129—130. Далѣе идетъ рѣчь о посланіи нашего поэта къ Жуковскому и Вяземскому „Мои Пенаты“, гдѣ послѣдній названъ внукомъ Аристиппа.

— (**Стр. 168**). „Je vous regretterais“ и пр.—стихъ изъ того предсмертнаго посланія Вольтера къ маркизу де-Вильету, которое такъ нравилось М. Н. Муравьеву (см. стихи Муравьева, приводимые Батюшковымъ, въ т. II, стр. 89—90, и ср. тамъ же прим., стр. 583). Маркизъ Карлъ де-Вильетъ (род. въ 1736 г.,

ум. въ 1792) писалъ стихи, довольно плохіе, но заслужившіе ему отъ Вольтера названіе „французскаго Тибулла“.

LXXXIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (29-го декабря 1811 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 337—339. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 170 — 171**). Сужденія Батюшкова объ Аріостѣ см. въ т. II, стр. 149—150, и ср. тамъ же, стр. 459 и 564. „Путешествіе на луну“ было однимъ изъ самыхъ любимыхъ Батюшковымъ мѣстъ въ Аріостовой поэмѣ; эпизодъ этотъ онъ воспоминаетъ въ статьѣ „Вечеръ у Кантемира“ (т. II, стр. 233) и въ письмѣ подъ № CVIII-мъ, а стихъ изъ переведеннаго имъ отрывка приводится въ статьѣ „Прогулка по Москвѣ“ (т. II, стр. 23).

— (**Стр. 171**). Переводъ Милонова изъ Томсона „Унынiе“ былъ напечатанъ въ томъ же нумерѣ Вѣстника Европы 1811 г., гдѣ помѣщено и его подражаніе Горацію (см. выше, стр. 673). Въ той же книжкѣ появились „Взглядъ на успѣхи Россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія“ М. Т. Каченовскаго, и окончаніе его же статьи о Шлецеровомъ „Несторѣ“, гдѣ разсматриваются двѣ статьи С. Н. Глинки по поводу того же „Нестора“: „Замѣчаніе на нѣкоторыя мысли разсматривателя книги о первобытной Россіи и ея жителяхъ“ (Р. Вѣстникъ 1811 г., № 4) и „Дополненіе“ къ этому „Замѣчанію“ (Р. Вѣстникъ 1811 г., № 9). Въ статьѣ противъ Глинки находятся между прочимъ слѣдующія замѣчательныя строки, вѣроятно, вызвавшія особенное сочувствіе Батюшкова: „Сіи самыя догадки и замѣчанія, слогъ ихъ и расположеніе, ходъ мыслей, неправильныя заключенія, неизвѣстныя ссылки на авторовъ не доказываютъ ли, что мы должны учиться грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, критикѣ и прочимъ иноплеменнымъ наукамъ, ежели хотимъ писать что-нибудь достойное просвѣщенной публики?... Надобно ли намъ чуждаться наукъ потому только, что иностранцы (разумѣется, не похожіе на здѣшнихъ гувернеровъ и учителей) прежде насъ стали упражняться въ наукахъ, больше насъ въ нихъ успѣли, даже обогатили ихъ новыми полезными правилами и открытіями“.

LXXXV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 16-го февраля 1812 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 173**). Дмитрій Осиповичъ—Барановъ (см. о немъ выше, стр. 619—620).

Павелъ Львовичъ Батюшковъ, родной дядя нашего поэта, младшій братъ его отца. Павелъ Львовичъ родился въ 1765 г., служилъ сперва въ военной, а потомъ въ гражданской службѣ; подъ конецъ жизни былъ сенаторомъ въ Петербургѣ и умеръ въ 1848 г. Онъ былъ женатъ на Софіи Евстафьевнѣ Пальменбахъ (род. въ 1781 г., ум. въ 1839). Константинъ Николаевичъ очень уважалъ своего дядю и тетку, про которую говорилъ, что она—Михаилъ Никитичъ Муравьевъ въ женскомъ платьѣ (Р. Архивъ 1867 г., ст. 1499; Р. Старина 1885 г. т. XLVII, стр. 171).

Лунины—также родственники нашего поэта. Сестра М. Н. Муравьева, Осодосья Никитишна, была замужемъ за Сергѣемъ Михайловичемъ Луниным; сынъ ихъ Михаилъ былъ участникомъ декабрскаго возмущенія 1825 года.

Львовъ—конечно, Леонидъ Николаевичъ (см. о немъ выше, стр. 616).

LXXXVI. **А. Н. Батюшковой.** (Начало апрѣля 1812 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 175**). Николай Ѳедоровичъ Остолоповъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1833) принадлежалъ къ числу раннихъ знакомыхъ Батюшкова, какъ Вологжанинъ и какъ писатель, выступившій на литературное поприще почти одновременно съ нашимъ поэтомъ.

Остолоповъ родился въ Сольвычегодскѣ, а воспитаніе получилъ въ Петербургѣ, въ Горномъ корпусѣ (Н. И. Гречъ. Опытъ краткой исторіи русской литературы. С.-Пб. 1822, стр. 258). Изъ формулярнаго списка Остолопова видно, что въ 1801 году онъ поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но въ слѣдующемъ же году перешелъ въ департаментъ министерства юстиціи. Съ 1808 по 1812 г. онъ былъ вологодскимъ губернскимъ прокуроромъ. Къ этому времени и относится знакомство его съ тогдашнимъ епископомъ Вологодскимъ Евгеніемъ и съ кн. Вяземскимъ, который въ 1812 году былъ въ Вологдѣ и написалъ къ Остолопову посланіе (Полн. собр. соч., т. III, стр. 33—34), вызвавшее отвѣтъ со стороны послѣдняго (Р. Архивъ 1866 г., стр. 243—244). Въ 1813 году Остолоповъ, послѣ кратковременной отставки, вновь поступилъ на службу по министерству финансовъ главнымъ правителемъ коммиссіи, учрежденной въ Вологодской губерніи надъ питейными сборами; съ 1814 по 1819 г. онъ былъ вице-губернаторомъ въ Вологдѣ, а съ 6-го ноября 1820 г. по 31-е марта 1824 занималъ должность редактора Журнала департамента народнаго просвѣщенія, послѣ чего перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія. Изъ дальнѣйшей служебной карьеры Остолопова намъ извѣстно только, что въ 1825 году онъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, занималъ должность директора театровъ (Араповъ. Лѣтопись р. театровъ, стр. 376). Умеръ Остолоповъ въ Астрахани (Мѣсяцесловъ на 1834 г.).

На литературное поприще Остолоповъ выступилъ въ московскомъ журналѣ Инокрена, въ 1801 г. По основаніи въ Петербургѣ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ онъ сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ. Въ 1802 г. онъ издалъ „Опытъ Вольтера на поэзію эпическую“ и представилъ на разсмотрѣніе Общества свой оригинальный романъ „Амалія“ (Період. изданіе В. Общества 1804 г., стр. VII), который и былъ изданъ въ 1803 г., съ нѣкоторыми измѣненіями и подъ заглавіемъ: „Евгенія, или нынѣшнее воспитаніе“. Въ предисловіи къ этой повѣсти, посвященной Державину, авторъ высказался, какъ противникъ моднаго тогда сентиментализма. Въ 1806 г. Остолоповъ издавалъ журналъ Любитель словесности, предпринятый съ тѣмъ, „чтобы, показывая новыя и лучшія произведенія въ словесности, какъ отечественной, такъ иностранной, знакомить съ ними нашихъ читателей и возбуждать молодыхъ авторовъ къ изощренію своихъ да-

рованій". Составъ сотрудниковъ журнала былъ довольно разнообразенъ: здѣсь печатали свои произведенія какъ молодые литераторы, члены Вольнаго Общества, такъ и старые, будущіе члены Бесѣды [1]). Ко времени изданія этого журнала относится и знакомство Остолопова съ Батюшковымъ (Воспоминанія Н. И. Греча въ Новогодникѣ 1839 г., стр. 231—232), который помѣстилъ въ Любителѣ словесности свое стихотвореніе „Мечта" (въ самой ранней редакціи). Кромѣ этого журнала и Періодическаго Изданія Вольнаго Общества, произведенія Остолопова, въ стихахъ и прозѣ, печатались въ Вѣстникѣ Европы, Московскомъ Меркуріи, Сѣверномъ Вѣстникѣ, Другѣ Просвѣщенія, Журналѣ росс. словесности, Драм. Вѣстникѣ, Цвѣтникѣ, С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, Благонамѣренномъ, Сынѣ Отечества, Отеч. Запискахъ и въ нѣкоторыхъ альманахахъ, какъ напримѣръ, въ Полярной Звѣздѣ, Памятникѣ отечественныхъ музъ. Собраніе стихотвореній Остолопова, подъ заглавіемъ „Прежніе досуги", было издано въ Москвѣ въ 1816 году, а въ 1827 г. напечатаны его „Апологическія стихотворенія". Остолоповъ много переводилъ съ французскаго, нѣмецкаго и въ особенности съ италіянскаго. Одновременно съ Шишковымъ, онъ, въ 1808 году, издалъ между прочимъ свой переводъ такъ-называемыхъ „Тассовыхъ ночей" (Le veglie di Tasso), встрѣченный одобрительною рецензіей въ январской книжкѣ Цвѣтника за 1809 годъ. Во второмъ изданіи (С.-Пб. 1819) переводъ Остолопова вышелъ подъ заглавіемъ „Тассовыхъ мечтаній". Остолоповъ извѣстенъ еще какъ издатель „Ключа къ сочиненіямъ „Державина" (С.-Пб. 1821) и какъ составитель „Словаря древней и новой поэзіи" (С.-Пб. 1822); объ этомъ трудѣ митрополитъ Евгеній писалъ къ гр. Хвостову слѣдующее: „Остолопова словарь мнѣ извѣстенъ былъ еще въ Вологдѣ, гдѣ онъ и собранъ изъ французской энциклопедіи par ordre des matières, изъ Тредіаковскаго и другихъ русскихъ книгъ. Онъ достоинъ воззрѣнія академіи и весьма полезенъ для русскихъ словесниковъ-піитовъ" (Сборн. 2-го отдѣл. Акад. Наукъ, т. V, вып. 1, стр. 189—190). Составленіе этого словаря было предпринято Остолоповымъ еще въ 1806 году, по предложенію Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. (В. С.).

[1]) Въ Любителѣ словесности помѣщено не мало оригинальныхъ и переводныхъ произведеній, авторы и переводчики которыхъ не означили своихъ именъ. Благодаря любезному сообщенію В. М. Юзефовича, мы пользовались принадлежащимъ ему экземпляромъ этого журнала, въ которомъ рукою самого издателя помѣчены фамиліи почти подъ всѣми анонимными статьями. Вотъ имена этихъ неизвѣстныхъ сотрудниковъ, съ указаніемъ соотвѣтствующихъ страницъ журнала, гдѣ должна была бы находиться подпись имени ихъ: Д. О. Барановъ (ч. II, 122), А. П. Бунина (ч. IV, 213, 219, 223), Александръ Вахрушевъ (ч. I, 241; ч. III, 68), Г. Р. Державинъ (ч. I, 9), митрополитъ Евгеній (ч. II, 152), Краевская (ч. I, 224; ч. III, 23), Ленкевичъ (ч. II, 204; ч. III, 137; ч. IV, 154; 155), гр. С. П. Салтыковъ (ч. II, 159), Николай Старынкевичъ (ч. III, 6)., Ив. П. Степановъ (ч. II, 74), М. М. Херасковъ (ч. III, 45), Д. П. Языковъ (ч. II, 188). Остальныя статьи безъ подписи, или съ подписью О., принадлежатъ, вѣроятно, самому издателю.

— (**Стр. 175**). Гриша—Григорій Абрамовичъ Гревенсъ, племянникъ К. Н. Батюшкова.

LXXXVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 12-го апрѣля (1812 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

LXXXVIII. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** 12-го апрѣля 1812 г. (Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 347, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи".

— (**Стр. 177**). Послѣднее предъ написаніемъ этого письма свиданіе Батюшкова съ Жуковскимъ должно быть отнесено къ веснѣ 1811 г., когда оба они находились въ Москвѣ, и Жуковскій выпускалъ въ свѣтъ свое „Собраніе р. стихотвореній"; здѣсь 25-го мая 1811 г. умерла мать Жуковскаго Елизавета Дементьевна, а за двѣнадцать дней передъ тѣмъ послѣдовала смерть его воспитательницы М. Гр. Буниной въ с. Мишенскомъ, въ Тульской губерніи (Р. Арх. 1883 г., т. I, стр. 335). Въ виду этихъ обстоятельствъ Батюшковъ и называетъ отъѣздъ Жуковскаго изъ Москвы „печальнымъ". Примѣняя къ Жуковскому названіе одной изъ басенъ Лафонтена, переведенныхъ Дмитріевымъ, Батюшковъ намекаетъ на бѣлевское уединеніе Жуковскаго, которое послѣдній описалъ въ своемъ посланіи къ нашему поэту.

— (**Стр. 177—178**). Съ Д. Н. Блудовымъ и Д. В. Дашковымъ Батюшковъ познакомился въ Петербургѣ въ 1812 г., (см. въ этомъ томѣ стр. 217—218), а съ А. И. Тургеневымъ онъ былъ знакомъ еще съ раннихъ лѣтъ по дому М. Н. Муравьева, который былъ друженъ съ Ив. П. Тургеневымъ, умершимъ почти на его рукахъ въ Петербургѣ въ февралѣ 1807 г. Слова, въ которыхъ Батюшковъ приглашаетъ Жуковскаго въ Петербургъ, почти буквально повторены Тургеневымъ въ припискѣ къ слѣдующему письму нашего поэта къ Жуковскому (см. въ этомъ же томѣ стр. 190).

— (**Стр. 179**). Жуковскій, по порученію Е. Ѳ. Муравьевой, долженъ былъ приготовить къ изданію сочиненія ея покойнаго мужа; см. объ этомъ предпріятіи въ этомъ томѣ стр. 304—306, 346 и 357—358, а также въ т. II, стр. 422.

LXXXIX. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 1-го мая 1812 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 180**). О князѣ Ив. А. Гагаринѣ см. выше, стр. 613.

— (**Стр. 180**). Объ Ал. Полозовѣ см. выше, стр. 610—611.

XC. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 5-го мая 1812 г. (Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (Стр. 182). „Московская Бесѣда“—Общество любителей словесности при Московскомъ университетѣ; первая часть Трудовъ этого общества (въ 210 страницъ) вышла въ свѣтъ весною 1812 г. и заключала въ себѣ прозаическія статьи А. А. Прокоповича-Антонскаго, М. Т. Каченовскаго, А. Ѳ. Мерзлякова, П. В. Побѣдоносцева и стихотворенія Мерзлякова, Ѳ. Ѳ. Иванова, Д. И. Вельяшева-Волынцева, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, графа Ал. Ев. Мусина-Пушкина, С. Саларева, гр. Г. П. Салтыкова и И. Гудима-Левковича.

— (Стр. 182). 4-го мая 1812 г. происходило восьмое засѣданіе Бесѣды любителей русскаго слова, и въ ней были читаны: 1) Опытъ о россійскихъ писателяхъ (собственно о Ѳеофанѣ)—А. С. Шишкова; 2) Чувства при наступленіи весны—г-жи Волковой; 3) Весна 1812 года—гр. Хвостова; 4) Гимнъ Богу — Я. И. Бередникова; 5) Совѣтъ моему юному брату и другу — кн. С. А. Шихматова, и 6) Къ поэзіи—Я. И. Бередникова (Сѣв. Почта 1812 г., № 39). Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ 8-ю книжку Чтеній въ Бесѣдѣ, и сверхъ того, въ этой же книжкѣ помѣщено „Извѣстіе о новыхъ присылаемыхъ въ Бесѣду сочиненіяхъ“, также, вѣроятно, читанное въ засѣданіи 4-го мая; въ этомъ-то „Извѣстіи“ и сообщено о доставленіи въ Бесѣду стихотворенія „Ночь на гробахъ, подражаніе Юнгу“, и притомъ приведены большіе изъ него отрывки, а въ концѣ выражено желаніе, „чтобъ словесность наша далѣе и далѣе обогащалась таковыми твореніями“. Ср. о Юнгѣ и русскихъ подражателяхъ ему въ т. II, стр. 22, 386—387 и 559—560.

XCI. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 10-го мая (1812 г. Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (Стр. 183). Бракъ Дм. Н. Блудова съ княжной Анною Андреевною Щербатовой состоялся въ Петербургѣ 28-го апрѣля 1812 г., при чемъ шафероmъ жениха былъ А. И. Тургеневъ, но не Жуковскій, какъ сообщено Е. П. Ковалевскимъ (Гр. Блудовъ и его время. С.-Пб. 1871, стр. 81; ср. К. К. Зейдлицъ. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. С.-Пб. 1883, стр. 48, прим.).

— (Стр. 183). Ржевскій—Григорій Павловичъ. Онъ служилъ при Екатеринѣ въ военной службѣ, а потомъ былъ камергеромъ; ум. послѣ 1827 г.; былъ любитель театра и имѣлъ большой крѣпостной балетъ (Р. Старина 1881 г., т. XXX, стр. 41). Онъ занимался литературой и напечаталъ: 1) Сочиненіе подполковника Ржевскаго о частныхъ должностяхъ въ полку. М. 1793, и 2) Новыя басни и разныя стихотворенія. С.-Пб. 1827. Г. П. Ржевскій былъ женатъ на графинѣ Маріи Михайловнѣ Каменской, мать которой была дружна съ матерью Дм. Н. Блудова и много способствовала его женитьбѣ на кн. Щербатовой, между тѣмъ какъ мать послѣдней долго противилась этому браку. Батюшковъ называетъ Ржевскаго Катулломъ Блудова потому, что въ числѣ стихотвореній римскаго поэта Катулла есть эпиталамы; стихотвореніе Ржевскаго на бракъ Блудова съ кн. Щербатовой помѣщено въ сборникѣ его стихотвореній 1827 года, стр. 60. Замѣтимъ кстати, что къ числу московскихъ

же знакомыхъ кн. П. А. Вяземскаго принадлежалъ еще другой Ржевскій, Павелъ Алексѣевичъ, бывшій также пріятелемъ В. Л. и А. М. Пушкиныхъ (Р. Старина 1870 г., т. II, стр. 79).

— (**Стр. 183**). Объ отношеніи „Монхъ Пенатовъ“ Батюшкова къ „Chartreuse“ Грессе, см. въ т. I, примѣчаніе къ „Пенатамъ“.

— (**Стр 184**). Стихотвореніе гр. Хвостова „Весна 1812 года“, читанное въ засѣданіи Бесѣды 4-го мая, было напечатано въ 9-й книжкѣ Чтеній въ Бесѣдѣ. Тотъ же Хвостовъ пустилъ въ ходъ, подъ именемъ И. А. Крылова, свои стихи Шишкову „на случай Всемилостивѣйше пожалованной ему для слѣдованія за Его Императорскимъ Величествомъ коляски“, и это обстоятельство заставило Крылова публично опровергать этотъ „подкидышъ“ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ (Сборникъ II-го Отд. Акад. Наукъ, т. VI, отд. 1-й, стр. 274—275, и отд. 2-й, стр. 278—279).

— (**Стр. 184**). Водевиль кн. Шаховскаго есть его опера-водевиль „Казакъ-стихотворецъ“, игранная 15-го мая 1812 г. во дворцѣ, а потомъ публично и имѣвшая большой успѣхъ (Араповъ. Лѣтопись р. театра, стр. 215). Впослѣдствіи Батюшковъ признавалъ эту піесу единственнымъ хорошимъ произведеніемъ Шаховскаго (т. III, стр. 360). Вигель (Воспоминанія, ч. IV, стр. 161) говоритъ о ней слѣдующее: „Казакъ-стихотворецъ“— очень милый малый и особенно примѣчателенъ тѣмъ, что первый выступилъ на сцену подъ настоящимъ именемъ водевиля“.

— (**Стр. 184**). Пушкины—Василій Львовичъ и Алексѣй Михайловичъ.

Ал. М. Пушкинъ (род. въ 1769 г., ум. въ 1825) былъ сынъ того преображенскаго офицера Михаила Алексѣевича Пушкина, который въ 1762 г. участвовалъ въ возведеніи Екатерины II на престолъ, а въ 1772 г., за умыселъ выпустить фальшивыя ассигнаціи, былъ сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ и умеръ. Мих. Ал. Пушкинъ былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Абрамовнѣ Волконской; она добровольно послѣдовала за нимъ въ ссылку, а малолѣтняго сына своего оставила на попеченіе куратора Московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино и его жены Прасковьи Владиміровны (Р. Архивъ 1871 г., ст. 1690—1693). По словамъ кн. Е. Р. Дашковой (Арх. кн. Воронцова, т. XXI, стр. 95), Мих. Ал. Пушкинъ былъ уменъ, остеръ и занимательный собесѣдникъ; эти качества наслѣдовалъ отъ него и его сынъ. Алексѣй Михайловичъ получилъ образованіе въ духѣ философіи XVIII в. и впослѣдствіи сталъ отъявленнымъ вольтеріанцемъ и атеистомъ (Вигель. Воспоминанія, ч. IV, стр. 118—119; Переписка Ф. Кристина съ кн. Туркестановой, стр. 362). Молодость свою Ал. М. Пушкинъ провелъ въ военной службѣ: при Екатеринѣ онъ участвовалъ въ походахъ, а при Павлѣ командовалъ однимъ изъ конныхъ полковъ. (Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 217); въ отставку онъ вышелъ генералъ-маіоромъ; въ 1806—1807 гг., при первомъ образованіи милиціи, онъ состоялъ въ штатѣ начальника московскаго ополченія, кн. Юр. Вл. Долгорукаго (Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 255—256; С. Н. Глинка. Записки—въ Р. Вѣстн. 1866 г., № 7,

стр. 39), а въ 1810 г. получилъ должность члена мастерской и оружейной палаты и званіе камергера.

Со времени выхода изъ военной службы онъ поселился въ Москвѣ, занимался разными промышленными предпріятіями (Письма М. А. Волковой въ Вѣст. Евр. 1874, № 9, стр. 149) и блисталъ въ тамошнемъ высшемъ обществѣ своимъ остроуміемъ и сценическимъ талантомъ. Особенно сочувственные отзывы объ умѣ Ал. М. Пушкина сохранилъ намъ кн. Вяземскій; онъ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Прямой сынъ Вольтера, энциклопедистъ съ русскою закваскою, воспитанникъ дяди своего Мелиссино, куратора Московскаго университета, бывшій въ военной службѣ и въ походахъ, слѣдовательно, не чуждый русской жизни и ея особенностей. Трудно опредѣлить его: одно можно сказать, что онъ былъ соблазнительно-обворожителенъ. Бывало, изъявитъ онъ мнѣніе, скажетъ мѣткое слово, нерѣдко съ нѣкоторымъ цинизмомъ, и то, и другое совершенно въ разрѣзъ мнѣніямъ общепринятымъ, и все это выразитъ съ такою энергическою и забавною мимикой, что никто не возражаетъ ему, а всѣ увлекаются взрывомъ неудержимаго смѣха. Онъ вообще не любилъ авторитетовъ: гораздо прежде романтической школы ругалъ онъ Расина, котораго впрочемъ переводилъ, и скажемъ мимоходомъ—довольно плохо. Доставалось и солнцу, какъ авторитету, и поэтамъ, которые воспѣваютъ восхожденіе его, а оно, „радуясь“ этимъ похваламъ, раздувшись и „раскраснѣвшись, вылѣзаетъ на небосклонъ“. И все это было иллюстрировано живыми ухватками, игрою лица. И все это дѣлалъ онъ и говорилъ вовсе не изъ желанія казаться страннымъ, оригинальнымъ, рисоваться. Онъ былъ необыкновенно простъ въ обхожденіи; нѣтъ, онъ былъ таковымъ потому, что таковъ былъ складъ ума его“ (Соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 396). Нѣсколько остроумныхъ шутокъ Пушкина сообщено кн. Вяземскимъ въ его „Записной книжкѣ“, но какъ самъ онъ признаетъ (Соч., т. VIII, стр. 177), „послѣ Пушкина нельзя собрать бы Пушкиніаны; надобно было собственными ушами и глазами слѣдить за нимъ, какъ за игрою актера на сценѣ, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить дѣйствіе его“. Одною изъ постоянныхъ жертвъ его остроумія былъ его родственникъ В. Л. Пушкинъ (см. въ этомъ томѣ стр. 268—269 и въ т. II, стр. 520; ср. Соч. кн. Вяз., стр. 413, 488—489). Менѣе сочувственны Ал. М. Пушкину отзывы другихъ современниковъ; не говоря уже о Вигелѣ и Кристинѣ, которые строго осуждаютъ образъ его мыслей, въ слѣдующихъ словахъ С. Н. Глинки слышится неблагопріятная оцѣнка его нравственной личности: „Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ по бѣглости и гибкости ума своего, говоря тогдашнею рѣчью, былъ первый хватъ въ Москвѣ. Хватъ значило въ то время молодецъ на всѣ руки. Онъ забрасывалъ и русскими, и французскими bons-mots“ (Р. Вѣстн. 1866 г., № 7, стр. 39; ср. также письма М. А. Волковой—Вѣстн. Евр. 1874 г., № 9, стр. 142). Нужно однако замѣтить, что въ періодъ борьбы Глинки съ русскою галломаніей Пушкинъ, несомнѣнно, представлялся Сергѣю Николаевичу, какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ выразителей этого направленія. И дѣйствительно, какъ сознается и кн. Вяземскій (Соч., т. VIII, стр. 484), „Пушкинъ не могъ быть приверженцемъ ни кваснаго, ни всякаго другаго пересоленаго патріотизма: французскій умъ его и французскій желудокъ не способны были

переварпвать ихъ. При каждой выходкѣ немного старорусской или саморусской, его коробило. Тогда, нагибая, по обыкновенію своему голову на лѣвую сторону до плеча, онъ вскрикивалъ: „Ахъ, вы, блондосы, блондосы!“ Блондосы было у него выраженіе, равносильное слову Бухарцы, что̀, по понятію его, равнялось бы съ нынѣшнимъ значеніемъ славянофилы. Блондосъ, blond, бѣловолосый, бѣлобрысый, чуть ли не Эскимосъ, не альбиносъ. Все это сливалось въ одно забавное и укорительное выраженіе“ (о названіи „Бухарцы“ см. Р. Арх. 1866 г., ст. 1693). При началѣ войны 1812 г. Алексѣй Михайловичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые сомнѣвались въ благополучномъ ея исходѣ (тамъ же, стр. 862). Это, безъ сомнѣнія, было извѣстно Растопчину, который и впослѣдствіи считалъ А. М. Пушкина своимъ недоброхотомъ (Р. Арх. 1868 г., ст. 1885); а этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется, почему въ августѣ 1812 г. Пушкинъ задумалъ оставить Москву и искать службы въ Петербургѣ (Р. Арх. 1871 г., ст. 149—150). Нѣкоторыя литературныя произведенія А. М. Пушкина, относящіяся къ 1812—1814 гг., по видимому, были написаны съ цѣлью обѣлить репутацію автора, какъ безбожника и дурнаго патріота; таковы: стихотвореніе „Страшный судъ“, упоминаемое Батюшковымъ, и Прологъ въ честь побѣды надъ Наполеономъ, исполненный въ Москвѣ на праздникѣ даннымъ 19-го мая 1824 г. „обществомъ благородныхъ людей“ (объ этомъ праздникѣ см. Р. Архивъ 1866 г., ст. 495—496; Л. Н. Энгельгардтъ, Записки, стр. 227); любопытно, что окончательная редакція этого пролога принадлежала кн. Вяземскому; Пушкинъ, писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву (стр. 184),—„позволилъ нашему князю Вяземскому марать безъ милосердія его прологъ; вышло, что ты читалъ, не хорошее, а сносное“. Карамзинъ (тамъ же, стр. 192) радовался, что Ал. М. Пушкинъ „становится набожнѣе“; но Алексѣй Михайловичъ въ сущности оставался закоренѣлымъ волтеріанцемъ и былъ вѣренъ своему антинаціональному направленію до самой смерти; когда появилась въ свѣтъ „Исторія государства Россійскаго“, онъ оказался въ числѣ строгихъ судей Карамзина, и разумѣется, не съ ученой стороны; по этому случаю Дмитріевъ писалъ изъ Москвы А. И. Тургеневу: „Здѣсь, кажется, входитъ въ моду между молодыхъ людей говорить худо объ его „Исторіи“; рѣдкая проходитъ бесѣда, чтобы патріархъ ихъ А. П... не проповѣдывалъ въ кругу ихъ объ ея недостаткахъ“ (Р. Арх. 1867 г., ст. 1098).

По поводу смерти Алексѣя Михайловича мы имѣемъ двѣ замѣтки—Вяземскаго и Жуковскаго. „Бѣдный и любезный нашъ Алексѣй Михайловичъ“, писалъ первый къ А. С. Пушкину,—„умеръ и снесъ въ могилу неистощимый запасъ шутокъ своихъ на Василья Львовича. Не видавши ихъ вмѣстѣ, ты точно можешь жалѣть объ утратѣ оригинальныхъ и высоко-комическихъ сценъ. Намъ ужь такъ сладко не смѣяться! Были выходки классическія“ (Р. Арх. 1879 г., кн. II, стр. 474). Жуковскій взялъ на себя извѣстить о кончинѣ Ал. М. Пушкина его жену Елену Григорьевну, рожденную Нѣмцову, въ первомъ бракѣ Воейкову. 5-го іюля 1825 г. Жуковскій писалъ ей въ Дрезденъ: „Въ ту минуту, когда вы заботились съ трогательнымъ участіемъ дружбы о несчастномъ другѣ (больномъ К. Н. Батюшковѣ), вы сами теряли собственное счастіе: дружба другихъ заботилась о послѣднихъ минутахъ вашего умирающаго

мужа. Его уже нѣтъ! Теперь уже вамъ извѣстна потеря ваша. Смерть, можно сказать, обнаруживаетъ жизнь человѣка: всеобщее сожалѣніе объ немъ доказало ясно, что онъ былъ достоинъ общей любви. Вяземскій, котораго я здѣсь видѣлъ, говорилъ мнѣ много о послѣднихъ минутахъ и о твердости духа его въ тѣ минуты, когда онъ думалъ и говорилъ о близкой кончинѣ своей. Вяземскій былъ съ нимъ неразлучно въ это рѣшительное время. Принимаю живѣйшее участіе въ вашей потерѣ. Зная чувствительность вашего сердца, могу представить себѣ, какъ она тяжела для васъ, и не смѣю говорить объ утѣшеніи" (Девятнадцатый вѣкъ, сборникъ П. И. Бартенева, кн. I, стр. 408).

О замѣчательномъ сценическомъ талантѣ Ал. М. Пушкина есть нѣсколько современныхъ отзывовъ. По словамъ кн. Вяземскаго (Соч., т. VIII, стр. 475), „онъ былъ большой любитель и большой знатокъ сценическаго искусства. На театральныхъ подмосткахъ былъ онъ какъ въ комнатѣ, какъ дома... Публика для него не существовала. Онъ игралъ роль свою, какъ чувствовалъ и какъ понималъ ее, и всегда чувствовалъ и понималъ ее вѣрно: выражался непринужденно. Игра въ лицѣ его была мимическая и внѣ сцены". Пушкинъ игралъ на домашнемъ театрѣ въ домѣ своей матери (Domergue. La Russie pendant les guerres de l'Empire, t. I, p. 180) и особенно у С. С. Апраксина, гдѣ завѣдывалъ французскимъ репертуаромъ. Въ „Севильскомъ цирюльникѣ" Пушкинъ такъ былъ хорошъ, что, по мнѣнію Вяземскаго (Соч. т. VIII, стр. 471—474), самъ Бомарше не могъ бы придумать себѣ лучшаго Фигаро. Въ одномъ изъ спектаклей у Апраксиныхъ Пушкинъ явился въ трехъ роляхъ: сперва „маркизомъ самаго версальскаго чекана, въ другой піесѣ настоящимъ французскимъ слугой — наглымъ и плутоватымъ, а подъ конецъ русскимъ старостой". М. А. Дмитріевъ и С. Т. Аксаковъ видѣли Пушкина въ піесѣ „Два Криспина", гдѣ онъ состязался съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ. По словамъ Дмитріева (Кн. И. М. Долгорукій и его сочиненія, стр. 143), „Кокошкинъ доходилъ до натуры своимъ искусствомъ и обработаннымъ изученіемъ роли; Пушкинъ былъ натураленъ и простъ, но эта натура равнялась искусству". Сужденіе Аксакова (Разныя сочиненія, стр. 70—71) нѣсколько строже: „Почитатели Пушкина говорили, что Пушкинъ былъ гораздо лучше Кокошкина, потому что былъ ловокъ, живъ, любезенъ, простъ и естественъ въ высшей степени. Все это правда, и въ этомъ отношеніи Кокошкинъ не выдерживалъ никакого сравненія съ Пушкинымъ. Но почитатели Кокошкина говорили, что онъ, худо ли, хорошо ли, но игралъ Криспина (по традиціямъ), а Пушкинъ сыгралъ Пушкина, что̀ также была совершенная правда... Пушкинъ рѣшительно игралъ себя или, по крайней мѣрѣ, современнаго, ловкаго плута; даже не надѣвалъ на себя извѣстнаго костюма, въ которомъ всегда является на сценѣ Криспинъ: однимъ словомъ, тутъ и тѣни не было Криспина". Въ этомъ отзывѣ Аксакова, быть можетъ, всего любопытнѣе нравственная точка зрѣнія, въ которой критикъ сходится съ вышеприведеннымъ отзывомъ объ Ал. М. Пушкинѣ С. Н. Глинки.

Талантливый диллетантъ на сценѣ, Ал. М. Пушкинъ былъ только диллетантомъ и въ литературѣ, но уже съ гораздо меньшимъ успѣхомъ. Литературная дѣятельность его началась еще въ прошломъ вѣкѣ: въ 1783 г. былъ на-

печатанъ въ Москвѣ его переводъ изъ Мерсье: „Женневаль или французскій Барневельтъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ“. Затѣмъ въ 1809 г. онъ перевелъ Мольерова „Тартюфа“ и „Федру“ Расина (Р. Арх. 1867 г., ст. 1080; Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 176), но изданъ былъ только первый, подъ заглавіемъ: Ханжеевъ или лицемѣръ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. М. 1810. Вѣроятно, къ тому же времени относится и переводъ Расиновой „Гофоліи“, изъ котораго напечатанъ былъ только одинъ отрывокъ въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. 51, № 11, а къ 1816 г.—переводъ „Игрока“ Реньяра (Переписка Кристина, стр. 334; Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 395), оставшійся вовсе не изданнымъ, равно какъ и выше упомянутый „прологъ“ на побѣды надъ Наполеономъ. Изъ лирическихъ стихотвореній Ал. М. Пушкина, напечатанныхъ при его жизни, намъ извѣстны только два: „Страшный судъ“ — въ С.-Пб. Вѣстникѣ 1812 г., № 7, стр. 44 — 49, и „На смерть кн. Кутузова“ — въ Вѣстникѣ Европы 1813 г., ч. LXIX, № 11 и 12, стр. 18; это послѣднее стихотвореніе впослѣдствіи неоднократно приписывалось Ал. С. Пушкину (Соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 195). Впослѣдствіи появились въ печати еще два экспромта Ал. М. Пушкина: одинъ — въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 863, а другой — въ Вѣстникѣ Европы 1874 г., № 10, стр. 563. „Ханжеевъ“ былъ игранъ въ Москвѣ въ 1810 г., и по этому случаю въ Вѣстникѣ Европы того же года, ч. 54, № 21, была напечатана замѣтка, въ которой строго осуждался и самый переводъ, и его исполненіе актерами. Въ „Записной книжкѣ“ кн. Вяземскаго (Соч., т. VIII, стр. 177—178) есть воспоминаніе о первомъ представленіи этой комедіи; тамъ же (стр. 395) сообщается, что и „Игрокъ“ былъ исполняемъ на домашнемъ театрѣ Апраксиныхъ, разумѣется, при участіи самого переводчика. Вяземскій замѣчаетъ, что этотъ переводъ Пушкина былъ „удачнѣе другихъ попытокъ“ его. Точно такъ и Батюшковъ (см. въ этомъ томѣ стр. 383) отзывается, что въ переложеніи „Игрока“ есть „много счастливыхъ стиховъ“. Вообще однако литературные опыты Ал. М. Пушкина встрѣчали мало одобренія. Особенно посмѣивался надъ ними Василій Львовичъ (Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 176; письма М. А. Волковой—Вѣстн. Евр. 1874, № 10, стр. 553). Въ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ Воейкова (Р. Арх. 1866 г., стр. 764) находимъ слѣдующую характеристику Алексѣя Михайловича, какъ писателя: „А. М. Пушкинъ—служитъ при нагрузкѣ Расиновыхъ и Мольеровыхъ сочиненій балластомъ“.

Батюшковъ познакомился съ Ал. М. Пушкинымъ въ 1810 г., когда, въ бытность свою въ Москвѣ, онъ посѣщалъ литературные вечера Ѳ. Ѳ. Иванова, гдѣ, по словамъ Сушкова (Моск. унив. пансіонъ, стр. 95), и А. М. Пушкинъ, „пѣвунъ и балагуръ“, бывалъ частымъ гостемъ. Изъ дальнѣйшихъ писемъ Батюшкова видны его отношенія къ А. М. Пушкину довольно близкія, но не выходившія за предѣлы свѣтскаго знакомства; гораздо болѣе уважалъ онъ его супругу, о чемъ подробно сказано въ вводной статьѣ къ настоящему изданію.

— (**Стр. 184**). Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (род. въ 1791 г., ум. въ 1865) принадлежалъ къ тому кругу молодыхъ московскихъ литераторовъ и любителей словесности, съ которыми Батюшковъ познакомился въ Москвѣ въ

1810 г.; Сѣверинъ вошелъ въ этотъ кругъ потому, что съ малыхъ лѣтъ пользовался покровительствомъ Ив. Ив. Дмитріева. Дмитрій Петровичъ былъ сынъ воспитанницы баронессы А. Н. Строгановой—Анны Григорьевны Брагиной, вышедшей замужъ за сослуживца Дмитріева, гвардейскаго офицера Петра Ив. Сѣверина, бывшаго въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго витебскимъ губернаторомъ (Добрынинъ. Записки, стр. 321—330). Анна Григорьевна была умна, хорошо образована, любила литературу и искусства (Кн. Долгорукій. Капище моего сердца, стр. 96—97; Сочиненія Дмитріева, 104—105). Въ стихахъ, которые Дмитріевъ написалъ ей по случаю рожденія сына, онъ въ слѣдующихъ словахъ выразилъ пожеланія ребенку:

А ты, дитя, залогъ дражайшихъ двухъ сердецъ,
Живи и усугубь ихъ счастье наконецъ:
Будь честенъ, будь уменъ, чувствителенъ, незлобенъ,
Пріятенъ, милъ, во всемъ будь маменькѣ подобенъ!

Дмитріевъ любилъ сына Анны Григорьевны, какъ роднаго. Письма Ивана Ивановича къ А. И. Тургеневу (Р. Арх. 1867 г.) заключаютъ въ себѣ не мало упоминаній, свидѣтельствующихъ о его нѣжной привязанности къ своему „пюпилю“. Молодой Сѣверинъ получилъ образованіе въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ патера Чижа, гдѣ воспитывался и князь П. А. Вяземскій, заставшій Сѣверина уже въ старшемъ классѣ. Не смотря на нѣкоторую разницу въ лѣтахъ, они скоро сошлись, и товарищество ихъ мало по малу „обратилось въ крѣпкое и до конца непзмѣнное дружество“. По свидѣтельству Вяземскаго (Соч., т. I, стр. XVI—XVIII), Сѣверинъ „прекрасно учился и былъ повеленія образцоваго. Одаренный отличными способностями, онъ и тогда уже обѣщалъ быть правильнымъ, осторожнымъ и отлядливымъ дипломатомъ.... Сѣверинъ и въ пансіонѣ прозванъ былъ котенкомъ, какъ бы въ предсказаніе того, что въ Арзамасѣ будетъ онъ значиться Рѣзвый Котъ“. Изъ формулярнаго списка Сѣверина видно, что въ 1807 году онъ опредѣлился на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1809, по назначеніи Дмитріева министромъ юстиціи, перешелъ подъ его начальство, а въ 1811, по его же ходатайству (Вигель. Воспоминанія, ч. V, стр. 41), поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и съ этого времени окончательно посвятилъ себя дипломатической службѣ. Проходя различныя должности и съ успѣхомъ исполняя порученія сперва гр. Капо д'Истріа, а потомъ гр. Нессельрода, Сѣверинъ въ 1836 году былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Швейцарію, а съ 1837 занималъ тотъ же постъ при Баварскомъ дворѣ. По выходѣ въ отставку въ 1863 г., онъ остался жить въ Мюнхенѣ, гдѣ и умеръ (Мѣсяцесловъ на 1866 г.).

Сѣверинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися писателями Карамзинской школы, почему по словамъ Вигеля (Воспоминанія, ч. 5, стр. 41), и „двери Арзамаса открылись предъ нимъ настежъ“, но литературой онъ занимался очень мало. Только въ 1808—1811 гг. встрѣчаются въ Вѣстникѣ Европы его переводы съ французскаго, между прочимъ небольшая статья подъ заглавіемъ „Писатель въ обществѣ“ (1808 г.,

ч. XLI, № 22), подавшая поводъ Жуковскому написать извѣстное разсужденіе о томъ же предметѣ (ibid.). Изъ оригинальныхъ произведеній Сѣверина въ томъ же журналѣ напечатаны только двѣ басни его: „Стрѣла“ (1809 г., ч. XLVII, № 18) и „Мышь“ (1808 г., ч. XLI, № 22): послѣдняя, по словамъ И. И. Дмитріева, была написана авторомъ еще въ пансіонѣ, по заказу начальства (Р. Арх. 1867 г., стр. 1079); не безъ удивленія увидѣлъ Дмитріевъ, что басня эта вошла впослѣдствіи въ „Собраніе русскихъ стихотвореній“ и въ „Образцовыя Сочиненія“. Кромѣ того, въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. 47, № 17, стр. 45—49, помѣщена прозаическая статейка „Бездѣлки“, за подписью —В— и Д. С.; статейка эта, напоминающая замѣтки позднѣйшей „Записной книжки“ кн. Вяземскаго, написана послѣднимъ вмѣстѣ съ Сѣвериным. При пріемѣ В. Л. Пушкина въ члены Арзамаса, Сѣверинъ, подобно нѣкоторымъ другимъ Арзамасцамъ, привѣтствовалъ его шуточною рѣчью, которая напечатана въ Полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 417—418 (ср. Р. Арх. 1876 г., № 1, стр. 64—65).

Батюшковъ лично познакомился съ Сѣверинымъ, въ 1812 году въ Петербургѣ (см. въ этомъ томѣ стр. 218), хотя заочно зналъ его и ранѣе. Общество, изъ котораго былъ выключенъ Сѣверинъ, есть Вольное Общество любителей словесности; поводомъ къ исключенію было, вѣроятно, столкновеніе, происшедшее между членами Общества послѣ произнесенія Д. В. Дашковымъ, въ одномъ изъ засѣданій, иронической похвальной рѣчи гр. Хвостову (подробности этого происшествія см. въ статьѣ Н. С. Тихонравова—въ Р. Старинѣ 1884 г., т. XLIII). Изъ переписки Батюшкова видно, что отношенія его къ Сѣверину отличались вполнѣ дружескимъ характеромъ. Въ позднѣйшихъ письмахъ поэтъ нашъ не разъ выражаетъ свою признательность Сѣверину, который сперва хлопоталъ о назначеніи Батюшкова адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу, а впослѣдствіи, вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, содѣйствовалъ опредѣленію его въ иностранную коллегію. (**В. С.**).

— (**Стр. 185**). Сатира Милонова — „Къ моему разсудку“ (Соч. Милонова изд. Смирдина, стр. 46—56). Въ ней между прочимъ встрѣчаются слѣдующіе стихи:

А Вздоркинъ—что ни день, то басня или ода,
А Вздоркинъ, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха надулся и кричитъ:
„О, радость! О, восторгъ! И я, и я пѣтъ!“

„Всѣ знали“, говоритъ, приводя эти стихи, М. А. Дмитріевъ (Мелочи, стр. 210), — „что это стихъ Василья Львовича Пушкина изъ перевода одной оды Горація“. Стихъ этотъ дѣйствительно встрѣчается въ піесѣ Пушкина „Къ любимцамъ музъ (подражаніе Горацію)“. Упоминаемый Батюшковымъ эпиграфъ къ сатирѣ Милонова (его нѣтъ при печатномъ изданіи сатиры) взятъ изъ III-й пѣсни „Art poétique“ Буало, при чемъ однако допущена ошибка, почти всегда дѣлаемая при приведеніи этого стиха (у Буало послѣднее слово стиха—„talent“, а не métier). Ѣдкость эпиграфа въ примѣненіи къ В. Л. Пушкину усиливалась тѣмъ, что послѣдній въ самомъ дѣлѣ былъ масо-

номъ (А. Н. Пыпинъ. Матеріалы для исторіи мас. ложъ въ Вѣстн. Евр. 1872, № 2, стр. 566—589, 595; Соч. Ешевскаго, т. III, стр. 411—413).

— (**Стр. 185**). „Новое посланіе“ кн. Шаликова есть, безъ сомнѣнія, піеса „Наши стихотворцы“, помѣщенная въ Аглаѣ 1812 г., ч. XIV (апрѣль); стихотвореніе это имѣетъ форму посланія, и Батюшковъ называетъ это посланіе „новымъ“ потому, что еще въ ч. XIII Аглаи (февраль 1812 г.) Шаликовъ напечаталъ посланіе „къ В. Л. Пушкину“. Въ „Нашихъ стихотворцахъ“ Батюшковъ могъ отнести къ себѣ, къ кн. П. А. Вяземскому и потомъ — къ В. Л. Пушкину только слѣдующія строки:

Посмотримъ на сіе собранье эпиграммъ,
Сатиръ и пѣсенъ. Всѣ еще такъ свѣжи, новы,
Въ цвѣтущемъ образѣ являются глазамъ!
Но снимемъ легкіе покровы
И всмотримся красотъ въ блестящія черты.
Конечно, красоты,
Но сколь опасныя!... Подъ солью, остротою
Напрасно будешь ты искать, мой другъ, того,
Что въ юной красотѣ милѣе намъ всего:
Чувствительность души съ сердечной добротою,
Которыхъ вовсе нѣтъ—какъ жаль!—въ твореніяхъ сихъ.
Вотъ имя автора—какъ жаль!—младаго ихъ.
Но вотъ другой, еще моложе,
И пишетъ, выключивъ сатиры, въ родѣ томъ же,
Но сколь различенъ ихъ моральный характѣръ!
Онъ видѣнъ въ авторѣ, подобно какъ въ портретѣ,
И новый этого предъ нами здѣсь примѣръ:
Въ послѣднемъ семъ поэтѣ
Нѣтъ съ первымъ сходнаго по нравамъ ничего,
Хоть по стихамъ совмѣстникъ онъ его.
Еще любезный вотъ поэтъ: его посланья
Достойны грацій, музъ!
Ума съ шутливостью имъ нравится союзъ:
Я вижу въ немъ печать прямаго дарованья!

— (**Стр. 185**). Князь Трубецкой—вѣроятно, князь Сергѣй Петровичъ, въ то время гвардейскій офицеръ, а впослѣдствіи участникъ декабрскаго заговора (род. въ 1792 г., ум. въ 1860 г.).

— (**Стр. 185**). „Галифе“ — названіе намъ непонятное; въ письмѣ № CX (т. III, стр. 218) это имя придается самому Д. П. Сѣверину.

— (**Стр. 185**). „Началъ лгать какъ календарь“. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что это выраженіе, предтеча знаменитаго изрѣченія г-жи Хлестовой въ „Горѣ отъ ума“, имѣетъ свое начало во французской поговоркѣ: faire des

almanacs", что значитъ — врать (Le Roux de Lincy. Le livre des proverbes français, t. II, p. 109).

— (**Стр. 186**). „Amour, amour!" и пр. — стихъ изъ басни Лафонтена „Le lion amoureux" (livre IV, f. I).

XCII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 17-го мая 1812. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

XCIII. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** (Іюнь 1812 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 345—346, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи".

— (**Стр. 187**). „Tu jouis du printemps" и пр. — стихъ Шольё изъ посланія къ аббату Куртену (Courtin). Въ подлинникѣ Шольё говоритъ отъ себя: „Je jouis" и пр.

— (**Стр. 187**). Въ сочиненіяхъ Жуковскаго встрѣчается только одно посланіе къ Ал. Ал. Плещееву, но оно относится несомнѣнно къ 1814 г. и принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ „Долбинскихъ" стихотвореній Жуковскаго. О самомъ Плещеевѣ см. въ примѣчаніи къ письму № CCXXVI. Баллада Жуковскаго о которой говоритъ Батюшковъ, вѣроятно, „Свѣтлана", напечатанная только въ 1813 г., но написанная еще въ 1811.

— (**Стр. 189**). „Дѣло", которое имѣлъ Жуковскій къ Ив. М. Муравьеву-Апостолу, и окончаніемъ котораго онъ могъ успокоить Е. Ѳ. Муравьеву, заключалось, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы получить отъ Ивана Матвѣевича воспоминанія о М. Н. Муравьевѣ для изданія его сочиненій, которое было поручено Жуковскому. Позже, въ 1814 г., въ своемъ „Письмѣ о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева" (т. II, стр. 87), Батюшковъ нечатно вызывалъ Ивана Матвѣевича на этотъ же трудъ; но Муравьевъ-Апостолъ все-таки не исполнилъ его, и Батюшковъ, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 3-го ноября 1814 года (т. III, стр. 305), уже писалъ, что при изданіи сочиненій Михаила Никитича можно обойтись и безъ его біографіи.

— (**Стр. 189**). Письмо заключается стихотворнымъ посланіемъ къ Жуковскому, которое въ окончательной редакціи см. въ т. I, стр. 145—147.

XCIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Іюнь—іюль 1812 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 192**). Стихотворецъ Ржевскій, упоминаемый въ припискѣ Гнѣдича вѣроятно, то же лицо, о которомъ Батюшковъ говоритъ въ письмѣ № XCI.

XCV. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ**. 1-го іюля 1812 г. (Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 193**). Стихъ взятъ изъ басни Дмитріева: „Мышь, удалившаяся отъ свѣта“.

— (**Стр. 193**). Балладникъ—Жуковскій. Асмодей—кн. Вяземскій. Отсюда видно, что такое названіе было усвоено Вяземскому еще ранѣе образованія Арзамаса.

XCVI. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ**. Іюль (первая половина) 1812 г. (Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 194**). Баллада Жуковскаго, безъ сомнѣнія, та же, о которой упоминается въ письмѣ подъ № XCIII, то-есть, „Свѣтлана“.

— (**Стр. 195**). О П. О. Грамматинѣ см. примѣчаніе къ письму № CVIII.

XCVII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ**. (21-го іюля 1812 г. Петербургъ. Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 195—196**). Кн. Вяземскій вступилъ въ ополченіе передъ Бородинскимъ сраженіемъ, почему Батюшковъ и называетъ его „новымъ воиномъ“ и примѣняетъ къ нему стихъ изъ VI-й пѣсни „Иліады“ въ переводѣ Кострова.

XCVIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ**. 9-го августа (1812 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. П. Батюшкова.

— (**Стр. 197**). Вѣра Осиповна—Баранова, родственница Батюшковыхъ.

— (**Стр. 198**). Г-жа Сталь (род. въ 1766 г., ум. въ 1817) прибыла въ Россію 2-го іюля 1812 года, вслѣдствіе стѣснительныхъ мѣръ наполеоновскаго правительства, сдѣлавшихъ для нея крайне непріятнымъ пребываніе въ Копне, на берегу Женевскаго озера. Она вступила въ русскіе предѣлы изъ Галиціи, проѣхала по Волыни, посѣтила Кіевъ, Москву и достигла Петербурга, гдѣ была принята Царскою семьей и посѣщала многіе дома высшаго круга. Пребываніе свое въ Россіи г-жа Сталь описала, съ любопытными подробностями, въ сочиненіи „Десятилѣтнее изгнаніе“, о которомъ есть весьма справедливый отзывъ А. С. Пушкина (Соч., изд. 8-е, т. V, стр. 17—18). Упоминая въ этомъ автобіографическомъ отрывкѣ о разныхъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ, г-жа Сталь вскользь называетъ „баронессу Строганову“, которой въ то время уже было извѣстно о разграбленіи Французами ея имѣній въ Смоленской губерніи. Если г-жа Сталь не ошиблась въ титулѣ, то ея слова относятся къ баронессѣ Аннѣ Сергѣевнѣ (род. въ 1765 г., ум. въ 1824); если же въ словахъ г-жи Сталь

слѣдуетъ допустить неточность, то очевидно, она говоритъ о той же графинѣ Софіи Владиміровнѣ Строгановой, о которой упоминаетъ и Батюшковъ (см. о ней выше, стр. 606). О пребываніи г-жи Сталь въ Россіи и объ отъѣздѣ ея въ Швецію сохранилось и нѣсколько русскихъ извѣстій—въ запискахъ графини А. Д. Блудовой (Р. Арх. 1879 г., кн. III, стр. 481—483) и А. П. Бутенева (Р. Арх. 1883 г., кн. I, стр. 11, 20—23), въ письмахъ гр. Ростопчина (Р. Арх. 1875 г., кн. II, стр. 400), М. А. Волковой, кн. Туркестановой и Кристина. Графиня Блудова и Бутеневъ согласно свидѣтельствуютъ о красотѣ 15-лѣтней дочери г-жи Сталь, Альбертины, вышедшей впослѣдствіи замужъ за герцога Брольи.

XCIX. Д. В. ДАШКОВУ. 9-го августа (1812 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1883 г., I, стр. 230 съ современнаго списка, сообщеннаго П. И. Бартеневу Прасковьей Алексѣевной Пушкиной въ 1869 году.

— (**Стр. 199**). Чингисханъ-поэтъ, уничтожившій Расина, Буало и пр. и написавшій оду на миръ съ Турками,—гр. Д. И. Хвостовъ: онъ издалъ Оду на миръ съ Оттоманскою Портою 1812 года мая 16 дня. С.-Пб. 1812.

— (**Стр. 199**). Подъ „обществомъ“ слѣдуетъ разумѣть Вольное общество любителей словесности, изъ котораго незадолго предъ тѣмъ Дашковъ былъ выключенъ за насмѣшку надъ гр. Хвостовымъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ шуточныхъ стихахъ Батюшковъ повторяетъ неудачное выраженіе Державина „солнцевъ домъ“, употребленное имъ въ надписи на освященіе эрмитажнаго театра (Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. III, стр. 430).

— (**Стр. 199**). „Louant Dieu“ и пр.—стихъ изъ басни Лафонтена: „Le Gland et la Citrouille“ (livre IX, fable IV).

— (**Стр. 200**). О стихахъ „За синимъ океаномъ“ и пр. см. выше, стр. 606.

— (**Стр. 200**). Какой именно „ученый споръ“ Дашкова съ Каченовскимъ разумѣетъ Батюшковъ—не знаемъ въ точности; замѣтимъ однако, что Дашковъ еще въ 1805 г. осуждалъ критическій задоръ Каченовскаго и находилъ въ немъ „гордость и педантство“ (Библіогр. Записки 1859 г., ст. 255). Переводчикъ Гомера, Виргилія и г-жи Дезульеръ — А. Ѳ. Мерзляковъ; объ отношеніяхъ Батюшкова къ нему см. въ т. II, стр. 506—507.

— (**Стр. 200**). Императоръ Александръ пожаловалъ С. Н. Глинкѣ орденъ св. Владиміра 4-й степени въ бытность свою въ Москвѣ, 18-го іюля 1812 г., за любовь къ отечеству, сочиненіями и дѣяніями доказанную, какъ было сказано въ рескриптѣ.

— (**Стр. 200**). Михаилъ Александровичъ Салтыковъ (род. въ 1769 г., ум. въ 1851 г.) былъ сынъ Ал. Мих. Салтыкова и Маріи Сергѣевны Волчковой,

которая по смерти мужа вступила во второй бракъ съ П. Б. Пассекомъ. М. А. Салтыковъ хотя и имѣлъ ограниченныя матеріальныя средства, но благодаря аристократическимъ связямъ, природному уму, блестящему свѣтскому образованію и красотѣ не могъ не обратить на себя вниманія высшаго общества. Начало его карьеры было блестяще. Въ 1787 году онъ поступилъ въ военную службу, состоялъ при князѣ Потемкинѣ, участвовалъ въ компаніяхъ 1789 и 1790 годовъ и въ 1794 году былъ уже подполковникомъ. По словамъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, Салтыковъ въ это время былъ приближенъ ко двору Екатерины II и пользовался ея благосклонностію (Р. Арх. 1876 г., кн. III, стр. 385). Но со смертію императрицы онъ бросилъ службу и женился на Елизаветѣ Францовнѣ Ришаръ, дочери содержательницы пансіона. Въ 1801 году онъ получилъ званіе камергера, а въ 1812 назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Впослѣдствіи, уже будучи сенаторомъ, онъ проживалъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ. Дочь его, Софья Михайловна, была въ замужествѣ за барономъ А. А. Дельвигомъ, а по смерти послѣдняго—за С. А. Баратынскимъ (Росс. родосл. книга, ч. II, стр. 79; „Дельвигъ“, ст. В. П. Гаевскаго—въ Современникѣ 1854 г., № 9, стр. 4). Салтыковъ, по словамъ Вигеля (Воспоминанія, ч. III, стр. 62—63),—„всегда и всѣми недовольный, былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, зная цѣну достоинствъ и способностей своихъ, думаютъ, что правительство, признавая въ нихъ оныя, обязано ихъ награждать, употребляютъ ли или не употребляютъ ихъ на пользу государственную. Какъ всѣ люди честолюбивые и лѣнивые вмѣстѣ, ожидалъ онъ, что почести, безъ всякаго труда, сами собою должны были къ нему приходить. Во время революціи превозносилъ онъ жирондистовъ, а террористовъ, ихъ ужасныхъ побѣдителей, проклиналъ; но какъ въ то время у насъ не видѣли большой разницы между Барнавомъ и Робеспьеромъ, то едва ли не прослылъ онъ якобинцемъ.... Онъ сердился, что не получаетъ мѣста, и никого не хотѣлъ удостоить просьбою о томъ. Нѣсколько позже сталъ онъ занимать довольно важныя должности, но по незнанію дѣлъ, по совершенному презрѣнію къ нимъ, всѣ мѣста умѣлъ превращать въ каноникатства. Онъ всегда имѣлъ видъ спокойный, говорилъ тихо, умно и красно.... Съ величайшимъ хладнокровіемъ хвалилъ онъ и порицалъ, разгорался же только нѣжностію, когда называли Руссо, или гнѣвомъ при имени Бонапарте..... Хотя, какъ настоящій баринъ, получилъ онъ совершенно французское образованіе, былъ однако же у другихъ молодыхъ бояръ цѣлымъ поколѣніемъ впереди. Классиковъ вѣка Людовика XIV уважалъ онъ только за чистоту ихъ неподражаемаго слога, болѣе же плѣнялся роскошью мыслей философовъ XVIII вѣка; но тѣхъ и другихъ готовъ онъ былъ повергнуть къ ногамъ Ж.-Ж. Руссо.... Послѣ него признавалъ онъ только двухъ хорошихъ писателей, Бернардена де-Сенъ-Пьера въ прозѣ и Делиля въ стихахъ. О нѣмецкой, объ англійской литературѣ не имѣлъ онъ понятія; на русскую словесность смотрѣлъ онъ не такъ какъ другіе аристократы, гордо отворачивающіеся отъ нея какъ отъ урода, при самомъ рожденіи умирающаго, а видѣлъ въ ней невиннаго младенца, коего лепетъ можетъ иногда забавлять“. Салтыковъ пользовался уваженіемъ въ кругу литераторовъ Карамзинскаго направленія и былъ избранъ въ почетные члены Арзамаса вскорѣ послѣ его основанія. (**В. С.**).

С. А. Н. **БАТЮШКОВОЙ.** 16-го августа (1812 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

СІ. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** (Вторая половина августа 1812 г. Москва). Напечатано въ Русск. Архивѣ 1866 г., ст. 222, съ подлинника, сообщеннаго княземъ П. А. Вяземскимъ.

— (**Стр. 203**). Жуковскій находился тогда въ арміи, съ московскимъ ополченіемъ, и участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи.

СІІ. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 7-го сентября 1812 г. Володиміръ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 346—347. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 203**). О смерти П. А. Оленина и о ранѣ его младшаго брата сообщилъ свѣдѣнія въ своихъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ-Карскій (Р. Арх. 1885 г., ч. III, стр. 261); но свѣдѣнія эти оказались неточными, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки очевидца М. И. Муравьева-Апостола: „26-го августа 1812 г. еще было темно, когда непріятельскія ядра стали долетать до насъ. Такъ началось Бородинское сраженіе. Гвардія стояла въ резервѣ, но подъ сильными пушечными выстрѣлами. Правѣе 1-го баталіона Семеновскаго полка находился 2-й баталіонъ. Петръ Алексѣевичъ Оленинъ, какъ адъютантъ 2-го баталіона, былъ передъ нимъ верхомъ. Въ 8 часовъ утра ядро пролетѣло близъ его головы; онъ упалъ съ лошади, и его сочли убитымъ. Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, ходившій къ раненымъ на перевязку, успокоилъ старшаго Оленина тѣмъ, что братъ его только контуженъ и останется живъ. Въ это время непріятельскій огонь усилился, и ядра начали насъ бить. Тогда командиръ 2-го баталіона, полковникъ баронъ Максимъ Ивановичъ Де-Дама (de Damas), скомандовалъ: „Господа офицеры, по мѣстамъ!“ Николай Алексѣевичъ Оленинъ сталъ у своего взвода, а графъ Татищевъ передъ нимъ у своего, лицомъ къ Оленину. Они оба радовались только что сообщенному счастливому извѣстію; въ эту самую минуту ядро пробило спину графа Татищева и грудь Оленина, и унтеръ-офицеру оторвало ногу“ (Р. Арх. 1886 г., кн. I, стр. 226).

— (**Стр. 203**). Архаровы—генералъ отъ инфантеріи Иванъ Петровичъ (род. въ 1744 г., ум. въ 1815) и его супруга Екатерина Александровна, рожденная Римская-Корсакова (род. въ 1755 г., ум. въ 1836). И. П. Архаровъ въ молодости участвовалъ въ Морейской экспедиціи и помогалъ гр. А. Г. Орлову въ увозѣ извѣстной самозванки Таракановой изъ Ливорно. Впослѣдствіи, при Екатеринѣ же, онъ былъ Новгородскимъ и Тверскимъ намѣстникомъ, а при Павлѣ — Московскимъ военнымъ губернаторомъ. При Александрѣ онъ жилъ въ Москвѣ на покоѣ и, по выраженію кн. Вяземскаго, былъ „послѣднимъ бургграфомъ московскаго барства и гостепріимства, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ Москвою въ 1812 году“ (Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 370; Р. Арх. 1864 г.,

ст. 875—876; о Е. А. Архаровой см. воспоминанія гр. В. А. Соллогуба въ Истор. Вѣстникѣ 1886 г., т. XXIII).

CIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Нижній-Новгородъ. 3-го октября (1812 г.). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 350. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

CIV. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 3-го октября (1812 г. Нижній-Новгородъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 222—226, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу княземъ П. А. Вяземскимъ.

— (**Стр. 205**). При общемъ бѣгствѣ изъ Москвы предъ вступленіемъ Наполеона, кн. Вяземскій уѣхалъ съ семействомъ въ Вологду. „Выборъ мой", говоритъ онъ, — „палъ на этотъ городъ потому, что въ Вологду ѣхалъ нашъ знакомый, знаменитый московскій врачъ и акушеръ Рихтеръ. Жена моя была беременна первымъ своимъ ребенкомъ и вскорѣ должна была родить" (Р. Архивъ, 1866 г., ст. 226—227, гдѣ напечатано и нѣсколько писемъ къ князю, адресованныхъ въ Вологду въ 1812 году).

— (**Стр. 206**). О матеріальныхъ утратахъ Ал. М. Пушкина при занятіи Москвы Французами находимъ слѣдующее извѣстіе въ письмѣ М. А. Волковой, отъ 10-го ноября 1813 года: „Меня смѣшитъ, что Алексѣя Михайловича Пушкина считаютъ богачемъ; въ настоящее время онъ въ болѣе тонкихъ обстоятельствахъ, чѣмъ когда-либо. Тетка его Мелиссино совершенно здорова и не думаетъ умирать. Слѣдовательно, наслѣдство у него еще въ далекомъ будущемъ. Наталья Абрамовна Пушкина года два тому назадъ пожертвовала сыну 1000 душъ въ окрестностяхъ Можайска; онъ тотчасъ отправился въ это имѣнье и выстроилъ тамъ суконную фабрику, ожидая отъ нея большой прибыли. Въ августѣ прошлаго года разорили и фабрику, и имѣнье. Всѣ надежды его разлетѣлись въ прахъ. Теперь онъ буквально ничего не имѣетъ" (Вѣстн. Евр. 1874 г., № 9, стр. 149—150). Однако, въ 1813 г. Ал. М. Пушкинъ уже возобновилъ свое предпріятіе (см. въ этомъ томѣ стр. 221). Что касается В. Л. Пушкина, то о своихъ убыткахъ онъ самъ писалъ Вяземскому 14-го декабря 1812 г.: „Я вижу изъ письма твоего, что ты грустишь о Москвѣ, но какъ и не грустить о кормилицѣ нашей? Другой Москвы не будетъ, и часъ отъ часу разореніе столицы намъ будетъ чувствительнѣе. Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека, все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ: денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности" (Р. Арх. 1866 г., ст. 241). Басня о соловьѣ—одно изъ любимѣйшихъ произведеній Василья Львовича, „Соловей и чижъ".

— **Стр. 207**). Юрій Александровичъ—Нелединскій-Мелецкій, который, съ супругой и дочерью, находился тогда въ Вологдѣ. Нелединскій завѣдывалъ въ то время училищами Воспитательнаго дома, поѣхавшими въ Казань: поэтому

Батюшковъ и думалъ, что онъ тамъ. Но въ Казань повезъ воспитанниковъ и воспитанницъ почетный опекунъ А. М. Лунинъ (Р. Арх. 1866 г., ст. 226).

CV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Октябрь 1812 г. Нижній-Новгородъ). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 347—349 и 346 (конецъ письма). Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 208**). Англичанинъ Евенсъ—Ѳома Яковлевичъ, лекторъ англійскаго языка и англійской словесности въ Московскомъ университетѣ съ 1809 г. (род. въ 1785 г., ум. въ 1849). См. о немъ Словарь профессоровъ Моск. университета, т. II, и весьма любопытную и живую некрологическую статью Н. Ф. Павлова въ Москвитянинѣ 1849 года, № 3.

— (**Стр. 209—210**). Д. Н. Блудовъ былъ въ это время назначенъ совѣтникомъ посольства въ Стокгольмъ и уѣхалъ туда въ началѣ осени 1812 г. (Р. Арх. 1866 г., ст. 254). Относящійся къ нему стихъ взятъ Батюшковымъ изъ Горація, Epist. l. I, ep. 11, v. 27. Одновременно съ Блудовымъ получилъ дипломатическое назначеніе и Сѣверинъ: онъ долженъ былъ ѣхать въ Испанію; вотъ какъ намѣчалъ онъ свой путь въ письмѣ къ кн. Вяземскому, отъ 7-го октября 1812 года: „Возьми карту и слѣдуй за мною въ Або, Стокгольмъ, Готенбургъ, Лондонъ, Фальмутъ, Лиссабонъ и остановися въ Кадиксѣ, гдѣ будетъ мѣсто нашего пребыванія при юнтѣ“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 238). Поѣздка эта однако не состоялась.

— (**Стр. 210—211**). Ал. Н. Оленинъ принадлежалъ къ числу лицъ, сильно недовольныхъ сближеніемъ Россіи съ Франціей послѣ Тильзитскаго мира, и вообще былъ врагъ галломаніи; въ силу того, при образованіи Бесѣды любителей русскаго слова въ 1811 г., онъ охотно примкнулъ къ ней, а въ 1813 г., по изгнаніи Наполеона изъ предѣловъ Россіи, вызвалъ архим. Филарета, впослѣдствіи знаменитаго митрополита, написать разсужденіе „О причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ Россіянъ въ нынѣшней войнѣ“; въ письмѣ къ Филарету Оленинъ говорилъ, что это могъ совершить только „народъ, несомнѣнно ожидающій новой жизни за предѣлами гроба, народъ, руководимый такимъ правительствомъ, въ коемъ царь, въ видѣ чадолюбиваго отца, по самому естественному закону, безъ всякаго насилія управляетъ многочисленными дѣтьми своими и дѣтьми дѣтей своихъ“ (Чтенія въ Бесѣдѣ, кн. XIII стр. 14). Еще позже Олениным записаны были разные анекдотическіе случаи изъ 1812 года, переданные съ окраской великаго раздраженія противъ Французовъ. Въ числѣ этихъ разсказовъ одинъ—о неколебимой преданности крестьянъ своему помѣщику и о готовности ихъ жертвовать для него своими деньгами въ минуту общей опасности—заключается слѣдующими, характерными для автора, словами: „Русскій, просто благочестивый человѣкъ, слушая сію истинную повѣсть, скажетъ: „Вотъ плоды родительскаго семейнаго правленія!“ Просвѣщенный же Европеецъ отнесетъ сей подвигъ къ невѣжеству, глупости и рабству нашего народа“ (Р. Архивъ 1868 г., ст. 1993).

CVI. **ОТЦУ.** 27-го октября 1812 г. Нижній-Новгородъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова. Отрывокъ изъ этого письма напечатанъ въ статьѣ Н. Ѳ. Бунакова: „К. Н. Батюшковъ“ (Москвитянинъ 1855 г., № 23 и 24, стр. 104).

CVII. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** (Средина ноября 1812 г. Нижній-Новгородъ). Подлинникъ у В. К. Вульферта. Е. Г. Пушкина находилась въ Нижнемъ, подобно Батюшкову: слѣдовательно, это—городская записка.

CVIII. **Н. Ѳ. ГРАММАТИНУ.** (Вологда. Январь 1813 г.). Напечатано въ Библіогр. Запискахъ 1859 г., т. II, ст. 321—322. Изъ Нижняго Батюшковъ ѣздилъ въ началѣ декабря въ Вологду на свиданье съ родными и съ княземъ Вяземскимъ, который и приглашалъ его туда (см. выше стр. 205). 12-го декабря 1812 г. Карамзинъ изъ Нижняго писалъ Вяземскому въ Вологду: „Батюшковъ долженъ быть у васъ“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 235). На пути между этими двумя городами Батюшковъ и посѣтилъ Грамматина, проживавшаго тогда въ Костромѣ.

Николай Ѳедоровичъ Грамматинъ (род. въ 1786 г., ум. въ 1827), родомъ изъ костромскихъ дворянъ, получилъ образованіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1807 г.; затѣмъ онъ слушалъ лекціи въ университетѣ и въ 1809 г. защищалъ написанное имъ для полученія степени магистра разсужденіе „О древней русской словесности“. Въ томъ же году онъ началъ службу въ экспедиціи государственныхъ доходовъ; затѣмъ, по назначеніи министромъ юстиціи И. И. Дмитріева, который обратилъ на него вниманіе еще въ бытность его въ пансіонѣ, перешелъ въ его вѣдомство, но въ 1812 г., предпочитая жить на родинѣ, опредѣленъ былъ директоромъ училищъ Костромской губерніи и оставался въ этой должности до 1819 г. Послѣдніе годы жизни Грамматинъ прожилъ въ отставкѣ, въ своемъ сельцѣ Гуленевѣ, Нерехотскаго уѣзда (Сынъ Отечества 1827 г., ч. 116).

Грамматинъ былъ человѣкъ очень почтенный по своимъ нравственнымъ качествамъ. „Зрѣлую въ отрочествѣ разсудительность, твердыя правила и привѣтливо-мирный характеръ Николая Ѳедоровича“, говоритъ Н. В. Сушковъ въ своей книгѣ о Московскомъ благородномъ пансіонѣ (стр. 80),—„Антонскій долго ставилъ въ образецъ намъ, позже Грамматина поступившимъ въ пансіонъ“. Съ своей стороны, и М. А. Дмитріевъ свидѣтельствуетъ (Мелочи, стр. 212), что „онъ былъ человѣкъ добродушный, степенный и съ основательными свѣдѣніями“. Благодаря отсутствію честолюбія, любви къ труду и хорошему образованію, Грамматинъ могъ сдѣлаться полезнымъ въ литературѣ дѣятелемъ и при ограниченности своихъ дарованій. Къ тому же съ влеченіемъ къ стихотворству онъ соединялъ и ученыя наклонности. Онъ выступилъ на литературное поприще еще въ бытность въ пансіонѣ, въ московскихъ журналахъ: И отдыхъ въ пользу и Утренняя заря; впослѣдствіи онъ печаталъ свои стихотворенія въ Цвѣтникѣ, Вѣстникѣ Европы и Сынѣ Отечества. Отдѣльно имъ напечатаны: 1) Новый англійско-россійскій словарь. 4 части. М. 1808—1817 (вмѣстѣ съ Мих. Паренаго); 2) Разсужденіе

о древней русской словесности. М. 1809; 3) сборникъ стихотвореній: Досугъ Кн. I. С.-Пб. 1811; 4) Слово о полку Игоревѣ и Судъ Любуши. М. 1823. Кромѣ того, уже по смерти Грамматина изданы его стихотворенія (двѣ части. С.-Пб. 1829); сюда вошли: 1) оригинальныя піесы автора, въ томъ числѣ много стихотвореній, написанныхъ размѣромъ и слогомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ; 2) Древнія славянскія пѣснопѣнія, то-есть, переводы Слова о полку Игоревѣ, Любушина суда, Краледворской рукописи и проч., и 3) Древнія гальскія пѣснотворенія, то-есть, переводы такъ-называемыхъ поэмъ Оссіана. Своею любовью къ русской и славянской старинѣ и народности Грамматинъ замѣтно выдѣляется между литературными дѣятелями своего поколѣнія; такой писатель не могъ ничѣмъ вызвать сочувствія, напримѣръ, въ Воейковѣ, который и охарактеризовалъ его въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ“ слѣдующимъ образомъ: „Н. Грамматинъ—ветошникъ русскихъ писателей; перекраиваетъ новыя піесы изъ старыхъ лоскутьевъ и перекрашиваетъ въ свои чужія поношенныя стихотворенія“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 763).

Грамматинъ былъ товарищемъ по пансіону Д. В. Дашкова и М. В. Милонова, съ которыми вмѣстѣ и поступилъ къ Дмитріеву (Вигель. Воспоминанія, ч. III, стр. 149); кромѣ того, онъ былъ въ литературныхъ сношеніяхъ съ многими литераторами московскими и петербургскими—Мерзляковымъ, Качановскимъ, Сандуновымъ, Измайловымъ (письма къ нему этихъ лицъ—въ Библ. Записках 1859 г.) и кн. Вяземскимъ (Р. Архивъ 1866 г., ст. 240—241). Батюшковъ познакомился съ Грамматинымъ, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1812 году.

— (**Стр. 215**). Объ Астольфѣ см. выше стр. 171, и въ т. II, стр. 388.

— (**Стр. 216**). Мы не могли опредѣлить, о какихъ двухъ посланіяхъ Жуковскаго къ г-жѣ А. говоритъ Батюшковъ. Отвѣтъ „Пенатамъ“ есть извѣстное посланіе Жуковскаго къ нашему поэту.

CIX. **СЕСТРАМЪ.** 24-го января 1813 г. Нижній-Новгородъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CX. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 27-го февраля 1812 г. [1]) (Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 216—217**). 23-го февраля 1812 г. происходило седьмое чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, и въ этомъ засѣданіи между прочимъ прочтена была II-я пѣснь извѣстной героп-комической поэмы кн. А. А. Шаховскаго „Расхищенныя Шубы“ (Сѣв. Почта 1812 г., № 18). Пѣснь эта напечатана въ 7-й книгѣ Чтеній въ Бесѣдѣ, и въ ней, дѣйствительно, есть нѣсколько ясныхъ

[1]) Письмо это невѣрно датировано въ текстѣ 1813-мъ годомъ; оно несомнѣнно относится къ февралю 1812 года.

намековъ на В. Л. Пушкина, какъ напримѣръ, слѣдующіе стихи, рѣчь одного изъ спорящихъ между собою старшинъ нѣмецкаго клуба:

„Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье,
„Словъ много затвердить не есть еще ученье.
„Витійство безъ идей мою волнуетъ кровь;
„Пошу въ душѣ моей къ изящному любовь
„И празднословіе всѣмъ сердцемъ ненавижу.
„Я слышу много словъ, но толку въ нихъ не вижу:
„Кто хочетъ ясенъ быть, тотъ кратче говори!“

Стихи эти очень напоминаютъ посланіе В. Л. Пушкина „Къ В. А. Жуковскому“, незадолго передъ тѣмъ напечатанное (см. о немъ выше стр. 674). Что же касается намековъ на Карамзина и Блудова, мы не нашли ихъ въ печатномъ текстѣ II-й пѣсни, вопреки словамъ Батюшкова и даваемому имъ ниже (стр. 218) разъясненію, въ чемъ именно заключалась насмѣшка надъ Блудовымъ. За то на Карамзина можно найдти довольно прозрачные намеки въ I-й пѣснѣ „Шубъ“, которая также была читана въ Бесѣдѣ и напечатана еще въ 1811 году. Остротой Батюшкова: „его“ „Шубы очень холодны“ кн. Вяземскій воспользовался въ своей извѣстной эпиграммѣ на Шутовскаго (Соч. кн. Вяз., т. III, стр. 85, № 7).

— (**Стр. 218**). Ал. Ив. Тургеневъ въ половинѣ января 1812 г. уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, гдѣ жила его мать, Екатерина Семеновна, и пробылъ тамъ почти до половины марта (Р. Архивъ 1867 г., ст. 1365—1366).

CXI. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** 4-го марта 1813 г. Петербургъ. Подлинникъ у В. К. Вульферта.

— (**Стр. 220**). Батюшковъ перефразируетъ слова псалма 136-го, ст. 5: „Аще забуде тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя“.

— (**Стр. 220**). О стихотвореніи А. М. Пушкина „Страшный судъ“ см. выше стр. 688 и 690.

CXII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 21-го марта 1813 г. (Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 221**). Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ (род. въ 1774 г., ум. въ 1841)—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ генераловъ Александровскаго времени. Записанный на службу по 4-му году, онъ уже былъ на ней дѣйствительно въ 1790 г. и даже участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ. Впослѣдствіи онъ состоялъ въ русскихъ войскахъ, отправленныхъ въ 1805 г. въ Италію противъ Французовъ, а съ 1806 г. по 1810 принималъ дѣятельное участіе въ Турецкой кампаніи, при чемъ на приступѣ къ Рущуку былъ

дважды раненъ. Затѣмъ въ 1812 г. Бахметевъ, будучи уже начальникомъ дивизіи, находился въ дѣлѣ подъ Островной и въ Бородинскомъ боѣ, гдѣ ему оторвало правую ногу. Вслѣдствіе этой раны храбрый Бахметевъ не могъ уже участвовать въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и остался на излѣченіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ въ исходѣ 1812 года и познакомился съ нимъ Батюшковъ. Въ 1814 г. Бахметевъ былъ назначенъ Подольскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1816 г. соединилъ съ этою должностью званіе намѣстника Бессарабской области, въ 1825 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Нижегородскимъ, Казанскимъ, Симбирскимъ и Пензенскимъ, а въ 1828 г. сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта; въ этомъ званіи онъ умеръ. Изъ дальнѣйшихъ писемъ Батюшкова видны его отношенія къ Бахметеву, котораго онъ уважалъ за героическую храбрость и благородный характеръ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Ал. Н. Бахметевѣ см. у Михайловскаго-Данилевскаго: Имп. Александръ и его сподвижники, т. II.

— (**Стр. 221**). Въ чемъ состояла помощь Тургенева Жуковскому—не знаемъ. Извѣстно только, что Тургеневъ, долго не имѣя извѣстій о своемъ другѣ, въ октябрѣ 1812 года послалъ въ главную квартиру въ Вильну курьера навести справку о немъ, но полученная справка относилась будто бы до другаго лица (Зейдлицъ. Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 56). Это послѣднее едва ли вѣрно, такъ какъ, по другимъ извѣстіямъ, Жуковскій оставался при главной квартирѣ включительно до ноября (Загарпнъ. Жуковскій и его произведенія, стр. 140—141), и только въ декабрѣ отправился на родину, куда прибылъ 6-го января 1813 года (Зейдлицъ, стр. 56).

— (**Стр. 222**). О Ѳед. Ѳед. Кокошкинѣ см. въ т. I, въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію на смерть его жены.

CXIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 1-го апрѣля 1813 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 24-го апрѣля 1813 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXV. **А. Н. ОЛЕНИНУ.** 3-го мая 1813 г. (Петербургъ). Подлинникъ въ архивѣ Императорской Публичной Библіотеки.

CXVI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 17-го мая (1813 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXVII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 10-го іюня 1813 г. (Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 226**). Италіянскій переводъ Гомера, безъ сомнѣнія, Чезаротти (см. о немъ выше, стр. 605); о переводѣ Лукреція, сдѣланномъ Маркетти, и о знакомствѣ Батюшкова съ сочиненіями Маттисона и „Обероном“ Виланда см. въ т. II, стр. 151, 405—406 и 545.

— (**Стр. 227**). Малолѣтній сынъ Карамзина, въ то время единственный, носилъ имя Андрея, какъ и другой его братъ, впослѣдствіи родившійся и въ 1854 г. убитый подъ Силистріей. Старшій Андрей Карамзинъ умеръ въ маѣ 1813 г., во время бытности Карамзиныхъ въ Нижнемъ (Атеней 1858 г., ч. III, стр. 535). „Горесть наша велика“, писалъ по этому поводу Николай Михайловичъ Жуковскому уже въ іюлѣ 1813 г. изъ Остафьева—„Богъ знаетъ что и для чего дѣлаетъ. Да будетъ Его святая воля! Между тѣмъ я не то, что былъ. Душа болѣе и болѣе темнѣетъ. Истерзанный потерями, опасаюсь наслаждаться и остальнымъ“ (Р. Архивъ 1870 г., ст. 1683).

— (**Стр. 227**). „Чудакъ съ умомъ, но безъ добраго сердца“, вѣроятно—Ал. Мих. Пушкинъ. Замѣтимъ, что кн. Вяземскій, такъ высоко ставившій умъ Пушкина, нигдѣ однако не говоритъ о его нравственныхъ достоинствахъ.

— (**Стр. 227**). Замѣчанія Батюшкова о жизни въ обществѣ слѣдуетъ сравнить съ тѣмъ, что онъ говоритъ о томъ же предметѣ въ своей статьѣ о поэтѣ (см. т. II, стр. 121).

— (**Стр. 227**). Изданіе „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуковскаго, съ рисунками А. Н. Оленина и примѣчаніями Д. В. Дашкова, было исполнено по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая высказала свою мысль И. И. Дмитріеву (см. въ этомъ же томѣ стр. 229; ср. Русск. Арх. 1871 г., ст. 418). Переводъ Жуковскаго изъ Драйдена—„Пиршество Александра или сила гармоніи“; романсъ—„Пловецъ“, положенный на музыку А. А. Плещеевымъ и пѣтый самимъ Жуковскимъ (Зейдлицъ, стр. 49). И „Пиршество Александра“, и „Пловецъ“ были напечатаны впервые въ Вѣстникѣ Европы 1813 г., № 7—8.

— (**Стр. 228**). Баллада кн. Вяземскаго намъ неизвѣстна, равно какъ и басня; подъ послѣднею, быть можетъ, слѣдуетъ разумѣть піесу „Гусь и змѣя“, отнесенную въ II. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. III, стр. 83, къ 1815 г., такъ какъ она была напечатана въ этомъ году въ Россійскомъ Музеумѣ. Въ ней впрочемъ ясенъ намекъ на кн. Шаховскаго, весьма подходящій къ 1815 г.

— (**Стр. 228**). Двѣ новыя басни Крылова, вѣроятно, „Демьянова уха“ и „Лисица и Сурокъ“, появившіяся въ 11-мъ Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей р. слова.

CXVIII. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** 30-го іюня 1813 г. (Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 348—349 съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи“.

— (**Стр. 229**). Строгановъ—графъ Павелъ Александровичъ.

CXIX. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** 30-го іюня 1813 г. (Петербургъ). Подлинникъ у В. К. Вульферта.

— (**Стр. 232**). Слова г-жи Сталь приведены изъ ея сочиненія „De la littérature", I-ère partie, chap. I.

CXX. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 14-го іюля 1813 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXXI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Сентябрь—октябрь 1813 г. Теплицъ). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 525—526. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 233**). О пребываніи Батюшкова въ Варшавѣ есть слѣдующая замѣтка въ „Воспоминаніяхъ о походахъ 1813 и 1814 годахъ", Андр. Ѳедос. Раевскаго (М. 1822), ч. I, стр. 29—30: „Никогда не забуду я также встрѣчи съ извѣстными и столь мною любимыми писателями нашими Батюшковымъ и Глинкой (Ѳ. Н.). Я провелъ съ ними нѣсколько минутъ, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти. Человѣкъ съ дарованіями достоинъ уваженія, но получаетъ еще большее право на оное, если собственнымъ примѣромъ научаетъ добродѣтелямъ, которыя прославляетъ въ своихъ пѣснях. И дѣйствительно, можетъ ли тронуть меня описаніе сраженія — какого-нибудь стихотворца-профессора? Онъ долженъ подражать или творить противное справедливости. Съ одинакимъ ли чувствомъ читаю я „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ" и „Барда на гробѣ Славянъ-побѣдителей"? Очарованный согласною цѣвницею барда, я не ощущаю того сладостнаго, невольнаго восторга, объемлющаго душу мою, когда внимаю сладостный гласъ воина, который, при трескѣ падающихъ градовъ, при пламенномъ заревѣ битвъ, предъ стѣнами разрушенной столицы, за круговою чашею ликующихъ братьевъ, готовыхъ къ побѣдѣ или смерти, живописуетъ предстоящее взору или запечатлѣнное въ сердцѣ. Чувства и истина суть первыя достоинства писателей. И Глинка, и Батюшковъ одарены ими: оттого-то такъ занимательна проза перваго, но той же причинѣ нравятся намъ стихи другаго". Разсужденія Раевскаго любопытны тѣмъ, что они совпадаютъ съ занимавшими Батюшкова, а отчасти и изложенными имъ мыслями „о войнѣ и баталіяхъ относительно живописи и поэзіи" (см. въ т. II, стр. 152—155, 295—296, 312, 313); быть можетъ, Раевскій записалъ то, о чемъ дѣйствительно говорилъ съ нашимъ поэтомъ.

— (**Стр. 234**). О Борисѣ Яковлевичѣ Княжнинѣ, умершемъ въ 1851 году въ чинѣ полнаго генерала, упомянуто въ т. II, стр. 481. Прибавимъ о немъ отзывъ Вл. И. Панаева (Вѣстникъ Европы 1867 г., т. III, стр. 234): „Очень умный, образованный человѣкъ, отличавшійся вѣжливостью прежнихъ временъ. Говорили, что онъ слишкомъ строгъ по службѣ и даже золъ, но изъ обращенія его ничего подобнаго заключить было нельзя. Я любилъ съ нимъ

побесѣдовать". Объ А. А. Писаревѣ см. въ т. II настоящаго изданія, стр. 404—405, и въ т. III, стр. 624—625; о баронѣ Дамасѣ—въ т. II, стр. 404, 534—535.

— (**Стр. 235**). Николай и Сергѣй—Тургеневы, младшіе братья Александра Ивановича. Николай Ивановичъ Тургеневъ (род. въ 1789 г., ум. въ 1871) уже не находился въ Петербургѣ, а выѣхалъ за границу, сопровождая барона Штейна, къ которому былъ прикомандированъ. Мѣсяца черезъ три Батюшковъ встрѣтился съ нимъ во Франціи (см. въ этомъ томѣ стр. 247).

CXXII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Веймаръ. 30-го октября 1813 г. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 526—531. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 236**). Разсказъ о ранѣ Ник. Ник. Раевскаго ср. съ болѣе подробнымъ другимъ разсказомъ нашего поэта о томъ же въ Записной книжкѣ (т. II, стр. 329—331).

— (**Стр. 237**). Объ И. А. Петинѣ см. т. II, стр. 190—202 и 476—477.

— (**Стр. 237**). „И Русскій..." и пр.—стихъ изъ „Дмитрія Донскаго" Озерова, д. V, яв. 2-е (разсказъ стараго боярина о Куликовской битвѣ).

— (**Стр. 237**). „Ce sont là jeux de prince"—полустишіе изъ басни Лафонтена „Le jardinier et son seigneur" (livre IV, fable 4), повторенное также въ стихотворной повѣсти Андріё „Le moulin de Sans-Souci".

— (**Стр. 239—240**). Въ связи съ интересомъ, который Батюшковъ почувствовалъ къ нѣмецкой литературѣ въ бытность свою въ Германіи (ср. также стр. 245), находятся его стихотворные переводы 1813—1814 гг. изъ Шиллера и Маттисона и указанія на Виланда въ одной изъ позднѣйшихъ прозаическихъ статей (т. II, стр. 151). О его нелюбви къ Шиллеру въ ранніе годы см. въ этомъ томѣ стр. 8 и примѣч., стр. 599.

— (**Стр. 242—243**). Мнѣніе Батюшкова о томъ, что ничтожные успѣхи русской словесности не соотвѣтствуютъ блестящимъ успѣхамъ русскаго оружія, любопытно сравнить съ замѣчаніями, которыя были высказаны Карамзинымъ по поводу рѣчи Гнѣдича о причинахъ, замедляющихъ развитіе нашей словесности (см. въ т. II стр. 425—426).

— (**Стр. 243**). Приведенный стихъ составляетъ переводъ 26-го стиха изъ 1-й сатиры II-й книги Горація.

CXXIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 10-го ноября 1813 г. Веймаръ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова. Отрывокъ изъ этого письма напечатанъ въ статьѣ Н. О. Бунакова: „К. Н. Батюшковъ" (Москвитянинъ 1855 г. № 23 и 24, стр. 105).

CXXIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 16-го—28-го января. У крѣпости Бефора деревня Fontaine. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 532—534. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 248**). Стихъ взятъ изъ посланія Державину къ В. В. Капнисту, 1797 г. (Соч., 1-е акад. изд., т. II, стр. 107).

CXXV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 27-го марта 1814. Juissi-sur-Seine, въ окрестностяхъ Парижа. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 534—538. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 249**). Петръ Ал. Оленинъ, по выздоровленіи отъ раны, возвратился къ службѣ и нагналъ русскую армію уже въ предѣлахъ Франціи.

— (**Стр. 250**). Описаніе поѣздки въ Сирей въ этомъ письмѣ можетъ быть разсматриваемо какъ канва, по которой отдѣлано Батюшковымъ другое описаніе той же поѣздки для печати (т. II, стр. 61—72).

— (**Стр. 255**). Стихъ принадлежитъ В. Л. Пушкину и взятъ изъ „Опаснаго Сосѣда“.

CXXVI. **Д. В. ДАШКОВУ.** Парижъ, 25-го апрѣля 1814 г. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1456—1463 въ полномъ видѣ со списка, найденнаго В. С. Порошинымъ въ бумагахъ А. И. Тургенева. Съ сокращеніями было напечатано: 1) въ Памятникѣ отечественныхъ музъ на 1827 г., стр. 24—36; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 296—304; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., ч. I, стр. 320—329.

— (**Стр. 258**). Beauvilliers—содержатель извѣстнаго въ Парижѣ ресторана. „Beauvilliers, établi vers 1782, fut le premier qui eut un salon élégant, des garçons bien mis, un caveau soigné et une cuisine supérieure. Sa renommée ne fit qu'augmenter sous le Directoire, avec sa fortune. Il composa un gros ouvrage intitulé: „L'art du cuisinier“, qui porte le cachet d'un vrai practicien“ (P. Lacroix. Directoire, Consulat et Empire. P. 1884, p. 148).

— (**Стр. 258**). Брюне (Jean-Joseph Mira dit Brunet, род. въ въ 1766 г., ум. въ 1851)—комическій актеръ того времени, но столь же извѣстный въ своемъ родѣ, какъ Тальма (род. въ 1763 г., ум. въ 1826) въ трагедіи; Брюне игралъ на театрѣ Variétés.

— (**Стр. 259**). Объ А. А. Палицынѣ см. въ т. I, въ примѣчаніяхъ къ „Пѣвцу въ бесѣдѣ славянороссовъ“, гдѣ онъ и названъ „грозой чтецовъ“.

— (**Стр. 259—260**). Дидо — извѣстная книгопродавческая фирма въ Парижѣ, во главѣ которой въ 1814 г. стоялъ Pierre-François Didot le jeune, сынъ основателя этой фирмы. Его отецъ, François-Ambroise Didot l'aîné, издалъ басни

Лафонтена въ 1802 г., въ двухъ томахъ въ листъ, а сочиненія Расина — въ трехъ томахъ, тоже въ листъ, съ 1801 г. по 1803.

— (Стр. 260). Второй классъ Французскаго института, по преобразованіи сего послѣдняго первымъ консуломъ въ 1803 г., соотвѣтствовалъ приблизительно, но не вполнѣ, прежней Французской академіи; но закономъ 1803 г. второму классу возвращено было это старинное названіе, и сами члены возобновленной такимъ образомъ Французской академіи прилагали значительныя старанія къ тому, чтобы возстановить ея былыя преданія: число членовъ было опредѣлено прежнее — сорокъ; при вступленіи каждаго вновь избраннаго члена онъ долженъ былъ по старому обычаю произнести похвальное слово своему предшественнику, а очередной директоръ (предсѣдатель) академіи обязанъ былъ сказать привѣтствіе новому сочлену. Съ 1807 г. Французская академія стала собираться въ помѣщеніи такъ-называемаго palais Mazarin, въ той самой залѣ, которую описываетъ Батюшковъ. Любопытно отмѣтить, на кого именно изъ членовъ академіи, какъ присутствовавшихъ въ засѣданіи, такъ и отсутствовавшихъ, нашъ поэтъ обратилъ вниманіе. Изъ членовъ, имъ названныхъ, только двое принадлежали къ составу старой академіи дореволюціоннаго времени — критикъ Ж.-Б. Сюаръ (род. въ 1734 г., ум. въ 1817), бывшій съ 1803 г. непремѣннымъ секретаремъ академіи, и стихотворецъ „въ легкомъ родѣ“ Ст. Буфлеръ (род. въ 1737 г., ум. въ 1815); затѣмъ извѣстный наставникъ глухонѣмыхъ аббатъ Сикаръ (род. въ 1742 г., ум. въ 1822), плодовитый писатель гр. Сегюръ (род. въ 1753 г., ум. въ 1832), французскій посланникъ въ Россіи въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка и при Наполеонѣ оберъ-церемоніймейстеръ его двора, и Фонтань (род. въ 1761 г., ум. въ 1821), даровитый поэтъ и ораторъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Наполеонова времени, вступили во Французскую академію въ 1803 г., при новомъ образованіи втораго класса Института: наконецъ, остальные — столь любимый Батюшковымъ поэтъ Парни, историкъ и политическій писатель Лакретель (род. въ 1751 г., ум. въ 1824 г.), драматургъ Этьенъ (род. въ 1775 г., ум. въ 1845) и Пикаръ (род. въ 1769 г., ум. въ 1828) и знаменитый Шатобріанъ были избраны членами академіи въ періодъ съ 1803 по 1811 г., при чемъ однако Шатобріанъ не былъ допущенъ къ произнесенію приготовленной имъ рѣчи, содержавшей въ себѣ намеки въ духѣ роялизма (подробности этого дѣла см. у Сентъ-Бёва, Chateaubriand et son groupe, t. II, и у П. Менара, Histoire de l'Académie francaise. P. 1857), и слѣдовательно, еще не могъ засѣдать въ ряду академиковъ. Его упоминаемое Батюшковымъ „послѣднее сочиненіе“ есть извѣстная брошюра „De Buonaparte, des Bourbons et de la necessité de se rallier à nos princes legitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe“, изданная по вступленіи союзныхъ армій въ Парижъ. Въ торжественномъ засѣданіи академіи, описанномъ Батюшковымъ, присутствовали императоръ Александръ и король Прусскій, со своею свитой, и предъ лицомъ ихъ молодой въ ту пору Вильменъ, еще не членъ академіи, но лавреатъ ея, прочелъ отрывки изъ своего разсужденія о критикѣ („Discours sur la Critique“), только что увѣнчаннаго академическою преміей Изъ Русскихъ, бывшихъ въ Парижѣ въ 1814 г., никто, кромѣ нашего поэта, не описалъ этого достопамятнаго засѣданія академіи.

— (**Стр. 262**). Слова Батюшкова о статуѣ Аполлона повторены Пушкинымъ въ стихотвореніи „Чернь“:

Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!...

„Чернь“ написана въ 1828 г., а письмо Батюшкова къ Дашкову было напечатано впервые въ 1827 году.

— (**Стр. 263**). „Я лучшимъ возвращаюсь“ — передѣлка стиха Дмитріева изъ его посланія къ Г. Р. Державину на случай кончины первой супруги его.

— (**Стр. 263**). Дюшенуа (Cathérine-Joséphine Duchesnois, род. въ 1780 г., ум. въ 1835), трагическая актриса, соперница г-жи Жоржъ.

— (**Стр. 264**). Иванъ Ивановичъ — Дмитріевъ.

CXXVII. **ОТЦУ.** (Апрѣль — май 1814 г. Парижъ). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 539. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

CXXVIII. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** 3-го мая 1814 г. Парижъ. Подлинникъ у В. К. Вульферта.

— (**Стр. 267**). Анна Львовна Пушкина (ум. въ 1824 г.), сестра Василья и Сергѣя Львовичей, старая дѣвица. Ея знаменитый племянникъ посвятилъ ей нѣсколько шутливыхъ стиховъ.

— (**Стр. 267**). Замѣчаніе Батюшкова о превратностяхъ 1814 г., который своими чудесными событіями „возвратилъ на путь истинный многихъ и многихъ людей“, очевидно, составляетъ намекъ на А. Мих. Пушкина.

— (**Стр. 268**). Александръ Семеновичъ Крюковъ — вице-губернаторъ Нижегородскій въ 1812 г., а позже губернаторъ въ Тамбовѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ; по словамъ кн. И. М. Долгорукова (Путешествіе въ Нижній въ 1813 г., стр. 98), „человѣкъ скромный, добрый и свѣтскаго обращенія“.

— (**Стр. 268**). В. Л. Пушкинъ, пріѣхавъ въ сентябрѣ 1812 г. въ Нижній-Новгородъ, написалъ къ его жителямъ посланіе (Сынъ Отечества 1815 г., ч. 84, № 22), въ которомъ между прочимъ говоритъ:

Чадъ, братій нашихъ кровь дымится,
И стонетъ съ ужасомъ земля,
А врагъ коварный веселится
На стѣнахъ древняго Кремля.

По словамъ кн. Вяземскаго, Ив. Пв. Дмитріевъ „говорилъ, что эти стихи напоминаютъ ему колодника, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 243).

CXXIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 17-го мая 1814 г. Парижъ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 540. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

CXXX. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 17-го мая 1814 г. Парижъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1866 г., стр. 859—863, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу, княземъ П. А. Вяземскимъ.

— (**Стр. 273**). Кн. Вяземскій, печатая это письмо въ Р. Архивѣ, присоединилъ къ упоминанію Батюшкова о своихъ парижскихъ запискахъ, слѣдующее замѣчаніе: „Записокъ этихъ не имѣю и никогда не видалъ. Не помню даже, чтобы послѣ, при свиданіи нашемъ, Батюшковъ мнѣ о нихъ говорилъ“.

CXXX (bis). **Д. П. СѢВЕРИНУ.** 19-го іюня 1814 г. Готенбургъ. Подлинникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Напечатано съ пропусками: 3) въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1827 г., стр. 30—48; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., т. I, стр. 305—317; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I. стр. 330—343. Нѣкоторые пропуски этихъ изданій были возстановлены въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1875 годъ, стр. 100.

— (**Стр. 280—281**). Италіянскіе стихи взяты изъ Тассова Gerusalemme liberata, пѣснь XV-я, строфа 24-я.

— (**Стр. 283**). Письмо заключается стихомъ Вольтера, о которомъ см. выше стр. 680.

CXXXI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 17-го іюля (1814 г.) Петербургъ. Подлинникъ у П. И. Батюшкова.

— (**Стр. 284**). Батюшковъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ іюля 1814 г., вмѣстѣ съ Д. П. Бутковымъ, который возвращался изъ Стокгольма (см. въ этомъ же томѣ стр. 303).

CXXXII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 27-го іюля 1814 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. И. Батюшкова.

— (Стр. 286). Даниловское—село, гдѣ жилъ отецъ Константина Николаевича. Анна Львовна—Батюшкова, тетка поэта, сестра его отца.

CXXXIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Августъ 1814 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (Стр. 289). Современное описаніе праздника, происходившаго въ Павловскѣ 27-го іюля 1814 г., по случаю прибытія императора Александра, находится въ Сѣверной Почтѣ 1814 г., № 61, и въ Русскомъ Инвалидѣ того же года, № 63. Разсказы очевидцевъ и частью участниковъ собраны въ книгѣ: Павловскъ. 1777—1877. С.-Пб. 1877, стр. 168—181. Праздникъ происходилъ въ Розовомъ павильонѣ. Противъ передняго и двухъ боковыхъ фасовъ павильона небольшія лужайки въ саду были обращены въ театральныя сцены, на которыхъ служили кулисами искусно расположенные кусты зелени и цвѣтовъ, а противъ задняго фасада, на широкой полянѣ, стояла написанная извѣстнымъ Гонзаго декорація, изображавшая, въ натуральную величину, усадьбу съ господскимъ домомъ въ глубинѣ и крестьянскими избами по сторонамъ. Когда императоръ Александръ, вмѣстѣ съ императрицей Маріей, прибылъ къ Розовому павильону, то былъ привѣтствованъ двумя торжественными хорами, а затѣмъ противъ четырехъ фасовъ павильона артистами русской оперной труппы, воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища была представлена интермедія, въ четырехъ сценахъ. Въ первой сценѣ дѣти играли, плясали, бросали цвѣты и радовались скорому возвращенію своихъ отцовъ и императора Александра; во второй—юноши занимались различными работами, которыя хотѣли поднести Царю-побѣдителю; въ третьей—жены воиновъ благославляли примирителя Европы и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что скоро увидятъ мужей своихъ послѣ великихъ подвиговъ, въ четвертой—отцы и матери возсылали молитвы за монарха и за своихъ дѣтей-воиновъ и благодарили Бога за то, что онъ привелъ ихъ видѣть эти славные дни. Праздникъ заключился кантатой, исполненною пѣвцомъ В. М. Самойловымъ. Нѣсколько литераторовъ и композиторовъ были приглашены Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, который завѣдывалъ устройствомъ празднества, къ сочиненію текста и музыки исполненныхъ піесъ. Сочиненіе интермедіи было поручено нашему поэту. „Меня было нарядили дѣлать куплеты и нѣсколько рѣчей“, писалъ Нелединскій кн. П. А. Вяземскому.—„Это мнѣ была большая забота и по старости моей, и по душевному расположенію; но къ счастію, подъѣхалъ сюда Конст. Николаевичъ Батюшковъ; я ему въ ноги! И онъ имѣлъ снисхожденіе меня отъ этого труда избавить“ (Р. Архивъ 1866 г., ст. 886). То же повторялъ Нелединскій и въ письмѣ къ своей дочери, отъ 19-го іюля 1814 года: „La prose et les vers de ces scènes ont été composés par m-r Batuchkof qui, heureusement pour moi, est arrivé ici à point nommé pour cela. Je suis fâché de ne pouvoir vous les envoyer. Le seul exemplaire qui existe est entre les mains des acteurs“ (Хроника недавней старины. Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. С.-Пб. 1876, стр. 209). Къ сожалѣнію, составленный Батюшковымъ текстъ интермедіи не сохранился.

— (**Стр. 290**). Ѳедоръ Семеновичъ Уваровъ (ум. въ 1845 г.) былъ женатъ на Маріѣ Сергѣевнѣ Луниной.

CXXXIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 21-го сентября 1814 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXXXV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 4-го октября (1814 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова. Почтовый штемпель: 8 октября 1814 г. С.-Петербургъ.

— (**Стр. 294**). О графинѣ М. И. Ожаровской, см. выше стр. 634.

— (**Стр. 294**). Сушковъ—вѣроятно, Николай Васильевичъ, извѣстный впослѣдствіи литераторъ (род. въ 1796 г., ум. въ 1871 г.).

CXXXVI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 13-го октября 1814 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXXXVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Конецъ октября—начало ноября 1814 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXXXVIII. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Октябрь—ноябрь 1814 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 351—353, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи".

— (**Стр. 299—302**). Все это письмо посвящено замѣчаніямъ на посланіе Жуковскаго „Къ императору Александру". А. И. Тургеневъ, очевидно, сообщилъ письмо послѣднему, и авторъ посланія воспользовался почти всѣми указаніями своего пріятеля.

CXXXIX. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** 3-го ноября (1814 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 349—351, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи". Въ 1867 г., въ томъ же изданіи, ст. 1467—1471, это же письмо было напечатано съ копіи, найденной въ бумагахъ А. И. Тургенева В. С. Порошинымъ.

— (**Стр. 303**). Съ шутливымъ замѣчаніемъ А. Ѳ. Воейкова о Батюшковѣ любопытно сравнить замѣчаніе Шатобріана о Парни, котораго авторъ „Аталы" зналъ довольно коротко: „Parny ne sentait point son auteur; je n'ai point connu d'écrivain qui fût plus semblable à ses ouvrages: poète et créole, il

ne lui fallait que le ciel de l'Inde, une fontaine, un palmier et une femme" (Sainte-Beuve. Portraits contemporains, t. III, p. 123).

— (Стр. 304—306). О работахъ Жуковскаго по приготовленію сочиненій М. Н. Муравьева къ печати, см. въ этомъ томѣ стр. 179, 316, 346, 357—358 и 634 и въ т. II стр. 422. Тутъ же и объ участіи Батюшкова въ изданіи „Эмиліевыхъ писемъ", выпущенномъ въ Петербургѣ въ 1814 г. Подъ звѣздочками на стр. 305 должно разумѣть кн. П. А. Вяземскаго. Звѣздочки эти были поставлены при первомъ изданіи этого письма въ Р. Архивѣ 1875 г., и мы сохранили ихъ потому, что не имѣли случая видѣть подлинникъ письма. По поводу этихъ звѣздочекъ кн. Вяземскій писалъ П. И. Бартеневу слѣдующее: „Сначала онѣ... меня немножко интриговали. Но скоро могъ я сказать: je te reconnais, или: je me reconnais, beau masque. Еслибы вы снеслись со мною заблаговременно, я уполномочилъ бы васъ выдать меня публикѣ живьемъ и en toutes lettres.... Но я вовсе не помню, къ чему относится жалоба и укоризна Батюшкова. Вѣроятно, недовольный Жуковскимъ за медлительное распоряженіе рукописями Михаила Никитича Муравьева, обратилъ онъ гнѣвъ и на меня по тому же поводу. Догадка его понятна и приноситъ честь ему. Онъ дорожилъ именемъ и памятью Муравьева. Муравьевъ былъ родственникъ ему, пекся о воспитаніи его; какъ человѣкъ, какъ государственный дѣятель, онъ былъ чистая, возвышенная личность; какъ писатель, оставилъ онъ по себѣ труды, если не блестящіе, то пріятные и добросовѣстные, пропитанные любовью къ Россіи, къ наукѣ и чувствами высокой нравственности. Сочувствіе и благодарность связывали Батюшкова съ Муравьевымъ. Очень понятно, что онъ признавалъ себя въ правѣ сердиться на друзей своихъ, когда относились они небрежно къ памяти, ему дорогой и милой" (Р. Архивъ 1876 г. кн. I, стр. 251; ср. соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 409—410).

— (Стр. 306). „Письма къ молодому человѣку о предметахъ, касающихся исторіи и описанія Россіи" см. т. II Сочиненій М. Н. Муравьева, изд. 1819 г.

CXL. **Г-жѣ ПЕТИНОЙ.** 13-го ноября 1814 г. (Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., стр. 1357—1360, съ копіи, найденной въ бумагахъ А. И. Тургенева В. С. Поротинымъ.

— (Стр. 351). Объ И. А. Петинѣ см. въ т. II, стр. 190—92, 476—477.

CXLI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 29-го января 1815 г. (Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CXLII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ** (февраль 1815 г. Деревня). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., стр. 1472—1473, съ подлинника, полученнаго П. И. Бартеневымъ отъ М. Л. Бибикова.

— (**Стр. 310—311**). Упоминаемые въ этомъ письмѣ: братъ — Никита Мих. Муравьевъ, Николай Ивановичъ—Гнѣдичъ, Саша — Александръ Михайловичъ Муравьевъ (род. въ 1803 г., ум. въ 1852), второй сынъ М. Н. и Е. Ѳ. Муравьевыхъ.

CXLIII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ**. (Первая половина 1815 г. Деревня). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 358 съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи", при чемъ издатель не могъ опредѣлить ни автора этого письма, ни того лица, къ которому оно адресовано. Имена обоихъ этихъ лицъ указаны кн. П. А. Вяземскимъ въ Р. Архивѣ 1876 г., кн. I, стр. 250—251 (ср. Соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 409—410).

— (**Стр. 311—313**). Все письмо посвящено разбору стихотворенія кн. Вяземскаго „Къ подругѣ" (Соч., т. III, стр. 95—100); Вяземскій воспользовался почти всѣми указаніями Батюшкова.

CXLIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 3-го мая (1815 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 21—22. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 314**). Иванъ Васильевичъ Тутолминъ былъ въ 1815 г. почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта и членомъ государственнаго совѣта.

CXLV. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ**. 21-го мая 1815 г. (Деревня). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1473—1474 съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 316**). И. И. Мартыновъ былъ въ то время директоромъ департамента народнаго просвѣщенія.

— (**Стр. 316**). Михаилъ Дмитріевичъ Костогоровъ былъ питомцемъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона въ концѣ прошлаго вѣка и состоялъ членомъ литературнаго общества, основаннаго юношей-Жуковскимъ при пансіонѣ (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. V, стр. 550); впослѣдствіи служилъ онъ по учебной части. Нѣсколько литературныхъ опытовъ Костогорова было помѣщено въ московскихъ журналахъ Пріятное и полезное препровожденіе времени (1798 г.), Нпокрена (1799 г.), И отдыхъ въ пользу (1804 г.) и Утренняя Заря (1800—1808 г.); кромѣ того, онъ перевелъ два слѣдующія сочиненія: 1) Наука сдѣлаться доброю дѣвицею, доброю супругою, матерью и хозяйкою. Соч. Эвальда. Съ нѣм. 4 части. М. 1804; 2) Разсѣянные, комедія, съ нѣм. С.-Пб. 1810 и М. 1819, и участвовалъ въ изданіи Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ. С.-Пб. 1815—1817 (см. въ этомъ томѣ стр. 345 и Библіогр. Записки 1859 г., ст. 424).

CXLVI. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ**. 6-го іюня 1815 г. (Деревня). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1474—1475, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (Стр. 317). Князь Волконскій, Петръ Михайловичъ, въ то время генералъ-квартирмейстеръ и начальникъ главнаго штаба Его Величества (род. въ 1776 г., ум. въ 1852).

CXLVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Первая половина іюня 1815 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 22—23. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 319). Въ маѣ 1815 г. Жуковскій, жившій въ то время въ Дерптѣ съ семействомъ Протасовыхъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ и былъ представленъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, но вообще пробылъ въ Петербургѣ недолго и опять уѣхалъ въ Дерптъ (Зейдлицъ, стр. 77).

— (Стр. 319). Объ успѣхѣ „Ифигеніи въ Авлидѣ“ М. Е. Лобанова см. выше стр. 660.

CXLVIII. **М. Е. ЛОБАНОВУ.** (Іюнь 1815 г. Деревня). Подлинникъ у П. Я. Дашкова.

CXLIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 10-го іюля (1815 г.). Каменецъ-Подольскъ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 23—24. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 331). Стихъ принадлежитъ самому Батюшкову и взятъ изъ сказки „Странствователь и домосѣдъ“ (т. I, стр. 212, стихъ 164-й).

— (Стр. 331). Давыдовъ—Левъ Васильевичъ.

CL. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 13-го іюля 1815 г. Каменецъ-Подольскъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1475—1476, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (Стр. 333). Петръ Михайловичъ—Дружининъ (см. о немъ выше, стр. 643—644).

CLI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Іюль—августъ 1815 г.). Каменецъ-Подольскъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 1-е августа 1815 г. (Каменецъ-Подольскъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1476—1477, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CLIII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** Августъ 1815 г. Каменецъ. Подлинникъ у А. Ѳ. Бычкова.

— (**Стр. 337**). Князь Дм. Ив. Лобановъ-Ростовскій (род. въ 1758 г., ум. въ 1838) командовалъ въ 1815 г. резервною арміей, которую вывелъ изъ герцогства Варшавскаго, и вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта.

— (**Стр. 337**). Графъ Карлъ Францовичъ де-Сенъ-При (Armand-Charles-Emmanuel de Saint-Priest, род. въ 1782 г., ум. въ 1863) служилъ въ Россіи сперва въ военной, а потомъ въ гражданской службѣ, при чемъ въ 1815 г. былъ губернаторомъ въ Каменцѣ. Въ 1821 г. наслѣдовалъ отъ отца титулъ пера и переселился во Францію, гдѣ и умеръ. Графъ К. Ф. де-Сенъ-При былъ женатъ на княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ Голицыной. Свѣдѣнія о немъ въ книгѣ кн. П. М. Долгорукаго: „Славны бубны за горами“, въ письмахъ М. А. Волковой и у Л. Пенго: „Les Français en Russie et les Russes en France“.

CLIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 11-го августа 1815 г. Каменецъ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 25. Подлинникъ у М. П. Семевскаго.

— (**Стр. 339**). „Сказка“ Батюшкова—„Странствователь и домосѣдъ“, которая однако не появлялась въ Сынѣ Отечества.

— (**Стр. 339**). Росписи — петербургскій книгопродавецъ.

— (**Стр. 339**). Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (род. въ 1788 г., ум. въ 1880) напечаталъ въ 1815—1816 гг., въ Москвѣ, въ 8 частяхъ, „Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи; съ подробнымъ описаніемъ похода Россіянъ, противъ Французовъ въ 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны съ 1812 по 1815 годъ, съ присовокупленіемъ замѣчаній и разсужденій во время поѣздки въ нѣкоторыя отечественныя губерніи“. Подъ этимъ сочиненіемъ должно разумѣть не только „Письма“, но и то „Путешествіе“ Глинки, о которомъ говоритъ Батюшковъ. Въ VI-й части „Писемъ“, стр. 36, подъ первыми числами августа 1813 г., Ѳ. Н. Глинка упоминаетъ о томъ, что въ Варшавѣ онъ былъ „весьма обрадованъ нечаяннымъ свиданіемъ съ К. Н. Батюшковымъ, который ѣдетъ въ армію“. Глинка въ это время возвращался изъ дѣйствующей арміи въ Россію.

CLV. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 11-го августа 1815 г. Каменецъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1477—1481, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ. Къ письму были приложены стихотворенія: „Разлука“ и „Мой геній“ (т. I, стр. 223—224 и 230); въ нихъ, какъ и въ самомъ письмѣ поэта, говорится объ отношеніяхъ его къ А. Ѳ. Фурманъ.

CLVI. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** Августа, числа не знаю (1815 г.). Каменецъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, ст. 353—355, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи".

— (**Стр. 345**). „Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ" было изданіемъ не одного А. Ѳ. Воейкова, но также А. И. Тургенева и В. А. Жуковскаго. Кромѣ того, въ изданіи принимали участіе Д. А. Кавелинъ, въ вѣдѣніи котораго находилась типографія медицинскаго департамента, гдѣ печаталось „Собраніе", и М. Д. Костогоровъ, завѣдывавшій корректурой; есть сверхъ того указаніе (въ письмѣ А. Е. Измайлова къ Н. Ѳ. Грамматину, отъ 16-го ноября 1816 г.—Библіогр. Записки 1859 г., ст. 423), что, по просьбѣ Кавелина и Костогорова, за отсутствіемъ Воейкова и Жуковскаго, въ выборѣ піесъ участвовали Д. В. Дашковъ и К. Н. Батюшковъ. Участіе нашего поэта можетъ быть дѣйствительно подтверждено его собственными указаніями (въ этомъ томѣ стр. 345 и 359) и пріурочивается къ исходу 1814 г. и январю 1815. Въ VI-й части „Собранія образцовыхъ р. сочиненій и переводовъ въ прозѣ", вышедшей уже въ 1817 г., помѣщена только одна статья Батюшкова—„Картина Финляндіи". Заговоривъ о Воейковѣ, нашъ поэтъ кстати припомнилъ стихи, въ которыхъ изображалъ его Воейковъ въ своемъ „Домѣ сумасшедшихъ" (Р. Старина 1874 г., т. IX, стр. 592):

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ виситъ
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ онъ сладкогласно:
„Тихъ спокоенъ сверху видъ,
„Но спустись на дно .... Ужасный
„Крокодилъ на немъ лежитъ".

Три послѣдніе стиха составляютъ пародію 12-й строфы стихотворенія Батюшкова „Счастливецъ" (т. I, стр. 124). Въ объясненіе стиховъ Воейкова нужно припомнить еще слѣдующія слова кн. Вяземскаго: „Батюшкова, между собою, мы прозвали попенькою, потому что въ лицѣ его, а особенно въ носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейковъ, въ „Домѣ сумасшедшихъ" посадилъ его въ клѣтку" (Р. Архивъ 1866 г., ст. 490).

— (**Стр. 346**). О В. Н. Олинѣ см. примѣчаніе къ письму № CLXXXVII.

— (**Стр. 346**). Николай Михайловичъ Шатровъ (род. въ 1765 г., ум. въ 1841 г.), московскій стихотворецъ изъ группы литераторовъ, враждебной Карамзину. Онъ печаталъ свои произведенія въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, Русскомъ Вѣстникѣ и Сынѣ Отечества. Начиная съ 1801 г., имъ издано много стихотвореній отдѣльными брошюрами, а въ 1831 году Россійская академія напечатала собраніе его стихотвореній. Любопытныя свѣдѣнія о Шатровѣ сообщены С. Т. Аксаковымъ (Разныя сочиненія, стр. 9 — 30) и М. А.

Дмитріевымъ (Мелочи, стр. 226—229); ср. также въ запискахъ С. Н. Глинки и въ Сочиненіяхъ кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 23.

— (Стр. 347). Христіанъ Ивановичъ Герке былъ извѣстный въ Москвѣ, въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, педагогъ. Онъ воспитывался въ Московскомъ университетѣ въ концѣ прошлаго столѣтія (Шевыревъ. Исторія Моск. университета, стр. 306) и впослѣдствіи былъ воспитателемъ Д. В. Веневитинова (Р. Архивъ 1867 г., ст. 1481; 1875 г., кн. III, стр. 355; 1882 г., кн. III, стр. 146). Въ собраніи сочиненій Веневитинова есть посланіе къ нему.

CLVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 29-го сентября 1815 г. Каменецъ-Подольскъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (Стр. 347). Штабъ-лѣкарь надворный совѣтникъ Иванъ Петровичъ Глазовъ состоялъ въ 1815 г. операторомъ при вологодской врачебной управѣ.

CLVIII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 7-го октября 1815 г. (Каменецъ-Подольскъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1482, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ. Начала, по видимому, не достаетъ.

CLIX. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 12-го октября 1815. (Каменецъ-Подольскъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLX. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 4-го ноября 1815 г. Каменецъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., 1482—1483, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CLXI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 19-го ноября (1815 г. Каменецъ-Подольскъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 12-го декабря (1815 г. Каменецъ-Подольскъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1483—1484, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (Стр. 355). Флигель-адъютантъ Киселевъ—Павелъ Дмитріевичъ, впослѣдствіи графъ.

CLXIII. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** (Средина декабря 1815 г.). Каменецъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, ст. 355—358, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи“.

— (**Стр. 357**). Жуковскій собирался совершить путешествіе въ Кіевъ и Крымъ въ 1816 г., въ виду задуманной имъ поэмы „Владиміръ“ (Соч. Жук., изд. 7-е, т. VI, стр. 397). И путешествіе, и поэма остались въ одномъ проектѣ.

— (**Стр. 358**). О бурѣ, поднятой въ литературныхъ кружкахъ „Липецкими водами“ кн. Шаховскаго, и о „Письмѣ къ новѣйшему Аристофану“, написанномъ по случаю этой піесы Д. В. Дашковымъ, см. т. II, стр. 402, и Воспоминанія Вигеля, ч. IV, стр. 165—166. Карамзинъ писалъ по этому случаю А. И. Тургеневу, 29-го октября 1815 г.: „Эпиграммы сыплятся на кн. Шаховскаго; даже и московскіе пріятели нашихъ пріятелей острятъ на него перья. Василій Пушкинъ только что не въ конвульсіяхъ; въ здѣшнемъ свѣтѣ все воюетъ: и Наполеоны, и Шаховскіе у насъ и вездѣ любятъ брань. Пусть Жуковскій отвѣчаетъ только новыми прекрасными стихами; Шаховской за нимъ не угонится“ (Москвитянинъ 1855 г., № 1, стр. 100—101). Самъ Жуковскій, въ октябрѣ 1815 г., писалъ по поводу этихъ литературныхъ распрей къ своимъ роднымъ слѣдующее: „Друзья за меня вступились. Дашковъ напечаталъ жестокое письмо къ новому Аристофану; Блудовъ написалъ презабавную сатиру, а Вяземскому сдѣлался поносъ эпиграммами. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу; да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали—городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты при шумѣ парнасской бури. Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою“ (Р. Архивъ 1864 г., стр. 459—460). Кн. Вяземскій написалъ по поводу „Липецкихъ водъ“ рядъ эпиграммъ, собраніе которыхъ озаглавлено „Поэтическій вѣнокъ Шутовскаго“ (Соч., т. III), а Д. И. Блудовъ—сатиру „Видѣніе въ какой-то оградѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей“. Сатира эта послужила поводомъ къ образованію дружескаго литературнаго общества Арзамасъ, о которомъ и упоминаетъ Батюшковъ, и въ которое онъ былъ принятъ членомъ заглазно, подъ именемъ Ахилла.

— (**Стр. 359**). Изъ перечисленныхъ Батюшковымъ прозаическихъ статей одна—„Искательный—характеръ“ не была напечатана и въ рукописи не сохранилась (см. о ней еще въ этомъ томѣ стр. 410). Какъ уже сказано выше (стр. 718), въ „Собраніи образцовыхъ сочиненій“ была помѣщена только „Картина Финляндіи“ Батюшкова.

— (**Стр. 359**). Старшій братъ гр. К. Ф. де-Сенъ-При, гр. Эммануилъ Францовичъ, родившійся въ 1784 г., былъ генераломъ въ русской службѣ и, получивъ тяжелую рану подъ стѣнами Реймса въ 1814 г., умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ того. См. о немъ: L. Pingaud. Les Français en Russie, p. 393—396; Михайловскій-Данилевскій. Имп. Александръ и его сподвижники, т. I.

— (**Стр. 360**). „Абуфаръ“—трагедія кн. Шаховскаго, представленная въ Петербургѣ 3-го ноября 1816 г. (Араповъ. Лѣтопись р. театра, стр. 243).

Въ томъ, что Батюшковъ называетъ Шаховскаго „родителемъ“ этой піесы, П. И. Бартеневъ (Р. Арх. 1875 г., кн. III, стр. 358) видитъ намекъ на слова кантаты Дашкова на Шаховскаго:

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ;
Онъ маленькихъ ежатъ родитель
И имъ не радъ.

„Ежата“ напоминаютъ здѣсь о подругѣ кн. Шаховскаго, актрисѣ Ек. Ив. Ежовой; но Батюшковъ, находясь въ серединѣ декабря 1815 г. въ Каменцѣ, едва ли могъ знать непечатныя литературныя шалости своихъ петербургскихъ пріятелей. Ни „Абуфаръ“, ни упоминаемая далѣе поэма Шаховскаго „Гаральдъ Смѣлый“ напечатаны не были.

CLXIV. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 17-го декабря 1815 г. (Каменецъ-Подольскъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1484—1486, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 361**). Братъ — Н. М. Муравьевъ, дядюшка — П. Л. Батюшковъ.

— (**Стр. 361**). „Vous voulez“ и пр.—намекъ на стихъ Буало въ сатирѣ IX-й по поводу Корнелева „Сида“, который, при первомъ своемъ появленіи вызвалъ общій восторгъ парижской публики вопреки желанію кардинала Ришельё:

Tout Paris pour Chimène a les yeux de Rodrigue.

CLXV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 23-го декабря 1815 г. (Каменецъ-Подольскъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 363**). Въ 1815 г. вологодскимъ губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Баршъ.

CLXVI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 26-го декабря 1815 г. Каменецъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 7-го января 1816 г. Москва. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXVIII. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Первая половина января 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1486—1487, съ копіи, доставленной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (**Стр. 367**). Николай Мартьяновичъ Сипягинъ (род. въ 1785 г., ум. въ 1828)—извѣстный генералъ Александровскаго времени, человѣкъ хорошо образованный и любитель литературы. Въ компаніяхъ 1813 и 1814 гг. онъ былъ начальникомъ штаба у Милорадовича, а съ 1815 по 1819 г. состоялъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса; при немъ были учреждены библіотека и типографія гвардейскаго штаба и ланкастерскія школы въ гвардейскихъ полкахъ; образованное по его мысли общество любителей военныхъ наукъ издавало съ 1817 по 1819 г. Военный журналъ, гдѣ и самъ Сипягинъ помѣстилъ статью о военныхъ дѣйствіяхъ въ первую половину 1813 г. (см. о немъ „Императоръ Александръ и его сподвижники“, т. III).

— (**Стр. 367**). Даниловскій — извѣстный военный историкъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Даниловскій (род. въ 1789 г., ум. въ 1848); въ 1815 г. онъ состоялъ по квартирмейстерской части.

— (**Стр. 367**). „Для дружбы—все, что въ мірѣ есть“—стихъ Жуковскаго изъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“.

— (**Стр. 367**). Карамзинъ уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ января 1816 г. Письма его къ Е. А. Карамзиной объ этой поѣздкѣ напечатаны въ „Неизданныхъ сочиненіяхъ“, ч. I (С.-Пб. 1867).

CLXIX. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 20-го января 1816 г. Москва. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1487—1489, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 368**). Петръ Ивановичъ—Полетика (род. въ 1778 г., ум. въ 1849) получилъ образованіе въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ находился съ 1782 по 1796 г., и выпущенъ поручикомъ въ свиту государя по квартирмейстерской части. Въ 1798 году онъ перешелъ въ гражданское вѣдомство и поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Впослѣдствіи, служа по дипломатической части, онъ занималъ различныя должности при Стокгольмской, Неаполитанской, Мадритской и Лондонской миссіяхъ. Во время наполеоновскихъ войнъ Полетика сопровождалъ русскую армію, состоя при Барклаѣ-де-Толли, затѣмъ принималъ участіе въ Ахенскомъ и Веронскомъ конгрессахъ и, наконецъ, занималъ постъ представителя Россіи при Сѣверо-Американскихъ штатахъ, о которыхъ въ 1821 году и написалъ сочиненіе, оставшееся въ рукописи: „Aperçu de la situation intérieure des Etats-Unis de l'Amérique et de leurs rapports politiques avec l'Europe. Par un Russe“. Въ 1825 году Полетика былъ назначенъ сенаторомъ и поселился въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ. Полетика хотя не занимался русскою литературой, но находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Карамзина и былъ избранъ въ члены Арзамаса, получивъ прозвище „Очарованнаго Челна“ вслѣдствіе многолѣтнихъ странствованій своихъ по Европѣ и Америкѣ. Вигель, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (ч. V, стр. 40), характеризуетъ его слѣдующими чертами: „Онъ былъ собою не видѣнъ, но

умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣлали наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямодушія, онъ соединялъ ихъ съ тонкостію, свойственною людямъ его происхожденія и роду службы его; откровенность его, совсѣмъ не притворная, была однако же не безъ разчета; онъ такъ искусно, шутливо, необидно умѣлъ говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ улыбаться. Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда видѣнъ былъ въ немъ свѣдущій человѣкъ. Не зная вовсе свѣта, со всѣми былъ онъ обходителенъ, а никто не рѣшился бы забыться передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ и самъ ни къ кому не чувствовалъ ненависти; если же и чуждался запятнанныхъ людей, то старался и имъ не оказывать явнаго презрѣнія. Къ сожалѣнію моему, онъ одержимъ былъ сильною англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ ему однако же много забавнопочтенной оригинальности. Вообще я нахожу, что благоразумнѣе его никто еще не умѣлъ распорядиться жизнію; онъ умѣлъ сдѣлать ее полезною и пріятною, какъ для себя, такъ и для знакомыхъ". Полетика оставилъ записки, обнимающія собою періодъ времени съ 1778 по 1805 г. (Р. Архивъ 1885 г., кн. III). Кромѣ того, въ „Архивѣ князя Воронцова", кн. XX, помѣщены 11 писемъ его къ гр. С. Р. Воронцову за время съ 1812 по 1825 г.

Батюшковъ познакомился съ Полетикой, по всей вѣроятности, въ 1814 г. въ Лондонѣ, гдѣ въ то время находился и Д. П. Сѣверинъ, ихъ общій пріятель. „Лестная перспектива", о которой упоминаетъ нашъ поэтъ, заключалась въ возможномъ назначеніи Батюшкова адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу, о чемъ хлопоталъ Полетика, побуждаемый просьбами Сѣверина. (**В. С.**).

— (**Стр. 369**). Старая Пушкина—Наталья Абрамовна, мать Алексѣя Мих. Пушкина (см. о ней выше стр. 686).

CLXX. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 30-го января (1816 г. Москва). Подлинникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Письмо это, въ неполномъ видѣ, было напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1489.

— (**Стр. 369.**) Е. Ѳ. Муравьева не только видѣла Карамзина въ Петербургѣ, но и пригласила его жить у нея въ домѣ.

— (**Стр. 369**). Петръ Михайловичъ — Дружининъ.

CLXXI. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ** (февраль 1816 г., Москва). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 370**). Скюдери—извѣстный московскій врачъ—по словамъ Вигеля (Воспоминанія, ч. IV, стр. 60), „весьма хорошій и любезный человѣкъ"; онъ

былъ женатъ на дѣвицѣ Храповицкой и вслѣдствіе того вошелъ въ кругъ лучшаго московскаго общества. Ему посвящено нѣсколько воспоминаній въ „Записной книжкѣ“ кн. Вяземскаго (Соч., т. VIII, стр. 250—251).

— (**Стр. 371**). Толстой—графъ Ѳедоръ Ивановичъ (род. въ 1784 г., ум. въ 1846), прозванный Американцемъ, человѣкъ очень умный и даровитый, но сомнительныхъ нравственныхъ свойствъ, тотъ самый, о которомъ Грибоѣдовъ сказалъ:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ
И крѣпко на̀ руку не чистъ.

Онъ былъ пріятель съ В. Л. и А. М. Пушкиными и съ кн. П. А. Вяземскимъ, который оставилъ о немъ любопытныя воспоминанія въ своей „Записной книжкѣ“. Батюшковъ могъ познакомиться съ графомъ Толстымъ еще во время Шведской кампаніи 1808 г. (Липранди. Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, стр. 7).

— (**Стр. 371**). Меньшиковъ — по всей вѣроятности, князь Александръ Сергѣевичъ (род. въ 1789 г., ум. въ 1869); въ то время онъ былъ флигель-адъютантомъ императора Александра и былъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба (Морск. Сборникъ 1869 г., т. 102, стр. 3).

— (**Стр. 371**). Окуневъ — Григорій Александровичъ, ротмистръ кавалергардскаго полка, пріятель Д. В. Давыдова и кн. Вяземскаго; по словамъ Вяземскаго, „онъ писалъ французскіе стихи въ родѣ Колардо и Дората, которые читалъ съ большимъ восторгомъ и съ произношеніемъ нѣсколько гасконскимъ“ (Р. Арх. 1866 г., ст. 901; Соч. кн. Вяз., т. VIII, стр. 489).

— (**Стр. 371**). О С. М. Соковнинѣ см. примѣчаніе къ письму № CC.

— (**Стр. 371**). „La Gaule poétique ou l'histoire de la France considerée dans ses rapports avec la poésie, l'eloquence et les beaux-arts“ — сочиненіе Л. А. Маршанжи (Louis-Antoine de Marchangy, род. около 1780 г., ум. 1826 г.), изданное въ восьми частяхъ съ 1813 по 1817 г. По замѣчанію Мишьельса (Histoire des idées litteraires en France, t. II, chap. X), Маршанжи имѣлъ намѣреніе своею книгой сдѣлать для исторіи среднихъ вѣковъ то же, что̀ Шатобріанъ своимъ „Génie du christianisme“ сдѣлалъ для католичества, то-есть, показать поэтическія красоты національныхъ преданій Франціи. Маршанжи не лишенъ былъ и свѣдѣній, и воображенія, но онъ бѣденъ мыслью и притомъ представляетъ прошлое слишкомъ въ розовомъ цвѣтѣ. Изъ книги Маршанжи Батюшковъ заимствовалъ „Пѣснь Гаральда“ (т. I, стр. 238—239).

CLXXII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ** (февраль 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1489—1490, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 373**). Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ — извѣстный въ Москвѣ врачъ, профессоръ патологіи, терапіи и клиники въ Московскомъ университетѣ (род. въ 1772 г., ум. въ 1831). Онъ былъ вологодскій уроженецъ, учился сперва въ тамошней семинаріи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ пользовался покровительствомъ И. И. Фонъ-Визина, И. И. Тургенева и М. М. Хераскова и вошелъ въ кругъ московскихъ масоновъ. Въ 1802 г., при содѣйствіи М. Н. Муравьева, онъ былъ отправленъ на годъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, а по возвращеніи оттуда началъ преподаваніе въ университетѣ, гдѣ и оставался до самой смерти. Мудровъ былъ женатъ на дочери профессора Харитона Андр. Чеботарева, также масона (род. въ 1746 г., ум. въ 1815 г.), Софіи Харитоновнѣ. О ней есть небольшая замѣтка Жихарева (Записки современника. I. Дневникъ студента, стр. 297—298): „Умъ серьезный, учености бездна и въ двадцать лѣтъ, кромѣ древнихъ языковъ, знаетъ столько наукъ, и знаетъ такъ основательно, что въ пору было бы иному профессору: это Паскаль въ юбкѣ. За то ужь и дурна собою — ахъ, Боже мой, какъ дурна!“ Ея мать, Софья Ивановна, была воспитанницей графини А. Р. Чернышевой. Въ домѣ Мудрова Батюшковъ встрѣтился съ теплыми воспоминаніями о М. Н. Муравьевѣ, какъ попечителѣ Московскаго университета.

CLXXIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 16-го февраля 1816. (Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXXIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Начало марта 1816 г. Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXXV. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 3-го марта (1816 г.). Москва. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1490, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 376**). Николай Ивановичъ Уткинъ — извѣстный граверъ (см. о немъ въ т. II, стр. 110, 439, 400).

CLXXVI. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** (Мартъ 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1490—1491, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 376—377**). Приводимый Батюшковымъ разсказъ о скромномъ спартанцѣ переданъ въ эпистолѣ М. Н. Муравьева къ П. И. Тургеневу (Соч. Муравьева, т. I, стр. 62); отрывокъ изъ нея приведенъ нашимъ поэтомъ въ „Письмѣ о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева“ (т. II, стр. 88).

CLXXVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 14-го марта 1816. (Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 377**). Юленька—младшая сестра нашего поэта, Юлія Николаевна, впослѣдствіи въ замужествѣ за генераломъ-адъютантомъ Н. В. Зиновьевымъ.

CLXXVIII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 19-го марта 1816. (Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1491, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CLXXIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 20-го марта 1816 г. Москва. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 26. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 379**). Бездѣлка, напечатанная въ Россійскомъ Музеумѣ и перепечатанная въ Сынѣ Отечества, есть статья Батюшкова „Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи“ (т. II, стр. 126—141; ср. стр. 452).

— (**Стр. 379**). Сравнивая свое положеніе въ Каменцѣ съ положеніемъ И. И. Хемницера въ Смирнѣ, Батюшковъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду слѣдующія слова перваго біографа баснописца, Н. А. Львова: „Въ сентябрѣ 1782 года прибылъ онъ въ Смирну. Можетъ статься, перемѣщеніе изъ холоднаго Сѣвера на знойный Югъ способствовало къ разстройкѣ здоровья его; но безъ сумнѣнія, главнѣйшею тому причиною было удаленіе отъ друзей, которыхъ общество сдѣлалось истинною его стихіею. Погруженъ въ уныніе, долго боролся онъ съ болѣзнями и смертью; но напослѣдокъ, истощa силы, скончался 1784 года марта мѣсяца въ 20 день“ (Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. С.-Пб. 1873. Стр. 38).

— (**Стр. 379**). Изъ письма № CLXVII видно, что „хозяиномъ“ Батюшкова былъ Н. М. Муравьевъ-Апостолъ.

CLXXX. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 29-го марта (1816 г. Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXXXI. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** (Конецъ марта 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 359 — 360, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи“.

— (**Стр. 382**). Въ 1815—1816 гг. вышло, въ двухъ частяхъ, первое отдѣльное изданіе стихотвореній Жуковскаго, экземпляръ котораго, вѣроятно, и былъ посланъ Батюшкову изъ Петербурга. Изъ объявленія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1815 г., № 102, видно, что издателями этого собранія были Д. В. Дашковъ, Д. А. Кавелинъ и А. И. Тургеневъ.

— (**Стр. 382**). Лихачевъ, написавшій посланіе въ стихахъ къ Жуковскому, вѣроятно, тотъ Павелъ Лихачевъ, котораго стихотворенія встрѣчаются

въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., Журналѣ Драматическомъ 1811 г. и въ Литературныхъ прибавл. къ Русск. Инвалиду 1835 г.

— (**Стр. 382**). Карамзинъ, объ отсутствіи котораго сокрушалась его супруга, возвратился въ Москву въ исходѣ марта; вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ Петербургъ и кн. П. А. Вяземскій.

— (**Стр. 382**). Публичныя чтенія А. Ѳ. Мерзлякова происходили въ 1816 г. въ домѣ А. Ѳ. Кокошкиной. Этотъ курсъ его былъ посвященъ главнымъ образомъ критическому разбору произведеній русскихъ поэтовъ (Словарь профессоровъ Моск. университета, т. II, стр. 62—63). Послѣ одной изъ лекцій Мерзлякова, посвященной разбору „Димитрія Донскаго“ Озерова, С. Т. Аксаковъ, на завтракѣ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, „въ первый и послѣдній разъ видѣлъ Батюшкова“ (Разн. сочиненія, стр. 39); въ этомъ показаніи есть однако ошибка: встрѣчу свою съ Батюшковымъ Аксаковъ относитъ къ исходу 1815 г., но Батюшковъ пріѣхалъ въ Москву только въ январѣ 1816.

— (**Стр. 383**). О переводѣ Реньярова „Игрока“ А. М. Пушкинымъ см. выше стр. 690.

— (**Стр. 383**). „Прочіе всѣ пишутъ“ и т. д.—передѣлка слѣдующихъ стиховъ изъ „Чужаго толка“ Дмитріева:

Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ нигдѣ похвалъ не слышемъ.

— (**Стр. 383**). В. А. Жуковскій былъ выбранъ въ члены (отсутствующіе) общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ въ засѣданіи 26-го февраля 1816 г., одновременно съ К. Н. Батюшковымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, Н. И. Гнѣдичемъ, А. Е. Измайловымъ, И. А. Крыловымъ и др. (Моск. Вѣдомости 1816 г., № 21).

— (**Стр. 383**). Первое изданіе сочиненія С. С. Уварова „Essai sur les mystères d'Eleusis“ вышло въ Петербургѣ въ 1812 году, а второе, приготовленное подъ наблюденіемъ ученаго С. де-Саси, появилось въ Парижѣ въ 1816 году.

— (**Стр. 383**). О Батонди см. выше стр. 676.

CLXXXII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (3-го апрѣля 1816 г. Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXXXIII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** (3-го апрѣля 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1491—1492, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 385**). „Успѣхи Карамзина“ — вниманіе, съ которымъ онъ былъ принятъ въ Петербургѣ царскимъ семействомъ и всѣмъ обществомъ, и выраженное императоромъ Александромъ согласіе, чтобы печатаніе „Исторіи государства Россійскаго“ производилось на казенный счетъ.

— (**Стр. 385**). Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій (род. въ 1784 г., ум. въ 1847), извѣстный генералъ Александровскаго времени, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта и С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ. Въ 1813 г. онъ между прочимъ участвовалъ, въ качествѣ командира гвардейской бригады изъ полковъ Измайловскаго и Егерскаго, въ сраженіяхъ подъ Теплицомъ въ августѣ мѣсяцѣ, и здѣсь, если не ошибаемся, Батюшковъ находился подъ его начальствомъ. Впослѣдствіи, въ 1819 г., Батюшковъ имѣлъ случай встрѣтиться съ нимъ въ Италіи (см. въ этомъ томѣ стр. 562). Біографія Храповицкаго—въ изданіи: „Императоръ Александръ и его сподвижники“, т. V.

CLXXXIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 19-го апрѣля 1816 г. (Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXXXV. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** (Апрѣль 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1492 — 1493, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CLXXXVI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 10-го іюля 1816 г. (Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CLXXXVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Начало августа 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 27 — 28. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 389**). „Лета“ есть стихотвореніе нашего поэта „Видѣніе на берегахъ Леты“, гдѣ выведены въ забавномъ видѣ между прочимъ С. Н. Глинка, А. Ѳ. Мерзляковъ, князь П. И. Шаликовъ и Д. И. Языковъ.

— (**Стр. 390**). Въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 30, № 24, и въ Вѣстникѣ Европы того же года, ч. 87, № 9, П. А. Катенинъ (см. о немъ выше, стр. 614—615) напечаталъ балладу „Ольга. Вольный переводъ изъ Бюргера“. Это было новое переложеніе извѣстной „Леноры“, съ которою еще за восемь лѣтъ передъ тѣмъ познакомилъ русскую публику Жуковскій подъ названіемъ „Людмилы“. Если передѣлка Жуковскаго была лишь первымъ и очень несовершеннымъ опытомъ его въ родѣ баллады, то „вольный переводъ“ Катенина не представлялъ уже никакихъ существенныхъ достоинствъ: стремленіе приблизиться къ народному тону разсказа, замѣтное у обоихъ русскихъ авторовъ, мало удалось имъ, но у Жуковскаго стихъ по крайней

мѣрѣ легокъ и краснвъ, тогда какъ у Катенина онъ тяжелъ и прозапченъ. Вслѣдъ за появленіемъ „Ольги“ въ двухъ журналахъ, въ томъ же Сынѣ Отечества, ч. 31, № 27, была напечатана статья „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады: Леноры“, въ которой анонимный авторъ не безъ придирчивости разобралъ переводъ Катенина и отдалъ предпочтеніе предъ нимъ передѣлкѣ Жуковскаго; въ началѣ статьи сдѣлано было нѣсколько замѣчаній о самомъ родѣ балладъ, при чемъ авторъ свое осужденіе имъ подкрѣпляетъ неодобрительнымъ отзывомъ о балладахъ, встрѣчающимся въ комедіи „Урокъ волокитамъ“. Какъ извѣстно, эта піеса М. Н. Загоскина была написана въ защиту кн. Шаховскаго, возбудившаго противъ себя большое негодованіе за нападки на „балладниковъ“ въ „Липецкихъ водахъ“. Анонимная критика на „Ольгу“ въ Сынѣ Отечества обратила на себя вниманіе московскихъ пріятелей Жуковскаго, и Батюшковъ вѣрно угадалъ, что она написана Гнѣдичемъ. Со стороны послѣдняго критика эта была большимъ шагомъ къ сближенію его съ Жуковскимъ: еще не далеко было то время, когда переводчикъ Гомера питалъ предубѣжденіе противъ „балладника“, не смотря на всѣ усилія Батюшкова сблизить ихъ другъ съ другомъ (см. въ этомъ томѣ стр. 81, 87, 110, 319 и др.); но непосредственное знакомство съ Жуковскимъ въ 1815 г., очевидно, расположило Гнѣдича въ пользу „любезнаго автора „Людмилы“, хотя онъ и оставался по прежнему противникомъ балладъ. Съ другой стороны, у Гнѣдича уже давно были какіе-то счеты съ самолюбивымъ Катенинымъ (см. въ этомъ томѣ стр. 142). Нападки на автора „Ольги“ не обошлись однако Гнѣдичу даромъ: за Катенина вступился пріятель его, еще малоизвѣстный тогда Грибоѣдовъ; его статья „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора“ была напечатана въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 32, № 16. Подъ этою антикритикой Грибоѣдовъ подписался полною своею фамиліей и черезчуръ осторожному рецензенту „Ольги“ поставилъ на видъ неумѣстность его анонима въ данномъ случаѣ; далѣе Грибоѣдовъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу балладъ вообще и затѣмъ указалъ на ошибки Гнѣдича противъ логики и грамматики и на придирчивый характеръ многихъ его замѣчаній, при чемъ, защищая слогъ Катенина, пріятель его обнаружилъ замѣчательно вѣрное чутье народной рѣчи; вторую половину статьи составляетъ ловкая пародія на критическіе пріемы Гнѣдича, и тутъ предметомъ критики Грибоѣдова служитъ уже самая „Людмила“ Жуковскаго. Изъ письма Батюшкова видно, что остроумная статья Грибоѣдова очень раздражила московскихъ пріятелей Жуковскаго: В. Л. Пушкинъ побуждалъ Гнѣдича продолжать полемику, но послѣдній предпочелъ совѣтъ Батюшкова воздержаться отъ нея. Вообще, этотъ споръ носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ временп: личныя отношенія играли въ немъ болѣе видную роль, чѣмъ различіе или сходство литературныхъ мнѣній. Позже, въ 1823 г., въ Вѣстникѣ Европы, № 3 и 4, кто-то опять выступилъ въ защиту Катенина, но споръ уже не возобновлялся.

— (**Стр. 390**). Изъ дальнѣйшихъ писемъ №№ CLXXXIX, CXCII и CXCVI видно, что Гнѣдичъ дѣйствительно присылалъ Кокошкину отрывокъ изъ своего перевода „Иліады“ для прочтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей

словесности, но что читалъ его въ засѣданіи 28-го октября 1816 г. не Кокошкинъ, а П. С. Яковлевъ (ср. Труды общества люб. росс. словесности при Моск. университетѣ, ч. VIII, стр. 100). Тогда же читаны были Кокошкинымъ двѣ присланныя Крыловымъ басни „Похороны“ и „Ручей и водопадъ“. Платонъ Степановичъ Яковлевъ, гвардейскій офицеръ, считался искуснымъ чтецомъ, такъ что его приглашали, въ этомъ качествѣ, даже на годовыя собранія Императорской Публичной Библіотеки (Сынъ Отечества 1817 г., ч. 36, № 1, стр. 39).

— (**Стр. 390**). Читая Сынъ Отечества, Батюшковъ обратилъ вниманіе на сочиненія Олина. Валеріанъ Николаевичъ Олинъ (ум. послѣ 1839 г.) принадлежалъ къ числу плодовитѣйшихъ писателей первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка. Таланта у него не было, но страсть къ сочинительству была большая, и выражалась она тѣмъ, что Олинъ послѣдовательно усвоивалъ себѣ тѣ различныя направленія, которыя возникали и развивались на его глазахъ въ литературѣ. Онъ началъ съ поклоненія Державину и въ 1809 г. написалъ ему „Панегирикъ“ (въ Росписи Смирдина № 8110), состоялъ сотрудникомъ Бесѣды любителей русскаго слова и по смерти Державина оплакалъ его въ очень плохихъ стихахъ, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 31, № 29; о нихъ и упоминаетъ Батюшковъ. Около того же времени Олинъ занимался переводами изъ Оссіана и римскихъ классиковъ, а впослѣдствіи перешелъ къ переводамъ изъ Байрона и наконецъ, сталъ писать фантастическія повѣсти во вкусѣ Гофмана и Вашингтона Ирвинга, которыя и издалъ въ 1839 г., подъ заглавіемъ „Разсказы на станціи“. Кромѣ того, онъ печаталъ критическія статьи въ разныхъ журналахъ и самъ неоднократно принимался за журналистику. Въ 1818 и 1819 гг. онъ издавалъ Журналъ древней и новой словесности, гдѣ помѣщались между прочимъ произведенія Н. И. Гнѣдича, В. В. Капниста и И. А. Крылова; тамъ же въ 1819 г. напечатаны были „Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго“ Ѳ. Прокоповича и „Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“ Ломоносова, за пропускъ котораго цензурный комитетъ получилъ выговоръ отъ министерства народнаго просвѣщенія (М. И. Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. С.-Пб. 1866, стр. 58). Въ 1821 г. Олинъ издавалъ критическую газету Рецензентъ, а въ 1831 г., вмѣстѣ съ В. Я. Никоновымъ,—газету Колокольчикъ. Ему же принадлежитъ изданіе „Карманной книжки для любителей русской старины и словесности“ въ 1830 г. и переводъ съ англійскаго „Записокъ о Петрѣ Великомъ“, Вильямса (С.-Пб. 1835); эту послѣднюю книгу Олинъ посвятилъ гр. А. А. Аракчееву, „благоговѣя передъ его гражданскими доблестями и прямой любовью къ отечеству“, за что и получилъ 500 руб. отъ обрадованнаго мецената (Древн. и Нов. Россія 1875 г., т. III, стр. 180). (**В. С.**).

CLXXXVIII. **Е. Ѳ. Муравьевой.** 6-го августа (1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1495—1497, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ. Въ этомъ письмѣ Батюшковъ снова

говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ любимой имъ особѣ, о чемъ уже писалъ Е. Ѳ. Муравьевой въ письмѣ отъ 11-го августа 1815 года.

CLXXXIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Начало сентября 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 29—31. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 394**). Стихотвореніе Батюшкова „Ромео и Юлія“ не сохранилось.

— (**Стр. 395**). Изъ писемъ №№ CXCII и CXCVI видно, что Батюшковъ не написалъ статей о Данѣ и о г-жѣ Дю-Шатле.

— (**Стр. 396**). Гнѣдичъ не послѣдовалъ совѣту Батюшкова и ничего не перевелъ тогда изъ „Одиссеи“. Сдѣланный имъ переводъ изъ IX-й пѣсни ея („Танталъ и Сизифъ въ адѣ“) относится уже къ 1827 году.

— (**Стр. 396**). О Ѳ. Ѳ. Ивановѣ см. выше, стр. 674—675.

CXC. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** Москва (первая половина сентября 1816 г.). Подлинникъ у П. И. Батюшкова.

CXCI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 17-го сентября 1816 г. (Москва). Подлинникъ у П. И. Батюшкова.

CXCII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 25-го сентября 1816 г. (Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 31—32. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 400**). Андрей Григорьевичъ Ухтомскій (род. въ 1771 г., ум. въ 1852)—академикъ Императорской академіи художествъ, извѣстный въ свое время граверъ.

— (**Стр. 401**). Какая прозаическая статья была послана Гнѣдичемъ въ Московское общество любителей словесности—не знаемъ; въ VIII-й части Трудовъ общества напечатано только благодарственное письмо Гнѣдича къ Кокошкину, по случаю избранія его въ члены.

— (**Стр. 401**). По поводу своей рѣчи въ Московскомъ обществѣ Батюшковъ пародируетъ извѣстный стихъ Державина изъ оды „Памятникъ“.

CXCIII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** (Сентябрь 1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1497—1498, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CXCIV. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** 27-го сентября (1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 361—362, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу „изъ родственной Жуковскому семьи".

— (**Стр. 403**). Въ чемъ состояла исторія Мещевскаго — въ точности не извѣстно. Но изъ писемъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу 1816—1817 гг. видно, что Мещевскій около этого времени былъ сосланъ въ Сибирь, и что Жуковскій принималъ въ немъ живое участіе, побуждая своихъ друзей-Арзамасцевъ оказать нравственную и матеріальную поддержку ссыльному. Жуковскій хлопоталъ между прочимъ объ изданіи поэмы Мещевскаго „Наталья боярская дочь", которая была напечатана въ Петербургѣ въ 1817 году (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 405, 408, 410).

А. Мещевскій писалъ стихи, будучи еще воспитанникомъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона и, по словамъ Н. В. Сушкова (Моск. универс. пансіонъ, стр. 77), „проявлялъ замѣчательное дарованіе". Произведенія его, встрѣчающіяся въ Избранныхъ сочиненіяхъ изъ Утренней Зари 1809 г., Вѣстникѣ Европы 1810 г. и въ Новостяхъ русской литературы 1824—1825 гг., перепечатывались въ „Собраніи р. стихотвореній", „Пантеонѣ р. поэзіи" и въ обоихъ изданіяхъ „Образцовыхъ Сочиненій". Когда, въ 1817 г., Жуковскій затѣвалъ въ Петербургѣ періодическое изданіе, онъ разчитывалъ печатать въ немъ и новыя произведенія Мещевскаго (Соч. Жук., изд. 7-е, т. VI, стр. 441). О Мещевскомъ есть еще любопытная замѣтка въ запискахъ А. С. Шишкова, изданныхъ въ 1863 г., и на которую обратилъ вниманіе Н. П. Барсуковъ (Р. Архивъ 1868 г., ст. 938—939): „Разъ (въ 1824 г.) цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи и спрашиваетъ: велю ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Посланіе къ артельнымъ друзьямъ". Годъ поставленъ 1817. Имя сочинителя означено Мещевскій. Слово артельные друзья само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то артели, то-есть, неизвѣстному или тайному обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства". Затѣмъ приводится длинная выписка изъ стихотворенія Мещевскаго, съ цѣлію показать, что произведеніе это заключаетъ въ себѣ „воззваніе къ возмущенію". Обвиненія свои Шишковъ заключаетъ слѣдующими словами: „Вотъ какіе стихи не боятся присылать для напечатанія! Я призвалъ къ себѣ журналиста (Воскова) и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ, но когда увидѣлъ, что сего не возможно, то въ извиненіе свое отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда я у него спросилъ, кто такой Мещевскій, подписавшійся подъ сими стихами, гдѣ онъ живетъ и откуда прислалъ ихъ, то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій года три или четыре тому назадъ умеръ и оставилъ у него свои сочиненія. Итакъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ" (ср. Записки и письма А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870, т. II, стр. 266—268). (**В. С.**).

— (**Стр. 403**). „Безъ дружбы и любви“. Батюшковъ приводитъ эти слова изъ своей элегіи: „Воспоминанія“ (т. I, стр. 226):

Туда влечетъ меня осиротѣлый геній,....
Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ....
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней музъ прелестныхъ.

— (**Стр. 404**). Элегіи, о которыхъ говоритъ Батюшковъ, составляютъ циклъ его стихотвореній, касающихся его отношеній къ любимой имъ дѣвушкѣ (см. въ томѣ I, №№ LXXXVIII—XCII). Упоминаемая поэтомъ рукопись его элегій сохранилась въ бумагахъ В. А. Жуковскаго и находится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

— (**Стр. 404**). О намѣреніи Жуковскаго предпринять періодическое изданіе см. ниже въ примѣчаніяхъ къ письму № CCV.

CXCV. **А. И. ТУРГЕНЕВУ**. 14-го октября 1816 г. Москва. Напечатано: 1) въ Р. Старинѣ 1876 г., т. XVI, стр. 201—202; 2) въ Историческомъ Вѣстникѣ 1883 г., т. XII, стр. 236—238. Подлинникъ у П. Я. Дашкова.

CXCVI. **Н. И. ГНѢДИЧУ**. 28-го и 29-го октября (1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 34—36. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 407**). Сергѣй Ивановичъ (род. въ 1794 г., казненъ въ 1826 г.) и Ипполитъ Ивановичъ (род. въ 1805, застрѣлился въ 1826 г.)—сыновья И. М. Муравьева-Апостола.

— (**Стр. 408**). „Танкредъ“ Вольтера, въ переводѣ Гнѣдича, былъ изданъ въ 1816 году, и къ этому изданію былъ приложенъ портретъ Е. С. Семеновой, гравированный Уткинымъ съ оригинала Кипренскаго. Полученный въ Московскомъ обществѣ любителей р. словесности экземпляръ этой трагедіи былъ предъявленъ въ засѣданіи 28-го октября 1816 г. (Труды, ч. VIII, стр. 91).

— (**Стр. 409**). Статья Каченовскаго, которая такъ заинтересовала Батюшкова, и которую онъ хотѣлъ обратить въ орудіе полемики противъ Шишкова, напечатана въ VII-й части Трудовъ общества любителей р. словесности; въ заключеніи ея авторъ самъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ доказываемыя имъ положенія: 1) „древній коренной славянскій языкъ нашъ неизвѣстенъ“; 2) „нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное сербское нарѣчіе“. Батюшковъ имѣлъ въ виду воспользоваться этимъ мнѣніемъ въ томъ сочиненіи о русской словесности, которое онъ предполагалъ написать (т. II, стр. 336 и 536).

— (Стр. 410). Ясонъ Васильевичъ Петровъ (род. въ 1780 г., ум. послѣ 1850 г.), сынъ извѣстнаго лирика екатерининскихъ временъ, получилъ образованіе въ Московской университетской гимназіи, а потомъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1803 году, и былъ посланъ на казенный счетъ за границу. Въ 1806 г. онъ былъ назначенъ адъюнктомъ анатоміи, въ 1809 — экстраординарнымъ профессоромъ ботаники и фармаціи, въ 1813 г. получилъ степень доктора медицины, а въ 1823 уволенъ по прошенію отъ профессорства (сообщено Л. Ѳ. Змѣевымъ). Петровъ издалъ „Начальныя основанія ботаники“ (С.-Пб. 1815) и, кромѣ того, занимался стихотворствомъ. Имъ напечатаны: 1) Ода на всевожделѣнное прибытіе въ градъ св. Петра Е. И. В. Александра I, дѣломъ поборника правды. С.-Пб. 1814, и 2) Пѣснь Славянина Москвы при всеобщемъ торжествѣ Европы. С.-Пб. 1814. Еще онъ перевелъ на англійскій языкъ „Гимнъ лиро-эпическій на прогнаніе Французовъ изъ отечества“ Державина (Соч. 1-е акад. изд., т. III, стр. 137) и напечаталъ въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія 1818 г., ч. I, біографическую статью о своемъ отцѣ. Упоминаемый Батюшковымъ переводъ „Иліады“ остался не изданнымъ. (В. С.).

— (Стр. 410). Французскій стихъ взятъ изъ „Le méchant“ Грессе, дѣйствіе II-е, явл. 3-е.

CXCVII. Е. Ѳ. **МУРАВЬЕВОЙ.** 14-го ноября (1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1501—1502, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (Стр. 411). Баронъ Генрихъ Антоновичъ Жомини (род. въ 1779 г., ум. въ 1869) считался первымъ военнымъ авторитетомъ своего времени; на него было возложено составленіе плановъ на случай новыхъ войнъ Россіи, и Н. М. Муравьевъ, вѣроятно, былъ его сотрудникомъ въ этихъ работахъ.

— (Стр. 411). Двустишіе принадлежитъ Вольтеру и находится въ стихотвореніи, помѣщенномъ имъ въ письмѣ къ своему пріятелю Спанхеллю отъ 11-го іюля 1741 года.

CXCVIII. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** 4-го декабря (1816 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1494—1495, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

CXCIX. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 14-го января 1817 г. (Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (Стр. 413). „Гезіодъ“ — стихотвореніе, переведенное нашимъ поэтомъ изъ Мильвуа: „Гезіодъ и Омиръ соперники“ (т. I, стр. 247).

СС. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** (Вторая половина января—февраль 1817 г. Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 414 — 415**). Батюшковъ выражаетъ удовольствіе по случаю назначенія Жуковскому четырехтысячной пенсіи; назначеніе это послѣдовало въ концѣ 1816 г., послѣ того какъ министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ представилъ императору Александру только что оконченное печатаніемъ первое изданіе стихотвореній Жуковскаго (Соч. П. А. Плетнева, т. III, стр. 79). Жуковскій признавалъ, что эта награда налагаетъ на него обязанность трудиться и въ то же время даетъ ему „независимость“; этотъ взглядъ самого Жуковскаго, засвидѣтельствованный Зейдлицемъ (стр. 107), вполнѣ совпадаетъ и со взглядомъ нашего поэта.

— (**Стр. 415**). Подъ „Пѣвцомъ на Красномъ крыльцѣ“ Батюшковъ разумѣетъ „Пѣвца въ Кремлѣ“, который былъ начатъ Жуковскимъ еще въ 1814 г., но конченъ только въ 1816 и тогда же изданъ въ Петербургѣ особою брошюрой.

— (**Стр. 415**). Подъ Метелліемъ Батюшковъ разумѣетъ П. Ив. Голенищева-Кутузова, котораго съ 1-го января 1817 г. замѣнилъ въ должности попечителя Московскаго университета тайный совѣтникъ кн. Андрей Петровичъ Оболенскій (род. въ 1780 г., ум. въ 1855), двоюродный дядя кн. П. А. Вяземскаго.

— (**Стр. 416**). Въ первые годы нынѣшняго столѣтія въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ воспитывалось двое Соковнинныхъ, Павелъ и Сергѣй Михайловичи. По пансіонскому обычаю, оба они писали стихи (не извѣстно, который изъ нихъ упомянутъ Жихаревымъ въ Запискахъ современника. I, стр. 60 и 189); впослѣдствіи, въ 1819 г., П. Соковнинъ даже издалъ въ Москвѣ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній. Что касается Сергѣя Соковнина, о которомъ и упоминаетъ Батюшковъ, то онъ, еще въ бытность свою въ пансіонѣ, печаталъ много стиховъ и переводовъ въ прозѣ въ пансіонскомъ журналѣ Утренняя Заря 1803—1808 гг. Впослѣдствіи, уже состоя переводчикомъ при московскомъ архивѣ иностранной коллегіи, онъ былъ принятъ сотрудникомъ въ Московское общество любителей словесности (Труды, ч. IV, стр. 83, 197). С. М. Соковнинъ, у родителей котораго было имѣніе въ Тульской губерніи, былъ коротко знакомъ съ Жуковскимъ (въ Соч. Жук., изд. 7-е, есть стихотвореніе къ сестрѣ Сергѣя Михайловича, относящееся къ 1807 г.), а судя по письмамъ Батюшкова (ср. стр. 371), и съ нимъ и съ кн. Вяземскимъ. По свидѣтельству Н. В. Сушкова, С. Соковнинъ, въ молодости своей, подвергался душевной болѣзни: онъ „страдалъ нѣсколько лѣтъ — и вдругъ пришелъ въ себя. Любовь мечтательная — источникъ его болѣзни, любовь прозаическая — источникъ его исцѣленія. Больной, онъ искалъ въ Москвѣ встрѣчи съ NN... и упалъ передъ нею на колѣни въ толпѣ гулявшихъ по Никитскому бульвару. Исцѣленный, онъ удалился въ свою деревню уже не мечтать, а хозяйничать. Замѣчательно, что Соковнинъ

не переставалъ и въ продолженіе своего недуга писать порой стихи" (Моск. унив. пансіонъ, стр. 76 — 77). П. И. Бартеневъ сообщилъ намъ слѣдующее стихотвореніе Соковнина, относящееся къ тому же лицу, о которомъ упоминаетъ Сушковъ:

Хотите ль въ рай, мои друзья,
Благому слѣдуйте примѣру:
Молитесь Богу такъ, какъ я,
И сердцемъ обожайте Вѣру.

Непосредственное отношеніе къ случаю, разсказанному Сушковымъ, имѣетъ письмо Батюшкова къ кн. П. А. Вяземскому, напечатанное въ этомъ томѣ подъ № CCXV. Въ сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, есть два письма его къ Соковнину, относящіяся къ 1837 году.

CCI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Вторая половина февраля 1817 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 33 — 34. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 417**). Разсужденія о балладахъ имѣютъ отношенія къ критикѣ Гнѣдича на „Ольгу" Катенина, гдѣ, какъ уже сказано, Гнѣдичъ неодобрительно отнесся къ самому роду балладъ.

— (**Стр. 417**). Сказка „Бальядера" едва ли и была написана Батюшковымъ.

— (**Стр. 418**). „Рожденіе Омера"—поэма Гнѣдича, изданная въ 1817 году.

CCII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 21-го февраля 1817 г. (Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 36. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

CCIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 27-го февраля 1817 г. (Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 36 — 37. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 419**). Баронъ Александръ Раль — придворный банкиръ.

— (**Стр. 420**). Переводы, которые Батюшковъ желалъ продать Н. И. Гречу, — большею частью тѣ самые, которые вошли въ „Опыты" 1817 года. См. о нихъ еще въ письмахъ №№ CCIV и CCV.

CCIV. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Конецъ февраля—начало марта 1817 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 37 — 42. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 420 — 421). „Моровую заразу“ Гнѣдичъ не помѣстилъ въ „Опытахъ“, а „Сонъ Могольца“ не исключилъ изъ нихъ, вопреки желанію автора; оно было исполнено только относительно эпиграммы.

— (Стр. 421). Батюшковъ предполагалъ, что Н. И. Уткинъ долженъ былъ получить 200 р. за гравированіе фронтисписовъ къ „Опытамъ“, но гравюры эти исполнены были Ив. Ческимъ.

— (Стр. 422). Къ замѣчанію объ Олинѣ подала поводъ статья его „Отвѣтъ на сдѣланныя возраженія на переводъ двухъ первыхъ главъ изъ 2-й книги Юстина“, помѣщенная въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. 39, № 7. Возраженія были сдѣланы самими издателями Сына Отечества, гдѣ въ ч. 34, № 49, въ 1816 г., былъ помѣщенъ и самый переводъ Олина. Въ своемъ „Отвѣтѣ“ онъ доказываетъ, что при переводѣ древнихъ классиковъ „словъ безъ совершенной нужды переставлять не должно“, и разсужденія свои подтверждаетъ между прочимъ выписками изъ Квинтиліана. Статья Олина оканчивается словами, которыя пародируетъ Батюшковъ: „Я кончилъ. Причины изложены. Читатели, разсуждайте!“

— (Стр. 422). „Переходъ черезъ Рейнъ“ дѣйствительно былъ напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1817 г., №№ 5 и 6.

— (Стр. 422). „Гнѣвъ стихотворца“ напоминаетъ слова Горація: Genus irritabile vatum (Epist. II, 2, 102).

— (Стр. 423). „Монтань у Японцевъ“—это извѣстныя Записки флота капитана Головнина о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ, съ пріобщеніемъ замѣчаній его о Японскомъ государствѣ и народѣ. Три части. С.-Пб. 1816. Сочиненіе Головнина отличается спокойнымъ, объективнымъ тономъ своего изложенія, который тѣмъ болѣе поражаетъ читателя, что авторъ описываетъ весьма тяжелыя испытанія, имъ и его спутниками перенесенныя. Въ этомъ свойствѣ Головнина, какъ писателя, Батюшковъ и нашелъ сходство между нимъ и Монтанемъ, котораго нашъ поэтъ хвалилъ также за то, что онъ „въ самыя бурныя времена Франціи, при звукѣ оружія, при заревѣ костровъ, зажженныхъ суевѣріемъ, писалъ „Опыты“ свои и, бесѣдуя съ добрыми сердцами всѣхъ вѣковъ, забывалъ недостойныхъ современниковъ“ (Соч., т. II, стр. 119).

— (Стр. 423—424). Предположенное Батюшковымъ изданіе переводовъ изъ италіянскихъ писателей осталось не выполненнымъ въ томъ видѣ, какъ оно проектировано въ этомъ письмѣ, и лишь нѣкоторые изъ отдѣльныхъ перечисленныхъ переводовъ вошли въ 1-ю часть „Опытовъ“, а другіе были напечатаны въ журналахъ; иные же вовсе не были сдѣланы или по крайней мѣрѣ не сохранились. Намѣреніе отдать переводы Жуковскому, еслибы Гречъ не взялся ихъ печатать, очевидно, стоитъ въ связи съ предположеніемъ, что Жуковскій предпримѣтъ изданіе журнала (см. выше стр. 404).

— (**Стр. 424**). Князь А. А. Шаховской находился въ Италіи въ ноябрѣ и декабрѣ 1816 г. и посылалъ оттуда корреспонденціи, которыя печатались въ Сынѣ Отечества (см. выше, стр. 602); въ одной изъ нихъ (С. Отеч. 1817 г., ч. 35, № 7, стр. 20) онъ говоритъ, что намѣренъ возвратиться въ Россію моремъ, и что, будучи въ такомъ случаѣ принужденъ провести извѣстное время въ одесскомъ карантинѣ, воспользуется своимъ заключеніемъ, чтобы „кончить въ немъ начатую комедію“.

— (**Стр. 424**). Князь Петръ Борисовичъ Козловскій (род. въ 1783 г., ум. въ 1840) получилъ образованіе въ Москвѣ и тамъ же началъ свою службу въ архивѣ иностранной коллегіи, а потомъ продолжалъ ее большею частью за границей по дипломатической части — сперва въ Вѣнѣ и Римѣ, а позже въ Сардиніи и Штуттардтѣ; послѣдніе годы жизни провелъ въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ. Въ первое же пребываніе свое за границей онъ принялъ католичество; впослѣдствіи его считали и іезуитомъ (Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, т. II, стр. 507—508). Онъ былъ человѣкъ блестящаго ума и большихъ свѣдѣній. Въ молодости онъ писалъ русскіе стихи, которые печатались въ Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени, въ Инокренѣ, а также отдѣльно; позже, живя за границей онъ напечаталъ нѣсколько политическихъ брошюръ на французскомъ языкѣ; ему же принадлежитъ одна статья по точнымъ наукамъ въ Современникѣ 1836 года. Свѣдѣнія о немъ и его литературныхъ трудахъ находятся въ Справочномъ словарѣ Геннади, въ Воспоминаніяхъ Вигеля, ч. I, стр. 186—187, въ Сочиненіяхъ кн. Вяземскаго, т. VII, и въ книгѣ: Fürst Kosloffsky. Von *W. Dorow*. Leipzig. 1846. Въ этой послѣдней книжкѣ перепечатаны и его сочиненія на французскомъ языкѣ, и тутъ же помѣщены два его портрета, по которымъ видно, что онъ былъ некрасивъ собою. Такъ какъ и кн. Шаховской отличался тѣмъ же, то Батюшковъ и называетъ ихъ „карикатурами“.

Батюшковъ познакомился съ Козловскимъ, вѣроятно, во время заграничнаго похода 1813—1814 гг., а можетъ быть, зналъ его и въ Петербургѣ, въ ранней юности.

— (**Стр. 425**). О Г. П. Ржевскомъ см. выше стр. 685. Нѣсколько свѣдѣній о немъ въ „Кашицѣ моего сердца“ кн. И. М. Долгорукаго, стр. 242—243.

— (**Стр. 425**). „Коль слушать всѣ“... — полустишіе изъ басни Крылова „Лисица и сурокъ“. Въ подлинникѣ:

Кто жь будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы.

— (**Стр. 426**). „Обозрѣніе русской литературы 1815 и 1816 годовъ“, составленное Гречемъ и читанное въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки 2-го января 1817 г., было затѣмъ напечатано въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. 35, №№ 1 и 2.

CCV. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 4-го марта (1817 г. Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 427**). Предложеніе Жуковскаго касалось участія Батюшкова въ періодическомъ изданіи, которое затѣвалъ первый. Какъ видно изъ плана этого изданія, сообщеннаго Жуковскимъ Д. В. Дашкову, котораго онъ приглашалъ въ свои помощники (Соч. Жук., изд. 7-е, т. VI, стр. 439—442), въ составъ изданія долженъ былъ войдти цѣлый томъ переводовъ съ нѣмецкаго. Ниже, въ этомъ же письмѣ, Батюшковъ осуждаетъ эту часть плана и снова высказываетъ тотъ отрицательный взглядъ на нѣмецкую литературу, какой имѣлъ въ ранніе годы своей литературной дѣятельности. Сдѣланное при этомъ Батюшковымъ указаніе на Іоганна Мюллера относится къ его посмертному сочиненію—„Всемірной исторіи“, въ 4 томахъ. Въ 10-й главѣ XXIII-й книги этого сочиненія говорится о Петрѣ III и о началѣ царствованія Екатерины II, и изъ всѣхъ дѣятелей того времени, дѣйствительно, упоминается объ одномъ только Минихѣ.

— (**Стр. 428**). Николай Ивановичъ Ильинъ (род. въ 1773 г., ум. ?) московскій литераторъ, пріятель Ѳ. Ѳ. Кокошкина и Ѳ. Ѳ. Иванова, выступившій на литературное поприще переводами въ концѣ прошлаго вѣка, и въ началѣ нынѣшняго пріобрѣвшій извѣстность двумя драмами: „Лиза или торжество благодарности“ (1803 г.) и „Великодушіе или рекрутскій наборъ“ (1805 г.). Драмы эти, говоритъ С. Т. Аксаковъ, — „производили при своемъ появленіи и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали сторожилы-театралы. Я видѣлъ много разъ эти піесы на сценѣ, когда онѣ были уже не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала на взрыдъ, и хлопала до неистовства: въ Петербургѣ поменьше, въ Москвѣ побольше. Говорятъ, вызовъ на сцену авторовъ начался съ Ильина“ (Разныя сочиненія. М. 1858, стр. 25—26). Позднѣйшія произведенія Ильина состоятъ большею частію изъ переводныхъ французскихъ комедій. Въ 1809 году Ильинъ издавалъ въ Москвѣ журналъ Другъ дѣтей, котораго вышло 24 книжки. Державинъ признавалъ въ Ильинѣ „хорошія дарованія“ (Соч., 1-е акад. изд., т. VI, стр. 154) и при открытіи Бесѣды любителей русскаго слова пригласилъ его въ члены-сотрудники (тамъ же, стр. 210 и т. VIII, стр. 907). Живую характеристику Ильина представилъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ“, а гр. Ѳ. В. Растопчинъ, подъ начальствомъ котораго Ильинъ нѣкоторое время служилъ, изобразилъ его въ своей комедіи „Вѣсти или убитый живой“ (1808 г.) подъ именемъ Николая Ивановича Пустякова (М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 242). (**В. С.**).

— (**Стр. 429**). Кн. Шаховской, въ письмѣ изъ Неаполя (Сынъ Отечества 1817 г., ч. 36, № 7), разсказываетъ, что онъ ѣздилъ смотрѣть развалины Кумъ и при этомъ долженъ былъ въѣзжать въ высокую арку, называемую „вратами счастія“. Въ концѣ того же письма Шаховской упоминаетъ о своемъ „славолюбіи стихотворца“.

— (**Стр. 429**). Маша — старшая дочь кн. П. А. Вяземскаго, (род. въ 1813 г., ум. въ 1848), бывшая въ замужествѣ за П. А. Валуевымъ.

— (**Стр. 430**). О сочиненіи Сисмонди о литературахъ южной Европы и знакомствѣ съ нимъ Батюшкова см. въ т. II, стр. 459 и 564.

— (**Стр. 430**). Левушка—Л. В. Давыдовъ (см. о немъ въ т. II, стр. 533).

— (**Стр. 431**). О Женгенэ см. въ т. II, стр. 451 и 564.

— (**Стр. 431**). „Запросъ Арзамасу“ составляетъ подражаніе слѣдующему стихотворенію Вольтера:

Les trois Bernards.

(à m. Bernard, auteur de „L'Art d'aimer“).

En ce pays trois Bernards sont connus:
L'un est un saint, ambitieux reclus,
Prêcheur adroit, fabricateur d'oracles;
L'autre Bernard est celui de Plutus,
Bien plus grand saint, fesant plus de miracles;
Et le troisième est l'enfant de Phébus,
Gentil Bernard, dont la muse féconde
Doit faire encor les délices du monde
Quand des deux saints l'on ne parlera plus.

Бобрищевъ-Пушкинъ—вѣроятно, Николай, авторъ стихотвореній, печатавшихся въ Вѣстникѣ Европы (1817 и 1820 гг.) и Сынѣ Отечества (1824 г.). Онъ воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а потомъ въ Муравьевскомъ училищѣ колонновожатыхъ; служилъ въ военной службѣ по квартирмейстерской части и былъ участникомъ декабрскаго возмущенія (Богдановичъ. Исторія императ. Александра, т. VI, прилож., стр. 69). Лѣтами онъ былъ гораздо моложе А. М. и В. Л. Пушкиныхъ, ибо родился въ 1801 году.

— (**Стр. 431**). Солнцевъ—Матвѣй Михайловичъ (ум. въ 1848 г.), камергеръ, мужъ одной изъ сестеръ В. Л. Пушкина.

CCVI. **В. Л. ПУШКИНУ.** 1817 г. (Первая половина марта. Деревня). Напечатано: 1) въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XIII, отд. 2-е, стр. 91—94; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 318—322; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 344 — 348.

— (**Стр. 432**). О своемъ намѣреніи писать къ В. Л. Пушкину Батюшковъ писалъ кн. Вяземскому еще 14-го января 1817 г. (см. выше стр. 413).

— (**Стр. 432**). „Кибитка не Парнассъ“ — полустишіе изъ посланія В. Л. Пушкина „Къ * (то-есть, Арзамасцамъ)“ о случаѣ, подавшемъ поводъ къ сочиненію этого посланія, см. т. II, стр. 519.

— (**Стр. 433**). „Ты злаго Гашпара“ и т. д.—два стиха самого В. Л. Пушкина, съ легкимъ измѣненіемъ: первый—изъ сейчасъ упомянутаго посланія къ Арзамасцамъ, а второй — изъ піесы „Къ Делію, подражаніе Горацію“.

— (**Стр. 433**). „Я... отставной ассессоръ“. Эти слова, въ связи съ предшествующими, должны, кажется, намекать на слѣдующіе стихи Я. Б. Княжнина изъ его „Посланія къ питомцамъ россійскихъ свободныхъ художествъ“:

Не занимаяся во вѣкъ о рангахъ споромъ,
Рафаэль не бывалъ коллежскимъ ассессоромъ;
Животворящею онъ кистію одной
Не меньше славенъ сталъ, какъ славенъ и герой.

Почти въ одно время съ Батюшковымъ вспомнилъ эти стихи кн. Вяземскій въ своей статьѣ объ Озеровѣ (Соч., т. I, стр. 27—28).

— (**Стр. 434**). Счастіе Жуковскаго — назначеніе ему пенсіи (см. выше стр. 735).

— (**Стр. 434**). Подъ звѣздочками, вѣроятно, нужно разумѣть Ал. М. Пушкина, который смѣялся надъ стихотворствомъ Василія Львовича, а самъ преусердно писалъ стихи.

CCVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Начало марта 1817 г. село Хантоново). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCVIII. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 9-го марта (1817 г. Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 435**). Незадолго предъ тѣмъ у кн. Вяземскаго родилась вторая дочь, кн. Прасковья Петровна, скончавшаяся въ 1835 г.

— (**Стр. 436**). Басня кн. Вяземскаго, о которой говоритъ Батюшковъ, есть „Доведь“ (Соч., т. III, стр. 137).

— (**Стр. 436**). Попова — та самая, о которой Батюшковъ писалъ къ А. И. Тургеневу. Объ участіи къ ней со стороны княгини В. Ѳ. Вяземской упоминается и въ письмахъ Дмитріева къ Тургеневу (Р. Архивъ, 1867 г., ст. 1086).

CCIX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Май 1817 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 237 — 239. Подлинникъ у М. П. Семевскаго.

— (**Стр. 437**). Въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. 37, № 14, было помѣщено написанное Гнѣдичемъ „Письмо къ Б. о статуѣ Мира, изваянной для графа

Николая Петровича Румянцова скульпторомъ Кановою въ Римѣ". Письмо адресовано было къ Батюшкову и по своей формѣ и манерѣ составляетъ явное подражаніе „Прогулкѣ въ Академію художествъ" нашего поэта. О самой статуѣ Батюшковъ упоминаетъ въ письмѣ къ А. Н. Оленину изъ-за границы (см. въ этомъ томѣ стр. 540).

— (**Стр. 437**). „Облекаюсь въ мою добродѣтель" — слова Горація изъ оды къ Меценату (Od., l. III, 29, 55):

. . . et mea
Virtute me involvo. . . .

— (**Стр. 437—438**). С. С. Уваровъ былъ въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и предлагалъ Батюшкову поступить на службу подъ его начальство.

— (**Стр. 438**). „Возьми, чѣмъ ихъ топить" — стихъ изъ басни Крылова „Крестьянинъ въ бѣдѣ".

— (**Стр. 439**). Стихотвореніе „Рурикъ" едва ли и было написано Батюшковымъ.

— (**Стр. 439**). Дмитрій Ивановичъ — вѣроятно, Языковъ, надъ которымъ Батюшковъ нѣкогда посмѣялся въ „Видѣніи на берегахъ Леты". Какой имъ былъ исполненъ трудъ для Батюшкова — не извѣстно.

CCX. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Май 1817 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 239 — 240. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 441**). Ссылка Батюшкова на Н. Я. Озерецковскаго не точна. Указываемая имъ фраза находится въ сочиненіи В. Севергина: Начальныя основанія естественной исторіи. Царство произрастеній. С.-Пб. 1794. Ч. I, стр. 2: „Благороднѣйшее употребленіе сей способности (разума человѣка), которую онъ учинить можетъ, состоитъ въ томъ, чтобъ употреблять оную на познаваніе природы, которая въ трехъ своихъ царствахъ представляетъ ему безчисленные предметы пріятствъ и пользы".

CCXI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 6-го мая (1817 г. Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXII. **А. Н. ОЛЕНИНУ.** 4-го іюня (1817 г. Москва). Подлинникъ у Н. И. Стояновскаго. На верху письма помѣтка Оленина о полученіи: 21-го іюня 1817 года.

— (**Стр. 444**). Князь П. И. Шаликовъ издалъ въ 1804 г., въ двухъ частяхъ, „Путешествіе въ Малороссію“, плохое подражаніе „Письмамъ русскаго путешественника“.

CCXIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 7-го іюня (1817 г. Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXIV. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** Іюня 1817 г. (Деревня). Напечатано къ Р. Архивѣ 1870 г., ст. 1711—1715. Подлинникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

— (**Стр. 447**). Каченовскій названъ „онтолюбцемъ“ не въ качествѣ любителя и знатока старины, подобно Шишкову, котораго Воейковъ, въ „Домѣ сумасшедшихъ“, заставляетъ мазать

золотомъ сусальнымъ
Пресловутую онту,

а въ качествѣ любителя Грековъ (ср. на стр. 554 подобное названіе И. А. Крылову; Каченовскій, самъ Грекъ родомъ, напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., № 1, статью о словесности у новыхъ Грековъ).

— (**Стр. 448**). Подъ „Павловскомъ“ Батюшковъ, очевидно, разумѣетъ „Славянку“ Жуковскаго.

— (**Стр. 448**). Съ отзывомъ о кн. Вяземскомъ нужно сравнить сказанное о немъ же на стр. 404, также въ письмѣ къ Жуковскому. Затѣмъ ссылка на письмо къ самому Вяземскому отъ 4-го марта 1817 г. (стр. 427).

— (**Стр. 449**). Кн. Вяземскій дѣйствительно написалъ въ 1817 г. стихотвореніе „Первый снѣгъ“ (Соч., т. III, стр. 146); у Батюшкова же стихотворенія подъ такимъ заглавіемъ нѣтъ.

CCXV. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 23-го іюня (1817 г. Деревня). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 450**). Начало письма касается безпокойствъ, причиненныхъ князю и княгинѣ Вяземскимъ С. М. Соковнинымъ (см. выше, стр. 735—736).

— (**Стр. 451**). Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ (ум. въ 1842 г.), извѣстный генералъ, членъ союза благоденствія, а также Арзамаса, въ которомъ носилъ прозвище Рейна. Объ отношеніяхъ его къ Арзамасу см. въ книгѣ А. Н. Пыпина: Обществ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I, стр. 404 — 406.

— **Стр. 452**). „Планъ“ — безъ сомнѣнія, журнала, который предполагали издавать Арзамасцы.

— (**Стр. 452**). Николай Ивановичъ (или правильнѣе—Сальваторъ) Тончи (род. въ 1756 г., ум. въ 1844) — личность очень оригинальная. Это былъ человѣкъ высокихъ дарованій, живописецъ, поэтъ и мыслитель. Случайно попавъ въ Россію, онъ вошелъ здѣсь въ высшее общество и женился на княжнѣ Натальѣ Ивановнѣ Гагариной. Батюшковъ зналъ его по Москвѣ, съ 1810 г., безъ сомнѣнія, чрезъ кн. Вяземскаго, который охарактеризовалъ даровитаго Италіянца слѣдующими словами: „Тончи, живописецъ, поэтъ и философъ. Стройная и величавая наружность: лицо еще свѣжее, волоса густые и нѣсколько кудрявые, осеребренные преждевременною и красивою сѣдиною. Онъ, между прочимъ, преподавалъ въ салонахъ ученіе призрачностей, мнимостей (des apparences), то-есть, что все вещественное въ мірѣ и въ жизни, а особенно впечатлѣнія, ощущенія, все это только кажущееся, воображаемое. Онъ имѣлъ даръ слова, и на французскомъ языкѣ, озаренномъ и согрѣтомъ южнымъ блескомъ и поэтическими красками, онъ если не былъ убѣдителенъ, то всегда былъ увлекателенъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ нѣсколько и учениковъ и послѣдователей: въ числѣ ихъ былъ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ“ (Соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 395—396; ср. т. VIII, стр. 343—345). Интересныя свѣдѣнія о Тончи собраны Я. К. Гротомъ въ Соч. Державина, 1-е акад. изд., т. II, стр. 397—403, гдѣ приведены разсказы о немъ нѣсколькихъ современниковъ.

— (**Стр. 452**). Для объясненія того смысла, который даетъ Батюшковъ слову уранги, считаемъ умѣстнымъ привести замѣтку кн. Вяземскаго, не попавшую въ его сочиненія и находящуюся въ статейкѣ его „Бездѣлки“ (Вѣстникъ Европы 1810 г., ч. 52, № 13, стр. 63): „Нѣкто изъ ученыхъ, желая распространить молву о славѣ своей далѣе К. уѣзда, въ которомъ онъ жилъ, вздумалъ издавать журналъ подъ именемъ Уранія. Планъ сдѣланъ, матеріалы готовы; недостаетъ одного эпиграфа. Бѣда! Безъ эпиграфа и книга не книга! Искать здѣсь, тамъ, въ библіотекахъ господъ городскихъ жителей.... Наконецъ, находитъ онъ въ стихотвореніяхъ Державина:

Витійствуютъ ураньи въ школахъ

и съ восторгомъ беретъ стихъ сей для эпиграфа къ своему изданію. Слова витійство, ураньи, школы показались ему какъ нарочно для него прибранными. Но Боже мой, какъ судьба надъ нимъ подшутила! Слово ураньи есть опечатка! Настоящій стихъ долженъ быть:

Витійствуютъ уранги въ школахъ [1]).

Какой ударъ для журналиста и какое оружіе потѣшникамъ!“ Въ письмѣ 1817 г. Батюшковъ, очевидно, вспомнилъ эту шутку Вяземскаго, которая, быть можетъ, потѣшала его еще прежде, чѣмъ попала въ печать, въ то

[1]) Въ одѣ „На счастіе“, строфа 8-я. По замѣчанію Я. К. Грота (Соч. Держ., 1-е акад. изд., т. I, стр. 249), Державинъ мѣтилъ тутъ на однодворца Захарьина, произносившаго рѣчь при открытіи Тамбовскаго народнаго училища.

время, когда онъ впервые сошелся съ княземъ въ Москвѣ, въ 1810 году. Журналъ Уранія дѣйствительно издавался въ Калугѣ въ 1804 году Григоріемъ Кирилловичемъ Зельницкимъ.

— (**Стр. 453**). Отъ задуманной Батюшковымъ поэмы „Русалка“ ничего не сохранилось, кромѣ приложенной къ этому письму программы. Вѣроятно, для этой поэмы нашъ поэтъ нуждался въ русскихъ сказкахъ, которыя просилъ Гнѣдича прислать ему (см. выше стр. 439). О „курсѣ словесности“, задуманномъ Батюшковымъ въ то же время, можно составить себѣ понятіе по программѣ, внесенной въ его записную книжку 1817 года (т. II, стр. 336—339).

CCXVI. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 3-го іюля 1817 г. (Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1495, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CCXVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Начало іюля 1817 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 241—243. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 455**). Начало письма содержитъ въ себѣ указанія для поправокъ въ „Умирающемъ Тассѣ“ (см. примѣчанія къ этому стихотворенію въ т. I).

— (**Стр. 457**). Болѣе снисходительно отзывается Батюшковъ о живописи А. Е. Егорова въ своей „Прогулкѣ въ академію художествъ“ (т. II, стр. 105—110). Василій Кузьмичъ Шебуевъ (род. въ 1777 г., ум. въ 1855) — также извѣстный живописецъ.

— (**Стр. 457**). Переводы Озина изъ Оссіана были помѣщены въ Сынѣ Отечества 1817 г., части 37 и 38; далѣе въ этомъ письмѣ, тѣ же переводы подразумѣваются подъ названіемъ „новорожденнаго Оссіана“. Въ томъ же журналѣ, за тотъ же годъ, начали появляться и идилліи Вл. Ив. Панаева.

— (**Стр. 457**). Посланіе къ Ник. М. Муравьеву см. въ т. I, стр. 270—272.

— (**Стр. 458**). О замѣткѣ противъ Воейкова, присланной въ Сынъ Отечества съ помѣтой изъ Череповца, см. въ т. II, стр. 415.

— (**Стр. 458**). „Гдѣ игры первыхъ лѣтъ“ и т. д. — стихъ самаго Батюшкова изъ „Пѣвца въ бесѣдѣ Славянороссовъ“ (т. I, стр. 168).

— (**Стр. 458**). „Письма къ графинѣ“ — сочиненіе Ѳ. П. Львова (см. о немъ выше, стр. 632—633); они не были напечатаны отдѣльно, но помѣщены въ шестомъ Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, 1812 года.

— (**Стр. 458**). „Не плачу я“ и т. д. У Катенина, въ балладѣ „Ольга“, дѣйствительно есть сходный стихъ, но шероховатѣе:

Скорбь терпи, хоть сердцу больно.

CCXVIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Вторая половина іюля 1817 г. Деревня). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 243—244. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 459**). Выходъ въ свѣтъ „Опытовъ“ Батюшкова (I-я часть появилась въ іюлѣ, II-я—въ октябрѣ) подалъ поводъ къ журнальнымъ отзывамъ о его произведеніяхъ; одна изъ рецензій, написанная довольно извѣстнымъ тогдашнимъ журналистомъ, въ то время сотрудникомъ Русскаго Инвалида, а позже Новостей русской литературы и Сѣверной Пчелы, Василіемъ Ивановичемъ Козловымъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1825), напечатана была въ Инвалидѣ 1817 г., № 156. Въ ней было сказано: „Кто изъ просвѣщенныхъ любителей отечественной словесности не читалъ, кто не восхищался стихотвореніями г. Батюшкова? Кто не видѣлъ въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ поэтовъ вѣка Александрова? Кто не отдавалъ справедливости отличному и вмѣстѣ образованному его таланту, пламенному воображенію, богатству мыслей, силѣ чувствъ, пріятности выраженія и сладостной гармоніи стиховъ его? Прозаическія его произведенія, разсѣянныя въ разныхъ журналахъ и по большей части напечатанныя безъ имени автора, вообще не столь извѣстны, хотя не менѣе того заслуживаютъ. Полное собраніе, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, есть прекраснѣйшій подарокъ, какой только сочинитель и издатель могли сдѣлать публикѣ. Вышедшая уже въ свѣтъ, первая часть сего собранія содержитъ въ себѣ прозаическія произведенія г. Батюшкова. Самый выборъ предметовъ дѣлаетъ уже честь автору: отечественный языкъ, изящная словесность вообще и нѣкоторыя отрасли ея въ особенности, свободныя художества, жизненная философія, нравственность и религія попеременно занимали перо его. Здѣсь оттѣняетъ онъ черты истиннаго поэта и вмѣстѣ, самъ о томъ не помышляя, черты собственнаго своего изображенія. Тамъ разсуждаетъ онъ о піитическомъ характерѣ безсмертныхъ образцовъ своихъ: величественнаго Тасса, игриваго Аріоста и нѣжнаго Петрарки. Здѣсь входитъ онъ въ отечественный храмъ свободныхъ художествъ и, какъ усердный, но безпристрастный любитель, взвѣшиваетъ красоты и недостатки извѣстнѣйшихъ ихъ произведеній. Тамъ, склонясь на урну благотворителя, проливаетъ онъ сладостныя слезы благодарности и осыпаетъ могилу его неувядаемыми цвѣтами. Наконецъ, какъ нелицемѣрный поборникъ вѣры и благочестія, разительными чертами изображаетъ благотворительное оныхъ вліяніе на нравственность человѣка, гражданина и писателя, вліяніе, въ полной мѣрѣ оправданное собственнымъ его примѣромъ“. Приводя далѣе отрывокъ изъ статьи нашего автора: „Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи“, Козловъ заключаетъ свою рецензію слѣдующими словами: „Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи выписать сіе прекрасное мѣсто, но если бы хотѣли распространить наши извлеченія, то надлежало бы переписать почти всю книгу. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ второй части, то-есть, піитическихъ твореній почтеннѣйшаго поэта-литератора“.

Эта лестная рецензія напомнила Батюшкову сцену между Виргиліемъ и Стаціемъ въ „Purgatorio“, c. XXI; нашъ поэтъ намекаетъ преимущественно на слѣдующіе стихи (130—132):

Già si chinava ad abbracciar li piedi
Al mio Dottor: ma e'gli disse: Frate,
Non far; chè tu se' ombra ed ombra vedi.

Въ Сынѣ Отечества помѣщены были двѣ библіографическія замѣтки А. Е. Измайлова — по мѣрѣ выхода двухъ частей „Опытовъ“. Въ первой (С. От. 1817 г., ч. 39, № 27) говорится о томѣ, содержащемъ въ себѣ прозаическія статьи Батюшкова: сперва сдѣланъ перечень помѣщенныхъ статей, а потомъ сказано: „Кромѣ образцоваго перевода изъ Боккачьо, всѣ прочія піесы принадлежатъ собственно сочинителю и показываютъ пламенную любовь его ко всему великому и изящному, особенно искреннее уваженіе къ великимъ дарованіямъ, неразлучнымъ съ превосходными качествами души и сердца, основательный и острый умъ, глубокія свѣдѣнія въ словесности и вкусъ самый разборчивый и самый вѣрный“. Замѣтка заключается похвалой внѣшнему виду изданія и обѣщаніемъ дать подробный отзывъ о второмъ томѣ „Опытовъ“, который будетъ содержать въ себѣ стихи. Однако отзывъ журнала о II-й части „Опытовъ“ (С. От. 1817 г., ч. 41, № 41) состоялъ лишь изъ слѣдующихъ строкъ: „Въ сей книгѣ помѣщено 52 стихотворенія, не считая надписей, эпиграммъ и т. д. Многія исправлены, передѣланы, а нѣкоторыя появляются еще въ первый разъ въ печати, какъ-то ... (слѣдуетъ перечень ихъ). Г. Батюшковъ есть одинъ изъ лучшихъ или классическихъ нашихъ поэтовъ. Съ отличными дарами, полученными имъ отъ природы, соединяетъ онъ самый правильный и тонкій вкусъ. Стихотворенія его можно уподобить драгоцѣннымъ камнямъ, не имѣющимъ никакихъ почти недостатковъ и вышлифованнымъ самымъ лучшимъ образомъ“. Затѣмъ опять высказано обѣщаніе дать подробный разборъ стихотвореній нашего поэта, чего однако исполнено не было [1]).

Очевидно, все это были только летучія журнальныя замѣтки, и не того желалъ нашъ поэтъ. Болѣе всего ждалъ онъ ободренія себѣ въ родѣ той похвалы Мольеру, о которой онъ упоминаетъ въ письмѣ. Эта одобрительная похвала французскому комику, по преданію, относится къ „Précieuses Ridicules“. Комедія эта, впервые представленная 18-го ноября 1659 г., хотя и встрѣтила неодобреніе со стороны отдѣльныхъ лицъ, однако въ большинствѣ публики имѣла огромный успѣхъ и послужила основой славы Мольера. По свидѣтельству одного изъ старинныхъ біографовъ его, какой-то старикъ, на первомъ представленіи названной комедіи, будто бы воскликнулъ: „Courage, Molière! Voilà la bonne comédie!“. Позднѣйшіе изслѣдователи жизни Мольера однако сомнѣваются въ достовѣрности этого сообщенія (Les grands écrivains de la France. Oeuvres de Molière. Edition Eug. Despois. P. 1875. T. II, p. 13).

Изъ всѣхъ вышеуказанныхъ въ печати отзывовъ о сочиненіяхъ Батюшкова нашъ поэтъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣнилъ тотъ, который появился въ издававшейся въ Петербургѣ газетѣ Le Conservateur impartial. Редак-

[1]) Только въ 1818 году уже самъ Гречъ высказалъ нѣсколько похвалъ Батюшкову въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1817 г. (Сынъ Отечества 1818 г., ч. 43, № 1, стр. 11).

торомъ этой газеты былъ аббатъ Мангенъ, бывшій воспитатель С. С. Уварова, и послѣдній помѣщалъ въ ней иногда статьи, которыя печатались съ отмѣткой: „communiqué“. Одна изъ такихъ статей появилась въ № 77 Conservateur за 1817 г., подъ заглавіемъ: „Coup d'oeil sur l'état actuel de la litterature russe. Article I“; она отличается довольно смутными свѣдѣніями о русской литературѣ, однако высказываетъ большое сочувствіе Жуковскому; любопытно также, что въ ней придается большое значеніе стихотворнымъ опытамъ А. Н. Радищева (напомнимъ кстати, что Уваровъ съ сочувствіемъ говоритъ о стихотворствѣ Радищева въ своемъ „Отвѣтѣ В. В. Капнисту“, въ 17-й книжкѣ Чтеній въ Бесѣдѣ любителей р. слова, въ 1815 г.); статья французскаго журнала была переведена въ Вѣстникѣ Европы 1817 г., ч. 95, № 18, стр. 154—157, и вызвала въ томъ же журналѣ, ч. 96, № 23 и 24, рѣзкое возраженіе присланное изъ Петербурга какимъ-то В. С.; ср. замѣчаніе Дмитріева въ его письмѣ къ А. И. Тургеневу — Р. Арх. 1867, ст. 1105—1106. Затѣмъ въ Conservateur, № 83, появилась еще статья о русской словесности, опять съ отмѣткой: „communiqué“; она также была переведена въ Вѣстникѣ Европы 1817 г., ч. 96, № 23 и 24, но въ сокращеніи. Статья эта вся посвящена „Опытамъ“ Батюшкова. Сперва дѣлается общее замѣчаніе о томъ, что въ литературѣ возможно одновременное существованіе различныхъ направленій или школъ. Затѣмъ авторъ признаетъ, что въ новѣйшей русской литературѣ обнаруживаются два такія направленія, и переходитъ къ ихъ характеристикѣ:

„Il est certain que dans la génération actuelle des poètes, le premier rang appartient à m-r de Joukowsky; ses ennemis, et il serait fâcheux qu'il n'en eût pas, semblent eux-mêmes ne plus lui disputer ce titre; le poète de l'année 1812 est le favori de sa nation. Son procès est jugé et gagné: en avouant la supériorité de son talent et son droit incontestable à la première place, les connaisseurs hésitent à déterminer celle qui convient à m-r de Batuschkoff dont on peut dire: non secundus sed alter; son talent poétique qui sous quelques rapports n'est nullement inférieur à celui de m-r de Joukowsky, porte un caractère trop différent de celui-ci pour pouvoir lui être subordonné; ce qu'ils ont en commun c'est un sentiment exquis des beautés de la langue, une imagination brillante, une harmonie parfaite: mais tous deux se sont tracé des routes tout-à-fait différentes: m-r Joukowsky nourri de la lecture des poètes anglais et allemands, a créé parmi nous le genre de Scott, du lord Byron, et de Goëthe; m-r Batuschkoff, amateur passionné de la poésie italienne et de la poésie française, se plaît à imiter le molle facetum qui distingue l'une, et la grâce piquante qui appartient exclusivement à l'autre; le premier a plus de verve et plus d'élan, le second plus d'élégance et plus de fini; celui-là ose davantage, celui-ci ne donne rien au hasard; l'un est le poète du nord, l'autre le poète du midi; les couleurs de m-r Joukowsky sont fortes et pittoresques, son style étincelant d'images; une sensibilité vive et profonde anime toutes ses productions. M-r Batuschkoff est plus égal, plus correct, ses hardiesses sont sages, son goût exercé; il est plus érotique qu'amoureux, plus passionné que sensible; il imite avec un égal succès Tibulle et Parny. Parmi les morceaux que renferme le second volume de ses oeuvres, se distinguent principalement quelques élégies imitées de Tibulle, deux ou trois morceaux charmans d'après Parny, une traduction du combat d'Homère et d'Hésiode par Mille-

voye, quelques épitres familières, un conte où il met en opposition le désir de courir le monde avec les douceurs de la vie sédentaire; enfin une élégie intitulée le „Tasse mourant“ que l'on peut regarder comme son chef-d'oeuvre. Peu de sujets pouvaient à la vérité prêter autant à l'imagination. Le Capitole préparé pour le triomphe du poète, les rues jonchées de fleurs, le pontife prêt à couronner le chantre de Godefroy et à réparer enfin les injustices du sort acharné à le poursuivre, et au milieu de ce tableau le Tasse sur son lit de douleur, demandant en vain à la destinée de prolonger sa vie d'un seul jour, le Tasse expirant au moment de son apothéose, exhalant son dernier soupir, en invoquant le nom chéri d'Eléonore. On peut dire que m-r Batuschkoff n'est pas resté au-dessous de son sujet. On y remarque une grande richesse d'expression, une singulière vivacité de couleurs, beaucoup de goût et de sensibilité. On croirait, en lisant ce morceau, sentir quelquesunes des émanations de l'Italie. Les connaisseurs en font leurs délices, et ne cesseront de le proposer pour modèle à ceux de nos jeunes poètes qui ne se contentent pas d'assembler des syllabes ou d'enfiler des rimes au hasard. La publication des poésies de m-r Batuschkoff est un service rendu à la litterature nationale; c'est comme poète que nous l'avons envisagé; il écrit d'ailleurs en prose avec élégance et agrément. Le premier volume contient la prose et le second les vers“.

Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что этотъ отзывъ, во всякомъ случаѣ обнаруживающій просвѣщенный вкусъ критика, написанъ былъ С. С. Уваровымъ; а его сужденіямъ, какъ видно изъ писемъ (стр. 439, 510), нашъ поэтъ придавалъ особенную цѣну.

— (**Стр. 459—460**). Замѣчанія, которыхъ ожидалъ Батюшковъ отъ Гнѣдича, должны были касаться новѣйшихъ произведеній перваго; въ особенности интересовался нашъ поэтъ отзывами о своей сказкѣ „Странствователь и Домосѣдъ“; онъ спрашивалъ о ней Жуковскаго (т. III, стр. 362), просилъ Гнѣдича сообщить ему отзывъ Крылова (стр. 458) и огорчился неодобреніемъ Вяземскаго (стр. 360). Переводъ Бокаччіевой „Моровой заразы“, по видимому, подвергся особой критикѣ со стороны Гнѣдича, на которую впрочемъ вызывалъ и самъ Батюшковъ (т. III, стр. 420). Какъ бы то ни было, Гнѣдичъ не напечаталъ „Заразы“ въ „Опытахъ“ и не отослалъ ея къ Каченовскому: она явилась въ печати только въ 1819 г. (т. III, стр. 568).

CCXIX. **П. С. КОНДЫРЕВУ.** 23-го іюля 1817 г. (Деревня). Печатается съ чернового наброска въ записной книжкѣ К. Н. Батюшкова, принадлежащей П. И. Батюшкову.

— (**Стр. 459**). Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ, воспитанникъ Казанскаго университета, съ 1814 года занимавшій въ немъ каѳедру историческихъ наукъ и политической экономіи, былъ однимъ изъ основателей и первымъ секретаремъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности, начавшаго свою дѣятельность въ 1806 году. Изъ отдѣльно изданныхъ трудовъ Кондырева извѣстны: 1) Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи А. Смита. Соч. Сарторіуса. Съ нѣм. Казань. 1812.

2) Начальный курсъ философіи, Снелля. Съ нѣм. (съ А. С. Лубкинымъ), 5 частей. Казань. 1813. 3) Назидательная брошюра „Конецъ временъ“, неоднократно издававшаяся; 4-е изданіе ея вышло въ Петербургѣ въ 1819 г. О Кондыревѣ см. статью П. А. Попова: „Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани, съ 1805 по 1834 г.“, въ Р. Вѣстникѣ 1859 г., сентябрь, кн. I.

CCXX. И. И. ДМИТРІЕВУ. 10-го августа 1817 г. (Село Даниловское). Напечатано въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 1642 — 1644, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. А. Дмитріевымъ.

— (**Стр. 463**). „Разставщики кавыкъ“ и пр. — слова самого Дмитріева (см. въ этомъ томѣ стр. 672).

CCXXI. А. Н. БАТЮШКОВОЙ. 17-го августа (1817 г. Устюжна). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXII. А. Н. БАТЮШКОВОЙ. 24-го августа (1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXIII. КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 28-го августа (1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 465**). Жучокъ — Жуковскій.

— (**Стр. 465**). Николай Николаевичъ Новосильцовъ, впослѣдствіи графъ (род. въ 1762 г., ум. въ 1838), состоялъ въ то время делегатомъ императора Александра при правительственномъ совѣтѣ Царства Польскаго. О Новосильцовѣ въ Петербургѣ въ 1817 г. есть любопытная замѣтка въ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, стр. 214 — 215, а о поступленіи кн. Вяземскаго на службу въ Варшавѣ см. въ Соч. его, т. I, стр. XXXVIII, и также въ тѣхъ же письмахъ Карамзина.

CCXXIV. А. И. ТУРГЕНЕВУ. (Августъ — сентябрь 1817 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1500, съ копіи, доставленной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

CCXXV. КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 13-го сентября (1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (Стр. 467). Батюшковъ благодаритъ кн. П. А. Вяземскаго за статью о жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова, появившуюся при изданіи сочиненій Озерова: С.-Пб. 1817. Двѣ части, въ типографіи Императорскаго театра (ср. Соч. кн. Вяз., т. I, стр. 24—50).

— (Стр. 468). А. И. Тургеневъ носилъ въ Арзамасѣ прозваніе „Эоловой Арфы".

— (Стр. 468). Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ (род. ок. 1775 г., ум. въ 1827) былъ сынъ Алексѣя Александровича и Настасьи Ивановны Плещеевыхъ, которымъ Карамзинъ посвятилъ свои „Письма русскаго путешественника"; Николай Михайловичъ былъ очень друженъ съ ними, и первая его жена была сестра Настасьи Ивановны. Въ 1794 г. онъ написалъ также извѣстное посланіе и къ сыну ихъ. Молодой Плещеевъ былъ страстный любитель музыки и театра и отчасти композиторъ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 122; Соч. Держ., 1-е академ. изд., т. VI, стр. 149. 150). По словамъ кн. П. А. Вяземскаго, онъ мастерски писалъ французскіе стихи и былъ хорошо знакомъ съ русскою литературой (Р. Архивъ 1866 г., стр. 875). Плещеевъ началъ службу въ гвардіи, но женившись на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой (ум. въ 1817 году), поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Черни, находившемся въ Болховскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, верстахъ въ 40 отъ с. Муратова, гдѣ жила со своимъ семействомъ Е. А. Протасова, приходившаяся по мужѣ теткой Плещееву. „Молодые супруги", говоритъ Вигель,—„перенесли въ свое сельское убѣжище часть столичныхъ забавъ, къ коимъ пріучена была знать: сюрпризамъ, домашнимъ спектаклямъ, fêtes champêtres, маскарадамъ конца не было" (Воспоминанія, ч. V, стр. 45). „На домашнемъ театрѣ Плещеева представлялись комедіи и оперы, имъ самимъ сочиненныя и положенныя на музыку. Плещеевъ, обладая прекраснымъ талантомъ читать и играть драматическія сочиненія, руководилъ театральными представленіями съ рѣдкимъ искусствомъ. Смуглое лицо его, съ толстыми губами и черными кудрявыми волосами (за что Жуковскій въ письмахъ часто называлъ его: „черная рожа" и „мой Негръ"), казалось некрасивымъ, пока при чтеніи или въ игрѣ онъ не воспламенялся трагическими или комическими порывами. Эта артистическая, веселая натура привлекла Жуковскаго всею симпатіей поэтической души. И Плещеевъ крѣпко полюбилъ его. Переписывались они всегда стихами Плещеевъ—по французски, Жуковскій—по русски. Плещеевъ сочинилъ музыку на всѣ романсы Жуковскаго, а жена его пѣла ихъ прекраснымъ своимъ голосомъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти драгоцѣнные памятники дружескихъ связей Жуковскаго съ Плещеевымъ погибли въ пожарѣ господскаго дома въ Черни. Къ такому любезному хозяину со всей окружности охотно съѣзжались гости, которые даже играли и пѣли вмѣстѣ въ домашней труппѣ. Конечно, и Василій Андреевичъ участвовалъ въ этихъ художественныхъ увеселеніяхъ" (Зейдлицъ. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 44 — 45). Любопытныя подробности о празднествахъ въ Черни находятся также въ разсказѣ г. Толычовой (Р. Арх. 1877 г., кн. II, стр. 366—368). Въ 1817 году, послѣ смерти своей жены, Пле-

щеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ сдѣлался членомъ Арзамасскаго кружка. По этому поводу Вигель говоритъ: „Жуковскій возвѣстилъ намъ о немъ, какъ о неисчерпаемомъ источникѣ веселій, а намъ то и надо было. Сначала дѣйствительно онъ всѣхъ насмѣшилъ. По смуглому цвѣту лица всеобщій креститель нашъ назвалъ его Чернымъ Враномъ. Намъ наскучило наконецъ слушать этого ворона, когда онъ каркалъ только затверженное, а своего уже ровно у него ничего не было. Ему было повезло: онъ попалъ въ чтецы къ императрицѣ Маріи, сдѣланъ камергеромъ и членомъ театральной дирекціи“ (Воспом. ч. V, стр. 45 — 46). Одна изъ піесъ Плещеева, именно „Принужденная женитьба“, комическая опера въ 1 д., передѣланная съ французскаго, съ хорами, дивертисементомъ и музыкой его же сочиненія, была представлена на петербургской сценѣ 15-го мая 1819 г. (Араповъ. Лѣтопись р. театра, стр. 276).

Знакомство Батюшкова съ А. А. Плещеевымъ едва ли восходитъ ранѣе 1817 года. (**В. С.**).

— (**Стр. 469**). „Вотъ я васъ“ — арзамасское прозвище В. Л. Пушкина.

CCXXVI. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Сентябрь 1817 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 653. Подлинникъ находился у покойнаго Ивана Ѳедоровича Золотарева.

— (**Стр. 469**). Первый томъ „Исторіи государства Россійскаго“ былъ конченъ печатаніемъ къ іюлю 1817 г., между тѣмъ какъ семь слѣдующихъ еще находились въ печати; къ ноябрю и они были конечны; 28-го января 1818 г. Карамзинъ поднесъ экземпляръ „Исторіи“ императору Александру, а затѣмъ въ февралѣ она поступила въ продажу (Письма Карамзина къ Дмитріеву стр. 216, 224, 232 и 096).

CCXXVII. **Е. А. КАРАМЗИНОЙ.** (Сентябрь 1817 г. Петербургъ). Напечатано въ сборникѣ М. П. Погодина: Утро. М. 1866, стр. 186 — 187, и въ его же сочиненіи: Николай Михайловичъ Карамзинъ. М. 1866, т. II, стр. 209—210.

CCXXVIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 29-го сентября 1817 г. Петербургъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXIX. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Начало октября 1817 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1500, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева. Городская записка.

CCXXX. **И. И. МАРТЫНОВУ.** (Октябрь 1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Я. Дашкова.

CCXXXI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 19-го октября (1817 г. Петербургъ). Отрывокъ изъ этого письма напечатанъ въ статьѣ Н. Ѳ. Буякова: „К. Н. Батюшковъ“. (Москвитянинъ 1855 г., № 23 и 24, стр. 112). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXXII. **И. И. ДМИТРІЕВУ.** 26-го октября 1817 г. Петербургъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1866 г., стр. 1644, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. А. Дмитріевымъ.

CCXXXIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Начало ноября 1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXXIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 6-го ноября (1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXXV. **М. Н. ЗАГОСКИНУ.** (Первая половина ноября 1817 г. Петербургъ). Напечатано въ сборникѣ Н. В. Сушкова: Раутъ, книга III. М. 1854, стр. 314.

— (**Стр. 479**). Въ т. II, стр. 535, уже замѣчено, что чтеніе Батюшковымъ Сумарокова въ 1817 г. могло находиться въ связи съ задуманнымъ имъ очеркомъ новой русской литературы.

CCXXXVI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Средина ноября 1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXXVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (26-го ноября 1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXXVIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (27-го ноября 1817 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXXXIX. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** (Начало декабря 1817 г. Устюжна). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXL. **НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.** (1817 г.). Подлинникъ, оставшійся не отправленнымъ, у П. Н. Батюшкова.

CCXLI. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 6-го декабря 1817 г. (Устюжна). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1502—1503, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CCXLII. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** (Первая половина) января 1818 г. Петербургъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1870 г., ст. 176. Подлинникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

— (**Стр. 487**). Дѣло, о которомъ Батюшковъ пишетъ къ Жуковскому, находившемуся тогда, вмѣстѣ съ дворомъ, въ Москвѣ, есть опредѣленіе его на дипломатическую службу въ Италію (ср. выше стр. 474).

— (**Стр. 488**). Кассандра—арзамасское прозваніе Д. Н. Блудова; въ концѣ 1817 г. и въ началѣ 1818 г. онъ, подобно Жуковскому, находился въ Москвѣ, куда поѣхалъ съ гр. И. А. Капо д'Истріа и дипломатическою канцеляріей.

— (**Стр. 488**). Пушкинъ-староста есть Василій Львовичъ, староста Арзамаса; племянникъ его—знаменитый Александръ Сергѣевичъ, который въ январѣ и февралѣ 1818 г. былъ боленъ гнилою горячкою (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е, т. V, стр. 37).

CCXLIII. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** (Первая половина января 1818 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1870 г., ст. 1717. Подлинникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

— (**Стр. 488—489**). Батюшковъ желалъ счастія Сѣверину по случаю женитьбы его на Еленѣ Скарлатовнѣ Стурдза (род. въ 1794 г., ум. 20-го іюня 1818 г.).

— (**Стр. 489**). Упоминаніе о Гребеневскомъ ключѣ относится къ одѣ Державина (Соч., 1-е акад. изд., т. I, стр. 77—80) „Ключъ", въ которой воспѣтъ родникъ въ принадлежавшемъ М. М. Хераскову селѣ Гребеневѣ. „Въ одѣ „Ключъ", говоритъ Я. К. Гротъ,—„высказалась любовь (Державина) къ поэзіи въ благоговѣніи къ Хераскову, который въ то время занималъ мѣсто куратора Московскаго университета и считался звѣздою первой величины на горизонтѣ русской литературы. Поэтъ, лично съ нимъ знакомый, переносится мыслью въ его подмосковное имѣнье, рисуетъ картину тамошняго ключа и выражаетъ желаніе имѣть такую же чистую мысль и такой же звучный голосъ" (Соч. Держ., т. VIII, стр. 288). Мысль Батюшкова совершенно противоположна Державинской: онъ выражаетъ желаніе, чтобы Жуковскій никому не подражалъ, а шелъ бы своею собственною дорогой, избирая притомъ для своихъ произведеній русскіе сюжеты.

CCXLIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 24-го января (1818 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCXLV. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** (Начало февраля 1818 г. Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 489**). Князь П. А. и княгиня В. Ѳ. Вяземскіе лишились старшаго своего сына, кн. Андрея, еще въ ноябрѣ 1817 г. (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 225); но Батюшковъ не писалъ князю съ сентября того же года, а потому въ февралѣ слѣдующаго счелъ долгомъ выразить ему свое соболѣзнованіе.

CCXLVI. **И. И. ДМИТРІЕВУ.** 22-го февраля 1818 г. Петербургъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 1645—1646, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. А. Дмитріевымъ.

— (**Стр. 491**). Новая монаршая милость Дмитріеву — пожалованіе ему чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, послѣдовавшее 10-го февраля 1818 г. въ Москвѣ (ср. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 233).

CCXLVII. **А. Н. ОЛЕНИНУ.** Мартъ 1818 г. Петербургъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1505, съ копіи. Подлинникъ у Н. И. Стояновскаго. На верху письма рукою Оленина помѣчено: 25 марта 1818.

CCXLVIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Май 1818 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Я. Дашкова.

— (**Стр. 493**). Пономаревы—супруги, которыхъ домъ въ Петербургѣ былъ посѣщаемъ многими литераторами въ 1818—1824 гг. Самъ Пономаревъ былъ личность, по видимому, довольно незначительная, но жена его, Софья Дмитріевна, рожденная Позднякъ (ум. въ 1824 г.), была прекрасная собою, умная и любезная женщина (см. о ней въ статьѣ В. П. Гаевскаго о Дельвигѣ—Современникъ 1854 г., т. XLIII, стр. 27 — 41 и въ Воспоминаніяхъ В. П. Панаева — Вѣстникъ Европы 1867 г., т. III, стр. 265 — 267). Батюшковъ также посѣщалъ домъ С. Д. Пономаревой. По свидѣтельству Н. С. Тихонравова (разборъ 1-го изданія „Мелочей“ М. А. Дмитріева—Отеч. Зап. 1855 г., т. XCVIII, стр. 21), „въ альбомѣ С. Д. Пономаревой, украшенномъ произведеніями Жуковскаго, Дельвига, Гнѣдича, Крылова, Баратынскаго, рисунками Кипренскаго, находится и портретъ Батюшкова, нарисованный имъ самимъ въ зеркало, но не совсѣмъ похожій по отзыву хозяйки альбома: поэтъ изображенъ въ шляпѣ, съ длинными вьющимися волосами“.

— (**Стр. 493**). Любопытенъ перечень книгъ, которыми желалъ запастись Батюшковъ, отъѣзжая въ Крымъ. Книги эти суть: 1) Физическое описаніе Таврической области, соч. К. Габлица. С.-Пб. 1785; 2) Таврикія, или извѣстія древнѣйшія и новѣйшія о состояніи Крыма и его жителей до нашихъ

временъ. Соч. Адама Нарушевича. Переводъ съ польскаго. Кіевъ 1788; 3) трагедія Эврипида „Ифигенія въ Тавридѣ“, и 4) то самое „Путешествіе“ кн. Шаликова, надъ которымъ еще недавно онъ потѣшался въ письмѣ къ Оленину (см. выше, стр. 444). Это пестрое собраніе книгъ Батюшковъ характеризуетъ стихами Востокова, помѣщенными нѣкогда въ Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества любителей словесности (кн. I, стр. 8), и которые Батюшковъ приводитъ, значительно измѣняя ихъ. Въ подлинникѣ стихи Востокова читаются такъ:

О, какая гармонія
Въ рѣдкій сей ансамбль влита!
Сладкая улыбка кроетъ
Розовы уста,
Изъ которыхъ я услышалъ:
„Здравствуй, милый мой піитъ!
„Знать ты съ музою въ бесѣдѣ,
„Что твой веселъ видъ!“
О, Филлида, я въ восторгѣ,
Я теперь совсѣмъ піитъ,
Ибо грація и муза
Предо мной стоитъ.

CCXLIX. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** 9-го мая (1818 г. Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 494**). „Für Wenige—Для немногихъ“—брошюрки, которыя печаталъ Жуковскій въ 1818 году, въ Москвѣ; всѣхъ такихъ брошюръ было выпущено шесть. Въ № 5 этого изданія впервые было напечатано извѣстное стихотвореніе Жуковскаго „Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича“.

— (**Стр. 494**). Блудовъ уѣхалъ въ концѣ апрѣля 1818 г. за границу, будучи опредѣленъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ; въ то же время отправился къ мѣсту своего новаго назначенія П. И. Полетика, а Ф. Ф. Вигель, также Арзамасецъ и авторъ не разъ цитованныхъ „Воспоминаній“, просто отправился погулять по Европѣ (Ковалевскій. Графъ Блудовъ, стр. 124; Вигель. Воспоминанія, ч. 5, стр. 74).

— (**Стр. 494**). 22-го марта 1818 г. послѣдовало открытіе каѳедры восточныхъ языковъ въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, и по этому случаю С. С. Уваровъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ важность вновь вводимыхъ предметовъ преподаванія (о торжествѣ открытія и о рѣчи Уварова см. статью Ѳ. Н. Глинка въ Сынѣ Отечества 1818 г., ч. 45, № 13, стр. 22—36).

— (Стр. 494). „Прелестная поэма“ молодаго Пушкина—„Русланъ и Людмила“. Батюшковъ слышалъ первыя пѣсни ея на вечерахъ у Жуковскаго (П. В. Анненковъ. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина, стр. 50) и тѣмъ болѣе могъ интересоваться ею, что самъ незадолго передъ тѣмъ задумывалъ поэму изъ преданій русской старины.

CCL. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 11-го мая 1818 г. Петербургъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1504—1505. Подлинникъ у П. И. Саввантова.

CCLI. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** (Средина мая 1818 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1506, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (Стр. 496). О Д. М. Полторацкомъ см. выше стр. 635.

CCLII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 23-го мая 1818 г. (Москва). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCLIII. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** (Исходъ мая 1818 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1506—1508, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CCLIV. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Начало іюня 1818 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1508—1511, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (Стр. 501). Княгиня Авдотья Ивановна Голицына, рожденная Измайлова (род. въ 1780 г., ум. въ 1850)—та самая, которая носила прозваніе „la princesse Nocturne“ или „la princesse Minuit“. Свѣдѣнія о ней и ея литературныхъ трудахъ см. въ сочиненіи кн. Н. Н. Голицына: Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ, стр. 175—176, и въ Записной Книжкѣ кн. Вяземскаго (Соч., т. VIII, стр. 378—384).

CCLV. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** 13-го іюня (1818 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1512—1513, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (Стр. 503). Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ (род. въ 1777 г., ум. въ 1831) былъ въ то время Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

CCLVI. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 13-го іюня (1818 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1513—1515, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 505**). Саша — Александръ Михайловичъ Муравьевъ (см. выше стр. 715); Ипполитъ — Муравьевъ-Апостолъ, третій сынъ Ивана Матвѣевича (см. выше стр. 733). О педагогѣ Гейденѣ свѣдѣній не имѣемъ; изъ дальнѣйшихъ писемъ видно только, что онъ дѣйствительно поступилъ къ Муравьевымъ. Объ Евансѣ см. выше стр. 700.

CCLVII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 13-го іюня (1818 г.). Москва. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCLVIII. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Исходъ іюня 1818 г. Полтава). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1516—1519, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (**Стр. 510**). Въ 1818 г. Жуковскимъ были напечатаны, въ изданіи „Для немногихъ“, двѣ переведенныя изъ Шиллера баллады: „Рыцарь Тогенбургъ“— въ № 1, и „Графъ Габсбургскій“—въ № 5. Отрывокъ изъ „Іоганны“, то-есть, изъ „Орлеанской дѣвы“, появился въ № 6 того же изданія; „Горная пѣсня“ („Горная дорога“) напечатана въ № 4, вмѣстѣ съ „Деревенскимъ сторожемъ въ полночь“, съ „Лѣснымъ царемъ“ и съ „Лѣтнимъ вечеромъ“.

— (**Стр. 510**). Николай Ивановичъ—Тургеневъ.

— (**Стр. 510**). Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій (род. въ 1778 г., ум. въ 1844) былъ генералъ-губернаторомъ Малороссійскимъ съ 1816 по 1834 годъ. Его сестра, княжна Софья, была замужемъ за кн. Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ.

— (**Стр. 510**). О Томонѣ и сооруженномъ имъ памятникѣ Полтавскаго сраженія см. въ т. II, стр. 435; кромѣ того, о полтавскомъ памятникѣ см. кн. И. М. Долгорукаго: Славны бубны за горами или мое путешествіе коекуда 1810 года. М. 1870, стр. 68—71.

CCLIX. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** (Исходъ іюня 1818 г. Полтава). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1515 — 1516, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 511**). Сережа — Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ (см. о немъ выше стр. 733). Матвѣй—старшій его братъ (род. въ 1793 г., ум. въ 1886).

CCLX. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ.** 12-го іюля (1818 г.) Одесса. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1521 — 1524, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 512**). О графѣ К. Фр. де-Сенъ-При см. выше стр. 717.

— (**Стр. 514—515**). Объ аббатѣ Николѣ и Одесскомъ лицеѣ, см. въ письмѣ № CCLXVIII и въ примѣчаніяхъ къ нему.

— (**Стр. 515**). Княгиня Зенаида Александровна Волконская, рожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская (ум. въ 1862 г.), супруга егермейстера князя Никиты Григорьевича Волконскаго, получила блестящее воспитаніе подъ руководствомъ своего отца, который самъ былъ человѣкъ просвѣщенный во вкусѣ XVIII вѣка и немного писатель. Ея прекрасная наружность, ея умъ и разнообразныя дарованія обратили на нее общее вниманіе при первомъ вступленіи ея въ свѣтъ. Императоръ Александръ любилъ бывать въ ея обществѣ, особенно въ Теплицѣ и Прагѣ въ 1813 г., затѣмъ въ Парижѣ и потомъ на конгрессахъ Вѣнскомъ и Веронскомъ. Княгиня, какъ во время своего пребыванія за границей, такъ и живя въ Россіи, особенно въ Москвѣ, гдѣ она провела пять лѣтъ (1824—1829 гг.), находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ представителями литературы, науки и искусства и сама много занималась музыкой и литературой. Она писала стихи и начала романъ „Ольга“, который остался не конченнымъ. Произведенія ея въ прозѣ и стихахъ, печатались въ Дамскомъ Журналѣ (1825 и 1826 гг.), Моск. Телеграфѣ (1826 и 1828 гг.), Моск. Вѣстникѣ (1827 и 1830 гг.), Славянинѣ (1828 г.), Галатеѣ (1829 г.), Телескопѣ (1831 г.), Моск. Наблюдателѣ (1836 г.), Литер. прибавленіяхъ къ Р. Инвалиду (1838 г.) и въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ (1830—1832 гг.). Кромѣ того, нѣкоторыя вещи написаны ею по французски. Впослѣдствіи, въ 1865 г., сочиненія ея, написанныя на русскомъ и французскомъ языкахъ, были изданы въ Парижѣ и Карлсруэ. Княгиня состояла почетнымъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей и предлагала ему войдти въ сношенія съ подобными же обществами въ западной Европѣ (Записки и труды Общ. ист. и др., ч. III и IV). Съ 1829 г. княгиня уѣхала въ Италію, приняла тамъ католичество и скончалась въ Римѣ. См. о ней Р. Архивъ 1864 г., ст. 667, и 1867 г., ст. 311—313, и Р. Старину 1874, т. XII, стр. 822. Объ отъѣздѣ княгини изъ Москвы въ Одессу, въ октябрѣ 1817 г., въ сопровожденіи Италіянца Барбери, есть извѣстіе въ письмахъ М. А. Волковой (Вѣстникъ Европы 1875 г., № 8, стр. 679).

CCLXI. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** 12-го іюля (1818 г.) Одесса. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1519 — 1521, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (**Стр. 516**). Канцеляріей Новороссійскаго генералъ-губернатора завѣдывалъ въ 1818 году надворный совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Саражиновичъ.

— (Стр. 517). Князь Серра-Капріола (Antonio Maresca Donorso duca di Serra-Capriola, род. въ 1750 г., ум. въ 1822) былъ съ 1782 г. неаполитанскимъ посланникомъ при Русскомъ дворѣ и, вслѣдствіе своей женитьбы на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской, дочери екатерининскаго генералъ-прокурора, пользовался большою извѣстностью въ Петербургскомъ обществѣ.

— (Стр. 517). Иванъ Гуржеевъ воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ во времена Жуковскаго и Ал. Тургенева и, вѣроятно, въ то же время познакомился съ Гнѣдичемъ; съ 1809 г. служилъ въ Одессѣ, въ канцеляріи генералъ-губернатора, и въ проѣздъ свой въ этомъ году черезъ Полтаву послалъ оттуда письмо о воздвигнутомъ тамъ памятникѣ въ Вѣстникъ Европы, гдѣ оно и напечатано, въ ч. 44, № 5, стр. 36. Кромѣ того, въ № 6 помѣщенъ его переводъ съ италіянскаго: „Бади или откровенность и благоразуміе“. Наконецъ, ему же принадлежитъ переводъ съ французскаго „Первыхъ началъ государственнаго хозяйства“, Хр. Шлецера. М. 1807. Письма Гуржеева къ Гнѣдичу находятся въ собраніи П. Н. Тіханова.

— (Стр. 517). „Le Cantatrice villane“—комическая опера В. Фіораванти (род. въ 1770 г., ум. въ 1837). Объ одесскомъ театрѣ есть нѣсколько замѣтокъ въ книгѣ кн. И. М. Долгорукаго: Славны бубны за горами, стр. 153.

CCLXII. **А. Н. ОЛЕНИНУ.** 17-го іюля 1818 г. Одесса. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1524—1528. Подлинникъ у Н. И. Стояновскаго.

— (Стр. 518). Владѣльцами знаменитаго по своимъ древностямъ села Ильинскаго или Порутина были въ то время графъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ (род. въ 1754 г., ум. въ 1833) и сынъ его графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко (род. въ 1800 г., ум. въ 1855).

— (Стр. 519). Иванъ Павловичъ Бларамбергъ (род. въ 1772 г., ум. 1831), уроженецъ Фландріи, прибылъ въ Россію въ 1795 г., служилъ сперва въ Петербургѣ, а съ 1808 г. въ Одессѣ, гдѣ пристрастился къ древностямъ, сталъ дѣлать раскопки и собирать древнія монеты. Онъ умеръ въ должности директора музеевъ Одессы и Керчи. Ученые труды его, посвященные черноморскимъ древностямъ, исчислены въ Словарѣ Геннади.

— (Стр. 519). Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкамфъ (род. въ 1762 г., ум. въ 1832) — извѣстный юристъ и ученый, авторъ изслѣдованія о Кормчей книгѣ.

— (Стр. 520). Алексѣй Алексѣевичъ — Олениннъ (род. въ 1798 г., ум. въ 1855), младшій сынъ Алексѣя Николаевича.

CCLXIII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** (Конецъ іюля 1818 г. Одесса). Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 244. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 522**). Записки Батюшкова объ Ольвіи, о которыхъ онъ упоминаетъ и въ письмѣ къ А. Н. Оленину (см. выше, стр. 518), не сохранились и въ бумагахъ Гнѣдича, ни въ портфеляхъ Оленина.

— (**Стр. 522**). Дмитрій Прокофьевичъ Поповъ (род. въ 1789 г., ум. въ 1864) воспитывался въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ въ 1814 г. кончилъ курсъ, а съ 1818 года началъ преподавать тамъ древніе языки; кромѣ того, былъ профессоромъ ихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки. Свѣдѣнія о немъ см. въ книгѣ В. В. Григорьева: Имп. С.-Пб. университетъ, гдѣ перечислены и его ученые труды, между которыми важнѣйшій—Исторія Льва діакона Калойскаго. Переводъ съ греческаго. С.-Пб. 1820. Поповъ много помогалъ Ал. Н. Оленину въ его работахъ по греческимъ древностямъ.

CCLXIV. **Е. Ѳ. МУРАВЬЕВОЙ**. 30-го іюля (1818 г. Одесса). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1528, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

CCLXV. **А. И. ТУРГЕНЕВУ**. 30-го іюля 1818 г. Одесса. Напечатано: 1) въ Памятникѣ Отечественныхъ музъ на 1827 г.; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 324 — 326; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 351 — 354.

— (**Стр. 523**). О потерѣ Сѣверина, то-есть, о кончинѣ его молодой жены, см. выше стр. 754. „Почтенный Стурдза“ — братъ ея Александръ Скарлатовичъ (род. въ 1791 г., ум. въ 1854), въ то время еще молодой человѣкъ, служившій съ 1809 г. въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а впослѣдствіи пріобрѣвшій себѣ извѣстность, какъ авторъ замѣчательныхъ сочиненій по богословію и философіи. Стурдза былъ знакомъ съ А. С. Шишковымъ и въ его домѣ читалъ нѣкоторые изъ первыхъ своихъ литературныхъ трудовъ—сравнительный разборъ сказанія о смерти Ипполита въ изложеніи Еврипида, Овидія и Расина и „Опытъ о преподаваніи россійскому юношеству греческаго языка“. Эти труды сблизили его съ Гнѣдичемъ „pour l' amour du grec“. Нѣсколько позже онъ сошелся съ А. И. Тургеневымъ, Д. П. Сѣвериннымъ и вообще со всѣмъ кружкомъ Арзамаса и познакомился съ Карамзинымъ по переѣздѣ его въ Петербургъ. Кромѣ того, онъ былъ близокъ съ графомъ И. А. Каподистріа и посѣщалъ домъ А. Н. Оленина. Такимъ образомъ, онъ вращался въ томъ же кругу, что Батюшковъ; нашъ поэтъ познакомился съ нимъ въ 1818 году и полюбилъ его за статью „Мысли о любви къ отечеству“, помѣщенную въ Журналѣ человѣколюбиваго Общества, въ 1818 г., ч. IV. О сношеніяхъ Батюшкова со Стурдзой упомянуто въ вводной статьѣ къ настоящему изданію. Кромѣ богословскихъ и философскихъ сочиненій на русскомъ и французскомъ языкахъ, Стурдза оставилъ нѣсколько статей историческаго и автобіографическаго содержанія, большая часть ко-

торыхъ была напечатана въ Москвитянинѣ. См. о немъ Краткое свѣдѣніе о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы. Соч. Диктіадиса. Одесса. 1854 (оттискъ изъ Одесскаго Вѣстника). Мать А. С. Стурдзы была изъ дому князей Мурузи; отецъ его, Скарлатъ Дмитріевичъ, по происхожденію молдавскій бояринъ, былъ первымъ русскимъ губернаторомъ въ Бессарабіи и умеръ въ Петербургѣ въ 1816 г. (Сантовъ. Петербургскій некрополь, стр. 127). По словамъ Диктіадиса, еще „въ 1803 г. на это семейство стала изливаться чаша скорбей: безвременная смерть двухъ старшихъ — сестры и брата, недуги родителей и лишенія всякаго рода". Зная объ этомъ и, сверхъ того, о смерти Елены Скарлатовны Сѣвериной 20-го іюня 1818 г., Батюшковъ и могъ сказать, что „все это семейство ходитъ по тернамъ".

— (**Стр. 524**). Яковъ-Генрихъ Мейстеръ (род. въ 1744 г., ум. въ 1826), швейцарскій уроженецъ и французскій писатель, авторъ многихъ сочиненій по части философіи, исторіи и изящной словесности.

CCLXVI. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 3-го августа (1818 г. Одесса). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

CCLXVII. **Н. М. и Е. Ѳ. МУРАВЬЕВЫМЪ.** 3-го августа (1818 г. Одесса). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1530—1531, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. Л. Бибиковымъ.

— (**Стр. 527**). Reichard — авторъ извѣстнаго путеводителя по Италіи.

CCLXVIII. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** 3-го августа (1818 г.). Одесса. Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1528—1530, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (**Стр. 527**). Одесскій лицей — сперва (съ 1805 г.) частное заведеніе аббата Николя, въ 1817 г. обращенное въ казенное учебное заведеніе. Свѣдѣнія о возникновеніи его у Пенго: Les Français en Russie, pp. 234 — 235, 341—344, 412—413. Въ первоначальномъ своемъ видѣ заведеніе имѣло совершенно французскій характеръ и, по видимому, служило орудіемъ для католической пропаганды іезуитовъ, что, конечно, не было извѣстно Батюшкову. Авторъ сочиненія о іезуитахъ въ Россіи, о. М. Морошкинъ, приводитъ изъ письма Батюшкова отзывъ его объ Одесскомъ лицеѣ и затѣмъ прибавляетъ (ч. II, стр. 428): „Мы съ намѣреніемъ привели эту довольно обширную выдержку изъ письма Батюшкова, чтобы показать, до какой наивности и оптимизма доходили взгляды нашихъ лучшихъ людей на іезуитское заведеніе въ Одессѣ, и какъ люди, подобные Батюшкову, не могли изъ-за внѣшняго блеска заведенія и его пышной обстановки видѣть его внутренней пустоты и разъѣдающихъ русскую жизнь началъ. Люди менѣе развитые, чѣмъ Батюш-

ковъ, или менѣе дальновидные, чѣмъ онъ, приходили въ экстазъ и изумленіе отъ заведенія Николя и обрекали себя жертвовать на это безпримѣрное педагогическое заведеніе въ Россіи, въ продолженіе всей своей жизни, довольно значительную по тогдашнему времени сумму".

CCLXIX. **А. И. ТУРГЕНЕВУ**. 26-го августа 1818 г. (Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1531—1532, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

(**Стр. 531**). Упоминаніе о Каченовскомъ разъяснено въ примѣчаніи къ письму № CCLXX.

CCLXX. **А. И. ТУРГЕНЕВУ**. (10-го сентября 1818 г. Москва). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1532—1535, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (**Стр. 532**). Мерзляковъ въ то время переводилъ „Освобожденный Іерусалимъ" Тасса и по временамъ читалъ отрывки изъ своего труда въ засѣданіяхъ Московскаго Общества любителей россійской словесности. Впрочемъ, Батюшковъ, вѣроятно, слушалъ его въ частномъ домѣ, такъ какъ изъ протоколовъ Общества не видно, чтобы 10-го сентября 1818 г. происходило его засѣданіе. Другой переводъ той же поэмы, сдѣланный Шишковымъ въ прозѣ, былъ въ это самое время изданъ въ Петербургѣ Россійскою академіей, и отрывки изъ него были сообщены въ Сынѣ Отечества 1818 г., ч. 48, № 34, въ рецензіи этого изданія; эти-то отрывки и разбираетъ въ своемъ письмѣ Батюшковъ. Рецензія Греча была написана въ тонѣ сдержаннаго неодобренія, и въ ней дѣйствительно есть нѣсколько строкъ точекъ, вѣроятно, означающихъ мѣсто, уничтоженное цензурой.

— (**Стр. 532**). Упоминаемая Батюшковымъ „вылазка или набѣгъ Каченовскаго" на Карамзина заключается въ слѣдующемъ: Когда, въ февралѣ 1818 г., вышли въ свѣтъ восемь томовъ „Исторія государства Россійскаго", въ Вѣстникѣ Европы, ч. XCVIII, № 4, стр. 307—308, они были привѣтствованы съ сочувствіемъ, но притомъ было замѣчено, что для правильной, нелегкомысленной оцѣнки столь обширнаго и важнаго сочиненія нужно время. Въ заключеніе замѣтки говорилось: „Исторія государства Россійскаго" требуетъ разсмотрѣнія прилежнаго, но и безпристрастнаго, ибо грубое пристрастіе—скажемъ собственными словами знаменитаго историка (Предисл., стр. XXIII)—есть слѣдствіе ума слабаго или души слабой". Разбора „Исторіи" не появлялось въ Вѣстникѣ Европы во весь 1818 г., но спустя четыре мѣсяца по напечатаніи упомянутой замѣтки, въ ч. С, № 13, было напечатано безымянное, однако несомнѣнно писанное Каченовскимъ письмо „Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника", въ которомъ была подвергнута разбору помѣщенная въ этомъ журналѣ (№ 5) „Записка о достопамятностяхъ Мос-

квы"; въ этомъ письмѣ указывались разные промахи и недостатки записки, и на основаніи ихъ доказывалось, что она не можетъ быть признана сочиненіемъ Карамзина, какъ о томъ было объявлено въ Украинскомъ Вѣстникѣ. „Одинъ ли Гомеръ", говорилъ между прочимъ авторъ письма,—„слыветъ творцемъ не принадлежащей ему поэмы о войнѣ мышей съ лягушками? Надобно ли, чтобы еще и знаменитый нашъ исторіографъ почитался авторомъ записки, недостойной таланта его и ученой славы,—записки, очевидно, подложной, наполненной очевидными ошибками, неприличными сужденіями и хвастовствомъ, никакъ не совмѣстимыми со скромностію не только писателя, но даже всякаго благовоспитаннаго человѣка". Это и была та вылазка противъ Карамзина, которая такъ возмутила его друзей и почитателей. Дмитріевъ выражалъ свое негодованіе на Каченовскаго въ письмахъ къ А. И. Тургеневу (Р. Арх. 1867 г., ст. 1093 и 1097), Вяземскій написалъ нѣсколько эпиграммъ. Батюшковъ давно зналъ, что Каченовскій, какъ и вообще весь московскій профессорскій кружокъ, не долюбливаетъ Карамзина (т. III, стр. 141); но такъ какъ нашъ поэтъ ставилъ редактора Вѣстника Европы довольно высоко то по видимому, и не ожидалъ отъ него слишкомъ рѣзкихъ нападокъ на автора „Исторіи государства Россійскаго"; тѣмъ сильнѣе было его негодованіе по поводу „вылазки" Каченовскаго. Всѣхъ спокойнѣе отнесся къ этому обстоятельству самъ Карамзинъ; 2-го августа 1818 г. онъ писалъ Дмитріеву: „Сердечно благодарю за милое письмо, въ которомъ ты упоминаешь о нападеніи Вѣстника Европы на мою записку. Я читалъ, но безъ сердца. Вольному воля. Браниться не люблю и не хочу. Я могъ бы отвѣчать только одно: а именно, что записка о московскихъ достопамятностяхъ дѣйствительно написана мною, вопреки обязательному невѣрствію г. анонима. Но и въ этомъ нѣтъ большой нужды. Я старъ и лѣнивъ. Дѣлать зла не желаю и тѣмъ, которые хотятъ сдѣлать его мнѣ" (Письма къ Дм., стр. 245). Сопоставленіе этихъ словъ съ словами Батюшкова о Карамзинѣ въ настоящемъ письмѣ лучше всего показываетъ, что нашъ поэтъ вѣрно понималъ характеръ исторпка. Карамзинъ ограничился тѣмъ, что напечаталъ записку въ 3-мъ изданіи своихъ сочиненій (1820 г.). Вскорѣ по напечатаніи письма „Къ издателямъ Украинскаго Вѣстника", въ петербургскихъ журналахъ стали появляться болѣе или менѣе остроумныя выходки противъ его автора (Сынъ Отечества, ч. 49, № 42, стр. 150; Благонамѣренный, № 8, стр. 219), и такъ какъ послѣдній помѣтилъ свое письмо изъ Лужниковъ, то Каченовскому было придано прозваніе Лужницкаго старца, которое впрочемъ и самъ онъ усвоилъ себѣ и сталъ называть свои фельетонныя статьи „Записками Лужницкаго старца".

— (**Стр. 533**). Генрихъ Келеръ (Heinrich-Carl-Ernst Köhler, род. въ 1768 г., ум. въ 1838)—академикъ Императорской академіи наукъ, библіотекарь и директоръ 1-го отдѣленія Эрмитажа, извѣстный археологъ. Онъ много писалъ о греческихъ древностяхъ, находимыхъ въ южной Россіи. Важнѣйшее изъ сочиненій его по этому вопросу, вышедшихъ до 1818 г., есть „Lettre sur plusieurs médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique" (помѣщено въ Nova Acta Acad. Scient. Imp. Petrop., т. XIV, 1805 г.). Вѣроятно, этимъ

сочиненіемъ и интересовался Батюшковъ, такъ какъ въ немъ довольно много данныхъ объ Ольвіи.

— (Стр 533). Сверчокъ—арзамасское прозвище А. С. Пушкина, который въ то время велъ очень разсѣянную жизнь въ Петербургѣ и тѣмъ внушалъ опасеніе, что растратитъ свой талантъ, подобно тому, какъ одинъ изъ извѣстныхъ тогда князей Голицыныхъ растратилъ свое огромное состояніе. То былъ камергеръ князь Александръ Николаевичъ (род. въ 1769 г., ум. въ 1817)—„московскій", прозванный такъ въ отличіе отъ своего петербургскаго соименника, министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Другое его прозвище было „Cosa rara", по названію одной старинной оперы Характерныя свѣдѣнія о немъ, о его расточительности и самодурствѣ сообщены кн. Вяземскимъ въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 901—902, и А. А. Васильчиковымъ въ сочиненіи „Семейство Разумовскихъ", т. II, стр. 154—155. Батюшковъ могъ лично знать этого Голицына по дому кн. Вяземскаго.

CCLXXI. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Октябрь—ноябрь 1818 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1535, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

CCLXXII. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Октябрь—ноябрь) 1818 г. Петербургъ. Напечатано: 1) въ Памятникѣ отечеств. музъ на 1827 г.; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 323; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 349—350.

CCLXXIII. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** (Октябрь — ноябрь 1818 г. Петербургъ). Напечатано въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 1535, съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневу В. С. Порошинымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

— (Стр. 535). Не видавъ этого письма въ подлинникѣ, мы повторили то означеніе нумера Для немногихъ, какое нашли въ Русскомъ Архивѣ; но оно, по видимому, невѣрно: въ № VI помѣщены только отрывки изъ „Орлеанской Дѣвы", гдѣ нѣтъ описаній, упоминаемыхъ Батюшковымъ. Кажется, вѣрнѣе вмѣсто № VI читать: № IV; въ семъ послѣднемъ, какъ указано выше (стр. 758), дѣйствительно находится нѣсколько „мелкихъ" описательныхъ стихотвореній Жуковскаго.

— (Стр. 535). Графъ Л.-Ф. де-Сегюръ издалъ въ 1818 г. книгу „Galerie morale et politique", въ которой содержатся отрывочныя разсужденія о разныхъ нравственныхъ предметахъ.

CCLXXIV. **И. И. ДМИТРІЕВУ.** 31-го октября 1818 г. Петербургъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1866 г., ст. 1646, съ подлинника, сообщеннаго П. И. Бартеневу М. А. Дмитріевымъ.

— (**Стр. 536**). Изъ переписки И. И. Дмитріева съ А. И. Тургеневымъ видно, что портретъ Суворова не былъ полученъ Дмитріевымъ до 8-го декабря 1818 г., и что Тургеневъ долженъ былъ поправить оплошность Батюшкова (Р. Арх. 1867 г., ст. 1099, 1100 и 645).

CCLXXV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 16-го ноября (1818 г. Петербургъ). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 537**). Дмитрій Прокофьевичъ Позднякъ, отецъ С. Дм. Пономаревой (см. выше, стр. 755), родственникъ и пріятель Гнѣдича, бывшій его душеприкащикомъ (Тихановъ. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, стр. 29, 30).

CCLXXVI. **КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.** (Вторая половина ноября 1818 г. Петербургъ). Подлинникъ у князя П. П. Вяземскаго.

— (**Стр. 538**). Стихотвореніе кн. Вяземскаго къ Петрограду напечатано въ т. III Полнаго собранія его сочиненій, стр. 157—160, подъ заглавіемъ: „Петербургъ (отрывокъ)“.

— (**Стр. 538**). Кн. Шаликовъ „приписалъ“, то-есть, посвятилъ кн. П. А. Вяземскому изданныя въ 1818 г., въ Москвѣ, въ 2 чч., „Новыя повѣсти“, графини Жанлисъ.

CCLXXVII. **А. Н. ОЛЕНИНУ.** Февраль 1819 г. Римъ. Напечатано въ Историческомъ Вѣстникѣ 1884 г., т. XVI, стр. 449—452. Подлинникъ у Н. И. Стояновскаго.

— (**Стр. 540**). О статуѣ Мира, заказанной гр. Н. П. Румянцевымъ знаменитому скульптору Антонію Кановѣ (род. въ 1757 г., ум. въ 1826), уже упомянуто выше, стр. 741—742. Статуя эта находится теперь въ Румянцевскомъ залѣ Московскаго публичнаго музея. Окрыленная богиня, поппрая ногою змѣю, въ правой рукѣ, которою она легко склоняется на колонну, держитъ оливковую вѣтвь, а лѣвою — высокій жезлъ, обыкновенную принадлежность олимпійскихъ боговъ. Статуя была изваяна въ воспоминаніе трехъ мирныхъ договоровъ, заключеннымъ Румянцевыми: гр. Александромъ Ивановичемъ (род. въ 1680 г., ум. въ 1749)—въ Або, гр. Петромъ Александровичемъ (род. въ 1725 г., ум. въ 1796)—въ Кучукъ-Кайнарджи, и гр. Николаемъ Петровичемъ (род. въ 1757 г., ум. въ 1826)—въ Фридрихсгамѣ. Такъ какъ статуя была доставлена въ Петербургъ еще въ 1817 г., то Батюшковъ, въ 1819, могъ видѣть въ римской мастерской Кановы только копію ея.

— (**Стр 540**). Воспитанникъ гр. Н. П. Румянцева есть отправленный на его счетъ въ Италію молодой художникъ Василій Сазоновъ, бывшій пито-

мецъ академіи художествъ. Другіе, находившіеся въ то время въ Италіи питомцы академіи, отправленные туда на казенный счетъ были: живописецъ Ор. Ад. Кипренскій (см. о немъ въ т. II, стр. 440), пейзажистъ Сильвестръ Ѳедосьевичъ Щедринъ (род. въ 1791 г., ум. въ 1830) и скульпторы Михаилъ Григорьевичъ Крыловъ (ум. въ 1846 г.) и Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ (род. въ 1787 г., ум. въ 1839). Щедринъ и Гальбергъ въ своихъ письмахъ изъ Италіи оставили нѣсколько извѣстій о Батюшковѣ, которыми мы пользуемся въ вводной статьѣ къ настоящему изданію.

— (**Стр. 540**). Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1837) состоялъ въ то время при русскомъ посольствѣ въ Римѣ и былъ почетнымъ членомъ нашей академіи художествъ.

— (**Стр. 541**). Батюшкова занимала мысль объ основаніи въ Римѣ русской художественной академіи, на подобіе существующей тамъ французской. Подобная мысль была у самого Оленина и, сверхъ того, высказана была печатно кн. А. А. Шаховскимъ въ одномъ изъ его писемъ изъ-за границы (Сынъ Отечества 1817 г., ч. 35, № 6, стр. 236).

— (**Стр. 541**). Андрей Яковлевичъ Италинскій (род. въ 1743 г., ум. въ 1827) съ 1817 г. былъ посланникомъ въ Римѣ, гдѣ и умеръ. Онъ занимался филологіей и археологіей, но печатныхъ трудовъ не оставилъ. Съ 1821 г. былъ почетнымъ членомъ Россійской академіи.

— (**Стр. 542**). Ѳедоръ Михайловичъ Матвѣевъ (род. 1758 г., ум. въ 1826), пейзажистъ; онъ въ 1779 г., спустя годъ по окончаніи курса, былъ отправленъ на казенный счетъ за границу и хотя возвращался въ Россію, но большую часть жизни провелъ въ Италіи и умеръ въ Римѣ.

— (**Стр. 544**). Въ то время путешествовалъ по Италіи великій князь Михаилъ Павловичъ (см. ниже стр. 768).

CCLXXVIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 20-го марта—1-го апрѣля 1819 г. Неаполь. Отрывки изъ этого письма были напечатаны въ Вологодскихъ губерн. вѣдомостяхъ 1855 г., часть неоффиц., № 42. Печатается съ копіи, находящейся у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 545**). Карлъ Вилимовичъ Фусадье служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

— (**Стр. 545**). Петръ Ивановичъ — лицо намъ неизвѣстное; полагаемъ однако, что въ отчествѣ этого лица сдѣлана ошибка при снятіи находящейся въ нашихъ рукахъ копіи; въ подлинникѣ, (намъ неизвѣстномъ), вѣроятно, стояло: Михайловичъ. Въ такомъ случаѣ тутъ надобно разумѣть П. М. Дружинина (ср. выше, стр. 506).

CCLXXIX. **А. И. ТУРГЕНЕВУ.** 24-го марта 1819 г. Неаполь. Напечатано: 1) въ Памятникѣ отечественныхъ музъ на 1827 г.; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 327—331; 3) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 355—359. Содержаніе этого письма Батюшкова изложено А. И. Тургеневымъ въ своемъ письмѣ къ Ив. Ив. Дмитріеву отъ 6-го мая 1819 г. (Р. Арх. 1867 г., ст. 649; ср. отвѣтъ Дмитріева—тамъ же, ст. 1108—1109).

— (**Стр. 549**). Графъ Францискъ-Гаврінлъ де-Бре (de-Bray, род. въ 1765 г., ум. въ 1832), родомъ Французъ, баварскій посланникъ въ Россіи съ 1815 по 1822 г.; былъ женатъ на баронессѣ Левенштернъ и потому освоился въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ и умеръ. По словамъ Карамзина (Письма къ Дмитріеву, стр. 225), былъ „человѣкъ съ умомъ и хлѣбосолъ"; съ нимъ были знакомы многіе русскіе литераторы—Уваровъ, Жуковскій, Тургеневъ (Р. Арх. 1867 г., ст. 805). Онъ много путешествовалъ и описалъ свои странствованія; кромѣ того, онъ занимался исторіей Прибалтійскаго края и вообще много печаталъ. Свѣдѣнія о немъ и его литературныхъ трудахъ въ Recke u Napiersky. Allgemeine Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. I-er B., Ss. 243—245; Nachträge, S. 79—80.

— (**Стр. 549**). Великій князь Михаилъ Павловичъ совершалъ свое путешествіе по Италіи въ сопровожденіи и подъ руководствомъ Фр.-Ц. Лагарпа, который былъ приглашенъ къ тому императрицею Маріей Ѳедоровной. Императрица вела по этому случаю дѣятельную переписку съ Лагарпомъ, въ которой содержатся любопытныя свѣдѣнія о путешествіи великаго князя и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ обозрѣнія Италіи. Письма государыни, а также письма великаго князя Михаила къ Лагарпу, напечатаны въ т. V Сборника Русскаго Историческаго Общества.

— (**Стр. 549**). Іосифъ Капече-Латро (Capece-Latro, род. въ 1744 г., ум. въ 1836), умный, даровитый и хорошо образованный Неаполитанецъ, 32-хъ лѣтъ уже былъ архіепископомъ Тарентскимъ. Онъ счелъ долгомъ остаться на своемъ посту и послѣ того, какъ Французы заняли Неаполь, а король Обѣихъ Сицилій удалился въ Палермо. Въ реакцію 1799 г. онъ былъ арестованъ, но успѣшно оправдалъ свой образъ дѣйствій предъ возстановленнымъ королевскимъ правительствомъ, однако не счелъ себя въ правѣ вступить въ управленіе своимъ діоцезомъ. Впослѣдствіи, въ правленіе Іоахима Мюрата, Капече-Латро былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. По окончательномъ возстановленіи Бурбоновъ, Капече-Латро удалился въ частную жизнь. Во время своего управленія Тарентскимъ діоцезомъ онъ положилъ основаніе публичной библіотекѣ въ Тарентѣ, а во время своего министерства устроилъ музей, основалъ музыкальную консерваторію и нѣсколько женскихъ учебныхъ заведеній. Въ старости, живя на покоѣ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ; его умъ, ученость и любовь къ искусствамъ привлекали къ нему пріѣзжихъ иностранцевъ; о немъ даже сложилась поговорка: „Когда пріѣзжаешь въ Неаполь, надо видѣть три предмета—Помпею, Везувій и архіепископа Тарентскаго". Капече-Латро оставилъ много сочиненій по церков-

ной исторіи и каноническому праву, но древностямъ и даже по естественнымъ наукамъ, между прочимъ письмо къ императрицѣ Екатеринѣ II о конхіологіи Тирренскаго моря (Неаполь. 1870).

— (**Стр. 550**). Поэма Пушкина, которую желалъ получить Батюшковъ, — „Руслань и Людмила“; она вышла въ свѣтъ только въ 1820 году; выше (стр. 757) упомянуто, что Батюшковъ слышалъ отрывки изъ нея въ 1817—1818 гг.

— (**Стр. 550**). Рѣчь была произнесена Карамзинымъ въ Россійской академіи 5-го декабря 1818 г., по случаю его избранія въ ея члены, что̀ послѣдовало въ засѣданіи 10-го іюля того же года. О засѣданіи 5-го декабря см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0113—0114.

CCLXXX. **С. С. УВАРОВУ.** Май 1819 г. Неаполь. См. дополненіе къ этому тому.

CCLXXXI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** Май 1819 г. Неаполь. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 245—246. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 553**). Великая княгиня—Екатерина Павловна, королева Виртембергская, неожиданная кончина которой послѣдовала 29-го декабря 1818 года. Жуковскій тогда же написалъ стихотвореніе на этотъ случай, а Гнѣдичъ въ 1821 г. написалъ „Приношеніе Екатеринѣ Павловнѣ, покойной королевѣ Виртембергской“, въ память того, что намѣревался посвятить ея имени свой переводъ „Иліады“. Пенсія Гнѣдичу была сохранена и по кончинѣ великой княгини.

— (**Стр. 553**). Владиміръ Богдановичъ Броневскій (род. въ 1784 г., ум. въ 1835) и Павелъ Петровичъ Свиньинъ (род. въ 1787 г., ум. въ 1839) участвовали съ 1805 по 1810 г. въ экспедиціи адмирала Сенявина въ Средиземное море, первый—морскимъ офицеромъ, а второй—дипломатическимъ чиновникомъ, и впослѣдствіи описали эти годы своей службы: Броневскій—въ книгѣ: Записки морскаго офицера. 4 части. С.-Пб. 1818—1819, а Свиньинъ—въ сочиненіи: Воспоминанія на флотѣ. 3 ч. С.-Пб. 1818—1819. Въ обѣихъ книгахъ есть описанія Неаполя.

— (**Стр. 554**). Глинка — Ѳедоръ Николаевичъ, авторъ „Писемъ русскаго офицера“.

— (**Стр. 554**). Крыловъ названъ „греко-россійскимъ“ потому, что выучился по гречески уже „на 58-мъ году“, какъ свидѣтельствуетъ Лобановъ (О жизни и сочиненіяхъ И. А. Крылова, стр. 68), слѣдовательно, въ годъ отъѣзда Батюшкова изъ Россіи, и нашъ поэтъ могъ узнать о томъ лишь по письмамъ.

— (**Стр. 554**). О баронѣ П. Л. Шиллингѣ-фонъ-Канштадтѣ, изобрѣтателѣ электрическаго телеграфа, см. т. II, стр. 515—516.

— (**Стр. 554**). Въ 1819 г. Неаполь посѣтилъ императоръ Австрійскій Францъ.

— (**Стр. 555**). Сожалѣніе объ А. С. Пушкинѣ вызвано, безъ сомнѣнія, дошедшимъ до Батюшкова слухомъ, что онъ собирается поступить въ военную службу.

CCLXXXII. **Н. М. КАРАМЗИНУ**. 24-го мая 1819 г. Неаполь. Напечатано: 1) въ сборникѣ М. П. Погодина: Утро, 1866 г., стр. 187; 2) въ его же сочиненіи: Н. М. Карамзинъ, ч. II, стр. 325—228.

— (**Стр. 557**). Щербатовы — князь Алексѣй Григорьевичъ (род. въ 1777 г., ум. въ 1848) и его вторая супруга, Софія Степановна, рожденная Апраксина (ум. 1885 г.). Кн. А. Г. Щербатовъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской (ум. въ 1809 г.).

CCLXXXIII. **В. А. ЖУКОВСКОМУ**. 1-го августа 1819 г. Ніссія. Напечатано: 1) въ Памятникѣ отечеств. музъ на 1827 годъ; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 335—340; 3) въ Сочиненіяхъ 1850 г., т. I, стр. 363 — 368, вездѣ съ пропусками; 4) въ Р. Архивѣ 1884 г., кн. I, стр. 233—236 въ полномъ видѣ.

— (**Стр. 559**). „Не сказывай этого Каннисту“. Какъ извѣстно, Каннистъ доказывалъ, что Одиссей плавалъ не въ Средиземномъ морѣ, а въ Черномъ и Азовскомъ, и потому утверждалъ, что Цирцея обитала на Колхидскомъ побережьѣ, а не у западнаго берега Италіи, какъ обыкновенно принимается комментаторами „Одиссеи“.

— (**Стр. 560**). Князь Борисъ — Борисъ Владиміровичъ Голицынъ (см. о немъ выше стр. 651—655).

— (**Стр. 560—561**). Въ „Письмѣ о красотѣ россійскаго языка“ гр. Хвостова (Другъ просвѣщенія 1804 г., ч. 2, стр. 97) дѣйствительно есть такой стихъ:

По русски сочинять возможно чисто, плавно.

— (**Стр. 562**). „Жіаконп“—опечатка старыхъ изданій, повторенная и Русскимъ Архивомъ 1884 г. Батюшковъ говоритъ о Жіаноне (Pietro Giannone, род. въ 1676 г., ум. 1748), авторѣ очень хорошей „Гражданской исторіи королевства Неаполитанскаго“, изданной на италіянскомъ языкѣ въ 1723 г. и переведенной по французски въ 1742.

CCLXXXIV. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 22-го сентября—4-го октября 1819 г. Неаполь. Отрывки изъ этого письма были напечатаны въ Вологодскихъ губерн. вѣдомостяхъ 1855 г., часть неоффиц., № 42. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 563**). Пансіонъ Д. А. Кавелина—благородный пансіонъ при главномъ педагогическомъ институтѣ, основанный въ 1817 г. и находившійся подъ управленіемъ Д. А. Кавелина; объ открытіи его см. Сынъ Отечества 1817 г., ч. 40, стр. 192.

Изъ писемъ, писанныхъ Батюшковымъ изъ-за границы въ концѣ 1819 года и въ теченіе слѣдующаго, не уцѣлѣло или, по крайней мѣрѣ, не отыскано до сихъ поръ ни одного. Есть однако слѣды, что таковыя письма были, и слѣды эти открываются въ перепискѣ Ал. Ив. Тургенева. Извлекаемъ оттуда эти указанія въ дополненіе къ корреспонденціи нашего поэта.

I. Въ письмѣ Ал. Ив. Тургенева къ Ив. Ив. Дмитріеву, отъ 6-го января 1820 года, сказано, что на канунѣ онъ получилъ письма отъ разныхъ своихъ корреспондентовъ, и въ томъ числѣ отъ нашего поэта изъ Неаполя: Батюшковъ „далъ наконецъ знакъ жизни и описалъ мнѣ образъ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои занятія. Ничто ему не чуждо. Онъ отвѣчаетъ мнѣ на нѣкоторые вопросы по части наукъ политическихъ и юридическихъ и въ то же время увѣдомляетъ, что теперь въ сѣверной Италіи пишутъ болѣе и подражаютъ Нѣмцамъ. Меланхолія и романтическій вкусъ начинаютъ нравиться внукамъ Аріоста. Старики гнѣваются, и академія Круска старается всѣми силами выгонять новыя слова и выраженія, кои вторгаются въ святилище языка тосканскаго. Но талантовъ, какъ увѣряетъ Батюшковъ, мало. Монти старѣется. Италіянцы переводятъ поэмы Байрона и читаютъ ихъ съ жадностію: слѣдовательно, то же явленіе, что и у насъ на Невѣ, гдѣ Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, и на Вислѣ, гдѣ Вяземскій бредитъ о Байронѣ. Но Италіянцы имѣютъ болѣе права восхищаться имъ: Байронъ говоритъ имъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи“ (Р. Архивъ 1867 г., ст. 652—653).

II. Въ одномъ изъ отрывковъ „Хроники Русскаго въ Парижѣ“, помѣченномъ 31-го октября—12-го ноября 1841 года, говорится слѣдующее: „Я все роюсь въ своихъ старыхъ бумагахъ и нахожу безпрестанно сокровища. Передо мною два письма нашихъ первоклассныхъ поэтовъ: Батюшкова изъ Неаполя, отъ 10-го января 1820, и Пушкина изъ Бессарабіи, отъ 21-го августа 1821 г. Письмо Пушкина не велико, но ноготокъ остеръ. Батюшкова письмо какъ-то невесело, хотя онъ еще жилъ тогда въ литературномъ мірѣ и подъ небомъ Неаполя. Пеняя мнѣ за мое молчаніе, онъ говоритъ: „Одни письма друзей могутъ оживлять мое существованіе въ Неаполѣ: съ пріѣзда я почти безпрестанно былъ боленъ и еще недавно просидѣлъ въ комнатѣ два мѣсяца“. Прочитавъ сіи строки, я упрекнулъ себя въ какой-то виновности его послѣдующаго бѣдствія; но кто угадаетъ въ Петербургѣ, въ шуму и разсѣяніи жизни нашей, потребность сердца больнаго друга на чужбинѣ? Но повторяю, Батюш-

ковъ жилъ еще жизнію души и ума въ Неаполѣ. „Вы читаете Данта“, продолжаетъ онъ,—„завидую вамъ. Кто писалъ критику на Исторію Карамзина въ Журналѣ Ученыхъ? Что говорятъ о ней въ Парижѣ, нравится ли переводъ?“ Онъ еще и въ поэзіи, и въ исторіи, и въ судьбѣ отечественной литературы принималъ искреннее участіе! Онъ разспрашиваетъ о разсѣянныхъ въ мірѣ пріятеляхъ“ (Современникъ 1841 года, т. XXV, стр. 5—6).

Упоминаемая Батюшковымъ критика на „Исторію государства Россійскаго“, написанная извѣстнымъ Дону (Daunou), появилась въ Journal des Savants 1819 года; она была вызвана выходомъ въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ „Исторіи“, въ переводѣ Кофре и Томаса (Jauffret et Thomas).

Помѣщаемъ здѣсь кстати еще одну маленькую записку К. Н. Батюшкова, дату которой опредѣлить не можемъ:

„Сдѣлайте одолженіе, ссудите меня всѣми частями русской прозы, на короткое время. Я имѣю нужду нѣчто отыскать“.

Адресъ: M-r Melhounoff junior.

Подлинникъ этой записки находится въ коллекціи автографовъ г. Вакселя, который любезно сообщилъ копію, вмѣстѣ съ объясненіемъ, что пріобрѣлъ подлинникъ въ Веймарѣ, у Цейне (Zeune), въ 1872 г., изъ коллекціи Дитрихса.

Въ письмѣ рѣчь идетъ, очевидно, о прозаическомъ отдѣлѣ „Собранія образцовыхъ сочиненій“. Лицо, къ которому адресована записка, не есть ли Николай Александровичъ Мельгуновъ (ум. въ 1867 г.), извѣстный нѣкоторыми литературными трудами?

CCLXXXV. **А. Я. ИТАЛИНСКОМУ.** 2-го — 14-го декабря 1820 г. Римъ. Подлинникъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

CCLXXXVI. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 21-го іюля—3-го августа 1821 г. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 246 — 248. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 567**). Поводомъ къ написанію этого письма и приложеннаго къ нему объявленія послужило напечатаніе въ Сынѣ Отечества 1821 г., ч. 68, № 8, стихотворенія „Б . . . . въ изъ Рима“, въ которомъ говорилось отъ имени поэта, что онъ утратилъ вдохновеніе вдали отъ родины и друзей. Стихотвореніе это сочинено было П. А. Плетневымъ и явилось въ журналѣ безъ подписи. Гречъ и Воейковъ, издававшіе тогда Сынъ Отечества, не нашли неудобнымъ его напечатаніе; но Пушкинъ, въ письмѣ къ своему брату, въ августѣ или сентябрѣ 1822 года, выразился объ этомъ поступкѣ слѣдующимъ образомъ: „Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. „Б. изъ Рима“ не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ, что новость на Олимпѣ мила. Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой жи-

вости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (то-есть, Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте" (Соч. Пушкина. Изд. 8-е, т. 7-й, стр. 88—89). Объ отношеніяхъ самого Батюшкова и вообще подробности этого происшествія см. въ вводной статьѣ къ настоящему изданію.

— (**Стр. 567**). Французскій стихъ взятъ изъ IX-й сатиры Буало; онъ же поставленъ Батюшковымъ въ эпиграфѣ къ „Видѣнію на берегахъ Леты".

— Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ, съ 1856 г. графъ (род. въ 1796 г., ум. въ 1858), былъ въ 1819 г. гусарскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи состоялъ оберъ-гофмейстеромъ.

CCLXXXVII. **Н. И. ГНѢДИЧУ.** 14-го—26-го августа 1821 г. Теплицъ. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 248—250. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (**Стр. 569**). Это письмо написано по тому же поводу, что и предшествующее. На письма эти Гнѣдичъ заготовилъ отвѣтъ, который напечатанъ П. Н. Тихановымъ въ его брошюрѣ о Гнѣдичѣ, стр. 90—96, но былъ ли онъ отправленъ по назначенію—не извѣстно.

CCLXXXVIII. **А. Я. ИТАЛИНСКОМУ.** 18-го—30-го сентября 1821 г. Дрезденъ. Подлинникъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

CCLXXXIX. **ГРАФУ К. В. НЕССЕЛЬРОДУ.** 12-го — 24-го декабря 1821 г. Дрезденъ. Подлинникъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

CCXC. **ГРАФУ К. В. НЕССЕЛЬРОДУ.** Февраль 1822 г. Дрезденъ. Подлинникъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

CCXCI. **ГРАФУ К. В. НЕССЕЛЬРОДУ.** 18-го апрѣля 1822 г. Петербургъ. Подлинникъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

CCXCII. **Н. И. ПЕРОВСКОМУ.** Мартъ 1823 г. Симферополь.

— (**Стр. 577**). Николай Ивановичъ Перовскій состоялъ въ 1823 г. Таврическимъ губернаторомъ.

— (**Стр. 577**). Ѳедоръ Карловичъ Мильгаузенъ — врачъ, пользовавшій Батюшкова въ бытность его въ Симферополѣ. Описаніе пятидесятилѣтняго юбилея службы Мильгаузена и портретъ его см. въ Иллюстраціи 1846 г., № 29.

CCXCIII. **А. Н. БАТЮШКОВОЙ.** 18-го апрѣля 1810 г. Москва. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

— (**Стр. 578**). Анна Семеновна—Муравьева-Апостолъ; о ней и о смерти ея см. выше стр. 71 и 634.

Письма, замѣтки и стихи, писанные во время душевной болѣзни.

I. **К. А. ЛЕОНЕНКОВОЙ.** 17-го мая 1823 г. Петербургъ. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова (изъ бумагъ В. А. Жуковскаго).

— (**Стр. 583**). К. А. Леоненкова — лицо намъ неизвѣстное. На Кавказѣ Батюшковъ никогда не былъ.

II. **Г. ПОТАПОВУ.** 28-го ноября (1823 г. ?). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова (изъ бумагъ В. А. Жуковскаго).

— (**Стр. 583**). Потаповъ—лицо намъ неизвѣстное.

III. **ГРАФУ К. В. НЕССЕЛЬРОДУ.** 13-го декабря (1823 г.?). Подлинникъ у П. Н. Батюшкова (изъ бумагъ Жуковскаго).

IV. **Е. Г. ПУШКИНОЙ.** 11-го марта (1826 г. ?). Sonnenstein.

V. **В. А. ЖУКОВСКОМУ.** 28-го марта (1826 г.). Среда. Дрезденъ. Напечатано въ Р. Архивѣ 1870 г., ст. 1717—1718. Подлинникъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

VI. **ЛОРДУ БАЙРОНУ.** Подлинникъ у А. Н. Тургенева (изъ бумагъ его дяди А. Ив. Тургенева).

VII. **В. В. ХАНЫКОВУ.** (Май 1826 г.). Подлинникъ у А. Н. Тургенева (изъ бумагъ Ал. Ив. Тургенева).

— (Стр. 587). Василій Васильевичъ Ханыковъ былъ въ 1826 г. русскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ.

VIII. **А. Г. ГРЕВЕНСЪ.** 8-го іюля. Городъ Тула. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 587). Анна Григорьевна Гревенсъ — внучка К. Н. Батюшкова, дочь Григорія Абрамовича Гревенса, сына старшей сестры поэта. Въ г. Тулѣ Батюшковъ во время своей болѣзни не бывалъ. Письмо писано въ Вологдѣ.

IX. **ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.** Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г. т. XXXIX, стр. 551. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

X. **А. Г. ГРЕВЕНСЪ.** Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

XI. **А. Г. ГРЕВЕНСЪ.** 24-го ноября. Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 552. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

XII. **М. ГР. ГРЕВЕНСУ.** (1849 г. Вологда). Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

— (Стр. 591). Модестъ Григорьевичъ Гревенсъ — братъ Анны Григорьевны.

XIII. **ПИСЬМО КЪ П. И. N.** Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 551—552.

XIV. **ЗАМѢЧАНІЕ НА БАСНЮ КРЫЛОВА: „КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА“.** Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 551. Подлинникъ у П. Н. Батюшкова.

XV. **НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА БУКСГЕВДЕНА ШВЕДСКАГО И ФИНСКАГО. ТА ЖЕ НАДПИСЬ КЪ ОБРАЗУ ГР. ХВОСТОВА-СУВОРОВА.** Напечатано въ Р. Старинѣ 1883 г., т. XXXIX, стр. 552. Подлинникъ у М. И. Семевскаго.

XVI. „Все Аристотель...“ Подлинникъ этихъ стиховъ находится въ библіотекѣ Императорскаго Варшавскаго университета, куда былъ пожертвованъ д. ст. сов. Ник. Серг. Кирилловымъ. Копія сообщена профессоромъ П. П. Барсовымъ.

— (Стр. 594). Французское двустишіе есть начало комедіи Т. Корнеля „Don Juan ou le Festin de Pierre“ (переложеніе въ стихи Мольеровой комедіи того же названія, но въ прозѣ).

ДОПОЛНЕНІЯ.

Дополненіе къ тексту.

С. С. Уварову.

Мая 1819 г. Неаполь.

Спѣшу загладить мою вину, если можно молчаніе назвать виною. Часто принимался за перо, и самъ не знаю, почему отлагалъ. Но вчерашній день пробудилъ во мнѣ голосъ совѣсти и обезоружилъ лѣнь мою, которая готова была защищаться предъ вами ложью и дурными силлогизмами, достойными академіи, вы знаете какой. Я видѣлся съ графомъ Головкинымъ, который мнѣ сообщилъ отчасти письмо ваше, достойное васъ, почтеннѣйшій Сергѣй Семеновичъ. Мы читали его съ удовольствіемъ и поздравляли васъ душевно съ добрымъ началомъ. Кто васъ знаетъ — уважаетъ, но кто васъ знаетъ коротко, какъ я, тотъ васъ любитъ. Сколько причинъ желать вамъ успѣха въ добромъ, въ святомъ дѣлѣ! И какъ не желать отъ искренняго сердца успѣховъ просвѣщенію Россіи, то-есть, половинѣ обитаемаго міра, которая безъ просвѣщенія не можетъ быть ни долго славна, ни долго счастлива. Ибо счастіе и слава не въ варварствѣ вопреки нѣкоторымъ слѣпымъ умамъ, фабрикантамъ фразъ и звѣздочетамъ. Такіе вольные слѣпцы водятся не у насъ однихъ, но повсюду. Напрасно наука ихъ кормитъ, одѣваетъ, защищаетъ отъ зла гражданскаго и отъ зла физическаго, они свое поютъ и будутъ пѣть; ихъ не просвѣтишь, не освятишь

и не вылѣчишь. Благодаря Бога, не ими держится свѣтъ, и дѣла идутъ своимъ чередомъ. Добрый успѣваетъ дѣлать добро, и вы—тому примѣръ. За то вамъ Провидѣніе и посылаетъ счастіе, ибо я называю счастіемъ возможность основать университетъ въ столицѣ Петра. Помните ли сколько разъ я желалъ этого, и сколько разъ говорилъ объ этомъ? Желаніе мое сбылось совершенно, тѣмъ болѣе, что это дѣлается чрезъ васъ. Я не видалъ проекта, но читалъ рѣчь вашу во французскомъ журналѣ, читалъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Безъ сомнѣнія, расширяя кругъ ученія, вы расширяете и кругъ просвѣщенія; чрезъ десять лѣтъ мы благословимъ труды и имя ваше, ибо чрезъ десять лѣтъ зрѣетъ и образуется поколѣніе. Новое въ Россіи почти всегда бываетъ лучше стараго, на перекоръ Горацію: мы не совсѣмъ хороши, но едва ли не лучше отцевъ нашихъ, а дѣти, можетъ быть, достойнѣе будутъ насъ. Если не современники, то по крайней мѣрѣ дѣти, внуки отдадутъ вамъ должную справедливость. Мужайтесь! Славно быть блюстителемъ просвѣщенія на обширнѣйшемъ поприщѣ въ мірѣ, въ столицѣ, на которую Европа смотритъ внимательными очами, въ городѣ, гдѣ жилъ Эйлеръ, Шуваловъ, Ломоносовъ, Муравьевъ. Желаю вамъ успѣха и надѣюсь блистательнаго; желаю, чтобы университетъ вашъ сдѣлался образцомъ для другихъ, вянущихъ безпрестанно, и которые мало по малу заростаютъ осокою, подобно храму Аонидъ, который я видѣлъ здѣсь недавно посреди другихъ развалинъ. Я долженъ бы говорить вамъ о томъ, что̀ дѣлается здѣсь по части просвѣщенія; къ несчастію, мало знаю Неаполь: болѣзнь меня удерживаетъ дома, и здѣсь не покидаетъ! Здѣсь была вручена его высочеству Михаилу Павловичу картина состоянія учебныхъ заведеній въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, бумага любопытная—для васъ по крайней мѣрѣ,

и которую вамъ, надѣюсь, не откажется показать великій князь. Когда лучше и подробнѣе узнаю Неаполь, тогда увѣдомлю васъ, какъ идетъ здѣсь университетъ, нѣкогда знаменитый, и ученіе вообще. Но могу смѣло сказать, что искусства пошли назадъ, и даже самая музыка. Огромный, величественный Санъ-Карло—говорятъ знатоки—гробъ хорошей музыки. Здѣсь и дурную, и хорошую начинаютъ слушать съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ. Сіе хладнокровіе мы распространяемъ на все и научаемся старѣться безъ славы и безъ наслажденій въ землѣ славы и чудесъ. Какая земля! Вѣрьте, она выше всѣхъ описаній—для того, кто любитъ исторію, природу и поэзію; для того даже, кто жаденъ къ грубымъ, чувственнымъ наслажденіямъ, земля сія—рай небесный. Но умъ, требующій пищи въ настоящемъ, умъ дѣятельный, здѣсь скоро завянетъ и погибнетъ; сердце, живущее дружбой, замретъ. Общество безплодно, пусто. Найдете дома такіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ, но живости, любезности французской не требуйте. Едва, едва найдешь человѣка, съ которымъ обмѣняешься мыслями. Отъ Европы мы отдѣлены морями и стѣною китайскою. M-me Stael сказала справедливо, что въ Террачинѣ кончится Европа. Въ среднемъ классѣ есть много умныхъ людей, особенно между адвокатами, ученыхъ, но они безъ каѳедры нѣмы, иностранцевъ не любятъ, и можетъ быть, справедливо. Въ общество я заглядываю, какъ въ маскарадъ; живу дома, съ книгами; посѣщаю Помпею и берега залива—наставительные, какъ книги; страшусь только забыть русскую грамоту, и потому не теряю надежды быть со временемъ членомъ академіи, вы догадаетесь какой. Кстати объ академіи: поздравляю любителей поэзіи, слѣдственно, и васъ съ прекрасными стихами Жуковскаго на смерть королевы. Они сильны, исполнены чувствительности, однимъ сло-

вомъ — достойны сей славной женщины, столь рано у насъ похищенной, достойны Жуковскаго и могутъ стать на ряду съ его лучшими произведеніями. Но—воля его!— можно пожелать болѣе изобрѣтенія и менѣе повтореній его же собственныхъ стиховъ. Какъ бы то ни было, поздравляю его, обнимаю и радуюсь его новому успѣху. Напомните обо мнѣ милостивой государынѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ, которую я никогда не забуду, ибо уважаю отъ всего сердца, отъ всей души. Она всегда была ко мнѣ благосклонна, за то и я сколько ей признателенъ. И васъ, почтеннѣйшій Сергѣй Семеновичъ, ношу въ моемъ сердцѣ со всѣмъ, что̀ я оставилъ любезнаго въ отечествѣ, которое, знаетъ Провидѣніе, когда увижу! Желаю вамъ счастія и семейству вашему: да музы спасутъ васъ и его отъ бѣдъ и горестей житейскихъ, музы, однѣ богини, которыя пережили весь Олимпъ и которыя никогда не состарѣются, пока живъ умъ человѣческій. Онѣ присутствуютъ въ домѣ вашемъ, съ вами, въ васъ. Ихъ молю, да сохранятъ васъ для друзей, для Россіи, если будете всегда трудиться для блага ея, для Россіи, слѣдственно, для всего человѣчества, часто опечаливаемаго глупостію и злодѣйствомъ. Нѣсколько строкъ вашихъ докажутъ, что вы меня не забыли: буду ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ. Пришлите ихъ съ тѣмъ, что̀ написали новаго послѣ моего отсутствія, и съ книгою о Елейзисѣ, которую я обѣщалъ архіерею Капече-Латро, мужу ученому, учтивому и достойному вашей дружбы. Кончу, ибо нѣтъ болѣе мѣста. Весь листъ исписалъ кругомъ. Поручаю себя вашему дружеству и поручаю кланяться всѣмъ друзьямъ и знакомымъ. К. Б.

У насъ были праздники, гулянья, балы. Теперь всѣ разъѣзжаются. Завтра ѣдетъ, къ сожалѣнію моему, графъ Головкинъ.

Примѣчанія дополнительныя.

С. С. УВАРОВУ. Май 1819 г. Неаполь. Напечатано: 1) въ Сочиненіяхъ, изд. 1834 г., ч. I, стр. 332—334; 2) въ Сочиненіяхъ, изд. 1850 г., т. I, стр. 360—362, оба раза съ пропусками. Подлинникъ у И. В. Помяловскаго. Мы получили подлинникъ уже тогда, когда весь текстъ и значительная часть примѣчаній этого тома были отпечатаны.

— (**Стр.** 779). Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ (род. въ 1749 г. ум. въ 1846 г.) былъ при Екатеринѣ посланникомъ въ Неаполѣ, при Павлѣ оберъ-церемоніймейстеромъ, сенаторомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи, при Александрѣ былъ отправленъ посломъ въ Китай, а позже состоялъ посланникомъ въ Вѣнѣ, при Николаѣ былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, оберъ-камергеромъ и членомъ государственнаго совѣта.

— (**Стр.** 780). 8-го февраля 1819 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе на докладъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына о переименованіи главнаго педагогическаго института С.-Петербургскимъ университетомъ, и 14-го февраля того же года состоялось открытіе университета.

— (**Стр.** 781). Замѣчаніе г-жи Сталь о томъ, что Европа кончается въ Террачинѣ, высказано въ романѣ: „Corinne ou de l'Italie", кн. XI, гл. I: „Oswald et Corinne, après le passage inquiètant des marais Pontins, arrivèrent enfin à Terracine sur le bord de la mer, aux confins du royaume de Naples. C'est là que commence véritablement le Midi; c'est là qu'il accueille les voyageurs avec toute sa magnificence. Cette terre de Naples, cette campagne heureuse est comme separée du reste de l'Europe, et par la mer qui l'entoure, et par cette contrée dangereuse qu'il faut traverser, pour y arriver. On dirait que la nature s'est réservé le secret de ce séjour de délices, et qu'elle a voulu que les abords en fussent périlleux. Rome n'est point encore le Midi: on en pressent les douceurs, mais son enchantement ne commence véritablement que sur le territoire de Naples".

— (**Стр.** 782). Екатерина Алексѣевна — супруга С. С. Уварова, рожденная графиня Разумовская (род. въ 1781 г., ум. въ 1849). Она была младшею дочерью графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и вышла замужъ за С. С. Уварова въ 1811 году.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А, г-жа—215, 702.
Абеляръ—306.
Абуфаръ—720, 721.
Аврора—167.
Агамемнонъ—320.
Агатонъ—633.
Адиссонъ—277.
Адметъ—39.
Аксаковъ, С. Т.—608, 614, 641, 648, 649, 675, 689, 718, 727, 739.
Александра, служанка—479.
Александра Ѳеодоровна, великая княгиня—756.
Александръ Македонскій—138, 163, 166, 705.
Александръ Николаевичъ, вел. кн.—756.
Александръ I, императоръ—252, 253, 261, 262, 292, 575—577, 585, 587, 606, 612, 642, 648—650, 652, 665, 696, 698, 704, 709, 712, 713, 720, 722, 724, 728, 734, 735, 740, 743, 750, 752, 759.
Алексѣевъ, Ив.—7.
Алеша, см. Шишиловъ, Ал. Пав.
Алкастій—51, 620.
Алкивіадъ—107.
Альзира—90.
Альоша Поповичъ—609.
Альцеста—165, 678.
Амалія—682.
Аменаида—608.
Амуръ—639.
Анакреонъ—113, 128, 136, 168, 676.
Апастасевичъ, В. Г.—123, 620, 659.
Анахарсисъ—57, 612, 626.
Андерсонъ—577.
Андерсъ—467.
Андрей, слуга—30.
Андріё—707.
Анжелика—194.
Анна—35.
Анненковъ, Пав. Вас.—756.
Аннибалъ—235.
Аполлонъ—189, 258, 262, 263, 270, 303, 510, 588, 589, 591, 613, 710.
Апраксинъ, Ст. Ст.—88, 371, 642, 675, 689, 770.
Апраксины—611, 689, 690.
Аракчеевъ, графъ А. А.—629, 730.
Араповъ, П. Н.—601, 606—608, 618, 621, 623, 626, 660, 661, 667, 675, 682, 686, 720, 752.
Арбутнотъ—624, 672.
Аріостъ—53, 131, 159, 163, 165, 169, 170, 171, 359, 395, 423, 427, 527, 621, 645, 678, 681, 746, 771.
Аристархъ—99, 167.
Аристиппъ—168, 680.
Аристотель—162, 594, 776.
Аристофанъ—358, 360, 720.
Армида—532.
Арндтъ—281, 282.
Арсеньевы—611.
Артабанъ—621.
Архарова, Ек. Ал.—698, 699.
Архаровъ, И. П.—202, 204, 698.
Архаровы—206, 208, 268, 698.
Архія—48.
Асмодей, см. Вяземскій, кн. П. А.
Аснель—645.

Аспазія—520.
Астіанаксъ—152.
Астольфъ—171, 172, 215, 702.
Атала—609, 713.
Атрей—622, 624.
Ахалкинъ—666.
Ахиллесъ, Ахиллъ—6, 42, 166, 358, 359, 466, 467, 760.
Аяксъ—88.
Аеалія—664; см. Гоеолія.

Баба-яга—648.
Бабушкинъ—458.
Бавкида—636.
Багратіонъ, князь П. И.—34, 608, 676.
Байронъ—586, 610, 730, 748, 771, 774.
Балабинъ—191, 195.
Балдусъ—155, 677.
Бальди, Берн.—677.
Бальди, Н.—677.
Бальи, С.—151, 672.
Бальядера—417, 736.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н.—697.
Баранова, В. Ос.—197, 202, 472, 695.
Барановъ, Дм. Ос.—50, 115, 159, 173, 176, 181, 287, 290, 477, 619, 620, 681, 683.
Барановы—198, 223, 287, 289.
Баратынская, см. Салтыкова, С. М.
Баратынскій, Евг. А.—755.
Баратынскій, С. А.—697.
Барбери—759.
Барбье, П.—598.
Бардусъ—677.
Барклай-де-Толли, князь М. Р. — 252, 722.
Барнавъ—697.
Барневельтъ—690.
Барсовъ, Н. П.—776.
Барсуковъ, Н. П.—610, 732.
Бартелеми—612, 626.
Бартеневъ, П. И.—600, 644, 684, 689, 694, 696, 699, 705, 711, 713—719, 721, 722, 724—728, 730—732, 734, 736, 745, 750, 752—755, 757—759, 761—763, 765.
Баршъ, Ник. Ив.—721.
Баташовъ—220.
Батонди, Р.—155, 383, 676, 727.
Батый—199.
Батюшкова, Анна Льв.—28, 284, 286, 712.
Батюшкова, А. Г.—579.
Батюшкова, А. Н. — 1, 5—7, 14, 15, 19—23, 27, 28, 30, 36, 37, 52, 71, 79, 80, 89, 91, 94—97, 118, 126, 172—181, 186, 191, 192, 196, 198, 201, 215, 216, 222—225, 232, 233, 243—245, 284—299, 310, 315, 319, 333, 334, 337, 340, 347—351, 362—366, 373—375, 380, 381, 384—389, 396—398, 435, 444—446, 463—465, 471, 472, 474—485, 489, 490, 497, 513, 525, 526, 537, 547, 563—565, 578—580, 597, 604, 607, 608, 634, 640, 642, 643, 651, 681, 682, 684, 694, 695, 698, 704, 706, 707, 711—714, 716, 719, 721, 725—728, 731, 741—743, 750, 752—754, 757, 758, 762, 766, 767, 771, 774.
Батюшкова, С. Евст.—311, 515, 681.
Батюшкова, Ю. Н.—377, 386, 443, 481, 489, 506—508, 513, 526, 538, 545, 546, 563, 565, 588, 726.
Батюшковъ, Ив. Сем. — 95, 291, 294, 440, 475, 482 — 484, 486, 490, 496, 506, 507, 537, 547, 564, 565, 643.
Батюшковъ, Ник. Льв.—1—5, 212, 264—266, 284, 293, 296, 341, 375, 377, 597, 598, 681, 701, 710, 712.
Батюшковъ, Л. Андр.—634.
Батюшковъ, Нав. Льв.—174, 175, 186, 198, 212, 225, 232, 311, 465, 475, 481—483, 515, 681, 721.
Батюшковъ, Помп. Ник. — 481, 482, 489, 490, 495, 497, 499, 505—508, 526, 547, 563—565, 598, 602, 604, 605, 607, 608, 610, 634, 640, 642, 643, 651, 681, 682, 684, 694, 695, 698, 701, 702, 704, 706, 707, 711—714, 716, 719, 721, 725—728, 731, 741—743, 749, 750, 752—754, 757, 758, 762, 766, 767, 771, 774, 775.
Батюшковы — 398, 435, 443, 472, 486, 496, 497, 499, 526, 547, 596, 602, 605, 607, 610, 635, 702.
Бахметевъ, А. Н.—221, 224, 225, 234, 272, 285, 310, 314, 315, 331, 333, 334, 340, 355, 368, 373, 374, 385, 430, 460, 703, 704.
Бахтинъ, Н. И.—614.
Баярдъ—262.
Бедряга, М. Евгр., см. Извѣкова.
Безиръ—634.
Бекетовъ, П. П.—610.
Беницкій, Ал. П.—39, 42, 43, 48, 54, 65, 66, 87, 109, 158, 601, 612, 614, 618, 633, 674, 677.
Бенкендорфы—611.
Бередниковъ, Л. И.—685.
Березина, Над. Ил., см. Львова.
Бернаръ—740.
Библиковъ, М. Л.—714—717, 719, 721, 722, 724—728, 730, 731, 734, 745, 754, 757—759, 761, 762.

Біонъ—570, 617.
Благово, Д. Д.—652.
Бланка—610.
Бланкъ, Б. К.—167, 679.
Бларамбергъ, Ив. Пав.—519, 760.
Блудова, графиня А. Д.—696.
Блудовъ, Дм. Ник. — 177 — 179, 183, 185, 188, 199, 209, 212, 216 — 218, 264, 303, 305, 339, 346, 358, 439, 447, 451, 468, 469, 489, 494, 567, 684, 685, 700, 703, 711, 720, 754, 756.
Блэнъ-де-Сенморъ [Blin-de-Sainmore]—634.
Бобрищевъ-Пушкинъ, Ник.—740.
Бобровъ, С. С. — 8, 55, 62, 114, 459, 599, 612, 613.
Бова королевичъ—172.
Бовилье (Beauvilliers)—258, 270, 708.
Богдановичъ, М. И.—612, 642, 740.
Богдановичъ, Инп. Ѳ.—602, 659, 667.
Богушевскій, баронъ Н. К.—599.
Бодони—401.
Боккаціо—419, 420, 423, 427, 431, 547, 549.
Бомарше—83, 689.
Бонапарте—697, 709.
Боннетъ—606.
Борей—18, 279.
Борисъ Годуновъ, царь—661.
Бороздинъ, Матв. Корн.—637.
Бороздинъ, Конст. Матв.—38, 76, 87, 94, 99, 126, 611, 637, 638.
Бортнянскій, Д. С.—659.
Боссанжъ—572.
Боссюетъ—260.
Бравко—101.
Брагина, А. Гр.—691, см. Сѣверина.
Брадке, Е. Ѳ.—629.
Брамбеусъ, баронъ—633.
Бре, графиня—557.
Бре, графъ Фр.—549, 550, 557, 768.
Брейткопфъ, А. Ѳ.—9, 599.
Брита—35.
Британикъ—90.
Брольи, герцогъ—696.
Броневскій, В. Б.—553, 769.
Брусиловъ, Н. П.—614.
Брутъ—44, 346.
Брюловъ, К. П.—630.
Брюне, Брюнетъ—268, 270, 273, 708.
Брюсъ, графъ Я. А.—641.
Брянчанинова, О. Ив.—646.
Брянчаниновъ, Ал. П.—588, 591.
Брянчаниновъ, Аѳ. М.—646.
Брянчаниновъ, Ник. Ив.—109, 191.
Буажерменъ (Boisgermain)—69.
Буало—59, 77, 86, 199, 615, 624, 626, 692, 696, 721, 773.
Буксгевденъ, графъ Е. Ѳ.—593, 775.
Булгаковъ, Я. И.—466, 627.
Буле, І. Ѳ.—672.
Бунаковъ, Н. Ѳ.—598, 599, 607, 701, 707, 753.
Бунина, А. П.—59, 135, 136, 601, 626, 668, 683.
Бунина, М. Гр.—684.
Бурбоны—254, 265, 592, 604, 709, 768.
Бутеневъ, А. П.—696.
Бутервекъ—423.
Бутримовъ—197.
Бутурлинъ—467.
Буфлеръ—260, 432, 709.
Быстрорѣцкій, Макарій—680.
Бычковъ, Аѳ. Ѳ.—639, 672, 717.
Бюргеръ—728, 729.
Бюффонъ—269.
Бѣлинскій, В. Г.—616, 658, 661.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна З. А., см. княгиня Волконская.
Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, князь Ал. М.—759.

Вадіусъ—643.
Ваксель—772.
Вакхъ—627.
Валуевъ, П. Алекс.—739.
Валуевъ, П. С.—611.
Вальберхова, М. С.—662.
Вальтеръ Скоттъ—748.
Василій, слуга—3, 4, 30, 352.
Василій Темный, вел. кн.—82.
Васильчиковъ, А. А.—669, 679, 766.
Вахрушевъ, А.—683.
Вашингтонъ Ирвингъ—730.
Вевеслава—630, 632.
Велеурскій, графъ Мих. Юр.—155, 676, 677.
Веллингтонъ—279.
Вельяминовъ, И. А.—26, 606.
Вельяшевъ-Волынцевъ, Д. И.—685.
Веневитиновъ, Д. В.—719.
Венера—69, 258, 270, 304, 589, 667.
Верн—270.
Вертеръ—240, 245.
Веселовскій, А. Н.—639.
Вздоркинъ—692.
Вздыхаловъ—679.
Вигель, Ф. Ф.—601, 604, 607, 615, 621, 635, 639, 659, 660, 665, 674, 680, 686, 687, 691, 697, 702, 720, 722—724, 738, 751, 752, 756.
Визаръ—508.
Виландъ—226, 239, 240, 245, 459, 705, 707.

Вильетъ, маркизъ—650, 680.
Вильменъ—261, 262, 709.
Вильямсъ—211.
Винкельманъ—262, 445, 553.
Виргилій—40, 114, 145, 170, 459, 556, 557, 559, 615, 696, 746.
Висковатовъ, Вас. Ив.—243.
Висковатовъ; Ст. Ив.—628.
Витгенштейнъ, князь П. Х.—250.
Витрувій—677.
Владиміръ, в. кн.—99, 644, 698, 720.
Власьевна—52.
Воейкова, см. Пушкина, Ел. Гр.
Воейковъ, Ал. Ѳ.—125, 164, 167, 170, 200, 303, 305, 345, 458, 532, 567, 609, 648, 662—664, 670, 674, 678, 680, 690, 702, 713, 718, 732, 743, 745, 772.
Волкова, М. А.—685, 686, 690, 696, 699, 717, 759.
Волконская, княгиня З. А.—515, 517, 520, 759.
Волконская, княгиня С. Г.—510, 528, 758.
Волконская, княжна Нат. Абр.—686; см. Пушкина.
Волконскій, князь Нкт. Гр.—759.
Волконскій, князь П. Мих.—317, 716, 758.
Волчкова, М. Серг.—696, 697.
Вольней, К. Ф.—598.
Вольтеръ—34, 59, 89, 90, 123, 151, 159, 170, 172, 250, 283, 601, 603, 605, 608, 610, 613, 620, 625, 626, 633, 636, 645, 650, 656, 663, 667, 672, 674, 680—682, 687, 711, 733, 734, 740.
Воронцовъ, князь Мих. Сем.—652, 686, 723.
Воронцовъ, графъ Сем. Ром.—723.
Востоковъ, А. Х.—637, 638, 756.
Всеволодъ—630, 632.
Вульфертъ, В. К.—665, 701, 703, 706, 710.
Вырубовъ, П. П.—664.
Вьельгорскій, графъ М. Ю., см. Велеурскій.
Вяземская, княгиня В. Ѳ.—372, 669, 699, 741, 743, 755.
Вяземская, княжна Е. А., см. Щербатова, княгиня.
Вяземская, княжна Анна Алекс.—760.
Вяземская, княжна Марья Петр.—429, 436, 739.
Вяземская, княжна Пр. Петр.—741.
Вяземскій, князь Ал-дръ А.—760.
Вяземскій, князь Андр. Петр.—755.
Вяземскій, князь П. Андр.—45, 65, 67, 121, 132, 133, 137—139, 143, 146, 147, 152, 153, 172, 177—179, 182—185, 192—195, 202, 205—207, 215, 216, 221, 226—228, 231, 272, 303, 311—314, 352, 358, 360, 364, 369—372, 383, 390, 392, 402—404, 414, 415, 426, 435—437, 440, 441, 447—451, 455, 456, 465—469, 488—490, 493, 531, 534, 538, 605, 608—610, 615, 633, 635, 642, 650—652, 654, 658, 667—669, 671—676, 678—680, 682, 684—693, 695, 698—705, 711, 712, 714, 715, 718—720, 723, 724, 727, 734—736, 738—741, 743—745, 749—751, 755—757, 764—766, 771.
Вяземскій, кн. П-вл. П.—668, 669, 671, 673, 678, 684, 685, 695, 702—704, 723, 734, 735, 738, 741, 743, 750, 755, 756, 766.

Габлицъ, К.—493, 755.
Габріель—74.
Габсбургскій, графъ—758.
Гагарина, княжна Нат. Ив.—744.
Гагарина, княжна В. Ѳ.—669.
Гагаринъ, князь Гр. Ив.—540, 767.
Гагаринъ, князь И. А.—41, 50, 72, 73, 78, 79, 81, 87, 93, 97, 111, 180, 233, 240, 242, 314, 318, 339, 380, 579, 613, 646, 684.
Гаевскій, В. П.—617, 697, 755.
Гайденъ—620.
Галатея—101.
Галаховъ, А. Д.—649, 650, 659.
Галифе, Галифъ Галифовичъ (Д. П. Сѣвернъ)—185, 693.
Гальбергъ, С. И.—544, 767.
Гамильтонъ, Ант.—138, 668.
Ганъ, баронъ—573, 574.
Гаральдъ Смѣлый—371, 721.
Гашпаръ—741.
Гезіодъ—417, 734.
Гейденъ—505, 514, 534, 758.
Гекторъ—152.
Геллертъ—3.
Гельвецій—108.
Гендриковъ, графъ Ив. Ал.—647.
Геннади, Г. Н.—627, 657, 658, 679, 738, 760.
Генрихъ IV, франц. король—206, 247, 258, 269.
Георгій Ольденбургскій, герцогъ—636.
Гераковъ, Г. В.—242, 667.
Герке, Хр. Ив.—347, 719.
Гермогенъ—62.

Геродотъ—515, 516, 530.
Гёте—239, 240, 245, 383, 748, 773.
Геттнеръ—626.
Гиббонъ—631.
Гиневра—104.
Гиппократъ—370, 677.
Глазовъ, Ив. Петр.—347, 435, 471, 719.
Глазуновъ—458, 493.
Глафира—138.
Глинка, С. Н.—58, 61, 94, 171, 389, 400, 422, 609, 629, 653, 669, 681, 686, 687, 689, 696, 719, 728.
Глинка, Ѳ. Н.—258, 339, 340, 554, 706, 717, 756, 769.
Глупницкій—618.
Гнѣдичъ, Н. И.—6—10, 12, 13, 15—19, 21—24, 29—31, 34—46, 48—58, 60—70, 72—77, 81—94, 97, 98, 100—119, 122—129, 131—135, 137, 140—142, 144, 148—150, 165—171, 192, 203, 204, 208—212, 219, 225, 233—235, 238, 241—243, 246—251, 271—273, 284, 314, 315, 318—320, 331, 332, 335, 338, 340, 347—349, 353, 366, 377—382, 384, 389—391, 393—396, 399—401, 407, 416, 418, 420, 424, 437—443, 446, 454, 455, 459, 465—473, 479, 493, 500, 505, 520—522, 530, 531, 533, 545, 552, 566, 567, 569—571, 580, 599—605, 607, 608, 610—621, 623, 627, 628, 633—636, 639—648, 650, 651, 657, 659—662, 664—667, 669, 670, 672—674, 677, 678, 681, 694, 698—700, 706—708, 711, 715—717, 725—731, 733, 736, 737, 741, 742, 745, 746, 749, 755, 760, 761, 766, 769, 772, 773.
Гоббесъ—137.
Годфридъ—749.
Голенищевъ - Кутузовъ Смоленскій, князь М. И.—214, 268, 648, 690.
Голенищевъ - Кутузовъ. П. Ив.—97, 127, 644, 669, 679, 735.
Голицына, княгиня Авд. Ив.—501, 533, 757.
Голицына, княгиня Нат. Петр.—651.
Голицына, княжна С. Алекс.—717.
Голицына, княжна С. Вл.—см. Строганова.
Голицынъ, князь Ал. Н., камергеръ—533, 765.
Голицынъ, князь А. Н., министръ—309, 514, 520, 735, 765, 783.
Голицынъ, князь Ал-й Ив.—655.
Голицынъ, князь Ал-й Петр.—655, 656.
Голицынъ, князь Б. В.—112, 121, 647, 648, 651—655, 770.
Голицынъ, князь, Дм. Вл.—651, 652.
Голицынъ, кн. Ив. А.—122.
Голицынъ, князь Н. Н.—652, 653, 655, 757.
Голицынъ, князь С. М.—406.
Голицыны, князья—652, 655, 757, 765.
Головкинъ, гр. Ю. А.—779, 782, 783.
Головнинъ, В. М.—737.
Голохвастовъ, Д. П.—612.
Гольбахъ, баронъ—626.
Гольбейнъ—543.
Гольдбахъ, проф.—671.
Гомеръ, Омиръ—9, 10, 15, 41, 47, 54, 66, 68, 86, 112, 124, 133, 141, 150, 158, 159, 170, 172, 226, 242, 248, 280, 303, 372, 400, 401, 410, 417, 418, 425, 426, 428, 442, 600, 605, 654, 696, 705, 729, 734, 736, 748, 768.
Гонзаго—712.
Горацій—59, 86, 100, 106, 123, 146, 149, 153, 155, 199, 215, 248, 422, 437, 439, 455, 536, 588, 631, 632, 639, 645, 646, 658, 670, 673, 681, 692, 700, 707, 737, 741, 742, 775, 780.
Горчаковъ, князь А. И.—466.
Горчаковъ, кн. Дм. П.—113, 648—650.
Готье (Gautier)—139.
Гофманъ—730.
Гоголія—690.
Гравело—634.
Грамматинъ, Н. Ѳ.—195, 214, 215, 695, 701, 702, 718.
Гревенсъ, Абр. Ил.—15, 22, 34, 37, 80, 173, 174, 176, 179, 186, 198, 212, 465, 598.
Гревенсъ, Анна Гр.—587—591, 775.
Гревенсъ, Анна Н.—1, 3, 14, 173, 597, 598, 775.
Гревенсъ, Гр. Абр.—175, 212, 684, 775.
Гревенсъ, Е. Г.—588, 590.
Гревенсъ, Е. П.—588, 591.
Гревенсъ, Л. Г.—590, 591.
Гревенсъ, Мод. Гр.—588, 590, 591, 775.
Грейгъ, С. А.—519.
Грессетъ—89, 136, 183, 626, 640, 642, 678, 686, 734.
Гречъ, Н. Ив.—338, 339, 344, 396, 420—424, 426, 470, 532, 567, 607, 682, 683, 736—738, 747, 763, 772.
Грибоѣдовъ, Адр. С.—390, 391, 639, 724, 729.
Грибоѣдовъ, Ал. Ѳ.—639.
Грибоѣдовъ, С.—77, 390, 391.
Грибоѣдовы—639.
Григорьевъ, В. В.—761.
Гриммъ, баронъ—598.

Громобой—190, 647.
Гротъ, Я. К.—633, 648, 651, 671, 726, 744, 754.
Грузинцовъ, Ал. Н.—125, 243, 662—664.
Гуаско—399.
Гудимъ-Левковичъ, И.—685.
Гуржеевъ, И.—517, 522, 760.
Гурко—496.
Гурьевъ—598.
Густавъ-Адольфъ—280, 283.
Густавъ Ваза—59, 60, 626.
Гьяуръ—610.

Даву—214.
Давыдовъ, Д. В.—646, 676, 724.
Давыдовъ, Л. В.—155, 168, 218, 331, 430, 676, 716, 740.
Даламбертъ—68, 101, 603.
Дама, бар. М. И.—698.
Дамасъ, баронъ Р.—234, 236, 250, 272, 418, 419, 422, 460, 707.
Данилова, М.—93, 643.
Дантонъ—253, 258.
Дантъ—165, 399, 407, 423, 427, 455, 459, 731, 771.
Дашкова, кн. Е. Р.—686.
Дашковъ, Дм. В.—161, 177, 178, 188, 190, 191, 193, 198, 200, 216, 221, 227, 235, 241, 243, 249, 257, 259, 261, 264, 271, 314, 318, 339, 346, 447, 550, 622, 658, 659, 674, 678, 684, 692, 696, 702, 705, 708, 710, 718, 720, 721, 726, 739.
Дашковъ, П. Я.—615, 636, 716, 733, 752, 755.
Дедалъ—57.
Дезульеръ—200, 696.
Декартъ, 135.
Делагардъ, графъ А. О.—21, 45, 604, 605.
Делакроа—607.
Де-ла-Портъ—627.
Делій—741.
Делиль—251, 303, 646, 672, 697.
Дельвигъ, баронесса, см. Салтыкова, С. М.
Дельвигъ, баронъ А. А.—697, 755.
Дельфина—198.
Демидовъ—573.
Демодокъ—331.
Демосѳенъ—605.
Демофонтъ—663.
Депоа, Ев. (Despois)—747.
Депре—620.
Державинъ, Г. Р.—40, 45, 49, 53, 59, 82, 112, 117, 123, 124, 145, 153, 390, 434, 600, 601, 611, 613, 616, 621, 625, 626, 628, 632—634, 640, 641, 647—651, 659, 667, 670, 671, 673, 682, 683, 696, 708, 710, 730, 731, 734, 739, 744, 754.
Дешамъ—198.
Дешанъ—620.
Дивовы—611.
Дидо, Дидотъ, Пьерръ Фр.—708.
Дидо, Дидотъ Ф.—45, 260, 617, 708.
Дидро, Дидеротъ—68, 593, 603, 656.
Діагоръ—280.
Діана—3.
Діонисъ—627.
Дйктіадисъ—762.
Димитрій Самозванецъ—602.
Дидрихсъ—772.
Дмитревскій, И. А.—621.
Дмитревы—18.
Дмитріевъ, В. В.—603.
Дмитріевъ, Ив. Ив.—33, 52, 77, 93, 112, 173, 175, 176, 179, 212, 227, 229, 264, 369, 385, 390, 394, 413, 452, 456, 462, 475, 491, 530, 531, 562, 599, 605, 606, 608, 614, 620, 621, 624, 632, 637, 643, 649, 650, 653, 666, 669, 672, 673, 676, 677, 684, 688, 691, 692, 695, 701, 702, 705, 710, 711, 727, 741, 748, 750—753, 755, 764—766, 768, 769, 771.
Дмитріевъ, М. А.—599, 651, 674, 675, 677—679, 689, 692, 701, 718, 719, 739, 750, 753, 755, 765.
Дмитрій Донской, в. кн.—11, 600, 621, 707.
Добрынинъ, Г. И.—691.
Добрыня—453, 454, 638.
Долгорукій, князь И. М.—121, 138, 614, 668, 689, 691, 710, 717, 738, 758, 760.
Долгорукій, князь М. П.—21, 42, 604, 607.
Долгорукій, князь Юр. Вл.—686.
Долгорорукій, князь П. В.—613, 635, 648.
Долгорукій, князь С. Н.—649.
Долгорукій, князь Я. Ѳ.—611.
Домергъ—689.
Домна, служанка—479.
Дону—772.
Дорать—724.
Доровъ, В.—738.
Драйденъ—188, 227, 705.
Дружининъ, П. М.—96, 208, 333, 369, 495—498, 502, 506—508, 523, 531, 545, 563, 580, 643, 716, 723, 767.
Дубровскій, П. П.—637.

Дульцинея—409.
Душенька—602, 667.
Душинъ—458.
Дюгесклинъ—359, 360.
Дюлонъ (Dulong)—253.
Дюпати—553.
Дюсисъ—606.
Дю-Шатле, маркиза—250, 395, 399, 407, 731.
Дюшенуа, К.-Ж.—268, 270, 710.

Евгеній, митрополитъ—612, 638, 682, 683.
Евенсъ, Ѳ. Як.—208, 505, 515, 700, 758.
Еврипидъ—509, 522, 664, 756, 761.
Егоровъ, А. Е.—61, 437, 627, 745.
Ежова, Ек. Ив.—721.
Екатерина Великая—70, 427, 590, 593, 624, 641, 651, 653, 656, 685, 686, 697, 698, 739, 769, 783.
Екатерина Павловна, вел. княгиня—240, 243, 613, 634, 636, 650, 769.
Елена, греч. царевна—125.
Елизавета Алексѣевна, императрица—601, 667.
Елизавета, королева англійская—277.
Елизавета Петровна N—1, 2, 588, 597.
Ельзевиръ—401.
Ендиміонъ—3.
Ермолаевъ, А. Ив.—77, 82, 85, 94, 210, 212, 241, 520, 544, 611, 612, 637—639.
Естифей, слуга—475, 537, 547, 554, 564.
Ефимовскіе, гр.—611.
Ефремовъ, П. А.—599, 639.
Ешевскій, С. В.—693.

Жанлисъ, графиня—655, 766.
Женгене—423, 431, 527, 740.
Жильбертъ—43.
Жильблазъ—607.
Жіакони—562, 770.
Жіаноне, П.—770.
Жихаревъ, С. П.—44, 54, 75, 93, 185, 210, 212, 235, 241, 249, 428, 447, 489, 491, 600, 601, 608, 610, 614, 615, 618, 621—625, 627, 632, 635, 643, 646, 648, 654, 666, 667, 680, 725, 735.
Жомини, баронъ, Г. Ант.—411, 734.
Жоржъ—26, 607, 608, 620, 710.
Жоффре—772.
Жоффруа—163, 678.
Жуковская, Ел. Дем.—684.
Жуковскій, В. А.—19, 65, 73, 76, 77, 81, 83, 87, 88, 94, 98, 100, 110—112, 114, 115, 119—121, 124, 125, 139, 150, 152—155, 164, 167, 168, 177, 178, 184, 187—191, 193—195, 203, 207, 215, 218, 221, 227—231, 273, 299, 300—306, 313—316, 319, 338, 339, 343—346, 356, 366, 367, 378, 382, 383, 390, 396, 404, 413—417, 424, 425, 427, 428, 430, 434, 436, 446—449, 451, 456, 458, 466, 468, 487—491, 494, 500—505, 509, 510, 514, 516, 517, 525, 529, 532, 533, 535, 550, 552, 558, 562, 586, 601, 604, 609, 620, 642, 644, 646, 647, 650, 651, 658, 662, 663, 673, 677, 678, 680, 684, 685, 688, 692, 694, 695, 698, 702—705, 713—716, 718—720, 722, 726—729, 732, 733, 735—737, 739, 741, 743, 748—752, 754—758, 760, 765, 768, 771, 774, 781, 782.

Завадовскій, графъ П. В.—25.
Загаринъ, П.—704.
Загоскинъ, М. Н.—479, 661, 729, 753.
Заира—61, 610, 621, 627, 628, 660.
Замиръ—641.
Заренда—613.
Захаровъ, И. С.—61, 69, 142, 628, 666.
Захаровъ, слуга—91, 364.
Захарьинъ—744.
Зегерлингъ—282.
Зейдлицъ, К. К.—685, 704, 705, 716, 735, 751.
Зельницкій, Гр. Кир.—745.
Зиновьевъ, П. В.—726.
Змѣевъ, Л. Ѳ.—734.
Золотаревъ, Ив. Ѳед.—752.
Зябловскій, Евд. Ф.—157, 677.

Ивановъ, Ѳ. Ѳ.—117, 154, 396, 650, 674, 675, 685, 690, 731, 739.
Ивановъ—611.
Иванъ Ивановичъ N—485.
Иванъ Николаевичъ N—483.
Иванъ, садовникъ—384.
Игорь, князь—666, 702.
Ижорина, А. П.—635.
Ижоринъ, П. А.—71, 201, 634, 635, 658.
Извѣкова, М. Е.—59, 627.
Измайлова, см. Голицына, княгиня Авд. Ив.
Измайловъ, А. Е.—42, 54, 66, 74, 88, 142, 161, 185, 613, 614, 633, 636, 664, 669, 674, 678, 702, 718, 727, 747.
Измайловы—611.
Изяславъ, князь—624.
Иксіонъ—79.

Ильинъ, Н. И.—428, 739.
Илья Пророкъ—171.
Ипполитъ—505, 761.
Иродъ—112.
Иръ—90.
Ислега—645.
Италинскій, А. Я.—541, 565, 572—574, 767, 772, 773.
Ифигенія—522, 660, 716, 756.

Іо—39.
Іоаннъ IV Васильевичъ, царь—624, 663.
Іоаннъ Св.—171.
Іовъ—667.
Іоганна д'Аркъ—510, 758.
Іорикъ—279.
Іосифъ, патріархъ—60.

Кавелинъ, Д. А. 466, 491, 563, 718, 726, 771.
Каверинъ—446.
Кавосъ, К.—601.
Кайса—35.
Калайдовичъ, К. Ѳ.—653.
Калипса—212.
Калькбренперъ—620.
Каменская, графиня М. Мих.—685.
Каммучини—543.
Кандидъ—3.
Капова, Ант.—437, 742, 766.
Кантеміръ, князь А. Д.—395, 399, 402, 407, 410, 659, 678, 681.
Капаній—51, 620.
Капече-Латро—549, 768, 782.
Капнистъ, В. В.—8, 10, 12, 13, 15, 36, 42, 47, 53, 88, 101, 150, 248, 559, 599, 600, 602, 612, 632, 634, 644, 646, 666, 672, 708, 730, 748, 770.
Капо д'Истріа, графъ И. А.—501, 502, 523, 525, 529, 530, 691, 754, 761.
Карабановъ, П. Ѳ.—69, 145, 612.
Карамзина, Ек. Андр.—206, 228, 383, 387, 470, 498, 534, 555, 557, 635, 722, 727, 752.
Карамзинъ, Андр. Ник.—705.
Карамзинъ, Н. М.—40, 61, 65, 71, 75, 77, 78, 82, 88, 94, 113, 116, 121, 128, 141, 150, 217, 227, 228, 274, 304—306, 357, 367, 382, 385, 387, 409, 414, 416, 417, 430, 449, 451, 465, 491, 494, 498, 516, 526, 533, 555, 579, 599, 601, 602, 605, 606, 610, 612, 614, 620, 625, 630—633, 635, 637, 638, 641, 649, 650, 655, 656, 666, 668, 675, 676, 679, 680, 688, 701, 703, 705, 707, 718, 720—723, 727, 728, 750—752, 761, 763, 764, 768—770, 772.
Карамзины—205, 208, 227, 274, 385, 429, 449, 468, 490, 494, 505, 510, 514, 515, 534, 550, 561, 633, 676.
Каратыгина, А. М.—628.
Каратыгинъ, В. А.—661.
Карауловъ, В.—9, 15, 599.
Карауловы—472.
Карлосъ (Донъ)—239.
Карлъ XII, шведскій король—280.
Картавинъ—619.
Кассандра—360, 488, 754.
Касторъ—243, 279.
Катенинъ, П. А.—43, 55, 142, 390, 458, 614, 615, 666, 667, 728, 729, 736, 745.
Катонъ Старшій—653.
Катуллъ—437, 439, 668, 685.
Каченовскій, М. Т. 66, 76, 86, 99, 110, 127, 141, 145, 160, 162, 165, 166, 171, 198, 200, 390, 391, 394—396, 409, 447, 452, 460, 531, 532, 631, 669—671, 679, 681, 685, 696, 702, 733, 749, 763, 764.
Квашнина-Самарина, А. П.—37, 38, 42, 47, 48, 50, 51, 53, 62, 64, 66, 79, 107, 109, 111, 113, 116, 123, 126, 184, 222, 389, 392, 611.
Квинтиліанъ—737.
Келеръ, Г.—533, 764.
Кесарь—589.
Кій—666.
Киліанъ—584, 585.
Кипренскій, Ор. Ад.—540, 542, 544, 733, 755, 767.
Киселевъ, графъ Пав. Дм.—355, 361, 719.
Кирилловъ, Ник. Серг.—776.
Киръ—56.
Клитемнестра—660.
Клопштокъ—652.
Клушинъ, А. И.—649, 677.
Ключаревъ, Ѳ. П.—439.
Княжнинъ, Б. Я.—234, 706, 741.
Княжнинъ, Ж. Б.—44, 615, 620, 659, 678.
Кобяковъ, П. Н.—601, 623.
Ковалевскій, Евгр. Петр.—685, 756.
Кодръ—623, 624.
Козловскій, князь П. Б.—424, 429, 738.
Козловъ, И. И.—646.
Козловъ, Вас. Ив.—459, 746.
Кокошкинъ, О. Ѳ.—222, 390, 393, 401, 642, 685, 689, 704, 727, 729—731, 739, 743.
Колардо—64, 628, 724.
Колбасинъ, Е. Я.—679.

Колокольцова, см. Муравьева, К. Ѳ.
Кольчугинъ—466.
Кондильякъ—47.
Кондыревъ, П. С.—461, 749, 750.
Константинъ Павловичъ, вел. князь—652.
Коршина—69, 131, 198, 665.
Корнель—721, 776.
Коррадо де-Геррера—41, 599.
Корсаковъ—499, 514.
Костогоровъ, Мих. Дм.—316, 345, 359, 715, 718.
Костровъ, Е. И.—10, 47, 81, 141, 164, 196, 600, 618, 669, 695.
Котенъ—59.
Кошанскій, Н. Ѳ.—45, 616, 617.
Коцебу, Авг.—601, 619, 649.
Краевская—683.
Крашенинниковъ—44.
Кребильонъ—621.
Криспинъ—689.
Кристинъ, Ф.—686, 687, 690, 696.
Кромвель—390.
Круглый, А. О.—661.
Крыловъ, Ив. Андр.—12, 44, 49, 53, 61, 69, 137, 161, 184, 210, 212, 228, 241, 242, 249, 390, 391, 417, 418, 438, 458, 460, 520, 522, 544, 554, 588, 592, 593, 601, 635, 646, 661, 686, 705, 727, 730, 738, 742, 743, 750, 755, 769, 775.
Крыловъ, Мих. Гр.—767.
Крюковъ, Ал. Сем.—268, 710.
Ксенія—628.
Кузьма—40, 612.
Кутонъ—258.
Кушелевъ, графъ Гр. Гр.—518, 760.
Кушелевъ-Безбородко, гр. А. Гр.—518, 554, 760.

Лабоэси—647.
Лаверпъ—610.
Лагарпъ, Ж. Ф.—64, 150, 152, 162, 620, 623, 658, 672, 673.
Лагарпъ, Фр.-Ц.—549, 768.
Лакретель—261, 709.
Лакруа, П.—708.
Ламартинъ, А.—646.
Ланжеронъ, графъ А. Ѳ.—503, 505, 508, 513, 516, 520, 521, 757.
Ланской, С. С.—23—25, 605.
Лану—642.
Лаокоонъ—270.
Лаптевичъ—6, 9, 599.
Лапушкинъ—199.
Ла-Рошфуко, герцогъ—654, 655.
Ласъ-Казасъ—103, 645.
Лаура—188.
Лафаръ, маркизъ—611.
Лафонтенъ—33, 75, 88, 146, 167, 170, 171, 199, 260, 535, 608, 610, 623, 636, 671, 673, 684, 694, 696, 707, 709.
Лафонтенъ, Авг.—610.
Лахнитъ—620.
Лачинова, М. А., см. Чеглокова.
Леаръ—77, 639.
Лебренъ, П.—61, 627.
Левенштернъ, баронесса, см. Бре, графиня.
Левинъ—236.
Левъ Калойскій—761.
Леда—39.
Ленкевичъ—683.
Ленора—728, 729.
Леоненкова, К. А.—583, 774.
Лербергъ, А. Х.—612.
Ле-Ру де-Ленси—694.
Лесажъ—27, 607.
Лесновскій—42, 614.
Летиція Бонапарте—250.
Лешновскій, см. Лесновскій.
Лида—675.
Лиза—99, 662, 739.
Лила—190.
Линеманъ—92, 198, 643.
Липранди, И. П.—607, 724.
Лихачевъ, Пав.—382, 383, 726.
Лобановъ, М. Е.—124, 319, 320, 613, 621, 660, 661, 716, 769.
Лобановъ-Ростовскій, князь Дм. Ив.—337, 355, 466, 717.
Локкъ—136.
Ломоносовъ, М. В.—3, 151, 359, 395, 408, 423, 631, 645, 663, 664, 667, 730, 780.
Лонгиновъ, М. Н.—623, 641, 649, 650, 660, 667.
Лонгинъ—603.
Лонжпьеръ—667.
Лосенко, А. П.—599.
Лубкинъ, С. А.—750.
Луиза—240.
Лукницкій, А. В.—48, 601, 618, 619.
Лукрецій—705.
Лукреція—226.
Лунина, М. Серг.—713.
Лунина, Ѳ. Н.—682.
Лунинъ, А. М.—700.
Лунинъ, М. М.—682.
Лунинъ, С. М.—682.
Лунины—173, 223, 514, 682.
Львова, Ел. Ник.—65, 632, 633.
Львова, Над. Ил.—632.
Львовъ, Ал. Ѳ.—632.

Львовъ, Л. Н.—45, 65, 75, 76, 106, 109, 111, 173, 616, 636, 682.
Львовъ, Ник. Ал.—616, 632, 633, 726.
Львовъ, С. М.—680.
Львовъ, Ѳ. П.—65, 161, 632, 633, 678, 745.
Львовы—242.
Любуша—702.
Людмила—188, 604, 728, 729, 757, 769.
Людовикъ XIV—64, 252, 256, 258, 670, 697.
Людовикъ XV—258.
Людовикъ XVI—606.
Люно де-Буажерменъ—634.
Лютеръ, М.—586.

Магометъ—40.
Маій—278, 281.
Макаръ, слуга—619, 667.
Макаровъ, П. Ст.—39, 612.
Макаровъ, М. Н.—183, 675, 679, 680.
Макіавель—427.
Максютинъ—611.
Макферсонъ—606.
Малербъ—614.
Малышева—570.
Мальвина—651.
Мангенъ—748.
Маратъ—253.
Маринъ, С. Н.—60, 133, 221, 601, 613, 626, 666, 667.
Марія Павловна, вел. княгиня—240, 243.
Марія Ѳеодоровна, императрица—289, 647, 651, 668, 705, 712, 716, 752, 768.
Маркетти—226, 705.
Марковъ, Н.—598.
Мармонтель—128.
Мармонъ, герцогъ—256.
Маротъ—432.
Марсъ—300.
Мартыновъ, И. И.—35, 43, 97, 120, 316, 600, 603, 614, 644, 752.
Мартьяновъ—480.
Марфорій—567.
Маршанжи, Л. А.—724.
Марья Ивановна, няня—591.
Мароа Посадница—48, 630, 675.
Матаназій—155, 675.
Матвѣевъ, Ѳ. Мих.—542, 543, 767.
Маттисонъ—226, 705, 707.
Матушкинъ, М.—458, 610.
Матюшкины—611.
Мегера—74.
Медея—667.
Межаковъ, П. А.—109, 645, 646.
Мезере, Фр.—631.
Мейстеръ, Як. Генр.—524. 762.
Мелиссино, Ив. Ив.—686, 687.
Мелиссино, Праск. Влад.—686, 699.
Мельгуновъ, Ник. Ал. —772.
Менгденъ, фонъ М. А.—38, 612.
Менгсъ, Р.—445.
Менаръ, П.—709.
Меньшиковъ, князь Ал-дръ Серг.—371, 664, 724.
Мерзляковъ, А. Ѳ.—86, 94, 127, 133, 141, 165, 199, 346, 383, 389, 532, 533, 609, 621, 637, 653, 674, 675, 678, 685, 696, 702, 727, 728, 763.
Мерле—627.
Меропа—133, 667.
Мерсье—3, 598, 690.
Мессансъ—605.
Метастазій—614.
Метафрастикъ—156, 677.
Метеллій—735.
Мещевскій, А.—403, 732.
Мещерскій, князь П. С.—640.
Мидасъ—166.
Миликтриса—101.
Миллеръ, І.—427, 739.
Милоновъ, М. В. — 153, 171, 185, 195, 218, 219, 673, 674, 681, 692, 702.
Милорадовичъ, графъ М. А.—722.
Мильвуа—645, 734.
Мильгаузенъ, Ѳ. К.—577, 773.
Мильтонъ—88, 135, 306, 641.
Мимнермъ—570.
Минихъ, графъ Б.—427, 739.
Минна—610.
Мира, Ж. Ж., см. Брюне.
Мирабо—65, 68.
Митрофанушка—677.
Митрофанъ—157.
Митька, слуга—285, 290.
Михаилъ Павловичъ, великій князь—767, 768, 780.
Михайловскій-Данилевскій, А. И.—367, 606, 652, 704, 720, 722.
Мишьельсъ, А.—724.
Мнемозина—183.
Моберлей—577.
Моллеръ, Ел. Ант., см. Муравьева.
Мольеръ—34, 166, 459, 608, 643, 677, 747, 776.
Монтань—45, 63, 99, 247, 261, 323, 370, 636, 647, 737.
Монтбронъ—139, 669.
Монтескье—260, 395.
Монти—771.
Мордвинова, Ек. Ник., см. Муравьева.
Морель—620.

Морена, графъ—634.
Мори—655.
Морошкинъ, М.—738, 762.
Мортонъ—138, 668.
Морфей—18, 178.
Мосхъ—570, 617.
Моцартъ—620.
Мудрова—373, см. Чеботарева, С. Х.
Мудровъ, Матв. Як.—373, 725.
Муравьева, Ел. Ант.—630.
Муравьева, Ек. Ник.—629.
Муравьева, Ек. Фед.—16, 20, 22, 32, 50, 60, 69, 71, 76, 84, 95—97, 103, 116, 130, 151, 152, 173—175, 180, 186, 189, 196, 198, 201, 202, 208, 212, 216, 223, 232, 248, 284, 286, 293—295, 299, 306, 309—311, 314, 315, 319, 332—337, 340—343, 348, 350, 355, 358, 361, 363, 368—370, 373, 376—378, 385—387, 391—393, 402, 410, 418, 419, 426, 454, 464, 467, 481—483, 486, 489, 493, 496, 497, 499, 500, 504—506, 511—515, 523, 524, 527, 530, 534, 538, 543, 545, 546, 563, 564, 577, 578, 603, 608, 634, 672, 684, 694, 714—717, 719, 721—728, 730, 731, 734, 745, 754, 755, 757—759, 761, 762.
Муравьева-Апостолъ, А. С.—74, 83, 84, 578, 634, 774.
Муравьева-Апостолъ, Е. И.—71, 73, 77, 78, 84, 85, 111; см. Ожаровская, графиня.
Муравьевъ, А. М.—311, 317, 338, 343, 344, 369, 370, 487, 499, 505, 514.
Муравьевъ-Апостолъ, И. М.—73, 83, 84, 106, 107, 122, 129, 131, 161, 189, 208, 212, 214, 249, 268, 294, 365, 366, 401, 412, 417, 419, 423, 458, 504, 505, 511, 514, 515, 520, 616, 634, 639, 658, 665, 694, 726, 733, 758.
Муравьевъ-Апостолъ, Ип. Ив. — 407, 541, 515, 733, 758.
Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Ив. — 698, 758.
Муравьевъ-Апостолъ, С. Ив. — 356, 407, 511, 521, 733, 753.
Муравьевъ-Карсскій, Н. Н.—600, 698.
Муравьевъ, Мих. Никит.—5, 16, 37, 50, 64, 67, 119, 122, 179, 293, 304—306, 316, 341, 346, 357, 358, 394, 395, 512, 598, 603, 608, 616, 617, 628, 629, 634, 635, 640, 643, 644, 646, 647, 650, 680—682, 684, 694, 714, 715, 725, 780.
Муравьевъ, Ал-дръ Мих.—505, 715, 758.
Муравьевъ, Наз.—629.
Муравьевъ, Нкт. Арт.—635.
Муравьевъ, Нкт. Мих.—78, 97, 151, 180, 184, 186, 224, 245, 293, 310, 311, 315, 317, 319, 333, 335, 336, 340, 341, 343, 360, 369, 385, 390, 401, 411, 418, 455, 457, 487, 496, 498, 500, 505, 511—515, 527, 552, 577, 640, 673, 715, 721, 734, 745, 762.
Муравьевъ, Ник. Наз.—64, 478, 628—632.
Муравьевъ-Амурскій, графъ Н. Н.—628.
Муромцовъ—241.
Мурузи, князья—762.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ Ап. Ев.—685.
Мюгель—14, 15, 602.
Мюратъ, Іоахимъ—768.

Навсикая—617.
Нагибинъ—466.
Надежда Евграфовна—487.
Наполеонъ I—214, 237, 254—256, 258, 261, 262, 265, 268, 271, 301, 336, 588, 589, 592, 688, 690, 699, 700, 709.
Напьерскій, К.—768.
Нартовъ, Андр. Андр.—612.
Нарушевичъ, Ад.—493, 756.
Нарышкинъ, А. Л.—573, 662.
Наталья—612, 732.
Нащокины—611.
Ней—214.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А.—113, 128, 154, 184, 207, 222, 289, 314, 404, 648, 665, 699, 712.
Нептунъ—279.
Нессельродъ, графъ К. В.—573—576, 584—586, 691, 773, 774.
Несторъ—681.
Никита, слуга—364.
Никифоровъ, М.—191.
Николай Павловичъ, великій князь—692, 723, 783.
Николевъ, Н. П.—641, 648.
Николь, аб.—515, 521, 528, 759, 762, 763.
Никольскій, П. А.—235, 390, 614, 674.
Никоновъ, В. Я.—730.
Нилова, П. М.—70, 85, 389, 392.
Ниловъ, П. А.—77, 85.
Ниловы—37, 42, 53, 66, 70, 75, 88, 611.
Новиковъ, Н. И.—439.
Новосильцовъ, Н. Н.—465, 514, 750

Ной—39.
Норбергъ—664.
Ноэль—113, 455.
Нума Помпилій—663.
Нѣмцова, см. Пушкина Ел. Гр.

Оберонъ—226, 240, 705.
Оболенскій, князь Андрей Петр.—45, 735.
Оболенскій, князь М. А.—612.
Оболенскій - Нелединскій - Мелецкій, князь С. А.—712.
Овидій—165, 170, 430, 442, 456, 761.
Одиссей—16.
Ожаровская, графиня Е. И.—294, 634, 647, 713.
Ожаровскій, графъ Фр. П.—634, 647.
Озаръ—453, 454.
Озерецковскій, Н. Я.—441, 742.
Озеровъ, В. А.—10, 12, 90, 102, 217, 467, 600, 601, 705, 727, 741, 751.
Озиридъ—26.
Окуневъ, Гр. Алкс.—371, 724.
Оленина, Ел. М.—27, 59, 60, 196, 203, 204, 211, 241, 248, 295, 445, 477, 520, 544, 607, 635.
Олениныъ, Ал. Ал.—520, 544, 760.
Олениныъ, Ал. Н.—22, 25, 32, 34, 37, 50, 53, 58—60, 62, 63, 67, 73, 90, 94, 96, 105, 109, 110, 115, 119, 126—128, 148, 173, 180, 203, 204, 210, 211, 224, 230, 241, 248, 302, 317, 335—337, 344, 350, 355, 367, 369, 417—419, 421, 444, 456, 460, 492, 518—522, 539, 577, 579, 599—601, 606, 607, 611, 612, 626, 635, 637—639, 641, 660, 700, 704, 705, 742, 755, 756, 760, 761, 766, 767.
Олениныъ, Н. А.—32, 203, 600, 697.
Олениныъ, П. Ал.—203, 204, 210, 211, 248, 249, 380, 554, 698, 708.
Олениныы—37, 210, 315, 362, 392, 417, 505, 515, 554, 564, 600, 610, 660.
Оливье—652.
Олинъ, В. Н.—346, 390, 420, 422, 457, 718, 730, 737, 745.
Олсуфьевъ, В. Дм.—567, 773.
Ольга—390, 728, 729, 736, 745.
Омиръ, см. Гомеръ.
Орестъ—662, 663.
Орландъ Неистовый—621, 645.
Орловъ, графъ Ал. Гр.—698.
Орловъ, М. Ѳ.—421, 743.
Орфей—189, 659.
Осиповъ, Вас.—191.
Оскольдъ—453, 454.
Оссіанъ—605, 646, 702, 730, 745.
Остенъ-Сакенъ, гр. Ф. В.—261.
Остолоповъ, Н. Ѳ.—176, 601, 614, 682, 683.
Отелло—606.

Павелъ I, императоръ—652, 686, 698, 783.
Павелъ, слуга—577.
Павловъ, Н. Ф.—700.
Панзіелло—620.
Палиссотъ—70, 634.
Палицынъ, А. А.—239, 659, 708.
Палеменбахъ, С. Е., см. Батюшкова.
Панаевъ, Вл. Ив.—457, 706, 745, 755.
Панаръ—54, 138, 623, 668.
Панглосъ—231.
Пандора—616.
Панкевичъ, М. И.—671.
Панкратьевна—128.
Паренаго, Мих.—701.
Парни—64, 78, 79, 99, 117, 260, 632, 640, 645, 650, 709, 713, 748.
Паскаль—725.
Пасквинъ—567.
Пассекъ, П. Б.—697.
Патрикѣичъ—667.
Патроклъ—88, 641.
Пенго, Л.—717, 720, 762.
Пенелопа—153.
Перовскій, Н. И.—577, 578, 773.
Перужини—543.
Петина—237, 307—309, 714.
Петинъ, Ив. Ал.—21, 66, 75, 78, 111, 236, 237, 243, 303, 307—309, 604, 647, 707, 714.
Петра—151, 180, 186, 673.
Петрарка—26, 165, 306, 359, 395, 423, 455, 746.
Петровъ, Я. В.—410, 734.
Петровъ, В. П.—164, 678.
Петровъ, П. Н.—663, 646.
Петръ Великій—56, 229, 567, 624, 641, 658, 664, 730, 780.
Петръ Ивановичъ N.—592.
Петръ III, императоръ—739.
Пикаръ—260, 709.
Пименовъ, Дм.—654, 655.
Пиндаръ—59, 562.
Пиронъ, А.—128, 138, 668.
Писаревъ, А. А.—56, 62, 69, 234, 242, 250, 601, 624, 625, 638, 680, 707.
Пиѳагоръ—104.
Пламиръ—648.
Платовъ, гр. М. М.—279.
Платонъ, митрополитъ—598.
Платонъ, философъ—672.
Платонъ, слуга—30, 173, 179.

Плетаевъ (Плетневъ, П. А.) — 567, 570, 571.
Плетневъ, П. А.—658, 674, 735, 772, 773.
Плещеева, Наст. Ив.—751.
Плещеева, Нат. Ив., въ замуж. Карамзина—751.
Плещеевъ, Алдр. Ал.—188, 466, 468, 470, 614, 637, 694, 705, 751, 752.
Плещеевъ, Ал-й Алксдр.—751.
Плиній—549, 556, 557.
Плутархъ—106, 108, 304, 567.
Плутонъ—74, 401.
Плюшаръ—611.
Пнинъ, И. П.—614.
Побѣдоносцевъ, П. В.—685.
Погодинъ, М. П.—644, 752, 770.
Позднякъ, Дм. Прок.—537, 554, 766.
Полевой, Кс. Н.—658.
Полевой, Н. А.—631, 658.
Полетика, П. И.—368, 383, 722, 723, 756.
Поликсена—165, 678.
Поллуксъ—243, 279.
Полозовъ, А.—36, 44, 55, 66, 75, 90, 122, 134, 180, 186, 610, 611, 621, 684.
Полоцкій, Ив. В.—94.
Полторацкій, Д. М.—71, 496, 498, 635, 757.
Полторацкій, С. Дм.—635.
Поляпскій—466.
Помяловскій, И. В.—783.
Пономарева, С. Дм.—755, 766.
Пономаревъ—493, 755.
Попандопуло—654.
Попе—59, 306, 605, 624, 672.
Попова—406, 411, 437, 447, 741.
Поповъ, Дм. Прок.—522, 761.
Поповъ—405.
Поповъ, И. В.—501.
Поповъ, Н. Ал.—644, 750.
Порошинъ, В. С.—708, 713, 714, 721, 734, 750, 752, 757—759, 762, 763, 765.
Потаповъ, А.—583, 584, 774.
Потемкинъ, князь Гр. А.—53, 621, 697.
Прево—309.
Пріамъ—125.
Прогна—680.
Прокоповичъ-Антонскій, Ант. Ант.—127, 621, 660, 685, 701.
Проперцій—439, 646.
Протасова, Е. А.—751.
Протасовы—716.
Протасьевъ, В. Ѳ.—38, 612.
Протей—58.
Психея—639.
Пустяковъ—739.
Пуффендорфъ—664.
Пушкина, А. Л.—267, 369, 407, 710.
Пушкина, Е. Гр.—74, 129—131, 134, 213, 219, 228, 231, 232, 266—270, 274, 371, 563, 585, 636, 665, 676, 688—690, 703, 706, 710, 774.
Пушкина, Нат. Абр.—699, 723.
Пушкина, Пр. Ал.—696.
Пушкинъ, Ал. М.—184, 206. 218, 220, 221, 231, 267, 268, 274, 371, 383, 636, 642, 674, 676, 686—690, 699, 703, 705, 710, 723, 724, 727, 740, 741, 744.
Пушкинъ. А. С.—488, 494, 510, 533, 534, 550, 555, 614, 617, 646, 656, 661, 676, 688, 690, 695, 710, 754, 757, 765, 769—773.
Пушкинъ, Вас. Льв.—111, 113, 118, 128, 130, 132, 133, 147, 152—154, 164, 168, 169, 183—185, 194, 199, 206, 216—218, 220, 255, 267, 268, 270, 274, 305, 358, 389—391, 412, 413, 416, 431—433, 437, 450, 452, 488, 489, 536, 647, 651, 665, 673, 674, 676—678, 686—688, 690, 692, 693, 699, 703, 708, 710, 720, 724, 729, 740, 741, 752, 754.
Пушкинъ, Л. С.—772.
Пушкинъ, М. А.—686.
Пушкинъ, N. В.—206.
Пушкинъ, Серг. Льв.—710.
Пушкины—155, 218, 563, 676.
Пыпинъ, Ал. Н.—642, 693, 743.

Радищевъ, Ал. Н.—608, 609, 748.
Радищевъ, М. Н.—609.
Радищевъ, Н. А.—35, 38, 41, 43, 73. 78, 90, 94, 125, 133, 608—610.
Радищевъ, П. А.—609, 610.
Радищевы—609.
Раевская—337.
Раевскій, Андр. Ѳедос.—706.
Раевскій, Н. Н.—233—244, 250, 252, 285, 333, 356, 361, 707.
Разумовскіе, графы—669, 679, 765.
Разумовскій, графъ Андр. К.—97, 643, 644, 679, 783.
Ранда—648.
Раль, баронъ Ал.—419, 736.
Рамазановъ, Н. А.—600.
Расинъ—68, 69, 90, 124, 125, 199, 247, 258, 260, 319, 382, 634, 660, 661, 664, 687, 690, 696, 708, 761.
Растиньякъ—45, 615.
Растопчинъ, графъ Ѳ. В.—635, 652, 688, 696, 739.

Рафаель—238, 270, 274, 543, 741.
Рейхардъ—527, 762.
Ренье, Мат.—139, 668.
Реньяръ—618, 690, 727.
Репнина, княжна, см. Волконская, княгиня С. Гр.
Репнинъ-Волконскій, князь Н. Гр.—510, 511, 758.
Ржевскій, Г. П.—183, 192, 425, 685, 694, 738.
Ржевскій, П. А.—686.
Риго, Г.—677.
Рижскій, И. С.—659.
Ризбекъ, Г.—652, 654.
Римская-Корсакова, см. Архарова, Ек. Ал.
Рихтеръ В. М.—175, 699.
Ришаръ, Ел. Фр.—697.
Ришелье, герцогъ—529.
Ришелье, кардиналъ—721.
Робертсонъ—103.
Робеспьеръ—250, 258, 697.
Рогачевъ—460.
Родригъ—361, 721.
Розенкампфъ, баронъ Г. Андр.—519, 760.
Рокелоръ, герцогъ—144, 670.
Ромео—394, 731.
Ронкà—621.
Роспини—339, 340, 527.
Россини—548.
Ростиславъ—613.
Ростъ—198.
Рубановская, А. В.—608.
Рубановская, Ел. В.—608.
Румянцовъ, графъ Ал-дръ Ив.—766.
Румянцовъ, графъ Ник. Петр.—521, 540, 664, 742, 766.
Румянцовъ, графъ Петръ Ал.—766.
Рурикъ—439, 742.
Русланъ—757, 769.
Руссо, Ж. Ж.—56, 70, 140, 149, 630, 697.

Сабатье-де-Кастръ—655.
Савваитовъ, П. Ив.—757.
Савелій, слуга—483, 484.
Сазоновъ, Вас.—766.
Саларевъ, С.—685.
Салтыкова, С. Мих.—697.
Салтыкова—200.
Салтыковъ, Ал. Мих.—696.
Салтыковъ, М. А.—200, 210, 412, 510, 696, 697.
Салтыковъ, графъ Г. П.—685.
Салтыковъ, графъ С. П.—683.
Самарина, см. Квашнина-Самарина, А. П.
Самойловъ, В. М.—712.
Сандуновъ, Н. Н.—702.
Саражиновичъ, Пав. Гр.—759.
Сарторіусъ—749.
Саси, С.—727.
Саулъ—145, 620, 670, 671.
Сафо—59, 61.
Свиньинъ, П. П.—558, 769.
Свѣтлана—694, 695.
Свѣчинъ, А. А.—602, 603.
Свѣчинъ, П. Е.—19, 603.
Свѣшниковъ—458.
Святославъ, в. князь—230, 515, 520.
Севергинъ, В. М.—742.
Севинье—51.
Сегюръ, графъ Л. Ф.—260, 535, 709, 765.
Селивановскій, Н. С.—648.
Семевскій, М. И.—597, 599, 602, 603, 635, 636, 639, 640, 642—647, 650, 651, 657, 659, 664, 665, 667; 669, 670, 677, 681, 698—700, 706—708, 710, 711, 715—717, 726, 728, 731, 733, 736, 741, 742, 745, 746, 760, 769, 772, 773, 775.
Семенова, Е. С.—42, 44, 48, 61, 72, 73, 79, 93, 493, 608, 613, 628, 660, 661, 733.
Семенъ, слуга—45.
Семирамида—620.
Сенека—370, 455, 557.
Сентъ-Бевъ—667, 672, 709, 714.
Сенъ-Ламбертъ—135, 667.
Сенъ-При, графъ К. Фр.—337, 343, 359, 512, 513, 515, 517, 520, 522, 524, 717, 720, 759.
Сенъ-При, графъ Эмм. Ф.—359, 720.
Сенъ-Пьеръ, Бернъ.—697.
Сенъ-Ясентъ—677.
Сенявинъ, Д. Н.—769.
Серра-Капріола, князь Ант.-Мар.—517, 549, 760.
Серчевскій, Е.—652.
Сиверсъ—225.
Сидвилль—734.
Сидоръ—40, 612.
Сидъ—721.
Сизифъ—74, 731.
Сикаръ—260, 709.
Синекдохосъ—678.
Синеусъ—445.
Сипягинъ, Н. М.—367, 369, 376, 387, 602, 722.
Сиряковъ, Ив.—636.
Сисмонди—423, 430, 527, 605, 606, 740.
Скавронскіе, графы—611.
Скотининъ—54.

Скриверіусъ, Скриверъ—155, 677.
Скюдери—370, 393, 498, 723.
Сладковскій. Р.—85. 86, 641.
Смирдинъ, А. Ф.—610, 655, 692, 730.
Смирновъ, С. В.—675.
Смитъ, Ад.—654, 749.
Снелль—750.
Снигиревъ, И. М.—679.
Соковнинъ, Пав. Мих.—735.
Соковнинъ, Серг. Мих.—371, 416, 724, 735, 736, 743.
Соколова, В. Н. рожд. Батюшкова—1, 14, 20, 23, 27, 28, 36, 37, 45, 52, 71, 89, 91, 96, 119, 174, 181, 192, 198, 215, 216, 225, 232, 243, 286, 288, 289, 291, 292, 296, 297, 310, 340, 347—349, 353, 388, 480—484, 489, 490, 507, 545, 563, 580, 597, 602, 604.
Соколовъ, Арк. Ап.—20, 28, 71, 80, 224, 287, 375, 443, 464, 507, 526, 645, 547, 602, 604.
Соколовъ, П. А.—2, 598, 604.
Соллогубъ, графъ В. А.—699.
Солнцевъ, М. М.—274, 431, 740.
Сомовъ, О. М.—661.
Сопиковъ, В. С.—609, 610.
Сорена—641, 649.
Софоклъ—617, 662, 663.
Софья К.—109, 111, 646.
Сперанскій, графъ М. М.—630, 658, 677.
Спиридовъ, Ал. М.—610.
Спиридовъ, Ив. М.—36, 610.
Срезневскій, И. И.—638.
Сталь, Альбертина—696.
Сталь, баронесса—198, 232, 423, 552, 656, 665, 695, 696, 706, 781, 783.
Станевичъ, Е. И.—61, 112, 161, 628, 659, 670.
Станиславскій, К. С.—80, 96, 640.
Стариковы—675.
Старынкевичъ, Н.—683.
Стацій—746.
Степановъ, Ив. П.—683.
Стернъ—601.
Стояновскій, Н. И.—600, 626, 742, 755, 760, 760, 766.
Строганова, баронесса А. Н.—691.
Строганова, баронесса Анна Серг.—695.
Строганова, графиня С. В.—23, 606, 696.
Строгоновъ, гр. А. С.—133, 144, 666, 670.
Строгановъ, графъ П. А.—25, 36, 606, 610, 705.
Строгановы, графы—660.
Стурдза, А.-дръ Скарл.—523, 761, 762.
Стурдза, Елена Скарл., см. Сѣверина.
Стурдза, Скарл. Дм.—762.
Суворовъ, П. И.—142, 669.
Суворовъ-Рымникскій, кн. А. А.—229, 515, 520, 536, 610, 639, 648, 651, 766.
Сукинъ—314.
Сумароковъ, А. П.—3, 59, 479, 602, 654, 659, 663, 753.
Сумароковъ, П. И.—629.
Сухомлиновъ, М. И.—609, 613, 626, 669, 730.
Сушковъ, Н. В.—294, 619, 673, 675, 679, 690, 701, 713, 732, 735, 736, 753.
Сципіонъ—527.
Сюаръ, Ж. Б.—260, 709.
Сюлли—260.
Сѣверина, А. Г.—691.
Сѣверина, Елена Скарл.—754, 761, 762.
Сѣверинъ, Д. П.—183—185, 195, 199, 205, 210, 212, 216, 269, 274, 383, 403, 468, 469, 472, 476, 487—490, 494, 495, 501, 511, 516, 523, 525, 529, 530, 538, 562, 690—693, 700, 711, 723, 754, 761.

Талія—48, 618, 677.
Тальма—258, 263, 270, 509, 614, 708.
Тамерланъ—199.
Танкредъ—33, 41, 54, 88, 90, 608.
Танталъ—731.
Тараканова, княжна—698.
Тассъ, Бернардъ—423.
Тассъ, Торквато—8, 18, 26, 43, 44, 48, 62, 64, 72, 81, 87, 93. 94, 97, 103. 170, 280, 359, 395, 419, 421—423, 427—429, 437, 439, 452, 456, 457, 459, 517, 532, 603, 614, 615, 628, 654, 664, 683, 711, 745, 746, 749, 763.
Татищевъ, В. Н.—625, 631.
Татищевъ, гр. Дм. П.—10, 698.
Тацитъ—556, 562.
Теглевъ—486, 490.
Тезей—98.
Телемакъ—331.
Темира—35.
Гемиръ—628.
Теньеръ—614.
Теребеневъ, И.—628.
Тибуллъ—48, 99, 133, 136, 570, 618, 641, 646, 659, 667, 681, 748.
Тиверій—548, 559.
Титова, Ел. Ив.—626.
Тихановъ, П. Н.—603, 611, 661, 760, 766, 773.

Тихонравовъ, Н. С.—635, 666, 692, 755.
Тогенбургъ—758.
Толстой, графъ П. А.—212, 466, 657.
Толстой, графъ Ѳ. И.—371, 724.
Толычева—751.
Томасъ—609, 772.
Томонъ—510, 758.
Томсонъ—171, 681.
Тончи, Ник. Ив.—452, 744.
Торвальдсенъ—543.
Тредіаковскій, В. К.—8, 41, 44, 56, 133, 613, 631, 665, 683.
Третьяковъ, К.—363, 366.
Триноли, Ив. Ант.—2, 3, 598.
Триссотинъ—166, 643.
Трубецкой, князь С. П.—185, 199, 212, 351, 693, 698.
Тургенева, Ек. Сем.—703.
Тургеневъ, Ал. Ив.—121, 177, 178, 182, 185, 188, 190, 210, 218, 221, 229, 232, 235, 241, 247, 294, 299, 302, 308, 309, 346, 347, 366, 367, 376, 383, 387, 391, 402, 404, 405, 411, 412, 415, 425, 447, 451, 465, 467—469, 472, 473, 494, 495, 500—506, 508—511, 514, 516, 517, 523, 525, 527, 530, 534, 535, 538, 544, 548, 558, 562, 625, 651, 673, 677, 684, 685, 688, 691, 692, 703, 704, 707, 708, 713, 714, 718, 720—722, 726, 732—734, 741, 748, 750—752, 757—766, 768, 771, 774.
Тургеневъ, Ал. Ник.—774.
Тургеневъ, С. И.—235, 684, 707, 725.
Тургеневъ, Н. И.—235, 264, 510, 517, 707, 758.
Тургеневы—239.
Туркестанова, княжна В. П.—685, 696.
Турчаниновъ, А. П.—20, 21, 22, 24, 25, 31, 604, 608.
Тутолминъ, Ив. Вас.—314, 715.

Уварова, Е. А.—782, 783.
Уваровъ, Серг. Сем. — 290, 383, 437, 439, 495, 506, 510, 514, 515, 521, 544, 549, 551, 641, 644, 727, 742, 748, 749, 756, 768, 769, 779—783.
Уваровъ, Ѳед. Сем.—713.
Улиссъ—39, 241, 331.
Уткинъ, Н. И.—377, 393, 421, 725, 732, 737.
Ухтомскій, Андр. Гр.—731.
Ушакова, В. П.—647.

Фамусовъ—639.
Фебъ—100, 136, 152, 189, 229, 410, 420, 740.
Федра—660, 661, 690.
Федулъ—437.
Фелица—82, 112, 117.
Фенелонъ—206, 258, 260, 305.
Ферранъ, графъ Ант.—136, 668.
Фидіасъ, Фидій—263, 451.
Филаретъ, митрополитъ—700.
Филемонъ—636.
Филимоновъ, В. С.—122, 133, 182, 212 657, 658.
Филинъ, слуга—23, 28, 109, 133.
Филлида—756.
Филоктетъ—45, 55, 336, 617.
Филомела—167, 680.
Фильдингъ—654.
Фіораванти, В.—760.
Фингалъ—606.
Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ—643.
Фіялкинъ—358.
Фонъ-Визинъ, Д. И.—90, 642, 650.
Фонъ-Визинъ, Мих. Ал.—642.
Фонъ-Визинъ, П. И.—725.
Фонтанъ—260.
Фонтенель—161, 678.
Фоссъ—240.
Францъ, императоръ—770.
Фреронъ—60, 70, 86, 167.
Фридрихъ Великій, король прусскій—89, 656, 709.
Фридрихъ-Вильгельмъ II, король прусскій—252, 261, 262.
Фуріи—304.
Фурманъ, А. Ѳ.—35, 343, 392, 610, 717.
Фурнье, Е.—678.
Фусадье, К. Вил.—545, 767.

Ханжеевъ—690.
Ханыковъ, В. В.—585, 587, 774, 755.
Хвостовъ, графъ Д. И.—69, 97, 98, 112, 125, 145, 154, 184, 185, 190, 215, 258, 273, 425, 458, 517, 560, 561, 593, 601, 658—660, 662, 683, 685, 686, 692, 696, 770, 775.
Хемницеръ, И. И.—379, 632, 726.
Херасковъ, М. М.—42, 150, 613, 659, 663, 672, 683, 725, 754.
Хилкова, княжна Пр. Ал.—647.
Хилковъ, князь Дм. Ал.—647.
Химена—361, 362, 721.
Хлестова—693.
Хоревъ—663.
Храповицкая—724.
Храповицкій, М. Е.—385, 562, 728.
Хрущовъ—11, 13.

Цейне—772.
Цирцея—770.
Цицеронъ—182, 536, 557.

Чеботарева, С. Ив.—373, 725.
Чеботарева, С. Харит.—725.
Чеботаревъ, Хариг. Андр.—725.
Чеглокова, М. А.—31, 33, 43, 46, 607.
Чеглоковъ, П. Н.—607.
Чезароти, М.—24, 605, 606, 705.
Черноевичъ, см. Муравьева-Апостолъ, А. С.
Чернышева, графиня Анна Ив.—751.
Чернышева, графиня А. Р.—725.
Чертковъ, А. Д.—612.
Ческій, Ив.—737.
Чижъ—691.
Чимароза—620.
Чингисханъ—199.
Чурила Пленковичъ—609.

Шаликовъ, кн. П. И.—48, 121, 161, 165, 167, 172, 185, 242, 389, 428, 444, 457—459, 493, 538, 559, 618, 651, 668, 678, 679, 693, 728, 743, 756, 766.
Шапъ де-Растиньякъ, графъ К. Г., см. Растиньякъ.
Шарлотта—240.
Шатобріанъ—129, 130, 135, 161, 256, 260, 261, 427, 609, 665, 667, 709, 713, 724.
Шатровъ, Н. М.—346, 718.
Шаховской, кн. А. А.—12, 44, 61, 70, 113, 118, 135, 184, 217, 424, 429, 553, 591, 600—602, 615, 618, 619, 621—623, 628, 654, 662, 664, 666, 667, 686, 702, 705, 720, 721, 729, 738, 739, 767.
Шаховской, князь Я. П.—610.
Шафировъ—664.
Шебуевъ, Вас. Кузьм.—457, 745.
Шевыревъ, С. П.—644, 671, 680, 719.
Шенигъ, Н. И.—629.
Шиллеръ—8, 239, 245, 510, 599, 646, 654, 675, 707, 758.
Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, баронъ П. Л.—770.
Шипилова, Ал. П.—198, 244, 308.
Шипилова, Врв. П.—388.
Шипилова, Е. Н., рожд. Батюшкова—1, 4, 14, 21, 27, 32, 71, 174, 181, 191, 198, 202, 215, 216, 222, 223, 225, 244, 287, 294, 340, 353, 388, 464, 507, 537, 545, 563, 597, 598, 604.
Шипилова, Праск. П.—198, 244.
Шипиловъ, Ал. Ник.—21, 604.
Шипиловъ, Ал. Пав.—21, 198, 244, 388, 563, 604.
Шипиловъ, П. Ал.—3, 4, 20, 23, 30, 32, 37, 71, 79, 80, 92, 95—98, 174—176, 181, 186, 196, 202, 222, 223, 225, 233, 285, 287, 290, 294, 296, 349, 352, 363, 364, 373, 374, 378, 379, 384, 388, 398, 415, 442—445, 464, 465, 471, 475, 478, 480—486, 490, 527, 537, 545, 547, 564, 580, 598, 604.
Шиповскій, Гр. Ив.—659.
Ширинскій-Шихматовъ, князь С. А.—601, 633, 641, 658, 685.
Ширяевъ—609.
Шитый—664, 471.
Шихматовъ, кн. П. А.—66, 69, 86, 112, 118, 123, 124, 142, 145, 148, 161, 182, 184, 258, 421, 459.
Шишковъ, А. С.—48, 61, 111, 112, 118, 121, 123, 127, 135, 136, 145, 151, 161, 171, 184, 409, 601, 612, 615, 621, 624—626, 633, 634, 647—655, 658, 664, 665, 667, 669, 670, 673, 675, 677, 680, 683, 685, 686, 732, 733, 743, 761, 763.
Шлатеръ, Г. И.—1, 597.
Шлатеръ, И. А.—597.
Шлецеръ, Хр.—171, 681, 760.
Шноръ—85, 641.
Шольё—99, 126, 128, 136, 644, 694.
Шписъ—647.
Шредеръ, Ѳ. А.—607.
Штакельбергъ, гр.—565, 573, 574.
Штаневичъ, см. Станевичъ, Евст. Ив.
Штейнъ, баронъ—707.
Штелинъ, Я.—664.
Шуваловъ, Ив. Ив.—408, 780.
Шутовской—703, 720.

Щедринъ, С. Ѳ.—540, 544, 767.
Щербатова, княжна Анна Андр.—685, 770.
Щербатова, княгиня Ек. Андр.—770.
Щербатовъ, князь Ал-й Гр.—770.
Щербатовъ, князь М. М.—631.
Щербатовы, кн.—557, 770.

Эвальдъ—715.
Эвклидъ—157.
Эгерія—101.
Эдипъ—663.
Эйлеръ—780.
Электра—662—664.
Элеонора—281, 749.
Элоиза—630, 748.
Эмиль—305, 306, 343, 714.
Энгельгардтъ, Л. Н.—688.

Эней—98, 145, 618.
Эпихармъ—636.
Эсхилъ—69.
Этьенъ—260, 709.

Ювеналъ—59, 605, 648.
Юлія—394, 731.
Юзефовичъ, В. М.—683.
Юмъ—630, 631.
Юнгъ—182, 685.
Юнона—79.
Юрій Владиміровичъ, князь—625.
Юстинъ—737.

Языковъ, Д. И.—389, 601, 612, 683, 728, 742.
Яковлевъ, А. С.—43, 83, 320, 509, 606 608, 614, 621, 623.
Яковлевъ, Пл. Ст.—408, 730.
Яковъ, слуга—30, 156, 198, 249, 285, 287, 388, 443.
Яковъ Яковлевичъ—463.
Якубовскій—375.
Ярославова—290.

Ѳадей—52.
Ѳедора—661.
Ѳедоровъ—219.
Ѳедоръ, слуга—3.
Ѳемистоклъ—336.
Ѳеокритъ—45, 616, 617.
Ѳеофанъ Прокоповичъ — 182, 664, 685, 730.
Ѳетида—281.
Ѳома, св.—256.
Ѳукидидъ—469.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
12	3	поетъ	поэтъ
56	19	ce son pays	de son pays
59	12	въ извѣстномъ стихѣ!	въ извѣстномъ стихъ!
290	13	за ушицкимъ	за углицкимъ
297	18	1884	1814
358	12	Сочиненія, Муравьева	Сочиненія Муравьева
455	25	къ Луцынію	къ Луцилію
575	2 и 24	vogage	voyage

+5,—

Biblioteka WSP Kielce
0162423